

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 13

Ответственный редактор
Д. С. Менделеева

Москва
2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г 37

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 06-04-16011

Г 37 Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13 / Ин-т мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. Д. С. Менделеева. — М.: Знак, 2008. — 880 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0262-7

Сборник включает в себя работы членов московского Общества исследователей Древней Руси, посвященные изучению различных аспектов русской литературы и культуры XI—XVIII веков. Благодаря разнообразной направленности научных интересов авторов сборник создает широкую и объемную картину наблюдений в изучаемой области.

Книга адресована в первую очередь подготовленным читателям — ученым-медиевистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам-филологам, историкам, искусствоведам.

ББК 83.3

ISBN 978-5-9551-0262-7

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОГРАФИИ

СТАТЬИ
XI–XII века

XIII–XVI века

XVII–XVIII века

ОБ ОБЩЕМОСКОВСКОМ СЕМИНАРЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Первое заседание новозаведенного семинара состоялось в ИМЛИ 29 октября 1986 г., почти через два года после смерти в возрасте 84 лет Ольги Александровны Державиной, которая в тот гнетущий период застоя постоянно повторяла: «Не надо сдаваться, надо что-то придумывать», – и время от времени устраивала заседания так называемого «актива», продолжая дело энергичной, но безвременно умершей еще в 1968 г. Веры Дмитриевны Кузьминой.

Новый семинар понадобился из-за острой нужды исследователей в профессиональной аудитории, которой хотя бы устно можно было бы доложить о результатах проводимых работ. Тогда редко что издавалось печатно по «древнерусской» специальности, а на заборе не напишешь. Принципиальным отличием семинара от ставших совсем эпизодическими заседаний преимущественно пединститутских старушек была строгая регулярность – раз в неделю обязательно, ежегодно с середины сентября до середины июня. Регулярность сотворила чудо: оживились «древники» в Москве, от пожилых до молодых. Вначале казалось, что докладчиков на семинаре хватит от силы на несколько месяцев. Но в действительности они в основном не повторялись почти три года.

Помогал семинару его неофициальный характер. Всем желающим не рассылали безликие повестки по почте, которая и работала-то из рук вон плохо, а звонили по телефону лично, и звонки эти нередко переходили в длительные беседы. Заседания семинара, как и предшествовавшего «актива», начинались в 6 ч. вечера – после работы, но регулярность этих сборищ вызывала подозрительность тогдашнего начальства ИМЛИ, которое ворчало: «Кто вас знает, чем вы там занимаетесь по вечерам».

Семинар же как бенефис докладчика получился демократическим. Председатель менялся на каждом заседании в зависимости от темы и личности выступающего. Обсуждение, не без юмора, обычно занимало больше времени, чем доклад. Каждый мог на людей посмотреть и себя показать. Возникло нечто вроде общества

взаимной пользы: докладчик, если он не был болезненно самолюбив и эгоцентричен, по реакции аудитории с резкой ясностью осознавал недостатки своей работы, а слушатели быстро оценивали для себя плодотворность методики автора. Аудиторию интересовали не сногсшибательные «открытия» самонадеянных любителей древности, а убедительные и проверяемые доказательства причинно-следственных связей, раскрытых серьезными и наблюдательными исследователями, независимо от их званий, должностей и степени авторитетности.

С 1989 г. семинар начал издавать «Герменевтику древнерусской литературы» — толстенькие сборники работ участников, сначала самые дешевенькие, в складчину. В 1991 г. на основе семинара было создано Общество исследователей Древней Руси — специально для получения грантов, и издаваемые книги стали выглядеть гораздо лучше, а семинар стали называть герменевтическим. Как воскликнула одна из участниц семинара: «Это же надо возиться со смыслом произведения!» Так была найдена ниша, отличающая деятельность общемосковского семинара от преобладающей текстологической направленности трудов санкт-петербургских «древников».

В 1990-е годы число участников семинара доходило до 300 и даже немного больше, но затем стало неуклонно уменьшаться: мода на древнерусскую литературу и культуру прошла, невыгодно и непочетно оказалось увлекаться наукой, трудности жизни заставили многих заниматься иным — коммерцией, политикой, чиновнической рутиной или всепоглощающим преподаванием. Некоторые эмигрировали.

И все же семинар пока существует, пожилые упорствуют, а молодые появляются, свидетельством чего служит очередной выпуск «Герменевтики». А в 2007 г. состоялось 700-е заседание семинара.

А. С. Дёмин

МОНОГРАФИИ

М. Ю. Люстров

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVII–XVIII вв.

От автора

О популярности шведской литературы в России русские авторы конца XIX – начала XX в. писали как о естественной и обоснованной. В предисловии к русскому изданию «Истории скандинавской литературы» 1894 г. Ф. В. Горна К. Бальмонт отмечал, что «есть нечто, тесно сближающее нас с нашими северными собратьями. И русским, и скандинавам в одинаковой степени свойственны те черты, которые делают нашу литературу популярной в Скандинавии, а скандинавскую – в России. Эти черты: широкий размах мысли и чувства, неутолимая жажда героизма, идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горький юмор» [1]. В свою очередь отсутствие (в том числе и в России) сведений о шведской литературе в первой половине XIX в. расценивалось современниками как странное и труднообъяснимое: «Как для древних Север оставался постоянно загадкою, являясь в глазах их страною вечного мрака и снегов, так и в новейшее время по какой-то странной игре случая духовная жизнь трех государств Скандинавских также мало известна, скрываясь за литературной производительностью других народов. Быть может, причина такого равнодушия к Скандинавской литературе заключается в самом географическом положении страны» [2] («Отношение шведской литературы»).

Русские авторы XVIII в. о литературе Швеции говорили мало, сочинения писателей «соседственного» государства переводили нечасто, и при этом, в отличие от авторов XIX в., на этот факт не указывали и о естественном для россиян стремлении познакомиться со шведской литературой не задумывались. Кажется, в XVII–XVIII вв. в России не замечали самого ее существования. В резуль-

тате в современных историко-литературных исследованиях этому периоду отводится роль не заслуживающей особого внимания «предыстории» русско-шведских литературных взаимоотношений: в прелиминарных главах монографий, посвященных русско-шведским литературным контактам рубежа XIX–XX вв., дается краткий обзор произведений русской литературы XVIII в., так или иначе связанных со «шведской» темой, и переводных сочинений по истории древнескандинавской литературы [3]. Если же автор-историк отмечает, что «вторая половина XVIII в. явилась... начальным периодом в истории русско-шведских литературных связей» [4], то приведенный материал скорее опровергает, чем подтверждает этот вывод.

Всестороннее исследование русско-шведских литературных отношений в XVIII в. было проведено в книгах Д. М. Шарыпкина «Русская литература в скандинавских странах» (Л., 1975) и особенно «Скандинавская литература в России» (Л., 1980), однако, как выяснилось, многие факты остались за рамками этого «сжатого очерка» [5].

Наша задача состояла не только в том, чтобы ввести в научный оборот неизвестные или малоизвестные русские и шведские тексты и таким образом расширить раздел «Русско-шведские литературные связи в XVII– XVIII вв.» книг Д. М. Шарыпкина, но и дать ответы на вопросы, не затронутые в этом исследовании или нуждающиеся в дополнительном изучении: существовал ли во второй половине XVII – XVIII в. механизм литературного взаимоотношения двух соседних и, как правило, враждебных друг другу стран; насколько широк круг переведенных в России шведских и соответственно в Швеции – русских литературных сочинений, и чем обусловливался выбор предназначенных для перевода произведений; встречаются ли в литературах обеих стран сходные, не связанные напрямую с процессом общеевропейского литературного развития явления; каким образом в литературах России и Швеции находили отражение факты истории шведско-русских политических взаимоотношений; и, наконец, какие черты «соседственного» народа обращали на себя особое внимание русских и шведских авторов?

При работе над темой привлекались произведения знаменитых шведских и русских писателей и авторов, чье творчество малоизвестно и за границей, и у себя на родине. Огромное количество русских и шведских панегириков (подчас анонимных), не только изданных, но и рукописных, позволяет уловить общее на-

строение «писательской массы» и выявить незаметные на первый взгляд точки соприкосновения русской и шведской литератур во второй половине XVII – XVIII в. Таким образом, была предпринята попытка дать всесторонний анализ русско-шведских литературных взаимоотношений в XVII–XVIII вв. и пополнить ряд книг, посвященных литературным связям России и Швеции с другими европейскими странами[6].

Исследование проводилось в Москве, Упсале, Санкт-Петербурге и Стокгольме при финансовой поддержке Шведского Института.

Выражаю глубокую благодарность за помощь и ценные советы А. С. Демину, Улле Биргегорд, Маркусу Левитту, Хансу Хеландеру, И. Ю. Виницкому, А. А. Кобринскому.

I. Литературные контакты

В XVII – первой половине XVIII столетия о литературе «соседственного государства» и в Швеции, и в России знали крайне мало; больше того, в представлении шведского автора начала XVII в. одним из доказательств варварства русских являлось отсутствие у них литературы[7]. Вместе с тем военные, политические, культурные взаимоотношения России и Швеции в конце XVII – первой четверти XVIII в. вызывали к жизни некоторые специфические литературные явления, вне всякого сомнения, подтверждающие существование в это время шведско-русских литературных связей. Так, на рубеже XVII–XVIII вв. возникла «шведская поэзия на русском языке».

В настоящее время известны стихотворные произведения знаменитого шведского лингвиста, автора словаря «Lexicon Slavonicum» Й. Г. Спарвенфельда, написанные им в 1684, 1697 и 1704 гг., а также обнаруженное нами в библиотеке университета Упсалы напечатанное в 1715 г. стихотворение некоего E. L.

Последнее сочинение входит в состав издания, посвященного бракосочетанию принца Гессен-Гассельского Фридриха и сестры Карла XII, шведской принцессы (с 1718 по 1720 гг. королевы) Ульрики Элеоноры и включающего три стихотворения одного автора. Открывает сборник «Радостная песня» по случаю «высокорадостного бракосочетания», за ней следует «Нижайшее пожелание счастья, кратко с русского переведенное на шведский», представленное русским оригиналом и шведским переводом.

Стихотворение на русском языке, подобно напечатанным русским текстам Спарвенфельда, набрано латиницей:

W` wysokom sem supruzestwe
Z` Nebesa zelajem
Wam wsaeko blagopoluczie
I` was obych blazajem
Wo serdse Dobrodjeteli
Jaco Bizer sijaut
Wysokie Roditeli
Tu slavu umnozajut
I jako welikoduschie
WAM obym jest sobstwenno
My wsi zdes suszié
Prosim unizenno
Wysokoi waschei milosti
Da by sochranili
Nas ot wsaekoi propasti
I my b` pokoino zili[8].

Примерно половина стихов этого текста написана 3-стопным ямбом с дактилическими и женскими окончаниями, и, таким образом, стихотворение E. L. относится к разряду «первых силлабо-тонических экспериментов» авторов-европейцев, писавших по-русски: переводчика «Артаксерксова действа», Й. Г. Спарвенфельда, Э. Глюка и И. В. Пауса[9]. При этом русское стихотворение шведского автора принадлежит шведской поэтической традиции: перекрестная рифма встречается в шведских, но не в русских стихотворениях XVII – начала XVIII в.[10], а название панегирика «Нижайшее пожелание счастья» («En underdånig Lyck-önskan») как перевод с русского не представлено и является типичным для произведений шведской панегирической поэзии XVII – начала XVIII в. (например, «Нижайшее пожелание счастья великодержавнейшему Королю и Господину Карлу Двенадцатому» (1698) К. Г. Шеблада (Siöblad), или «Пожелание счастья» (1713 г.) Ю. Руниуса).

В свою очередь шведский «краткий перевод» представляет собой семистишие (aabccbb), написан правильным 4-стопным хореем и, таким образом, связан со стихотворением на русском языке лишь общей темой[11]. В русском подстрочном переводе шведский «краткий перевод» выглядит следующим образом:

Высокая Пара, украшенная всеми Добродетелями,
Мы Вам желаем много Счастья
От ласкового Неба
И чтобы нежность, которая Вас питает,
Могла постоянно светить нам,
Чтобы мы могли в добром мире
Восхвалять Вас все время.

В русско-шведском панегирике «пожелание счастья» новобрачным исходит от неких «нас», которые в русском стихотворении представлены как подданные шведской короны: «мы все здесь сущие». Поскольку оригиналом объявлен русский, а не шведский текст, можно предположить, что автор «En underdånig Lyckönskan» подразумевал русскоговорящее население Швеции. Однако к середине первого десятилетия XVIII в. Швеция уже не владела территориями, населенными русскими, и попытка создания сочинения, подобного изданной в 1697 г. «Плачевной речи» на погребение короля Карла XI Й. Г. Спарвенфельда, выглядела бы неуместной. В самом стихотворении какие-либо указания на этот счет отсутствуют, но, скорее всего, издание русского стихотворного поздравления (представляющего собой «шведское стихотворение на русском языке») объясняется лишь знакомством автора с этим иностранным языком.

В Швеции начала XVIII в. было не так много людей, способных сочинить стихотворение на русском языке, и их имена хорошо известны. По всей видимости, автором поздравления 1715 г. был Энок Лиллиемарк (1660–1736), участник шведского посольства в Москве в 1684 г., в конце XVII в. переводчик губернатора Ингерманландии, а в 1701–1703 гг. – личный переводчик Карла XII [12]. В 1705 г. Лиллиемарк вместе с Юханом Шмедеманом (Schmedeman) занимался дешифровкой писем русских военнопленных (эту службу Лиллиемарк описывает в своих записках 1730 г. [13]) и, в отличие от Спарвенфельда, не смог (или не пожелал) построить с ними отношения: в тех же записках говорится, что от русских он «получал большие дары, состоящие, по большей части, из дерзких слов и покушений на жизнь» [14]; в свою очередь Лиллиемарку принадлежит «Краткий анализ русских интриг по поводу различных трактатов» (1708). К моменту издания стихотворений, в 1715 г., Лиллиемарк с русскими уже не общался, служил в Государственном архиве, и, таким образом, его панегирик является стихотворным подношением верноподданного чиновника.

В отличие от стихотворения Лиллиемарка, русскоязычные сочинения Спарвенфельда исследуются давно [15]. Известно, что русским языком он интересовался больше, нежели всеми другими известными ему иностранными (в том числе и африканскими) языками: фрагменты на русском языке встречаются в сочинениях и переводах Спарвенфельда, прямого отношения к России не имеющих. Так, перевод книги испанского дипломата Диего Сааведры Фахардо «Corona Gothica», посвященной «вестготским королям», начинается с выдержки из Послания апостола Павла Римлянам (гл. 1, ст. 14) на греческом языке и ее «славянороссийского» перевода: «Еллныем же и варварем мудым же и неразумetелным должен есмь» [16] (на 5-м листе эта цитата приводится на латинском языке). Правда, обычно появление русских переводов библейских фрагментов в текстах Спарвенфельда обосновано: например, перевод стиха 15 главы 21 Евангелия от Луки («As bo vam usta davat i Mudrost is wischnijch poslati // Budu, dawams`che nikto, nje Mogby protiw ghlagholati») предваряет стихотворное предисловие на русском языке к трактату Н. Бергиуса «Опыт о гражданском состоянии и религии московитов» (Стокгольм, 1704).

В свою очередь издание стихотворений Спарвенфельда на русском языке мотивировано их включением, в отличие от стихотворения Лиллиемарка, в состав сочинений, так или иначе связанных с русской темой (будь то трактат Н. Бергиуса или адресованная русскоязычному населению Швеции «Плачевная речь» на погребение шведского короля Карла XI (1697), которую, как известно, завершает стихотворение «Им же восточное солнце сияет...»). Исключением является стихотворение 1684 г. «Прежде неже что и речеши кому...», являющееся ученическим упражнением изучающего русский язык иностранца [17] и издания не предполагающее.

Это стихотворение создано по образцу русских силлабических виршей и написано чрезвычайно распространенным в русском виршеписании второй половины XVII в. 11-сложником. Следующее известное стихотворение Спарвенфельда, вышедшее в 1697 г., является, по мнению Т. Быковой, неудачной попыткой создания силлаботонического стихотворения [18], а изданное в 1704 г. стихотворное предисловие к трактату Бергиуса написано правильным 4-стопным дактилем [19], который, в данном случае, возник на основе того же силлабического 11-сложника. Точно так же 4-стопным дактилем написаны встречающиеся в русских силлабических 11-сложных виршах XVII в. силлабо-тонические вкрапления: «Отроча юный, от детства учися, // Письмена знати и разум потщися, // Не возленися тру-

дов положити...», или «Царь наш Феодор от царя рожденный, // Множеством царских доброт украшенный, // Нуждная юным веле вместити, // Како всем веру достоит хранити... Верни и блази, и мудри творятся» (предисловие к «Букварю языка славенска» (М., 1679) Симеона Полоцкого), или «Вскую языцы велми ся шаташа, // Людие тщетным ум свой прилагаша» («Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого) [20].

Неизвестно, существует ли аналогичное стихотворное упражнение изучавшего русский язык Лиллиемарка, однако очевидно, что его панегирическое сочинение 1715 г. с русскими силлабическими 11- или 13-сложниками не связано. Конечно, в шведской поэзии 4-стопный дактиль стихотворений Спарвенфельда был известен хорошо: в стиховедческий трактат А. Никандера «Неоспоримые замечания о шведском поэтическом искусстве» (Стокгольм, 1737) включен раздел, специально посвященный дактилю, а описанный в этой главе стих, состоящий из трех дактилей и замыкающего хорея, точно соответствует ритмическому рисунку стихотворений Спарвенфельда [21]. Однако в шведской поэзии начала XVIII в. этот размер использовался мало (не случайно в послесловии к «Собранию шведских стихотворений» (Стокгольм, 1751–1753; об этой книге ниже) А. Сальштедта отмечается, что «дактилические стопы... очень редки в нашем языке» [22]). В шведской поэзии этого времени преобладали 4-стопные ямб и хорей, а также 6-стопный ямб, реже встречается 3-стопный ямб (один из примеров – стихотворение Лиллиемарка на русском языке), 7-стопный ямб, 8-стопный ямб, 6-стопный хорей [23]. По всей видимости, в своей стихотворной практике Спарвенфельд исходил, в первую очередь, из русской, а не шведской традиции виршеписания.

* * *

Стихотворные произведения шведских авторов рубежа XVII– XVIII вв. входили в состав изданий, адресованных шведскому или русскому читателю. При этом большая часть текстов, издававшихся в Швеции на русском языке в XVII – начале XVIII в., предназначалась все-таки для русскоязычной аудитории: успешные войны с Россией приводили к активизации шведской миссионерской и пропагандистской деятельности. Потребность издавать книги на русском языке возникла в Швеции уже в первом десятилетии XVII в., во время правления короля Густава II Адольфа.

Так, в 1614 г. в Нарве вышла книга на шведском языке, называвшаяся, в переводе Д. Цветаева, «Краткое изложение и наставление о нашей христианской вере и богослужении в Швеции. Здесь также изложены кратко и опровергнуты грубейшие заблуждения, какие есть в религии русских. Написано для русских священников и всего прихода в Ивангороде, а также и для других той же веры» (книга была переиздана в 1640 г.)[24]. Авторами этого сочинения являлись известные шведские проповедники И. Рудбек и И. Пальме, имевшие опыт ведения дискуссий с православными священниками: по словам Цветаева, «Краткое изложение» появилось после того, как «Густав Адольф велел своим придворным проповедникам Рудбеку и Пальме побеседовать в Ивангороде с русскими священниками о вероисповеданиях»[25] (этот факт отмечен в предисловии к изданию «Краткого изложения»).

Как и в других аналогичных изданиях, посвященных православной религии и Русской Церкви (в 1675 г. вышла и была переиздана в 1710 г. книга пасторов И. Швабе и И. Герхарда «Цурковь Московская»[26], в 1704 г. вышел и был переиздан в 1709 г. трактат пастора Бергиуса «Опыт о гражданском состоянии и религии московитов»), непосредственными адресатами «Краткого изложения» должны были стать шведы, в данном случае готовящиеся к полемике с русскими священниками. Неслучайно некоторые разделы этого сочинения имеют названия: «Заблуждения русских о...» или «Ответ на некоторые их заявления или возражения, как то...»[27]. Однако, как следует из предисловия к «Краткому изложению», «бедный и слепой народ» русские могут «получить Божью милость благодаря помощи» короля Густава Адольфа, и, по замыслу шведского правительства, с этой книгой должен был ознакомиться и русский читатель. Считается, что русский перевод этого сочинения «предполагалось распространить среди населения оккупированных шведами российских территорий»[28], а, по утверждению Цветаева, эта книга *была издана* на русском и шведском языках[29]. Действительно, в предисловии к изданию 1614 г. содержится указ короля об издании русского текста, но о существовании «Краткого изложения» на русском языке никаких сведений нет. В «Bibliotheca Rudbeckiana» (1918) (где описаны книги XVII–XX вв., в работе над которыми принимали участие представители фамилии Рудбеков) Ю. Рудбека выражено сомнение в исполнении этого распоряжения Густава Адольфа[30].

При этом не вполне ясно, как проблема издания «Краткого изложения» на русском языке могла решиться технически: в 1614 г. в Швеции не было русской типографии[31].

Известно, что типография со шрифтом-кириллицей была открыта в Стокгольме в 1625 г. голландским издателем Петером ван Селавом. По словам А. Кана, «в царствование Густава II Адольфа в 20-е гг. XVII в. шведские власти уже располагали и рукописными пособиями по русскому языку, и словарями. Именно тогда в Стокгольме была открыта типография со шрифтом-кириллицей и напечатаны с миссионерской целью лютеранские катехизисы» [32]. Точнее, «Катехизис, си есть греческое слово, а по руски именуется крестьянское учение перечнем, что человеку подобает прежде всего учитися и ведать о спасении души своей» (Стокгольм, 1628). Книгоиздательская деятельность Селава была замечена в Москве, и появление катехизиса Лютера на русском языке вызвало гневную филиппику со стороны российских церковных властей; при этом акцент делался на недопустимости «засорять» кириллицу враждебными православию писаниями. Так, в предисловии патриарха Адриана к «Православному исповеданию веры» (М., 1696) сказано: «Мартина убо Лютера ученицы изобретши писмена словенороссийская точная, чистая и преведше на славенский чистый диалект своих им лживых догматов доводы и типом издавше изнесоша на свет свой яда полный не цвет обнюхающыя услаждающий, но терн озязающыя убодающий две книжичицы» [33].

В России эту книгу воспринимали как вредную и опасную на протяжении всего XVII в. Так, автор известного антилютеранского сочинения «Изложение на люторы» и участник полемики с лютеранскими пасторами в 1644–1645 гг. Иван Наседка в своей челобитной патриарху Филарету писал: «...от юности Лютори и Кальвини учат книгу у себя, глаголемую катихизис, иже на православную нашу веру христианскую... отнюд православным не подобает ни зрети в ню, ниже мало что слышати от нея: есть бо прелести исполнена великия» [34]. Точно так же в малоизвестном антипротестантском сочинении XVII в. (переведенном в Швеции на шведский язык) говорится: «проклинаю учение первое малым детем их книгу, глаголемую Катихисин Мартинон, написаную четверо частную, иже по прелести люторстей и калвинстей нарицаемая оглашения, ея же вси паче уст христовых от юности учат на развращение правоверным и на росказание десятословия, еже люди ввести в жидовство» [35].

Позднее стокгольмская типография Селава была продана в Амстердам, и лишь в начале XVIII в. для издания русско-латинских словарей Спарвенфельда была предпринята попытка приобрести шрифт-кириллицу у И. Копиевского, но сделка не состоялась [36].

Острая потребность в русской типографии возникла в Швеции в начале Северной войны: издание текстов на русском языке могло бы обеспечить победу в пропагандистской войне с Россией. Однако долгое время такой типографии шведы не имели.

Лишь в 1708 г., после того как мастер, печатавший русские книги в Амстердаме, направлялся вместе с типографией в Россию и в Данциге был задержан шведами, шведская сторона получила возможность издавать русские тексты, набранные кириллицей [37]. В том же 1708 г. появилось так называемое «подметное воззвание Левенгаупа», в котором, в частности, говорилось, что «многие своему государству доброжелателные российские подданные не только лишились своего имения, но и жестоким да россыским образом в конечное разорение и к тому доведены, чтоб и живот им не мил был, а некоторая часть в немилостию и в ссылку послана» [38].

Такие обвинения вызывали незамедлительную реакцию со стороны российского монарха: Карл, «...издавая к вернейшим нашим поданным Малороссийскаго народа прелестные свои письма в образ пашквилев, в которых не устыжается Нашу высокую особу и славу безчестными клеветы и фальшивостьми ругати и, во-первых, нарекати, будто мы, Великий Государь, сию войну на него без причин праведных начали и немилосердно поданных его мучить указали, которое все на нас явственная ложь есть» [39], или «нам в сих числах донесен выданный за подписью и печатью короля шведского от 16 декабря месяца прошлого 1708 года безстыдный универсал на малороссийском языке, который наполнен грубой лаи, касающейся высокой персоны нашей и ради нескладной, явной всем и простым, а не то умным людям лжи, самохвальства и киченья его удобнее может студным и возмутительным пасквилем, нежели королевским универсалом назван быти» [40].

По мнению российской стороны, опасность подобных воззваний заключалась не столько в их содержании, сколько во внешнем сходстве этих изданий с книгами, печатавшимися в России. Шведские листы могли легко выдаваться за «свои» и, таким образом, обмануть читателя: «...буде какие письма где явятся, напечатанные славянскими словами и складом славянским же к возмущению народа или хотя под каким ни есть местным образом, приводя к тому ж, чтоб тем народ обманом привести в возмущение и таким письмам отнюдь не верить и у себя не держать, хотя будет и то в них написано, будто они на Москве печатаны...» [41]. Надо сказать, что издание листовок на русском языке вменялось Карлу в вину на протяжении всего XVIII столетия. Так, в «Кратком описании славных и

достопамятных дел императора Петра Великого... представленном разговорами в царстве мертвых ... с шведским королем Карлом XII» (СПб., 1788) П. Крекшина «Король сказал: ...напечатав в Гданске многия книги на Славенском языке, в них многую разнь и премену в закон ввел и чрез то желал весь Российский народ подвергнуть противу тебя к бунту» [42].

Вместе с тем, некоторые тексты на русском языке были изданы в Швеции на рубеже XVII–XVIII вв., до появления новой русской типографии. К числу таких книг принадлежит хранящийся в упсальской библиотеке катехизис Лютера («Катехизис Лютера. Вечерние и утренние молитвы и церковное учение по-русски и шведски»), вышедший в 1701 г. в Нарве.

Как и стихотворения Лиллиемарка и Спарвенфельда, русский текст катехизиса 1701 г. набран латиницей, правда, готическим шрифтом. При этом титульный лист издания напечатан на шведском языке, каждая левая страница разворота набрана на русском, правая – на шведском языках. В русском тексте, в отличие от изданий Спарвенфельда и Лиллиемарка, использованы буквы шведского алфавита. По предположению А. Нюхольма, катехизис 1701 г. предназначался для лютеранских пасторов, ведущих миссионерскую деятельность среди православного населения принадлежащих Швеции областей. По замыслу издателя катехизиса, не владеющие русским языком миссионеры должны были читать русскоязычной аудитории катехизис на русском языке. Русский текст был транскрибирован так, чтобы этот процесс не вызывал затруднений, а издание шведского оригинала позволяло пастору, произносящему слова чужого языка, сверяться со знакомым текстом [43].

При этом напечатанные в катехизисе Лютера молитвословные тексты должны были как можно меньше отличаться от знакомых православной аудитории молитв. Так, центральная часть нарвского катехизиса – молитва «Отче наш» во всех изданных в России книгах имеет одинаковый вид (с очень незначительными расхождениями, как показано в книге Нюхольма) [44], в свою очередь шведский текст в первом шведском лютеранском катехизисе 1567 г., в книге Рудбека и Пальмы 1614 (или 1640) г. и в том же нарвском катехизисе 1701 г. имеет некоторые отличия: например, «ditt namn», «ditt rike», «din vilja» (твое имя, твое царство, твоя воля) в катехизисе 1567 г. и в издании 1614 г. и «namn ditt», «rike ditt», «vilja din» (имя твое, царство твое, воля твоя) в нарвском катехизисе. Точно так же («имя твое», «царствие твое», «воля твоя») читается эта молитва во всех русских изданиях.

Однако, по мнению Нюхольма, большинство русских слов, напечатанных в катехизисе 1701 г., были транскрибированы неправильно и, таким образом, полноценное общение шведского пастора с русской аудитории было едва ли возможно. При этом, по словам Бергиуса, сами миссионеры не были способны к такого рода деятельности. В том числе и по этим причинам попытка шведского правительства распространить лютеранство среди православного населения принадлежащих Швеции территорий в начале Северной войны успехом не увенчалась: в отмеченном Нюхольмом письме Бергиуса от 18 октября 1701 г., в частности, констатируется, что, несмотря на все старания шведского правительства, большая часть простых русских желает принадлежать к Православной Церкви, хотя они не знают этого учения, и к тому же не понимают ни слова из языка, на котором ведется богослужение [45].

Как известно, в Швеции на рубеже XVII–XVIII вв. на русском языке латиницей были изданы «Речь плачевная» и предисловие к трактату Бергиуса «О гражданском состоянии и религии московитов» Спарвенфельда. Как и катехизис 1701 г., последнее сочинение Спарвенфельда издано на двух языках. При этом и в стихотворном предисловии Спарвенфельда к трактату Н. Бергиуса (который, будучи суперинтендантом, имел прямое отношение к изданию нарвского катехизиса – по крайней мере, в «Биографическом лексиконе» Г. Гезелиуса (Gezelius) об этой книге говорится в статье, посвященной Бергиусу [46]), и в катехизисе 1701 г. разноязычные тексты располагались одинаково: на левой странице разворота печатались набранные латиницей русские тексты, на правой – их латинский (у Спарвенфельда) или шведский (в катехизисе) перевод. По замыслу составителя издания, чтение должно было начинаться с русского текста.

Вне всякого сомнения, для не владеющего русским языком шведа читать русский текст, набранный знакомой латиницей, было проще, чем текст, набранный кириллицей. Чтение кириллических книг требовало специальных знаний, которыми большинство пасторов не владело: не случайно в типографии Селава выходили пособия, обучающие шведов чтению русских книг, напечатанных кириллицей. Так, изданный в типографии Селава «Alfabetum Rutenorum» («Русский алфавит») начинается с русского алфавита с комментариями на шведском языке, затем (по образцу русских букварей) напечатаны все возможные слоги и лишь потом – набранные кириллицей молитвы. В отличие от словарей Спарвенфельда, при издании предисловия к трактату Бергиуса, ка-

техизиса 1701 г. и того же стихотворения Лиллиемарка латиница не заменяла кириллицу, а была единственно приемлемым для издания таких книг шрифтом. При этом само появление подобных текстов было вызвано отсутствием в Швеции типографии со шрифтом-кириллицей и, как результат, отсутствием возможности напрямую общаться с православным русскоязычным населением (хотя, как показывает пример издания «Плачевной речи» Спарвенфельда, такие попытки предпринимались).

Появление нарвского катехизиса 1701 г. стало результатом только русско-шведских политических, военных, культурных и т. п. отношений. Вместе с тем, нарвский катехизис был издан практически одновременно с книгой «Отче наш на 100 языках» (Лондон, 1700), призванной подтвердить единство христианского мира, произносящего на разных языках главную христианскую молитву. Естественно, в лондонском издании напечатаны и шведский, и русский тексты этой молитвы. Можно предположить, что узко миссионерская, вызванная шведскими победами в Северной войне цель издания нарвского катехизиса совпадала (возможно, случайно) с более широкой целью всеобщего христианского объединения. Частью этого процесса являлось и издание в 1705 г. в Москве Псалтири по-русски и по-грузински, «имеретинским диалектом и письмены»[47].

* * *

В отличие от катехизиса 1628 г., издание катехизиса 1701 г. не вызвало в Москве никакой реакции, по всей видимости, из-за ее «нечитабельности». А между тем в первой четверти XVIII в. лютеранские молитвы не только бытовали, но и переводились в России. Примером такого рода является сборник лютеранских молитв, завершающий книгу переведенных в России в 1718 г. воинских артикулов Карла XI 1683 г. (которые в свою очередь восходят к воинским артикулам 1621–1632 гг. Густава II Адольфа[48]).

Состав входящих в нарвский катехизис и книгу артикулов лютеранских молитв схож с молитвами из катехизиса 1628 г., хотя некоторые «военные» молитвы стали известны русскому читателю лишь из перевода 1718 г.: кроме утренней и вечерней молитв, в сборник 1718 г. входили молитвы «высокого лица командующаго над войском», офицера, «рядового салдата» и «молитва, когда полевый бой или иные страшные случаи бывают»[49].

По мысли составителя «военного» молитвословного раздела, каждый из участников сражения имел свою, приличную его званию, молитву: командующий должен осознавать ответственность за все происходящее на поле боя, в том числе и за жизнь вверенных ему солдат, и потому обязан просить у Бога «мудрость и разум увидеть, еже мне и моим вредно или полезно может быти и их не без нужды иногда непотребно в беду не весть, Господи, кровь может проливатися, рассуждая, что и они человецы, яко аз и что Спаситель Иисус их так драгоценно, яко меня искупил, и мне за их жизнь и кровь некогда ответ дати»[50]. Офицер должен просить «в брани смерти не боятися и страху ради перепятия чинить службу мне поврученную верно отправить, но наипаче почитати короля моего и отчества благосостояние неже своея жизни»[51]. Солдат же обязан просить «благодать жалованием моим удоволится и никогда ближнему моему не сотворити, еже я не хощу да ближный мой мне паки сотворил», а также «началству моему верным и послушным быти»[52].

Завершающая сборник молитва («Когда полевый бой или иные страшные случаи бывают») выделяется на фоне остальных составляющих этот раздел книги молитвословий особым эмоциональным настроем; ее должен возносить воин, находящийся на поле сражения: «Ты ведаеши, какий страшный час ныне настоит и может быть, что я токмо пядию от смерти разстояния имам»[53] (эпитет «страшный» встречается здесь неоднократно). Известно, что эта молитва была *специально* написана для подобных случаев, читалась вместе с 96 псалмом и, по словам П. Энглунда, «была центральной частью в очень важной психологической подготовке» перед сражением[54]. В Швеции молитва солдат, читавшаяся перед сражением, вышла отдельным изданием в 1675 г. и несколько раз переиздавалась.

При этом утренняя и вечерняя молитвы в стокгольмском лютеранском катехизисе 1628 г. и в книге артикулов отличаются принципиально: в сборнике 1718 г. эти молитвы возносит постоянно подвергающийся смертельной опасности солдат и угрожающий ему враг — неприятель, ночное нападение которого представляется молящемуся особенно опасным («Ах, Владыко, аще мы спим, ты бдишь; хотя темнота помешает увидети неприятеля нашего намерение»[55]). Вероятно, по этой же причине среди молитв к артикулам отсутствуют напечатанные в катехизисе 1628 г. «мирные» молитвы «пред кушаньем» и «после кушанья».

Можно предположить, что перевод этих текстов на русский язык был возможен в силу их «военной», а не вероисповедной направленности; они рассматривались как неотъемлемая часть воин-

скихартикулов. Точнотакжепереведенноев России «Основательное наставление, как минеральной воде на Медеви в Остроготии налучшее быть употребленной...» (шведский оригинал издан в Стокгольме в 1702 г.) заканчивается «молитвой по врачевании»[56].

Другой причиной появления лютеранских молитв в России может быть намерение переводчика представить *весь* оригинал, не изымая из него отдельные фрагменты, в том числе и молитвы. Не случайно на титульном листе русской рукописной книги читается не имеющая никакого отношения к русскому переводу надпись: «Свышеимянованным королевскаго величества милостивым привилегием никому здесь в государстве и в принадлежащих землях изнова печатать или из инаго места привесть и продати при отнимании книг. Писаны от Гендриха Китсера в Стеколне».

И наконец, перевод «лютеранских» сочинений – типичное для Петровской эпохи явление. Так, например, во «Введении в гисторию Европейскую» С. Пуфендорфа о Реформации говорится: «В то время чистейшаго благочестия свет в Швеции начал сияти»[57]. При этом некоторые «лютеранские» книги первой четверти XVIII в. впоследствии объявлялись еретическими, и их распространение запрещалось (такая судьба постигла изданную в 1711 г. в переводе Иоанна Максимовича книгу И. Гергарда «Богомыслие»[58]).

* * *

Среди выходивших в России и в Швеции в первой половине XVIII столетия сочинений шведских и соответственно русских авторов преобладали нелитературные произведения утилитарного характера, эстетическая ценность которых переводчиков не интересовала. В это время переводились или писались (и печатались) на языке «соседственного» народа воинские артикулы и книги по военному делу (русский перевод шведского «Учения драгунского» – РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. № 1), духовные грамоты (шведский перевод духовной грамоты Екатерины I – РГАДА. Ф. 2. № 22), манифесты, адресованные народу страны-соперницы (печатный манифест Петра I на шведском языке – РГАДА. Ф. 20. № 33), и т. п.

Вместе с тем, среди переводов русских текстов, выполненных в Швеции, фигурируют не только политические документы или законодательные акты, но и произведения ораторского искусства. Эти сочинения могли принадлежать известным авторам, являться классическим образцом жанра, и, таким образом, их перевод знакомил шведского читателя с творчеством наиболее талантливых

писателей соседней страны. Так, в 1725 г. в Швеции был издан перевод «Слова на погребение Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества» Феофана Прокоповича. Надо сказать, что в первой трети XVIII в. Феофан был известен шведскому читателю: в том же 1725 г. был напечатан перевод его обличения Феодосия Яновского, а в вышедшей в Стокгольме в 1730 г. книге Ф. И. Страленберга, посвященной истории и географии России, кроме прочего, содержался отзыв о Феофане: «Архиепископ псковский, который переводил и сам сочинил несколько отличных произведений»[59].

Шведское издание речи Феофана появилось в тот момент, когда отношения между недавно воевавшими странами стали вполне добрососедскими, и, судя по некоторым откликам, смерть Петра вызывала в Швеции сожаление: так, *«лидер голштинской партии* И. Цедергельм в письме А. И. Остерману признавался, что весть о кончине Петра I “мне не меньше болезненна была”, чем известие о смерти Карла XII»; и в этом же письме Цедергельм писал о Петре I: «великий воин паде, какого Россия никогда не имела... Не могу я своего и других сожаления о том довольно изъяснить»; далее Цедергельм подтверждал свою приверженность союзу с Россией и обещал сохранить верность «данного слова и (от) дружбы не отступать»[60].

Вместе с тем, способ оформления издания шведского перевода «Слова на погребение» позволяет предположить, что мнение шведов о российском императоре и его деяниях отличалось от точки зрения Феофана (и Цедергельма) и, несмотря на окончание Северной войны и заключенный русско-шведский военный союз, отношение шведов к Петру осталось недоброжелательным. Издание перевода речи Феофана сопровождается изображением склонившейся над могильным камнем фигуры (выражающей скорее задумчивость, чем скорбь) и подписью на немецком языке: es ist alles eitel («все суета»). Эта барочная сентенция становилась, таким образом, своеобразным комментарием к тексту: перечисленные деяния Петра лишь подтверждали бренность и тщету всего земного[61].

В Швеции «Слово на погребение» входило в состав различных конволютов и оказывалось в контексте аналогичных, по мнению составителя сборника, сочинений. Так, перевод этого произведения Феофана помещался среди изданий надгробных слов шведским королям: в одном из таких сборников (самые поздние входящие в него издания относятся к середине 1740-х гг.) «Слово» Феофана соседствует, например, с описанием похоронной процессии Карла XII (Стокгольм, 1719). Однако среди включенных в этот

конволют шведских текстов нет ни одного, оформленного так же, как «Слово» Феофана: в шведских изданиях, посвященных смерти монархов, встречаются «траурные знаки», кресты и черепа, но никакими подписями эти изображения не сопровождаются, а в издании «Процессии» какие-либо значимые графические комментарии отсутствуют. Отсутствуют они и в изданиях, не входящих в состав этого конволюта: например, в стихотворении О. Рудбека-сына «Печальная эпическая песнь» (Упсала, 1719), посвященном гибели Карла XII, или в «Мыслях о погребении короля Адольфа Фридриха» (Стокгольм, 1771). Правда, шведские сочинения, посвященные смерти королевы Ульрики Элеоноры, изображениями сопровождаются, а под одним из них читается подпись «Nemo Hic exipitur» («никто не исключение»), но эта сентенция связана с авторскими рассуждениями о добродетелях Ульрики Элеоноры и к ее заслугам перед Швецией никакого отношения не имеет. Картинка, использованная в шведском издании перевода «Слова» Феофана Прокоповича, встречается в шведских печатных «словах на погребение», а в издании речи профессора элоквенции упсальского университета Й. А. Бельмануса (Bellmannus) на смерть графа К. К. Вреде (Uppsala, 1701) имеет ту же подпись «Все суета» (правда, не на немецком, а на шведском языке), однако в этом сочинении, как и в других изданиях, оформленных таким образом, о государственной деятельности покойного речь не идет.

Другой шведский конволют, включавший «Слово на погребение» Феофана, появился накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг. и был составлен из шведских и немецких сочинений, в основном «русской» тематики, а также переводов русских документов первой половины XVIII в. Создание этого конволюта являлось частью предвоенной пропагандистской кампании, а собранные в нем документы должны были дискредитировать Россию и создать шведское общественное мнение. Так, вошедшая в этот сборник опубликованная на шведском и немецком языках духовная грамота Екатерины I после своего издания в 1727 г. вызвала протест со стороны Российского правительства: бумага была объявлена подложной, и шведскому королю предъявлен иск[62], а шведский перевод обвинительного заключения по делу Феодосия Яновского информировал шведского читателя о непорядках в Русской Церкви. Характерно, что другие переведенные и изданные в Швеции в 1725 г. русские тексты – «Описание свадьбы между ... принцессой Анной Петровной и ... герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом» и «Описание коронования ее

императорского величества Екатерины Алексеевны, которое с величайшей торжественностью праздновалось в столичном городе Москве 7 мая 1724 года» в пропагандистской войне использоваться не могли и в этот конволют не вошли.

В свою очередь шведские сочинения, посвященные гибели Карла XII, в России не переводились и не издавались. Объясняется это, по всей видимости, формально продолжавшейся после смерти Карла шведско-русской войной и обязательным присутствием в шведских текстах описаний нарвского разгрома русской армии (как, например, в «Печальной эпической песни» Рудбека-сына).

Благожелательные отзывы о погибшем шведском короле встречаются в русских переводах европейских панегириков Петру I, хотя и здесь Карл XII лишь упоминается. Так, в рукописном стихотворении «В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в день 28 сентября 1708 года» говорится, что душа Карла ходит по берегу, «где Карон без разбору велит ожидать переправы», и «пресветлейшая душа героя (или воина) по неволе в совершенном покое» [63].

Русских авторов гибель «проигравшего» Карла XII интересовала значительно меньше. В «Слове похвальном о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими» (СПб., 1720) Феофан Прокопович вспоминает о смерти Карла, естественно, в связи с военными неудачами шведов: «И что велми дивно: сами неприятели тесноту свою истинною понужденни засвидетельствовали, когда на монетах недавно в память падшаго короля своего изданных лва вервием обвязаннаго напечатали» [64].

* * *

Как и в начале столетия, во второй половине XVIII в. в России со шведского переводились, в основном, сочинения прикладного характера: «Описание о заведении смоляных и угольных печей» (СПб., 1778) Функа или «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней» Розена фон Розенштейна (М., 1794) [65]. В это же время в России были переведены труды шведских историков, лингвистов и антиквариев, а также некоторые древние скандинавские тексты. Произведения художественной литературы интересовали русских переводчиков очень мало, правда, в некоторых переведенных с «древнего готского языка»

шведских сочинениях граница между историческим источником и литературным произведением отсутствует в принципе.

В XVIII в. на русский язык были переведены (но не изданы) «Выписки касательно России; вторый том Далиновой Истории Государства Шведскаго» (РО РНБ. Эрм. № 326), «Выписки касательно Российской Истории из древних рунических книг, из Шведской истории Далина, такожде и Легербринга и из Датской истории Маллета» (РО РНБ. Эрм. № 325), «Выписка из введения в Готфския древности, а особливо о преимуществах Готфскаго языка и Исторических сведений, сочиненная Юлием Ериком Биорнером в Штокгольме 1738 года» (РО РНБ. Эрм. № 296), «Предисловие о началах и Преселениях Скандо-Готфских народов, взятое из книги под заглавием "Критические и философские рассуждения о правописании Шведо-Готфскаго и простонароднаго языков, также и о соответствии букв их с Еврейскими, Греческими и Римскими", напечатано в Штокгольме 1742» (того же Бьернера; РО РНБ. Эрм. № 309), «Достопамятности нескольких Рунических камней» (РО РНБ. Эрм. № 290).

Кроме того, в России появились переводы издававшихся в Швеции в XVII в. исландских саг[66], а также сопровождавших их комментариев шведских ученых. К числу этих переводов принадлежит «Повесть Герварская или о походах на древнем готфском языке, печатано в Упсале 1672 г.» (знаменитая «Hervarar Saga»; РО РНБ. Эрм. № 308), «Повесть о Геральде и Бозе, на Шведском языке изданная Профессором Олаем Валерием и напечатана при Упсальской академии в 1666 году» (РО РНБ. Эрм. № 307), «Выписка из Примечаний На Историю Готриция и Ролфа, зделанных Олавом Верелием к Истории Готриция и Ролфа, царей Вестро-готфских, описанной древним Готфским языком, которую Олав Варелий, древностей Государственный Профессор, издал из древнейшего Манускрипта и объяснил как новым приложением, так и примечаниями своими, а Иван Шефер снабдил оную Политическими примечаниями. Напечатано в Упсале 1664» (РО РНБ. Эрм. № 298), изданное в Стокгольме в 1762 г. «Повествование о странствующем Ингеваре и его сыне – с старого Исландского языка переведенное и изследование по поводу сего повествования древности Рунических на камнях начертаний» (РО РНБ. Эрм. № 297), а также «История о Гиалмаре, Царе Биармландском и Тулемарском, вновь выбранная из рунического Манускрипта» (РО РНБ. Эрм. № 301). Год и место издания последней книги не указаны, однако на титульном листе одного из хранящихся в библиотеке университета Упсалы экземпляров

имеется карандашная приписка: «Johanhjowirlidén Stockholm 1764». Вне всякого сомнения, здесь написано имя знаменитого шведского издателя, автора пятитомной «Catalogus disputationum in academiis et gymnasiis» (Uppsala, 1778–1780), Юхана Хенрика Лидена (Johan Henrik Lidén; 1741–1793). Правда, книга под таким названием им никогда не издавалась: «Historia Hialmari regis Biarmlandiae» выходила в Швеции в 1700, 1703, 1710 и 1721 гг. В свою очередь русские переводы были выполнены в последней четверти XVIII в.: большая часть перечисленных шведских изданий находится среди книжных даров, поднесенных Густавом III Екатерине II[67]. Возможно, само появление русских переводов саг, комментариев к ним и шведских исследований XVIII в. было связано с занятиями российской императрицы древней русской историей.

В России эти произведения стали известны в научном кругу значительно раньше конца XVIII столетия и использовались при создании трудов по русской истории. В частности, В. Н. Татищеву был хорошо знаком содержащийся в них материал, а с автором некоторых из перечисленных ученых сочинений, секретарем коллегии древностей Э. Бьернером он встречался во время своего пребывания в Швеции в 1724–1726 гг. и, как известно, вступил с ним в научную полемику[68]. Работая над «Историей Российской», Татищев нуждался именно в этих шведских изданиях: «...весьма нужно для лапландцев описания шведских авторов, яко Рудбека и Шефера, *или нет ли финляндской гистории на латинском или шведском языках*, оные на мой щет выписав, прислать также и шведских древних гисторей о бярмах, городариках, колмогардах, вятах прилежно выбрать, которые к изъяснению русской древности весьма нужно»[69].

В «Истории Российской» упоминаются некоторые из названных шведских книг XVII в.: «На камне, изданном от Генрика Куриона в гробовых камнях ис карт Лаврентия Бурея (означено): Сигвирд и Ингварь, и Ярлабангий приказали вырезать гробовой камень отцу своему Ингварду и брату своему Ронгвалту»[70]; «О Финландии, подданной российской, свидетельствует книга Герворар сага»[71]; «Олай Верелий при конце истории Герварда и Бозы между протчими древняго народа именами от гробовых камней издал: Рорикр и Рурик»[72].

При этом и Татищев, и шведские издатели XVII в. видели в древних текстах лишь исторический источник: в русском переводе «Повести Герварарской» сказано, что «в Упсальской библиотеке ... хранятся, по мнению г. Верелия, многие древние исторические сведения»[73]); в примечаниях к переводу повести, заимствованных из

обширных комментариев на латинском языке к исландскому оригиналу, дается научное подтверждение содержащихся в ней исторических сведений («Для доказательства о бытии великанов приводится то, что Олав Рудбекский профессор медицины, подняв надгробный камень, разсевшийся на многия части в Ерентунской волости, отстоящей от Упсаля на одну милю, нашел под ним человеческие кости почти истлевшие, но вынув часть ребра, нашел по пропорции, что человек тот должен быть ростом 12 фут» [74]), а в предисловии к шведскому изданию «Саги о Геральде и Бозе» о времени действия «Повести» говорится как о древнейшей эпохе [75].

В то же время литературность «Повести о Геральде и Бозе» была явной настолько, что в исландском оригинале (а следом за ним – в шведском и русском переводах) содержится специальное указание на ее «историчность»: «Повесть сия начало свое имеет и выдумана не для какого-либо тщетнаго увеселения или шутки, но справедливость оной удостоверяется родословием и старинными пословицами, которые из описуемых здесь приключений имеют свое происхождение» [76]. Действительно, «рыцарствующие» герои этой саги побеждают многочисленных врагов, попадают в плен и, обращаясь к волшебству, избегают казни, при помощи плаща-невидимки спасают принцессу, выполняют требование короля достать «ему яйцо, на котором означены золотыя литеры» [77], побеждают чудовищного зверя, «которой проклят и околдован: что оным охраняется означенное яйцо и что к нему никто без потеряния жизни своей не может приближится» [78], спасают назначенную в жертву чудовищу женщину и т. д. (в предисловии Верелия к шведскому изданию саги говорится, что в языческую эпоху колдовство было весьма распространено). Характерно, что русский переводчик этого сочинения обращается с оригиналом не как с историческим источником и считает возможным его «улучшать»: если в исландском тексте говорится, что отрицательный герой, бастард Сиот подговаривает придворных нанести Бозу оскорбление во время игры, а тот, разгадав их замысел, в первый день повредил королевскому служителю руку, во второй сломал сопернику ногу, а в третий одному выбил глаз мячом, а другому сломал шею, то в русском переводе первой жертвой Боза стал сам Сиот, а «другой» исландского оригинала и шведского перевода в русском тексте становится «первым».

Переведенные на русский язык древнескандинавские тексты сильно разнятся стилистически. Так, встречающиеся в «Повести о Геральде и Бозе» рассказы о сражениях и поединках выглядят сухим изложением фактов и подробных описаний не предполагают: Боз

встретил Сиота в море, «вступил с ним в сражение и, наконец, вошедши к нему на корабль, отрубил ему голову в отмщение за то, что Сиот отца его ограбил» [79], или «Боз с ним долгое время сражался и наконец вонзил копье свое в сердце сего чудовища и его умертвил» [80] (в предисловии к изданной в Стокгольме в 1715 г. «Wilkina saga» стиль «древних северных исторических повествований» назван «серьезным», а не «жеманным и необычным»). В свою очередь в «Истории о Гиалмаре, царе Биармландском и Тулемаркском» при изображении единоборств широко используются эпитеты и перифразы: «Между тем происходил жесточайший бой с Вагмаром и Грамуром до тех пор, пока обезсиленный Грамур не мог стоять на ногах. Вагмар порывался внезапно напасть на Грамура, дабы им пожертвовать кровожаждущему своему мечу, однако сам от него унзен был смертельно» [81]. В обоих случаях русский переводчик стремился воспроизвести стиль шведского или латинского перевода исландской саги, при этом сильно сокращая текст оригинала. Так, в «Повести Герварарской» дословно переведены разделы, имеющие отношение к истории России, в остальных случаях русский переводчик ограничивался кратким пересказом глав, например: «Глава III. В ней повествуется о морских разбоях и воинских походах богатыря Андгрима в областях Свафурлама, где он, грабя и разоряя селения, убил Царя Свафурлама и взял себе дочь его Эйвору» [82], или «В сей главе упоминается только о том, что Гейдекер, раскаиваясь в братоубийстве, удалился в лес и, пристав к разбойникам, сделался над ними предводителем, а после того принял правление над народом» [83] (кратко пересказана и центральная, 19-я глава «Hervarar saga», в которой «готы защищали свою свободу и отечество от Гуннов»).

Точно так же русский переводчик избегал включать в свои тексты песни, встречающиеся в шведских изданиях в большом количестве. Редкие исключения – «Достопамятность нескольких Рунических камней», содержащая прозаический перевод стихотворного текста (в русской рукописи – рисунок № 41): «Гилдиур Мудрый и Пиит воспевает: “Когда наследники, жадные ко имению в Швеции оное получают, то подлые делаются благородными. Проходят Зима и Лето, занявши множество покоев (т. е. от века на век), возрадуется всяк, в Швеции имеющий богатство”» [84]; а также выписка из примечаний к «Истории Готриция и Ролфа, царей Вестро-готфских», включающая следующий стихотворный фрагмент: «Регнар, будучи весь покрыт ранами от змиев, при последнем издыхании воспел следующую песнь:

Оставим все теперь,
Меня зовут там девы,
Отверз где Один дверь,
Мне сладки их напевы.
Иду я пиво пить
В чертог с его друзьями.
Уж полно жизнь мне жить,
Я разлучаюсь с вами»[85].

Знаменитый король Рагнар Лодброк (плененный во время неудачного похода в Англию, убитый по приказу английского короля Эллы и отомщенный своими сыновьями) в самой «Истории Готриция и Рольфа» не упоминается; его предсмертная песнь читается в латинских комментариях к слову Вальгалла (в первой главе «Истории») и напечатана на исландском и латинском языках. Шведский текст песни в примечаниях отсутствует, и, следовательно, русский стихотворный перевод был сделан с латинского перевода исландского оригинала.

Известно, что процитированная Верелием «Смертная песнь Рагнара Лодброга» является фрагментом баллады XII в. «Песнь Краки» («Krakimel»), авторство которой традиционно приписывается скальду Браги Бодвассону[86]. Впервые эта состоящая из 29-ти строф баллада была издана руническим шрифтом в сопровождении латинского перевода датским историком и антикварием О. Вормом в «Literatura runica» (1636, второе издание – 1651). Затем исландский оригинал и его стихотворный шведский и прозаический латинский переводы были приведены в книге Э. Бьернера «Северные боевые подвиги, собранные во множестве саг о древних королях и героях» (Стокгольм, 1737) в тексте «Саги о Рагнаре Лодброке и его сыновьях» (эта книга, включающая 13 саг, числится среди подаренных Густавом III Екатерине II изданий, но, как и «Круг земной» (Стокгольм, 1697) Снорри Стурлусона, на русский язык переведена не была).

Во второй том «Истории Дании», имеющий название «Памятники поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов» (Копенгаген, 1756), швейцарского ученого П.-А. Малле (1730–1807) входит французский перевод песни Рагнара, восходящий, по всей видимости, к латинскому переводу книги Бьернера.

В России второй половины XVIII в. «Песнь Рагнара Лодброка» была хорошо известна в прозаических переводах с французского и

немецкого[87]: перевод французского текста Малле был напечатан в его «Введении в Историю Датскую» (СПб., 1785), перевод немецкого текста И. Г. Козегартена – в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (№ 8, 1795 [88]) («“Смертная песнь Регнера Лодброга, короля датского” с немецкого, из Козегартена», немецкий текст написан в 1788 г. под влиянием перевода Малле).

Являющееся заключительной, 29 строфой «Песни Рагнара Лодброка», стихотворение из примечаний к «Истории Готриция и Ролфа» воспринималось русским автором как самостоятельное произведение. Вне всякого сомнения, русский переводчик следовал здесь за шведским автором, который в латинских комментариях к «Истории Готриция и Ролфа» эту песнь фрагментом не назвал и представил ее как отдельное стихотворение. Надо сказать, что некоторые основания для этого он имел: в отличие от других десятистишных строф, эта строфа является восьмистишием и не имеет характерного зачина (в русском переводе книги Малле, читающегося как «Мы бились ударами меча», а в переводе Козегартена – «Мечами бились мы»). Хотя, по всей видимости, исландский текст Верелий заимствовал из «Literatura runica» О. Ворма, где эта песня издана целиком. В свою очередь русский переводчик на издание Ворма не ссылался и ориентировался лишь на комментарии ученого шведа, переведшего исландский фрагмент на латинский язык (приведенный в его комментариях латинский перевод 29 строфы текстуально отличается от латинского перевода Ворма) [89].

Появление среди русских переводов саг и комментариев к ним лишь этого стихотворения имеет свое объяснение: в отличие от прочих включенных в древнескандинавские сочинения поэтических текстов, восьмистишие из песни Рагнара Лодброка воспринималось русским переводчиком не как стихотворная и, значит, не имеющая, на его взгляд, научно-исторической ценности вставка, а как часть научного комментария. По этой же причине единственный стихотворный перевод песни был выполнен с латинского языка, на котором написаны все включенные в издания Верелия научные комментарии. По всей видимости, стремлением русского переводчика работать с «научными» книгами объясняется его предпочтение латинских переводов исландских текстов шведским, даже если шведский издатель использовал латынь как «интернациональный», а не «научный» язык.

Среди шведских изданий древнескандинавских текстов существуют два очень близких текстуально произведения о Гиалмаре: «Hjalmars o. Ramers saga» (Uppsala, 1690) на шведском языке и

«Historia Hialmars regis Biarmalandice» (Stockholm, 1721) на шведском и латинском языках. Среди книг, преподнесенных Густавом III Екатерине II, числится только «Historia Hialmars regis...», следовательно, русский переводчик имел возможность работать как со шведским, так и с латинским переводом исландской саги. Он остановился на латинском переводе: имя героя Грамур ближе к Hramurum латинского, чем к Hramer шведского текста, точно также Чарко – перевод латинского Harko, а не шведского Harke; кроме того, в русском тексте встречаются военный трибун, «Циклопова стрела», Парки, «сонмы горных чудовищ и Исполинов» – все эти названия заимствованы из латинского текста. В шведском оригинале в этом фрагменте называются великаны, «женщины судьбы» и горные тролли (эти мифологические персонажи призываются героем в «волшебном стихе», который читается только в «Historia Hialmars regis Biarmalandice», в «Hjalmars o. Ramers saga» этот «стих» отсутствует: по словам шведского издателя, «здесь не достает целого листа»).

В результате русская «История о Гиалмаре» представляет собой затейливое смешение римских и скандинавских реалий: «...потом военный трибун связан был узами и вввержен в темницу, который по жестоком мучении в следующую ночь ушел к Одину в Валгаллию»[90]. По всей видимости, создание в тексте перевода древнескандинавского колорита не было целью русского переводчика; точно так же «скандинавские» поэтические образы, вне всякого сомнения мало понятные русскому читателю, оставлялись им без объяснения.

Характерно, что некоторые фрагменты древнескандинавских историй русскими переводчиками не комментировались. Так, во включенной в указанную книгу Бьернера «Песне о Карле и Гриме» упоминаются некие «морские женщины», которые сопровождают корабли и «глотают корабельную смолу» (в латинском переводе эти женщины названы «нептунскими»). В свою очередь в русском переводе французского перевода «Истории о Карле и Гриме, королях Шведских, и о Гиалмаре, сыне Гарека, короля Биармии» Малле сказано: «весь сей поход был толико быстр, как молния, и морские женщины едва им следовали для пожрания смолы, которою их корабли обмазаны»[91]. Едва ли русский читатель имел представление о том, кто такие эти женщины и зачем они едят корабельную смолу (в «Hervarar saga» герой Гедрекер отгадывает *загадки* о женщинах-волнах, однако в русском переводе этот фрагмент отсутствует).

Точно так же из русского перевода «Истории о Гиалмаре» не ясно, является ли Один «Шведским царем» или богом и что зна-

чит «уйти к Одину» (в отличие от русского перевода, в шведском издании сказано: «это значит, что он умер» [92], вероятно, русский переводчик отказывался от комментария не из-за незнания предмета, а скорее из-за нежелания углубляться в эту тему). Правда, сведения об Одине содержались в других переведенных на русский язык сочинениях.

Как следует из примечаний к «Истории Готриция и Ролфа, царей Вестоготфских», Один – «царь Швецкий, пришедший из Азии. От него восприняли свое начало всех Северных царей славнейшие поколения» [93]. Во «Введении в Историю Датскую» (СПб., 1785) Малле говорится, что «некоторая чрезвычайная особа именем Один в древние времена государствовал в Севере... он там сделал великие перемены в правлении, обыкновении и в вере и ... ему оказывали также божеские чести» [94], в «Истории Датской» (СПб., 1765–1766) Л. Гольберга – что «...азиятский князь Один был первой основатель северных государств» [95] и что «он (как некоторые думают) жил во времена Помпея Великого и вышел из Малой Азии в то время, как Помпей победил Митридата и других ближайших к нему народов» [96], в «Истории Российской» Татищева (книга первая была издана в 1768 г.) – что «Одинус в Швеции владел монархиею с самодержавным владением» [97].

Перечисленные рукописные переводы шведских изданий XVII в. представляют собой корпус произведений древнескандинавской литературы. Другим сборником таких сочинений является «Введение в Историю Датскую» Малле, включающее упоминавшуюся выше «Историю о Карле и Гримме», Эдду и комментарии к ней (из которых следует, что «Едда была токмо наставлением в стихотворстве и употреблению молодым Исландцам, которые назначали себя к тому, чтобы быть Скальдами или стихотворцами» [98], а само это слово «происходит от одного знаменования на древнем Готфском языке, означающего прабабушку» [99]) и «Висы радости» Гаральда Сигурдарсона. Сюжет вис был хорошо известен в России и разрабатывался в русской поэзии рубежа XVIII–XIX вв.: Н. А. Львовым в «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго» (1793) и И. Ф. Богдановичем в «Песни храброго шведскаго рыцаря Гаральда» (1810) [100].

Называя Гаральда рыцарем, Богданович следовал за Малле, воспринимавшем героев древнескандинавских историй именно так: «в каком бы месте мы ни открыли древние Северные истории, то мы везде увидим рыцарей столь же вежливых, сколь и неустрашимых» [101]. В апрельском номере 1789 г. журнала «Беседующий гражданин» рыцарство определялось следующим

образом: «сия степень состояла из благородных особ, обязавшихся торжественною присягою, не щадя имения и крови своей, защищать закон, вдов, сирот и утесненных» [102], однако из русских переводов шведских изданий XVII в. следует, что рыцарскими деяниями мог называться и чинимый конунгами разбой (если, конечно, им занимались положительные герои саги): «Из Дании отправились они в Смоландию, рыцарствуя везде, куда ни приезжали, и чрез то достали себе великие сокровища» («Повесть о Гаральде и Бозе» [103]; в шведском оригинале – «грабя»).

Не случайно в России 60-х гг. XVIII в. деяния героев древних историй становились скорее источником нравоучительных рассуждений в духе публикаций журнала «Полезное увеселение». Так, замечание Л. Гольберга в «Истории Датской» (СПб., 1765–1766), что пиратство «в тогдашнее время у Северных королей в обыкновении было и они возвращались домой с великою добычей. Тогда почитаемо было за храбрость и доброе качество, чтоб быть разбойником; а особенно принцы почитаемы были за ничто, когда они не хаживали на добычу», сопровождается комментарием переводчика Я. Козельского: «Сему странному и вредному обычаю не надлежит удивляться. Он был не в одне сии древния и отдаленныя времена, а и ныне в силе. Нынешней свет как ни хвастает себя политичным, однако он неважное перед прежними временами получил, да и получил ли приращение в добродетели; а разность только в том, что теперешние люди не так просто, как прежние, а искуснее обижают своих ближних» [104].

* * *

Среди изданных в России во второй половине XVIII в. шведских книг исторического содержания существует сочинение, не имеющее отношения ни к скандинавской, ни к русско-шведской истории и посвященное хорошо известной русскому читателю теме – Иудейской войне и разрушению Иерусалима Титом. Можно предположить, что появление шведского перевода объясняется популярностью этой темы в России на протяжении всего XVIII столетия: начиная с 1713 г. многократно переиздавалась «История о разорении последнем святого града Иерусалима от римскаго цесаря Тита, сына Веспасиана» (последнее издание этой книги в XVIII в. датируется 1793 г., а в 1795–1796 гг. вышла «История о последнем разорении святого града Иерусалима и взятии Константинополя»).

Перевод со шведского, выполненный переводчиком и издателем И. Зедербаном, имеет название «Краткое описание о жалостном разорении Иерусалима» (М., 1792) и, по мнению Д. М. Шарыпкина, является завезенным в Россию пленными офицерами Карла XII переложением «Повести о разрушении Иерусалима» Иосифа Флавия [105] (в представленном Г. А. Некрасовым списке сочинений шведской тематики, изданных в России XVIII в., эта книга также значится как перевод истории Иосифа Флавия [106]). Однако какая именно шведская книга была переведена в России, исследователи не указывают.

Как и в России, в Швеции книги, посвященные Иудейской войне и взятию римлянами Иерусалима, печатались на протяжении всего XVIII в. Существует два шведских издания XVIII в. на эту тему: выходивший в Стокгольме с 1713 по 1752 г. шеститомник «Иудейской истории» Иосифа Флавия (последний том содержит «добавление от разрушения Иерусалима до настоящего времени, взятое из истории барона Гольберга о евреях») и «О римском императоре Тите, который как полководец осуществил жалостное разорение Иерусалима, захватил иудейскую землю и положил конец иудейскому государству, затем взошел на трон, был добродетельнейшим императором и благодетелем своего народа...» (Стокгольм, 1771), являющееся сокращенным шведским переложением немецкого сочинения «Жизнь императора Тита» профессора Лейпцигского, а затем Геттенбергского университета Ю. М. Шрекка (Schröckk). Немецкий текст входит в состав берлинского издания «Всеобщие биографии» Шрекка и опубликован в томе 1769 года. В свою очередь шведское издание «О римском императоре Тите» включено в книгу «Жизнеописания», собранную известным книгоиздателем, публицистом и собирателем старинных грамот и исторических документов К. Х. Гьервеллом (Gjörwell) и составленную из рассказов о различных персонажах европейской истории.

Как следует из названия шведского издания, Гьервелла интересует, в первую очередь, жизнь почитаемого в Швеции римского императора (в оде «На мир, заключенный в Верели» (1790) А. Бергштедта (Bergstedt) Густав III сравнивается с Соломоном, Траяном, Цезарем, Александром Македонским и Титом [107]), и, поскольку наиболее известным его деянием было покорение Иерусалима, Иудейской войне в этой книге уделяется чрезвычайно много внимания. При этом Тит признается одним из величайших исторических персонажей, а разрушение Иерусалима крайней и вынужденной мерой: в предисловии к шведскому изданию книги «О римском императоре Тите»

сказано, что римский полководец был «вынужден не завоевать, а разрушить Иерусалим», чья гибель стала «одной из величайших божьих кар»[108]. Поэтому в названии шведского издания говорится о «жалостном разрушении» Иерусалима.

В свою очередь в названии книги Шрекка «Жизнь императора Тита» никаких оценок произошедшего события не содержится, разрушение Иерусалима не определяется ни как «жалостливое», ни как «последнее». Зато вышедшая в Стокгольме в 1607 г. переработка книги Иосифа Флавия имеет название «История о жалостном разрушении Иерусалима, коротко описанная», и, возможно, она находилась в поле зрения Гьервелла. Правда, какие-либо текстуальные совпадения в шведских книгах XVII и XVIII вв. отсутствуют и, судя по всему, перед автором XVII в. стояли иные, нежели перед Шрекком и Гьервеллом, задачи. Так, фигура римского полководца Тита шведского переводчика XVII в. интересовала мало, значительно больше внимания им уделено новозаветной истории. Не случайно это сочинение входило в одно издание с катехизисом Лютера и книгой псалмов (Стокгольм, 1627).

Именно «История о жалостном разрушении Иерусалима, коротко описанная» является источником русского «Краткого описания о жалостном раззорении Иерусалима». Выбор И. Зедербаном лютеранского сочинения XVII в. (а не «внеконфессиональной» истории XVIII в.) может объясняться композицией, включающей его перевод книги: «христианский» текст соседствует здесь с «переведенной с турецкого» «мусульманской» сказкой («Ах, какая прекрасная сказка»; в данном случае имеет значение авторское намерение объявить этот текст турецким). По всей видимости, И. Зедербан включил в эту книгу сочинения, относящиеся к различным жанрам и появившиеся в странах, принадлежащих различным культурам: турецкий текст – сказочный, шведский – исторический; в турецком тексте присутствуют мусульманские, в шведском – христианские реалии; в турецком тексте действует восточный правитель Гарун аль Рашид, в шведском – римский полководец Тит, и ничего специфически шведского в «Кратком описании» не содержится.

Вместе с тем, последнее отличие дает основание говорить о «точке соприкосновения» шведского «описания» и турецкой «сказки»: в обоих случаях разрабатывается «восточный» сюжет. В переводе турецкого сочинения сохранен восточный колорит (главным героем сказки является дервиш, или, как объясняет переводчик, пустынник), в «Кратком описании» рассказывается об Иудейской войне и «жалостном разорении» восточного города («Таким обра-

зом, сей прекрасной и славной по всему Востоку град имел жалостной от разорения конец» [109]).

Появление же в качестве оригинала русского перевода шведского произведения, вне всякого сомнения, связано с «прошведской ориентацией» издательства Зедербана (среди опубликованных в нем европейских сочинений шведские тексты встречаются достаточно часто, например: сразу после покушения на шведского короля Густава III в том же 1792 г. Зедербаном были изданы переведенные со шведского листы «Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля швецкаго» и «Достоверное известие о убивстве его величества короля швецкаго... 10 апреля 1792 г.»). Кроме того, по замыслу Зедербана, указанное издание должно было состоять из сочинений, созданных в Швеции и Турции, с которыми Россия только что закончила войну (об этом – ниже); характерно, что изданная одновременно со шведским вариантом «История о жалостном разрушении Иерусалима, коротко описанная» на немецком языке внимание Зедербана не привлекла.

* * *

Источники других изданных в России переводов со шведского или сочинений шведских авторов выявляются без особого труда, и само появление этих переводов представляется вполне мотивированным. Так, событиям шведской истории XVII в. посвящен вышедший в Москве в 1788 г. «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии Тридцатилетней войны за веру» Карла Ингмана (1747–1813).

Автор этой книги – «авантюрист густавианской эпохи» (так названа вышедшая в 1901 г. книга Х. Фрединга), известен тем, что в 1777 г. похитил принадлежавшие русскому двору сокровища: корабль, направлявшийся из Любека в Петербург, потерпел крушение недалеко от Нюланда, находившиеся на нем 11 шкатулок с золотом были спасены, и их передача русской стороне поручена чиновнику иностранной экспедиции К. Ингману; тот, испытывая денежные затруднения, шкатулки заложил, после чего бежал в Норвегию, затем под вымышленным именем

Мандерфельд жил в Копенгагене, оттуда направился в Гетеборг, а потом – в Венецию [110].

В политической борьбе начала 70-х гг. Ингман сразу же встал на сторону Густава III и как издатель обеспечивал ему пропагандистскую поддержку на протяжении всего правления (заслуги Ингмана были оценены: в 1790 г. он получил титул графа Мандерфельда). Литературная деятельность Ингмана была подчинена той же цели: в 1770 г. он издал сатиру «Картина шведского мира», где заявлял о своей верности кронпринцу Густаву и именно с ним связывал возможное спасение Швеции; в 1771 г. Ингман опубликовал стихотворные «Мысли по случаю возвращения его Королевского Величества в Швецию», где высказывалась та же идея («он может и хочет улучшить Шведскую страну» [111]), и, наконец, в 1772 г. посвятил Густаву III приветственную речь. В каждом панегирике Ингмана проводится одна и та же любимая Густавом III мысль о преемственности трех шведских Густавов: Густава I Вазы, Густава II Адольфа и Густава III: «Там ждет Тебя добродетель Вазов» [112] (предисловие к «Картине шведского мира»), «Он имеет дух рода Великого Густава» [113] («Мысли»); звучит она и в изданном в Стокгольме в 1776 г. «Монументе»: «Есть ли бы времена Густава Адольфа с щастливым их правлением, которое теперь паки процветать начинает, непрестанно цвели между нами...» [114] (в русском переводе 1788 г.).

Правда, в Европе и в Швеции Густав Адольф всегда воспринимался в первую очередь как выдающийся полководец, король-воин; так, в речи М. Чевентера (Keventer) 1776 г., посвященной Густаву III, сказано: «Великим королем был Густав Адольф, который сделал шведское оружие уважаемым и пугающим в самом сердце Римского государства» [115]. Поэтому сопоставление Густава III с Густавом Адольфом особенно часто использовалось в панегириках военного времени: в написанной во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. «Речи на день рождения Густава III» (Або, 1789) Ю. Натхорста (Nathorst) говорится, что Густав III «так же велик среди королей, так же богата великими мужами и так же обширна его страна, как во время Густава Адольфа» [116].

Однако в 1776 г. военный аспект деятельности шведских Густавов был не актуальным (в речи Чевентера Густав Адольф – не главный, а лишь один из многих великих предшественников Густава III). Единственное издание «Монумента», вышедшее во время войны, – русский перевод 1788 г. Но непосредственного отношения к начинавшейся русско-шведской войне русский пе-

ревод этой книги, по всей видимости, не имел. В противном случае было бы трудно объяснить появление в нем многочисленных комплиментов в адрес шведской стороны, например: «Шведское благородство подобно древним Римлянам в добродетельном их веке не знало другаго пути к счастию, как путь своих предков, то есть путь чести» [117]. По всей видимости, прямая зависимость между внешнеполитическими событиями и литературным творчеством существовала далеко не всегда: в 1789 г. Густавом III была написана пьеса на «русскую» тему «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина», не связанная с русско-шведской войной никоим образом. Вместе с тем, в конце 80-х гг. XVIII в. в России было издано сразу несколько произведений, посвященных шведской истории и ее королям («Письмо барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швеции» (СПб., 1788), «История о знатнейших европейских государствах» (М., 1788) (являющаяся переводом лекций профессора И. Г. Рейхеля, прочитанных им в Москве в 1773–1775 гг.), «Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (М., 1789), «Известия, служащие к истории Карла XII, короля Шведского» (М., 1789) В. Тейльса), и «Краткая история королевской шведской фамилии, именуемой Густавов, начинающаяся от короля Густава I до нынешнего царствующаго короля Густава III» (М., 1790), и, следовательно, «Монумент» оказывался в контексте сочинений аналогичной тематики.

Одной из причин издания «Монумента» в России могла стать пророссийская позиция его автора: в книге, в частности, говорится: «Россия – государство в тогдашние времена наиболее известное своим безсилием, непросвещением и внутренними неустройствами, но в последовавшее время обновленное великим духом, но ныне уже превышающее могуществом и славою прочие государства» [118] (подобные комплименты в адрес Петра встречаются в изданных в России переводах иностранных авторов достаточно часто, так, в «Записках Христины, королевы Шведской с примечаниями г. Д'Аламбера» (СПб., 1774) сказано, что «не должно быть удивительно, что Христина не имела великолепного приема при дворе Французском, есть ли представить, сколь слабое внимание сего двора обратил к себе Петр Великий, Российский император, будучи тамо в 1737 г. [в тексте опечатка, правильно – 1717. – *М. Л.*], который был много превосходнее Христины» [119]. В то же время появление в тексте «Монумента» этого «прорусского» фрагмента можно объяснить некоторыми

обстоятельствами жизни Ингмана: в 1775 г. как ординарный копиист в иностранной экспедиции он был приписан к секретарю в Дрездене и через год переведен в Петербург.

Русский перевод «Монумента» сделан с немецкого перевода, изданного в Петербурге в 1783 г. Выход этого издания, по всей видимости, был связан с тем обстоятельством, что начало 80-х гг. было периодом шведско-российского политического сближения, основанного на личной дружбе («продолжительной, хотя и не всегда искренней» [120]) правящих в обеих странах монархов; в это время велась интенсивная переписка между Екатериной II и Густавом III [121], а в 1783 г. состоялась их встреча в Финляндии. Характерно, что изданный в России немецкий перевод книги Ингмана посвящен члену Российского Государственного Совета, кавалеру российских и шведских орденов, по всей видимости шведу (или эстляндцу), Маттиасу фон Ееку.

Немецкий перевод 1783 г. был опубликован известным петербургским издателем К. Т. Дальгреном. Необходимо отметить, что большая часть произведений шведской тематики попадала в Россию через «шведских» издателей: в Петербурге находилась типография Дальгрена (издавшего перевод напечатанного в Швеции «Достоверного известия о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля швецкаго»), в Москве – И. Зедербана. При этом среди издаваемых Дальгреном книг доля сочинений на европейских языках чрезвычайно велика, но произведения на шведском языке среди них отсутствуют.

То обстоятельство, что русский переводчик в качестве языка-посредника использовал немецкий язык, – случай редкий, но не исключительный, например: шведское «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней» (М., 1794) также переведено на русский язык с немецкого. В свою очередь немецкий перевод «Монумента» был выполнен со шведского оригинала, изданного, как было отмечено, в Стокгольме в 1776 г. Кроме вышедшего в России немецкого перевода, в том же 1783 г. в Копенгагене был издан французский перевод «Монумента». По всей видимости, книга Ингмана была хорошо известна в Европе, при этом издавалась она в тех городах, где приходилось бывать ее автору: несмотря на существование изданий на немецком и французском языках, ни в Германии, ни во Франции, ни в Голландии, где Ингману бывать не приходилось, она не выходила.

Единственным исключением является Москва, которую Ингман, судя по всему, также никогда не посещал. Правда, в издании вышедших в России текстов «Монумента» Ингман участия не принимал: в них, в отличие от стокгольмского или копенгагенского изданий, отсутствует авторское предисловие и посвящение.

Главная тема «Монумента» – военные победы шведской армии Густава II Адольфа, который в России второй половины XVIII в. олицетворял былую шведскую военную мощь и славу (о преемственности трех Густавов в России не говорили никогда). В вышедшей в Петербурге в 1792 г. книге «Слава русских и горе шведов» одной из причин неудач шведов в последней войне с Россией называлось отсутствие в современной Швеции полководцев, равных Густаву Адольфу или Карлу XII (в Швеции, как будет показано ниже, говорили о военных неудачах России): «...кто приводит вас в заблуждение, о храбрые Скандинавы! Уже нет более ваших Карлов и древних Густавов; прошли времена, для вас счастливые, в которых, сражаясь с народом еще непросвещенным, вы мужеству его противополагали искусство» [122]. В том же 1788 г. в Москве была издана «История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в Древнюю историю, продолженная до нынешних времен», где Густав II Адольф назван «наиотважнейшим королем».

При этом, в отличие от Швеции, в России Густав II Адольф бесспорным героем и военным гением признан не был (в той же книге Рейхеля о шведско-русской войне начала XVII в. сказано, что она велась «с переменным счастием» [123]). В «Рассказы Нартова о Петре Великом» (СПб., 1891) включен монолог Петра, содержащий следующее заявление: «Александр – не Юлий Цезарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света; последователям его неудачный успех. Под последователями разумел государь Густава Адольфа и Карла XII» [124].

Вместе с тем, главным персонажем «Монумента» является не Густав Адольф, а генерал Банер, представленный читателю (в первую очередь шведским солдатам) как пример для подражания: «Шведские воины! Вы, которые на себе носите славное имя защитников отечества! Если вы желаете научиться геройским подвигам, то рассматривайте со вниманием жизнь Банера» [125], или венчающее текст: «Шведские воины! О есть ли бы мой вздох возмог к вам достигнуть, то остановитесь на минуту при гробе Банера. Рассматривайте с благоговением прах сего героя. Он может подтвердить вам сию истинну, что тот только достоин безсмертия, кто жил для отечества и приносил честь человеческому роду» [126].

Можно предположить, что причиной появления русского издания «Монумента» стала сама его тема: подвиги национального героя, являвшего собой пример истинного патриота и заслужившего благодарность потомков. Между тем русские переводные произведения, посвященные шведской истории и монархам, ее олицетворявшим, и не связанные с текущими событиями, довольно часто сопровождались признанием переводчика в «необоснованности» обращения к этой, в известной мере экзотической для русского читателя, теме. В предисловии к роману Комона де ла Форса «Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы» (СПб., 1764) говорится, что «читатель может выбор мой хвалить или хулить, как ему угодно», а в предисловии к «Запискам Христины» с примечаниями Д'Аламбера (СПб., 1774) переводчик вслед за автором отмечает, «что оне не заслуживают внимания иностранных, но что достойны только быть уважаемы в Швеции» [127].

Эта тема развивается и Ингманом: «Мы видим иностранными писателями прославляемых Шведских мужей, которые нам самим еще неизвестны, или по крайней мере, нашими соотечественниками не довольно знаемы, и просвещенные люди могли бы укорять нас хладнокровным нерадением, что мы не прежде воздвигли монументы Оксеншерну, Банеру и Торотенсону, как после 130 лет. Но свет может судить свободно: сие было прежде, нежели под владением Густава III в Швеции возобновляется век Густава Адольфа» [128]. Значительно логичнее выглядит издание книги, посвященной Банеру, в скандинавских странах, где, благодаря книге Ингмана, этот генерал вошел в число прославленных полководцев и политических деятелей. Так, в предисловии к датскому изданию «Монумента» упоминаются Цезарь и Брут, Христиан IV, Густав II Адольф, Банер, Гюльденлеве, Оксеншерна, Гриффенфельд, Фридрих IV и Карл XII [129], а в вышедшей в 1790 г. в Або «Речи по случаю празднования торжества объединения и безопасности» Александра Ингмана упоминаются шведские герои, «Оксеншерны, Банеры и Горны» [130]. Выбирая в качестве образцового национального героя шведского генерала, русский переводчик должен был иметь особые основания.

Из предваряющего русское издание «Монумента» посвящения переводчика И. Петровского следует, что главной его задачей было прославить генерала П. И. Панина; прошведская позиция братьев Паниных была хорошо известна, и, таким образом, выбор русским переводчиком книги о подвигах шведского генерала оказывается мотивированным. Правда, при сопоставлении русского героя с об-

разцовым шведским патриотом могло сложиться впечатление, что Банер является одним из прототипов русского героя; вероятно, по этой причине в посвящении специально подчеркивается «первичность» русского генерала: «Подвиги знаменитаго мужа, прославляемыя в книге сей, суть *подобие* Ваших заслуг к Отечеству нашему, когда Вы спасали оное от внутренних и внешних врагов его». Образцом же Банер является для тех, кто только учится любить свое отечество, быть мужественным и добродетельным (например, в Швеции, по мнению Ингмана, его жизнеописание должно появиться именно сейчас, когда правит Густав и страна находится на пути возрождения: «Есть ли бы те мужественные силы разума и сердца, которые наши отцы к чести и бессмертию имели и впредь возжигали каждую Шведскую грудь к равному желанию добродетели и знаменитых заслуг» [131]).

Само появление этого перевода, начинавшегося с панегирика Панину, могло быть связано с обстоятельствами жизни русского генерала; «Монумент» был призван, по всей видимости, оправдать героя в глазах императрицы и напомнить о его заслугах. Известно, что на протяжении всей служебной карьеры отношения Панина с Екатериной складывались очень непросто: Екатерина, в частности, была недовольна тем, что при штурме Бендер русская армия понесла большие потери; в свою очередь Панин считал себя незаслуженно обойденным и публично выражал неудовольствие. Еще в 1771 г. выполнявший поручение Екатерины князь Волконский докладывал императрице: «...повелеть изволили, чтобы я послал в деревню Петра Панина надежного человека выслушать его дерзкие болтания... подлинно, что сей тщеславный самохвал много и дерзко болтал, и до меня несколько доходило, но все оное состояло в том, что вся и всех критиковал» [132]. В том же 1771 г. Екатерина называла Панина «первым врагом», «себе персональным оскорбителем и дерзким болтуном». Последние годы своей жизни Панин провел в Москве (где и был издан русский перевод «Монумента»), и к его смерти, наступившей в 1789 г., императрица, «по отзыву современников», отнеслась «равнодушно» [133].

А между тем генерал Панин – покоритель Бендер и усмиритель Пугачевского бунта, был одним из главных героев русских панегириков XVIII в. и удостаивался самых смелых сопоставлений. Так, в «Военной песне на взятие Бендер гр. Петром Ивановичем Паниным» А. П. Сумарокова Панин – победитель турок – прославлялся через имя: «Петр Великий, храбрый, мудрый Петр // Дал Петру свой ум и мужество» [134], а речи Панину от Симбирского и

Арзамасского дворянства содержат некоторые пассажи, схожие с молениями святым: «Просим Тебя, явя себя нашим Избавителем, будь же и Ходатай у Престола, свидетельствуя нашу неколебимую верность» [135] (ср. «...Моли о мне, грешнем и блуднем, // Создателя моего и Владыку, // Ему же ты со безплотными предстоиши лики» в молитве князя Семена Шаховского Димитрию, Вологодскому чудотворцу» [136], XVII в.). В печатных речах, изданных после подавления восстания Пугачева, Панин был представлен как спаситель отечества: «Твои победы иноплеменников, разрушение неприступных градов их, Твои укрепления сил и действительности законов Царей наших, а напоследок совершившееся ныне спасительное Отечеству твоему служение, которому не токмо мы, живущие во времена твои, но ниже самые отдаленные потомки, никогда обязанными быть не перестанут» [137].

Точно так же о Панине говорится и в предисловии к русскому изданию «Монумента» («Слава, повсеместно гремящая о великих делах Ваших, производит во всех удивление, и каждый сын России, имея в незабвенной памяти великие Ваши к Отечеству заслуги, ощущает в себе нелицемерную благодарность и высокопочитание к Особе Вашей»), и, таким образом, русское издание «Монумента» становилось последним из многочисленных панегириков русскому генералу.

* * *

«Монумент» – не единственное переведенное в России произведение, принадлежащее известному шведскому автору (количество изданных в Швеции сочинений Ингмана исчисляется десятками). Во второй половине XVIII столетия русский читатель получил возможность познакомиться с нравоучительными сочинениями Ю. Т. Оксеншерны (1666–1733).

Большую часть своей жизни Ю. Т. Оксеншерна провел вне Швеции, литературную славу (он получил имя «Северный Монтень») заслужил за пределами отечества и в Швеции был известен мало. Начав путешествие по Европе под руководством Н. Бергиуса (впоследствии суперинтенданта и автора сочинения о московской церкви, предисловием к которому стали русские стихи Й. Г. Спарвенфельда), остался в Германии и в течение 40 лет «вел жизнь авантюриста» [138]. Правда, Оксеншерна был авантюристом иного склада, нежели Ингман: он менял веру и женился по расчету, но не участвовал в делах, связанных с похищением. В том

числе и в силу жизненных обстоятельств, оба эти автора издавали свои сочинения не только на шведском, но и на прочих европейских языках (книги Оксеншерны выходили на французском языке), на взгляд российского читателя, принадлежали к европейской, а не малоизвестной шведской литературе, и именно этим привлекали внимание русских переводчиков. Правда, связь между «авантюрной» судьбой Ингмана и изданием русского перевода его книги отнюдь не бесспорна, поскольку немецкий перевод «Монумента» был издан в Петербурге и выполнен со шведского оригинала; хотя, повторим, в начале 80-х гг. в Петербурге Ингман был известен, а причины, по которым Дальгрен обратился именно к его сочинению, до конца не ясны. Очевидно лишь, что в конце XVIII столетия в России сочинения шведских авторов переводились лишь с немецкого и французского языков: единственное сочинение Оксеншерны на шведском языке, «Размышления в одиночестве» (Стокгольм, 1731), так же как и панегирики Ингмана Густаву III, в России переводено не было.

Первая изданная в России книга Оксеншерны – «Размышления и нравоучительные правила» (СПб., 1771), является второй частью несколько раз переиздававшихся в Европе «Pensées sur divers sujets de Morale par Mr. Le Comte Oxenstirn nouvelle edition, revué, corrigé et augmenté de maximes et réflexions par le même auteur» (La Hage, 1742, 1744, 1759). Из предисловия к русскому изданию следует, что книга Оксеншерны заинтересовала «благодетелей» переводчика несомненным литературным талантом и популярностью шведского автора («который острым, важным и сладким слогом в сочинениях своих не последнюю между знатными писателями заслужил честь»). Правда, цель перевода состояла не в том, чтобы познакомить отечественную публику с творчеством знаменитого писателя, а лишь продемонстрировать «благодетелям» свое знание французского языка: «чтобы узнать мне в том свой успех, предпринял по совету благодетелей моих перевесть с французского на российский язык сие краткое сочинение г. гр. Оксенстирна». Вероятно, по этой же причине для перевода была выбрана меньшая по объему часть французского издания.

С творчеством Оксеншерны в России познакомились значительно раньше выхода этой книги: в 1758 г. в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» появились переводы его статей «О деньгах», «О уединении» и «О философии» с подписью «переведено из Мнений графа Оксенштерна». Нравоучительные рассуждения Оксеншерны были изданы вме-

сте со статьями Л. Гольберга на схожую тему (в марте 1758 г. появился перевод фрагмента «Нравоучительных рассуждений» – «О правильном употреблении хвалы и хуления») и составляли корпус сентенций скандинавских авторов [139]. О художественных достоинствах сочинений шведского писателя в 50-е гг. XVIII в. в России не говорили ничего.

В 1792 г. вышел полный перевод «Мнений нравоучительных на разные случаи с правилами и рассуждениями господина графа Оксенштирна», представляющий собой первую часть указанного издания на французском языке. Можно предположить, что, как и в 1771 г., главной причиной перевода этого сочинения Оксеншерны на русский язык была его популярность на Западе: во второй половине XVIII в. книга Оксеншерны была издана на немецком, английском, испанском, итальянском, польском, шведском и датском языках (характерно, что русский язык в этом списке отсутствует [140]).

По замечанию исследователя, Оксеншерна «не глубок, но типичен» [141], «его афоризмы остроумны и либертинажно скептичны в духе времени, но он не был оригинальным мыслителем» [142]. Об оригинальности своих «мнений» сам Оксеншерна напрямую не заявляет, но, судя по всему, к некоторой парадоксальности стремится: «Сколь неразумно поступает тот человек, которой себя мучит для приобретения многих и различных знаний: редко он в том успевает: но чтоб иметь в том желаемый успех, то требуется к тому великой труд, который изтощевает и прекращает жизнь: а хотя он и столь щастлив будет, что удастся ему достигнуть до намеренного конца: однако не успеет он еще онаго коснуться, как смерть внезапно приходит и предает все гробу вечнаго забвения» [143].

В то же время в предисловии к «Размышлениям в одиночестве» Оксеншерна настаивает на тривиальности своих рассуждений: «Подобно тому, как уже во времена Соломона под солнцем не происходило ничего нового, вы, мои друзья, не ожидайте найти чегонибудь новое в этой книге» [144]. Вероятно, это заявление автора связано с религиозно-мистической направленностью «Размышлений», входивших в один конволют с «Молитвами» (Стокгольм, 1728) О. Колмодина или анонимным «Разговором между смертью и стариком» (Стокгольм, 1730).

Надо отметить, что в вопросах религии «свободомыслящий рационалист» Оксеншерна проявлял сдержанность, что позволило исследователю говорить о его «истинном уважении к христианству» [145]. В «Мнениях» этому предмету уделяется достаточно много

внимания, правда, говорится в основном о переходе автора в католичество («Христианин, оставивший мнения Лютеровы о некоторых членах веры, последует преданиям церкви Римския, останется всегда Христианином» [146]): к моменту создания этого сочинения Оксеншерна был мальтийским кавалером, а по возвращении в 1723 г. в Швецию вновь обратился в лютеранство. Однако для русского читателя факты биографии Оксеншерны являлись лишь материалом для нравоучительных изречений, сам автор в России был мало известен и, судя по всему, мало интересен.

Вместе с тем, Ю. Т. Оксеншерна принадлежал к знаменитой шведской фамилии: в изданной во Франции (и в России) книге «Всеобщее Швеции изображение» (СПб., 1797) Ж.-П. Катто-Каллевиля (Catteau-Calleville; об этой книге — ниже) о Ю. Г. Оксеншерне сказано, что само его имя является рекомендацией, так как оно «уважения заслуживает...» [147]; король Густав III, помышлявший о возрождении в Швеции века Густава Адольфа, желал видеть в своем современнике Ю. Г. Оксеншерне современника Густава II — знаменитого канцлера Акселя Оксеншерну. При этом минимум четыре графа Оксеншерна могут называться писателями: кроме изданий Юхана Турренсона и Юхана Габриеля, известны сочинения Габриеля Турелона (1641—1707) и канцлера Акселя Оксеншерны (1583— 1654). А между тем и в книге Катто-Каллевиля, и на титульном листе всех европейских изданий «Мнений» автор именуется графом Оксеншерной без указания инициалов. Вероятно, европейские и шведские читатели знали, о ком из представителей этой фамилии идет речь (напомним, что Ю. Т. Оксеншерна получил имя «Северный Монтень»); в свою очередь русский переводчик буквально воспроизводил текст оригинала.

Пример Оксеншерны — не единственный в европейской, в том числе шведской, литературе. Так, в предисловии к «Собранию шведских стихотворений» (Стокгольм, 1751—1753) отмечено, что «здесь не хватает некоторых знаменитых поэтов, с особым почтением я называю имя Рудбека» [148]. Составитель антологии А. Сальштедт (о его работе — ниже) имел в виду сына «Олава Рудбекского профессора медицины» (1630— 1702), Олофа Рудбека-младшего (1660—1740), автора стихотворного предисловия к «Nora Samolad» (Uppsala, 1701), «Речи о Карле XII в стихах» (Упсала, 1719), «Радостной песни Улрике Элеоноре» (Упсала, 1719), «Поэтической песни» (Стокгольм, 1723) и т. д. Можно предположить, что шведский читатель не нуждался в разъяснениях, о каком Рудбеке идет речь, хотя в некоторых изданиях его сочинений он

назван Рудбеком-сыном, например: «Olof Rudbecks sonens Nora Samolad» (Uppsala, 1701). В России же были знакомы с обоими Рудбеками и легко их различали: в «Истории Российской» Татищева называются «Рудбекий» и «Олай Рудбекий, Олаев сын»[149].

Проблемы возникают при атрибуции сочинений этих авторов позднейшими исследователями. Французские справочники и энциклопедии называют автором «Мнений нравоучительных» Габриеля Турелона Оксеншерну[150], в шведских изданиях автором морально-философских «мыслей» совершенно справедливо назван Юхан Турренсон[151]. Как следует из русских научных обзоров, автором «Мнений гр. Оксеншерны» являлся канцлер Аксель Оксеншерна, который веру не менял, не мог знать о польском короле Яне Собесском и об осаде турками Вены[152].

В отличие от европейских изданий сочинений Ю. Т. Оксеншерны, предисловие к вышедшему в Швеции религиозно-нравоучительному трактату «Размышления в одиночестве» подписано полным именем автора: Юхан Турренсон. Возможно, Оксеншерна специально акцентировал внимание на своем шведском происхождении и таким образом объявлял себя шведом-лютеранином (а не французом-католиком, каковым он являлся во время своего многолетнего пребывания за границей). В отличие от изданий на французском языке, среди стихотворных цитат здесь встречается шведское четверостишие, названное Оксеншерной «наша старая шведская пословица»[153]. В написанных до возвращения в Швецию «Мнениях» «северная» тема также присутствует, но национальная принадлежность автора при этом не подчеркивается.

* * *

Несмотря на некоторое сходство жизненных обстоятельств, Ингман и Оксеншерна – принципиально разные по своему мировосприятию авторы: проникнутое патриотическим пафосом описание событий отечественной истории Ингмана имеет мало общего с философски-скептическими и космополитическими рассуждениями Оксеншерны (ср.: «...тот только достоин безсмертия, кто жил для отечества и приносил честь человеческому роду»[154] Ингмана и «Я не могу выйти из удивления, которое мне причиняет безрассудное злоупотребление, коим изгнание называют наказанием. Оно нам запрещает только малинький уголок земли, а поелику все прочее оставляет на наше разсуждение, то для чего оное не по-

читать за такую подорожную, по которой можем поселиться там, где мы жить за благо разсудим»[155] Оксеншерны). Однако книгами Ингмана и Оксеншерны исчерпываются переводы произведений шведских писателей на русский язык, и поэтому говорить о знакомстве российского читателя с самыми разными представителями шведской литературы XVIII в. было бы опрометчиво.

В России переводы их сочинений появились на рубеже 80–90х гг. XVIII в. («Монумент» – в 1788 г. и «Мнения» – в 1791 г.), когда на русском языке вышло сразу несколько книг европейских авторов, посвященных Швеции, ее истории и монархам; однако в этот период не наблюдается ни интереса к творчеству шведских писателей, ни какого-либо влияния шведской литературы на русскую. В свою очередь и Ингман, и Оксеншерна с русской литературой были знакомы мало, хотя в сочинениях обоих авторов русская тема присутствует.

В книгах Оксеншерны россияне всегда замыкают список народов, но никогда не игнорируются. Так, в «Размышлениях и нравоучительных правилах» сказано: «Шоколадом услаждается Гишпанец, кофе изтребляет густые пары, подымающиеся от вина в голову Немца; чай приятен Англичанину; лимонад прохлаждает Италианца; пиво веселит сердце Шведов, от водки в восхищение приходит Поляк, а Россиянин почитает мед питием божественным»[156]. В «Мнениях нравоучительных» рубрика «Зима» содержит следующий пассаж: «Черный котел служит ей обыкновенным головным убором, кочерга у ней вместо посоха, охота ея токмо до огня и водка любимый ея напиток... придворныя ея Шведы, пажи ея Лопари, соловьи ея Датчане, а бабачки Россиане»[157].

Если в книге Ингмана появление «русской» темы могло быть вызвано жизненными обстоятельствами автора, то в рассуждениях Оксеншерны о России говорится исключительно в силу национальной принадлежности писателя: «соседственный» народ был постоянно в поле зрения шведских авторов, независимо от того, проживали ли они в Швеции или за ее пределами, и учитывали ли они культурную, политическую или географическую близость России и Швеции. В этом смысле очень показательными являются никогда не переводившиеся в России и касающиеся исключительно Швеции «Размышления» (Стокгольм, 1778) шведского короля Густава III (на титульном листе читается приписка, указывающая на авторство и тему сочинения: «к протоколу Совета, касающемуся принятия шведской национальной одежды»). Здесь, в отличие от книги Оксеншерны, «русская» тема не просто присутствует, но до-

минирует. Вспоминая русских женщин, которые сначала сопротивлялись введению в России нового платья, а потом, увидев его удобство и красоту, европейскую моду приняли [158], Густав и изменение нравов россиян связывает с их насильственным переодеванием при Петре. Таким образом, автор переходит к вопросу о национальных особенностях обоих народов: «если Петр был вынужден сказать своим подданным: перестаньте быть русскими, станьте французами, немцами, англичанами, то, полагаю я, для нас было бы крайне важно сказать: оставайтесь шведами, ваши предки, покорные вашим древним королям, были смелыми, верными подданными, послушными сыновьями, мягкосердечными людьми, почитавшими отцов, хорошими гражданами, верными христианами, иными словами, другие нации скорее прекращали быть собой и проникались вашим национальным духом, и я смею сказать, что национальная одежда способствовала этому больше, чем думают» [159]. Естественно, русская история привлекалась шведским королем как наиболее показательная, но само обращение к русской теме типично для «Рассуждений» шведских авторов.

* * *

Кроме шведских сочинений на исторические или нравоучительные темы, в России переводились научные труды шведских ученых XVIII в., на первый взгляд сухие и не интересные для читателя. Вместе с тем, перевод книги «Карла Линнеа рассуждения... о человекообразных» (СПб., 1777) содержит чрезвычайно занимательные фрагменты. Рассуждая о человекоподобных обезьянах (эти сочинения Линнея связаны с хорошо известными европейскому читателю рассказами о человекоподобных дивах: аримаспах, кентаврах, песьеголовых; кстати, среди перечисленных в этой книге «человекообразных» называются пигмеи и сатиры), Линней не только их описывает, но и приводит любопытные свидетельства путешественников. Так, про некую породу человекообразных существ говорится: «Когда пристали мы к берегу, тотчас пришли к нам на корабли, неся с собою попугаев, которых хотели променять на железные какие-либо вещи с нами; но как приметили, что никто из нас с ними промена делать не хочет, тотчас посвертели головы своим попугаям и сырых пред нами жрали» [160]. Затем, как следует из этого ужасного рассказа, существа съели и высадившихся на берег матросов: «И как на землю мы вышли и из привлеченных нами пушек раза по два вы-

стрелили, то сии люди с хвостами дали тыл и бежали в лес, и тогда к нашему сожалению нашли, что бот в мелкие части изломан и гвозди все повыбраны. Потом увидели дым на горе, на которую мы тотчас взошли, не нашед ничего, кроме остатков и костей наших товарищей, коих тела, без сумнения, сии мерзкие съели, их жалостнейшим образом умертвивши» [161]. Подобные истории соотносились не только с «естествословными книгами», но и с произведениями художественной литературы XVIII в.: знаменитые романы Свифта и Дефо были изданы в Швеции как раз в конце 30-х – середине 40-х гг. XVIII в. («Робинзон Крузо» – в 1739, «Путешествие Гулливера» – в 1744 г.).

Другая известная в России тема сочинений Линнея – напитки и их воздействие на человека вообще и писателя в частности. В «Рассуждениях... о употреблении коффеа» (СПб., 1777; шведское издание вышло в 1746 г.) Линней отмечает, что «кофе отъемлет сон. Чего ради все упражняющиеся в сочинениях по ночам, чтобы препроводить оныя без сна, пьют кофе» [162]. В «Водке в руках философа, врача и простолюдима» (СПб., 1790; шведское издание имеет название «Рассуждение о пиве» (Стокгольм, 1748), говорится, что «...многие преславные стихотворцы удивительныя от пьяных напитков чувствовали действия; ибо помощию оных возбудив чувственные жилы, отменную в разуме своем приемлют бодрость и такую нередко стихам своим придают силу и приятность, какой от водопийцов никогда ожидать не можно» [163]. Правда, люди, употребляющие «хлебное вино», «обыкновенно по утрам столь бывают слабы, что и несколько часов пережить не чают; дрожат у них руки, немеет язык и они не могут почти говорить; позыва на пищу не имеют, бледнеет у них лице, притом тоска у сердца и боль, как червь, точа и грызя, их мучит; ни к какому делу бывают не способны и подобны колесу часовому, при ослаблении цепочки обращаться перестающему, ибо находятся почти бездейственны, пока опять не напьются» [164].

Эти произведения Линнея принадлежат к числу нравоучительно-медицинских сочинений («Вследствие всего сего всяк заблаговременно должен себя предостерегать от сей заразы, кто только собственное свое и фамилии своей благосостояние и честь уважает» [165], или предки «ни горячих спиртов, ни тобаку, ни чаю, ни кофе, ни сахару, ни шелку, ни многочисленных ароматов, ни прочих бесчисленных вещей, у нас ныне наиупотребительнейших, не знали: довольны будучи малым щастием, были всех наших людей

здоровее» [166]) и, таким образом, соотносятся с рассуждениями Оксеншерны.

Как и в творчестве других шведских авторов, в сочинениях Линнея присутствует «русская» тема. В данном случае она появляется в связи с национальными особенностями употребления напитков или специфически национальной реакцией на эти напитки организма. Так, в «Водке в руках философа, врача и простолюдима» сказано, что «Русские, которые также сей напиток отменно любят, весьма редко водяною болезнию страждут» [167]. В то же время в «Рассуждениях... о употреблении коффеа» о россиянах не говорится ничего, вероятно, ввиду отсутствия «российского» способа пить кофе: «Наши Шведы после обеда по болшой части кофей употребляют три чашки фарфоровые с сахаром и сливками. Французы употребляют по одной чашке по утру, однако боле нашей, с сахаром и французским хлебом, в чашку положенным, так что кажется, что они едят, а не пьют» [168] (к числу народов, «употребляющих» кофе по-своему, относятся голландцы, англичане и турки).

Шведские исследователи рассматривают творчество Линнея как факт литературы, отмечают живость его языка и великолепие описанных им картин природы [169] (в России дневники путешествия Линнея также были известны: в 1771 г. в Петербурге вышло переведенное В. Рубаном «Наставление путешествующему»), а в рукописном отделе библиотеки Упсальского университета хранятся рукописные статьи «Линней как поэт», «Линней как мыслитель» и «Линней как моралист» [170].

* * *

Другим шведским ученым, труды которого переводились в России, был Ф. И. Страленберг. Его книга «Северная и Восточная часть Европы и Азии» в Европе пользовалась большой популярностью: в Стокгольме она выходила на латинском (1730 г.) и немецком (1730 г.), в Лондоне на английском (1738 г.), в Амстердаме на французском (1757 г.) языках.

В 1738 г. в Самаре был выполнен перевод 4, 5 и 6 глав («О древних и новых государях России и о столичных ея градех», «О начале и продолжении государствования фамилии Романовых» и «О государствовании императора Петра Первого»). (Возможно, эти разделы выбраны из готового перевода первых 12-ти глав книги Страленберга. Это мнение высказано во вступительной статье к «Запискам капитана Филиппа Иоганна Страленберга». М.; Л., 1986. Т. 2.)

Одна из рукописных книг, содержащих самарский текст, хранится в библиотеке университета Упсалы и включает, кроме книги Страленберга, фрагменты сочинений, изданных в «Собрании разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого» Ф. Туманского. Правда, ни составителя этой рукописи, ни ее шведского владельца Туманский не интересовал: на титульном листе книги значится: «Историческое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночной восточной части Европы и Азии, паче же империи Россия, которая в оных за полуночной части признавается: Сочинено Иоанном Страленбергом и напечатано в Стокгольме 1730. На российской же язык сокращенно переведено по повелению превосходительнейшаго господина тайного советника Василья Никитича Татищева в Самаре 1738 году». В самой рукописной книге «Записки» Туманского названия не имеют, не отделены от книги Страленберга и написаны той же рукой, что и вторая часть перевода сочинения шведского автора.

Можно предположить, что составлявшие эту книги произведения были подобраны таким образом, чтобы о событиях, происходивших в России во время правления Петра I, рассказывали апологеты императора и бывший пленный шведский офицер, который, правда, специально оговаривает свое стремление к объективности: «Я по возвращении о государствовании Петра Первого императора из Сибирии в бытность мою в Москве от достоверных российских подданных как с той, так и с другой стороны слышал, а онаго, кроме всякого пристрастия, объявил, из чего исправный историк, избрав доброе и злое, о обстоятельствах сего Великого Монарха благоприлично разсуждать изволит, и хотя от некоторых писателей случается, что они для каких-либо притчин дела государей иногда поносно и ругателно, иногда же для особливых своих интересов до небес превозносля и выхваливая, описывают, однако обое сие истинною и правдою похвалено быти не может»[171].

Перед компилятором же такая задача не стояла, верноподданнический тон «Записок» Туманского проявляется в первой же заимствованной из книги «О зачатии и рождении Великого Государя императора Петра Перьваго» П. Крекшина фразе: «Во дни благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича в счастливое его царствование были в России мужи благодатию божиею в разуме просвещенныи: Симеон Полоцкий и Димитрий Ростовский, они и звездное течение знали, и предсказали рождение Петра Великого»[172]. В свою очередь враги Петра осуждаются без ма-

лейшего снисхождения: «А гетману на прежняго того место вчинил он, князь Голицын, генералнаго есаула Ивану Мазепу, которой видом и делом уподобися Древнему Иуде» [173] (этот фрагмент заимствован из «Описания бунта, бывшего в 1682 году»).

Страленберг же отмечает факты, «порочащие» Петра в глазах европейского читателя: «Что же в сей продолжителной войне и в строении Санкт-Петербурской столици и в людях и во всяких вещах убытку зделано не токмо описания, но и размышления того во изумление привесть может, ибо некоторые сказывали, что повсягодно более 10 000 крестьян как скот туда загоняли, которые все от тяжкой работы и за недостатку правианту изнемогать и умирать принуждены были» [174], или «Приметно, аки государь будучи еще в десятилетнем своем возрасти старым и честным людям нарочито давал пощочены и непристойно их бранивал» [175]. Татищев появление этих эпизодов в тексте записок не приветствовал (в его письме К. Г. Разумовскому от 11 марта 1747 г. говорится, что Страленберг «подлинно желал Петру Великому по кончине его величества опровержением клевет услугу и благодарность свою изъявить, но, поверя другим, весьма во многом ошибся» [176]); однако из перевода их не изымал.

Известно, что Страленберг и Татищев были знакомы лично: их первая встреча состоялась еще во время пребывания Страленберга в Сибири, затем, находясь в 1724–1726 гг. в Швеции, Татищев встречался со Страленбергом в Стокгольме и предлагал ему помощь в написании сочинения о России. В одном из писем Петру Татищев докладывал, что Страленберг написал историю Сибири и что Татищев убеждал его посвятить эту книгу Петру [177]. Примерно в это же время Татищев предлагал С. Бреннер, «которая в стихотворении не токмо в Швеции, но и в других государствах славу имеет» [178], посвятить Петру панегирическую оду: «Оную я уговаривал, чтоб она для бессмертной славы его императорского величества дела величайшие ниже в стихах изобразить потщилась» [179]. Однако и Страленберг, и Бреннер просьбу Татищева отклонили.

* * *

Труды скандинавских историков, лингвистов и антиквариев XVII – первой половины XVIII в. в России переводились не часто: в Петербурге в 1783 г. была издана книга известного датского филолога и поэта, автора «Diatriba de causis diversitatis lingvarum» (Quedlingburg, 1704) и панегириков датскому королю Фридриху III О. Борка (Olaus Borrichius; 1626–1690) «Созерцание превосход-

нейших писателей латинского языка в златом, сребряном, медном и железном веке процветавших, для пользы учащегося юношества сокращенно представленное Оллаем Боррихием»; среди рукописных переводов шведских изданий XVII и XVIII вв. встречаются примечания О. Верелия и Ю. Шеффера к исландским сагам и фрагменты сочинений Э. Бьернера. В то же время главная книга шведского готицизма, знаменитая «Атлантика, или Манхейм» (в которой говорилось, в частности, что завоевавшие Рим готы принесли в Европу интеллектуальную культуру, и руны стали образцом для греческого и римского алфавита, а все события мировой истории так или иначе связаны со Швецией) на русском языке не выходила ни целиком, ни фрагментами, хотя критика отдельных построений О. Рудбека и общая оценка его работы содержались в русских переводах швейцарских и шведских, а также в отечественных сочинениях XVII–XVIII вв. Так, в предисловии к «Введению в Датскую историю» Малле об издании шведского и латинского перевода Эдды говорится, что «в начале сего сочинения находится длинное рассуждение о северных древностях, в котором по-видимому воскрешается в особе писателя знаменитый Рудбек» [180]. Из рукописных переводов изданных в Швеции манускриптов русский читатель мог узнать о научной позиции Рудбека по частным вопросам, например: «Один – сын Фрилафов (которого Рудбеккий несправедливо почитает посланным от Филиппа Македонского)», («Выписка из Введения в Готфские древности») [181], или о его научной деятельности, например, что «Олав Рудбекский профессор медицины» доказал, что недалеко от Упсалы жили великаны [182].

В «Историю Российскую» Татищева включены отзывы о книгах по древнейшей истории Швеции и об ученых, эту идею поддерживавших: «...и так Швеция учинилась началом, или якобы маткою народов... сие мнение после Стирншельмом, Верелием, Рудбекием повсюду разпространено... Мужи оные великого благоразумия и удивительного учения были, но в них либо неизреченная любовь к отечеству правду закрыла, или они писали то, чему сами не верили» [183], или «Иные же, когда своего или другаго народа не зная от чего имя произошло и не потрудясь о деривации или знаменовании древних языков, тотчас в неизвестной древности владетеля имя зделали и от того родословия непрерывное сложили, как то видим шведскаго Иоанна Магнуса, Рудбека и пр. о их королях» [184]. В свою очередь В. Капнист, на рубеже XVIII–XIX вв. «открывший», что русские происходят от гипербореев, считал Рудбека своим предшественником:

«Во оправдание сих, знаниями своими гордящейся Греции, столь уничижительных мнений, скажу, что прежде меня учением знаменитые в Европе люди, как-то: Олаус-Рюдбек, Бальи и многие другие, доказывали, что науки и просвещение воссияли от северных стран» [185]. Рудбек-писатель в России интересен не был, а между тем, по мнению современного исследователя, «Рудбек — один из величайших писателей шведского барокко, стилист, метафоры которого дерзки, а замечания остроумны и метки в такой же степени, в какой аллегории точны, а риторические выступления наполнены пафосом» [186], и именно поэтому он заслужил имя «шведского Гесиода» [187].

О другой малоизвестной широкому кругу русских читателей фигуре, знаменитом лингвисте Й. Г. Спарвенфельде (1655–1727), в «Предисловии о началах и Пресселениях Скандо-Готфских народов» Э. Бьернера говорится, что он «славнейший и ученейший народа нашего Улисс» [188]. Однако ни об области научных интересов, ни о научной позиции, ни о биографии Спарвенфельда в этой книге не говорится ничего: по всей видимости, шведский читатель знал, или должен был знать, что Спарвенфельд, подобно Одиссею, посетил множество стран, но русскому читателю эта аналогия едва ли что-нибудь говорила.

Правда, Спарвенфельд-поэт в России известен был, хотя и очень узкому кругу читателей. Так, в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (СПб., 1773) В. К. Тредиаковский отмечает, что некую историческую «редкую книгу приводит и следует ей Бергий, пиша о состоянии церькви и закона Московитского» [189]. И следовательно, силлабо-тоническое стихотворение Спарвенфельда находилось в поле зрения Тредиаковского — реформатора русского стиха [190]. Однако о своем знакомстве с творчеством Спарвенфельда (если оно действительно состоялось) он не пишет нигде.

* * *

В своих сочинениях Тредиаковский не упоминает ни древних, ни современных шведских писателей и игнорирует сам факт существования шведской литературы. Так, перечисляя в «Эпистоле к Аполлину» посещенные Аполлоном страны, он называет не только Францию, Англию, Германию, но и ближайших соседей России: Турцию и Польшу. О польской поэзии Тредиаковский отзыватся достаточно сдержанно: «гласит стихом польская спесиво, // Иногда ж весьма умно и весьма учтиво» [191], о турецкой поэзии за-

мечает лишь, что Аполлон про нее не забыл, о шведской поэзии не говорит даже этого.

Вероятно, в шведской поэзии Тредиаковский не видел ничего примечательного: она не так значительна, как французская или немецкая, не так экзотична, как индийская или турецкая, и не связана с русской, как польская. Иначе говоря, ей не было места ни в центре мировой поэтической системы, ни среди заметных русскому читателю «поэзий».

Отношение Тредиаковского к шведской литературе характерно и для других русских авторов XVIII в., в том числе и для интересовавшихся шведским языком, например Ломоносова и Баркова. Единственным переводом Баркова со шведского являются «Шведскаго Городского и Земского Устава общие судейские права» 1709 г., входящие в его книгу «Переводы с латинского и шведского языков. Случившиеся во времена императора Марка Аврелия римского и Каролуса XII Шведскаго» (СПб., 1786; в книге указано, что перевод был осуществлен в 1758 г.). По всей видимости, среди шведских писателей XVIII в. русский переводчик не видел фигуры, способной привлечь его внимание (для сравнения отметим, что сочинения датского драматурга и историка Л. Гольберга в России переводились и Д. Фонвизиным, и А. Нартовым, и Я. Козельским, и тем же Барковым; правда, переводы его сочинений делались не с датского, а с немецкого).

Баркова же занимает шведское судопроизводство: в книге приводятся рассуждения о бессмысленности пыток (в Европе и России эта тема воспринималась как традиционно шведская: в «Рассуждении о преступлении и наказании» (СПб., 1803) Ч. Беккариа подчеркивается, что именно в Швеции «пытка уничтожена» [192]), о превосходстве «кроткого и разумного» судьи над «добрым» законом и т. д. Здесь же напечатаны и посвященные этой теме «народные пословицы», как-то: «Справедливые дела предпочитать закону», «Зло злейшим не отмщевать», «Никто не может быть судьею в своих делах», «Зачинщик всегда бывает виноват», «Добровольное признание стоит доброго свидетеля», «Что сделано, того не переменять», «Неизвестному человеку нескоро верить должно», «Кто вольность свою во зло употребляет, тот лишается оной» [193].

Другие русские писатели скандинавскими языками не интересовались и, судя по оценкам, были о них невысокого мнения. Даже в 20-х гг. XIX в., незадолго до того, как знаменитый «посланец северной культуры в России» Я. Грот писал о «неслыханном богатстве шведского языка», русский автор анонимной журнальной ста-

тьи о Тегнере указывал, что «Шведский язык... во многом беден и образован отчасти по французскому, отчего в нем и встречается много французских слов» [194]. Характерно, что пренебрежительные замечания о скандинавских языках принадлежат самим скандинавским авторам: в 1788 г. датский сентименталист Й. Баггесен замечал, что «если бы с колыбели говорили по-немецки, а не по-датски, то писали бы теперь более красивые стихи» [195].

Таким образом, процитированный выше отзыв Татищева о творчестве С. Бреннер является исключением, хотя и не единственным: в письме обучавшегося в Швеции П. Г. Демидова родителям от 9 декабря 1760 г. говорится о посещении русскими студентами «госпожи Норденфлит, коя ученая женщина и притом же хорошие на шведском языке стихи сочиняет» [196].

Русский читатель познакомился со шведской поэзией лишь в самом конце XVIII столетия: статья на эту тему была помещена во «Всеобщем Швеции изображении» (СПб., 1797, глава «Науки и художества»), являющемся переводом «Tableau générale de la Suède» (Париж, 1790) Ж.П. Катто-Каллевиля (Catteau-Calleville). По мнению французского автора, долгое время шведская поэзия была несовершенной, сильно отставала от французской и поэтому не заслуживала внимания: «Франция уже пользовалась изящными творениями Корнеля, Рассина, Буало, когда еще Швеция едва только Ронзаров, Депортов, Теофилов имела». Однако «около половины сего [XVIII. – *М. Л.*] века вкус к наукам в недрах государства водворился и с сего времени стихотворцы явились, которыми Швеция гордиться может» [197].

По Катто-Каллевилю, «Дален был творец стихотворства, он сочинил поэму под заглавием "Шведская вольность", трагедию, оды и множество мелких стихотворений» [198], и именно с него начинается история новой шведской поэзии: «Дален имел многих последователей, которые отличные способности оказали: ...приятная и твердая философия отличает оды, послания, идиллии и сатиры графа Гилленборга... госпожа Норденфлихт нежна, жалобна, а иногда и слишком томна... граф Оксенстирна, которого одно имя уважение заслуживает, выдал несколько отдельных сочинений, великую честь ему приносящих...». «В сочинениях г. Килгерна виден вкус, разум и соображение в одах и сатирах; он хорошими стихами переложил многие театральные сочинения автора-венценосца. Гг. Клеберг, Леопольд, Лиднер и Слоберг занимают почтенное место Шведскаго Парнаса» [199].

Вместе с тем, этот раздел переведенной на русский язык книги Катто-Каллевиля является его не первым и не единственным сочинением, посвященным истории шведской поэзии: первой книгой Катто-Каллевиля, содержавшей главу о шведском стихотворстве, была изданная в 1783–1784 гг. в Стокгольме «Шведская библиотека» (это сочинение, за исключением отдельных, не имеющих отношения к шведской поэзии разделов, написано на французском языке; на французском же языке в 1783 г. в Стокгольме вышло его «Письмо м. Бернулли о смерти м. Варгентина»).

Как и во «Всеобщем Швеции изображении», в «Шведской библиотеке» шведские поэты XVII в. сопоставляются с Депортом, Теофилем и Берто, но, в отличие от известного русскому читателю сочинения, здесь намечена история шведской поэзии с момента ее зарождения и дана характеристика основных произведений главных ее представителей (не случайно этот раздел «Шведской библиотеки» имеет название «Эссе об истории шведской поэзии»). По Катто-Каллевилю, поэзия Швеции начинается со скальдов, в XVII в. «с большим успехом культивировал национальную поэзию» Г. Шернъелм (Stiernhielm), за ним следовали П. Лагерлеф (Lagerlöf) и С. Колумбус (Columbus), затем С. Браск (Brask) и Дальштерна (Gunno Eurelius de Dahlstierna), за ними – Х. Шпегель (Spegel), С. Триевальд (Triewald), Г. Палмфельдт (de Palmfelt) и Х. Гюлленборг (Gyllenborg). Как и в русском издании, величайшим шведским поэтом здесь назван О. Далин[200].

Таким образом, «полная» история шведской поэзии появилась раньше «краткой», помещенной в «Tableau générale de la Suède» (1790), и, значит, теоретически, русский переводчик имел возможность выбирать между различными изданиями, содержавшими главу о шведской поэзии. Он остановился на «краткой» редакции, и причин такого выбора может быть несколько: во-первых, русского переводчика конца XVIII в. шведская поэзия интересовала мало, значительно больше его занимало всестороннее изображение жизни соседнего государства, и небольшой обзорной статьи о шведском стихотворстве, являющейся частью «Всеобщего изображения Швеции», ему было вполне достаточно; во-вторых – в России парижское издание, по всей видимости, было доступнее шведского, и с «полной» редакцией статьи Катто-Каллевиля в России могли быть не знакомы.

О достоинствах шведской поэзии и о недостаточном знакомстве с творчеством шведских авторов в России заговорили лишь

в XIX в. Так, в «Литературной газете» (1830, № 49) было отмечено, что «литература сия, соседняя нам, свежая и прекрасная, еще мало у нас известна. Имена Аттербома, Тегнера, Гаммершельта, Францена, Свогрина или Виталиса и пр. и пр. едва доходят до нас и скользят по нашей памяти, не оставляя по себе глубоких следов»[201]. В это же время были изданы переводы произведений шведских поэтов.

Правда, в 20–30-х гг. XIX в., за редким исключением, выходили прозаические пересказы поэтических шведских сочинений. «Ущербность» таких переложений осознавалась русскими переводчиками и издателями, однако создание поэтических переводов было для них задачей непосильной. Так, публикация в «Галатее» (1829) перевода фрагмента поэмы Сиегрена «Посвящение луне» сопровождалась следующим предисловием: «Вот отрывок из сего посвящения, единственного в своем роде. Мы переводим его в прозе, в которой, само собою разумеется, сохраняются только мысли, а колорит поэзии, сладкозвучие рифмы исчезают»[202]. О помещенном в «Литературной газете» (1830, № 49) прозаическом переводе «Рун» К. А. Никандера сказано: «Решаемся перевесть нечто хотя с перевода, чтобы сколько-нибудь показать характер поэзии»[203] (правда, начинается текст с незатейливого двустишия: «Отнял тиран у меня все, что мог, // Мне же достался терновый венок»).

* * *

В Швецию сведения о русской литературе поступали на протяжении всего XVIII столетия (хотя ни одно русское стихотворение в XVIII в. на шведский язык переведено не было). Так, в «Истории путешествий в Россию, Сибирь и Великую Татарию» (Стокгольм, 1730) Ф. Й. Страленберга упоминались русские авторы XVII – начала XVIII в. В 1772 г. вышел французский перевод поэмы М. М. Хераскова «Чесменский бой», текст которой предваряло хорошо известное финско-шведскому филологу, профессору риторики в университете Або Г. Г. Портану «Рассуждение о российском стихотворстве» («Discours sur la poésie russe») Хераскова[204]: из этого трактата шведский читатель узнавал о творчестве русских поэтов, в первую очередь Сумарокова, меньше – Ломоносова и совсем немного – Тредиаковского и Кантемира[205].

Шведскому читателю могли быть известны сочинения Хераскова, изданные на немецком языке: тот же «Чесменский

бой» (1773), «Нума, или Процветающий Рим» (1782) и ода Екатерине II (1767), а также речи Ломоносова на латинском языке («De Origine Lucis, novam Theoriam Colorum fistens ex Rossica in Lat.» (1756) и «De Generatione Metallor» (1757) хранятся в библиотеке университета Упсалы).

В конце XVIII в. появились шведские переводы русских произведений художественной литературы. При этом особым успехом у шведских переводчиков рубежа XVIII–XIX вв. пользовалось лишь одно русское сочинение – повесть Н. М. Карамзина «Юлия». Впервые «Юлия, или Победа разума над страстью» была издана в 1797 г. в Стокгольме и затем дважды переиздавалась – в 1816 г. в Хальмштадте и в 1824 г. в Стокгольме. Кроме того, «Юлия» была включена в вышедшее в Гетеборге в 1806 г. шведское издание повестей Карамзина (куда, кроме нее, входили «Бедная Лиза», «Флор Силин» и «Наталья, боярская дочь» (в шведском варианте – «Наталья, или Боярская дочь»)).

В предисловии к изданию 1806 г. «Юлия» представлена как произведение, выделяющееся на фоне других сочинений Карамзина: по словам автора предисловия, все составляющие этот сборник повести входили в московское издание 1797 г., в то время как «Юлия» вышла отдельной книгой; в отличие от прочих повестей Карамзина, французский перевод «Юлии» был напечатан в «Le Spectateur du Nord» (в том же 1797 г.), где, как известно, повести Карамзина поставлены в один ряд с сочинениями Мармонтеля и Флориана[206].

Вероятно, особое внимание в Швеции к этому произведению объясняется его очевидной близостью к руссоистской традиции: само имя русской героини связывает «Юлию, или Победу разума над страстью» с «Юлией, или Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо. В таком случае, главное достоинство «Юлии» Карамзина, в глазах шведского читателя представлявшей всю русскую литературу, состояло лишь в ее принадлежности к европейской литературе. Оригинальность и национальная самобытность русской литературы шведскую аудиторию интересовали мало.

Шведский перевод «Юлии» в издании 1797 г. сделан с русского оригинала 1796 г., в сборнике 1806 г. – с немецкого перевода Й. Рихтера (на шведский язык повести Карамзина были переведены Л. Брентиусом). Вероятно, обращаясь к творчеству Карамзина, шведские переводчики руководствовались разными соображениями: одному необходимо было познакомить шведскую читательскую аудиторию с «главной» русской повестью сразу после ее выхода в Москве, другому – лишь после того, как «Юлия» получила призна-

ние в Европе, была переведена на французский и немецкий языки и стала фактом европейской литературы. Возможно, Брентиус учитывал и шведский перевод «Юлии», но в его предисловии об этой книге не сказано ничего.

Другим русским произведением, привлекшим внимание шведского переводчика XVIII в., стала «Сказка о царевиче Февее» (СПб., 1783) русской императрицы Екатерины II. Шведский перевод был издан в Лунде в 1799 г. и получил название «Царевич Февей. Происшествие в столичном городе. Ее величества императрицы Российской. Перевод»[207]. Почему шведский переводчик остановился на сочинениях Екатерины, а из принадлежащих ей сказок выбрал именно «Февея», в книге не объясняется (по всей видимости, появление перевода сочинения российской монархини связано с происходившим в конце столетия политическим сближением России и Швеции: в 1796 г. была предпринята попытка заключить династический брак между шведским королем и российской принцессой Александрой Павловной; в 1799 г. между Швецией и Россией был подписан союзный договор, так называемый «Гатчинский трактат»). Вместе с тем, шведский читатель этой книги явно нуждался в предисловии и комментариях: на титульном листе одного из экземпляров шведского издания под словами «Ее величества императрицы Российской» читается приписка: «Мария Федоровна» (невестка Екатерины II, вторая жена Павла I). По всей видимости, эта эвристическая ошибка стала результатом просчета издателя, нарушевшего правила оформления издания переводных сочинений, принадлежащих иностранным монархам. В заглавиях европейских, в том числе русских и шведских, изданий «его / ее величеством» называется только правящий в год издания книги венценосный писатель (например, «Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого» (СПб., 1788), т. е. Густава III (1771–1792)). К моменту выхода шведского перевода «Февея» «ее величеством императрицей Российской» была супруга Павла I, что и ввело в заблуждение не имеющего ни малейшего представления о творчестве российской императрицы Екатерины II неизвестного шведского читателя.

Естественно, в большей степени шведской аудитории были известны принадлежащие российской императрице манифесты и законодательные акты. Так, в 1763 г. в Стокгольме был издан перевод манифеста Екатерины II о помиловании графа А. П. Бестужева-Рюмина, правда, в сопровождении его выписок из Ветхого Завета.

* * *

Кроме произведений Феофана Прокоповича и Н. М. Карамзина, в Швеции издавались русские сочинения научного характера, или речи российских ученых, чья научная деятельность была связана со Швецией. Так, в 1777 г. в Стокгольме вышел шведский перевод французской речи князя М. Куракина, посвященной его принятию в члены Академии наук, и ответ Президента Академии.

Речь Куракина содержит комплименты в адрес правящего шведского короля Густава III и российской императрицы Екатерины II: качества, украшающие монарха, Густав соединяет с добродетелями философа, он обладает просвещенным разумом и добрым сердцем, особое наслаждение находит в распространении наук и т. д.; Екатерина же принимает мудрые законы, способствующие процветанию государства, стремится ко всеобщему благу и также поощряет развитие наук в России [208]. В ответной речи содержится комплиментарный же отзыв о современном состоянии России: говорится о просвещении народа и исправлении нравов посредством принятия мудрых и справедливых законов. По мнению Президента Королевской академии, появление великих ученых в такой стране логично и ожидаемо, особенно если к их числу принадлежит член известной в Швеции русской аристократической фамилии. Подчеркивается, что современной России путь просвещения принесет больше славы, чем все военные победы и завоевания [209]. Последнее заявление приобретает особый смысл, если учитывать, что оно исходит от представителя страны, с которой Россия воевала на протяжении всего XVIII в. Однако в 70-е гг. новую русско-шведскую войну ничего не предвещало, и изданные речи Куракина и Президента Академии становились свидетельством шведско-русского политического сближения (напомним, что содержащий комплименты Петру «Монумент» К. Ингмана был издан в Швеции в 1776, а в России – в 1783 г.).

Первым российским ученым, с работами которого познакомились в Швеции, был В. Н. Татищев. Известно, что во время своего пребывания в Швеции в 1724–1726 гг. он встречался с исследователями шведских древностей: Г. Бреннером (Brenner), Э. Бьернером (Björner) и занимавшим с 1702 г. должность главного библиотекаря библиотеки Упсальского университета Э. Бензелиусом-младшим (Benzelius; 1675–1743; Э. Бензелиус-старший (1632–1709) был шведским архиепископом). Бензелиусу-

младшему адресована датированная маем 1725 г. и посвященная обнаруженным в Сибири останкам мамонта «Epistola ad D. Ericum Benzelium de Mamontova Kost [мамонтова кость] id est de ossibus bestiae Russis Mamont dicke» В. Татищева[210]. Эта эпистола напечатана в «Acta Literaria Sveciae» (Uppsala, 1725–1729), издана отдельно в 1729 г. и упоминается в письмах Татищева Бензелиусу от 20 января и 20 февраля 1726 г.[211]

Целям «распространения в Швеции знаний о странах и народах» служило издание «Путешествия по Крыму и Бессарабии, совершенного в 1799 г.» (Стокгольм, 1805) Павла Сумарокова, переведенное на шведский язык с немецкого П. О. Гравандером (Gravander). Однако об особом интересе к творчеству русских авторов появление этой книги не свидетельствует — она лишь замыкала ряд шведских изданий переведенных Гравандером дневников путешествий европейцев в экзотические страны: в 1803 г. вышло «Путешествие в Китай» Шарпантье де Коссини, в 1804 г. — «Путешествие в Южную Африку» Дж. Берроуза.

Анализ переводов произведений шведской и русской литератур дает основание утверждать, что в XVIII в. литературные контакты между странами существовали: и в России, и в Швеции выходили шведские и русские сочинения, о художественных достоинствах которых говорилось в предисловии переводчика. Правда, в отличие от Швеции, где переводы Карамзина должны были познакомить отечественного читателя с русской литературой, в России такая задача поставлена не была: об Оксеншерне как о шведском авторе не говорится ни в одном из русских изданий. Судя по всему, обращаясь к сочинениям шведских писателей, русский переводчик не воспринимал их как представителей шведской литературы; в Швеции же национальная принадлежность русских авторов учитывалась всегда, независимо от того, интересовали шведского переводчика художественные достоинства оригинала или нет.

При этом благодаря переводу книги Катто-Каллевиля в России в XVIII в. имели представление об истории шведской поэзии; в свою очередь сочинения, посвященные истории русской поэзии, на шведский язык в XVIII в. не переводились, и, таким образом, получив возможность познакомиться с творчеством отдельных русских авторов, шведский читатель о самой русской литературе знал очень мало (трактат Хераскова издан на французском языке и специально шведскому читателю адресован не был).

Способ «проникновения» шведских и русских сочинений в Россию и, соответственно, в Швецию также имел некоторые характерные отличия. Сочинения шведских авторов или произведения авторов-европейцев, посвященные Швеции, переводились на русский язык с немецкого и, чаще, французского языков; в Швеции русские сочинения переводились, как правило, с немецкого (хотя, естественно, появлялись переводы и с французского, например, «Жизнь бунтовщика Емельяна Пугачева, с русского оригинала переведенная на французский язык, а затем на шведский»), на немецком же в Швеции было издано большое количество произведений «русской» тематики. Так, с немецкого были переведены повести Карамзина, «Анекдоты об императрице Екатерине II и императоре Павле I и о частной жизни его семьи» и посвященный истории А. Д. Меншикова «Разговор между шведским и русским офицерами» (Стокгольм, 1734; эта книга переиздавалась в 1767 г.); на немецком языке вышли «Записки» Страленберга и книга Й. Палатина «Живой Петербург» (Стокгольм, 1780). Правда, эта тенденция характерна не только для шведско-русских литературных отношений XVIII в. и объясняется особой ролью Германии в развитии шведской культуры.

* * *

Известные русскому читателю произведения шведской литературы едва ли позволяли составить о ней целостное представление. Вместе с тем, контекст, в котором оказывались русские переводы сочинений шведских писателей и переведенные на русский язык отзывы европейских авторов о литературе Швеции дают основания утверждать, что в России в XVIII в. шведская литература так или иначе соотносилась с литературами других стран.

В первую очередь, в глазах русского читателя, шведская литература могла быть соотнесена с французской литературой, по отношению к которой она занимала то же подчиненное положение, что и русская. При этом французское литературное влияние становилось частью французской культурной экспансии, о которой говорилось, в том числе, и в русских переводах скандинавских авторов. В «Рассуждении... об употреблении коффеа» К. Линнея сказано: «У Шведов наших прежде нынешнего века едва был сей напиток во употреблении, что многие старики достоверные ныне в живых находящиеся нам сказывали и свидетельствовали, что оной введен от путешественников, из Франции возвратившихся, кото-

рые подобно как другими обычаями нашу страну заразили»[212]. Не случайно в Швеции был переведен (в 1744 г.), а в России переработан (в 1764 г.) «Жан де Франс, или Ганс Франссон» Л. Гольберга.

Большая часть произведений шведской тематики (как мы уже отмечали) переводилась на русский с французского и, естественно, в этих сочинениях Франция была представлена как эталон, с которым сравнивалась Швеция. В «Геройском духе и любовных прохладах Густава Вазы» Комона де ла Форса о будущем шведском короле говорится, что он был «весьма добродетелен, учен и политичен. Он сложил с себя скоро то, что природа и климат могли в него внушить суроваго; и в земле, почитавшейся еще за варварскую, увидели такого человека, коего бы и сама Франция превознесла похвалами»[213]. Правда, эта книга изначально адресовывалась французскому читателю, и именно этим мотивировано сопоставление Швеции с Францией.

Некоторые необходимые для французского читателя аналогии русский переводчик был вынужден заменять более понятными его аудитории отечественными реалиями. В упоминавшейся книге Малле пассаж о языке Эдды содержит следующее сравнение: «Сей язык в рассуждении нынешнего Датского и Шведского есть такий же, как и язык Вилле Гардуина или Сира де Жонвилла в рассуждении нынешнего французского»[214]. Это замечание сопровождается комментарием русского переводчика: «Как многим Россианам неизвестны упомянутые писатели, то для них примером служить может тот язык, на котором писана Руская правда, изданная г. профессором Шлецером, которую едва ли теперь какий Россиянин совершенно разуметь может»[215].

И в русских, и в шведских статьях, посвященных национальным поэтам, сравнение или даже соревнование с французскими стихотворцами было единственным способом оценить состояние собственной поэзии и прославить ее авторов: в «Письме к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова» (М., 1778) Ф. Карина сказано, что Сумароков «произвел таковы эклоги, каковых Франция не имеет еще и поныне»[216], а в послесловии А. Сальштедта к «Собранию стихотворений на шведском языке» отмечается, что «чтение шведских стихотворений может доставить удовольствие, не меньшее, чем чтение французских стихотворений»[217]. Об истории шведской поэзии русский читатель мог узнать только через ее сопоставление с поэзией французской:

именно так постороен рассказ о шведском стихотворстве в книге Катто-Каллевиля «Всеобщее Швеции изображение».

Таким образом, «французский элемент» в издававшихся в России произведениях шведской тематики объясняется доминированием французской литературы на европейской арене и ее ролью литературы-посредницы при восприятии в России шведской (и не только шведской) литературы (или литературы о Швеции).

Вторая европейская литература, соотнесенная со шведской, — датская. Уже в 50-х гг. XVIII в. датско-норвежская литература была представлена в России творчеством Л. Гольберга (до первых русских переводов его пьесы появились в России на немецком языке: в 1740 г. их привезла прибывшая в Петербург со своей труппой Каролина Нейбер). Переводились его драматические сочинения («Генрих и Пермилла» (1764), «Превращенный мужик» (1765), «Арабский порошок, или Мнимый Алхимист» (1781), «Гордость и бедность» (1788) и т. д.), басни («Нравоучительные басни» (1761)), сатирическая утопия «Подземное путешествие Нильса Клима» (1762), «Письма» нравоучительного содержания (публиковавшиеся в русских журналах — «Трудолюбивой пчеле» и «Ежемесячных сочинениях»), произведения на исторические темы («История датская» (1765–1766) и «Универсальная история» (1766)), а также сочинения, посвященные знаменитым историческим персонажам: «Письмо барона Гольберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Шведским» (1788), впервые напечатанное в «Ежемесячных сочинениях» (1757, март), «Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей, по примеру Плутархову» (1766), или «История разных героинь и других славных жен» (1767), где, по образцу тех же «Сравнительных жизнеописаний», сопоставлялись Агриппина и Екатерина Медичи, Клеопатра и Анна де Болейн, Мария Стюарт и шведская королева Христина.

Характерно, что в России сочинения Гольберга были известны лучше, чем некоторые французские произведения той же тематики: если «История разных героинь» в России была переведена и издана, то о французском «Портативном историческом словаре знаменитых женщин» (Париж, 1769) Ж. Ф. Лакруа русский читатель знал очень мало. Между тем, в отличие от «Истории разных героинь», в «Исторический словарь» включены статьи о русских правительницах: княгине Анне, «дочери Ярослава или Ладислава» [218], Анне Иоанновне и Екатерине I, про которую

«можно сказать... подобно королеве Елизавете Английской, что Европа относит ее к числу величайших людей» [219].

Тем более в России не знали о существовании тематически близких произведениям Гольберга шведских сочинений. Например, об «Описании жизни пяти замечательных мужей» (Линщепинг, 1788), в котором, правда, рассказывается не о пяти, а о семи мужах: Заратустре, Браме, Чингизхане, Тамерлане, Жижке, Скандербеге («величайшем герое, которого солнце когда-нибудь видело») и Ункаме. При этом «Описание жизни» не было переведено ни на немецкий, ни на французский язык (что также весьма показательно) и поэтому, в отличие от изданного на немецком «Сравнения жития» Гольберга, не переводилось и не издавалось и в России.

По всей видимости, произведениями этого писателя, в глазах русского читателя, была представлена вся скандинавская литература, хотя, как указывалось выше, нравоучительные рассуждения датчанина Гольберга и шведа Ю. Г. Оксенщерны издавались в одних и тех же русских журналах и составляли подборку сочинений скандинавских авторов. Вне всякого сомнения, шведское и датское литературное единство объясняется культурной и географической близостью Швеции и Дании.

Наконец, третья страна, чья литература соотносилась, по мнению авторов и издателей, со шведской, – Турция. Сочинения, «переведенные» с турецкого и шведского языков, могли составлять одно печатное издание, как, например, изданные в 1792 г. «Краткое описание о жалостном раззорении Иерусалима» и «турецкое» сочинение «Ах, какая прекрасная сказка». Как отмечалось выше, в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в., во время русско-шведской и русско-турецкой войн, о Швеции и Турции в России писали много и часто, и, следовательно, книга Зедербана оказывалась в контексте русских переводов шведских и турецких сочинений.

При этом в 1792 г. в России издавались произведения, не имеющие отношения ни к истории, ни к государственному устройству, ни к военной организации недавних противников: по всей видимости, русские издания военных лет вызвали в России интерес к турецкой и (в меньшей степени) шведской литературе.

В том же 1792 г. в «Еженедельнике» (М., 1792) появилась подборка «переводов турецких» стихотворений любовного содержания:

Зюлима! Я с тобой коль скоро ни увижусь,
Вся от меня грусть отойдет;
Но если я с тобой, Зюлима, разлучуся,
Вся грусть назад ко мне придет –
Ах, что бы значило сие?
Зюлима! я тебя люблю[220].

«Изъяснение»

Другое стихотворение, пастораль «Любовь», также названо «переводом с турецкого», но при этом ничего специфически турецкого не содержит:

Все любовию пылает
И во власти все у ней,
Страсть сию свет обожает,
Веселится больше ей.
Пастушок во дни весенни
Со пастушкою сидит
И, забывши дни осенни,
На пастушку лишь глядит[221].

Конечно, сочинения на «восточную» тему проникали в русскую литературу на протяжении всего XVIII в.: один из многочисленных примеров такого рода – помещенная в «Нравоучительные и полезные рассуждения, выбранные из разных авторов с Немецкого и Французского языка» (М., 1761) «Восточная повесть о желаниях» (названная «арабским рукописанием»), однако в данном случае совпадение года издания указанных «переводов с турецкого» и окончания русско-турецкой войны едва ли случайно.

В то же время издание в России в конце 80-х гг. XVIII в. книг, посвященных Швеции, ее королям и героям, появления в русской поэзии стихотворений на «шведскую» тему за собой не повлекло. Первое такое произведение было переведено в России лишь в первой половине XIX в.: «Тор проснулся – млата нет, // Ищет, яростью пылает, // Съесть грозится целый свет // И брадою потрясает, // Но напрасно – млат с небес // Неразгаданно исчез» (фрагмент «Песни о Триме, или Отнятие молота, скандинавская поэма»[222]; это второй, после строфы песни Рагнара, случай поэтического перевода «шведского» стихотворения в России).

В свою очередь в сочинениях шведских авторов XVIII в. о странах, с литературой которых сейчас или раньше была связана русская литература, и о культурном ареале, в который входила или

входит Россия, не говорится ничего. Исключением является книга Э. Кронстранда (Kronstrand) «Известие о греческой, и в особенности русской, церкви» (Упсала, 1767), хотя религиозная близость России и Греции не казалась автору бесспорным фактом: «Русские взяли кое-что от греческой церкви, однако из этого нельзя заключить, что они поэтому ближе к ней, чем Римская» [223].

II. Литературные соответствия

Примеров соответствий в русской и шведской литературе XVIII в. можно найти множество. Они выявляются при сопоставлении этапов литературного развития Швеции и России, жанровой системы русской и шведской классицистической поэзии, творчества некоторых русских и шведских писателей и основных тем (в этом разделе рассматриваются оригинальные и переводные шведские и русские литературные сочинения, появление которых не связано с русско-шведскими политическими взаимоотношениями). Например, в середине XVIII столетия шведские и русские авторы «стремятся сделать нравственное начало первостепенным в человеке» [224], утверждают, что главная задача поэта состоит в прославлении добродетели, и ищут способы исправить соотечественников («Мысли о пользе поэтического искусства» (Стокгольм, 1744) Х. Ш. Норденфлюхт, «Речь о Поэтическом искусстве» (Упсала, 1761) О. Бергклинта (Bergklint), или стихотворения русских поэтов, сотрудничавших с журналом «Полезное увеселение»). Однако примеры подобного рода встречаются в литературе любой европейской страны XVIII в.

Вместе с тем, в литературах Швеции и России наблюдаются типологически близкие явления, сопоставление которых позволяет выявить характерные особенности развития русской и шведской литератур в XVIII в. Например, специфика переводческой деятельности в обеих странах обнаруживается при сравнении репертуара и времени издания произведений древних авторов и европейских писателей Нового времени. Естественно, обзор не претендует на полноту и призван дать общее представление о том, насколько синхронно русская и шведская литературы воспринимали в XVIII в. произведения зарубежных классиков и насколько схож список предназначавшихся для перевода сочинений.

* * *

Переводы произведений некоторых античных писателей издавались в обеих странах достаточно рано и практически одновременно: например, басни Эзопа на национальном языке появились в Швеции в 1608, в России – в 1609 г.

Надо сказать, что история русских и шведских переводов и изданий Эзопа дает богатый материал для сопоставления. Так, и в Швеции, и в России выходили его басни на латинском языке: первое шведское издание Эзопа было латинским («Fabulae Aesopieae centum...». Stockholm, 1583); в начале XVIII в. в Швеции появились «Fabulae Aesopieae» (Skaris, 1713), в России – «Притчи Эсоповы на латинском и русском языке...» (Амстердам, 1700). Правда, причины появления в начале XVIII в. латинских изданий Эзопа в России и в Швеции были различными: русская книга предназначалась, по-видимому, для обучения латинскому языку [225], шведская – представляла собой одно из многочисленных латиноязычных шведских изданий.

В отличие от России, где «латинской образованности не суждено было прижиться ... в полной мере», хотя «в середине 1720-х гг. проявляется интерес к усвоению новолатинской образованности и литературы как своеобразного мостика к классической культуре» [226], в принадлежащей западноевропейской цивилизации Швеции литература на латинском языке была традиционно высоко развита, количество латинских сочинений, издававшихся в XVII в., чрезвычайно велико, а начало XVIII в. принято называть «золотым веком» шведской литературы на латинском языке [227].

По этой причине некоторые сочинения на латинском языке в Швеции, в отличие от России, издавались без перевода на шведский. Так, в Упсале в 1639 г. вышли комментарии Юста Липсия к «I: Cicero, Partitiones oratoriae»; в России же «Книга Юста Липсия, собранная из древних книг историй примеров политических предложений» была переведена Симоном Кохановским в 1712 г., а затем переработана и издана тем же Симоном Кохановским в 1721 г. под названием «Увещания и приклады политические от различных историков Юстом Липсием на латинском языке собранные» [228].

Точно так же первое шведское издание Квинта Курция на латинском языке появилось раньше книги на шведском – в первой половине XVII в. («De rebus gestis Alexandri Magni» (Stockholm, 1638)),

и в дальнейшем переиздавалось, иногда с примечаниями на шведском языке (как, например, в книге 1789 г.).

На шведском языке Квинт Курций был издан в конце XVII столетия («Исторические писания и правдивые рассказы о войне и широко известных деяниях царя Македонии Александра Великого» (Стокгольм, 1682; переиздано в 1695 г.). В свою очередь сменивший чрезвычайно популярную в Древней Руси «Александрию» русский перевод книги Квинта Курция вышел в Петровское время («Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского». М., 1709), а в 1750 г. появился и был трижды переиздан (в 1767–1768, 1787–1788 и 1793–1794 гг.) новый перевод, выполненный С. Крашенинниковым.

Таким образом, в Швеции переводы произведений античных авторов появлялись после их издания на латыни, а затем, в XVIII в., издавались на обоих языках; в России, как показано в исследовании С. И. Николаева, известные в Древней Руси произведения античных писателей были вновь переведены в Петровскую эпоху, а затем снова переводились и издавались в течение всего XVIII столетия [229].

Кроме того, в отличие от Швеции, где сочинения латинских авторов переводились непосредственно с языка оригинала, в России подчас использовался язык-посредник. Так, в начале XVIII в. в Швеции был издан Овидий: «Овидия Назона жалобы и печальные письма о своем несчастном изгнании» (Стокгольм, 1706) и «Некоторые басни из Метаморфоз Овидия» (Стокгольм, 1708). В России «Метаморфозы» были переведены с польского языка в Петровскую эпоху (правда, напечатаны не были, хотя в том же 1708 г. решался вопрос об издании одного из списков [230]).

И в России, и в Швеции довольно поздно издали Горация (в 1700 г. И. Копиевский подготовил к изданию «Горацыя Флякуса о добродетели, стихами поетыцкими», но книга эта так и не появилась в печати [231]). В России в 1742 г. были переведены А. Кантемиром и в 1744 г. изданы 10 писем I книги «Посланий»; в Швеции переводы отдельных од Горация вышли в 1754 г. [232], а в 1760 г. опубликован перевод XIII оды, выполненный знаменитой шведской поэтессой Х. Ш. Норденфлюхт.

Кантемиром же в 1736 г. был переведен Анакреон, хотя первое издание од этого поэта появилось лишь в 1792 г. (в 1794 г. вышел сборник Н. Львова «Стихотворения Анакреоне Тийского»). В Швеции аналогичные издания также выходили лишь в конце XVIII в.: в 1787 г. стихотворения Анакреона были

изданы вместе с произведениями других греческих авторов, а в том же 1794 г. в Стокгольме вышли «Анакреонтические песни».

В свою очередь издания переводов Вергилия в Швеции появились раньше, чем в России: шведская «Энеида» вышла в 1747–1748 гг., и шведские переводы этой поэмы публиковались на протяжении всей второй половины XVIII столетия (так, например, фрагменты «Энеиды» были переведены Ю. Тенгстремом (Tengstrqm) и изданы в «Шведском Парнасе» [233]). В России перевод первой книги этой поэмы Вергилия был издан в 1769 г. (в переводе В. Санковского), полный перевод «Энеиды», выполненный В. Петровым, вышел в 1781–1786 гг. (не полный «Еней» в переводе Петрова появился в 1770 г.).

Шведский перевод «Амура и Психеи» Апулея вышел в Упсале уже в 1666 г. В конце 1680-х гг. в Швеции была поставлена «Психея» — перевод оперы Фонтенелля-Люли (Fontenellia-Lully), представленной при французском дворе в 1678 г. (*Johannesson K.* I polstjämans tecken. Studier i svensk barock. Uppsala, 1968. S. 111). Русский перевод лафонтеновской переработки этого сюжета был издан Ф. И. Дмитриевым-Мамоновым в 1769 г., через 100 лет после французского оригинала. «Луция Апулея платонической секты философа Превращения, или Золотой осел» в переводе Е. Кострова был издан в 1780–1781 гг. В 1707 и 1708 гг. в Швеции выходили латинские тексты Цицерона, и лишь в 1737 г. в Стокгольме издано собрание его эпистол на шведском языке; в России перевод эпистол Цицерона, «Епистолии Цыцерона», был сделан в первой трети XVIII в., но и эта книга не была издана и не сохранилась [234].

На рубеже XVII–XVIII вв. в Швеции и в России переводились труды испанского дипломата Диего де Сааведры Фахардо (1584–1648), правда, в обеих странах предпочтение отдавалось разным его сочинениям: Феофан Прокопович около 1710 г. перевел «Изображение христианополитического властелина» (первый русский перевод этого сочинения был выполнен в XVII в. и получил название «Дидако Сааверра Фаскарду, образец хрестьянского политицкого князя. Сто один пример. Хорошие сиречь добрые симбальские наречия» (*Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 221), Й. Г. Спарвенфельд в 1699 г. — «Corona Gothica». Русский перевод являлся «наставлением и руководством для правителя с обоснованием идей просвещенного абсолютизма» [235], шведский — рассказом о «западноготских королях» Испании. Появление перевода Спарвенфельда мотивировано тем, что в

Швеции в XVII–XVIII вв. Испанию воспринимали не только как главного католического врага лютеранской веры, но и как страну близкородственных готов [236]. Не случайно наряду со статьями об испанских королях в этом переводе содержатся «заметки о Скандии и... Скандинавии», а представленный в конце книги список последовательно сменявших друг друга готских монархов начинается с Теодориха и заканчивается Карлом XII.

Содержащиеся в «Corona Gothica» сведения о славянах почерпнуты Сааведрой из книги Мауро Орбини «Il regno de gli Slavi hoggi corrottamente detti Schiavoni» (Pesaro, 1601), переведенной в России в 1722 г. Саввой Владиславичем-Рагузинским под названием «Книга историография начатия имене, славы и разширения народа славенского» [237] и на шведский язык никогда не переводившейся.

В XVIII в. в Швеции и в России появлялись переводы знаменитых европейских политических романов: «Телемаха» Фенелона и «Аргениды» Барклая. Шведский перевод «Телемаха» был издан в 1721 г., в России же «Телемах» был переведен в 1724 г., но издан лишь в 1747 г.; «Аргенида» в Швеции вышла в 1740 г., в России – в 1751 г. (хотя сделавший этот перевод Тредиаковский впервые перевел роман Барклая в 1725 г.).

Оказавший огромное влияние на развитие русской литературы (и русского общества) роман П. Тальмана «Езда в остров любви» (переведенный Тредиаковским и изданный в России в 1730 г.) появился в Швеции лишь в 1754 г. и был включен, в частности, в конволют, составленный из различных «путешествий»: «Путешествия к острову блаженных» (Карлскрона, 1775) Даниеля Омесиуса и «Путешествия к другим мирам» (Стокгольм, 1785) (сюда же входит «Переписка между китайцем в Лондоне и восточными друзьями» (Гётеборг, 1786) О. Голдсмита). В предисловии к шведскому изданию роман Тальмана назван бесподобным, занимавшим свое место в библиотеке кардинала Ришелье [238], сочинения которого в Швеции не переводились и были известны только в изданиях на французском языке. В свою очередь в России «Политическое завещание» Ришелье было переведено в 1725 г., и его новый перевод появился в 1767 г. [239]

Зато «Поэтическое искусство» Буало на шведском языке появилось значительно раньше, чем на русском: в Швеции – в 1721 г., в России – в 1752 г. (в переводе В. К. Тредиаковского).

Сочинения Вольтера в Швеции издавались раньше, чем в России. Его первыми изданными в Швеции драматическими произведениями были пьесы «Брут» (1739 г.) и «Утраченный сын»

(1750 г.), в России – комедия «Нескромной» (1761 г.; «Брут» был напечатан лишь в 1783 г.).

В 1745 г. в Стокгольме отдельным изданием вышло «Философское письмо славного господина Вольтера» (изданное во Франции в 1734 г.), в 1760 г. в Гётеборге – «Ода м. Вольтера на войну». В России же переводы прозаических произведений Вольтера появились в журналах второй половины 1750-х гг., «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле»[240]. Особый интерес в Швеции вызывали сочинения Вольтера, посвященные Карлу XII и российской истории начала XVIII в.: «Жизнь Карла XII» издана в Стокгольме в 1733 г. (правда, на немецком языке; русское издание этой книги появилось только в 1803 г.), «История Русской империи в царствование Петра Великого» – в Стокгольме в 1767 г. (в том же году русский перевод этого сочинения был представлен Ф. Эминым в академическую типографию, но издан не был[241]; русский текст был опубликован лишь в 1809 г.).

Зато русский перевод «Юлии, или Новой Элоизы» (точнее, первой части) Ж.-Ж. Руссо вышел в России в 1769 г., вскоре после ее появления во Франции в 1761 г.; на шведском языке это произведение не издавалось, хотя, повторим, среди русских повестей в Швеции предпочтение отдавалось именно «Юлии» Карамзина, а восприятие Руссо в Швеции является предметом изучения современных шведских ученых (эта тема поднимается в прочитанном в Упсальском университете докладе М. Х. Скунке «Ж.-Ж. Руссо в глазах шведов в 1760-х гг.»). Большая часть шведских переводов Руссо была опубликована в начале XIX в.

Знаменитый роман Мармонтеля «Велизарий» (1767) в России переводился при непосредственном участии Екатерины и был издан в 1768 г., в Швеции значительно позднее – в 1786 г. При этом в возникшем из-за «Велизария» конфликте между теологическим факультетом Сорбонны и архиепископом Парижским, с одной стороны, и Мармонтелем, с другой, и Екатерина II, и кронпринц Густав (будущий шведский король Густав III) безоговорочно встали на сторону Мармонтеля и о своей поддержке заявляли в адресованных ему письмах[242].

В России в XVIII в. были хорошо знакомы с творчеством Мильтона: «Потерянный рай» переводился А. Г. Строгановым в 1745 г., В. Петровым (издан в 1777 г.), А. Серебренниковым в 1780 г. и Ф. Загорским в 1795 г., «Возвращенный рай» – И. Грешищевым (издан в 1778 г.). В свою очередь шведские издания переводов произведений Мильтона появились лишь в XIX в. («Потерянный рай»

вышел в Стокгольме в 1815 г.). В обеих странах выходили переводы французских переделок трагедий Шекспира: характерный пример – имеющий мало общего с английским оригиналом, переведенный с французского на русский А. П. Сумароковым и изданный в 1748 г. «Гамлет». Кроме того, в России в 1787 г. были изданы «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского» (в Петербурге) и «Юлий Цезарь» (в Москве). В Швеции сочинения, представленные как переводы шекспировских трагедий и получившие название оригинала, появились лишь в XIX в. (например, «свободный перевод» «Гамлета» был издан лишь в 1819 г.).

Зато издания Свифта выходили в Швеции уже в начале XVIII столетия («Wundersahmes Prognosticon oder Prophozeyung, was in diasem». Stockholm, 1708), его книги на шведском языке начали появляться значительно позднее. Перевод «Путешествия Гулливера» в Швеции был издан в 1744, в России – в 1772–1773 гг. Перевод «Робинзона Крузо» Д. Дефо в Швеции вышел в 1739 г. (и переиздан в 1772 г.), в России – в 1762 г. (1-я часть) и в 1764 г. (2я часть). «История Тома Джонса» Г. Филдинга в России была переведена чуть позднее, чем в Швеции: в 1765 г. в Швеции (в Вестеросе) и в 1770 – в России; зато «Путешествие в другой свет» издано в России в 1766, а в Швеции – в 1785 г.

Достаточно часто в обеих странах издавались произведения А. Поупа: «Эпистола от Элоизы к Абелляру» и в Швеции, и в России вышла в 1765 г., «Опыт о человеке» в России – в 1757 г., в Швеции – в 1765 г., при этом в 1799 г. «Опыт» был издан в Упсале на английском языке. В свою очередь в России в 1761 г. в переводе Хераскова появился не выходивший в Швеции «Храм славы», а в 1749 г. Ив. Шишкиным выполнен перевод «Похищенного локона» («Букля власов похищенных»).

В Швеции роман М. Сервантеса «Дон Кихот» был известен уже в середине XVII в. [243], однако его шведский перевод был издан лишь в начале XIX в. В свою очередь в России с романом Сервантеса познакомились в 1720-х гг. [244], а русский перевод (правда, с французского) «Дон Кихота» был издан в 1769 г. («История о славном ла-манхском рыцаре Дон Кишоте»).

Первым изданным в Швеции произведением И. В. Гёте было «Страдания Вертера» (Стокгольм, 1783; в 1796 г. появилось уже четвертое издание). В России «Страсти молодого Вертера» выходили (в переводе Ф. Галченкова) в 1781, 1794 и 1796 гг., а в 1801 г. был напечатан «Русский Вертер» М. Сушкова [245], однако

первым сочинением Гёте, изданным в России, была трагедия «Клавиго» (СПб., 1780).

Кроме того, и в Швеции, и в России переводились и издавались одни и те же знаменитые стихотворения европейских авторов: так, сонет Ж. де Барро «Tes jugement, Grand Dieu, sont remplis d'équité» был переведен А. П. Сумароковым и В. К. Тредиаковским (полагавшим, что «оный Сонет толь преизрядно на Француском сочинен языке, что насилу могут ли ему подобные найтися»[246]) в России, О. Далином и С. Триевальдом – в Швеции. Притом что уже в конце XVII в. некоторые шведские авторы, например Байер (J. G. von Beijer, 1645–1705), подражали французским поэтам классицистам.

Сочинения французской, английской или немецкой литературы были равноудалены от шведской и русской литератур, в то время как пьесы датчанина Гольберга были, конечно, ближе к шведской литературе, и его произведения не нуждались в переводе с датского на шведский. Так, на титульном листе шведского издания комедии «Политическая болтовня» (Стокгольм, 1729) указано, что она «на датском языке представлена и сейчас для удобства переведена с датского на шведский». При этом на шведский язык переводились комедии Гольберга, в России никогда не появившиеся.

На русском языке первые сочинения Гольберга появились лишь в 50х – начале 60-х гг., значительно позднее, чем в Швеции. Так, комедия, известная в России под названием «Превращенный мужик» (а в Швеции – «Еппе Нильссон на горе, или Превращенный мужик»), в России была переведена в 1765 г., а в Швеции – в 1735 г. и, судя по количеству изданий, была чрезвычайно популярна. Известное «Подземное путешествие Нильса Клима» в России издано в 1762 г., в Швеции – в 1746 г.

Кроме того, в сборниках поэтических сочинений Х. Ш. Норденфлюхт и С. Триевальда встречаются переводы анонимных датских произведений, а в 1790 г. в Линщепинге вышел «Опыт перевода датской песни о победе Густава III у Свенсксунда». В свою очередь в России XVII в. большинство переведенных сочинений имело польское происхождение, и в начале XVIII в., несмотря на культурную переориентацию России, русско-польские литературные связи сохранились, и произведения польских авторов продолжали появляться[217].

Среди наиболее авторитетных европейских писателей, называвшихся в шведских и русских теоретических и историко-литературных работах, отсутствуют, соответственно, русские и

шведские авторы. Литература соседнего государства уважением не пользовалась, а ее представители были известны мало. Отечественные же поэты оказывались в одном ряду с авторами образцовых произведений того или иного жанра, но, как правило, замыкали список (как, например, Кантемир в России или Норденфлюхт – в Швеции).

* * *

В Швеции и в России в XVIII в. появлялись авторы, признанные равновеликими величайшим античным и европейским (в первую очередь французским) писателям и получившие у себя на родине (а иногда и в Европе) имя русского или шведского Анакреона, Горация, Малерба, Расина или Буало. Иногда шведские и русские авторы претендовали на роль не только национального, но и «северного» классика: А. П. Сумароков в России получил имя «северного Расина», Ю. Т. Оксеншерна в Европе – «северного Монтеня». Очевидное для соотечественников и зарубежных почитателей сходство русских и шведских поэтов XVIII в. с одними и теми же античными или европейскими классиками позволяет сопоставить творчество отдельных русских и шведских авторов на основании их одинакового статуса в истории национальной поэзии и, таким образом, выявить особенности развития шведской и русской литератур в XVIII в.

В Швеции русских и шведских поэтов начали сопоставлять уже в XIX в.: так, в «Заметках о России» (Стокгольм, 1838), пересказанных в России в 1842 г., замечено сходство М. В. Ломоносова с Г. Шернъельмом (1598–1672). По мнению анонимного шведского автора, как и Ломоносов, Шернъельм был в большей степени ученым, нежели поэтом, долго не писал стихов, не являлся первоклассным автором, преобразовал литературный язык, ввел «новые размеры в Шведскую пиитику» и именно с него начинается национальная поэзия [248].

Последнее наблюдение подтверждается шведскими и русскими текстами XVIII в., в которых Шернъельм и Ломоносов уподоблялись первому «правильному» поэту Франции – Малербу. Так, в статье «Георг Шернъельм, шведский ученый и первый поэт» говорится: «Чем был Малерб во Франции, тем же был Шернъельм в Швеции». Малерб же, как следует из приведенной в сноске цитаты из «Поэтического искусства» Буало, «был первым во Франции, кто ввел в стих правильный ритм». Следовательно, «в этом отношении был Шернъельм шведским Малербом» [249]. Точно так же в России

Ломоносов был признан создателем русской поэзии, стихотворцем, равноценным и равновеликим Малербу, по крайней мере, так исследователи русской литературы XVIII в. интерпретируют известную строку из эпистолы «О стихотворстве» А. П. Сумарокова: «Он наших стран Мальгерб, // Он Пиндару подобен»[250] (Ломоносов «оттеснил прошлое в забвение (силлабики – Плеяде)»[251]; «В своем “Поэтическом искусстве” Буало приписывает Малербу введение первой приемлемой современной модели высокой пиндарической оды, роль Малерба в русском контексте Сумароков отводил Ломоносову (в “Эпистоле о стихотворстве”)»[252]. Точно так же в «Письме к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова» Ф. Карина о великих французских и русских поэтах сказано: «Давно [во Франции. – *М. Л.*] читали Пиндара; однако чрез сколько лет открылся там Мальгерб, здесь Ломоносов, в коем мы видим сверх того и Цицерона»[253].

В то же время, кроме «шведского Малерба» XVII в., существовал «шведский Малерб» XVIII в. – О. Далин. В «Шведской библиотеке» Катто-Каллевиля о Далине сказано: «Il falloit un Malherbe, qui réduisit la Muse Suèduise aux regles des devoir»[254] (напомним, что в книгах Катто-Каллевиля сравнение шведских и французских поэтов свидетельствовало об отставании шведской поэзии, однако в отношении Далина это сопоставление, вне всякого сомнения, являлось комплиментарным), и, как отмечалось выше, именно Далин, а не Шернъельм признавался Катто-Каллевилем создателем новой шведской поэзии. Это мнение разделяли и некоторые шведские авторы XVIII в., например А. Сальштедт (о его работе – ниже), по мнению которого, Шернъельм был первым, но несовершенным поэтом, Далин же – первым великим шведским стихотворцем. Правда, другие шведские авторы в подробности не вдавались и видели в Шернъельме и Далине двух равновеликих гениев (так они представлены, например, в «Речи о Поэтическом искусстве» О. Бергклинта)[255].

В России же родоначальником национальной поэзии назывался только Ломоносов, и никаких сомнений на этот счет не возникало. При этом вопрос о русском авторе, равноценном Шернъельму, в России ставился и ставится сейчас. Так, русский переводчик шведской статьи XIX в. на сопоставлении Ломоносова с Шернъельмом останавливался отдельно и считал его правомерным и справедливым: «В очерке истории русского языка и русской литературы автор справедливо замечает, что в Ломоносове много сходства с Шведским поэтом Шернъелмом»[256]. Современные исследователи

называют Шернъельма «шведским Тредиаковским»[257]. С Далином же Ломоносова не сопоставляли ни в Швеции, ни в России, хотя оба эти автора воспринимались современниками как великие стихотворцы, прославившие национальную поэзию и ставшие, подобно Малербу, образцом для последующих одописцев[258].

* * *

Другой французский классик, имя которого наследовали некоторые европейские поэты XVIII в., – Н. Буало. «Немецким Буало» был признан Каниц (Canitz), «русским Буало» – А. П. Сумароков (1717–1777), «шведским Буало» – С. Триевальд (1688–1742). В отличие от Сумарокова, написавшего по образцу «Поэтического искусства» эпистолу «О стихотворстве» и считавшего себя «законодателем Парнаса», Триевальд следовал за Буало – автором сатир: ему принадлежат как переводы стихотворений Депрео, так и оригинальные сочинения этого жанра, содержащие многочисленные заимствования из сатир и «Поэтического искусства» Буало. При этом, по мнению позднейших шведских исследователей, роль Триевальда в формировании новой шведской поэзии огромна: «... шведский Буало обозначил переход от поэзии барокко к поэзии, ориентированной на французский классицизм»; следуя за Буало, Триевальд прививал читательской публике «французский классицистический вкус»[259]; правда, сам он «новой литературной программе соответствовал далеко не всегда»[260], поскольку в начале XVIII в. Триевальд «не мог найти в нашей земле опоры для французского классицистического вкуса, вдобавок он был небольшой поэт, и его восприятие Буало было односторонним»[261].

В XVIII в. в Триевальде видели поэта-сатирика и сопоставляли его с Буало на этом основании: в антологии шведской поэзии XVII – начала XVIII в., «Опыте к улучшению шведского поэтического искусства» (Стокгольм, 1737–1738) К. Карлсонна, о Триевальде сказано, что «Шведский поэт имеет право изобразить и резко уязвить наших поэтов-мучеников, как это делал Буало во Франции»[262] (естественно, в этом сборнике творчество Триевальда представлено сатирами, а его наиболее известные произведения этого жанра называются: «Против наших глупых поэтов» и «О тех, которые воображают себя поэтами»); «Самуэль Триевальд, шведский Буало» озаглавлена заметка в журнале «Шведский Парнас», и в ней он объявлялся поэтом-сатириком, следовавшим по пути Буало[263].

Сумароков в своей эпистоле «О стихотворстве» русским последователем Буало-сатирика объявлял Кантемира («Преславного Депро прекрасная сатира // Подвигла в Севере разумна Кантемира // Последовать ему и страсти осуждать»), хотя, по наблюдению Й. Клейна, «если сумароковская эпистола “О стихотворстве” чем-нибудь и привлекала русского читателя XVIII в., то не своей теоретической оригинальностью или изяществом своего стиля, а своим сатирическим темпераментом» [264], и для автора посвященной Сумарокову панегирической эпистолы И. П. Елагина сам он – «как автор эпистолы “О стихотворстве”, – прежде всего сатирик, достойно продолживший традицию стихотворных сатир Буало» [265]. Таким образом, и в Швеции, и в России XVIII в. национальным Буало назывался автор сатир или стихотворений, относящихся, по мнению современников поэта, к числу произведений этого жанра и направленных в первую очередь против бездарных стихотворцев (по словам того же исследователя, русской аудиторией «эпистола Сумарокова воспринимается как литературная сатира, острие которой направлено против ошибок («пороков») или нарушений поэтами классицистических правил» [266]).

* * *

Кроме знаменитых французских поэтов, национальные шведские и русские авторы сопоставлялись с античными классиками, например с Анакреоном (хотя, конечно, не только: в «Собрании писем различных творцов, древних и новых» (СПб., б. г.) М. Н. Муравьева помещена переписка Горация и Кантемира, в «Речи о Поэтическом искусстве» (Упсала, 1761) О. Бергклинта Шернъельм сопоставляется с Вергилием и Овидием [267].

«Шведским Анакреоном» в Швеции был признан К. М. Бельман [268]: как следует из предисловия к изданию его «Эпистол Фредмана» (Стокгольм, 1790), написанного Чельгреном (Kdlgren), «эту работу первоначально предполагалось издать под общепринятым именем Шведского Анакреона, именем, которое уже давно присуждено этому Писателю... оба эти поэта пели об одном и том же: о Вине и о Любви, оба пели превосходно... они рисовали похожие полотна и были вдохновлены одним Духом» [269].

В России же «русским Анакреоном», причем единственным во всем Севере, был объявлен Г. Р. Державин. В статье «О Державине» (1816) П. А. Вяземский, подобно Чельгрену, отмечал сходство дарований античного и современного поэтов: «Читая Державина и

Анакреона, вы скажете, конечно: их души были сродны. Державин при дворе роскошного Иппарха говорил бы языком Мудреца Феоского, если бы Анакреон родился на берегах Невы, то употребил бы все краски Державина для составления сих малых картин, дышащих сладострастием и негой»[270].

Правда, сам Чельгрен, в отличие от прочих шведских авторов, видел в Бельмане скорее Пиндара, чем Анакреона («один – нежный, сладостный, пленительный, тонкий, другой – бурный, поразительный, богатый, больше Пиндар, чем Анакреон»), а традиционное уподобление Бельмана Анакреону дало Чельгрену основание усомниться в самой возможности и необходимости искать прототипы гениальных современных поэтов: «Каждый истинный Гений должен владеть своей собственной самобытной формой, а ни чьей-нибудь еще... Мы обнаружим, что величайшей похвалой для каждого превосходного Писателя, для Бельмана, как и для Анакреона, было то, что один был Анакреоном, другой – Бельманом».

* * *

Материал для сопоставления шведской и русской литератур XVIII в. дают произведения, созданные примерно в одно и то же время и посвященные общей теме – внутренним проблемам национальной поэзии. Тематическое сходство таких сочинений невозможно объяснить ни политическими событиями, ни особенностью литературного развития европейских стран. В середине – второй половине 30-х гг. XVIII в. и в русской, и в шведской поэзии подводились итоги развития отечественного стихотворства и планировалось его будущее, хотя причины, побудившие русских и шведских поэтов обратиться к этой теме, и выводы, к которым они приходили, были принципиально различными.

Такими стихотворениями являются русская «Эпистола от российской поэзии к Аполлину» В. К. Тредиаковского и шведское «Письмо к автору “Шведского усердия”» Аримаспуса. Под этим псевдонимом скрывается А. М. Сальштедт (Sahlstedt), автор словарей и грамматик, многочисленных работ по эстетике и критических разборов (поэт и философ П. Д. Аттербум (1790–1855) отмечал, что рецензирование Сальштедт выбрал в качестве своего основного занятия), а также книг, посвященных самым разным темам, в том числе учреждению организации, ведающей распределением средств для сирот и выделяющей деньги на приданое выходящим замуж воспитанницам.

В Швеции Сальштедт издавался достаточно много: в 40-х гг. вышла его «Consolacia philosophia» (1744) и «Опыт шведской грамматики» (1747), в 50-х – «Замечания о шведском языке» (1753), «Характер, или Картина человеческих нравов» (1754), «Ответ на письмо на смешанные темы» (1754), «О мыслях в произведениях художественной литературы. Разговор» (1756), «Сага о петухе» (1758) и «Критика "Саги о петухе"» (1759), а также «Искусство аллегории с собранием аллегорий и их толкованием» (1758), в 60-х – «Латинский и шведский глоссарий» (1765), «Поминовение королевского интенданта Й. Х. Романа» (1767), «Беседы и басни для обучения детей латинскому языку» (1765), «Критические собрания» (1759–1765) и многочисленные работы, посвященные оптовой и розничной торговле в Швеции, в 70-х – «Письмо об употреблении и злоупотреблении правом свободы творчества» (1770), «Размышление об улучшении шведской книги псалмов» (1771), «Шведский словарь с латинским толкованием» (1773), «Литературная гениальность, в коротком сочинении рассмотренная Амазантусом» (1775) и «Шведский словарь» (1773), в том же 1773 г. посланный Сальштедтом в подарок Екатерине II [271]. Надо сказать, что в России Сальштедт был известен не только как автор словаря: его «Шведская грамматика, по нынешнему оного языка произношению сочиненная» (СПб., 1773) входила в число издававшихся пособий по шведскому языку (во второй половине XVIII – начале XIX в. в России вышли «Новое наставление к шведскому чтению и собрание слов» (СПб., 1770) и «Краткая шведская грамматика с приобщением краткого словаря употребительнейших в общежитии изречений, разговоров, пословиц и нескольких анекдотов» (СПб., 1813) Я. К. Лангена) [272].

Кроме того, в Швеции были изданы немецкий и французский переводы его грамматики: «Schwedische Grammatika» (Uppsala, 1760) и «Grammaire suédoise contenant» (Stockholm, 1769).

Как автор литературных произведений Сальштедт известен значительно меньше: в 1750 г. вышла его пастораль «Мелицерта», а в 1738 интересующее нас стихотворное «Письмо к автору "Шведского усердия"».

Издание «Письма» связано с первой в истории шведской литературы публичной полемикой. Стихотворение Аримаспуса-Сальштедта стало ответом на опубликованное в журнале О. Цельсиуса (1716–1794) «Шведское усердие» («Thet svenska nitet», 1738) его же стихотворение, посвященное старинным и современным шведским поэтам. Давая характеритику их творче-

ству, Цельсиус критиковал Колмодина (Kolmodin) и Лита (Lithou, последний был назван плагиатором) и не достаточно уважительно отзывался о почитавшемся в Швеции Ю. Руниусе[273].

Об отношении в Швеции к Руниусу говорит изданное в 1742 г. в Стокгольме стихотворение Х. Кнеппеля (Knцppel) «Разговор в царстве мертвых между умершим генерал-адъютантом высокородным господином Г. Б. Пансо и старинным знаменитым поэтом господином Ю. Руниусом». На вопрос Руниуса, известно ли его имя после смерти, Пансо отвечает: «Ваша слава, полагаю, едва ли умрет благодаря вашему остроумию»[274]. Правда, это стихотворение современниками было расценено как нелепость, и в том же 1742 г. в Стокгольме же вышла «Критика “Разговора в царстве мертвых между генерал-адъютантом Пансо и поэтом Руниусом”», однако величие Руниуса в этом поэтическом ответе под сомнение не ставилось[275].

В вошедшем в сборник Е. А. Виндаля (Windal) «Опыт скромного стихотворца» (Фалун, 1788) стихотворении «Его Королевскому Величеству» говорится, в частности, о предполагаемой деятельности старинных поэтов в Новое время («Аполлон в наше время наверняка был бы нанят»), и здесь упоминаются «отец шведских поэтов» Шернъельм и Руниус[276] (а не Шернъельм и Далин, как в «Речи о Поэтическом искусстве» (1761) О. Бергклинта).

Надо сказать, что оба полемиста были начинающими поэтами: для Сальштедта это был первый литературный опыт, Цельсиус к 1738 году издал лишь трагедию «Ингеборд» (1737; сюжет которой он заимствовал из «Hervarar saga») и стихотворную сатиру на женщин (1738). Отсюда – чрезвычайно эмоциональный и несдержанный тон полемики (неслучайно дальнейшие издания подобного рода писем были запрещены).

В стихотворениях Сальштедта и Тредиаковского, созданных примерно в одно время (русское – в 1735 г., шведское – в 1738 г.), имеющих эпистолярную форму и связанных с общей культурной традицией (оба автора апеллируют к Аполлону и упоминают «девять парнасских сестер»), содержатся рассуждения о прошлом и настоящем национальной поэзии. Правда, тематическое сходство лишь подчеркивает принципиальное отличие в восприятии поэтами истории отечественной поэзии: Тредиаковский признает существование русской стихотворной традиции, но отказывается видеть в старом русском стихотворстве поэзию, а в русских силлабиках – достойных упоминания поэтов; Аримаспус говорит об истории великой шведской поэзии; в «Письме» упоминаются Шернъельм, Колумбус, Луцидор, Лагерлеф, фру Бреннер,

Дальшерна и Руниус: «Вполне уверен я, что Шернъельм знаменит по заслугам... Вполне уверен я, что Луцидор шел прямо до конца, // Я уверен, что Лагерлеф шел прямо дорогой чести» — и далее, что раньше поэзия была «ясна и чиста»[277].

Правда, знаменитые шведские поэты XVII в. перечислялись в стихотворениях, созданных значительно раньше «Письма» Аримаспуса. Так, в известной сатире Триевальда «О тех, кто воображает себя нашими поэтами» (1708) называются «Шернъельм, Лагерлеф, Колумбус и Камен, // Вервинг, Луцидор, Шпегель и Руден. // Аурелиус и большинство из твоих верных друзей, // Среди которых прежде всех должна стоять наша Северная Сафо Бреннер»[278]. А в изданном вскоре после стихотворения Сальштедта панегирике Ульрике Элеоноре «Железное время превращается в золотое время» (Упсала, 1739) А. Хесселиуса-американца (Hesselius-americanus) упоминаются Гюлленборг, Лагерлеф, Камен, Шернъельм, Руниус, Колумбус и Руден[279].

Тема, затронутая Сальштедтом в этом стихотворении, привлекала его внимание и в дальнейшем. Ему же принадлежит подготовка издания «Собрания шведских стихотворений» (Стокгольм, 1751—1753), в которое, в частности, вошли произведения, тематически близкие «Письму» Аримаспуса: открывающее книгу стихотворение «Порода гениев в Швеции» Т. Рудена (Ruden; возможно, оказавшее в свое время определенное влияние на творчество Сальштедта), «Значение поэзии и поэтов в Швеции» Ю. Халлмана (Hallman) и «Скальд говорит своим стихам» Г. Палмфельта (G. Palmfelt).

В сопровождающей антологию статье «О шведской поэзии и этом поэтическом собрании» Сальштедт представляет краткую историю шведской поэзии: «в древнейшие времена поэтическое, или скальдическое искусство было в обыкновении в Швеции»[280], далее следует обзор творчества шведских поэтов, начиная с Шернъельма и заканчивая Далином, и указываются причины, побудившие автора включать или не включать их сочинения в антологию. Кроме комплиментов некоторым поэтам (Дальшерна имел прекрасный поэтический стиль; Шпегель хоть и находился под влиянием Мильтона, но был рожден поэтом; если София Бреннер и умрет, ее имя будет жить в памяти» и т. п.), в послесловии встречаются и критические отзывы о сочинениях шведских поэтов (Шернъельм, например, не отошел от латинской традиции, а некоторые его стихотворения «слабы и натянуты»[281]). При этом книга Сальштедта — не первая антология шведской поэзии: примерно в одно время с выходом «Письма шведским авторам» в Швеции был

издан упоминавшийся четырехтомник К. Карлссона «Опыт к улучшению шведского поэтического искусства», призванный дать современным поэтам примеры для подражания[282].

В России в первой половине XVIII в. появление подобных списков знаменитых национальных стихотворцев было невозможно: в «Новом и кратком способе» В. К. Тредиаковский упоминает одного А. Д. Кантемира, а включенный во вторую эпистолу А. П. Сумарокова фрагмент о Феофане Прокоповиче и том же Кантемире в окончательный текст не вошел (возможно, потому, что «там оба писателя получают низкую оценку как поэты: Кантемир "стремился на Парнас, но не было успеха... // Был Пегас под ним ленив"; и Прокопович, хотя и был "красой словенского народа, // Что в красноречии касалось до него", "достойного в стихах не сделал ничего". В самом деле, зачем называть этих единственных отечественных писателей (кроме Ломоносова, имя которого он добавил), чтобы им посвятить такую похвалу»[283]). Лишь «в 1755 году, в очерке истории русской поэзии Тредиаковский подробно опишет доклассическую эпоху, с почтением упомянув Симеона Полоцкого и его переложения псалмов»[284], а начиная с 70-х гг. XVIII столетия словари отечественных писателей начали выходить не только в Швеции, но и в России («Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова и «Опыт биографического словаря известных и ученых шведов» (1778–1787) Г. Гезелиуса (G. Gezelius)).

Конечно, о знакомстве Тредиаковского и Сальштедта с поэтическим творчеством друг друга говорить не приходится: Тредиаковский шведской поэзией не интересовался, в свою очередь в Швеции долгое время ничего не знали о Тредиаковском (в шведских сочинениях первой половины XVIII в. его имя не встречается ни разу). Только в 70-е гг. XVIII в. шведский читатель «Рассуждения о российском стихотворстве» М. М. Хераскова мог узнать, что «Кантемир и г. Тредиаковский исправили в некотором роде свое стихосложение, но в нем не наблюдается ни смешения стихов мужских и женских, ни полустишия, ни истинная гармония, а в иных случаях им не достает надобного числа стоп. Сии два пиита писали стихами хореическими, но род сей не был еще приведен в совершенство; впоследствии г. Тредиаковский писал подлинными хореями, и иамбами, и дактилями»[285].

* * *

Сопоставление стихотворений Тредиаковского и Сальштедта дает основание обратиться к некоторым проблемам литературной теории. Так, жанровое обозначение этих стихотворений позволяет сравнить шведскую и русскую жанровую поэтическую эпистолярную систему XVIII в.

В русской поэзии 30–80-х гг. XVIII в. встречаются произведения, названные эпистолами и стихотворными письмами. При этом в русской эпистолярной поэтической системе эти жанровые разновидности имели отдельный статус и четко различались. Не случайно манифест русского классицизма имеет название «Эпистола о стихотворстве», и в ней А. П. Сумароков упоминает только эпистолу; в то же время в поэтическом творчестве того же Сумарокова встречаются стихотворные письма, адресованные, как правило, частным лицам 286. Стихотворение Тредиаковского, представляющее собой декларативное обращение от лица Русской поэзии к Аполлону, являлось эпистолой, а не письмом. В свою очередь, с точки зрения русской теории, полемическое письмо Аримаспуса, адресованное издателю журнала, являлось письмом, а не эпистолой.

В шведских теоретических работах XVIII в. эпистолярная поэзия представлена, как правило, письмом в стихах и, отчасти, героидой (некоторые шведские поэты прославились как авторы произведений этого жанра; так, в «Истории скандинавской литературы Ф. В. Горна о Х. Лейонкроне сказано, что «самым значительным его произведением является “Переписка между Габором и Сигниллой”» 287).

Поэтому, с точки зрения шведской эпистолярной системы, стихотворение Сальштедта имело единственно возможное для него название: среди шведских эпистолярных стихотворений, выходивших отдельным изданием, встречаются, как правило, только стихотворные письма – «Письмо юного господина к папе» (январь, 1704) Ю. Руниуса, «Стихотворное письмо к юному господину» (Стокгольм, 1770) О. Бергклинта (Bergklint), «Судьба Зелинды, или Письмо к графу ** С–м» (Стокгольм, 1780), «Стихотворное письмо от отца к дочери» (Стокгольм, 1786) Лейонхювюда (Lejonhufvud), «Стихотворное письмо горожанам Стокгольма» (Стокгольм, 1790) Д. Бьерна (Björn), «Стихотворное письмо к Шведскому кронпринцу Густаву Адольфу на его 13летие» (Стокгольм, 1792) Розенгейма (Rosenheim), «Стихотворное пись-

мо тем, которые стремятся обессмертить свое имя» (Норрщепинг, 1793) Н. Сунделиуса (Sundelius).

В Швеции жанровое наименование «эпистола» было связано, в первую очередь, с апостольскими посланиями или с сочинениями, посвященными церковно-догматическим темам; к стихотворным произведениям это обозначение было неприменимо. В России же послания апостолов эпистолами назывались крайне редко, и достаточно долгое время существовало четкое разделение наименований эпистолярных произведений: апостольские тексты назывались посланиями, стихотворные сочинения – эпистолами и письмами 288.

Нарушение правил наименования эпистолярного произведения влекло за собой появление «кощунственных» сочинений. Так, в «Послании к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке» (М., 1769) Д. И. Фонвизина и в «Эпистолах Фредмана» (Стокгольм, 1790) К. М. Бельмана, названных шведскими исследователями «пародией на Библию» 289, таким образом вводится апостольская тема: в русских теоретических трудах XVIII в. «послания» всегда связывались с именем апостола Павла 290, в эпистолах Бельмана говорится о «водочных апостолах», адресатами его стихотворений являются «дражайшие братья, сестры» (правда, иногда еще и друзья), а одна из эпистол имеет характерную пародийную концовку: «Дражайшие братья и сестры! Вы будете удостоены этой эпистолы. Да, аминь. Тру-рунт» 291.

В отличие от русской поэзии, где эпистола относилась скорее к числу средних жанров, в шведской поэзии письмо была жанром низким и даже маргинальным. Так, в помещенном в журнале «Шведский Парнас» (1784) работе С. Хофа (1703–1786) «Шведском поэтическом искусстве» стихотворное письмо не принадлежит ни лирической, ни эпической, ни драматической, ни догматической поэзии. Если другие поэтические жанры, не вошедшие ни в одну из указанных групп, описывались в отдельной главе (как, например, мадригал, сонет, рондо, эпиграмма, эклога и идиллия), то письмо рассматривалось изолированно и череду разделов, посвященных различным жанрам, замыкало. В отличие от русских теоретических работ, где глава о письме начиналась дефиницией: «письмо – есть разговор двух отсутственных приятелей» (Муравьев М. Н. «Собрание писем различных творцов, древних и новых» (СПб., б. г.), или «Письмо, что грамоткой простой народ зовет, // С отсутствующими обычну речь ведет» («Эпистола о русском языке» А. П. Сумарокова)), раздел статьи Хофа, посвященный стихотворному письму, начинается с прямой оценки этого жанра: «письмо в

стихах подобно деловому письму, которое редко вызывает интерес у кого-либо, кроме непосредственного адресата» [292].

Хотя в общем и целом шведские и русские поэты XVIII в. находились в русле единой традиции, важнейшим жанром в их представлении являлась ода, в которой «поэтический энтузиазм должен демонстрироваться особенно ярко». Правда, в шведской поэзии ода не была безусловно высоким жанром, а «предполагала всякие темы, высокие и низкие, грустные и радостные, серьезные и игривые, но сохраняющая всегда некое благородство, которое отличает ее от песни» [293].

* * *

В отличие от вышедшего отдельным изданием письма Сальштедта, стихотворение Тредиаковского входит в трактат, посвященный новому русскому «стихосложению», и напрямую с этой темой связано. В данном случае материал для сопоставления дает не письмо Сальштедта, а появлявшиеся в Швеции теоретические труды, посвященные проблемам стихосложения.

Примерно в то же время, что и «Новый и краткий способ» (1735) В. К. Тредиаковского и «Письмо о правилах русского стихотворства» (1739) М. В. Ломоносова, в Швеции появились «Неоспоримые замечания о шведском поэтическом искусстве» (1737) А. Никандера. Эта книга – не первая теоретическая работа шведских авторов на указанную тему: в 1651 г. в Швеции появился трактат А. Арвиди (а незадолго до издания книги Никандера, в 1734 г., в Швеции состоялся диспут о шведском стихотворстве).

Как следует из предисловия к книге Никандера, его задача сводилась к тому, чтобы представить «некоторые Правила Латинской Просодии, которые могли бы быть действительными для нашего Языка». В самом труде представлены разделы, посвященные силлабо-тоническим размерам, цезуре, свободе поэтического искусства, гекзаметру, пентаметру, смешанным размерам и рифме. Характерно, что, по мнению Никандера, в шведской поэзии могут использоваться «практически все существующие размеры» (двусложные: пиррихий, спондей, ямб, хорей; трехсложные: молосс, анапест, дактиль, бакхий, палимбакхий, амфибрахий, амфимакр; и четырехсложный хориямб; не встречается трибрахий, но только из-за того, что «не может употребляться с приятностью») [294]. У исходящего из силлабической традиции Тредиаковского размеров, пригодных для русской поэзии, гораздо меньше [295].

* * *

Некоторые соответствия в русской и шведской литературе выявляются при сопоставлении письма Сальштедта с иными, нежели эпистола Тредиаковского, русскими текстами XVII–XVIII вв. В отличие от русской эпистолы, где выбор адресата и адресанта является мотивированным, появление в стихотворении Сальштедта некоего Аримаспуса требует разъяснений.

Сама подпись «Аримаспус» может восприниматься не только как псевдоним Сальштедта[296], но и как имя настоящего автора, представлявшего известный из текстов древних авторов народ. Из сочинений Геродота, Плиния и Страбона известно, что аримаспы, люди с одним глазом во лбу, сражающиеся с грифонами за сокровища, обитали на Крайнем севере (у Геродота по этому поводу сказано, что «выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: "арима" у скифов значит единица, а "спу" – глаз»[297]). В стихотворении Сальштедта Аполлон встречается и беседует с многочисленными аримаспами, которыми, по всей видимости, являются северяне-шведы.

В «Письме» слово «аримаспы» написано по-шведски (ari=mдnner), а имя адресанта – по-латыни (Arimaspus). Можно предположить, что таким образом выявляется один из источников этого стихотворения: в «Атлантике» О. Рудбека шведский текст сопровождается латинским переводом А. Норденхельма (Nordenhielm), и это слово читается как «arimenner» по-шведски и «arimaspus» на латыни. При этом в сочинении Рудбека рассматривается возможность отождествления страны аримаспов со Швецией[298].

Правда, в трудах шведских ученых XVII в. (и Рудбека в том числе) шведы происходят от гипербореев, которые, как пишет Страбон в своей «Географии», долгое время считались тем же племенем, что и аримаспы («древние еллинские писатели называли все северные народы общим именем Скифов или Кельтоскифов, которые первые стали различать эти народы по частям, называли Гипербореями, Савроматами и Аримаспами»[299]), но являлись совершенно иным народом. По Геродоту, гипербореи – миролюбивы, аримаспы же – агрессивны и воинственны (северные племена, «кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями, причем первыми начали войну аримаспы»[300]).

Впервые миф о счастливых гипербореях нашел отражение в книге голландского ученого XVI в. Горопиуса Бекануса (Goropius Becanus; 1518–1572) «Origines Antwerpianae» (1569). В Швеции этот труд был известен ученому, историку и поэту Ю. Буреусу (Bureus; 1568–1652), оспорившему утверждение Бекануса (для которого человеческая история начинается в Брабанте и самым древним языком является голландский [301]), что родиной гипербореев являлась Америка и что впоследствии они переселились в Антверпен [302]. По словам Буреуса, «если они [европейские ученые. – *М. Л.*] не безумцы, они не могут не видеть, что гипербореи жили в Скандинавии» [303]. Сам Буреус о «гиперборейском вопросе» не писал, но передал книгу Бекануса своему ученику, знаменитому шведскому поэту и ученому Г. Шернъельму (1598–1672). Замечания Шернъельма о шведах-гипербореях нашли отражение в комментириях его ученика О. Верелия (1618–1682) к «Hervarar saga» (1672) и были изданы Ю. Гадорфом (Hadorph) под названием «De Hyperboreis dissertatio» (1685) [304].

Из сочинений Диодора, Пиндара и Цицерона следует, что Аполлон периодически посещал северные страны [305] и поэтому, по мнению шведских ученых XVII в., был особенно почитавшимся в древнейшей Швеции богом: «известная из античных источников чудесная роща Аполлона – это знаменитая роща около старого языческого храма в Упсале, которая, таким образом, для Шернъельма была известной гиперборейской святыней Аполлона» [306]. Шернъельм же утверждал, что не только мать Аполлона Лето (о чем говорится в «Библиотеке» Диодора), но и сам Аполлон родились в стране гипербореев [307]. В «Атлантике» Рудбека Аполлон отождествлялся со шведским Балдуром (глава на шведском языке «О Вале или Волдуре» на латинском языке получила название «Об Аполлоне» [308]). По мнению Верелия, в древнейшей Швеции существовал культ Одина – Аполлона [309].

Естественно, миф о Гиперборейском Аполлоне получил широкое распространение в шведской поэзии второй половины XVII – начала XVIII в.: например, в посвященной восшествию на шведский престол Карла XI поэме известного шведского поэта, профессора элоквенции и поэтики Лундского университета А. Стобаеуса (Stobaeus; 1642–1714) «Augur Apollo» (1672) Аполлон назван «единственным солнцем царства Готов», а когда «Феб здесь... веселые песни раздаются в гиперборейских лесах и поднимаются до небес и достигают звезд» [310].

В Швеции построения Рудбека, по-видимому, не принимались всерьез уже в конце XVII в. Возможно, этим объясняется тон его известного заявления: «Тот, кто дерзнет сомневаться, что готы, завоевавшие Рим, вышли из Швеции, должны быть наказываемы судебным порядком, а тому, кто будет настолько наглым, что будет умалять древний ея возраст, должно разбить голову руническими камнями» [311]. В первой половине XVIII в. о недоверии к книге Рудбека говорили уже открыто. Э. Бензелиус-младший в своих примечаниях к «Svecia literata» Ю. Шеффера дополнил его отзыв об «Атлантике», назвав книгу Рудбека «настоящим сумасшествием» [312]; в предисловии к «Истории шведского государства» О. Далин писал, что «остроумнаго Рудбека сочинение, известное под заглавием Atlantica, не можно читать без удивления великим его дарованиям; но следовать ему с достоверностью историческою есть дело совсем невозможное. Где Платонова Атлантида лежала: в древней ли Скифии (Скифиоде), или же в Обетованной Земле, или в воображении сего мудреца, или уже потопом поглощена была, есть и будет всегда вещь нерешимая» [313] (ср. с приведенными выше высказываниями Татищева на этот счет).

Сальштедт был последователем и даже подражателем Далина: в 1739 г. он опубликовал «Ключ к шведскому Аргусу» (издававшемуся Далином журналу), а в 1758 г. – «Сагу о петухе», восходящую к «Саге о лошади» (1741) Далина. Естественно, его отношение к теории Рудбека было однозначно критическим, однако для литературного произведения материал «Атлантики» был вполне пригодным. О каких-либо особых причинах, побудивших Сальштедта ввести в свое стихотворение аримаспов (как то полемика с Рудбеком, опровержение гиперборейского мифа и т. п.), ничего не известно [314], при этом, вне всякого сомнения, это стихотворение является очередным подтверждением популярности у шведских авторов XVIII в. баснословной, описанной Верелием и Рудбеком, шведской истории. Так, например, в шведских стихотворениях, изданных во время русско-шведской войны 1741–1743 гг., присутствует «наиболее известный шведский гигант и герой» [315] Старкоттер. В 1741 г. вышли стихотворения А. Хесселиуса (Hesselius) «Высказывание древнего Старкоттера о деле с русскими под Вильманстрандом» и Ю. Холмберга (Holmberg) «Предупреждение древнему Старкоттеру по случаю его неосторожного высказывания, вместе с бессмертной памятью Вильманстрандской битвы». Кстати, в последнем произведении шведы названы «гиперборейскими медведями» [316].

Об отождествлении шведскими авторами древних шведов с гипербореями русский читатель мог узнать из опубликованного в «Ежемесячных сочинениях» (февраль 1755) «Рассуждения И. Е. Фишера о гиперборейцах или о народе, за севером находящемся»: «Олав Верелий, славной во Швеции Профессор и Библиотекарь Упсальской пишет весьма отважно, что Гиперборейцов или совсем нет на свете, или находятся они в Скандинавии, или на самом краю Ледяного моря, а сему причиною, по его мнению, ни что другое, как что столь много земель, городов и вод, находящихся под их владением, северными называются, а Олав Рудбек, его одноземец, доказывает, что имя Гиперборейцы есть Шведское» [317]. Пересказывая сочинения древних авторов, рассказывавших о гипербореях, Фишер говорит и об аримаспах: «Оставя Гомера и Гезиода, которые также о Гипербореях писали, Геродот упоминает, что Аристей (древний шарлатан, которого А. Геллий давно уже почел за непотребнаго баснотворца) [318], во-первых, писал о сем народе: "По велению Феба пошел он к Исседонянам, за теми, сказывает, живут Аримаспы, такие люди, которых природа токмо одним глазом одарила, за ними находятся Грифы, которые их злато прилежно сохраняют, а за ними, наконец, живут Гиперборейцы, которые простираются даже до моря"» [319].

В свою очередь в известных в России средневековых источниках аримаспы с доисторическим населением Руси не отождествлялись и описывались как обитатели *далеких* стран или герои не вызывающих доверия «баснословий». В переведенном с немецкого «Луцидариусе» (XVI в.) говорится, что не «ветхая Бытия Книга», а «инии святи божественныя книги» рассказывают о разнообразных дивах, в том числе об одноглазых существах: «Род тамо есть люди, зовомыя аркамисии и монокули, имеющие едино око» [320], а чуть выше: «В другой Индии есть люди, зовомые макрови, высотою 12 лактей и борются с негуи или рещи с фригалы; тот зверь подобием аки лев, имеет крыле и нохти, яко орли» [321]. В этом фрагменте смешаны разные дивы: с грифами борются не аримаспы, а некие великаны, но при этом все мифологические существа остаются в наличии.

В «Летописце келейном» Димитрия Ростовского про аримаспов говорится, что они «едино токмо око посреде чела имущии, им же непрестанная брань со грифы о бисере и злате: еже бо грифы в горах ископывают, то аримапси нуждою от них отъемлют» [322]. Наиболее обширная и «оценочная» статья об аримаспах помещена в «Книге глаголемой естестворловная»: «Аримаспи людие, сии едино токмо око в челе своем имут, ини же из них раждаются слепы...

Взором же суть велми прекрасны. И силою своеи велми храбры. Мнят они, яко нигде на вселенней обретаются людие, по два очеса имущи... Глаголют некаким языком диким, от всея вселенныя отмененным и дивным... Живут в пустынных горах каменных между Хинов и Индеев»[323]. В русских сочинениях по отечественной истории рубежа XVII–XVIII вв. не только признается существование дивов, но и объясняется их появление: разрушив вавилонскую башню, Бог смешал языки и внешность людей[324].

В русских сочинениях, изданных в XVIII в. и посвященных древнейшей истории, аримаспы назывались в ряду скифских народов и из их числа не выделялись. Так, А. Лызлов в «Скифской истории» (М., 1787) отмечал, что «сии ассийские скифы премного разплодишася и различными именовании прозвашася. Едини тауросы, иже у горы Таурос жителствуют, инии агатырси, еще эсседони (иже родителем своим вместо земли в себе чинили погребение, ибо мертвых их ядяху) и массагети, арисмани, сакеви или саги»[325]. Татищев, штудировавший «Скифскую историю», в «Истории Российской» указывал, что «есседони, аримаспи, аргинени, исседони у разных писателей древних так темно описаны, что едва дознаться можно»[326].

Среди легендарных народов, признаваемых русскими авторами «своими», фигурируют амазонки и те же гипербореи. По свидетельству Евгения Болховитинова, Феофану Прокоповичу принадлежит «Трактат о Амазонках с доказательством, что они были Славянки»[327], кроме того, «амазонский» миф стал одной из важнейших тем русской поэзии екатерининской эпохи[328]. В «Кратком изыскании о гипербореанах» В. Капнист «производит древнее наше родоначалие от славных оных гипербореан»[329], правда, как и в случае с Рудбеком в Швеции, «просвещенные друзья» Капниста сочли это «важное открытие» «бредом»[330].

* * *

Говоря о некоторых очевидных соответствиях в русской и шведской литературах XVIII в., естественно обратиться к проблеме «литературного освоения “соседственного” государства», исследовать «шведскую тему в русской художественной литературе» и, соответственно, «русскую тему в шведской художественной литературе» XVIII в.

Среди многочисленных русских переводов французских и немецких литературных сочинений встречаются произведения, главными героями которых являются шведы – короли и частные лица. В этих

текстах они выступают персонажами положительными, им противостоят отрицательные герои, иногда, но не всегда, иностранцы: датчане, французы или турки.

Точно так же в Швеции переводились или создавались художественные произведения, в которых действовали русские монархи. Правда, в отличие от шведских героев, им приходилось бороться не с противниками-иностранцами, а с внутренними врагами. Таким образом, картина восприятия литературы соседнего государства в контексте прочих литератур точно воспроизводится в произведениях художественной литературы, издававшихся в России и Швеции в XVIII в.: шведов окружают датчане, французы и турки, русские же с другими народами не контактируют, действие «шведских» произведений происходит, в том числе, в Дании и Турции, «русских» – только в России. Хотя, повторим, говорить можно лишь о тенденции: в некоторых произведениях герои-французы появляются независимо от шведско-французских политических отношений, а в некоторых не встречается ни один из представителей перечисленных народов, и герой-швед становится жертвой шведских же интриг.

Романы и пьесы, основанные на шведском материале, начали появляться в России во второй половине XVIII столетия. Первым литературным произведением на шведскую тему стал перевод «шведской повести» Комона де ла Форса «Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, короля Шведскаго».

Этот роман, изданный в Париже в 1697 г., был хорошо известен в Европе и выходил в разных странах на разных языках: в 1698 г. его перевод был издан в Лейпциге, в 1704 г. – в Венеции, в 1738 г. – в Гааге. В России и Швеции «Густав Ваза» появился позднее: в России – в 1764, в Швеции – в 1775 г. Правда, в Швеции он переиздавался в 1776 и 1786 гг., а в 1781 г. в Стокгольме вышла книга «Удивительные любовные приключения двух великих королей, Густава Вазы, или первого, и Густава Адольфа» того же Комона де ла Форса.

Русское издание «шведской повести» предваряет предисловие, в котором переводчик не столько знакомит читателя с этой работой, сколько оправдывает свой выбор. Упреки же, по его мнению, может вызвать жанр французского сочинения, историческая недостоверность описываемых событий и само обращение к малопопулярной в России шведской теме (правда, опубликованная в 1784 г. трагедия Я. Б. Княжнина «Росслав» посвящена восшествию на шведский трон Густава Вазы, однако главным героем трагедии ста-

новится плененный датчанами российский полководец Росслав, Густав же даже не значится среди действующих лиц).

При этом, излагая возможные возражения оппонентов, переводчик признает их справедливость и настаивает лишь на том, что они не отменяют целесообразности появления его перевода: «Хотя романы и не приносят такой обществу пользы, какую получает оно от чтения книг математических, философических и исторических, однакож оные удобны острить человеческой разум, искоренять пороки и насаждать добродетели, подаваемыми во оных добрыми и худыми примерами» (это заявление выглядит как реплика в известной полемике о романе). Или: «Я не утверждаю, чтоб все в оной книге написанное было правда, только знаю то, что главной предмет оной повести взят из универсальной истории и многие случаи того в самом деле происходили». Последнее высказывание могло быть сделано переводчиком, для которого действие романа было связано с чужой, а не отечественной историей. В шведском издании «Густава Вазы» историческая достоверность оговаривалась специально: в коротком послесловии указывались все незначительные, на взгляд читателя не шведа, но замеченные шведским переводчиком ошибки французского автора. По всей видимости, выявленные в романе Комона де ла Форса ошибки грубыми или унижающими национальное достоинство шведов признаны не были, и «Густав Ваза» был объявлен пригодным для издания на шведском языке.

Говоря о целесообразности обращения к шведской теме, русский переводчик апеллирует к осведомленному читателю: «Всякому знающему Шведскую историю известно, сколь великой Государь был Густаф Ваза, как возстановил он шведское королевство, стенящее толь долгое время под игом Датчан. Читатель может выбор мой хвалить или хулить, как ему угодно; я только знаю то, что легче труд другаго похулить, нежели самому потрудиться».

В России роман Комона де ла Форса стал одним из французских сочинений, служивших цели не только нравственного (о чем было заявлено в предисловии), но и «политичного» воспитания русского дворянского общества, и, таким образом, он оказался в одном ряду с переводами «Езды в остров любви» (СПб., 1730) В. К. Тредиаковского и «Любовного лексикона» (М., 1779) Ж. Ф. Дре дю Радье[331] (кроме того, еще в 1708 г. вышли переведенные с немецкого «Приклады, како пишутся комплименты», где среди многочисленных образцовых писем встречаются и примеры правильных посланий).

В романе Комона де ла Форса Густав Ваза представлен как галантный кавалер, «сложивший с себя скоро то, что природа и климат могли в него внушить суроваго»[332], знающий правила куртуазного поведения и посвящающий стихи своей возлюбленной – датской принцессе Христине[333].

В Швеции же «Густав Ваза» вошел в круг произведений, посвященных наиболее почитаемому шведскому королю, основателю новой династии Вазов: в 1774 г. была издана книга О. Цельсиуса «Густав Ваза, героическое стихотворение в песнях», а королю Густаву III принадлежит опера «Густав Ваза».

Можно предположить, что, несмотря на заявления русского переводчика романа Комона де ла Форса, в 60-е гг. XVIII в. скандинавская тема интерес в России все-таки вызывала: в 1764–1765 гг. была издана «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления» аббата Верто, в 1765–1766 гг. – «История датская», в 1766 – «Универсальная история», в 1767 – «История разных героинь» Гольберга, в 1766–1768 гг. просветительский роман Ф. Х. Геллерта «Жизнь графини шведской Г***».

В Германии этот роман был опубликован в 1747–1748 гг. (в Швеции – в 1757 г. и переиздан в 1782 г.). В отличие от «Геройского духа», события «Жизни графини шведской» происходят на фоне не только шведской, но и русской истории, во время Северной войны. Правда, время действия романа определяется лишь на основании косвенных данных: попавший в плен шведский граф оказывается в Сибири; заканчивая рассказ о злоключениях мужа в русском плену, графиня говорит: «Вот главные происшествия, которые граф мне сам рассказывал, изключая то, что касается до истории положения мест и Российских городов. Предпринятый мною план не дозволяет мне войтить во описание сих подробностей, а особливо потому, что вскоре после сего произошли в России великие перемены и благоразумные учреждения как в гражданском правлении, так и в военной силе, и из сего царства соделалась обширная империя с основанием и новой столицы Санктпетербурга»[334]. Геллерта историческая основа описанных в романе происшествий интересует очень мало: в «Жизни графини шведской» не называются ни имена полководцев, ни названия сражений, ни даты. По всей видимости, для автора было важно не место пленения графа, а то обстоятельство, что он стал жертвой интриг и к моменту нападения русских «находился при самой кончине». При этом пленение графа – необходимый элемент развития действия: герой считается погибшим, и

в его отсутствие графиня выходит замуж; жизнь графа в России является отдельным сюжетом о злоключениях героя.

Очевидно, что «русские» фрагменты «Жизни графини шведской» составлены из бытовавших в Европе «русских» мотивов: при характеристике сибирского губернатора сказано, что он «некогда при императоре Петре Великом вояжировал в Германию», «церковный служитель за самые малые деньги проводил с нами несколько часов, обучая нас языку. Потом принес он нам книги, содержащие в себе рассуждения о Греческом законе, в котором был сам весьма мало знающ» [335], шведский граф является одним из «господ ученых», трудившихся в Сибири; не случайно по возвращении из плена он рассказывает жене, в том числе, «что касается до истории положения мест и Российских городов».

Пребывание шведского офицера в русском плену – тема, популярная на Западе [336]. Благодаря находившимся в Сибири пленным шведам в Европе узнали об этой части света: пленными офицерами были авторы «Исторического и географического описания северной и восточной части Европы и Азии» Ф. И. Страленберг и «Состояния России при Петре I» Л. Ю. Эренмальм; шведские офицеры приобрели книгу Абулгачи Баядур Хана «Родословная история о татарах» (в русском переводе французского предисловия по этому поводу сказано: «народ должен благодарить за сию Историю шведским офицерам, пленникам, содержащимся в Сибири, ибо некоторые из сих господ ученые, купивши рукописную на Татарском языке сию Историю у некоторого бухарского купца, которой ея привез с собою в Тобольск, потщалися перевесть за свои деньги на Российский язык и потом сами перевели на разные другие языки» [337]). Таким образом, материал романа Геллерта был (используя высказывание Э. Леннрота о поэме Э. Тегнера «Аксель» [338]) «настолько же русским, насколько и шведским», и книга относилась к числу произведений как на «шведскую», так и на «русскую» тему.

Можно предположить, что восприятие этого романа в Швеции и в России зависело от современной изданию или переизданию книги Геллерта политической ситуации. Так, например, в России «Жизнь графини шведской» была переиздана в 1792 г., вскоре после окончания русско-шведской войны 1788–1790 гг. Весьма вероятно, что для русского читателя конца столетия описанные в романе Геллерта военные победы русских в неназванной войне могли ассоциироваться с последними военными успехами (повторим, что в шведской панегирической литературе рубежа 80–90-х гг. XVIII в. говорили о шведских победах, но с переизданием

«Жизни графини шведской» в 1782 г. это обстоятельство никак не связано). В некоторых русских текстах XVIII в. все русско-шведские войны изображались как единая победоносная кампания. Так, в «Щите веры» (1913) опубликован старообрядческий рукописный сборник духовных стихов XVIII в., содержащий 3 «псальмы о победе швецкой» [339]. Первые две «псальма» — канты Петровской эпохи, но третье, силлабо-тоническое стихотворение посвящено великому князю Павлу Петровичу («Ныне чувствами объемлет, и каков есть мыслию внемлет, // Веселися слухом и играя духом, // О Павле»). При этом все три стихотворения, независимо от времени их создания, оформлены сходным образом: пронумерованный текст предваряется выделенным вступлением («Псальма о победе швецкой, 1: Радуйся российский орле двоеглавный, // Ты бо еси ныне во всем мире славный»; «Псальма о победе швецкой, 2: Днесь орле российский простре свои крыле, // Восприимши воинов мужественных в силе»; «Псальма о победе швецкой, 3: «Восплещи, воспой, Россия, // Ощущая дни драгия, // Новград веселися, // Ревностно спешися // Сретати»).

Шведская тема появляется в русской литературе в начале XIX в. в пьесе Х. А. Вульпиуса (во всех изданиях всех его сочинений названного автором «Ринальдо Ринальдини») «Карл XII при Бендерах» (СПб., 1810; оригинал издан в 1800 г. в Рудолштадте). Исторической основой этой пьесы является так называемый «калабалык в Бендерах» (февраль 1713 г.) — вооруженное сопротивление горстки шведов во главе с Карлом большому турецкому отряду.

Мужество шведского короля во время этого сражения вызывало восхищение не только в Швеции (в политической аллегории Сведенборга «Camena Borea» этот эпизод представлен в главе «Tarticanes et Furiae Ejus», где «вооруженные огнем Фурии намереваются напасть на замок Льва», и «Лев вел войну против Фурий» [340]), но и в России. Так, в «Выписке из последних писем господина посла Матвеева из Вены» калабалык в Бендерах описывается с явной симпатией к Карлу: «И первый окоп приступом взят с уроном трех сот человек турок и татар, где шведы себя обороняли отчаянно с неописанною храбростью. Уведя то, Король Шведский вшел с лучшими офицеры в избы деревянныя, осыпанныя землею внутри того окопа и по держанному совету между хана и Серакера на третей день пушечною стрельбою и метанием бомб стали тот последней окоп добывать, от которых бомб те избы загорелись. Тогда он, Король, видя свою крайнюю погибель, еще так сильно оборонялся, что больше десяти человек из Янычар сам своими руками до

смерти побил и наконец принужден быв из того окопа выскочить по той стороне, где Спаги приступали, которые его поимали раненаго по лицу и по руке»[341].

В пьесе Вульпиуса Карл – мужественный рыцарь, вызывающий почтение врагов: положительный герой Асков говорит про Карла: «Хотя здесь не носит он звезды, но его взор бросает лучи, он рожден быть Королем»[342]; другой противник Карла – Басса, обращается к шведскому королю со словами: «Твоя память будет для нас незабвенна, твоя чудесная храбрость будет наполнять наших детей и внучат удивлением»[343]. В финале пьесы, после военного столкновения с турками, Карл говорит: «Я так всегда жил как король, сражался как король и надеюсь умереть как король», и окружающие, турки, татары и шведы, отвечают: «Да здравствует король».

Характерно, что в пьесе акцентируется внимание на национальной принадлежности Карла и его солдат: «Шведы окружают его как твердая стена»[344], – говорит главный герой, благородный шведский офицер Густав; «Кто чего-нибудь страшится, тот не заслуживает быть при мне, тот не Швед»[345], – говорит Карл. «Разве ты сомневаешься в моем мужестве»? – спрашивает Асков. «Против шведов: точно так», – отвечает французский авантюрист Ласер; тот же Густав говорит своему противнику: «Вы обманываетесь, я швед и не люблю уловок»[346]. Характер каждого персонажа этой пьесы определяется его национальностью: француз безнравственен и коварен (неслучайно на жизнь Карла покушается отрицательный персонаж – Ласер), татарин жесток, швед благороден (национальные характеристики принадлежат самим героям пьесы: «Черт меня возьми, я имею только дело с грубыми шведами и с глупыми магометанами, а я – я француз»[347]. Высшая похвала для героев драмы – быть признанным шведом: «Карл (треплет его по плечу): Ты Швед»[348]. В результате в пьесе немецкого драматурга торжествуют благородные шведы и справедливые татары, а коварный и трусливый француз оказывается униженным и посрамленным.

В Швеции «Карл XII при Бендерах» появился лишь в 1830 г., в то время как другие сочинения Вульпиуса издавались на шведском языке уже в конце XVIII в. Так, в 1798 г. в Стокгольме вышло его «Театральное путешествие», переведенное автором многочисленных оригинальных и переводных пьес (в том числе произведений К. Гольдони, Гренье, Л. Данкура, Ф. Виве) К. М. Энвалльсоном (1756–1806). Ему же принадлежит перевод сочинения немецкого драматурга Ф. Й. Бабо «Петр Великий, или Стрельцы. Пьеса в 4 актах. Основана на реальных русских событиях» (Стокгольм, 1799;

«русская» тема нашла отражение и в оригинальном творчестве Энвалльсона: в 1790 г. он издал «Радостный дивертисмент по причине счастливого возвращения короля Густава III с войны»).

В основу пьесы Бабо положен известный эпизод русской истории — подавление Петром стрелецкого бунта. Европейский читатель мог знать об этом событии из «ругательного» описания в «Дневнике путешествия в Московию» посетившего Москву в конце XVII в. в составе посольства императора Леопольда I и имевшего возможность лично наблюдать расправу над стрельцами И. Г. Корба.

В начале пьесы Бабо как будто предлагает традиционную трактовку стрелецкого бунта и выводит Петра таким, каким он изображался в многочисленных шведских сочинениях начала XVIII в. и в дневнике Корба. Стрельцы и их идеолог, жена арестованного стрелецкого генерала Мария Павловна Очакова, говорят о кровожадности царя, о «мрачных тюрьмах, его громыхающих оковах, его кровавых секирах»[349]. Однако Петру Бабо оказывается положительным героем: Лефорт называет царя «просвещенным монархом», сам Петр сталкивается, по его словам, с «упрямым сопротивлением всем своим добрым делам» и поэтому намеревается «направиться к народу, потому что мы должны лучше узнать друг друга»[350]. В результате Мария Павловна, ее муж (который, являясь главой заговора, признается, что «ненавидит восстания сильнее, чем смерть и чуму»[351]) и их сын Федор постигают характер своего государя («царь не тиран, как Суканин [главный бунтовщик. — *М. Л.*] и прочие выродки его себе представляют», «царь милостив; его сердце открыто для милосердия»[352], — говорит Мария Павловна) и становятся его верными слугами. В конце пьесы звучит тот же общий возглас, что и в «Карле XII при Бендерах»: «Живи наш монарх, наш отец».

Кроме пьесы Бабо, в Швеции в конце XVIII в. появилась «драма в двух актах» «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина» (1789), сочиненная шведским королем Густавом III. Из предисловия к этому произведению в издании «Театральных сочинений короля Густава III» (Стокгольм, 1826) следует, что в ее основу положен анекдот из вышедшей в Германии книги Я. Штелина «Анекдоты о Петре Великом» о женитьбе русского царя[353]. Правда, обычай собирать царских невест был хорошо известен в Швеции из других, изданных раньше анекдотов Штелина, источников: например, из «Известий о греческой, и в особенности русской, церкви» (Упсала, 1767) Э. Кронстранда (Kronstrand) (который в свою очередь ссылается на Страленберга)[354].

В пьесе Густава разрабатывается затронутая в «Густаве Вазе» Комона де ла Форса тема влюбленного монарха, при том что, в отличие от французского романа или пьесы Бабо, государственная тема отсутствует здесь как таковая: перед ярмаркой невест русский царь, опасаясь, что его возлюбленная Наталья Кирилловна Нарышкина душевные достоинства ценит меньше высокого общественного положения, выдает себя за некоего Ивана Голицына, а роль выбравшего невесту царя отдает придворному немцу Гофману; Наталья Кирилловна выдерживает испытание и говорит о своей любви ко лжеголицыну, то есть настоящему монарху.

Поступок Натальи Кирилловны воспринимается окружающими как продиктованный желанием следовать образцу романных героев и поэтому вполне литературный: «Ах, до чего полезно читать романы», – говорит одна из претенденток на корону Евдоксия. Трезвомыслящие герои также склонны рассматривать происходящее действие как литературное. Так, царский наперсник Федор говорит: «Мне кажется, что роман завершен, что остается лишь разрешить загадку и закончить любовное действие восшествием Натальи на престол»[355].

В пьесах Бабо и Густава III русские цари остаются неузнанными своими подданными и общаются с ними как частные лица (в пьесе Бабо царя не узнает его противник – сын сосланного стрелецкого генерала Федор). Этот мотив встречается не только в известной в России истории Гарун аль Рашида (который действует в указанном выше «переводе с турецкого» «Ах, какая прекрасная сказка»), но и в произведениях русской драматургии рубежа XVIII–XIX вв. Например, в трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской», где превращение князя в простого воина во время Куликовской битвы вызвано причинами как личного («Сияние сих барм всех Русских соберет // И от главы моей погибель отженет, // А я опасностей и смерти лишь желаю»), так и тактического («О, Брянский, верный друг! // Под знаменем большим // На место стань мое, и мужеством *спокойным* // Ты рати подводи ко подвигам достойным»[356]) характера. При этом и русский, и немецкий драматурги опираются на реальные события: описанный в русской пьесе поступок Дмитрия Донского является легендарно-историческим фактом, в шведской пьесе перевоплощение Петра объясняется, в том числе, хорошо известной на Западе историей о путешествии русского царя в Европу под именем Петра Михайлова[357].

В обеих шведских пьесах на русскую тему присутствуют русские реалии; например, в шведском издании сочинения Бабо упомина-

ются «крестные братья» или приводится труднопереводимое «русское приветствие»[358]. При этом в примечаниях к тексту шведский переводчик не только разъясняет малопонятные шведскому читателю русские слова, но и поправляет Бабо. Так, в пьесе фамилия русского генерала пишется «Ossakov», однако в комментарии переводчика уточняется, что правильнее было бы писать Odschjakof. Точно так же в сочинении Густава III активно используются русские слова: denschnick, knes, bojar, postelnitza, хотя русские красавицы называют друг друга дамами. Надо сказать, что русские названия, хоть и не в таком количестве, встречаются и в других, правда, не литературных, шведских сочинениях, например praslawnoi Christianin в «Известии о греческой, и в особенности русской, церкви» (Упсала, 1767) Э. Кронстранда, Maslanitz в «Удивительных и забавных Сибирских анекдотах» (Вестерос, 1790) и Prasdniker в «Несобранных заметках, касающихся русских» (Лунд, 1803) К. Берлинга (Berling) (об этих книгах ниже).

В свою очередь в переведенных на русский язык «шведских» произведениях характерные шведские реалии отсутствуют; если в романе Комона де ла Форса дамы и кавалеры обмениваются на балу дротиками, то этот обычай связан скорее с французской, нежели шведской (точнее, датской) придворной жизнью.

Как показывает обзор, количество переведенных сочинений на русскую и шведскую тему, появившихся, соответственно, в Швеции и в России, было невелико, а оригинальных – крайне мало. Характерно при этом, что художественные произведения шведской тематики принадлежали, как правило, известным европейским авторам и переводились как в России, так и в самой Швеции. Сочинения Густава III или Бабо в России не переводились и известны не были (лишь в 1877 г. в России появился перевод комедии Бабо «Пульс»).

При этом в России для перевода выбирали произведения шведских или иных европейских авторов, обязательно объявляющих о своем расположении к Петру и к России. Подобные заявления встречаются и в «Монументе» К. Ингмана, и в романе Геллерта, где шведский граф признает правоту россиян («Досада Россиян против шведов весьма велика за впадение наше в их границы»[359]), и в пьесе Вульпиуса («Я знаю Царя, он сколь храбр, столь и справедлив, он скажет, правда, что Карл был смертельный враг мой, но он Король, его особа священна. Тот, который отважился наложить на него руку как убийца, тот злодей! Задавите его!»[360]; вероятно, здесь

содержится намек на известную историю о казни Александром Македонским убийцы персидского царя Дария Беса).

В первой трети XIX в. в России появились переводы шведских произведений, посвященных событиям Северной войны, и здесь оценке подлежат только их художественные достоинства, а не политические симпатии автора. В 1828 г. в России вышел прозаический перевод «романса» Тегнере «Аксель», где герой, в частности, говорит: «Остер меч отца моего, особенно на Москвитян. Как радостно было разить их! Я бы желал, чтобы сам Король это видел. Они падали как спелые колосья под серпом» [361] (ср. с рассказом шведской графини: «граф послан был для взятия одной неприятельской батареи, к которой должно подходить чрез дефиле. Он к нещастию своему был отбит с немалою потерею солдат» [362]). Или: «Тогда уже находился град Петров на завоеванном берегу спящего Севера. Тогда он был мал, как новорожденный дракон, лежащий при заливе на песке, согретом солнцем; но приметны уже свойства молодого чудовища – уж яд кипит в зубах его, оно шипит раздвоенным языком. Там снаряжали флот, коему назначено было смертию и пламенем опустошить берега Свеи» [363].

Для русского переводчика начала XIX в. не существенно, что герой поэмы сражается с «москвитянами», а Петербург сравнивается с чудовищным драконом, и что комплименты Петру были бы здесь неуместны, значительно важнее, что язык «в сочинениях Тегнера чист и богат прекрасными и оригинальными выражениями и оборотами, всякой сочинитель Шведской в этом отношении должен уступить ему первенство» [364].

III. Литература и политика

Исследуя русско-шведские литературные контакты в XVIII в., необходимо учитывать, что появление большинства русских и шведских сочинений схожей тематики объясняется политическими взаимоотношениями стран. При этом некоторые связанные с этим обстоятельством литературные явления встречаются только в одной из литератур; например, наряду с комплиментарными шведскими стихотворениями, посвященными шведским монархам, в конце XVII – начале XVIII в. выходили отмеченные стихотворения Спарвенфельда – на смерть короля Карла XI и Лиллиемарка – на бракосочетание принцессы Ульрики-Элеоноры и герцога Фридриха на русском языке (правда, как указывалось выше, в отличие от со-

чинений Спарвенфельда, не ясно, каким образом это стихотворение связано с русско-шведскими политическими взаимоотношениями); кроме панегирика «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича, в Швеции в XVIII в. издавались оригинальные оды, посвященные российским императорам[365].

При этом особое внимание шведские авторы уделяли русским монархам XVIII в., имевшим шведское происхождение. Так, в 1760 г. в Стокгольме вышло стихотворение Х. Ш. Норденфлюхт «Его Высочеству Павлу Петровичу, Великому Князю Российскому», в котором прославлялся Петр I, Елизавета Петровна, наследующий им принц и упоминался Карл XII: «На Троне Петра Великого невозможно быть незаметным, // Европа желает увидеть в тебе больше, чем обычную Добродетель, // Наш Север хочет судить о твоем успехе, // Отрасль рода Карла для него ценна, // Твои кровь и долг повелевают тебе блюсти свою честь»[366]. Таким образом, по мысли знаменитой шведской поэтессы, старинный спор двух народов можно считать законченным, государства окончательно помирились, и одно из них будет управляться потомком обоих великих монархов Севера (отметим попутно, что императрице Елизавете Петровне это стихотворение понравилось).

Затронутая Норденфлюхт тема получила свое развитие в оде «На ее императорского величества Елизаветы Петровны прескорбную кончину» (Стокгольм, 1762) автора многочисленных стихотворений на случай (на день рождения кронпринца Густава – в 1762 г., короля Густава III – в 1778 г. и королевы – в том же 1778) Ю. Брелина (Brelin; 1734–1782)[367]. Это стихотворение представляет собой панегирик русской императрице, причем некоторые включенные в него комплименты встречаются и в посвященных Елизавете русских торжественных словах и одах («...только во имя всеобщего мира она была вынуждена одерживать победы»[368]). Говоря о наследнике Елизаветы – Петре III, шведский автор вводит основной для шведских панегириков шведским королям мотив: в жилах правящего монарха течет кровь великих шведских королей, Густава Вазы, Густава Адольфа и Карла XII (примеры такого рода встречаются практически в каждой шведской оде середины – второй половины XVIII в., посвященной шведскому королю: «...он самый известный на Земле Принц Крови Великого Густава» – в «Оде на мир между Швецией и Россией»[369] 1743 г. О. Далина, или: «О, кровь Густава Адольфа! О, Отец Отечества» – в оде «На победу у Хегланда 17 июля 1788 г.»[370] К. Леопольда). В стихотворении на смерть Елизаветы Петровны о Петре III гово-

рится, что «его происхождение известно от Карлов и Густавов»[371]. При этом Петр является также и наследником великих монархов России; в результате, по мысли шведского поэта, «пусть Тот, Который дал обеим странам потомков Вазы, соединит наше Благо так же, как он соединил обе Крови в одну»[372].

В русских стихотворениях, посвященных восшествию на престол императора Петра III, его русско-шведское происхождение также упоминается, правда, об окончательном примирении двух стран речь не идет. В «Оде на день восшествия Петра Феодоровича на всероссийский престол» (1761) А. П. Сумарокова отмечается, что соперничество между Петром и Карлом продолжается, и Петр вновь одолел Карла:

Там Петр и Карл соторжествуют,
Сердца геройски веселят,
Веселие свое делят,
Друг другу радость повествуют.
Петру там тако Карл вещает:
Империя и Шведский трон
Петру порфиру посвящает,
Но Богом Император он,
И к лутчей вознесен судьбине,
Всевышний тако учредил:
Меня ты прежде победил,
И победил меня и ныне.

Возможно, таким образом Сумароков опровергал противоположную интерпретацию этого события: русский престол занял потомок шведского короля, который, как сказано в посвященном Полтавской битве «Изъявлении фейерверка» (М., 1709–1710), намеревался стать северным царем, т. е. править и в Швеции, и в России. В свою очередь в стихотворениях Норденфлюхт и Брелина ни о каком продолжении соперничества между Петром I и Карлом XII, а тем более о шведской победе, речь не идет.

Правда, Петр и Карл примиряются и в русских текстах второй половины XVIII в.: например, в «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева Карл признает в Петре «победителя, друга и великого человека». В «Разговоре между Петром Великим, императором Всероссийским, и Карлом XII, королем Шведским, о славе победителей» (СПб., 1778) Ваттеля одерживающий победу в диспуте Петр отдает должное Карлу: «Большая часть твоих гренаде-

ров и простые твои солдаты столько же были храбры, как бы и самый Александр»[373].

* * *

В начале столетия ни в русской, ни в шведской поэзии разговор о дружбе между Петром I и Карлом XII и их взаимном уважении не шел (хотя в докончальной грамоте 1699 г. о Карле говорится, что он «с нашим Царским величеством желает пребывать в соседственной дружбе и в любителных пересылках по договором Вечного миру»[374]). Северная война сопровождалась выходом многочисленных русских и шведских панегириков, многие из которых носили явно пропагандистский характер и были направлены против монарха вражеской страны.

В Швеции такие стихотворения появлялись в самом начале войны и были вызваны победами шведской армии. К числу наиболее известных сочинений такого рода относятся стихотворения на латинском языке «главы отдела пропаганды» при Карле XII О. Гермелина (Hermelin), называвшего Петра Атиллой и Тамерланом (плененным под Полтавой и, по легенде, зарубленным самим Петром), и «Боевая песня о Короле и господине Педере» Г. Дальшерны (Dahlsterna), где Петр представлен незадачливым женихом, сватающимся к красавице Нарве, а Карл благородным и великодушным победителем («Сказал король Карл: Весь мир увидит, что я отнюдь не жажду крови»[375]).

В латинской поэме А. Стобаеуса (1642–1714) «Нарва» Петр представлен жестоким, трусливым и вероломным тираном. Начиная войну с Карлом, он уверяет последнего в своей дружбе и преданности и нарушает клятву: «Царская натура жестокая, свирепая... лживая, жестокая и надменная... он изучил искусство обманывать, притворяться и науку вредить, изображать искренность и неискренне улыбаться»[376]. В своей речи к «бесчисленным толпам» Петр, «опьяненный яростью» «русский Фаларис», призывает отомстить за прежние поражения, за «позор нашего предка», «могущественного Алексея»[377], чьей «бледной тенью» он себя не считает, и также, как и Алексей Михайлович, терпит сокрушительное поражение.

Надо сказать, что в русских и в шведских панегирических текстах упоминание правившего отца правящего ныне монарха использовалось достаточно часто: в книге «Торжественныя врата, входящая в храм безсмертныя славы непобедимому имени» (М.,

1703) Петр уподобляется Александру Македонскому, а Алексей Михайлович – Филиппу Македонскому; в стихотворении О. Рудбека-младшего, посвященном смерти Карла XI и вступлению на престол Карла XII, тождественность имен покойного и нынешнего королей указывала на преемственность королевской власти (не случайно в этом издании напечатано изображение птицы Феникс [378]). Однако в «Нарве» сопоставление русского царя с отцом становится приемом инвективным; по мнению Стобаеуса, неспособность русского монарха одержать победу над Швецией является наследственной чертой [379].

Вместе с тем, в «Нарве» Петр называется «Алексеевым сыном» неоднократно и при этом с Алексеем Михайловичем уже не сопоставляется («Алексеевич, охваченный ужасными эмоциями», призывает захватить Нарву [380], «Король желал встретиться с Петром, сыном Алексея, с мечом в руке» [381]). Конечно, в шведских текстах XVII – начала XVIII в. российский монарх, как правило, назывался по отчеству: например, в рукописном «Societaties literaria» говорится, что морскую академию в Петербурге основал Petro Alexowitz [382]. При этом в некоторых шведских сочинениях XVIII в. имя царя могло даже не называться; так, в стихотворении «На прескорбную кончину ее императорского величества русской императрицы Елизаветы Петровны» (1762) сказано: «Видит Твой [России. – *М. Л.*] народ, что Твоя Петровна сделала» [383]; в «Стихотворении на мир» (Еребро, 1790) Е. А. Виндаля относительно Екатерины II задается вопрос: «Алексеевны щит должен предательски возвышаться?» [384] Если в стихотворении Брелина Елизавета представлена как продолжательница дел Петра и именно поэтому называется по отчеству, то об отце Екатерины «Алексее» ни в шведских, ни в русских текстах, естественно, не говорится ничего. «Необоснованное» употребление отчества Екатерины шведским поэтом связано с тем, что в сочинениях европейских авторов отчество российского монарха могло заменять его имя; например, в «Портативном историческом словаре знаменитых женщин» (Париж, 1769) Ж. Ф. Лакруа в статье о Екатерине I сказано: «Алексеевна (Екатерина) – императрица России» [385].

Однако в произведениях младших современников Стобаеуса Петр по отчеству называется нечасто. По всей видимости, в сочинениях этого автора Алексей Михайлович упоминается потому, что Стобаеус застал эпоху его правления (1645–1676), с именем этого монарха связывал российскую верховную власть и имел воз-

можность сопоставить царствование Алексея Михайловича и Петра Алексеевича.

В свою очередь в победословиях, появившихся в России сразу после Полтавы, говорится о ранении Карла и наказании «гордого»: «Петр ныне гордоходящаго охроми и крепкаго обезсили»[386]; в «Божьем уничижителей гордых уничижении» введена «Лва надпись: хром, но лют»[387]. Говоря о бегстве раненого Карла в Турцию, русский автор мог использовать новозаветные аллюзии: «Турецкая земля нам явно учинила, // Как ранена глава тамо ся уклонила»[388] (примеры подобного «кощунства» встречаются и в шведских текстах: на выбитой после Нарвы медали царь Петр сравнивался с апостолом Петром: «Изшед вон, плакася горько»[389]).

Традиция высмеивать монарха вражеской страны сохранялась на протяжении всего столетия, и каждая новая война сопровождалась потоком стихотворных инвектив в адрес шведских королей. Если же некоторые шведские короли и оказывались вне поля зрения русских авторов, то лишь потому, что в них не видели достойных внимания противников.

Как правило, из русских текстов XVIII в. видно, с кем из шведских монархов Россия ведет войну: в начале столетия постоянно упоминался Карл XII, в конце – Густав III. Однако установить на основании русских панегириков, кто правил Швецией в начале 40-х гг. XVIII в., не представляется возможным. Так, если в русских сочинениях 1790 г. говорится о заключении мира между Россией и Швецией, или Екатериной II и Густавом III («Описание фейерверка по окончании торжества на случай заключеннаго мира между Ея императорским величеством Екатериной II, самодержецею Всероссийскою и пр., и пр., и пр. и его величеством Густавом III, королем Швеции»), то в русских текстах 1743 г. – о заключении мира между Елизаветой Петровной и Швецией («Описание фейерверка и иллуминации, которые при торжествовании заключеннаго между Ея императорским величеством Самодержецею всероссийскою и Короной Шведскою вечного мира» Я. Штелина).

Естественно, в шведских панегирических одах правивший с 1720 по 1751 гг. Фридрих I ставился в один ряд с великими монархами прошлого (например, в «Поэтических мыслях о возникновении наук и препонах им» (Упсала, 1750) О. Бурмана (Burman) упоминаются «замечательные Ярлы, Фридрихи, Густавы и бесподобные Карлы»), но в России говорили лишь о «Карлах и древних Густавах» («Слава русских и горе шведов». СПб., 1790).

«Нынешний» Густав, в представлении русских авторов конца 80-х гг. XVIII в., достоин лишь осуждения и осмеяния.

При этом Густав III становился объектом насмешек Екатерины II даже тогда, когда отношения между странами были дружескими и добрососедскими. В своих письмах императору Иосифу II и Гримму Екатерина, говоря о Густаве III, «давала выход своему сарказму» [390]; узнав в 1783 г., что во время смотра войск шведский король упал с коня и повредил руку, Екатерина якобы заметила: «Куда какой неловкий герой – падает подобным образом на маневрах перед своим войском» [391]; 27 мая 1788 г. датируются ее слова: «Буде полуумный король шведской начнет войну с нами, то великий князь останется здесь» [392].

В начале войны 1788–1790 гг. императрица якобы говорила: «Король шведский себе сковал латы, кирассу, брассары и квиссары и шишак с преужасными перьями. Выехавши из Штокгольма, говорил дамам, что он надеется им дать завтрак в Петербурге, а, садясь на галеры, сказал, что делает опасный шаг. Своим войскам в Финляндии и Шведам велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачить Густава Адольфа и окончить предприятие Карла XII. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции, также уверял он шведов, что меня принудит сложить корону» [393].

Так, образ нелепого и хвастливого авантюриста на троне был предложен самой Екатериной, и именно таким шведский король был представлен в принадлежащей императрице «Сказке о Горе-богатыре Косометовиче и опере комической, из слов сказки составленной» (СПб., 1789; по словам Я. Грота, «Екатерина потребовала “отыскать” “Сказку о Фуфлыге-богатыре”, чтоб из нее сделать оперу» [394]).

Тема, введенная в русскую литературу Екатериной, была подхвачена В. Петровым, издавшим в 1788 г. «Приключения Густава III, короля Шведскаго». В этом сатирическом стихотворении «внук» Густав III, который «в мире жить устав», «по-карлову остригся» и объявил России войну, выслушивает наставления «деда» Карла XII. О том, что Густав следует примеру Карла, говорилось не только в русских сатирах, но и в победословиях; например, в «Песнопении ея императорскому величеству ... Екатерине II на победоносное ея оружие на севере и юге, на суше и на море» (СПб., 1788) Ф. Козельского сказано:

В полях Полтавских враг попранный
Грозящий громом нам похвал,
Петром Великим обузданный,
Кто челюсть львову разуздал?
Отечествия сын несытый,
Таким как он студом покрытый,
Он пал и Павла превознес
Победой громкой до небес.
И возрожденный Карл в Густаве
Прибавил русской славы к славе [395].

Как новый Карл XII – победитель русских Густав III представлен и в шведских панегириках времен русско-шведской войны 1788–1790 гг. Так, в «Четырех совершенно новых военных песнях» (Фалун, 1789) сказано: «Русским еще обидны их раны, и поэтому они снова начинают царапаться, Они еще раз хотят нанести нам урон: их память коротка, они забыли, как Карл их прогонял. Возможно, они вооружаются в надежде, что этот герой закончил свой жизненный путь и некому больше их повергнуть. Бедняги они, в Густаве можно увидеть подобие Карла» [396] (в шведском оригинале текст также несегментирован).

Правда, значительно чаще с Карлом XII сравнивался брат короля Густава III, герцог Карл Зюдерманландский, будущий король Карл XIII, во время войны 1788–1790 гг. командовавший шведским флотом. Так, в оде К. Леопольда «На победу у Хогланда 17 июля 1788 г.» (Стокгольм, 1788) о герцоге Карле говорится, что он «достоин великого имени, которое еще ужасает мир» [397], а в оде «Экспромт на его королевского высочества герцога Карла прибытие в Норрчепинг» (Стокгольм, 1788) – «Имя Карла еще почитается на Севере, // Стань тогда, о великий Карл, радостной надеждой нашего будущего» [398].

В шведской поэзии герцог Карл мог изображаться как величайший полководец вне всякой связи со своим предшественником. В посвященной ему речи «На высокие именины» (Стокгольм, 1791) Ю. Линдебека (Lindebдck) говорится о победах России над Турцией и ее поражении от Швеции: «Карл – твоя честь была божественной, // С Героями в бою Ты прервал полет Орлов. // Геройством горело твое мужество, // Бессмертным стало твое имя» [399].

В шведской панегирической поэзии Густав III уподоблялся, как правило, Густаву Вазе и Густаву Адольфу, однако во время шведско-русской войны прообразом нынешнего монарха должен был стать

шведский король, одерживавший над русскими блестящие победы, т. е. Карл XII.

В «Приключениях» В. Петрова снаряжающийся в поход Густав не только «по-карлову остригся», но «И чтоб избыть в здоровье траты, // Оделся в латы, // Как в кожу льва осел» [100]. Известно, что сюжет басни Эзопа «Осел в львиной шкуре» использовался русскими поэтами XVIII в. в стихотворной полемике (притчу А. П. Сумарокова «Осел во львовой шкуре» (1760) «Ломоносов имел все основания принять на свой счет» [101]), и, таким образом, сатира Петрова оказывалась в контексте аналогичных стихотворений, адресованных врагу. Вместе с тем, в отличие от инвективы Сумарокова, направленной против поэтического оппонента (в источнике русской притчи говорится: «так иные неучи напускной спесью придают себе важность, но выдают себя своими же разговорами» [102]), сочинение Петрова представляет собой «военную» сатиру (и в большей степени напоминает переделку басни Эзопа Бабрием: «Но ветер, дунув, обнажил ему спину, // И он под шкурой всеми тотчас был узнан. // И человек сказал, избив осла палкой: // "Коль ты осел, не принимай же вид львиный"» [103]). Возможно, сравнение лат с кожей льва было вызвано насмешками Екатерины над рыцарственностью Густава; возможно, таким образом Петров продолжал ряд образцовых для шведского короля героев и включал в него, кроме Карла XII, Геракла (ср. в оде Ломоносова «На прибытие... Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург»: «Всяк мнит, что равен он Алкиду // И что Немейским львом покрыт» [104]). Но также можно предположить, что это сравнение очередной раз указывало на стремление Густава уподобиться Карлу: эзоповский осел, переодетый львом, появлялся в русских панегириках времен Северной войны, по всей видимости, известных Петрову.

* * *

На одном из транспарантов, поставленных в Москве в январе 1710 г. по случаю празднования Полтавской победы, был изображен «осел "во львиной коже гордящийся", и многие звери, избегавшие встречи с ним и со страхом озиравшиеся на него. Под изображением имелась надпись: "Хотяше страшен бытии". Рядом на другой картине были показаны тот же "презренный" осел, но "обнаженный", с содранной с него "львиной" кожей, и те же звери,

забавляющиеся и насмехающиеся над ним. Здесь была также надпись “Достоин смеха”»[405].

Скрывающийся под личиной враг – один из постоянных образов полемической литературы Древней Руси. Правда, чаще говорили о сильном и поэтому опасном враге, претворяющемся миролюбивым, нежели о слабом и поэтому смешном противнике, выдающем себя за сильного и опасного. Евангельский образ волка в овечьей шкуре, широко распространенный в русской инвективной литературе XVI–XVII вв., обозначал, как правило, еретиков-обольстителей. Так, в «Евангелии с толкованием» (М., 1649) Феофилакта Болгарского сказано: «Мф., гл. 8 зачало 22: Внимайте от ложных пророк, иже приходят к вам одеждами овчими, внутрь же суть волци хищници. От плод их познайте их. Толкование: Коварни суть, лицемернии и еретици сего ради глаголят, блюдитеся от них, блага бо словеса предлагают и житие являют чесно, внутрь же суть сердца их яко удица сокровенна. Одежда же овча кротость, ею же нецыи, яко образ являющие, ласкают и прелщают многия. От плода же познаваются, сиречь по делом и по житию, аще бо и образом являются, но вмале времени обличается лицемерие их». Точно так же в «Стихах на измену Мазепы» Стефана Яворского о гетмане говорится: «Мнях, яко агнец, но волк ядовитый, Овчею лестно кожею покрытый»[406]. Волком в овечьей шкуре Карл мог представляться скорее тогда, когда по его приказу выходили «соблазнительные» манифесты на русском языке. Однако в отношении Густава, чья слабость постоянно подчеркивалась в русских победословиях, этот сюжет был не актуальным.

Надо отметить, что разоблачение побежденного и беспомощного неприятеля – весьма распространенный мотив русской панегирической поэзии конца XVII – начала XVIII в. Как следует из текста анонимных «Стихов об Азове», конечной целью победителя являлось само это разоблачение:

Яве огненногромным Светом ту блистая,
В Азове луну бледу сущу устрашая,
А потом помрачену, приемши за роги,
Положи у Престола своего под ноги,
Обаче ногами не хоте попрати
Ея, но всем народам яве показати
Немощь ея с срамотою на воздух пусти
Мрачитися...

Однако здесь «немощная» луна никого в заблуждение не вводила и, в отличие от осла, выдающего себя за льва, не пугала.

Правда, чаще в русских панегириках говорилось о «настоящем», а не «переодетом» и страшном другим народам шведском льве; таким образом, победа над сильным шведским войском делала русский успех ценным и славным: «Во образ его царского пресветлаго величества, страшнаго иным народам шведа победившаго, ему же в похвалу сие надписахом» [107].

Изображая шведского льва изначально слабым, русский панегирист предлагал, таким образом, принципиально иное, нежели у Иосифа Туробойского, толкование происходящих событий. Можно предположить, что появление подобных «разоблачительных» текстов после Полтавы было вызвано *казавшейся*, но не подтвердившейся непобедимостью Карла [108].

В свою очередь в Швеции накануне Полтавы в победе не сомневались; на настроение шведов до и после этого сражения указывает письмо А. Я. Хилкова, где, в частности, говорится: «Безмерно все здешние о своем нещастии и поражении под Полтавою от победоносного Вашего Царского величества оружии над их войсками случившееся, печальны... и так мне говорили те помянутые люди [находившиеся в Саксонии. – *М. Л.*]: "Когда де мы те войски Шведские из Саксонии пошедшие видели, думали мы, что последний камень на Москве из своего места выворочат... с таким намерением и яростью все Шведы шли"» [109]. В «Корреспонденции», опубликованной в 1709 г. в Саксонии, в частности, говорилось: «Я часто вспоминаю о том, как при разговоре с московитами шведы, которые тогда не встречали в Польше никакого сопротивления, говорили, что мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться, московиты побегут, как под Нарвой и запрячутся в свои мышиные норы» [110].

Не случайно в период с 1700 по 1708 гг. в Европе вообще и в Швеции в частности выходили многочисленные сочинения, посвященные Нарве и прочим шведским победам. Так, в 1709 г. был издан перевод с французского истории Карла XII, написанной чиновником Шведского посольства в Париже Ю. Дрюандером (Dryander). Перевод был сделан автором «Некоторых замечаний о ложных предсказаниях, прогнозах и пророчествах» (Линщепинг, 1708) и неизданных «Мыслей верного патриота и доброжелателя о сравнении и сопоставлении короля Карла XII Великого Шведского и Александра Великого Македонского» М. Г. Блоком (Block) и получил название «Краткое извлечение из истории

Карла XII». Блоку же принадлежит и посвящение принцессе Ульрике Элеоноре, датированное 15 мая 1709 г. (когда до Полтавы оставались считанные недели). В предисловии к этому изданию специально оговаривалось, что в книге описываются события, происходившие с 1700 по 1709 гг., и, надо понимать, для автора (точнее, для переводчика: Дрюандер умер в 1707 г.) ее финал оставался открытым, в Швеции ожидали новых побед. В том же 1709 г. была издана «История Карла XII» Ю. Нордберга (Nordberg), а в 1707 г. – «История Карла XII» на французском языке Г. Адлерфельда (Adlerfeldt). В России накануне Полтавы также издавались сочинения, повествующие о прежних русских победах, например «Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы под Азовом и к счастливому въезду в Москву его царскому величеству покорнейше поднесено» (М., 1708) Э. Ф. Боргсдорфа, однако количество таких изданий было значительно меньшим, нежели шведских книг, посвященных победам над русскими.

Появившийся в русском сатирическом стихотворстве конца XVIII столетия образ переодетого львом осла позволяет говорить о возможной ориентации русского автора «политического» сочинения конца столетия на отечественные произведения начала века: едва ли случайно в стихотворении Петрова подражающий Карлу XII Густав III уподобляется тому же басенному персонажу, что и Карл.

Между тем изображения на русских праздничных транспарантах 1710 г. можно рассматривать как ответ на заявления шведской стороны, находившие выражение, в том числе, в поэзии: так, в одном из панегириков Карлу 1708 г., сказано, что «жестокие дикие звери бегут, когда приходит Лев» [411] (по всей видимости, шведский автор не учитывал возможности сопоставления своего стихотворения с античной басней). Едва ли русский художник знал о существовании этого шведского стихотворения, однако, учитывая полемический характер русских праздничных текстов 1710 г. (на другом транспаранте был изображен пригрезившийся Карлу Александр Македонский; о подражании шведского короля македонскому царю и об этой теме в шведской поэзии начала XVIII в. – ниже), можно предположить, что русский автор имел представление о популярности истории о пугающем зверей льве в Швеции и таким образом отвечал шведским оппонентам [412].

Так, мы переходим к исследованию происхождения образов и мотивов русских и шведских стихотворений XVIII в., обязанных своим появлением некоторым политическим событиям, в основном шведско-русским войнам, и использовавшихся поэтами враж-

дебных друг другу стран в полемических целях. Другой пример такого рода обнаруживается в одах Ломоносова.

* * *

Ода Ломоносова «Первые трофеи Иоанна III чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 г.» включает следующее обращение к неприятелю:

Не то ли ваш воинский цвет,
Всходил которой двадцать лет,
Что долго в неге жил спокойной,
Вас тешил мир, нас Марс трудил,
Солдат ваш спал, наш в брани был,
Терпел Беллоны шум нестройной
Забыли что вы так считать,
Что десять русских швед прогонит?
Пред нами что колени клонит
Хвастлив толь нашей славы тать? [113]

Как следует из «Записок» участвовавшего в русско-шведской войне 1741–1743 гг. Манштейна, накануне компании шведская «партия шляп была уверена, что русское войско должно быть совершенно истощено походами против турок и что все полки состояли из одних новобранцев, поэтому они объявили всюду, будто одного шведа достаточно, чтобы обратить в бегство десятерых русских». Кажется очевидным, что, говоря о качественном превосходстве шведской армии, шведские сторонники войны с Россией оперировали «круглыми числами»; Ломоносов, как и Манштейн, знал об этих заявлениях и опровергал их в своей оде.

Соотношение сил 1:10 встречается в многочисленных шведских стихотворениях времен Северной войны, изданных после Нарвы. Так, в «Нескольких простых стихах» сказано, что «русские бахвалятся, будто могут поставить против одного шведа десять русских. Под Нарвой один швед обратил десять русских в бегство, один швед подавил десять русских» [114], или в изданном по тому же случаю «Narva Triumphans» про шведских солдат говорится, что «один победил десятерых окопавшихся, частью пленил, частью убил» [115].

Вместе с тем, это соотношение берется из официальных реляций, в соответствии с которыми под Нарвой 8 000 шведов противостояло 80 000 русских. Те же числа фигурируют в заголовках шведских стихотворений начала XVIII в. (например, «Победная песня о

беспримерной помощи городу Нарве Карла XII, который с 8 000 шведов победил 80 000 русских...»), сопоставляются в посленарвских текстах (в «Печальной эпической песне» (Упсала, 1719) О. Рудбек-сын, называя количество участников сражения, обращает внимание на похожее написание числительных: etta (8) – ettio (80)) и встречаются в шведских сочинениях, написанных через столетие после этого сражения (например, в «Речи памяти короля Карла XII, произнесенной в Лунде по случаю 100-летия со дня его смерти» (Стокгольм, 1819) Ю. Пальма говорится, что «только 8 000 человек сопровождали его в битве против 80 000» [416]). Указанное в оде Ломоносова соотношение 10 русских против 1 шведа называется в Нарвских главах выходивших накануне войны 1741–1743 гг. историй Карла XII. В панегириках шведских авторов, посвященных другим сражениям русско-шведской войны 1700–1721 гг., о десятикратном численном превосходстве русских не говорится никогда [417].

Можно предположить, что в русском стихотворении называется именно нарвское соотношение сил, имеется ввиду «предполтавское» настроение шведов, а Вильманстранд объявляется новой Полтавой. «Не Карл ли тут же с вами был? // В Москву опять желал пробиться?» Если наше предположение верно, то в оде Ломоносова содержится «ответ» на берущее свое начало после Нарвы шведское заявление.

Пример произведений неизвестного русского панегириста начала XVIII столетия и Ломоносова показывает, что на протяжении XVIII в. шла чрезвычайно своеобразная русско-шведская стихотворная полемика. Какими бы источниками ни пользовался сочинитель Петровского времени или Ломоносов, о пугающем зверей льве и о десятикратном численном превосходстве русских говорилось в шведских стихотворениях времен Северной войны, и в том числе на них отвечают русские авторы.

В произведениях шведской поэзии 30–90-х гг. XVIII в., посвященных Северной войне или происходящему в момент создания стихотворения русско-шведскому военному конфликту, переклички с русскими стихотворениями времен Северной войны отсутствуют в принципе; шведские авторы ориентируются на отечественные сочинения XVII – начала XVIII в., не связанные с русскими заявлениями, вплоть до дословного цитирования. Так, посвященная королеве Ульрике Элеоноре ода М. Ленбома (Lönbohm) «Поэтические цветы, обретенные на Геликоне» (Упсала, 1732) соткана из образов и мотивов, встречающихся в шведских стихотворениях каролинской эпохи. Как и в «Боевой песне» Дальшерны,

«русский подступил к гордой Нарве и хотел без церемоний тотчас отпраздновать свадьбу» [418], Карл русских одолел, хотя на одного шведа приходилось восемь врагов (здесь обычное для шведских стихотворений, посвященных Нарве, соотношение сил изменено, возможно, потому, что в шведских текстах начала столетия, содержащих сведения о количестве участвовавших в этом сражении русских и шведских солдат, фигурировали восьмерки: 8 000 и 80 000; это единственное шведское стихотворение, в котором при описании нарвской победы не говорится о десятикратном численном превосходстве русских, правда, к моменту выхода этого стихотворения подобные подсчеты встречались только в стихотворениях эпохи Северной войны и, несомненно, этот мотив был заимствован автором стихотворения 1732 г. из шведских текстов начала столетия), возвращение Карла в Швецию из Турции уподоблено восходу солнца (об этом ниже).

Другой пример — дважды издававшееся во время русско-шведской войны 1741–1743 гг. стихотворение Ю. Холмберга «Предупреждение древнему Старкоттеру по случаю его неосторожного высказывания, вместе с бессмертной памятью о Вильманстрандской битве» (Стокгольм, 1741 и Карлскрона, 1742), в котором Швецию обозначает не лев, а медведь. В комментарии автора отмечается, что «Медведь — зверь такой силы, что может служить иносказанием и обозначением великого подвига, также Медведь — это Северная звезда, или малая Медведица, которая освещает наш полюс» [419]. В самом стихотворении речь идет о поединке Орлов с Медведями, и в каждом последнем двустишии каждой строфы употребляется рифма: Örnar — Björnar (Орлы — Медведи) [420].

Этот «иконографический национальный символ» (Х. Хеландер) встречается в поэзии барокко, где «астрономическая» символика была чрезвычайно распространена, шведскими созвездиями признаны Большая и Малая Медведицы, а Швеция — «царством Медведей» (об этом писали не только шведские авторы, но и иностранцы, например французский поэт, автор посвященной Густаву Адольфу поэмы «Fulmen in Aquilam, seu Gustavi Magni... bellum Sueco-Germanicum» (Paris, 1636) Э. Йоллюве (Jollyvet; 1604–1662) [421]. На рубеже XVII–XVIII вв. образ Швеции-Медведя используется О. Гермелином в панегирике «Ad Carolum XII, Svecorum Regem, de continuando adversus foedifragos bello» (1706 г.) [422]. В названии стихотворения О. Рудбека-сына, написанного по случаю смерти Карла XI и вступления на престол Карла XII (1697 г.), гово-

рится, что «Черное северное траурное небо очищается» и становятся видны «двенадцать сверкающих северных звезд»; в самом стихотворении называются 11 (покойный король Карл XI) и 12 (новый король Карл XII) звезд, а их расположение связывается со «шведским» созвездием Малой Медведицы. По этой причине текст панегирика предваряет изображение сидящего на спине той же Малой Медведицы покойного Карла XI[423].

Правда, в Швеции в начале XVIII столетия медведь ассоциировался и с Россией (при том что орел в поэзии шведского барокко обозначал не Россию, а Австрию[424]). В поэме А. Стобаеуса «Нарва» о Петре говорится, что он, подобно Теромедону, «будет насыщать медведей и диких львов человеческой кровью»[425]. У Овидия (откуда Стобаеус заимствовал этот фрагмент) о скифском царе Теромедоне сказано, что он поил человеческой кровью львов, чтобы они стали еще более свирепыми (в данном контексте лев не имеет никакого отношения к шведской государственной символике), о медведях же в источнике не говорится ничего, и, по всей видимости, в текст Стобаеуса медведи введены как русская реалия. В анонимной «Победной песне», посвященной разгрому русской армии под Нарвой, сказано, что Карл «голыми руками одолевает дикого Медведя и убивает двуглавого Орла»[426], а в «Новом медвежьем танце» (1701) медведями названы все враги Швеции[427]. Точно также в вышедшей в 1738 г. «Саге о Медведе, Тигре и Волке» Медведь оказывался одним из зверей, в начале столетия напавших на шведского Льва[428].

Таким образом, ни русский, ни шведский материал не дают основания говорить об осознанной стихотворной полемике современных друг другу шведских и русских поэтов, издание шведского или русского стихотворения не влекло за собой незамедлительного стихотворного ответа с противоположной стороны. Как таковая русско-шведская полемика в XVIII в. существовала, но на стихотворство не распространялась: по словам Юста Юлия, триумфальные шествия в России были ответом на триумфальные шествия в Швеции, некоторая идея «...была заимствована Царем из рисунка одной серебряной медали, выбитой по распоряжению Шведского Короля»[429], а во время войны 1788–1790 гг. в обеих странах печатались ответы на политические заявления противников (об этом ниже). Если Ломоносов и создавал стихотворный «ответ», то не на шведское стихотворение, а на реляцию, сочинение исторической тематики и т. п.

Однако один пример стихотворной полемики авторов-современников все-таки существует, и принадлежит он не русской (как показывает пример стихотворений Ломоносова и Петрова), «отвечающей» на шведские стихотворные заявления, а шведской поэзии. Автором ответа на русское стихотворение является Э. Сведенборг.

Во время своего пребывания в 1721 г. в Голландии он стал свидетелем организованных русской стороной торжеств по случаю заключения Ништадтского мира. Тогда же Сведенборгу стало известно посвященное этому событию русское стихотворение на латинском языке. Письмо Сведенборга Э. Бензелиусу-младшему от 12 декабря 1721 г. содержит следующий постскриптум: «В Голландии русским министром была устроена великая иллюминация по случаю мира. Я был в Гааге, когда князь Куракин запустил горы огня и реки вина. В связи с этим может читаться это стихотворение»[130]. Далее приводятся оба сочинения: русский источник и парафраз Сведенборга.

В исходный русский текст шведский автор вносит небольшие изменения и сопровождает свое стихотворение комментариями. Так, например, в оригинале сказано, что на место Марса, т. е. войны, приходит Мир. У Сведенборга же на место Марса, то есть Карла XII, приходит царь, и, таким образом, изображенная в русском стихотворении идиллическая картина мира в шведском стихотворении превращается в картину поражения Швеции. В русском источнике говорится, что вместо рек крови теперь потекут реки Бахуса, в своем парафразе Сведенборг разъясняет, что Бахус – это русский бог.

Кроме стихотворения Сведенборга, Ништадтскому миру посвящены изданные в 1721 г. стихотворения В. Крузе (Kruse), Е. Бурмана (Buhrman) и С. Бреннер (как и вышедшая в том же году в Стокгольме ода «На мирный договор...», написанная на немецком языке), а также несколько анонимных шведских панегириков. Основная идея этих произведений формулировалась в их названиях: «После двадцатилетней войны, причинившей много несчастий и печалий, Божьей милостью...» заключен мир (Бурман), или «На окончание кровавой войны» (Крузе), и только это обстоятельство, а не итог войны, вызывало радость панегириста. А в шведских стихотворениях, созданных во время русско-шведской войны 1741–1743 гг. о Ништадтском мире говорится как об унизительном и навязанном: «Как будто Швеция забыла свое древнее Мужество, Отвагу и Силу, когда в Ништадте ее приговорили вечно поклоняться миру, но пра-

вильнее сказать, принуждению»[431] («Мысли всякого честного шведа по поводу объявления войны царю России»).

* * *

Большинство шведских панегирических сочинений на русскую тему и, соответственно, русских панегириков на шведскую тему XVIII в. были написаны во время русско-шведских войн. Естественно, в русской и шведской литературе военные события трактовались по-разному: в случае поражения авторы отказывались их признавать, находили оправдания, прославляли храбрость своих солдат или попросту замалчивали. Зато любой военный успех сопровождался появлением многочисленных победословий.

Большая часть вышедших в России и Швеции епиникионов XVIII в. посвящалась своей главной победе во всех русско-шведских войнах: в Швеции – Нарвской битве 1700 г., в России – Полтавской битве 1709 г. При этом каждая сторона считала свою победу более важной, чудесной и блестящей, чем победа противника. Отголоском этой полемики является изданная в 1840 г. «Поездка в Швецию в 1839 г.» Ивана Головина, где содержится следующее описание памятника Карлу: «У ног лошади Карла XII лежит меч Петра Великого с Немецкой надписью (Карл XII и малая его дружина с помощью Божией обратила Русских в бегство). Не троньте его и не печальтесь! Пусть этот меч напоминает Шведам их Нарвское торжество; нам напоминает оно Полтавское, которое тем славнее, что оно следовало за Нарвской битвою, победа за поражением»[432].

Вместе с тем, Северная война начиналась для России с Нарвской катастрофы (правда, в Записках Желябужского это сражение представлено едва ли не как победа: «И после того в скорых числах пришел король Шведский с конницею и с пехотою под Ругодив, под обозы наши, в четвертом часу дни, и был бой великий и за помощию Божиею их, Шведов, из обозу выгнали... И в ночи генералы учинили по договору мир. И ноября в 20 день из-под Ругодива из обозу пошли с знамены и с ружьем без пушек, покинув пушки и казну, и шатры, и полатки, и все свои скарбы. И Шведы за миром ружье у ратных людей обрали и всю пехоту грабили и ругались всячески, и от страха и ужаса многие потонули в реке Нарове»[433] (непонятно, правда, почему после того, как атака врага была отбита, между генералами был заключен столь странный мир).

В Швеции печатались рассказы очевидцев этого события: так, в 1701 г. в Стокгольме была издана книга под названием «Истинное

изложение и правдивый рассказ генерал-лейтенанта и обер-инженера Людвига Никола фон Алларта, который после счастливой помощи Нарве был пленен, о русском царе и ужасном испуге его народа». Издавались сочинения, в которых доказывалась неизбежность победы Карла над врагами, например «Краткое размышление» о том, как «Всемилостивейший король Карл XII против своих злостных, вероломных и бессовестных врагов — русских» сражался и одержал победу[434] А. Гоединга (Goeding).

Вероломными побежденные под Нарвой русские названы и в «Правдивом рассказе о прибытии русских пленных в Стокгольм»[435] (Стокгольм, 1701), и в названной выше поэме Стобаеуса «Нарва». При этом в русских текстах первой четверти XVIII в. шведы также были представлены вероломными соседями, каковыми они себя показали еще в начале XVII в. В «Ключе дому Давидову» (М., 1722) Гавриила Бужинского по этому поводу говорится: «Показалося у близкого соседа помощи попросить у короля шведского; но сей вместо помощи пущее сотворил озлобление и истинно зде левскую хищную изъявил ярость: разорил неправедно многия, многия же похитил во власть свою провинции Российския»[436]; в «Слове о победе, полученной у Ангута» (СПб., 1720), в частности, отмечается: «Прия не едино озлобление корона Российская от короны Свейской, что бо вероломный сотворил Иаков Делягардие в помощь призванный, но вместо помощи обиду сотворивый»[437].

В русских и шведских текстах эпохи Северной войны вероломство и «неправедность» неприятеля рассматривались как главная причина его наказания, победа же воспринималась как удовлетворение иска: «Бог, превысочайший судия, сей прият тя в праведное свое защищение: обыкновенно есть в человецех, яко егда един от другаго обидим бывает или озлоблен, тогда обидимый прибегает к судиам на то установленным, просит праведнаго суда и розыска, якоже судии сотворят, тако и бывает»[438].

Точно так же для немецких авторов издававшихся в начале XVIII в. «известий» блестящая и легкая победа Карла доказывала, что под Нарвой не обошлось без вмешательства свыше: «Если бы это были только одни москвитяне, то никто бы, знакомый с храбростью и военным искусством шведов, этому не удивился, но так как офицеры были большею частью немцы, шотландцы, датчане и из других известных своею храбростию наций, то это еще удивительнее и скорее должно почесться за дело божеское, чем человеческое»[439]. Правда, в тех же «известиях» находилось другое, нежели вероломство русских, обоснование Божьего гнева: они «пре-

ступили границы, назначенные самим Богом их государству, и поэтому не могут иметь никакой удачи» [440]. Точно так же в Швеции нарвский триумф объяснялся не только правотой, но и богоизбранностью шведов: не случайно в шведских сочинениях, посвященных этой победе, часто приводится девиз Карл XII: «С Божьей помощью» (Med Gudz hjelp), а боевым кличем каролинских солдат был «Бог с нами» («Gud med oss») [441]. Однако независимо от причин поражения русских, нарвская битва воспринималась европейскими протестантами как самая нелепая и неудачная из всех известных в мировой истории осада: в одном из немецких сочинений говорилось, что «впредь, если захотят изобразить несчастную осаду, то будут называть ее нарвской, и про потерпевшего поражение будут говорить, что с ним случилось то же, что с московитами под Нарвой, как в старину говорили: "С ними случилось то же, что с швабами под Лукой"» [442].

Разгром русского войска под Нарвой нашел самое широкое отражение в шведской панегирической литературе начала XVIII столетия. Этой победе посвящались стихотворения известных шведских поэтов, Г. Дальшерны (Dahlstierna), О. Рудбека (Rudbeck), С. Бреннер (Brenner), К. Гюлленборга (Gyllenborg), Л. Шернельда (Stiärneld), Э. Аурелиуса (Aurelius), К. Слеина (Slein), А. Спарфельда (Sparrfelt), Е. Эквалля (Ekwall), Ю. Дийкмана (Dijkman), многочисленные панегирики на латинском языке, например стихотворения О. Гермелина (Hermelin), А. Руделиуса (Rydelius) и Х. Шредера (Schreder), а также огромное множество рукописных анонимных латинских текстов [443]. Характерно, что главное, как следует из названия, шведское сочинение, посвященное нарвской победе, поэма А. Стобаеуса «Нарва», написана не на шведском, а на латинском языке.

В России же большинство победословий Северной войны, в том числе посвященных Полтавской победе, издавалось на русском языке. Если же русский автор создавал латинский панегирик, то, в отличие от шведских писателей, указывал причины, побудившие его обратиться к латинскому языку. Например, в предисловии к «Панегирикосу, или Слову похвальному о преславной над войсками свейскими победе Петру Первому, Всероссийскому Монарху, Богом данной» Феофан Прокопович пишет: «А понеже сия вещь всемирнаго прославления достойная, достойна есть от всех повсюду чтома и слышана быти, того ради сие же мое Слово по твоему Монаршому благоволению и на язык Латинский, яко всей Европе общий, преведох». Кроме латинских панегириков, в

Швеции после Нарвы и в России после Полтавы издавались стихотворения европейских авторов на разных европейских языках: в Швеции выходили издания, представляющие собой перевод одного стихотворения на различные европейские языки (например, «Эпическая песнь... на победу и одоление» [144]), а также отдельные, как правило анонимные, стихотворения немецких и французских авторов [145], в России в 1710 г., например, было издано голландское стихотворение И. Алкемаде, правда, в сопровождении русского прозаического перевода [146].

В шведских панегирических текстах конца XVIII столетия наряду с Нарвой упоминается Полтава, и описываются эти битвы в порядке возрастания их истинной, по мнению шведского панегириста, важности. Так, в «Оде шведской армии» (1788) Нордфорсса о Полтаве говорится лишь потому, что там Герой «жестокую рану... от смертоносной пули получил», зато далее отмечается, что под Нарвой стояло «миллионное русское войско», в то время как шведская «немногочисленная армия провозгласила имя Героя под стенами Нарвы к бессмертной славе» [147].

В свою очередь для русских панегиристов хронологическая последовательность этих сражений соответствовала их исторической значимости. В соответствии с логикой русских авторов XVIII в. (не только его первой четверти), на фоне неудачного начала Северной войны особенно выделялись позднейшие русские успехи. Так, в поэме Ломоносова «Петр Великий» о Полтавской битве сказано: «Уже не Нарвская, о Готы, вам удача, // Не местничество здесь и не оплошный крой, // Не старой брани вид, не без порядка строй. // Великий правит Петр рожденное им войско // И Шереметева рачение геройско» [148]. В «Слове в день торжественного Всещедрому Господу Богу принесенного... благодарения о состоявшемся вечном мире между Империею Российскою и Короною Шведскою» (1743) Стефана Калиновского в связи с русско-шведской войной 1741–1743 гг. говорится о Полтаве и при этом упоминается поражение под Нарвой.

Сравнение этих двух сражений приводится в не панегирическом и даже требующем комментария русского переводчика «Разсуждении Фридерика II, короля Прусскаго, о свойстве и воинских дарованиях Карла XII»: «Двенадцать тысяч Шведов атаковали пост, защищаемый осмьюдесятью тысячами Московцев, которые не были уже более то дикое Карлом при Нарве разсеянное сборище» [149]. При описании Нарвского разгрома Фридрих выражается еще резче: «Армия их была многочисленна, но была ни что иное как сборище

худо вооруженных варваров, без устройства и без хороших начальников»[150] и, в отличие от войска, принимавшего участие в Полтавской битве, никаких шансов на успех не имела.

В то же время на протяжении XVIII в. шведские произведения, специально посвященные Нарвской победе, не создавались: основная их масса вышла в 1700–1701 гг., и впоследствии некоторые нарвские панегирики переиздавались в составе сочинений исторического содержания или поэтических антологий. Так, стихотворение «Простые и большие, мужчины и женщины обязаны серьезно обдумать, как они могут... восхвалить Короля... после прекрасной и замечательной победы Карла XII, добытой в сражении против Московского царя» (1700 г.) С. Бреннер было напечатано в указанной выше истории походов Карла XII Дрюандера, изданной М. Блоком в 1709 г. В «Собрании» К. Карлссона 1737 г. приводится стихотворение Гюлленборга «На великую победу... под Нарвой» и несколько других стихотворений каролинской эпохи, посвященных победам Карла XII. Конечно, составителя этой антологии в первую очередь интересовали художественные достоинства шведских поэтических сочинений, однако «нарвские» тексты составляют здесь отдельный тематический раздел. Произведение, специально посвященное Нарве, «Слово о марше Карла XII к Нарве» Гельера (Geljer), появилось лишь в первой четверти XIX в., в 1818 г., и было посвящено столетней годовщине гибели шведского короля.

В России же сочинения, посвященные Полтавской битве, выходили в течение всего столетия: например, «Слово похвальное о баталии Полтавской» (СПб., 1717) Феофана Прокоповича, «Слово благодарственное о победе под Полтавой» (СПб., 1720) Гавриила Бужинского, «Слово при высочайшем присутствии Благочестивейшия, Христолюбивыя, Порфирородныя Государыни Нашея Ея Императорскаго величества венценосныя Елисаветы Петровны, Самодержавнейшия Монархини всея России, Проповеданное в викториальный день восприятия высокославнейшим Монархом Петром Великим победы под Полтавою» (М., 1743) Владимирского Рождественского монастыря архимандрита Платона Петрунковича, или «Ода Елизавете Петровне, сочиненная на торжественное воспоминание победы Петра Великого над Шведами» (СПб., 1751) М. М. Хераскова и т. д.[451]

Нарву же без связи с Полтавой в России старались не вспоминать. В некоторых сочинениях конца столетия встречаются намеки на мужество гвардейских полков под Нарвой, но не больше (в предисловии к комедии И. А. Кокошкина «Поход под шведа» (СПб.,

1790) про выступившую гвардию говорится: «Оправдали они свое усердие, оправдали доверенность Монархини и утвердили навеки то громкое имя, какое в начале столетия гвардия заслужила»). Тем более нарвский разгром не упоминался в сочинениях, созданных сразу после сражения. Исключением является созданная вскоре после сражения проповедь Димитрия Ростовского, в которой он «указывает на необходимость испытаний и труда для будущих успехов и на силу молитвы» [452].

В свою очередь Полтавская катастрофа становилась темой сочинений шведских поэтов первой четверти XVIII в. Так, постигшему шведов несчастью посвящен рукописный «Epinicion» [453] (1712) Ю. Линдера (J. Linder), а в «Epitaphium Svecorum... occubentium» М. Реннова (Rönnow) говорится, что недавние военные успехи шведов (которые «победили Данию, Россию, Германию, Саксонию и Польшу») сделали их достойными наследниками славы древних скандинавов (которые «пришли на Дон и к Черному морю и покорили все народы») и что сейчас шведы предпочли смерть на поле сражения во имя последующих поколений, «чтобы дать им материал для будущих славных деяний в традиции их предков» [454]. В одном из анонимных шведских стихотворений, вышедших отдельным изданием в 1714 г., каждое описываемое событие сопровождается указанием на его дату: 1682 г. (рождение Карла), 1697 г. (вступление на престол), 1700 г. – Нарва, 1709 г. («Позволил Господь ночью трем врагам постучать в наши двери, чтобы каждый получил больше печали, чем раньше имел радости» [455]). Со временем в шведской литературе утвердилась мысль, что истинное величие Карла проявилось именно во время Полтавской катастрофы («здесь, в момент переворота от всемогущества к мучительным поискам средств к спасению был он особенно велик, большим героем, чем когда бы то ни было» [456] («Речь в память о Карле XII, произнесенная в Лунде по случаю столетия со дня его смерти» Ю. Пальма).

После Полтавского разгрома, в эпоху «апатии и пессимизма» (К. Юханнсон), шведские поэты писали о прошлых победах Карла: в панегирике О. Рудбека-сына 1711 г. говорится о трех сильных соседях Швеции и о том, что шведский король, несмотря на юный возраст, «разогнал объединившихся врагов» [457]. В «Поэтической эпической песне» (Гётеборг, 1715) Б. Бергиуса (Bergius) упоминаются многочисленные военные трофеи Карла [458], а в рукописном «Mutua Salutatio Carolus XII» (1715) он назван триумфатором, «разорителем московитов и освободителем Нарвы» [459]. Возвращение Карла из Турции в 1714 г. повлекло за собой издание в Швеции це-

лого ряда панегирических сочинений. Основная идея стихотворений 1714–1715 гг. сформулирована в панегирике О. Линдштейна (Lindsteen) «Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» (Стокгольм, 1714): «Великий Бог оставил свой гнев! Все наши семилетние печали ушли, // Ибо нас осчастливил наш *Король*»[460]. Теперь, по мысли шведских поэтов, «наша глава вновь будет украшать угнетенное тело»[461] («Всеобщая радость Швеции» И. Бреанта) и наступит «приятнейший мир»[462] («Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» О. Линдштейна). К числу наиболее заметных сочинений этого времени относятся, кроме стихотворений указанных авторов, аллегорически представляющая события Северной войны «Camena Borea» и панегирик «Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum» Э. Сведенборга, а также стихотворения А. Фолкерна (Folkern), Н. Квистберга (Quistberg; правда, его чрезвычайно эмоциональное произведение 1715 г., где упоминаются «датское насилие и русские прожорливые глотки», посвящено не возвращению, а именинам Карла) и некоей Алетеи С... (Aleteja S..; на немецком и шведском языках).

Таким образом, темой и русских, и шведских сочинений XVIII в. стала великая победа и катастрофическое поражение; при этом в победословиях, создававшихся в обеих странах в начале XVIII столетия, встречаются схожие идеи, фигурируют одни и те же мифологические, библейские, «естествословные» и сказочные персонажи. Сопоставление бытовавших в русских и шведских произведениях первой четверти XVIII в. «победных» формул, идей и сюжетов позволяет выявить некоторые характерные особенности, присущие панегирической литературе каждой из воюющих стран.

* * *

В русской и шведской литературе рубежа XVII–XVIII вв. активно использовались «пространственные» «победные» формулы[463]: говорилось о расширении государства, о вселенской славе монарха, о вовлечении в орбиту его деятельности отдаленных народов и т. п. Шведские авторы обращали внимание на величие и всемирную известность Карла: «великий Король велик на Севере, также велик в целом Мире» («Всеобщая радость Швеции»[464] (Стокгольм, 1714) И. Бреанта), о завоевании других стран писали, как правило, авторы-иностранцы: так, в стихотворении на французском языке «К бессмертной славе Карла XII» шведский король уподоблялся Александру, который «в тридцать лет завоевал землю», и

Цезарю, «покорившему полмира» [465]. Точно так же (возможно, из политических соображений) авторы некоторых русских текстов, посвященных Азовской победе, о расширении государственных границ России старались не говорить. Так, в панегирических стихах А. Виниуса Лефорту и Шеину слово «расширение» встречается неоднократно, но ни разу в связи с государственными границами России: «страх велий в Азове и всюду разшириша», «преславные твои дела повсюду разширяем», «где ныне гордость их [турок. — *М. Л.*], яже в высость восходила, // Во все три части мира пространство разширила?», «и двалетние труды всего преславна воинства // Сими враты победны повсюду разширяем» [466]. Правда, в своем большинстве русские панегиристы первой четверти XVIII в. одинаково охотно рассказывали о славе российского монарха и о приобретении Россией новых территорий.

На первый план эта тема вышла в русских победословиях Северной войны, созданных через несколько лет после Полтавы. Например, в одном из анонимных рукописных епиникионов утверждалось: «Веселися светло, ты храбр многолетно, // Враги побеждая, царство сам с сыном разширяя», и далее: «Вся разширяя, грады велицы устрояяй» [467], а в предисловии к «Богомыслию» И. Гегарда (Чернигов, 1711) содержится следующее обращение к Петру: «Православный Монархо, милостивый Царю, // Многих земель широких славный Государю, // Распространяй державу от конец до конец, // Возложит ти на главу прещедрый Бог венец». Хотя, по мысли русских панегиристов, отдаленные области не только присоединяются к России, но и следят за ее военными успехами: «Восток и Запад, Юг и Север возвестят // Концы земли весде сие слово говорят: // Прекрасный государь войну так учреждает, // Да неприятеля сщастливо побеждает» [468].

При этом одна из наиболее часто употреблявшихся в произведениях, созданных после военных побед или с конкретными военными событиями напрямую не связанных, но повествующих о могуществе российского монарха, победных формул — «царская власть распространится до конец земных» — использовалась и в послеазовских, и в послеполтавских русских победословиях. В «Славе торжеств и знамен победных» (Амстердам, 1700) И. Копиевского говорится, что после взятия Азова «власть до конец земленых прииде такоже» [469]; в стихотворном послесловии к «Синаксарю» (Чернигов, 1710) — что «Благонадеждны вскоре тако собудется, // До конец земли Царска Рука распрострется» [470]. Затем в «Синаксаре» указывается последовательность приобретения российским царем

новых территорий: «Стопы лев Свейск за морем восточным немеет, // Благочестивый царь Петр тамо всем владеет. // К западу обратися на побеждение, // Узрит всей свейской земли порабощение» и «Егда приймет Стеколно, Свейскую столицу, // От Запада до Востока распрострет Десницу»[171].

Вместе с тем? эта «победная» формула встречается в русских текстах, созданных в самом начале Северной войны, сразу после Нарвы, например в «Книге, учащей морскому плаванию» (Амстердам, 1701) А. Деграфа. Это учебное пособие начинается с обращения к «читателю благочестивому» И. Копиевского, в котором, в частности, отмечается: «Пресветлейший и Великий Государь наш паче всех царей земных зело прославися великою своею премудростию и силою, наполняя государства свои людми, а моря кораблями, сицево же дело от века несть слышано, десница убо всемогущаго Господа Бога возвеличи Его царское Величество яко Величество Великого Государя возвеличися и досяже небес и власть до конец земных, узрят сие вси людие, племена и языци и убоятся и потрясутся от лица Его Царскаво Величества, видяще, яко не точию государствы и землями многими, но и морями всеми владеет, не токмо Хвалынским, и Черным, и Белым, но и Океан весь наполнен будет вкратце кораблями»[172].

Тема распространения власти российского царя «до конец земных» нашла отражение в вышедшей одновременно с переводом книги Деграфа поэме А. Стобаеуса «Нарва» (1701), однако в шведском сочинении говорится о неспособности потерпевшего поражение Петра осуществить свои планы, и таким образом создается панегирик шведскому королю. Точно так же замечание русского автора «Изъявления фейерверка» (М., 1709–1710), что Карл «...помышлял северным царем быть, а потом и универсальную (то есть общую, или единовластие вселенной) монархию себе учинить»[173] перекликается с фрагментом французского стихотворения «К бессмертной славе Карла XII», где Карл сравнивается с Александром и Цезарем – завоевателями мира.

И Копиевский, и Стобаеус говорят о могуществе российского царя как об исходной точке, основании для нового этапа его деятельности и отмечают, что будущее России Петр связывает с обладанием всеми морями. Но, в отличие от Копиевского, полагающего, что Петр занят «наполнением» своих морей кораблями, шведский автор утверждает, что после всех успехов русский царь захотел приобрести Балтийское море и именно поэтому начал осаду Нарвы. В поэме Стобаеуса эриния Тисифона обращается к Петру

со следующим призывом: «Теперь, когда тебе принадлежит так много полей, так много рек, так много лесов, так много земель, так много морей, и волны Белого моря признают в тебе великого господина; теперь, когда тебе подчинен Дон на побережье Черного моря и открыт путь к морю Азовскому, теперь, когда Волга, смешивающаяся с Армянскими волнами, допускает тебя в Персию, теперь, когда три моря лежат открытыми для тебя в различных пределах мира, когда тройной океан открывает свои барьеры, почему бы тебе, столь ужасному правителю, не добавить к этим обширным владениям, что пока еще не достойно столь великого императора, четвертое море? Балтийское море долго ждало, чтобы принадлежать столь почтенному владельцу, так, чтобы ты мог через него плыть с московитским флотом, пересекать мир и господствовать на остальной части вселенной. Это – легкая задача, и она будет достигнута, как только падет Нарва» [474]. В этой «речи» допускается возможность наполнять «тройной океан» русскими кораблями, но Петр, вняв совету Тисифоны, желает приобрести четвертое море.

Характерно, что и в русском, и в шведском текстах принадлежащие России моря пересчитываются и перечисляются. При этом в русском предисловии, написанном после нарвской катастрофы, на отсутствии в этом списке Балтийского моря акцент не делается, Стобаеус же этот факт, естественно, отмечает.

В отличие от лаконичного русского предисловия, в шведских текстах, повествующих о наполнении морей кораблями и о достижении «краев земли», содержатся обстоятельные рассуждения о развитии национальной торговли и о возможности поставлять сокровища в метрополию. Особенно четко эта мысль выражена в другой латинской панегирической поэме А. Стобаеуса – «Augur Apollo», написанной в 1672 г. и посвященной восшествию на шведский престол Карла XI: «Стокгольмские суда покроют целое море, быстроходные парусники пойдут по всему океану, служа готам; эти суда вышли из Северного моря...», далее речь идет о сокровищах Индии и золоте Америки, перечисляются многие другие страны и континенты, которые принесут огромные богатства «счастливому Стокгольму, вознесшему под небеса цитадель гиперборейского мира» [475] (в русском тексте небес достигнет «Величество Великого Государя»). В результате, «наполненная сокровищами экзотических стран казна переполнится, и магазины будут блестеть невиданным светом» [476].

При этом о страхе других государств перед могуществом Швеции речь здесь не идет. «Желтого креста на голубом фоне»

будут бежать враги, мешающие торговле, в первую очередь пираты. Кроме того, бояться шведов будут обитатели «концов земных»: «Скипетр Готского монарха пугает людей Ливии и Индусов на границе мира. Так, победоносные корабли поднимут свои паруса для благоприятных южных ветров и, сопровождаемые богами, они пройдут море... пересекая волны океана, достигнут известных побережий, прибудут к родным городам и заполнят гавани бесчисленными моряками» [477].

Начиная с 1710-х гг. и на протяжении всего столетия появление огромного российского флота стало одной из основных тем европейских сочинений (в том числе и шведских), посвященных правлению Петра. В «Феатре, или Зерцале монархов» (Амстердам, 1710) Наузеизиуса говорится, что о Петре Гомер писал бы иначе, чем об Агамемноне, имеющем 1 000 кораблей. В русском переводе «Записок» Страленберга сказано, что одной из величайших заслуг Петра является «учреждение же толь изряднаго флота на всех четырех морях, берегами России касающихся, сего прежде в России не токмо не видано, но мало и слыхано» [478]. В оде Х. Ш. Норденфлюхт Павлу Петровичу (1760) «храбрый отец» Елизаветы Петровны называется «русским Миносом».

Естественно, эта тема получила свое развитие и в русской литературе: например, в «Слове на погребение Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго Отца Отечества» Феофана Прокоповича говорится: «Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления всея вселенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до последних океана, до предел ползы твоея, до предел, правдою полагаемых...» [479]. Перекличка между этим пассажем и отмеченным фрагментом предисловия к книге Деграфа несомненна: Копиевский говорит о начале укрепления власти на суше и на море, Феофан – о завершении процесса (эта тема была подхвачена последующими русскими панегиристами: в «Слове о действии мужества в день Александра Невского» (1775) проповедника Московской Академии (впоследствии архиепископа Тверского) Иоасафа (Заболоцкого) отмечается, что Петр «единым мужеством сделался на земли превосходен, исправен на водах силою и славою военною и тем устрашил вселенную» [480]).

Правда, в отличие от Копиевского, который о положении дел на суше говорит как о вполне благополучном, Феофан утверждает,

что «застал он в тебе [в России. – *М. Л.*] силу слабую и зделал по имени своему каменную»[481], «власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкою и постоянную сотворил»[482]. Точно так же, если, по Копиевскому, начало создания российского флота логично и вытекает из всех предшествовавших этому событию успехов Петра, Феофан в «Слове о состоявшемся мире» отмечает: «Когда нужда настала прилежно смотреть, как бы целость отечества сохранить от столь сильных супостатов, было ли время и помыслить строить многотрудныя и многоценныя флоты? Помышлено и сделано»[483].

Таким образом, в победословиях Петровского времени неудачи Петра в начале царствования лишь подчеркивали последующие его успехи (говорилось ли о конкретном нарвском поражении или об общей ситуации в стране). При этом, по мнению Феофана, в самих неудачах Петр неповинен: слабой Россию он «застал»[484].

Можно предположить, что Феофан знал книгу Деграфа, был знаком с предисловием Копиевского, говоря в «Слове на погребение» о цветущем положении современной России, отталкивался от русского текста 1701 г. и использовал некоторые фрагменты интересующей нас «победной» формулы. При этом в книге Феофана эта формула упоминается (хотя нельзя не учитывать возможность простого совпадения), но не цитируется.

Говорить о происхождении этой формулы очень сложно, в Библии в том виде, как у Копиевского, она не встречается (хотя отдельные ее элементы обнаруживаются в Псалтири (21:28; 47:11; 97:3), в Книге Иова (26:24), Иеремии (25:31), Захарии (9:10). В то же время в русской панегирической литературе XVIII в. указанная формула, вне всякого сомнения, бытовала: после издания книги Деграфа она дословно повторяется в рукописном «Слове на день рождения Елизаветы Петровны» (1746 г.): «...величество твое возвеличися и досяже небесе и власть твоя до конец земли»[485].

* * *

В русских и шведских панегириках времен Северной войны имена героев античной мифологии и истории встречаются чрезвычайно часто; при этом и в русских, и в шведских текстах отдавалось предпочтение одним и тем же персонажам и сюжетам. Так, в панегирике Э. Сведенборга «Festivus applausus» (1714), посвященном возвращению Карла из Турции в Шведскую Померанию, упоминаются спасенные королем Андромеды – осажденные врагами,

но освобожденные Карлом города [486]. В русской поэзии начала столетия Персеем назывался, естественно, Петр или Россия: «Стенаше Ижерская земля зверю свийску // В снедь повержена, даже воставшу российску // Персеушу, свободна ныне ся являет, // Егда зверь три города нуждне изблевает» («Торжественная врата, входящая в храм безсмертныя славы непобедимому имени». М., 1703).

В русских и шведских литературных произведениях начала XVIII столетия постоянно называются «чудовищные» мифологические персонажи: гиганты, пораженные Юпитером («In victoriam Narvensem Hyperborei Monarchae Caroli XII vere Magni a foedifragis Moscis die XX Novembr. MDCC gloriosissime obtentam» [487] М. Реннова, «зверь», убитый Персеем («Торжественная врата...»), гидра, побежденная Геркулесом («Его царскому величеству на недавнее завоевание кораблей» [488]), а позднее и Бриарей, сын Урана и Геи, имевший 50 голов и 100 рук («Ты Бриарея победила, // Главу его в прах сокрушила» [489]). В русских текстах упоминалась химера, существо, состоящее, кроме прочего, из львиных и змеиных фрагментов и поэтому, по мысли русского панегириста, как нельзя лучше подходящее для обозначения Швеции: «перед львиный, зад козлищ, хобот змии ужасный, // Образ сей есть хитраго хищника прекрасный» [490].

Многие из встречающихся в русских панегириках мифологических существ были описаны в различных естественнонаучных сочинениях (например, в рукописной «Книге, глаголемой естествословной») и представлены как обитающие на границах вселенной. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» сказано: «Во образ его царскаго пресветлаго величества страшнаго иным народам шведа победившаго: ему же в похвалу сие написахом: Крепчайшему варяжскаго моря обладателю и гнездящихся окрест его свейских лютых зверей и дивов победителю и смирителю» [491] (в свою очередь во французском панегирике Карлу XII 1703 г. «Портрет Карла XII, короля Швеции» появление чудовищ связано с конкретными мифологическими событиями: «монстров обуздал своей силой» Геркулес, то есть Карл XII [492]).

Правда, выявленные при сопоставлении русских и шведских текстов, содержащих упоминание мифологических героев, отличия носят принципиальный характер. В России для сравнения со шведами выбирались гордые, самоуверенные или хитрые персонажи. В «Торжественных вратах, входящая в храм безсмертныя славы непобедимому имени» описывается изображение истребления сыновей Ниобы: «верху из облаков Аполлон и Диана состреляют

сыны прегордыя Ниобы, сиречь свейския земли, яже и множеством и крепостью сынов своих ратных людей гордящаяся, множайших и честнейших в сей брани»[193]. Популярность в России сюжета о Фаэтоне хорошо известна[194]: «Иже ся в уме своем силна быти мняше // И аки бы Фаетон мир вжещи хотяше // Славою и мужеством множайшия силы // Падет же поражен Орла росска стрелы»[195], «Кто выше Орла хощет летать, давлеет иметь опасение от гордыя дерзости горчайшия овощи, аки Икар и гордый Фаетон»[196], или «Фаетон (из фабул или лжей овидиушовых), которой не по своей силе и чину захотел солнце везти, за которое его гордое дерзновение Юпитер громом убивает» («Изъявление фейерверка». М., 1709–1710). Достаточно распространенным было уподобление Карла «хитрому Какусу»: «Хитрый бе Какус, но глас крав не заклепа // Явил хитрость, тако тех лишен и вертепа. // Что Бог творит: зря шкоду, Геркулес Российский // Приближися с военным промыслом под Свийский // Вертеп»[197]. В свою очередь в шведских текстах встречаются Харибда[198], чудовище, пораженное Персеем[199], или Актеон[500].

Однако самым популярным мифологическим героем, встречавшимся в русских и шведский текстах и отождествлявшимся с Петром и Карлом, был Геркулес. При этом в шведской литературе Геркулес появляется уже в XVII в.: в панегириках шведским королям с ним сравнивается Густав Адольф и Карл XI, в напечатанных при королеве Христине придворных балетах действуют нимфы, Аполлон и Геркулес, в поэме Шернъельма «Шведский Геркулес» этот герой символизирует Швецию, в «Атлантике» Рудбека Геркулес назван сыном бога Тора и имеет шведское происхождение (в той же «Атлантике» рассказывается, что на собиравшемся в связи с рождественской ярмаркой рикстаге шведский король спрашивал у крестьян, кто во время летнего похода должен быть их вождем, или «Här-kulle» (här – войско, kullen – голова), а выбранный полководец получал имя Härkullen[501]); в панегириках XVIII в. Геркулес встречается и в «Ad Carolum XII» О. Гермелина, и в «Camena Borea» Э. Сведенборга, и в книге М. Реннова (Rönnow) «Hercules Genuinus Carolus Duodecimus Magnae Scandinaviae Imperator» (Holmiae / Stockholm, 1707), и в «Panegyricus illustrissimo» А. Гоединга (Goeding), где Карл XII назван «последователем великого Геркулеса»[502]. В шведских панегириках Карл не только достигал славы Геркулеса, но и превосходил его; так, в посвященной гибели шведского короля «Печальной эпической песне» (Упсала, 1719) О. Рудбека-сына говорится, что «когда взрослый

Геркулес не мог противостоять двоим, молодой и невзрослый Карл легко побеждал троих»[503].

Естественно, среди сюжетов, связанных с Геркулесом, русские авторы отдавали предпочтение его поединку с Немейским львом (в «Руке риторической» (1705) Стефана Яворского «попущение» иллюстрируется следующим примером: «уже ныне шведский лве одесную твою простирай гортань; челюсти ненасытныя раззияй; похищай корысть многим кичением изысканну и возимееши зверю ныне твоего обуздателя Ираклиа Российскаго»[504]); шведские — с различными чудовищами: гидрой или Цербером. Нередко шведские панегирические тексты сопровождались изображением Геркулеса: на одной выполненной карандашом иллюстрации к рукописному латинскому стихотворению Геркулес ведет огрызающегося трехголового пса; на картинке, украшающей изданный в 1686 г. панегирик Карлу XI, Геркулес представлен лежащим под коронами и одетым в рыцарские доспехи, под рисунком читается подпись на латинском языке: «Шведский Готский Геркулес в колыбели»[505] («Sueco Gothorum Hercules ante Cunas»; надо понимать, что речь здесь идет о Геркулесе-младенце, в колыбели задушившем чудовищных змей). В книге Нордберга «История Карла XII» напечатано изображение Геркулеса, поражающего трехголовое чудовище-Цербера и, на фоне Нарвы, многоголовую гидру.

* * *

Как известно, в России в Петровское время интерес вызывали «дивии» существа и встречающиеся в окружающей жизни курьезы: люди с двумя головами, несколькими конечностями и т. п.[506] Возможно, поэтому в русской панегирической литературе некоторые эпитеты, призванные прославить российского монарха, могли вызывать нежелательные ассоциации, и в таком случае автор был вынужден специально оговаривать недопустимость сопоставления царя с человеческими уродами. Так, рассуждая о многогранности талантов Петра, Феофан Прокопович замечает: «А где уже онии римскии Квинтии и Фабрикии, которыми удивляются историки, что бывше на время Диктаторы, не возгнушалися паки трудитися в земледелии. Помрачил славу их Петр, который купно и скипетр, и меч, и древоделная орудия носит: не урод телом, но велик делом, многоручный нарещися достоин»[507]. Однако чаще в русских и шведских панегирических сочинениях о физических аномалиях писали в связи с монархом вражеской страны.

Так, говоря о бегстве из-под Нарвы Голиафа, шведские авторы имели в виду российского царя: «...здесь побеждает Давид, который юн годами: первым бежал Голиаф...» (Narva Triumphans)[508]. Вероятно, здесь создавалась оппозиция: юный Карл – огромный Петр. В свою очередь русским панегиристам о физической «ненормальности» шведского короля позволяло говорить ранение Карл XII накануне Полтавской битвы. Правда, никаких ассоциаций с человеческими уродами или библейскими персонажами физическая ущербность Карла у русских авторов не вызывала, и, в отличие от сочинения Феофана, сама возможность подобных сопоставлений не учитывалась. При этом Карл (и шведский лев) был представлен не только пораженным в ногу (этому обстоятельству русские панегиристы придавали особое значение: «...сам же победителною ногою надеющийся в царствующий град внити, охромлен, побеже к варваром»[509]), но и вовсе лишенным ноги. Таким образом, *безногому* шведскому льву противопоставлялся *двуглавый* российский орел: «Орле парящи, шведа страшащи, // На лва безнога, // Ты, двоеглавный, ты, в мире славный, // – Найде тревога»[510] (кант «На Полтавскую викторию»).

В Швеции же обращали внимание на отсутствие в природе двуглавых орлов, но связывали российский государственный символ не с монструозными существами, а со сказочным драконом, которого побеждает герой (этот мотив рапространен в скандинавской эпической поэзии и в сагах: во включенной в «Старшую Эдду» песни «Речи Фафнира» рассказывается об убийстве Сигурдом змея / дракона Фафнира, а в «Саге о Рагнаре Лодброке и его сыновьях» главный герой побеждает змея, или, как сказано в исландском оригинале, «рыбу земли», драконы встречаются в «Саге о Гаральде и Бозе», «Вилькине саге», «Саге об Ингваре Видфарне и его сыне Свене»). В посленарвском панегирике «Эпическая песнь... на победу и одоление», изданном на разных языках в Стокгольме в 1701 г., говорится, что Карл «двухголового дракона низверг, и поразил...»[511] (о том, что Карл сразил в битве дракона, говорится и далее, но на количестве голов внимание уже не акцентируется).

Надо сказать, что это не единственный случай уподобления России дракону, правда, единственный – на основании внешнего сходства с чудовищным существом. В «Печальной эпической песни» (Упсала, 1719) О. Рудбека-сына с драконом сравнивается русский укрепленный лагерь под Нарвой: «Лагерь! Больший, чем крепкий город со стенами, рвами // И лучшим царским войском из 80 000 Славян, // С таранами, набитый пулями, огнем и поро-

хом, // Как дракон, плюющийся на много тысяч шагов. // Все это не ужасает Карла, великого Героя, // Который дракона уже уничтожил» [512]. В упоминавшемся выше панегирике С. Бреннер «Простые и большие мужчины и женщины...» говорится, что «Три золотых яблока хранит Славянский (Shlavonska) дракон» [513]; «Славянский (Schlavonske) дракон» встречается и в оде Далина «На резню под Вильманстрандом» [514].

Правда, в шведской литературе XVII – первой четверти XVIII в. драконом могли называться мусульманская Турция («Свет Твоего Лица сокрушит голову Дракона и всех тиранов, и никто не может стоять против твоей силы» [515] – в «Молитве против христоненавидящих врагов турок») и Папа Римский (в «Augur Apollo» А. Стобаеуса, или в «Посвящении Северному Льву» (т. е. шведскому королю Густаву II Адольфу) богемского ученого и поэта Венцеслауса Клеменса, Clemens; 1589–1636) [516]. В русской литературе дракон обозначал Турцию, Вражду (например, в описании Триумфальных ворот в Москве по случаю мира со Швецией говорится: «Дракона (вражды знамение) Орел и Лев терзают» [517]) и, крайне редко, – Швецию. Так, в «Песнопении» 1788 г. Ф. Козельского о воюющих с Россией Турции и Швеции сказано: «Поднялся лютый Готф по нем. // Се два дракона соплетенны // На зло России ухищренны» [518]. Правда, затем автор возвращается к более привычным обозначениям: «Сей чуть явит главу змеину, // Внезапно Павел отсечет, // Едва покажет паки львину, // И паки Павел ту сотрет» [519]. Однако во всех приведенных случаях сходство врага с драконом на многоглавости государственного символа не основывается, и «Эпическая песнь» оказывается единственным произведением, содержащим такого рода уподобление.

В свою очередь лев, государственный символ Швеции, в русской литературе с диковинными существами не сопоставлялся, и его поражение от российского орла изображалось лишь как потеря конечности, и не только «ноги». Так, в «Описании обоих триумфальных ворот, поставленных в честь... Елизаветы Петровны...» (СПб., 1742) Х. Крузиуса сказано: «Лев скрывается в пещеру, у которой отсеченный хвост лежит под пальмою... наша напротиву того слава наипаче из того умножается, что кичливого народа и дерзкого не только угрозы уничтожены, но еще таким образом, что чрез долгие веки стыда и безславия оной не позабудет» [520]. В русских текстах отсеченный хвост шведского льва становится знаком шведского поражения и позора. Вместе с тем, в шведской литературе и геральдике заметно то же стремление к «многочленности» госу-

дарственного символа, что и в России: так, характерной чертой изображений шведского льва, сделанных в Швеции, является его «двухвостость»: двухвостого льва составляют фигурные стихи в издании 1685 г.[521], изображение двухвостого льва сопровождает панегирик Л. Шернельда «Военные стихи и пожелание счастья на... Победу над вероломными врагами в Лифляндской стороне»[522]. При этом автор этого рисунка задействовал все конечности льва: задними лапами он попирает татарскую шапку, одной передней лапой — щит с изображением двуглавого орла, в другой передней лапе держит знамя с девизом на шведском языке: «С Божьей помощью». Таким образом, и в шведских, и в русских текстах множественность, и даже избыточность, конечностей государственного символа служила лишь прославлению отечества, в то время как потеря конечностей обозначала унижение и территориальные потери противника; при этом о физической ущербности поверженного неприятеля говорится лишь в сочинениях русских панегиристов.

* * *

Анализ некоторых тем гомеровского эпоса позволяет проследить, каким образом русские и шведские авторы обнаруживали сходство и различие между древними событиями и современностью и как описываемая современность возводилась к античной героике.

Так, в русские литературные произведения эпохи Северной войны входит троянская тема, хорошо известная в Древней Руси, в том числе из перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумно. В Петровское время эта книга была чрезвычайно популярна и несколько раз переиздавалась.

Можно предположить, что в русской панегирической литературе времен Северной войны троянская тема актуализировалась в том числе благодаря некоторым особенностям ведения военных действий: русские, как правило, выступали в роли осаждающих, шведы — защищающих города: «А шведов, сидельцев городовых, с женами и с детьми и с животы отпустили по государеву указу»[523], или «но солдаты наши... во оную крепость ворвались и в тот замок, где неприятелю доброй трактамент был»[524]. Взятие шведских городов вызвало к жизни ассоциацию, основанную на тезоименитстве Петра I апостолу Петру: «тако отворен замок ключем Петровым»[525], и далее: «Преименованный убо замок шведский в ключ российский, о коликая отворил благая»[526].

В русских панегириках шведы часто представлялись как надежно защищенная сторона безотносительно к осаде конкретного города. Так, в «Слове о богодарованном мире в день обрезания Господня 22 января 1722 г.» говорится: «Трудно сие и неудобоначинаемое дело явишеся с силным соседом, воинство регулярное искусное имущим, победами славным, хитрости исполненным, градами крепкими огражденным, лесами, болотами, каменми, реками, заливами морскими, езерами и самым морем от России заслоненным, флотом старинным защищающимся»[527] (правда, нередко в русских панегириках упоминается шведское нашествие: в «Слове похвальном о баталии Полтавской» (СПб., 1717) Феофана Прокоповича о шведах сказано как об «уже помощию Божиею прогнанных, которых нашествие горко было терпети»[528]).

С троянской темы начинается посвященный Полтавской битве «Епиникион» Феофана Прокоповича. Здесь троянская и шведская войны сопоставляются на основании их равной длительности: каждая продолжалась 10 лет, пока не совершилось решающее событие – взятие Трои или Полтавское сражение. Правда, это единственный пример, когда в русском или шведском панегирике использовалось сравнение успешной кампании с чрезвычайно продолжительной Троянской войной; Феофану, по всей видимости, требовалось уподобить нынешнюю войну великой войне древности на любом основании.

Как правило, в шведских победословиях отмечалось, что нынешний победитель одержал победу значительно быстрее, чем ахейские герои. Так, в панегирике Ю. Гейслера (Geisler) «Радостные мысли» по случаю дня рождения Карла (1709 г., напечатано в сборнике К. Карлссона) говорится, что ахейцы «десять лет под этим городом проспали», в то время как «наш король овладел Торном [1703 г. – *М. Л.*] через несколько месяцев...»[529].

В русских панегириках XVIII в. также подчеркивалась непродолжительность успешных для России войн, правда, троянские ассоциации в таких случаях не использовались. Например, в «Хвале на славы пространнаго одоления» (1709) указывалось, что одним походом «Алексеевич» превзошел Александра Македонского[530], а в русских произведениях, посвященных русско-шведской войне 1741–1743 гг. отмечалось, что, быстро победив Швецию, Елизавета превзошла самого Петра[531].

Точно так же не связывались с троянской темой и другие производившиеся русскими и шведскими авторами и касавшиеся продолжительности русско-шведской войны подсчеты. В «Слове по-

хвальном о баталии Полтавской» (СПб., 1717) говорится: «Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страсная. Гофский народ, имя ужасное, народ гофский с Россиею девять лет борется, а еще бедно»[532]. В упоминавшемся парафразе 1721 г. Сведенборга «Дважды десять лет Север стонал от беспорядка» русского оригинала заменяется на «Север, теперь русский, стонал десять лет»[533] (Сведенборг хочет сказать, что к моменту заключения мира Россия владела бывшими шведскими провинциями уже десять лет).

Кажется, троянскую аналогию должно было вызвать взятие русской армией Нарвы в 1704 г: здесь и многолетняя осада, и предшествовавшие победе неудачи, и военная хитрость, и полный успех. В «Юрнале, или поденной росписи, что под Нарвою чинилось» (М., 1704) рассказывается, как была «вымышлена последующая воинская хитрость, дабы тем, неприятелей из города выманя знатных языков, и о сем получить ведомость», как русские на глазах у нарвского гарнизона разыграли сражение между «притворными шведами», то есть переодетыми русскими, и «нашими», и как шведы поверили в эту хитрость. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» (М., 1704) Иосифа Туробойского этот эпизод отмечен, но так же вне какой-либо связи с троянской историей: «В верхнем крузе написахом тетерева, иже к подобию своего чючела, от охотников поставленнаго, прелетев, от них убиен бывает; написахом же ему: Своим прелщается подобием»[534]. В рукописном рассказе «О взятии Нарвы» автор обращает внимание лишь на наказание гордых шведов и никакими историческими или мифологическими событиями свое рассуждение не иллюстрирует: «Господь вручил преславный град дивным таким делом и неприятельскую гордость победи»[535]. Если завоевание Нарвы и вызывало какие-либо ассоциации, то отнюдь не троянские: «Змий убит, Ясон руно, свободив, приемлет. // Нарву пленив, Ингрию царь свободне вземлет»[536]. Правда, осада и взятие Трои упоминаются в «Торжественных вратах».

Русским авторам события Троянской войны напоминала и измена Мазепы; правда, «хитрость» гетмана позволяла сравнить (но не уподобить) его не с ахейцами, а с троянцами: «Повествует славный стихотворец римский Виргилий, яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трою, неции от троянов, побивше сшедшихся со собою некия воя греческия, броня их и щити на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху; мняху бо тыи, яко свои суть, и без опаства схожда-

хуся. Не тако ли творяшеся и во смущении сем зменническом? Разве яко тамо доброю хитростию подвизахуся за отечество трояни, зде же диавольским наущением на пагубу своего же отечества мечтахуся клятвопреступныи зменницы» [537] («Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» Феофана Прокоповича).

Вместе с тем, в русских и шведских победословиях русские и, соответственно, шведы предпочитают открытый бой, презирают военную хитрость, и именно на этом основании строится большинство встречающихся в панегирических текстах троянских аналогий. В том же панегирике Ю. Гейслера «Радостные мысли» говорится, что «в Древней Греции было обещано, что Троя будет завоевана хитростью» [538], к которой Карл никогда не прибегал, а в одном из первых русских панегирических сочинений, посвященных победам над шведами, «Торжественная врата входящая в храм безсмертныя славы» (М., 1703), сказано: «...Троя греческим коварством по десятолетной осаде взята бысть; его же царскаго пресветлаго величества победы не коварством и хитростью, но явным боем быша» [539]. При этом, в отличие от русских авторов, как правило, вспоминавших Троянскую войну в связи с войной шведской, у шведских авторов Троянская история с русской войной не ассоциировалась никогда.

Кроме того, в отличие от России, в Швеции второй половины XVII в. Троянская война воспринималась как факт отечественной истории. Так, из предисловия к «Младшей Эдде» следует, что Один, достигший Швеции и правивший там, происходил из Трои; о Трое говорится и в комментарии к этому сюжету в шведском издании «Hervarar saga» [540]. В «Атлантике» О. Рудбек утверждал, что троянцы имели шведское происхождение, и ссылался при этом на Гомера и Гесиода [541] (поэмы Гомера являлись одним из основных источников сочинения Рудбека, а на связь «Илиады», «Одиссеи» и «Атлантики» указывает оформление издания книги Рудбека, фронтиспис которой украшает изображение Гомера [542]).

И, наконец, в отличие от русских панегиристов, шведские авторы XVII – начала XVIII в. обращали внимание на сходство шведских героев с ахейскими / троянскими вождями, в первую очередь с Ахиллесом. Так, в изданной до гибели шведского короля Густава II Адольфа поэме В. Клеменса (Clemens) «Gustavis» (Leiden, 1632), в частности, говорится, что Густав Адольф – «великий воин Бога, Ахиллес Севера» [543], в опубликованной в том же 1632 г. немецкой поэме «великий конфликт в Германии был аллегорически представлен как битва между Троянцами и Греками, и роль

Ахиллеса здесь отводилась Густаву Адольфу» [544]. О мужестве Ахиллеса говорится в посвященном Карлу XI стихотворении «Свет северной звезды» [545] (Стокгольм, 1680), в одном из панегириков, изданных после нарвской победы, Карл сравнивается с Аяксом, Ахиллесом и Александром [546]. Точно так же в «Camena Borea» Сведенборга подчеркивается, что «Лев [т. е. Карл. – *М. Л.*] имел дух Ахиллеса, а не смертного» [547]. В «Кратком извлечении из истории короля Карла XII» (Стокгольм, 1709) говорится о зависти Александра (постоянно имевшего при себе «Илиаду») к Ахиллесу [548].

В латинском стихотворении 1714 г. (троянские герои, и Ахиллес в первую очередь, появляются, как правило, в латинских текстах) благополучное возвращение в Швецию «Готского Ахиллеса» Карла XII уподобляется возвращению Ахиллеса в греческий лагерь. Правда, многолетний путь шведского короля домой после поражения под Полтавой вызывал у шведских панегиристов (например, у Э. Фрондина) ассоциации с путешествием Энея [549].

В шведских сочинениях начала XVIII в. Ахиллесу уподоблялся не только король, но и некоторые его полководцы: в опубликованном в той же антологии Карлссона стихотворении знаменитого шведского поэта Ю. Вервинга (Werwing) «На погребение фельдмаршала графа Дальберга» (1703) говорится, что он подавал «Несторовы советы» и имел «меч Ахиллеса» [550] (это сопоставление могло основываться, в том числе, на сходстве трагической судьбы обоих героев, при этом, сравнивая с погибшим ахейским героем павших в бою шведских королей, Густава II Адольфа и Карла XII, шведские панегиристы это обстоятельство не отмечают).

В свою очередь Петр если и сравнивался, то, как правило, с другими троянскими героями, с Улиссом или с владевшим множеством кораблей Агамемноном (при этом в панегирике А. Руделиуса 1703 г. также говорится, что Карл превосходил не только Ахиллеса, но и Агамемнона). Ахиллес упоминается в посвященной взятию Азова «Славе торжеств и знамен» И. Копиевского, а в созданной в 1743 г. «Оде на день тезоименитства Его императорского высочества государя Великого Князя Петра Федоровича» М. В. Ломоносова именем этого героя называется будущий российский император: «Под инну Трою вновь приступит // Российский храбрый Ахиллес» [551].

Таким образом, в литературе обеих стран троянская тема звучала достаточно часто, с той разницей, что в Швеции к ней обращались не только в панегирических, но и в научно-исторических сочинениях. Однако издания XVIII в., специально посвященные

Троянской войне, в Швеции появлялись редко, в частности «Троянская история» Гвидо де Колумно в каролинскую эпоху издана не была.

* * *

В русских и шведских панегириках времен Северной войны встречаются не только античные, но и библейские персонажи: Карл – вождь нового богоизбранного народа – уподоблялся Гедеону и Моисею [552], Петр – победившему льва Самсону, тем же Гедеону и Моисею. Одним из наиболее популярных у русских и шведских панегиристов времен Северной войны библейских сюжетов был поединок Давида и Голиафа.

В шведской литературе о победе юноши Давида над великаном Голиафом не могли не вспомнить после нарвской баталии: сразу после победы в Швеции вышла «Радостная песнь верных подданных о счастливом владычестве короля и помазанника, начиная с царя Давида...» (1700); в «Кратком размышлении» (1701) А. Гоединга Карл уподобляется Давиду, а «вероломные и бессовестные враги русские» – *филистимлянам* [553]; в упоминавшемся выше «Narva Triumphans» библейский сюжет так и не был реализован из-за малодушия русского Голиафа: «...здесь побеждает Давид, который юн годами: первым бежал Голиаф, и войско, как стадо овец, частью взято в плен, частью просило отпустить их домой в Россию» [554].

В стихотворных панегириках на других языках, посвященных Карлу, о силе Самсона, золоте Соломона и счастье Давида говорится в латинской оде Б. Гебхарда (Gebhard) на коронование Карла XII [555]; о могущественном Сауле и слабом, но «дерзком» Давиде – в немецком панегирике Гедвиг Элеоноре [556], о юном Давиде – во французской «Эпистоле королю Швеции Карлу XII, именуемому Великим» [557]. Особенно часто Давид упоминается в посвященной гибели Карла «Печальной эпической песне» (Упсала, 1719) О. Рудбека-сына, где, в частности, на вопрос «что здесь произошло?» следует ответ: «с Карлом умер Давид» [558].

В русских панегириках, посвященных русско-шведской войне, о поединке русского Давида со шведским Голиафом писали в связи с большинством одержанных побед; например, в «Преславном торжестве свободителя Ливонии» (М., 1704) Иосифа Туробойского говорится: «Изыде бо муж силен иноплеменник, аки вторый Голиаф в российское достояние и даже доселе уничижая и обидя нового Израиля российское царство, толь многолетне похищая страны и

грады его и поношая полку Бога живаго» [559], в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича Голиафом названо шведское войско, а его главой – Карл («И сотворися победа, подобная Давидовой над гордым филистином победе. Яко же Давид иногда, силою вышняго подкрепленный, поразив во главу Голиафа, исторже из руку его меч и темже обезглави его, тако и российское воинство, поразивши самаго Короля Свейского, сиесть самую главу новаго сего Голиафа, супостата нашего, поношающаго роду нашему, новому Исраилю полкам Бога живаго; поразивши, глаголю, великою язвою на теле, крайным же страхом на душе и сердци, исторже от руку еготоль славное и всем народам страшное оружие» [560]), а один из известнейших литературных памятников времен Северной войны имеет название «Божие уничижителей гордых в гордом Исраиля уничижителе чрез смиренна Давида уничиженном Голиафе уничижение» (1710). По мысли Иосифа Туробойского, восставая против России, Швеция восстает против Бога: «Камень еси, его же не Давид, но сам Господь из пращи праведнаго отмщения своего верже на прегордаго свейскаго Голиафа и порази его в чело, егда при твоих государственных градех начальный и аки чело свейския державы от сея страны Нарву град твоей державной деснице предаде» [561]. Здесь, как и в «Божием уничижителей гордых уничижении», панегирист акцентирует внимание на греческом происхождении имени российского монарха (М. П. Одесский, рассматривая прием восхваления «через имя» в форме «через этимологию», упоминает «Божие уничижителей гордых уничижении» среди драматических произведений, в которых «угадывается» «Петр-камень-орудие-на-врага» [562]).

При этом панегирическое уподобление завоевания вражеской территории Петром I нанесению физического ущерба «отрицательным» библейским героям (а не только обозначающему Швецию Льву) в литературе Петровской эпохи встречается неоднократно. Подобно тому, как Давид поразил Голиафа камнем в чело, Петр поразил «чело свейския державы» и отторг от нее Нарву; подобно тому как апостол Петр отсек Малку ухо, царь Петр «отсек» у Турции Азов: «Як верховны Петр мечем Малху задал рану, // Так царь Петр дал по уху турскому салтану, // Аки ухо десное от главы егова // Усече, когда добыл города Азова» [563].

* * *

Основные события войны 1741–1743 гг. изложены в переведенной в России «Краткой всеобщей истории г-на Ла Кроца» (СПб., 1766): «Во владение его [Фридриха I. – *М. Л.*] в 1721 году заключен в Ништаде вечный мир с Россиею, но в 1741 г. Шведы оный нарушили и в начатой ими войне побеждены они в том же году под Вилманстрандом, и сия крепость взята. После чего Шведы не могли нигде противостоять российскому войску, оставили в 1742 году зажженный Фридрихстам, а в 1743 году заключен мир во Або» [564]. Еще короче – в переведенной со шведского «Краткой истории королевской шведской фамилии, именуемой Густавов» (М., 1790): Фридрих I «объявил 1741 года войну России, которая была и окончена в 1743 году» [565].

В России эта кампания была представлена как победоносная и блестящая: Елизавета «...всю империю толь храбро расширила, что главного своего неприятеля сухим прежде путем после различных сражений к бегству, разорению и побегу привела, а напоследок, совершенно великою частию государства его овладевши, к таким договорам принудила, что оный чрез море в пределы свои к великому его постыжению отвергнут был» [566]. Результатом побед Елизаветы стали «возобновившееся благополучие перемен» и «приятный и мирный союз между Российскою империею и королевством Швецким...» [567].

В свою очередь в Швеции полагали, что война была развязана Россией, а победа русских не казалась столь бесспорной, как об этом заявляли русские панегиристы. Так, в переведенном с французского «Дружеском письме из Данцига к друзьям в Кенигсберг относительно дела под Вильманстрандом» (1741) графа А. Хепкена (Höpken) (1712–1789), известного шведского государственного деятеля, в 1741 г. служившего в иностранной экспедиции, сравниваются русская и шведская реляции и доказывается, что шведская значительно правдоподобнее. В частности, говорится, что Вильманстранд – не крепость, как ее представляют себе в России, а небольшое укрепление, и что в сражении шведы потеряли 900, а русские – 8000 человек. Последнее заявление подтверждается тем, что после сражения русская армия в спешке повернула назад, и «из этого можно сделать вывод, какова их победа была на самом деле и каковы были их потери» [568].

По прошествии 30 лет после этих событий в «Истории знаменитой Российской Императрицы Елизаветы» (Упсала, 1771) Ю. Буссера (Busser) (в своем сочинении постоянно акцентировавшего внимание на русско-шведских политических взаимоотношениях в елизаветинскую эпоху) говорится, что «Карелия и Нюланд попали в русские руки без сражения, без победы, шведы не получили возможности продемонстрировать свою храбрость», а победа в сражении при Вильманстранде «была куплена русскими ценой больших потерь» [569]. Правда, тут же добавляется, что «в Москву были доставлены штандарты, знамена и прочие знаки победы, которые были сложены к ногам императрицы» [570].

Накануне войны 1741–1743 гг. в Швеции появлялись произведения, имеющие явно пропагандистское назначение: так, не позднее 1741 г. вышел упоминавшийся выше «русский» конволют, содержащий, кроме прочего, шведские документы времен Северной войны, а также некоторые шведские сочинения начала 40-х гг. (например, «Сагу о шведской шпаге, русской сабле и татарском луке» А. Леенберга). Кроме того, в Швеции были переизданы все названные выше истории Карла XII: в 1740 г. в Стокгольме вышла «История Карла XII» К. Нордберга (Nordberg; в 1742, 1744, 1748 г. эта книга издавалась в Гааге на французском языке), а в 1741 г. в Стокгольме же был издан новый перевод книги Дрюандера на шведском языке, правда, в этот раз он получил название «История короля Карла XII в кратком представлении от его рождения до его смерти» и был сделан с французского издания 1730 г., вышедшего в Гааге (последнее шведское издание этой книги появилось в 1758 г.). В Амстердаме в 1740 г. была переиздана «Военная история Карла XII» Г. Адлерфельда (Adlerfeldt) на французском языке.

Панегирические оды, посвященные событиям войны 1741–1743 гг., выходили как с русской, так и со шведской стороны; правда, в отличие от Швеции, где число публиковавшихся поэтов-панегиристов было значительным, в России большинство изданных оригинальных и переводных од на «шведскую тему» принадлежало М. В. Ломоносову (Тредиаковский об этой войне практически не писал: одно из его редких стихотворений, изданных в начале 40-х гг., – «Всепресветлейшей и державнейшей государыне императрице Елизавете Петровне... поздравления на день ея коронации в царствующем граде Москве» (СПб., 1742)) [571].

В изданных в самом начале войны шведских стихотворных «Мыслях всякого честного шведа по поводу объявления войны царю России» (Стокгольм, 1741) говорится о забытом шведском

мужестве, о победах Карла XII и о будущих успехах шведского оружия[572]. Сразу несколько шведских од появилось после сражения под Вильманстрандом, которое в Швеции как неудачное не расценивали. Так, в оде А. Леенберга «Находящимся дома шведам радостное напоминание от их братьев в Финляндии, ...под командованием... Карла Хенрика Врангеля под Вильманстрандом доказавших свою храбрость» (Стокгольм, 1741) это утверждение опровергается сразу и решительно: «Мы проиграли! Что? Когда швед, погибая, забирал девять русских...»[573]. Основная тема шведских стихотворений, посвященных Вильманстрандской битве, – мужество шведов, сумевших противостоять огромной русской армии («Это ли не мужество, не вера, не сила, не отвага, // Чтобы стоять... под пулями, льющимися как дождь // И драться одному против двенадцати при свете молний, в дыму и пламени?»[574]) и нанести ей поражение («Когда сражение было закончено, и враги исчезли, // И наши люди собрались вновь, // Они увидели на месте тех, кто погиб и победил: ...менее девятисот медведей, // Которые отомстили за свою смерть восьми тысячам орлов», «Бог отнял у русских орлов их мужество и силу» и наказал их «дерзкое высокомерие»[575]). В концовке указанной оды А. Леенберга отмечается, что «если пятнадцать сотен могли противостоять шестнадцати тысячам, // Все, с Божьей помощью, пойдет еще лучше, // Когда Левенгаупт, наш новый герой, // С тридцатью тысячами шведов // Вновь одолеет русскую силу.., // И скоро будет им другой танец, // Когда наша армия морем и сухим путем в Петербург направит путь»[576] (подобные заявления делались и во время следующей войны, например, в вышедшем в 1788 г. стихотворении «К Магистрату и жителям Або» сказано, что «Там грохот шторма возвещает гибель наших врагов и имя Густава, // И победа преклоняется перед Карлом, // И славит меч в его руке, и Шведский Лев возвышается... над Волжскими берегами»[577]).

В оде О. Далина «На резню при Вильманстранде», как и в прочих шведских стихотворениях, посвященных этому событию, говорится о Божьей помощи шведам («еще жив Шведский Бог»[578]; ср.: «Бог помогает тебе, Швеция, моя Мать и Кормилица – Ты в Мужестве и Вере всегда постоянна»[579]; «ясно видно, что Бог был со шведскими медведями»[580]) и огромных потерях русских («Пятеро против одного полагали одержать победу, // Но потеряли половину своих сил»[581]). Однако о шведской победе речь здесь не идет («Хвастай, Россия, // Наша гибель превозносится в твоем радостном возгласе»[582]), а заключительная строфа этого стихотворения принципиально отличается от концовки оды Леенберга («Великий Бог... если

Ты не даруешь нам победы, // Хотя наш храбрый меч еще сверкает, наше сияние, однако кратковременно, // Ты можешь удручить нашего врага, // С твоей славой связано наше счастье, которое может стать добрым и крепким»[583]).

В шведских одах 1788–1790 гг. эта битва называется единственным шведским поражением, после которого последовали военные успехи. Так, в оде «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) А. Г. Экеберга (Ekeberg) сказано, что «хвастовство огромных войск и заносчивую силу Вазы привыкли встречать с презрением», и далее: «Нет, Шведы! Никогда больше неприятель не увидит побежденную храбрость единственного Вильманстранда. // Вы имеете в Вашем Короле защитника и отца»[584].

В свою очередь в оде Ломоносова «Первые трофеи Иоанна III» сражение при Вильманстранде представлено как безусловное и к тому же бесславное поражение шведов:

Вдается в бег побитый швед,
Бежит российский конник вслед
Чрез шведских трупов кучи бледны
До самых Вилманстрандских рвов,
Без счету топчет тех голов,
Что быть у нас желали вредны.
Стигийских вод шумят брега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суши,
Горька опять коль им беда[585].

В шведских одах, посвященных заключенному в 1743 г. миру с Россией, или написанных сразу после войны, также прославляется шведское мужество и сила («Положи, Свеа-Готская рука, положи свой тяжелый меч»[586]), однако чаще в них говорится о спасении государства от угрожавшей ему катастрофы. Так, в оде Далина «На мир между Швецией и Россией» сказано, что Швеция находилась на краю гибели, и поэтому мир с Россией, заключенный «кротким Фридрихом», особенно желателен: «Бог, который управляет судьбой государства, // Именно когда твои основы дрожат, // Дарует тебе благородный мир»[587]. В стихотворении «Гнев бездны, молнии и грохот, небесная кротость, милость и чудо, размышления: На его королевского высочества герцога Адольфа-Фридриха возвращение в Швецию» (Стокгольм, 1743) А. Тернгрена (Tцrngren) говорится, что «После ночи Солнце этим светом радует наши сердца»[588]. В другой анонимной, не имеющей заголовка и входящей в

один конволют со стихотворением Тернгрена оде 1743 г. сказано, что Швеция может вновь поднять голову и что ее небо свободно от туч, угрожавших уничтожить весь Север.

Надо сказать, что в «государственной» шведской поэзии эта тема звучит и позднее; например, в «Добавлении к патенту относительно создания новой безымянной партии; доброжелательного отшельника» (1769) содержится требование объединиться и закончить раздор, государство уподобляется больному телу, автор призывает шведов украсить сердца старинной честностью (мотив, постоянно встречающийся в шведской литературе, например, в «Рассуждениях» Густава III) и вспоминает ярла Биргера[589].

В русской одической поэзии начала 60-х гг. XVIII в. мотив спасения от катастрофы также распространен, но связан не с военным поражением, а с «революцией» и восшествием на трон нового монарха. Так, в «Эпистоле» М. М. Хераскова на коронование Екатерины Великой (1763) говорится: «При новых радостях воспоминаем мы, // Как ты нас извела на свет из страшной тьмы»[590].

Идиллические картины «мирной» жизни изображались в русских панегириках и в 1742 г., и сразу после войны. Например, в «Изъяснении аллегорического изображения и иллуминации... в первый вечер Нового года 1742» Я. Штелина говорится: «В других землях слышан везде ужасной крик сражающихся войск, а в твоих границах бесчисленной народ радостнейший “виват, Елисавет Петровна” непрестанно произносит» (в соответствии с церемониалом именно так и должны приветствовать Елизавету ее подданные: в «Известии о церемониале по случаю торжеств на заключение мира со Швецией» (1743–1744), в частности, говорится: «При выходе из собора командующий генералитет, штаб офицеры и рядовые, подняв шляпы и махаючи оными, трижды кричать станут “виват, непобедимая императрица Елисавет, наша мать отечества”»[591]). В «Слове в день рождения Елизаветы Петровны» (М., 1747) епископа Псковского и Нарвского Симона Тодорского сказано: «Родилася еси Отечеству, ибо Матернее неусыпное о благополучии его имееши попечение, о чем свидетельствует лютое настоящее время: вся почти Европа военным возгорелася пламенем, своею обагряется кровию и погружается в ней. Мы же Божиим, по Бозе же твоим Высокоминистерским промыслом покоя, тишины и всякаго благополучия наслаждаемся»[592]; «высокоминистерским» «промысел» «российской Иудифи» назван потому, что монарх, как отмечено в «Слове о мире со Швецией» (СПб., 1723) Феофана Прокоповича, является «министром Бога»[593]. Напечатанное «со-

держание» «Увеселения, сочиненного и представленного от ея Императорского Величества Всепресветлейшия державнейшия Великой Государыни Елизаветы Петровны императрицы и Самодержицы Всероссийския... французских комедиантов при всенародном торжествовании заключеннаго между Ея Императорским Величеством и Шведскою короною вечнаго мира» (М., 1744) начинается со следующей экспозиции: «Театр представляет сады Ея Императорского Величества, а вдали город Москву. Аполлон по велению и совету богов вводит туда Мир, как в единое токмо безопасное убежище, которое для онаго на земле осталось».

* * *

Характерно, что некоторые панегирические приемы, использовавшиеся в «Увеселении», встречаются в позднейших русских сочинениях на шведскую тему. Так, кроме прочих комплиментов, в «Увеселении» читается следующий призыв к Миру: «Приди в сие жилище славы, // Внеси веселье и забавы, // Щедрота здесь цветы растит, // Астрея царство обновляет, // Никто в России не вздыхает, // Лишь разве кто в любви грустит». Для автора любовь – чувство, противоположное военному гневу, которому нет места в современной России: «Пришли часы оставить брань // И гнев смягчить в кипящей крови, // Покорствуйте теперь любови // И естеству несите дань». При этом вызванная миром любовь неизбежно сопровождается не подходящей к текущему моменту грустью, которая, однако, не способна нарушить наступившую идиллию (хотя сама Любовь призывает грусть оставить: «Любовь говорит: Ликуйте днесь, не воздыхайте») и лишь подчеркивает благополучие нынешнего состояния России: грусть порождена не несчастьями и лишениями, а любовью. В свою очередь в русских полемических предвоенных текстах 1788 г., содержащих описания счастливой жизни россиян, некоторые отмеченные неприятелем российские беды признаются существующими, но являющимися результатом благоустроенности, например «избытка», а не недостатка благосостояния (правда, в отличие от «Увеселения», полемический характер такого рода сочинений предполагает некоторую ироничность тона русского автора).

Так, в «Примечаниях и историческом объяснении на объявление его величества короля Швецкого» (СПб., 1788) Екатерина II, среди прочего, парирует обвинения Густава III в том, что в России люди умирают с голода, следующим образом: «что напротив того в

России много людей ежедневно умирает от излишнего употребления пищи, есть неоспоримая истина, но с голоду, сколько известно, никто никогда еще не умирал в сей Империи»[594]. По Екатерине, в России царит счастье и довольство, беды от общественного неустройства здесь невозможны в принципе, если же подданных императрицы и постигают какие-либо несчастья, то происходят они только от «положительных» явлений, в данном случае — от сытости и изобилия (эта тема нашла выражение в стихотворных панегириках времен русско-шведской войны: «Фелицына страна — Едем для всех обильный»[595]). Всему виной человеческая природа[596].

В то же время о смерти от переедания говорится в переведенных в России сочинениях скандинавских моралистов, которые таким образом пропагандируют необходимую для человека и государства добродетельную бедность. Так, во включенной в «Нравоучительныя и полезныя рассуждения, выбранные из разных авторов» (М., 1761) статье Л. Гольберга сказано, «что мало таких, которые бы с голоду умирали; и что напротив, того бесконечное есть число людей, которые от объядения и пьянства умирают; следовательно, можем познать, что в сем случае убогой благополучнее богатого»[597], а в «экстракте из речи, говоренной 29 генваря 1757 года... графом Г. А. Гилленборгом в Стокгольмской Академии наук при сложении Президентства» (напечатанном в «Ежемесячных сочинениях» в 1764 г. под названием «О мудром попечительстве древних шведов для пресечения расширяющиеся роскоши») отмечается, «что больше у нас от объядения, нежели с голоду умирают. Мнится мне, что они говорят справедливо; потому и я думаю утверждать, что безрассудное употребление лишнего имения больше государствам вреда чинило, нежели недостаток нужнейших потребностей»[598]. С точки зрения скандинавских авторов, смерть граждан от переедания знаком благополучия государства не может быть ни при каких условиях. Трудно сказать, воспринимала ли Екатерина этот мотив как «скандинавский» и связанный с проводимой в Швеции кампанией против роскоши, но очевидно, что в данном случае «моральная» сторона дела ее не занимала[599].

Конечно, в текстах 1743 и 1788 гг. указанный панегирический прием реализуется по-разному: Екатерина говорит о царящем в России изобилии, но не сводит все смертные случаи к перееданию, в то время как автор «Увеселения» единственную причину грусти россиян видит в любви, но не в ее избытке; Екатерина обращается к материи низкой, говорит о еде и обжорстве, автор панегирика Елизавете — к теме высокой, и говорит о любви и любовной грусти;

в конце концов, заявление Екатерины является полемическим ходом, в то время как автор «Увеселения» создает панегирик российской императрице. Однако сходство способа изображения современного российского благополучия в обоих сочинениях «шведской» тематики не вызывает сомнения. Надо сказать, что в шведской литературе этот прием распространения не получил, хотя о наступившем после войны 1741–1743 гг. шведском изобилии и счастьи мирной жизни писали много. В то же время в годы последней в XVIII в. русско-шведской войны 1788–1790 гг. полемические тексты, подобные русским «Примечаниям и историческому объяснению...», появлялись и в Швеции.

* * *

Во время войны 1788–1790 гг. в обеих странах активно использовался сходный пропагандистский прием: переводы текстов, написанных в стране-сопернице, издавались и комментировались. Так, в вышедших в России «Примечаниях и историческом объяснении...» (СПб., 1788) приводятся и тут же опровергаются обвинения шведской стороны. Разбив все доводы противника, Екатерина подводит итог: «Из всего вышеписанного явствует, с каким соседом Россия имеет дело, когда он попирает установленный союз общенародной и благоустройства и когда довольно показал своим самопроизвольным поведением, что он никаких других правил не знает, кроме собственной необузданной воли» [600].

В Швеции же издавались переводы русских текстов, напечатанных в европейских газетах и посвященных описанию некоторых сражений или иным событиям, связанным с продолжавшейся войной. Так, в 1789 г. в Стокгольме вышел перевод опубликованного в датской газете «Русского рассказа о морском сражении 26 июля 1789 года». В самой Швеции об этом морском бое говорилось в «Рассказе его королевского высочества, герцога и адмирала принца Карла» и «Копии письма из Карлскроны».

Издание русского донесения прокомментировано лаконично и язвительно; например, на предположение русского автора, что в этом году, по-видимому, морских баталий больше не будет, следует шведский «ответ»: «кто знает?» [601] (иначе говоря, русские, по мнению шведского комментатора, надеются уйти от очередного поражения). Зато включенное в «Анекдоты из Финляндии» (Стокгольм, 1789) (указывается, что эти тексты напечатаны в английской утренней газете) письмо Мусина-Пушкина принцу Нассау по поводу пе-

реписки последнего со шведским королем сопровождается чрезвычайно эмоциональными шведскими комментариями. Так, заявление русского адресанта, что «война, которую король Шведский желает предпринять против нас, противна природе и противоречит принятым среди цивилизованных народов правилам», содержит следующее примечание: «Конечно, разница в том, что русские устраивают поджоги и чинят ужасные насилия, со шведской же стороны нет ни единого примера такого рода за всю войну» [602]. В свою очередь в России подобные опровержения могли принимать форму обращения к противной стороне; так в Петербурге в 1789 г. вышло «Письмо королю шведскому и опровержение реляции о морском сражении: трагедия письменная».

Другим используемым в Швеции во время войны 1788–1790 гг. пропагандистским приемом было переиздание некоторых шведских книг, вышедших незадолго до войны 1741–1743 гг. Так, в 1789 г. появился «Героический разговор с храбрым и незаменимым... майором Малькомом Синклером в счастливых Елисейских полях в царстве мертвых» А. Оделя (Odel), впервые изданный в 1739 г. Надо сказать, что в Швеции накануне войны с Россией 1741–1743 гг. об убийстве шведского агента в Турции майора Синклера знали очень хорошо, он стал национальным героем и упоминался в шведских предвоенных и военных панегириках: в 1741 г. в Стокгольме был издан «Обстоятельный рассказ о... коварном и жестоком убийстве» майора Синклера, в «Призыве... Густава Адольфа и Карла XII из царства мертвых» (1741) Оделя говорится о «храбром Синклере... который пострадал за Швецию...» [603], а в «Мыслях всякого честного шведа по поводу объявления войны царю России» — о «пролитой крови верного Синклера» [604].

Как и во время всех русско-шведских войн XVIII в., в 1788–1790 гг. между шведскими и русскими поэтами разгорелась стихотворная полемика (правда, и в этот раз с творчеством поэтов вражеского государства в Швеции и России были знакомы очень мало). Так, в шведской оде К. Г. Леопольда «На победу при Хогланде 17 июля 1788 г.» упоминается «самонадеянный» Грейг [605], в русской оде «Памяти о славном Грейге, российском адмирале, сочинена 1788 г.» говорится, в частности: «Тот Грейг, что Готов величавых // Карал среди валов кровавых...» [606], или в «Стихах на кончину адмирала Грейга» — «Как громы тяжкие метал из жерлов смертных // На Шведов дерзостных, строптивых, лицемерных. // Как лев на Готфа он, сражаясь, сверипел, // А победив врага, как друг о нем жалел» [607].

В заголовке русской оды 1790 г. герцог Карл назван «посрамленным герцогом Зюдерманландским», в оде Леопольда сказано, что он «сделал Океан свидетелем своего мужества»[608]. В той же русской оде 1790 г. об адмирале Чичагове говорится, что он «муж, украшен сединою, // Искусной водит флот рукою», в оде «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) А. Г. Экеберга (Ekeberg) – «...надменный Чичагов, который в этих шхерах полагает пленить все наши силы»[609]. Как неосуществимая мечта военные планы противника представлены и в русских победословиях: «Постойте, дерзновенны Шведы! // Мечтой не ослепляйте зрак! // Не так над Россами победы // Легки, как мните вы, не так»[610] (в той же «Оде, посрамленный герцог Зюдерманландский»).

При этом, кроме сочинений, содержащих резкие обвинения в адрес противной стороны (например, в «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами» Н. Эмина речь идет о корыстном «наемнике», который «спокойство общее постыдно продает»[611]), в Швеции и России выходили победословия, где враги не упоминаются вообще, или упоминаются крайне редко. В основном, о шведской армии повествуется, например, в стихотворении К. М. Бельмана «Погрузка на корабли 23 июня 1788 г.» и в одах на победу шведского флота у Хогланда 17 июля 1788 г. (К. Г. Леопольда и К. М. Бельмана); лишь в оде Леопольда появляются «самонадеянный» русский адмирал и «бегущие разбитые русские»[612]. В отличие от оды Нордфорсса, в этих панегириках не говорится ни о «лукавом царе», ни о «московитских могилах»[613], а в отличие от «Четырех совершенно новых военных песен», победитель Густав III уподобляется Густаву II Адольфу, а не Карлу XII («О кровь Густава Адольфа! О Отец Отечества» – в оде «На победу у Хогланда»[614] Леопольда; «соединенный подвиг Густава со славой Густава Адольфа» – в «Погрузке на корабли»[615] Бельмана).

Большое количество шведских и русских панегириков было посвящено заключенному в 1790 г. миру между Россией и Швецией, и теперь в России стихотворений на эту тему издавалось уже не меньше, чем в Швеции. В 1790 г. вышли «Ода... Екатерине II на заключение мира со Швецией» А. Бухарского, «На торжественное возутверждение тишины с Швецией» Н. Жаркова, «Ода на торжество мира со Швецией» А. Колмакова, «Ода императрице Екатерине Алексеевне на заключение мира России со Швецией» И. Крылова, «Ода Екатерине II на заключение мира со Швецией» В. Петрова, «Ода на заключение мира с Королем Швеции» П. Плавильщикова, «Стихи на мир, заключенный между Россией и Швецией»

Г. Хованского, «Ода на высочайшее в Санктпетербург прибытие к торжеству о мире с Королем Швеции императрицы Екатерины II» Г. Р. Державина, «Ода на заключение мира с Готвами» Н. Эмина и анонимная «Ода на заключение мира со шведами».

Таким образом, к началу 90-х гг., с окончанием последней русско-шведской войны XVIII в., завершилась продолжавшаяся в течение всего XVIII столетия чрезвычайно своеобразная стихотворная полемика мало знакомых с творчеством друг друга русских и шведских поэтов.

IV. Взаимовосприятие народов

Сведения о взаимовосприятии шведов и русских в XVIII в. содержатся в основном в издававшихся в обеих странах оригинальных и переводных (французских и немецких) сочинениях исторического содержания, а также в различных «рассуждениях». Поскольку большая часть выходивших в Швеции и России произведений такого рода посвящалась не народу «соседственного» государства, а наиболее заметным его представителям, обзор целесообразно начать именно с этой темы.

* * *

В России XVIII в. хорошо знали последовательность правления шведских королей и деяния наиболее известных из них. Поименно шведские монархи были названы в «Людовика Гольберга сокращении Универсальной истории» (СПб., 1766; от Олава до Адольфа Фридриха; правда, в этом списке пропущен Фридрих I) и в «Краткой истории королевской шведской фамилии, именуемой Густавов, начинающейся от короля Густава I до нынешнего царствующаго короля Густава III» (М., 1790), переведенной и прокомментированной актуариусом московского архива государственной коллегии иностранных дел К. Мерлингом. Судя по объему включенных в эти книги статей, посвященных отдельным монархам, русскому читателю особенно хорошо известны были Густав I Ваза, Густав II Адольф, Христина и Карл XII.

О Густаве Вазе в России могли узнать, кроме указанных обзоров, из сочинений, посвященных шведской истории (например, из «Истории о переменах, происшедших в Швеции в рассуждении веры и правления» (СПб., 1764–1765) аббата Верто или «Всеобщего

Швеции изображения, или Краткого исторического и географического начертания сего государства» (СПб., 1797) Ж.-П. Катто-Каллевиля), и из романа «Геройский дух и любовные прохлады» Комона де ла Форса. Однако, за исключением романа, книги, специально посвященные Густаву Вазе, в России не издавались, и его история читалась среди историй прочих шведских королей.

Точно так же в России не выходили издания, повествующие о Густаве II Адольфе; в 1788 г. был издан «Монумент шведскому генералу Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии тридцатилетней войны за веру» К. Ингмана, однако, как было указано выше, в этом сочинении рассказывалось не столько о шведском короле, сколько о его полководце.

Главными героями изданных в России книг о шведских королях становились лишь Христина и Карл XII. «Записки Христины, Королевы Шведской» с примечаниями Д'Аламбера вышли в 1774 г.; сочинения, посвященные Карлу, начали появляться немного позднее, во второй половине 70-х гг. XVIII в.; в это время были изданы: «Разговор между Петром Великим, императором Всероссийским, и Карлом XII, королем Шведским, о славе победителей, сочиненный господином Ваттелем, советником его свт. курф. Саксонскаго» (СПб., 1777), «История или описание жизни Карла XII, короля Швецкаго» (СПб., 1777), «Письмо барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швеции» (СПб., 1788; впервые напечатанное в «Ежемесячных сочинениях» (1757, март)), «Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (М., 1789), «Известия, служащие к истории Карла XII, короля Шведского» (М., 1789) В. Тейльса и «История Карла XII» Вольтера (М., 1803). Характерно, что большая часть русских переводов, посвященных Карлу, появилась во время русско-шведского политического сближения (в 1777 г. Густав III посетил Петербург, был избран почетным членом Академии наук и стал кавалером ордена св. Александра Невского[616]) и, напротив, во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.

* * *

В «Краткой всеобщей истории господина Ла Кроца» (СПб., 1766) на вопрос, «какие два государя обратили на себя наибольшее внимание Европы в начале сего века?», следует ответ: «Петр

Великий, император Всероссийский, и Карл XII, король Швецкий»[617]. Не случайно, лишь Петру и Карлу посвящены истории Вольтера, постоянно цитировавшиеся последующими европейскими биографами обоих монархов.

Оба правителя привлекали внимание историков и жизнеописателей своими талантами и деяниями, а Карл – еще и удивительной судьбой, напоминавшей сюжет романа. Это сходство было настолько очевидным, что авторам историй шведского короля (в том числе и переведенных на русский язык) приходилось специально оговаривать нелитературность своего сочинения: в предисловии к переведенной с немецкого «Истории или описании жизни Карла XII» (СПб., 1777) читателя предупреждают, что в «ей [истории. – *М. Л.*] не найдете никаких забавных и баснотворных перемен, каковыя бывают в повестях или похождениях какого-нибудь Кавалера» (правда, в «Краткой всеобщей истории г. Ла Кроца» (СПб., 1766) история определяется как «описание случившихся в свете приключений»[618]).

Вместе с тем, история Карла не только удивительна (в книге И. Г. Рейхеля «История о знатнейших европейских государствах» (М., 1788) говорится, что он был «в первые 9 лет ратник щастливый, а в другие 9 же лет пренещастный»[619]), но и поучительна. В «Истории или описании жизни Карла XII» встречается следующая «государственная» мысль: «Карл XII научает своими приключениями и примером других государей, сколь страшно имя победителя и сколь несчастливы те подданные, которые могут почитать своего владетеля одним только Героем, а не Королем»[620]. Та же идея проводится в «Истории Карла XII» Вольтера («В самом деле, нет такого Самодержца, которой бы, прочитав жизнь Карла XII, не излечился от безумной страсти завоевателей»[621]) и в главе «Карл XII и Святослав I» книги «Разговоры мертвых» М. Н. Муравьева (СПб., 1790) («Нет ничего столь блестящаго и превосходнаго, как жребий Государя, составляющаго блаженство народа своего просвещением, законами, умягчением нравов, возвышением сердец и разума»). По мнению Муравьева, обладавший несомненными достоинствами и талантами Карл, подобно русскому князю Святославу, «пренебрег первым обетом государей, благосостоянием народа», лишь «собирал бесплодные венцы» и «наполнял вселенную пустым шумом». Образцовым монархом Муравьев называет, конечно, Петра.

Вместе с тем, сопоставление Карла с героями древности позволяло современникам и позднейшим авторам XVIII в. прославить

или осудить шведского короля, само сравнение могло вызывать одобрение или становиться предметом полемики.

Естественно, предшественниками Карла были знаменитые полководцы древности: не случайно у Муравьева князь Святослав (малоизвестный европейскому читателю и появлявшийся лишь в русских сочинениях как русский аналог Карла) собирается повести шведского героя «в удел, посещаемой теми, которые прославились войною». «Особа чрезвычайных свойств: храбр и неустрашим и который с малым числом войска, но знавшим хорошо военное искусство, уносил с собою, как бурный вихрь, все, что ему ни встречалось»[622] («Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого, первого императора всероссийского» П. О. Аллеца), Карл вызывал ассоциации в первую очередь с Александром Македонским, история которого была чрезвычайно популярна в Европе вообще и в Швеции в частности. В конце XIV в. с латинского на шведский была переведена поэма «Король Александр»[623], латинское издание истории Квинта Курция вышло в Швеции еще в 1638 г., на шведском языке эта книга появлялись в эпоху Карла XI, а ее последнее издание XVIII в. увидело свет в 1789 г., при Густаве III.

В сочинениях европейских авторов начала столетия, посвященных Карлу, Александр был одним из его прототипов и входил в ряд прочих героев: например, в посленарвском издании, составленном из панегириков Карлу на латинском, немецком, французском, греческом, шведском, голландском языках, он признавался достигшим славы Аякса, Ахилла и Александра[624]. При этом, в отличие от панегирического сравнения Карла с Ахиллесом, возможность его сопоставления с Александром становилась предметом полемики, а само это сопоставление — средством восприятия шведского короля в Европе и в России[625].

Особенно часто о сходстве Карла XII с Александром Македонским европейские авторы писали после разгрома русской армии под Нарвой в 1700 г.; в созданных в 1703 г. и, по всей видимости, принадлежащих одному и тому же автору, французских рукописных стихотворениях «К бессмертной славе Карла XII» и «Портрет Карла XII, короля Швеции» сравниваются обстоятельства жизни Карла и Александра, говорится о «великом завоевателе Азии... Александре, покорившем мир в 30 лет»[626], и отмечается, что Карл начал править на два года раньше царя Македонии (в 1703 г. Карлу был 21 год и, по логике автора, до покорения мира ему оставалось лишь несколько лет).

В шведских панегириках Карл не только уподоблялся Александру как величайшему герою, но и превосходил его: в «Печальной эпической песни» О. Рудбека сказано, что «нет никого, кто мог бы совершить более великие подвиги, даже сам Александр, хотя многие его прославляют»[627]. Обычно же шведские авторы лишь констатировали это сходство: например, о Карле – новом Александре в своей выпускной латинской речи говорил будущий автор «Состояния России при Петре I» Ларс Юхан Эренмальм[628]. При этом, по наблюдению О. Вестерлунда, шведские авторы, в отличие от европейских панегиристов, о сходстве Карла с Александром писали неохотно, а некоторые отказывались это сходство признавать. Так, в упоминавшейся книге «Мысли верного патриота и доброжелателя о сравнении и сопоставлении короля Карла XII Великого Шведского и Александра Великого Македонского» М. Блок утверждал, что «упрямый и беспокойный язычник» имеет мало общего с «мудрым и разумным христианским королем»[629]. А Ш. Оксеншерна в своем написанном после Нарвы письме отмечал, что уподоблять Карла Александру было бы несправедливо по отношению к шведскому королю[630].

Вместе с тем, хорошо известно, что Карл подражал Александру. В частности, в приложении к книге Ю. Дрюандера «Краткое извлечение из истории короля Карла XII» (Стокгольм, 1709) сказано, что шведский король «не хотел допускать его [Александра. – *М. Л.*] ошибки и иметь его слабости, которые История не упустила случая ему приписать»[631].

В России о сравнении Карла XII с Александром Македонским говорили и в полемических сочинениях начала XVIII в., и в изданных во второй половине XVIII в. жизнеописаниях шведского короля. С этой аналогией или не соглашались категорически, или ее оспаривали, или с ней соглашались, но с оговорками.

Как отмечалось выше, на одном из транспарантов, поставленных в Москве во время празднования Полтавской победы в 1710 г., был изображен «Карл XII, видящий во сне стоявшего перед ним Александра Македонского»[632]. В «Слове похвальном о баталии Полтавской» Феофана Прокоповича (СПб., 1717) союз Карла с Мазепой рассматривался через призму исторических ассоциаций: в отличие от Карла, и Александр Македонский, и Пирр Эпирский в свое время от услуг предателей с негодованием отказывались.

В русских изданиях второй половины XVIII в. Карл XII представлен как вызывающий почтение современников и потомков

трагический герой. Так, в опубликованном в 1774 г. «Рассуждении о турецкой войне» о нем говорится без злорадства, по крайней мере, унижение шведского короля явной радости у русского автора не вызывало: «Все Шведы здесь без ружья задержаны, и Король сам для своей немощи, которая от ярости и печали приключилась, на тюфяке и без шпаги в телеге повезен и свита его»[633]. В это же издание включена упоминавшаяся «Выписка из последних писем господина посла Матвеева из Вены», содержащая рассказ о калабалыке в Бендерах и о мужестве Карла во время этого сражения.

В таких текстах, в том числе и написанных во второй половине столетия, уподобление Карла Александру было возможным и уместным. В «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева признающему свои ошибки Карлу отдается должное: «Кто умеет так раскаиваться, как ты, не может не быть недостоин сего жилища... Представлю тебя Ахиллесу и Александру Великому. Они узнают в тебе добродетели, составляющие героя. Неутомим, безстрашен, чувствителен к одной только славе, презритель неги, великолепия, наблюдатель правосудия: ты был бы украшением человеческого рода...».

Правда, в сочинениях, изданных в России в связи с началом русско-шведской войны 1788–1790 гг., Карл XII уступал Александру. Так, в «Рассуждениях Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII» (М., 1789) шведский король сопоставлялся с Александром Македонским и Пирром Эпирским и оказывался «более сходствующим Пирру, нежели Александру»[634], то есть полководцу неудачливому, не умевшему довести войну до победы, предпочитавшему само сражение его результату. При этом Фридрих продолжает ряд ассоциаций, переходит к литературным персонажам и называет Карла «Дон Кишотом» (это не единственный пример такого уподобления: «коронованным Дон Кихотом» Карл назван во французском стихотворении первой половины XVIII в. (возможно, 1719 г.))[635].

Естественно, в русских или переведенных на русский язык книгах, посвященных этой теме, особая роль отводилась противнику Карла XII Петру I. В «Письме барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швецким» (СПб., 1788) автор предлагает разные гипотетические варианты развития давно прошедших событий, последовательно меняя местами Александра / Карла и Пора / Петра («...естли б по сему Александр при походе своем в Индию вместо Пора обрел Петра, пред собою стоящего, то бы и ему уповательно тож несчастие

было при Ганге, каковое Карлу при Днепре случилось»)[636], или Александра / Карла – Дария / Петра («...естли б российский Император был Дарий, то бы и Карл Шведский имел царя Македонского счастие; а естли б Петр Великий был царем в Персии, то бы и Александр подобно Карлу XII остался побежденным, ибо Шведское войско Македонскому в храбрости ничем не уступало и предводитель онаго такой же был разумный и искусный вождь, как Македонский»[637]). По А. Нартову, эти аналогии видел и сам Петр: «Брат Карл все мечтает быть Александром, но я не Дарий»[638]. Таким образом, панегирическое для европейских авторов сопоставление Карла с Александром становилось панегирическим приемом и в русской литературе: по логике авторов, Карл – великий полководец, одолеть которого мог только больший гений. Подчас же русские сочинители отказывались признавать саму возможность сопоставления Петра и Карла и вслед за европейскими писателями отводили шведскому королю лишь роль лучшего воина великого полководца. Так, в книге Осипа Беляева «Дух Петра Великого, императора Всероссийского, и соперника его Карла XII, короля Швеции» (СПб., 1798) содержится характерная цитата: «Итак, *по мнению г. Вольтера*, Карл достоен быть первым Петра Великаго ратником»[639] (точно так же, по мнению Монтескье, «Карл не был Александром Македонским, но мог бы стать лучшим воином Александра»).

Одной из причин, позволявших русским и европейским авторам отождествлять походы Карла против Петра с походом Александра против Дария, являлось географическое расположение их государств: Швеция (как и Македония) является западной, а Россия (как и Персия) – восточной страной. Кроме упоминавшихся панегириков на французском языке, об этом говорится в латинском стихотворении «In Mitoam»[640] (1701) О. Гермелина. В поэме Ломоносова «Петр Великий» Карл обращается к Востоку, но он «не найдет Дария, чтоб Александром стать»[641]. В «Сравнении жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей» (СПб., 1766) Л. Гольберга сказано, что Карл – «король шведский, котораго жизнь есть цепь удивительных приключений»[642], не может стать героем этого сочинения, поскольку он западный «великий герой». Петр же герой восточный, поэтому он здесь присутствует и сопоставляется с Акебаром, «сильнейшим монархом в Азии», который «государствовал гораздо прежде российского монарха», «владел малым и притом слабым народом, но учинил оный храбрым»[643].

Другим великим полководцем древности, с которым шведские панегиристы XVIII в. сравнивали Карла, был Цезарь. Правда, возможность сопоставления Карла с Цезарем осложнялась тем обстоятельством, что от имени Цезаря произошли наименования титулов упоминавшихся в шведских текстах европейских монархов: императора Священной Римской империи (в «Festivus applausus» Э. Сведенборга император Карл VI назван Germanicus Caesar)[644] и русского царя. В последнем случае сравнение с Цезарем становилось способом прославления Карла: так, в стихотворном предисловии-панегирике Карлу XII к «Nora Samolad» (Упсала, 1701) О. Рудбека-сына после рассказа о поражениях польского короля Августа II и Петра I от Карла говорится о бегстве Августа и Цезаря[645]. Больше того, как «преемник» византийских императоров Цезарем в Швеции именовался и турецкий султан (в «Optatae pacis spes rediviva» (1710) А. Стобаеуса он назван Byzantinus Caesar[646]).

Вместе с тем, в панегириках Карлу о его сходстве с Цезарем говорилось достаточно часто. Так, в изданном в Стокгольме в 1700 г. французском стихотворении «Королю Швеции Карлу XII» Карл признавался достойным имени Великого и ставился в один ряд с прославленными героями древней истории: Александром и Цезарем[647]. В «Опыте скромного стихотворца» (Фалун, 1788) Е. А. Виндаля (Windahl) помещено стихотворение «На смерть короля Карла XII, 30 ноября 1787 г.», в котором, в частности, говорится: «Ты не умер, Великий Карл, когда ты свой жизненный путь завершил... Цезарь и Карл не рождаются в тысячу лет»[648]. При этом в шведской панегирической литературе XVIII в. существовали различные способы отождествления Карла и Цезаря. Кроме прямого уподобления, шведские панегиристы комментировали деяния шведского короля принадлежащими Цезарю афоризмами. Так, в шведских победословных и исторических сочинениях описание побед Карла могло сопровождаться примечанием: veni, vidi, vici[649].

В России, как следует из приведенного Я. Штелиным анекдота, Цезаря цитировал сам Петр («Иногда боролся он с разъяренными волнами и жестокою бурею, при которой и самые искуснейшие мореплаватели лишались бодрости, и не только пребывал неустрашим, но еще и других ободрял, говоря им: “Не бойся! Царь Петр не утонет; слыхано ли когда – нибудь, чтобы русский царь утонул”»[650]), и, судя по отзывам, при сравнении Александра и Цезаря отдавал предпочтение последнему: «Александр — не Юлий Цесарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света»[651].

В свою очередь на сходство Карла с Цезарем русские авторы внимания не обращали и о Цезаре как прототипе Карла не писали (в «Записках Христины» отмечается: «историк сей столько предуверен о своих Государях, что он простирает похвалы о любви наук даже до Карла XII, который в жизни своей ничего не читывал, кроме Юлия Кесаря» [652], но здесь на месте записок Цезаря могла оказаться история того же Александра Македонского).

Зато в русских текстах начала XIX в. сам Карл XII становился образцом для последующих завоевателей. В «Жизни и военных подвигах шведского наследного принца Понтекорво, бывшего французского генерала Бернадота» (М., 1813) содержится следующий фрагмент: «Великий подражатель Карлу XII Наполеон мнил, что с избранием зятя его, бывшего прежде генерала Бернадота, в наследники Шведского престола он найдет в нем вассала, готового раболепствовать его властолюбию и хитростям, однако надежды его в разсуждении Шведскаго народа и принца Понтекорво не свершились» [653]. Больше того, благодаря Бернадоту (как следует из переведенных английских журнальных статей) «Швеция, почти изглаженная с лица и из памяти Европы, сделалась опять державою важною» [654].

Таким образом, в первой половине XVIII в. определился круг величайших европейских завоевателей, включавший в себя Ахиллеса, Александра, Карла и Наполеона. В России признавали преемственность Ахиллеса – Александра – Карла и Карла – Наполеона. В Швеции же из этого списка выключали французского императора: в письме от 7 апреля 1828 г. Тегнер писал, что «в отличие от Цезаря, Александра и Карла XII, я не смотрю на Наполеона иначе, чем с эстетической точки зрения» [655]. Однако главным прототипом шведских королей в шведской литературе XVII–XVIII вв. оставался все-таки Александр Македонский.

В Швеции (и в Европе) в XVII в. с Александром отождествлялся Густав II Адольф (в изданную преподавателем упсальского университета А. Дю Клу (Du Cloux) книгу «Gustavus Magnus sive orationes panegyricae» (Leiden, 1637) включен панегирик «Alexander Novantiquus sive magni Gustavi Adolphi Gothorum, Svecorum, Vandalorumque modo Regis gloriosissimi cum Alexandro Rege quondam Macedoniae et c. Cognomento Magno comparatio» немецкого ученого и писателя М. Вирдунга (Virdung), где Густав Адольф признавался монархом, превосходящим Александра [656]), и Карл XI (стихотворение 1689 г., посвященное дню рождения короля, заканчивается похвалой «бесподобной Милости» «Северного

Александра, который никогда не совершил чего-нибудь недостойного или заслуживающего упрека»[657]), а в XVIII в. – Густав III (в оде «На мир, который заключен в Вереле 14 августа 1790 года»[658] А. Бергштедта).

Некоторые тексты, содержащие сравнение шведских монархов с Александром Македонским, были переведены на русский язык. Так, в «Истории разных героинь и других славных жен» (СПб., 1767) Л. Гольберга о Густаве Адольфе сказано, что «он как второй Александр посреди своих побед скончался, будучи убит на сражении при Литцине»[659]. Самой главной героине этого сочинения – шведской королеве Христине, принадлежит сочинение под названием «Похвала Александру». В переведенных на русский язык «Записках Христины, королевы Шведской» об этом произведении шведской королевы сказано, что «Христина должна бы меньше хвалить сего государя и больше подражать ему не в том, чтобы иметь необузданную любовь ко славе и победам, но в величестве души его, в качествах, достойных царствовать, в знании человеков, в обширности его мыслей и в просвещенном вкусе его в науках и художествах»[660].

* * *

В русской переводной литературе XVIII в. Христина появляется чаще всех остальных шведских монархов, за исключением, конечно, Карла XII. Ее судьба, как и судьба Карла, представлялась европейским жизнеописателям удивительной и поучительной: «История ея показывает ясно, сколь велико различие между ученостью и рассудком»[661] («История разных героинь» Л. Гольберга; ср. с «нравоучительным» выводом Вольтера о Карле XII). Другие шведские короли своей жизнью таких поучительных примеров не давали, хотя в произведениях нравоучительного характера присутствовали наряду с Христиной, главной шведской героиней европейских сочинений такого рода.

В 1780 г. в Москве вышло адресованное детской аудитории «Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов» Л. Беранже. В предисловии к этому изданию отмечается, что «большая часть книг наводят детям скуку: наши стихотворения для них вредны, потому что они сочинены людьми легкомысленными или отважными», «Нравоучение» же содержит не скучные и полезные сочинения – в основном, истории о европейских, китайских и индийских

монархах, английских купцах и т. д. Особенно часто упоминается французский король Генрих IV — великий монарх и мудрый человек. Таковыми же были и неназванные в тексте шведские короли: «Истинный философ, вопрошен будучи Шведским королем, советовал добродетельному сему монарху воздвигнуть монументы, которые бы безпрестанно приводили на память его подданным, сколь добродетель величественна, а порок мерзок. Сей философ желает, чтоб все большие дороги, все публичные места, деревни, крыльцы храмов со всех сторон представляли полезные памятники сии» (глава «О воспитании относительно до пристрастия к игре» [662]). В том же «Нравоучении» Л. Беранже Христина представлена как отрицательный исторический персонаж (глава «Трагическая смерть г. Монадяки, Обершталмейстера Христины...»). Про шведскую королеву говорится, что она «...питала в себе великия страсти. Часто для укрощения или для удовлетворения им употребляла она страшные и жестокие средства; она услаждалась мучениями, которыя раздраженная любовь причиняет соревнующимся любовникам» [663]. Она подготавливает расправу над своим фаворитом, она его и убивает. После того, как убийцы «раздавливают голову сего нещастного и тащат к ногам Христины издыхающую ея жертву», «нет, воскликнула она, бешенство мое не удовольствовано. Знай, чудовище, что рука, излившая на тебя толикие благодеяния, дает тебе последний удар» [664]. В своих комментариях Беранже называет поступок Христины странным, ставшим «смертоносною эпохою для жизни и памяти сей Шведской Королевы» [665].

Эта история пересказывалась во всех сочинениях, посвященных Христине, и была хорошо знакома русскому читателю: «Она, находясь в сем году в Фонтенебле, учинила самое презренное дело, осудив на смерть одного из своих служителей и исполнив приговор самим делом. Сказывают, что она во время сей казни оказывала великое удовольствие и была чрезвычайно веселою» [666] («История разных героинь»; правда, в другом месте Гольберг замечает, что «она была столь милостива и сожалительна, что трудно было ее уговорить к осуждению кого на казнь» [667]), или «сие путешествие было только достойно примечания пагубною смертию Молдаветия, великого конюшего ея, которого она велела убить почти пред собою в Фонтенебло» [668] («Записки Христины»).

Не меньшее внимание всех биографов Христины привлекало ее отречение от шведской короны и переход в католичество (по Гольбергу, этот экстравагантный поступок шведская королева совершила лишь для того, «чтоб редкими необыкновенными и чрезвы-

чайными предприятиями прославиться»[669]). Не случайно датский драматург видит в Христине лишь актрису: «Королева Христина, оставив шведский престол, имела различную судьбину. Ибо как она должна была представлять в себе трагическую героиню, то вся ея жизнь была одно театральное позорище, наполненное романтическими и художественными или преестественными явлениями»[670].

По мнению европейских жизнеописателей шведской королевы, главная черта характера Христины – непостоянство, и это качество осуждается в ней в первую очередь: «Природа не пожалела ей ничего как в разсуждении наружных, так и внутренних дарований... сколь же не велики были сии преимущества, однако усматривали в ней всегдашнее непостоянство»[671]; «переменное поведение ея, непостоянство нрава и вкусов, малыя пользы, которыя она почерпнула от знаний своих и от разума своего, чтобы сделать счастливыми человеков...», вызывали мало уважения у людей, ее знавших[672].

В зависимости от своего отношения к Христине авторы (декларировавшие стремление сохранять объективность) по-разному передавали одни и те же высказывания о шведской королеве ее знаменитых современников. Так, пересказывая слухи о раскаянии Христины после отречения, Д'Аламбер приводит слова канцлера Акселя Оксеншерны, который, «будучи тогда уже на смертной постеле, сказал: "я ей предвещал, что она будет раскаиваться о сем поступке, но она всегда дочь Густава"»[673]. У Гольберга же Оксеншерна говорит значительно резче: «сказывают, что сей канцлер незадолго перед смертью своей выговаривал: она не имеет разума, но что я говорю, она дочь великого Густава»[674].

Естественно, Гольбергу нелегко оставаться объективным по отношению к шведам и Швеции. Говоря о «соседственном» государстве, он обязательно переходит к разговору о родной ему Дании. Так, непостоянство Христины подтверждается ее отношением к датскому королю, а отречение Христины от шведского престола Гольберг рассматривает с точки зрения датских интересов: «Дании не было никакой причины веселиться о том, что Христина сложила с себя корону, ибо Швеция никогда не была впредь столь мало опасна для Дании, как при таковой Королеве, какова была Христина в последних годах ея владения»[675].

В «Записках Христины», прокомментированных и изданных Д'Аламбером, естественно, присутствует французская тема, однако основное внимание здесь уделяется пребыванию Христины во Франции и ее приглашению в Швецию Декарта[676].

При этом, в отличие от рассуждений Гольберга, в сочинениях французских авторов, писавших на «шведскую» тему и говоривших о шведско-датском соперничестве, предпочтение, как правило, отдавалось шведам, персонажи-датчане изображались как порочные и не имеющие представления о добродетели. Так, например, о супруге датского короля Христерна Сигбрите в «Истории разных героинь» Гольберга сказано, что «О сей знаменитой женщине можно бы было весьма пространно говорить» [677], в романе Комона де ла Форса «Густав Ваза» – что «сия женщина имела много разума, а в протчем была прегнусная тварь и весьма недостойна того, чтобы быть единственным предметом любви Христиерновой» [678]. В свою очередь датский король во французском романе назван «наипрекраснейшем из мущин в свете»; «он был на то создан, чтоб возбуждать любовь, но сие толь прекрасное тело заключало в себе душу, лютостьми наполненную и всякими пороками оскверненную» [679]. Точно так же во «Всеобщем Швеции изображении» (СПб., 1797) Катто-Каллевиля о главных героях этой истории говорится: «Христерн стыдом и раскаянием ужасные злодеяния свои заглаживал, когда Густав I царствовал в Швеции» [680].

В «Сравнительных жизнеописаниях» «славных жен» Христина сопоставляется с Марией Стюарт и, как и в книге Беранже, относится к числу отрицательных исторических персонажей («Из историй сих двух королев видно, что они обе имели в себе высокие дарования природы, которые употребили во зло» [681]). Так, Христина и Мария Стюарт «обе ненавидели своих подданных и предпочитали пред ними чужестранцев» (причем «государство ей [Христине. – *М. Л.*] столько не нравилось, что она имела омерзение к народным нравам и обыкновениям, так что и самой шведской язык был ей весьма противен» [682]. По Гольбергу, оправданием Марии Стюарт служит то обстоятельство, что она «владела строптивым и непослушным народом», но Христина «имела послушных и охотных подданных, которые сносили терпеливо ея погрешности и со всем тем любили ее внутренно» [683]. И поэтому ее презрение к шведам извинить невозможно.

Особенно сильно Христина уступает Маргарите Датской, «северной Семирамиде», в которой Гольберг видит идеальную правительницу, не способную совершить и даже произнести что-либо, достойное осуждения. Так, приведенное в книге Гольберга известное напутствие Маргариты «молодому королю Эрику», что «Шведы должны тебя кормить, норвежцы одевать, а датчане защищать»,

сопровождается опровержением: «Но сие невероятно, чтобы она поступала со Шведами так презрительно»[684].

В свою очередь в Швеции в XVIII в. о Христине писали с неизменным почтением. Так, в «Нижайшей речи его величеству Густаву III на его День рождения» (Стокгольм, 1779) говорится: «Христина, единственная дочь Густава Адольфа, взошла на престол с обширными знаниями и с блестящими качествами, с любовью к государству и с таким готовым к его защите бесстрашным сердцем, что вся Европа была занята ее прославлением. Но это Солнце, которое при своем восходе так прекрасно сияло, служило и делало честь нашему Северу, склонилось к закату прежде полудня»[685]. В России подобные отзывы не переводились, и русский читатель располагал лишь переводами книг Гольберга и Д'Аламбера.

* * *

Кроме жизнеописаний некоторых шведских монархов отдаленных эпох, в России второй половины XVIII в. выходили издания, посвященные «нынешнему» шведскому королю Густаву III. К их числу принадлежат не только сатирические сказки и стихотворения военного времени, но и переведенные и изданные в 1792 г. шведские бюллетени, рассказывающие о покушении на короля и о его гибели: «Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского» (в Петербурге продавался шведский оригинал этой книги[686]) и «Достоверное известие о убивстве его величества короля швецкаго... 10 апреля 1792 г.». Из этих изданий русский читатель мог узнать о мужестве и величии духа Густава: «с таким точно спокойством и твердостью духа, с каковым сей монарх при многих случаях отваживал неустрашимо жизнь свою, и при сем случае не только снес терпеливо и с удивительною бодростию болезненное и мучительное рассматривание и перевязывание своей раны; но будучи в постеле допущал к себе весь Королевской Двор, многих придворных, государственных чиновников и чужестранных посланников, вступал с ними в разговоры и наконец учредил на время своей болезни Государственное Королевское правление...»[687]). В свою очередь покушавшийся на жизнь короля Ю. Анкерстрем представлен малодушным убийцей, не имеющим ничего общего с тираноубийцей: «Анкештрем, увидя, что Король от его выстрела не упал, хотел проколоть кинжалом, но оробел и ужаснулся, так что от робости кинжал выпал из

рук его на пол; почему он и пистолеты тихонько опустил и скрылся между народом, чтобы привести всех в безпорядок и кричал "Пожар! Пожар!", что также и многие другие повторяли»[688], а произошедшее событие – не имеющим аналогов в истории Швеции; как отмечено в «Достоверном известии о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского», оно «чувствительно во внутренности для каждаго вернаго подданнаго и до самаго несчастнаго того часа внутри пределов Шведского Королевства было не слыхано»[689].

* * *

В Швеции в XVIII в. правлению некоторых российских монархов посвящались специальные научные исследования, например «Dissertatio historico-politica de magno moscovitarum duce Johanne Basilide II, tyrannorum principe» (Upsaliae, 1738) Э. Фрондина (Frondin; главный научный труд этого ученого посвящен происхождению иероглифов: «De hieroglyphicis et sacris veterum literis» (1701)). Однако чаще о русских царях рассказывалось в шведских инвективных или панегирических сочинениях, жизнеописаниях и анекдотах.

Кроме Петра I (становившегося героем произведений шведской литературы от «Нарвы» (1701) А. Стобаеуса до «Петра Первого, императора Российского, или Собрания интереснейших эпизодов из жизни этого великого человека» (Стокгольм, 1814) Й. Х. Бауэра (в переводе К. Радемине)), большое внимание в Швеции уделялось императрице Елизавете Петровне, пользовавшейся здесь неизменным почтением.

Как отмечалось выше, в 1762 г. в Стокгольме вышло стихотворение «На ее императорского величества Елизаветы Петровны прескорбную кончину» Ю. Брелина, в 1771 г. в Упсале – «История знаменитой российской императрицы Елизаветы» Ю. Б. Буссера (Busser; для которого эта книга была не первым опытом жизнеописания монархов: в том же 1771 г. и также в Упсале был издан его «Исторический рассказ обо всех коронованиях шведских королей»).

«История Елизаветы» представляет собой сухой рассказ об основных событиях правления русской императрицы. Ее частная жизнь занимает шведского автора очень мало, хотя некоторые «анекдотические» детали здесь все-таки присутствуют. Так, Буссер неоднократно повторяет, что Елизавета имела привычку переоде-

ваться в мужское платье, но тут же добавляет, что происходило это на праздниках или во время посещения гвардии и что мужской костюм был ей к лицу («она представляла красивую и рослую мужскую персону» [690]). К внешней привлекательности Елизаветы Буссер возвращается постоянно и свое «короткое и ничтожное описание этой великой Принцессы» начинает с рассказа о ее удивительной красоте [691]. По мнению шведского жизнеописателя российской императрицы, Елизавета Петровна не только красавица, но и «образцовая монархиня», недостатки же ее простительны, так как «...и солнце не без пятен, но от этого земные жители получают от него не меньше пользы» [692].

Вместе с тем, основным источником сведений о российских монархах для шведского читателя XVIII в. были анекдоты на немецком языке или переведенные на шведский с немецкого. Сюжет пьесы Густава III «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина» заимствован из немецкого издания «Анекдотов о Петре Великом» («Original Anecdoter von Peter dem Grossen». Leipzig, 1785) Я. Штелина; шведским переводом немецкой книги «Anecdoter aus dem Privatleven der Kaiserik Katharina, Paul des essen und seiner Familie» (Hamburg, 1797) являются «Анекдоты об императрице Екатерине II и императоре Павле I и о частной жизни его семьи» («Anecdoter utur Kejsarinnan Catharina II och Kejsaren Paul I jämte hans Familles Privat – lefnad». Stockholm, 1798). Правда, с немецкого языка на шведский переводились исторические анекдоты не только о российских императорах, но и о прусском короле Фридрихе Великом («Анекдоты о Фридрихе II» (Stockholm, 1786–1787) Ф. Х. Унгера (Unger); кроме того, в 1788 г. в Стокгольме была издана переведенная на шведский книга А. Ф. Бюшинга (Busching) «Характер Фридриха II, короля Пруссии»), а среди выходивших в Швеции сборников произведений этого жанра встречаются книги на немецком языке, не имеющие никакого отношения ни к России, ни к ее императорам (например, «Schwedische aneckdoten». Stockholm, 1761).

Как следует из предисловия к «Анекдотам об императрице Екатерине...», это сочинение является пересказом записок некоего поляка, служившего у Павла (не случайно большая часть книги посвящена именно Павлу, а не Екатерине), «громогласно рассказавшего о слабости и величии» российских монархов и кратко их охарактеризовавшего. Так, по его словам, «Екатерина была пылкая, стремительная и пламенная, она поступала так, как желала, любила, ненавидела, награждала и наказывала». Но «в ее бурной и

деятельной крови была капля мягкости», что Шекспир называл «страстным молоком»[693].

В издававшихся в Швеции анекдотах российская тема представлена достаточно широко. Например, в 1790 г. в Вестеросе вышли (а в 1793 г. переизданы) «Удивительные и забавные Сибирские анекдоты», переведенные, по всей видимости, с немецкого Ю. Гагнерном (Gagnern) и, вне всякого сомнения, относящиеся к разряду произведений художественной литературы. Это сочинение имеет достаточно сложную композицию: в предисловии к книге говорится о пребывании в Сибири двух плененных под Полтавой шведских офицерах и об их знакомстве с князем Нарышкиным, затем представляется рассказ князя о «происшествиях в семье Нарышкиных» и причинах, по которым русский вельможа оказался сосланным в Сибирь, затем говорится о хранящихся в библиотеке князя книгах по истории Сибири и о некоей ценной рукописи, повествующей о Ермаке и подробно пересказанной в отдельной главе. И, наконец, автор снова возвращается к жизни шведских офицеров в Сибири и заканчивает книгу рассказом о женитьбе одного из них на дочери князя Нарышкина.

При этом «вставные новеллы», истории Нарышкина и Ермака, занимают большую часть книги, а герой последней похож на реального Ермака лишь тем, что назван казаком и погибает в Иртыше: «Так кончил жизнь храбрый Ермак, когда победа была уже у него в руках. Он кончил жизнь, которую скорее влачил, чем пользовался, и его душа вознеслась, чтобы снова соединиться со своей любимой Великой» (возлюбленной Ермака, дочерью гетмана Мазепы [!])[694].

Кроме того, в Швеции выходили: в 1797 г. «Эма и Лемосов, русский анекдот»; в 1809 г. в Стокгольме «Анекдоты, касающиеся пребывания его величества короля в Петербурге в 1796 году и его неудавшегося бракосочетания с Великой княжной Александрой» Шарля Мазона; в 1814 г. «Забавные анекдоты из восемнадцатого столетия» Й. Х. Бауэра (Bauer) (первый том посвящен Петру I, второй – Карлу XII); в 1822–1823 гг. – «Анекдоты о князе Потемкине-Таврическом».

Помимо сочинений о русских и шведских монархах, в России и в Швеции издавались книги, посвященные наиболее выдающимся военным и государственным деятелям обеих стран. В России появился «Монумент генералу Банеру», в Швеции – жизнеописания героев русской истории XVIII в. Так, в переведенном с того же немецкого языка и посвященном А. Д. Меншикову «Разговоре между

шведским и русским офицерами о быстром возвышении всемирно известного статс-министра князя Меншикова при царе Петре I... и его падении при царе Петре II» (Стокгольм, 1734; книга была переиздана в 1767 г.) русский, отвечая на вопросы шведа, подробно излагает историю царского фаворита. При этом рассказ о Меншикове и Петре «очищается» от известных шведскому офицеру фантастических выдумок, которые приводятся и тут же опровергаются. Так, выслушав легенду о «князе Кушимене», прочитанную шведом у некоего автора (Ламбера де Герана), русский офицер говорит: «Это больше похоже на роман, чем на реальную историю, но я расскажу вам, мой господин, истинную правду» [695].

Другому известному деятелю русской истории XVIII в. – фельдмаршалу Миниху, посвящена вышедшая в Стокгольме в 1771 г. книга П. Юрингиуса (Juringius), содержание которой излагается в самом ее названии: «Описание жизни графа Бурхарда Кристофера фон Миниха, русского военачальника, известного своим походом на Данциг и Турок, участием в последней революции в России и длительным заключением в Сибири. Он умер в 1767 году» (Стокгольм, 1771).

Естественно, в этом жизнеописании Миниха не может не присутствовать «шведская тема»: в эпизоде, рассказывающем о турецкой войне и прибытии Миниха к Переволочной, упоминается Карл XII и сражение под Полтавой (фрагмент, заимствованный из «Записок» Манштейна), а замечание «герои редки, в то время как великие люди, хотя и не в большом количестве, существуют всегда» сопровождается характерным примером: «Все эпохи могли порождать Августа, но не все – Густава Адольфа» [696]. Миних же, по мысли Юрингиуса, принадлежит к числу Героев; это мнение отчасти разделял К. Х. Гъервелл, включивший книгу о Минихе в состав упоминавшегося выше сборника «Жизнеописания», куда, кроме указанного сочинения, входили рассказы о Жанне д'Арк, Генрихе IV, Катоне, Ганнибале, датском короле Христерне II («Тиране»), императоре Тите, Фридрихе-Вильгельме и Мартине Люторе. Этот список включает как безусловно положительных, так и отрицательных, на взгляд шведских авторов, исторических персонажей; о Минихе же здесь говорится, что «его жизненная история показывает, что не следует умалять его достоинство, и тогда его можно отнести к числу славнейших и удивительнейших людей нашего столетия; его гений и знания могут заслужить наше почтение, его жизнь, правда, не вся, желание подражать, судьба – наше внимание» [697].

* * *

Сочинения, содержащие описание народа «соседственного государства», а не его истории, деяний монархов, географического и экономического положения (например, русские переводы «Введения в гисторию европейскую» С. Пуфендорфа, «Всеобщего Швеции изображения» Катто-Каллевиля или «Краткого географического описания королевства Шведского и принадлежащих к оному в начале сей войны немецких провинций» [698]), в Швеции и в России в XVIII в. издавались нечасто. Одной из таких книг является вышедший в России перевод французской «Дорожной географии, содержащей описание о всех в свете государствах, их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстояниях их от Парижа и о ведущих к сему городу дорогах как морем, так и сухим путем» (М., 1765). Жители России и Швеции представлены здесь следующим образом: «Россияне росту посредственнаго, плотные, сильные. Простый народ имеет склонность к вину; однако дворяне Российские трезвы, учтивы, приятны к чужестранным, говорят многими языками и, между прочим, Французским, Немецким, Италианским. Российский язык несколько взаимствует от Греческого и произношение его весьма приятное» [699]; «Шведы лицем белы, пригожи, росту хорошего, сильны, храбры, добрые солдаты и обходительнейшие из северных народов. Говорят про них, что они ленивы и любят вино и хорошее кушанье. Шведский язык мало взаимствует от Тевтонского, однако Немецкий весьма общий в Швеции, так как и Французский между знатными персонами» [700]. При этом россияне и шведы, естественно, уступают французам, которые «с натуры великодушны, вежливы, разумны и приятны к чужестранним, они имеют вид веселый, поступки свободныя и непритворныя. Добрые солдаты, упражняются в художествах и науках с великим успехом» [701] (не случайно в книге указано расстояние до Парижа и дороги, ведущие к нему).

В русских и шведских сочинениях XVIII в. соответственно «шведской» и «русской» тематики Франция и французы (как и большинство описанных в «Дорожной географии» государств и народов) не упоминались ни отдельно, ни в связи с главным предметом изображения, однако с представителями других стран шведы и русские в таких произведениях сопоставлялись, а иногда и отождествлялись; и подобные сопоставления являлись одним из способов восприятия народа соседней страны.

О культурном и историческом родстве шведов и датчан русский читатель мог узнать из переводившихся и издававшихся книг Гольберга и Малле. Так, из «Истории датской» Гольберга следовало, что в древности оба народа поклонялись одним и тем же богам, с той только разницей, что в Дании особенно почитался Один, а в Швеции – Фреер («...после Одина был Фреер, азиятский же князь в великой силе, который по смерти почитаем был богом, а особливо в Швеции, где в прежние времена видим был посвященный ему храм в Упсале» [702]). В «Истории разных героинь» Гольберга о датской королеве Маргарите говорится, что благодаря ей была «основана великая северная монархия» [703], в которую входили и Дания, и Швеция.

Малле, рассказывая об истории Дании, нередко упоминает все скандинавские страны («Три главнейшие народа Скандинавии соорудили храмы в запуски»), хотя каждый скандинавский народ так или иначе выделяется на фоне остальных («но ни единый не был толико славен, как храм Упсальский в Швеции» [704], или «Самовластное правление было после опять возстановлено во Швеции при некоторых случаях, но всегда на короткое токмо время» [705]).

В то же время история шведско-датских политических отношений говорить о единстве скандинавских народов не позволяла. В исторических сочинениях Гольберга о многочисленных датско-шведских войнах рассказывается очень часто, и победа достается, естественно, датчанам, хотя мужеству шведов также отдается должное: «Сражение было 21 Сентября 1388 года и с обеих сторон с великою храбростью происходило, но напоследок Шведы были побиты, а Датчане одержали совершенную победу» [706]. В свою очередь шведские авторы датчан щадили очень мало: о датской хитрости и коварстве в XVI–XVII вв. писали Лаврентиус Петри (Laurentius Petri Gothus), Л. Форнелиус (Fornelius) и Пуфендорф (Pufendorf) [707]. Темой выходивших в начале XVIII в. шведских панегириков были победы, одержанные в том числе и над датчанами. Так, разгрому датского войска под Хельсинборгом в 1710 г. посвящены стихотворение Э. Сведенборга «Festivus Applausus in Victoriam qvam Celsissimus Comes Magnus Stenbock de Danis ad Helsingburgum 1710 Mart. Reportavit» [708] и «Optatae pacis spes rediviva» (Лунд, 1710) А. Стобаеуса, где честным шведам противопоставляются вероломные датчане [709]. В России XVIII в. об этой антитезе не знали ничего [710].

Зато российскому читателю были хорошо знакомы работы Гольберга, который, как житель «соседственной» и поэтому дале-

ко не всегда дружественной Швеции Дании, испытывал к Швеции отношение, свойственное всем датчанам. В «Лудовика Голберга сокращении Универсальной истории» (СПб., 1766) на вопрос: «какое нынешнее состояние Дании?» следует характерный ответ: «До последней войны с Швециею Дания в непрестанном страхе пребывала для возрастающей от дня в день силы шведской. Но по благополучном окончании войны и по стеснении Швеции почти в древних ея пределах, сей страх минул» [711]. К счастью соседей Швеции, «Шведы, полагавшие долго всю славу в одном оружии, напоследок искусством познав, что ничего, кроме зависти и пустаго имени, которое непостоянством щастия вскоре уничтожается, чрез войну приобрести не можно, обратили мысли свои к миролюбию, и сколько в прежние времена старались они к расширению пределов государства, столько в нынешние пекутся о распространении художеств, наук и купечества» [712] (в упоминавшемся панегирическом предисловии к «Nora Samolad» (Uppsala, 1701) Рудбека-сына военные успехи Карла XII, напротив, дают возможность «прекрасным искусствам давать ростки в его государстве» [713]). С точкой зрения знаменитого шведского поэта, издателя и историка О. Далина массовый русский читатель мог познакомиться только в начале XIX в. [714] и на протяжении всего XVIII в. знал о позиции лишь одной из сторон.

В свою очередь шведско-турецкое единство основывалось не на культурно-исторической близости, а на враждебности обеих стран по отношению к России. В XVIII в. политическая ситуация в Европе складывалась таким образом, что в России шведы воспринимались как ближайшие союзники турок. В русских одах, посвященных победам в войнах конца 80-х – начала 90-х гг., шведы и турки представлены как единая противостоящая России сила: в 1789 г. была издана «Ода на победы Россов над *турками* и *шведами* в 1789 г.»; в «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня» (СПб., 1790) Н. Эмина говорится, что «И Турк, и хитрый Готв меч брани извлекают...» [715]; в «Песнопении ея Императорскому Величеству... на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море» (СПб., 1788) Ф. Козельского представлен «грандиозный» образ восстающего против России ада (так автор представлял себе шведско-турецкий альянс):

Пять крат простершись, преклонился
От Юга к Норду злой Мехмет,
Пять раз с Густавом пошептался

И выше облак восстает,
Горящему столбу подобен,
Надмен, скрежещущ, горд и злобен,
Сверкающ жалом, как огнем,
Поднялся лютый Готф по нем...[716]

Правда, в самой Швеции отношение к Турции было традиционно враждебным. Так, о крайне отрицательном отношении шведов к туркам в XVII в. говорит фрагмент речи известного шведского ориенталиста Г. Лиллиеблада (Перингера) (Lillieblad [Peringer]; 1651–1710), произнесенной им в 1674 г. и посвященной восточным языкам. Рассказ о турецком языке Лиллиеблад предваряет следующим замечанием: «Я могу видеть, дорогие слушатели, что вы начинаете шептаться и что вы, которые до настоящего момента слушали меня с большой готовностью, радостно и приветливо, теперь (услышав это название) морщитесь и, кажется, не принимаете похвалу Турецкому языку, так же как хвалебные речи таким вещам, как лысость, лихорадка, глупость, слепота, грязь, несправедливость, вши и ослы. Вы думаете, что на этом языке ничего не может быть выражено надлежащим образом, кроме угроз, ран, убийств, преступлений, сражений, крови, ножей, сабель, кинжалов, поклонов, баллист, орудий, что в этих словах обязательно должно быть что-то ужасное, и вы полагаете, что слова этого языка, возводящие хулу на Бога и свирепые по отношению к людям, нужно отбросить подальше как боевой клич варварского языка, сопровождающийся ужасающей деформацией рта, губ и резким оскалом зубов»[717]. А в 1683 г. (во время осады турками Вены) в Швеции была издана «Молитва против христианских врагов турок» (в том же году эта молитва вышла под названием «Молитва против христоненавидящих врагов турок и их тиранических сторонников»).

Точно так же в XVIII в. в Швеции не сочувствовали Турции, терпящей поражение от России: в 1770 г. в Стокгольме были изданы «Письмо к Аристархусу касательно последней русской победы над турками» и упоминавшееся выше «Письмо о завоевании Бендер», а в речи Линдебека на именины герцога Карла (1791) рассказ о разгроме турок «российскими орлами» должен был лишь свидетельствовать о силе русской армии и величии герцога Карла, сумевшего нанести России поражение[718]. Однако особенно часто шведские авторы упоминали не дружественную Швеции Турцию в произведениях, созданных в начале 10-х гг. XVIII в., во время пре-

бывания Карла XII в Бендерах и после его возвращения в 1714 г. в Шведскую Померанию.

В этих сочинениях Турция представлена как освещаемая луной страна мрака, в которой скрылось шведское солнце – Карл XII. В латинском панегирике Э. Сведберга (Сведенборга) «Festivus Applausus» (1710) говорится, что «Северное Солнце» пребывает у «Турецкой Луны» (в произведениях Сведенборга это обозначение Турции встречается постоянно [719]). В изданном в 1713 г. стихотворении К. Бъеркмана (Biцrckman) «Шведская жалоба» сказано, что «Северное солнце прикрыто восточной луной» [720], в стихотворении «Всеобщая радость Шведского государства» (1714 г.) И. Бреанта (Breant) – что Карл-солнце «вышел из лунных стран» [721], а стихотворение О. Линдштейна (Lindsteen) 1714 г. имеет название «Яркое Солнце возвращается из мрака темной Луны» [722]. При этом образы Короля-Солнца (как и в поэзии любой европейской страны эпохи абсолютизма) и Турции-Луны (как и в поэзии любой христианской европейской страны) являлись традиционными для шведской поэзии XVII в.

Так, в шведском стихотворении, посвященном дню рождения Карла XI (1689 г.), король называется «ярким Солнцем, осветившим шведский Горизонт» [723]; при этом, возможно, благодаря «турецкой» истории Карла XII, в шведской панегирической литературе XVIII в. монарх, покинувший Швецию, сравнивался с солнцем, зашедшим до срока (например, в упоминавшемся выше фрагменте речи, посвященной дню рождения Густава III, – о королеве Христине [724]). О турецкой Луне, представлявшей опасность для всей Европы, писали и шведские писатели XVII в. (например, придворный проповедник королевы Хедвиг Элеоноры, пастор в Сорунде (1678) и в Енщепинге (1687) Э. Дрюзелиус (Dryselius; 1641–1798) в «Турецкой Луне, показывающей как в зеркале ненадежное владычество магометан» (Енщепинг, 1694)), и французские авторы латинских сочинений, посвященных Густаву II Адольфу и поэтому хорошо известных в Швеции (например, Э. Йоллюве (Jollyvet) в «Fulmen in Aquilam, seu Gustavi Magni... bellum Sueco-Germanicum» (Paris, 1636) и А. Гариссоль (Garissoles) в «Adolphidos sive de Bello Germanico... libri duodecim» (Montauban, 1649)) [725].

Вместе с тем, в одном шведском или новолатинском стихотворении XVII – начала XVIII в. шведское солнце и турецкая луна не встречались, и, таким образом, новая для шведской поэзии антитеза «северное солнце» – «восточная луна» появилась лишь в первой половине 10-х гг. XVIII в. В это же время тема пребывания

шведского короля в Турции получила развитие и в русской панегирической литературе, и при этом русские авторы использовали те же «астрономические» образы, что и шведские поэты.

Как и в шведских, в русских панегириках XVII–XVIII вв. основным обозначением Турции являлась луна: «Бисурман и с луною мрачною своею // Хотя градом владети и землею чужею» (анонимные «Стихи об Азове»), и «злочестие, жалея о погибели идолослужения и умножении благочестия, взжигает две кометы: луну таврикийскую, льва шведскаго, еже вредити православие» [726] («Торжество мира православного»). При этом, в отличие от шведских авторов XVII в., воспринимавших Турцию как страну хоть и опасную, но далекую и со Швецией никогда не воевавшую, русские панегиристы видели в Турции извечного врага, а в луне – символ вражеского государства. В русской панегирической поэзии территориальные потери Турции в войнах с Россией могло обозначать превращение полной луны в ущербный месяц: «Преполная луна у них ныне ущербляет, // Взятием бо Азова весьма ея умаляет» (стихи А. Виниуса Шеину на взятие Азова [727]), а борьба российского солнечного света с турецким лунным мраком – мотив, распространенный в русских панегириках турецкой тематики: «И солнцу подобный сотвори во власти, // Турецкой луне в нощи приидет и пропасти» [728].

Как и в шведских послеполтавских текстах, в русских панегириках, посвященных Полтавской битве и бегству Карла в Турцию, «лунная» Турция изображалась как страна мрака, но мрака духовного. Если для шведских авторов пребывание Карла в Турции подобно заходу солнца, то для русского панегириста шведский король отрекся от света христианства и погрузился во мрак «агарянства». В черниговском Синаксаре 1710 г. об этом говорится следующим образом: «Посрамися в надежде любяй тму помраченный ея правитель Король Свейский, не Солнце с Финикийским древными народы почитает, а луне агарянской екли-птичной в изменении чести и славе своей в веки пребывающий, темние обрати зеницы» [729]. Правда, по мнению русского панегириста, Карл, как и все шведы, «любил тьму» изначально, еще до своего бегства в Турцию: «Прилично свейску землю луною нарещи, выну бо есть в веры издревле измененна и непостоянна, никогда светом правды Солнца неосиняема» [730].

Несмотря на то что главная причина издания черниговского Синаксаря – Полтавская победа, о Турции здесь говорится много и не только в связи с пребыванием Карла в Бендерах: «Проклятый Агарянин многих сынов Церкви святой матере нашей в гортан на-

сыщенный тяжкой неволе восхитил», Петр же «грады агарянские пленя, страх и трепет победителною своею десницею врагом нанесши, многих сынов церкви матере восточной здравых от тяжчайшой его неволе бисурманской избави» [731]. Таким образом, речь здесь идет о двух побежденных врагах России: Швеции и Турции.

При этом автор Синаксаря четко разделяет турок и шведов по религиозному признаку: турки названы басурманами, шведы – еретиками (во фрагменте, посвященном взятию Ревеля, сказано: «...се слава истая Государя нашего сице устрояти // От скверн еретических грады избавляти»; или: «Коль презелне нашедшым еретическим от свей облаком малороссийское помраченно бе небо» [732], – так русским панегиристом развивается тема иноверного мрака).

В то же время в стихотворном предисловии к черниговскому Синаксарю Полтава связывается с победой христианства над «бусурманством»:

Все гласы к Богу возносили
Все усердно его просили,
Благодатию огради
Противны покори грады,
Даруй мирную тишину
Благочестием едину,
Сияющую во вселенной
В конец мира прославленной,
Победе под Полтавою
Увенчай его славою,
Рцем все обще буди, буди
Прославете царя люди,
Да вознесет христианский
Рог сокрушит бесурманский.
Вся чин и возраст желает
События ожидает.

Конечно, в России басурманами могли называть и европейцев, в том числе и шведов. Например, в «Записках» Желябужского о русско-шведских военных столкновениях сказано: «бусурман в том месте зело много побили Преображенского полку драгуны», или: «и как пришли на бой государевы конные и пехотные полки, и они, бусурманы, видя храбрость и мужество ратных государевых людей, не могли противу их стать» [733]. Точно так же лютеранство называется басурманством в старообрядческих сочинениях, где, в частности, говорится, что Петр «бусурманство-де на себя взял, веру у шведа перенял» [734].

Однако для русских авторов, четко различавших мусульманство и лютеранство и не воспринимавших всех «иноверцев» как врагов православия, подобная подмена была невозможна: турки назывались басурманами или агарянами, шведы – еретиками или иконоборцами. Например, «Сражением жестоким бусурманы побеждены...» [735] (в стихотворении Виниуса Лефорту на взятие Азова),

«проклинаю еретическое приятие, еже агарянским обычаем последоваше и не открытою главою молятся» [736] (в переведенной в Швеции в XVII в. русской антилютеранской инвективе) или «злочестивых бисурманов во вся покорил» [737] (в «Славе торжеств и знамен победных...» И. Копиевского). В многократно переиздававшейся в конце XVII – XVIII в. книге «Ектеньи на победу над супостаты» о «еретическом их шатании» сказано лишь в издании времени Северной войны – 1703 г., в то время как в издании 1687 г. (названном «Ектенья о победе на агарян») упоминается «безбожное христоненавистное агарянское царство».

В «Службе благодарственной... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом XII и воинством его, сделанной под Полтавой» (М., 1709) Феофилакта Лопатинского говорится: «Вознесый рог Христа Твоего и всех православны, сломивый же еретический» [738], то есть шведский. Можно предположить, что в посвященном победе над шведами черниговском Синаксаре словом «рог», как и в «Службе» Феофилакта Лопатинского, обозначается сокрушенная шведская сила, и басурманами здесь названы шведы. Однако, в отличие от Феофилакта, противопоставлявшего рог православный рогу еретическому (т. е. протестантскому), автор Синаксаря «рогу бусурманскому» противопоставляет «рог христианский», притом что басурманами в этом сочинении названы только мусульмане-турки. Значит, в стихотворном предисловии к Синаксарю речь идет не о православии и лютеранстве, а о христианстве и мусульманстве, победе которого, по мнению русских авторов, всеми силами способствует Карл XII (в «Кратком описании Славных и Достопамятных дел...» (СПб., 1788) Крекшина Карл «...рассуждал, хотяб все *христианство* пропало, а *бусурманство* умножилось» [курсив мой. – *М. Л.*] [739].

Неисключено, что через эту антитезу в «Синаксарь» вводилась «турецкая» тема, получившая дальнейшее развитие в самом тексте сочинения, и таким образом еще раз подчеркивалась враждебная России близость турок со шведами [740].

Можно допустить, что, по мнению черниговского автора, полтавская победа повлечет за собой окончательное торжество над турками («вся чин и возраст желает, события ожидает»; ср. с концовкой «Епиникиона» Феофана Прокоповича, где говорится, что после Полтавы будет возможно «сокрушити темницы варварския и ярем безмерный, и от долгих узилищ извести род верный, Да же вся победная совершивше рати, крест на стенах

Сионских водрузити златый»). В то же время столь же четкий и мотивированный, как у Феофана, переход от победы над шведами к победе над турками в Синаксаре отсутствует, и может возникнуть предположение, что «еретики»-шведы едва ли не отождествляются с «басурманами»-турками.

Кроме того, появление в русских победословиях XVIII века некоторых обличительных наименований шведов может объясняться в том числе присутствием в стихотворении «турецкой» темы. В «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня» Н. Эмина шведы названы тиранами: «На раны смертныя шлет новыя им раны, // Узнали тут его – но поздно уж, тираны»[711]. «Тираном, свейским лвом злым» и «прегордыми тиранами» Карл XII и шведы назывались в песне Полтавского цикла «Возвеселися, Россие, правоверная страна...», однако в панегирике Эмина на жестокости шведов и их попытках захватить Россию и угнетать ее жителей внимание не акцентируется.

В русских текстах XVIII в. склонность шведов к тирании в вину им не ставилась, хотя о деспотическом правлении некоторых шведских королей в России представление имели. Например, в «Краткой истории королевской шведской фамилии, именуемой Густавов... с присовокуплением некоторых замечаний» (М., 1790) об Эрике XIV сказано, что «...он после кончины своего родителя сделался как бы извергом своего поколения и причинил государству чувствительнейшие нещастия»[712].

В русской литературе XVII–XVIII в. тиранами назывались, как правило, правители Турции: «С того всего не трудно познать богатство и можность и силу того тирана, котораго не ни за что вменяя, Бога всемогущаго усердно молить непрестанно должны есмь, дабы его гордость смиривши, народ Христианский, братию нашу с под тяжкаго ярма Бусурманскаго свободил, а Православному Самодержцу нашему дал мужество, победу и одоление на Враги Христа Господня. Буди, буди!»[713] («вольный перевод» 1678 г. «Двора царя Турецкого» С. Старовольского), или: «Вострепещи, Отман презлобный... Привычная врагов прощать, // Чего не ведают тираны, // Твои престанет множить раны. // Противен ей твой смертный стон» («Ода на заключение мира с Королем Шведским» (СПб., 1790) П. Плавильщикова) или: «Мне мерзок таковой, монархиня, тиран // Который в гибели народов ищет славы» (пер. стихов г. Вольтера И. Богдановича). В то же время, как и в черниговском Синаксаре, в «Прологе» Эмина говорится о шведах и турках как объединившихся врагах России («И Турк, и хитрый Готв

меч брани извлекают» [744]; «Фелице в брани Турк и Готв тросник гнилой» [745]), и этим можно объяснить возможность переноса «турецких» пейоративных наименований на шведов.

В первой половине XIX в. о шведско-турецкой дружбе в России уже не писали, но об их былом альянсе помнили хорошо. Возможно, поэтому в вышедший накануне русско-турецкой войны 1828 г. сборник текстов турецкой тематики были включены «Мысли королевы Христины о турках» (имеется в виду королева Христина Августа), из которых ничего нового ни о турках, ни о Турции русский читатель не узнавал: «Опасаться турок не есть пустой страх», «К щастью, турки превосходят нас в невежестве и свирепости», «Разсуждая о вторичном приходе турок под Вену, видишь явно, что Бог ослепил их» [746].

По всей видимости, русскому редактору требовалось привести «антитурецкие» высказывания, исходящие от представительницы страны, традиционно расположенной к Турции (правда, сами шведы комплиментов здесь не удостаиваются; во входящем в то же издание «Кратком описании древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты» содержится следующий пассаж: «Карл XII неумеренною смелостью навеки, может статься, государство свое в такое привел состояние, в каком оно ныне находится» [747]). При этом о былом шведско-турецком альянсе здесь не говорится ничего.

В свою очередь в Швеции русские сопоставлялись, как правило, с восточными народами, с теми же турками, персами и татарами; так, в вышедшей в 1578 г. и посвященной осаде Ревеля брошюре рассказывалось о варварах-турках и варварах-московитах [748]. Во включенном в антологию шведской поэзии К. Карлссона стихотворении Вервинга «На маскарад, который произошел в королевском дворце в феврале 1700 г.» говорится, что «русский здесь виден, и татарин, и перс» (правда, чуть ниже упоминается испанец) [749]. В шведских победословиях XVIII в. с турками и персами русские не сравниваются, зато сходству русских с татарами уделяется чрезвычайно много внимания: в изображениях, посвященных нарвской победе, постоянно присутствует татарская шапка, либо попираемая шведским львом, либо теряемая бегущим Петром; накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг. в Швеции вышла книга Леенберга с характерным названием «Сага о шведской шпаге, русской сабле и татарском луке», а в изданной в связи с началом русско-шведской войны 1788–1790 гг. «Оде шведской армии» (Стокгольм, 1788) Нордфорсса, в частности,

говорится: «Что может помешать народу татарского рода разорить южные страны?» [750] Однако, в отличие от сопоставления шведов с датчанами и турками, это сравнение являлось, скорее, инвективным приемом.

Крайне редко в шведских текстах на русскую тему появляются и оказываются в одном ряду с татарами греки. Так, в оде А. Экеберга «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) сказано: «Я не слышу больше, чтобы на Востоке гремел ужас, // Крик, который я слышу – это крик радости, // Который провозглашает, что Грек и Татарин // Только что стали братьями сыну Атлантики» [751] (то есть шведу).

В некоторых шведских панегириках XVIII в. (посвященных шведским и российским монархам) Россия получала свое древнее скандинавское название Гардарике (в шведском тексте «Hervar saga» специально указывается, что Гардарике – это Россия); например, в оде «На Ея императорского величества Елизаветы Петровны прескорбную кончину» сказано: «Ты великая Монархия! Ты гордое Гардарике, // Чья огромная мощь не имеет равной, // Чей достойный меч храбро защищщает свою землю // И бережно ограждает права твоих Соседей...» [752]. По всей видимости, здесь Россия XVIII в. отождествлялась с Древней Русью, которая в шведских сочинениях по истории Швеции воспринималась как страна, мало чем от Швеции отличающаяся: в рукописном переводе «Истории Швеции» О. Далина сказано, что «Финны... должны были признать над собою Шведское или Холмогердское державство, что было почти одно и то же» [753].

В стихотворениях, посвященных войнам Швеции с Россией-Гардарике, шведы уподобляются героям древности, а сами эти войны – древним походам; не случайно в оде Хесселиуса «Высказывание старого Старкоттера о деле с русскими под Вильманстрандом», где сказано, что готы «желают рубить мужей Гардарике», упоминается Вальгалла [754]. Точно так же в стихотворении некой Алетеи С... (Aleteja S...) «На высокорадостное приближение к нашим границам» возвращающегося из Турции Карла XII (1714 г.) говорится, что шведский король «уничтожил силу Гардарике» [755], а в «Предупреждении Старкоттеру» (1741) Ю. Холмберга повествуется о схватке «медведей Манхейма» с «ордами Гардарике» [756], и таким образом развивается тема военной славы древних шведов (повторим, что Старкоттером звали наиболее известного великана из числа населявших древнюю Швецию, а действующие в этом стихотворении шведы-медведи названы «гиперборейскими»).

Вместе с тем, в древнескандинавских сочинениях Гардарике представлена как сказочная страна на востоке, и «поэтому в сагах, описывающих события X–XI вв., поездки в Гардарики обычно больше похожи на “сагу о древних временах”, чем на сагу о более близкой эпохе»[757]. Называя Россию Гардарике, шведский автор XVIII в. также мог иметь в виду некую фантастическую страну мрака и ужаса. Например, в посвященном окончанию русско-шведской войны 1788–1790 гг. «Стихотворении на мир» (Еребро, 1790) Е. А. Виндаля говорится: «Среди горных хребтов Гардарике возвышается ужасно одна гора. // Там репейник и топи выдают тайну пустынной природы. // Там дикие звери, воют духи, там привидения ищут дом, // Там не ступала нога христианина, и нет дневного света»[758].

* * *

Большинство русских и шведских текстов XVIII в., содержавших сравнение народа соседнего государства с другими народами, было создано во время русско-шведских войн. Точно так же характеристики шведов и русских встречаются, как правило, в оригинальных русских и соответственно шведских победословиях или сочинениях, появившихся во время войны.

Превосходные военные качества шведов постоянно подчеркивались в русских и европейских сочинениях XVIII в. Неоднократно говорилось о шведской храбрости, шведском военном умении, шведской дисциплине и т. д.: «Нужда к войне иметь воинство не новое, но изученное и обыкшее; где тое лучшее, как в Швеции, которая людей своих и учением, и делом так в военном обхождении исправила, что, кажется, ничего иного, кроме войны, не умеют. Нужда есть и великая, дабы рядовой воин был сильный и во всяких трудах и безгодиях терпеливый; и того ради славные оные спартаны, как об них истории повествуют, закон или обычай имели младенцов своих в студеной воде купать, дабы от рождения терпения навыкали. А Швеция не требует таковаго предоберегательства, ибо, понеже терпеливодушие воинское на сугубой силе, аки на двоих раменах утверждается, на природе и искусстве» («Слово о состоявшемся между империей Российскою и короною Шведскою мире 1721 года» Феофана Прокоповича)[759]. О достоинствах шведских солдат было известно далеко за пределами Швеции, и некоторые восточные правители искали способ приобрести такое войско. В «Записках Вебера» приводится курьезная история о посланце бухарского хана, желавшем, чтобы «царь подарил ему несколько

шведских девиц или дозволил бы ему купить их, ибо де повелитель его слышал, что шведы народ воинственный, и он очень бы желал развести в своей стране такую воинственную породу» [760]. Петр отклонил эту просьбу.

В русских текстах шведской тематики некоторые подчеркивающие расположенность шведов к военному делу сравнения и эпитеты не сопровождаются объяснением. Так, посвященная Полтавской победе «Хвала на славы пространного одоления» (М., 1709) содержит следующий фрагмент: «Начнем веселым гласом викторию возглашати сердцем и благодарными устами поздравляти храбраго царя изнаполненнаго целомудрия, который для ползы его царства ни своей крови, ни жизни не жалеет, аки майор смелый в воинской погоде держался и храбро сквозь медных шведов простирался» [761].

В этом фрагменте традиционные для русских победословий образы и мотивы соседствуют с образами и мотивами, в русских панегириках не встречавшимися. Так, о бесстрашии Петра во время сражений, не только Полтавского, русские источники говорят постоянно, например: «его царское величество своим высоким прибытием к сей виктории зело много споспешествовал, ибо от полку до полку изволил ездить и добрыми распоряжениями и напоминаниями и храбрым прикладом своих возбуждал к мужеству» [762], а пробитая во время Полтавской битвы шляпа Петра в панегириках Феофана Прокоповича упоминалась неоднократно [763]. В то же время с «майором смелым» Петр не сопоставлялся никогда. По всей вероятности, автор имел в виду офицера не самого высокого звания, в обязанности которого входит непосредственное присутствие на поле боя; не случайно в русском переводе лютеранских молитв к воинским артикулам «в брани смерти не боятися» [764] просит только офицер. Особый эмоциональный настрой этого фрагмента подчеркивает окказиональная рифма, несомненно, выделяющая этот отрывок. И именно здесь прославленные шведы (ниже указывается, что «ныне, премогущий Монарх, чрез ваши храбрые действа заглушены трубы славы свейския похвалы» [765]) названы медными.

В русских панегириках времен Северной войны железо и медь называются «военными» металлами: «Нага воистинну и безоружна была Россия! Зде бо именем оружия не просто оружие, то есть железо и медь, на вред супостатам устроенныя, разумею, но доброе оружия употребление» («Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире» [766] Феофана Прокоповича) или: «Громы его железо и медь сокрушают» [767] (Копиевский И. «Слава торжеств и знамен победных...»). При

этом благодаря большим запасам железной и медной руды в Швеции оба эти металла воспринимались в России как шведские. Например, в том же «Слове о мире со Швецией» Феофан Прокопович замечает, что «шведский народ... железу *своему* подобный» [768]; об обилии в Швеции меди говорится, например, во «Введении в гисторию европейскую» С. Пуфендорфа («меди и железа больше от Швеции исходит, нежели от всех иных Королевств» [769]).

Твердость и прочность металла позволяли русскому панегиристу сравнивать с ним шведских солдат: «Таковое же о себе во народех ощущая мнение, безмерне кичитися и гордитися и народы презирати навыче: единаго себе помышляя быти непобедима и уязвитися не могуща, и аки бы от твердой руды составленна» («Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексеевичу... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» [770] Феофана Прокоповича). По всей видимости, Феофан имеет в виду железную руду, по крайней мере, в «Слове о мире со Швецией» говорится о прочности железа: «шведский народ природою самый северный (зимных бо климатов народи, яко удобнейшые к войне паче прочих от политиков похваляются), а искусством от частых походов ко всяким тягостям как железо закаленый и славному железу своему подобный» [771].

Возможно, в «Хвале» медь, как и железо, обозначает твердый металл (так, в описании краткими стихами иллюминации «На всерадостное ея императорского величества... Елизаветы Петровны... в Троицкую Сергиеву обитель пришествие» (М., 1744) говорится: «Левой щит держит рукой, мощно ждать победы // Мощно, щит составлен сей от прекрепкой меди»). Точно так же контекст этого фрагмента не дает никаких сведений о происхождении образа медного врага. Возможно, упоминание этого металла должно было вызывать библейские ассоциации («...и шлем медян на главе его [Голиафа. – *М. Л.*]... и поножи медяны верху голению его, и щит медян на плещу его» [772]), возможно, античные ассоциации (например, в значительно более позднем «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами» Н. Эмина: «И Турк, и хитрый Готв меч брани извлекают, // Се гидры медныя зев страшный разверзают, Блаженство Севера стремятся поглотить. // Благоволи, Зевес, их ярость укротить» [773]), возможно, панегиристу было достаточно найти металл, использующийся в военном деле и имеющийся в Швеции в большом количестве, «заменить» крепкое железо медью

или указать на деталь амуниции. Повторим, что никаких указаний на этот счет в тексте русского панегирика 1709 г. не содержится.

Вместе с тем, в русских сочинениях XVII–XVIII вв. сравнение героя с медью или употребление в отношении него эпитета «медный» никогда не являлось комплиментом. Так, в панегириках медь как дешевый металл, не наделенный «благородными» свойствами, могла сопоставляться с золотом, металлом дорогим и поэтому ведущим себя, как и герой панегирика, добродетельно и достойно. Например, эпитафия Стефана Яворского Варлааму Ясинскому, написанная незадолго до «Хвалы» (в 1707 г.), содержит следующее шестистишие:

Молчит злато под млатом, разнствуя от меди,
Подобне и Варлаам поношаше беды.
Тихостию роптания, тихостно многажди
Претерпе ненависти, клевети и вражди.
Се тихостию прият всех бед, зол и млати,
Тело убо перстное имело дух златий [774].

В русских текстах медь могла заменяться другим «дешевым» металлом: оловом (например, в «Недоросле» Д. И. Фонвизина) или тем же железом: «Проповеди преосвященства вашего, богомудрыи и набожныи, под спудом лежат. Сродно есть крушцу золотому и серебренному в недрех земных быти глубоко, а худого железца руде на верху» [775] (из письма Димитрия Ростовского Стефану Яворскому, написанному в том же 1708 г.). В свою очередь шведские авторы XVII–XVIII вв. находили, что шведская медь вполне сравнима с золотом: в поэме А. Стобаеуса «Augur Apollo» (1672) про медь рудника в Фалуне говорится, что она – «сокровище, которое имеет форму и цвет золота» [776].

В то же время в русских инвективах XVII–XVIII вв. эпитет «медный» подчеркивал отрицательные качества оппонента. Так, в Великих Минеях Четиих (сентябрь) сказано: «Железная выя твоя, сиречь непреклонна, и чело твое медно, рекше безстудно» [777], а в 8-й сатире А. Д. Кантемира – «Между тем другой, кому боги благосклонны // Дали медное лице, дабы все законный // Стыда чувства презирать не рдясь, не бледнея...» [778]. При этом в «Лексиконе славенороссском и имен толкования» (Киев, 1627) Памвы Берынды меднолицым называется «нестыдливый» (правда, в «Хвале» говорится лишь о «гордой дерзости» Карла, «бесстыдство» его войска здесь не отмечается). Вместе с тем, некоторые физические свой-

ства железа позволяли сравнивать с ним героев «похвальных слов», и не только победословий. Так, в «Нравоучительных мнениях, взятых из свойств Марии Владимировны графини Салтыковой» Ф. Карина говорится, что «Сердце Ея было железо, для которого все нежные и благородные чувствования были магнитом» [779].

Таким образом, можно предположить, что автор «Хвалы» подобрал металл, вызывающий у читателя целый комплекс в основном отрицательных ассоциаций. При этом само появление в этом тексте металлов объясняется несомненным интересом русского панегириста к «металловедению». Так, в концовке «Хвалы» приводится библейская цитата: «кровавый меч кровопролитие покинет и будет раскован в серпы», и авторское дополнение к ней: «или в непотреблении заржавеет» [780]. Такой финал традиционен для победословий, однако, говоря о ненадобности в мирное время оружия, панегиристы никогда не заостряли внимание на дальнейшей судьбе материалов, из которых оно сделано. Например, в изданной после победы в Турецкой войне «Эпистоле российским ратникам» (1775) Сумарокова СенНикола говорит: «предайте в недра мира оружие свое, еще парящееся кровию врагов ваших... наслаждайтеся спокойно приятностию славныя жизни, приобретенныя вашим победоносным оружием, более не подчиненным опасности браней и которое не ослабеет, ибо вы не ослабеете и пребудете во упражнениях военныя науки» [781]. В свою очередь автор «Хвалы» отмечает, что меч либо подвергнется перековке, либо попросту заржавеет.

* * *

Из текста «Хвалы» не ясно, имел ли в виду русский автор зрительное восприятие шведского войска и, следовательно, интересовал ли его цвет меди. Вместе с тем, о сине-желтых цветах шведского флага говорится в поэме Стобаеуса «Augur Apollo» [782], сине-желтые цвета мундиров шведских солдат называются в оде К. Бельмана 1788 г. [783] и в помещенном в «Беседующем гражданине» русском «Послании из царства мертвых»: «Уж Стиксовы брега мундирами оделись, // Синеют все поля, долины зажелтелись» [784]. В свою очередь о желтом цвете меди говорится в сочинениях шведских авторов: в «Augur Apollo» Стобаеуса и в «Российской грамматике» (Стокгольм, 1750) М. Гроенинга в разделе «О рудах, драгоценных и простых каменьях», где различаются медь красная (koppar) и медь желтая (messing).

Правда, в русских текстах первой четверти XVIII в. шведским цветом был признан не желтый, а лазоревый. Так, при описании мундиров шведских солдат русские авторы, как правило, называют лишь синий цвет: в «Юрнале или поденной росписи, что под Нарвою чинилось» (М., 1704) об упомянутой выше военной хитрости сказано, что некоторые русские пехотные и кавалерийские полки «убраны были в синие кавтаны, а драгуны в синие епанчи, и прибраны знамена таких же цветов, как у швецких войск бывают» [785].

В «Описании триумфальных ворот в Москве по случаю мира со Швецией» представлено следующее изображение: «Две царицы объемлются: одна в памодаменте красном, Россию знаменующая, а другая в лазоревом, знаменующая Швецию. Надписание: "Правда и мир облобызает сея"» [786].

При этом в шведских текстах XVIII в. не упоминаются ни цвета мундиров русских солдат, ни русские национальные цвета (о пурпурных одеяниях шведских монархов в шведских панегириках говорится постоянно, но русским красный цвет не назван ни разу). «Цветовое» восприятие противника в шведских сочинениях отсутствует как таковое. В России же сама Северная война была представлена как «война цветов», красного русского и лазоревого шведского. Так, на гербе завоеванного Петром Выборга остались шведские три короны, изменения коснулись лишь его цветового оформления: «шведский» лазоревый цвет был заменен на «русский» красный [787].

Естественно, в русских текстах XVIII в. встречаются прямые оценки шведов. В сочинениях времен Северной войны они назывались высокомерными, хитрыми, вероломными и неправедно разбогатевшими: «супостат бе... богат, иже умножил богатство своя в Полще, и в Литве, и в Селезии, потом же в Саксонии, везде грады и храмы святыя обдирая и разграбляя, тяжкия везде дани взимая» (в «Слове благодарственном о победе под Полтавою» Гавриила Бужинского) [788], или: «но еще природную свою силу безмерне умножил бяше безмерным богатством, имением и прибытком, нещадне и многократне по Литве, и Полщи, и Саксонии, по Сленску и Курляндии награбленным» (в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» Феофана Прокоповича) [789]. К началу 40-х гг. XVIII в. русские авторы отмечали бедность Швеции: «Разройте гнезда их, добыча хоть мала, // Однако будет в том велика вам хвала. // И с ней довольство нам чем вашу храбрость пети. // Не возьмем хоть богатств, но будем мир имети» (ода

Юнкера «Венчанная надежда Российския империи в высокий праздник коронования... Елисаветы Петровны» в переводе М. В. Ломоносова). В начале XIX в. Швеция называлась «самым бедным государством в целой Европе» [790].

В свою очередь в шведских сочинениях XVII–XVIII вв. русские представлены как народ заносчивый, грубый, невероятно жестокий, мало способный к военному делу и варварский [791].

* * *

В отличие от шведов, боевые качества русских солдат долгое время в Европе оценивались очень низко. В приведенных выше выдержках из европейских «известий» о победе шведов под Нарвой изумление авторов вызывало то обстоятельство, что в разгромленной русской армии служили представители известных своей храбростью народов, победа шведов над русскими удивительной не была. В дневнике И. Корба сказано, что «оружия царей боятся одни только татары. Если они одержали верх над Польшей или Швецией, то это, полагал бы я, надо приписывать не их доблести, а какому-то паническому страху и несчастию побежденных народов» [792]. Точно так же в «Рассуждениях Фридриха II короля Прусскаго о свойстве и воинских дарованиях Карла XII» (1788) русские солдаты отождествлялись с незнакомыми с воинским искусством дикарями. Про Нарвскую победу шведского короля в этом сочинении говорится: «Шведы могли ожидать, что они над Московцами те же выгоды иметь будут, каковыя приобретали Гишпанцы над дикими Американскими народами» [793].

По наблюдению европейцев XVII в., русские не имеют представления о воинской чести и долге («Московиты не знают, что в человеке таится некая божественная искра, в силу которой доблесть ведет его похвальное честолюбие к венцу славы, не взирая на самую смерть и раны» [794]), а природным малодушием объясняется их необыкновенная жестокость («а по всему городу неистовейшим убийством москвичи (якоже народ толико свирепейш, поколику природою боязлив) свирепствовали против поляков» [795]).

И в шведских победословиях времен Северной войны, и в некоторых одах конца XVIII столетия русские изображаются как угрожающие Европе полулюди, само существование которых противно Богу. Так, например, в «Ad Carolum XII, Svecorum Regem, de continuando adversus foedifragos bello» О. Гермелина сказано: «Позволь Московии изрыгать дальше несметные толпы. // Эти банды долж-

ны, однако, быть вырезаны. // Позволь России выпускать из темниц ее силы. // Позволь несчастной Сибири посылать ее юнцов, которые могут лишь преследовать робких животных на горных хребтах. // Позволь отвратительным варварским ордам выйти из их пещер...», и далее: «Московит – смертельный мор и ужас для соседних стран» [796]; в «Оде шведской армии» (Стокгольм, 1788) К. Г. Нордфорсса (Nordforss) говорится, что «славянский народ с берегов Двины жестоко... властвует в твоей [Швеции. – *М. Л.*] древней стране... хочет ужасать землю и предписывать Европе законы», что «московит подобен лесному тирану, нашедшему стадо, не охраняемое пастухом... жаждущему крови и пылающему бешенством, не довольствующемуся грабежом... но вонзающему убийственные зубы в новорожденного ягненка» [797].

В поэме Стобаеуса «Нарва», как и в оде Гермелина, говорится о «варварской дикости негодного народа», который «мечом и огнем разрушает храмы, дома и деревни» [798] (в оде Нордфорсса также упоминается «варварская сила»). При этом употребление шведскими авторами эпитета «варварский» по отношению к русским имело особый смысл и вызывало у читателя исторические ассоциации: начиная с конца XVI в., военное противостояние с Россией в Швеции воспринимали как борьбу против варварского мира. Так, в речи 1590 г. король Юхан III «сравнивал свою ситуацию с положением Александра Великого, который в своей схватке с варварами был покинут практически всеми» [799]. В предисловии к упоминавшемуся сочинению Рудбека и Палма 1614 г. говорится о победе короля Густава Адольфа над «варварским народом русскими», и, по наблюдению К. Таркиайнена, после 1610-х гг. слово «варварский» стало обычнейшим эпитетом при упоминании русских, по крайней мере, среди шведов, «имевших вкус к античной культуре» [800].

В свою очередь русские авторы XVII в. отказывали в праве называть русских варварами всем, в том числе и эллинам: «Варварами именуют... яко "всяк не еллин, варвар", а мы не еллины все, то есть не греки, и того ради по их зломудрствию варвары» [801]. Остальные европейские народы, считающие русских варварами, по мнению русских полемистов, сами же варварами и являются: «Вы наше мерное убогое житие хулите и токмо в грубость, в барбарство и в нечистоту почитаете, а об своей буйности и разкошном да прокшеном житию тако судите, быдь то бы то все от неба было пришло и никакова греха б в том не было» [802].

В начале XVIII в. обвинение в варварстве считалось в России чрезвычайно оскорбительным. Так, после выхода в Вене в 1700 г.

«Дневника» Корба русский посланник П. А. Голицын докладывал в Москву: «Истинно, как я слышал, здесь такова поганца и ругателя на московское государство не бывало; с приезду его сюда нас учинили барбарами» [803]. В русских сочинениях начала XVIII в. признавалось лишь былое, преодоленное варварство и культурная отсталость (например, в «Слове на день Святого Благовернаго князя Александра Невского» (СПб., 1720) Феофана Прокоповича об эпохе этого князя говорится: «Жаль велми, яко времена оная малоискусная в деле книжном и не прилежная ко Историам не оставиша нам пространной о нем повести, а имели бы мы, надеюсь, много полезнаго учения» [804]). Нынешняя, новая Россия в русских текстах первой четверти XVIII в. изображалась как страна цивилизованная и европейская (например, в часто цитируемой «Речи на Ништадтский мир» сказано: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на Феатр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены» [805]).

Схожие мысли высказывались авторами шведских «пророссийских» сочинений второй половины XVIII в. Так, в анонимном «Друге отечества» говорится, в частности, что Петр I «сделал из русских счастливый народ, превратил диких зверей в людей» [806]. В «Рассуждении» Густава III сказано: «Нравами и познаниями россияне сильно отличаются от тех, что были в начале 1700 г.; смерть помешала Петру I закончить начатое», но Екатерина II продолжает реформы «с тем же успехом, что и он, хотя и с большим человеколюбием» [807].

В свою очередь в России второй половины XVIII в. продолжали бороться с пережитками варварства и при этом, как и в начале столетия, скрывали его следы от иностранцев. В инструкции 1777 г. для русских священников, отправлявшихся в Швецию, сказано: «Чудес и видений не вымышлять и другим того делать запрещать» [808]; кроме того, русским священникам повелевалось «бессопожно... не ходить, но в сапогах чистых, какие там употребляются или в башмаках с чулками черными» [809].

Однако, повторим, в начале XVIII в. варварство русских в Европе сомнений не вызывало и находило различные доказательства. Одним из чудовищных подтверждений русского варварства, по мнению шведской стороны, являлась способность пить человеческую кровь.

* * *

В письме арестованного в Швеции в начале Северной войны российского представителя при шведском дворе А. Я. Хилкова Головину содержится следующий рассказ о плененном под *Нарвой генерале Бутурлине*: «Зело злобу велику имеют все что есть в Стекхольме, большие и простые, на генерала-майора Бутурлина в том будто, как прислан был из Ругодива в Новгород к воеводе порутчик для проведывания о заставе на рубеже и того посыльного будто генерал-майор бил по лицу и взем кровь его на свою руку будто пил...»[810] Об этом происшествии известно, что фэнрик Симон Даниель Барон был отправлен с письмом от коменданта Нарвы к губернатору Новгорода, по дороге взят в плен и во время допроса избит Бутурлиным (сохранились «распросные речи шведскаго прапорщика Симона Дангеля о гарнизоне города Нарвы»[811]). По словам самого Барона, Бутурлин показал присутствующему на допросе царю окровавленную руку и объявил, что так он намеревается поступать со всеми шведами. Петр Бутурлина похвалил и назвал верным слугой. После победы шведов под Нарвой Барон был освобожден, а в 1704 г., после взятия Нарвы русскими войсками, вновь попал в плен и вернулся в Швецию только в 1722 г.[812]

Этот случай был описан в нарвской газете 9 декабря 1700 г., сразу после сражения: Барон «был захвачен в плен, мучим, пытан огнем для того, чтобы он описал положение дел в крепости»[813]. Однако в этой статье о кровопийстве русского генерала не сказано ничего. Первым шведским автором, рассказавшим историю о русском военачальнике, пьющем кровь пленных шведов, был Э. Лиллиемарк: «да, это слишком ужасно; затем он ударил его в лицо (так он сам рассказывал) и кровь, сопровождая все это варварскими словами, варварским же образом поглотил»[814]. Кстати, на портретах русских пленных, написанных в Швеции Элиасом Бреннером (Elia Brenner), только Долгорукий и Бутурлин (по наблюдению Алмквиста) имеют истинно «московитский», то есть свирепый и варварский, вид[815].

Отклик Лиллиемарка – не единственный пример сочинения европейского автора, в котором говорится об употреблении крови представителями других народов. Так, в «Истории Франции» (Амстердам, 1755) Г. Даниэля (Daniel) рассказывается, что по прибытии будущего французского короля Генриха III на царствование

в Польшу один из встречавших его шляхтичей разрезал себе руку и выпил собранную в ладонь кровь. Свой поступок он объяснил следующим образом: «Государь, горе тому из нас, кто не готов пролить всю кровь, которая у него в жилах, на службе Вам – поэтому я не хочу терять ни одной капли своей»[816]. Поведение Бутурлина во время допроса Барона также оценивается шведами как верноподданническое, однако символическим действием кровопийство здесь не называется: единственное шведское объяснение поступка Бутурлина – его варварство. Показательно, что Хилков лишь пересказывает эту историю, вину генерала не отрицает, Бутурлина не оправдывает и, в отличие от польского шляхтича, произошедшее никак не объясняет[817].

В то же время кровожадность русских – общее место шведских победословий времен Северной войны. Так, в поэме А. Стобаеуса «Нарва», царь Петр «кричит в ярости: "...берите оружие в ваши запятнанные кровью руки... я собираюсь залить Нарву кровью"»[818], Карл желает сразиться с самим Петром, «чтобы выяснить, вооружится ли свирепый тиран так же охотно, как он пьет кровь убитых жертв»[819]. Точно так же в изданном после Нарвы стихотворении «Несколько простых стихов» упоминаются «русские толпы», «которые жаждали только крови»[820]. Таким образом, рассказ о кровопийстве Бутурлина становился не только употребленным в пропагандистской войне примером русского варварства и нечеловеческого обращения с пленными, но и реализацией распространенной в шведской литературе метафоры.

При этом об обилии проливаемой врагом крови писали и русские, и шведские авторы панегириков начала XVIII в. Естественно, в текстах, содержащих подобные описания, широко использовались библейские цитаты и аллюзии: «иже бо древне стрясе гордаго Фараона всадники и тристаты и вся вои его погрузи в чермнем мори, сей и ныне равного Фараону гордостию и суровством в чермнем крови воев его потопи мори супротивнаго, мы же пришедше посуху посреде кровавого сего моря, начинающу Моисею, царю нашему, и Мариами России с лики и тимпаны воскликнем: поем Господеви, славно бо прославися»[821]. В стихотворениях С. Бреннер, посвященных Нарве и включенных в сборник «Стихотворения, написанные на разных языках, в разное время и по разным случаям» (Стокгольм, 1713 г.), говорится о черной крови русских, однако, описывая бегство неприятеля после Нарвского разгрома, шведские панегиристы ограничиваются сравнением их гибели с гибелью войска фараона; Красное море с кровью врагов в шведских

постнарвских панегириках не отождествляется. Так, в поэме Стобаеуса «Нарва» говорится: «Бог Саваоф наказал высокомерных египтян; все войско утонуло в волнах, и дети Нила были погружены и погибли»[822].

В «Преславном торжестве» Иосифа Туробойского кровавые потоки уподобляются потопу: «чрез Гелле же утопающую разумеем свейскую державу от Ингерманландии изверженную и в волнах крове своея утопающую»[823]. В прозаическом переводе стихотворения на победу при Лесной говорится, что «тысяща ручьев крови текущей в пыли наполнили дороги великого его побега»[824]. В свою очередь в упоминавшемся стихотворном предисловии Рудбека-сына к «Nora Samolad» и в «Пожелании счастья» Карлу XII говорится об устроенной под Нарвой «кровавой бане», а посвященное тем же событиям стихотворение знаменитого шведского поэта И. Хольмстрема (Holmstrцm) имеет название «Русская баня» (Стокгольм, 1701).

Вместе с тем, как показывает переиздание некоторых русских молитвословных текстов, в правление Екатерины II официально декларируемое отношение к неприятелю изменилось принципиально. Так, изданная впервые в 1687 г. «Ектенья о победе на агарян» (в последующих изданиях 1703, 1722, 1742 и 1757 гг. – «Ектенья на победу на супостаты») содержала следующий фрагмент: «Помощниче Христе и избавителю наш, скоро прииди в помощь нашу, пролей гнев твой на злочестивые супостаты (в издании 1687 – «безбожныя агаряны»), и оружие их сокруши в конец, и грады их разруши, и имя их в век века, и память их с шумом потреби, да уведа, яко имя тебе Господь» (точно так же в «Ревности православия» (М., 1704) сказано, что Божья десница «...враги, яко содомлянов огнем зазже и градские стены разруши, из него же избегоша не мнози»[825]). В 1768 г. «Ектенья» по-прежнему содержит ссылку на 108 псалом («в роде едином да потребится имя его ... и да потребится от земли память их». Псалтирь. М., 1693), но этот фрагмент меняется: «Помощниче Христе и избавителю наш, скоро прииди в помощь нашу, пролей гнев твой на злочестивыя супостаты, и оружие их сокруши в конец, и величеством славы своея умягчи их жестокосердие, да сведят, яко имя тебе Господь силный в бранех и готовый покровитель неповинности». Предписанная в Псалтири жестокость по отношению к врагу оказывается невозможной в просвещенной и изжившей былое варварство России[826]. Об этих декларированных в России переменах было известно и в Швеции: в изданном в 1799 г. в Лунде переводе сказки Екатерины II о добродетельном и

мудром царевиче Февее жестокое обращение с пленными врагами называется противоречащим морали и варварским обычаем[827].

* * *

Вскоре после издания сказки Екатерины II в Лунде же вышла книга К. К. Берлинга (Berling) «Отрывочные известия касательно русской нации, ведущие к лучшему уразумению русского национального характера» (Лунд, 1803). По мысли автора, это произведение, являющееся ответом на многочисленные шведские сочинения XVII–XVIII вв. о «старом смертельном враге» (К. Таркиайнен), было призвано разрушить складывавшееся в Швеции веками представление о России и реабилитировать русских в глазах шведов: «Убежденный в том, что ценность Правды осознает каждый честный человек, и в том, что предрассудки и заблуждения причиняют вред, осмелился я взять перо для того, чтобы оставить эти разрозненные записки, освещающие русский национальный характер, который во многих писаниях представлен в противоречии с правдой и оскорбительным для русского народа образом» [828]. В книге Берлинга приводятся и тут же опровергаются обвинения, традиционно выдвигавшиеся шведами против русских. Так, о склонности к пьянству и мошенничеству как типично русских чертах Берлинг пишет, что эти пороки присущи всем европейским народам, а о русском варварстве – что своими достижениями в науках и искусствах русские сами ответили на этот упрек. При этом русские – «самый веселый европейский народ», «сохраняющий свою живость в любых обстоятельствах», терпим (особенно Берлинг настаивает на религиозной терпимости), верен друзьям и гостеприимен[829].

Книга Берлинга подводила итог вековой полемике, однако итог промежуточный. В первой половине XIX в. шведские авторы продолжали писать о складывавшейся веками неприязни шведов к русским, о недопустимости такого отношения и о неудовлетворительном знании России и ее культуры в Швеции: «...ничего не может быть несправедливее и даже безрассуднее такой неблагосклонности, когда она доходит до того, что подавляет желание ознакомиться с предметами, которые во многих отношениях так близки к нам» [830] («Заметки о России». Стокгольм, 1838; пересказ отдельных фрагментов напечатан в «Современнике». 1842. № 4). В этом же сочинении содержатся сведения о русской литературе XVIII – начала XIX в.: Ломоносов сопоставляется с Шернъельмом, Херасков, по наблюдению русского издателя, назван Scheraskow, а Гоголь –

Glagolej [831]. Однако эти книги относятся к новому этапу развития русско-шведских культурных и литературных отношений, итогом которого является в том числе и предисловие К. Бальмонта к «Истории скандинавской литературы» Ф. В. Горна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Воинские артикулы от Великовельможнейшаго Короля и Государя, Государя Карола XI Свейскаго, Готскаго и Венденскаго Короля лета 1683 обновленные и постановленные и к тому принадлежащие деяния

Молитва высокого лица Командующаго над войском

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 120*) Господи великий Боже, иже не токмо нарицается Бог мира, но и Господь Саваоф. Силен в брани Ты и меня по твоему благоволению выбрал головою и началником твоим людем и сему настоящему войску. Ведаю, что войну невозможно сщастливо весть без истинного благочестия, высокаго ума и храброго сердца. А понеже сие твое дарование и от человеческия мощи не приходит, от сердца молю ти ся: даждь мне истинное благочестие мне само не токмо боятися призывати Твое святое имя, но и тщанием остерегати да грех между моих подлежащих возбранился, но и благочестие (*Л. 120 об.*) без лицемерства умножился. Даждь мне мудрость и разум увидети, еже мне и моим вредно или полезно может быть, и их не без нужды иногда непотребно в беду не весть. Господе, их кровь может проливатися, разсуждая, что и они человецы, яко аз, и что Спаситель Иисус их так драгоценно, яко меня искупил, и мне за их жизнь и кровь некогда ответ дати. Господи, дая храбрость и мудрость, даждь мне и неустрашимое сердце, когда мне неприятелю встречю итить. Господи, да не боюся их множества или инаго, еже неразумные боятся, но на Тебя уповати, смотря на праведно дело и ему равно (*Л. 121*) помогати немногими, неже многими, немощными, неже силными. Владыко, исправля всю мою думу и намерение

и даждь Твое святое благословение к всему моему начинанию Иисус Христом. Аминь.

Молитва офицеру

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 121*) О крепкий и живый Боже, иже силен в брани и велие дела можеши сотворити с немощными, когда хощеши помогати уповающим на Тя. Аз изнеможение свое познаваю, хотя аз приставлен иных водити, однако, с своея силы весма негоден владети над ними и дерзновенно пред ними стояти, когда нужда позовет (*Л. 121 об.*). Но Ты можеши мне дать и совесть, и сердце, сего ради Тя в том призываю. Молю Ти ся дати мне то Тебя ради, о Господи, даждь мне в брани смерти не боятися и страху ради перепятие чинит службу мне поврученную верно отправить. Но наипаче почитати короля моего и отечества благостояние неже своея жизни вели аггелом Твоим во весь живот мой проводит мя, да не боюся, что же могут человецы мне творити, когда Ты мя защищаеши. Даждь моим подлежащим последовати мне в брани и послушание отправить повеления, еже аз им началства ради дам. Даждь соединение и любовь (*Л. 122*) между нами в благом, яко братие совокупленно пребывати и верно службу нашу совершити в святаго имяне Твоего славу и честь, и короля нашего ползу и благоволение. Господи, услыши молитву нашу и даждь нам пожелание наше Иисус Христом. Аминь.

Молитва рядовому салдату

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 122*) Благоутробный Боже и святый Отче, иже еси бедным помощь в нужде и защищение Тя призывающим. К Тебе упражняя молитву мою молю ти ся умиленно Иисус Христом моим Господем и Спасителем Твоею благодатию мя прияти и с аггелами (*Л. 122 об.*) Твоими на всех путех и стопах мя сохранити, понеже Ты ведаеши, в какой бедной службе аз пребываю, и Ты Един можеши помогати, когда неприятель мя утесняет. Господи, даждь мне христианское сердце и соблюди мя от греха и злобы, отврати сердце мое от неми-

лосердия и от желания ближняго моего крови и о животов. Даждь мне благодать жалованием моим удоволится и никогда ближнему моему не сотворити, еже я не хощу да ближный мой мне паки сотворил. Научи меня, о Боже, началству моему верным и послушным быти, не замедля то верно совершити, еже мне от офицеров моих во имя его повелевается (*Л. 123*). О Господи, даждь мне волю Твою сотворити, содержая сердце мое при едином имяне Твоего боятися. Аминь.

Молитва, когда полевый бой или иные страшные случаи бывают

Текст печатается по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215.

(*Л. 123*) Господи Боже, небесный Отче, иже с Сыном Твоим и Святым Духом не токмо власть имеющий умерщвляти, но и нам, окаянным человеком, жизнь одержати во великих бедах. Ты ведаеши, какий страшный час ныне настоит, и, может быть, что токмо пядию от смерти разстояние имам. Того ради аз (*Л. 123 об.*) ныне тело мое и душу в Твое божественнеи руце предаю. Ах, мой Боже, прости мне вся согрешения моя и не причитай мне беззакония моя, но Иисуса смертию и страданием буди мне милостив и щедр. И есть ли Твоя воля мне ныне умрети, даждь мне постоянную веру в Тя, истинного и живаго Бога, и сохрани ону во мне до последняго дыхания, яко да блаженно скончатися и воспрянути во Авраамом лоне, где мир и веселие непрестанно между теми. Даждь мне великодушие неустрашимо и без всякого гневу и горести против неприятеля моего битися. Укрепи мою мышцу, оживи мой ум и сердце (*Л. 124*) честно Короля моего службу и чин мой отправить. Даждь и всем, которые со мною против неприятеля нашего биются, храбрость, благополучие и победу, дабы супостаты наши увидели, что Ты, Боже, с нами еси ратуеши за уповающие на Тя. Аминь.

Den svenska KATEKESEN

Текст печатается по книге: Catechismus. Item en liten Bönbok (Luthers lilla katekes på svenska). Stockholm: Amund Laurentsson, 1567.

Fadher wår som äst i Himlom
Helghar warde titt nampn
Tilkomme titt Rike
Skee tin wilie såsom i himmelem
så ock på iordenne.
Wårt daghligit brödh giff oss idagh
Och förlåt oss wåra skuld såsom
ock wij förlåte them oss skuldige äre.
Ock inleedh oss icke i frestelse
Uthan frelss oss ifrå ondo.
Amen.

Bönen

Текст печатается по книге: Lutheri Cathechismus. Narva, 1701.

Fader wår / som äst i himlom
Helgat warde Namnet titt
Tilkomme rijket titt
Skee wiljan tin / som i Himmelen / och på jorden.
Brödet wårt dageligit / gif oss hwar dag.
Och förlåt oss skulder wåra / som ock wij förlåte
skuldnärom wårom.
Och icke inled oss i frestelsen / uthan frelss oss ifrån ondo
Amen.

Molitwa

Текст печатается по книге: Lutheri Cathechismus. Narva, 1701.

Otзe nasch / ische iesi na nebesiech.
Da swiatitsiä imiä twoie.
Da priidet ™arstwie twoie.
Da budet wola twoia / iako na Nebesi i na ™emli.
Chlieb nasch nasustschnuii / daschd nam dnes.
I ostawi nam dolgi nascha / iakosche i mui ostawliaiem
dolschnikom naschim.
I ne w`wedi nas wo iskuschenie / no i™bawi nas ot lukawago.
Amin.

На русское празднование Ништадтского мира
Э. Сведенборг

Текст печатается по книге: Emanuel Swedenborg. Ludus Heliconius and other Latin poems, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1995. S. 70–72.

1.Стихотворение на транспаранте в Амстердаме.

Marte triumpharunt aqvilae, jam Pace triumphant.
Qvo Mars ante stetit Pax sedet alma loco.
Bis denis gemuit Septentrio turbidus annis,
Ast laetam retulit Pacis oliva diem.
Sangvinis iverunt, jam flumina nectaris ibunt,
Marte Catenato Bacchus ad arma venit.

Орлы одержали победу в войне, теперь побеждают в мире.
Где раньше Марс стоял, теперь животворящий Мир сидит.
Дважды десять лет Север стонал от беспорядка.
Но олива Мира возвратила счастливые дни.
Текли реки крови, теперь будут течь реки нектара,
Когда Марс прикован, Бахус принимает его оружие.

2. Парафраз Сведенборга

Morte* triumpharunt aqvilae, sic Pace triumphant. *Caroli*
Qvo* Mars ante stetit Czar sedet ipse loco. *Carolus*
Et denis gemuit Septentrio Russicus annis,
Ast laetam retulit Pacis oliva diem.
Sangvinis iverunt, jam flumina nectaris ibunt,
Marte* Catenato Bacchus** ad arma venit. *Carolo*
***Muscovitarum*

Deus

Орлы одержали победу через смерть*, теперь побеждают в мире
**Карла*
Где раньше Марс* стоял, теперь сам Царь сидит *Карл*
И Север, теперь русский, стонал десять лет
Но олива Мира возвратила счастливые дни.
Текли реки крови, теперь будут течь реки нектара.
Когда Марс* прикован, Бахус** принимает его оружие.

**Карл*
***Бог Московитов*

Повесть Герварская, или О походах на древнем Готфском языке

Текст печатается по списку: РНБ. Эрм. № 308.

Герварская повесть

Глава I

(*Л. 2*). В Древних книгах повествуют, что земли, лежащия к Северу Гандвика и к Югу Лундсландия назывались Нетагем. До выхода Турок и Азиатцев на Север для поселения жили в тех Северных странах великаны и полувеликаны. Великаны брали себе жен из Мангема (Швеция), иныя же отдавали туда в замужество своих дочерей. Гудмунд имяновался владелец Нетагемский. (*Л. 2 об.*) У него была деревня Грунд и область Глезисвал. Он был богатый и мудрый человек; достиг до такой старости, что он и все подданные его пережили многих народов; язычники же верили, что владение его было Царство безсмертных и имянно такое место, в котором болезни и старость не постигали туда приходящих, и будто бы тамо никто не умирал. Царь Гудмунд родил сына Гейфудера, который мог предсказывать будущее и был весьма мудр и остроумен. Он, будучи поставлен судьею над близлежащими землями, (*Л. 3*) судил всегда в Правду и никто не отважился отменять или нарушать его решений. Горный житель именем Ангрdüмер взял из Швеции себе в супружество Олаю Имову дочь; сын их Гергример именовался Колдуном и жил то с горными великанами, то в Швеции; был силен как великан и при том злой волшебник и боец, он взял себе в супружество из Истагема Унгу-Альфу Фустерову и прижили сына Гримера. Старкутер Алудренг жил тогда в Алупоте; он происходил от Тусарнов и был им подобен (*Л. 3 об.*) силою и крепостию, имея восемь рук; отец его был Стурверкер; Унг-Альфа-Фустер была Старкутера невеста, кою Гергример у него отнял, когда Старкутер ездил чрез Эльвогу; по обратном же его прибытии вызвал он Гергримера на поединок, дабы решить, кому она достанется в супруги. Они билися при Трольгете; Старкутер, рубяся четырью мечами в одно время, победил и убил Гергримера; она смотрела на бой и, увидя, что Гергример пал, пронзила себя Мечом, не желая

отдаваться во власть Старкутера. (*Л. 4*) Старкутер взял все, что у Гергримера было и притом сына его Грима, которой, будучи воспитан у Старкутера и вошед в лета, был велик и силен. Алфер Царь владел Алфемом (так назывались земли, лежащия между реками Гета и Рома), дочь его была Алфгилдер. Осенью приготовились у Царя принесть великую кровавую жертву богине Фриге, и Алфгилдер, быв других женщин прекраснее, обречена была к принесению на жертву, ибо весь народ Алфемский был грубее других того времени народов. Когда ночью Алфгилдер готовилась кровию окроплять кумиры, (*Л. 4 об.*) то Старкутер Алудренг увез ея в дом свой. Царь Альфер просил бога Тура о сыскании ея, и Тур, убив Старкутера, отпустил Альфгилдеру в отцовской дом и с нею Грима, сына Гергримера. Грим, достигши 12-ти лет, отправился в поход и был весьма знаменитый воин, он, взяв себе в жену Бергерд Альфгилду Старкутера, Алудренга дочь, и поселился в Смоландии на острове Больме и назывался потому Гримером Больмским; сын его был Андгример Богатырь, живший после того в Больме и был весьма славный воин.

Глава II

(*Л. 5*) В то время пришед с востока Азиатцы и Турки поселились в Северных странах, воевода их Удин родил много сыновей, которые Зделались великими и сильными людьми; одному из них, Сигурламию, дал Удин Царство Горд (Россию), где он владел; он был весьма пригож и взял за себя Шведскаго Царя Гильфа дочь Гейду, у них был сын Свафурлами. Сигурлами вступил в войну и сражался с великаном Тияссем; Свафурлам, уведомившись о поражении отца своего, принял его царство и, владея оным, зделался (*Л. 5 об.*) грозным. Некогда случилось, что Свафурлам был на охоте и целой день искав оленя, не мог найти его до захождения солнца и, заблудившись в лесу, не знал как выехать. По правую сторону находилась гора, на которой видел он двух карликов, на коих напал под горою с обнаженным мечем. Они предлагали ему выкуп за свою жизнь, и он спрашивал о их именах, на что ответствовали, что одному имя Дирен, а другому Двален. Он, ведая, что они были из всех карликов самые искусные и замысловатые, велел (*Л. 6*) им зделать себе меч самой лутчей с золотым ефесом, душкою, наконешником и портупеею, прибавя к тому, чтоб оным можно было метко попадать и чтоб никогда не ржавел, рубил железо, камень и сукно, и сверх того доставлял бы на войне и на поединках победу тому,

которой его носить будет, чрез что самое избавятся они от смерти.* В назначенной срок пришед они, принесли ему меч. Двалин, стоя в дверях, сказал: да поражает меч твой всякаго, когда обнажаешь и да производит три наибольшия смертныя раны. (*Л. 6 об.*) Свафурлам ударил мечем карликов, и вострее прошло в камень. Свафурлам, сохраняя сей меч, назвал его Тирфингом, нося его на войну и на поединок, и, убив оным великана Тиясса, взял за себя дочь его Фридур, с коею прижил дочь Эйвор, которая была весьма прекрасная и мудрая Царевна.

Глава III

В ней повествуется о морских разбоях и воинских походах богатыря Андгрима в областях Свафурлама, где он, грабя и разоряя селения, убил Царя Свафурлама и взял себе (*Л. 7*) дочь его Эйвору, с которою прижил 12 сыновей, кои, ходя всюду войною приобретали грабежем великия добычи; они в бешенстве своем сражались с большими каменьями и деревьями.

Глава IV

В сей главе упоминается, что из двенадцати сыновей Андгрима один Гиорвардер с протчими братьями ездил в город Упсал для испрошения у Царя Инга дочери Ингеборги себе в супружество.

Глава V

Бияртемар боярин, владея Альдеиеборгом, (*Л. 7 об.*) хотя не происходил от знатной породы, однако, был столь же богат и силен, как и другой Государь. Он имел дочь Свафу, благонравную девицу совершенных лет, которая вышла за Ангантира, сына Андгрима.

Глава VI

Бияртемарова дочь Свафа родила дочь Гервор, которая была весьма пригожа. Она, обучившись стрелять и владеть луком, мечом и щитом, делала всегда больше зла, нежели добра и, скитаясь по лесам, убивала и грабила людей.

* *В шведском оригинале* – «как сукно».

Глава VII

(*Л. 8*) Гервор одна в Муском платье и вооруженная ездила по морям и, пристав к морским разбойникам, назвала себя Гервардером*, то есть предводителем.

Глава VIII

Царя Гудмунда сын Гауфудур с согласия отцовскаго браком сочетался с Герворою, дочерью Ангантира, с которою прижил двух сыновей: Ангантира и Гейдрекера. Ангантир был благонравный и кроткий, а Гейдрекер, будучи злонравен и свиреп, убил брата своего Ангантира.

Глава IX

(*Л. 8 об.*) В сей главе упоминается только о том, что Гейдрекер, раскаиваясь в братоубивстве, удалился в лес и, пристав к разбойникам, зделался над ними предводитилем, а после того принял правление над народом.

Глава X

Царь Гаральд Ритгетский имел дочь Гельгу, которую Гейдрекер получил купно с половиною Государства в удовлетворение за усмирение неприятелей Царя Гаральда и за возведение его паки на Царство, котораго лишился было от неприятелей своих.

Глава XI

(*Л. 9*) Царь Гаральд при старости родил сына Гальдана, и зятю его Гейдрекеру родился сын же Ангантир. Но как по причине зделавшейся в Царстве дороговизны с общаго согласия положено было, чтоб знатной породы младенцов приносить в жертву для удовлетворения Богов, то Гейдекер с дружиною отправился к своему отцу Гауфудеру, требуя о том совета, на что сей ответствовал, чтоб сына своего Ангантира яко знатной породы принес в жертву. Но Гейдрекер вместо того, чтоб сына своего принесть (*Л. 9 об.*) в жертву, убил своего тестя Гаралда и его сына Гальдана и

* Подчеркнуто в рукописи.

окропил их кровию кумиры, о чем сведав, Гаральдова дочь Гельга с печали повесилась в лощине Дизарской.

Глава XII

Царь Гейдрекер напоследок был весьма силен и богат и, предпринимая частые наезды и походы, ходил войною в Сакс, где взял себе в супружество Улаву – дочь Царя Гака и прижил с нею сына Ангантира, но за ея неверность возвратил отцу. Потом ходил он в Гунскую землю и взял (*Л. 10*) в добычу Свафу, Царя Гумля дочь, с которою незаконно прижил сына Глаудура, которой был воспитан у Царя Гумля. После того, будучи в некоторой союзной с ним области, взял прекрасную женщину Сифку, которую увез себе в наложницы.

Глава XIII

В оное время был в Царстве Горде (России) Рулаугер, сильный и обладающий многими землями Царь, за которым была царица Герборга, всем народом любимая. Они прижили (*Л. 10 об.*) сына Герлаугера и дочь Гергерду, кои были прекрасны. Царь Гейдрекер, оставя все отцовские советы, отправил в Горд к Царю Рулаугеру послов с тем, что желает воспитывать его сына. Когда приехали к Царю Гордскому послы и предлагали о препорученном им деле, объявляя при том и желание Царя Гейдрекера заключить с ним дружеской союз, то хотя Рулаугер крайне не хотел послать сына своего для воспитания к такому Царю, которой был весьма порочен, говоря: «Приятели де и родственники его дали ему большое Государство, и он обманул их»; но Царица на то отвечала: «Государь, не говорите сего, (*Л. 11*) вы знаете, что Гейдрекер великой воин и победоносец, соделовающий премудростию своею великия подвиги, вы не будете безопасны, буде он зделается вам неприятелем, и для того полезнее бы было согласиться на его предложение». На сие отвечал Царь: «Быть по-твоему, и я благодарен за совет твой, когда благополучно сие окончится, но буде не благополучно, то ты много виновата будешь». После сего вручили они послам младаго Герлаугера, с коим отправились они восвояси. Гейдрекер принял Царевича весьма благосклонно и, воспитывая его с великим попечением, как (*Л. 11 об.*) сам, так и Сифка крайне его любили. Отец Гейдрекеров учил сына своего, чтоб никому не открывал того, что желает содержать в тайне: почему Гейдрекер, никому не открыва-

ясь, отправился со многочисленным войском в восточное море и прибыл в Царство Царя Рулаугера, от коего для воспитания получив сына, имел свободной въезд. Царь Рулаугер, отправя к нему на встречу своих чиновников, приглашал его к себе на пир. Чего для Гейдрекер, созвав своих ближних, советовал с ними, согласится ли на приглашение Царя Гордскаго или нет? Все бояры (*Л. 12*) представляли ему, дабы помнил он отцовское завещание, на что Гейдрекер отвечал: «Мне ни малейшей в том нужды нет, буду ли наблюдать завещание родительское, но я поеду на пир». Гейдрекер, разделя свое войско на три части, оставил одну для збережения кораблей, другую взял с собою, а третей приказал, пробираясь ночью лесом, наведываться, не будет ли ему нужды и в последней части войск. Потом отправился он со Сифкою и Царевичем Герлаугером и, прибыв, увидел множество людей и великолепные приуготовления. На другой (*Л. 12 об.*) день поутру, когда Царь с дружиною был одет, то вывели много коней, на которых поехали на охоту для стреляния зверей и птиц и, собравшись в обеденное время, возвратились в город. Гейдрекер с прочими, сев за стол и не видя Царевича, питомца своего, спрашивал, где он? На сие отвечал ему Рулаугер: «Он де, конечно, с детьми играет на дворе». Гейдрекер во весь день был не весел и со Сифкою рано лег спать. Наедине спрашивала Сифка Царя, для чего он не весел и здоров ли он? «Не могу тебе того сказать, – ответствовал он, – ибо жизнь моя в опасности (*Л. 13*) будет, ежели ты кому-либо то откроешь». Сифка с притворною ласковостью неотступно просила, чтоб он ей открылся, и на сие сказал ей Гейдрекер: «По усильной прозьбе твоей не могу не открыть тебе печаль мою: когда мы ездили по лесу и отстали от дружины нашей, и я был один с Царевичем, то, увидя кабана, бросился убить его копьем моим, но кабан оборонялся так, что копье переломилось, и я, слезши с коня и обнажа меч Тирфинг, убил его. Как же меч сей такого свойства, что должно всегда окропить его человеческой кровью, то (*Л. 13 об.*) убив кабана, хотя и искал других людей, однако никого не нашел, кроме Царевича, котораго ранил я смертельно, и за то будет мне смерть, буде Царь Рулаугер о том сведает, ибо против него у меня мало с собою войска». Сие Сифка услыша, заплакала горько и продолжала плач свой и на другой день, сидя за столом. Царица Герборга, спрашивая ее, просила, дабы она поведала ей причину своей печали, и как она отвечала, что сказать того не смеет, а Царица повторяла просьбу свою с ласковостию, то Сифка открыла ей все, что Царь Гейдрекер (*Л. 14*) ей расказывал. Царица, услыша сие и встав из-за стола, вышла в

свои комнаты и, обвив голову свою платком, горько плакала. Рулаугер, разведывая, чего ради вышла она столь скоро из-за стола, пошел за ней и спрашивал, о чем она плачет? Царица объявила ему все, что Сифка ей сказывала, и Рулаугер отвечал: «Он зделал весьма дурно и должно ему за то отмстить». Царь приказал своему военноначальнику, собрав и вооружа войско, войти с ним в сад. Гейдрекер, вышед из покоев, стал рассуждать о том, что Царица и Сифка между собою говорили, и велел войску своему тайно (*Л. 14 об.*) выбратца за город. Рулаугер, будучи в готовности к выходу, просил Гейдрекера, чтоб он с ним переговорил наедине. И когда Гейдрекер пришел в сад, то, схватя его, связали ему руки и сковали ноги толстою цепью. Царь Рулаугер приказал вывесть Гейдрекера в лес на то место, где обыкновенно казнили, и тамо повесить. Когда вели Гейдрекера из города, тогда воины его, спеша с оружием и с знаменами ему на помощь, играли на трубах, что услыша поставленное в лесу Рулаугерово войско отвечало им воинским криком. И как Русскаго Царя люди (*Л. 15*) увидели, что войско идет на них со всех сторон, то обратились в бегство, и Гейдрекеровы воины, освободя царя своего, развязали, потом, бросясь за бегущими, многое число из них порубили. Рулаугер, услыша о сем, со всеми людьми своими, спасаясь сам, ушол в лес. Гейдрекер, взяв великую добычу, отправился на свои корабли с раненым Царевичем Герлаугером, которой им между тем препоручен был стоявшему в лесу войску его. После того Гейдрекер в Царстве Гордском или Гардарикском, везде разъезжая, грабил. Рулаугер советовал с Царицею своею (*Л. 15 об.*) и с боярами, что ему делать и не итти ли на Гейдрекера войною, ибо он подлинно слышал, что Царевич еще жив и у Гейдрекера в руках находится, которой за ничто почтет убить его, когда уже убил невиннаго брата своего. На сие отвечала Царица: «Я советую тебе, Государь, отправить к Царю Гейдрекеру послов с предложением о мире и с уступкою из Царства твоего, что он сам изберет». И так Рулаугер отправил послов с предложением о мире и с назначением места, где им мириться. В замирении положено, между прочим, чтоб Царь (*Л. 16*) Рулаугер выдал за Гейдрекера дочь свою, отдав в приданство землю Венден и великое множество золота и драгоценных вещей. После чего разъехались они друзьями, и Царь Гейдрекер, отправясь в свое Государство и приготовя великолепное пиршество, сочетался браком с Гергердою, дочерью Царя Рулаугера, и жив с нею согласно и союзно, прижил дочь Гервору. Она была прекрасна и весьма добродетельна, быв воспитана у некотораго честью и добродетелью славнаго вельможи именем

Урмера. Гервора, пришед в возраст, обучалась стрелять и обходиться с оружием. Она была велика ростом и сильна как мущина.

Глава XIV

(*Л. 16 об.*) В сей главе упоминается только о том, что Царь Гейдрекер был весьма премудрый и богатый Государь и, оставя наезды, правил свое Государство благоразумно, по примеру лутчих и знатнейших того времени Царей. В протчем, жертвуя богине Фриге, молился ей больше всех своих Богов и имел в Готфах неприятелем богатаго вельможу, которой был слеп и назывался Гестер.

Глава XV

Вышеупомянутый Готф Гестер примирился с Царем Гейдрекером (*Л. 17*) и согласился по требованию Царя предлагать для разрешения разныя загадки.

Глава XVI

Царь Гейдрекер от взятых им в Южной Шотландии в плен знатной породы девяти невольников ночью, на корабле, стоявшем у пристани Ундерганд, со всеми при нем спавшими убит. Сын его Ангантир принял после его Царство и клялся отмстить смерть отца своего, что исполнил, казнив убийц.

Глава XVII

Второй Гейдрекеров побочный сын Лаудур, (*Л. 17 об.*) сведав об отцовской смерти, требовал от брата своего Ангантира, чтоб разделил с ним все отцовское имение, Государство и людей, на что Ангантир согласился, окроме отдачи меча Тирфинга.

Глава XVIII

Лаудур, возвратясь в Гунскую землю к царю Гумлю, дяде своему, объявил ему, что брат его, Царь Ангантир, согласился на его требование, а потом пошел с дядею, Гунским Царем Гуммлем, войною на Ангантира за то, что старик Гисор, которой воспитывал (*Л. 18*)

Гейдрекера, находился при Царе Ангантире и, услыша об отделении ему половиннаго имения, назвал его побочным сыном.

Глава XIX

На сей войне Лаудур с дядей своим Царем Гунским разбил Ангантирово войско, бывшее под предводительством сестры его Герворы, и ее убил. Но после того Ангантир, разбив Гуннов в Дунской степи, убил брата своего Лаудура и с дядею, Царем Гуммлем.

Глава XX

Ангантир долгое время Царствовал в Ритгетском (*Л. 18 об.*) Государстве. Он был богатый, щедрый и сильный Государь, и от него произошли Царския поколения. Сын его был Гейдрекер-Ульфгаммур, владевший долгое время в Ридготландии. Он прижил дочь Гильдур, которая была Галдея – Снеля мать. Ивара-Вид-Фарна отец Ивар-Видфарн, как в царских повестях упоминается, пришел с войском своим в Швецию. Царь Ингиельд-Ильрод, опасаясь его прихода, сожег себя со всеми своими придворными в деревне Ренинге, и Ивар-Видфарн покорил себе всю Швецию Готфскую и Сакскую (*Л. 19*) землю и все земли на востоке к России. Он владел и полуденною Саксов землею, и покорил себе часть Англии, Нортумберланд называемую, равно как и Данию, в которой поставил Королем Вальдара, выдав за него свою дочь. Сыновья их были Гаральд-Гильдестан и Рандвер. По кончине в Дании Вальдара, принял Царство сын его Рандвер, а другой сын Гаральд-Гильдетан, наимяновав себя Царем Готфским, покорил себе все вышепомянутыя земли, принадлежавшие Царю Ивару-Видфарну. Рандвер взял себе (*Л. 19 об.*) в супруги Азу, дочь Царя Гейрардарсскаго в Норвегии Гаральда, сын их был Сигурд-Ринг. По смерти Царя Рандвера принял Царство Дацкое сын его Сигурд-Ринг, которой, сражаясь с Царем Гаральдом-Гильдетаном в Брувальской степи Южной Готфии, убил его со многими людьми. Сие сражение по древним повествованиям было знаменитее и кровопролитнее одержаннаго Ангантиром в Дунской степи над братом своим. Сей Царь Сигурд-Ринг владел Даниею до кончины своей, а после него сын Рагнар-Лодброок. Гаральда Гильдетана (*Л. 20*) сын имянем Остен-Ильрод принял после отца своего Швецию и владел оною до тех пор, пока

его убили сыновья Рагнара-Лодброока, как упоминается в повествованиях. Оныя Рагнаровы сыновья покорили себе Швецию, а после смерти Рагнара сын его Биорн-Иернсид Сигурдур выбрал себе Данию, Гентсерк восточныя земли, а Ивар-Бенлесе (безногий) Англию. Сыновья Иернсидовы были Эрик и Рефил, великий полководец и мореплаватель, а Эрик, Царствовав после отца своего, жил не долго. После него принял Царство Рефил, сын (*Л. 20 об.*) Эрика, которой был великий воевода и сильный Государь. Биорновы сыновья были Эрик Упсальский и Царь Биорн. В сие время была Швеция паки разделена между братьями. Сии оба приняли Государство после Царя Рефила. Царь Биорн жил в городе Геге и потому имяновался Биорном Гегским, при нем был Браги скалд. Царя Амунда сын Эрик получил отцовское владение в Упсале и был богатый Царь. Во время Царствования его воцарился Царь Гаральд-Горфагер в Норвегии, которой из своего поколения был первый Самодержавный Царь в Норвегии. Царя Эрика Упсальскаго (*Л. 21*) сын Биорн, приняв после отца Царство, правил оным долго. Биорновы сыновья были Эрик-Сегерсел и Улафер, кои после отца приняли Царство и правление. Улафер был отец Стирбьерна-Старки. В их время умер Царь Гаральд-Горфагур. Стирбиорн, сражаясь с дядею своим, Царем Эриком, в Ферисвале, был убит, а Царь Эрик правил Государством Шведским до кончины своей. Он имел в супружестве Сигрид-Стурроду, а сын их был Улафер, которой после отца своего принят Царем в Швеции. Он был тогда еще (*Л. 21 об.*) младенцем, и Шведы, возя его с собою, наименовали сначала Швет-Конунгом, то есть призренный Царь, а потом Улафом-Шведом. Он во время Царствования своего был сильный Государь и первый из Шведских Царей, по коем протчия назывались Шведами. В его время стали называть Швецию Християнскою державою. Царя Улава Шведскаго сын был Аммундер, которой вступя на Царство после отца, умер. В его время убит Царь Улафр святый в Норвегии при Стикле Стаде. Вторый сын его был Эмунд, которой принял после (*Л. 22*) брата своего Царство. В его время Шведы Християнство наблюдали худо, и он не долго владел. Стенкил был в Швеции богатый вельможа знатной породы. Мать его была Астридур, дочь Мальфина Скияльги из Галоголанда, а отец ее был Рагвальдер старший. Стенкил был первый в Швеции Ярл, и по кончине Царя Эмунда возведен был Шведами на престол. С ним пресеклось поколение древних в Швеции Царских родов. Стенкил был великий начальник и имел за собою в супружестве дочь Царя Амунда. Он скончался в то время, (*Л. 22 об.*) когда убили в Англии

Царя Гаральда. Стенкилев сын Ингемундр возведен был Шведами на престол. После Царя Гакона Инги долго Царствовал в Швеции и быв всеми любим, был добрый христианин, истребил идолопоклонничество и велел народу своему креститься. Но Шведы много веровали языческим богам, держася древняго обряда. Царь Инги взял себе в супруги Царицу Мею, коея брат Свен, будучи Царевым Любимцем, был в Швеции Сильный вельможа. Шведы, говоря, что Царь Инги нарушает закон, уничтожая (*Л. 23*) установления Стенкилиевы, предлагали ему на съезде два вопроса: желает ли он остаться при древнем законе и обряде или здать Царство? На сие отвечал им Царь, что он не отступит от веры настоящей, и Шведы с криком бросали в него каменья и выгнали его из собрания. Шурин же его Све, оставшись после его в собрании, предлагал Шведам, что будет наблюдать служение Богам языческим, буде дадут ему Царство. На сие согласились все вообще, и Свен возведен на престол всею Швециею. (*Л. 23 об.*) Потом вывели коня и, разрубив его на части, раздавали в ества, окропили кумира кровию и уничтожа Христианство в Швеции, ввели паки идолопоклонничество. Царь Инги, будучи выгнан из Государства, отправился в западную Готфию. А Свен (наимянованный кровавым) Царствовал 3 года. Царь Инги, разъезжая с небольшим числом придворных своих имел при себе не много войска. Он объехал Южный край Смоландии, поехал в западную Готфию, а оттуда в Швецию, и, продолжая путь свой денно и нощно, наехал поутру (*Л. 24*) нечаянно на Свена и обступя дом его, сжег со всеми с ним бывшими, а в том числе богатаго и знаменитаго вельможу Тиофура, которой прежде того был при Свене, а Свен хотя и спасся, но был взят и убит. Инги же сев на Шведский престол, ввел паки Христианство, правя Государством до кончины своей. Галльстеин, брат его и сын Царя Пенкиля, Царствовал купно с братом своим Инги. Сыновья Галльстейна Филипп и Инги приняли Самодержавство после Царя Инги старшаго; Филипп взял Ингигерду, Царя Гаральда Сигурда дочь в супружество и царствовал не долго.

Повесть о Геральде и Бозе на Шведском языке, изданная Профессором Олаем Валерием и напечатана при Упсальской Академии в 1666 году.

Текст печатается по списку: РНБ. Эрм. № 307

Глава I

(*Л. 2*) Повесть сия начало свое имеет и выдумана не для какого-либо тщетнаго увеселения или шутки, но справедливость оной удостоверяется Родословием и старинными пословицами, которыя из описуемых здесь приключений имеют свое происхождение.

В Остерготландии царствовал Король имянем Ринг, сын Короля Готскаго, а внук Одена, пришедшаго из Азии, и от котораго родословие славнейших Государей в севере имело свое начало. Ринг со стороны отцовской был брат Королю Гетрику, а с матерней (*Л. 2 об.*) родство его было еще знатнее. Он был женат на Сильге, дочери Смоландскаго владельца Севара, которая была пригожа и добродетельна. Братья же ее Даг-Фарре и Нат-Фарре пребывание свое имели при дворе Датскаго Короля Гаральда Титетанда. Ринг и Силга имели сына, имянуемаго Геральд, виду и росту прекраснаго. Он был силен и имел особливое сродство к изучению разных художеств. Всеми был он любим, но своим отцем однако ж ненавидим по причине, что Король в младых своих летах имел побочнаго сына, называемаго Сиот, котораго любя (*Л. 3*) отменным образом, давал ему знатное содержание и имел при том такую к нему доверенность, что все государственныя приходы и расходы поручены были ему в ведение. В доправлении зборов был Сиот чрезвычайно строг, а скуп к выдаче и платежу. Со всем же тем государю своему был верен и особливое о благе его прилагал рачение. Из его имени произошла пословица Siodfellder*, то есть наполнители кошельков, и яко такия люди, которыя всячески приискивают корысть и пользу. Места, где Сиот сохранял сокровище (*Л. 3 об.*) своего государя, назывались всходственность имяни его Fesioder**, что им доправляемо было свыше того, что подлежало, наполнял он маленкия кошельки,

* *Испр., в ркп.* Sefiodrr.

** *Испр., в ркп.* Sefiodrr.

имянуя их Sldgpungar, то есть яко такия, в кои хитростью и выдумками деньги наполняются, и из которых содержал он столь своего государя, а государственныя между тем доходы оставались без уменшения. У простаго народа был он в ненависти, напротиву чего Король его весьма много любил и дал ему одному власть над всем в государстве его господствовати.

Глава II

(*Л. 4*) Был некто называемой Твари или Бритвари, живущей неподалеку от Королевскаго замка. Он в младости своей будучи один из искуснейших мореходов, имел притом и разныя сведении во многих художествах. В одно время странствуя по морю, встретился он с девицею, которая называлась Брингилдур, дочь Ноатунскаго владельца Ангара. Он с нею имел сражение и ее изранил столько, что она не в состоянии была владеть ни одним членом. Твари (*Л. 4 об.*) тогда взял ее в плен и получил весьма знатную притом с нею добычу. Потом приказал ее лечить, однако все была она после того рубцами обезображена и потому назвалась она Брингильдур-Бага, то есть обезображенная морщинами. На сие невзирая, Твари на ней женился, и от брака сего имели они двух сыновей. Старшей назывался Смидер и был не велик ростом, но собою пригож и сроден к разным художествам, а младшей Бозе. Сей был большаго росту и силен, смугл лицем и не пригож, (*Л. 5*) нрав же имел своей матери. Он был весел и шутлив, в намерениях своих постоянен и не пременял того, что уже один раз им было предпринято. Ниже долго размышлял, что делать ему подлежало. Не боялся никого, хотя б то был и такой, с коим ему биться следовало. Противу же приятелей своих честен и был матерью своею любим до того, что она дала ему название всходственность своего имяни Баге-Бозе.

Глава III

Буфла называлась одна старуха, которая у Тваре (*Л. 5 об.*) прежде была наложницею, воспитала его сыновей и была при том великая волшебница. Смидер был ей покорен и учился ея искуству. Она хотела было также волшебству обучать и Боза, но он объявил, что он не хочет жизнь свою означить тем, что он что-либо силою волшебства произвел такое, которое инаково предлежало мужеству его и добродетели. Гералд и Боз были почти в одних летах и

весьма между собою жили дружно. Боз был при Короле безотлучно и забавлял его (*Л. 6*) всячески. Сиот досадовал часто, что Гералд, снимая с себя платье, отдавал Бозе, потому что сей последней имел одежду всегда почти изодранную и ветхую. У Боза были суровыя ухватки, когда он в игре бывал с протчими, многия чрез то им были недовольны, хотя в протчем и не смели они в том жаловаться Геральду, зная, что он всегда держал его сторону. В одно время Сиот просил придворных, чтоб они начали играть с Бозом в намерении дабы (*Л. 6 об.*) посредством оной игры Бозу причинить обиду. Боз, приметя сей их умысел, зделался тем отважнее и храбрее, невзирая на неприятныя из того следствии. Игра их состояла в бросании мяча, и как в оной все напали на Боза, то он так сильно бросил мячем в Сиота, что оным вывихнул ему руку. На другой день выломил одному ногу, на третий же день как на него напали шестеро и начали делать ему при том разныя ругательства, то он тогда у одного вышиб глаз, а другаго бросил на землю так сильно, что (*Л. 7*) тот, переломя у себя шею, на месте же и умер. Другия сие увидя, бросились на него с оружием и хотели его умертвить, но в то время Гералд подоспел к нему на помощь со множеством людей и лишь только хотел вступить с бозовым соперником в сражение, как вдруг король приходом своим ему в том возпрепятствовал и по представлению Сиота приказал Король Боза послать в сылку. Гералд, узнав о сем, его скрыл так, что не знали потом, куда он делся. Вскоре после сего Геральд вознамерился странствовать и просил Короля, (*Л. 7 об.*) чтоб он ему дал несколько военных судов для приобретения себе в свете славы, в случае, если ему в том послужит щастие. На предложение сие Король согласился и дал ему 5 Экипированных кораблей. Хотя то впротчем и было противу Сиотова желания.

Тогда поехал он из Готландии на полдень в Данию. В один день, едучи близ берега, увидел на горе стоящаго человека, которой просил, чтоб они его на корабль приняли. На то ответствовано ему было, что для него в пути (*Л. 8*) корабль остановиться не может и естьли он неотменно на нем быть желает, то чтоб он сам к оному приплыл. По сем бросился Боз в воду и приплыл к корме корабля. Тогда Гералд, узнавши, что то был он, обрадовался ему чрезвычайно и зделал его первым по себе на корабле начальником. Из Дании отправились они в Смоландию, рыцарствуя везде, куда ни приезжали, и чрез то доставали себе великия сокровища. Таким образом, странствование их продолжалось 5 лет.

Глава IV

Сиот тем времянем, (*Л. 8 об.*) разтощив казну отца своего под видом Гералдова вояжу, поехал с подданных доправлять подати. Он требовал от Тваре, отца Бозова, необычайной платы за то, что сын его, будучи в игре, убил человека. И как Тваре не хотел платить ему ничего, в разсуждении его в сем деле невинности, то он, разломав у него кладовую, забрал к себе все его имение. Тем времянем Герално и Боз были на возвратном своем пути в отечество. На море тогда зделалась такая (*Л. 9*) буря, что Геральдовы Корабли были разбиты. Сам же он спасся в шерах у Гета-Эльф, а Бозево судно бурею занесено было в Финляндию. В то время Сиот попался ему навстречу и которой ехал из России, имея великия с собою сокровища.

Боз, узнав его, вступил с ним в сражение и, наконец, вошедши к нему на корабль, отрубил ему голову в отмщение за то, что Сиот отца его ограбил. Потом, взявши его богатство, поехал в Готландию к брату своему Гералду. Приехав туда, первое (*Л. 9 об.*) его было старание премириться с Королем за то, что он убил сына его Сиота. Герално сколько ни старался исходатайствовать Бозу от Короля прощение, но то было тщетно. Чем он и огорчен был до того, что, вышед от Короля, делал ему великия угрозы.

Глава V

В сей главе описывается, что Король, собрав войска свои, начал производить сражение противу Гералда и Боза. Сии были, наконец, побеждены и посажены в оковы для предания их казни. В то время Бозов* (*Л. 10*) отец Тваре просил волшебницу Булфу, чтоб она посредством искуства своего избавила сына его от смерти. На сие она, соглашась, пошла к Королю и начала делать ему наижесточайшия заклинания и угрозы, естьли он не согласится на то, чтоб жизнь Гералда и Боза осталась в безопасности. Король как ни супротивлялся требованию волшебницы, однако она следствием науки своей и преужаснейших заклинаний произвела то, что король зделался с места своего неподвижным. (*Л. 10 об.*) Тогда обещал он освободить их от смерти и для удостоверения волшебницы принужден был ей в том дать свою присягу.

* *Испр., в ркп.* Бозова.

Глава VI

На другой день Король, созвав свой совет, объявил, что он по прозьбе любимцов своих решился Бозе освободить от смерти с дозволением выехать ему из государства и не прежде возвратиться в оной, пока он не достанет ему яйцо, на котором означены золотыя литеры, и когда он ему привезет оное, то тогда с ним и примирится. (*Л. 11*) Брату же его Гералду даст он полную власть предпринять что он хочет. Вскоре после того Гералд и Бозе оставили отечество и по желанию волшебницы поехали в Норeботнию, а оттуда отправились в Биартманландию и там взяли свое пристанище под одним лесом.

Глава VII

В сие время в Биартманландии царствовал Король Гарек. Он имел двух сыновей. Первой назывался Рюрик, а младшей Сиггей. Они были великия витези и жили при дворе Глетсисвальскаго (*Л. 11 об.*) Короля Гутмунда, сестра их называлась Эдда и славна была красотою своею и разумом. В одно время Гералд и Бозе, пошедши на охоту, встретили одного Старика именем Гоф=кетиль. Пришедши они к нему в дом, Боз влюбился в его дочь и предуспел столько в своей к ней любви, что она наконец возъимела к нему совершенную доверенность. Боз следствием оной открылся ей, не знает ли она, где можно ему найти яйцо с золотыми литерами (*Л. 12*) и для котораго они в сие место приехали. Она ему объявила, что есть в лесу один храм, принадлежащей королю Гареку, в котором обожается истукан, Юмола имянуемой. Что в оном хранится великое множество сокровищ, которыя принадлежат Королевской матери Колфросте и что она слывет великою волшебницею. С таким при всем том упреждением, что в Храме сем находится один хищный зверь, которой проклят и обколдован. Что оным охраняется означенное (*Л. 12 об.*) яйцо и что к нему никто без потеряния жизни своей не может приближится. Бозе, поблагодаря за такое зделанное ею ему откровение, на другой день пересказал о сем Гералду и потом принято ими было намерение искать онаго Храма. По претерпении великих трудностей наконец нашли оной и лишь только хотели они войти в Храм, как вдруг зверь на них бросился. Боз с ним долгое время сражался и наконец вонзил копие свое в сердце сего чудовища

(*Л. 13*) и его тем умертвил. Потом нашли они там означенное яйцо с золотыми литерами и великое множество золота. При выходе оттуда примечен ими был в стороне потаенный ход, ведущей к одному покою. Вошедши в оной, нашли там женщину плачущу и к стене прикованную. Она им объявила, что она называется Ледур и сестра Глетсисвальскаго Короля Гудмунда и что начальница Храма Колфронста волшебством своим завела ее туда для жертвоприношения. Чтоб ее (*Л. 13 об.*) из темницы сей выручить, Геральд предложил ей сочетаться с ним браком. Она сим была довольна и согласилась за ним повсюды следовать. После того, убив они начальницу и взяв все, что в храме драгоценнейшаго ни было, возвратились на свое судно.

Глава VIII

По прошествии двух лет приехали они в Готландию. Бозе, явясь к Королю, подал ему желанное им яйцо и тогда по обещанию своему, простил он ему прежнее его преступление. В то время (*Л. 14*) от Короля требовано было вспоможения для бруволагетской баталии. На сей конец послан был туда Геральд с такою поспешностью, что ему время тогда не было и совершить своего брака. Он взял с собою Бозе с 1 000 человек воинов. На сражении сем убито было 15 королей и великое множество витязей, в том числе жизни своей лишились и королевины братья Даг=Фаре и Нат=Фаре. Геральд же и Бозе были весьма изранены.

Глава IX

(*Л. 14 об.*) Между тем как Геральд и Бозе занимали себя войною, Глатсисвальской Король Гудмунд, лишась дочери своей Ледур, поручил находящимся при нем Рюрику и Сигею ее искать с обещанием выдать ее замуж за того, которой из них ее отыщет. Для осведомления об ней Сигей поехал к начальнице Биартмаландскаго Храма. Не нашедши ее нигде, поехал он к ея отцу, которой ему сказал, чтоб он ее искал в Храме (*Л. 15*) Юмола. Сигей, приехавши на то место, где храму быть надлежало, нашел вместо онаго один только пепел. Потом, ходя тщетно по лесу, пришел наконец к жилищу старика Гофтекеля. Сей ему объявил, что Храм был ограблен и сожжен двумя готами, называемыми Геральд и Бозе и что им и дочерью его примечено было, что они, возвращаясь с добычею на корабль,

имели с собою Ледур – сестру Короля Гутмунда. Сигей потом, возвратясь домой и взяв с собою множество (*Л. 15 об.*) судов и народа, поехал в Готландию. Там убил Короля Ринга, опустошил государство и увез оттуда принцесу с великим имением. Король Гутмунд, получа к себе таким образом сестру свою обратно, принял намерение выдать ее замуж за Сиггея, не взирая, что принцесса сему всячески противилась.

Глава X

Месяц спустя после того как Сигей и Рюрик увезли принцесу, Гералд и Бозе возвратились из своего похода. Как же (*Л. 16*) скоро узнали они, что увезена принцесса, то они вознамерились ее выручить из рук Сигея Хитростию и потому, взяв от волшебницы Буфлы наставление, которая притом дала им обвороженное покрывало, чтоб посредством онаго быть невидимыми, отправились в Глатсвальское Государство. Приехав туда, первое попечение было Боза отыскать дочь того Старика, в которую он был влюблен прежде. По щастию, нашел ее вскорости и проведал от нее, что король в немедлительном (*Л. 16 об.*) времяни намерен выдать принцесу за Сигея, что к торжествованию брака уже все в готовности и что строжайшия приказы отданы были, чтоб никто из иностранцов допущен не был к сему торжеству из опасения, чтоб инаков без сей предосторожности Гералд и Боз не могли свидетелями быть сему происшествию.

Глава XI

Все сии обстоятельства Боз на другой день пересказал Гералду, и потом принято ими было намерение во первых ехать (*Л. 17*) к Королевскому любимцу, называемому Сигур, котораго встретя, Бозе заколол и, взяв платье его на себя, пошел на свадьбу. Там он не только никем признан не был, но и игрою его на Гарфе Король весьма был доволен.

Глава XII

Посреди сих веселостей и в коих напитки наивеличайшее имели участие, вошел туда Гералд и напал на Короля дерзновенно. Во время замешательства сего и пока все собравшиеся отчасти напит-

ками, а частию и смятением (*Л. 17 об.*) были в изумлении, один из сотоварищей Геральда, взявши принцесу на руки, побежал с нею на корабль. Таким образом, Геральд увез от Короля свою невесту и хотя множество народа за ними гналось, но Герал успел от них так скрыться проворно, что когда народ прибежал к берегу, то уже они были в море. Боз, отъехавши на некоторое от берега разстояние, просил Гералда, чтоб он ему дал не большее судно для некоторой ему надобности на том берегу, (*Л. 18*) от котораго они отъехали. Геральд не без труда согласился на сию прозьбу и его от себя отпустил на самое короткое время. Боз, прибывши туда помощию разных вымыслов подговорил некоторых придворных, чтоб они Королевскую дочь вызвали из замка в лежащей неподалеку от онаго лес. В сем он предуспел, и как скоро она к нему вышла в препровождении одного придворного, то он сего изрубил, а сам, взявши принцессу на руки, отнес на свое судно (*Л. 18 об.*) и потом, не теряя времени, отправился в Готландию.

Глава XIII

Чтоб отомстить Геральду и Бозу за причиненное ими безчинство Королю Гутмунду, Рюрик и Сигей, взявши с собою 43 корабля, поехали во первых в Биартманландию к отцу их Королю Гареку. Потом, совокупясь с ним и которой взял с собою также до 15-ти судов, поехали все трое воевать в Готландию. Лишь только они туда прибыли, то все уже там было к сражению готово. Битва (*Л. 19*) сия долгое время оставалась в нерешимости, но наконец помощию волшебства Буфлы Гералд и Боз одержали совершенную над королем и его сыновьями победу и отняли у них все, что они с собою ни имели, имянно, суда их и богатство. Потом как все успокоилось, начато было торжествование браков Гералда и Боза и оное продолжалось целой месяц, а как все сии празднества кончились, то Гералд принял на себя королевское достоинство как над Готландиею, так (*Л. 19 об.*) и над протчими управляемыми отцом его областьми.

Глава XIV

Наконец в сей последней главе предъявляется, что Бозе общим согласием Биартманландскаго народа также королем был избран, потому что он имел супругою дочь прежняго их Государя Гарека. По возприятии царства сего, ездил он в Глетсвал для примирения

15 – 9799

короля Гудмунда с Геральдом. Сей последней с супругою своею Ледур имел дочь, называемую Тора (*Л. 20*) Боргартиорт, которая выдана была за Короля Рагнал Лотброка. В взятом же Гералдом и Бозом в Биартманландии Яйце нашлась желтаго цвету змея. Сие яйцо отдал Гералд дочери своей Торре, и змея онаго так наконец зделалась велика и страшна, что никто к Принцесе не смел приближится. Как король сие почитал волшебным делом, то и обещал он дочь свою выдать за того замуж, которой подойти к ней отважится. В сем предуспел Рагнар Лотброк, почему он с дочерью его браком (*Л. 20 об.*) и совокупился. О Бозе известно, что он был Государь добродетельный, Царствовал долгое время и благополучно. О детях же его точно неведомо, имел ли их или нет. Что ж принадлежит до Гералда, то у него был сын, называемой Ригардер и был отец того Конрада, которым предпринято было путешествие в Орманландию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Горн Ф. В.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894.

[2] Москвитятин. М., 1842. № 10. С. 33.

[3] *Nikolajeva M.* När Sverige erövrade Ryssland. Stockholm / Stehag, 1996. S. 90.

[4] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). М., 1993. С. 129.

[5] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 3.

[6] *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительные очерки. М., 1883; *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958; *Он же.* Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730 // Revue des études slaves. Paris, 1958. V. 35; *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964; *Он же.* Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века // Лит. наследство. М., 1982. Т. 91; *Панченко А. М.* Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969; *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989; *Claveria C.* Estudios hispano-suecos. Granada, 1954; *Östman H.* English fiction, poetry and drama in Eighteenth century Sweden; 1700—1764. Stockholm, 1985 and etc.

[7] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595—1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Uppsala, 1974. S. 43.

[8] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmskiöld collection, 15.

[9] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Риф-

ма. Строфика. М., 2000. С. 34.

[10] В русской поэзии начала XVIII в. перекрестная рифма встречается в стихотворениях Феофана Прокоповича, использовавшего, кроме того, октавы и «сложные строфы с разной системой рифмовки» (*Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 119).

[11] Выбор шведским поэтом именно этих размеров объясняется тем обстоятельством, что 3-стопный ямб и 4-стопный хорей «объединялись в сознании XVIII в. ... в западноевропейской поэзии аналоги их были обычны в песенной поэзии (3-стопный ямб преимущественно в светской песне, 4-стопный хорей также в духовной» (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха... С. 68). Таким образом, подтверждается намерение автора написать «русское» стихотворение 3стопным ямбом:

[12] J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia, 1684—1687 (editor Ulla Birgegård). Stockholm, 2002. P. 325. Благодарю У. Биргегорд за помощь в атрибуции текста.

[13] *Almquist H.* Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700—1709. Karolinska forbundets årsbok. Stockholm, 1942. S. 50.

[14] Ibid. S. 51.

[15] *Jensen A.* Die Anfänge der schwedischen slavistik Archiv für slawische Philologie. Berlin, 1911. Bd. 33; *Петровский Н.* Analecta metrica. VI. Мелкие заметки // Русский филологический сборник. Варшава, 1914. Т. LXXI. Вып. 2; *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в. (к проблеме тонического стиха) // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1; *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения (неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда) // XVIII век. М.; Л., 1958. Т. 3; *Биргегорд У.* Плачевная речь по Карлу XI на русском языке // Подобает память сътворити: Essays to the Memory of A. Sjöberg. Stockholm, 1995.

[16] Corona Gothica Saavedriana en majus historia gothica Lumen Annexa a J. G. Sparfwenfeldt // ОР Библиотеки университета Упсалы. Н. 286.

[17] *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в... С. 66—67.

[18] *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения... С. 453.

[19] Некоторые ритмические перебои могут быть объяснены тем обстоятельством, что для автора — иностранца и лингвиста (и поэтому, по наблюдению У. Биргегорд, чрезвычайно внимательно относящегося к грамматике чужого языка) перенос ударения не должен повлечь за собой изменения смысла слова. Так, в стихе «Sljépa kak Chótschet sljep pút Pokásati» в слове «показати» ударение падает на второй слог (при том что во втором стихе двустишия ударение женское: «Drúgh drugha búdet Propást prowos`cháti»); так же ударение стоит и в издании 1709 г. (где текст набран значительно небрежнее, чем в книге 1704 г.: вместо besedje — bedsedje, вместо chwaliti — cchvvaliti, вместо jasnych — jesnich). По всей видимости, Спарвенфельд употребляет глагол «показывать», а не «показать» («Покáзую: являю, указую» — в «Лексиконе» (Кутеин, 1653. С. 110) Памвы Берынды).

[20] Конечно, Симеон Полоцкий, в отличие от Спарвенфельда, едва ли

видел в этих фрагментах силлабо-тоническую основу (ср. с замечанием А. И. Соболевского к работе В. Н. Перетца: «В. Н. Перетц, привыкший к тоническим размерам, увидел в них [в стихотворениях Глюка и Пауса. — *М. Л.*] тонические стихи; а Тредиаковский, смотревший на стихи сквозь призму силлабической теории, едва ли мог усмотреть в них что-нибудь для себя новое» — Разбор сочинения В. Н. Перетца академиком А. И. Соболевским. СПб., 1905. С. 6).

[21] Oförgripelige Anmerckningar öfver Swenska Skalde Konsten. Stockholm, 1737. Afd. VII: Fyrfota Qwinlige af trenne Dactylig och en Trochaes.

[22] Samling af Werser på Swenska. Stockholm, 1751. S. 121.

[23] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003. С. 168.

[24] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 591.

[25] Там же.

[26] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 27.

[27] Den kort Berättelse och Underwisning om Wår Christeliga Troo och Gudjtienst uthi Swerige... Westerås, 1640.

[28] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»... S. 29.

[29] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России ... С. 591.

[30] *Rudbeck J.* Bibliotheca Rudbeckiana: beskrivande förteckning över tryckta arbeten, vilka författats eller utgivits av medlemmar av släkten Rudbeckius-Rudbeck samt handla om dem eller deras skrifter: en släkthistoria i elva led från 1600—1900-talen: bibliografi. Stockholm, 1918. S. 71—72.

[31] Всего при Густаве Адольфе работало 2 типографии, при Карле XII их количество выросло до 17 (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 59).

[32] *Кан А.* Шведско-русские культурные связи в XVII—XVIII вв. // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 240.

[33] Православное исповедание веры. М., 1696. Л. 5 об.

[34] Цит. по: *Голубцов А. П.* Прение о вере, вызванное делом королевича Вальдемара. М., 1891; 1897. С. 376.

[35] Цит. по: *Birgegård U.* Protestantismens irrläror i en ortodox trosbekännaras ögon // Explorare necesse est: Hyllningsskrift till Barbro Nillson. Stockholm, 2002. S. 38—39.

[36] *Быкова Т. А.* К истории русского тонического стихосложения... С. 449; *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей... С. 89.

[37] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России. СПб., 1862. Т. 1. С. 13.

[38] Цит. по: *Музаркевич Н. Н.* Подметное воззвание Левенгаупта 1708 г. // Русская старина. 1876. Т. 16. С. 173.

[39] О Малой России. Манифест // ЧОИДР. М., 1847. С. 46.

[40] Цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. 2. С. 77. В России обвинения шведской стороны в пасквилянстве звучали и в XVII в. Так, на книгу Петра Петрея следует следующий отзыв Ю. Крижанича: «Петер Петреиш Немчин есть написал книги дебелыя об сем царству; а в них на всяком листу все полно ядовитых, лаячных, ненавидных вещей и ложных повестей. Он своя книга зовет Историею Русскою,

сем ти вестинными книгами; али по правде имаит ся звать пасквината, се есть оговорныя, ущипливыя, шутския, поругательския книги» (цит. по: *Козубский Е.* Заметки некоторых иностранных писателей о России в XVII веке // ЖМНП. 1878. № 5. С. 9—10).

[41] Цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... Т. 1. С. 13.

[42] *Крекшин П.* Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого ... представленное разговорами в царстве мертвых ... с шведским королем Карлом XII. СПб., 1788. С. 85.

[43] *Nyholm A.* Tva «svenska» ryska katekeser på ryska. Uppsala, 1996. S. 86.

[44] Ibid. S. 55—56.

[45] Ibid. S. 11.

[46] Försök til et biographiskt lexicon öfver Namnkunnig och Lärda Svenska män af Georg Gezelius. Stockholm, Uppsala; Åbo, 1778. T. 1. S. 77.

[47] Катехизисы на иностранных языках, изданные с миссионерской целью, появлялись в России значительно позднее: в 1800 г. в Москве был издан «Краткий катехизис, переведенный на чувашский язык, с наблюдением российскаго и чувашскаго просторечия для удобнейшаго познания онаго, восприявшим святое крещение».

[48] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 43.

[49] Воинские артикулы от Велможнейшаго Короля и Государя, государя Карола XI Свейскаго, Готскаго и Венденскаго Короля лета 1683, обновленные и постановленные и к тому принадлежащие Деяния // ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215. В научный оборот этот текст ввел Д. М. Шарыпкин — Шведская тема в русской литературе Петровской эпохи // Русская культура XVIII в. и западно-европейские литературы. Л., 1980. С. 15.

[50] Воинские артикулы... Л. 120 об.

[51] Там же. Л. 121 об.

[52] Там же. Л. 122 об.

[53] Там же. Л. 123.

[54] *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 82—83.

[55] Воинские артикулы... Л. 119.

[56] *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 21.

[57] *Пуфендорф С.* Введение в гисторию Европейскую. СПб., 1718. С. 435.

[58] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 22. В то же время в России единодушия в отношении к протестантизму не было и в Петровское время. В официальных документах «шведской» тематики самого конца XVII — первой четверти XVIII в. о враждебном православию лютеранстве шведов не говорилось ничего, они назывались христианами. Так, в «докончальной» грамоте 1699 г. отмечалось, что шведский король клялся «своей королевского величества душею пред святым Евангелием» (РГАДА. Ф. 96/3. № 65. Л. 7 об.), по словам самого Петра, Россия спорит со Швецией «не о вере, а о мере, також и у них крест есть» (Цит по: *Кузьмин А. И.* Военная тема в литературе Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 176). П. П. Шафиров в предисловии к «Рассуждениям, какие законные причины его величество

Петр Великий ... к начатию войны против Короля Карола Шведского 1700 году имел» спрашивал: «...кто в продолжении оной [Северной войны. — *М. Л.*] столь великим разлитием крови Християнской и разорением многих земель виновен» (*Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий, император и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая к начатию войны против Короля Карола XII Шведского 1700 году имел. СПб., 1722. С. 1). А в «Слове о богодарованном мире в день обрезания Господня» (1722 г.) сказано: «Подобно егда ныне благодатию Божиею Россиа с Свеею десницы даша себе в знамение вечнаго дружества, вся вселенная, непокорствующаяся Христу, истинне и правде, не возможет противу стати им» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 2. № 53. Л. 291 об.).

При этом во время Северной войны инвективы против лютеран-шведов появлялись очень часто. Например, в стихотворном послесловии к Синаксарю (Чернигов, 1710) обнаруживается характерная аллюзия на 108 псалом («Да будут противу Господу выну, и да потребится от земли память их» // Псалтирь. Киев, 1708. Л. 140): «Память их погибшая болей не восстанет // Ныне Богу в Троици слава не престанет. // Сокрушенны там Кирхи, Церкви воздвиженны, // Духовны краснопевцы зело умноженны» (Синаксарь... Л. 37 об.). По мнению автора, идет религиозная война, и православие одолевает лютеранство.

[59] Цит. по: *Шарыпкин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. С. 91.

[60] *Некрасов Г. А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964. С. 193.

[61] Схожий мотив встречается в «Славе печальной», но, в отличие от шведского издания, где слова о бессмысленности земных трудов подытоживают речь, в «плачевной трагедии» реплика Смерти не является выводом из всего сказанного о Петре.

[62] РГАДА. Ф. 2. № 22.

[63] РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 2. Эта рукопись, содержащая два прозаических перевода стихотворений о победах над шведами, состоит из панегириков, посвященных морскому сражению («Его царскому величеству на недавнее завоевание кораблей»), и битве под Лесной («В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в 28 сентября 1708»). Можно предположить, что в первом стихотворении речь идет о произошедшем в августе 1720 г. сражении при острове Гренгам. Из текста следует, что написано оно после гибели Карла («...Гидра, родившаяся от праха льва...») и что в этом сражении шведский флот потерял 4 корабля («монстром (или чюдо) потерял четыре головы») — в «Журнале, или Поденной записке» сказано: «августа в 6 день получена зело изрядная ведомость от генерала князя Голицына из Финляндии от острова Сандо с галеры "Февры" чрез маиора Шипова Июля от 31 дня о щастливом бою в Ламеланде при острове Грейнгам со Шведами, где было их 1 корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 1 шкава, 1 галиот, 3 шхербота, 1 брегантин, и из оных 4 фрегата с помощию Божиею от Российских галер в 27 день взяты» (Журнал, или Поденная записка.

Ч. II. Отд. I. СПб., 1772. С. 135). Следовательно, эта рукопись может датироваться предположительно 1720 г. (а не 1708 г., как указывает С. И. Николаев — *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 25).

[64] *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими. СПб., 1720. Л. 6 об.

[65] Список изданных в России книг шведских авторов приведен в книге Г. А. Некрасова «1 000 лет русско-шведско-финских культурных связей IX—XVIII вв.» (С. 250—251).

[66] Издание этих книг осуществлялось при участии О. Верелия, про которого в «Истории скандинавской литературы» Ф. В. Горна сказано: «антикварские сочинения его были называемы современниками “нитью Ариадны, ведущей сквозь лабиринт отечественной древности”» (С. 252).

[67] Список этих шведских изданий приведен Г. А. Некрасовым: *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.)... С. 238—246.

[68] *Kenneth J. Knoespel.* The Edge of the Empire: Rudbeck and Lomonosov and the Historiography of the North // In Search of an Order. Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason / Edited by Ulla Birgegård and Irina Sandomirskaja. Södertörn Academic Studies. № 19. 2004. P. 141.

[69] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 16—17.

[70] Там же. С. 295.

[71] Там же. С. 220.

[72] Там же. С. 295.

[73] ОР РНБ. Эрм. № 308. Л. 26.

[74] Там же. Л. 25 об.

[75] ОР РНБ. Эрм. № 307.

[76] Там же.

[77] Там же. Л. 10 об.

[78] Там же. Л. 12.

[79] Там же. Л. 8.

[80] Там же. Л. 12.

[81] ОР РНБ. Эрм. № 301. Л. 2 об.

[82] ОР РНБ. Эрм. № 308. Л. 6.

[83] Там же. Л. 8 об.

[84] ОР РНБ. Эрм. № 290. Л. 11 об.

[85] ОР РНБ. Эрм. № 298. Л. 5.

[86] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 91.

[87] Сам Рагнар упоминался в «Повести о Геральде и Бозе»: «По возприятии царства сего, ездил он в Глетсвал для примирения короля Гудмунда с Геральдом. Сей последней с супругою своею Ледур имел дочь, называемую Тора Боргартиорт, которая выдана была за Короля Рагнар Лотброка. В взятом же Гералдом и Бозом в Биартманландии яйце нашлась желтаго цвету змея. Сие яйцо отдал Гералд дочери своей Торре, и змея онаго так наконец зделалась велика и страшна, что никто к Принцесе не смел приближится. Как король сие почитал волшебным делом,

то и обещал он дочь свою выдать за того замуж, которой подойти к ней отважится. В сем предуспел Рагнар Лотброк, почему он с дочерью его браком и совокупился» (ОР РНБ. Эрм. № 307. Л. 20 об.).

[88] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 98.

[89] Комментарий к слову Вальгалла мог включать другие строфы этого стихотворения, например 25, где в переводе Малле древние скандинавы пили пиво из черепов своих врагов: «Мы бились ударами меча, но я ныне преисполнен радостию в разсуждении того, что приготовляется для меня пиршество в чертогах Одина. Вскоре, вскоре сидя в блестящем жилище Одина, мы будем пить пиво в черепах наших неприятелей. Мужественный человек нимало не боится смерти. Я не произнесу слов, изъявляющих ужас, входя в столовую Одина» (*Малле Г.* Введение в Историю Датскую. СПб., 1785. С. 165). В исландском тексте используется кеннинг «деревья лба зверя», т. е. рога (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 92).

[90] ОР РНБ. Эрм. № 301. Л. 3.

[91] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. 185.

[92] Historia Hialmars regis Biarmalandice. Stockholm, 1700. S. 13.

[93] ОР РНБ. Эрм. № 298. Л. 1.

[94] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. 44—45.

[95] История датская, сочиненная г. Гольбергом. СПб., 1765—1766. С. 143.

[96] Там же. С. 145.

[97] *Татищев В. Н.* История Российская... С. 301.

[98] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. XVII—XVIII.

[99] Там же. С. XXV.

[100] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 95—97. О Гаральде русский читатель мог узнать и из многотомного труда О. Далина «Шведская история», вышедшего в Швеции в 1747—1762 гг., отдельными фрагментами переводившегося в России в XVIII в. и изданного на русском языке в начале XIX в.: «Галетан оставил по себе двух сынов: Филиппа и Инге, которые после были королями в Швеции. Первого еще при своей жизни сочетал он с овдовевшею Датскою королевою Ингердою, Норвежского короля Гаральда Гардреда дщерию, коея мать была Елизавет, дщерь Российского короля Ярислава и Шведскою Принцессы Ингигерды» (ОР РНБ. Эрм. № 326).

[101] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. 246—247.

[102] Беседующий гражданин. 1789. Апрель. С. 378.

[103] ОР РНБ. Эрм. № 307. Л. 8.

[104] История датская, сочиненная г. Гольбергом... С. 128—129.

[105] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 60.

[106] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.)... С. 250.

[107] *Bergstedt A.* Öfver freden, som slöts i Werele den Augusti 1790. Strängnäs, 1790. S. 18.

[108] *Schröckh J. M.* Lefwernes beskrifning om Titus. Stockholm, 1771.

[109] Ibid. P. 24.

[110] Svenskt Biografiskt lexikon. Stockholm, 1973—75. Bd. 20. S. 22—25.

[111] *Ingman C.* Tankar vid Hans Kongl. Maj:ts återkomst til Sverige. Stockholm, 1771. S. 1.

[112] *Ingman C.* Den svenska verlds målaren. Satire. Stockholm, 1770. S. 1.

[113] *Ingman C.* Tankar vid Hans Kongl. Maj:ts återkomst til Sverige... S. 1.

[114] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии Тридцатилетней войны за веру. М., 1788. С. 246—247.

[115] *Keventer M.* Tal för Stadens äldste i Uppsala höge Namnsdagen. Uppsala, 1776. S. 3.

[116] *Nathorst J.* Tal, hållit på konungens födelsedag den 24 januarii 1789. Åbo, 1789. S. 5.

[117] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 22.

[118] Там же. С. 39.

[119] Записки Христины, королевы Шведской с примечаниями г. Д'Аламбера. СПб., 1774. С. 78.

[120] *Грот Я. К.* Екатерина II и Густав III. СПб., 1877. С. 2.

[121] Переписка Екатерины II и Густава III опубликована в книге: Katarina II och Gustaf III: en återfunnen brevväxling. Tolkning, inledning och kommentar av Gunnar von Proschwitz. Stockholm, 1998.

[122] Слава русских и горе шведов. СПб., 1792. С. 18.

[123] История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в Древнюю историю, продолженная до нынешних времен. М., 1788. С. 367.

[124] Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 68.

[125] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 38—39.

[126] Там же. С. 278.

[127] Записки Христины, королевы Шведской... С. 16.

[128] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 3—4.

[129] Eloge de Jean Baner, feldmaréchal général pendant la guerre de trente ans... Copenhague, 1787.

[130] *Ingman A.* Tal vid Tillfälle af förening och säkerhets aktens firande. Åbo, 1790. S. 15.

[131] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 246.

[132] Цит. по: *Гейсман П. А., Дубовской А. Н.* Граф Петр Иванович Панин. СПб., 1897. С. 59.

[133] Там же.

[134] Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова. СПб., 1841. С. 165.

[135] Речь на отъезд графа Панина из Синбирска. СПб., 1774. С. 5.

[136] Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 94.

[137] Речь, говоренная графу Панину Синбирского дворянства Предводителем Похвисневым, мая 26 дня 1774 года в Синбирске // Речь на отъезд графа Панина из Синбирска... С. 1. В Швеции также интересовались историей пугачевского бунта: в 1786 г. была напечатана «Жизнь бунтовщика Емельяна Пугачева, с русского оригинала переведенная

на французский язык, а затем на шведский». Правда, во время войны 1788—1790 гг. на разгромленный Паниным пугачевский бунт в Швеции смотрели совсем не так, как в России: в русских полемических «Примечаниях и исторических объяснениях на объявление е. в. короля Шведскаго» (СПб., 1788) говорится: «Сочинитель Шведскаго объявления твердо помнит и самым неприятельским и ядовитым образом рассказывает разбойничью повесть случившегося в 1773 году Оренбургскаго бунта», тут же опровергается шведское заявление о масштабе восстания и панике в Москве: «впрочем, трепетали ль в Москве какие старушки от возмущения оренбургской черни, сие оставляется без испытания» (С. 14). Знали в Швеции и о деятельности Панина во время войны с турками: в Стокгольме в 1770 г. было издано «Письмо о завоевании Бендер».

[138] Svenskt litteraturlexikon. Lund, 1964. S. 379—380.

[139] История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 135.

[140] Svenskt litteraturlexikon... S. 379.

[141] Ibid.

[142] *Ingemar Alguin*. A history of Swedish literature. Uddevalla, 1989. P. 42.

[143] Размышления и нравоучительные правила господина графа Оксенстирна. СПб., 1771. С. 7.

[144] Johan Oxenstierns Betrachtelser i enslighethen. Stockholm, 1731.

[145] Svenskt litteraturlexikon... S. 379.

[146] Мнения нравоучительные на разные случаи с правилами и рассуждениями господина графа Оксенштирна. М., 1792. С. 216.

[147] *Катто-Каллевиль Ж.-П.* Всеобщее Швеции изображение. СПб., 1797. С. 345.

[148] Samling af Werser på Swenska. Stockholm, 1751—1753. S. 128.

[149] *Татищев В. Н.* История Российская... С. 266; 209.

[150] *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Paris, T. 11. P. 1615, Biographie Universelle (michaud) ancienne et moderne. Paris; Leipzig. T. XXXI. P. 561.

[151] *Hofberg H.* Svenskt biografiskt handlexikon. Stockholm, 1906; Svenskt litteraturlexikon... S. 379—380.

[152] История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 135. Атрибутировать текст бывает весьма сложно, и эта проблема часто встает перед исследователем. Так, в «Нравоучительные и полезные рассуждения, выбранные из разных авторов» (М., 1761, пер. Иван Приклонский) входит анонимная эпиграмма «Нет разных степеней благополучия», в которой сказано, что она принадлежит автору «подземного путешествия», т. е. «Подземного путешествия Нильса Клима», — Гольбергу (характерно, что русский перевод «Подземного путешествия» Гольберга вышел лишь через год после этого издания, в 1762 г.). В журнале «Полезное увеселение» была издана «Эпистола к большому алмазу» М. М. Хераскова, обозначенная как «подражание французскому». Французский оригинал этой эпистолы входит в изданный в 1753 г. в Амстердаме трехтомник «Epîtres diverses sur des sujets différens» голландского поэта Г. Л. Баара.

[153] Johan Oxenstierns Betrachtelser i enslighethen... S. 36.
[154] Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру... С. 278.
[155] Размышления и нравоучительные правила господина графа Оксенстирна... С. 164.
[156] Там же. С. 44.
[157] Мнения нравоучительные на разные случаи... С. 162—163.
[158] Konung Gustaf den 3-djes Reflexioner. Stockholm, 1778. S. 6.
[159] Ibid. S. 8.
[160] Карла Линнеа рассуждения... о человекообразных. СПб., 1777. С. 38.
[161] Там же. С. 39.
[162] *Линней К.* Рассуждения... о употреблении коффеа. СПб., 1777. С. 25.
[163] *Линней К.* Водка в руках философа, врача и простолюдима. СПб., 1790. С. 20.
[164] Там же. С. 36. Единственным произведением Линнея на эту тему, не заинтересовавшим русского переводчика, было «Рассуждение о чае» (Стокгольм, 1745).
[165] Там же. С. 43—44.
[166] *Линней К.* Рассуждения... о употреблении коффеа. С. 6.
[167] *Линней К.* Водка в руках философа, врача и простолюдима. С. 36.
[168] *Линней К.* Рассуждения... о употреблении коффеа. С. 13—14.
[169] *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria. Stockholm, 1974. S. 31—33.
[170] ОР Библиотеки университета Упсалы. U. 185: 53; U. 185: 56.
[171] ОР Библиотеки университета Упсалы. Н. 159 а. Лл. 70—70 об.
[172] Там же. Л. 80 об. Глава записок Страленберга, содержащая его замечание о русских писателях, переведена не была, но аналогичный фрагмент записок Туманского в эту книгу включен: «Симеон Полоцкий написа книги Обет и Вечеря духовныи и бе учитель благочестивейшаго царевича государя Феодора Алексеевича. Димитрий Ростовский жития святых собра и наименова Минеи четь» (Л. 80 об.). Здесь же содержится и известный отзыв о Сильвестре Медведеве: «...старец Селиверст Медведев, прежде бывшей в Приказе Тайных дел Подъячей именем Семен, которой чернец великого ума и остроты ученой» (Л. 164).
[173] Там же. Л. 157.
[174] Там же. Л. 54 об. —55.
[175] Там же. Л. 56.
[176] Цит. по: *Татищев В. Н.* История Российская... С. 46.
[177] *Kenneth J. Knoespel.* The Edge of the Empire... С. 140—141.
[178] Цит. по: *Пекарский П.* Новые известия о Татищеве. СПб., 1864. С 18.
[179] Там же.
[180] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. XXXV.
[181] ОР РНБ. Эрм. № 296. Л. 4.
[182] ОР РНБ. Эрм. № 308. Л. 25 об.
[183] *Татищев В. Н.* История Российская... С. 266.
[184] Там же. С. 129.
[185] *Капнист В. В.* Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении // *Капнист В. В.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 176

[186] *Johannesson K.* I polstjärnans tecken. Studier i svensk barock. Uppsala, 1968. S. 261.

[187] Ibid.

[188] ОР РНБ. Эрм. № 309. Л. 7.

[189] *Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773. С. 138.

[190] *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 208—209.

[191] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 111.

[192] *Беккариа Ч.* Рассуждение о преступлении и наказании. СПб., 1803. С. 113.

[193] Переводы с латинского и шведского языков. Случившиеся во времена императора Марка Аврелия римского и Каролуса XII Шведскаго. СПб., 1786. С. 159—168.

[194] Московский вестник. 1828. № 14. С. 215.

[195] Цит. по: *Тиандер К. Ф.* «Лабиринт» Баггесена и «Письма русского путешественника» Карамзина // *Тиандер К. Ф.* Датско-русские исследования. СПб., 1912. Вып. 1. С. 57.

[196] Цит. по: *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). С. 129.

[197] *Катто-Каллевиль Ж.-П.* Всеобщее Швеции изображение... С. 338, 339.

[198] Там же. С. 339.

[199] Там же. С. 344, 345.

[200] *Catto Calleville J.-P.* Essai d'un Histoire de la Poésie Suédoise // *Catto Calleville J.-P.* Bibliothèque suédoise. Stockholm, 1783. P. 87—99.

[201] Литературная газета. 1830. № 49. С. 103.

[202] Новая скандинавская поэзия // Галатея. 1829. С. 181.

[203] Литературная газета. 1830. № 49. С. 104.

[204] *Кархy Э. Г.* Финляндская литература и Россия (1800—1850). Таллинн, 1963. С. 23—24.

[205] «Рассуждение о российском стихотворстве». Неизвестная статья М. М. Хераскова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10.

[206] Berättelser af N. Karamsin. Göteborg, 1806.

[207] Zarsonen Fewei. En händelse i en residence stad. Af hennes majestät kejsarinnan af Ryssland. Översättning. Lund, 1799. Другое произведение Екатерины «Сказка о царевиче Хлоре» было опубликовано в России на немецком языке, правда, на шведский не переводилось; немецкий перевод «Февея» найти не удалось, хотя утверждать, что перевод на шведский сделан с русского, а не с намецкого языка, было бы преждевременно. Характерно, что, в отличие от шведского издания, в русском издании 1783 г. никаких указаний на авторство этой сказки не содержится.

[208] Tal, hållne för Kongl. Vetenskap Akademien den 3 januarii 1777 då Prins De Kourakin. Stockholm, 1777. S. 16—20.

[209] Översättning av hans Excellences Herr Riks-Rådets m.m. och Kongl. Academiens Präsidis Svar. S. 21—24.

[210] *Kenneth J. Knoespel.* The Edge of the Empire... P. 141.

[211] Letters to Erik Benzelius the Younger from learned foreigners. V. 2: 1723—1743. Göteborg, 1979. P. 294—295.

[212] *Линней К.* Рассуждение... об употребления коффеа. С. 11.

[213] *Комон де ла Форс Шарлотт де Роз.* Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, Короля Шведского. СПб., 1764. С. 5.

[214] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую... С. XXXI.

[215] Там же.

[216] *Карин Ф.* Письмо к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова. М., 1778. С. 4.

[217] Samling af Werser på Swenska... S. 132.

[218] *De La Croix G.-F.* Dictionnaire historique portatif des femmes célèbres. Paris, 1769. T. 1. P. 161.

[219] Ibid. T. 2. P. 22.

[220] Еженедельник. М., 1792. С. 256.

[221] Там же. С. 125.

[222] Современник. СПб., 1842. Июль. С. 3.

[223] *Kronstrand E.* Underrättelse om Grekiska och i synnerhet Ryska Kyrkan, samt i Korthet om Bullan Inigenitus. Uppsala, 1767. S. 10.

[224] *Кожевников В. А.* Философия чувства и веры в ея отношениях к литературе и рационализму XVIII в. и к критической философии. М., 1897. С. 20.

[225] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 34.

[226] Там же. С. 28.

[227] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas. Uppsala, 2004. S. 15—28.

[228] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 34.

[229] Там же. С. 30, 33, 34.

[230] Там же. С. 33.

[231] Там же. С. 32.

[232] Våra Försök. Stockholm, 1754. V. 2.

[233] Svenska Parnassen för år 1785. Stockholm, 1785. S. 226.

[234] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 32.

[235] Там же. С. 17.

[236] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 357—360.

[237] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 20.

[238] Kärlekens ö genomrest och beskrefven Första Resan til Lycidas. Stockholm, 1754.

[239] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 30.

[240] История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Том I. Проза. СПб., 1995. С. 124; 139.

[241] *Рак В. Д.* Ф. А. Эмин и Вольтер // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 151.

[242] Katarina II och Gustaf III. En återfunnen brevväxling. Tolkning, inledning och kommentar av Gunnar von Proschwitz... S. 16.

[243] *Freden G.* Don Quijote en Suecia. Madrid, 1965. P. 7.

[244] *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир (Избранные труды). Л., 1985. С. 49.

[245] *Fraanje M.* The epistolary novel in Eighteenth-Century Russia. München. 2001. Bd. 41. S. 93—111.

[246] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 30.

[247] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 52—58.

[248] Современник. СПб., 1842. № 4. С. 46.

[249] Svenska Parnassen för år 1784. Stockholm, 1784. S. 73.

[250] *Сумароков А. П.* Избранные произведения Л., 1957. С. 125.

[251] *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. Л., 1935. Сб. 1. С. 112.

[252] *Levitt M. C.* Sumarokov and the Unified Poetry Book: Ody Torzhestvennyia and Elegii ljiubovnyja Through the Prism of Tradition. Russian Litterature (North Holland). Special Issue: Eighteenth Century Russian Litterature LII: I/II/III (1 July — 15 August — 1 October 2002).

[253] *Карин Ф.* Письмо к Николаю Петровичу Николеву о преобразователях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова. М., 1778. С. 4. По А. П. Сумарокову, «российским Цицероном» является Феофан Прокопович (*Левит М.* К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 28).

[254] *Catto Calleville J.-P.* Essai d'un Histoire de la Poésie Suédoise // *Catto Calleville J.-P.* Bibliothèque suédoise... P. 95.

[255] *Bergklint O.* Tal om Skalde-Konsten... Uppsala, 1761. В отличие от текстов XVIII в., в работах по истории шведской поэзии, написанных во второй половине XIX в. (в том числе и известных в России) поэтический талант Шернъельма оценивался очень высоко. В «Истории скандинавской литературы» (М., 1894) В. Ф. Горна сказано, что «Шернъельм обращал свои взоры на греческих и римских поэтов и пел мастерски; его последователи пели, обращая свои взоры на него, но большая часть из них снизошла до простого рабского подражания и не дала ничего, кроме бездарных стихотворений на случай» (С. 250). Далин же как великий поэт не воспринимался: «в его таланте больше гибкости, чем силы... он скорее искусный подражатель, чем творческая поэтическая натура» (С. 258).

[256] Современник. 1842. № 4. С. 46.

[257] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха... С. 168.

[258] *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века... С. 112. Далин и Ломоносов — не просто современники, но практически ровесники (Далин — 1708—1763; Ломоносов — 1711—1767), не случайно в их одах нашли отражение одни и те же события, связанные с историей русско-шведских политических взаимоотношений.

Так, на русско-шведскую войну 1741—1743 гг. Ломоносов откликается в «Первых трофеях Иоанна Третьего чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 г.» и в «Оде на прибытие ее величества Ели-

заветы Петровны из Москвы в Санктпетербург». 1742); О. Далин — в «Оде на резню под Вильманстрандом» (1741) и в «Оде на мир между Швецией и Россией» (1743). Примечательно, что среди шведских панегирических стихотворений начала 40-х гг. лишь стихотворения Далина названы одами, другие авторы это жанровое наименование в название стихотворений, как правило, не включали (исключение составляют изданные в Швеции стихотворения на немецком языке). Хотя только военными одами Далин, как и Ломоносов, конечно, не ограничивается, например, в 1752 г. в Стокгольме была издана его «Ода на выздоровление нашей всемилостивейшей королевы».

Кроме того, говоря о Ломоносове и Далине, нельзя не отметить разносторонность их писательской деятельности: и Далину, и Ломоносову принадлежат работы по национальной истории. Правда, в отличие от Далина, чья «История Шведского государства», как уже отмечалось, переводилась в России в XVIII в., а в начале XIX в. была издана, «История России» Ломоносова на шведский язык не переводилась и в Швеции не издавалась (хотя в Швеции, в Упсале, в частности, хранится французский перевод этой работы, изданный в Париже в 1776 г.).

[259] Svenska män och kvinnor biografisk uppslagsbok. Stockholm, 1955. S. 215.

[260] *Lamm M. S.* Triewalds lif och diktning // Samlaren tidskrift utgifven af svenska litteratursällskaperts arbetsutskott. Uppsala, 1907. S. 158.

[261] Ibid. S. 172. О том, что Триевальд — «шведский Буало», говорится во всех современных исследованиях по истории шведской литературы, но если для некоторых авторов (например, Оке Ульмаркс (*Ohlmarks Å.* Rytm, klang bild rim. Svensk vers och versteknik från runmåstarna till Karlfeldt. Stockholm, 1970)) это неоспоримый факт, то для других правомерность подобных сопоставлений вызывает сомнение: например, в «Новой иллюстрированной шведской истории литературы» отмечается, что «в истории шведской литературы Триевальд проходил под, может быть, слишком завышенным именем "северного Буало"» (Ny illustrerad svensk litteraturhistoria. Andra delen. Stockholm, 1967. S. 83).

[262] Цит. по: *Lamn M. S.* Trievalds lif och diktning... S. 144.

[263] *Gezelius G.* Samuel Triewald, en svensk Boileau // Svenska Parnassen. 1784. S. 265—275.

[264] *Клейн Й.* Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 53.

[265] Там же.

[266] Там же. С. 51.

[267] О том, насколько Анакреон был популярен в Швеции в конце XVIII в., говорит тот факт, что среди стихотворений, опубликованных в «Шведском Парнасе», переводы его од явно доминируют; в сборнике сочинений поэта-густавианца Г. Адлерспарре (Adlersparre) («Опыт поэтического искусства». Упсала, 1784), кроме переводов Буало и Дора, встречаются анкреонтические оды, а в 80—90-х гг. издавались шведские переводы од Анакреона.

[268] *Byström O.* Kring «Fredmans epistlar». Stockholm, 1945. S. 65.

[269] *Bellman C. M.* Fredmans Epistlar. Stockholm, 1790. О творческих кон-

тактах Щельгрена и Бельмана см.: *Byström O.* Kring «Fredmans epistlar»... S. 64—65.

[270] *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1982. С. 9.

[271] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). С. 121.

[272] В Швеции пособия по русскому языку также выходили в течение XVIII в. Так, в Стокгольме в 1750 г. была издана «Российская грамматика» М. Гроенинга (Groening), где в разделе «Разговоры» предлагались тематические диалоги: «О утреннем посещении», «О надевании платья», «Между господином и портным», «О завтраке», «О говорении по-русски», «О погоде и времени», «О убрании каморки», «О шествовании», «О посещении больного», а также «Как любезно просить», «Как учтивость показать», «Как сожалеть, уповать и отчаять», «Как кому добра желать», «Как удивляться», «Как радость свою и удовольствие предъявить», «Как запрещать что».

[273] *Sylwan O.* Swenska pressens historia. Lund, 1896. S. 267.

[274] *Christopher Knöppel.* Samtal uti de Dödas Rike emellan Sal. afledne General — Adjutanten Wälborne Herr Georg Bernhard Panso och den fordom berömlige Poeten Herr Johan Runius. Stockholm, 1742. S. 2.

[275] В России же героями таких произведений становились Ломоносов и Кантемир. От лица Ломоносова из царства мертвых написан панегирик Екатерине II, а в «Собрание писем различных творцов, древних и новых» (СПб., б. г.) М. Н. Муравьева наряду с письмами Филиппа Македонского Аристотелю, Плиния к другу (из кн. VIII) и «г. Расина к другу» включена упоминавшаяся переписка Горация и А. Д. Кантемира («Ты открыл им [русским. — *М. Л.*] поприще писмен и останешься более известным тем, что ты был первый стихотворец своего народа, нежели тем, что ты представлял Величество его в Англии и Франции», — отвечает Гораций на комплименты Кантемира).

[276] *Windahl E. A.* En liten rimmares försök. Falun, 1788. S. 34.

[277] Ett bref Til Auctoren af thet svenska nitet. 1738. S. 1—4.

[278] Samuel Triewalds Läre-Spån uti Svenska skalde-konsten. Stockholm, 1756. S. 37.

[279] *Hesselius A.* Jerne-Tid förbytt i Gyllne-Tid. Uppsala, 1739. S. 4.

[280] Samling af Werser på Swenska... S. 120.

[281] Ibid. S. 121.

[282] *Sylwan O.* Swenska pressens historia... S. 267.

[283] *Левитт М.* К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 26.

[284] *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 252.

[285] «Рассуждения о российском стихотворстве». Неизвестная статья М. М. Хераскова... С. 292.

[286] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания (XVII—XVIII вв.). М., 2000. С. 68—89.

[287] *Горн Ф. В.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней... С. 249.

[288] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 113—134.
[289] *Byström O.* Kring «Fredmans epistlar». Stockholm, 1945. S. 113.
[290] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 109—113.
[291] *Bellman C. M.* Fredmans Epistlar... S. 50.
[292] Svenska Skalde — Konsten af Hr. Prof. Hof. Tredje Delen // Svenska Parnassen. 1784. S. 376. В самом журнале опубликованы стихотворения разных жанров, вполне соответствующие данному Хофом описанию. Среди них — «Стихотворное письмо к Глюцере» и дружеское письмо Ю. Г. Оксеншерны.
[293] Ibid. S. 372.
[294] Oförgripelige Anmerckningar öfver Swenska Skalde Konsten... S. 11.
[295] О русских трактатах XVIII в. по теории стиха см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха М., 1984.
[296] Кроме этого стихотворения, под именем Аримаспус Сальштедт издал еще одно эпистолярное сочинение: «Письмо к NN о безграничной свободе торговли и кустарного труда» (Стокгольм, 1756). Под другим экзотическим псевдонимом, Амазантус, вышла его «Литературная гениальность» (1775).
[297] *Геродот.* История. М., 1993. С. 193.
[298] *Rudbeck O.* Atland, eller Manheim. Uppsala, 1675. S. 435.
[299] География Страбона в 17 книгах. М., 1879. С. 517—518.
[300] *Геродот.* История... С. 190.
[301] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 401.
[302] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702 (liv, lärdom, dröm i barockens) Sverige. Stockholm, 2003. S. 265.
[303] Ibid. S. 266.
[304] Ibid. S. 265—266.
[305] *Emanuel Swedenborg.* Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1985. S. 97—98.
[306] *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria... S. 244.
[307] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 266.
[308] *Rudbeck O.* Atland eller Manheim. Uppsala, 1675. S. 755.
[309] *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria... S. 245.
[310] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers, edited, with introduction, translation and commentary by Maria Berggren. Uppsala, 1994. S. 64—66.
[311] Цит. по: *Горн Ф. В.* История скандинавской литературы... С. 252.
[312] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 341.
[313] *Далин О.* История Шведского государства. СПб., 1805. Ч. I. С. XVI. Правда, как следует из изданной в Стокгольме в 1838 г. и пересказанной в «Современнике» (1842. № 4) книги «Заметки о России, написанные во время краткого пребывания в Петербурге и поездки в Москву», приверженцем теории Рудбека был Бьернер: «Один пастор в прошлом столетии написал книгу, где утверждал, что под именем острова Атлантиды, о котором упоминает Платон, надобно разуметь Палестину. Тотчас ученый Бьернер вошел к тогдашнему президенту Коллегии древностей графу

Густаву Бонде с прошением, в котором обвинял автора в бесстыдстве за то, что он хотел перенести Атлантиду в Палестину, тогда как ясно уже доказано, что Платон под этим именем разумел не что иное, как Скандинавию, что давно уже всеми учеными принято и служит к чести и славе отечества» (Современник. 1842. № 4. С. 48).

[314] В лейпцигском «Grosses universal lexicon» (1732), несомненно известном автору шведского стихотворения, сказано, что, согласно легенде, аримаспы проживали в Ингерманландии, Новгороде и Пскове, в Московии, а значит, с «историческими» аримаспами могли отождествляться и русские, и это обстоятельство могло стать причиной включения «Письма» Аримаспуса в указанный конволют 1741 г., составленный из шведских сочинений русской тематики и выполнявший пропагандистскую функцию перед началом русско-шведской войны 1741—1743 гг. Однако в стихотворении Сальштедта «русская» тема отсутствует как таковая.

[315] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 385. О Старкоттере говорится в «Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus V...» Юханнеса Магнуса (Johannes Magnus) (Там же).

[316] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 1.

[317] Рассуждение И. Е. Фишера о Гиперборейцах или о народе, за севером находящемся. Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 127. В этой статье приводятся рассказы древних авторов о гипербореях, например, «Помпоний Мела, Плиний и Солин пишут об них следующее: Гиперборейцы живут в земле плодоносной в чистом и здоровом воздухе, не зная никаких заразительных болезней; нет между ими зависти и раздоров, но всегда царствует правда; сего ради и живут щастливее, нежели другие народы. Они не знают никогда брани, но провождают жизнь свою в веселии и глубоком спокойстве; живут в рощах и дубровах без всяких коварств добродетельно; отправляют богослужение наедине и в собраниях; от древес плодоносных имеют ежедневную пищу; живут до глубокой старости, а естьли им жизнь наскучит, то прекращают оную великодушно с веселием; составляют пир, по окончании котораго, положа венок на голову, низвергаются в морскую пучину» (С. 133).

[318] Аристей Проконессийский, автор эпической поэмы «Эпос об аримаспах» (*Геродот*. История... С. 191).

[319] Там же. С. 123—124.

[320] Цит. по.: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 432.

[321] Там же. С. 431.

[322] Сочинения св. Димитрия. М., 1849. Ч. 4. С. 7.

[323] ОР РГБ. Ф.68. № 468 Л. 139.

[324] *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 58—68.

[325] *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990. С. 8.

[326] *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 1. С. 414.

[327] *Митрополит Евгений* (*Болховитинов*). Словарь исторический о бывших

в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995. С.335

[328] *Проскурина В.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 9—56.

[329] *Капнист В. В.* Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении... С. 176.

[330] Там же. С. 563.

[331] *Сазонова Л. И.* Переводная художественная проза в России 30—60х гг. XVIII в. // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982; *Она же.* Переводной роман в России XVIII века как ars amandi // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 127—140.

[332] *Комон де ла Форс Шарлотт де Роз.* Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, Короля Шведского... С. 5.

[333] Стихи Густава Вазы в русском тексте 1764 г. переведены 6-стопным ямбом с ритмическими перебоями и напоминают неравносложные стихотворные вставки в авантюрные повести Петровской эпохи («Любовь, прошу подай мне оружия свои. // Я сердцу одному желаю дать удар. // Пусть возчувствует оно жестокости твои. // Толико, сколько я днесь чувствую твой жар»). В шведском издании «Густава Вазы» это стихотворение написано правильным 4-стопным хореем.

[334] *Геллерт Ф. Х.* Жизнь графини Шведской Г***. Тамбов, 1792. С. 67.

[335] Там же. С. 28.

[336] В русских панегириках первой четверти XVIII в. «шведским полонянникам» было уделено столько внимания, что подчас их упоминание кажется неуместным. Так, в «Преславном торжестве свободителя Ливонии» Иосифа Туробойского говорится, что Петр изображен «на прекрасном коне, львиною кожею в знамение мужества вместо чепрака одеяном, седящую; под конем же множество пленников убиенных лежащих» (М., 1704. С. 45). Иногда же в панегирических текстах описываются некоторые бюрократические процедуры, связанные с освобождением пленных: «Россиа между двоима масличными древами, держащая ветвь масличную, кругом же по странам пленников в шведских одеждах свобождаемых, на них оковы и колодки гениуси разбивают. А иным дают пашпорты, под ними написание Pax et libertas captivis Petri Letissima Dona. Мир и свобода пленником, сия суть Петровы вожделеннейшия дары» (Описании триумфальных ворот в Москве по случаю мира со Швецией. РГАДА. Ф. 17. № 149. Л. 7 об.).

К этой теме возвращались на протяжении всего столетия. В «Кратком описании славных и достойных дел» (СПб., 1788) Крекшина Карл, обращаясь к Петру, признается: «пленные войска твои содержал с осужденными на смерть в тяжких заключениях, не давал им ни провианту, ни мундиру и никакова питомства и несколько пленных твоих ругательно палками побивать велел до смерти, а у прочих у рук и ног повелел отрубать пальцы и продавал бусурманам на каторги» (С. 85). Схожие заявления делает и шведский граф: «Они с нами весьма жестоко поступают, не внимая нашим стенаниям, а оправдывают свои поступки тем, что и наш Король угнетает военнопленных Россиян» (*Геллерт Ф. Х.* Жизнь

графини Шведской Г***... С. 8). Как отмечалось выше, в 1799 г. в Лунде был издан шведский перевод сказки Екатерины II о царевиче Февее, где обычай мучить пленных врагов в отместку за их жестокость по отношению к своим пленным всячески осуждается и не находит оправдания (Zarsonen Fewei. En händelse i en residence stad. Af hennes majestät kejsarinnan af Ryssland. Översättning... S. 32).

[337] Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги, сочинения Абулгачи-Баядур-Хана. СПб., 1768. С. 3. Эта книга была переведена В. К. Тредиаковским в 1730 г., русский перевод сделан с лейденского издания 1726 г. на французском языке, на шведском языке это сочинение не издавалось (*Staffan Rosen*. Conquerors of Knowledge: Swedish Prisoners of War in Siberia and Central Asia 1709—1734 // In Search of an Order. Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason / Edited by Ulla Birgegård and Irina Sandomirskaja. Sodertorn Academic Studies. № 19. 2004). Бывший пленный П. Шенстрем передал этот памятник в упсальскую библиотеку (*Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (IX—XVIII вв.). С. 137), в свою очередь Ф. Страленберг писал, что Татищев «охотно согласился взять в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абулгази и обещал проверить его текст» (*Татищев В. Н.* История Российская... С. 8). В русском издании встречаются доказательства шведского участия в исследовании этого текста: «...имя Король, которое *употребляется ныне в Российском языке, есть весьма* новое и имеет свое начало в ссорах, каковы Россия по временам имела от двух веков с Шведской короною» (С. 389).

[338] *Шарыпкин Д. М.* Русская литература в скандинавских странах... С. 204.

[339] Щит веры. Саратов, 1913. Кн. 14—15.

[340] *Emanuel Swedenborg*. Camena Borea, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1988. S. 70—76.

[341] Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. М., 1774. С. 124—125.

[342] *Вульпиус Х. А.* Карл XII при Бендерах. СПб., 1810. С. 94.

[343] Там же. С. 111.

[344] Там же. С. 81.

[345] Там же. С. 31.

[346] Там же. С. 12.

[347] Там же. С. 53.

[348] Там же. С. 81.

[349] *Babo Fr. J.* Peter den Store, eller Strelitzerne. Stockholm, 1799. S. 9.

[350] Ibid. S. 39.

[351] Ibid. S. 89.

[352] Ibid. S. 83, 105.

[353] Theater — stycken af Konung Gustaf III. Stockholm, 1826.

[354] *Kronstrand E.* Underrättelse om Grekiska och i synnerhet Ryska Kyrkan... S. 28.

[355] Theater — stycken af Konung Gustaf III... S. 247.

[356] *Озеров В.* Сочинения. СПб., 1816. С. 64.

[357] В России также бытовали истории о Петре, неузнанном своими подданными. Например, в «Рассказах Нартова о Петре Великом» приводится анекдот о том, как во время Персидского похода Петр «ходил... по лагерю... и охотно желал слышать сам, что о сем походе начальники и подчиненные говорят» (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 51).

[358] *Babo Fr. J.* Peter den Store... S. 9.

[359] *Геллерт Ф. Х.* Жизнь графини Шведской Г***... Т. 2. С. 8.

[360] *Вульпиус Х. А.* Карл XII при Бендерах... С. 94.

[361] Московский вестник. 1828. № 14. С. 222.

[362] *Геллерт Ф. Х.* Жизнь графини Шведской Г***... С. 47, 51.

[363] Московский вестник. 1828. № 14. С. 234. По-видимому, здесь использована библейская аллюзия, ср. с выпадом Евфимия Чудовского против Сильвестра Медведева: «...изостряше язык свой, яко змеин, по псалмопевцу, под устнами же его яд аспидов, полн горести и льсти, злоковарен бо сый от юностна возраста...» (Сатира XI—XVII вв. М., 1987. С. 107).

[364] Там же. С. 215.

[365] В России же панегирики шведским королям не создавались и не переводились даже во время политического сближения стран. Правда, в начале XVII в. из русской среды исходили «речи», содержащие этикетные, но при этом явно панегирические обращения к шведским монархам; так, речь новгородцев по поводу избрания на русский престол Карла-Филиппа начиналась словами: «Государь наш пресветлейший и благородный Великий Князь Карл Филипп Карлович» (*Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла-Филиппа на Русский престол (1611—1616). Юрьев, 1913. С. 55), но панегирики из таких воззваний не вырастали.

[366] *Nordenflycht H. Ch.* Til hans kejserliga höghet Paul Petrowitz, storfurste af Ryssland. Stockholm, 1760. S. 6.

[367] Правда, в одном из печатных экземпляров стихотворения на смерть русской императрицы содержится рукописная приписка, из которой следует, что автором этого стихотворения является упоминавшийся нами в разделе, посвященном эпистолярной шведской поэзии, автор «Речи о Поэтическом искусстве» О. Бергклинт (Bergklint; 1733—1805). Однако это единственная попытка атрибутировать ему стихотворение на смерть Елизаветы; во всех немногочисленных шведских источниках, в которых упоминается это произведение, его автором назван Брелин. Кроме того, как показывают приведенные примеры, неизвестный шведский исследователь, атрибутировавший анонимные шведские тексты, как правило, ошибался.

[368] Vid hennes Kejserliga Maj:t ryska kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga Dödfal. Stockholm, 1762. S. 2.

[369] *Dalin O.* Ode öfver freden emellan Swerige och Rusland. Stockholm, 1743. S. 3.

[370] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland den 17 julii 1788. Stockholm, 1788. S. 2.

[371] Vid... kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga Dödfal. S. 2.

[372] Ibid.

[373] Разговор между Петром Великим, императором Всероссийским и Карлом XII, королем Шведским, о славе победителей, сочиненный госп. Ваттелем, советником его свт. Курф. Саксонского. СПб., 1778. С. 10.

[374] РГАДА. Ф. 96/3. № 65. Л. 13.

[375] Kämpa-visa om Kåningen å herr Päder. 1701. В свою очередь в русской поэзии присутствует мотив покорения гордой девицы-города, например, в стихотворении «Увестителное о будущей победе» («Венец победы». Львов, 1708) говорится: «Гордая Рига тебе ожидает // И на приход твой гранаты збирает. // Тебе штурм без гармати, // Может верный Ригу взяти».

[376] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers, edited with introduction, translation and commentary by Maria Berggren. Uppsala, 1994. S. 172.

[377] Ibid. S. 184.

[378] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 914—919.

[379] Достаточно часто в панегириках правящим в Швеции или России монархам назывались их родители, независимо от того, кто из них управлял государством. Так, в оде Эклунда (Ekelund) «на высокие именины» Густава III говорится, что «Он — сын Адольфа и Ловизы» (*Ekelund J.* Carlshamns underdåniga fägnads betydelse då hans Kongl. Maj:ts... höga Namns-dag inföll. Carlscrona, 1776. S. 8). В свою очередь во «Всеподданнейшем поздравлении для Восшествия на Всероссийский престол... и высокий день рождения Ея Величества» (1741) Юнкера говорится: «Желает кто Петра смотрить, // Или Екатерину чтить // И их доброт плениться цвету, // Возрит пусть на Елизавету». Правда, в России правили оба родителя императрицы Елизаветы Петровны: «Ты ж толиких Дщерь героев и Монархов славных света, // Обоим Им подражая, обоих живи их лета» («Воскликновение к Ея Императорскому Величеству», напечатанное в «Описании фейэрверка и иллуминации, которые при торжествовании заключеннаго между Ея Императорским величеством Самодержицею Всероссийскою и Короною Шведскою вечного мира 15 сентября 1743». СПб., 1743. Л. 14).

[380] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 178.

[381] Ibid. S. 212.

[382] ОР Библиотеки университета Упсалы. H. 405. Л. 35.

[383] Vid... kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga Dödfal. S. 2.

[384] *Windahl E. A.* Skalde-digt öfver Friden. Örebro, 1790. S. 2.

[385] *De La Croix G.-F.* Dictionnaire historique portatif des femmes célèbres... P. 21. В то же время в русских текстах панегирист мог называть монарха только по отчеству тогда, когда требовалось подчеркнуть сходство звучания отчества российского царя и имени великого героя прошлого: «Алексеевич Александра превосходит» (Хвала на славы пространного одоления М., 1709. Л. 11 об.). Этот прием использовался и в отношении других персонажей русской истории, например Меншикова: «Даниил Пророк уста затыкаше // Лвом: Данилович Князь Лвы погоняше» (Венец победы. Львов, 1708).

[386] *Феофилакт Лопатинский*. Служба благодарственная Богу в Троице святой о славной и великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом 12 и воинством его, сделанной под Полтавою. М., 1709. Л. 30—31 об.; 38—38 об.

[387] Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 231.

[388] Поздравительные стихи Петру Великому // Русский архив. 1910. III. Авг. С. 155.

[389] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 61. Точно так же в русских текстах, в том числе и принадлежащих самому Петру, встречается «неприличная» игра слов. Например, в опубликованное в книге «Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу гр. Б. П. Шереметеву» (М., 1774) «Рассуждение о турецкой войне» включено следующее распоряжение Петра: «...ежели ныне да отвратит Бог сие, всем регулярным трупам быть у Киева между двух крепостей» (С. 112). Данный случай — обычный для Петровской эпохи пример замены русского слова европейским. Вместе с тем, современники Петра слова «войско» и «труп» различали очень четко; например, в манифесте «О Малой России» сказано: «Мужественно на транжемент неприятельской наступая, оной взяли и войска Шведскаго две тысячи человек в оном найденнаго, трупом положили... и тако все то войско разрушено» (ЧОИДР. М., 1847. № 9. С. 45).

[390] Katarina II och Gustaf III. En återfunnen brevväxling... S. 7.

[391] Цит. по: *Лебедев П.* Опыт разработки новейшей русской истории по неопубликованным источникам. СПб., 1863. С. 306.

[392] Там же. С. 265.

[393] Там же. С. 306.

[394] *Грот Я. К.* Екатерина II и Густав III. СПб., 1877. С. 2.

[395] *Козельский Ф.* Песнопение ея императорскому величеству... Екатерине II на победоносное ея оружие на севере и юге, на суше и на море. СПб., 1788. С. 8.

[396] Fyra aldeles Nya Krigs-Wisor. Falun, 1789. D. 2—3.

[397] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 4.

[398] Inpromtu, wid Hans Kongl. Höghet Hertig Carls ankomst til Norrköpings Stad. Stockholm, 1788. S. 4.

[399] *Lindebäck J.* Tal på hans höghet hertig Carl höga namnsdag... Stockholm, 1791. S. 7. «Вооруженными орлами» русская армия названа также в «Предупреждении Старкоттеру» Ю. Холмберга (*Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 3). В русской одической поэзии XVIII в. образ победоносного российского орла встречается постоянно, один из многочисленных примеров — «Ода на славнейшие победы, одержанные российской армиею в 1770 г.» (М., 1771) Ив. Верещагина:

Но презирая стены, грады
Российский дерзостный орел
Чрез рвы, чрез огнь и чрез ограды
С стремлением на них летел,
Густые мраки раздирая
И жарким гневом весь пылая,
Полетом делал в вздухе свист.

Или значительно более талантливая «Ода Российскому храброму во-

инству при объявлении войны противу Оттоманской Порты» (М., 1769) М. М. Хераскова:

Покинув Россы мирный храм,
К чему твоя их дерзость нудит
Подобно вьющимся орлам,
Которых вранов крик возбудит...
Летите, Росские орлы
Карать рушителей спокойства,
Во всех странах гремят хвалы
И слухи вашего геройства.

[400] *Петров В. П.* Приключения Густава III... С. 1.

[401] *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1994. Т. II. С. 285.

[402] Басни Эзопа / Пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1993. С. 119.

[403] Бабрий // Античная басня / Пер. с греч. и лат. М. Л. Гаспарова. М., 1991. С. 399.

[404] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986. С. 89.

[405] *Васильев В. Н.* Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII в.). Л., 1960. С. 38—39.

[406] Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 263.

[407] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии. М., 1704. Л. 39.

[408] Точно так же, по Феофану, в Риме во время Второй Пунической войны Ганнибал «исперва велик и страшен показася» (*Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 29); однако в предназначенном для массового зрителя виде эта идея не требовала подтверждения историческими аналогиями и приобретала сниженно-площадное воплощение.

[409] РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 201 об.

[410] Цит. по: *Кузьмин А. И.* Военная тема в литературе Петровского времени... С. 170.

[411] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1138.

[412] Образ пугающего зверей Льва был хорошо известен в России из «естествословных» источников. При этом в русских сочинениях на шведскую тему времен Северной войны приводились самые различные истории о львах; так, в «Царском пути» Ивана Максимовича сказано: «Повествуют естествословцы предивную левскую силу: гладом изможденный, хотя себе без труда лов прияти, многу часть общедши в непроходной пустыне, испускает глас, им же звери, тамо обретающиеся, аки мертвии от ужаса припадают и себе доброхотне в снедь несыту льву предлагают» (Цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература. СПб., 1862. Т. 2. С. 203—204). Однако этот мотив не нашел отражения в шведской поэзии.

[413] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 79.

[414] Några enfaldiga Rijm-Rader // РО Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1063—1064.

[415] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1019.

[416] Tal till minne af Konung Carl XII, hållit i Lund 100 år efter Dess död af J. J. Palm. Stockholm, 1819. S. 22.

[417] При этом подсчеты, в русских глазах демонстрирующие высокомерие шведов, а для шведов являющиеся объективной реальностью, во время Северной войны производились постоянно. Например, в письме А. Я. Хилкова о размене пленных говорится: «...все их генералы и офицеры за то сердитуют, что они офицеров с крестьяны рускими равно поставили. А прежде говорили, что за одного швецкого офицера надобно три русских на розмену» (РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3. Ед. хр. 10. № 4. Л. 651 об.).

Во время русско-шведской войны 1741—1743 гг. шведские авторы продолжали считать, сколько на одного шведского солдата приходится русских, однако пропорция 1 : 10 не встречается ни в одном сочинении этого времени, ни в официальных шведских реляциях, ни в стихотворениях следовавших за этими реляциями шведских авторов (например, в стихотворениях, посвященных сражению при Вильманстранде, говорится, что на одного шведа приходилось 8 или 5 русских, на 15 сотен — 16 тысяч и т. п.).

Подобные подсчеты являются характерной чертой шведских сочинений, выходивших на протяжении всего XVIII в. Шведские авторы победословий 1788—1790 гг. продолжали настаивать на многократном численном преимуществе русских, правда, количество врагов, приходящихся на одного шведа, в отличие от текстов начала столетия, сократилось вдвое. Например, в «Четырех совершенно новых военных песнях» (Фалун, 1789) говорится: «позволь им утешаться, что их сила велика // И не знать шведского монарха, // Который их накажет, один против пяти отваживается идти. // Несчастные русские, что же вы получите» (Fyra aldeles Nya Krigs — Wisor... D. 4).

В свою очередь в русских панегириках XVIII в. о количестве участников сражений говорится значительно реже, и называемые русскими авторами цифры кажутся не столь поразительными, как в шведских сочинениях. Так, в рукописном стихотворении «В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в 28 сентября 1708 года» сказано: «Сей Монарх тамо присутствовал, с неустрашенной храбростию будучи вождем всем своим в опасности, и гнавший три дни за Левенгауптом, которой хотя имел превосхождение числа людей, однако ж побежден был (он имел 16 000, а его царское величество токмо 10 000)» (РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 3).

При этом, говоря о шведской гордости и силе, русские панегиристы на многочисленность врагов хоть и крайне редко, но указывали: в «Торжественных вратах» (М., 1703) шведы сравниваются с сыновьями Ниобы, «яже и множеством и крепостью сынов своих ратных людей гордящаяся, множайших и честнейших в сей брани» (Торжественные врата... Л. 4). В русских панегириках начала 40-х гг. XVIII в. количество гордых и «насмешливых» шведов, как правило, не называлось.

Во время последней в XVIII в. русско-шведской войны 1788—1790 гг. о количестве неприятелей русские авторы говорили только в связи с их потерями, например, в «Прологе на случай победы, приобретенной над

шведами 1789 года июня 22 дня» (СПб., 1790) Н. Эмона сказано: «Остатки флота Готв в Свеаборг заключает, // И тамо с ужасом беды свои считает. // Пять тысяч воинства героев вождь взял в плен // И тысячи врагов низверг во прах и тлен» (*Эмон Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня. СПб., 1790. С. 232).

[418] Poetiska blommor på Helikon hämtade. Uppsala, 1732. S. 12.

[419] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 1.

[420] Ibid. S. 1—10. Эта рифма встречается в шведских панегириках 20х гг. XVIII в., например, в стихотворении В. Крузе: «С Давидом он [Карл. — *М. Л.*] сражался против Львов и Медведей, // Он превосходил быстрых Орлов» (цит. по: *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner. Lund, 1951. S. 91). Правда, здесь Медведь не обозначает ни Швецию, ни Россию.

[421] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 369, 394.

[422] *Helander H.* Olof Hermelin, Ad Carolum XII, Svecorum Regem, de continuando adversus foedifragos bello // Kungl. Humanistiska Vetenskaps — Samfundet i Uppsala. Uppsala, 1990. S. 72.

[423] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 914—919.

[424] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden... S. 370—371.

[425] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 194.

[426] Seger-Sång öfwer den makalösa undsättningen af Narva Stad... // ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 981.

[427] *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 30—35.

[428] Ibid. S. 113. В шведской и русской поэзии некоторые звери всегда ассоциировались с врагом: «О, Герои! Вашими трудами отвергнуты требования московских тигров» («Ода шведской армии». Стокгольм, 1788) К. Г. Нордфорсса (Nordforss); «Не испугает твое мужество штурм Леопардов» (ода «На мир с императрицей России». Лунд, 1743) М. Абелина (Abelin), или русское аллегорическое изображение времен Северной войны «Властолюбия неправедного»: «верхняя одежда — кожа барсовая, знаменующая звериную свирепость сердца друговредительную» (цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России... С. 97). В России в этот список кошачих включается и обозначающий Швецию Лев: «Орлы, как вы еще веселой глас послали? // Подкрались Тигры к вам, внезапно Львы напали» («Венчанная надежда Российския империи». 1742 г. Г. Юнкера, пер. Ломоносова).

[429] Записки Юста Юлия. М., 1900. С. 116—117; 134.

[430] Цит. по: *Emanuel Swedenborg.* Ludus Heliconius and other Latin poems, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander. Uppsala, 1995. S. 157.

[431] Hwar Redlig Swensks Tankar öfver Krigs Kungiörelsen emot Czaren af Ryssland. Stockholm, 1741. S. 1.

[432] Поездка в Швецию в 1839 году Ивана Головина. СПб., 1840. С.

59.

[433] Записки Желябужского с 1682 по 2 июня 1709. СПб., 1840. С. 82—83.

[434] *Goeding A.* Korta Betrachtelser öfver de till den Allmäna Tacksahelse Dagens... vår Allernådigste Konung Carl den XII emot sina arga tro-och samvetlösa Fiender Ryssarna... 1701.

[435] Sannfärdig berättelse om the Ryska fångars ankomst til Stockholm. Stockholm, 1702. S. 2.

[436] *Гавриил Бужинский.* Ключ дому Давидову, на рамо богохранимой державе российской от триипостасного победителя данный... М., 1722. Л. 13 об.

[437] *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута, егда Российским гребным флотом пленен Шведский Шаутбейнахт с Фрегатом и немалым числом других судов. СПб., 1720. 10—11 об.

[438] Там же. Л. 10 об.

[439] *Витберг Ф.* Мнения иностранцев-современников о Великой Северной войне // Русская старина. 1893. Т. 79. Авг. С. 270. Действительно, на протяжении всего XVIII века европейские авторы писали о победах маленьких шведских отрядов над огромными русскими армиями (эти сведения проникали также в переводившиеся в России книги), например, в «Дневнике» И. Г. Корба сказано, что «граф Яков де-ля Гарди, генерал Шведской службы, в 1611 году с 8000 разбил 200000 московитов» (Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 202), а в «Краткой истории королевской шведской фамилии... с присовокуплением некоторых замечаний» — «о войне с Россиею, начинавшейся в государствование короля Эрика, можем только сказать то, что Генерал Николай Акезон в 1573 году пошел с войском, состоявшим из 700 шведов якобы против 16000 Россиян, одержал над ними у Лоде в Лифляндии победу» (С. 13); здесь «замечания» свелись к тому, что противники шведов названы не московитами, а россиянами, и что русский переводчик усомнился в такой многочисленности русского войска — «якобы против 16 000».

[440] Там же. С. 271.

[441] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... С. 408—410.

[442] *Витберг Ф.* Мнения иностранцев-современников о Великой Северной войне... С. 271.

[443] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 386, 387, 387a.

[444] Там же. S. 950.

[445] Там же. S. 957.

[446] *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 25—26.

[447] *Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen. Stockholm, 1788. S. 2, 3.

[448] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 306.

[449] Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789. С. 39.

[450] Там же. С. 17.

[451] В елизаветинское царствование о Полтавской битве вспоминали и в связи с русско-шведской войной 1741—1743 гг., при этом русские

панегиристы, как правило, отмечали, что год рождения императрицы совпал с Полтавской победой: «Подлинно Благочестивейшая Отечества Мати, внятен тогда был слух оружия Христолюбиваго Родителя Твоего в победоносном и всерадостном году рождения Твоего, аще и всем повсюду слухом, то наипаче свейскому народу и видом, и слухом внятен был» (*Платон Петрункович*. Слово... Проповеданное в викториальный день восприятия высокославнейшим Монархом Петром Великим победы под Полтавою... Л. 11 об.).

[452] Цит. по: *Шляпкин И. А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 285—286. Кроме того, существует рассказ о Нарвской битве самого Карла XII (РГАДА. Ф. 20. № 1); автор этой записки «к баталии не успел и однако ж король... о всем деле как было сначала и до окончания указывал» (Л. 1). А чуть ниже он жалуется, что «шведы в небытность мою из Ревеля канцелярию мою совсем взяли» (Л. 3).

[453] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 387a.

[454] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 406.

[455] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1140.

[456] Tal till minne af Konung Carl XII, hållit i Lund 100 år efter Dess död af J. J. Palm... S. 38.

[457] *Rudbeck O.* Ou Aloe. Uppsala, 1711. S. 1—4.

[458] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1144.

[459] Там же. N. 49, fd. 14.

[460] Там же. Palmsk. 15. S. 1125.

[461] Там же. S. 1134.

[462] Там же. S. 1125.

[463] *Перетц В. Н.* Очерки по истории поэтического стиля в России (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.). СПб., 1907. Вып. 5. С. 3; *Шарыпкин Д. М.* Шведская тема в русской литературе Петровской поры // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 60.

[464] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1135.

[465] Там же. Palmsk. 386. S. 949.

[466] Записки Желябужского с 1682 по 2 июня 1709... Приложение.

[467] *Бакланова Н. А.* Вирши — панегирик Петровского времени // ТОДРЛ. М.; Л. 1953. Т. IX. С. 407.

[468] Поздравительные стихи Петру Великому // Русский архив... С. 155.

[469] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных Пресветлейшего и Августейшего Державнейшего и Непобедимейшего Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца в кратце списана стихами поетыцкими. Амстердам, 1700. С. 32.

[470] Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на векопомное прославление. Чернигов, 1710. Л. 38.

[471] Там же. С. 37—38.

[472] В «Славе торжеств и знамен победных...» того же И. Копиевского говорится не только о распространении власти российского царя «до

конец земленых», но и о наполнении монархом своих земель людьми: «Тезей всю землю свою людми наполняя...» (С. 14).

[473] Изъявление фейерверка. М., 1709—10. № 5.

[474] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 174—176.

[475] Ibid. S. 82.

[476] Ibid.

[477] Ibid. S. 84.

[478] ОР Библиотеки университета Упсалы. H. 159 a. Л. 32 об.

[479] *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л. 1961. С. 127.

[480] *Иоасаф* (*Заболоцкий*). Слово о действии мужества в день Александра Невского. 1775. Л. 2 об.

[481] *Феофан Прокопович*. Сочинения... С. 126.

[482] Там же. С. 127.

[483] Там же. С. 119.

[484] Правда, раньше, в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе... в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной», Феофан, напротив, подчеркивал силу России, против которой выступила Швеция: «не безсилием бо православное сие царство толико разширися, яко вся западныя государства противу величествия его суть, яко реки противо безмернаго океана» (*Феофан Прокопович*. Сочинения... С. 24). Вероятно, чтобы говорить о слабости начала столетия, должна была появиться некоторая «историческая дистанция», 9 лет для подобных заявлений было недостаточно. Точно так же о силе российского царя говорится и в других посленарвских изданиях Копиевского, например, в «Святцах, или Календаре» (Амстердам, 1702): русский царь «...всея северныя страны Повелитель... и иных многих государств и земель восточных и западных и северных очоч и дедич и наследник». По мнению Копиевского, будущие успехи Петра имели крепкую основу. В свою очередь шведские авторы начала столетия писали о многочисленности русского войска, которая не спасла его от поражения от шведов. Например, с заявлением Копиевского, что Петр «наполняет государства свои людьми», коррелирует следующий фрагмент из «Истории походов Карла» (Стокгольм, 1741) Дрюандера: «эта великая Победа принудила русских снова оставить земли, которые они наводнили» (С. 16).

[485] РГАДА. Ф. 18. № 171.

[486] *Emanuel Swedenborg*. Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum... S. 148.

[487] Samuel Älf's collection. Diocesan Library of Linköping. XV. 171 ff.

[488] РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 2.

[489] *Галеневский И*. Ода на всерадостнейшее торжество высочайшаго восшествия на престол Елизаветы Петровны 1751 г. ноября 25 // РГАДА. Ф. 17. № 171. Л. 22.

[490] *Иосиф Туробойский*. Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 19.

[491] Там же. Л. 39.

[492] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 905.

[493] Торжественная врата, входящая в храм безсмертныя славы непо-

бедимому имени. М., 1703. Л. 4.

[494] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 64—65.

[495] Торжественная врата... Л. 7 об.

[496] Хвала на славы пространного одоления от всепресветлейшаго и державнейшаго великаго государя царя и монарха Петра Алексеевича над шведами у Полтавы июня в 27 день 1709. Жертвенно поднесено его царскому величеству при триумфальном приходе в Москву декабря в 21 день // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1, оп. 2. Ч. 2. № 53. Л. 10 об.

[497] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 25.

[498] *Goeding A.* Panegyricus illustrissimo excellntissimoque domino comiti, Carolo Piper... Uppsala, 1703. S. 2.

[499] *Emanuel Swedenborg.* Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum... S. 56.

[500] *Вертоградский Н. И.* Нарвский триумфальный щит. Из нарвской художественной старины. СПб., 1908. С. 5.

[501] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 483.

[502] *Goeding A.* Panegyricus illustrissimo... S. 2.

[503] *Rudbeck O.* Sorge — Qwäde öfwer den Stormägtigste Konung Karl XII... Uppsala, 1719. S. 6.

[504] *Стефан Яворский.* Риторическая рука. СПб., 1878. № 17.

[505] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 14. S. 471.

[506] *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III. М., 1996. С. 231—232.

[507] *Феофан Прокопович.* Слово похвалное о флоте российском и о победе галерами российскими над кораблями шведскими иулия 17 полученной. СПб., 1720. Л. 4.

[508] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 1019.

[509] *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная... Лл. 30—31 об.; 38—38 об.

[510] ПЛДР. XVII век. Кн. 3. Т. 12. М., 1994. С. 331.

[511] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 950.

[512] *Rudbeck O.* Sorge — Qwäde öfwer den Stormägtigste Konung Karl XII... S. 13.

[513] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 982.

[514] *Dalin O.* Ode öfver Slaktningen wid Wilmanstrand. Stockholm, 1741. S. 6.

[515] Bön emoth Christenhetenes Fiende Turcken och hans tyranniske Anhang. Stockholm, 1683. S. 2.

[516] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 329, 370.

[517] Врата Триумфальныя в царствующем граде Москве на вход Царскаго Священнейшаго Величества Императора Всероссийскаго, Отца Отечествия Петра Великаго с торжеством окончанной войны благополучным миром между Империею Российскою и Короною Шведскою. М., 1721. Л. 7 об.

[518] *Козельский Ф.* Песнопение Ея Императорскому Величеству пресветлейшей, державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине II на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море. СПб., 1788. С. 6.

[519] Там же. С. 7.

[520] *Крузиус X.* Описание обоих триумфальных ворот, поставленных в честь державнейшей великой государыни императрицы Елизаветы Петровны по восприятии в Москве короны, Швецию победившей, всю Финляндию державе своей покорившей и торжественно в Санктпетербург возвратившейся... СПб., 1742. С. 13.

[521] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 14. S. 470.

[522] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1010.

[523] Записки Желябужского... С. 108.

[524] Там же. С. 223.

[525] *Гавриил Бужинский.* Ключ дому Давидова... Л. 15.

[526] Там же.

[527] Слово о богодарованном мире в день обрезания Господня 22 января 1722 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Ч. 2. № 53. Л. 290.

[528] *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о баталии Полтавской. СПб., 1717. Л. 6.

[529] *Carlsson C.* Försök til swänske skald-konstens uphielpande. Stockholm, 1738. T. 2. Avd. 1. S. 53.

[530] Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 11 об.

[531] Д. Шарыпкин, обративший внимание на это обстоятельство, опубликовал стихотворный панегирик Елизавете «Воскликновение к Ея императорскому величеству», содержащий характерное двустишие: «И в какое кратко время возвратила нас к покою, // Что им длилось лет чрез двадцать, то зрим в два года в тобою» (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 75.).

[532] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 54.

[533] Ludus Heliconius... S. 25.

[534] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 46.

[535] РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 244.

[536] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 19.

[537] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 27. Точно так же в России осуждается и «доброй» не признается любая шведская хитрость. В «Примечании и историческом объяснении на объявление его величества короля Шведского, изданном в Гелзингфорсе в 21 день июня 1788 г.» приводится послужившая поводом к последней в XVIII в. русско-шведской войне так называемая «шведская сказка»: 24 шведских солдата переоделись казаками и сожгли дом некой вдовы (надо понимать, что внимание акцентируется не на масштабах причиненного ущерба, а на самой этой акции; точно так же в «Журнале, или Поденной записке» сказано, что «в 4 день получена ведомость от него же Генерала Майора Князя Голицына, что помянутые Англинский и Шведский флоты 2 числа, высадя своих людей на Нарген остров, сожгли избу да баню» (Ч. 2. Отд. I. СПб., 1772. С. 132). В России эта «хитрость» осуждается как провокация.

[538] *Carlsson C.* Försök til swänske skald-konstens uphielpande... T. 2. Avd. 1. S. 53.

[539] Торжественная врата входящая в храм безсмертныя славы... Л. 12.

[540] Hervarar saga på gammal götska med notis. Upsalae, 1671. S. 6.

[541] *Eriksson G.* Rudbeck, 1630—1702... S. 326, 345, 450.

[542] *Kenneth J.* Knoespel. The Edge of the Empire: Rudbeck and Lomonosov and the Historiography of the North... P. 132.

[543] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 303.

[544] Ibid. S. 383.

[545] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 14. S. 451.

[546] Там же. 15. S. 977.

[547] *Emanuel Swedenborg.* Camena Borea... S. 72.

[548] *Dryander J.* Kort uttåg af Konung Carl then XII historia. Stockholm, 1709. S. 142.

[549] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 304.

[550] *Carlsson C.* Försök til swänske skald-konstens uphielpande... 1737. T. 1. Avd. 3. S. 19.

[551] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 98.

[552] «Протестантские писатели часто видели в “судьях Израильских” прототипы шведских королей-воинов... В произведениях многих авторов Густав Адольф и Карл XII играют роль Гедеона» (*Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 408).

[553] *Goeding A.* Korta Betrachtelser öfver de till den Allmäna Tacksahelse Dagens... vår Allernådigste Konung Carl den XII emot sina arga tro-och samvetlösa Fiender Ryssarna... S. 1.

[554] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 1019.

[555] Там же. 15. S. 907.

[556] Там же. 15. S. 1073.

[557] Там же. 387. S. 1195.

[558] *Rudbeck O.* Sorge — Qwäde öfwer den Stormägtigste Konung Karl XII... S. 25.

[559] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 2 об.

[560] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 34.

[561] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 2 об.

[562] *Одесский М. П.* Очерки исторической поэтики русской драмы. Эпоха Петра I. М., 1999. С. 139.

[563] Вирши о взятии Азова в 1696 году // ТОДРЛ. М.; Л. 1958. Т. XIV. С. 432.

[564] Краткая всеобщая история господина Ла Кроца, пересмотренная и умноженная разными примечаниями от господина Формея, переведенная с французского языка на российский с прибавлением вкратце Российской, Шведской, Датской и Голштинской историй и умноженная хронологическим повторением. СПб., 1766. С. 44.

[565] Краткая история королевской шведской фамилии, именуемой Густавов... С. 51.

[566] *Крузиус X.* Описание обоих триумфальных ворот... С. 3.

[567] Описание фейерверка и иллуминации, которые при торжествовании заключеннаго между Ея Императорским Величеством Самодержицею всероссийскою и Короною Шведскою вечного мира 15 сентября 1743. СПб., 1743. Л. 13—13 об.

[568] *Höpken A. J.* En wäns bref ifrån Danzig til sin wän i Konigsberg angående action wid Wilmanstrand. Stockholm, 1741. S. 3.

[569] *Busser J. B.* Den Namnkunniga Ryska Käjsarinnan Elisabeths historia. Uppsala, 1771. S. 25.

[570] Ibid. S. 26.

[571] В отличие от военных стихотворных панегириков времен Северной войны, в начале 40-х гг. XVIII в. русские поэты, как и их шведские коллеги, создают силлабо-тонические оды: стихотворения Ломоносова, Леенберга и некоторые оды Далина написаны 4-стопным ямбом; «Ода на мир между Россией и Швецией» Далина и анонимное русское «Восклйкновение к Ея императорскому величеству» — 4-стопным хореем (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха... С. 168).

[572] Hwar Redlig Swensks Tankar öfver Krigs Kungiörelsen emot Czaren af Ryssland. Stockholm, 1741. S. 1—7.

[573] *Leenberg A. D.* The hemmawarande Swenska(r)s Fägnesamma påminnelse af theras Bröders i Finland then 23 aug. 1741 under Högwälborne Herr Barons och Gen. Majorens Carl Henric Wrangels Hjeltemodiga anförande wid Wilmanstrand bewista tapperhet. Stockholm, 1741. S. 2.

[574] *Hesselius A.* Den gamla Starkotters utlåtelse öfwer Actionen med Ryssen wid Willmanstrand... S. 5.

[575] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 8.

[576] *Leenberg A. D.* The hemmawarande Swenskas Fägnesamma påminnelse... S. 3.

[577] Til Magistraten och Borgerskapet i Åbo. Stockholm, 1788. S. 2.

[578] *Dalin O.* Ode öfwer slaktningen wid Willmanstrand... S. 1.

[579] *Hesselius A.* Den gamla Starkotters utlåtelse öfwer Actionen med Ryssen wid Willmanstrand... S. 8.

[580] *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle... S. 8.

[581] *Dalin O.* Ode öfwer slaktningen wid Willmanstrand... S. 2.

[582] Ibid. S. 3.

[583] Ibid. S. 8.

[584] *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Swerige och Ryssland. Uppsala, 1791. S. 9.

[585] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 79. Этот мотив проник в русское сатирическое стихотворство времени русско-шведской войны 1788—1790 гг: «Прошу тебя, Густав, всех Готов пожалеть, // Во аде их уже куда не знают деть» («Послание из царства мертвых» — «Беседующий гражданин». 1789. Ч. 3. С. 370—371), или «Уж Стиксовы брега мундирами оделись, // Синеют все поля, долины зажелтелись» (Там же. С. 368).

[586] *Abelin M.* Öfver Freden med Kejsarinnan af Ryssland. Lund, 1743. S. 4.

17 — 9799

В свою очередь в России тяжесть шведского меча лишь подчеркивала слабость его обладателя: «А ты продерский Готф и смелый, // Тыль в Росские опять пределы // От Россов крыться прибежал? // Велик твой меч, но сам ты мал» (*Козельский Ф.* Песнопение Ея императорскому величеству... на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море... С. 8).

[587] *Dalin O.* Ode öfver Freden emellan Swerige och Rysland... S. 1.

[588] *Törngren A.* Afgrunds wrede, blixt och dunder, himlens mildhet, nåd och under, eftersinnat: wid hans Kongl. Höghet, hertig Adolph Fredrichs ankomst til Swerige... Stockholm, 1743. S. 4.

[589] Bihang til Wärfning-Patentet Rörande et Nytt Parti utan namn af den välmenande Eremiten. Cederholm, 1769. S. 3.

[590] *Херасков М. М.* Епистола на день Высокоторжественного Коронования Ея Императорского Величества... Екатерины Алексеевны... СПб., 1763. В шведской панегирической поэзии «революция», совершенная Густавом III, оценивается так же, как приход к власти Екатерины — в русской. Так, в одном из многочисленных шведских панегириков 1776 г., посвященных именинам Густава III, стихотворении Ю. Эклунда (Ekelund) говорится, что в Швеции «вновь оживает наша истинная государственная честь, // Ибо великий Король взял государственный скипетр в руку» (*Ekelund J.* Carlshamns underdåniga fägnads betydelse då hans Kongl. Maj:ts... höga Namns-dag inföll. Carlscrona, 1776. S. 4). В панегирической речи М. Чевентера (Keventer) говорится о «болезнях, которые поразили тело государства» и от которых Швецию избавляет пришедший к власти Густав III (*Keventer M.* Tal för Stadens äldste i Uppsala höge Namnsdag. Uppsala, 1776. S. 8), а в том же стихотворении Эклунда сказано, что «сейчас начинает Манхейм выходить из своей спячки» (знаменитая книга О. Рудбека называется «Атлантика, или Манхейм»). В России же об этом событии могли узнать из издания лекций И. Г. Рейхеля, прочитанных им в Москве в 1773 г., «История о знатнейших европейских государствах» (М., 1788), где в параграфе 13, кроме прочего, говорится: «После венчания его столь увеличилась вражда между Сенаторами, Государственными чинами и Королем, что Густав III 19 августа захватил Сенаторов, Аристократическое начальство утеснил, королевскую власть распространил и Государственных чинов принудил утвердить присягою новую форму правления, состоящую из 57 статей» (С. 393).

При этом авторы шведских панегириков Густаву и русских — Екатерине говорят о видимых улучшениях, происшедших сразу же после вступления на трон нового монарха: «С того времени, как Ея Императорское Величество престол Российский принять соизволила, мы час от часу видим действием самым плоды трудов Ея Величества собственных, отечеству нашему полезнейшее» (Прибавление к № 61 «Санктпетербургских ведомостей», 30 июля 1762 г.).

[591] ОР РГБ. Ф. 2. № 64. Л. 24 об.

[592] *Симон Тодорский.* Слово в день рождения Елизаветы Петровны. М., 1747. Л. 10 об.

[593] *Феофан Прокопович.* Слово о мире со Швецией. СПб., 1723. Л. 6.

[594] Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого... С. 13.

[595] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня. СПб., 1790. С. 130.

[596] Точно так же в «Мнениях» Ю. Г. Оксеншерны отмечается, «что желание наполнять брюхо служит больше знаком нашего несовершенства, нежели доброго вкуса разумного человека» (Мнения нравоучительные... С. 174).

[597] Нравоучительныя и полезныя рассуждения, выбранные из разных авторов. М., 1761. С. 17.

[598] О мудром попечительстве древних шведов для пресечения расширяющиеся роскоши // Ежемесячные сочинения. 1764. С. 240.

[599] О борьбе шведских монархов с этим пороком хорошо знали в Европе: в диалоге Г. Мабли «О законодательстве, или Принципы законов» (Амстердам, 1776) говорится о презрении шведов к богатству и их добродетельной бедности (*Мабли Г.* Избранные произведения. М.; Л., MCML. С. 39—71). В России также создавались нравоучительные сочинения на эту тему: в напечатанной в «Беседующем гражданине» (1789. Ч. 1) статье «Придорожная гостиница, или Нечаянная беседа» говорится, что «роскошь есть первый шаг к падению блистающего богатством и вознесеннаго славою Государства» и что она «в разнеженных чувствах гражданина усыпляет сыновнюю его горячность к отечеству и усердие к общему благу» (С. 7). Правда, в отличие от Швеции, где в 1794 г. вышел королевский указ «Об уменьшении роскоши», в России появление подобных запретительных законов не приветствовалось; по мнению русских авторов, «законы, прекращающие роскошь, чем подробнее, тем более теряют своего величия и почтения, которое должны вдыхать, тем более подвержены посмеянию и пересуживанию, а напоследок послужат к уверткам» («О роскоши» // Беседующий гражданин. Ч. 3. С. 335) и «надобно, чтобы оные непосредственно паче внушали, нежели приписывали простоту и скромность» (Там же. С. 337).

[600] Примечания и историческое объяснение на объявление его величества короля Швецкого... С. 61.

[601] Rysk berättelse om sjöslaget den julii 1789 och öfversatt på Swenska med anmärkningar. Stockholm, 1789. S. 1.

[602] Anecdoter ifrån Finland. Stockholm, 1789. S. 2.

[603] *Odel A.* De makalöse Högstsalige Konungarnas Konung Gustaf Adolf och Konung Carl den Tolftes Rop... Stockholm, 1741. S. 1.

[604] Hwar Redlig Swensks Tankar öfver Krigs Kungiörelsen emot Czaren af Ryssland... S. 5.

[605] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 3.

[606] Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. С. 190.

[607] Новые ежемесячные сочинения. 1788. Дек. С. 65.

[608] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 4.

[609] *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Swerige och Ryssland... S. 11.

[610] «Ода, посрамленный герцог Зюдерманландский, или Преславное отражение шведского флота, учиненное адмиралом Чичаговым 1790 года маия 2 числа». Использованная в этом стихотворении рифма «шведы» — «победы» является рифмой-мифологемой (термин А. А. Илюши-

на). В русской поэзии существует набор рифм, закрепленных за словами «швед», «шведы», «Швеция». В текстах Петровского времени рифмы «России — Свии» (Торжественные врата...), «свийский — российский», «российску — свийску», «российский — свецийский» (Преславное торжество...) создают антитезу Россия — Швеция.

К 40-м гг. XVIII в. постоянной рифмой становится: «шведы — победы». «От Нарвской обуяв сомнительной победы // Шатались мыслями и войск походом Шведы» («Петр Великий» Ломоносова), указанный фрагмент «Оды, посрамленный герцог Зюдерманландский», или: «Сыны любимые победы, Сквозь дым окопов рвутся шведы» (в «Полтаве» А. С. Пушкина).

Другая рифма-мифологема: «шведа — соседа», либо нейтральна, и слово «сосед» никакими пейоративными эпитетами не сопровождается («Лишь сказали нам под Шведа, // В нас сердечки закипели. // Лишь найтить бы нам соседа, // Мы тотчас бы завертели» — «Поход под Шведа» (СПб., 1790) И. А. Кокошкина), либо составляет часть инвективного высказывания («Се тот, что доблыственно сражался днесь со Шведом, // Со вероломным сим и дерзостным соседом» — «Стихи на кончину адмирала Грейга» — Новые ежемесячные сочинения. 1788. Дек. С. 64). В шведской поэзии подобные рифмы встречаются крайне редко, а постоянных рифм к слову Ryssland нет вообще: насмешливое «moscoviter — iezuiter» Руниуса, трагическое «moscoviter — i gräset biter» («пасть в сражении») у О. Рудбека или «Ryssland — hand» в «Narva Triumphans» единичны (в последнем случае идет речь о пленных русских, снявших шляпы и держащих их в руках).

[611] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами... С. 230.

[612] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 4.

[613] *Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen... S. 2, 3.

[614] *Leopold C. G.* Öfveren Segren vid Hogland... S. 2.

[615] *Bellman C. M.* Embarqueringen på Kongl. Skeppsholmen den 23 Junii 1788. Stockholm, 1788.

[616] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей... С. 116.

[617] Краткая всеобщая история господина Ла Кроца. СПб., 1766. С. 3.

[618] Там же. С. 1. В русской литературе второй половины XVIII в. произведения, повествующие о «забавных и баснотворных переменах» иностранцев, пользовались большой популярностью, например, были изданы «Приключения девицы Мак Реа. Истинная американская повесть» (М., 1788), события которой происходят во время войны в Америке, и влюбленные герои которой принадлежат к враждующим партиям, или «Приключения англичанина Едуарда Вальсона» (Тамбов, 1790).

[619] *Рейхель И. Г.* История о знатнейших европейских государствах с кратким введением в Древнюю историю, продолженную до нынешних времен. М., 1788. С. 389.

[620] История или описание жизни Карла XII, короля Шведского. СПб., 1777. С. 93.

[621] *Вольтер.* История Карла XII, короля Шведского. М., 1803. С. 10—11.

[622] *Аллец П. О.* Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого, первого императора всероссийского. СПб., 1788. С. 29.

[623] *Kleming G. E.* Konung Alexander: en medeltids dikt: från latinet vänd i svenska rim omkring år 1380 // Samlingar utgivna av Svenska fornskriftssällskapet. Serie 1. Svenska skrifter, 23: 25: 39. Stockholm, 1855—1862.

[624] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 950.

[625] В стихотворении «Его Королевскому Высочеству... Карлу XII» (Стокгольм, 1698) О. Вексиониуса (Wexionius) Карлу предлагается быть «в мире Соломоном, в войне — Александром» (Palmsk. 15. S. 868). Правда, первая аналогия в европейской литературе не прижилась (хотя в шведской панегирической поэзии и получила некоторое распространение: в 1688 г. было издано "Seculum Solomonum" М. Ю. Вольфа (Wolf; Palmsk. 15. S. 900), где Карл сравнивался с Марсом и с Соломоном, в панегирике Карлу 1714 г. сказано, что он «украшен большим блаженством, чем царь Соломон» (Palmsk. 15. S. 1134), а в «Печальной эпической песни» (Упсала, 1719) О. Рудбека упоминаются мудрый Соломон и храбрый Давид (С. 9).

[626] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 949.

[627] *Rudbeck O.* Sorge-Qwäde... S. 5.

[628] Сочинение шведа Ларса Юхана Эренмальма о состоянии России при Петре I // Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 224.

[629] *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 21.

[630] Ibid.

[631] Kort uttåg af Konung Carl then XII historia. Stockholm, 1709. S. 142.

[632] *Васильев В. Н.* Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII в.)... С. 38.

[633] Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу гр. Б. П. Шереметеву. М., 1774. С. 124.

[634] Рассуждения Фридриха II, короля Прусского, о свойствах и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789. С. 46.

[635] *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 71.

[636] Письмо барона Голберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Швецким. СПб., 1788. С. 7.

[637] Там же. С. 18.

[638] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 54.

[639] *Беляев О.* Дух Петра Великого, императора Всероссийского, и соперника его Карла XII, короля Швеции. СПб., 1798. С. 57.

[640] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 387. S. 1134. Правда, с персами русское войско сопоставлялось еще до начала Северной войны. Так, в дневнике Корба об устройстве русской армии сказано: «Чего желал Харидем в лагере Дария, того и доселе еще нельзя найти среди московитов, а именно, крепкаго строя опытных и закаленных солдат...» (*Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию... С. 208).

[641] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения... С. 307.

[642] Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей, по примеру Плутархову, сочиненное Лудовиком Голбергом. СПб., 1766. С. 3.

[643] Там же. С. 159. Характерно, что перевод статьи о Петре в книге отсутствует, зато имеется сноска: «Сей государь сравнивается с российским императором Петром Великим; но понеже дела сего славного монарха не токмо у Россиян, но и у чужестранцов находятся еще в свежей памяти, а сверх того от сочинителя не везде исправно описаны, того ради его история здесь выпускается» (С. 203).

[644] *Emanuel Swedenborg*. Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander... S. 135.

[645] Olof Rudbecks sonens Nora Samolad. Uppsala, 1701. S. 4.

[646] *Emanuel Swedenborg*. Ludus Heliconius and other Latin poems, edited, with introduction, translation and commentary by Hans Helander... S. 183.

[647] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 957.

[648] *Windahl E. A.* En liten rimmares försök... S. 8.

[649] Точно также в стихотворении Ю. Эклунда «на высокие именины» Густава III сказано, что «он пришел, он увидел, он победил», правда не врагов, а «гордое покорившееся окружение» (*Ekelund J.* Carlshamns underdåniga fägnads betydelse då hans Kongl. Maj:ts... höga Namns-dag inföll. Carlscrona, 1776. S. 8). При этом шведский панегирист «развивал» этот афоризм: «Он хочет, он может, он знает, как одолеть все несчастья» (Ibid.).

[650] Цит. по: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 37.

[651] Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 68.

[652] Записки Христины, королевы Шведской... С. 19.

[653] Жизнь и военные подвиги шведского наследного принца Понтекорво, бывшего французского генерала Бернадота. М., 1813. С. 37.

[654] Там же. С. 53.

[655] Цит. по: *Westerlund O.* Karl XII i svensk litteratur från Dahlstierna till Tegner... S. 324.

[656] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 381.

[657] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 386. S. 802.

[658] *Bergstedt A.* Öfver freden, som slöts i Werele den 14 augusti 1790. Strängnäs, 1790. S. 18.

[659] *Гольберг Л.* История разных героинь и других славных жен. СПб., 1767. С. 137.

[660] Записки Христины, королевы Шведской... С. 116.

[661] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 187.

[662] *Беранже Л.* Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов. М., 1790. С. 259.

[663] Там же. С. 38.

[664] Там же. С. 43.

[665] Там же. С. 46.

[666] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 176.

[667] Там же. С. 167.

[668] Записки Христины, королевы Шведской... С. 79.

[669] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 172.

[670] Там же. С. 169.

[671] Там же. С. 138, 143.

[672] Записки Христины, королевы Шведской... С. 114.

[673] Там же. С. 68.

[674] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 161.

[675] Там же. С. 168.

[676] На приглашение шведской королевы поселиться в Швеции Декарт отвечает: «Человеку, рожденному в Туренских садах, уединившемуся в такую землю, где хотя меньше было меда в самом деле, но может быть больше млека, нежели в обетованной Израилитянам земле, не можно решиться скоро оную покинуть и идти обитать в земле медведей посреди вертепов и льдов» (Записки Христины, королевы Шведской... С. 39), в Швеции же он якобы переиначил свое знаменитое изречение «Cogito ergo sum» в «Мерзну, следовательно существую».

Надо отметить, что это не единственный случай, когда житель южных стран боится шведского климата и поэтому не спешит принимать приглашение шведского монарха; так, сопровождавший Карла XII после Полтавы грек Серафим свой разговор с королем на эту тему пересказывает следующим образом: «Король шведский через канцлера Милярса спрашивал меня, хочу ли я с ним ехать в Швецию? Я отвечал прямо: не хочу. Король удивился и спросил: так ли отвечают королям? И сказал я так: "... вы знаете, что ваш климат диаметрально противоположен нашему, и мы не можем стерпеть холода вашего климата"» (*Есипов Г. В.* Люди старого века... С. 392).

[677] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 365.

[678] *Комон де ла Форс Шарлотт де Роз.* Геройский дух, или любовные прохлады Густава Вазы, короля Шведского. СПб., 1764. С. 25.

[679] Там же.

[680] *Катто-Каллевиль Ж.-П.* Всеобщее Швеции изображение. СПб., 1797. С. 328.

[681] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 188.

[682] Там же. С. 167.

[683] Там же. С.189.

[684] Там же. С. 58.

[685] Underdånigt tal på... Konung Gustaf III Höga födelsedag. Stockholm, 1779. S. 8.

[686] *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей... С. 238.

[687] Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля Шведского. № 1. Известие о происшедшем против Короля в ночи с 16 на 17 число 1792 года убийственном умысле... СПб., 1792. С. 3.

688 Там же. С. 12. Кроме того, в России был издан переведенный с немецкого «Разговор в царстве мертвых несчастного Лудовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III, королем шведским» (М., 1793), главным героем которого является французский король.

689 Там же. С. 3.

690 *Busser J. B.* Den Namnkunniga Ryska Käjsarinnan Elisabeths historia. Uppsala, 1771. S. 84. В книге Д'Аламбера та же привычка королевы Христины подчеркивается, но никак не объясняется («...переодевшись в мужское платье, была в нем большую часть пути» — Записки Христины, королевы Шведской... С. 67), о ее внешнем сходстве с мужчинами Д'Аламбер говорит особо: «Она прибыла наконец в Фонтенебло и, удивляясь учтивости двора, спрашивала, для чего тамошние женщины казались с такою ревностию целовать ея; не потому ли, говорила она, что я похожа на мущину» (Там же. С.74); в «Историческом словаре знаменитых женщин» Лекруа в статье о Христине приводит отзыв о ней мадемуазель Монпенсье, где, в частности, говорится: «она мне показалась прелестным маленьким мальчиком» (*De La Croix G.-F.* Dictionnaire historique portatif des femmes célèbres... P. 46).

691 Ibid. S. 82.

692 Ibid.

693 Anecdoter utur Kejsarinnan Catharina II och Kejsaren Paul I jämte hans Familles Privat — lefnad. Stockholm, 1798. S. 27. Большинство «историй» русских императриц были изданы в Швеции в начале XIX в.: в 1809 г. в Стокгольме появился перевод французской книги Й. Х. Кастера (Castera) «История российской императрицы Екатерины II» (второе издание вышло в 1810 г.), а в 1811 г. в Стокгольме же — книга К. Эльмена (Elmen) «Жизнь российской императрицы Екатерины I».

694 Märkwärdiga och nöjsamma Siberiska anecdoter. Westerås, 1790. S. 218.

695 Samtal emellan en Swensk och Rysk officerare angående den i werlden bekante Ryska stats-ministren Prins Menjikoffs hastiga Uphöijelse af Czar Petter den I same oförmodelige Tall och nedstörtande af Czar Petter den II. Stockholm, 1734. S. 54.

696 *Juringius P.* Lefvernes beskrifning om gref Burchard Christoffer v. Munnich Kejserlig Rysk Fältmarskalk, känd för sina falttåg emot Danssig och Turkarna, som deltagande i de senare Revolutionerna uti Russland och sin långwariga Fångenskap uti Siberien. Han dog 1767. Stockholm, 1771. S. 2.

697 Ibid.

698 *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы. СПб., 1908.

699 Дорожная география, содержащая описание о всех в свете государствах, их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстояниях их от Парижа и о ведущих к сему городу дорогах как морем, так и сухим путем. М., 1765. С. 111.

700 Там же. С. 113. При описании обоих народов французский автор отмечает их склонность к употреблению крепких напитков. Книги на эту тему издавались как в России (например, перевод работы Линнея

«Водка в руках философа, врача и простолюдима», названный русским переводчиком «сочинением прелюбопытным и для всякого полезным»), так и в Швеции, где, например, в 1741 г. вышла книга Й. Х. Преусса (Preuss) «Два разных разговора». Первый «разговор» начинается с вопроса: «Народ не может жить без водки?» и утвердительного ответа («особенно старики, которые иногда нуждаются в глотке водки для поддержания сил»).

[701] Там же. С. 46.

[702] История датская, сочиненная г. Гольбергом. СПб., 1765—1766. С. 144.

[703] *Гольберг Л.* История разных героинь и других славных жен. СПб., 1767. С. 45.

[704] *Малле Г.* Введение в Историю Датскую. СПб., 1785. С. 93.

[705] Там же. С. 127. Ср. с идеей «географического детерменизма» в «О духе законов» Монтескье, где говорится о «скандинавском духе свободы»; известно, что Малле был последователем Монтескье (*Blanck A.* Den nordiska renässansen i sjuttonhundratalets litteratur. En undersöning av den "götiska" poesiens allmäna och inhemska förutsättningar. Stockholm, 1911. S. 41).

[706] *Гольберг Л.* История разных героинь... С. 38.

[707] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 352—353.

[708] *Emanuel Swedenborg.* Ludus Heliconius and other Latin poems... S. 84.

[709] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 352—353.

[710] Правда, датско-шведские военные конфликты нашли отражение в русской драматургии начала XVIII в.: в «Гистории о великомочном рыцаре Гендрике, курфирсте, и о преизящной Меленде, дочере Людвига, курфирста бранденбургского» «функции курфюрста бранденбургского выполняет... король датский, а князя аронского — король шведский» (*Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 67).

[711] Лудовика Голберга сокращение Универсальной истории. СПб., 1766. С. 249.

[712] Там же. С. 259.

[713] Olof Rudbecks sonens Nora Samolad... S. 2.

[714] *Далин О.* История Шведского государства. СПб., 1805—1807. Ч. 1—4.

[715] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня... С. 195.

[716] *Козельский Ф.* Песнопение Ея Императорскому Величеству... на победоносное Ея оружие на севере и юге, на суше и на море... С. 6.

[717] Цит. по: *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 366.

[718] *Lindebäck J.* Tal på hans höghet hertig Carl höga namnsdag... Stockholm, 1791. S. 7.

[719] *Emanuel Swedenborg.* Ludus Heliconius and other Latin poems... S. 180.

[720] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 387. S. 1475.

[721] Там же. 15. S. 1136.

[722] Там же. 15. S. 1125.

[723] Там же. 386. S. 791. Этот распространенный в европейской поэзии образ встречается также в произведениях С. Колумбуса (Columbus), Г. Дальшерны (Dahlstierna), Ю. Упмарка (Upmarck), А. Стобаеуса (Stobaeus), Ю. Линдера (Linder), А. Руделиуса (Rydelius), Х. Пилиуса (Pylius), Ю. Штайнмеера (Steinmejer) (*Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 391—394).

[724] Underdånigt tal på... Gustaf III Höga födelsedag. Stockholm, 1779. S. 8.

[725] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 373.

[726] Торжество мира православного. М., 1703. Л. 3.

[727] Записки Желябужского... Приложение.

[728] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных... С. 12.

[729] Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на векопомное прославление. Чернигов, 1710. Л. 31—31 об.

[730] Там же. Л. 31 об.

[731] Там же. Л. 19.

[732] Там же. Л. 15.

[733] Записки Желябужского... С. 190. Надо отметить, что Желябужский именует врагов-иноверцев иначе, нежели большинство русских авторов: например, турок он предпочитает называть «погаными» или «поганцами», а не «бусурманами»: «а те, поганыя, вышли в вылазку» С. 56. Правда, у Феофана Прокоповича в посвященной неудачному Прутскому походу «За Могилою Рябою» сказано, что «Не судил Бог христианства // освободить от поганства, // еще не дал збить поганства».

[734] *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 55. В России басурманами могли именовать не только иностранцев: в статье «Стрелецкие сотники и головы при Иване IV» кроме Ивана Пятова, сына Желябовского, прозвище Баран, Паука Сатковского и Лютого Векетова, отмечены «Басурман да Игумен Леонтьевы, дети Беловы (Бедовы)» (ЧОИДР. 1910. Кн. 4. С. 15): считается, что скрывая свое настоящее крестное имя и принимая прозвище, человек спасается от наговоров и порчи (*Лихачев Н.* Любопытные прозвища // Библиограф. 1893. № 2—3. С. 157—158).

[735] Записки Желябужского... Приложение.

[736] *Birgegård U.* Protestantismens irrläror i en ortodox trosbekännaras ögon // Explorare necesse est: Hyllningsskrift till Barbro Nillson. Stockholm, 2002. S. 43.

[737] *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных... С. 28.

[738] *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом XII и воинством его, сделанной под Полтавой. М., 1709. Л. 1 об.

[739] Краткое описание Славных и Достопамятных дел императора Петра Великого... С. 85.

[740] Победа над Турцией изображалась русскими панегиристами как «повержение» лунных рогов под ноги российского монарха (не случайно в русских стихотворениях, посвященных победам над Турцией, широко использовалась рифма: «роги» — «под ноги»). При этом слово «рог» в

значении «мощь», «сила» в отношении Турции не употреблялось, хотя сама антитеза: рог христианский — рог (в отношении Турции — роги) иноверческий в антитурецких текстах присутствует: «Роги лунныя долу повергше безчетно, // Вознесе рог христианск — знамение крестно» (в «Виршах о взятии Азова»).

[741] *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года... С. 230.

[742] Краткая история королевской шведской фамилии, именуемой Густавов... С. 8—9. В шведской литературе обвинение в приверженности тирании традиционно адресовывалось русским.

О деспотической Московии, представляющей угрозу для свободной Швеции, говорится в «Правдивом описании» 1700 г., в латинской эпиграмме «на царя Московского» («Czarus Moscua cui subest Tyranno»), или в «Военных стихах и пожелании счастья на... Победу над вероломными врагами в Лифляндской стороне» (1701 г.), где отмечается, что русские пришли «в наши пределы с убийством и тиранией» («Krigs-Skalder... öfver... Seger emot des trolösa Fiender å den lifländska Sijdan» // ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1016). В военной речи 1790 г. А. Линдблада (Lindblad) сказано, в частности, что «...те же цепи, которые во все времена угнетали жителей России.., теперь куются для свободных детей Швеции» (*Lindblad A.* Tal hållet på Ekesjö Rådhus den 3 apr. 1790. Stockholm, 1790. S. 3), а в оде Нордфорсса — «...если ты горишь любовью к своему Королю и Отечеству и имеешь мужество и стыдишься рабских пут, иди и разбей готовящиеся тебе оковы» (*Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen. Stockholm, 1788. S. 1). И даже в посвященном заключению мира между Россией и Швецией в 1790 г. «Стихотворение на мир» (Еребро, 1790) Е. А. Виндаля, говорится: «Орел... мог вырвать Скипетр Вазы, // Побережье могло быть опустошенным, города сожженными // И Швеция оказаться в вечном рабстве» (*Windahl E. A.* Skalde-digt öfver Friden. Örebro, 1790. S. 6). Правда, как следует из «Нескольких простых стихов», русские, «в натуре которых рубить, колоть, которые жаждут крови, // Должны, растерзанные, бежать, или умереть, или стать рабами шведов» (ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1064), но в большинстве шведских текстов поработить другие народы хотят соседи Швеции, и не только Россия. Так, в стихотворной «Выписке из некоторых замечаний об Орнесе», включенной в «Опыт скромного стихотворца» Виндаля и посвященной Густаву Вазе, говорится: «Едва ли на нашем Шведском Троне Христерн — Тиран, творя несправедливости и насилия, свое государство мог основать... и бесстрашный герой идет, чтобы вырвать Скипетр из рук Тирана» (*Windahl E. A.* En liten rimmares försök. Falun, 1788. S. 6; характерно, что в упоминавшемся собрании биографий героев мировой истории Гъервелла 6-я книга имеет название «Христерн II Тиран»).

[743] Двор царя турскаго, сочинение ксенза Симона Старовольского, так называемый «вольный перевод» с сокращениями, изменениями и дополнениями противу подлинника на Славянороссийское наречие с Польскаго издания 1649 года сделанный в 1678 г. во время приготов-

ления к войне с турками для Царя Феодора Алексеевича // Памятники древней письменности. СПб., 1883. Т. 42. С. 77—78.

744 *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года... С. 193.

745 Там же. С. 230.

746 Мысли королевы Христины о турках. М., 1828. С. 5—6.

747 Там же. С. 95.

748 *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595—1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Uppsala, 1974. S. 22.

749 *Werwing J.* Öfver Mascaraden som hölls på det Kongl. Palais febr. 1700 // Carlsson C. Försök til swänske skald-konstens uphielpande. Stockholm, 1738. T. 2. Afd. 2. S. 20.

750 *Nordforss C. G.* Ode til Swenska Armeen... S. 5.

751 *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Sverige och Ryssland... S. 1.

752 Vid hennes Kejserliga Maj:t ryska kejsarinnans Elisabeth Petrovnas högstbeklageliga dödfal. Stockholm, 1762. S. 1.

753 ОР РНБ. Эрм. № 326. Л. 1.

754 *Hesselius A.* Den gamla Starkotters utlåtelse... S. 2.

755 ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1133.

756 *Holmberg J.* Warning til Starkotter hin gamle, för thesz owarsamme utlåtelse; jemte odödeligit minne af Wilmanstrandska barda-leken, som stod then 23 aug. 1741. Stockholm, 1741. S. 5.

757 *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России... С. 7—8.

758 *Windahl E. A.* Skalde-Digt öfver Friden... S. 5.

759 *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 114.

760 Русский Архив. 1872. Кн. 7—8. С. 1450.

761 Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 8 об.

762 Труды Имп. русск. военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 1. С. 254.

763 *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 44.

764 Воинские артикулы... Карола XI... // ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца. № 215. Л. 121 об.

765 Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 12 об.

766 *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 115.

767 *Копиевский И.* Слава торжеств и знамен победных... С. 19.

768 *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 115.

769 *Пуфендорф С.* Введение в гисторию Европейскую. СПб., 1718. С. 455.

770 *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 24.

771 Там же. С. 114. О твердости железа говорится также в русских заговорах XVII в.: «Железо, Камение и Древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и разрушен и яко тимпан во веки веков. Амин» (Служебник и соборный свиток. М., 1667. Л. 6).

772 Библия. М., 1663. Л. 106.

773 *Эмин Н.* Пролог на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 22 дня... С. 195.

774 ПЛДР. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 266. В «Естественной исто-

рии ископаемых тел» Кая Плиния Секунда говорится, что «литая медь только плавится, а под молотом хрупкая», но «после золота и серебра медь наибольшее имеет достоинство по ея употреблению, а Коринфская предпочитается даже серебру и почти самому золоту. Уважается она также по употреблению на плату воинам. От сего происходят выражения Aera militus — плата воинам». Правда, в России это сочинение было издано лишь в 1819 г. (С. 10).

[775] Цит. по: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 75.

[776] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 86.

[777] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 62.

[778] *Кантемир А. Д.* Сатиры. СПб., 1762. С. 136.

[779] *Карин Ф.* Нравоучительные мнения, взятые из свойств Марии Владимировны графини Салтыковой. М., 1770. С. 7.

[780] Хвала на славы пространнаго одоления... Л. 12 об.

[781] Цит. по: *Люстров М. Ю.* Старинные русские послания... С. 153.

[782] *Andreas Stobaeus*. Two Panegirics in Vers... S. 84.

[783] *Bellman C. M.* Embarqueringen på Kongl. Skeppsholmen. Stockholm, 1788. S. 1.

[784] Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3. С. 368.

[785] Ввиду того что мундиры солдат различных европейских армий отличались в первую очередь цветом, подобные «хитрости» были распространены, и не только во время войны. Так, в «Записках» Е. Р. Дашковой приводится хорошо известная история о том, как, возмущенная изображенным на висевшей в немецкой гостиннице картине поражением русских от немцев, она «поручила... купить синей, зеленой, красной и белой масляной краски, и после ужина они оба и я, хорошо заперев дверь, перекрасили мундиры на картинах, так что пруссаки, мнимые победители, превратились в русских, а побежденные войска в пруссаков» (*Дашкова Е.* Записки 1743—1810. Калининград, 2001. С. 132). При этом в русских текстах называются цвета лишь одной армии — шведской.

[786] РГАДА. Ф. 17. № 149. Л. 7.

[787] История Выборгского герба. Viipuri 2000. vbg.ru.

[788] *Гавриил Бужинский.* Слово благодарственное о победе под Полтавою. СПб., 1720. С. 9.

[789] *Феофан Прокопович.* Сочинения... С. 26. В свою очередь в «Augur Apollo» Стобаеуса и в предисловии к «Nora samolad» Рудбека-сына говорится о цветущем состоянии и богатстве современной Швеции как результате мудрой политики шведских монархов.

[790] Новая Скандинавская литература. Галатея. 1829. С. 117. В «Истории о знатнейших европейских государствах» (М., 1788) И. Г. Рейхеля указывается причина столь сильного обеднения Швеции: «Карл X привел Швецию в слабость непрестанными войнами, Карл XI разорил ея возвращением королевских имений и ложною монетою, а Карл XII привел ея в крайнюю бедность своим упорством и безрассудною охотою к войне» (С. 389).

[791] *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620—1720... S. 353—357.

[792] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию... С. 207.

[793] Рассуждения Фридриха II, короля Прусскаго о свойстве и воинских дарованиях Карла XII... С. 17.

[794] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию... С. 211.

[795] *Павел Пясецкий.* Московско-польская война. Памятники древней письменности. СПб., 1887. Т. 68. С. 10.

[796] *Helander H.* Olof Hermelin, Ad Carolum XII... S. 68.

[797] *Nordforss G. G.* Ode til Swenska Armeen. Stockholm, 1788. S. 1.

[798] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 190.

[799] *Tarkiainen K.* «Vår gamble arffiende ryssen»: synen på Ryssland i Sverige 1595—1621... S. 22.

[800] Ibid. S. 22. См. также: *Ермасов Е. В.* Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половины XVIII в. // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 16.

[801] «Контроверсия» (полемическое сочинение XVII в.) // Памятники древней письменности. СПб., 1888. Т. 74. С. 15.

[802] Цит. по: *Козубский Е.* Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII веке // ЖМНП. 1878. № 5. С. 3.

[803] Цит. по: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи... С. 46.

[804] *Феофан Прокопович.* Слово на день Святого Благовернаго князя Александра Невского. СПб., 1720. Л. 6 об. Скандинавскую древность так оценивают только французские авторы; например, в «Густаве Вазе» Комона де ла Форса сказано, что «в северной стране... небрежением писателей великие и знаменитые дела погребены в забвение» (*Комон де ла Форс.* Геройский дух, или Любовные прохлады... С. 355). В Швеции же, как показывает пример «Рассуждений» Густава III, своим прошлым гордились и варварским его не признавали.

[805] Речь на Ништадтский мир... СПб., 1721. С. 3.

[806] Hembygdens vän. Stockholm, 1769. S. 2.

[807] Konung Gustaf den 3-djes Réflexioner. Stockholm, 1778. S. 8.

[808] *Румянцов П. П.* Из прошлого русской православной церкви в Стокгольме. Берлин, 1910. С. 173.

[809] Там же. С. 172. Правда, во время обострения русско-шведских политических отношений причиной переодевания находящихся в Стокгольме русских священников в европейское платье становится недоброжелательное отношение к ним со стороны шведов: «Такожде по указу вашего святейшества велено нам в бытность нашу в Швеции носить верхнее и нижнее платье долгое, а именно рясы и полукафтанье, которое мы нижайше несколько времени и носили, а ныне за великим от швецкаго народа поруганием и бросанием вслед идущих нас камней и прочих безчинств, а наипаче кощунных употреблений божественнаго нашего пения, к тому же скаредных соромных русских браней по многократным нашим жалобам имел господин посланник предосторожность и, убегая пьяных задирательных ссор и несогласий принудил нас употреблять немецкое платье и хотел о том писать в Кабинет его Императорского Величества, ибо невозможно нам никак выйти в святую церковь, а квартиры

наши от церкви в дальном стали разстоянии» (Доношение Священному Синоду 29 января 1741 г. // Там же. С. 178).

[810] Там же. С. 338.

[811] РГАДА. Ф. 9. Отд. II, оп. 3, № 1. Л. 414.

[812] *Almquist H.* Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700—1709. Karolinska förbundets årsbok. Stockholm, 1942. S. 73—75.

[813] Ibid. S. 75.

[814] Ibid.

[815] Ibid. S. 77.

[816] Цит. по: *Шрек Г. П.* Кровь в верованиях и суевериях человечества. СПб., 1995. С. 40.

[817] В русских текстах начала XVIII в. о кровопийстве не говорится ничего, хотя рассказы о символическом пролитии крови встречаются: в «Записках Желябужского» о казни Циклера рассказывается, что «в то время к казни из могилы выкопан мертвой боярин Иван Михайлович Милославский и привезен в Преображенское на свиньях, и гроб его поставлен был у плах изменничьих, и как голову им секли, и руду точили в гроб на него» (С. 112). Смысла этого действия Желябужский, по видимому, не понимает, однако тот же эпизод встречается в «Записках» Туманского и сопровождается комментарием: «...на вечную его Милославского кровопролития бывшаго память оные скаредные части его закопаны и умножаемою воровскою кровию и доныне обливаются по Псаломскому слову Мужа кровей имети гнушается Господь» (ОР Университета библиотеки Упсалы. Н. 159 а. Л. 179). Этот фрагмент читается в примечаниях к «Запискам Желябужского» (С. 227).

[818] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 178.

[819] Ibid. S. 212.

[820] ОР Библиотеки университета Упсалы. Palmsk. 15. S. 1064.

[821] *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная Богу... о великой Богом дарованной победе над свейским королем Каролом 12... Л. 4.

[822] *Andreas Stobaeus.* Two Panegirics in Vers... S. 214. По словам Карла XII, «лучшее зрелище было, когда русские взбежали на мост, и мост под ними проломился: точно фараон поглощен был Чермным морем» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 625).

[823] *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии... Л. 38.

[824] РГАДА. Ф. 17. № 152. Л. 3. В «Руке риторической» Стефана Яворского «изображение» иллюстрируется следующим примером: «Стоят семо и овамо полки устроены, един кийждо огнем дышет, очеса искры испускают, скрежещут зубы, ярится лице, мечи блистают, железных ядер грады шумят, рыкающих пушек гремят громы, лиется кровь, лежат трупи: между сих неизвестными летает победа крилами» (*Стефан Яворский.* Риторическая рука... С. 68).

[825] Ревность православия. М., 1704. Л. 6 об.

[826] Во второй половине столетия слово варвар, сохраняя пейоративную окраску, могло обозначать также «естественного человека». В переведенной Г. Р. Державиным с немецкого «Ироиде, или Письме Вивлиды

к Кавну» (Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных. Ч. 2. СПб., 1772) о жизни «варваров» говорится: «Для чего, любезный Кавн, мы не в тех местах, где дикий смертный не знает употребления разума, где, располагая все по своему желанию своим слабым сердцем, одной природы простым преследует законам; там нет преступления, где всякое желание законно... и сей спокойный народ, кажущийся в наших глазах столь странным, которым глупая и тщеславная гордость дает имя Варваров, щастливым своим стремлением достоин лучшего имени и во сто раз меньше Варвар и больше человеколюбив, нежели мы» (С. 44).

[827] Zarsonen Fewei. En händelse i en residence stad. Af hennes majestät kejsarinnan af Ryssland. Översättning... S. 32.

[828] *Berling C.* Strödde Underrättelser rörande Ryska Nationen ledande till en närmare kännedom af Ryska Nationalkarakteren. Lund, 1803. S. 1.

[829] Ibid. S. 4—5.

[830] Современник. СПб., 1842. № 4. С. 43.

[831] Там же. С. 44.

Г. А. Пожидаева

АЗБУКА ДЕМЕСТВЕННОГО ПЕНИЯ

Опыт исследования нотации с точки зрения основ музыкальной лексики

Содержание

Азбука демественного пения

ОБ ИСТОРИИ ДЕМЕСТВЕННОГО ПЕНИЯ И ЕГО НОТАЦИИ

Среди распевов Русской Православной Церкви демество занимает место самого торжественного и, по оценке современников, «самого прекрасного пения» эпохи Московской Руси. Современники считали его самым совершенным и искусным видом пения. Эта оценка обусловлена мелодической красотой демественных напевов, необычайно развитым внутрислоговым распевом, масштабностью композиций, заложивших основу будущего хорового концерта. Демество имеет много общего с фитным знаменным пением, звучавшим в торжественных песнопениях богослужения — псалмах, гимнах, праздничных стихирах, кондаках и других жанрах.

Этим видом пения был изложен довольно большой круг песнопений, разветвленный на монодию и многоголосие и имеющий множество музыкальных редакций, особенно многоголосных.

До создания специальной нотации песнопения демественной традиции, как и большая часть церковных распевов, записывались столповым знаменем (такие списки появились с конца XV — начала XVI в.) [1]. Состав знамен при этом настолько отличался от знаменного распева, что в ранних азбуках эти знаки получили название «знамение петия краснаго» [2]. Точное и подробное, столповое знамя, тем не менее, не обладало графической и структурной наглядностью и было весьма громоздким по отношению к деместву.

В развитии демественного пения наступил такой период, когда сложились и были свободно освоены в певческой практике его основные музыкальные структуры. Их теоретическое осмысление привело к созданию новой нотации невменного типа — демественной. Ее знаки и их соединения соответствуют различным по своим масштабам музыкальным единицам распева, помогая запомнить и усвоить его типичные интонационные обороты.

Создание специальной нотации имело большое значение для распространения и записи демественного пения, долгое время бытовавшего в устной традиции.

Демественное ключевое знамя – нотация позднего происхождения. Списки ее известны с 70-х гг. XVI в.; один из них опубликован Н. Д. Успенским – РНБ, Соловецкое собр., 763/690, л. 276 об. –278[3]. Нотация получила широкое распространение в демественном многоголосии XVII в., тогда как в одноголосии списки демественной нотации более позднего, старообрядческого происхождения и относятся к XVIII–XX вв.[4]

Необычность исторического развития и бытования демественного пения заключается в том, что, несмотря на его известность как одного из видов «красного пения», круг собственно одноголосного демественного распева по книжной рукописной традиции оказался в целом небольшим, в отличие от других видов пространного пения – путевого и большого распевов. Об этом свидетельствует также и то, что для записи одноголосия применяется исключительно столповая нотация. Редкие списки в изложении демественной нотацией при внимательном рассмотрении оказываются партиями раннего многоголосия.

Историческая судьба демественной монодии сложилась таким образом, что на пике своего развития она стала использоваться в многоголосии, причем здесь-то и стала применяться оригинальная демественная нотация.

Наиболее вероятной причиной такого соотношения монодии и многоголосия было функциональное предназначение демества как самого торжественного вида пения. При этом естественно, что многоголосная традиция по своим выразительным возможностям больше соответствовала праздничному характеру напевов и самому чину торжественного соборного богослужения. Именно в таком виде демество как вид пения, обретает более широкое распространение в певческой практике. Доказательство этому мы находим в рукописной традиции конца XV – XVII вв.

Подробное исследование демественного пения в целом – и одноголосия, и многоголосия – совершенно определенно показывает значительное преобладание многоголосной разновидности.

В дальнейшем, уже в XVIII–XX вв., демественная монодия получает новую жизнь в старообрядческой среде. Здесь создается достаточно большой круг этого вида пения и возникает специальная книга – Демественник, в которой он излагается. В этой книге песнопения записаны уже оригинальной демественной нотацией.

Таким образом, в записи демественной монодии одноименная нотация применяется только в поздний, старообрядческий период.

Особенности музыкального стиля одноголосного демественного распева, его жанровая система, специфика нотации совершенно неожиданно и в оригинальном виде обнаруживают следы кондакарного пения, давно ушедшего из практики. Это проявляет себя в общих жанрах, предназначении для кафедрального богослужения, в сохранении жанровых особенностей песненного последования, идущего от Типика Великой церкви. Многие стилистические черты сближают демество с кондакарным пением: это сказывается на уровне основных музыкальных структур и языковых единиц – мелолексем [5]. Отметим и родственность знаковой системы демества и кондакарного пения, что проявляется и в их графической общности, и в самих принципах записи музыкальных и музыкально-речевых структур.

Рукописные источники XVII в., тем не менее, не сохранили демественных песнопений, которые позднее появятся в старообрядческих списках одноголосного Демественника. Судя по стилистическим особенностям песнопений этой книги, традиция демественного распева в XVIII–XIX вв. была сохранена в своих основных чертах, однако в сравнении с песнопениями допетровской эпохи она представлена как более цельная и единообразная.

Состав старообрядческого Демественника повторяет круг пения демественного многоголосия и отчасти – кондакарного пения [6]. Функция демественного распева как торжественного распева для богослужения в кафедральном соборе сохраняется у старообрядцев по сей день.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ДЕМЕСТВЕННОГО ПЕНИЯ И ИХ ПРОЧТЕНИЯ

Прочтение демественого ключевого знамени, как и любой другой нотации невменного типа, заключается в том, чтобы верно передать элементы музыкального языка и его главные ритмо-интонационные структуры. Из проблем расшифровки мы рассмотрим одну, достаточно узкую, но важную, – расшифровку одного ритмо-интонационного комплекса – пунктирного ритма, существенного для распева, на который, тем не менее, нет устоявшегося взгляда в музыкальной медиевистике. Причина заключается в том, что в рукописных источниках до конца XVII в. и старообрядческих эта форма ритма имеет варианты в записи столповой нотацией. Почему они возникли и какой из этих вариантов наиболее правомерен? Каким образом можно получить более точную и корректную расшифровку?

Оптимальный результат прочтения крюковой нотации, очевидный на примере знаменного распева, дает применение сравнительного метода: сопоставление столповой нотации и линейной по двознаменным спискам [7]. Таким образом уточняются элементы музыкального языка и перевода невменной записи в линейную.

Для демественного распева этот метод непосредственно использовать невозможно, так как до сих пор не известны двознаменные рукописи конца XVII в., в которых песнопения были бы изложены параллельно крюковой и линейной нотацией. Имеются лишь редкие списки двознаменного изложения отдельных песнопений, причем столповой и линейной нотацией, – это псалом «На реках Вавилонских» и пасхальный задостойник «Светися, светися» [8], которые в силу своей малочисленности не могут стать базой для расшифровки всего стилистического пласта.

Источники демественного распева до конца XVII – начала XVIII в. отличаются пестротой и неоднородностью: круг пения в одноголосии небольшой, широкое распространение имеют только отдельные образцы, причем в изложении столповой нотацией. В линейной же записи, сохранившей также преимущественно единичные песнопения, музыкальные редакции не всегда совпадают с невменными [9].

Большое количество одноголосных песнопений в изложении демественной нотацией появляется только в старообрядческих книгах начиная со второй четверти XVIII в. [10] Линейные списки того же времени обычно содержат лишь редкие, отдельные образцы демественного распева. Исключение представляют два источника: рукопись конца XVII в. (ГИМ, Синодальное певческое собр., 195) и список третьей четверти XVIII в. (РГБ, собр. Разумовского, 88). В них содержатся циклы демественных песнопений в изложении линейной нотацией: цикл задостойников в первой рукописи, и во второй – тот же цикл, но в другой музыкальной редакции, а также ряд важнейших песнопений всенощной и литургии. Музыкальный стиль демественного распева в этих списках, несмотря на их почти столетний временной разрыв, отображает единую певческую традицию. Это позволяет использовать более поздний список как подстрочник к крюковым спискам демественной нотации того же времени. Такой метод применил В. М. Беляев по отношению к раннему многоголосию*. Сравнительный метод, применяемый на достаточном по количеству материале демественного одноголосия, дает возможность корректно установить значения демественных знамен в реальной практике не позднее конца XVII в.

Это особенно важно еще и потому, что от того времени не сохранилось музыкально-теоретических трудов по демественной нотации, а такого рода работы традиционно использовались для прочтения древнерусских распевов, в частности знаменного.

Азбуки демественного знамени известны нам только в старообрядческих списках начиная со второй четверти XVIII века. В некоторых современных работах можно встретить упоминание о демественных азбуках более раннего периода – XVI–XVII вв., однако оно не подкрепляется ссылками на источники, поэтому невозможно их введение в научный оборот [11]. Кроме того, само строение азбук и особенно разводы демественных знамен, как мы увидим, отражает их позднее происхождение и традицию, существенно отличную от демественного распева XVII в.

В медиевистике азбуки демественного знамени используют уже с середины XIX в. – начиная с Д. В. Разумовского, впервые опубликовавшего такую азбуку с переводом демественных знамен в дробное столповое знамя [12], и заканчивая работами В. М. Беляева, И. Гарднера, Б. А. Шиндина и Д. С. Шабалина [13]. В этих трудах, а также в старообрядческом издании «Азбуки демественного пения»
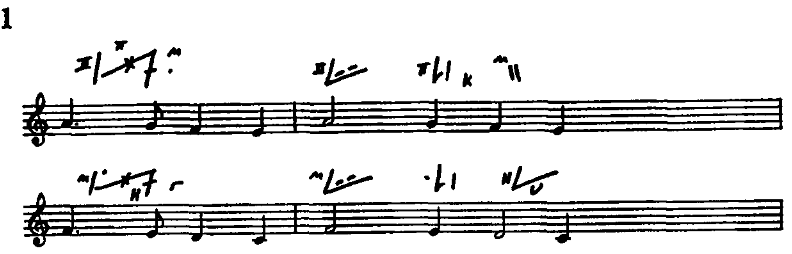
---

* *Беляев В. М.* Раннее русское многоголосие. М., 1997.

Л. Ф. Калашникова[14] имеется перевод знаков демественной нотации в столповую и линейную. Но расшифровка песнопений по такому методу очень сильно отличается от традиции демественного распева, зафиксированной в линейных рукописях рубежа XVII–XVIII вв., – времени его более широкого бытования.

К этим источникам, подтверждающим завершенность демественного распева с точки зрения его ладоинтонационных и ритмических особенностей, относятся многие линейные списки указанного периода. В целом, нотно-линейные источники конца XVII – 3-й четверти XVIII в. сохранили более 50 демественных песнопений, некоторые из них – в разных музыкальных редакциях[15]. Именноэтотматериал,однородныйпомузыкально-стилистическим признакам и достаточный для изучения главных структурных единиц напева и песнопений, мы и берем за основу нашего анализа.

Наиболее существенное отличие музыкальных структур линейных списков и разводов демественных азбук заключается в их ритме. Ритм демественных напевов по линейным источникам отличается активностью и энергичностью, свойственной также и традиции знаменного пения; ритм же напевов, расшифрованных по азбукам, где тонемы демественного распева* изложены столповым знаменем, зачастую искажается, становится расплывчатым и аморфным (пример 1).

1

Напев в таком изложении теряет важнейшие черты древнерусской монодии: энергию ритмического движения, ритмическое напряжение, ритмическую точность звучания. Именно эти качества старообрядческой традиции начала XX в., сохранившиеся и в современной, подтверждаются фонозаписями и не раз отмечались исследователями[16].
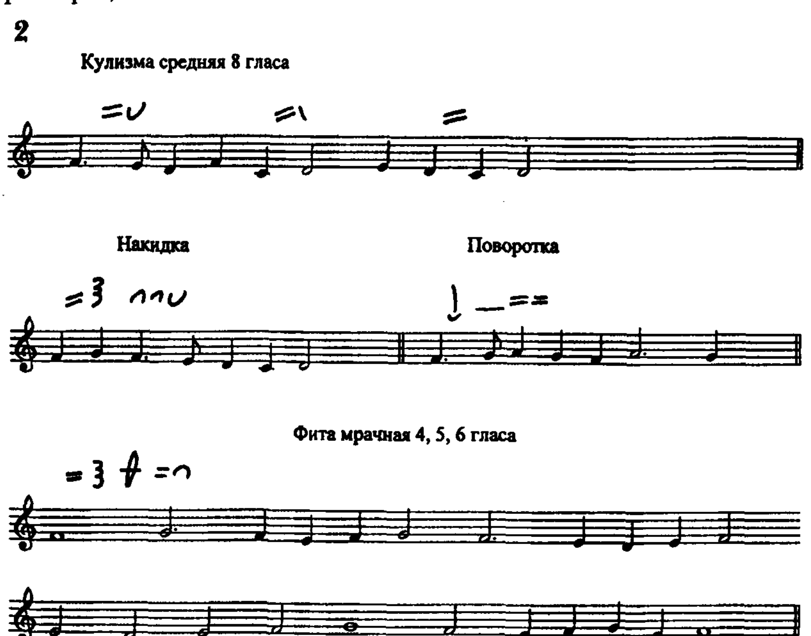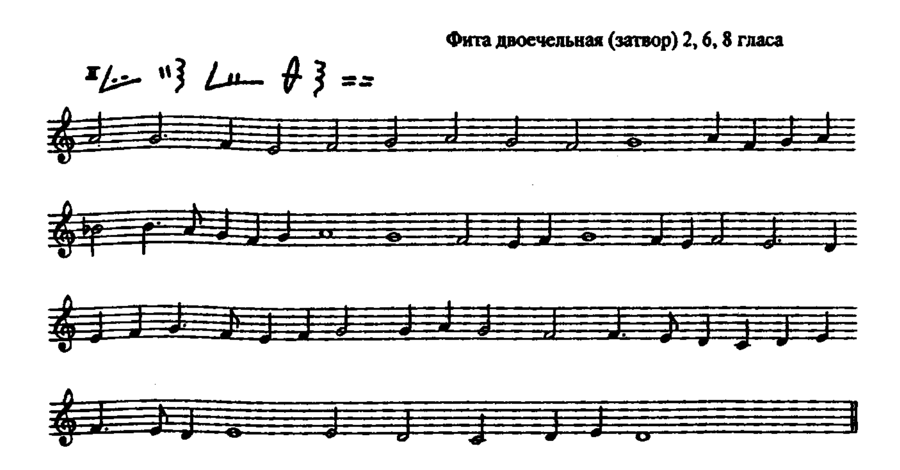
---

* Тонема – наименьшая интонационно-ритмическая единица напева, не имеющая внутренней цезуры, состоящая из одного или нескольких звуков. В крюковой нотации каждой тонеме соответствовал один знак, что показывало осмысление этой единицы в древнерусской теории музыки.

Принципиальное отличие содержит запись сложных ритмов с оттяжкой (3:1), так называемых пунктирных ритмов, столь показательных для демества. В нотно-линейных списках этот ритм имеет три варианта: четверть с точкой и восьмая (преобладающий вариант), половинная с точкой и четверть, целая с точкой и половинная; в демественных же азбуках в действительности сохраняется только два последних, а пунктирный ритм с дроблением моры [17] – четверть с точкой и восьмая – в азбуках почти исчезает. В чем причина?

На наш взгляд, она заключается в особенностях самой крюковой письменности, применявшейся для записи церковных распевов на протяжении всей их истории. В старейшем виде нотации – столповом знамени – долгое время (до XVII в.) не имелось средств для записи именно этого варианта пунктирного ритма, который давал неравное дробление моры: все попевки, содержащие такой ритм, записывались условно или «тайнозамкненно», как, например, *кулизма средняя* восьмого гласа, попевки *накидка* и *поворотка*. То же относится и к древнейшим фитам, например, *мрачной, двоечельной*, в которых ритм с оттяжкой также записывался условно (пример 2).
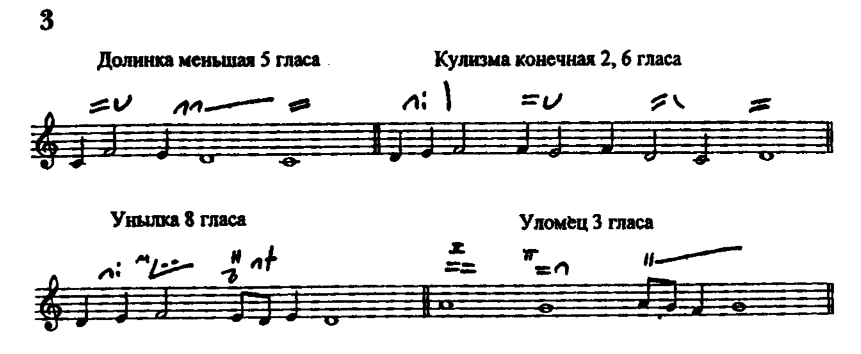
2

В разряд тайнозамкненных попадали и попевки, содержащие другие сложные ритмы – синкопированный или мелкий дробный ритм внутри моры. Например, синкопированный ритм долгой тонемы (четверть, половинная и четверть) в попевках *долинка меньшая* 5-го гласа, *кулизма средняя конечная* 2-го и 6-го гласов, дробный ритм краткой тонемы (две восьмые и четверть) в попевках *унылка* и *уломец* 8-го гласа (пример 3).
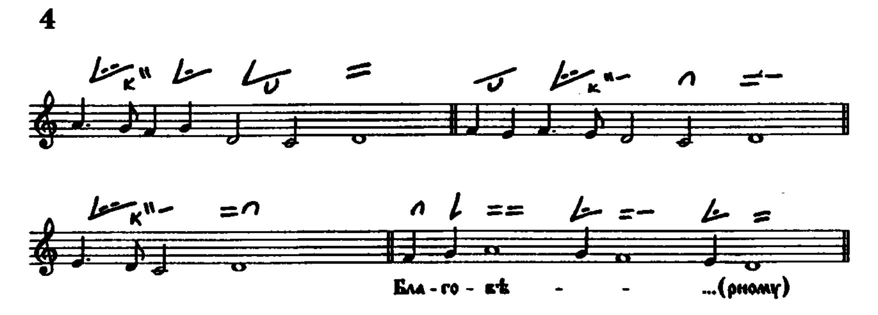
3

Таким образом, на протяжении всей истории развития знаменного распева, от XI и вплоть до XVII в., в столповой нотации не использовалось «подробной» записи сложных ритмов внутри моры: все они обозначались тайнозамкненными комплексами знаков и существовали фактически в устной традиции.

Только с появлением изложения разводов фит дробным знаменем начинается запись пунктирного ритма внутри моры и появляются знаки для его записи. В столповой нотации этот ритм обозначается сочетанием крюка светлого с оттяжкой и сложится с пометой «купно» (пример 4).

4

Как ни парадоксально, в азбуках демественной нотации это сочетание встречается крайне редко. Оно применяется только для записи двух тонем, относящихся к наиболее типичным и известным по самым ранним песнопениям XVI в. – «На реце Вавилонстей», царском многолетии и др.

На наш взгляд, это отражает реальное формирование музыкальной письменности, при котором устоявшиеся обороты фиксируются точно и однозначно, без вариантов, другие же отражают модель пунктирного ритма – длительность с оттяжкой и укороченная, – но при этом точного развода не дают.

По сути обе формы записи фиксируют одни и те же элементы музыкального языка – тонемы. В традициях древнерусского церковного пения ритмическая вариантность последних использовалась достаточно широко, однако здесь сложились определенные закономерности. К ним относится ритмическое увеличение или уменьшение – в 2 или 4 раза, ритмическое обращение (две четверти и половинная, половинная и две четверти и т. д.), в том числе характерно обращение пунктирного ритма в синкопированный.

Общей закономерностью всех распевов является также метроритмическая организация на основе моры, что дает четкость и активность ритмической пульсации напева. Мора создает господствующее ритмическое движение, в котором, несомненно, преобладают доли, равные море или кратные ей. Отступления от длительности моры всегда кратковременны и, нарушая периодичность ритмической пульсации, они, тем не менее, сохраняют инерцию

ритмического движения на основе моры. Поэтому тонемы разных распевов, образующих стройную систему русского церковного пения, имеют общую метро-ритмическую организацию, и демественное пение не может быть и не является исключением, напротив, оно воплощает типичные признаки системы.

Ритмической основой демественного распева является та же мора, что и в других распевах, равная половинной длительности в нотных транскрипциях. Тонемы демественного распева соотносимы именно с этой единицей ритмической пульсации и должны выдерживать общие закономерности метроритмической организации древнерусских распевов. То есть ведущей, определяющей долей пульсации в деместве должна быть мора, равная половинной, а отступления от нее – обязательны, но кратковременны и не могут нарушить инерцию господствующего ритмического движения.

Именно по этой причине буквальное прочтение разводов дробным знаменем по демественным азбукам невозможно и в принципе неверно, ибо оно разрушает систему метро-ритмической организации напева: исчезает ритмическая пульсация на основе моры, слишком частые отступления от нее влекут за собой исчезновение ритмической инерции движения, что абсолютно несвойственно древнерусской традиции[18].

Таким образом, практическое обращение к проблемам расшифровки подводит к тому, что изучение демественного ключевого знамени требует комплексного подхода и соединения элементов источниковедения, музыкальной палеографии, музыкальной теории и живой традиции исполнения, – что в перспективе должно привести к научно корректному прочтению ранних памятников и представить распев в его истинном звучании.

АЗБУКА ДЕМЕСТВЕННОГО ПЕНИЯ

Предлагаемая азбука в качестве основных источников использует указанные рукописи демественной и линейной нотаций, списки демественных песнопений в изложении столповой нотацией, двознаменники столповые и линейные, а также рукописные азбуки демественной нотации. Основные разводы знамен взяты из певческих рукописей демественной нотации и линейной, уточнения разводов сделаны по рукописям столповой нотации и двознаменным. В данной работе автор не ставит перед собой задачу отразить все знаки демественной нотации и их соединения. Главным представляется дать сам инструмент для адекватного интонационного и особенно ритмического прочтения демественных песнопений.

Принципиальное отличие демественной нотации, как нотации невменной, от современной линейной заключается в том, что знаки нотации фиксируют не только звуки, но и интонационные комплексы, включая ритм, направление интонационного движения, звуковой состав, акцентность. Демественнык знамена соответствуют различным употреблявшимся интонационным моделям — от кратчайших единиц (тонем) до сложных их соединений в более развитых музыкальных и музыкально-речевых структурах — кокизах, просодемах и мелолексемах.

Предназначенная для вокальной музыки, демественная нотация, как и другие нотации Древней Руси, была хорошо приспособлена для их записи. В зависимости от строения текста, его акцентности применялись различные знаки нотации. Таким образом, нотация не только соответствовала интонационным комплексам в их конкретной связи с текстом, но и фиксировала акцентность, агогику их произнесения и распевания.

Наша азбука, составленная по принципу постепенного усложнения тонем (по звуковому составу, длительности и ритму), содержит разводы знаков демественной нотации, показывая их звуковысотность, ритм, место по отношению к звуковысотной строке и кокизе, акцентность текста и напева.

По мере усложнения интонационных оборотов, представляющих уже не отдельные тонемы, а их разнообразные соединения —

кокизы, в демественной нотации возникли графические комплексы, отражающие эти новые модели музыкального языка. Кажущаяся графическая сложность на практике помогала своей наглядностью охватить разнообразные интонационные модели распева – не только кокизы, но и их соединения в лицах и фитах.

Графическими комплексами записывали музыкальные обороты, объединяемые одной интонацией, при этом сложная графика возникала как следствие развитого интонирования. В зависимости от интонации, знаки нотации передавали ее простым соединением (сложением) своих элементов («лигатурами») или такими комплексами знаков, графика которых была бы более наглядна для напоминания о данных интонационных оборотах. В таких случаях возникали соединения знаков нотации, развод которых в комплексе был не тождественен соединению разводов каждого знамени; в азбуке рассматриваются и такие сложные графические соединения. В основе же классификации лежит отражение в знаковой системе основных элементов музыкального языка – его тонем и кокиз, и элементов музыкально-речевых структур – просодем и мелолексем. Кроме того, в традициях древнерусской музыкальной теории, развод знаков нотации показан на певческом материале – небольших отрывках из демественных песнопений.

Учитывая большую распространенность списков демественных песнопений в изложении столповой нотацией, азбука содержит разводы наиболее характерных и сложных для расшифровки мелодических оборотов из этих списков – как правило, это тонемы с пунктирным или синкопированным ритмом.

Тонемы; их запись знаками крюковой нотации

Изучение демественных напевов по комплексной методике – в оригинальной записи демественным знаменем, столповых, линейных списках и современных фонозаписях – убеждает в том, что знамена фиксируют структурные единицы напева – тонемы. Здесь много аналогий со знаменным распевом и столповой нотацией, но есть и своя специфика.

В соответствии с разделением тонем на простые и сложные (составные), сложилась запись простыми и сложными (составными) знаменами.

I. Простые тонемы и простые знамена

Простые тонемы и знамена являются важнейшими и наиболее распространенными в демественном распеве, поскольку этими единицами определется состав сложных тонем и кокиз, сложных просодем и мелолексем, а также сложных знамен и знаковых комплексов – лигатур, в том числе и тайнозамкненных.

Краткая тонема, равная одной море (или половинной длительности в нотной транскрипции), становится точкой отсчета для остальных тонем. По соотношению с ней выделяются другие простые тонемы.

Простые тонемы – интонационно неделимые единицы напева, продолжительность которых равна или кратна море.

Тонема, равная море, – краткая, равная двум морам – долгая, четырем – двойная долгая, половине моры – полукраткая. При этом ритмически неделимы однозвучные тонемы – краткая, долгая, двойная долгая и полукраткая; в них сохраняется ритмическая цельность моры и не допускается ее дробления (за исключением полукраткой тонемы).

Ритмическая неделимость моры в простых однозвучных тонемах находит соответствие в графике простых, единогласостепенных знамен: эти тонемы записываются такими одноэлементными знаками, как стопица, крыж, крюк, палка, запятая и пр. (пример 5).

5

Краткие

Долгие

Двойные долгие

Полукраткие

Ритмическое дробление моры в краткой тонеме на два или три звука также находит отражение в графике двугласостепенных и тригласостепенных демественных знамен. Двузвучный состав тонем выражается в соединении двух самостоятельных знамен – стопицы с запятой и стопицы с крыжем; трехзвучный состав тонем выражен графически сходными знаками с одинаковым добавлением «ключа» – крюком ключевым и черты ключевой. В этом проявляется наглядность нотации, дающей зримый образ звучащей тонемы (пример 6).

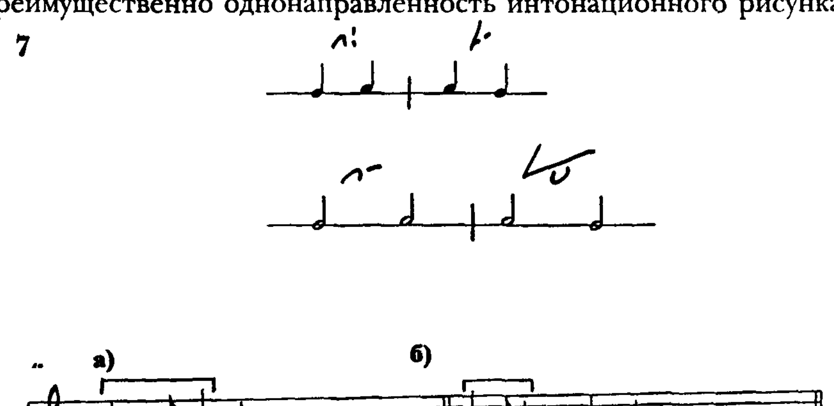
6

Двузвучные краткие тонемы

Трехзвучные краткие тонемы

Двузвучные и трехзвучные краткие тонемы при одинаковом ритме варьируют направленность мелодического движения – восходящую и нисходящую, представляя собой зеркальные обращения. Это находится в русле традиций древнерусского церковного пения, восходящих к старшей редакции знаменного распева и ранней форме столповой нотации (ср. знаки, имеющие одинаковый ритм, но противоположную направленность мелодического движения: голубчик борзый и стопица-переводка, крюк с подчашием и голубчик тихий и т. д.; см. пример 7). Простые тонемы отличает преимущественно однонаправленность интонационного рисунка

7

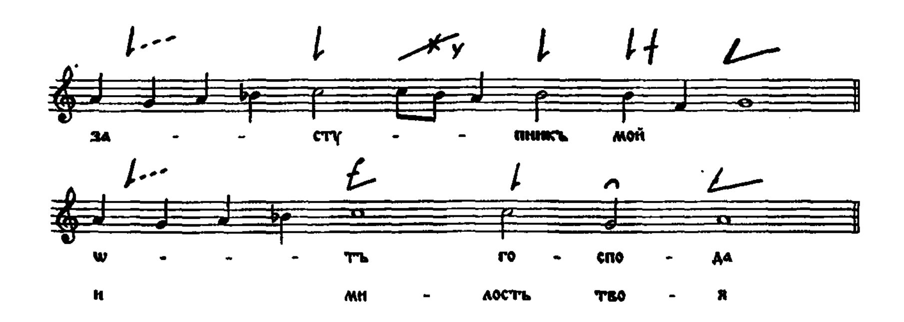
(восходящего или нисходящего); сложный «воспятогласный» рисунок в них не применяется.

Вариантность знамен по графике для записи одних и тех же тонем характерна для демественной нотации так же, как и для столповой. Она связана с другими качественными характеристиками тонемы: ее соотношением со звуковысотной строкой, положением в мелодической волне, местоположением в композиции, а кроме того, она определяется взаимосвязью с акцентностью текста. В этом смысле демественная нотация подобна знаменной столповой и предстает как часть целостной системы русского крюкового письма.

При соединении напева с текстом акцентность последнего определяет выбор знамен для записи напева: так, например, палка и стрела простая в демественной нотации используются только для записи ударных слогов, запятая – только для записи безударных. Таким образом, акцентность текста непосредственно влияет на выбор того или иного знамени при изложении напева. Отражение в нотации акцентности стиха становится одной из причин графической вариантности, которая вызывает применение различных знамен для записи одинаковых тонем напева.

Однако демественный распев как вид мелизматического (пространного) пения гораздо меньше, чем силлабические и силлабомелизматические редакции, связан со строением текста. Поэтому его нотация, особенно в большом распеве демеством, обладает большей свободой в отношении текстовой просодии. Довольно много демественных знамен используется как на ударные, так и на безударные слоги; применяются они и в вокализах (фитных распевах), например стопица, соколец, параклит, крюк простой и др. (пример 8).

8

Краткие тонемы

Равные одной море, эти тонемы используются с различным звуковым составом: в один, два и три звука.

1.1. Однозвучные тонемы
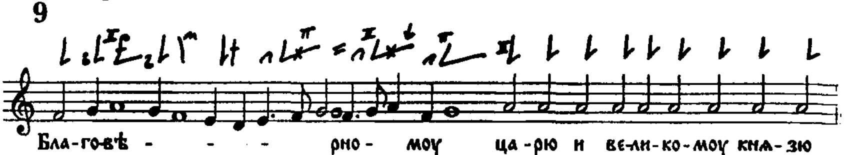
Эти простые тонемы, равные море, представлены в демественной нотации двумя знаменами: стопицей и запятой.

Стопица.

Знак стопицы входит во все русские нотации, кроме кондакарной: как в древнейшую столповую, так и в новые русские нотации — путевую, демественную и казанскую.

Значение стопицы как знака речитации на уровне строки, характерное для знаменного пения и столповой нотации, сохраняется в демественном пении и в демественной нотации. Однако, в отличие от силлабического знаменного распева, в деместве речитация на уровне строки встречается редко, причем в особых случаях. Примером может послужить царское многолетие, распространенное на протяжении XVII в.

9

В большом демественном распеве стопица используется, как правило, именно на уровне строки, особенно после интонационного подъема к ней. Именно стопицей фиксируется появление интонационного уровня строки. В таких случаях стопица является акцентным знаком, что важно для исполнения.

Стопица на уровне строки *ля*:

10

и в си - лѣ - тво - ей

В значении речитативного знамени стопица иногда добавляется на дополнительный безударный слог текста в конечных кокизах:
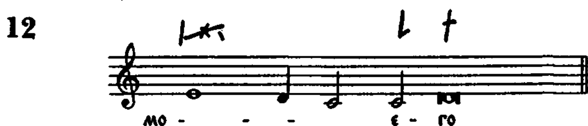
11

юя

богоро - ди-це

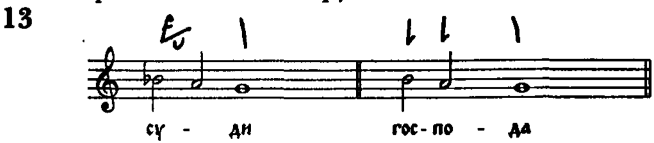
Речитативный повтор используется при дроблении крупной длительности для распевания дополнительного безударного слога текста. В таких случаях для записи речитативного звука применяется стопица.

12
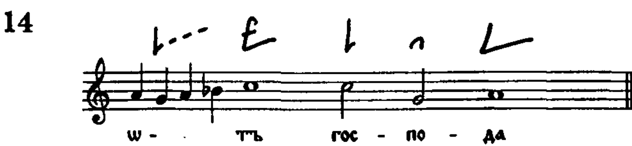

В текстах песнопений встречается замена одной двузвучной просодемы двумя однозвучными – в этих случаях для записи однозвучных просодем также берутся стопицы.

13
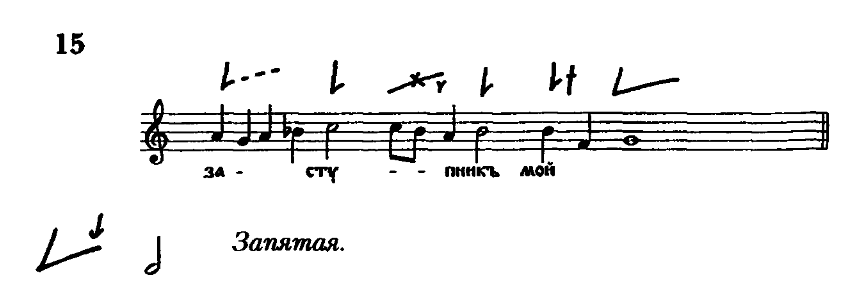

Если стопица заканчивает интонационный подъем, то, естественно, она используется на ударный слог текста, в отличие от речитации «говорком» в многолетии, когда стопица обозначает и ударные, и безударные слоги. В приводимом примере стопица повторяет интонационную вершину:

14

В развитом внутрислоговом распеве стопица часто применяется для записи звука-вершины, который становится истоком для последующего мелодического спуска. В данном случае стопицей записывается и ударный, и безударный слог.

15

Запятая.

Запятая является одним из употребительных знаков и входит во все нотации, включая кондакарную. В демественной нотации это знак безударного слога текста, во внутрислоговом распеве также исполняется без ударения; по звуковысотному уровню обычно звучит ниже строки на одну-две ступени и ниже акцентного звука напева. Часто используется в композиционном приеме так назваемого «почина демеством» на начальных безударных слогах

16

Го-спо - дь о во- ста - нии

Крюк с сорочьей ножкой.

Знак записывает краткую однозвучную тонему. Развод весьма необычен по длительности: крюк без сорочьей ножки разводится целой длительностью и равен двум морам. Сорочья ножка указывает на необычный лицевой развод с элементами тайнозамкненности. Знак используется редко. Развод приведен по азбуке Большакова, л. 12*.

1.2. Двузвучные тонемы

Эти тонемы различаются по направленности интонационного движения и делятся на восходящие и нисходящие.

Восходящие тонемы

Краткие двузвучные восходящие тонемы записываются в демественной нотации единственным знаменем — челюсткой.

* РГБ, собр. Большакова, ф. 37, № 153; третья четверть XVIII в. В азбуке дан развод демественных знамен столповым («дробным») знаменем, но без перевода в линейную нотацию (последнее выполнено автором).
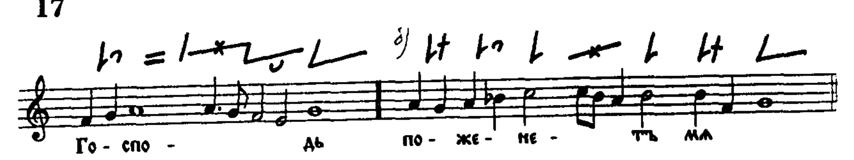

Челюстка.

В столповой нотации этот знак применялся крайне редко, здесь же, как и в казанском знамени, он стал одним из самых употребительных. По своей функции он подобен голубчику борзому из столпового знамени.
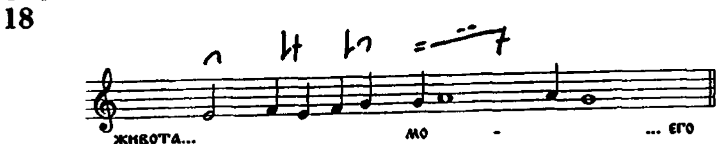
Основное применение челюстки – обозначать двузвучный восходящий оборот равными длительностями. Она используется преимущественно на предударный слог перед мелодической вершиной (ударный приходится на вершину).

17
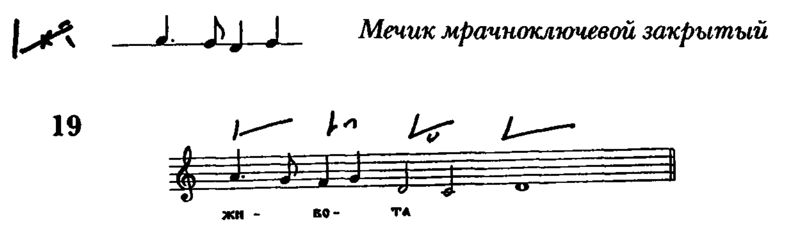

Обычно челюстка соответствует распеву одного слога текста; однако она встречается и в многозвучных просодемах; при этом она сохраняет акцентность, обусловленную стопицей — первым из двух составляющих ее графических элементов.

18

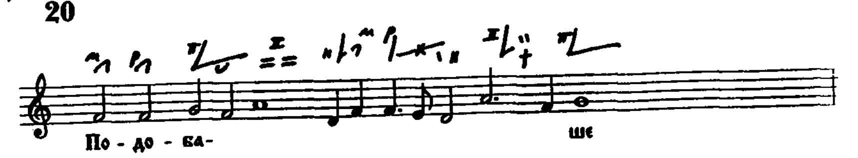

Челюстку мы видим при изложении сложных знаков дробным знаменем. Необходимость в этом знамени возникает при изменении количества слогов текста. Например, мечик мрачноключевой закрытый , часто используемый в вокализах, при распевах на два слога разделяется на два двузвучия – нисходящее и восходящее, последнее излагается челюсткой.

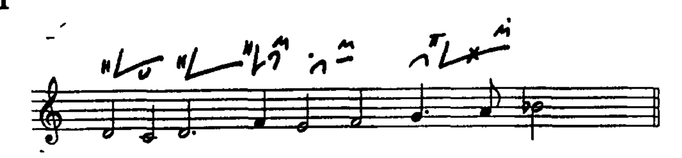
В демественных напевах господствует поступенное движение, но встречаются и скачки. Терцовые скачки в восходящем движении записываются челюсткой; они сходны с приемом «ломки» в знаменном распеве – эта указательная помета фиксировала интонационный скачок в напеве и ставилась обычно при голубчике борзом. Функциональное родство челюстки в демественной нотации и голубчика борзого в столповой подчеркивается их применением в близком контексте. В деместве на интонационный скачок указывают степенные пометы.

20

В некоторых случаях челюстка используется подобно стопицепереводке столповой нотации, то есть на грани кокиз при изменении уровня звуковысотной строки. Как и стопица-переводка после статьи простой, челюстка «присоединяется» к заключительному звуку кокизы в низком согласии; при этом возможно не только поступенное движение, но и интонационные скачки в напеве, обозначенные в записи степенными пометами. В любом случае длительность конечного тона кокизы сокращается вдвое – в этом также проявляется родство со знаменным распевом и его нотацией.

21

Нисходящие тонемы

Краткие двузвучные нисходящие тонемы представлены двумя сочетаниями ритма – равными длительностями и «пунктиром»; они записываются, соответственно, в двух вариантах: сочетанием стопицы с крыжем и мечиком.

Стопица с крыжем.

Знак нисходящего двузвучного оборота равными длительностями. Он используется в поступенном движении и скачком («ломкой») на терцию и кварту для записи опевающих звуков.

Приводим примеры разводов стопицы с крыжем с «ломкою» на терцию и кварту (последнее более характерно). Развод с «ломкою» применяется перед крюком простым.

22

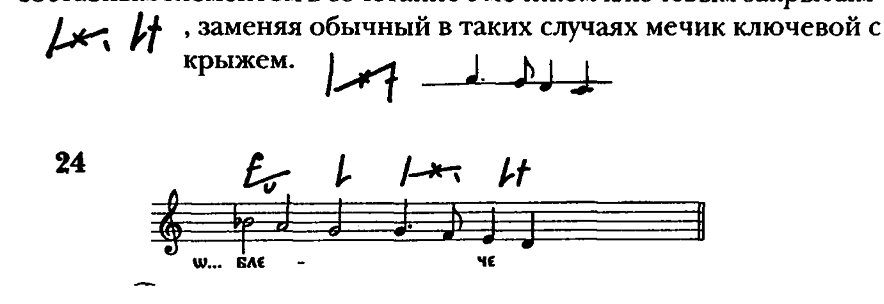
за - сту - пникъ мой

Этот знак по своей функции подобен стопице с очком из столповой нотации. В демественной нотации прибавление крыжа к другому знамени означает нисходящее поступенное движение, как правило, полуморными длительностями (четвертями в нотной транскрипции).

23

вси ра- би

Знак используется преимущественно на ударный слог, в напевах многозвучных просодем сохраняет акцентное значение своего первого звука; иногда применяется на безударные слоги. Входит составным элементом в сочетание с мечиком ключевым закрытым*, заменяя обычный в таких случаях мечик ключевой с крыжем.

Мечик.

* В этом сочетании точнее было бы заменить мечик ключевой закрытый на мечик простой.

Нисходящий двузвучный оборот с ритмической оттяжкой первого звука – так называемый пунктирный ритм. Это знамя, входящее в столповую нотацию как исключительно редкое, применявшееся в лицевых начертаниях, в демественной нотации стало характерным и употребительным [19].

25

1.3. Трехзвучные тонемы

Краткие трехзвучные тонемы, одинаковые по звуковому составу, различаются по интонационному рисунку – восходящему, нисходящему или воспятогласному.

Восходящие тонемы

Краткие трехзвучные восходящие тонемы представлены крюком ключевым.

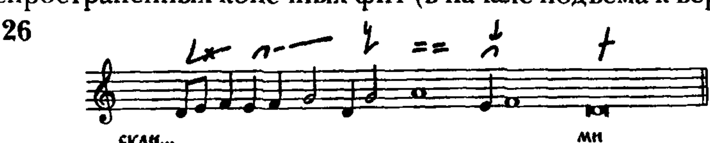

Крюк ключевой.

В столповой нотации крюк ключевой входит в единственную попевку «колесо»; в демественной он становится характерным знаком нотации.

Как правило, этот знак используется для записи многозвучных просодем, исполняется с легким подчеркиванием первого звука; вводится на безударный слог; часто встречается в одной из самых распространенных конечных фит (в начале подъема к вершине).

26
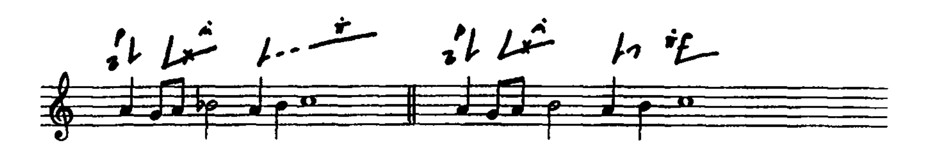

Как исключение встречаются иные разводы крюка ключевого. Так, в том же кадансе иногда мы находим выписанное замедление в два раза:

27

В устойчивых сочетаниях с некоторыми знаками (лигатурах) крюк ключевой изменяет свое обычное значение. Так, в тайнозамкненном сочетании с предшествующей стопицей (с пометой «борзо») и последующим мелодическим подъемом крюк ключевой разводится с оттяжкой последнего звука:

28

Равнозначным знаменем крюка ключевого в столповой нотации иногда становится стрела громосветлая с борзой пометой. В виде исключения она иногда разводится восьмыми и четвертью, хотя обычно ее развод в два раза медленнее.

Стрела громосветлая с борзой пометой

Нисходящие тонемы
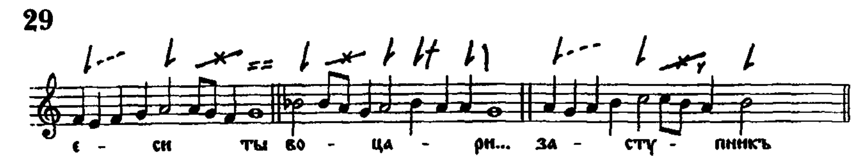
Краткие трехзвучные нисходящие тонемы представлены двумя вариантами: с ритмическим дроблением первой доли моры или ее второй доли. Соответственно этим ритмам в нотации применяются два знака: ключ и стопица со сложитьем.

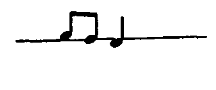
Ключ.

Характерное знамя новых русских нотаций; в столповой нотации не применяется. Знак используется для записи типичного для демества интонационного оборота с «тряской» голоса, исполняющийся с акцентом на первом звуке, что обозначено указательной пометой «ударка». Обычно он возникает в записи напева после подъема к уровню строки, который обозначается стопицей; с этого уровня начинается постепенный спуск с опеванием с верхнего звука. Таким образом, знаку ключа обычно предшествует стопица, образуя устойчивую последовательность знаков: стопица – ключ.

29

Сочетание стопицы и ключа приходится на один слог текста (обычно ударный), что соединяет их, при этом акцент («ударка») – разделяет. В столповой нотации этот оборот записывается сочетанием знаков – крюк светлый и сложитье с пометой «борзо»; встречается и более дробное изложение: ; в обоих случаях развод остается прежним.
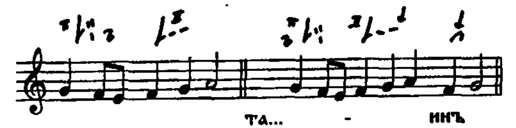

Стопица со сложитьем с оттяжкою.

Этими знаками записывают трехзвучный спуск с дроблением второй половины моры и акцентом на первом звуке, обозначенном стопицей (акцентным знаменем); интонационный оборот применяется для опевания с верхнего звука в многозвучных просодемах [20].

30

Воспятогласные тонемы

Восходяще-нисходящие тонемы

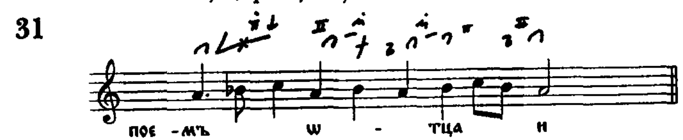
Краткая трехзвучная восходяще-нисходящая тонема с дроблением второй половины моры может быть записана голубчиком ометным.

Голубчик ометный.

Эта тонема, входящая в тайнозамкненную кокизу, представляет исключение среди простых тонем по своему интонационному («воспятогласному») рисунку.

31

Нисходяще-восходящие тонемы

Краткая трехзвучная нисходяще-восходящая тонема с дроблением второй половины моры по своему интонационному рисунку является зеркально симметричной по отношению к предшествующей тонеме. В нотации она обозначена соединением запятой и сложитья с оттяжкой, причем с пометой «борзо» (без борзой пометы эти знаки читаются в двойном увеличении).

Запятая и сложитье с оттяжкой.

Знак используется во всех трех новых русских нотациях (путевой, демественной и казанской), часто применяется в демественном многоголосии. В нотациях возникли варианты этого комплекса: запятая и палка воздернутая и слогня*.

2. Полукраткие тонемы (тонемы с дробными долями моры)

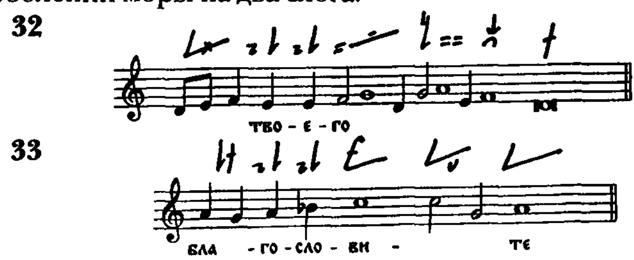
Полукраткие тонемы возникают при дроблении моры и по времени звучания равны ее половине, то есть являются полуморными.

2.1. Однозвучные тонемы

Полукраткие однозвучные тонемы обозначаются в нотации стопицей или запятой с пометой «борзо».

Стопица с пометой «борзо».

Тонемы такого рода применяются для краткой речитации при дроблении моры на два слога.

* *Шабалин Д.* Певческие азбуки Древней Руси. Кемерово, 1991. С. 202 (далее: Шабалин).

В столповой нотации стопица всегда служила знаком речитации на строке, т. е. стопица показывала высотный уровень строки. В демественной нотации встречается аналогичное ее использование именно в полукратком значении перед восходящим и нисходящим трехзвучным опеванием строки.

34

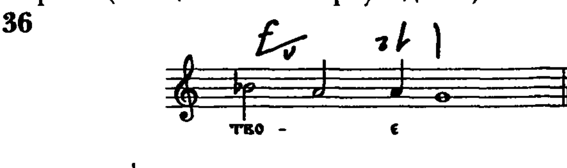
Стопица перед ключом с двумя крыжами обычно записывается без пометы «борзо», однако в подавляющем большинстве случаев разводится как с борзой пометой, т. е. четвертью. В этом случае происходит сбой периодичного метра и возникает соотношение 4 : 1 : 4, причем в напеве таким образом возникают три акцента.

Полукраткая однозвучная тонема используется также в устойчивых комплексах знаков – лигатурах. При этом, как правило, она сопровождается пометой «борзо», обозначает начальный акцентный звук. В лигатурах для записи этой тонемы мы видим стопицу перед крюком ключевым или челюсткой.

35

Стопица также входит и в соединение с палкой, образуя так называемый «пятидольник». Слог текста при этом всегда приходится именно на стопицу, что вызывает легкое акцентирование и объединяет ее с последующей палкой в одну ритмическую группу из пяти четвертей (с акцентом на первую долю).
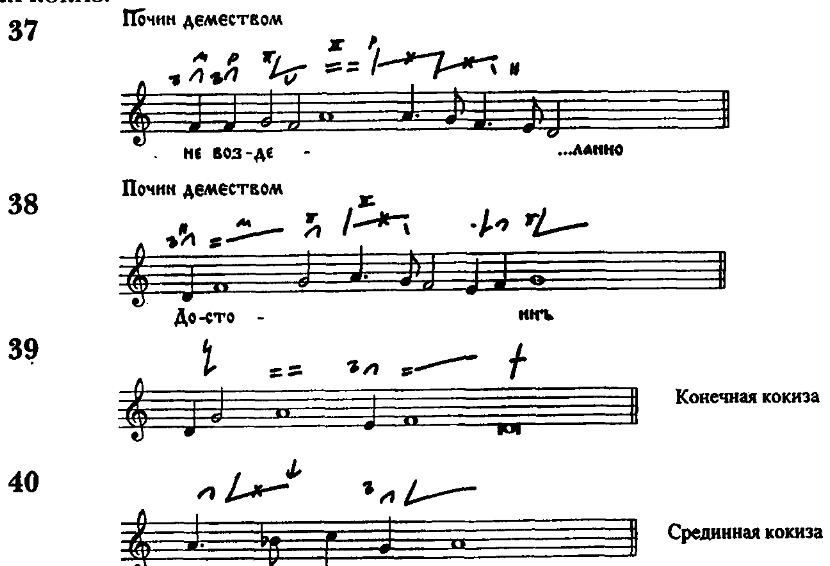
36

Запятая с пометой «борзо».

В демественной нотации запятая обычно применяется для интонирования ниже уровня строки в безударном слоге. Краткий вариант запятой используется в наиболее характерных оборотах

распева, например для начальной речитации в «починах демеством» — в этом случае демественная нотация подобна кондакарной, в которой знак запятой использовался именно для речитации. Этим знаком записывается полукраткая тонема в пятидольнике конечной кокизы, а также полукраткая просодема или пятидольная просодема в одной из самых характерных срединных демественных кокиз.

Запятая с пометой «борзо», как правило, нарушает периодичность, образуя пятидольник с последующим знаком нотации. В речитативных фразах запятая безударна; с пометой «борзо» она используется также для записи полукратких просодем.

2.2. Двузвучные тонемы

Нисходящие тонемы

Полукраткие двузвучные нисходящие тонемы обозначаются *стопицей с крыжем.*

Стопица с крыжем.

В обычном значении эти знаки передают двузвучный нисходящий оборот ровными длительностями (четвертями). Ритмическое уменьшение и развод этих знаков восьмыми длительностями возникает в характерной кокизе демественного пения — опевании с «тряской» голоса . Кокиза, распеваемая на два слога, записывается ключевой чертой со знаком «ударки» и статьей светлой. Если добавляется дополнительный третий слог текста, то первая краткая просодема дробится на две полукратких; в этом случае полукратким тонемам соответствуют знаки нотации: стопица с крыжем и запятая с пометой «борзо» (см. пример 41).

3. Гемиолы краткие

Гемиолы краткие образованы соединением кратких и полукратких тонем и равны по времени своего звучания полутора морам. Звуковой состав полутораморных тонем-гемиол ограничивается двумя и тремя звуками различной направленности и интонационного рисунка. «Несимметричный» ритм гемиолы краткой придает определенную свободу ритмическому движению в напеве, делает его более разнообразным.

3.1. Двузвучные тонемы

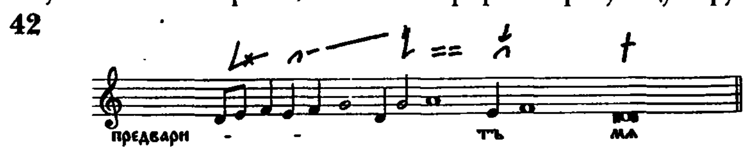
Восходящие тонемы

Гемиолы краткие двузвучные восходящие представляют знаки сорочьей ножки и сокольица, причем последний разводится гемиолой краткой только в тайнозамкненных кокизах (будет рассмотрен в разделе о кокизах).

Сорочья ножка.

Сорочья ножка не как дополнительный знак, а как самостоятельное знамя имеет значение восходящего оборота, связанного со скачком на кварту, реже — на секунду. С ударностью — безударностью текста этот знак не связан, хотя его первый звук исполняется с акцентом. Тонема, записанная сорочьей ножкой, входит в конеч-

ную фиту большого демественного распева, где она преимущественно и употребляется. Ритмическая асимметрия этой тонемы, звучащей, как правило, перед конечной кокизой, выделяет окончание музыкальной строки, выполняя формообразующую функцию.

При скачке на кварту знак, как правило, записан в высоких согласиях – светлом и тресветлом (с пометой «покой» или «покой с хохлом»; скачок может быть отмечен двумя пометами одновременно, например . Секундовые и терцовые разводы сорочьей ножки встречаются в кокизах (см. далее).

Крюк ключевой и стопица. Развод приведен по Азбуке *Большакова*, л. 12 об.**

Этот тайнозамкненный оборот обозначает гемиолу краткую двузвучную с повтором второго звука на той же высоте; встречается в лицах.

Нисходящие тонемы

Статья мрачная с крыжем.

Обозначает двузвучную гемиолу краткую, нисходящую. Тонема и знак ее используются не только в демественной нотации, но и в путевой и казанской (*Шабалин.* С. 196, 203), следовательно, эта тонема звучала и в песнопениях раннего многоголосия*.

Трехзвучные гемиолы, восходящие, нисходящие и воспятогласные, возникают исключительно в контексте тайнозамкненных кокиз (изменяющих обычное значение знаков). Такие гемиолы будут рассмотрены далее, в разделе о кокизах. ***Указанием на тайнозамкненность записи в демественной нотации служит вспомогательный знак сорочьей ножки. Обычно он указывает на принадлежность основного знака***

* Казанское знамя применялось именно для записи многоголосия.

** РГБ, собр. Большакова, ф. 37, № 153.

нотации к тайнозамкненной кокизе и обращает внимание на иное значение обычного знамени.

4. Долгие тонемы

Равные двум морам, в ряду простых тонем они представлены единственным звуковым составом: только как однозвучные.

4.1. Однозвучные тонемы

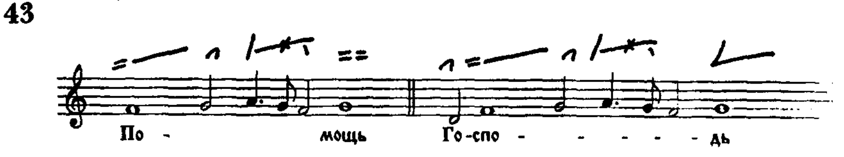
В демественной нотации, как и в столповой, есть несколько знамен, которые соответствуют двум морам и разводятся целой длительностью: это стрела простая, палка, параклит, крюк простой, статьи светлая и простая.

Такое разнообразие в записи отражало не только долготу звука, но и многое другое: просодические характеристики, соотношение с текстом, акцентность (ударность – безударность), динамику, звуковысотность (соотношение со строкой), место в композиции в целом.

Стрела простая.

Стрела простая связана с акцентной просодемой и ударным слогом текста. Она используется в начале композиционной строки (в почине демеством), иногда в ее завершении (в конечных кокизах). Этот знак может начинать песнопение с ударного слога или следовать за знаками предударных слогов (при безударном начале текста).
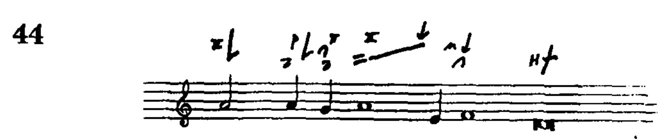
43

Стрела простая с сорочьей ножкой.

Сорочья ножка обычно указывает на четвертый звук по отношению к нижнему звуку согласия. В приводимом примере высотное положение стрелы с сорочьей ножкой выше конечного тона на квинту.

44

Мы видим, что если стрела не начинает песнопение, то ей всегда предшествуют звуки ниже ее по уровню на одну или реже две ступени. То есть стрела простая означает долгий ударный относительно высокий звук в восходящем движении напева.

Палка.

Это также знак акцентной просодемы, однако, в отличие от стрелы простой, он применяется для долгого звука после спуска; палка часто начинает распев ударного слога и звучит *на ступень ниже строки* (обычно эта палка сопровождается пометой «покой»). Значение палки относительно строки в демественной нотации противоположно ее значению в столповой, где палка всегда поется на ступень выше предшествующего знамени: «А палка простая выгнуть мало»*. Палке в демественной нотации предшествуют звуки на одну-две ступени выше.

45

со- тво - - - - -...ршаго

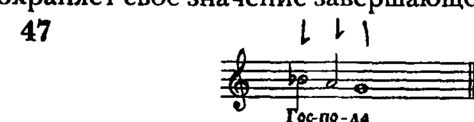
Это же значение она сохраняет и в контексте с другими знаменами, например со стопицей с пометой «борзо» – стопица звучит на уровне строки и на ступень выше палки.

46

во - ца - рн

Иногда, очень редко, палка используется на безударный слог, но сохраняет свое значение завершающего спуск долгого звука:

47

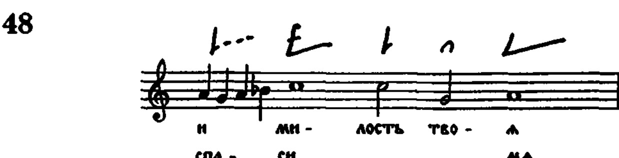

* *Бражников М. В.* Древнерусская теория музыки. Л., 1972. С. 87.

Параклит.

В столповой нотации параклит употреблялся в начале песнопения. «Аще в начале стиха параклит, та строка начинается светло и сановито»*. В той же азбуке «путного знамени» параклит разведен статьей светлой**. То есть этот знак должен означать уровень долгого звука на две ступени выше строки. Параклиту обычно предшествуют звуки уровнем ниже на одну-четыре ступени.

48

Если параклит завершает мелодический подъем, то, как правило, он совпадает с ударным слогом. Но есть случаи применения его в другом значении – на безударный слог для завершения фразы «почина демеством».

49
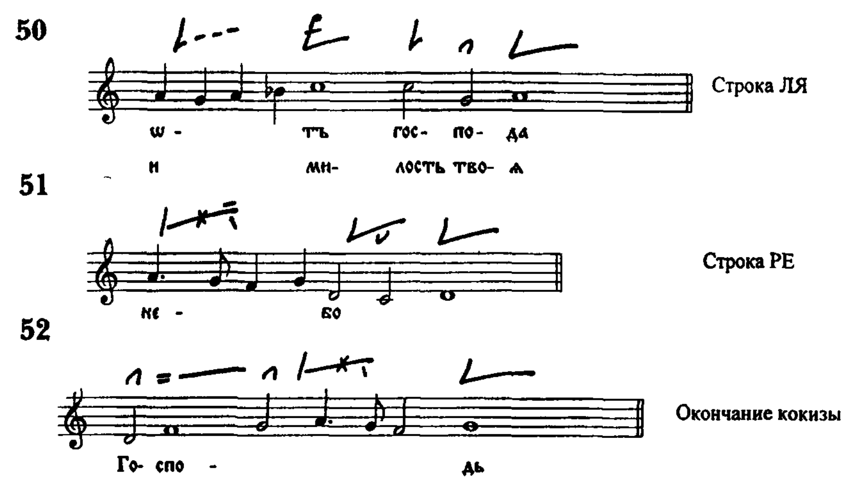

Крюк простой.

Этот знак соответствует конечному тону кокизы – в этом он подобен статье простой в столповой нотации. Весьма часто крюк звучит на уровне звуковысотной строки (*ля* и *ре*); он не связан с акцентностью текста.
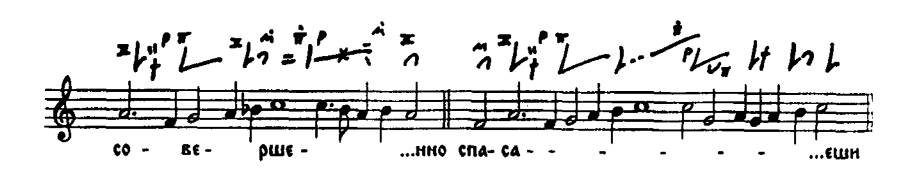
* Христофор. Ключ знаменной 1604 / Публ., пер. М. Бражникова и Г. Никишова; Предисл., коммент., исслед. Г. Никишова. М., 1983 (Памятники рус. музыкального искусства. Вып. 9). С. 114.

** Там же. С. 117.

Аналогии со статьей столповой нотации возникают при соединении двух кокиз в различных согласиях. При переходе от одного согласия к другому используются связующие звуки, как в знаменном распеве, так и в демественном. В столповой нотации в таких случаях применялась стопица-переводка, которая присоединялась к статье простой, сокращая ее длительность вдвое . В демественой нотации также есть знаки для записи связующих звуков: это либо челюстка , либо осока ,которые также сокращают вдвое предшествующий крюк простой.
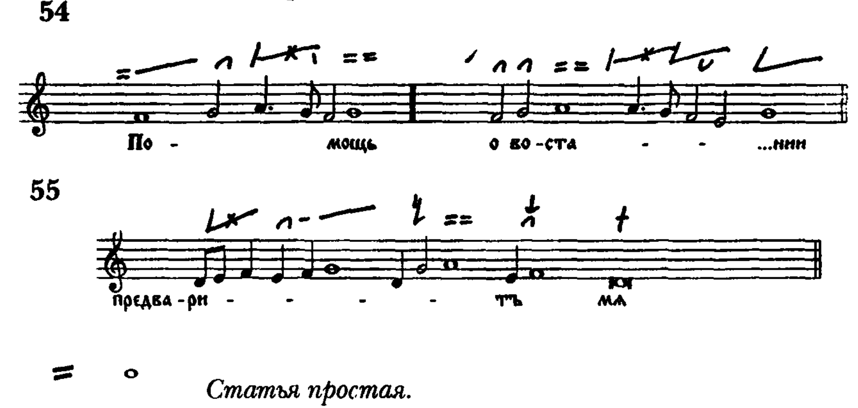
53

В старообрядческих списках с признаками крюк, употребляющийся обычно с пометами «веди» и «покой», записывается с верхним или средним признаком . В первом случае его начертание совпадает со знаком, имеющимся в путевой и казанской нотациях: это крюк с рогом . Музыкальное значение крюка в демественной нотации, равное двум морам, при этом не изменяется.

Статья светлая.

Знак долгой тонемы в высоком согласии (светлом, тресветлом). В столповой нотации статью светлую исполняли на две ступени выше простой статьи и на одну выше мрачной: «а статия мрачная посветлее простые поется, а светлая мрачные посветлее, а [с] сорочьей но[ж]кою и того светлее»*. Это же значение статьи светлой как знака для звуков выше строки сохраняется и в демественной нотации. Статья светлая звучит на одну-две ступени выше строки. В самой типичной конечной кокизе статьей светлой записан звук на пять ступеней выше конечного тона. Этот знак применяется в начальных и заключительных кокизах, при этом часто в соединении с другими сложными знаменами, обозначающими характерные мелодические обороты демественного пения.

Статья простая.

Как самостоятельное знамя применяется крайне редко, причем в низком (простом) согласии. Чаще входит в сложные лигатуры, обозначающие кокизы демественного пения (об этом – далее).

5. Двойные долгие тонемы

Эти тонемы по своей продолжительности равны четырем морам. В ряду простых тонем они представлены только однозвучными тонемами.

* Там же. С. 114.
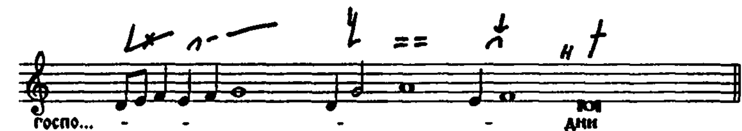
5.1. Однозвучные тонемы

Для их записи в демественной нотации применяются два знака – крыж и рог, которые соответствуют звуковому составу данных структур.

Крыж.

Крыж как самостоятельное знамя применяется для обозначения конечного тона песнопений, обычно завершая фиты в низких согласиях – простом и мрачном; с ударностью или безударностью слогов не связан. Звучит ниже строки, записывается чаще всего с пометой «низко»:

56
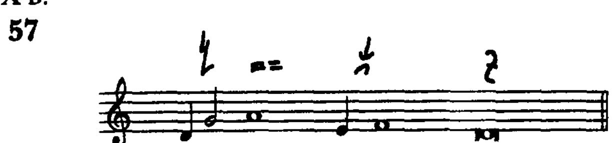

Крыж широко применяется как вспомогательное знамя и в соединении с другими знаменами прибавляет нисходящий звук (см. об этом далее).

Рог.

Рог заменяет крыж в значении самостоятельного знамени, применяется в редких старообрядческих списках XIX в., например ГЦММК, собрание Культовой музыки, № 79, первая половина XIX в.

57

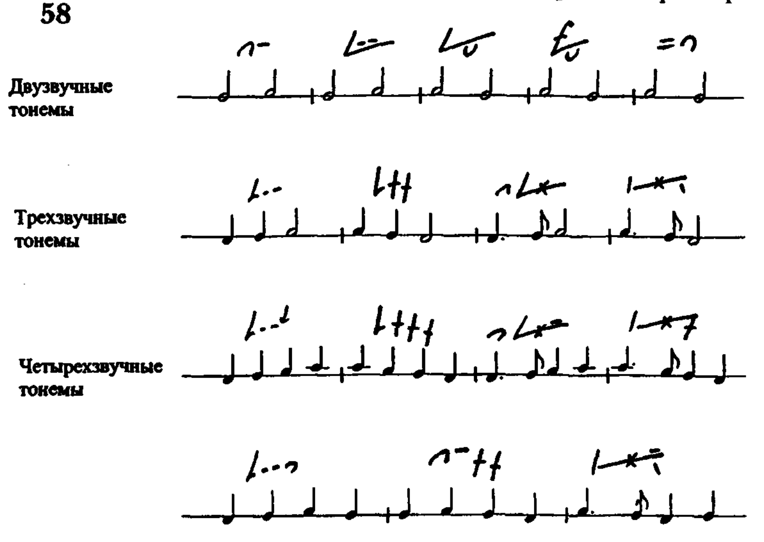

II.Сложные тонемы; сложные знамена и их соединения

Другая разновидность тонем демественного пения – *сложные* (*составные*) тонемы, образованные соединением двух простых; для их записи применяются более сложные по графике знамена, которые нередко образованы основными и вспомогательными знака-

ми. Количество звуков, как правило, проецируется на элементы нотации: двузвучные тонемы записываются знаменами из двух элементов, трехзвучные – из трех и т. д. Направленность движения – восходящая, нисходящая и воспятогласная – также наглядно видна в графике (переводка и стопица с двумя крыжами, переводка ометная и голубчик тихий с двумя крыжами и пр. (см. пример 58).

58

Как и в простых тонемах, в сложных сохраняется принцип зеркальной симметрии в отношении ритма и интонационного рисунка. То есть тонемам восходящим соответствуют нисходящие; воспятогласные тонемы также, как правило, представляют пары – основную тонему и ее обращение относительно направленности интонационного движения. Ритмические варианты тонем нередко являются ракоходными к основному.

1. Долгие тонемы

Равные двум морам, долгие сложные тонемы отличаются как более разнообразным звуковым составом – от двузвучных до пятизвучных, – так и более развитым интонационным рисунком.

1.1. Двузвучные тонемы

Восходящие тонемы

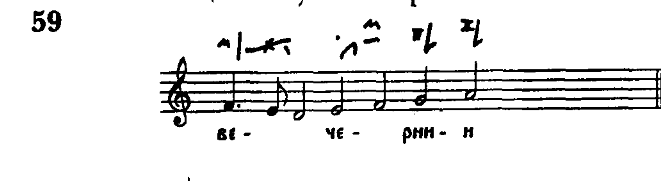
Они представлены знаками, отражающими ровное ритмическое движение половинными длительностями и движение с неравным делением – ритмическим пунктиром, – это голубчик, крюк светлый и крюк ометный.

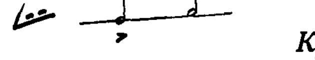

Голубчик.

Знак поступенного восходящего двузвучия равными длительностями; сохраняет значение переходных, связующих звуков, как в столповой нотации голубчик борзый:

59
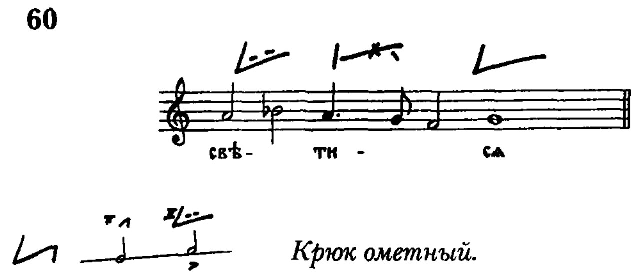

Крюк светлый.

Используется как знак опевания строки верхним вспомогательным звуком; нижний звук его часто совпадает со строкой и началом слога, что придает ему определенную активность (слабую акцентность). В демественной нотации употребляется весьма редко, в отличие от широкого применения в столповой нотации, где он имеет противоположное значение – употребительный акцентный знак смыслового ударения.

60

Крюк ометный.

Долгая двузвучная восходящая тонема, состоит из двух кратких однозвучных, вторая из которых исполняется с акцентом. Развод приведен по азбукам *Большакова*, л. 10; *Шабалина*, с. 208.

Нисходящие тонемы

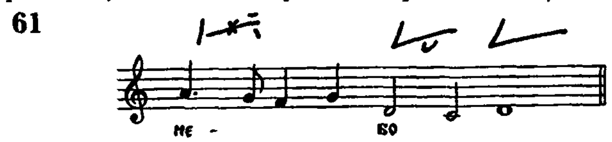
Представлены крюком с подчашием, параклитом с подчашием и статьей с запятой – знаками ровного ритмического движения, а также крюком мрачным и стопицей со сложитьем и крыжем – знаменами, которым соответствует ритмический пунктир.

Подчашие.

Это знамя служит для записи нисходящего поступенного оборота равными длительностями (половинными). В столповом знамени этот знак именуется крюком с подчашием, в новых русских нотациях – просто подчашием, поскольку есть его разновидности – подчашие мрачное, оно же с палкой.

Используется для опевания с нижним вспомогательным звуком: первый звук часто на строке, второй – на ступень ниже.

61

Приведенный оборот очень характерен для демественного распева. Подчашие используется и в поступенном движении, соединяясь с другими знаками, при этом оно также отмечает начало строки.

62

Подчашие имеет также развод с мелодическим скачком – «ломкою» на чистую кварту вниз:

63

В данном случае он присоединяется к звуку мелодической вершины, продляя ее, и сохраняет свое основное, по-видимому, значение – опевает строку снизу, нижним вспомогательным звуком.

Параклит с подчашием.

Основной развод совпадает с разводом крюка с подчашием. Различие заключается в том, что параклит находится в ином соотношении со строкой – опевает строку сверху, верхним вспомогательным звуком, и начинается, соответственно, на ступень выше строки.
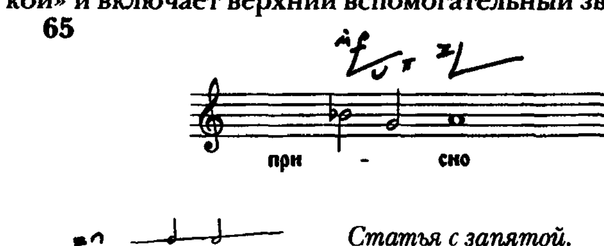
64

Строка *ля*

Как и крюк с подчашием, параклит с подчашием так же имеет развод с «ломкою» – на терцию, но это применяется значительно реже. Скачок обозначается пометами «мыслете с хохлом» и «покой» и включает верхний вспомогательный звук опевания строки.

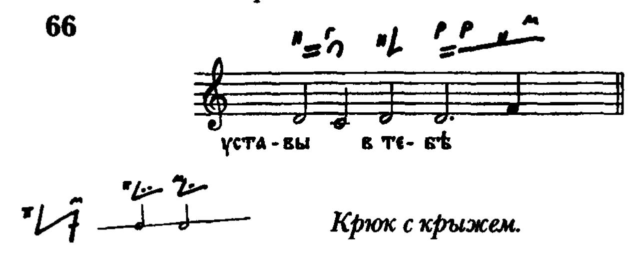
65

Статья с запятой.

Знамя применяется редко, обычно в мрачном согласии с пометами «низко» и «гораздо низко».

66

Крюк с крыжем.

Долгая двузвучная нисходящая тонема, состоит из двух кратких однозвучных. Обычное значение крыжа в соединении с другими знаками сохраняется: крыж добавляет одну нисходящую ступень к разводу основного знака, при этом длительность крыжа «вливается» в длительность крюка. Развод знамен приведен по азбукам *Большакова*, л. 10; *Шабалина*, с. 208.

Крюк мрачный.

Применяется редко, как правило, в соединении с другими знаменами. В столповой нотации его заменяет статья светлая закрытая с сорочьей ножкой

Параклит мрачный.

Развод его совпадает с крюком мрачным. Составная тонема образована краткой однозвучной и краткой двузвучной нисходящей, при этом ее верхний звук сливается с начальной краткой тонемой. Знак используется также в путевом и казанском знамени.

Крюк светлоометный.

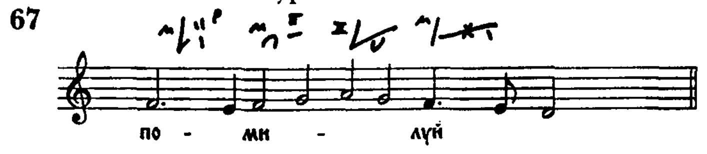
Записывает составную тонему, дóлгую двузвучную нисходящую, состоящую из краткой однозвучной и краткой двузвучной нисходящей. Ометный знак добавляет нисходящую ступень длительностью в половину моры. Развод дан по азбукам *Большакова*, л. 10 об.; *Шабалина*, с. 209.

Стопица со сложитьем.

Развод соединяет значения каждого элемента, составляющего комплекс + , т. е. стопицы и сложитья; вторая из помет — «равно» — указывает на то, что сложитье начинается с уровня стопицы.

67

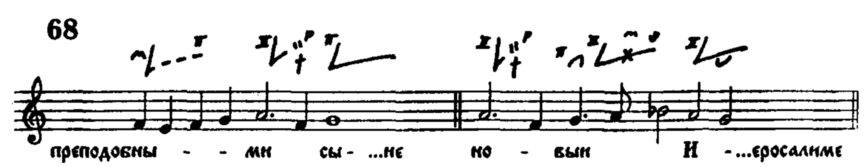

Стопица со сложитьем и крыжем.
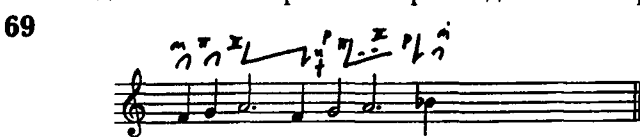
Разводится с «ломкою» на терцию и кварту. Терцовая «ломка» опевает ступень ниже строки.

68

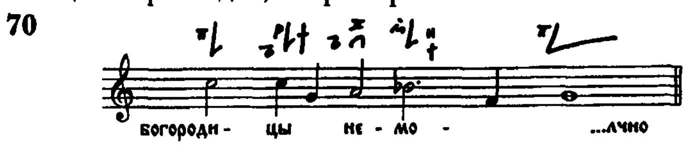
Указательная помета «равно» указывает, что сложитье с крыжем начинаются с уровня стопицы. Крыж заменяет третий элемент сложитья и дает нисходящий развод. Стопица в этом сочетании знаков сохраняет свое значение звуковысотного уровня строки – стопица показывает строку. Есть графический вариант записи данного мелодического оборота – с присоединением крюка:

69

Квартовая «ломка» в разводе стопицы применяется в характерных лицевых разводах, например:

70

1.2. Трехзвучные тонемы
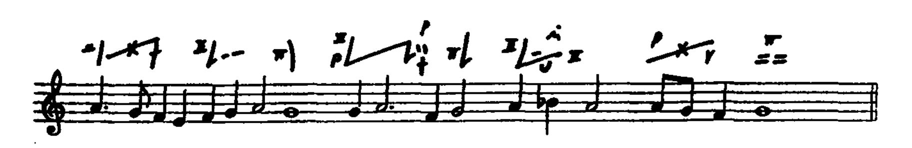
Представлены несколькими знаменами, отражающими разные ритмические варианты, в том числе и пунктирный ритм в восходящем движении.

Восходящие тонемы
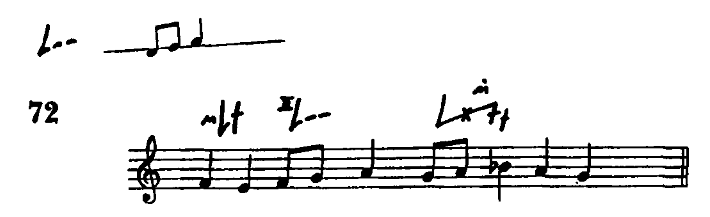
 Переводка.

Основной развод переводки – поступенно восходящие две четверти и половинная, из которых ударна первая:

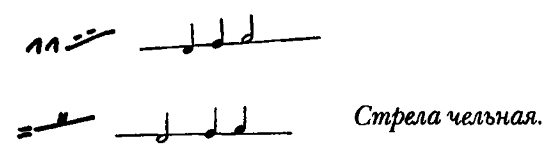
71

В гемиольном значении трех восходящих четвертей переводка используется в тайнозамкненных кокизах (см. *Гемиола краткая трехзвучная восходящая, Гемиола долгая*). В виде исключения переводка иногда разводится в ритмическом уменьшении:
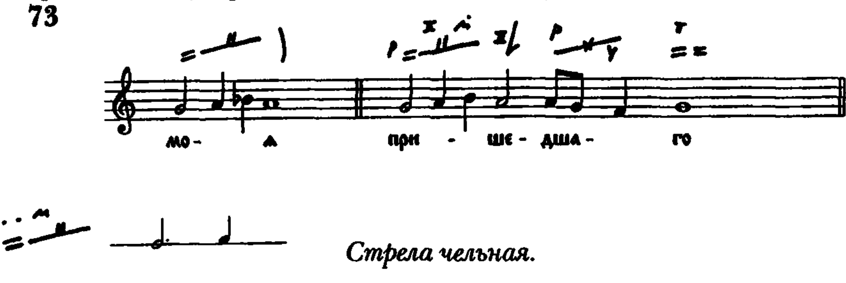

В столповой нотации вместо переводки использовалась стрела громосветлая.

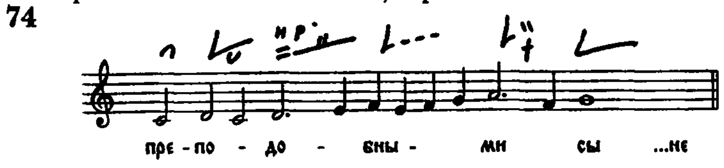
Стрела чельная.

Исполняется с ударением на нижнем долгом звуке; применяется для распева безударных слогов и в многозвучных просодемах.

Стрела чельная.

С другими пометами («низко», «слово» и «мрачно») стрела чельная используется в мрачном согласии обычно в начале восхождения к вершине; всегда связана с ударным слогом:

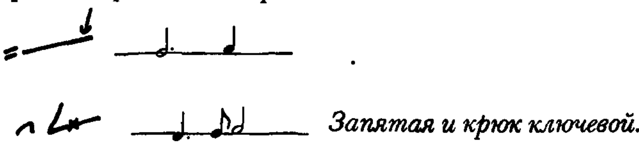
Помета «равно» относится в данном случае к залигованной четвертной ноте (ре), которая присоединяется по длительности к предыдущей половинной.

Эта же стрела встречается с «ломкою» на терцию с пометами «низко» и «мыслете»:

75

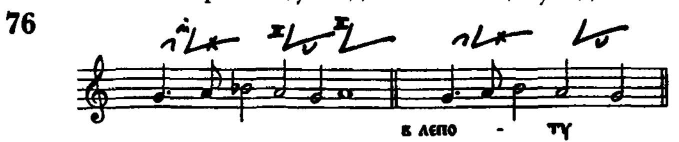
В столповой нотации тонема с данным ритмом записывается стрелой простой с сорочьей ножкой

Запятая и крюк ключевой.

В самостоятельном значении знаки имеют данный развод, отличающийся от гемиольного развода в тайнозамкненных сочетаниях. В таком значении развод укладывается в целую длительность.

76

В столповой нотации эта тонема записывалась стрелой громосветлой с крыжем , иногда с дополнительными пометами «борзо» и сорочьей ножкой; развод тот же, что и в демественной нотации.

Нисходящие тонемы

Эта группа знамен, как и предшествующая, фиксирует те же ритмические варианты, но с другим направлением мелодического движения. Их представляют стопица с двумя крыжами и мечики ключевые.

Стопица с двумя крыжами.

Это сочетание трех знамен можно рассматривать как соединение стопицы с крыжем, которые разводятся как нисходящие две четверти, – и крыжа, прибавляющего еще половинную длительность на ступень ниже.
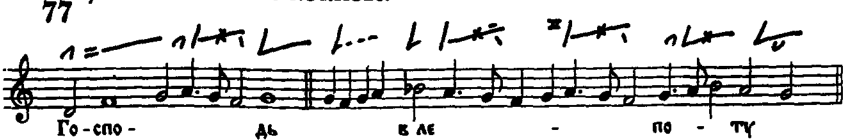
Мечики ключевые.

Мелодический спуск с пунктирным ритмом чрезвычайно характерен для демественного распева. Для его записи используются варианты мечика ключевого; из них чаще встречается мечик ключевой закрытый.

Мечик ключевой закрытый.

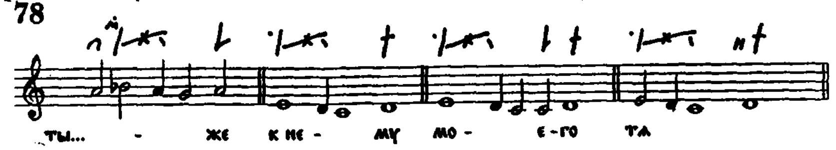
Нисходящая интонация, обозначаемая мечиком, обычно соответствует окончанию кокизы.

77

Это же знамя в конечных кокизах – и иногда в «захватах» и «починах демеством» – разводится с большим замедлением, которое обычно отражено в линейных рукописях. Приводим ритмические варианты звучания данной интонационной модели:

78

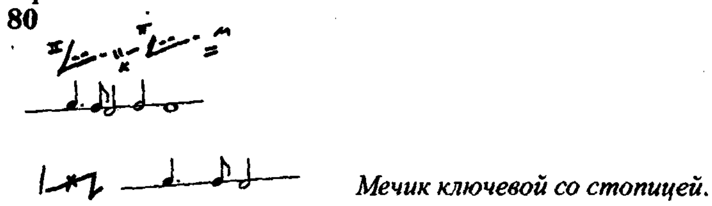
Все варианты сохраняют соотношение долгих крайних звуков и краткого среднего, варьируя оттяжки. В третьем такте данного примера последний долгий звук дробится из-за текста на две половинные. Такой замедленный развод стал правилом для конечных кокиз; исключения встречаются, но не часто. Выписанное замедление соответствует реальному исполнению в певческой практике.

В столповой нотации данная тонема разводится дробным знаменем, соответствующим указанному замедлению в кадансах:

79

Кроме того, и в начальных, и в срединных разделах используется вариант тонемы без замедления:

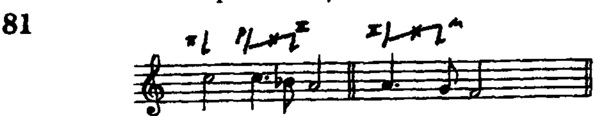
80

Мечик ключевой со стопицей.
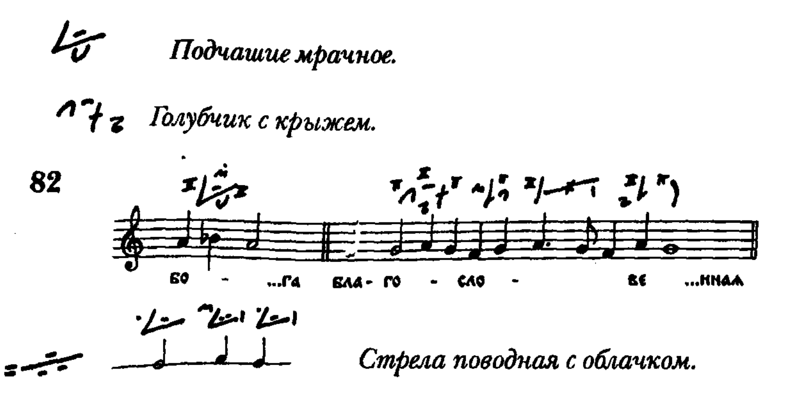
Разводится как и мечик закрытый. Данная форма записи является как бы более подробной, уточняющей, хотя на развод не влияет.

81

Воспятогласные тонемы
Восходяще-нисходящие тонемы

Несколько знамен выполняют роль знаков опевания с верхним или нижним вспомогательным звуком. При этом дробится либо первая, либо вторая половина составной тонемы. Опевание с верхним вспомогательным звуком с дроблением моры в начале записывается подчашием мрачным (с пометами «веди» и «мыслете с хохлом»), а с дроблением моры в конце – голубчиком с крыжем с пометой «борзо».

Подчашие мрачное.

Голубчик с крыжем.

82

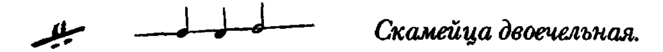
Стрела поводная с облачком.

Данное знамя используется редко; обычно оно заменяется голубчиком с крыжем .

Развод стрелы дан по азбуке *Большакова*, л. 11.

Нисходяще-восходящие тонемы

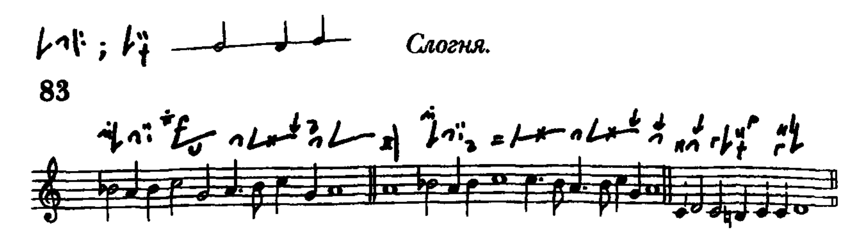
Опевание с нижним вспомогательным звуком и дроблением моры в начале записывается скамейцей двоечельной и состоит из двузвучной краткой нисходящей и однозвучной краткой тонем.

Скамейца двоечельная.

Такой развод имеет крюк двоечельный в столповой нотации.

Ритмический вариант опевания с дроблением второй моры записывается слогней
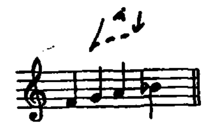

Слогня.

83

1.3. Четырехзвучные тонемы

Восходящие тонемы
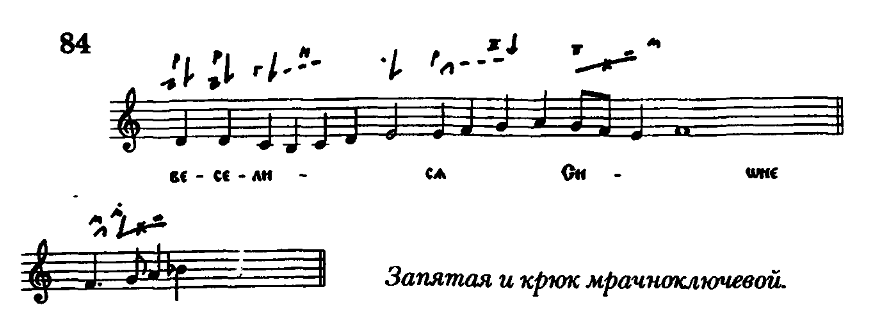

Переводка с сорочьей ножкой.

Четырехступенный подъем равными длительностями записывается переводкой с сорочьей ножкой и состоит из двух кратких двузвучных восходящих тонем.

Голубчик тресветлый с сорочьей ножкой.

Этим знаменем записывают такую же, как предшествующая, долгую четырехзвучную восходящую тонему. Знак сорочьей ножки указывает на тайнозамкненность начертания (без сорочьей ножки тонема читается в двойном ритмическом увеличении). Развод приведен по азбуке *Большакова*, л. 9.

Запятая и крюк мрачноключевой.

Четырехзвучный подъем с пунктирным ритмом записывается соединением запятой и крюка мрачноключевого.
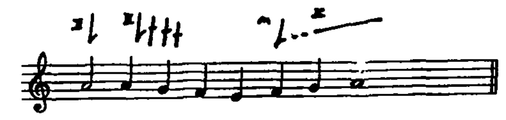
Напомним, что трехзвучный подъем с пунктиром обозначается запятой и крюком ключевым . Знак мрачного согласия – короткая черта, проставленная у крюка справа сверху, – добавляет к разводу четвертый звук.

В столповой нотации эта тонема записывается стрелой громосветлой с крыжем, сорочьей ножкой и пометой «борзо» или сочетанием этой стрелы с крюком светлым (в этом случае сорочья ножка опускается); развод тот же.

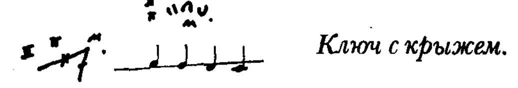
Нисходящие тонемы

Стопица с тремя крыжами.

Четырехступенный спуск равными длительностями записывается стопицей с тремя крыжами:

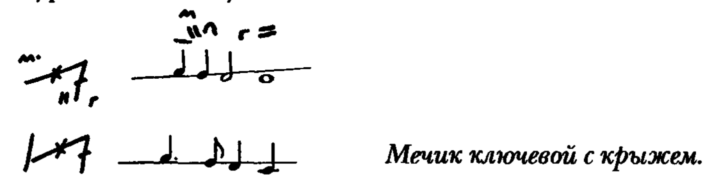
В данном примере спуск начинается с уровня строки, который отмечен стопицами с пометой «веди». Четырехзвучный спуск складывается из двух двуступенных тонем, нисходящих, кратких.

Ключ с крыжем.

Развод дан по азбуке Большакова, л. 9 об. Данная лигатура записывает ту же тонему, что и предыдущая; встречается редко. В ука-
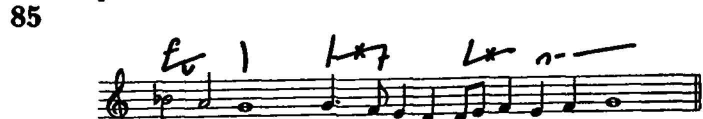
занной азбуке приведен и другой развод, с другими пометами; здесь лигатура соответствует двойной долгой тонеме.

Мечик ключевой с крыжем.

Пунктирный ритм в нисходящем движении записывается мечиком *ключевым*; четыре *ступени вниз с пунктиром* – *мечиком* ключевым с крыжем:

85

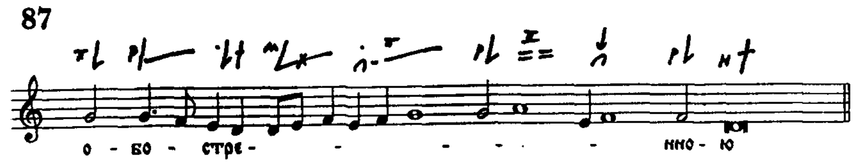
Встречается графический вариант записи этого же мелодического оборота – мечиком ключевым закрытым и стопицей с крыжем:

86

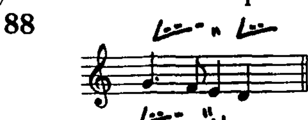
При разделении данной составной тонемы на две простые, соответсвующие двум просодемам, изменяется ее запись: каждая просодема записывается отдельными знаками.

87

В столповой нотации эта тонема обозначается комплексом знамен; в одном случае – это сочетание крюков светлых и сложитья, в другом – сочетание крюка светлого, сложитья и чашки.

88

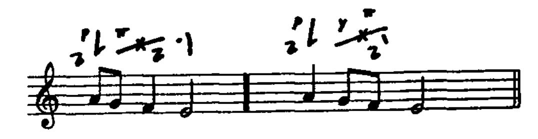

Два мечика ключевых.

Долгая тонема соединяет в себе две краткие нисходящие тонемы пунктирного ритма. В *Рогожской* азбуке, из которой взяты демественные знамена, ритм записан приблизительно (РГБ, Рогожское собр., ф. 247, № 113, л. 11).

Четырехзвучные мелодические обороты с дробным ритмом четвертями и восьмыми отличались тайнозамкненностью записи, в которой подразумевался особый развод обычных знамен:

89

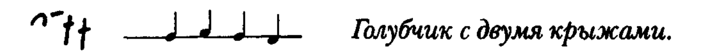

Эти мелодические обороты складываются из трехзвучных нисходящих кратких и кратких однозвучных тонем.

Воспятогласные тонемы

Восходяще-нисходящие тонемы

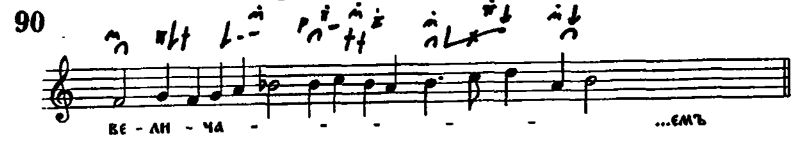
Эта группа тонем представлена знаменами, отражающими интонационные и ритмические варианты тонем, что связано с опеванием или переходом из одного согласия в другое.

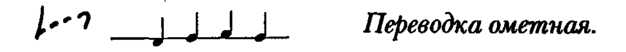

Голубчик с двумя крыжами.

Это составное знамя обозначает мелодический оборот из двух кратких двузвучных тонем, восходящей и нисходящей. Запись знамен весьма наглядна и отражает интонационный рисунок тонемы; крыжи, как обычно, передают нисходящее движение:

90
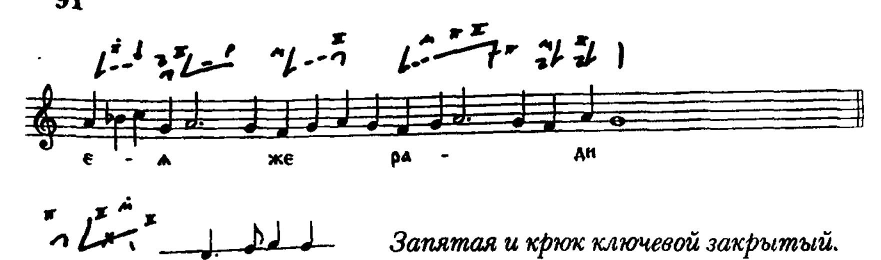

Переводка ометная.

Развод обычной переводки изменен добавлением запятой:

91

Запятая и крюк ключевой закрытый.

Знак закрытого ключа – нисходящая косая черточка под крюком ключевым – добавляет нисходящий четвертый звук к обычному трехзвучному разводу этой лигатуры. Развод по *Рогожской* азбуке, л. 9 об.

Крюк ключевой и крюк мрачный.

Развод по азбуке *Беляева*, с. 75, № 166*. Лигатура состоит из двух кратких тонем: трехзвучной восходящей и двузвучной нисходящей; интересна своим синкопированным ритмом. В азбуке Большакова ее развод дан в замедленном ритме, который прекрасно вписывается в демество большого распева.

Крюк ключевой с крыжем. (развод дан по азбуке *Большакова*, л. 9 об.).

Близкая тонема, обозначаемая крюком ключевым с двумя крыжами , является очень употребительной в деме- ственном пении старообрядческой традиции, поэтому можно предположить, что аналогичная запись – крюк ключевой с крыжем – будет разведена на основе указанного употребительного оборота. Именно поэтому развод азбуки *Большакова*, по всей видимости, следует читать не буквально

* *Беляев В. М.* Раннее русское многоголосие. М., 1997. Перевод в линейную нотацию *В. М. Беляева.* Далее – азбука *Белаева*

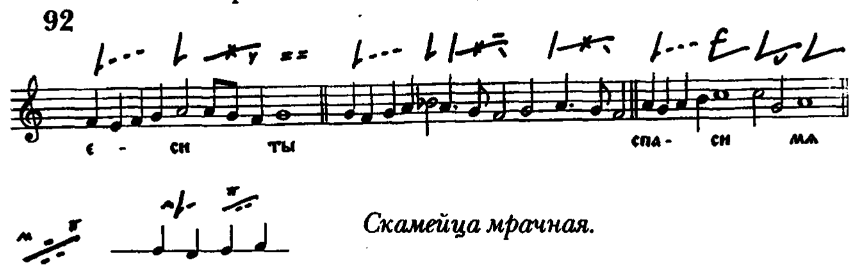
, а как зеркальное обращение ключа мрачного. Подобная запись зеркально-симметричных тонем очень характерна для всей церковно-певческой традиции Древней Руси и восходит к ее раннему периоду.

Нисходяще-восходящие тонемы

Переводка непостоянная.

Название заимствовано из путевой нотации, в которой это знамя имеет несколько разных разводов. В демественной нотации, напротив, это знамя не меняется и всегда имеет постоянный развод. Переводка непостояная обычно употребляется в значении подхода к вершине и начинается, соответственно, на две ступени ниже вершины; пометы переводки – «покой», «веди», «мыслете с хохлом».

92

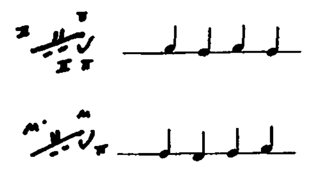

Скамейца мрачная.

Знак дублирует запись предыдущей тонемы; употребляется весьма редко. Развод дан по азбуке *Беляева*, с. 73, № 114.

Скамейца непостоянная.

Знак для записи той же тонемы. Иногда встречается другой развод, связанный с иным звуковысотным положением (см. далее: тонемы долгие пятизвучные). Развод приведен по азбуке *Беляева*, с. 73, № 116.

Скамейца двоечельная с подверткою.

Разводится по-разному, в зависимости от проставленных помет: с «качкою» голосом на двух соседних ступенях или как переводка непостоянная; пометы, выставленные у знамени, обозначают каждый звук.

Скамейца двоечельная с сорочьей ножкой.

Развод совпадает с предшествующим знаменем – скамейцей двоечельной с подверткою.

Мечик мрачноключевой закрытый.

Это знамя отображает очень характерный мелодический оборот демественного распева – с нисходящим пунктиром и возвратом наверх; часто употребляется перед скачком вниз (на кварту, редко – квинту).

93

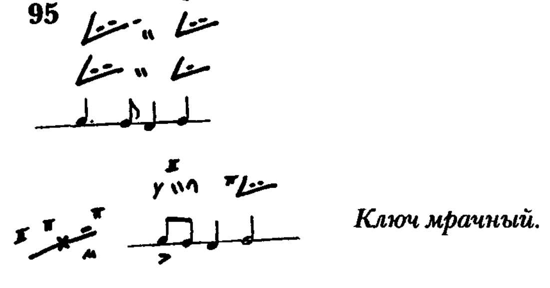
Если этот оборот распевается на два слога, то он записывается двумя знаками – мечиком и челюсткой[21]:

94

В столповой нотации эта сложная тонема записывается комплексом знаков и является одной из самых распространенных в демественном распеве.

95

Ключ мрачный.

Характерный интонационный оборот демественного пения конца XVII в.; близок знаменной «тряске» – употребительной интонации знаменного распева с древнего периода.

В данной долгой тонеме соединились краткая трехзвучная нисходящая и краткая однозвучная тонемы, образуя воспятогласный интонационный рисунок.

Развод по азбуке *Большакова*, л. 9 об.

1.4. Пятизвучные тонемы

Воспятогласные тонемы

Восходяще-нисходящие тонемы

Многозвучные тонемы с изменением направления интонационного рисунка представлены знаковыми комплексами.

Крюк ключевой с двумя крыжами.

Встречается только с пометой «мыслете с хохлом» и представляет собой опевание строки с нижним и верхним вспомогательными звуками.

96

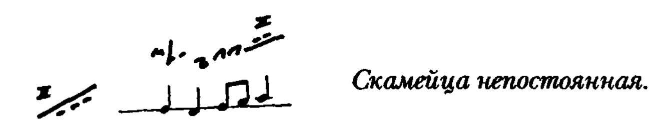
В столповой нотации записывается дробным знаменем:

97

Запятая с крюком ключевым и мечиком ключевым.

С пометами ударки данная лигатура имеет такой необычный развод; при том же разводе встречаются варианты указательных помет: с одной пометой ударки ; без ударки, но с пометой «борзо» [22] .

Нисходяще-восходящие тонемы

Скамейца непостоянная.

Развод знамени изменен в связи со степенной пометой «веди». Подобный развод встречается редко.

Скамейца мрачнонепостоянная.

Развод повторяет скамейцу непостоянную. По азбуке *Беляева*, с. 73, № 119, 120.

2. Гемиолы долгие
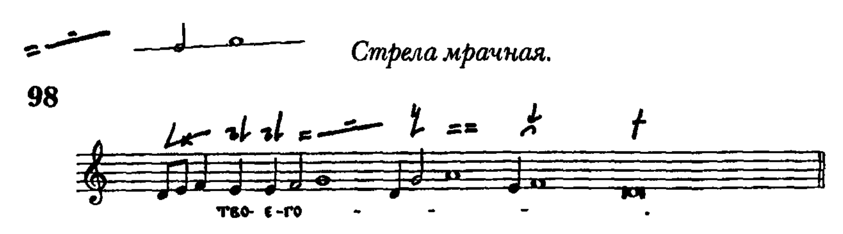
Гемиолы долгие по своей длительности являются трехморными тонемами и отражают полуторное увеличение долгих тонем. В демественном пении гемиольные долгие тонемы очень разнообразны как по интонационно-ритмическому рисунку, так и по звуковому составу. Степени сложности интонационных моделей соответствует и их запись – от отдельных знаков нотации до самых замысловатых их соединений.

Однозвучные гемиолы долгие не используются – в этом проявляется господство бинарности в ритмической организации демественного распева[23].

2.1. Двузвучные тонемы

Восходящие тонемы

Двузвучные гемиолы долгие также используются редко, как исключение. Например, в конечных фитах встречается развод, отражающий, вероятно, реальное исполнение с замедлением – стрела мрачная разводится поступенно восходящими половинной и целой, образуя именно гемиолу долгую двузвучную.

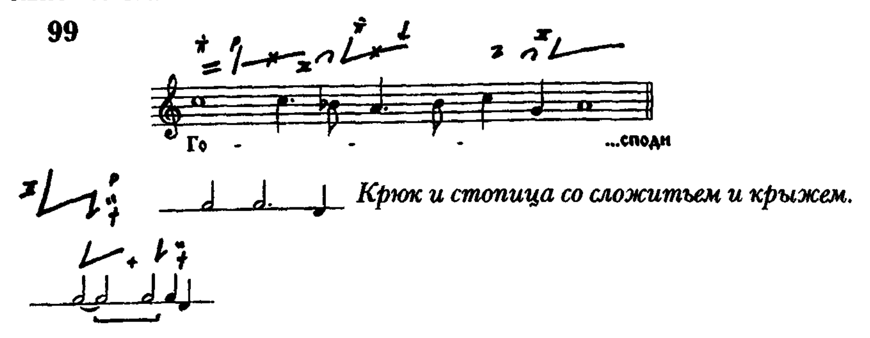

Нисходящие тонемы

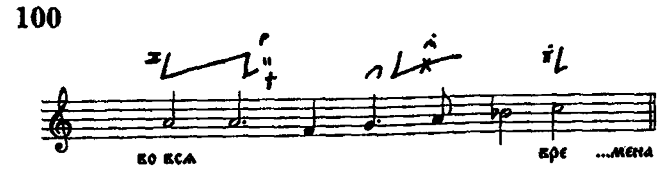
Нисходящие долгие гемиолы с пунктирным ритмом «внутри» моры представлены двумя вариантами, в которых долгая и краткая тонемы меняются местами. При этом соединения знаков нотации (лигатуры) не меняют их обычного развода.

Статья и мечик ключевой.

Эта лигатура отражает соединение двух тонем: долгой однозвучной и краткой двузвучной с пунктирным ритмом; в целом получается гемиола долгая двузвучная нисходящая с протянутым начальным тоном.

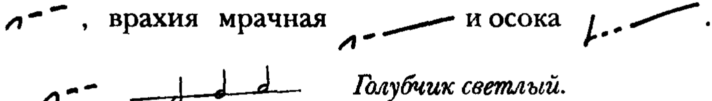
Двузвучная гемиола долгая, соединяющая долгую однозвучную тонему и долгую двузвучную с интонационным скачком для опевания.

2.2. Трехзвучные тонемы

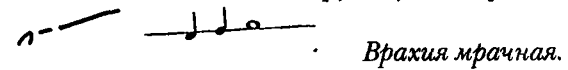
Восходящие тонемы

Трехзвучные гемиолы долгие, обозначаемые одним знаком, употребляются только в восходящем движении – это голубчик светлый , врахия мрачная и осока .

Голубчик светлый.

Составленный из трех кратких тонем, он применяется в срединных разделах композиции как соединительное знамя при переходе от одного согласия к другому или при опевании.

Врахия мрачная.
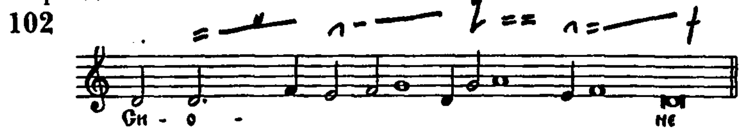
Этот знак применяется в конечных фитах. Его развод составлен из двузвучной краткой и однозвучной долгой тонем, причем начинается, как правило, в мрачном согласии.

101

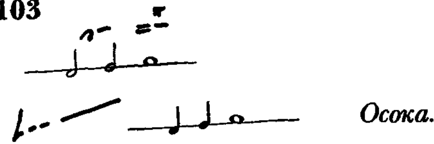
Иногда этот знак передает замедление движения перед окончанием раздела.

102

В столповой нотации тонема записывается дробным знаменем:

103

Осока.

Знак, имеющий тот же развод, что и врахия мрачная, отличается тем, что используется в срединных разделах композиций, при-

чем с пометами тресветлого согласия («покой с хохлом»); она обозначает остановку на мелодической вершине.

Ритмический вариант трехзвучной гемиолы долгой представляют тонемы с *пунктирным ритмом* – они являются характерными тонемами демественного распева. Сложности ритма соответствует графика нотации: пунктирный ритм с четырехкратным дроблением моры отмечен ключевыми знаками – крюком ключевым и мечиком ключевым. Кроме того, эти сложные по ритму тонемы записаны не одним знаком нотации, а комплексами знаков – своеобразными лигатурами. Данные гемиольные тонемы составлены из краткой и долгой или наоборот – из долгой и краткой – и используют соответствующие знаки нотации.

Запятая, крюк ключевой и крюк простой.

Знаки фиксируют восходящий интонационный оборот с пунктирным ритмом краткой тонемы и однозвучной долгой. Он звучит очень выразительно, используется в «захватах» и «починах демеством», начиная строки песнопений или завершая начальные кокизы.

104

В столповой нотации вместо этого комплекса знаков используется стрела громосветлая с крыжем, оттяжкою и пометой «борзо»:

Нисходящие тонемы

Параклит и стопица со сложитьем.

Развод приведен по азбуке *Большакова*, л. 9. Он является наиболее характерным, но не единственным: в других азбуках есть варианты:

Азбука *Беляева*, с. 70, № 43

Там же, с. 70, № 45

Мечик ключевой с палкой.

Соединение краткой двузвучной тонемы и долгой однозвучной соответствует трехзвучной гемиоле долгой.

2.3. Четырехзвучные тонемы
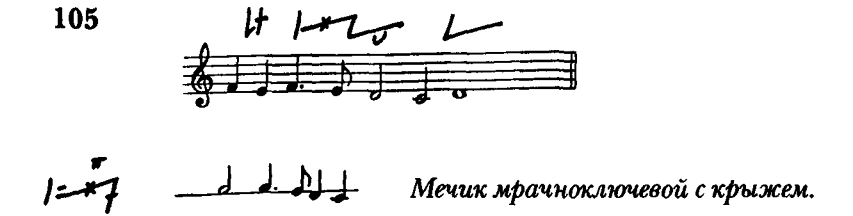
Нисходящие тонемы

Мечик ключевой с подчашием.

Мелодический оборот аналогичен предыдущему, однако заключительная целая делится на две нисходящие половинные, образуя четырехзвучную гемиолу долгую. Этот оборот характерен для демественного распева и часто употребляется в начальных или конечных кокизах:

105

Мечик мрачноключевой с крыжем.

«Мрачный» знак ключа – одна черточка над горизонтальной чертой мечика – добавляет остановку длительностью в одну мору на начальной интонационной вершине. Дальнейший развод знака совпадает с мечиком ключевым с крыжем.

Все тонемы прямого (однонаправленного) мелодического движения обозначены простыми соединениями знаков: это по сути «сложение», составление знаковых комплексов или лигатур. Такой принцип записи отчасти распространяется и на тонемы воспятогласные.

Воспятогласные тонемы

Восходяще-нисходящие тонемы

Воспятогласные гемиолы всегда многозвучны и включают от трех до пяти звуков. Одна из наиболее простых по своему рисунку воспятогласных тонем – трехзвучная тонема опевания.

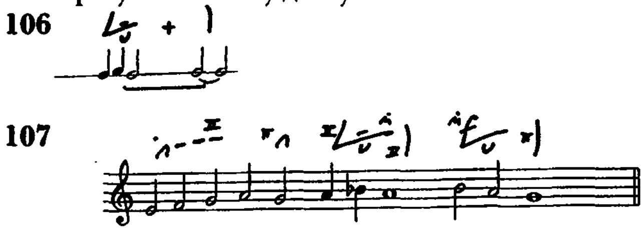
Крюк светлокрыжный (*Крюк светлый с крыжем*).

Простейшая тонема опевания; состоит из трех кратких однозвучных тонем, образующих составную тонему – гемиолу долгую трехзвучную, воспятогласного интонационного рисунка.

В одной из поздних старообрядческих азбук (РГБ, Музейное собр., № 10584, л. 8 об.; вторая четверть XIX в.) есть иной развод данного соединения знаков:

Подчашие мрачное с палкой.

Лигатура образована слиянием двух долгих тонем: трехзвучной с опеванием и однозвучной; при этом половинная из первой трехзвучной тонемы «вливается» в долгую однозвучную; в результате общая продолжительность звучания сокращается, и две долгие тонемы образуют гемиолу долгую.

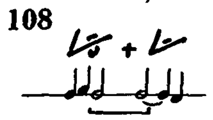

Вариант этой же тонемы с нисходящим интонационным окончанием записывается близкой по графике лигатурой.

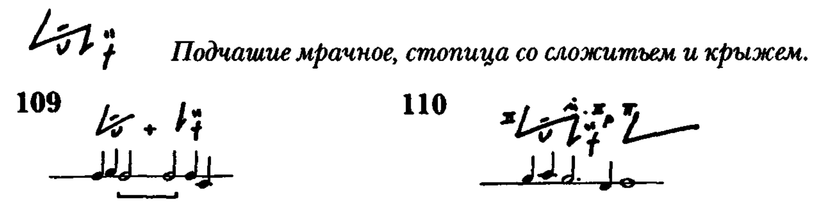
Подчашие мрачное и крюк мрачный.

Каждое знамя отдельно разводится в пределах долгой тонемы, при соединении их происходит слияние двух кратких тонем на общем звуке и длительность звучания сокращается до полутора долгих тонем, то есть до гемиолы долгой.

108

При необходимости записать ту же тонему, но с нисходящим скачком, используется лигатура того же подчашия, но со стопицей, сложитьем и крыжем (крыж берется для записи мелодического скачка).
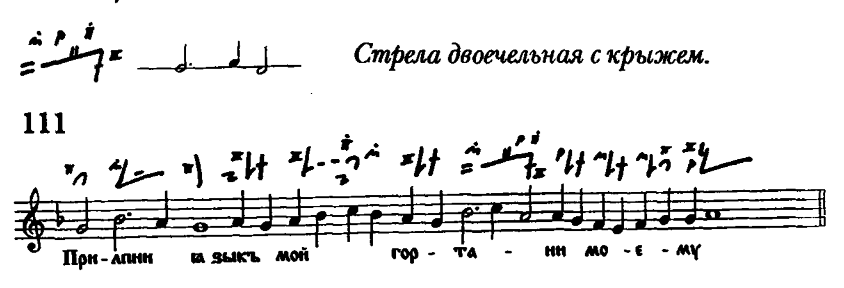

Подчашие мрачное, стопица со сложитьем и крыжем.

109 110

Знаки записывают близкую тонему, отличающуюся только нисходящей «ломкою» на терцию.

Стрела двоечельная с крыжем и сорочьей ножкой.

Гемиольная тонема опевания состоит из долгой и краткой тонем, включает пунктирный ритм «внутри» долгой тонемы. Развод дан по азбуке *Большакова*, л. 10 об.

Стрела двоечельная с крыжем.

111

РГБ, Музейное собр., № 1249, л. 77; третья четверть XVIII в.
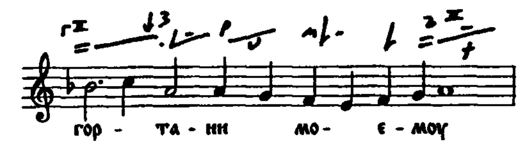
Данная гемиола отличается редким интонационным скачком. Ее применение известно по псалму «На реце Вавилонстей» еще в записи столповой нотацией, начиная с последней трети XVI в.:

112

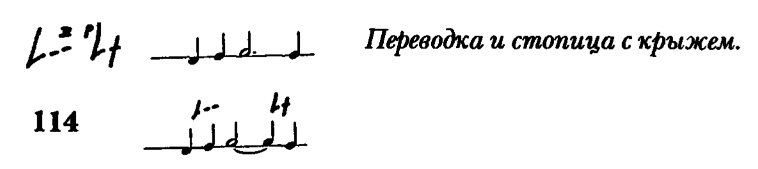

Последняя треть XVI в., РГБ, Иосифо-Волоколамское собр., № 238, л. 229 об.

113

Середина XVII в., РГБ, Вологодское собр., № 144, л. 147.

Переводка и стопица с крыжем.
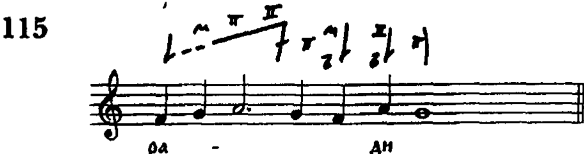
114

Простое соединение (сложение) долгой трехзвучной восходящей тонемы и краткой двузвучной нисходящей. Стопица вступает на уровне вершины предыдущего знака – переводки – и поэтому интонационно присоединяется к нему. Графический вариант записи той же тонемы – осокой с крыжем.

Осока с крыжем.

Осока с крыжем имеет четырехзвучный восходяще-нисходящий развод, причем крыж выполняет роль, аналогичную роли подвертки в столповой нотации, т. е. добавляет одну нисходящую ступень.

115

Данный знак является по сути комплексом знаков осоки и крыжа как вспомогательного знака. При этом длительность последнего как бы «вписывается» в долгую тонему, обозначенную осокой[24].

Аналоги этому комплексу знаков в столповой нотации – стрелы с облачком: поводная , громомрачная , громосветлая , поездная с облачком и оттяжкою .

Вариант той же воспятогласной тонемы, но с пунктирным ритмом, может быть записан комплексом знаков, среди которых – крюк ключевой (знак пунктирного ритма в краткой восходящей тонеме).

Запятая, крюк ключевой и стопица с крыжем.

Лигатура отражает тот же мелодический рисунок, но с пунктирным ритмом; принцип записи тот же.

116

Эта же тонема записывается и другой лигатурой: соединением запятой, крюка ключевого и крюка мрачного.

Запятая, крюк ключевой и крюк мрачный.
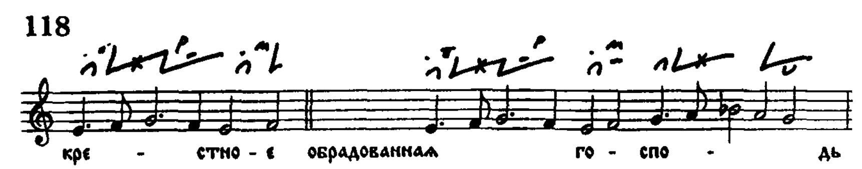
Данная лигатура представляет собой более сложное соединение с элементами тайнозамкненности, что изменяет обычный развод некоторых знаков. Здесь сопрягаются две долгие тонемы: восходящая трехзвучная и нисходящая двузвучная. Каждая из долгих тонем состоит из двух кратких:

117

При соединении тонем их объединяет общий звук интонационной вершины – краткая однозвучная тонема, которой заканчивается первая составная тонема и начинается вторая составная. При соединении эти однозвучные тонемы сливаются, образуя развод лигатуры в целом.

Этот мелодический оборот весьма характерен для распева; встречается только в одном звуковысотном положении: с пометами «слово», «покой», «равно» в разных контекстах:
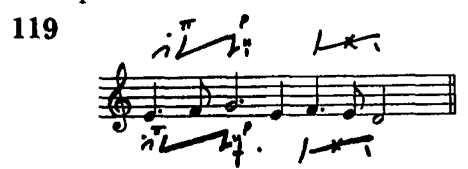
118

В столповой нотации данная тонема записывается стрелой громосветлой с крыжем, облачком и оттяжкой .

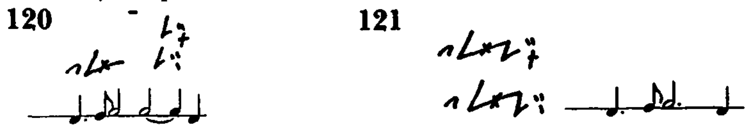
Встречается вариант данного интонационного оборота – с нисходящей «ломкой» на терцию, при этом крюк мрачный может быть заменен стопицей с палкой воздернутой или стопицей со сложитьем и крыжем:

119

Лигатура, как и предыдущая, представляет собой тип сложного соединения, с элементами тайнозамкненности, изменяющими в данном случае ритмическое значение знамен.

120 121
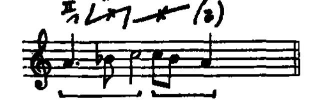

Расширение звукового состава тонем происходит естественным образом, например с добавлением опевания, часто – благодаря поступенному заполнению интонационного скачка в напеве.

2.4. Пятизвучные тонемы

Воспятогласные тонемы

Восходящее-нисходящие тонемы

Новый вариант предшествующей тонемы образует именно поступенное заполнение мелодического скачка.

Запятая, крюк ключевой и мечик ключевой.

Трехступенный подъем с пунктирным ритмом в долгой тонеме и трехступенный спуск с «тряской» голоса в краткой тонеме записан запятой с крюком ключевым и чертой ключевой с «ударкой» — черта присоединяется к крюку (по записи похоже на мечик ключевой), отражая интонационное соединение тонем долгой и краткой на мелодической вершине.

Запятая и крюк мрачноключевой с крыжем.

Тонема состоит из долгой четырехзвучной восходящей и краткой однозвучной. Пунктирный ритм отражен характерным ключевым элементом нотации — крюком мрачноключевым. Знак крыжа, присоединенный к знамени, добавляет нисходящую половинную длительность.

Нисходяще-восходящие тонемы

Переводка тресветлоометная.

Весьма редкая тонема; она употребляется и в путевой нотации. Развод дан по азбуке *Шабалина*, с. 210.

Ключ поводной (скамейца ключевая).

Малоупотребительный знак демественого пения. Судя по разводу столповой нотацией, тонема составлена из краткой двузвучной нисходящей и долгой трехзвучной воспятогласной, первый звук которой должен исполняться с легким акцентом (долгая тонема записана акцентным знаменем).

18

Мечик ключеповодной.

Составная тонема, аналогична предыдущей, но использует пунктирный ритм в первой краткой двузвучной тонеме. Развод по азбуке *Большакова*, л. 12.

Другой, редкий развод этого знака выявлен в поздней азбуке XIX в. — РГБ, Музейное собр., № 10584, л. 10:

Мечик ключенепостоянный.

2.5. Шестизвучные тонемы

Соединение краткой и долгой тонем более разнообразно и по интонации, и по записи; в нотации это отражается в вариантах мечика ключевого с различными окончаниями, образующими *шестизвучные тонемы.* Данные варианты являются простыми соединениями знамен, развод которых при соединении не меняется, а остается прежним. Элемент ключа в мечике ключевом соответствует пунктирному ритму краткой тонемы и отражает четырехкратное дробление моры.

Воспятогласные тонемы

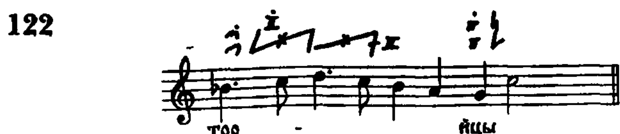
Восходящее-нисходящие тонемы

Запятая, крюк ключевой и мечик ключевой с крыжем.

Тонема построена на соединении двух долгих тонем: трехзвучной восходящей и четырехзвучной нисходящей; обе тонемы включают пунктирный ритм «внутри» моры, что отражено в двух ключевых знаках нотации.

122

Нисходяще-восходящие тонемы

Мечик ключевой и переводка непостоянная.

Эти знаки служат для записи мелодического спуска с возвращением к прежнему уровню:

123

В таких оборотах мечик начинается, как правило, на строке.

Мечик ключевой и переводка ометная.

Соединение образует неожиданный развод знаков: переводка ометная по пометам читается как переводка непостоянная. Отличие же в употреблении переводки заключается в том, что непостоянная ведет к мелодической вершине, а ометная – к более низкому уровню интонирования.

124

Мечик ключевой и скамейца двоечельная с подверткою.

В отличие от столповой нотации, здесь подвертка означает не нисходящий, а восходящий двуступенный ход.

Мечик ключеповодной с подчашием.

Та же тонема записана более кратко в азбуке *Беляева*, с. 82. № 260.

Данные соединения знаков представляют графические варианты записи одной тонемы:

III. Двойные тонемы; многоэлементные знамена и их соединения

1. Двойные долгие тонемы

1.1. Трехзвучные тонемы

Нисходящие тонемы

Демественное пение, относившееся к пространному типу пения, было настолько мелодически развитым, что его тонемы стали, пожалуй, наиболее разнообразными из всех распевов русского Средневековья. Строение его мельчайших структур – тонем – становилось более сложным в сравнении с другими распевами, хотя это усложнение протекало в русле древнейших традиций русского церковного пения.

Так, еще в ранний период применялся прием двойного ритмического увеличения тонем: долгая тонема была равна двум кратким, конечная была равна двум долгим и представляла собой двойную долгую тонему, равную четырем морам. Вместе с тем, двойные долгие тонемы применялись исключительно как однозвучные и только в конечной функции.

В демественном пении кроме однозвучных возникают многозвучные двойные долгие тонемы, что связано с более развитой мелодичностью его напевов, охватывающих разные согласия обиходного звукоряда, использующих разнообразные переходы из одного согласия в другое, различные способы опевания звуков согласий и пр.

В демественной нотации двойные тонемы представлены сравнительно небольшим количеством знамен и их соединений. Из отдельных знаков – это голубчики тресветлый и светлокрыжный, а также врахия мрачная с крыжем. Во всех остальных случаях применяются соединения знаков (лигатуры).

Ряд тонем демественного пения начинается с мелодической вершины, причем с долгих однозвучных тонем, к которым присоединяются долгие многозвучные тонемы. Начало тонемы с эмфатической вершины, пунктирный ритм краткой тонемы подчеркива-

ют торжественный характер распева, его приподнятый эмоциональный строй. Приводим эти тонемы.

Параклит со стопицей, сложитъем и крыжем (Азбука *Большакова*, л. 10).

Лигатура употребляется весьма редко.

Статья и мечик ключевой закрытый.

Двойная долгая трехзвучная тонема нисходящей направленности состоит из долгой однозвучной и долгой трехзвучной.

В столповой нотации данный мелодический оборот излагается дробным знаменем, например:

125

Мечик мрачноключевой с палкой.

Тонема подобна предыдущей: тот же интонационный рисунок, но с измененным ритмом – сокращением начального звука и продлением конечного. Знак «мрака», добавленный к мечику, означает прибавление одной моры на начальный звук; в остальном развод совпадает с мечиком ключевым с палкой. Развод по азбуке *Беляева*, с. 82, № 253.

1.2. Четырехзвучные тонемы
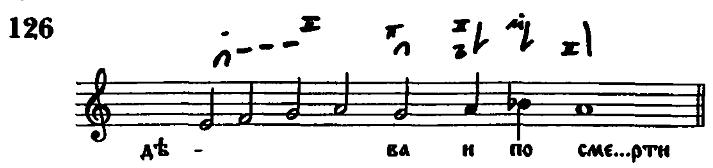
Восходящие тонемы

Голубчик тресветлый.

Знак передает четырехзвучную восходящую тонему равными длительностями; состоит из двух долгих двузвучных тонем; выступает в роли мелодической связки между опорными звуками напева (подобен как бы сдвоенному голубчику борзому или стопице-

переводке в столповой нотации, связующим знакам кондакарной).

126

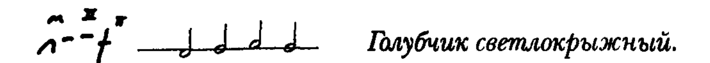
Нисходящие тонемы

Статья и мечик ключевой с крыжем.

Здесь соединяются две долгие тонемы: однозвучная и четырехзвучная нисходящая с пунктирным ритмом. Нередко эта тонема звучит в выразительных зачинах песнопений.

Воспятогласные тонемы
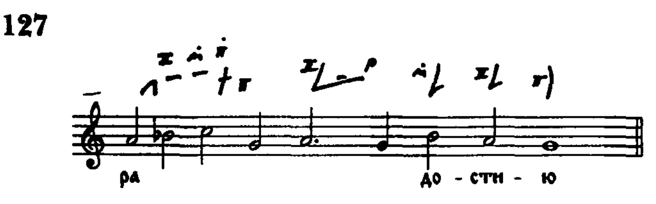
Восходящее-нисходящие тонемы

Голубчик светлокрыжный.

Это знамя служит для записи четырехзвучной воспятогласной тонемы восходяще-нисходящего рисунка и равных длительностей; составлена из двух долгих двузвучных тонем: восходящей и нисходящей.

Обычный развод голубчика – поступенный, однако довольно широко используется и развод с «ломкою» на кварту вниз, то есть применяется интонационный скачок «внутри» второй долгой тонемы. Тонема выполняет роль опевающих звуков и срединную функцию.
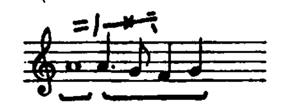
127

Врахия мрачная с крыжем.

Данная тонема обычно записывается голубчиком светлокрыжным (см. предшествующее соединение). Развод дан по азбуке *Беляева*, с. 71, № 80.
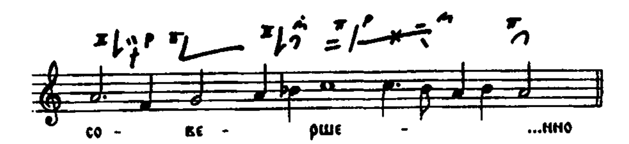
Нисходяще-восходящие тонемы

Статья и мечик мрачноключевой закрытый.

Эти знаки дают пример опевания в воспятогласной двойной долгой тонеме. Данная тонема используется в срединной функции.

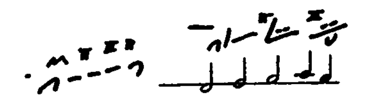

1.3. Пятизвучные тонемы

Воспятогласные тонемы

Восходяще-нисходящие тонемы

Голубчик тресветлоометный.
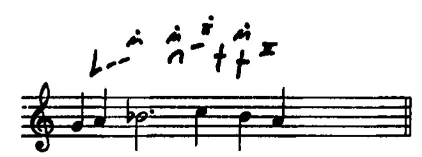
Эта тонема состоит из двух долгих тонем — восходящей двузвучной и воспятогласной трехзвучной. К интонационной вершине второй долгой тонемы добавлен нисходящий поступенный спуск, который и образует воспятогласный рисунок. Развод по азбуке *Большакова*, л. 11.

1.4. Шестизвучные тонемы

Воспятогласные тонемы

Восходяще-нисходящие тонемы

Как вариант воспятогласной тонемы, можно рассматривать следующую шестизвучную тонему, составленную из трехзвучной долгой восходящей и четырехзвучной восходяще-нисходящей тонемы. Этой тонеме соответствует соединение переводки и голубчика с двумя крыжами.

Переводка и голубчик с двумя крыжами.

Знаки соединяются общим звуком – мелодической вершиной переводки и началом голубчика, поэтому возникает единый мелодический оборот, исполняемый одной фразой, без акцента на начало голубчика.

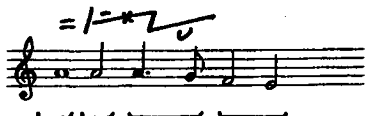
2. Двойные гемиолы

Так же, как краткая и долгая тонемы, двойная имеет свое полуторное увеличение – гемиолу длительностью в шесть мор или три целых, или двойную гемиолу.

2.1. Четырехзвучные тонемы

Нисходящие тонемы

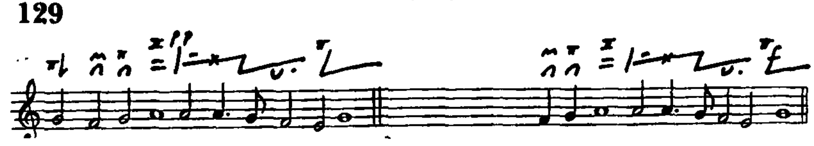
Двойная гемиола чаще всего обозначается простыми соединениями трех-четырех знамен. Приводим варианты со статьей и мечиком мрачноключевым, к которым добавлены различные окончания.

Статья, мечик мрачноключевой и подчашие.

В основе соединения – четырехступенный спуск, который начинается с эмфатической вершины. Первая долгая тонема – однозвучная, вторая смыкается с первой и состоит из двух кратких – однозвучной и двузвучной нисходящей с пунктирным ритмом, третья долгая тонема нисходящая двузвучная.

129

2.2. Шестизвучные тонемы
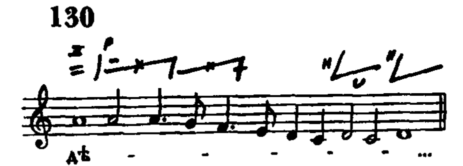
Нисходящие тонемы

Статья, мечик мрачноключевой и мечик ключевой с крыжем.

Соединение передает шестизвучную тонему, отличающуюся от предыдущей окончанием – четырехзвучной долгой нисходящей тонемой с пунктирным ритмом.

130

IV. Долгие тонемы с дробными долями моры; сложные знамена и их соединения

Особую группу интонационных оборотов, не укладывающихся ни в бинарный ритм кратких, долгих и двойных тонем, ни в тернарный ритм их гемиол, составляют мелодические обороты длительностью в 2,5 моры или пять четвертей и кратные им, равные пяти морам или десяти четвертям. Мы называем их пятидольниками – долгими и двойными (соответственно 2,5 моры или пять мор).

1. Пятидольники долгие

Пятидольник долгий образуют полукраткая и долгая тонемы, при этом их звуковой состав может быть различным. Пятидольники записываются как отдельными знаменами, так и соединениями (лигатурами) – простыми и сложными.

1.1. Двузвучные тонемы

Восходящие тонемы

В демественной нотации есть несколько самостоятельных знамен, соответствующих пятидольной восходящей тонеме: сокольице, заножек, стрела мрачная; все эти знаки имеют одинаковый развод – восходящая четверть и целая. Выбор того или иного знака для записи пятидольной тонемы зависит от его прикрепленности к конкретной кокизе.

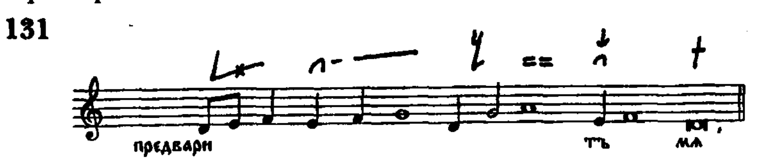

Сокольице.

Сокольице употребляется наиболее часто – в самых характерных интонационных оборотах демественного распева, срединных и конечных.

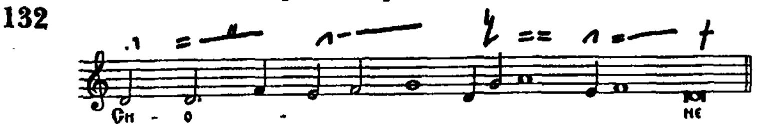
Пример сокольица в конечной кокизе:

131

Иногда в конечной кокизе сокольице «разводится» дробным знаменем – запятой и стрелой простой:

132

Сокольице в срединных кокизах записывается обычно с пометой «борзо»:

133

В столповой нотации его заменяет стрела крыжевая с оттяжкою и пометой «борзо»:
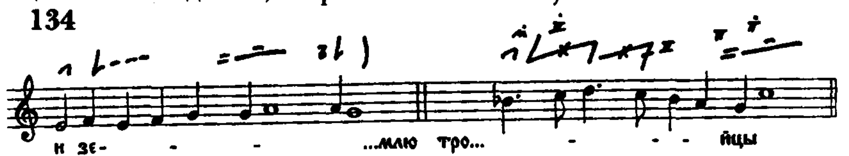
Заножек.

Этот знак встречается среди знаков демества довольно редко; иногда употребляется со скачком на кварту. В столповой нотации его роль выполняет та же стрела крыжевая с оттяжкою и пометой «борзо» — или дробное знамя .

Стрела мрачная.

Знак, подобно заножку, имеет два восходящих развода — на секунду и на кварту. Секундовое движение используется после интонационного подъема, квартовое — после спуска:

134

Интервал подъема указывался двумя пометами, в данном случае «покой» и «покой с хохлом».

В столповой нотации этой тонемы соответствует та же самая стрела крыжевая с оттяжкой и пометой «борзо»:

135

Нисходящие тонемы
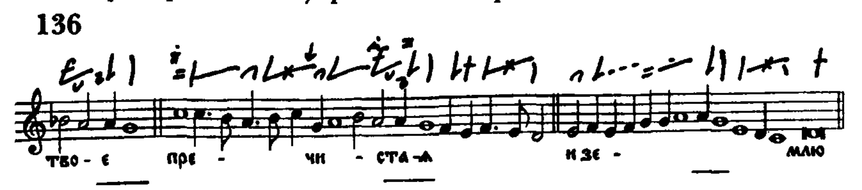
Стрела полуповодная.

Нисходящий двузвучный пятидольник является интонационным обращением предшествующих восходящих тонем. Стрелой эта тонема записывается редко, чаще ее заменяют два знака – стопица и палка.

Стопица и палка.

Интонационное обращение сокольица – нисходящий пятидольник долгий двузвучный. Это соединение относится к простым соединениям знамен. Стопица нередко сопровождается борзой пометой, иногда с «ударкой» и исполняется с акцентом. По уровню интонирования она обычно повторяет предшествующий звук; эти два знака могут распеваться на один слог, на два слога или включаются в пространный внутрислоговый распев.

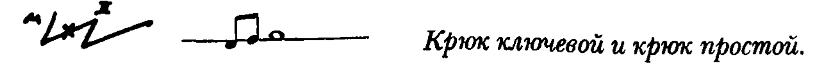
136

1.2. Трехзвучные тонемы

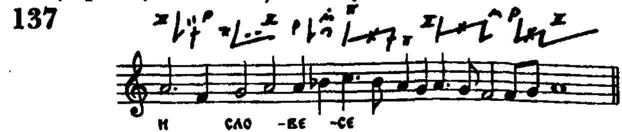
Восходящие тонемы

В долгом пятидольнике можно выделить несколько *сложных* соединений знамен.

Крюк ключевой и крюк простой.

Пятидольник образуется при ритмичеком наложении краткой трехзвучной восходящей тонемы и тонемы долгой однозвучной, при этом вершина краткой тонемы сливается с долгой . Этот интонационный оборот применяется как яркое, выразительное окончание кокизы; исполняется, вероятно, с двумя акцентами на полукраткую и долгую тонемы.

137

Воспятогласные тонемы

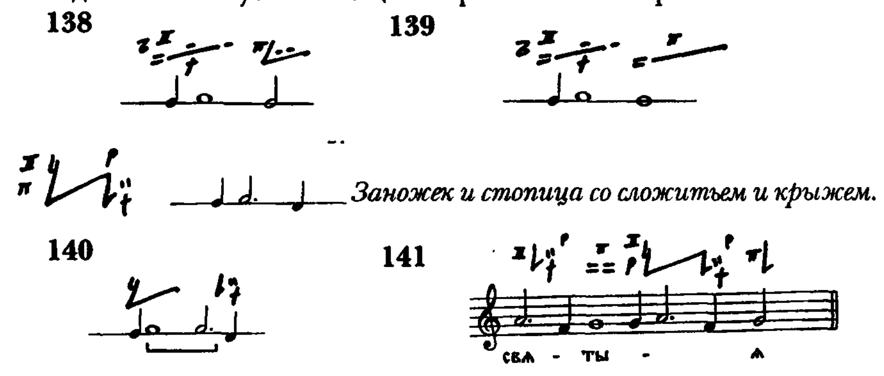
Восходяще-нисходящие тонемы

Воспятогласные пятидольные тонемы передаются соединениями знаков, например трехзвучные тонемы опевания.

Заножек с крыжем.

Лигатура отражает пятидольное опевание с верхним вспомогательным звуком; при этом заножек поглощает длительность присоединяемого знамени. Развод дан по указанным источникам (см. примечания 10 и 15).

В некоторых источниках встречаются варианты развода с ритмическим расширением, прекрасно подходящие для большого распева демеством и усиливающие выразительность распева.

Заножек и стопица со сложитьем и крыжем.

Заножек сам по себе обозначает пятидольник долгий двузвучный восходящий; соединение его со стопицей, сложитьем и крыжем приводит к слиянию общих звуков – вершин и «поглощению» долгой тонемы пятидольником долгим.

Сокольице и сложитье с крыжем.

Эта тонема очень близка предшествующей, отличаясь от нее только более долгой остановкой на интонационной вершине. По продолжительности звучания она «укладывается» в семидольник

(см. далее). Знак сорочьей ножки в сокольице указывает на тайнозамкненность записи и ее принадлежность к лицевому начертанию.

Запятая, черта ключевая и палка.

В этом соединении знаков нетипичен развод палки – половинная вместо целой, при этом ее длительность сливается с последним звуком черты ключевой («ударки»). В этой сложной тонеме интересно использование полукраткой двузвучной тонемы в середине структуры: оно создает необычное ритмическое соединение в виде пятидольника, причем с акцентом на первой восьмой.

2. Пятидольники двойные долгие

Эти тонемы являются составными пятиморными тонемами и образованы соединением различных тонем: кратких, кратких и долгих, пятидольников долгих, гемиол долгих и долгих тонем и пр.

2.1. Четырехзвучные тонемы

Нисходящие тонемы

Ряд двойных долгих пятидольников образуется благодаря продлению мелодической вершины-эмфазиса. При этом возникают не только двойные, но и тройные лигатуры. Таковы нисходящие четырехзвучные тонемы, начинающиеся с эмфатической вершины. Оба пятидольника образованы долгой однозвучной тонемой и гемиолой долгой. В нотации эти тонемы отражены в тройных лигатурах.

Статья, мечик ключевой и подчашие.

Эти знаки представляют собой одну из таких тройных лигатур и соответствуют долгой однозвучной тонеме, краткой двузвучной нисходящей с пунктирным ритмом и долгой двузвучной нисходящей ровного ритма. Эта тонема часто встречается в начальных кокизах песнопений, а также в начале строк при «почине демеством».

142
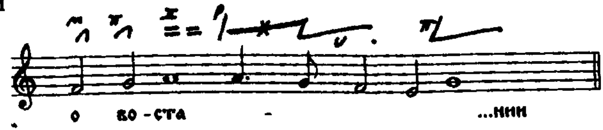
Почин демеством

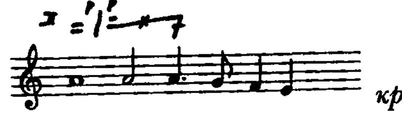

В таком контексте статья простая иногда заменяется статьей светлой:

143

Почин демеством
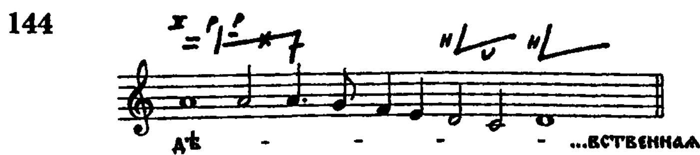

Статья и мечик мрачноключевой с крыжем.

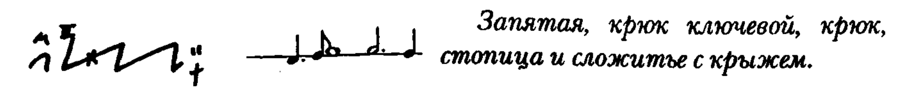
Знаки отображают долгую однозвучную тонему и гемиолу долгую четырехзвучную нисходящую. Гемиола, в свою очередь, состоит из простых тонем – краткой однозвучной и долгой четырехзвучной нисходящей с пунктирным ритмом.

144

Последние два пятидольника представляют собой простые соединения знаков, не меняющие их значений.

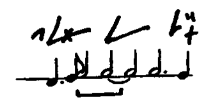
Воспятогласные тонемы

Запятая, крюк ключевой, крюк, стопица и сложитье с крыжем.

Этот пример демонстрирует сложное соединение знаков нотации в лигатуре.

145

Слияние трех долгих тонем – трехзвучной восходящей, однозвучной и двузвучной нисходящей – образует двойной долгий пятидольник, трехзвучный, воспятогласный. Данный мелодический оборот и соединение знаков встречаются редко.

2.2. Пятизвучные тонемы

Воспятогласные тонемы

Голубчик тресветлый с крыжем.

Лигатура обозначает четырехзвучный поступенный подъем и затем спуск на одну ступень. Этот мелодический оборот не делится на два долгих пятидольника, но равен им по длительности звучания. Пять элементов этого знакового комплекса соответствуют пяти звукам двойного долгого пятидольника (напомним: голубчик тресветлый разводится как четырехзвучный поступенный подъем, а крыж означает интонационный спуск на одну ступень).

3. Семидольники долгие

Кроме описанных тонем – кратких, долгих, двойных, гемиол и пятидольников, – в демественном распеве есть еще одна особняком стоящая маленькая группа тонем, продолжительность звучания которых укладывается в 3,5 моры (семь четвертей). Мы называем их *семидольниками* (по аналогии с пятидольниками).

Семидольники долгие образованы гемиолой краткой и долгой тонемой. Такие соединения воссоздают эпитритный род пропорций (3:4).
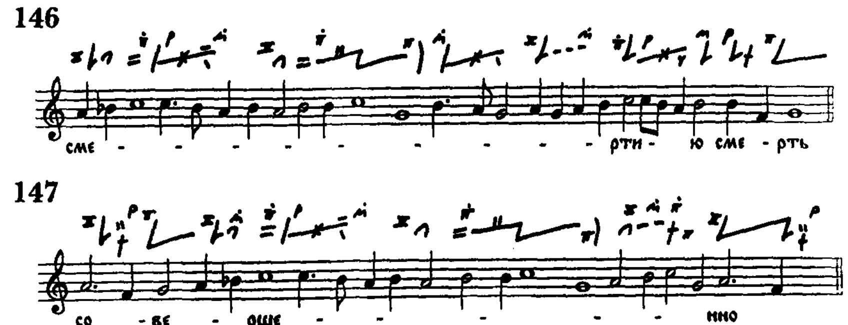
3.1. Трехзвучные тонемы

Восходящие тонемы

Стрела чельная и крюк.

Лигатура разводится долгим восходящим семидольником, состоящим из гемиолы краткой двузвучной и долгой однозвучной тонемы. Развод необычен по ритму: он может быть рассмотрен как сложное соединение двух долгих тонем, смыкающихся общим звуком на вершине, причем четверть «вливается» в целую, поэтому развод сокращен именно на эту четверть и образует всего семь четвертей, а не шесть и не восемь.

Приводим примеры из песнопений с использованием этого знака:

Интонационные разводы и просодия демественного распева становятся настолько разнообразными, что рождают весьма замысловатые соединения знамен, сохраняя традиционность записи – соответствие одного знака нотации одному слогу текста. Нередко такие знаки употребляются в единичных случаях, но, тем не менее, входят в алфавит демественных знамен.

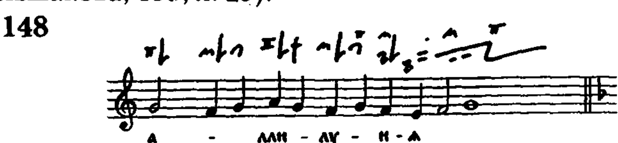

Стрела поводная и крюк простой.

Развод по азбуке *Большакова*, л. 10 об.

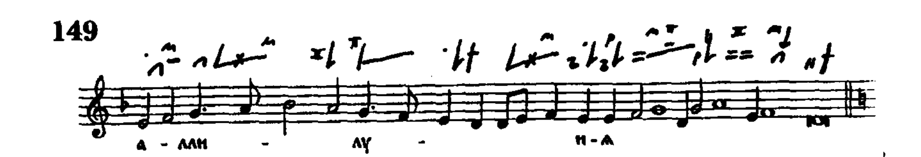
Данная лигатура, имеющая такой необычный по ритму развод в 3,5 моры (семидольник), используется, например, в записи демественного полиелея, где она входит в конечную кокизу (РГБ, собр. Большакова, 153, л. 25).

148

В аналогичных случаях в этом же песнопении это знамя заменено двумя другими (там же, л. 26 об.):

149

Нисходящие тонемы

Крюк светлый с палкой.

Разводится долгим нисходящим семидольником, состоящим из гемиолы краткой двузвучной и долгой однозвучной тонемы. От предшествующей тонемы отличается лишь нисходящей направленностью интонационного движения. Развод дан по *Рогожской* азбуке, л. 9 об.

Воспятогласные тонемы
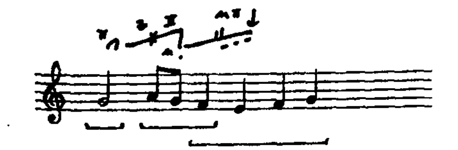
Сокольице и сложитье с крыжем.

Воспятогласный семидольник, составленный из пятидольника и краткой двузвучной нисходящей тонемы. Близок воспятогласным пятидольникам (лигатура: заножек, стопица и сложитье с крыжем), отличаясь большей продолжительностью звучания.

Редкая употребительность знамени как бы указывает на тайнозамкненность его развода в конкретной кокизе.

3.2. Семизвучные тонемы

Воспятогласные тонемы

Запятая, ключ и скамейца двоечельная непостоянная с сорочьей ножкой.

Соединение состоит из трех тонем: краткой однозвучной, краткой трехзвучной нисходящей и долгой четырехзвучной нисходяще-восходящей; две краткие имеют простое соединение, а краткая и долгая – сложное, с наложением одной четверти, являющейся общим тоном.

Приводим пример из песнопения:

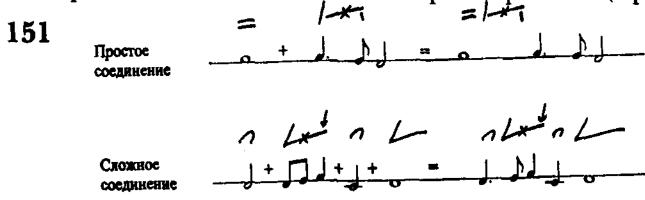
КОКИЗЫ В НАПЕВАХ И НОТАЦИИ

Соединение тонем в *кокизах* напева находит отражение в лигатурах нотации.

Кокиза – устойчивый, относительно завершенный музыкальный оборот, объединяющий несколько тонем и обладающий ритмической и ладоинтонационной характерностью [25]. Как правило, кокизу образуют не менее трех простых тонем или простая и составная; их максимальное количество в кокизе – не более пяти, продолжительность – от двух с половиной до шести с половиной мор. Для записи кокиз используют преимущественно соединения знаков (лигатуры). Лишь в редких случаях, в виде исключения, кокизы записаны отдельными сложными знаменами.

В записи кокиз, как и тонем, различают простые и сложные соединения: простые соединения не меняют развод каждого знамени, сложные изменяют ритмическое значение входящих в них знамен, то есть сложное соединение несет в себе элемент «тайнозамкненности» и подобно лицевому начертанию знаменного распева. Пример простого соединения – статья простая и мечик ключевой закрытый; пример сложного соединения – запятая, крюк ключевой с сорочьей ножкой, запятая и крюк простой (пример 151).

151

Пространный характер демественого распева и обилие редакций большого распева демеством, основанного на лицевых и фитных разводах, сформировало особый тип теоретических руководств демественного знамени: демественные азбуки содержат не только «толкования» знамен с переводом на столповое знамя, но и кокизы демественного распева, служившие моделями для попевочных, лицевых и фитных разводов. В отличие от знаменных, кокизы демества не имеют названий. В этом они подобны кокизам кондакарного пения.

Кокизы демественного пения обладают ритмическим своеобразием, включая краткие двузвучные тонемы пунктирного ритма, восходящие и нисходящие. Этот сложный ритм, основанный на четырехкратном дроблении моры, появляется в древнерусском церковном пении только в эпоху Московской Руси и становится употребительным не позднее чем к середине XVI в. Пунктирный ритм кратких тонем используется едва ли не во всех кокизах, становясь самым характерным стилистическим признаком демественного пения.

Демественные кокизы имеют различную продолжительность звучания, которая при этом сопоставима со знаменными кокизами: это три, четыре, пять и шесть мор. Четырех- и шестиморные кокизы являются распространенными в знаменном пении: первые известны еще с древнего периода, вторые характерны не только для древнего, но и для среднего, московского, периода. Пятиморные кокизы известны нам именно по демественному пению, а в знаменном распеве основной традиции они не применялись, хотя встречаются в большом знаменном распеве.

1. Трехморные кокизы

Данные кокизы, равные по продолжительности звучания гемиоле долгой, весьма показательны для демественного пения. Они выделяются как законченные музыкальные структуры благодаря завершенности интонационного рисунка, многозвучности и ритмической характерности. Как правило, это пяти- шестизвучные кокизы, обладающие весьма подвижным ритмом. Их можно рассматривать как шестиморные кокизы в двойном уменьшении («малые кокизы»).

1.1. Четырехзвучные кокизы

Воспятогласные кокизы

Нисходяще-восходящие кокизы

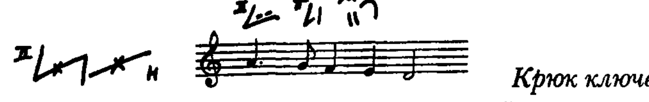

Стрела поводная с крыжем.

Этот интонационный оборот близок знаменным двуступенным кокизам; в демественном пении применяется редко. Развод приведен по азбукам *Большакова*, л. 11; *Шабалина*, с. 209.

1.2. Пятизвучные кокизы

Нисходящие кокизы

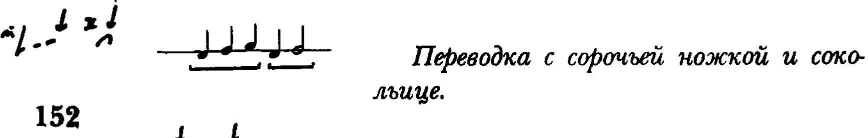
Крюк ключевой и мечик ключевой.

Запись кокизы тайнозамкненна, ибо составляющие ее знаки разводятся нетипично(*Шабалин*, с. 209).

Воспятогласные кокизы

Восходяще-нисходящие кокизы

Трехморная кокиза может быть составлена не только из краткой и долгой тонем, но и из двух гемиол кратких (3 + 3). Такой пример дает пятизвучное соединение переводки с сорочьей ножкой и сокольица:

Переводка с сорочьей ножкой и сокольице.

152

(Напомним, что переводка обычно разводится не гемиолой краткой, а долгой трехзвучной тонемой.) Данное последование знаков содержит элементы тайнозамкненности, изменяя ритмическое значение каждого знамени. Этот признак также характерен для кокизы, а не для тонемы. Отсутствие в этой кокизе пунктирного ритма компенсируется гемиольными пропорциями, создающими ощущение синкопированного ритма.

Типичными тонемами демественного пения, как было замечено, стали тонемы пунктирного ритма с дроблением моры. С их «участием» образованы многие сложные (составные) тонемы и кокизы. Содержащие пунктирный ритм с дроблением моры, эти тонемы записываются со знаком ключа, и, как правило, знаковый комплекс для записи таких тонем является сложным, включающим элементы тайнозамкненности и изменяющим ритмическое значение входящих в него знамен.

К кокизам подобного рода относится кокиза, повторяющая предыдущую за исключением пунктирного ритма, — она записывается крюком ключевым с сорочьей ножкой и сокольицем.

Крюк ключевой с сорочьей ножкой и сокольице.

В сочетании с крюком ключевым с сорочьей ножкой соколец с пометой «покой» имеет гемиольный развод (четверть и половинная). Гемиольные тонемы используются в фитных напевах (в их конечных кокизах). С текстом эти кокизы обычно не связаны; запись подсказывает акцентность при исполнении: акцент на первый звук в соответствии с акцентностью знамени крюка ключевого.

В некоторых случаях данная кокиза исполняется без пунктирного ритма, равными длительностями. Подобный развод первого знака кокизы — крюка ключевого с сорочьей ножкой — отражен в певческих азбуках, например, *Большаков*, л. 12, где он зафиксирован тремя полукраткими тонемами:

153

Развод не допускает вариантов в прочтении знамен и в данном случае разъясняет тайнозамкненность записи «внутри» кокизы. Не случайно этот развод, как тайнозамкненный развод знака в кокизе,

помещен в конце азбуки, в отличие от типичного тонемного значения крюка ключевого без сорочьей ножки.

Запятая, крюк ключевой и мечик ключевой закрытый.

Трехморная пятизвучная кокиза воспятогласного (восходяще-нисходящего) интонационного рисунка включает двойной ритмический пунктир с дроблением моры. Кокиза построена на сложном соединении долгих трехзвучных тонем: они записаны лигатурой запятой, крюка ключевого и мечика ключевого закрытого. Интонационное слияние их мелодических вершин сокращает общую протяженность звучания до трех мор.

Интонационный оборот очень характерен для демественного распева, обычно используется с пометами «слово» и «покой».

154 + =

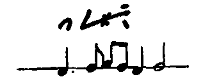
Нисходяще-восходящие кокизы

Мечик ключевой, запятая и крюк ключевой с сорочьей ножкой.

Лигатура является тайнозамкненной, отображая воспятогласную кокизу продолжительностью в три моры. Ритмический развод мечика должен соответствовать его обычному значению (краткой тонеме), а сорочья ножка указывает на тайнозамкненность записи. Кокиза является интонационным обращением предшествующей, сохраняя ее ритм. В рукописных азбуках ритм данной кокизы выписан, на наш взгляд, приблизительно.

1.3. Шестизвучные кокизы

Воспятогласные кокизы

Запятая и крюк мрачноключевой закрытый.

Примером «малой кокизы» может быть соединение запятой и крюка мрачноключевого закрытого. Продолжительность его равна трем морам, но при этом интонационный рисунок и ритм образуют завершающую остановку в конце, поэтому, благодаря характерному ритму и завершенности интонационного рисунка, этот оборот воспринимается как кокиза.

Развод знамен необычен, поэтому соединение относится к тайнозамкненным кокизам. Кокиза представляет собой соединение двух долгих сложных тонем: трехзвучной восходящей и четырехзвучной воспятогласной; вторая из них состоит из двух простых тонем: краткой трехзвучной нисходящей и краткой однозвучной.

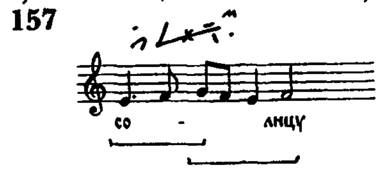
155

Стопица, крюк ключевой и мечик ключевой закрытый.

156

Тройное соединение полукраткой однозвучной, краткой трехзвучной восходящей тонемы и долгой трехзвучной нисходящей при наложении общих звуков образует гемиолу долгую шестизвучную воспятогласную. Интонационная завершенность этого оборота, его ритмическая характерность позволяют считать данную тонему кокизой («малая кокиза»).

157

2. Кокизы с дробными долями моры

2.1. Четырёхзвучные кокизы

Воспятогласные кокизы

Среди разнообразных кокиз демественного пения встречаются редкие по продолжительности кокизы с дробными долями моры, например 2,5 или 3,5 моры. Такие кокизы звучат в фитных напе-

вах, привнося ритмическую асимметрию и вместе с ней ритмическую активность. В кокизе, приводимой в примере, соединяются долгая трехзвучная тонема и гемиола краткая двузвучная, записанная заножком. Последний разводится не квартовым скачком, как обычно, а поступенным, секундовым движением.

Простое соединение

Сложное соединение

Мечик ключевой и заножек.

Кокиза употребляется редко, как правило, «внутри» фитных разводов. Тайнозамкненность записи проявляется в необычном разводе заножка – с терцовым скачком вместо обычной кварты.

158

В азбуке *Большакова* 153, л. 11 для данной кокизы дан другой развод, вероятно звучавший в деместве большого распева:

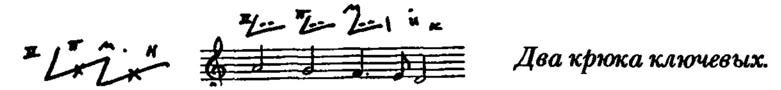
159

В соответствии с обычным разводом мечика ключевого ритм его должен укладываться в краткую тонему, а заножек – в пятидольник. В таком случае ритмический развод этой кокизы будет представлять собой простое соединение краткой двузвучной тонемы и пятидольника: Тем не менее, в контексте песнопений встречается и более динамичное изложение без ритмической остановки в конце кокизы. В таком случае кокиза имеет продолжительность пятидольника, а не семидольника.

3. Четырехморные кокизы

3.1. Пятизвучные кокизы

Нисходящие кокизы

Два крюка ключевых.

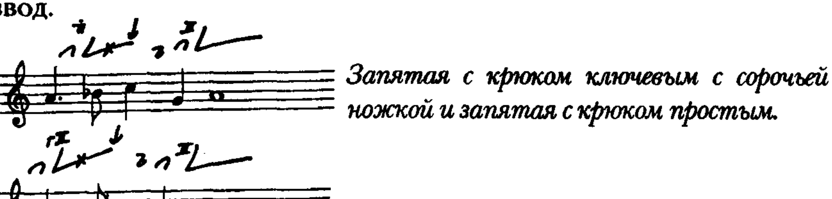
Эта кокиза являет собой образец тайнозамкненной записи, поскольку крюк ключевой, ее образующий, обычно разводится восходящей трехзвучной краткой тонемой, а здесь его развод противоположен по направленности. Можно было бы предположить ошибочное начертание – крюк вместо мечика ключевого, но в этом случае запись должна отражать две тонемы пунктирного ритма, а здесь только одна такая тонема, следовательно, начертание верно – два крюка, а не мечика.

Воспятогласные кокизы

Восходяще-нисходящие кокизы

В четырехморных кокизах используется воспятогласный интонационный рисунок, нередко – мелодические скачки.

Особую группу кокиз составляют мелодические обороты, которые вкупе с текстом разделяют тонему на две неравные по продолжительности части: гемиолу краткую и краткий пятидольник, то есть в просодемах возникает дохмический род пропорций 3:5. Эти обороты настолько необычны по ритму и выразительны по интонации, что воспринимаются как наиболее яркие и запоминающиеся в демественном пении. Они записываются устойчивыми сложными соединениями знамен, которые также устойчиво меняют их развод.

Запятая с крюком ключевым с сорочьей ножкой и запятая с крюком простым.

Обычный развод каждого знамени в отдельности:

160

За устойчивым соединением знаков закрепляется устойчивый другой развод, укорачивающий звук мелодической вершины. Соединение передает интонацию опевания строки с верхними и нижними вспомогательными звуками; образовано гемиолой краткой трехзвучной восходящей и двузвучным восходящим пятидольником кратким.

Такое неравное деление возникает из-за просодии текста и просодем, равных гемиоле и пятидольнику.

161

го - спо - ...дни

Те же пропорции кокизы 3:5 должны оставаться и в фитном распеве.

В редких случаях этот оборот распевается на три слога текста, тогда дохмические пропорции сглаживаются:

162

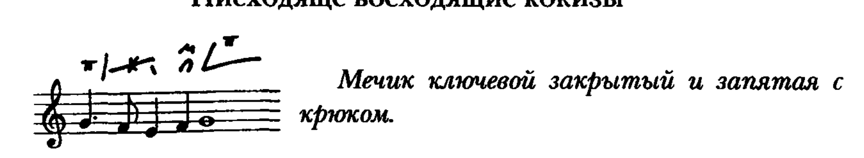
в си - ле тво - ей

Чаще всего эта интонация используется в высоком регистре – с пометами «покой с хохлом» и «веди», но встречаются и другие уровни – с пометами «гораздо веди» и «веди», «веди» и «покой».

В столповой нотации эта кокиза записывается устойчивым графическим комплексом:

163

Нисходяще-восходящие кокизы

Мечик ключевой закрытый и запятая с крюком.

Этими знаками записана нисходяще-восходящая четырехморная кокиза, состоящая из гемиолы краткой трехзвучной нисходящей (с пунктирным ритмом) и пятидольника краткого двузвучного восхо-
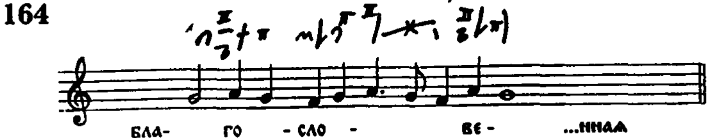
дящего. Обычный развод мечика ключевого закрытого со-кращается на одну четверть, а запятая перед крюком разводится полукраткой тонемой (т. е. четвертью), поэтому общая продолжительность звучания укладывается в четыре моры. При соединении с текстом в просодемах, связанных с этой кокизой, возникает дохмический род пропорций 3:5.

Мечик ключевой закрытый и стопица с палкой.

Этим соединением знаков записано опевание с терцовым скачком к верхнему вспомогательному звуку; обычный развод мечика сокращен так же, как и в предыдущем случае; общая длительность звучания также, благодаря этому сокращению, укладывается в четыре моры. Приводим пример этой кокизы в лицевом распеве с разделением на две тонемы – гемиолу и пятидольник.

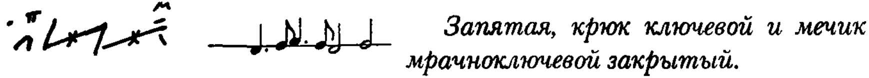
164

3.2. Шестизвучные кокизы
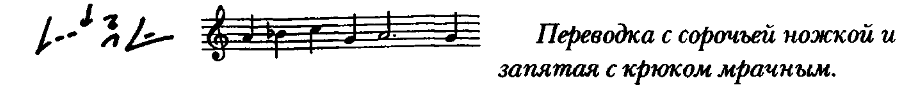
Воспятогласные кокизы

Восходяще-нисходящие кокизы

Запятая, крюк ключевой и мечик мрачноключевой закрытый.

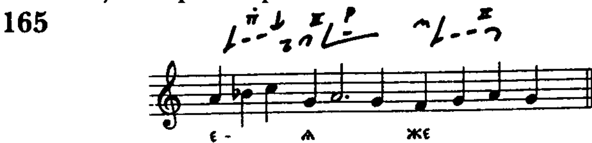
Соединение образовано двумя гемиолами – краткой и долгой при одном общем тоне в четверть; запись также несет элемент тайнозамкненности и представляет собой сложную лигатуру. Эта кокиза звучит в фитных и лицевых разводах и является четырехморной кокизой срединной функции. Последняя проявляется благодаря интонационному рисунку опевания, «двойному воспятогласию» и отсутствию долгой ритмической остановки в окончании кокизы.

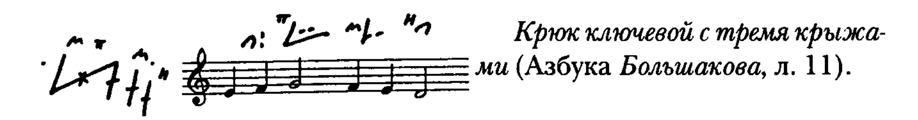

Переводка с сорочьей ножкой и запятая с крюком мрачным.

В этом соединении длительность переводки сокращается на четверть (обычный развод и мелодический оборот в целом укладывается в четыре моры. Просодия текста подчеркивает дохмические пропорции кокизы (3:5). Эти дохмические пропорции просодем заменяют собой отсутствие характерного для демества пунктирного ритма.

165

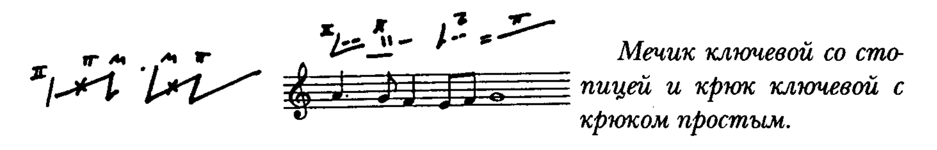

Крюк ключевой с тремя крыжами (Азбука *Большакова*, л. 11).

Это сочетание также представляет собой кокизу тайнозамкненной записи. Исходя из обычного значения крюка ключевого – краткая восходящая трехзвучная тонема с дроблением первой доли – развод лигатуры, возможно, предполагает двойное ритмическое уменьшение: или

Кокиза употребляется редко.

Нисходяще-восходящие кокизы
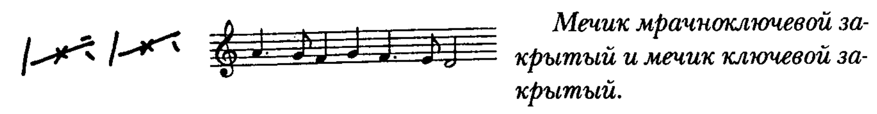

Мечик ключевой со стопицей и крюк ключевой с крюком простым.

Данная четырехморная воспятогласная кокиза, весьма сложная по своему интонационному рисунку, взята из азбуки *Большакова*, л. 11 об.

3.3. Семизвучные кокизы

Воспятогласные кокизы

Нисходяще-восходящие кокизы
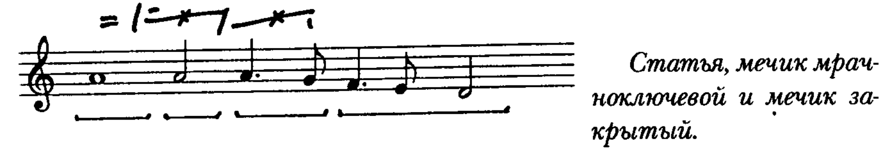

Мечик мрачноключевой закрытый и мечик ключевой закрытый.

Лигатура представляет интонационный вариант предшествующей кокизы с нисходящим окончанием. Мелодический рисунок кокизы интересен использованием опевания на слабую долю.

4. Шестиморные кокизы

4.1. Пятизвучные кокизы
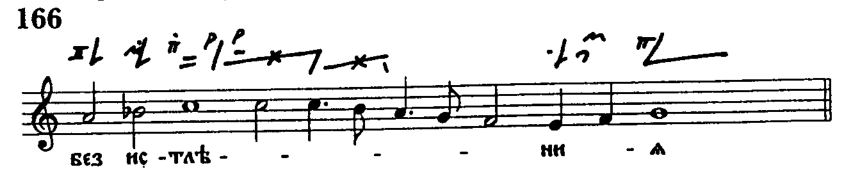
Нисходящие кокизы

Статья, мечик мрачноключевой и мечик закрытый.

Пятиступенный спуск с протянутым начальным звуком и дважды повторенным пунктирным ритмом.

166
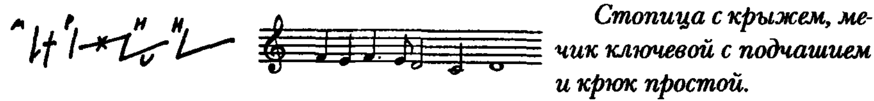

В столповой нотации этот спуск записывается дробным знаменем с замедлением:

167

Эта кокиза относится к наиболее ранним кокизам демественного распева, известным уже к третьей четверти XVI в. Благодаря своей запоминающейся интонации, она часто использовалась в начале песнопений, выполняя таким образом начальную функцию, причем в таких торжественных песнопениях, как многолетия царю и архиепископу, «Вечная память» преподобному Сергию Радонежскому. Эта кокиза применялась не только в монодии, но и в демественном многоголосии.

4.2. Семизвучные кокизы

Воспятогласные кокизы сложного интонационного рисунка
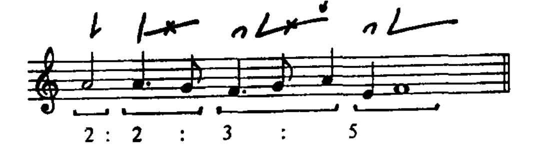

Стопица с крыжем, мечик ключевой с подчашием и крюк простой.

Одна из самых распространенных демественных кокиз, имеющая конечную функцию. Шестиморная кокиза складывается из трех тонем: краткой двузвучной, гемиолы долгой четырехзвучной и долгой однозвучной; им соответствуют три знака нотации. Ритмическим вариантом данной кокизы становится кокиза с заножком вместо крюка простого в окончании музыкального оборота; в результате окончание кокизы звучит как бы с форшлагом.

168

В этом примере развод заножка целой длительностью, вероятно, исключителен и связан с типичным окончанием кокизы. В результате продолжительность кокизы становится 6,5 мор, что весьма необычно.

Стопица, мечик ключевой, запятая с крюком ключевым с сорочьей ножкой и запятая с крюком.

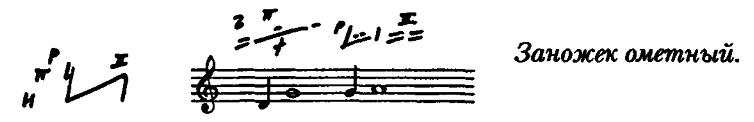
Весьма продолжительный мелодический оборот, записанный этими знаками, образован четырьмя краткими тонемами: однозвучной, двузвучной нисходящей с пунктирным ритмом, гемиолой трехзвучной восходящей и пятидольником двузвучным восходящим. Последние – гемиола и пятидольник – дают дохмическую пропорцию (3:5), общая продолжительность звучания равна шести морам.

5. Пятиморные кокизы

5.1. Пятидольники двойные долгие

Восходящие кокизы

Характерные для демественного пения пятиморные кокизы, равные двум пятидольникам долгим, представлены в демественной нотации небольшим количеством отдельных знаков и достаточно большим числом их соединений. При этом возникают интонационные варианты на основе одинакового ритма: восходящие и воспятогласные.

Заножек ометный.

Название «ометный» происходит от славянского «омета» – «одежда, накидываемая на плечи» [26]. Это значение соответствует графике вертикального ометного знака.

Кокиза соединяет два двузвучных восходящих пятидольника, первый из которых содержит квартовый мелодический скачок. Развод приведен по азбукам *Большакова*, л. 10 об.; *Шабалина*, с. 209.

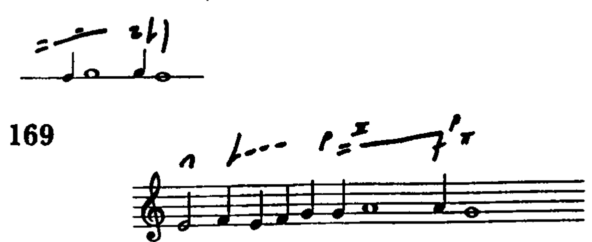
Воспятогласные кокизы

Восходяще – нисходящие кокизы

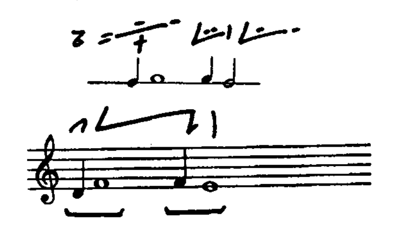
Стрела светлая с крыжем.

Соединяет в одном знаке характерный мелодический оборот демественного пения, который разделяется на два долгих пяти-

дольника и довольно часто записывается двумя знаками – стрелой мрачной и стопицей с палкой:

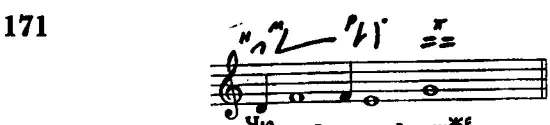

В столповой нотации записывается дробным знаменем:

Запятая, крюк и стопица с палкой.

Мелодический оборот, зафиксированный этими знаками, выделяется своей ритмической активностью, необычностью интонации и поэтому используется в начальных разделах («почин демеством»). Кокиза состоит из двух долгих пятидольников – двузвучного восходящего и двузвучного нисходящего, причем первый берется с «ломкою» (скачком на терцию).

5.2. Соединения краткой тонемы и двойной долгой

Воспятогласные кокизы

Нисходяще-восходящие кокизы

Мечик ключевой и врахия мрачная.
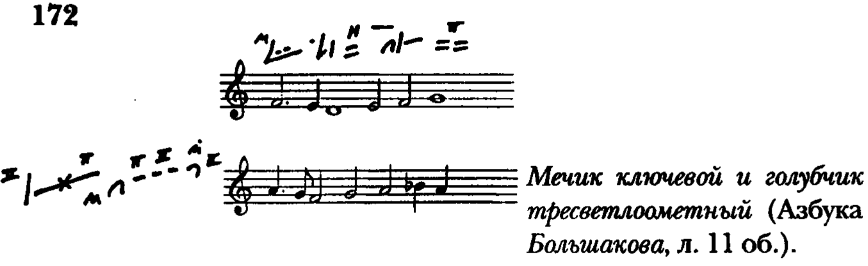
Соединение отражает воспятогласный рисунок кокизы. В разводе столповым знаменем азбуки Большакова в мечике ключевом выдержан замедленный пунктирный ритм, соответствующий долгой тонеме. Вместе с тем, в соответствии с обычным разводом этого знамени его следует читать как краткую тонему. В таком случае кокиза становится пятиморной.

Мечик ключевой и голубчик тресветлый (Азбука *Большакова*, л. 12).

Лигатура складывается из краткой двузвучной тонемы и двойной долгой четырехзвучной, представляя собой простое соединение. Развод кокизы аналогичен предшествующей. Вместе с тем, в азбуке Большакова, л. 11 об. раскрывается тайнозамкненность развода с остановками на нижнем и верхнем звуках кокизы; данный развод фактически является исключением:

172

Мечик ключевой и голубчик тресветлоометный (Азбука *Большакова*, л. 11 об.).

Кокиза является вариантом предыдущей: в ней меняется окончание.

5.3. Гемиольные соединения

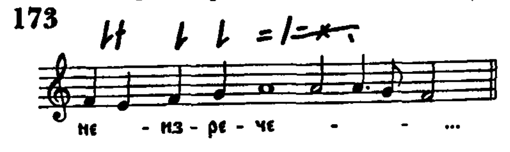
Нисходящие кокизы

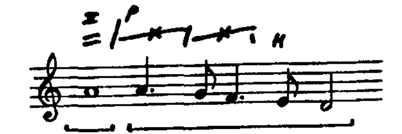
Группа простых соединений пятиморных кокиз включает несколько соединений статьи простой и мечика ключевого, взятого в разных вариантах и вкупе с другими знаменами. Все эти соединения представлены двумя тонемами – долгой и гемиольной долгой, т. е. пропорция их внутреннего членения – 2:3. Данные соединения используются в начале разделов – в «починах» и «захватах демеством»; статья всегда приходится на ударный слог.

Статья и мечик мрачноключевой закрытый.

Кокиза состоит из долгой однозвучной тонемы и гемиолы долгой трехзвучной нисходящей. В целом образуется трехступенный нисходящий оборот с протянутым начальным звуком и ритмическим пунктиром при мелодическом спуске.

173
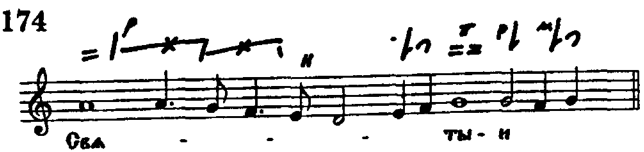

Статья, мечик ключевой и мечик ключевой закрытый.

Эти знаки дают вариант пятиступенного спуска с вытянутым начальным тоном; кокиза состоит из долгой однозвучной тонемы и гемиолы долгой пятизвучной нисходящей:

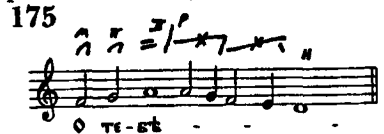
Почин демеством:

174

В линейных списках встречается развод этого мелодического оборота с выписанным ритмическим замедлением, например, так отмечено начало репризы в задостойнике «О Тебе радуется» (семь мор вместо пяти):

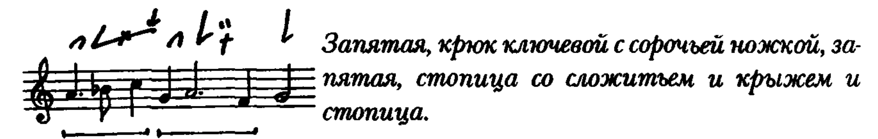
175

Воспятогласные кокизы сложного интонационного рисунка

В демественном распеве, считавшемся самым искусным, возникают мелодически развитые многозвучные кокизы, подобных ко-

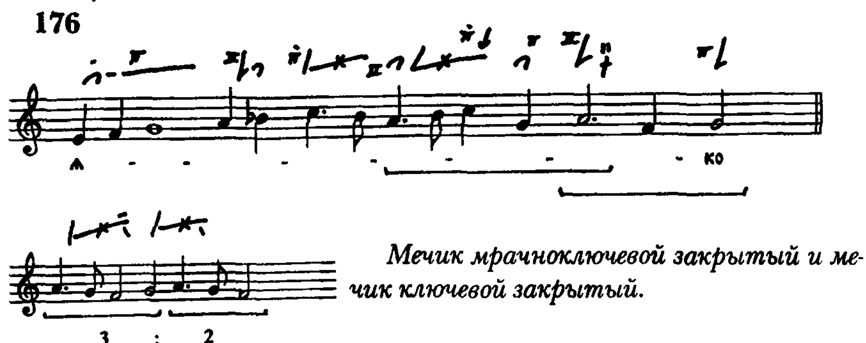
торым не было в знаменном пении. Они отличаются как сложным ритмом (пунктирный ритм с дроблением моры, синкопированный ритм гемиольных пропорций, пятидольников и др.), так и затейливым интонационным рисунком, который может включать не только воспятогласное движение тонем, но и его повторения.

Запятая, крюк ключевой с сорочьей ножкой, запятая, стопица со сложитьем и крыжем и стопица.

Мелодический оборот, записанный этим соединением знаков, отличается пунктирным ритмом гемиолы и терцовым нисходящим скачком пятидольника, взятым для опевания. Эта кокиза фактически является двойной кокизой, или кокизой с расширением, за счет которого она уже не укладывается в четыре моры, захватывая пятую.
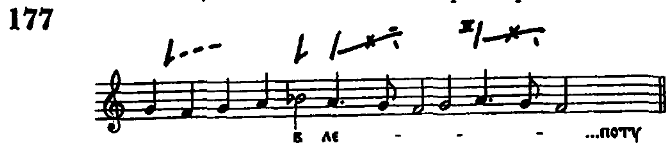
176

Мечик мрачноключевой закрытый и мечик ключевой закрытый.

Простое соединение мечиков состоит из гемиолы долгой четырехзвучной воспятогласной (нисходяще-восходящей) и долгой трехзвучной нисходящей тонемы. Продолжительность звучания этой кокизы составляет пять мор, которые разделены на три и две, т. е. здесь используется гемиольная пропорция.

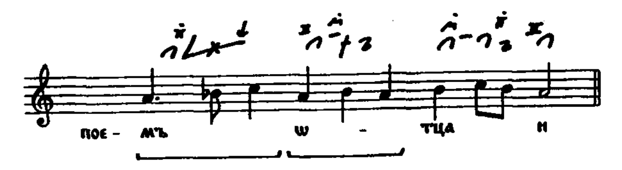
177

Одну из самых развитых кокиз демественного пения представляет следующая кокиза, соединяющая две гемиолы краткие трехзвучные и две краткие тонемы: трехзвучную и однозвучную. Эту лигатуру составляют несколько знамен: *запятая, крюк ключевой с со-*

рочьей ножкой и голубчиком с крыжем, а также голубчик ометный и запятая.

178

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что значение азбуки демественного пения состоит не только в том, что она позволяет перевести одну знаковую систему в другую. «Крюковая» ее часть, отражающая в своей графике основные, наиболее важные структуры музыкального языка песнопений, позволяет осознать взаимосвязи этих структур, их смысловое значение и, в конечном счете, осознать основные особенности музыкального языка русской средневековой культуры, частью которой является демественное пение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ИРЛИ, Причудское собр., 97, л. 228–229. Публикацию и исследование списка см.: *Фролов С. В.* Старейшая певческая рукопись Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 384–386; *Он же.* Из истории демественного распева // Проблемы истории и теории древнерусской музыки. Л., 1979. С. 99–108; *Пожидаева Г. А.* Из истории демественного пения XV–XVI веков // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 282.

[2] Посл. четв. XV в., ГИМ, Епархиальное собр., 174, л. 4; 176, л. 219 и об.; кон. XV – нач. XVI в., 185, л. 254; 2-я пол. XVI в., РНБ, собр. Погодина, 385, л. 164–165 об. (цит. по кн.: Певческие азбуки Древней Руси / Публ., пер., предисл. и коммент. Д. Шабалина. Кемерово, 1991. С. 20, 21, 24, 28).

[3] *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971, илл. XXIX а, б.

[4] *Пожидаева Г. А.* Демественное пение в рукописной традиции конца XV–XIX веков: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1982. С. 19.

[5] *Пожидаева Г. А.* Певческие традиции Древней Руси. М., 2007. С. 65–66.

[6] *Пожидаева Г. А.* К типологии служебной певческой книги Демественник // Дни славянской письменности и культуры: Мат-лы Всерос. науч. конф. 22–23 мая 1998 г. Ч. 1 / Отв. ред. Г. В. Алексеева. Владивосток, 1998. С. 106–112; *Пожидаева Г. А.* К типологии служебной певческой книги Демественник // А. С. Пушкин. Эпоха, культура, творчество. Традиции и современность: Дни славянской письменности и культуры. Май 24–26, 1999 // Дальневосточный гос. ун-т; Дальневосточный гос. ин-т искусств; Центр русской культуры. Владивосток, 1999. С. 101–110.

[7] *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994; *Кравченко С. П.*

Словарь фит певческой книги «Праздники» (начертания фит, разводы, нотолинейные транскрипции, комментарии) // Проблемы дешифровки древнерусских нотаций. Л., 1987. С. 157–194 и сл.

[8] Кон. XVII в., ГИМ, Синодальное певческое собр., 212, л. 50–53 об.; 1348, л. 36–39; посл. четв. XVII в., РНБ, Соловецкое собр., 644/618, л. 19–21.

[9] Подробнее о источниках демественного пения разных видов нотации см.: *Пожидаева Г. А.* Демественное пение в рукописной традиции конца XV–XIX веков: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1982.

[10] Списки Демественника: 2-я четв. XVIII в., РГБ, собр. Усова, 82; 3-я четв. XVIII в., собр. Большакова, 153; Музейное собр., 1249; собр. Одоевского, 6; собр. Разумовского, 88; 2-я пол. XVIII в., ГИМ, Синодальное певческое собр., 501; посл. четв. XVIII в., РГБ, Музейное собр., 6590; 1799 г., ГИМ, собр. Уварова, 919 (374); XVIII в., РГБ, собр. Вифанской духовной академии, 74; Музейное собр., 6418; ГИМ, Синодальное певческое собр., 15; кон. XVIII – нач. XIX в., РГБ, собр. Прянишникова, 165; Рогожское собр., 111; нач. XIX в., Рогожское собр., 110; 1-я четв. XIX в., ЦММК им. Глинки, ф. 283, № 79; 2-я четв. XIX в., РГБ, Музейное собр., 10489, 10584; ф. 218, № 56.20–1968; собр. Никифорова, 3; 1875 г., Рогожское собр., 113; XIX в., Музейное собр., 4428, 8573; собр. Егорова, 1381; кон. XIX в., Музейное собр., 4714 и др.

[11] *Шиндин Б. А., Ефимова И. В.* Демественный распев. Монодия и многоголосие. Новосибирск, 1981. С. 57.

[12] *Разумовский Д. В.* Церковное пение в России. М., 1867–1869.

[13] *Беляев В. М.* Раннее русское многоголосие. М., 1997; *Gardner I.* Das Problem des altrussischen demestischen Kirchengesanges und seiner linienlosen Notation. München, 1967; *Шундин Б. А., Ефимова И. В.* Цит. изд.; *Шабалин Д. С.* Певческие азбуки Древней Руси. Кемерево, 1991.

[14] *Калашников Л. Ф.* Азбука демественного пения. Киев, 1911.

[15] Источники различных видов нотации, в том числе и линейные (всего более 2000 списков), приведены в инципитном каталоге демественных песнопений конца XV – XIX в. из упомянутой дисс. автора. Важнейшие из них: ГИМ, Синодальное певческое собр., 195; РГБ, собр. Разумовского, 88; РНБ, собр. Погодина, 382; СПбДА, Р/217.

[16] *Смоленский С. В.* О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901. С. 41; *Владышевская Т. Ф.* К вопросу об изучении традиций древнерусского певческого искусства // Из истории русской и советской музыки. Вып. 2. М., 1976. С. 47–48; Старообрядческое церковное пение // «Мелодия», 1988. № М90 48299 001, С90 26773 006.

[17] Мора – наименьшая неделимая ритмическая единица в античном стихосложении. Понятие моры как единицы ритмической пульсации в древнерусском церковном пении введено В. Холоповой: *Холопова В. Н.* Русская музыкальная ритмика. М., 1983. С. 45.

[18] Представления автора о ритмических нормах традиции демественного распева отражены в публикации: Демественный распев XVI–XVIII вв. / Перевод крюкового письма Г. Пожидаевой. М., 1999.

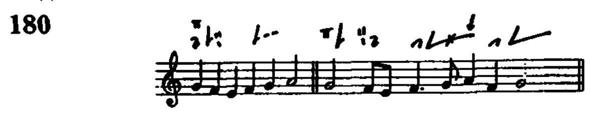
[19] Изредка встречается развод мечика половинной и четвертью ♩ ♩ например:

179

Такой развод возникает при общем «замедленном» окружении половинными длительностями.

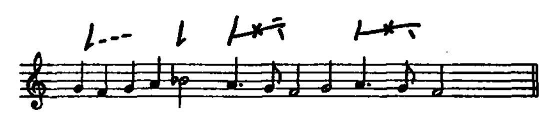
180

[20] Исключение представляют редкие иные ритмические разводы:

[21] В некоторых сочетаниях это знамя имеет другой развод –

181

[22] Встречается также развод с задержкой на вершине («покой с хохлом») (см. раздел Гемиола долгая).

[23] Иногда можно встретить такие тонемы в партии пути демественного многоголосия; это вызвано ритмическими особенностями ведущего голоса – демества.

[24] В рукописных азбуках можно встретить и другой развод этой лигатуры:

[25] О кокизе, ее отличиях от попевки и своеобразии в различных распевах см.: *Пожидаева Г. А.* Пространные распевы Древней Руси. М., 1999. С. 32–39, 56–63, 69–80, 87–97, 103–110 и др.; *Она же.* Певческие традиции Древней Руси: очерки теории и стиля. С. 57–67, 85–91, 94–105, 111–119 и др.

[26] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II, ч. 1. Репринтное изд. М., 1989. Ст. 666.

СТАТЬИ

XI–XII ВЕКА

С. В. Алпатов

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ БЫТОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Герменевтические исследования памятников средневековой бытовой письменности (берестяных грамот, граффити на стенах храмов, домашней утвари и т. п.) требуют сочетания двух подходов. Первый из них – «иконологический» – предполагает помещение рассматриваемых фактов в парадигму определенной функционально-стилевой традиции (деловая переписка, жанры высокой книжности, фольклор и т. д.). Другой подход – «иконографический» – подразумевает реконструкцию конкретной культурно-исторической, нередко уникальной, коммуникативной ситуации [1], в условиях которой только и мог возникнуть данный текст [2]. Разрыв между иконологическим и иконографическим уровнями интерпретации памятников бытовой письменности хорошо иллюстрируют следующие примеры.

Надпись на каменном кресте у озера Стержь в верховьях Волги гласит: «В лѣто 6641, мѣсяца июля 14 дня почахъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ сь поставхъ» [3]. Согласно А. А. Медынцевой, Стерженский крест – одно из самых ранних свидетельств о гидротехнических работах на Руси. Тогда как А. А. Зализняк, опираясь на мнение С. М. Толстой, предполагает:

«здесь мог быть отражен обряд *пахания реки* как магического средства вызывания дождя во время засухи»[4].

Две «иконологические» интерпретации конкурируют примерно на равных основаниях. Установка главой местной администрации памятного знака в день начала строительных работ выглядит некоторой модернизацией событий (хотя нельзя исключать, что подобный акт имел свою PR-семантику и в XII веке). Vice versa, участие посадника в языческих обрядах (с водружением креста!) было бы не только свидетельством «двоеверия», но и еще одним образцом древнерусского синтеза политической *власти* и *священного*[5].

Сходным образом, надпись 1068 г. на Тьмутараканском камне о том, что «князь Глеб мерил море по льду от Тьмутаракани до Корчева 10 и 4 тысячи сажен»[6], можно рассматривать и как факт из истории отечественной геодезии, и как магическое средство охвата-присвоения территории.

И в том, и в другом случае не представляется возможным сделать обоснованный выбор ни в пользу архетипической, фольклорной «иконографии» памятников, ни в пользу индивидуализированных, рациональных мотивировок поведения авторов надписей.

Иное дело «иконографическая программа» берестяной грамоты № 521: «...такъ ся розгори сртце твое и тело (т)[в]ое и дша твоя до мене и до тела моего и до виду до моего». Ее можно прочесть как любовную записку в духе «люби меня, как я тебя». А можно — как заговор-присушку, построенный по модели «как разгорается печь, так разгорится сердце и тело твое». И то, и другое решение поддерживается не только фоновыми фольклорными контекстами, но и прямыми функционально-стилевыми соответствиями в корпусе берестяных грамот[7]. Однозначный выбор в пользу той или иной интерпретации невозможен по чисто технической причине: утрачен фрагмент грамоты с ключевой частью сравнения.

Указанные методологические сложности в полном объеме встают перед исследователями хрестоматийно известной надписи в Софии Новгородской: «Перепелка паре в дуброве, постави кашу, постави пироги, ту иди», на которой мы сконцентрируем основное внимание.

Публикатор граффито А. А. Медынцева ассоциирует текст с детской считалкой. Вместе с тем она сочувственно ссылается на суждения Т. В. Рождественской о возможной связи содержания надписи с погребальным культом[8]. Зазор между «иконографией» надписей на заборах и надгробных эпитафий едва ли устраняется тези-

сом о мифологической основе детского фольклора, поэтому стоит внимательнее проанализировать структуру граффито.

Т. В. Рождественская прочитывает надпись следующим образом:

...(ки) те пи
ро(ге въ) печи
гридьба
в корабли
перепелъка
пар(е в)ъ доубро
ве пост(ави) ка
шоу по(ст)ави пи
роге тоу иди

— и предполагает, что формулы *пирог в печи, гридьба в корабли, перепелка в дуброви* иносказательно обозначают покойника [9].

Отметим сразу, что фольклорные образы *птицы, пирога, корабля* с равным успехом могут быть как символами смерти, так и символами жизни [10]. Лексические единицы языка фольклора получают определенное значение только в рамках конкретного речевого, жанрового, обрядового и т. п. контекста. Необходимо увидеть в сохранившихся фрагментах граффито следы целостных фольклорных формул и интерпретировать значение отдельных лексем-образов в непосредственной связи со смежными единицами текста.

С этой точки зрения, задействованные в структуре граффито образные единства «птица в роще», «плывущий корабль», «испеченный хлеб» могут быть прочитаны как варианты универсального изобразительного языка христианских надгробий [11]. Правда, в этом случае нужна детальная аргументация замены стереотипных библейских образов голубя, ковчега и хлебца-просфоры на конкретные и семантически нюансированные образы перепелки, военного судна и пирога в печи.

Кроме того, остается открытым вопрос о синтаксической структуре надписи. В процитированной расшифровке Т. В. Рождественской вербальная триада как бы заменяет собой ряд рисунков на надгробии [12]: пирог печется, корабль плывет, перепелка парит. Следом снова картинка-констатация: каша и пироги поставлены. Из ряда выбивается финальный императив («туда иди!»), для которого следовало бы подыскать точный этикетный эквивалент типа: «Ступай, с Богом!», «Спи спокойно!» и т. п.

Не отказываясь принципиально от предложенного Т. В. Рождественской толкования надписи, констатируем отсутствие ясной связи отдельных образов в смысловое целое граффито (при несомненной принадлежности всех образных компонентов надписи к семантическому полю обрядов перехода[13]). Для понимания практического назначения надписи, коммуникативной интенции, ее породившей, не достает фольклорной протоформы, по модели которой построен анализируемый письменный текст.

Попробуем подойти к проблеме с другой стороны. Обратим внимание, что конструкция *перепелъка пар(? ?)ъ доуброве* может быть прочитана как императив + дательный падеж: *перепелъка пар(и к)ъ доуброве.* В этом случае возникает разительное сходство с заговорами, построенными по модели «отсылание болезни, отведение опасности»[14]:

Покойника когда уже вымоют, когда в гроб положат, под левое плечо, под подушку положат хлебушка да соломы обязательно: «Вот тебе, Иван, хлеб и соль, у стола не стой, в окошко не гляди и домой не ходи»[15];

Чтобы покойник не ходил, бросают в могилу серебро, зерно: «На тебе грош, нас не трожь, на тебе рожь, нас не тревожь, на тебе нож, нас не тревожь»[16].

С учетом предложенной конъектуры и возникающих параллелей с текстами похоронных заговоров граффито получает следующее истолкование: перепелка – душа умершего, отправляемая на тот свет, пироги и каша – поминальная трапеза, совершенная должным образом, сам текст надписи – юридическое свидетельство выполненного долга, но не собственно акт поминания (т. е. оберег, а не эпитафия).

Возможный нюанс данной интерпретации: если умерший погребен на чужбине[17], без соблюдения должных обрядов, в этом случае граффито на стене соборного храма может пониматься как заклинание души «заложного покойника», не находящей себе места ни в этом, ни в ином мире.

При всей «самоочевидности» похоронно-поминальной прагматики разбираемой надписи следует учитывать тот факт, что модель «изгнание опасности» используют не только похоронные заговоры, но и заклинания других функциональных типов (от сглаза, грыжи, лихорадки):

Заговариваем раба Алексаха сплёк [вывих] бравой руки, бравого плеча, белого тела, христианской крови. Ты, сплёк, ступай, тут тебе не место!

Табе место в чистом поле, под сырыми борами, с буйными ветрами: [там] столики дубовые, скатерти шелковые, вины зеленые, пироги печныя[18].

Таким образом, принципиально расширяется жанровый контекст анализируемой надписи – от эпитафии или оберега до текстов, сопровождающих самые разные обряды перехода. Особо остановимся на *свадебных* параллелях к образам граффито.

Так, пара *пироги / гости* предсказывает замужество в подблюдных песнях:

Топи, мама, печку, пеки пироги.
К тебе, мама, гости, ко мне женихи[19].

Свадебные песни описывают прибытие жениха в дом невесты на корабле:

Шьшо по морю, морю синему,
Шьшо по морю по Фвалынскому
Там бежало-выбегало тридцеть кораблей,
Тридцеть кораблей со единым кораблем.
Шьше один-то корабль наперед забегал,
Наперед забегал да как сокол вылетал.
У его-то нос-от корма да по-туриному,
Шьшо бока-то сведены по-звериному.
По кораблицьку гуляет удалой молодець,
Удалой молодець да первображной кнесь...[20]

Чины свадебного поезда[21] организованы по модели воинской дружины либо купеческой артели («гости»), приплывающей на кораблях:

Тысяцкой, тысяцкой,
Ты богатый гость, ты богатый гость!
Уж ты хвалишься-похваляешься,
Что есть у меня князь молодой.
Во чистом поле шатром стоишь,
По синю морю кораблем бежишь![22]

О *каше* как обязательном блюде на свадебном столе и как особом этапе свадебного обряда свидетельствуют данные Новгородской Первой летописи:

В лѣто 6747 оженися князь Олександръ сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашу чини, в Новѣгородѣ другую[23].

О взаимной связи образов пирога и перепелки говорит цитируемый В. И. Далем «приговор на свадебном пиру, вынимая коровай: *Мой коровай в печь перепелкой, из печи коростелкой!*»[24].

По данным А. В. Гуры[25], *перепелка* – это образ девушки, героини любовных игровых песен:

Над рекой вербинка стояла.
Там девчонка воду брала,
Тую вербинку проклинала.
Под тобой, верба, вода горька,
Мне девчоненьке жить не ловко.
Чтоб была я перепелка,
Куда вздумала – полетела:
Ти криниченьку – пить водичку,
Ти в темны боры на брусничку[26];

– либо образ невесты, ожидающей перехода из отчего дома в дом будущего мужа:

В поле-то грушица раным-рано расцвела,
На ту пору матушка меня, горькую, родила,
Не собравшись с разумом, в чужи люди отдала.
– Сострой, сострой, матушка, легонько суденышко,
Легонько суденышко, петербургской же стружечик.
Сама вышла матушка на крутенькой бережечик:
– Постой, постой, дитетко, сем, простимся с тобой!
– Сударыня-матушка, не моя воля, чужая.
Легонько суденышко против ветру не стоит,
Чужой отец с матерью без времени журит.
А я к тебе, матушка, три года не буду.
На четвертый годочик мелкой пташкой прилечу,
Горючими слезами все кусточки потоплю[27].

Таким образом, в разбираемой надписи речь может идти не о погребальных, а о свадебных проводах. Восстанавливая «иконографическую программу» надписи, можно предположить, что ее автором была сваха либо мать невесты, стремившиеся обеспечить благополучный (бесповоротный) переход дочери в новый дом и в новый статус.

Момент создания граффито – венчание – единственный этап народной свадьбы, когда замирает четко отлаженный механизм ритуального взаимодействия двух родов, посредников-сватов и общины в целом (образ свадебного поезда, застывшего в ожидании у церковной ограды и умолкшего на время церковного таинства, – общее место этнографических описаний[28]). Оставшиеся не у дел, выключенные из логики христианского обряда авторитетные носители фольклорной традиции компенсируют собственное бездействие и отсутствие контроля за ситуацией доступными им средствами[29].

Стоит сравнить коммуникативное намерение автора граффито с характерными иносказаниями обряда рукобитья:

Что не ключики брякнули,
Да не замочики щелкнули,
Да по рукам сваты ударили,
Да ще попы печать приложили.
Да запоручили голубушку,
Да нашу милую подруженьку
Да за поруки за крепкие,
Да за письма за мелкие[30].

Экспансия языческого заговора в сферу рукотворной молитвы[31] вызвала закономерную реакцию неведомого цензора в виде приписки «усохните те руки».

Проведенный структурный анализ граффито о перепелке, безусловно, не является исчерпывающим, а суждения в пользу свадебного его истолкования сколько-нибудь окончательными. Плохая сохранность надписи исключает возможность однозначного выделения в ее составе тех или иных фольклорных клише. Тогда как вырванные из речевого контекста лексемы-образы дают слишком широкий спектр функциональных привязок (рядовая эпитафия, оберег от заложного покойника, заклинание, изгоняющее сезонного демона[32], приговор свахи на удачный переход невесты в дом жениха).

Тем не менее, стоит надеяться, что выстраивание типологии бытовых текстов в сочетании с микроанализом каждой записи как самостоятельного коммуникативного высказывания приведет к уяснению реального значения фольклорной составляющей древнерусской бытовой письменности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср.: *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. М., 2003. С. 189–241.

[2] См., к примеру, реконструкцию контекста берестяных грамот, связанных с именами Петра, Якши и Марены: *Гиппиус А. А.* 1) Петр и Якша: к идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII века; 2) О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 66–93.

[3] *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. С. 227.

[4] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 344.

[5] Ср. пародийное использование Иваном Грозным архетипа «царской пахоты»: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з боярами и сеял гречиху; и иные потехи: на ходулех ходил и в саван наряж[ал]ся» – ПСРЛ. Т. 34 (Пискаревский летописец). М., 1978. С. 189.

[6] *Медынцева А. А.* Указ. соч. С. 221.

[7] См. Подробнее: *Топорков А. Л.* Грамота № 521: заговор или любовная записка? // Слово и культура. М., 1998. Т. 2. С. 230–241.

[8] *Медынцева А. А.* Указ. соч. С. 77–78.

[9] *Рождественская Т. В.* Древнерусская эпиграфика. СПб., 1991. С. 89.

[10] См.: *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. М., 1995. № 2029 (птица – смерть), № 2105, 2108 («пирог с мясом» – покойник), 2125, 2180 (корабль-ковчег – гроб), 1719 («липова загибка, мясной пирожок» – младенец в колыбели), 1720 (ковчег-корабль – младенец в колыбели).

[11] См. подробнее: *Уваров А. С.* Христианская символика. М., 2001. С. 103–109, 147–179.

[12] Ср. наблюдения А. С. Уварова над взаимным расположением надписей и символических изображений на раннехристианских надгробиях.

[13] Ср. статьи «Душа», «Каша», «Перепелка» в словаре «Славянские древности». Т. 2, 3. М., 1999, 2004.

[14] Ср.: *Волоцкая З. М.* Тема смерти и похорон в загадках // Малые формы фольклора. М., 1995. С. 253–254.

[15] Русские заговоры и заклинания / Под. ред. В. П. Аникина. М., 1998. № 2419.

[16] Там же. № 2430.

[17] «Гридьба в корабли» – не только мифологический штамп переправы на тот свет, не только ритуальный антураж, но и указание на профессию?

[18] Русские заговоры. № 1506.

[19] Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995. С. 32.

[20] *Марков А. В.* Беломорские старины и духовные стихи. СПб., 2002. № 340, 350–352: «Здунай» (свадебная). Ср. также: Лирика русской свадьбы / Под ред. Н. П. Колпаковой. Л., 1973. № 207, 208, 283–289.

[21] См. подробнее: *Гура А. В.* Терминология севернорусского свадебного обряда (на общеславянском фоне): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. С. 139–140. Само название свадебного *поезда* лишь отчасти отражает концепт кон-

ной езды и, возможно, восходит к древнерусскому термину, обозначавшему «объезд для сбора податей», см.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ст. 1337–1338.

[22] Лирика русской свадьбы. № 337.

[23] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 79.

[24] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1982. С. 74.

[25] *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 718–722. Ср. также свадебные лирические песни с образом перепелки, исполняемые на *просватанье, сговоре* и *девишнике.* Русская свадьба / Подгот. А. В. Кулагиной, А. Н. Иванова. Т. 1–2. М., 2000. № 243, 249, 266, 344, 363, 364.

[26] Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976. № 104. Ср.: Лирика русской свадьбы. № 60, 97.

[27] Песни, собранные П. В. Киреевским. Записи П. Н. Якушкина. Т. 1. М., 1983. № 73. Ср. также: Традиционный фольклор Новгородской области Л., 1979. № 11, 12.

[28] Ср.: «Выходят на улицу. Девушки поют "Голубочка", прощаются девушки. До самой церкви поют... Повенчают молодых, поздравят с законным браком. Домой к жениху от венца везут, девки сзади песни поют» – Русская свадьба Т. 1. С. 54.

[29] Ср. также бесчисленные свидетельства о том, сколько примет надо успеть заметить, зароков заветить *жениху* и *невесте* (на главенство в семье, на срок совместной жизни, на число и пол детей и т. д.), пока священник совершает венчание.

[30] Лирика русской свадьбы. № 59.

[31] Ср.: «Тудор молился святой Софии Угринец грешною рукою» – *Медынцева А. А.* Указ. соч. С. 75.

[32] За пределами статьи остались недостаточно разработанные связи образа перепелки с жатвенной обрядностью, в частности с призыванием / изгнанием духа урожая – см. подробнее: *Гура А. В.* Символика животных. С. 722–724.

А. С. Дёмин

СРАВНЕНИЕ «АКЫ ВОДА» В «СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ» И ЖАЛОСТЛИВОСТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

1. Предметный смысл сравнения

Агиографическое «Сказание о Борисе и Глебе» неизвестного автора конца XI – начала XII в. содержит исключительно яркую деталь в рассказе о нападении убийц на Глеба, которые «обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, *блещащася, акы вода*» [1]. Откуда эта изобразительная деталь появилась?

Вряд ли автор «Сказания» исторически точно знал, как блестели в действительности мечи нападавших, или заимствовал эту деталь в качестве реалии из преданий о Борисе и Глебе. Все остальные памятники борисоглебского цикла в лучшем случае лишь глухо упоминают обнаженное или готовимое «оружье» у убийц (летописный рассказ «О убьеньи Борисове» и рассказы в Прологах) или вообще не упоминают никакого «оружья» у нападавших («Чтение о Борисе о Глебе») [2].

Сравнение блеска обнаженных мечей с блеском воды в отрывке об убийстве Глеба нельзя отнести и к традиционным риторическим средствам, ибо в древнерусской литературе блеск оружия, в том числе мечей, не был водным, но обычно сравнивался с блеском или сиянием молнии, солнца или зари (или оружие блестело на солнце, либо при молнии). Примеров тому такое множество, что не станем их приводить.

Для дальнейших объяснений необходимы наблюдения над контекстом анализируемого сравнения. В эпизоде об убийстве брата, содержащем сравнение с водой, постоянно встречаются и другие предметные детали: Глеб «поиде въ *кораблици*» до «*устие*» реки; убийцы «*гребяахуся*» к Глебу; они «равно *пловуща*, начаша *скакати*» в ладью Глеба; у гребцов «*весла отъ руку испадоша*, и вьси *отъ страха омъртвеша*» (40–41). Этих деталей нет в других произведениях о

Борисе и Глебе (только в «Чтении» упомянуты весла, но без рук: «положе весла» — 13; а в одном из проложных рассказов упомянуто «скакание» — 99, взятое как раз из «Сказания о Борисе и Глебе» [3]). Предметность изложения в данном случае была обусловлена темой приключения. Показательно, что в рассматриваемом эпизоде «Сказания» Глеб, молясь своему отцу, употребляет знаменательное слово: «вижь *приключьшаяся* чаду твоему» (42); это слово, как правило, связанное с обозначением внезапного неблагоприятного события, то есть приключения, отсутствует в других произведениях о Борисе и Глебе.

У автора «Сказания» при рассказе об обстоятельствах убийства Глеба, возможно, мелькнуло припоминание о традиции описания страшного приключения на воде. Эпизоды приключений во время плавания на кораблях в древнейших памятниках содержат те же или сходные детали, что и в соответствующем эпизоде «Сказания», — неизбежные по сюжету упоминания кораблей, плавания, воды, весел и пр., но самое главное — подчеркивания страха. Вот, например, «Космография» Козмы Индикоплова: «*плававше*... и пришедше близь... *устие*... яко же *убоатися* всѐмъ иже в *корабли* и бяше *страшно* намъ отнюдь видение» и т. д. [4] Одно из «слов» Синайского патерика: «вълезъшю ему въ *корабль*... и въ мнозе *унынии* и недоумении беша корабльници...» [5]. Одно из чудес «Жития Николая Чудотворца» упоминает и выпадение весел из рук гребцов: «*иде в корабли*... и *весла*, яже беша в *рукахъ* ихъ, *изрази*... и от ризъ его многа *вода* текущи... от великия *ужасти* разумети не могу» [6].

Однако только «приключенческими» описательными традициями все-таки нельзя объяснить сам факт появления сравнения с водой в «Сказании о Борисе и Глебе». Другое объяснение сравнения связано вот с какой особенностью повествовательной манеры автора «Сказания» в рассказе об убийстве Глеба — с настойчивым повторением указаний на реальную зримость людей и предметов: «*узьрети* лице твое», «*узьре* я», «они *узьревъше* и» «*възьревъ* къ нимъ» (40), «онъ *видевъ*» (41), «уже не имамъ васъ *видети*», «*вижь* течение сльзъ моихъ», «*възьревъ* къ нимъ» (42), «и *узьре* желаемааго си брата» (43). Эти упоминания зримости регулярно повторялись автором и в других эпизодах «Сказания»: «къ кому *възьрю*» (29), «*узьрю* ли си лице» (30), «и вси *зьряще* его» (31), «и *видевъ*... яко годъ есть утрении» (33); «*зьря* к иконе Господьни», «и *узьреста*... и *видевъша* господина своего», «*узьре* текущиихъ... блистание оружия и мечьное оцещение» (34–35) и т. д. и т. п. Блеск обнаженных мечей, как отметил автор, тоже «си *видевъ* блаженый» Глеб (40).

Здесь снова не обошлось без авторского следования древней литературной традиции. Описания сражений или подготовки к нападению традиционно содержали какую-нибудь избранную броскую деталь, ясно зримую противником и вызывающую его страх. Вот обзор этой литературной традиции в самом кратчайшем виде по некоторым древнейшим памятникам. Яркой деталью при описании войска или воина нередко служило упоминание обнаженного или блещущего оружия, с выразительным сравнением. Например, описание ангела-воителя в Ипатьевской летописи под 1110 г.: Александр Македонский «види мужа... и мечь нагъ в руце его и обличенье меча его, *яко молонии*... и ужасеся цесарь велми» [7]. Или войско в «Хронике» Георгия Амартола: «яко же въсия солнце на златыя щиты и на оружия, блистахуся горы от нихъ и сияху, *яко отъ святилъ* горящь, темь възмущахуся вси видяще» [8]. В подобных картинах с блещущим оружием сравнения могли относиться и к чему-то другому, нежели оружие. Так, в «Слове о всех святых» Иоанна Златоуста: «Чьто бо есть страшьно на брани: пълъци на обе стороне стануть оковани, блистающе ся оружиемь и землю светяще... и многопадение обоиде, *акы на жатве класомъ*» [9]. Или в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Вои же, по обычаю облъкшеся въ оружие, *яко стены*, поидоша... Вся преградная места блыщахуся оружиемь позлащенымь... И великъ ужасъ нападе на мятежники» [10]. Оружие могло блистать и без каких-либо сравнений. Например, в «Повести временных лет»: «яко посветяше молонья, блещашеться оружье, и бе... сеча силна и страшна» [11]; «яко се видяху... ездяху... въ оружьи светле и страшни» [12]. В «Хронике» Георгия Амартола: «оружию движания и златыя красоты блистания» [13].

Не вызывает сомнений, что подобная повествовательная традиция повлияла на описание нападения убийц на Глеба в «Сказании о Борисе и Глебе». Воздействие воинских мотивов на «Сказаниие» не единично (ср.: «поидоша противу собе, и покрыша поле Льтьское множьствъмь вои, и съступишася» и т. д. – 46–47; или о Борисе и Глебе: «Вы... намъ оружие... и меча обоюду остра» – 49); этих воинских мотивов и деталей нет в других произведениях о Борисе и Глебе.

Однако сравнение блеска оружия именно с водой не укладывается в фонд традиционных изобразительных воинских мотивов. Видимо, не в изобразительных традициях было дело. Тем более что сравнение блеска мечей с водой в «Сказании» имело лишь ограниченный изобразительный смысл и указывало только на сильный блеск оружия, не более того.

2. Символический смысл сравнения

Эпизод со сравнением мечей с водой содержит немаловажную смысловую особенность: воинские мотивы в древнерусской литературе всегда связаны со сражением; в эпизоде же о Глебе в «Сказании» сражение не последовало, хотя мечи обнажены. Но эти мечи не окровавлены, а чисты, блестят водянисто, потому что не будут употреблены в дело, – ведь Глеба заклали ножом. Недаром Глеб видел мечи, а упомянул свое будущее заклание ножом: «закалаемъ есмь» (42). Сравнение оружия с водой обладало не столько изобразительностью, сколько символическим смыслом, предсказывая будущий результат наперед.

Существовала ли литературная традиция символизировать неприменение оружия его чистотой, сказать трудно. Но все же можно привести близкую аналогию из Библии: у Голиафа «копие в руку его, *яко вода*, ищищено блещащеся» [14], – копье блестело, как вода, потому что оно так и не вступило в бой и осталось чистым, Давид успел убить Голиафа до применения копья. Показательно, что в пересказе этого эпизода Хронографом 1512 г. незамаранность оружия Голиафа, притом уже меча, указана прямо: «в руку его мечь, яко вода, чистъ» [15]. Однако непосредственного влияния Библии в данном эпизоде «Сказания», пожалуй, не наблюдается.

Сравнение блеска мечей с водой содержало еще один символический, притом экспрессивный, смысл. Водяной блеск мечей был зловещим, символизировал какую-то страшную и даже смертельную опасность. Недаром автор «Сказания» добавил, что блещущих, как вода, мечей люди не просто устрашились, но «омьртвеша». Тут, возможно, не обошлось без влияния традиции рассказов о путешествиях, на этот раз сухопутных, но связывавших блеск воды с опасностью. Например, в «Слове о трех мнисех» (или «Житии Макария Римского»): «источник знамянанъ водныи белъ, яко млеко [в другом списке: «и бе въ немъ вода бела»]. И видехомъ ту мужи страшны зело, окрестъ воды стояща... и видевше то, мы трепещюще, яко мертви... и минухом место то со страхом» [16]. В «Александрии»: «И видехомъ некако место, и бе на немъ источникъ светелъ, его же вода заблищашася, аки молниа... и призвахъ повара... он же, примъ икру, и иде къ светлому источнику омыти икру, и абие намокши в воде, оживе икра и избежа от руку повара... поваръ же бывшаго не поведа» [17], – очевидно, напуганный. В «Девгениевом деянии»: «Во источнице бо томъ свйти, а вода, яко свеща, светится. И не

смеяше бо к воде той от храбрыхъ приитъти никто, понеже бяху мнози чюдеса: в воде той змей великъ живяше» [18]. Однако нигде зловещий блеск воды не переносился на оружие, и, таким образом, сравнение блеска обнаженных мечей с водой в «Сказании о Борисе и Глебе» снова оказывалось уникальным.

Пока, до обнаружения иных аналогий, остается признать, что сравнение блеска мечей с водой явилось результатом индивидуального творчества автора «Сказания». Убийцы, обнажив мечи, перескакивали над водой в корабль Глеба – вот спонтанно и возникло у автора сравнение с водой.

3. Жалостливость «Сказания»

При всей случайности появления сравнение блеска мечей с водой не было бессмысленным и вполне соответствовало авторскому настроению. Сравнение блеска мечей с блеском воды в «Сказании» относится к любопытным феноменам древнерусской литературной поэтики. Изобразительность у автора «Сказания» была особого рода – не столько реалистической, столь привычной для нас, сколько иносказательно-символической (о подобном явлении уже писал Д. С. Лихачев [19]). Оказывается, существовали литературные средства, сочетавшие, с одной стороны, реальную изобразительность, а с другой стороны, умозрительную символичность и благодаря такому сочетанию смыслов отличавшиеся особой экспрессивностью.

Но ведь экспрессивно все «Сказание». В рассказе об убийстве Глеба герой жалостно плачет, чувства персонажей драматически сталкиваются и меняются: Глеб, «умиленый», затем «възрадовася», его убийцы «омрачаахуся», его окружение ужаснулось и пр. Подчеркнуто часто – почти 30 раз – в тексте «Сказания» повторяются эпизоды с упоминаниями о слезах, печали, плачах, воздыханиях, умилении, стенаниях, горе, унынии, сокрушении, скорби, жалости и пр. у героев и даже у мимолетных персонажей, а упоминания минорных чувств постоянно разрастаются в целые описательные сцены плачей. В отличие от «Сказания», в более пространном «Чтении о Борисе и Глебе» плачи упоминаются всего лишь 5–6 раз, и то очень кратко, а в летописной статье «Об убьеньи Борисове» плачи упоминаются и того меньше – 3 раза, и тоже кратко. Стремлением автора «Сказания» к трагичности повествования можно объяснить, в частности, и появление зловещего сравнения мечей с водой, окруженного самыми интенсивными в «Сказании» плачами и воплями персонажей. Вода к слезам ближе, чем, скажем,

молния или солнце (ср. в Галицко-Волынской летописи: «слезы от себе изливающи, аки воду» [20]; или в одном из «слов» Иоанна Златоуста: «источьницехъ водьныихъ прикладаема беаху очеса и... сльзы вряща капааху...» [21] и др.).

Но зачем автору понадобилось так убиваться? Объяснить болезненную, трагическую манеру изложения автора «Сказания» нельзя только житийной традицией. Например, в Успенском сборнике, где наряду со «Сказанием о Борисе и Глебе» переписаны различные жития, в том числе мученические, ничего похожего на острую трагичность «Сказания» не встречается. В прочих житиях, скажем, Евстафия Плакиды или Алексия человека Божия, плачи гораздо более редки, чем в «Сказании».

Стремление автора «Сказания» к явно повышенной трагической экспрессивности изложения объясняется индивидуальной авторской целью. В рассказе об убийстве Глеба автор подчеркнул отсутствие отклика людей на отчаянные речи Глеба: убийцы «ни поне единого словесе постыдешася... не вънемлють словесъ его» (41); близкие тоже не слушают его, на что Глеб жалуется: «отца моего Василия призъвахъ – и не послуша мене... И ты, Борисе, брате, ... то ни ты хочеши мене послушати... и никто же не вънемлеть ми» (42). Да и Борис ранее жаловался на то же: «не вемь, къ кому обратитися» (29). Подобная тоска героев по слушателям отсутствует в других произведениях о Борисе и Глебе. В «Сказании» же Борис и Глеб пытались вызвать сочувствие своими речами даже у убийц («милъ ся имъ деяти», «милъ вы си дею» – 35, 41) и даже убийц ласково называли («братия моя милая и любимая», «братия моя милая и драгая» – 25, 41). Подобных поползновений героев к сочувствию тоже нет в других произведениях о Борисе и Глебе. Наконец, автор «Сказания», и только он, однажды, возможно, показал образец сочувственного отклика слушателей на речи Бориса: «да егда слышаху словеса его... и къждо въ души своеи стонааше» (36). По-видимому, аналогично эмоциональным героям «Сказания» автор пытался, так сказать, «достучаться» до чувств читателей и слушателей своего произведения.

Поэтому автор устами персонажей регулярно обращался фактически к читателям, взывая к их чувствам: «Къто бо не *въсплачеться*, съмерти тое пагубьное приводя предъ очи сьрдьца своего?» (31); «къто не *почюдиться* великууму съмирению, къто ли не съмериться, оного съмерение видя и слыша?» (37). В конце «Сказания» автор уже и сам призвал «нас», включая читателей, отозваться чувствами на рассказанное о двух страстотерпцах: «Темь же прибегаемъ к

вама и *съ слезами* припадающе молимъся...» (50). В конце рассказа об убийстве Глеба тоже содержалось косвенное, в виде евангельской цитаты, обращение к чувствам читателей – побуждение их к нужному эмоциональному состоянию: «*Въ тьрпении* вашемь сътяжите душа ваша» (42).

Не ясно, каких читателей или слушателей имел в виду автор «Сказания», – вообще всех жителей Русской земли? (В «Чтении» читатели обозначены, кажется, более церковно: «братие»). Вероятно, для религиозно-гражданственного потрясения читателей понадобилось автору «Сказания» и необычное сравнение мечей с водой.

4. Жалостливость Владимира Мономаха

Теперь требуется объяснить повествовательную манеру автора «Сказания». Точное время создания «Сказания» неизвестно. Однако если принять за основу мнение ряда ученых о появлении «Сказания» не ранее начала XII в., в 1115–1117 гг.[22], то намечаются интригующие параллели.

Показательна характеристика великого князя киевского Владимира Всеволодовича Мономаха в Лаврентьевской летописи – в «Повести временных лет» и в продолжившей ее Суздальской летописи. Так, под 1125 г. в посмертной, итоговой характеристике Владимира Мономаха подчеркивается одна из ведущих его черт: «*Жалостив* же бяше отинудь и даръ си от Бога прия: да егда в церковь внидяшеть и слыша пенье, и абье *слезы* испущашеть, и тако молбы ко владыце Христу *со слезами* воспущаше»[23]. Жалостливость Мономаха отмечена прежде всего к «сродникома своима, к святыма мученикама Борису и Глебу».

Не только церковная жалостливость Мономаха имелась в виду. В предшествующих рассказах летописи постоянно отмечалась сходная жалостливость Мономаха: когда заболел его отец, то Мономах «*плакавъся*», и когда преставился отец, то Мономах снова «*плакавъся*» (217, под 1093 г.); вскоре утонул брат Владимира Мономаха и погибла дружина – «Володимеръ же... *плакася* по брате своемъ и по дружине своеи... *печаленъ* зело» (220, под 1093 г.); затем один князь ослепил другого – «Володимеръ же слышавъ... ужасеся и *всплакавъ*» (262, под 1097 г.); князья хотят воевать друг с другом – и снова «се слышавъ, Володимеръ *расплакавъся*» (262, под 1097 г.); сверх того, Владимир заявлял, что ему «*жаль*» убиваемых смердов (277, под 1103 г.). Все это упоминания отнюдь не церковных плачей Владимира

Мономаха. Жалостливость показана в летописи как всеохватывающее свойство Мономаха. Притом никто из князей в летописи не показан таким жалостливым и часто плачущим, как Владимир Мономах. Это, по летописи, его индивидуальная черта.

Вероятно, так оно и было в действительности. Правда, прямых документов о чувствительности Мономаха в нашем распоряжении нет. Но ведь Лаврентьевская летопись в конечном счете все-таки восходит к южнорусскому летописанию времени Владимира Мономаха[24], то есть, вероятно, осталась правдивой по отношению к нему. Показательно, что собственно южнорусская Ипатьевская летопись содержит те же и даже добавляет еще детали к картине чувствительности Мономаха. Под 1113 г.: «Володимеръ *плакася* велми... *жаля си* по брате» (о Святополке); под 1117 г.: «Володимеръ же *съжали си* темь оже проливашеться кровь»; под 1126 г.: «добрыи *страдалецъ* за Рускую землю»[25].

Наконец, собственные сочинения Владимира Мономаха тоже могут подтвердить его чувствительный настрой. Так, в своем «Поучении» 1117 г. он пишет: «developed въземъ Псалтырю, *в печали* разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую *печалуеши*, душе... Вскую *печална* еси, луше моя»; далее Мономах призывает своих детей заниматься «3-мя делы добрыми... покаяньемъ, *слезами* и милостынею» — «*слезы* своя испустите»; и снова возвращается к своим минорным чувствам: «*съжаливъси* христьяных душь и селъ горящих и манастырь»; в письме к Олегу Святославовичу: «о, *многострастныи и печалны* азъ, много борешися сердцемь», «кончавъ *слезы... желеючи*»[26].

Видимо, реальный Владимир Мономах, как видно из нашего краткого обзора, и в самом деле по разным поводам отличался жалостливостью, которая явно перекликается с жалостливостью «Сказания о Борисе и Глебе». Такое сходство подталкивает к предположению о том, что жалостливо-трагические настроения Владимира Мономаха каким-то образом повлияли на стиль автора «Сказания о Борисе и Глебе», включая и появление в его тексте резко экспрессивного сравнения мечей с водой.

Прямых подтверждений связи «Сказания» с Мономахом нет. В тексте самого «Сказания» Владимир Мономах никак не упоминается, хотя косвенно он, может быть, и подразумевался в заключающих «Сказание» восхвалениях, между прочим сообщавших о современности уже автора «Сказания»: «князи наши противу въстающая дьржавьно побежають... дьрзость поганьскую низълагаемъ» (49). Если в этих словах видеть напоминания о состоявшихся победоносных походах русских князей на половцев, то при-

дется отнести эти напоминания лишь ко времени не ранее начала XII в., а именно – к походам 1102, 1107 и 1111 гг., в которых активное участие принимал Владимир. Увериться в подобном толковании помогает считающийся предшественником «Сказания» летописный рассказ «О убьеньи Борисове», в конце которого высказана еще лишь только надежда на будущие успехи: «...заступника наша! Покорита поганыя подъ нозе княземъ нашимъ» (72).

Связь между настроенностью автора «Сказания» и эмоциональной особенностью Владимира Мономаха можно подтвердить только очень неполными аналогиями между «Сказанием» и некоторыми местами произведений, прямо упоминающих Владимира Мономаха и Бориса с Глебом, жалостливо-трагичных по тону и оттого содержащих зловещие изобразительно-символические детали. Таково уже упоминавшееся «Поучение» Владимира Мономаха. В том месте, где Мономах говорит о своих трагических переживаниях («съжадивъси христьяных душь и селъ горящих и манастырь» – 249), он тут же использует зловещую изобразительно-символическую деталь – яркое сравнение (полки половецкие «облизахутся на нас, акы волци, стояще») – и при этом поминает Бориса («на святого Бориса день.. ехахом сквозь полкы половьчские... и святыи Борисъ не да имъ мене в користь»).

Между чувствами и их выражением у Мономаха и у автора «Сказания» есть сходство, но лишь частичное. Жалостливость, судя по летописным упоминаниям, проявилась у Мономаха гораздо раньше, чем у автора «Сказания», на которого Мономахово настроение и могло повлиять, но не благодаря возможному личному общению автора «Сказания» с Мономахом (данные на этот счет отсутствуют) или чтению его «Поучения», а, скорее всего, в результате воздействия эмоциональной атмосферы вокруг Мономаха (хотя и об этой атмосфере мы ничего определенного не знаем) на настроенность автора «Сказания» и использование им яркого сравнения.

На сентиментальную общественную атмосферу вокруг Владимира Мономаха, возможно, указывает посвященная ему некрологическая статья под 1126 г. в Ипатьевской летописи, где обильно плачут буквально все: «святители же, *жалящеси, плакахуся* по святомъ и добромъ князи; весь народъ и вси людие по немъ *плакахуся*, яко же дети по отцю или по матери; *плакахуся* по немъ вси людие и сынове его... и внуци его; и тако разидошася вси людие *с жалостью* великою... *с плачемъ* великомъ»[27]. О похоронах других князей, даже самых известных, больше нигде в летописи не рассказывалось с фиксацией такой потрясенности людей. Так что можно

предположить существование повышенно-эмоциональной атмосферы и вокруг живого Мономаха и ее влияние на повествовательную манеру автора «Сказания о Борисе и Глебе».

Есть еще несколько частичных аналогий «Сказанию» в сочинениях уже не Мономаха, но, видимо, отразивших веяние трагической жалостливости вокруг Владимира Мономаха. К наиболее ранним аналогиям относится рассказ о половецком нашествии в «Повести временных лет» под 1093 г., где говорится не только о печалях Владимира Мономаха, но и других людей, – все очень чувствительны. Так, по утонувшему при бегстве от половцев молодому князю Ростиславу «*плакася* по немь мати его и вси людье *пожалиша* си по немь повелику» (221); от нашествия половцев «бысть *плачь* великъ в граде», «сотвори бо ся *плачь* великъ в земли нашеи» (222); «на христьяньсте роде *страхъ и колебанье*» (223); «вся полна суть *слезъ*... ноне же *плачь* по всемъ улицам упространися» (224); «мъного роду христьяньска стражюще, *печални... со слезами* отвещеваху другъ къ другу... со *слезами* родъ свои поведающе» (225) и т. п. Подобного жалостливого рассказа в летописи еще не появлялось. Зловещие изобразительно-символические детали вкраплены в трагический рассказ: «ноне видимъ нивы поростъше зверемъ жилища быша» (224); «опустневше лици, почерневше телесы... языкомъ испаленым, нази ходяще, и боси ногы имуще, сбодены терньем» и пр. (225). И Бориса, и Глеба при этом поминал летописец: «Богъ нам наводить сетованье... въ праздникъ Бориса и Глеба, еже есть праздникъ новыи Русьскыя земля» (222). Однако нет никаких непосредственных связей между «Сказанием о Борисе и Глебе», летописным рассказом под 1093 г. и поведением самого Мономаха. Можно предполагать только воздействие атмосферы вокруг Мономаха и на эти эмоциональные сочинения с их экспрессивными литературными средствами, включая изобразительно-символические детали.

Еще одна частичная аналогия «Сказанию о Борисе и Глебе» наблюдается в «Повести о Васильке Теребовльском», помещенной в «Повести временных лет» под 1097 г., но на самом деле со значительными поздними редакторскими изменениями вставленной в летопись в 1116–1118 гг. или немного позже[28]. В этой летописной повести плачет и переживает не только Владимир Мономах, но и другие персонажи: «Святополкъ же *сжалиси* по брате своем» (257); Давид «бе бо *ужаслъся*» (259); «Василко... възпи к Богу *плачем* великим и *стенаньем*» (260); «*плакатися* начала попадья... и очюти *плачь*» ее Василько (261); «Давыдъ и Олегъ *печална* бысть велми и *плакастася*» (262). Это самое слезное повествование летописи соответ-

венно содержит и многие зловещие изобразительно-символические детали: «Давыдъ же седяше, акы немъ» (259) — готовится к ослеплению Василька; «бысть, яко и мертвъ» (261) — состояние ослепленного; «да бых в тои сорочке кровавe смерть приялъ и сталъ пред Богомь» — желание ослепленного; «ввержень в ны ножь» (262) — оценка преступления и т. д. Правда, в этой повести упоминаются не Борис и Глеб, а убиваемые братья без имен: «и начнеть брат брата закалати» (269). В итоге картина та же: сходство повествовательных манер «Сказания» и летописной повести с их экспрессивными деталями не более чем самое общее; оба сочинения независимо друг от друга отражают предполагаемую нами эмоциональность Мономахова времени.

Наконец, еще одна довольно слабая аналогия «Сказанию о Борисе и Глебе» отыскивается в «Сказании чудес Романа и Давида», в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. по инициативе Владимира Мономаха. Рассказ подчеркивает чувствительность участников действа: «вси елико бяше множьство людии, ни единъ же без *слезъ* не бысть» и «вьсемъ... съ *слъзами* Бога призывающемъ» [29]. В предыдущих рассказах о событиях, произошедших до великого княжения Владимира Мономаха, ни словом не говорилось ни о слезах, ни о плачах людей. В слезном рассказе же о перенесении мощей появились и детали, которые можно расценить как зловещие: при перенесении мощей Глеба «ста рака не поступьно. Яко потягоша силою, ужа претьргняхуся... а людемъ зовущемъ... и въсхожаше гласъ народа отъ всехъ... яко и громъ» [30]. Но опять: отмечается лишь самое общее сходство манер повествования в рассказе об убийстве Глеба из «Сказания о Борисе и Глебе» и в рассказе о перенесении их мощей из «Сказания чудес Романа и Давида», — то есть экспрессивность обоих рассказов, по-видимому, была продиктована эмоциональной атмосферой времени Владимира Мономаха.

В результате, наша попытка объяснить в «Сказании о Борисе и Глебе» появление изобразительно-символического сравнения «обнажены меча... блыщащася, акы вода» приводит нас к гипотезе об основной первопричине сравнения: жалостливо-трагическая настроенность Владимира Мономаха и его окружения, вероятно, повлияла на эмоциональную атмосферу того времени, а отсюда и на «Сказание» и его поэтику. Это феномен связи литературного средства с общественными настроениями начала XII в. Идейная ориентация на Мономаха уже давно отмечалась исследователями на при-

мере редакций «Повести временных лет». Теперь сюда можно предположительно отнести и «Сказание о Борисе и Глебе».

5. Дальнейшая история сравнения

Расширение базы наблюдений по «мономаховой» проблеме – дело будущего, мы же ограничиваемся только одним указанным сравнением. Дальнейшая судьба сравнения зловещего блеска враждебного оружия с водой в древнерусской литературе крайне бедна и подчеркивает литературную оригинальность «Сказания». Оружие оставалось блещущим во многих произведениях, но без воды. Пока можно указать только две очень относительные аналогии редкостному сравнению из «Сказания о Борисе и Глебе». Одна аналогия содержит сравнение хоть и не оружия, но все-таки воинских доспехов с водой. В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится: «Доспехы же русскых сыновъ, *аки вода* въ вся ветры, колыбашеся» [31]. Подобная аналогия в «Сказании о Мамаевом побоище» слишком формальна и никакой содержательной связи между обоими произведениями не выявляет: сравнение, во-первых, относится не к противнику, а к русскому войску; во-вторых, содержит указание на движение воды, а не на ее блеск; в-третьих, входит в картину утренней бодрости русского войска «въ время ведра», а не в зловещую сцену омрачения и помертвения действующих сторон.

Вторая аналогия – уже из «Повести об азовском осадном сидении донских казаков» – заслуживает несколько большего внимания. Хотя описание доспехов в «Повести» восходит в основном к «Сказанию о Мамаевом побоище» и к тому же не содержит ни упоминания блеска, ни сравнения с водой, но зато описание относится именно к врагам и наполнено все-таки световыми мотивами. Речь идет о турецком войске: «Фетили у всех янычеией кипят у мушкетов их, *что свещи горят*... А на янычеиях на всех збруя их одинакая красная, *яко зоря*, кажетца... А на главах у всех янычеией шишяки, *яко звезды*, кажются» [32].

В приведенном отрывке о приходе турецкого войска к Азову удивляет перенос автором «Повести», так сказать, хороших сравнений, положительных деталей на турок. Например, сравнение сверкания доспехов с зарей в «Сказании о Мамаевом побоище» исконно относилось к русским воинам: «шоломы злаченыя на главах ихъ, *аки заря* утренаа... светящися» [33]. Еще в Галицко-Волынской летописи доспехи, как заря, сверкали у русских же воинов: «щите же ихъ,

яко заря, бе»[34]. Автор же «Повести об азовском осадном сидении» применил сравнение с зарей к противникам русских – к туркам.

То же самое произошло со сравнениями блеска доспехов и оружия со звездами и с горящими свечами. Ранее сравнение со звездами имело в виду русских воинов, как, например, в «Казанской истории»: у них «*аки звезды,* на главах светяхуся златыя шеломы и щиты»[35]. Автор «Повести об азовском осадном сидении» снова перенес это благородное сравнение со звездами на врагов. Сравнение же с горящими свечами вообще отличалось церковным характером. Ср. в «Житии Василия Нового»: «от каплей крови его, иже на земли, възсиа свет, *яко же свещи горят,* яко звезды небесныа сияют»[36]. Но и такое сравнение автор «Повести» придал «бусурманам».

Объяснить столь странное явление «пробусурманскими» симпатиями автора «Повести» совершенно невозможно: он турок ругательски ругает. Отчасти можно связать положительные изобразительные мотивы «Повести» в описании вражеского войска со схожими повествовательными тенденциями «Казанской истории». Однако автор «Повести об азовском осадном сидении» пошел явно дальше «Казанской истории» в яркости изображения вражеских доспехов и оружия, в попытке показать «*стройной* приход бусурманской», «*дивной* приход бусурманской»[37].

Все дело заключается в особенности эстетики автора «Повести»: яркое и красочное напрямую означало для него грозное и страшное. Это видно по всему эпизоду прихода турецкого войска: шатры турецкие «яко горы высокия и страшныя забелелися»; «трубии великия... голосами *страшными* их бусурманскими»; «яко звери воют *страшны*»; «стрелба... как есть стала гроза великая над нами страшная, бутто... молния страшная»; «и страшно добре нам стало от них... такую рать великую *страшную*... очима кому видети»; «знамена у них... черны... яко тучи *страшныя*» и т. д.[38]

В последующем эпизоде – уже подготовки турецкого войска к штурму – красочное и страшное опять связаны: «Знамена у них зацвели и прапоры, как есть стали цветы многия... Дивен и *страшен* приход их под Азов город. Никак того уже нелзя *страшнее* быть»[39]. И в картине штурма та же связь красочного и страшного: «от стрелбы их огненой дым топился до неба, как есть *страшная* гроза небесная, когда бывает гром с молниею»[40].

Красочно-страшное всегда адресно у автора «Повести». Страшно могло быть русским от яркой картины, но страшно могло быть и туркам. Такова, например, зловещая для турок, обещающая им «горести лютые и плачи многие» красочная картина ожидания битвы:

«в полях наших, летаючи, клекчют орлы сизыя, и грают вороны черныя подле Дона тихова, всегда воют звери дивии – волцы серыя, по горам у нас брешут лисицы бурыя, – а все то скликаючи, вашего бусурманского трупа ожидаючи»[41]. Страшно туркам, по их признанию, и от яркого окончания битвы: «выезжают... два младыя мужика в белых ризах, с мечами голыми... шла великая и *страшная* туча... а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские», – «от того-то *страшного* видения» турки побежали[42].

«Повесть об азовском осадном сидении» косвенно упоминает Бориса и Глеба, и, возможно, «Сказанием о Борисе и Глебе» был навеян в том же месте «Повести» мотив обнаженных мечей. При всем различии «Сказания» и «Повести» видно, что и через пятьсот лет древняя литературная традиция оставалась в силе: яркая, красочная деталь как средство поэтики в древнерусском произведении XVII в., в его воинских эпизодах, несмотря на ослабленную или вовсе отсутствующую символичность и философичность, сохранила и даже усилила прежнюю экспрессивную функцию – быть зловещей, страшной, грозной, трагичной, а не нейтрально-изобразительной. Но принципиально изменилась реальная основа экспрессии, которую составило отнюдь не редкое в XVII в. ревностное военно-хозяйственное внимание авторов к вооружению, экипировке и тактике воюющих сторон. Таким образом, уникальная, больше никогда не повторявшаяся настроенность в киевском обществе начала XII в. в конечном счете и породила уникальное же сравнение в «Сказании о Борисе и Глебе».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 40. Далее при цитировании текстов памятников борисоглебского цикла страницы этого издания указываются в скобках. Древнерусские тексты здесь и далее цитируются с упрощением орфографии.

[2] См.: Там же. С. 12–13, 70, 97, 99, 102, 103.

[3] Там же. С. XVI.

[4] Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997. С. 65–66.

[5] Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967. С. 275.

[6] *Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 74–75.

[7] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст летописи подгот. А. А. Шахматов. Стб. 263.

[8] *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. М., 1920. Т. 1. С. 203–204.

[9] Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 460–461.

[10] *Мещерский Н. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 381.

[11] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1 / Текст летописи подгот. Е. Ф. Карский. Стб. 148. Под 1024 г.

[12] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст летописи подгот. А. А. Шахматов. Стб. 267–268. Под 1111 г.

[13] *Истрин В. М.* Указ. соч. С. 200.

[14] Библия. Острог, 1581. Л. 131 об. Первая книга Царств, гл. 17.

[15] ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1 / Текст памятника подгот. С. П. Розанов. С. 109.

[16] Памятники СРЛ. СПб., 1862. Вып. 3 / Изд. подгот. А. Н. Пыпин. С. 138.

[17] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: исследование и текст. М., 1893. С. 76.

[18] ПЛДР: XIII век / Текст памятника подгот. О. В. Творогов. М., 1991. С. 46.

[19] «Средневековый символизм часто подменяет метафору символом... В средневековых произведениях сама метафора очень часто оказывается одновременно и символом» (*Лихачев Д. С.* Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 1. С. 441).

[20] ПЛДР: XIII век / Текст памятника подгот. О. П. Лихачева. С. 408. Под 1288 г.

[21] Успенский сборник XII–XIII вв. С. 331.

[22] Выводы о датировке «Сказания о Борисе и Глебе», в частности 1115–1117 гг., см., например: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 96; *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. VII; *Адрианова-Перетц В. П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 92; *Дмитриев Л. А.* Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 398–408; *Ужанков А. Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2001. № 1 (3). С. 49; *Никитин А. Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 296; *Он же.* Инок Иларион и начало русского летописания: Исследование и тексты. М., 2003. С. 81, 172.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294–295. Далее столбцы указываются в скобках.

[24] См.: *Лурье Я. С.* Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 242–243; *Он же.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 58.

[25] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275, 283, 289.

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241, 244, 245, 249, 252, 254. «Лирическое начало было в

высшей степени свойственно Мономаху» (*Лихачев Д. С.* Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 2. С. 153).

[27] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289.

[28] См.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. XXXV, XLI; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 43, 50–52; *Творогов О. В.* Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 91–92; *Он же.* Сильвестр // Там же. С. 391–392.

[29] *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 65.

[30] Там же. С. 65–66.

[31] ПЛДР: XIV – середина XV века / Текст памятника подгот. В. П. Бударагин и Л. А. Дмитриев. М., 1991. С. 164.

[32] Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 6-е изд., испр. М., 1955. С. 359. В других списках «Повести» сравнения те же – см.: ПЛДР: XVII век. Кн. 1 / Текст памятника подгот. Н. В. Понырко. М., 1986. С. 141.

[33] ПЛДР: XIV – середина XV века. С. 164.

[34] ПЛДР: XIII век. С. 318. Под 1251 г.

[35] ПЛДР: Середина XVI века / Текст памятника подгот. Т. Ф. Волкова. М., 1985. С. 470.

[36] ПЛДР: Вторая половина XVI века / Текст памятника подгот. Н. Ф. Дробленкова. М., 1986. С. 544.

[37] ПЛДР: XVII век. Кн. 1. С. 141; Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков. С. 359.

[38] Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков. С. 358–359.

[39] Там же. С. 366.

[40] Там же. С. 366.

[41] Там же. С. 363.

[42] Там же. С. 372.

В. И. Максимов

НЕВИДИМЫЕ ЗАТМЕНИЯ И ФАЛЬШИВЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ СИМВОЛЫ (по следам публикаций А. Л. Никитина и А. Н. Робинсона)

В течение всего времени, прошедшего с момента первого издания «Слова о полку Игореве», оно стимулировало появление разнообразных гипотез для объяснения описанных в нем событий. Не всегда эти гипотезы достаточно обоснованны, но, даже будучи несостоятельными, не отмирают, а продолжают жить на вечном древе «Слова». Как говорится, что написано пером...

Некоторые такие гипотезы связаны с упоминанием в «Слове» солнечного затмения, случившегося 1 мая 1185 г. Большинство исследователей считает, что это затмение упоминается в тексте дважды. Такое понимание текста привело к возникновению еще в XIX в. дискуссии о возможной перепутанности листов протографа памятника. Эта дискуссия продолжилась и в XX в., во второй половине которого, на фоне подготовки к 800-летнему юбилею памятника, в ряде посвященных ему работ обозначился особый интерес к солнечным затмениям XI–XII вв.[1, 2, 3, 4]

Так, в 1977–1978 г. А. Л. Никитин[5, 6] предложил считать **первое** затмение, нарушающее *летописную хронологию похода, по которой* затмение застало Игоря не перед выходом в поход, а перед переходом Донца, отражением совсем другого затмения, имевшего место более чем за 100 лет до того, 1 июля 1079 года, и предшествовавшего походу и гибели от половцев Тмутороканского князя Романа Святославича (в «Слове» – Роман Красный, брат Олега Святославича). А. Л. Никитин считает, что Роман Тмутороканский пренебрег посланным ему свыше «знамением», пошел в поход на Всеволода Ярославича и погиб:

были солнечные затмения, предшествовавшие началу обоих походов. Одно из них произошло 1 июля 1079 года, благодаря чему мы знаем время выступления Романа [? – *В. М.*], убитого 2 августа 1079 года, другое – 1 мая 1185 года, что подтверждает летописную дату похода Игоря Северского[7].

Подробный список работ А. Л. Никитина, в которых разрабатывается эта версия, приведен в биографической статье «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"»[8].

Позже эта версия была повторно воспроизведена в книге А. Л. Никитина «"Слово о полку Игореве". Тексты. События. Люди», представляющей, в основном, сборник ранее напечатанных статей без какой-либо их переработки. В книге о затмении 1 июля 1079 г. говорится, по крайней мере 4 раза:

«начало похода [Романа. – *В. М.*] *было ознаменовано солнечным затмением 1 июля 1079 г.»* (С. 81);

«1 июля 1079 года в 4 часа 8 минут пополудни на широте Киева проходила тень ***частичного*** [здесь и далее выделено мной. – *В. М.*] *солнечного затмения. Это случилось за месяц до летописной гибели Романа – перед выступлением или в самом начале предпринятого им похода»* (С. 287);

повтор цитированной выше части текста из статьи, первоначально напечатанной в журнале «Новый мир» (на той же странице);

«Походу Романа Святославича предшествовало ***полное*** *солнечное затмение 1 июля 1079 г.»* (С. 376).

При этом в одном случае затмение характеризуется как *частичное*, а в другом как *полное*.

А в недавно напечатанной статье «СПИ в контексте изучения древнерусской истории и литературы» среди *«кардинальных проблем "слововедения", не получивших удовлетворительного объяснения до недавнего времени»*, А. Л. Никитин вновь называет *«упоминание реалий, не поддающихся удовлетворительному объяснению из контекста, или ситуаций, противоречащих исторической реальности XII в.* (***первое*** *солнечное затмение...*)*»*[9]. И далее, укрепляя эту мысль, в составе *«комплекса фактов, не находящих себе места в исторической реальности XII в.»*, автор еще раз называет факт *«****"первого затмения"*** *перед походом, предшествовавшего,* ***судя по расчетам астрономов****, выступлению из Тмуторокания Романа Святославича»*[10]. Дальнейшее развитие этой концепции приводит автора к утверждению о необходимом расширении присутствия в памятнике событий, относящихся к XI в., а саму историю с затмением он относит к вкраплениям в текст па-

мятника элементов творчества древнего Бояна, живописавшего историю времен Всеслава Полоцкого, Олега Святославича (Гориславича) и Владимира Мономаха.

Почти одновременно с А. Л. Никитиным, в 1978 году, работу «Солнечная символика в “Слове о полку Игореве”» опубликовал А. Н. Робинсон. Автор статьи взглянул на проблему солнечных затмений шире и, обобщив некоторые сведения о них, построил теорию солнечных затмений, якобы преследовавших русских князей ветви Святославичей-Ольговичей в XI–XII вв. Для краткости изложения концепции А. Н. Робинсона приведем некоторые сведения о ней, представленные в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”».

Так, в статье «Астрономические явления в “Слове”» (Т. 1, авт. О. В. Творогов) говорится:

> А. Н. Робинсон рассматривает солнечное затмение и его изображение в «Слове» на фоне широкой картины солнечной символики, которая, по его убеждению, присутствует в памятнике. Робинсон обращает внимание на «астрально-исторические совмещения» событий в жизни представителей рода Ольговичей и солнечных затмений. Такое совмещение (близость даты смерти князя к дате солнечного затмения) имело место, по наблюдениям ученого, в 1077, 1078, 1079, 1123–24 и 1129–30. Сам Олег Святославич умер на 10-й день после затмения солнца в 1115. «Вслед за этим “судьба” рода Ольговичей продолжала осознаваться под символом солнца»: на 50-й день после затмения умер дядя Игоря – Всеволод Ольгович, а другой дядя Игорь Ольгович был убит за 36 дней до затмения. Такая связь обнаруживается в судьбе Изяслава Давидовича (племянника Олега Святославича) и Ростислава Ярославича (двоюродного дяди Игоря и Святослава Всеволодовича) и других князей. «Мы установили, – пишет далее Робинсон, – что двенадцать солнечных затмений в течение одного века... оказались совмещающимися со смертью (естественной или насильственной) 13 [? – *В. М.*] представителей изучаемой ветви княжеского рода Рюриковичей» (Солнечная символика... С. 16). Это не могло пройти незамеченным и не возбудить интерес к солнечной символике. Игорь выбрал для выступления в поход день памяти своего патрона Георгия Победоносца, «а пренебрег знамением, может быть, потому, что его отец Святослав Ольгович был единственным из крупных представителей рода, который умер (1165 г.) без солнечного знамения». Но вскоре князья «убедились в том, что старая солнечная “судьба” Ольговичей возобладала над их христианскими надеждами» (С. 19).

В биографической статье о А. Н. Робинсоне (Т. 4, авт. О. В. Творогов) все сказанное выше практически повторено:

Робинсон обратил внимание на то, что смерть нескольких князей из ветви Ольговичей совпадала (с определенными временными интервалами) с солнечными затмениями (см. статью Астрономические явления в «Слове»). Более того: ученый подчеркивает, что в дохристианский период Даждь-Бог почитался, вероятно, как племенное божество северян, что лишний раз подчеркивало соотнесение судьбы княжеского рода Ольговичей с солнцем. Следовательно, они должны были с особым вниманием относиться к солнечным «знамениям». Реально произошедшее в 1185 г. затмение в контексте «Слова» приобретает особое значение. Игорь пренебрег знамением, зная о роковой связи солнца и своего рода, и поплатился за это позором поражения и плена. Поэтому, по мнению Робинсона, «идейное и поэтическое значение солнечной символики в "Слове о полку Игореве" обусловливалось, с одной стороны, существованием в феодальном обществе XII в. языческих традиций вообще, а с другой – наблюдавшимся совмещением солнечных затмений с гибелью ряда князей Ольговичей на протяжении столетия» (Солнечная символика... С. 95).

Следует отметить, что версия А. Л. Никитина, по прошествии некоторого времени после ее появления, вызвала справедливые возражения по разным поводам, в том числе по исходной астрономической посылке. Так, в статье М. А. Робинсона и Л. И. Сазоновой «Несостоявшееся открытие ("поэмы" Бояна и "Слово о полку Игореве")» [11] со ссылкой на научного сотрудника Московского планетария Л. А. Панину было указано: «*Согласно астрономическим таблицам, полоса полного солнечного затмения 1079 г. проходила вне пределов Восточной Европы. На территории Киевской Руси фаза затмения была столь незначительна, что оно могло быть замечено только при специальном наблюдении и соответствующих погодных условиях*».

Что касается теории «солнечных знамений» А. Н. Робинсона, то только в статье «Солнце» «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» (т. 5, авт. Л. В. Соколова) содержится некоторая критика совмещения смертей Ольговичей и «солнечных знамений», но не в связи с искусственностью этого совмещения, а как протест против следствия из теории – семейно-родовой «приватизации» Ольговичами символа солнца:

А. Н. Робинсон объясняет уподобление в поэме князей солнцу тем, что солярный культ мог иметь глубокие традиции в истории рода Ольговичей на том основании, что многие князья этого рода умерли естественной или насильственной смертью либо до, либо после солнечного затмения. Признать это мешает тот факт, что метафора

«князь-солнце» использовалась не только по отношению к Ольговичам, и смерть любого князя могла сопоставляться с солнечным затмением (примеры см.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 89).

Несмотря на эти возражения, концепция «солярного культа», якобы сопровождавшего жизненный путь представителей рода Ольговичей, получила путевку в жизнь и успешно используется в некоторых работах о «Слове». Так, в книге Б. М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”» [12], вышедшей уже вторым изданием, об этой версии говорится как о вполне достоверном явлении в жизни Игоря и его предков.

А на самом деле, все это неубедительно. Так же как и история с затмением 1 июля 1079 г., по А. Л. Никитину, входящая составной частью в астрономическую базу теории А. Н. Робинсона.

Основным источником научной информации о «древнерусских» затмениях для нескольких поколений исследователей Древней Руси служит «Канон русских затмений» М. А. Вильева, содержащийся в книге Д. О. Святского «Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения» [13]. Однако авторы указанных выше концепций без достаточного изучения как принципов построения «Канона», так и его фактического содержания, не будучи в достаточной степени подготовленными к пониманию описания затмений астрономами, смешали в общую кучу все затмения, приведенные в «Каноне», уравняв при этом затмения *частные*, при которых для наблюдателя, находящегося на данной территории, Луна заслоняла только часть солнечного диска, и иной раз совсем незначительную, с затмениями *полными*.

Книга Д. О. Святского, естественно, является ныне редкостью, и мало кто к ней обращается, но, кроме того, видимо, мало кто из пишущих о памятнике читает ее достаточно внимательно. В «Каноне русских затмений» М. А. Вильева действительно приведены обстоятельства затмения 1 июля 1079 г., правда, как и для остальных затмений, не для Киева и не для Тмуторокани, а гораздо севернее – для района Смоленска (55° северной широты, 32° восточной долготы) и по *смоленскому* же *местному* времени. Вот как оно там выглядело: примерно в 16 час. 08 мин. пополудни затмение достигло наибольшей фазы – 3,5 дюйма (по отношению к 12-дюймовому размеру солнечного диска). Это совсем немного – около 30 % по диаметру и еще меньше, всего около 20 %, по площади перекрытия солнечного диска Луной, то есть яркости светила.

27 – 9799

Такое затмение и сейчас никто, кроме астрономов, знающих о нем заранее, не заметит.

Дело в том, что заметить частное солнечное затмение с небольшой фазой довольно трудно. Это практически невозможно ярким днем, при высоко стоящем Солнце, даже в случаях, когда наибольшая фаза затмения достигает 7 дюймов, по Вильеву, или 50 % площади солнечного диска. Человеческое зрение устроено по *логарифмическому* закону: субъективное восприятие изменения яркости слабее, чем объективное фотометрическое изменение. Это «плата» за невероятно широкий рабочий диапазон органов чувств: мы видим и при ярком солнце, и темной ночью, слышим рев самолета и шорох листьев. Сам процесс «затмевания» Солнца в фазе частного затмения довольно медленный, он может длиться около часа, в то время как полное затмение длится всего 2–3 минуты. Медленное снижение освещенности в 2 раза не привлекает внимания. Мы обычно замечаем внезапно моргнувшую лампочку, но если напряжение изменять не скачком, а медленно (с помощью реостата), мы заметим это, лишь когда станет достаточно темно. Так же в дикой природе жертва не видит медленно подкрадывающегося к ней хищника, а хищник часто перестает видеть замершую, застывшую жертву. Мы видим тень от облака или от пролетевшей над головой птицы, но это движение довольно быстрое, и тень имеет вполне определенные очертания и довольно четкие края. Тень частного затмения (полутень) не имеет резкого края: солнечный свет угасает плавно и, как следствие, незаметно. Поэтому, даже при чистом небе, дневные частные затмения, казалось бы, большой фазы (до 6 дюймов, по Вильеву), оставались незамеченными, что и подтверждают летописи. Исключение представляли затмения, происходившие на восходе и на заходе солнца, когда можно без труда наблюдать солнечный диск: толстый слой атмосферы, с дымкой или небольшой облачностью на горизонте, фактически заменял нашим предкам изобретенный позже инструмент для наблюдения затмений – закопченное стекло. Но они замечали такое затмение не потому, что стало темно: они просто видели, что часть солнечного диска перекрыта Луной. Точно такие же условия наблюдения затмения могут возникнуть при средней облачности: иногда днем, глядя на солнце, мы можем наблюдать его диск сквозь облака.

К сожалению, в «Каноне» нет карты затмения 1079 г., как это имеет место для многих других затмений, начиная с затмения 1064 г. [14] Сделать же вывод о том, было ли затмение более суще-

ственным на юге, в Тмуторокани, нельзя, не зная траектории, по которой лунная тень движется по поверхности Земли. И если Л. А. Панина, консультируя М. А. Робинсона, лишь осторожно указала, что «*полоса полного солнечного затмения 1079 г. проходила вне пределов Восточной Европы*», то современная компьютерная графика позволяет отследить траекторию затмения и показать, как оно выглядело в различных точках Земного шара.

На самом деле затмение 1 июля 1079 г. было фактически ненаблюдаемым на территории всей Руси. Это можно увидеть с помощью программы StarCalc (последняя версия 5.72), разработанной А. Е. Завалишиным (г. Воронеж). Программа позволяет моделировать положение объектов Солнечной системы и картину звездного неба как в будущем, так и в прошлом. В качестве проверки достоверности получаемых результатов выполнялось моделирование солнечного затмения 1 мая 1185 г., отстоявшего от интересующего нас затмения по времени всего на одно столетие. Результаты этого моделирования находятся в согласии с данными, приведенными в «Каноне» М. А. Вильева. Применительно к солнечному затмению 1 июля 1079 г. программа показывает, что, как полное затмение, оно развивалось вообще далеко от Руси — его полная тень не пересекала не только Восточную Европу, но и Европу вообще. Лунная тень начала свое путешествие по поверхности Земли где-то в районе полуострова Новая Шотландия (в Канаде, примерно на широте Афин), когда там было раннее утро. Далее, двигаясь на юговосток, она пересекла Атлантику и прошла чуть южнее Гибралтара, пересекла территорию Алжира, Ливии, Судана, север Эфиопии (г. Асмара), север Сомали и ушла в Индийский океан. Там солнце зашло за горизонт и затмение кончилось — наступила ночь. Вдоль этой линии затмение было полным. Рядом, в Лиссабоне и Мадриде — по одну сторону, и в Касабланке (Марокко) — по другую, почти полным (мог оставаться узенький солнечный «серпик»). Северо-восточнее — Дублин, Лондон, Амстердам, Париж, Белград, Рим, Афины, Бейрут, Дамаск, Иерусалим — перекрытие солнечного диска составляло около 50 % его площади. Еще дальше — Осло, Стокгольм, Варшава, Бухарест, Одесса, Багдад — оно составляло около 30 %. А по линии Стокгольм, Киев, Керчь, Тбилиси, Тегеран покрытие составляло всего около 20 %. Причем, на юге Руси в это время солнце стояло еще высоко, оставалось 4–4 ½ часа до захода. Поэтому даже при ясной, солнечной погоде заметить его было невозможно. А какое же это «знамение», если его не видел и не мог видеть тот, кому оно «адресовалось»? Да и вообще никто на Руси.

Заметим здесь, что о походе и гибели Романа Святославича в летописи под 1079 годом говорится следующее: «*Приде Романъ с половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля, и створиша миръ с половци. И възвратися Романъ с половци въспять, и убиша и половци, мѣсяца августа 2 день*». О затмении, предшествовавшем этим событиям, летопись, однако, ничего не знает. Поэтому, в отличие от затмений, отмеченных в летописях, **описание** этого затмения отсутствует и в книге Д. О. Святского.

Однако это затмение, которое не могло наблюдаться на Руси и поэтому никак не могло отразиться в тексте памятника, входит в длинный список солнечных «знамений», якобы преследовавших Святославичей-Ольговичей, по А. Н. Робинсону.

Это в 1986 году и, скорее всего, под влиянием Д. С. Лихачева, М. А. Робинсон стал оппонентом Л. А. Никитина. А вот А. Н. Робинсон, публикуя в 1978 году работу «Солнечная символика в "Слове о полку Игореве"», фактически является «единомышленником» последнего. При этом для построения своей концепции ему пришлось насильно «притянуть» к датам как естественных смертей, так и трагической гибели представителей рода не только затмение 1079 г., но и многие другие «подходящие» затмения из «Канона» М. А. Вильева и толковать их как солнечные «знамения». Вот хронологическая таблица всех видимых и невидимых затмений, упомянутых в работе А. Н. Робинсона.

№	Дата затмения	Номер затмения по каталогу Оппольцера	Часовой угол и время затмения	Наибольшая фаза в		«Совпадающее» историческое событие
				дюймах **	процентах площади светила	
1	1077 г. 25 февраля	(5423)	74 16 ч 57 м	4	22	27 декабря 1076 г. умер в. к. Киевский Святослав Ярославич, отец Олега

2	1078 г. 15 февраля	(5426)	285 7 ч 0 м	0,5	1	10 апреля 1078 г. убит Глеб Святославич, князь Тмутороканский и Новгородский
3	1079 г. 1 июля	5429	62 16 ч 8 м	3,5	18	1 августа 1079 г. убит половцами Роман Святославич
4	1113 г. 19 марта	*5513	297 7 ч 48 м	7	48	16 апреля 1113 г. умер Святополк Изяславич
5	1115 г. 23 июля	*5520	252 4 ч 48 м	10	79	1 августа 1115 г. умер Олег Святославич
6	1124 г. 11 августа	*5542	37 14 ч 48 м	10,5	84	В 1123 г. умер Давид Святославич
7	1130 г. 4 октября	(5557)	276 6 ч 24 м	2	8	В 1129 г. умер Ярослав Святославич
8	1146 г. 11 июля	*(5596)	243 4 ч 12 м	6	39	1 августа 1146 г. умер Всеволод Ольгович
9	1147 г. 26 октября	*5600	11 12 ч 44 м	7,5	53	19 сентября 1147 г. растерзан в. к. Игорь Ольгович
10	1153 г. 26 января	5613	37 14 ч 28 м	10	79	В 1153 г. умер Ростислав Ярославич
11	1162 г. 17 января	*(5636)	305 8 ч 20 м	7,5	53	6 марта 1162 г. убит в бою Изяслав Давидович
12	1176 г. 11 апреля	5672	287 7 ч 8 м	8,5	63	В 1176 г. умер Глеб Ростиславич

* обозначают затмения, отождествленные с описанными в летописях;

( ) обозначают затмения, наибольшая фаза которых происходит либо под горизонтом, либо через несколько минут после восхода или незадолго до захода солнца;

** диаметр солнечного диска в расчетах М. А. Вильева принят равным 12 дюймам.

Судя по этой публикации, А. Н. Робинсон разбирался в небесной механике еще менее, чем А. Л. Никитин. Незамеченные современниками затмения он относит исключительно на счет плохой погоды: «Вероятно, не все перечисленные выше затмения солнца оказались замечены современниками (например, в случае облачной погоды)». А в более поздней работе «Солнечная символика в повестях о Куликовской битве», где к тому же неверно указано время затмения (не местное время войска Игоря, а смоленское — по Вильеву), произошедшего 1 мая 1185 года, — «*Дмитрий шел навстречу благоприятному символу так же, как Игорь – неблагоприятному ("Знамение" встретило его с юга в 16 ч 48 м)*» [15] — примерно за 1 ½ – 2 часа до захода солнце у него находится на юге! Не исключено, что автор исходил из «аксиомы», что солнце всегда заходит на западе. На самом же деле, в это время года в этих широтах солнце заходило и заходит почти-что на северозападе. А Игорь шел в противоположном направлении, на юго-восток, и, следовательно, солнце заходило у него за спиной.

При всей внешней привлекательности теории «солнечной символики» следует заметить, что настоящими «солнечными знамениями» из приведенных в таблице могли быть только те затмения, которые отмечены в летописях. *Частные* затмения далекого прошлого, знание астрономов о которых основывается не на результатах наблюдений, не на исторической фиксации, а лишь на законах небесной механики, могли остаться незамеченными по разным причинам.

Некоторые такие затмения, представленные в таблице (1153, 1176 гг.), но не зарегистрированные в летописаниях, даже при довольно большой фазе могли, на самом деле, остаться незамеченными из-за плохой погоды. В качестве близкого нам примера ненаблюдаемого солнечного затмения может служить затмение 11 августа 1999 г. (в Москве – примерно в 16 ч 04 м), которое, в условиях сильной облачности и весьма пасмурного дня, у нас никто не заметил, хотя о грядущем затмении заранее упорно трубили средства массовой информации. А это затмение было довольно значительным: перекрытие солнечного диска по диаметру в наибольшей фазе составило около 70 %, или около 60 % площади солнечного диска: яркость солнца упала более чем в 2 раза.

Тем не менее, из 12 приведенных в таблице затмений по крайней мере 4 (1077, 1078, 1130 гг. и уже описанное выше затмение 1079 г.), для которых наибольшая фаза не превышала 4 дюймов (~ 22 % площади), не могли быть замечены в принципе, даже в хорошую погоду,

именно из-за малой фазы самого затмения. Зафиксированное в летописях затмение с наименьшим покрытием (1146 г., 6 дюймов, или ~ 39 % площади) было замечено лишь потому, что оно случилось ранним утром, на восходе солнца, и к тому же в середине лета.

Кроме того, из затмений, отмеченных в летописях (их всего 6!), вряд ли можно считать зловещими «знамениями» затмения 1124 и 1147 годов, произошедшие заметно **позже** смерти князей, причиной которой они якобы стали. Это относится и к затмениям 1077 и 1130 гг., окажись они более заметными. Как говорили еще древние, даже «после того – не значит вследствие того», а уж что говорить о «до того».

Таким образом, при внимательном рассмотрении из 12 затмений, предложенных А. Н. Робинсоном в качестве представительной статистической выборки на роль «знамений», остается всего 4, пригодных для подтверждения теории «солнечного проклятия», якобы преследовавшего Ольговичей. То есть выборка оказывается совсем неудовлетворительной для построения теории. Да и вообще, если уж Игорю выпало «знамение», то отчего же он остался жив, тогда как другие Ольговичи в соответствии со «знамением», по А. Н. Робинсону, непременно помирали или погибали? Предъявите труп, которого требует теория! Какое-то некачественное затмение выпало Игорю, легко он, однако, отделался. Да и сам А. Н. Робинсон считал так же: «в этот раз несчастья не произошло, поскольку никто из князей не погиб». Тем не менее, из перечисления видимых и невидимых затмений А. Н. Робинсон сделал замечательный вывод: «***Если допустить, что только половина названных затмений солнца обратила на себя внимание современников*** [так оно и есть на самом деле! – *В. М.*], ***то и этого было бы достаточно для появления княжеского родового предания солярного характера***».

Так где же оно, это предание? А его не было, просто не могло быть. Не было ни родового «солярного предания», ни каких-то тотальных оснований для его формирования, поскольку из всего длинного списка затмений-«знамений» А. Н. Робинсона только **8 могли быть замечены** современниками, только **6 были замечены**, и только **4 замеченных** современниками солнечных затмения (1113, 1115, 1146, 1162 гг.) можно признать в качестве «знамений», связанных со смертью или гибелью Ольговичей. И только в **одном** случае вскоре после «знамения» князь пал в бою (Изяслав Давидович в 1162 г.). Против концепции родового предания свидетельствуют и слова самого Игоря, сказанные им в ответ на предупреждение бояр («Княже! се есть не добро знамение се») и зафик-

сированные летописцем: «Тайны божия никто же не весть, а знамению творец бог и всему миру своему. А нам что створить бог, – или на добро, или на наше зло, – а то же нам видети». Вполне нейтральный, философский ответ типа «поживем – увидим». Так что лично Игорю затмение 1 мая 1185 г. ничем не грозило. Если, конечно, не впадать в затмение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Никитин А. Л.* «Слово о полку Игореве». Тексты. События. Люди. М., 1998.

[2] *Никитин А. Л.* «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 647–668.

[3] *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 7–58.

[4] *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в повестях о Куликовской битве // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 184–189.

[5] *Никитин А. Л.* Слово о полку Игореве: загадки и гипотезы // Октябрь. 1977. № 7. С. 133–163.

[6] *Никитин А. Л.* «Слово о полку Игореве» // Памятники литературы и искусства XI–XVIII веков. М.: Наука, 1978. С. 303.

[7] *Никитин А. Л.* Испытание «Словом» // Новый мир. 1984. № 7. С. 183.

[8] Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дм. Буланин, 1995. Т. 3. С. 314–315.

[9] См.: Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 648.

[10] Там же. С. 655.

[11] *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Несостоявшееся открытие («поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве») // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 197–219.

[12] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984; М., 2000.

[13] *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 12–22.

[14] На приложенных к «Канону» М. А. Вильева картах солнечных затмений из интересующих нас в связи с теориями Л. А. Никитина и А. Н. Робинсона приведены только траектории затмений 1115, 1124 и 1185 гг.

[15] См.: Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 187.

Т. Л. Вилкул

«ЛИТРЕДАКЦИЯ» ЛЕТОПИСИ (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.)

В древнерусских летописях достаточно часто встречаются рассказы, отмеченные так называемым эффектом присутствия. То есть фрагменты сделаны в такой манере, как будто повествователь сам лично присутствовал при совершении события, или же узнал о нем от прямых свидетелей и очевидцев. Рассказы детализированные, насыщенные яркими эпизодами и подробностями. При ближайшем рассмотрении оказывается, что источники этих хорошо прописанных деталей – чисто литературные. И порой за образец взяты события, отдаленные от древнерусского книжника более, чем тысячелетием.

Отношение летописцев к прямым заимствованиям из авторитетных источников или фрагментам, моделированным по ним, исследовали преимущественно на материале Библии[1]. Еще один корпус текстов, который, правда, не был строго отделен от библейских исторических книг, объединяет хронографические тексты[2]. Здесь речь пойдет об использовании киевским летописцем конца XII – начала XIII в.[3] одного из них – Александрии Хронографической. Это древнеславянский перевод чрезвычайно интересного произведения, романа об Александре Македонском. В жанровом отношении он трудноопределим: своеобразная смесь биографии, воинской повести, сказания о чудесных странах с элементами поучения и «романа в письмах». До сих пор заимствования из Александрии находили в Галицко-Волынской летописи и датировали в основном XIII веком. Мною обнаружены следы использования этого источника приблизительно полувеком ранее[4]. Вставки из романа появляются в Киевском своде (записях Ипатьевской летописи за XII в.) в статьях 1140-х гг. и продолжаются до конца свода. Трудно сказать пока с полной определенностью, как протекал процесс включения

их в текст, но, по предварительным наблюдениям, сделаны они в один прием одной рукой.

Начну со статей 1170-х гг., так как на эти годы приходится больше всего буквальных заимствований из Александрии. Любопытный материал для сравнения находим в сцене убийства Андрея Боголюбского под 1175 г. Киевский свод здесь содержит много фрагментов, буквально совпадающих с Лаврентьевской летописью (далее – Лавр). Но в Ипатьевской летописи (Ипат) повествование об убиении князя Андрея гораздо более пространно, приблизительно втрое больше по объему. В киевском рассказе более всего распространены благочестивые рассуждения, но не только они. Имеются и вполне светские дополнительные детали, в том числе дающие тот самый «эффект присутствия». Ср. обе версии [5]:

Лавр	Ипат
И силою о^т^ломиша двери оу сѣнии . **блжныи же вскочи** . и **хотѣ взяти мечь . и не бѣ ту меча . бѣ бо вынялъ Ан^ь^балъ того** [6] **дни ключни^к^ его . то бо мечь бяше ста^г^ Бориса** .	**и силою** выломиша **двѣри** . **блжныи же вьскочи** . **хотѣ взяти мечь . и не бѣ ту меча . бѣ бо томъ дни вынялы** [7] **. Амбалъ ключникъ . его то бо мечь бяшеть** [8] **стго Бориса** .
оканьнии же всовашася в ложницю [9] вси .	и вьскочиша a) два **оканьная** [10] и ястася с нимь . и князь повѣрже одиного подъ ся b) и мнѣвше князя повѣржена . c) и оуязвиша и свои другъ . и по семь познавша . князя . d) и боряху^с^ с нимь велми . бяшеть бо силенъ .
сѣкше [11] **его саблями и мечи** .	**и сѣкоша и мечи и саблями** e) и копииныя язвы даша ему

Откуда взялись «двое окаянных» (фрагмент a), ведь в общем для Лавр и Ипат тексте убийц было 20 [12]? Откуда «копийные язвы» (фрагмент e), если, снова-таки, в общем для Лавр и Ипат фрагменте речь шла о «саблях и мечах»? Казалось бы, подобные дополнения могли быть подсказаны только очевидцем [13]. На самом деле впечатление обманчиво. Киевский сводчик отталкивается от сцены убийства персидского царя Дария в Александрии, где царя убивают как раз двое его «болярѣ» и подробно описываются моления жертвы, борьба, ранение копьем. Ср.:

Ипат, 587И	Александрия, с. 68—69 [14]
a) вьскочиша два **оканьная**	боляре Дарьевы... оумыслиста погоубити Дария
b) мнѣвше князя повѣржена...	оставите мя сице на быльи повръжена
d) и боряху[c] с нимь велми . бяшеть бо силенъ	съпроста боряхуся с нимъ, бѣ бо силенъ
e) и копииныя язвы даша ему	копиинии [15] же бяху емоу язвы

Повествуя о том, как князь «поверже» одного из убийц, и они «уязвили» своего же сообщника (фрагменты a и c), книжник также, видимо, отталкивался от Александрии, где Дарий удерживал одного из нападающих «боляр», чтобы второй его «копиемъ не проболъ» [16].

В статье предыдущего, 1174 г., описывается ссора смоленских князей Ростиславичей и Андрея Боголюбского. Здесь находим несколько заимствований из разных мест романа, и снова они вплетены в живое повествование о переговорах князей, подготовке похода и сражении под стенами Вышгорода.

Ипат	Александрия
a) (572И, *Андрей Боголюбский*) надѣяся плотнои силѣ	(с. 21, *противник Александра на олимпийских играх*) плотнѣи силѣ надѣяся...
b) (572И, *Андрей*) ражьгся гнѣвомъ; (574И) располѣвься гнѣвомъ	(с. 21) въсполевъжеся гнѣвомъ
c) (573И, *Мстислав Ростиславич*) повелѣ Андрѣева посла емьше постричи голову передъ собою . и бороду .	(с. 7, *египетский царь-волхв Нектонав*) постригъ главу и брадоу свою и преобразивсе во инъ образъ
d) (573И, *обращение Ростиславичей к Андрею*) аже еси сь сякыми [17] рѣчьми прислалъ . не акы кь князю но акы кь подручнику и просту чл҃вку	(с. 44, *речь Александра к послам Дария*) послалъ бо вы есть с тацѣми грамотами не акы ц҃рви, но акы къ началникоу разбоиникомъ

e) (573И, *Андрей*) и вьзострися на рать . и быс готовъ .	(с. 81, *Александр*) възострилъ ны еси на рать; (с. 82) възострися зѣло; (с. 57) готовъ бѣ на брань
f) (574И, *приказ Андрея*) а Мьстислава емьше не створите ему ничто же приведете и ко мнѣ .	(с. 46, *приказ Дария относительно Александра*) того оубо емше, приведете къ мнѣ, не сътворше тѣлоу его ничтоже зла
g) (574И) Андрѣи же князь толикъ оумникъ сыи во всих дѣлѣхъ добль сы погуби смыслъ свои	(с. 19) Александръ... яко оумникъ и бранникъ; (с. 82) оумникъ; (с. 94) оумникъ сыи; (с. 5) доблии мнится быти и храборъ Александръ... къ добромоу дѣлу... въ дѣлѣхъ его вазнь и моужество; (с. 103) толика царя; (с. 68) погоубивше оумъ
h) (575И, *сражение*) и почаша ся стрѣляти . межи собою гонячеся .	(с. 49, *описание сражения*) и биюще ся гоняху, ово на сю страноу, ово на оноу
i) (576И) и быс мятежь великъ и стонава [18] . и кличь рамня... от множьства праха не знати ни кониика ни пѣшьць [19]	(с. 49) великоу кличю бывшю въ воих... не бѣяше же како познати... ни пѣша, ни конника, въ велицѣ прасѣ

Включения из Александрии искусно скомпонованы с иными материалами: библейскими цитатами, заимствованием из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия и др. [20] Некоторые из микрозаимствований в самом деле очень невелики, и, соответственно, могут возникнуть вопросы, убедительны ли отождествления. Однако следует учесть, что подобные выражения в Ипат, да и вообще в летописях, чрезвычайно редки. Например, слова с корнем «-пал-» — «палити» и производные — встречаются в Киевском своде только дважды, и оба раза это «располѣвься гнѣвом» — сочетание из Александрии. Весьма необычно и слово «умникъ». И. И. Срезневский приводит лишь соответствующие фрагменты Ипат, Александрии и Пчелу [21]. Оборот «плотнѣи силѣ надѣяся» уникален — по крайней мере, в летописях нигде более не встречается.

Подобную же манеру использования цитат наблюдаем далее, под 1178 г., в описании героических подвигов Мстислава Ростиславича в его походе на чудь и плача новгородских «мужей» по этому доблестному, но рано умершему князю.

Ипат	Александрия
a) (607-8И, Мстислав Ростиславич обращается к новгородцам) и реч имъ брате . се обидять ны погании . а быхомъ оузрѣвше на б҃ъ и на с҃тои б҃ци помочь . помьстили себе . и свободилѣ быхомъ . Новгородьскоую земьлю от поганыхъ	(с. 27, Александр к мидянам и эллинам) рече: о людие градстии... да быхомъ пошли на варвары, свободимъ себе от пръскыя работы
b) (608И) и совокоупивъ Мьстиславъ . воѣ новгородьскиѣ . и съчтавъ ѣ и обрѣте в нихъ 20 тысячь .	(с. 28, Александр) съвокоупивъ пръвыя воя отца своего, и съчте я, и обрѣте макидонъ двѣ тмѣ и 5 тысящь
c) (610И, новгородские «мужи» оплакивают Мстислава) добро бы ны ны 22 гсне с тобою умрети . створшему толикоую свободу новгородьцемь . якоже и дѣдъ твои . Всеволодъ свободил ны бяше от всѣхъ обидъ	(с. 103, один из македонских воинов говорит, проходя перед умирающим Александром) добре же бы и намъ с тобою умрети, створшему макидонъ великую свободу
d) (611И, из панегирика Мстиславу) и тако молвя дѣрзость . подаваше воемь своим .	(с. 64) и тако рекъ Александръ, дръзость подаа воемъ своимъ; (с. 53) дръзновение ему подаа; (с. 64) дръзновение подаа
e) (611И) не бѣ бо тоѣ землѣ в Роуси которая же его не хотяшеть ни любяшеть но всегда бо тосняшеться на великая дѣла но преставися оунъ... и плакашеся по немь вся земля Роуская .	(с. 103) и не бѣ, иже не плакаша его, толика ц҃ря Александра; (с. 105) зане скончяся оунъ; (с. 28) на великыя дѣла окоушашеться

Как и ранее, имеются точные заимствования. Например, в речах новгородских «мужей», повторяющих речь некоего воина-македонянина о царе, «створшем великую свободу македоном». Или торжественное «дерзость подая воем своим», отнесенное к Александру и Мстиславу. В свободных же переложениях видим весьма редкие слова, такие как «свободити», которое в светском значении связано исключительно с Александрией [23]. Интересно то, что «сочтати» здесь оценивается положительно, хотя обычно считают своих подданных и войско отрицательные персонажи. Как предположил И. Н. Данилевский, подоплекой отрицательного отношения к измерению войска и народа есть библейский контекст [24]. Здесь же значение близко к тому, что наблюдается в сцене

из Александрии, где молодой царь подсчитывает свои силы и шансы на успех в войне с Дарием.

Не столь обширная сцена убийства Дария послужила материалом не только при составлении статьи 1175 г. об убийстве Андрея Боголюбского. Она использована также и в повести 1147 г. об убиении иного князя – Игоря Ольговича. Давно отмечено, что оба рассказа – о смерти Игоря и о смерти Андрея – имеют много общего[25], в том числе наблюдается достаточно большое количество текстуальных параллелей, совпадают источники заимствования: выдержки из борисоглебского цикла, некоторые характерные библейские цитаты и, в том числе, Александрия. Ср. тексты[26].

Ипат	Александрия
a) (349И) то же слышавше наро^д о^ттолѣ поидоша на Игоря .	(с. 68) и тако ся съвѣщавша поидоста на Дария съ ороужиемъ, якоже оувидѣ их Дарии оустрѣмившеся на нь съ ороужиемъ, и рече к нима Дарии: о мои вл҃дцѣ, бывше раби мои, что вы зло сътворихъ, да мя хощете погоубити
(351И) они же оустрьмиша^с на нь . яко звѣрье сверьпии ... он же ре^ч имъ . ... почто яко разбоиника . хощете мя оубити .	
b) (352И) **и доведе и Володимиръ воротъ . м҃тре своея** . и тоу начаша Игоря оубивати . **и оудариша Володимира бьюче Игоря**	(с. 69) они же, не послоушавше молениа ц҃рва Дарьева, начяша его оубивати
c) Игорь же побиваемъ ре^ч вл҃^дко в роуцѣ твои прѣдаю тебе д҃хъ мои .	(с. 70) и се рекъ Дарии издъше д҃хъ преда Александрови в роуцѣ
d) (352И-353И) и ѣще живоу соущоу емоу ругающеся ц҃рьскомо и сщеному тѣлоу ... вѣдоуще яко мьститель есть б҃ъ и взищеть крови неповиньнаго[27] .	(с. 69) аще бо пришедъ Алексанъдръ нынѣ, ц҃рь макидонскыи, обрящет мя оубиена, ц҃рь ц҃ревом тѣломъ мьстити имать... и въшедъ къ немоу Александръ, обрѣте его одва жива
e) (353И) и покрывахоуть . наготоу телесе его своими одежами .	(с. 69) и хламидою своею покрываше тѣло Дарьево.

Здесь параллели не столь точные и, соответственно, менее выразительные, чем в 1170-х гг. Сопоставления станут более убедительными, если знать частоту появления подобных выражений в Киевском своде. Например, составные глаголы от «убивати» или

«губити» достаточно редки. Если они и встречаются, то это «хотПша убити», «не могу убити». А в конструкции с «начати» еще раз попадаются всего лишь однажды, под 1135 г.: «вы начали есте . перво насъ гоубити» (притом на этом участке текста имеются явственные следы редактирования, что позволяет предполагать вмешательство составителя Киевского свода в самом конце XII – начале XIII в.)[28]. Таким образом, «начаша убивати» — не нормальный и, во всяком случае, не обычный оборот. Столь же редко, даже просто уникально, иное дополнение Ипат — о «царском теле».

Неточное цитирование сопровождается контаминацией с иными источниками. Составитель повести об убиении Игоря произвел синтез цитат из Александрии, текстов борисоглебского цикла, Евангелия и Книги Бытия[29]. Например, «звѣрие свѣрѣпие» – из «Повести временных лет», где в статье 1015 г. «звѣрье дивии»[30], и «Сказания о св. Борисе и Глебе», где «сверепа звѣри душю имѣюще». (Последнее выражение, в свою очередь, выдает знакомство кого-то из составителей Сказания со сценой из Александрии, предшествующей убийству Дария. Ср. слова персидского царя: «...яко прииде на мя Макидонъ, сверепа звѣря душю имѣя»[31].) Здесь же видим микрозаимствования из Александрии (фрагмент а), а далее «почто яко разбоиника...» — парафраз Лк. 22: 52. «Преда дх҃ъ» – цитата из Лк. 23: 46, но оборот использован и в «Чтении о св. Борисе и Глебе»[32], и в Александрии (фрагмент с). «Кровь неповиньна» – ср. Мф. 27: 4, но «мщение» именно «царскому телу» восходит к Александрии (фрагмент d)[33].

Далее параллели, в основном неточные, разбросаны по тексту Киевского свода. Судя по манере цитирования, это заимствования по припоминанию или в пересказе. Ср.:

1146 г., 322И: *Изяслав Мстиславич* «же ни отвѣта емоу (*Игорю Ольговичу*) не дасть противоу тои рѣчи . ни посла к немоу поусти»[34] – Александрия, с. 52: «они же ни сла своего послаша къ немоу (*жители Фив Александру*)».

1147 г., 346И: *черниговские князья Давыдовичи, обвиненные в предательстве* «ничтоже могоша о^т^вѣщати . толико съзрѣшася . и долго молчавше» – Александрия, с. 62: «многоу же оубо млъчянию бывшю», – или, в иной сцене, с. 55: «въземъ же Александръ чяшю, и дръжа десною роукою длъго, и нача зрѣти на Филипа»[35].

1147 г., 349И, *из речей некоего киевлянина на вече*: «и много зла бы^с^ про то градоу нашему» – Александрия, с. 51, *из речей жителей Иерусалима*: «погоубить град нашъ гнѣвы»[36].

1148 г., 370И, *новгородцы вещают Изяславу Мстиславичу*: «ты нашь кн҃зь, ты наш Володимиръ . ты наш Мьстиславъ» – Александрия, с. 73, *родственники Дария пишут Александру*: «нынѣ вѣмъ Алексанъдра новаго Дария соуща намъ... своего нынѣ Дария видѣхомъ – Александра великаго царя»[37].

1148 г., 373И, *Ростислав Юрьевич заявляет киевскому князю Изяславу Мстиславичу*: «пакы ли на мя кто молвить . кн҃зь ли которыи . а се я к немоу» – Александрия, с. 55, *оклеветанный лекарь Александру*: «вижь, како мя смръти злѣ хотять предати, азъ ли к тобѣ»[38].

1149 г., 375–376И: «соромъ на[39] мя възложилъ . а любо соромъ сложю и земли своеи мьщю любо ч҃сть свою налѣзу»[40] – Александрия, с. 68: «дондеже мщю собѣ... мьстити мою срамотоу».

1150 г., 405И: «король же то слыша и посла по всеи своеи земли . по свою дружину и по всѣ свои полкы . и тако скупя всю силу свою король» – Александрия, с. 50 «сущаа под тобою полкы и всю силу събравъ, оускори прийти к намъ».

1150 г., 409И: «а трудно ны вельми» – Александрия, с. 31 «чл҃че, трудно ти есть»[41].

1152 г., 448И: «заоутрии же дн҃ь въста король поиде» – Александрия, с. 43 «въставъ Александръ поиде от Суриа»[42].

1156 г., 496И «бѣ имѣя[43] великую любовъ къ Рогъволоду и на ту любовъ надѣяся» – Александрия, с. 55 «вѣдяше бо любовь Филиповоу, юже имяше къ немоу».

1161 г., 510И *Святослав Ростиславич о восставших против него новгородцах*: «А что есми имъ зло створилъ . оже мя хотять яти» – Александрия, с. 68, *Дарий к своим боярам, решившим его убить*: «что вы зло сътворихъ, да мя хощете погоубити». Далее, 514И, *в речах «мужей» к Святославу Ольговичу*: «се ни[44] лжа ти есть . оже» – Александрия, с. 107 «се не лжа е҃ реченное, яко».

1169 г., 537И, *из обмена речами между Святославом Ростиславичем и его дружиной о намерении новгородцев предать своего князя*: «кн҃зь же испытавъ извѣсто[45] . о собѣ и о нихъ» – Александрия, с. 46, *Дарий*: «и испытавъ извѣстно о мудрости Александровѣ».

1169 г., 542И, *речи дружины к Мстиславу Изяславичу*: «вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣи братьѣ». А также в посмертных панегириках: «любовь имѣяше ко всимъ»[46] – Александрия, с. 57, *Александр о себе в письме к Дарию*: «бл҃говѣрия моего, его же имѣю къ всѣмъ».

1180 г., 623И: «Рюрикъ же аче побѣдоу возма нъ ничто же горда оучини» – Александрия, с. 49, *Александр после победы над Дарием*: «и толикы славы сподобися, ничего же грьда не створи».

Помимо этого, имеется одно достаточно обширное буквальное заимствование в статье 1197 г. Точнее, здесь представлен отрывок из статьи «О рахманех», присоединяемой к Александрии. Ср.: 705–706И – Александрия, с. 122–123:

Из предсмертной молитвы Давыда Ростиславича	**Из речи к Александру «учителя врахманом» игумена Дандама (Дандамия)**
и возрѣвъ на нб҃о . и воздавъ хвалоу бо҃у[47] гл҃я . бесмр҃тныи бж҃е хвалю тебе о всемь воздаю[48] . цˢрь бо еси ты всимъ[49] единъ . во истиноу подавая своеи твари . все бг҃атьство имъ в наслажение . створивъ[50] бо ты мира сего . ты соблюдаеши ожидая дш҃а . яже посла . да доброу жизнь жившимъ . почтеши яко б҃ъ . а еже не покорившюся твоимъ заповѣдемъ . предаси соудоу . всь бо соудъ праведенъ[51] оᵀ тебе . и безъ конца[52] жизнь оᵀ тебе бл҃годатью своею . и вся милоуеши . притекающия к тебе[53] .	И възда славоу бг҃у гля: бесм҃ртныи бж҃е, хвалоу тебѣ о всемъ въздаю, цр҃ь бо еси всѣмь ты единъ въистиноу, подая своеи твари вся богатьствия на наслаждение. Сътворивъ бо ты мира сего, ты съблюдаеши, ожидая дш҃а, яже посла к нему, да добру жизнь живьшимь почтеши акы бг҃ь, а еже не покоривъшуся имь твоимь заповѣдемь предаси судоу. Весь бо соуд праведныи от тебе, и бес конца жизнь от тебе оуготована ес, блг҃дтию бо своею вся милуеши

Как уже отмечалось, основная масса заимствований в Киевском своде приходится на статьи 1140–1190-х гг. В более ранних проскальзывают лишь отдельные неточные параллели, впрочем, весьма примечательные. Например, в описании перенесения мощей св. Бориса и Глеба под 1115 г. некоторые детали напоминают рассказ о торжественном погребении Дария Александром. Сравнивая тексты Ипат, Александрии и «Сказания о чудесах св. Бориса и Глеба», можно заметить, что только в Киевском своде и Александрии отмечен порядок шествия – кто идет впереди и кто позади гроба. Притом, как уже отмечалось в литературе, порядок несколько необычен. Он не соответствует развитию событий 1115 г., а также тому чину следования, какой отмечен при перенесении святых 1072 г. Князья, по-видимому, должны были идти перед гробом, чтобы потом иметь возможность «разметать» богатства перед толпой народа[54]. Ср. тексты[55]:

Сказание о чудесах	Ипат	Александрия
и въставивъше на сани наросны [56], яже бѣша на то оустроены. Повезоша же преже Бориса и съ нимъ идяше // Володимиръ съ многъмь говениемь, и съ нимь митрополитъ и поповьство съ свѣщами и кандилы, и идяхоу влекоуще оуже же великыими тѣснящеся и гнетоуще вельможѣ и все болярьство	и взяша раку Борисову и въставиша и на возила . и поволокоша оужи . князи . и бояре . черньцемъ оупрѣдъ идущимъ съ свѣщами . попомъ по нимъ иду//щимъ . та же игумени та же еп҇пи предъ ракою . а кн҇земъ с ракою . идущимъ межи воромъ .	повелѣ же пръсомъ прѣди ити прѣд нимъ, макидоном же позаду съ ороужиемъ, сам же Александръ, подложивъ рамо свое, поднесе тѣло Дариево и съ боляры своими

С осторожностью можно предположить, что весьма нечастое в летописях слово «прѣтити», встречаемое в Ипат под 1123 г., также обязано своим появлением Александрии, ср. 287И: «и прѣтяше ѣздя» – Александрия, с. 80: «сдѣ претяща тобѣ» [57]. А под 1135 г. исключительно редкий эпитет «благоумныи», применяемый по отношению к киевскому князю Ярополку [58], вызван ассоциациями с романом, где всячески подчеркивается ум Александра. См. также 299–300И: «и тако оутѣши бл҇гооумныи кн҇зь Ярополкъ . брань ту лютоую» – Александрия, с. 82: «тако же оубо оустремление звѣриное оустави оумныи Александръ» [59].

Если судить о заимствованиях в целом, то речь должна идти не только о прямой текстуальной зависимости. Заимствовались и идеи, и общее построение рассказа. Так, на форму статей 1140–1150 и 1170-х гг. – со множеством писем, переговоров, речей – судя по всему, оказал влияние первый известный на Руси «роман в письмах». Ср. переговоры Дария с Александром, письма Дария и Александра к воеводам, друг к другу, к индийскому царю и амазонкам, Александра – к матери и учителю Аристотелю, к дочери Дария Роксане, своей будущей жене. Встречается и такой сюжетный ход, как пересказ в письме того, о чем уже было рассказано в предыдущем повествовании. См., например, в Александрии описание смер-

ти Дария или похода в восточные страны, а затем изложение тех же событий в письмах Александра к Роксане и к матери[60]. И аналог в Киевском своде: описания битв Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями или Юрием Володимиричем (Долгоруким) и последующий их пересказ в письмах к брату Ростиславу. Примечательно, что ни одним другим летописцем, в том числе даже составителем Галицко-Волынской летописи, где имеются заимствования из Александрии, этот прием не был перенят. Пересказы уже однажды рассказанного, да и вообще множество грамот, речей и переговоров появляются в Ипат начиная со 2-й пол. 1140-х гг.[61], то есть именно с того времени, когда четко прослеживаются следы заимствований из Александрии. Что касается идей, к примеру, в Киевском своде есть несколько фрагментов, где древнерусские князья названы царями. Этому предлагались различные объяснения, но весьма вероятно, дело опять-таки в Александрии, где основными героями являются цари, а речи и поступки этих царей «переадресованы» древнерусским князьям[62]. Не исключено, что и противопоставление функций духовной и светской власти в беседах Ростислава Мстиславича и игумена Киево-Печерского монастыря Поликарпа также ориентировано на тезис из бесед царя Александра и брахманов. Ср. под 1168 г. из панегирика Ростиславу перед сценой его смерти, 530И. Поликарп в ответ на изъявленное Ростиславом Мстиславичем желание постричься заявляет, что у князей имеются светские, также богоугодные функции: «Вамъ б҃ъ тако велѣлъ быти . правду дѣяти на се^{м} свѣ^{т} . въ правду су^{д} судити . и въ хр^{с}тномъ цѣлованьи выстояти[63]» — Александрия, с. 84: «тебѣ подобаеть брань творити, а намъ любомудрити».

Как уже отмечалось, чаще всего говорят о заимствованиях из Александрии в Галицко-Волынской летописи. В Киевском своде большинство прямых заимствований из романа сосредоточено в статьях, так или иначе касающихся одной княжеской ветви — Ростислава Мстиславича и его детей, Ростиславичей[64]. То есть, по-видимому, включения следует датировать концом XII — началом XIII в., когда для правившего в то время в Киеве Рюрика Ростиславича был составлен летописный свод. Значит, популярность романа об Александре у летописцев можно «удревнить», по крайней мере, на полвека. (Хотя, поскольку по крайней мере одна цитата найдена в «Сказании о св. Борисе и Глебе», см. выше, надо думать, что памятник был известен древнерусским книжникам и ранее.)

В каком виде Александрия существовала в то время, когда составитель свода мог с нею ознакомиться? По наблюдениям В. М. Истрина, славянский перевод романа древний, хотя ученый не решился его точно датировать. Кроме Александрии, о приключениях Александра Македонского в южных странах у брахманов повествовала также статья «О рахманех». Это отдельный греческий текст и независимый перевод; сконтаминированы они были, как предполагал Истрин, уже в Древней Руси[65]. В XIII в. оба сочинения известны в составе так называемого Иудейского Хронографа[66], где «О рахманех» присоединено к окончанию Александрии[67]. В связи с этим любопытно, что заимствования из Александрии в Киевском своде заканчиваются как раз выдержкой из статьи «О рахманех», помещенной под 1197 г., в самом окончании Киевского свода. Поскольку в Ипат за XII в. А. С. Орловым и Н. А. Мещерским были найдены также и заимствования из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, включенной в Хронограф, весьма вероятно, что Александрия киевскому летописцу была известна уже не как самостоятельное произведение, а как часть Хронографа.

И последнее – манера заимствования из романа о «еллине» Александре, благочестивых, но, тем не менее, нехристианских «нагомудрецах»-брахманах и язычнике-персе Дарии затрагивает общий вопрос об отношении древнерусских книжников к каноничности текста. Составитель Киевского свода привлек речи брахмана в самом что ни на есть патетическом и серьезном моменте – описании благочестивой смерти одного из князей Ростиславичей[68]. Под 1147 г. им были объединены в одном синтетическом повествовании цитаты из романа и Евангелий. Речь шла о смерти князя, притом смерти мученической, приравниваемой к убиению св. Бориса и Глеба, в какой-то мере даже имитировавшей страсти Христовы. Если верно отождествление дополнительных деталей статьи 1115 г. и сцены погребения Дария, то Александрия подтолкнула древнерусского книжника к расширению текста и в таком маркированном месте, как описание «пренесения» мощей святых Бориса и Глеба. В принципе, подобное отношение не должно удивлять, ведь хронографические произведения часто входили в сборники вместе с книгами Ветхого Завета. Очевидно, в сознании человека того времени они стояли в одном ряду. В Галицко-Волынской летописи XIII в. слова Александра Македонского, вложенные в уста галицкого князя Данила Романовича, сопровождаются характерной ремаркой: «якоже Писание глаголеть», хотя взяты они из

Александрии[69]. Все это, между прочим, означает, что хронографические цитаты привлекались не только как источник красивых изречений. Разумеется, в некоторых случаях мы имеем дело с использованием подходящего, по мнению книжника, литературного материала или с цепочками не контролируемых строго ассоциаций. Но и идейный компонент также наличествовал, хотя современному исследователю трудно четко разграничить, что относится к идейному содержанию, а что – к красивым словесам. Манера включения фрагментов образцовой, в определенном смысле, священной истории приводит к обманному эффекту присутствия, поскольку древние книжники не испытывали отчуждения от древней истории, происходившей как будто бы «здесь и сейчас».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Одна из последних работ: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

[2] Имеются в виду переводные греческие хроники. В хронографы, как правило, включались обильные заимствования из Библии (иногда Восьмикнижие вписывалось полностью), и потому в сознании средневековых книжников хроники не отграничивались от библейских текстов.

[3] Сложение Киевского свода обычно датируют рубежом XII–XIII вв. В последнее время приведены аргументы в пользу несколько более поздней даты (1-е десятилетие XIII в.). См.: *Толочко А. П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // Ruthenica. V. К., 2006. С. 73–87.

[4] Одно из заимствований из Александрии в статье Ипатьевской летописи 6686 / 1178 г., отметил А. С. Орлов: *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. 1926. XXXI. Л., 1926. С. 116. Ученый колебался, является ли это самым ранним свидетельством использования Александрии Хронографической и Хронографа, не является ли это позднейшей переделкой (в статье 1178 г. порча текста; во всех списках «Всеволод», определенный как дед князя Мстислава Ростиславича смоленского вместо необходимого «Мстислав»).

[5] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369 (далее ссылки на Лавр по схеме: 369Л); Т. 2. Стб. 586–587 (ссылки на Ипат: 586–587И). Здесь и далее жирным шрифтом выделены общие для Лавр и Ипат фрагменты, подчеркнуты и обозначены буквами латинского алфавита те участки текста, которые имеют текстуальные параллели с Александрией. Титла не раскрываются, орфография упрощенная, пунктуация, соответственно, Лаврентьевского или Ипатьевского списков. Списки, по которым даны разночтения, обозначены: Радзивиловский – Р, Московский-Академический – А, Летописец ПереяславляСуздальского – ЛПС, Ипатьевский – И, Хлебниковский – Х, Погодинский – П.

[6] РА и ЛПС Амбалъ томъ

[7] ХП выняль и

[8] ХП бы^л^
[9] РА всовавше^с^ в постелницю, ЛПС в плъстьницю
[10] ХП въскочивше два оканеннаа
[11] РА и иссѣкше, ЛПС иссѣкоша
[12] Ср. тексты Лавр и Ипат:

Лавр, 369Л	Ипат, 586И
Началникъ же оубиицямъ Петръ Кучковъ зять . Аньбалъ Ясинъ ключник . Якымъ Кучковичь . а всѣхъ невѣрных оубиицъ . числомъ 20 . Иже ся были сняли . на оканьныи свѣтъ . того дни . оу Петра оу Кучкова зятя .	началникъ же оубиицамъ . бы^с^ Петръ Кучьковъ . зять Анбалъ ясинъ ключникъ . Якимъ Кучьковичь . а всихъ невѣрныхъ оубиицъ 20 числомъ . иже ся бяху сняли на оканьныи свѣтъ . томь дни оу Петра оу Кучкова . зятя

[13] Так это обычно и интерпретируют. Ср., например, в книге Ю. А. Лимонова: «В рассказе об убиении Андрея, даже при изъятии киевской вставки с повествованием Кузьмищи Киянина, находятся обширные фрагменты владимирского происхождения, которых нет в Лаврентьевской и Летописце Переяславля-Суздальского». Далее к таким владимирским фрагментам исследователь относит «и вьскочиша два оканьная... бяшеть бо силен». См.: *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 90–91, прим. 79. На то, что некоторые детали повествования отражают не реалии, а моделированы, обратил внимание И. Н. Данилевский. Как образцы для моделирования исследователем рассматриваются библейские тексты, см.: *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков. Вып. 1 (IX–XII вв.). М., 2000. С. 232–233; Вып. 2 (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 85–86; *Он же.* А был ли казус? (Размышления об одном разговоре, которого, вероятно, никогда не было) // Казус. М., 2003. С. 337–364.

[14] Александрия цитируется по: *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. Ч. II. Тексты. Александрия 1-й редакции. М., 1893.

[15] Так в большинстве списков, но в основном списке, Архивском Хронографе, по которому В. М. Истриным издана Александрия 1-й редакции, – ошибочно «копиа».

[16] «Дарии же Виса роукою оубо лѣвою на землю повергъ и лѣвою ногою стояше на немъ...»; см.: *Истрин В. М.* Александрия. С. 69. «Долгая смерть» Андрея также имеет параллели в сцене убийства Дария. Вообще говоря, мотив «долгой смерти» и предсмертных речей характерен для описания мученичества и страстотерпчества, но разрабатывается и в данном случае: убийцы Дария бегут, не завершив своего злодеяния, Александр приходит и застает его еще дышащим, Дарий успевает произнести благочестивые речи о суете мира, непостоянстве «чясти»-судьбы, отречении от гордыни и необходимости доброй жизни, умирает он на руках у Александра. Зачин же, мотив оскорбления властителем слуги и мести слуги – споспешествования убийст-

ву – также имеет параллель в Александрии, в описании отравления самого Александра. См.: *Истрин В. М.* Александрия. С. 102.

[17] ХП такими

[18] ХП стонание

[19] ХП ни конника ни пѣшца

[20] Заимствование из Флавия отмечалось А. С. Орловым и Н. А. Мещерским. *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 103, 105. Что касается иных включений, например, имеется небольшой фрагмент статьи ПВЛ 1019 г., ср. 146Л – 577И (577И «Мьстиславъ же много пота оутеръ . с дружиною своею»). Чтобы показать, как сконструирован текст, далее приведены версии Лавр и Ипат. Как и ранее, жирным шрифтом выделены общие с Лавр участки (судя по всему, киевская версия создана на основе какой-то краткой, следы которой отразила точнее Лавр); включения из Александрии имеют буквенные обозначения. Ср. 365Л – 569–570И, 572–576И:

Лавр	Ипат
в то ж лѣт не покоршимся **Ростиславичемь** князю **Андрѣю** и **в воли** его **не ходящим**...	(569-570И) **Того**ж **лѣ**т . нача **Аньдрѣ**и вины покладывати . на **Ростиславичи**... реч Андрѣи Романови **не ходиши в моеи воли** сь братьею своею . а поиди с Киева...
В то же лѣт . **слышавъ князь Андрѣи** . ята брата своя . Дв҃домь **Ростиславичемъ** . и братьею его .	(572И) **Того**ж **лѣта Андрѣи князь** суждальскыи . розьгнѣвася на **Ростиславичи** . про Григорья про Хотовича . /за/не **воли** его не оучиниша . и се **слышавше** Ольговичи и ради быша...
	Андрѣи же приимъ свѣтъ ихъ . исполнивься высокооумья . разгордѣвься велми <u>надѣяся плотнои силѣ</u> (a) . и множествомъ вои огородився . <u>ражьгся гнѣвомъ</u> (b). и посла Михна мѣчьника /*ХП доб.*: рек емоу/ . ѣдь к Рости// 573И славичемь рци же имъ **не ходите в** моеи **воли** . ты же Рюриче поиди вь Смолньскь...
	Мьстиславъ бо от оуности навыклъ бяше . не оуполошитися нико^г же . но токьмо б҃а единого . блюстися . и повелѣ Андрѣева посла емьше <u>постричи голову</u> передъ собою . <u>и бороду</u> (c) . рекъ ему иди же ко князю /своему/ и рци ему . мы тя до сихъ мѣстъ . акы о҃ца имѣли по любви . аже еси <u>сь сякыми рѣчьми прислалъ</u> . <u>не акы кь князю но акы кь подручнику</u> (d) и просту ч҃лвку а что оумыслилъ еси а тое дѣи . а б҃ъ за всѣмъ .

Аньдрѣи же то слышавъ о[т] Михна . и бы[с] образъ лица его попуснѣлъ (Дан.3:19) .

и вьзострися на рать . и бы[с] готовъ (е) .

посла сн҃а своего Георгия . с **новгородци** . и с **ростовци** . и с **суждалци** . и со всею дружиною **и с воеводою Борисомъ Жидиславичемъ** .

и **пославъ** собравъ воѣ **своѣ** . **ростовцѣ суждалци** воло[д]мерци переяславьци бѣлозѣрцѣ . муромцѣ . и **новгородцѣ** и рязаньцѣ . и сочтавъ ѣ . и обрѣте в нихъ 50 тысячь (бл. 2 Цар.24; Александрия, с. 28) . и **посла** с ними **сн҃а своего Юрья и Бориса Жидиславича** . **воеводою** .

казавъ имъ . Рюрика и Давыда веля имъ // 574И изьгнати изъ о҃чины своеи . а Мьстислава емъше не створите ему ничто же приведете и ко мнѣ (f) . и тако ему казавшю Борисови Жидиславичю . и вѣлѣвъшю ему ити кь С҃тославу Всеволодичю како ся бяшь с нимь свѣщали...

Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы . во всих дѣлѣхъ . добль сы и погуби смыслъ свои (g) . и невоздержаниемь . располѣвься гнѣвомъ (h). такова оубо слова похвална испусти . яже б҃ви студна и мерьска . хвала и гордость . си бо вся быша от дьявола на ны . иже вьсѣваеть вь ср[д]це наше . хвалу и гордость . якоже Павелъ гл҃ть гордымъ б҃ъ противиться а смиренымъ даеть бл҃годать (1 Петр.5:5.) еже и збыс[т]ться слово ап[с]ла Павла гл҃авша еже и послѣди скажемь . мы же на прежнее вьзвратимся .

идущимъ жи имъ мимо Смолнескь . казалъ бо бяшеть Романови пустити сн҃ъ свои смолняны . тако Романъ . нужею пусти сн҃ъ свои . сьмолняны на братью... и пришедшимъ // 575И имъ ко Ольговичемь . и совокупившимся имъ обоимъ . противу Кыеву... и вьѣхавше вь Киевъ ...

Ростиславичи же не затворилися бяхуть . вь Кыевѣ . но шлы бяхуть . во своѣ городы . Рюрикъ . в Бѣлѣгородѣ затворися . а **Мьстислава затвориша** . **Вышегородѣ** . и сь Д҃вдвымъ полкомъ . а **Д҃вдъ** ѣха **вь Галичь** . кь Ярославу **помочи** дѣля . С҃тослав же сь братьею и Михалко сь братомъ сь Всеволодомъ . и со сыновци . и кыяны совокупивше . и берендѣичѣ и Поросье...

	поидоша от Кыева к Вышегороду на Рожьство с҃тыя . влдчца нашея б҃ца присно д҃вца Мрья .
и инѣхъ **князии .20.** с **полкы своими** .	**и бѣ** всихъ . **князѣи** боле **.20.** а вьсихъ бяше старѣи С҃тославъ Всеволодичь .
Вышегородѣ же **Д҃вдъ затворивъ** брата своего **Мстислава** . а сам иде по **помочь в Галичь** . и не даша ему помочи . **пришедши** же к **Вышегороду**	и оʳряди Всеволодъдада /*ХП* Всеволода/ Юрьевича . Игоря сь моложьшими князьми . кь **Вышегороду** . и приѣхавшимъ имъ . подъ **Вышегородъ** . видивъ же **Мьстиславъ** Ростиславичь . **пришедшюю** рать . изрядивъ **полъкы своѣ** .
	и выѣха на болоньи противу имъ . обои бо еще жадахуть боя и свадишася стрѣльци ихъ . и почаша ся стрѣляти . межи собою гонячеся (h) . // 576И видивъ же Мьстиславъ . стрѣльци своѣ смятьшеся . с ратными и абье оустрѣмивься на нѣ и реч дружинѣ своеи . братье оузрѣвше на б҃жию млсть и на с҃тую мчнку Бориса и Глѣба помочь . и абье поѣха кь нимь... и абье Мьстиславъ . сшибеся с полкы ихъ и потопташа . середнии полкъ... и тако смятошася . обои и быс мятежь великъ и стонава /*ХП* стонание/ . и кличь рамня . и гласѣ незнаемии и ту бѣ видити ломъ копииныи . и звукъ оружьиныи (История Иудейской войны Иосифа Флавия, т.1, л.413в.36-37) оᵗ множьства праха не знати ни коника ни пѣшьць (i) . и тако бивьшеся крѣпко и разиидоша... и се быс одинь бои первого дни...
с **силою** многою.	и по сѣмь придоша всѣ **силы** и тако оступиша всь градъ . и приступаху по вся дни и вырищюще изъ града . да бьяхуться крѣпко и много быс Мьстиславлѣ дружинѣ /*ХП* дружины/ раненыхъ и смртьнхъ добрыхъ .
стояша /*РА* **и стояше**/ **около города .9. недель**	**и остояша** /*ХП* **и стояше**/ **около города 9 недѣль** ...

[21] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1219.

[22] И ны ны – ХП нам.

[23] В Киевском своде в светском значении встречается лишь здесь. С частицей -ся – еще в речи Ростислава Мстиславича о желании постричься и «свободитися от маловременного и суетного жития», 530И. Тот же оборот повторен далее в предсмертных речах его сына Давыда Ростиславича, 704И. В ПВЛ «свободитися» – в книжном «свободихо^м^ся о^т^ грѣха», о крещении Руской земли, 120Л. В ГалицкоВолынской летописи – в описании смерти князя Володимира Васильковича, где как раз заимствован фрагмент из Киевского свода, в сцене смерти Мстислава. См. под 1289 г., 919И: «плакахуся по немь лѣпшии моужи . володимерьстии рекоуче добрыи ны г^с^не / *ХП* добро бы на^м^ г^с^дне/ . с тобою оумрети . створшемоу толикую свободоу . якоже и дѣдъ твои Романъ . свободилъ бяшеть от всихъ обидь».

[24] Автор отмечает 2 Цар. 24. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Вып. 2. М., 2000. С. 214. В Киевском своде «сочтать» амбивалентно. В случае с Андреем Боголюбским (1174 г.) это действительно усиливает отрицательную характеристику, а в случае с Мстиславом Ростиславичем (1178 г.) имеет вполне положительную окраску: Мстислав считает свои войска и идет в победоносный поход. Притом в Киевском своде этот князь является исключительно «добрым» персонажем. Не исключено, что такое раздвоение оценок произошло из-за того, что составитель свода знал и использовал и ветхозаветные тексты, и Александрию, но текстуально отмеченный фрагмент ближе к Александрии.

[25] *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития // ЧОИДР. 1915. Ч. 3. С. 143; *Еремин И. П.* Литература Древней Руси (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 119–121; *Podskalsky Gerhard,* Principal Aspects and Problems of Theology in Kievan Rus' // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XI. № 3/4. 1987. P. 284; *Толочко А. П.* Похвала или житие? Между текстологией и идеологией княжеских панегириков // Palaeoslavica. Vol. 7. Cambridge (Mass.), 1999. P. 30.

[26] Как и ранее, жирным шрифтом выделен текст, общий с Лавр, ср. 349–353И – 318Л. Параллели из Александрии отсутствуют на общих для Лавр и Ипат участках текста.

[27] ХП неповиньны

[28] Здесь выпущен фрагмент протографа, сохранившийся в Лавр, и далее события пересказаны в прямой речи князей Ольговичей, с некоторыми содержательными смещениями. См. 297И. О редактировании в статьях 1130-х гг.: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. // Palaeoslavica. XIII. № 1. Cambridge (Mass.), 2005. P. 33–34. В иных ранних летописях сочетание «начаша убивати» и «начаша губити» отсутствует.

[29] Ср. Быт. 19:7–19:9, о Лоте и содомлянах.

[30] 134Л.

[31] *Истрин В. М.* Александрия. С. 68. Эти слова вложены в уста Дария, говорящего об Александре. В Сказании оборот характеризует убийц св. Глеба. Ср.: *Бугославський Сергій.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба, К., 1928. С. 11, 29, 65, 82, 106, 128 («сверѣпа звѣри доушю имоуще»). Далее это выражение, видимо через посредство Сказания, использова-

но летописцами XIII в. в описании прихода Батыя.

[32] В Сказании, о св. Борисе – «преда дш҃ю»; в Чтении сочетаются оба выражения, «преда душю» и «преда духъ»: «И в руцѣ твои предаю дх҃ъ мои... и тако бл҃жныи Борисъ предасть дш҃ю в руцѣ бж҃и»; см.: *Бугославський Сергій.* Украïно-руськi пам'ятки. С. 27, 191.

[33] О мстителе-Боге сконструировано на основе нескольких источников. Следует добавить, что текст Ипат провоцирует предположение, что в протографе И и Х списков фрагмент испорчен, и должно бы читаться: «не вѣдуще, яко мьститель есть Богъ и взищеть крови неповиньны». Но отсутствие «не» вполне объяснимо, если за образец взяты речи Дария о мести «царевом тѣлом», так как в них говорится как раз о том, что убийцам необходимо знать.

[34] Так же и в других случаях, например, 1148 г., 370И: «он же к нима ни посла их опять поусти ни своего поусти»; 1149 г., 380И: «Изяславъ же того не оулюби ни посла того поусти». Кстати сказать, подобных выражений нет в иных летописях, в том числе тех, где часто достаточно подробно расписаны переговоры, таких, как ПВЛ или ГалицкоВолынская летопись.

[35] В первом случае речь идет о реакции персов на пиру на слова неузнанного ими Александра (который «самъ себе створися сломъ»), а во втором имеется в виду еще одна «молчаливая сцена». Лекаря Александра, Филиппа, оклеветали, написав царю письмо, что тот якобы хочет его отравить. Когда нужно было пить лекарство, Александр устроил психическую атаку, долго созерцая врача. Мотив молчания в летописи исключительно редок. В Киевском своде встречается еще только под 1111 г. и 1148 г. Ср. 265И, о 2-м совете князей на Долобске, где решалось, быть ли походу на половцев: «и бывшю молчанью . и рече Володимеръ». 375И, о переговорах со Святославом Ольговичем: «Ст҃ославъ же оумолча ничтоже имъ отвѣча». В других летописях молчание имеет иное значение. «Молчальное житие», «муж молчалив» – имеется в виду церковная добродетель. Так в статьях ПВЛ 1089 и 1091 гг., где «молчание» использовано в характеристике духовных лиц. Митрополита: «смѣренъ же и кротокъ молчаливъ . рѣчистъ же книгами ст҃ыми», 208Л; и в похвале св. Феодосию: «мирьская плища отринувъ . молчанье възлюбивъ . б҃у послужилъ еси в тишинѣ... вслѣдуя стопамъ высокомысленымъ отцемь . ревнуя молчаньем», 213Л. В Новгородской первой летописи старшей редакции единственный пример, под 6816 / 1308 г., говорится об архиепископе. Лавр за XII в. содержит 1 пример в книжной характеристике епископа (1185 г., 391Л); и за XIII в. 1 пример в насыщенной книжными реминисценциями статье 1237 г., 461Л. В последнем случае «молчание» противопоставляется «молве» как бездействие – действию. Татары «умолчаша» в 1237 г. – значит, прекратили военные действия. Отождествление «глагола» и действия, «молчания» и прекращения действия характерно, например, для книг Библии и «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Е. М. Верещагин усматривает в таких отождествлениях опосредованную роль иврита, см.: *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси. М., 2001. С. 157–163. Но молчание как прекращение речи при разговоре, переговорах, то есть в близком к современному значении, – только в Киевском своде, в указанных трех статьях

1111, 1147 и 1148 гг. Притом психологически напряженная сцена с Давыдовичами – единственная в своем роде.

[36] Как это ни парадоксально, выражение «град наш» при проявлениях, так сказать, коммунальной сознательности в летописях достаточно редко. Подобное выражение в Киевском своде использовано еще лишь под 1148–1149 гг., в речи князей: 363И «городы наша пожеглъ»; 377И «городы наша пожеглъ», – но в ином значении, где «городы» – это 'волости' черниговских князей. Ср. ПВЛ под 980 г., 77Л: «рѣша варязи Володимеру . се градъ нашь». В значении, аналогичном тому, что имеется в статье 1147 г. Киевского свода, встречается только в ПВЛ под 997 г., 128Л: «да видите что ся дѣеть в градѣ нашем». А также в Новгородской первой летописи старшей редакции, 2 раза в устойчивом выражении. См. под 6723 / 1215 г.: «разиде ся власть наша и градъ нашь»; под 6738 / 1230 г.: «разиде ся градъ нашь и волость наша». Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 54, 69.

[37] Узнав о том, что Александр собирается справедливо править персами после смерти Дария, его мать, жена и дочь провозглашают его «новым Дарием... своим Дарием». В летописях торжественное провозглашение властителя NN новым или нашим N – почти уникальный мотив. Кроме Киевского свода, имеется в ЛПС в статье 1213 г., см. ПСРЛ. Т. 38. С. 164, но ЛПС здесь, по моим наблюдениям, испытал влияние Киевского свода. В этом же пассаже Ипат 1148 г. можно отметить сходство с переводом «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: «ты благодателникъ намъ, ты еси спасъ, ты еси избавитель нашъ, ты единъ достоинъ кесарства римскаго... и вси по ряду кликаху, весь же град бѣ яко церкви исплъненъ...». «История иудейской войны». Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1. М., 2004. Л. 467в, 26–29, 33–35. Другая вставка из «Истории иудейской войны», как уже отмечалось, содержится в Ипат под 1174 г.; интерес представляет то, что обе вставки переплетены с интерполяциями из Александрии.

[38] Согласно Киевскому своду, подобную речь произносил Ростислав, несправедливо обвиненный в намерении предать Изяслава Мстиславича, а в Александрии – оклеветанный лекарь Филипп (см. выше, прим. 35). В обоих случаях подчеркнутое выражение не вполне понятно. В переводе Александрии так произошло из-за перестановки фрагментов, см.: *Истрин В. М.* Александрия. С. 55, вар. 11.

[39] Так ХП, И ня

[40] Аналогично в 1190-х гг.: 1190 г., 669И «како бы емоу мьститися сорома своего Стославоу»; 1196 г., 695И «помьстилѣ обидоу и сорома своего».

[41] Кстати, слово «трудно» в Киевском своде встречается только трижды, а в Лавр за XII в. слова с корнем «труд» вообще отсутствуют.

[42] Так подробно расписанные рассказы о походах (когда и как пошли и, особенно, когда и как «встали») – достаточно редки. Собственно, в таком стиле – только некоторые эпизоды конца 1140-х – начала 1150-х гг.

[43] И имя, ХП в собѣ имѣя

[44] ХП не

[45] ХП истовое

[46] 1172 г., 550И, Святослав Ростиславич: «любовъ имѣяше ко всимъ»; 1180 г., 617И, Роман Ростиславич: «любовь имѣяше ко всимъ»; 1196 г., 696И, Всеволод Святославич: «любовь имѣяше ко всимъ»; 1197 г., 703И, Давыд Ростиславич: «любовь имѣя ко всимъ».

[47] ХП бо҃у хвалу

[48] ХП проп.

[49] ХП всѣм ты

[50] ХП створи^л^

[51] ХП праведныи

[52] ХП бесконечна

[53] ХП притекающим ти к тобе

[54] *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. СПб., 2002. С. 77.

[55] Сказание о чудесах цитируется по: *Бугославський Сергій.* Україно-руські пам'ятки. С. 169–170; в Киевском своде см. 280–281И; *Истрин В. М.* Александрия. С. 70.

[56] вар.: нарочны

[57] «Прѣтити» в Киевском своде только в статьях этого года (дважды, «прѣтяше», «претивъ»). В иных сводах слово весьма редко. В Новгородской первой летописи старшей редакции слова с этим корнем вообще не встречаются. В Лавр за XIII в. также отсутствуют. В ПВЛ, согласно словоуказателю О. В. Творогова, 1 раз «прѣтитися» (*Творогов О. В.* Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словник) // ПСРЛ. Т. 1. 1997. Стб. 679). В Галицко-Волынской летописи 1 раз, 1226 г. 749И «претяща». Кроме того, с приставкой, в ГВЛ под 1256 г. 831И «запрѣти». В ПВЛ также 1 раз «запрѣтити», и в сводах XII в., в Ипат под 1147 г., 354И «запрѣти»; в Лавр под 1168 г., 354Л «запрѣтилъ».

[58] Ср. также еще только под 1175 г., где «благоумными» названы «сродники» Андрея св. Борис и Глеб. Здесь значительный фрагмент общего Лавр и Ипат текста, но именно в данном выражении версии отличаются. В Лавр «бо҃оумныма» – в Ипат «бл҃гооумныма». Ср. 368Л, 584И. Обычный в летописях похвальный эпитет для князя – «благовѣрныи», реже используется «благородныи».

[59] Вообще говоря, тема «ума» и «безумия» весьма разработана в Библии, в частности в Притчах Соломоновых, но в данном случае сходна и конструкция фразы, выдающаяся на фоне стандартных летописных формул.

[60] См.: *Истрин В. М.* Александрия. С. 72, 74 и след. Спорадически такой же прием используется и в Хронике Иоанна Малалы, но там подобные примеры единичны, а в Александрии письма занимают едва ли не треть текста, и «пересказа уже рассказанного выше» значительно больше.

[61] Вообще говоря, наиболее ранний пересказ в речах – из статьи 1135 г. (в речах Ольговичей); о редактировании этого места в Киевском своде см. выше.

[62] Ср. и некоторые параллели, где упомянут «царь». Кроме приведенного выше фрагмента о «царском теле» из статьи 1147 г., см. также об Изяславе Мстиславиче под 1154 г., 469И: «разболѣся великии кн҃зь киевьскии Изяс-

лавъ... и плакася по нем вся Руская земля... и яко по ц҃ри и г҃нѣ своемъ» – и Александрия, с. 30, в обращении римлян: «Александре, ц҃рю римьскыи и всея земля».

[63] ХП ва^м^ стояти

[64] Речь идет об общей тенденции, но тенденции достаточно устойчивой. Если говорится не о Ростиславе и его детях, то о властителях пострадавших – Игоре Ольговиче и Андрее Боголюбском, иногда затрагиваются сюжеты, касающиеся брата Игоря, Святослава Ольговича. Кроме того, в ранний период, когда Ростислав Мстиславич не играл еще самостоятельной роли (1140 – 1 половина 1150-х гг.), его имя присоединено к имени его старшего брата, Изяслава Мстиславича, и в таких дополнительных редактированных фрагментах встречаются параллели к Александрии.

[65] *Истрин В. М.* Александрия. Ч. I. Исследование. С. 121–122.

[66] Иудейский хронограф сохранился в списках Архивском, XV в., и Варшавском и Виленском, XVI в.; сложение его традиционно датируют ок. 1262 г. с учетом Варшавского списка, см.: *Лемешкин И.* Пространная редакция Хроники Иоанна Малалы по рукописи И. Е. Забелина № 436 (в печати, я признательна автору за возможность ознакомиться с текстом работы).

[67] Позднее составители 1-й редакции Летописца Еллинского и Римского поставили «О рахманех» перед Александрией, а во 2-й редакции статью переместили внутрь романа. Ею был дополнен участок текста, повествующий об экспедиции Александра в Индию, то есть соединение стало тематическим.

[68] Следует сделать оговорку: в средневековье сообщество брахманов воспринималось, по-видимому, как сообщество насельников идеального монастыря, а беседы царя Александра с игуменом «рахманов» – как беседы царя с идеальным игуменом. Но в остальных случаях включение хронографических элементов не имеет под собой столь определенной идейной основы.

[69] 767И: «Данилови же рекшоу . **яко же писание г҃лть** . мьдляи на брань . страшливоу д҃шю имать» – Александрия, с. 61: «яко ц҃рь, поздяся на брань, оуже явился есть противнымъ, яко страшиву душю имать на брань».

XIII–XVI ВЕКА

А. В. Кузьмин

ФАМИЛИИ, ПОТЕРЯВШИЕ КНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ В XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в. (Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы)

Князья Порховские и дворяне Кузьмины

В генеалогии потомков правителей Смоленского княжества одним из самых малоисследованных и запутанных вопросов остается происхождение князей Порховских. Не ясны также причины потери ими княжеского титула, с которым в ряде случаев они упоминаются в источниках вплоть до последней четверти XV в.

Польский генеалог Ю. Вольф справедливо отмечал, что фамилия Порховских, существовавшая в России еще в XVI в., происходит от новгородского пригорода Порхова. Он обратил внимание на то, что после захвата литовцами Смоленска в 1404 г. на княжении в Порхове через некоторое время появляется Федор, сын великого князя смоленского Юрия Святославича, который сидел здесь вплоть до 1412 г. По мнению Ю. Вольфа, князь Федор Юрьевич был бездетным. Ссылаясь на русские родословцы, исследователь полагал, что отцом князей Андрея и Семена Порховских был князь Иван Святославич[1].

Уже С. Б. Веселовский констатировал, что «сбивчивость родословия смоленских князей не позволяет с уверенностью связать Порховских с их родом». Тем не менее, версию родословцев о князе Иване Святославиче как предке этой фамилии он под сомнение не ставил[2]. А. А. Зимин включал Порховских в число сторонников галицких князей, полагая, что родство с князем Юрием Дмитриевичем распространило «немилость великокняжеской власти 〈...〉 и на их потомков». Впрочем, при этом конкретных указаний на данные источников, подтверждавших бы такую точку зрения, исследователь так и не привел[3].

Между тем выявленные к настоящему времени сведения о представителях фамилии князей Порховских, находящиеся в синодиках и родословной росписи данной фамилии, теперь дают возможность провести серьезные текстологические процедуры над сохранившимися источниками. Полученные при этом данные, а также ретроспективный анализ сведений о службе князей и дворян Порховских за XV–XVI вв. дают основания подвергнуть ревизии обоснованность выводов Ю. Вольфа, Ю. Пузыны, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, Я. Тенговского и др. о происхождении данной фамилии.

Наиболее ранняя роспись смоленских князей сохранилась в составе *Лет. ред.* 40-х гг. XVI в., так как близкая ей по времени составления *Рум. ред.* не имеет полного текста росписи «Главы 3. Смоленские»[4]. При перечислении родственных связей детей и внуков великого князя Святослава Ивановича в *Лет. ред.* отмечается: «А у четвертого сына у княж Ивана Святославича были две дочери: одна была за князем Юрьем за Дмитреевичем за Шемякиным отцом, другая – за Швитригаилом»[5]. Данная информация оказывается общим местом для списков *Комп.* и *Патр. ред.* родословных книг[6]. Сведений о принадлежности рода Порховских к смоленской династии князей они не имеют.

Правда, в поздних списках *Патр. ред.* можно найти дополнительные приписки, расширяющие число потомков великого князя Святослава Ивановича за счет упоминания здесь нетитулованных (по данным родословцев) с конца XIV в. – Всеволож-Заболоцких, а с XV в. – Полевых и Еропкиных. В их числе оказываются и Порховские. Как отмечает родословец потомков смоленских князей, «**А у Князя Ивана Святославича одинъ сынъ Князь... и отъ него пошли Порховские Князи** [выделено мной. – *А. К.*], да две дочери – одна была за Княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ за Шемякинымъ отцомъ, а другая за Княземъ Швитригайломъ

Ольгердовичемъ»[7]. Списки 1-го извода *Патр. ред.* конца XVI в. не имеют в своем тексте вставки о неназванном по имени сыне князя Ивана Святославича[8]. Между тем С. Б. Веселовский полагал, что неназванный по имени князь носил имя Иван. Источник информации в данном случае, к сожалению, исследователем назван не был[9]. Формирование состава глав *Патр. ред.* происходило во время правления царя Ивана IV Грозного во второй половине XVI в.[10] Можно предполагать, что необходимость включения в родословец данного известия настала тогда, когда фамилия Порховских либо возвысилась, либо прекратила свое существование. Правда, сразу стоит оговориться, что информация о родстве Порховских со смоленскими князьями, хотя и является вставкой для родословцев, тем не менее, имеет вполне самостоятельное происхождение. Так, например, в Архивском III списке *редакции в 43 главы с приписными* сообщается, что «4-й у Святослава сын Иван, от того пошли Порховские». При этом записи о браках двух смоленских княжон источник не содержит[11]. Очевидно, что в одном из поздних списков *Патр. ред.* в единое целое были объединены самостоятельные по происхождению сведения из разных редакций росписей смоленских князей.

Происхождение жены галицко-звенигородского князя достоверно можно установить с помощью летописей. Они отмечают, что в 1400 г. «женися князь Юрьи Дмитреевичь у князя Юрья Святославича у Смоленского на Москве, и поя дщерь его Настасию»[12]. Как правило, браки между представителями великокняжеских династий в родословцах записаны весьма точно. Поэтому стоит предполагать, что приписка дочерей князя Юрия Святославича его брату Ивану могла произойти только из-за дефекта одного из исходных текстов росписи смоленских князей. Неточная запись находится в большинстве родословцев, где есть упоминание о браках смоленских княжон. Очевидно, такой дефект в росписи представителей династии Ростиславичей появился довольно рано. На этот факт указывает фиксация родословных записей в известном Медоварцевском сборнике 1527 г. Здесь, разрывая текст родословия ярославских князей, на свободном месте другим почерком были записаны представители смоленской династии князей за XV–XVI вв. При этом было отмечено, что «у Ивана **с(ы)новъ не было** [выделено мной. – *А. К.*], были двѣ дщери. Еліна (?) была». Далее текст о потомстве князя Ивана Святославича в источнике обрывается[13]. Таким образом, очевидно, что дефект в тексте родословия смоленских князей за XV в. появился ранее составления известных нам первых редакций родословных книг 40-х гг.

XVI в. (Кстати, аналогичным образом сложилась и судьба архетипа редакции росписи старомосковского боярского рода Всеволож-Заболоцких, сохранившийся в первоначальном виде далеко не во всех списках родословий данной фамилии [14].)

Противоречивость и редкость упоминаний князей Порховских в конце XIV – второй половине XV в., естественно, оказала влияние на интерпретацию сведений источников в современной историографии. Так, С. Б. Веселовский полагал, что «выезд кн. Порховского в Москву произошел, вероятно, в том году, когда Литва захватила Смоленск и кн. Юрий Святославич бежал к московскому князю» [15]. В. Л. Янин обращал внимание на правление в Порхове до 1408 г. князей Даниила и Юрия Александровичей. Этих кормленщиков он считает представителями смоленского княжеского дома. Правда, при этом устанавливать конкретное происхождение братьев-князей, степень их родства с Иваном Святославичем и его племянником Федором Юрьевичем, а также с семьей Порховских, находившихся на службе в Москве, В. Л. Янин не стал [16]. По мнению С. Ю. Шокарева, «В источниках этот род впервые упоминается в середине XV века. В новгородских летописях князей Порховских мы не находим. Это весьма странно, так как Порхов – новгородский пригород» [17].

Наличие таких полярных взглядов и подходов заставляет также задаться вопросом, насколько справедливы наблюдения исследователей в решении вопроса о времени выезда князей Порховских на службу к великим князьям владимирским и московским?

Так называемая Летопись Авраамки (список 70-х гг. XV в.) и Новгородская IV летопись отмечают, что в 1404 г. в числе лиц, сопровождавших бывшего великого князя смоленского Юрия Святославича сначала в Москву, а затем на княжение в Великий Новгород, были его сын Федор и служилые князья Семен и Владимир Мстиславичи Вяземские [18]. Среди них князя Ивана Святославича не было, и это неудивительно. Годом ранее литовские войска под предводительством князя Семена-Лугвеня Ольгердовича захватили Вязьму, находившуюся на востоке Смоленского княжества. В городе в плен были взяты князья Иван Святославич и Александр Михайлович [19]. Отсюда брат великого князя смоленского был уведен в Литву [20]. Супрасльская и Никоновская летописи уточняют, что пленного Ивана Святославича мстиславский князь «приведе ко Витовъту» [21]. Таким образом, выясняется, что Иван Святославич не мог в 1404 г. отъехать в Москву, так как годом ранее князь был уведен в Литву. Кроме того, в эту

пору он управлял Вязьмой, а не Порховым, где, кстати, на княжении находились другие лица. Следовательно, в справедливости вывода С. Б. Веселовского о причинах и времени выезда князя Ивана Святославича в Москву можно усомниться.

После событий 1403 г. князь Иван Святославич в летописях больше не упоминается. Актовые источники связывают дальнейшую биографию князя исключительно с Турово-Пинской землей. Одно недатированное известие о нем находится в третьей книге записей Литовской метрики (далее – ЛМ). Здесь в книге раздач короля Казимира IV Ягеллончика за 1470 г. припоминается, что много лет ранее Иван Святославич был наместником в Турове [22]. Вполне вероятно, что именно в этом статусе он входил в раду князей и панов литовского великого князя Витовта. В 1422 г. князь Иван Святославич участвовал при озере Мельно в заключении нового мирного договора с Прусским орденом [23]. Во вкладной записи начала XVI в. князя К. И. Острожского отмечены старинные княжеские пожалования на людей, земли и угодья, данные ранее в кафедральный Успенский собор в Турове. Среди «kniaziej ruskich», прежних его ктиторов, здесь упомянут князь Иван Святославич [24]. Его назначение в Туров – пример тому, что правители Великого княжества литовского (далее – ВКЛ) взамен отобранных земель и властных полномочий на Смоленщине давали ее бывшим правителям определенную компенсацию. Конечно, данная мера не восстанавливала прежний политический статус наследников великого князя Святослава Ивановича. Тем не менее, служба на территории ВКЛ Витовту (а позднее Ягеллонам) гарантировала их право претендовать на распределение и получение части доходов в этом ведущем на тот момент времени государстве Восточной Европы. Однако число выгодных кормлений и мест в раде князей и панов Витовта было ограничено.

Неустойчивость такого положения, конечно, не могла не влиять на выбор места службы ближайшими потомками правителей Смоленска. Правда, имеющиеся в настоящий момент источники не позволяют точно реконструировать последовательную череду событий, которая объяснила бы, где, когда и при каких обстоятельствах состоялся выезд князей Порховских на службу в Москву или Великий Новгород. Однако косвенные свидетельства документов прошлого наталкивают на обращение к материалам по истории XV в. При этом, к сожалению, следует констатировать, что большинство исследователей (Ю. Вольф, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, В. Л. Янин и др.) в ходе реконструкции генеалогии и истории кня-

зей Порховских, несмотря на ряд важных наблюдений, нечетко представляли себе, какое изменение социального, а следовательно, и служебного статуса, произошло у представителей смоленского княжеского дома после событий 1403–1404 гг.

Между тем, лишенные родовых земель, эти потомки Владимира Мономаха в большинстве своем, как отмечают источники, в первой четверти XV в. довольно быстро сформировали такую прослойку знати, которая вместо бегства в Москву или Тверь все же предпочла службу великим князьям литовским и их младшим родственникам.

В пределах Смоленской земли своим могуществом и влиянием в первой трети XV в. выделялись мстиславские князья. Третья книга записей ЛМ содержит перечень лиц, находившихся на службе у князя СеменаЛугвеня Ольгердовича (1360-е – 1431), а также его сына ЯрославаФедора (1411–1435) еще до прихода в 1440 г. к власти в ВКЛ великого князя Казимира IV Ягеллончика. Именно среди прежних слуг мстиславских князей можно найти тех, кого ни разу не отметили летописи в первую треть XV в. В ЛМ отмечается: «Князю Анъдрею Порховскому: што при князи Лынкгвени держалъ, Колтовъ а Березуйковичи, а Хоцлавичи, а у Реместве три боки». Помимо данных владений, по наблюдениям Ю. Вольфа, Андрей Порховский, по-видимому, ранее владел Волчиным, а также Крамовичами, находившимися в Мглине, подтверждение на права которыми он получил от короля Казимира IV Ягеллончика около 1450 г.[25] Кроме того, источникам известно держание боярина Никона с детьми – Березковичи, которое до прихода к власти в ВКЛ великого князя Казимира IV Ягеллончика «у него князь Анъдрей Порховский отнялъ»[26]. Итак, данные источников свидетельствуют, что князья Порховские, подобно правителям Верховских княжеств, служили как в Москве, так и в Литве. Однако их отличала одна важная особенность. Князья Верховских земель служили со своих родовых вотчин. Порховские таковых по статусу земель в ВКЛ не имели и полностью зависели от великокняжеских или королевских пожалований. В Северо-Восточной Руси их земельные владения, подобно разбиравшимся ранее случаям с формированием вотчин Всеволож-Заболоцкими, Волынскими и Липятиными, имели статус выслуги*.

* *Кузьмин А. В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // ГДЛ. М., 2004. Вып. 11. С. 701–783.

Анализируя известия летописей первой половины XV в., В. Л. Янин установил, что в последний раз в Новгородской земле князь Семен-Лугвень, ставленник Владислава II Ягайлы и Александра-Витовта, сидел на кормлении в 1407–1412 гг.[27] Его сын князь Юрий Семенович здесь был дважды в период между 1433 и 1440 гг.[28] В первом случае Порхов не входил в число городов, которые были отданы в кормление литовским князьям. Об этом прямо сообщает HIVЛ: «Поставиша церковь каменну святаго Николоу въ Порхове, при князи Федоре Юрьевиче Смоленьскомъ. И другую на Веряжи у мосту святаго Николу древяну въ манастыри; третью на Клопьске церковь древяноу святую Троицю». Вслед за данным событием «Лугвень сьеха в Литву и наместники сведе с пригородовъ Новгороцкыхъ»[29]. Какие города и волости здесь стал держать старший сын Семена-Лугвеня – князь Юрий Семенович, точно неизвестно. Однако вряд ли состав этих владений сильно отличался от тех, которые получали в держание в Новгородской земле в начале XV в. литовские князья. Поэтому можно предполагать, что Порхов входил в число таких городов. Как указывают источники, «пригородами» служилые князья управляли с помощью своих наместников. Не мог ли находиться среди них князь Андрей Порховский?

Изучение биографии князя Юрия Семеновича показывает, что в 30-е гг. XV в. он был активным сторонником Свидригайлы Ольгердовича. Этот великий князь вел борьбу за обладание ВКЛ с младшим братом покойного Витовта – стародубским и новогородокским князем Сигизмундом Кейстутовичем. 6 декабря 1432 г. в сражении под Ошмянами он практически наголову разбил войска великого князя литовского Свидригайла, взяв в плен часть его видных союзников. Среди них летописи называют и «князя Юрья Лугвеньевича»[30]. Правда, вскоре Сигизмунд освободил мстиславского князя, однако сын князя Семена-Лугвеня должен был выехать за пределы ВКЛ. В 1433 г., как отмечает Краткая Волынская летопись, он «приеха... из Литовскои земли в Новьгород»[31]. Здесь на княжении Юрий Семенович сел с согласия великого князя Василия II Васильевича, а не литовского великого князя Сигизмунда[32]. По-видимому, еще до 1437 г. князь успел покинуть Великий Новгород[33]. 3 марта 1438 г. он снова оказался здесь на княжении, но вновь ненадолго. В 1440 г. после убийства литовского великого князя Сигизмунда Кейстутовича князь Юрий вновь на короткое время вернулся в ВКЛ[34].

Политические метания Юрия Семеновича между Русью и Литвой, возможно, оттолкнули в 30-е гг. XV в. от князя часть слу-

живших ему людей. Последние могли предпочесть постоянным перемещениям своего сюзерена более выгодную и почетную службу у великого князя владимирского и московского. Василий II Васильевич и его братья в эти годы потенциально обладали большими возможностями для дачи земли и кормлений, чем беглый литовский князь. Поэтому неслучайно, что именно в этот период времени Порховские впервые начинают периодически упоминаться на службе правителей Северо-Восточной Руси. Согласно данным синодика Успенского собора Московского Кремля, среди погибших 4–5 декабря 1437 г. под Белевым в битве с ордынцами хана Улуг-Мухаммеда были князь Кузьма Порховский и Андрей Васильевич Порховский[35]. Разница в праве на титул и месте записи для поминания, возможно, свидетельствует о том, что они состояли в разной степени родства и, по-видимому, на службе в Москве занимали неравное положение. На такой вывод наводит запись для поминания первого из них («**Кнѧз(я) Коүзмоү** [**Порховскои**] [36]»), которая встречается в древнейшем из сохранившихся пергаменных синодиков Троице-Сергиева монастыря 1575 г. Здесь Кузьма Порховский был записан не в общем списке, а среди владетельных, удельных и служебных князей. Это явно подчеркивает его выдающееся положение при дворе великого князя и высокий служебный статус в Москве[37].

Правда, в злополучной для москвичей битве под Белевым войсками командовали дети великого князя Юрия Дмитриевича и Анастасии Юрьевны — Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Однако служба близких родичей из Смоленска при дворе этих удельных князей, хотя теоретически и допустима, но маловероятна. Так, например, акт от 14 мая 1514 г. свидетельствует, что в круг владений Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря входили «деревни Ильицыно, **Юшковская Порховского** [выделено мной. — *А. К.*]», которые располагались в Нерехотской волости Костромского уезда[38]. В 30-е гг. XV в. эта волость принадлежала великому князю Василию II Васильевичу, а не детям его дяди — великого князя Юрия Дмитриевича[39]. Помимо этого, в одном из судных докладных списков 1470–1478 гг. местные крестьяне сообщали нерехотскому тиуну Семену Григорьеву: «А мы, господине, **помним лет за 50**, что та земля тянет к селищу х Косовскому, и тот лужек. А мы, господине, **жили в Денисовском с своими отци за Юрьем за Порховским** [выделено мной. — *А. К.*]» [40]. Итак, выясняется, что, по крайней мере, не позднее начала второй четверти XV в. представители рода князей Порховских из рук великого князя получили

ряд селений в Нерехте [41]. Данные пожалования, как показывают свидетельства источников, у Порховских не были единственными.

Так, например, в списке конца XVIII в. с жалованной тарханной и несудимой грамоты великого князя Ивана III Васильевича архимандриту Никольского Шартомского монастыря Аникею на пустоши и деревни в Дору от 8 августа 1463 г. сообщается характер и место вклада. Боярин Федор Васильевич (Басенок?) «пожаловал» обитель, «дал в дом святому Николе по Иване Коварце по Парховском пустошь Миколскую межю и со всем с тем, что ней потяглам изстарины в Плесском уезде» [42]. Несколько неуверенный характер передачи текста выдает, что писец в конце XVIII в. не вполне отчетливо понимал отдельные места документа и, возможно, кое-где допустил досадные описки, так и не распознав буквы [43]. Среди послухов духовной грамоты Д. Т. Синего, составленной не позднее 4 июля 1510 г., в Емецкой волости Костромского уезда упоминается «Дмитреи Борисов сынъ Порховсково» [44]. Таким образом, можно подытожить, что владения рода Порховских в XV в. располагались не только в Нерехотской и Емецкой волостях Костромского уезда, но и в соседнем с ними Плесском уезде.

Упоминаемый в судном списке 1470–1478 гг. Юрий Порховский был видным служилым человеком, входившим в двор великого князя. Он погиб под Суздалем 7 июля 1445 г. в битве с татарской ратью царевичей Мамутека и Ягупа, сыновей хана Улуг-Мухаммеда. Юрий записан в Успенский синодик без упоминания его княжеского титула [45]. Последнее обстоятельство весьма примечательно, и вот почему.

Около 1462–1463 гг. среди послухов в полюбовной разводной записи на земли «близ реки Нерехты и Ярославского рубежа» князя М. И. Деева (?) и чернеца из Троице-Сергиева монастыря Александра Вовина упоминается Борис Порховский [46]. Еще С. Б. Веселовский установил, что он – сын Юрия Порховского. Б. Ю. Порховский утонул в казанском походе 1487 (по С. Б. Веселовскому – 1485) г. Для поминания имя Бориса было внесено в Успенский синодик Московского Кремля. Как ранее и его отец, Б. Ю. Порховский также был записан без княжеского титула [47]. Между тем, описная книга Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. сохранила свидетельство, что среди «государевыхъ грамотъ и всякихъ крепостей на вотчины, которыхъ вотчинъ за монастыремъ нетъ» под № 25 числилась: «Данная князя Бориса Юрьевича Порховского на деревню Ильинцыну и съ припускомъ и со всеми угодьи» [48]. Таким образом, как и в случае с князем Кузьмой Порховским, очевидна двойствен-

ность упоминания княжеского титула при указании на социальное происхождение представителей рода данной фамилии в документах частного и официального происхождения.

Еще об одном случае службы Порховских великим князьям московским сохранили летописи в статье за 6949 г. Тогда (после 22 сентября 1441 г., но до 24 января 1442 г.) при осаде войсками великого князя Василия II Васильевича новгородского пригорода Демьяна погиб Мятля Порховский[49].

В середине XVI в. известно несколько человек, носивших фамилию Порховских. Два из них – Никита и Афанасий Борисовичи – внуки воеводы 1508/09 г. Степана Юрьевича[50]. В 1571 и 1573 гг. они упоминаются как заурядные помещики Шелонской пятины Новгородской земли, не имеющие высоких назначений по службе[51]. Иное дело их близкий родственник Даниил Дмитриевич. Он стал единственным из рода Порховских, кто попал в Тысячную книгу. В 1550 г. Д. Д. Порховский упоминается как боярский сын третьей статьи по Галичу[52]. В 50-е гг. XVI в., согласно Дворовой тетради, он служил из Костромы[53]. В июне 1555 г. Д. Д. Порховский был приставом у жителей Юрьева Ливонского (Дерпа), которых отсюда насильно переселяли в Нижний Новгород[54]. В 1555–1558 гг. вместе с князем Т. Ф. Пожарским он был городничим в приказе города Свияжска[55]. В 1565 г. Д. Д. Порховский «был на службе в Ливонском походе»[56]. Позднее в известных нам источниках он не упоминался. Возможно, именно тогда в Дворовой тетради у его имени появилась помета: «Умре»[57]. По наблюдениям С. Б. Веселовского, в конце XVI в. постепенно перестают фиксироваться в источниках и другие представители рода Порховских[58].

Такой вкратце оказывается история службы дворян Порховских в конце XV – XVI в., которую удается проследить по документам прошлого.

Перед нами пример истории службы древней, но заурядной по меркам XVI в. фамилии, которая в это время вряд ли могла претендовать на генеалогический интерес к себе как со стороны официальных, так и частных составителей списков редакций родословных книг. Возможно, только пресечение рода Порховских и могло бы стать одной из причин для включения записи о нем в роспись смоленских князей в середине – второй половине XVI в.

Аналогичный случай можно отыскать в тексте родословной росписи князей Оболенских, Барятинских и Мезецких. Если в Румянцевском II списке 1-го извода *Патр. ред.* конца XVI в. было лишь кратко отмечено, что «Спажские и Конинские князи от

Оболенских же»[59], то в списках той же редакции уже начала XVII в. и в росписи 1686 г. князей Волконских было записано, что «извелися они отъ войны отъ Татарские»[60].

Тем не менее, родословная роспись фамилии Порховских все же существует. Правда, она встречается отдельно от родословия князей смоленского дома. Возможно, поэтому она до сих пор ускользала от внимания исследователей.

Сохранению текста родословия потомков князей Порховских помог случай. В 1514 г. «в Оршинское дело на Друцких полях оу Воскресенья на Д[оуб]рови» в результате местнического дела (текст которого не сохранился[61]) Ивану Семеновичу Пупку Колычеву были «выданы головою» дворяне Темир и Мятель Порховские[62]. Отсутствие подлинного дела или его полного списка затрудняет проверку происхождения представителей рода Порховских, так как их родословная сохранилась лишь в изложении Колычевых. Судя по тексту, она имеет вид исключительного для своего времени генеалогического памфлета, направленного против Порховских.

Согласно версии Колычевых, у великого князя Витовта была «на постеле девка Настасья, а прозвище ей Вятка», из-за чего «для той девки была вражда оу Витофта з детьми его». В результате этого конфликта литовский великий князь был вынужден дать «тое девку за конюха, за Ромашку». При этом «счастливый» жених получил от великого князя «богатества много». После свадьбы новоявленные муж и жена сбежали от Витовта в Великий Новгород, где конюх стал именоваться как «сродник великим князем литовским». Доверчивые новгородцы поверили Ромашке и «дали ему на прожиток город Порхов». Однако счастье Романа и Настасьи Вятки долго не длилось. Новгородцы «сведали, что Ромашка не князь, и хотели его за то оубить». Однако привести в исполнение задуманное они не успели. Зажиточный конюх «оутек на Кострому», где купил себе вотчину. У Ромашки был сын Кузьма, от которого и вели свой род дворяне Кузьмины и Порховские[63].

Очевидно, что главным сюжетом генеалогического памфлета Колычевых стало доказательство худородного и неродословного происхождения предка фамилии Порховских. При этом рассказ, посвященный собственно лишь «конюху» Роману, был закручен, как бы мы сейчас выразились, в духе любовного или авантюрного романа. Впрочем, при желании можно отыскать определенные параллели и в былинах, но не это главное.

Главный интерес в данной версии родословной фамилии Порховских представляет фигура ее основателя – Романа. Отсутствие ответа Порховских против извета Колычевых затрудняет установление происхождения родоначальника данной фамилии. Тем не менее, обращение к летописям показывает, что в конце XIV в. князь с именем Роман действительно находился на службе в Новгородской земле. Как свидетельствуют источники, в 1386 г. в военных маневрах на Жилотуге против войск московского великого князя Дмитрия Донского принимали участие служилые князья Патрикий Наримантович и Роман Юрьевич, а также несколько копорейских князей [64]. В Порхове, месте кормления Романа [65], спустя год «поставиша новогородци город камен» [66]. Затем его имя на некоторое время исчезает из поля зрения местных летописцев. Это событие удивительным образом совпадает с приходом в зиму 1388–1389 гг. в Великий Новгород литовских послов бояр Овгимонта и Братоши. Они передали новгородцам предложение князя Семена-Лугвеня, который «хотя быти у них в Новегороде и сести на городкех, чем владелъ князь Наримантъ». Переговоры прошли удачно. Правитель Мстиславля находился в Новгородской земле в 1389–1392 гг., пока не оставил свое кормление и не отъехал в Литву [67]. В 1393–1394 гг. вместо князя Семена-Лугвеня в Новгородской земле действовал его племянник – Роман Литовский, сын ратненского князя Федора Ольгердовича [68]. Позиция властей Великого Новгорода в отношении ВКЛ поменялась лишь после 28 сентября 1395 г., когда войска Витовта обманом захватили Смоленск и пленили здесь большинство местных князей, за исключением семьи князя Юрия Святославича, находившегося в Переяславле Рязанском в гостях у своего нового тестя – великого князя Олега Ивановича. В этот период времени на кормлении в Новгородской земле вновь появляется князь Роман Юрьевич. По наблюдениям В. Л. Янина, «если литовские князья тяготеют к Ладоге, Корельскому городку и Орешку, а также получают половину Копорья, то Роман Юрьевич и Константин Белозерский тоже связаны с северо-западом: Ямом, Порховым и с тем же Копорьем» [69]. Судьба Романа сложилась трагично: в 1398 г. при загадочных обстоятельствах он был убит «на Шолоне», а его тело «бысть положено... у Святого Спаса в Порхове». Отмечая это событие, летописец ни словом не обмолвился о мотивах и исполнителях убийства порховского князя [70]. В 1399 г., вскоре после ликвидации одного из руководителей обороны

новгородско-литовского порубежья, Витовт прислал «възметную грамоту» и разорвал свои отношения с Новгородом [71].

В современной историографии происхождение Романа Юрьевича трактуется неоднозначно. Польский генеалог Ю. Пузына полагал, что новгородский служилый князь Роман Юрьевич — это старший сын князя Юрия Наримантовича, правнук великого князя литовского Гедимина [72]. Данная точка зрения поддержана в современной польской историографии без какой-либо дополнительной аргументации [73].

В. Л. Янин, вслед за Ю. Вольфом, справедливо указал на невозможность для тождества упоминаемых на службе в Новгороде князей Р. Ю. Порховского и Р. Ф. Литовского. Исследователь предложил тождество князей Р. Ю. Порховского и Р. Ю. Белозерского. Данный вывод был сделан В. Л. Яниным на основании того, что последний из князей, по его мнению, «единственный русский князь конца XIV в., носивший имя Роман Юрьевич» [74].

С данным утверждением можно было бы согласиться, если бы не два весьма важных обстоятельства, которые ускользнули от внимания В. Л. Янина.

Вопервых, происхождение и время жизни представителей белозерского княжеского дома в его исследовании были определены не точно. Ряд лиц, живших, по мнению В. Л. Янина, в XIV в., на самом деле в источниках начинают фигурировать лишь почти на столетие позже (причем это касается и отца князя Р. Ю. Белозерского — Юрия Васильевича [75]).

Во-вторых, контекст политической ситуации во взаимоотношениях государств Восточной Европы показывает, что одним из главных партнеров Великого Новгорода в борьбе против ВКЛ на рубеже XIV–XV вв. оказывается последний великий князь смоленский.

В 1401 г., как отмечают летописцы, новгородцы заключили «миръ» с великим князем Юрием Святославичем. Это произошло сразу же после того, как он при поддержке рязанского великого князя Олега Ивановича овладел Смоленском [76]. Все это заставляет предположить, что князь Роман Юрьевич мог быть сыном смоленского великого князя Юрия Святославича от первого брака [77]. Учитывая общую границу, проходившую между землями Великого Новгорода и Смоленска, а также наличие порубежных территорий, плативших дань в обе стороны, такое предположительное тождество лиц имеет право на существование. Косвенным доказа-

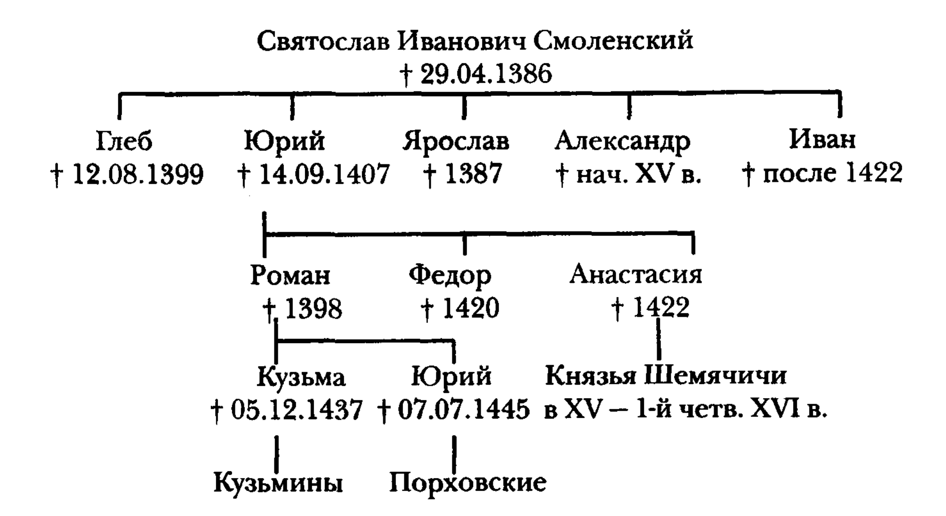
тельством ему, конечно, может являться высокое положение при московском дворе сына князя Романа – Кузьмы.

В местническом извете Колычевых отмечается, что у К. Р. Порховского было два сына: Степан и Борис. Если относительно первого из них каких-либо противоречий в источниках нет, то видеть во втором его сына совершенно невозможно. Как было показано выше, Борис носил отчество Юрьевич, а не Кузьмич. Следовательно, Б. Ю. Порховский был сыном Юрия Порховского, который, кстати, в извете Колычевых не был упомянут. Этот факт свидетельствует о том, что предложенный перечень родства Порховских в данном источнике не был представлен полностью[78]. Данный вывод прекрасно подтверждают поминальные записи рода Порховских, входящие в состав синодика Новгородского Вяжицкого Никольского монастыря[79].

В главе «Родъ Шестака Порховского» данного синодика были записаны дальние предки этого новгородского помещика, в том числе князья Иван, Роман, Кузьма, а также Юрий, Иван, Борис и прочие представители фамилии и их родственники[80]. Это свидетельство источника подтверждает прямое родство Романа и Кузьмы. Оно также указывает на прямое отношение к данному роду князей Юрия и Ивана (Коварцы?) Порховских, которые известны благодаря упоминаниям в актах XV века. Поскольку потомки Кузьмы известны под фамилией Кузьмины, а потомки Юрия как Порховские, можно полагать, что оба князя были родными братьями. Вероятно, они родились незадолго до смерти князя Романа Юрьевича, т. е. до 1398 г.

Отсутствие в помяннике Порховских имени великого князя Юрия Святославича, в отличие от князя Ивана, не должно смущать, ведь последний правитель Смоленска из династии Ростиславичей считался убийцей князя Семена Мстиславича Вяземского и его жены княгини Ульяны. Его частичная реабилитация произошла лишь после освобождения города русскими войсками в 1514 г., когда имена князей Юрия Святославича и его сына Федора Юрьевича для поминания по политическим мотивам были включены в состав великокняжеского помянника[81].

Приведенные в источниках сведения о представителях рода князей Порховских и дворян Кузьминых за конец XIV – первую половину XV в. можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Текстологические наблюдения над родословной росписью смоленских князей, сведения об их службе в Москве и Литве в первой половине XV в., данные фамильной росписи и поминальные записи в синодиках ставят под сомнение обоснованность вывода С. Б. Веселовского и А. А. Зимина о судьбе представителей рода Порховских в это время. Ввод в научный оборот ранее малоизученных генеалогических источников свидетельствует о близком, но не прямом родстве звенигородско-галицкого князя Юрия Дмитриевича с семьей князя Ивана Святославича. Рассмотренный круг сведений источников о Порховских и Кузьминых позволяет прийти к следующим наблюдениям. Очевидно, что в первой трети XV в. князья Порховские за выезд на службу в Москву получают в вотчину земли в Костромском и Плесском уездах Великого княжения Владимирского, тем временем как в ВКЛ на территории Мстиславского удела они имели всего лишь держания. Ратные столкновения в конце XIV – первой половине XV в. привели к тому, что, как и в случае с князьями Липятиными, все наиболее видные представители рода Порховских были убиты на войне. Очевидно, ранняя гибель старших родичей не позволила оставшимся в живых представителям рода Порховских выдвинуться на службе и стать такими же богатыми и влиятельными землевладельцами, как ВсеволожЗаболоцкие или Волынские. Об этом косвенно свидетельствует отсутствие каких-либо сведений источников о владении князьями Порховскими в XV в. землями непосредственно вблизи

Москвы. Нет никаких данных и об их семейных связях с влиятельными московскими служилыми фамилиями. Характер службы в первой половине XV в. таких безудельных княжат, как Порховские, юридически в большей степени соответствовал положению вольных слуг и бояр, чем служебных/служилых князей. Вероятно, поэтому статус Порховских даже в ВКЛ не был очень высоким. Дети и внуки князя Романа Юрьевича здесь не дотянули даже до положения королевских дворян. Отсюда, возможно, и происходит такая двойственность в упоминании и умолчании княжеского титула Порховских в московских документах фактически вплоть до конца XV в. В связи с этим интересно отметить, что младшие родичи смолян Порховских – князья Кропоткины, Коркодиновы и Селеховские этой участи избежали. Они выехали на службу в Москву после освобождения Смоленска от власти Ягеллонов в 1514 г., когда социально-политическая структура элиты древней Руси, объединенная в рамках нарождавшегося Московского государства, уже претерпела новые и весьма заметные изменения.

Князь Иван Шонур Козельский и род бояр Шонуровых и Сатиных

Среди правящих родов в княжествах Чернигово-Северской земли в XIII–XV вв., в отличие от семьи правителей соседней Смоленщины, достоверно пока известен только один случай, когда князь, выехавший в середине XIV в. в Москву, потерял свой титул. Им был князь Иван Федорович Шонур Козельский, родоначальник боярских фамилий Шонуровых и Сатиных. Его семья стала первой среди потомков великого князя Михаила Черниговского, представители которой в XIV в. остались на службе у правителей СевероВосточной Руси. Немаловажно и то обстоятельство, что в последней четверти XIV в. Шонуровы оказались при дворе представителей боровско-серпуховской линии московского княжеского рода. Учитывая этот факт, а также то, что потеря титула детьми И. Ф. Шонура Козельского – явление редкое в принципе, нехарактерное для князей черниговского дома, следует подробно рассмотреть генеалогию и службу его рода в Москве.

Князья Козельска были средней линией рода правителей Карачевского княжества. Свое происхождение они вели от одного из младших сыновей черниговского великого князя Михаила Всеволодовича († 1246) – Мстислава. Знание о числе его ближай-

ших наследников в XIII–XIV вв. было неполным уже в конце XV – начале XVI в.[82] Длительная служба потомков карачевских князей на территории ВКЛ, а также родство с правящей династией на протяжении нескольких поколений[83] не создавали предпосылок для их раннего появления в Москве. Даже в XV – первой трети XVI в., когда ситуация уже в значительной степени изменилась, в отличие от многочисленных семей бывших владельцев Спаса, Волконы, Конина, Безпуты, Мышаги, Оболенска и Тарусы, ряд ветвей рода прежних правителей Карачева, Козельска и Мосальска так и остались в ВКЛ.

Иван Федорович Шонур – первый известный представитель одного из Верховских княжеств, перешедший на службу в Москву. Родственные связи с оставшейся в Литве родней в своих росписях его потомки не указывали. Первоначально это не было нужно для продолжения удачной карьеры на территории Северо-Восточной Руси. Достаточной мерой для Шонуровых и Сатиных стало указание на то, что князь Иван Шонур происходил от правителей Козельска[84]. Между тем, когда в России в первой половине XVI в. настала пора вспоминать о многочисленных потомках карачевского князя Мстислава Михайловича, то сделать это оказалось почти невозможно. Поэтому неслучайно, что в ряде росписей князей черниговского дома прямо подчеркивалось, что «Мстиславли дети писаны не сполна»[85].

Выяснить состав и родственные отношения между различными ветвями рода потомков карачевских князей в конце XIX – XX вв. попытались отечественные исследователи. Среди последних по наибольшему охвату источников и научной литературы выделяются дореволюционные работы Р. В. Зотова, М. К. Любавского и Г. А. Власьева[86]. Кроме того, данный вопрос активно рассматривался в статьях и монографиях польских историков, среди которых интерес представляют труды Ю. Вольфа, Ю. Пузыны и С. М. Кучиньского[87].

Ряд выводов указанных выше исследователей о происхождении и характере родства между потомками князя Мстислава Карачевского не потеряли своей актуальности до сих пор. Однако общим недостатком исследовательских работ конца XIX – XX вв. стало отсутствие в них текстологического анализа разных редакций родословных росписей, посвященных потомкам правителей Черниговской земли. Для выяснения генеалогии Черниговo-Северских Ольговичей использовались списки только поздней *Патр. ред.*, а также текст Бархатной книги. Сведения данных источ-

ников сильно контрастировали по объему и точности информации со сведениями, находящимися в Любецком помяннике. Примирить или достоверно объяснить ряд различий в сведениях данных генеалогических источников исследователям не удалось. Поэтому никто из них не смог ответить на главный вопрос, каким образом проходил процесс формирования как общих, так и отдельных росписей фамилий потомков черниговского великого князя Михаила Всеволодовича. Персональный состав последних также не представляется полностью установленным и надежно отождествленным с лицами, упоминаемыми в других видах письменных источников (например, в летописях)[88].

В настоящее время ряд новых источников, где отражены самые ранние генеалогические сведения о потомках карачевских князей (т. е. до момента создания Государева родословца 1555 г.), ввела в научный оборот М. Е. Бычкова[89]. Среди них наиболее важным представляется ранняя редакция росписи потомков великого князя Михаила Черниговского. Она находится в сборнике первой трети XVI в., принадлежавшем его прямому потомку — монаху Дионисию Лупе (в миру — князь Даниил Васильевич Звенигородский († 1538))[90].

В вышедшей посмертно монографии А. А. Зимина рассматривалась генеалогия князей Звенигородских конца XIV – начала XVI в. Исследователь полагал, что они «издавна служили московским государям». Время выезда князей Звенигородских на службу в Москву А. А. Зимин отнес к 1408 г. Однако убедительных данных источников об их службе в первой половине XV в. в Москве, за исключением летописного рассказа о сторонниках литовского князя Свидригайла Ольгердовича, выехавших вместе с ним к великому князю Василию I Дмитриевичу, исследователь так и не привел. Степень родства потомков правителей Карачевского княжества, московских бояр Сатиных-Шонуровых и князей Звенигородских, А. А. Зиминым не только не была определена, но и не сформулирована как исследовательская задача[91].

Такими же скупыми на наблюдения о генеалогии правителей Карачева, Козельска и Ельца за XIV в. являются исследования М. М. Крома и А. А. Горского[92]. Отмечая их прямое родство с князьями Мосальскими и Хотетовскими, М. М. Кром лишь вскользь замечает, что «линия собственно карачевских князей к началу XV в. угасла, самим г. Карачевом распоряжались в XV в. литовские господари»[93].

Привлекая источники, опубликованные М. Е. Бычковой, а также наблюдения Р. В. Зотова, Г. А. Власьева, Ю. Вольфа и С. М. Кучиньского, новую, более полную реконструкцию родословного древа правителей Верховских княжеств за XIII–XV вв. недавно опубликовал А. В. Шеков. Однако и эта весьма интересная работа, как и исследования упоминавшихся выше русских дореволюционных и польских историков, имеет ряд серьезных недостатков. А. В. Шеков так и не смог установить четкую взаимосвязь между упоминанием в разных по времени составления и характеру записей генеалогических источниках потомков черниговских князей, определить очередность их создания. Поэтому ряд князей, живших в середине – второй половине XIV в., в родословной таблице, составленной А. В. Шековым, оказались среди лиц, действовавших уже в XV в.[94] Так, например, если Р. В. Зотов считал И. Ф. Шонура Козельского правнуком Мстислава Михайловича Карачевского[95], то, согласно предположению А. В. Шекова, он был внуком князя Тита Козельского, который упоминается в летописях еще в 1365 г.[96]

Среди исследователей, непосредственно работавших с источниками по генеалогии Шонуровых и Сатиных, следует выделить наблюдения Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского. Так, первый из них после анализа информации родословных документов дворян Сатиных конца XVII в. отметил, что в Разрядный приказ ими было подано две росписи. Первую роспись принес московский дворянин Емельян Романович, а вторую – его дальний родич Афанасий Михайлович[97]. Проверяя биографические сведения, изложенные в обеих родословных, Н. П. Лихачев нашел подтверждение ряду их сведений в других письменных источниках. Он также смог определить время боярства Матвея Романовича у удельных князей московского дома – Василия Владимировича и Константина Дмитриевича[98]. Кроме того, Н. П. Лихачев после тщательного анализа приложенных к тексту родословной документов установил, что жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича окольничему Никите Перфильевичу Сатину, известная по копии XVII в. из собрания И. Д. Беляева, – фальсификат. В этом документе исследователь выявил две явные вставки: 1) «за верную службу за посолство во Орду»; 2) указание на думный чин окольничего у Н. П. Сатина. При этом Н. П. Лихачев отметил: «Можно, пожалуй, поверить показаниям росписи о боярстве Сатиных XV века, но в XVI столетии эта фамилия, несомненно, не имела представителей в высших чинах. Если она захудала, то еще в XV веке. Кроме того, дьяк Елиазар Цыплетев не мог подписать грамоту 1504 года – эта

дата для него слишком ранняя...»[99] От себя добавим только, что в родословных росписях Шонуровых и Сатиных в это время нет ни одного Перфилия и Никиты, т. е., по всей вероятности, окольничий Н. П. Сатин – лицо вымышленное[100].

С. Б. Веселовский, анализируя сведения росписей Шонуровых и Сатиных, замечает, что «по одним родословцам» они «сложили с себя княженье», а по другим – княженье было с них «снято». Тем не менее, «сыновья и внуки кн. Ивана Шонура Козельского заняли в Москве довольно видное и почетное положение, но не при дворе великого князя, а на службе удельным князьям московского дома. Этим можно объяснить, что в следующем поколении Сатины оказались в стане княжат, противников вел. кн. Василия Темного»[101].

Таким образом, выясняется, что практически все без исключения исследователи не смогли установить верное время жизни и деятельности князя Ивана Федоровича Шонура Козельского, определить, почему он и его сыновья сложили с себя княжеский титул, что весьма важно. Ведь ответы на данные вопросы способствуют решению такой более серьезной задачи, как установление общих причин изменения социального статуса древнерусской титулованной знати после ее перехода на службу в Москву в середине XIV – первой трети XV в. Рассмотрим указанные выше вопросы подробнее.

Прежде всего, надо уточнить время деятельности князя И. Ф. Шонура Козельского. Как отмечает под 1371 г. Рогожский летописец, переписанный в стенах Троице-Сергиева монастыря в 40-е гг. XV в., после поездки к ордынскому темнику Мамаю, которая началась 15 июня, владимирский и московский великий князь Дмитрий Иванович «наслалъ» рать на Бежецкий Верх, занятый ранее тверичами. Здесь москвичи «убиша наместника кня̈жа Михаилова Микифора Лыча», а затем «по волостемъ Тферьскимъ грабили». В отместку тверская рать захватила Кистьму и «воеводъ Кистемьскыхъ **Ивановыхъ детии Шенуровыхъ Андреа и Давида и Бориса** (выделено мной. – *А. К.*), изнимавъ, приведоша въ Тферь къ великому князю Михаилу»[102]. Из текста второй духовной грамоты великого князя Василия II Васильевича можно установить, что волость Кистьма была владением московской великокняжеской семьи. Ее «примыслъ» осуществил еще Иван I Калита[103]. Следовательно, находившиеся в Кистьме воеводы, несомненно, служили в 1371 г. великому князю Дмитрию Ивановичу. Обращение к родословным росписям Шонуровых и Сатиных позволяет установить, что из трех указанных выше детей И. Ф. Шонура Козельского им известен только Давыд[104]. Таким образом, выясняется, что летописец сохра-

нил уникальные сведения об именах еще двух детей Шонура Козельского. Вероятно, от Андрея и Бориса род не пошел и поэтому они не были включены в родословные росписи Шонуровых и Сатиных. Учитывая известие Рогожского летописца, можно предполагать, что Иван Шонур приехал служить в Москву непосредственно к великому князю. Умер ли он до или после 1371 г., пока установить невозможно. По крайней мере, по ряду списков так называемого Любецкого помянника точно известно, что ближайший родственник Ивана Шонура — князь Федор Александрович Звенигородский — погиб в сражении с ордынцами, очевидно, в начале XV в. [105] Версию Г. А. Милорадовича о гибели князя Ф. А. Звенигородского в битве с войсками Мамаевой Орды на р. Дон 8 сентября 1380 г. данные источники не подтверждают [106].

Когда же все-таки произошел выезд князя И. Ф. Шонура Козельского на службу в Москву и каковы были его причины?

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что к середине XIV в. контакты между правителями Московского и Верховских княжеств уже были развиты на высоком уровне. Так, например, хорошо известна покупка между 1340—1348 гг. великим князем Семеном Ивановичем Гордым волости Заберег, земли которой находились в верхнем течении р. Протвы, у новосильского князя Семена Михайловича [107].

Изучение местоположения вотчин бояр Сатиных-Шонуровых во второй половины XIV – XV вв. позволяет предполагать, что выезд князя Шонура Козельского в действительности произошел ранее — возможно, еще при великом князе Иване I Даниловиче Калите, как об этом свидетельствуют родословные книги XVII в. и роспись Сатиных, поданная ими в Разряд 23 мая 1686 г. [108]

Часть владений семьи Шонуровых находилась под Боровском. Столица будущих владений князя Владимира Андреевича Храброго впервые упоминается в двух духовных грамотах его дяди — великого князя Ивана II Ивановича Красного, последнюю из которых, как убедительно показал В. А. Кучкин, следует «относить примерно к весне — лету 1359 г.» [109]. Здесь среди владений великого князя упоминается «село на Рѣпнѣ в Боровьсцѣ» [110]. Из текста докончания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского, составленного 2 августа 1381 г., можно выяснить, что когда-то «земли по рекꙋ по Ѡкꙋ, ѡ*т* Коломны вверхъ по Ѡцѣ... поче*н* Новыи город*ѡк*, Лꙋжа, Верeѧ, Боровескъ, *и* инаѧ» были «мѣста Рѧза*н*скаѧ», но теперь они уже принадлежали Москве, что еще раз и подтвердил данный договор [111].

Докончание Дмитрия Донского и Владимира Храброго, датированное 25 марта 1389 г., свидетельствует о том, что еще в начале правления великого князя Боровск постепенно вошел в число владений старшего сына Ивана II Ивановича Красного. Однако чуть позже, как указывает великий князь Дмитрий Иванович своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу, «[...ты мнѣ потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ, митрополитомъ всеѧ Руси, и ꙗзъ] тобе пожаловал, [далъ ти есми Лужу и Боровескъ...]». Данное событие относится к 1372–1374 гг. При этом важно отметить, что документ четко оговаривает, что Боровск ранее не входил в число Лопасненских мест[112]. Такая привязка названия данного топонима в источниках при перечислении населенных пунктов с востока на запад (от Коломны), по-видимому, подтверждает вывод, что Боровск с ближайшей округой мог начать отходить к Москве, как ранее и Коломна, еще в начале XIV в. По крайней мере, в 30-е гг. XIV в. боровская волость Щитов уже была завещана великим князем Иваном I Калитой своему младшему сыну князю Андрею Ивановичу[113]. По наблюдениям В. А. Кучкина, в правление великого князя Ивана Красного (1353–1359) в пользу Москвы отошла волость Истерва; «называлась она так, скорее всего, по р. Истерьме, впадающей слева в р. Протву недалеко от Боровска». Как отмечает исследователь, «о том же процессе свидетельствует еще один факт, извлекаемый на этот раз из перечня сел, которыми Иван Красный наделил младшего сына. Из семи сел, названия которых впервые встречаются только в духовной грамоте Ивана Ивановича: Михалевское, село на Репне в Боровске, Мильцинское, Каринское, Козловское, Выславское, Кузьминское, местоположение одного определяется сразу. Это село на Репне в Боровске. Речь идет о поселении, располагавшемся на р. Репне (позднейшей Репенке), левом притоке р. Протвы. Земли по этой реке административно подчинялись Боровску. Появление здесь московского села указывает на захват Калитовичами части территории Рязанского княжества»[114]. Впрочем, для нашей работы важно установить то обстоятельство, что первоначально Боровск, небольшой городок на юго-западной границе Московского княжества – родина преподобного Пафнутия Боровского, входил в число владений московского, а не серпуховского удельного князя.

Память о владениях И. Ф. Шонура Козельского, прежде всего, сохранили названия населенных пунктов. Например, к западу от Боровска известно село Сатино. Оно находится в 8 км к западу от города[115] и располагается на мысу «первой надпойменной террасы

прав[ого] берега р. Протва при впадении руч[ья]». Позднесредневековый культурный слой здесь представлен преимущественно гончарной керамикой. Он относится к XIV–XVII вв.[116] Судя по нижней датировке культурного слоя, есть вероятность того, что первым владельцем села был именно Иван Шонур. Название этого села свидетельствует о том, что позднее оно перешло в руки младшего сына князя – Романа Сати.

По одному из списков начала XVII в. *Комп. ред.* родословных книг можно установить, какие земли при разделе наследства отца получили другие дети И. Ф. Шонура Козельского. Как отмечает источник, «Давыду досталось в удел Недино. А большому сыну Констянътину досталось село Щитово в Боровъске»[117]. Кроме того, согласно одному из актов Московского Архангельского собора выясняется, что среди его владений в июле 1463 г. появились «два сел-ца Инютинское да Козелское в Боровском уезде в Суходоле»[118]. Последнее из них ранее, несомненно, также могло принадлежать князю Ивану Шонуру. Очевидно, как и ранее в случае с селами Волынским под Москвой и двумя Липятиными под Коломной, в названии села Козельское в середине XIV в. могло отразиться фамильное прозвище его владельца. В настоящее время это село находится в 10 км к северо-востоку от Боровска вблизи от правого берега р. Истерьма[119]. Поскольку волость Истерва, тянувшая к Звенигороду, вошла в состав Московского княжества, как отмечено выше, лишь при великом князе Иване II Красном, то можно думать, что князь Иван Шонур мог основать на своих новых землях в Суходоле село Козельское еще до 1353–1359 гг. Ведь волость Суходол Звенигородского и Боровского уездов Московского княжества, как и Щитов, известна еще со времен правления здесь великого князя Ивана I Калиты. Во второй половине 30-х гг. XIV в. волость Суходол дважды была завещана его второму сыну – Ивану II Красному[120].

Согласно завещанию Владимира Андреевича Храброго, относящегося к периоду после сентября 1406 г. – 7 июню 1407 г., но до ноября 1408 г.[121] или в 1410 г.*, волость Щитово передавалась им двум своим сыновьям – князьям Семену и Василию. Ее северо-восточная граница приходила вверх по р. Наре, т. е. она непосредственно граничила с великокняжеским селом Каменским.

---

* *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 98; *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 116.

Из пяти бояр-послухов духовной грамоты боровско-серпуховского князя первым упомянут «Костянтин Иванович». Несомненно, это сын Ивана Шонура [122]. Очевидно, что в начале XV в. К. И. Шонуров не был полновластным владельцем в этой вотчине. О характере прав Константина и его отца на село Щитово пока говорить можно только предположительно. Согласно духовным грамотам Ивана Калиты, волость «Щитовъ» завещалась его младшему сыну Андрею [123]. Следовательно, можно предположить, что ее центр – село Щитово – за службу при дворе великого князя находилось в условном владении семьи князя Шонура Козельского. В первой половине XIV в. данный институт отношений уже был развит в Московском княжестве. Наиболее известным примером тому служит следующее сообщение во второй духовной грамоте Ивана I Калиты: «А что есмь купил в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже іметь с(ы)ну моему которому служити, село будет за нимь, не іметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоімут» [124]. Если наше предположение верно, то можно заключить, что права князя Ивана Шонура на некоторые полученные за выезд на службу земли в Московском княжестве в это время мало чем отличались от прав вольных слуг и бояр. Правда, передача им «в удел» сыну Давыду села Недино (если это, конечно, не поздняя интерпретация источника в конце XV – XVI в.), возможно, является прямым указанием на сохранение Шонуром Козельским определенных княжеских прав, хотя бы в границах части своих владений. Насколько они были полнее и чем отличались от прав вольных слуг и бояр, пока говорить сложно. По крайней мере, можно точно утверждать, что князь И. Ф. Шонур Козельский не был верховным сувереном на полученных им землях, так как не принадлежал к роду правящей здесь княжеской династии.

Археологические наблюдения последних десятилетий позволяют судить о степени плотности населения Калужской области и роде его занятий в эпоху Средневековья, когда на ее землях существовало Боровско-Серпуховское княжество. Здесь, как отмечал Ю. А. Краснов, «часть городищ древнерусского времени и 14–15 вв. характеризуется устойчивым комплексом признаков, среди которых: мощные укрепления при относительно небольших размерах площадки (700–2000 кв. м); находки предметов вооружения и конского снаряжения, типичных для быта феодалов; наличие среди находок стеклянных браслетов, дорогих украшений, не встречающихся на рядовых сельских поселениях; значительная имущественная дифференциация обитателей городищ, прослежи-

ваемая, в частности, в размерах и планировке построек»[125]. Можно предполагать, что после переезда на службу к великому князю владимирскому и московскому основным занятием князя Ивана Шонура стала охрана юго-западных рубежей его владений, а также давление на соседние земли, отторгнутые рязанцами у Черниговского княжества еще в конце XIII – начале XIV в. В районе р. Протвы бывший козельский князь получил в середине XIV в. значительные земли, владельцами которых некогда были его прямые предки. Любопытно отметить, что к востоку от вотчин князя Ивана Шонура, в соседней Коломне спустя некоторое время, но все в том же XIV в. образуются владения других выезжих на службу в Москву князей — Дмитрия Боброка и Ивана Липяты. Формирование владений таких видных аристократов в пограничных с Верховскими княжествами и ВКЛ землях, очевидно, носило весьма продуманный, а не хаотичный характер и было отражением, по крайней мере, части внешнеполитических задач великого князя московского.

И. Ф. Шонур Козельский, по-видимому, как и Д. М. Боброк Волынский, также получил какие-то земли непосредственно вблизи Москвы. На это косвенно указывает ретроспективный анализ названий населенных пунктов и владений его потомков. Так, например, в волости Корзеневе по акту 1526/27 г. известна деревня Сатино. Ранее она была в вотчине за представителем старомосковского боярского рода И. Ф. Петровым[126]. Кроме того, в списке с писцовых книг 1584—1586 гг. поместных и вотчинных земель в Горетове стане за И. И. Завесиным-Елизаровым с детьми «въ вотчине» упоминается ряд владений, которые до этого были «за Офонасьемъ за Сатинымъ въ вотчинежъ: слц. Жегалово на р. Клязме», а также ряд пустошей: «Бражникова, а Воровицыно тожъ, на р. на Клязме», «Орешниково, а Осинниковская тожъ», «Сонино на рчк. на Чорной», «Варишино» и «Кутазница». Таким образом, данная вотчина состояла из «слц. живущее да 5 пуст., а въ нихъ 2 дв. вотчинниковы, да дв. люцкой; пашни паханные сер. Земли 20 четьи да пер. 68 четьи безъ полуосм., и обоего пашни и пер. 88 четьи безъ полуосм. Въ поле, а въ дву потомужъ, сена 300 коп., лесу рощи 5 дес., да дровяного 6 дес.»[127].

Кроме того, в Городском стане соседнего Звенигородского уезда в списке с писцовых книг 1592–1593 гг. поместных и вотчинных земель отмечено прежнее владение Н. З. Сатина. Оно состояло из полсельца Шумеева и деревень «Иванишково», «Доманово», «Чемерево» и «Бесково». Всего за потомком козельского князя

числилось «полслц., да 4 дер., да пуст.; пашни сер. земли 88 четв., сена 131 коп., кустарю пашенного 20 четв., рощи на осм.» [128]. По-видимому, это только часть земель Ивана Шонура и его семьи, о которых дошли скупые упоминания в источниках.

Тем не менее, земельный фонд Сатиных и Шонуровых не ограничивался владениями в Боровске, Москве и Звенигороде. Важно отметить, что близкое соседство по землевладению Сатиных и Волынских можно встретить не только под Москвой, но и в Угличе и Ржеве. Большинство представителей рода в середине XVI в. служили по дворовому списку именно из этих поволжских городов [129]. Известно, что Углич и Ржев долгое время были владениями Владимира Андреевича Храброго и его племянника Константина Дмитриевича, а позднее – галицкого князя Дмитрия Шемяки. На службе у этих князей в конце XIV – середине XV в. состояло большинство Шонуровых и Сатиных. Как показывают источники, правда, уже XVI в., они были тесно связаны с Угличским Покровским монастырем [130]. Вотчина З. А. Постника Сатина и его сыновей Федора, Алексея и Андрея – четыре пустоши – находились на р. Кадке Кадского стана Угличского уезда [131]. Возможно, это часть прежнего обширного владения, хотя не исключено и его более позднее происхождение. Так, например, известно, что разделенное в 1532/33 г. с братией Покровского монастыря село Ясенское с деревнями было пожаловано Постнику Сатину в вотчину великим князем Василием III Ивановичем [132].

Согласно росписи Шонуровых, находящейся в *Комп. ред.*, князь Иван Шонур «пришол ис Чернигова» [133]. Более поздние родословные росписи Сатиных утверждают, что он был князь «Козелской» [134]. По-видимому, противоречия между сообщениями разных источников может снять ранняя редакция росписи дворянского рода Толстых. Она относится ко второй половине XVI в. Поводом для ее составления стала свадьба одной из представительниц боковой ветви данного рода – Анны Григорьевны Васильчиковой. Она стала женой царя Ивана IV Грозного. Данная роспись отмечает, что предок Толстых Леонтий служил в Чернигове у князя Мстислава Михайловича [135]. Этот князь, согласно родословцу Дионисия Лупы Звенигородского первой трети XVI в., правил только «в Карачеве и в Звенигороде» [136]. Однако доверять в полной мере данному источнику нельзя. Так, например, он сообщает, что после убийства в Орде великого князя Михаила Всеволодовича новым черниговским князем стал его сын Роман, но это, если учесть состав местных князей за XIII в., упоминающихся в Любецком и Северском

синодиках, оказывается не совсем верным. По летописям известно, что сначала Роман долгое время находился на княжении в Брянске, чего, кстати, родословец Дионисия Звенигородского не знает[137]. Учитывая неполноту сведений данного источника, нет сомнений в том, что в него вполне могло не попасть известие о правлении в Чернигове брата Романа Старого – Мстислава. Его княжение в этом городе весьма вероятно. Не стоит забывать о том, что Брянск в конце XIII в. был захвачен смоленскими князьями. Поэтому политическим центром потомков великого князя Михаила Всеволодовича на некоторое время мог вновь стать Чернигов.

Летописи Северо-Восточной Руси свидетельствуют о периодически возникающих в Карачевском княжестве военных действиях, жертвами которых становились местные правители. Так, в 1310 г. в борьбе за Брянское княжение между князьями из смоленской династии Святославом Глебовичем и его племянником Василием Александровичем был убит сын Мстислава Михайловича – князь Святослав Карачевский[138]. Спустя почти 30 лет здесь повторяется новая драма. 23 июля 1339 г., «на память святаго мученика Трофима», был убит «князь Козельскыи Андреи Мьстиславичь отъ своего братанича отъ Пантелеева сына, отъ окааннаго Василиа»[139]. Это событие по времени совпадает с посылкой рати великого князя Ивана I Калиты на войну под Смоленск. Не могли ли именно данные события повлиять на решение Ивана Федоровича Шонура выехать на службу в Москву? Впрочем, для нас важно не только острое противостояние из-за земель среди князей карачевского дома, но и существование в конце 30-х гг. XIV в. взрослого внука у князя Мстислава Михайловича. Учитывая время деятельности сыновей князя Ивана Федоровича Шонура, можно достаточно точно предполагать, что сам он, по-видимому, был внуком, а не правнуком черниговского и карачевского князя Мстислава Михайловича.

Кроме упоминаемых в летописи под 1371 г. Андрея, Давыда и Бориса, у князя И. Ф. Шонура Козельского по родословцам известно еще двое детей. Это – Константин и Роман Сатя. Первый из них был старшим, а второй младшим братом Давыда[140]. К сожалению, установить порядок их старшинства по отношению к Андрею и Борису пока точно не удается. Однако, учитывая раздел отцовских владений, можно предположить, что Андрей был все же младше Константина. Возможно, такой же порядок старшинства был и у Бориса с Романом Сатей.

Как известно, Константин Иванович был старейшим боярином боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго.

Это свидетельствует о достаточно доверительных отношениях между этими людьми. В 1388–1389 гг. в летописях упоминаются «бояре стареишие княжи Владимеровы». Однако источник не называет их по имени [141]. Поэтому пока сложно установить, когда мог произойти переход Константина Ивановича на службу ко двору правителя Боровска – до смерти Дмитрия Ивановича Донского в 1389 г. или чуть позже. Правда, отсутствие имени К. И. Шонурова на духовной великого князя косвенно все же говорит в пользу первого из двух вариантов. Однако этого факта все равно пока не достаточно для убедительного решения данной проблемы. Требуются дополнительные аргументы.

У Константина известен только один сын Андрей. Он был боярином. Повидимому, первоначально он служил углицкому князю Константину Дмитриевичу. Последний, как отмечает Московский летописный свод конца XV в., в 1420 г., находясь на княжении в Новгороде Великом, посылал на р. Нарову для заключения мира с Орденом «своего боарина Андреа Костянтиновича» [142]. В нем С. Б. Веселовский видел именно сына К. И. Шонурова, так как его тезка А. К. Сахарник Добрынский в это время все-таки был боярином великого князя Василия I Дмитриевича [143]. Переход А. К. Шонурова на службу в Москву мог состояться не позднее смерти его сюзерена, что произошло в 1433 г. *Комп. ред.* родословных книг утверждает, что Андрей «на Москве был боярин введеной» [144]. Если это так, то становится очевидным, что внук князя И. Ф. Шонура Козельского уже входил в группу молодших, а не великих бояр. Однако можно предполагать, что его переход на службу в Москву состоялся гораздо ранее. Так, в росписи Сатиных, поданной в Разряд в 1686 г., заявлялось: «У Константина сын Андрей был на Москве бояринъ у великаго князя Василья Дмитриевича и у великого князя Василья Васильевича» [145]. Если сообщение источника верно, то переход Андрея на службу в Москву, естественно, состоялся до 1425 г. Скорее всего, это могло произойти в 1423 г., когда Константин Дмитриевич вернулся из Великого Новгорода и окончательно помирился с великим князем. Служба А. И. Шонурова у Василия II Васильевича не была долгой. Боярин был убит в бою ордынцами Улуг-Мухаммеда под Белевым 5 декабря 1437 г. В списке погибших его имя упоминается первым в ряде летописей и синодиков, что свидетельствует о его видном на тот момент положении при дворе великого князя Василия II Васильевича [146]. У А. К. Шонурова известен сын Александр Черт.

Давыд, как и его брат К. И. Шонуров, по сведениям *Патр. ред.* родословных книг, был боярином [147]. Однако *Комп. ред.*, а также редакция в 81 главу и роспись Сатиных 1686 г. об этом ничего не знают [148]. По-видимому, эта вставка могла быть осуществлена кем-нибудь из рода Сатиных, которые во второй половине XVI в. считали его своим прямым предком. Это предположение как будто может подтвердиться следующим сообщением *Патр. ред.* о Давыде, отмечающим, что он «молодъ умеръ». Данное сообщение родословца не противоречит другим источникам. Действительно, Давыд единственный раз упоминается в 1371 г., тогда как его старший брат Константин был жив еще в начале XV в. У Давыда известны два сына — Михаил и Матвей. Об их служебном положении источники ничего не сообщают.

Первому из братьев роспись Сатиных приписывает двух бездетных сыновей — Григория и Федора [149]. Однако *Патр. ред.* и редакция в 81 главу этого не утверждают [150]. В более ранней росписи Шонуровых сообщается, что на самом деле у Григория Михайловича было четверо сыновей — Михаил, Федор, Константин и Иван Ноздря [151].

Положение при дворе удельных князей данного поколения Шонуровых в определенной мере может осветить видная карьера их ближайшего родственника — Михаила Матвеевича. Родословные росписи Сатиных XVI–XVII вв. считают М. М. Шонурова сыном не Матвея Романовича, а его старшего двоюродного брата Матвея Давыдовича [152]. Между тем *Комп. ред.* родословных книг, в составе которой сохранилась самая ранняя редакция росписи потомков князя И. Ф. Шонура Козельского (протограф рубежа XV–XVI вв.), сына Матвея у боярина Давыда Ивановича не знает [153]. Таким образом, есть серьезный повод для сомнений в реальности его существования.

Младшим сыном князя Ивана Федоровича был Роман Сатя. Как и все братья, он сложил с себя «княжение». О его владениях можно судить по названиям населенных пунктов, о которых говорилось выше. Согласно источникам, у Романа Сати был только один сын — Матвей. Среди внуков князя И. Ф. Шонура Козельского он сделал самую выдающуюся карьеру. Как отмечает роспись Сатиных 1686 г., за Матвеем «отъ великаго князя Василья Дмитреевича» был «Казелскъ не в от(ъ)имку, а был на Москве бояринъ у великаго князя Василья Дмитреевича, и дал ево князь великий князю Василью Володимеровичу въ бояры, а после Василья жилъ у князя Константина Дмитриевича въ боярахъ» [154].

Согласно духовной грамоте боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, г. Козельск завещался его старшему сыну Ивану, причем это не носило характера безусловного владения. Князь особо оговаривал, что своему сыну он «дал есмь емꙋ кн(ѧ)зѧ великог(о) ꙋдѣла Васил(ь)ꙗ Дмитреевич(а) Козелескъ со всѣми пошлинами, Гогол(ь), Ѡлексин, кꙋплю, Лисин». Однако в случае политических катаклизмов, «а ѡт(ъ)иметсѧ какими дѣлы Козелескъ, и в Козелска мѣсто с(ы)нꙋ кн(ѧ)зю Иванꙋ, Любꙋтескъ с волостми. А ѡт(ъ)имется ѡт с(ы)на, ѡт кн(ѧ)зѧ Ивана Лубꙋтескъ и Козелескъ, и с(ы)нꙋ, кн(ѧ)зю Иванꙋ Рожалово да Божонка»[155].

Независимость козельских князей от власти великого князя Василия I Дмитриевича была ликвидирована в 1402 г. со смертью их покровителя от агрессивной политики Москвы и Литвы — рязанского великого князя Олега Ивановича. К 1408 г. земли Карачевского княжества окончательно перешли под контроль деда московского князя по матери, правителя ВКЛ Витовта Кейстутовича[156]. Таким образом, если М. Р. Сатин и держал у Василия I Дмитриевича в кормлении Козельск, как полагает С. Б. Веселовский[157], то это могло произойти только между двумя указанными выше событиями. Точнее, даже можно предположить, что внук И. Ф. Шонура наместничал в родовом гнезде между 1402–1406 гг., т. е. до обострения московско-литовских противоречий и заключения перемирия на р. Плаве. Дальнейшая служба М. Р. Сатина у князя Василия, сына Владимира Храброго, также находит объяснение. Среди его владений оказалась «половина Щытова по Ѡндрѣевꙋ розьѣздꙋ по Гороховꙋ»[158], где, напомним, были их фамильные вотчины. Князь Василий Владимирович скончался в моровое поветрие 1427 г. Поэтому время службы М. Р. Сатина у углицкого князя Константина Дмитриевича следует определять периодом между 1427 и 1433 гг. Поздняя роспись Сатиных 1686 г. отмечает, что он был бездетен[159]. Однако более ранние родословные источники этого не подтверждают[160]. Принимая во внимание фамильное прозвище его отца, можно утверждать, что известный источникам середины XV в. боярин и дворецкий князя Дмитрия Шемяки — Михаил Матвеевич был сыном М. Р. Сатина. Именно от него, а не от Матвея Давыдовича следует выводить хорошо известный в конце XV – XVI вв. род дворян Сатиных.

Приведенные выше сведения источников о представителях рода князя И. Ф. Шонура Козельского в конце XIII – первой трети XV в. предположительно можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Приложение № 1

Глава 24[1]

Род Всеволожь-Заболоцких[2].

Оу[3]князя Александра Всеволодовича Смоленского были 2 сына: Дмитреи да Иван.

А у Дмитрея 2 сына: Иван да Федор Турик.

А у Ивана Александровича Всеволодовича 6 сынов: первои — Иван Молодои, второи — Василеи Губастои, третеи — Глеб, четвертои — Юрьи Киселевскои[4], пято[и] — Семен, шестои — Василеи Заболотцкои.

[1] За исключением заглавной «Г», остальные буквы написаны киноварью.

[2] *За исключением заглавных букв слов, заголовок написан киноварью.*

[3] *Здесь и далее заглавные буквы написаны киноварью.*

[4] *Так в ркп.; должно быть* – «Кислеевскои».

А у Ивана у Дмитреевича 2 сына: Иван да Семен.

А у Федора у Турика 2-ж с[ы]ны: Федор да Никита. И Федора убили на Белеве бездетна. А Никита идучи из Орды с великим князем преставился, бездетен же. Одна была у них сестра, а была за князем Васильем Ивановичем за Оболенским.

А у Ивана Ивановича у Молодово у Олександровича дети: Лев, Гаврило, Дмитреи Бота. // (*л. 89 об.*)

А у другово сына Иванова, у Василья у Губастово, 2 сыны: Данило да Никита Трясоголов.

А у третьево у Иванова сына Александровича, у Глеба, 4 сыны: Володимер, Дмитреи, Михаило Черт, Данило.

А у четвертово сына Иванова, у Юрья у Кислеевского, 2 сына: [Семен[1]] да Иван Меньшои.

А у пятово сына у Иванова, у Семена, 7 сынов: Василеи, убит на Белеве, бездетен, Федор Черной, Юрьи Слепои, да Гаврило Кривои, оба бездетны, Михаило Немои, Иван, Ондреи Дровни.

А у шестово сына Иваново[2], у Василья у Заболотцкого, 2 сына: Никита, убит на Белеве, бездетен, да Григореи Заболотцкои.

А у Ивана Ивановича 2 сына: Иван Бздиха да Ондреи Кутиха, бездетен. // (*л. 90*)

А у Ивана у Бздихи сын Семен, бездетен.

А у Льва Иванова сына Молодово 4 сыны: Григореи, да Остафеи Трегуб, был в чернцех, Микита, Василеи.

А у другово сына Иванова Молодого, у Гаврила, 2 сына: Иван да Микула Ярои.

А у третьево сына Иванова Молодого, у Дмитрея у Боты, 4 сыны: Володимер Дурнои да Иван, оба бездетны, да Александр, да Иван Козля.

А у Данила у Васильева сына Губастого 2 сына: Иван да Александр.

А у другово Васильева сына Губастого, у Микиты у Трясоголова, 5 сынов: большои Ондреи Рига, Володимер Меньшои Рига, Иван, Ондреи Меньшои.

А у первого у Глебова сына, у Володимера, 2 сына: Дмитреи Шуров да Михаило Щука.

А у другово сына у Глебова, у Дмитрея, // (*л. 90 об.*) 2 сына: Михаило Шапка да Булгак, бездетен.

---

[1] В ркп. было оставлено место для имени. Восстановлено по Рум. ред. 40х гг. XVI в. (РИИР. Вып. 2. С. 141. Л. 110 об.).

[2] Так в ркп.

А у третьево у Глебова сына, у Михаила у Черта, один сын — Василеи Чертенок.

А у четвертово у Глебова сына, у Даниила, сын Михаило Щукал, бездетен.

А у третьево сына у Семенова у Кислеевского 6 сынов: большои — Борис Голова, Племянник, Волк.

А у Волка сын — Петр[1], 4-и — Жихорь, 5-и — Истома, 6-и — Павел, оба бездетны.

А у другово сына Юрьева, у Мня, один сын — Семен Вшнюка, да Микифор, бездетен[2].

А у Федора у Черного 4 сыны: большои Иван, да Петр Тонкои, да Семен, да Василеи Помяс.

А у Никулы у Немого, у Семенова ж сына, 2 сына: Василеи Благои да Семен Шик, // (*л. 91*) оба бездетны.

А у Ивана, у Семенова ж сына, 3 сыны: Михаило, да Григореи, да Замятня.

А у Ондрея у Дровни, у Семенова ж сына, 2 сына: Ондреи да Иван.

А у Григорья у Заболотцкого, у Васильева сына, 5 сынов: Угрим, Петр, Лобан, Костянтин, Асенчюк, Олексеи.

А у Угрима сын Семен.

А у Семена дети: Иван, Данило, а служили в уделе.

А у Костянтина дети: Семен, Володимер.

А у Семена дети: Володимер, Олексеи.

А у Володимера, у Семенова брата, дети: один сын Данило.

А у Ивана у Гаврилова сына у Молодово 3 сыны: Василеи Бражник, да Семен // (*л. 91 об.*) Лапа, да Иван Кувшин.

А у Василья у Бражника сын Тимофеи.

А у Семена у Лапы дети: Василеи да Иван.

А у Ивана у Кувшина дети[3].

А у Микулы у Ярого сын Иван.

А у Ивана дети: Иван же, збежал в Литву, да Ондреи.

А у Дмитреева сына у Ботина у Володимерова сын Федор Дурнои Киверь.

А у Федора у Дурново Киверя дети: Никита Благои.

А у другово сына Дмитреева, у Ивана у Козляти, 2 сына: Федор да Степан.

---

[1] Так в ркп.

[2] Так в ркп.; В Рум. ред.: «А Ивановы дети Мневы: Семен Вшвнюка, да Микифор, бездетен» (РИИР. Вып. 2. С. 141. Л. 111).

[3] Не записаны. Оставлено чистое место в 1 ½ строки.

А у Ивана Данилова сына Губастого один сын Василеи Услюм, бездетен.

А у другово сына у Данилова у Олександрова // (*л. 92*) 2 сына: Иван, бездетен, да Степан.

А у Ондрея у Микитина сына Трясоголова 3 сына: Глеб, бездетен, да Василеи, да Никита, бездетен.

А у Володимера у Риги один сын Семен.

А у Ивана у Никитина сына 4 сына: Петр, Терентеи, Тимофеи[1].

А у Терентия дети: Степан, Игнатеи, Федор, Иван Ушак.

А у Ондрея у Меньшово 3 сыны: Василеи, да Володимер, да Иван.

А у Михаила у Шапки 3 сыны: Григореи, да Василеи, бездетен, да Федор.

А у Чертка 4 сыны: Федор да Василеи, да другие жены – Иван, да Федор.

(См.: **РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 16. Л. 89—92.**)

Приложение № 2 (а)

Род Порховских[2].

Ник[и]ту, Иессея, инока Иону, Симеона, иноку Дарию, инока Мисаила, Евстафия, Акилину, инока Иону, // (*л. 63*) Елисея, инока Вавилу, инока Никифора, инока Мартирия, Вассу, священноерея Афонасия, Марию, Марию, Феодора, Иоанна, Григория, иноку Александру.

Род Стефана Порховского[3].

Григория[4], иноку Иринию, Илариона, иноку Настасию, Антропия, иноку Вассу, Игнатия, инока Иоанна схимника, инока Иоанна схимника, Игнатия, Евстафия, иноку Марфу схимницу, иноку Оульянию схимницу, Марфу, Димитрия, Арефы, Симеона, Евдокею, Георгия, Агафию, // (*л. 131 об.*) Алексея, Екатерину,

[1] Так в ркп.

[2] За исключением заглавной буквы «Р», заголовок написан киноварью, вписан в два киноварных круга на внешнем боковом поле л. 62 об.

[3] *Заголовок написан киноварью, вписан в два киноварных круга на внешнем боковом поле л. 131..*

[4] *Заглавная буква «Г» написана киноварью.*

Иоанна, Власия, Марию, Дионисия, Анну, Екатерину, Анну, инока Адриана схимника, иноку Евдокею схимницу, инока Филиппа схимника, Вассу схимницу, инока Алексея схимника, иноку Софию схимницу, инока Фому схимника, иноку Евфимию схимницу, иноку Марию схимницу, Домникию, Феодора, Захария, Григория, Михаила младенца, Симеона, Алексея, Микулу, Феодотию, Тимофея, Мавру, иноку Варвару схимницу, Иоанна, Матфея оубиеннаго, Димитрия, иноку Настасию схимницу, иноку Настасию, Иоанна, Феодосию, Симеона, Малахия, Макария, Пелагию, Моисея, Иоанна, Фетению, Андрея избиеннаго, Софию, Иоанна, Петра, Пелагию, Иринию, Василия, Назария, Матрену, князя Андрея, // (*л. 132*) инока Антония схимника, Феодотию схимницу, Кирилла, Иоанна, Михайла, Агафона, Марию, Пелагию.

Род Шестака Порховского[1].

Иоанна, инока Феодосия, князя Иоанна, // (*л. 145 об.*) князя Романа, князя Козму, иноку Анну, иноку Феодору, Георгия, Иоанна, Бориса, Стефана, Феодора, Симеона, Иоанна[2], Елесея, Никиту, Димитрия, Феодора, схимника Никиту.

(См.: **ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 62 об.—63, 131—132, 145—145 об.**)

Приложение № 2 (б)

Род[3] Кузьминых и Порховских. // (*л. 217 об.*)

А[4]оу великого князя Витовта Литовскаго была на постеле девка Настасья, а прозвище ей Вятка.

И для той девки была вражда оу Витофта з детьми его.

И Витофт дал тое девку за конюха, за Ромашку, и дал ему богатества много. И Ромашка, конюх, з женою оутек в Новгород Великой и назвался сродник великим князем литовским.

---

[1] За исключением заглавной буквы «Р», заголовок выполнен киноварью, вписан в два киноварных круга справа на полях л. 145 ркп.

[2] В данном слове на л. 145 об. первая (выносная) буква «Н» дописана к основному тексту другими (светлокоричневыми) чернилами

[3] Заглавная буква «Р» написана киноварью.

[4] Здесь и далее заглавные буквы написаны киноварью.

И новогородци дали ему на прожиток город Порхов. // (*л. 218*)

И потом сведали, что Ромашка не князь, и хотели его за то оубить. И он оутек на Кострому, да купил на Костроме вотчину.

А оу Ромашки сын Кузьма.

А оу Кузьмы дети: 1 Степан, 2 Борис.

А оу Степана Кузьмина сына дети: 1 Федор, 2 Семен, 3 Борис, 4 Шест, 5 Тимофеи, 6 Мятель, 7 Никита.

А оу Бориса дети: 1 Степан, 2 Володя.

А выданы головою Пупку Колычеву Темирь да Мятель в Оршинское дело на Друцких полях оу Воскресенья на Д[уб]рови.

(См.: **РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 217–218.**)

Приложение № 3 (а)

Се род Шонуров. Пришол ис Чернигова князь Иван Федорович Шонур. А у него был сын Констянтин, а другои – Давыд, третеи – Роман Сатя. А у Констянтина сын Ондреи, а на Москве был боярин введенои. А у Давыда сын Михаила. А у Михаила – Григореи. А у Григорья – Михаило, да Федор, да Констентин, да Иван Ноздря.

Давыду досталось в удел Недино. А большому сыну Констянтину досталось село Щитово в Боровске.

(См.: **РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.** Изд.: ***Кузьмин А. В.*** **Землевладение боярского рода Сатиных в XIV–XV вв. // Историческая география России: новые подходы: Сб. статей, посвящ. 70-летию В. М. Кабузана / Отв. ред. Я. Е. Водарский. М., 2004. С. 72.**)

Приложение № 3 (б)

Глава 52[1].

Князь[2] Иван Федоровичь Шонур Козельскои. А у него было 3 сына: Костянтин, Давыд, Роман, и княженье с себя сложили.

А у Костентина сын Ондреи.

А у Давыда 2 сына: Михаило да Матвеи.

А у Романа сын Матвеи.

[1] *За исключением заглавной «Г», остальные буквы написаны киноварью.*

[2] *Заглавная буква «К» написана киноварью.*

А у Ондрея Костянтинова сын Олександрь Черт.
А у Михаила Давыдова 2 сына: Григореи да Федор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ю. Вольф пишет, что детьми князя Ивана Святославича были Андрей и Федор, однако в отношении последнего это – ошибка, так как ниже он пишет не о нем, а о князе Семене (*Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 391–392).

[2] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 372–373.

[3] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 252.

[4] РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 24–27. Л. 593–596. Ср.: Там же. С. 76–77. Л. 1–1 об.

[5] Там же. С. 26–27. Л. 594 об.

[6] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 38– 38 об.; Родословная книга по трем спискам // Временник имп. ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 247 и сл.

[7] Родословная книга по трем спискам. С. 53–54.

[8] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 102 об. –103.

[9] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 372.

[10] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 65 и сл.

[11] РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 21; См. также списки *ред. в 81 главу* (Там же. № 173/280. Л. 45).

[12] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 6–7. Л. 3 об.; См. также: Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 229. Л. 320; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 219. Л. 311 и др.

[13] *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 72–73. Примеч. 3.

[14] Ср.: *Приложение № 1.*

[15] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 372.

[16] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 74; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 94–95.

[17] *Шокарев С. Ю.* К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец. М., 2001. № 1. С. 17; Вывод несколько странный, если учесть то обстоятельство, что для убедительности исследователь прямо ссылается на работу С. Б. Веселовского, где дана совершенно другая дата (Ср.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 372–373).

[18] ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 148; Т. 4. Ч. 1. С. 395. Л. 262– 262 об.; В более поздней Никоновской летописи князь Владимир ошибочно был назван братом великого князя Юрия Святославича (Там же. Т. 11. М., 2000. С. 190).

[19] Там же. Т. 3. М., 2000. С. 398. Л. 241 об.

[20] Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 394. Л. 261 об., С. 395. Л. 261 об.; См. также:

Там же. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 522. Л. 444 об.

[21] Там же. Т. 35. М., 1980. С. 53. Л. 59; См. также: Там же. Т. 11. С. 188.

[22] РИБ. Т. 27. Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книга записей. Т. 1. СПб., 1910. Стб. 93–94. Л. 53 об.; *Грушевский А.* [*С.*] Пинское Полесье XIV–XVI вв.: Исторические очерки. Киев, 1903. С. 11. Примеч. 8.

[23] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 54, 55.

[24] *Востоков А.* [*Х.*] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. № LXXII. С. 127.

[25] *Wolff J.* Op. cit. S. 392.

[26] РИБ. Т. 27. Стб. 45. Л. 24; О характере землевладения князя Андрея Порховского в ВКЛ на службе у мстиславского князя Семена-Лугвеня Ольгердовича см. в ст.: *Владимирский-Буданов М.* [*Ф.*] Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // ЧИОНЛ. Киев, 1889. Кн. 3. С. 80, 89.

[27] Подробнее о Семене Лугвене см. в кн.: *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonyw. W-wa, 1968. S. 16–17.

[28] *Янин В. Л.* Новгород и Литва. С. 94–95.

[29] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 412. Л. 275; В дефектном списке НIЛ ошибочно отмечается, что постановка церквей произошла «**при князи Юрьи Федоровичи Смоленскомъ** (выделено мной. – *А. К.*)» (Там же. Т. 3. СПб., 1841. С. 135). С. Ю. Шокарев, не обратив внимания на сентябрьский стиль Никоновской летописи, ошибочно датирует данное известие 1413 г. Кроме того, исследователь не сравнил текст этого весьма позднего источника с известиями других списков новгородских и псковских летописей. В результате получилась неверная интерпретация и оценка информации текста. С. Ю. Шокарев ошибочно полагает, что церковь в Порхове ставил не князь Федор Юрьевич, а его предшественник Юрий Александрович (*Шокарев С. Ю.* Указ. соч. С. 17).

[30] ПСРЛ. Т. 35. С. 34. Л. 265, С. 57. Л. 74– 74 об.

[31] Там же. С. 121. Л. 65 об.

[32] Об этом, в частности, свидетельствует запись за 1435 г. на серебряном артосном панашире, который хранился в ризнице Софийского собора новгородского Кремля (*Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. № 216. С. 131).

[33] В этом году в Новгородской земле черный бор собирал приближенный великого князя Василия II, московский боярин князь Юрий Патрикеевич Литовский (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 435. Л. 294 об.).

[34] Там же. С. 436. Л. 295–295 об.; Т. 35. С. 121. Л. 65 об., С. 165. Л. 272 об. –273 и др.

[35] ДРВ. М., 1788. Ч. 6. С. 456, 457.

[36] Фамилия князя Кузьмы Порховского в данном синодике написана киноварью.

[37] ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 11.

[38] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 8. С. 25 [Список XVIII в.]. Упустив из внимания генеалогию рода Порховских, издатели данного акта С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина ошибочно

решили, что *Юшковская* (курсив мой. – *А. К.*) – это деревня Нерехотского стана Костромского уезда, а не имя владельца деревни «Ильицыно» (Ср.: Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. С. 610 (Указатель)).

[39] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 30. С. 75–80, № 34–35. С. 87–100 [Подлинники].

[40] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 397. С. 289 [Список середины XVI в.].

[41] Ранее на это известие источника указывал С. Б. Веселовский (см. в кн.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373).

[42] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 97. С. 134 [Список конца XVIII в.].

[43] На возможную принадлежность Ивана Коварцы к роду Порховских ранее обратил внимание С. Ю. Шокарев (*Шокарев С. Ю.* Указ. соч. С. 17–18).

[44] АРГ, 1505–1526 гг. М., 1975. № 65. С. 71, 72 [Подлинник]; См. также: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[45] ДРВ. Ч. 6. С. 458; См. также: *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[46] АСЭИ. Т. 1. № 306. С. 218 [Подлинник].

[47] ДРВ. Ч. 6. С. 463; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[48] Описная книга Суздальского Спасо-Еуфимиева монастыря 1660 г. / Подгот. к изд. К. Н. Тихонравов. Владимир, 1878. С. 68. Это важное известие источника С. Б. Веселовским, С. Н. Кистеревым и Л. А. Тимошиной не было замечено.

[49] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 170; Т. 23. С. 150. Л. 270; Т. 39. М., 1994. С. 145. Л. 254 об.; П. Н. Петров, а вслед за ним Ю. Вольф полагали, что в 1442 г. из Литвы в Москву выехал князь Семен Порховский (*Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 121; *Wolff J.* Op. cit. S. 392). Однако такое мнение ошибочно. П. Н. Петров, вероятно, опирался на датированное известие, которое приведено в Пространной редакции разрядных книг. Дефектный в ряде мест текст этого источника сообщает о выезде на службу литовского князя Свидригайлы Ольгердовича (Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. С. 16. Л. 3 об.). Между тем хорошо известно, что данное событие произошло не в 1442, а в 1408 г. При этом среди сторонников этого Гедиминовича летописи конца XV – начала XVI в. называют князя Семена Перемышльского, а не Семена Порховского (ПСРЛ. Т. 25. С. 237. Л. 332– 332 об. и сл.).

[50] *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 41; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 42. Л. 46 об.

[51] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[52] В списке детей боярских по Галичу Д. Д. Порховский упоминается 14-м (ТКДТ. С. 70. Л. 134). По мнению С. Б. Веселовского, он был в числе тех лиц, кто получил поместье под Москвой (*Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373). Однако подтверждающих данный вывод сведений в писцовых материалах отыскать не удалось.

[53] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. С. 149. Л. 111 об.

[54] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 346. Л. 104– 104 об.

[55] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 175, 200. Очевидно, С. Б. Веселовский ошибается, когда пишет о службе Д. Д. Порховского в эти годы в Казани (*Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373).

[56] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[57] ТКДТ. С. 149. Л. 111 об.

[58] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 373.

[59] ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 93 об.; См. также: Там же. Л. 157 об.

[60] Родословная книга по трем спискам. С. 72; См. также: Там же. С. 243; *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских: Материалы. СПб., 1900. С. 778.

[61] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

[62] РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 218.

[63] Там же. Л. 217– 217 об.

[64] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 345. Л. 236 об. –237; Т. 6. Вып. 1. Стб. 487. Л. 418.

[65] По мнению В. Л. Янина, центр кормления князя Романа Юрьевича и копорейских князей в данный момент находится в Копорье, а также, «возможно, в Ореховом и Корельском городках» (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 218, 223–224). Однако этому утверждению противоречит тот факт, что после смерти князь Роман был похоронен не в Копорье, а «у святого Спаса в Порхове» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 516. Л. 439 об.; См. также: Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 384. Л. 254 (это известие, кстати, стоит перед сообщением о разгроме войск Витовта на р. Ворскле 12 августа 1399 г.)).

[66] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 348. Л. 238 об. –239; Т. 6. Вып. 1. Стб. 490. Л. 420; Т. 11. С. 93.

[67] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 351. Л. 241– 241 об., С. 367. Л. 241 об., С. 368. Л. 242 об., С. 372. Л. 245; Т. 6. Вып. 1. Стб. 509. Л. 434 об. и др.

[68] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 373–374. Л. 246– 246 об., С. 374–375. Л. 247; Т. 6. Вып. 1. Стб. 510–511. Л. 435–436; Т. 11. С. 154, 156. О тождестве князей Романа Литовского и князя Романа Федоровича см. в кн.: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 218–219.

[69] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 223–224.

[70] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 516. Л. 439 об.

[71] Там же. Т. 3. С. 395. Л. 238– 238 об.

[72] *Puzyna J.* Potomstwo Narymunta Gediminowicza: VI. Jurij, książę Bełzki i Chełmski, później Piński // Miesięcznik heraldiczny. Warszawa, 1932. Roc 11. № 10. S. 185–186.

[73] Надо отметить, что при этом несправедливо критикуется важное наблюдение Ю. Вольфа, видевшего в Романе Литовском князя Романа Федоровича и не отождествлявшего его с князем Р. Ю. Порховским (Ср.: *Kripa K.* Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 r. // Kwartalnik Historyczny. 1993. Roc 100. № 1. S. 38—39; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. S. 28, 37, 38, 60, 307 (Tabl. II)).

[74] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 224.

[75] Подробнее см.: *Кузьмин А. В.* Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII – первой половине XIV в. // ИКРЗ, 2000. Ростов,

2001. С. 13–22; *Он же.* Князья Белоозера в Новгороде Великом: миф и реальность XIV в. // ПННЗ, 2001–2002. Вел. Новгород, 2002. Ч. 1. С. 84–91.

[76] ПСРЛ. Т. 3. С. 397. Л. 241.

[77] Как известно, в первом браке, Юрий Святославич был женат на племяннице Скиргайло (Иоанна), мать которой была старшей сестрой литовского князя. Таким образом, можно установить, что теща смоленского великого князя была рождена от брака литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича и тверской княжны Ульяны Александровны (Там же. Т. 35. С. 64. Л. 100, С. 70. Л. 19; *Кузьмин А. В.* Георгий (Юрий) Святославич // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 104).

[78] РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 218.

[79] Благодарю Ю. Д. Рыкова, обратившего мое внимание на данный источник.

[80] ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 145 об. –146.

[81] РГАДА. Ф. 375. № 89. Л. 1 об.; Россия и греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1. С. 219, 400; *Кузьмин А. В.* Георгий (Юрий) Святославич. С. 106.

[82] См., например: Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 75. Л. 455– 455 об. [Приложение]. В этом источнике отсутствуют сведения не только о ряде князей XIV–XV вв., хорошо известных по упоминаниям в летописях и синодиках, но и о ближайших родственниках – князьях Елецких, также служивших всем родом сначала в Переяславле Рязанском, а затем – в Москве.

[83] Княгиня Феодора – старшая дочь Ольгерда от первого брака – была женой князя Святослава Титовича (*Wdowiszewski Z.* Op. cit. S. 13). Позднее, в 1418 г. Витовт женился на своей близкой родственнице (племяннице), вдове князя Ивана Карачевского – княгине Ульяне Ивановне, дочери князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского и княгини Агрипины Святославны Смоленской (*Dlugosza Jana.* Roczniki czyli kroniki slawnego krulestwa Polskiego. W-wa, 1982. Ks. 11. S. 91–92).

[84] РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об. и др.

[85] РИИР. Вып. 2. С. 112. Л. 53 об.; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 96, № 174/280. Л. 33 и сл.

[86] Ср.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания 1-го Литовского статута. М., 1892. С. 43–56; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906–1907. Т. 1. Ч. 1–3.

[87] Ср.: *Wolff J.* Kniaziowie litowsko-ruscy od końca czternastego wieku. W-wa, 1895; *Puzyna J.* Potomstwo Narymunta Gediminowicza: II. Patrycy Narimuntowicz // Miesięcznik heraldiczny. W-wa, 1931. Roc. 10. № 5. S. 107—110, 111. Tabl.; *Kuczyńsky S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. W-wa, 1936 и др.

[88] Так, для примера можно отметить, что в одной из первых исследовательских статей, посвященных изучению сведений по генеалогии политической элиты Чернигово-Северской земли, были оставлены без внимания данные, относящиеся к судьбе правителей Карачевского и Тарусского княжеств

(Ср.: *Квашнин-Самарин Н.* [*Д.*] По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР. 1873: Октябрь – Декабрь. М., 1874. Кн. 4. Отд. 5: Смесь. С. 213–226).

[89] РИИР. Вып. 2. М., 1977.

[90] Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России. С. 74. Л. 364–366 об., С. 74–77. Л. 453–458 об., 451–452 об., 83 об. –84.

[91] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 56, 252 (Ср.: *Puzyna J.* Op. cit. S. 107–111); В связи с этим, более обоснованным представляется мнение М. Е. Бычковой, которая в данном случае более осторожно констатирует: «Отсутствие более подробных известий о службе первых Звенигородских князей в Москве не позволяет утверждать, что они сразу обосновались здесь, как это случилось с князем Патрикием Наримонтовичем и его потомками, служба которых на протяжении всего XV в. хорошо известна» (*Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России. С. 41).

[92] *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 160–163.

[93] Подробнее см. в кн.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 36, 50–51.

[94] *Шеков А. В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI в.). Тула, 1993; Аналогичный вывод, с опорой на наблюдения Р. В. Зотова и Г. А. Власьева, можно встретить и в одной из современных компилятивных заметок, где также ошибочно утверждается, будто бы князь И. Ф. Шонур Козельский жил в XV в. (См.: *Беликова М. Г.* Дворяне Сатины и Жемчужниковы // ИРГО. СПб., 1995. Вып. 2. С. 56).

[95] *Зотов Р. В.* Указ. соч. С. 20. № 34, С. 301. № 157.

[96] *Шеков А. В.* Указ. соч. С. 94.

[97] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 433–434. Примеч. 1.

[98] Там же. С. 436–437. Примеч. 1, С. 437. Примеч. 1–2.

[99] Там же. С. 440 (Грамота на стр. 439–440). Этот фальсификат неоднократно переиздавался (См.: *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 441–442; АСЭИ. Т. 3. № 186. С. 199–200).

[100] Вывод Н. П. Лихачева об интерполяции в грамоте был поддержан в отечественной науке; см., например: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 104, 237. Примеч. 32 (Здесь дана подробная историография вопроса).

[101] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 461–462.

[102] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 98. Л. 307–307 об.

[103] ДДГ. № 21. С. 58 [Подлинник].

[104] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/270. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124 и сл.

[105] НКПИКЗ. № 907. Л. 15, 15 об.; Синодик Любецкого Антониева монастыря. Чернигов, 1902. Л. 21. Благодарю киевскую коллегу Е. В. Кириченко, любезно познакомившую меня с текстом синодика церкви Введения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской лавры (список второй половины XVII в.). В составе данного источника сохранилась наиболее полная редакция помянника великих князей киевских и черниговских. Через ряд спи-

сков она восходит к более ранней редакции начала XV в. В настоящее время нами готовится научное издание его текста с пояснительными историко-генеалогическими комментариями об упоминаемых в синодике лицах.

По-видимому, еще один из ранних списков данного помянника должен был находиться в протографе синодика уставщика Брянского Свенского монастыря старца Ефрема 1626 г. Здесь в перечне «благоверныхъ великыхъ князей» на л. 9 сохранился лишь фрагмент (очевидно, окончание) поминания новосильских великих князей Романа (Семеновича) и его сына Льва Романовича. Вслед за этим идет традиционная поминальная запись о черниговском великом князе Михаиле Всеволодовиче и его боярине Феодоре. К ним приписано поминание «великого князя Романа» (по-видимому, это — второй сын князя-мученика — черниговский и брянский великий князь Роман Михайлович Старый). Этот перечень черниговских Ольговичей совершенно нелогично разрывает на две части поминальный перечень имен представителей московской великокняжеской династии и их предков Мономашичей, хронологическая последовательность упоминания которых также нарушена (Подробнее см.: Синодик старца Ефрема: Рукопись Свенского монастыря 7134. Брянск, 1896. Л. 7–9. С. 4).

[106] Ср.: *Милорадович Г. А.* Любеч, Черниговской губернии Городницкого уезда, родина преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. С. 38. № 47.

[107] ДДГ. № 2. С. 12 (в этой грамоте утрачена часть текста, где сообщается имя прежнего владельца), № 3. С. 14 [Подлинники].

[108] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 434; *Власьев Г. А.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 440.

[109] *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. С. 233–242.

[110] ДДГ. № 4 (а). С. 15, № 4 (б). С. 17 [Подлинники]; Упоминающееся до него село «Каменьское» расположено на правом (в 22 км) берегах р. Нара к северо-востоку от Боровска (Топографическая карта: Калужская область. М., 1999. С. 6).

[111] ДДГ. № 10. С. 29 [Список конца XV в.]; Подробнее об этом договоре см. в кн.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 223–270, 343.

[112] Л. В. Черепнин датировал этот документ 1382 г. Однако мнение А. А. Зимина более логично и лучше аргументировано (Ср.: ДДГ. № 11. С. 31, 33 [Подлинник]; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // ПИ. М., 1958. Т. 6. С. 286–287). Более раннее докончание братьев, к сожалению, имеет значительные утраты текста. В сохранившейся части грамоты Боровск не упоминается, хотя несомненно, что именно в этом документе должен был зафиксирован его переход в руки серпуховского князя (ДДГ. № 7. С. 23–24 [Подлинник]). По мнению А. А. Зимина, это докончание было составлено между 10 апреля и 15 июня 1371 г., т. е. до отъезда великого князя Дмитрия Ивановича в Орду к тёмнику Мамаю (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот. С. 283–285).

[113] ДДГ. № 1 (а). С. 7, № 1 (б). С. 9 [Подлинники].

[114] *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного. С. 259–260. Вхождение округи Боровска в состав Московского княжества в 50-е гг. XIV в. отмечает и А. А. Горский (*Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 127).

[115] Топографическая карта: Калужская область. С. 6.

[116] АКР: Калужская область. М., 1992. С. 42. № 121 (4).

[117] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74. Данное село не следует путать с селом Шитово, находящимся в 14 км к западу от г. Мосальска (Топографическая карта: Калужская область. С. 10–11). При археологическом изучении данной местности культурные слои древнерусского времени найдены не были. Все ограничивается предметами повседневного быта носителей предположительно юхновской и мощинской культур раннего Железного века, относящихся к IV–VII вв. н. э. (АКР: Калужская область. С. 89. № 399 (1)).

[118] *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 гг. // РД. Вып. 2. № 1. С. 28 [Список 1733 г.]; Поскольку оба сельца не фигурируют в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей Москвы XIV – первой половины XV в., можно предположить, что переданные в июле 1463 г. великим князем Иваном III Васильевичем Архангельскому собору села Инютинское и Козельское недолго находились в числе его владений.

[119] Топографическая карта: Калужская область. С. 6.

[120] ДДГ. № 1 (а). С. 7, № 1 (б). С. 9.

[121] Л. В. Черепнин полагал, что этот документ был составлен около 1401–1402 гг. Однако наблюдения А. А. Зимина имеют более убедительную доказательную базу (Ср.: Там же. № 17. С. 46, 47, 51 [Список второй половины XV в.]; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот. С. 290–291).

[122] ДДГ. № 17. С. 50; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 460.

[123] ДДГ. № 1 (а). С. 7, № 1 (б). С. 9.

[124] Там же. № 1 (б). С. 10.

[125] *Краснов Ю. А.* Введение // АКР: Калужская область. С. 20. О времени вхождения Боровска в состав московских владений четкого вывода нет. Так, например, на карте городских центров Московской земли XI–XIV вв. А. А. Юшко отмечает, что Боровск при Иване Калите еще входил в состав Смоленского княжества. Однако ниже она делает совершенно противоположный вывод, утверждая, что порубежные крепости, находившиеся в 30-е гг. XIV в. в бассейне р. Протвы, «призваны были обезопасить юго-западные окраины Московского княжества от набирающего мощь Литовского государства». В их числе А. А. Юшко, наряду с упоминающимся в духовной Ивана Калиты Перемышлем, называет и Боровск (Ср.: *Юшко А. А.* Из истории городских центров Подмосковья XI–XIV вв. (обзор источников и исторической географии) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 188. Рис. 1, С. 189). Впрочем, позднее исследовательница замечает, что Боровск, Вышгород на Протве и Верея «вошли в состав Московского княжества в 50–80-е гг. XIV в.» (*Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 73).

[126] АРГ, 1505–1526 гг. № 285. С. 286 [Список 1641 г.]; Подробнее см.: ПКМГ.

СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 74.

[127] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 142.

[128] Там же. С. 663.

[129] ТКДТ. С. 180. Л. 134 об., С. 181. Л. 135 об., С. 205. Л. 154.

[130] *Антонов А. В., Баранов К. В.* Акты XV–XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // РД. М., 1998. Вып. 3. № 18. С. 28.

[131] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 83.

[132] *Антонов А. В., Баранов К. В.* Указ. соч. № 15. С. 23–24.

[133] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[134] Там же. № 85/111. Л. 175; № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 434 и сл.

[135] *Козляков В. Н.* Дашковский сборник XVII в. // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2000. Вып. 1. С. 16.

[136] Роспись потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России. С. 75. Л. 455.

[137] Там же. С. 74. Л. 364–364 об., С. 75. Л. 455.

[138] ПСРЛ. Т. 10. С. 177–178. Брянский князь Василий скончался спустя год после смерти отца – в 1314 г. (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 408).

[139] Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52. Л. 275 об.

[140] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124. Прозвище Романа Ивановича сообщает только *Комп. ред.*

[141] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 155, 157. Л. 343 об., 344 об. –345; См. также: Там же. Т. 25. С. 214. Л. 298 об.

[142] Там же. Т. 25. С. 245. Л. 341 об. –342.

[143] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 460–461.

[144] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[145] Цит. по кн.: *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 435.

[146] Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1957. С. 58–59. Л. 19 об., под 6947 г.; *Конев С. В.* Синодикология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // ИГ. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 103. Л. 56– 56 об. и сл.

[147] Родословная книга по трем спискам. С. 124.

[148] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/278. Л. 320 об.; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 435–436.

[149] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436.

[150] Родословная книга по трем спискам. С. 124; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 320 об.

[151] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[152] Там же. № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436.

[153] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

[154] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436–437.

[155] ДДГ. № 17. С. 47.

[156] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 53; *Шеков А. В.* Указ. соч. С. 38–39.

[157] *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 461.

[158] ДДГ. № 17. С. 47.

[159] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 436.

[160] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 124; Подробнее см.: *Приложение № 3 (а–б).*

СОКРАЩЕНИЯ

Архивы, рукописные и архивные собрания

БАН – Библиотека Академии наук (в Санкт-Петербурге).

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.

ГИМ – Государственный Исторический музей (в Москве).

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии (в РГАДА).

ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль».

МГАМИД – Московский государственный архив Министерства иностранных дел (Ф. 181 в РГАДА).

МДА – Московская Духовная академия (Ф. 173–173/IV в ОР РГБ).

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (в Москве).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Санкт-Петербурге).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (в Москве).

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (ныне – РГАДА).

2. Издания

АДИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

АКИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

АЕ – Археографический ежегодник.

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.

АКР – Археологическая карта России.

АО – Археологические открытия.

АРГ – Акты Русского государства.

АРГ: АММС – Акты Российского государства: Акты московских монасты-

рей и соборов.

АРИ – Архив русской истории.

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства.

БК – Бархатная книга (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...).

БЛДР – Библиотека литература Древней Руси.

Вестник МГУ – Вестник Московского государственного университета.

ВИ – Вопросы истории.

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины.

ВКТСМ – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.

ВО – Византийские очерки.

ВОИДР – Временник императорского Московского Общества истории и древностей российских.

ВФ – Вопросы философии.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

ГДЛ – Герменевтика древнерусской литературы.

ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования.

ДГСССР – Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ДРВ – Древняя российская вивлиофика.

ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики.

ДРИ – Древнерусское искусство.

ЗОР ГБЛ – Записки отдела рукописей ГБЛ.

ИА – Исторический архив.

ИГ – Историческая генеалогия.

ИЗ – Исторические записки.

ИКРЗ – История и культура Ростовской земли.

ИРГО – Известия Русского генеалогического общества.

ИСССР – История СССР.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КЦДР – Книжные центры Древней Руси.

ЛИРО – Летопись историко-родословного общества в Москве.

ЛМ – Литовская метрика.

ЛХ – Летописи и хроники.

ННЗ – Новгород и Новгородская земля: История и археология.

НПК – Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией.

НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.

НIЛ, НIIЛ, НIIIЛ, НIVЛ, НVЛ – Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.

ОИ – Отечественная история.

ОФР – Очерки феодальной России.

ПИВЕ – Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.

ПИ – Проблемы источниковедения.

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли.

ПКМГ – Писцовые книги Московского государства: Писцовые книги XVI века.

ПКРК – Писцовые книги Рязанского края XVI в.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.

ПЛ – Псковские летописи.

ПННЗ – Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции.

ПОИ – Памятники отечественной истории.

ПIЛ, ПIIЛ, ПIIIЛ – Псковская первая, вторая и третья летописи.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией.

РА – Российская археология.

РД – Русский дипломатарий.

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.

РИИР – Редкие источники по истории России.

РИО – Русское историческое общество.

РК 1475–1598 гг. – Разрядная книга 1475–1598 гг.

РК 1475–1605 гг. – Разрядная книга 1475–1605 гг.

РФА – Русский феодальный архив. XIV – первой трети XVI в.

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси.

СР – Средневековая Русь.

СIЛ, СIIЛ – Софийская первая и вторая летописи.

ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.

Труды МГИАИ – Труды Московского государственного историко-архивного института.

ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора летописца.

ЧОИДР – Чтения в императорском Московском Обществе истории и древностей российских.

AW – Ateneum Wileńskie.

MH — Miesięcznik heraldyczny.

Г. А. Казимова

ПСАЛТИРНЫЕ ЦИТАТЫ В «СЛОВЕ ПРОСТРАННЕМ, ИЗЛАГАЮЩЕМ С ЖАЛОСТИЮ НЕСТРОЕНИЯ И БЕЗЧИНИЯ ЦАРЕЙ И ВЛАСТЕЙ ПОСЛЕДНЕГО ВЕКА СЕГО» МАКСИМА ГРЕКА

Библейской цитации в текстах конфессиональной культуры в последнее время уделяется серьезное внимание со стороны исследователей. Определенные результаты достигнуты в разработке методологических подходов к рассмотрению данной проблемы [1]. Тем не менее, остается большое количество вопросов, требующих дальнейшего изучения, что вполне объяснимо, так как «сложный механизм создания текстов, синтезировавших цитатный и нецитатный книжно-языковой материал, мотивировал сложность исследования данных текстов — необходимость использования комплексного подхода, включающего атрибуцию цитат, определение семантического и функционального статуса цитат, реконструкцию механизма их языковой адаптации» [2]. В данной работе предпринята попытка комплексного исследования цитат из Псалтири в сочинении Максима Грека «Слово пространнее, излагающем с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего века сего» [3].

Предположительно написанное во время правления Елены Глинской (1533–1538 гг.) или сразу после ее смерти, в пору детства Ивана Грозного, «Слово пространное» входило во все прижизненные собрания сочинений Максима Грека [4] и активно переписывалось в последующие годы: известны рукописные списки этого произведения, выполненные в начале XIX века, например список РНБ, собр. Титова № 3332, л. 35–53. Несомненно, такой популярности этого сочинения способствовала как сама тема — обличение алчности и беззакония правящих властолюбцев, так и способ ее раскрытия. «Слово» представляет собой развернутую аллегорию:

Россию символизирует жена по имени Василия (греч. – царство), сидящая при пути в черной одежде вдовицы, окруженная дикими зверями. Неохотно соглашается она отвечать на недоуменные вопросы проходящего мимо путника. Диалог, возникающий между ними, составляет ту формальную структуру, которая является композиционной основой произведения. Исследователи, изучающие это произведение Максима Грека, по-разному определяют его основную идею. Так, Н. С. Тихонравов акцентировал внимание на историко-политическом аспекте «Слова» и отождествлял Василию с Московским царством времен малолетства Ивана Грозного. Сюжетно-композиционные параллели между «Словом пространным» и «Божественной комедией» Данте стали предметом изучения современной итальянской исследовательницы М. Бараки [5]. Она отмечает, что сочинение Максима Грека, хотя и написанное в прозе и значительно уступающее «Комедии» по объему, «явственно перекликается с ней как в построении всего произведения, так и в истолковании отдельных образов, риторических приемов, напоминающих мотивы, приемы и образы дантовской поэмы» [6]. Однако, при всех сходствах, «Божественная комедия» Данте и «Слово пространное» Максима Грека имеют и существенные отличия, одним из которых является отсутствие в «Слове» того динамизма и радостного завершения, которое свойственно дантовской поэме. Представляется, что для более полного понимания всех смысловых пластов «Слова пространного» необходим анализ библейских цитат, в изобилии содержащихся в тексте данного сочинения.

В «Слове» цитируются такие книги Священного Писания, как Псалтирь, книги пророков Иеремии 12:10, Исайи 1:21, 23, 24; 5:11; Аввакума 3:16, 18, 19, Исход 32:6, 23, Евангелие от Матфея 5:7, 6; послание апостола Иакова 1:17, 1-е послание к коринфянам 10:30 и послание к римлянам 13:12 апостола Павла. Цитаты из Псалтири преобладают в количественном отношении, поэтому они были выбраны в качестве предмета исследования. Другим фактором, повлиявшим на выбор именно псалтирных цитат, является то, что в литературном наследии Максима Грека содержится большое количество переводных и оригинальных комментариев, посвященных отдельным местам Псалтири. Вообще, Псалтирь занимает особое место в жизни и творчестве Максима Грека. Вызванный в Москву для перевода Толковой Псалтири, Максим Грек в течение нескольких лет был занят этим трудом [7]. Затем в течение своего почти сорокалетнего пребывания в

России он неоднократно возвращался к Псалтири, заново переводя с греческого и исправляя славянский текст. Основываясь на сведениях, полученных в результате изучения переводческой практики Максима Грека, представляется возможным говорить о нем не только как о переводчике многочисленных комментариев на отдельные стихи Псалтири, но и, в определенной степени, как об их соавторе, поскольку переводимые тексты он подвергал редакторской правке, характеризующейся не только заменой отдельных слов, но и добавлением целых пассажей и новых библейских цитат, что зачастую изменяло или значительно дополняло смысл переводимых толкований, как, например, в случае с толкованием на Пс. 101:7, известным среди сочинений Максима Грека как «Сказание о птице неясыти» [8]. Псалтирные цитаты в «Слове пространном» представляют собой цитирование как целых стихов, так и всего лишь нескольких слов из того или иного стиха Псалтири. Большинство цитат, употребленных в «Слове», принадлежат речи Василии, что вполне объяснимо, так как монологи Василии составляют основную часть произведения. Единственная цитата, употребленная в вопросе путника, – не из Псалтири, а из книги пророка Аввакума 3:16. Ниже перечисляются цитаты из Псалтири в том порядке, в котором они встречаются в тексте «Слова». Одновременно с псалтирными цитатами приводятся толкования Отцов Церкви на эти же псалтирные стихи по спискам Толковой Псалтири в переводе Максима Грека, поскольку, как нам представляется, святоотеческие толкования на Псалтирь, переведенные Максимом Греком в начале его пребывания в России, являются тем контекстом, который оказал определяющее влияние на характер использования псалтирных цитат Максимом Греком в его оригинальных произведениях, в частности в «Слове пространном». Святоотеческие толкования приводятся по следующим спискам Толковой Псалтири в переводе Максима Грека:

ГИМ, Чуд. 181 – Псалтирь толковая в переводе Максима Грека, конец XVI в., 1°, рус. полуустав, 1172 лл. Начало утрачено. Переплет XVII в. [9];

Новоспасск. III – Псалтирь толковая в переводе Максима Грека. Псалмы 77–150, также 9 песней Моисеевых. XVI в. [10]

73:20 (о҃г): «яко наполнишася помрачении земли домов неправедных»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 1124) <u>Аѳанасієво</u>: Исполнена бо имѣютъ безаконми жилища. за нихже казнятся. и их же ради исполнишася тмы. Ѿ твоея свѣтлости Ѿпа(д)ше всеразличныя казни сіе, исполнишася показѹетъ.

<u>тогоже.</u> Инъ пакы щедрость чинъ Ѿ нихже бо к нимъ блгъ бысть. оустроивъ имъ завѣтъ, Ѿ тѣхъ привлачитъ мл(с)ть.

<u>Ѳеѡдорово</u>. Внемли намъ к нимже оучинилъ еси завѣтъ. И им же всегда помагати ѡбѣщалъ еси.

<u>Аѳанасієво</u>. Еже глетъ таково есть, и аще исполнени тмы бѣша домы мнози занеже на тя гн бывшихъ Ѿ нихъ безаконіи. но да не вси людіе Ѿвратятся ниже постыдѣнію предадятся. имѣяхѹ бо нѣціи Ѿ них спсеніа надежѹ. иже и ап(с)лы спсошася. и паче Ѿ петра въ первыхъ (л. 1124 об.) бесѣдованіихъ, ꙗко по три тысящихъ и пя(т) тысящахъ и тма(х) ихъ бывшихъ.

<u>Ѳеѡдорово</u>. Вседомовно глемъ всегда сирѣчь вси. мы же оубо глетъ омраченіи земли. да рече(т) иже паче всѣхъ члкъ во тмѣ и напастехъ пребывающе. домы безаконьми исполненъ имѣюща. сирѣ(ч) вседомовно злыми насыщаемся. и ни единъ Ѿ насъ вреженіа не причастенъ есть. ниже нынѣ младенци.

<u>тогоже</u>. Мы оубо иже Ѿ напасте(н) смиреніи. да не Ѿвратимся постыдени. и ни единымъ насытивше(с) блгомъ.

<u>Дѵдимово</u>. Молимъ не погрѣшити моленіа. ниже съ срамомъ Ѿсланымъ быти.

<u>Исѵхіево</u>. Спсенымъ глетъ спсеніа достоинны(м) оубогъ и нищь сирѣчь ап(с)льстіи лицы. во еже блжени нищіи дхомъ, тебѣ подобнаꙗ возсылаютъ славословіа.

<u>Ѳеѡдорово</u>. Мы бо малїи таковаꙗ стражѹще пріемше Ѿ тебе помощь хвалы тебѣ достоинныꙗ возшле(м).

<u>того(ж)</u>. Оубогъ иже сіа моля. сего (л. 1125) ради приводитъ оубогъ и нищь восхвалятъ имя твое. сіа сирѣчь полѹчивше.

<u>Аполинаріево</u>. Или и сице. помяни твоего завѣщаніа. и Ѿведеныхъ в мѣста темнаꙗ. къ ѡбитанію. въ просвѣтленнѹю твою пакы приведи странѹ. въсприемъ моленіе смиренныхъ злыми и постыдѣныхъ. и дая хвалити с веселіем.

<u>Еѵсевіево</u>. Или и сице. твою силѹ еюже вся сътворилъ еси. И в насъ покажи гн. тебе бо поношаютъ а не намъ. одолѣвшіи. Ѿ безѹміа идолослѹженію прилежаще. Ѿ насъ оубо тѣхъ лютыхъ сѹщихъ Ѿврати и бѣсовъ иже дшь изъꙗдати поочение творятъ. Помяни оубо завѣщаніа твоего. имже блговолилъ еси спасти родъ члческыи. егоже и аще нѣціи ѡмрачени и исполнени безаконми, не

восприаша. Но аки чл҇колюбецъ твоихъ оубогъіхъ не ѿврати ꙗже ѡ хѣ молениі.

<u>Дѵдимо(в)</u>. И инако. врагъ поношаа г(с)ви діаво(л) есть. безꙋмніи люди бесовьскіи ли(к).

<u>тогоже</u>. Но и каиаѳа бъівъ архиереи, поноси хꙋ. іоудеистіи же безꙋмніи людіе. раздражиша имѧ его вопівше. възми возми распни его. звѣреи же глетъ ѡ нихъ(ж) речено есть, ѡвца блꙋдѧшаѧ ійль. лвове изгнаша ю. ихже членовнъіѧ сътръілъ гь. ихже есть сатана по петрꙋ глющемꙋ. сꙋпостатъ нашь діаволъ ѡбходитъ ꙗко левъ ръіка(а) ища кого поглотитъ. инако бо ни(ж) вси мꙋченици ѿ звѣреи изъедени сꙋть. нищіи же его сꙋть глющіи. се мъі ѡставихомъ вса и послѣдовахомъ тебѣ. И паки, ѿвергъшеи богатьство еже во лжемненіи и злобѣ. тіи же сꙋще оубогъімъ дꙋхомъ. по семъ молитъ поманꙋвшаго еже къ авраамꙋ завѣта сꙋщихъ ѿ семени его не ѡставити в конецъ. а иже землѧ приближающіисѧ заеже имѣютъ тѣло много пекꙋщимъ оумомъ омраченіе. за невѣдѣніе исполнени домовъ безаконіи бъіша. нилико (л. 1126) еꙗж(д)о злобъі частеи ѡбдержаніе, домъ безаконіи есть.

61:11 (**ѯа**): «не уповайте на неправду и на восхищение не желайте, богатство аще течет, не прилагайте ср(д)ца»

(ГИМ, Чуд. 181)
(л. 909 об.) <u>**Аѳанасіево:**</u> **Оучитъ не бъіти желателемъ чюжи(х)**

118:105 (**рӥі**): «светильник ногам моим закон твои и свет стезям моим»

(ГИМ, Новоспасск. III)
(л. 635 об., без указания автора) **Свѣтилникъ есть слово бжіе, е(ж) восприа кто. имже вѣрова бги, сеи оубо да бꙋде(т) возжизаемъ, и никогда оугашаемъ. свѣ(т) праведънъімъ всегда. свѣ(т) же нечестивъі(х) оугашаетсѧ, и въ скинии свѣдѣніа свѣтильникъ воз жизашесѧ. да слꙋжащіи бгви зрѧ(т) свѣтильникъ. и слꙋжбъі совръшаю(т) просвѣщами** (так в ркп.) **ѿ него. сице въ скиніи свѣдѣніа въ цркві свѣтилникъ въ(з)жигаетъ(с). свѣтилникъ тѣла есть ѡко, и(ж) есть прозорливъіи чл҇къ, и имѣѧ слово. то ѡко, да не рече(т) рꙋцѣ что сътвори(т). и рꙋка да не рече(т) ѡкꙋ. не требꙋю тебе. зане не зри(т) рꙋка еже дѣиствꙋетсѧ.**

Двои(х) оубо вещеи требꙋю. свѣтилника оубо аки к ногамъ. свѣта (ж) болшаго аки ко всѣмъ стезамъ. егда бо стезю шествꙋю

требꙋ(ю) пред ногами свѣтильника, по сем же ѡгнѧ и свѣта болшаго.

Свѣтилникъ законъ є(с), шествꙋющи(м) нощїю ко востокꙋ слн҃ца правдъı, истинномꙋ свѣтꙋ не сꙋщꙋ свѣтилникоу. но слн҃цꙋ просвѣщающꙋ тѣ(х) им же нощь прежде, приближшꙋсѧ дн҃и. вон же дн҃ь бл҃гоѡбразнѣ есть ходити.

Свѣтилниковъ требꙋ в нощи прїиматисѧ ѡбъıчаи есть поне(ж) оубо ради смꙋщенїа и тмъı грѣха нощи настоащее житїе оуподоблѧе(т)сѧ, свѣтилникъ намъ законъ ѿ бг҃а даровасѧ, преткнꙋтисѧ не попꙋщаа шествꙋющи(х) къ немꙋ. и(ж) и свѣ(т) нашимъ стезѧ(м) бъıвае(т), шествїемъ сирѣ(ч) и дѣиство(м), не на свѣщницѣ съıи ниже скꙋденъ, но ꙗков же лѣпо есть ѿ слн҃ца правдъı прїимати.

118:121: «сотворих суд и правду, не предаждь мене обидящим мя»

(ГИМ, Новоспасск. III)

(л. 646, без указания автора) **Сътворивъıи сꙋ(д) и правдꙋ не предаетсѧ ѡбидѧщи(м) его** (л.646 об.) **раба бо бъıвша своего, ѡжидаетъ его бг҃ъ во бл҃гое, и не попꙋскае(т) его ѡклеветатисѧ ѿ грѧдъı(х) прихода(ж) къ бг҃ꙋ, простирае(т) ѡко дх҃овное къ сп҃сенїю еже ѡ бз҃ѣ, и всегд(а) разоумомъ нигдѣ простре(н) есть. токмо к томꙋ желателнѣ имѣѧ разоумѣ(ти) слово правдъı бж҃їа. каковъ сѧ праведнѣи бъıваю(т) и сꙋть пр(о)р҃къ оубо и аще преспѣи таковъ бъı(с). требꙋе(т) еще милости бж҃їа. всѧкъ бо иже на земли требꙋе(т) мл҃(с)ти посредѣ сѣтеи по всѧ дн҃и и на(д) оухищренїи ходѧ.**

__**Еѵсевїе**__ (в ркп. РГБ, ф. 209, Овчин. 63, л. 290 на полях указано: **Дїдѵ(м))Ж Иже в началѣ оустраае(м) аки оу(ж) поспѣшьствовавъ мнѡ(г) и велїа совръшивъ моли(т) не ѿпасти ѿ поспѣшьства потомъ расмо(т)рѧа, ꙗко бл҃гъı(м) мнѡзи завидꙋю(т) и гл҃(ти) оубо нѣчто зло ѡ нихъ не могоу(т) составлѧю(т) же клеве**(л. 647) **тъı, проси(т) и моли(т) ѿ си(х) избавитисѧ, вмѣсто (ж) ѡбидѧщи(м) мѧ. акѵла и сѵмма(х) преведоша. да не ѡставиши мѧ ѡклеветающи(м) мене.**

(без указания автора) **Поне(ж) после грѣха пременивсѧ сотворихъ соу(д) и оуклони(х)сѧ ѿ неправдъı, сотвори(х) правдꙋ, молю помощь имѣти ми. и не по съдѣаннъı(м) грѣхо(м) предатисѧ ѡбидѧщи(м) мѧ. что же предатисѧ ѡбидѧщи(м) мѧ испътꙋемо є(с). всѧкъ грѣ(х) которъıждо сотвори(м). мѣсто давше дїаволꙋ твори(м) присѣдѧщꙋ и назирающꙋ когда вниде(т) во вл҃(д)чьственое дш҃и**

нашеѧ. да ꙗко положивъ своѧ стрѣлы послѣди и самъ вселитсѧ и дѣиствꙋе(т) в на(с). егда оубо согрѣшае(м), ѡбидимъ сѧ ѿ него, ѡбиди(т) бо на(с) во(з)ставлѧа ко грѣхꙋ. та(ж) пра(л. 647 об.) веднъıа сꙋдбы бжїа зри, что творѧ(т). поне(ж) вмѣсто ѿврьсти бгꙋ двери дшевнъı(а) и Ха принꙗти, прїахо(м) грѣ(х). того ради предахомсѧ то(мꙋ) его (ж) прїахо(м). да мꙋчимсѧ ѿ него. сице преданъ бъı(с) иже в коринѳѣ соблꙋди, ѡ не(м) же глть аплъ. но и фигела и ермогена предаде сатанѣ да накажꙋ(т)сѧ не хꙋли(ти). тако(ж) и согрѣшившии снове ıилеви ѧзыкомъ предани быша.

(л. 647 об.) Каавшїисѧ и ѿ дѣиствовавши(х) в немъ исше(д). и ѿ плѣненїа избавленъ глеть. прїими раба твоего въ блго. тїи бо мѧ въ зло прїаша. аще бо не прїимеши мене раба твоего. по(д) рꙋчника бывша. враго(м). тїи грьдїи сꙋпротивнъıа силы. имѣю(т) мѧ ѡклеветати, како(ж) клевещꙋ(т), тїи содѣаша (л. 648) и совѣщаша грѣшника бъı(ти), и тїи мнѣ клеве(т)ницы бываю(т). всю винꙋ грѣховъ на мѧ въ(з)лагающе; Потребнѣ моли(т) бга. воспрїемника его быти. и аки порꙋчьника. да ѡнъ стражь его бꙋде(т). соблюдаа себѣ и хранѧ порꙋченїе. да ни коеѧ винъı подасть ловѧщи(м) его клеветнико(м); Дльготерьпѣнїемъ бжїимъ, недостаточное исполнꙗтисѧ види(т)сѧ, ждꙋщꙋ емоу бꙋдꙋщаго блгодѣанїа. и аки порꙋчающꙋ то. аки испольнꙗемо. ꙗко(ж) иже подлъжницѣ(х) порꙋчаю(т)сѧ да не во истѧзанїихъ лютѣ ѡзлобѧ(т)сѧ. сѵмма(х) же прїими мѧ раба твоего во блго. акѵла и ѳеѡдотїѡнъ порꙋченїе предавъ мѧ.

118:163 «неправду возненавидех и омерзих, закон же Твой возлюбих»

(ГИМ, Новоспасск.III)

(л. 672) Ѻприличнѣ любви закона. ненависть неправды союзна есть. се(г) ради подобае(т) хотѧщемꙋ законъ любити неправдоу ѡмерзевати сице бо намъ блгаѧ законна(а) ꙗвѧтсѧ. оучить (ж) и спсово (л. 672 об.) ѿвѣщанїе. никто може(т) двѣма господинома работати и прочаа.

74:9 (од): «<u>его же</u> в руце чаша исполнь вина нерастворена»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 1134 об.) <u>Аѳанасıевож</u> Чаша глет есть в рꙋцѣ г(с)ни. в неи же коегождо члка плоды и блгы(х) и злыхъ аки изгнетаѧ. и блгаѧ злымъ примѣшаѧ полнꙋ еѧ створꙗетъ. по семъ и(х) же не излїетсѧ

дрожда. сирѣчь их же пребываютъ грѣси тїи сїю испїют сирѣчь своими оупїютсѧ злыми. ꙗко же оубо и стъıни испїютъ чашꙋ живота. въ цр(с)твїи нб(с)немъ съ г(с)мъ ісомъ. по самого гл҃а гласꙋ. дондеже бо гл҃етъ испїю ю въ цр(с)твїи нб(с)немъ с вами.

Ѳеωдорово Ж вино за казнь прїемлетъ. ѿ еже слонатисѧ и падати. бж҃їею казнїю казнимыхъ. по подобїю оупивающихсѧ. имать бо гл҃етъ в рꙋцѣ своеи чашꙋ. исполненꙋ нерастворена вина. да речетъ, страш(л. 1135)нѣе мꙋченїе. ѿ еже нерастворенꙋ винꙋ паче отѧгчати. растворенїе же нерастворено гл҃етъ. Како бо возможно есть. гл҃авша паки рещи растворено. но понеже растворенїе многаждъı нарицаемъ мѣрꙋ, ꙗже к напоенїю довлѣетъ. сїе хотѣ гл҃ати. ꙗко таковаго растворенїа толь превелїа. ꙗко исполнити чашꙋ, хощетъ же гл҃ати ѿ обоихъ. казни величьство. и ѿ еже нерастворенꙋ быти винꙋ. и ѿ еже исполненꙋ бывшꙋ чашꙋ. нерастворенїе(м) оубо сверѣпьство и крѣпость показꙋѧ. исполненiемъ же пребывателноу и къ всѣмъ касающꙋсѧ.

тогоже. И в немъ есть гл҃етъ. его(ж) хощетъ оунапоити его же изволи(т) казнити. нам бо чающимъ бѣ(д)ствовати. видѣсѧ емꙋ преклонити чаши оупованїе на насъ. и семы оубо внѣ бѣдъ поставихомсѧ. вы же казнь прїасте.

Исѵхiево. Оꙋклони(т) бо сѧ ѿ оправданїи на прегрѣшенїа растворенїа сътворити хотѧ сꙋдꙋ (л. 1135 об.) чл҃колюбїемъ.

Ѳеωдорово. Лютѣишꙋю(ж) казнь дрождꙋ нарече. азъ гл҃етъ чистѣише испи(х). сирѣчь малѣишимъ злымъ по(д)верженъ бых самꙋю дрождꙋ вавѵлонѧне испїют сирѣчь лютѣишаѧ. ихже сотвориша пострадꙋтъ. надо всѣми бо съгрѣшающихъ, настоитъ бж҃їи сꙋдъ. аще цр҃и аще ст҃енници. аще ли в кое достоиньство ωдѣѧни бꙋдꙋтъ. аще варвари. аще грꙋбїи. по законꙋ бо естьственомоу и тїи испытани бꙋдꙋтъ ...

(л. 1136) Дїдимово. Чаша оубо в рꙋкꙋ г(с)ню. в неиже коегождо събираѧ плоды. аки вино нерастворено творитъ. потомъ равнѣ дѣиствы начерпаѧ подаетъ тоѧ. непщꙋемы(м) дѣство(м) бл҃гымъ и злымъ. в налипанїи растворенїа. сїе бо есть еже оуклонѧти ѿ сеѧ в сїю. В мѣсто коего сѵммахъ преведе. ꙗко ѿити ѿ тоѧ дрожди же ꙗко пити всѣмъ грѣшнымъ земли. последнѧа бо пагꙋба. а не к томꙋ растворенїе съгрѣшившимъ велиѧ. сего ради гл҃ет сѵммахъ. обаче дрождїе его не процѣдѧтъ, пїющїи злїи земли...

49:21 (м҃): «сия сотвори(л) еси и умолчахъ. вознепщевалъ еси беззаконие яко буду тебе подобен»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 702) <u>Кирилово:</u> По се(м) азъ оубо тръпѧ оумолчахъ, и не наложи(х) ти авїе съгрѣшающемꙋ моукы, ждꙋщи покаанїа твоего. ты же помыслилъ ꙗко бꙋдꙋ тебѣ подобенъ. сирѣ(ч) вознепщевалъ еси. ꙗко не тръпѧ оумлъча(х) паче. но хвалѣ достоинъ живо(т) твои непщевавъ. или нѣчто и оуслади(х)сѧ, ѡ ни(х) же ты твораше, безаконьствꙋѧ, сего ра(ди) ѡбличю тѧ. мꙋкꙋ налагаѧ. и безмѣстныи(х) дѣлъ житїа твоего истѧзꙋѧ словеса. и аки пре(д) лицемъ твои(м) безаконїа твоа поставлѧа. да съ(л. 702 об.)вѣсть показни(т) тѧ. и самыи тво(и) грѣ(х) поборе(т) тѧ. ѡбличаа тебе и осꙋжаа. тажка бо есть въ ѡбличенїихъ съвѣсть.

<u>Дидимово</u>: Молченїе бж҃їе гл҃етсѧ, длъготръпѣнїе еже ко грѣшнико(м), егда бо скоро казни(т). не оумлъчи(т), соу(д) износѧ на ни(х), ꙗже по(до)баеть страдати, тои же разоу(м) има(т) и то, оумлъча(х) ѿ вѣка, егда и всегда оумлъчю, и стерплю гл҃ть г҃ь. къ ѡбличаемомꙋ оубо гл҃еть сїѧ сътворилъ еси, ꙗже пре(д)речена сꙋть грѣхы. и оумлъча(х). млъчанїемъ и долготръпѣнїемъ. ѿдалеча мѣсто покаанїа даѧ тебѣ. и лѣпо ползаватисѧ ѿ таковаго млъчанїа, ты съпротивно помыслилъ еси бе(з)законїе. кромѣ кои(х) имѣлъ еси злаѧ, по немꙋ же непщꙋеши мѧ подобна тебѣ быти. мнѣл бо мѧ еси веселѧщасѧ, ѡ ни(х) же твориши, и того ради не въстати на тѧ.

<u>Аѳанасїево</u>: Древле оубо рече длъготръпѣ(х), но нн҃ѣ не сотворю сего, пре(д)ставлю бо грѣхы твоѧ, въ ѡ(л. 703)бличенїе еже на тѧ. коа ты оубо непщевалъ еси не быти к томꙋ. ни(ж) в пама(т) нѣкоего прихо(ди)ти, аз же ꙗко бъ въ свѣ(т) приведꙋ, и пре(д) ложатсѧ пре(д) тобою. не скрываа ꙗкоже тыи оуподоблѧемъ тебѣ. но приведꙋ сїа да и познаеши таа. и стꙋдомъ ѡблечешисѧ сими.

<u>Аполинарїево</u>: Но соу(д) покаже(т) разꙋма, зане и самого тебе сотворю себѣ видѣтисѧ. сицева бо себе кониж(д)о оузритъ, ѿкровенъи(м) ср(д)цемъ. каковъ ѿ ср(д)ца воѡбраженъ бѣ, сїе же пре(д)поставлю, съберꙋ, ѳеѡдотїонъ преведе. скорое дѣиствъ изъꙗви собранїе пре(д) ѡчима сотворшемꙋ бываемаа.

11:6 (а҃і): «бед ради нищих и воздыхания убогих ныне восстану, гл҃тъ г҃ь»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 156) <u>Ѳеѡдоритово.</u> Не презрѣти бо има(м) ихъ плачющи(х) сѧ и воздыхающи(х), безаконїа ра(ди) на ни(х) дръзнꙋтаго. но дол

готрьпѣнїє аки нѣкъи сонъ ѿвергъ. ꙗвьственое и пресвѣтлое сп(с)нїє нхъ содѣю. сице бо и симма(х) преведе. оустрою спсенїе ꙗвьственое. и оуча ꙗко во истинну буде(т) ре(ч)ннаѧ. приложи, положу сѧ во спсенїе и про(ч)а.'

9:34 (ѳ҃): «чесо ради прогневалъ есмь нечестивыи Бога. Та ж сказуетъ твое безумие и приводит: рече бо в срдцы своем: не взыщетъ»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 142) ѳеѡдори(т)во. Зане же в нечестїи и безаконїи живущїи, имиже творѧ(т) глть ꙗко забы бгъ, наоучи и(х) искусъство(м) ꙗко не забылъ еси ниже ѿвращаеши лице свое но ѡбидимы(х) попеченїе твориши. о ни(х) же зѣлнѣ оскорбѣ всѧ пр(о)ркъ, тѣ(х) хулу приведе

93:1 (ч҃г): «Бгъ бо аз о(т)мщении, бгъ о(т)мщении не обинуѧ(с)»

(ГИМ, Новоспасск. III)

(л. 187) Без на(д)писанїа оубо есть оу евреи ѱаломъ. съдръжить же оутѣшенїе гонимыхъ в настоащеи жизни. и озлоблѧемы(х) блгочестїа ради. их же и млтву мало ни сше(д) (л. і. об.) полагае(т). пре(ж) млтвы же оустраае(т) оутѣшенїе. пре(д)варѧа млтву гонимы(х). и пре(д)исцѣлѧа и(х) болѣзни. и дѣлы показуѧ. исполнѧемое о ни(х) реченное. еще глющу ти. реку се здѣ есмь. дръзаите оубо ѡвы глеть. Есть бо гь нань(ж) оуповасте бгъ творець и съдѣтель. и бгъ и спсъ и блготворець, и судїа, и ѡць щедрота(м), и бъ всѧкого оутѣшенїа. длъготрътѣливъ и мно(г) мл(с)тивъ. и раскаавалсѧ о грѣсѣ(х). и инаа безчисленаа имѣѧ бо(ж)ственаа нарицанїа; ꙗко (ж) бгъ щедрота(м) есть и бгъ оутешенїи. сице и бъ ѿмщенїи. Тогда бо предавшисѧ гь, ѿмщати нача. побѣдуѧ(ж) на смрть. и посрамлати то(ж) дръзновенїе

93:5,6: «люди твоя ги смириша и достоѧние твое озлобиша, вдову и сира убиша и пришелца погубиша»

(ГИМ, Новоспасск. III)

(л. 190) Ѡзлѡбиша бо въистину бжїе достоанїе. не бо попустиша и(м) по(з)нати ха. ни(ж) причаститисѧ блгы(м) ꙗ(ж) вѣрою. егда (ж) пастырь навѣтуеть овца(м). и стада вожьни ко его твори(т) попеченїа ѡ стадѣ(х). Тогда подви(ж)тсѧ на праведнаа разгнѣванїа

стадꙋ вл(д)ка. сїе страдавши(х) ioудеи обраще(м) съ своими наставникы; Сꙋгоубое и(м) слово наноси(т) поношенїе. не бо токмо немощны(х) (л. 190 об.) обида(т). и имже бѣ лѣпо паче помиловатися. тѣ(х) нестерпимыми напастьми оуꙗзвлаю(т). сїе бо знаменоуе(т) еже оумориша. но и на самое превышнее хꙋла(т) е(с)ство. ниже зрѣти томꙋ глюще чл҃чьска(а) ни(ж) сматрати дѣлъ наши(х). елли(н) неч(с)тивы(х) есть таковое мнѣнїе. ни(ж) оувѣдѣвши(х) е(с)ство(м) и истинною сꙋщаго бга. ни(ж) разоумѣти хотащи(х) ꙗко повелѣнїи его оуправлаютса вса. но и немощьствовахꙋ нѣцїи ѿ iила. в тако(м) нечестиво(м) мнѣнїи. Сїа аще и не глють азыко(м) хищници и бе(з)законнїи. но мыслью глють. Ѡбличаа и(х) грѣ(х) бгъ. не абїе наведѣ гнѣ(в). но акы блгъ и чл҃колюбивъ и бе(з)мѣрнꙋю имѣа кротость. дарꙋе(т) па(ч) имъ пооученїа цѣлбꙋ. и наказанїа слово оуготовлаеть гла. акы бо безоумнїи поне и поз(д)но. поне (и) нн҃ѣ оумꙋдритеса. то в себѣ помысливъше. насадивъıи инъı(м) слоу(х). самъ не слыши ли. съз(д)авъıи намъ ѡко не зри ли. (л. 191) иже на(м) всѣ(м) блгы(х) податель есть. са(м) лишенъ ли есть тѣ(х). оубо безꙋ(м)ны(х) ѡставльше помышленїа. въспомане(м) глющаго приточника. правы стеза сътвори ногамъ твои(м). и пꙋти твоа исправи. пре(д) ѡчима бо бжїима соуть пꙋти моужа. на вса бо стеза его зри(т). сице оустрааеми. правыи и непорочныи поживемъ живо(т). акы зращꙋ бгꙋ. Насадивъıи въ члцѣхъ оухо. мнѡжае пре(ж) самъ гланнаа ѿ члкь оуслышить. но и оузри(т) дѣиствꙋемаа ра(з)смотри(т). сїа бо бжїа сила есть разꙋмѣвающаго и разсꙋжающа(гѡ) помышленїа чл҃чьскаа ꙗко сꙋть соуетна. Ѡбличенїе в тѣ(х) запрещенїе и негодованїе знаменꙋеть. гле(т) бо соломонъ. снꙋ мои не неради о наказанїи гни. ниже ослабе и ѿ него ѡбличаемъ. его(ж) бо люби(т) наказꙋе(т). бїет же всакого сна его(ж) прїемлеть. обличенїи оубо сила бїенꙋ быва(ти) знаменꙋе(т). Сїа не акы съмнѣннаа. но акы исповѣданнаа. и въ прошенїи постыдѣнїе прерѣкающи(м) носащаа.

93:23: «и въздасть безаконие их и по лукавству ихъ погубить ихъ гь Бгъ»

(ГИМ, Новоспасск. III)

(л. 199 об.) Сїе праведнаго сꙋдiи есть въздаати безаконїе и(м) и(ж) того винꙋ даша. безаконїе же нн҃ѣ слыша. оуготовленꙋ на нь казнь разꙋмѣи. сего ради патое и шестое преведенїе болѣ(з)ни тѣ(х) глть. но како и(м) въздасть, погꙋби(т) ихъ гле(т) гь бгъ

нашь. Велїю бо сїи мꙋкꙋ злии стражꙋ(т). егда и сами и лоукавстьва и(х) ѿ средꙑ възмꙋтса. егда не к томꙋ питаютса чл҃чьскꙑми тлѣнїи и съгрѣшенїи. погꙋбить оубо и(х) не изгꙋблꙗ и(х) соущьства. пребꙑвати бо и(х) непрестанно мꙋчимꙑ(х) хоще(т). тѣм же и оуготова(н) имъ огнь есть вѣчнꙑи. но погꙋбить ѿ средꙑ ѿемлꙗ. испражнꙗ и(х) насилство. и не к томꙋ посре(де) на(с) бꙑти попꙋщаꙗ.

2:10—12 (**в҃**): «и ныне царие разумеите, накажитеся вси судящеи земли, работаите Господеви со страхом и радуитеся Ему с трепетом, приимите наказание, да не когда прогневается Господь и погибнете от пути праведнаго, егда возгорится вскоре ярость Его»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 42) **ѡригеново: И сїе оубо сꙋще есть х(с)вꙑ бл҃гости, сирѣ(ч) на него въставши(м) кн҃ѕе(м) и цр҃е(м) земьскꙑ(м) рещи. и аще преже нера(з)ꙋмѣюще навѣтовасте мнѣ.** (л. 42 об.) **но нн҃ѣ цр҃їе оура(з)ꙋмѣвше покаитеса. но зане не прилагаетса зе(м)стїи. еда нѣчто ст҃ꙑ(х) гл҃еть цр҃еи. сꙋще бо тои е(с) цр҃ь, иже вѣсть себѣ владѣти бе(з) (за)зрѣнїа совѣсти своеꙗ. како(ж) нѣ(с) цр҃ь, иже наслѣ(д)ствꙋе(т) нб҃(с)ное цр҃(с)тво. и в цр҃(с)тво бж҃їе бꙑти имѣа по(до)бае(т) бо семꙋ преж(д)е ѡбладати своими стр҃(с)тьми. оумр҃щвлꙗемꙋ грѣхꙋ цр҃(с)твꙋющꙋ в смр҃тномъ наше(м) тѣлеси. а еже по акилꙋ оум҃(д)рите(с), е(ж) подобае(т) воспрїати м(д҃)рость изъꙗвлꙗе(т). и кн҃ѕеи же разꙋмѣи сꙋгꙋбо, или бо събранꙑ(х) воедино на г҃а. еже сꙋдити бо сꙋще е(с҃) кн҃ѕе(м), или ст҃ꙑ(х), сꙋдїи бо тїи, зе(м)ст҃їи сꙋ(т) ꙗко(ж) ꙗвитса. сїе(ж) накажите(с), сирѣ(ч) предаите себе, или оученїю или наказанїю оустроителномꙋ. мла(де)нци оубо неволею на таковое привлачатса наказанїе елици сн҃ове. ѡ ни(х) же ѡставльши(х) законъ ре(ч҃)но е(с). посѣщꙋ жезло(м) безаконїа и(х), и ранами грѣхꙑ ихъ. а иже ѡщꙋщенїе себѣ прїмлю(т). предаю(т) себе самꙑ(х) на врачеванїе искꙋснꙋ. лꙋчши(х) сотворити болѣзньми. ѡ тѣ(х) бо мню, исаїа рече, восхота(т) аще бꙑша ѡгне(м) со(ж)жени. и пакꙑ иеремїа, аки ѿ лица и(х) гл҃е(т), нака(**л. 43**)**жи нꙑ г҃и, абаче сꙋдо(м) а не ꙗростїю. зѣлное бо токмо ѿмещꙋ(т) наказанїе, по(до)бна же е(с) и ꙗже гл҃ть. гнѣвъ г(с҃)нь понесꙋ, зане согрѣши(х) емꙋ, донде(ж) ѡправди(т) прю мою. но како землю ст҃їи бꙋдꙋ(т) сꙋдити, сирѣ(ч) зане непоревноваша и(м). мꙋжїе бо ниневи(т)стїи въстанꙋ(т) на сꙋ(д). и осꙋдꙗ(т) мꙋжеи рода сего. зане покаꙗша(с) проповѣдїю иониною. и се болѣ іонꙑ зде, сп҃съ рече. подобна(ж) и о цр҃цѣ южьскои ре(ч), мню ꙗко и оуч҃нци хв҃и, тако**

бꙋдꙋ(т) сꙋдити ѡбѣма надесяте колѣнома ıилевома, невѣровав ши(м) во х҃а. и все иже земли бꙋдꙋ(т) сꙋдити. н(ж) во всеи земли вѣровавшїи. и соломонъ въ притча(х) к наказателномꙋ оучению призываше гл҃я. прїимѣте наказанїе а не сребро, и разумъ паче злата искꙋшена.

Дидимово: Разꙋмѣи же сїе, і нн҃ѣ цр҃їе, сирѣ(ч) поне нн҃ѣ распятомꙋ и воскр҃(с)шемꙋ изъ мр҃твы(х). и оубоите(с) кн҃зи, познав ше ıако бг҃ъ е҃(с). да работѣ ıа(ж) в страсѣ преспѣятелнѣ преставши, ра(до)сть ва(м) прїиде(т). подобно семꙋ и сїе, ра(д)уитеся бв҃и гласо(м) радости, ıако г҃ь вышнїи страшенъ. сицевꙋ бо емꙋ сꙋщꙋ, подобае(т) с трепето(м) радость имѣти.

(л. 43 об.) Ѡригеново: Сꙋ(т) бо, иже д҃хъ работы прїаша въ страсѣ, но и сн҃ъ любовїю работае(т). любовїю бо и ап(с)лъ оучит ны работати дрꙋгъ дрꙋгꙋ. и са(м) спс҃ъ бы(с) посредѣ оученикъ. не ıако возлежаи, но ıако слꙋжаи, работая, и ѡмывая ногы и(х), аще оубо сїе, работаите гв҃и со страхо(м), гл҃ется въставши(м) цр҃емъ на х҃а. извѣстно е(с), акы нево(з)могши(м) ѿ начала прїати въсн҃овленїа д҃ха. сицевъ бо има(т) стра(х), иже мꙋкы боитсѧ. а не съвръшенъ есть в любви. в трепете (ж) сыи има(т) в себѣ и радость. ѡ ст҃ы(х) же стра(х) ра(з)умѣваемъ есть. за бл҃говѣнїе, кое никое ıаже има(т) мꙋкы, еже е(с) совершеннаго исправленїа. ıако (ж) извѣстно е(с) ѿ сего. нѣ(с) лишенїа боящи(х)сѧ его. како оубо в трепетѣ сицевїи, и мню. зане цр҃и оубо иже совершени сꙋ(т) во всякои добродѣтели. а иже страхо(м) водятсѧ, сꙋдїи зе(м)стїи сꙋть, имже не дарꙋе(т) пространныѧ ра(до)сти. да не нѣког(д)а ѡслабѣвше во(з)несꙋтсѧ. и тако падꙋтсѧ акы (л. 44) оуже достоини сꙋжени бывше посѣщенїя. поспѣшьство оубо показа, си(м) накажите(с). совръшени еже си(м) прїимите наказанїе. но иже оубо поспѣшьствꙋе(т) нѣко(г)да и гнѣвꙋ гн҃ю причастникъ бывае(т). а иже совершенъ е(с) томꙋ не съпричаститсѧ. тѣм же семꙋ прїимите наказанїе, приведено е(с) сїе. да не ког(д) прогнѣваетсѧ г҃ь, како же тїи, им же прогнѣваетсѧ г҃ь. погибнꙋ(т) ѿ пꙋти праведнаго. но сїе праведнаго, ни оу евреи, ни оу преводниковъ ѡбрѣтаетсѧ, сице (ж) разꙋмѣти(с) можетъ. прїимите наказанїе, да не ког(д)а погибнете ѿ пꙋти праведнаго, и прогнѣваетсѧ г҃ь, не приложенꙋ же семꙋ пра(д)наго, ра(з)умѣетсѧ ıако иже не прїемше наказанїя, на пꙋти ѿню(д) соу(д) не блазѣ. ра(з)гнѣваетсѧ г҃ь, да ѿ того ѿступя(т). и аще после гнѣва, приведено бы(с) ѿ ıарости, но по е(с)ствꙋ ıарость пре(д)варяетъ гнѣва. сїе же вскорѣ сирѣ(ч) помалѣ. и живота исхо(д) ѡжидающꙋ мꙋкы.

Дидимово: Може(т) же ре(ч)но бы(ти), и кое же воспрїимите наказанїе назнаменоуа, еще соуще в настоящеи жизни накажитеся. сїе же надѣяти(с) пока(з)у(л. 44 об.)етъ вѣроу крѣпчаишоую с надеж(д)аю непадающею. ниже бо въ являющи(х)ся жесточаиши(х) времене(х), надѣяися ѿчавае(т) пришествїе гн̃е к себѣ быти.

57:5 (н̃з): «яко аспиди глуси затыкающе ушеса своя»

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 832) ДидимовоЖ оклеветающеи писанїа, дръзающеи сїе реченїе шклеветахоу гл̃юще. не быти возмо(ж)но ѿ чрева заблоужатися, и лжоу гл̃ати. исполнивши(х) бо слово гл̃ють, еже съгрѣшати есть. но гл̃емъ, яко новороженыи младенецъ силою прїемлющь есть добродетели (л. 832 об.) и злобы. тог(д)а прїемля дѣиство(м), единоу ѿ си(х) навыченїи, ег(д)а познанїе добра и зла имѣти боуде(т). тогда бо и совръшается слово. егда оубо начне(т) по добродѣтели дѣиствовати. ѿ чрева мт̃ри гл̃ется добро дѣлати. таково е(с) и еже въ шбѣ. аще же и хлѣбъ мои ядо(х) единъ и сироу не подахъ. ѿ чрева мт̃рня привожа(х) тѣ(х) и пита(х) аки шц̃ь. и тїи оубо такоже ш ни(х) же слово е(с). доше(д)ше к совръшенїю слова. ѿ заблоуженїа начаша дѣлати. и изъявляе(т) сїе самое реченїе гл̃я. гл̃аша ло(ж)ная. нѣчто же и иже рожени соу(т) ѿ превращеннаго оучительства. ѿ самыя оутробы рожь(д)шїа тѣ(х). имѣахоу и еже заблоужати(с) и гл̃ати ло(ж)ная.

Аѳана(с)ево: ярость гл̃е(т) дш̃оу, яже и подобноу быти гл̃е(т) змїю иже в ра(и). иже лицемѣривъ словеса дроужбы, смерть введе. понеже оубо и тїи тако(ж), равви и оучителю гл̃ще. и вѣмы яко ѿ бг̃а пришелъ еси, и подобная словеса износяще, совѣтовахоу предати кр(с̃)тоу, то(г) ради подобїю змїиноу оуподоблени соу(т).

Феѡдорово: Таковъ имѣю(т) гнѣвъ смерти исполненъ. соуще бо есть сїе твори(ти). (л. 833) гнѣвающемоуся змїю.

Аѳана(с)ево: Не токмо змїи гл̃еть оуподобити(с) могоу(т). но и аспидоу в зоубѣ(х) имѣющоу ядъ. и не хотящоу слышати шбаванїа да ѿ ярости пр(е)станеть. сїа же гл̃еть, поне(ж) и тїи по гл̃соу исаїиноу, штяготиша оуши еже не слышати словесъ ѿ гл̃а

70:11 (о̃): «[о ни(х) же сами бѣси гл̃ють в нѣкоемъ ѱалмѣ ш шставляемы(х) ѿ бг̃а] поженете ре(ч) и имите его яко бг̃ъ остави(л) его и нѣсть и(з)бо(в)ляяи

(ГИМ, Чуд. 181)

(л. 1049 об.) <u>Исѵхїево</u>: Стрегоутъ дша наша не на бл҃го но на зло бѣси. стрегоуще тая ѩко оуловити навѣтѹюще. тїи бо егда насъ стрегше ради грѣха и к добротворенїамъ изнемогши(х) оузрятъ. аки ѡставленъıхъ ѿ бг҃а (л. 1050) въ единомъıшленїи съвѣщеваютъ не токмо женѹти но и ѩти тщаще(с) мнятъ бо не бъıти избавляющаго.

<u>Аѳанасїево</u>: Сїе зане рѣша, вмѣсто да не когда рекоу(т) врази мои. нападемъ нань. боудетъ бо намъ в расхъıщенїе. не пособьствѹющѹ бг҃ѹ.

<u>Ѳеωдорово</u>: Се бо врази вся творяще и стрегѹще. да и дш҃ѹ мою ѿимѹ(т) множествомъ бѣдъ. сходящеся всегда вкѹпѣ гл҃ютъ. нѣсть попеченїа бг҃ѹ к томѹ ω нихъ. имите, ωзлобите, оубїите. нѣсть бо помогаяи имъ. хощетъ же гл҃ати. ѩко единъ дрѹгомѹ повелѣваетъ. и единъ дрѹгаго воз(д)визаютъ на мя.

<u>Аполинарїево</u>: Съпри(ли)чьствовати же ся могутъ сїа. въ времѧ востанїа авесаломова. ω нем же и тая речена бъıша въ третїемъ ѱалмѣ. мнози гл҃ютъ дш҃и моеи нѣсть сп҃сенїа емѹ о бз҃ѣ его. съωбщенїемъ же еже къ праведнъıмъ. и гь҃ пострада таковое враговъ востанїе гл҃ющихъ. да избавитъ его ѩко хощетъ его и мня(л. 1050 об.)щихъ ωставлена бъıвша иже по совѣтѹ ѿчю стражѹщаго. да грѣшатъ оубо гл҃етъ ѿ совѣщанїа своего лѹкавїи. и по оупованїю моемѹ а не по мнѣнїю ихъ да ѩвитсѧ дѣло себѣ имѣя...

<u>Дѵдимово</u>: Аще бо Хс҃ гл҃а и есть, послѣдѹетъ сїе. аще бъı ми врагъ поносилъ. претерпѣлъ бъı(х) оубо. сїе бо и ѩже по сихъ ω юуде гл҃етъ...

<u>Феωдорово</u>: Но аще и сїа гл҃ютъ тїи, и дѣломъ нападаютъ. да не продолжиши пакъı твою помощь подати. тѣмъ претящимъ, тъı помози. не бъıваетъ же далече бг҃ъ сѹществомъ вся исполняяи. но промъıшленїе проситъ. и твоея помощи дѣиства.

<u>Исѵхїево</u>: И како бг҃ъ иже надо всѣми и всѣхъ. оудаляетсѧ. но егда (л. 1051) мъı пришествїю его недостоина твори(м). ѩкоже пр(о)р҃ческъıмъ ѩзъıкомъ ко юудеωмъ гл҃аше, грѣхъı ваши раздѣляю(т) посредѣ васъ и бг҃а.

Псалтирные цитаты довольно легко вычленяются в тексте «Слова пространного», в частности благодаря языковым «швам». Необходимость согласовывать «свой» и «традиционный» тексты[11] может вызывать определенные аккомодационные изменения в синтаксической структуре цитаты. Так, например, Пс. 74:9 в тексте

Псалтири читается следующим образом: [*Рех* беззаконнующим...] «***Яко*** чаша в руце **Господни**, вина нерастворена, исполнь растворения...». В тексте «Слова»: [**нє оуcтрашаютсѧ нижє боѧтсѧ грѫдъıмъ противѧщагосѧ вседръжителѧ га҃**] **єго жє в рѫцѣ чаша исполнь вина нерастворенаго** (РГБ, ф. 173/I, МДА, Фунд. 42, л. 286 об.) [12]. В других случаях синтаксическая «аккомодация» может быть менее явной. Например, в цитате из Пс. 73:20 союз «яко» вводит не придаточное причины, как в тексте Псалтири («Призри на завет твой, *яко наполнишася помрачении земли домов неправедных*»), а дополнительное придаточное, отвечающее на вопрос что? после причастия *глаголющаго.* При цитировании Пс. 61:11 сохраняются императивные формы глаголов («Не *уповайте* на неправду и на восхищение *не желайте,* богатство, аще течет, *не прилагайте* сердца), которые в тексте «Слова» становятся частью прямой речи Василии.

Согласно наблюдениям исследователей, древнерусским авторам было свойственно вводить цитаты в текст как бы самоустраняясь, сводя авторский текст к ремаркам типа «пакы» и т. п. [13] А. Наумов, анализируя библейскую цитацию в сочинениях Кирилла Туровского, предлагает следующее объяснение: «...чтобы смягчить неминуемую десакрализацию Св. Писания в маловременной структуре своих произведений, Кирилл, как все другие писатели, употребляет ряд выражений, указывающих на библейское происхождение слов или образов. Первая группа – это обороты типа *рече* (Господь, Бог, Христос, пророк...), *глаголет, сказует, по апостолу, по Господне словеси, по Писанию* и много другое. Вторая группа – это сигналы метафорического, переносного употребления слов или же сравнений. К ней относятся сочетания с прилагательными *разумный, умный, словесный, духовный, мысленный.* Есть выражения типа: *поидем... умомъ и узрим мысльно, разумею разбойника, блудницу помышляю, уподобихся, поревновах* и др.» [14]

Подобный способ введения цитат характерен и для «Слова пространного» Максима Грека. В рассматриваемом произведении далеко не единичен случай, когда цитаты следуют одна за другой, как бы перетекают друг в друга, являясь при этом средством выражения мысли автора. Так, цитата из Пс. 118:105 «светильник ногам моим закон твои и свет стезям моим» сопровождается развернутым комментарием автора об истинных и ложных «обручниках» (т. е. правителях), включающим в себя и другие стихи того же псалма: «**єлици бо сїє истиною гл҃тъ єгда молѧтсѧ вл(д)цѣ всѣхъ, ни(ж) ногъı ихъ сирѣ(ч) праве(д)нїи и бл҃гоч(с)тивїи помъıсли ѿвращаютсѧ правдъı**

страстїю лихоимства и неправды. ниже стезя ихъ, еже е(с) мысли и тонкая помышленїа ихъ не скверната пло(т)скими похо(т)ми но ѿ закона сирѣчь ѿ заповѣден вышняго акы ѿ свѣщника нѣкоего просвѣщаеми, всякыя правды дѣютъ, и чистотꙋ и святость дш҃и иже и тѣлеси, и люба(т) и съвръшаютъ, радꙋющеся всякои правдѣ и чл҃колюбїю и кротости и бл҃гости. къ по(д)рꙋчникѡмъ оукрашаеми и съ дрьзновенїемъ гл҃ще къ вышнемꙋ моляшеся. *сътворихъ сѫ(д) и правдꙋ, не предаж(д)ь мене ѡбидящи(м) мя, лꙋкавы(м)* (Пс. 118:121) сирѣчь чл҃кѡмъ и бѣсѡмъ. и пакы. *неправдоу възненавидѣ(х) и мръземи. закона же твоего възлюби(х)* (Пс. 118:163) глю҃ща ми бл҃жени мл҃(с)тивїи яко ти(и) помиловани бѫдоу(т). блж҃ни алчющеи и жаж(д)оущеи правдоу яко ти(и) насытятся (Фунд. 42, л. 285–285 об.). Завершается приведенный отрывок евангельской цитатой Мф 5:7, 6. В данном отрывке можно наблюдать некоторые лексические средства, являющиеся своеобразным «швом», отделяющим «свой» текст от «традиционного», выделенные в нашем примере курсивом. Это те лексемы, которые, по классификации А. Наумова, относятся к так называемой «первой группе», в данном случае гл҃ще (гл҃ща) и моляшеся. Характер употребления цитат в «Слове» свидетельствует о том, что они приводились автором по памяти. Подтверждением этому предположению может быть способ введения цитаты из Пс. 70:11 ѿ них же сами бѣси гл҃ють въ нѣкоемъ ѱалмѣ ѡ ѡставляемы(х) ѿ бг҃а (Фунд. 42, л. 290 об.).

Цитаты могут служить подтверждением мысли автора, являться средством выражения авторской идеи, а также быть отправной точкой дальнейшего развития мысли автора. Часто развитие авторской мысли сопровождается привлечением все новых и новых цитат. Итак, при введении цитаты в «Слове пространном» используются такие языковые средства, как употребление лексем определенной семантики и синтаксическая аккомодация «традиционного» текста.

Что касается семантики рассматриваемых цитат из Псалтири, то все они касаются таких основополагающих для христианской жизни категорий, как праведный путь, заключающийся в следовании закону Божиему, и неправедный путь, ведущий к Божиему наказанию [15], которое неотвратимо. С помощью цитат в «Слове пространном» особо подчеркивается, что Божие долготерпение, дарующее время на покаяние, не означает, что Господь, подобно людям, человекоугодлив и приемлет нераскаянных грешников [16].

Цитата из Пс. 2:10–12, обращенная к царям, вводит новый аспект в цитатное семантическое поле. Благочестивые и недостой-

ные цари – тема, которой посвящено не одно произведение Максима Грека. Это, например, такие сочинения, как Послание Василию III, написанное по поводу окончания перевода Толковой Псалтири (около 1521 г.), «Главы поучительны начальствующим правоверно» (послание из 27-ми глав, адресованное Ивану Грозному, – конец 1540-х гг.), «Слово к начальствующим на земли» – еще одно послание Ивану Грозному (1548–1551 гг.), «Послание к начальствующим правоверно о исправлении» (1540-е гг.), «Сказание о правде и милости», «Сказание о веледушии и совете» (конец 1540-х гг.), «Слово о неизглаголаннем Божием промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих», Послание царю Ивану IV (1551 г.). Во всех этих произведениях поднимается тема истинного и ложного правителя христианского царства. Надлежащее исполнение правителем своих обязанностей является важнейшим условием благополучия вверенного ему царства. И, наоборот, несоответствие правителя своему высокому предназначению влечет за собой гибель царства, как это случилось с Византией («Слово к начальствующим на земли»). Предостережениями против гордости и превозношения, сребролюбия и лихоимства, призывами к милости, долготерпению, праведному суду, попечению о подданных очерчивает Максим Грек образ истинного правителя[17].

Важно отметить, что в «Слове пространном» присутствует двоякая трактовка лексемы «царь» из Пс. 2:10–12: помимо того, что царь – человек, почтенный земным царским достоинством, под царем понимается и любой христианин, потому что он призван наследовать Царство Небесное. Об этом свидетельствует, в частности, та реплика, которой путник прерывает Василию, произнесшую слова Пс. 2:10–12: **вся таже ѿ тебе гл҃аная и пр҇п(д)бна ѕѣлѡ сѫ(т). и страшна боящимся истиною вышня(г). и бе(з)конечнаго его цр҇(с)твїа желающимъ полꙋчити** (РГБ, ф. 173/I, МДА, Фунд. 42, л. 287 об.).

Подобное понимание смысла данного стиха Псалтири обнаруживается и в комментарии, под именем Оригена помещенном в Толковой Псалтири, переведенной Максимом Греком: **сꙋще бо той е(с) цр҇ь, иже вѣсть себѣ владѣти бе(з) (за)зрѣнїа совѣсти своея. како(ж) нѣ(с) цр҇ь, иже наслѣ(д)ствуе(т) нб҇(с)ное цр҇(с)тво. и в цр҇(с)тво бж҇їе быти имѣа по(до)бае(т) бо семꙋ преж(д)е ѡбладати своими стр҇(с)тьми. оумр҇щвляемꙋ грѣхꙋ цр҇(с)твꙋющꙋ в смр҇тномъ наше(м) тѣлеси** (Чуд. 181, л. 42 об.). Таким образом, контекст

Толковой Псалтири и сами псалтирные цитаты являются средством семантического расширения авторского текста.

Укажем, что отмеченная смысловая связь «Слова пространного» с Толковой Псалтирью, переведенной Максимом Греком, не единична. Так, например, цитаты из Пс. 74:9; 49:21; 11:6; 9:34; 93:1, 5–6, 23 вводятся и соединяются между собой при помощи авторского текста – комментария, представляющего собой своеобразный парафраз толкований Толковой Псалтири. Речь идет о гордецах, которые не боятся самого Бога, **его же в рѫцѣ чаша исполнь вина нерастворенаго** (Пс. 74:9). За цитатой следует коментарий Максима Грека о том, что выражение «чаша, исполненная вином нерастворенным» означает, что она наполнена **ꙗрости нестерпимꙑѧ и гнѣва** (Фунд. 42, л. 286 об.). Этот комментарий также в смысловом плане может быть соотнесен с толкованиями Толковой Псалтири, например: **имать бо глетъ в рѹцѣ своеи чашѹ. исполненѹ нерастворена вина. да речетъ, страшнѣе мѹченїе** (Чуд. 181, л. 1134 об. –1135). Цитата из Пс. 49:21 **сїа сътворилъ еси и оумлъчахъ, възнепщевалъ еси безаконїе ꙗко бѫдѹ тебѣ подобенъ** (Фунд. 42, л. 286 об.) имеет продолжением обширный комментарий, включающий в себя и другие псалтирные цитаты, что, как уже отмечалось, присуще тексту Максима Грека: **сирѣ(ч) мыслиши въ себѣ ꙗко им же ѡбразѡ(м) ты бесчювьствѹѧ пребываеши въ свои(х) безаконїи и всѧчьскы(х) неправдованїи и ѡбидащи(м) млъчиши. и ни едино тебѣ попеченїе е(с) ѡ ѡбидащих подобнѣ твоеи неправеднѣи мысли, ниже ѿмьстиши ѡбидимыѧ. чаеши ли ꙗко и азъ тѣмже тебѣ ѡбразѡ(м) оумлъчати хощѫ ѡ неправдованїи ваши(х) и бгомръзкыхъ ѡскверненїи. и не имамъ сътворити ѿмъщенїе въпїющи(м) непрестанно къ мнѣ на вы и горчаише плачющи(м) ѡ бѣда(х) свои(х) нхже стражоутъ ѿ ва(с). ни ре(ч), ни, праведенъ азъ соудїи. но ѡбличю тѧ и поставлю пре(д) лице(м) твои(м) беззаконїи твои(х)** (Пс. 49:21), **или не слышиши ли мене глщаго. бѣдъ ради нищи(х) и въздыханїа оубогы(х). нн҃ѣ въ(з)станѹ гл҃ть гь҃** (Пс. 11:6). **ѡно же како презираеши глщее слово писанное. чесо ради прогнѣвалъ е(с) нечестивы(и) бга. таже скажеть твое безѫмїе и приводи(т). рече бо въ ср(д)ци своемъ. не взыще(т)** (Пс. 9:34). **не прелщаитеся без ѫма. взыщѹ азъ взыщѹ. бгъ бо азъ ѿмщенїи. бъ҃ ѿмьщенїи не ѡбинѹлся** (Пс. 93:1). **како не оустрашаетеся ѡглѹеми ѿ бывшаго праведнаго цр҃ѧ глщагѡ къ мнѣ на ва(с) съ негодованїемъ. люди твоѧ гн҃ смириша и достоѧнїе твое ѡзлобишѧ. вдовѹ и сїра оубишѧ и пришелца погоубишѧ** (Пс. 93:5–6). **или не сицева и гръша си(х) бываютъ нн҃ѣ ѿ ва(с) ѕѣлѡ бе(з)мл(с)тнѣ.**

не слышите ли того(ж) праве(д)наго какѡ вседи̅нѡ въз(д)визаеть мене на ва(с) гл҃а. и въздасть имъ г҃ь бе(з)законїе ихъ. и по лоукав ствꙋ ихъ погжби(т) ихъ г҃ь б҃ъ (Пс. 93:23). **чесо же ра(ди) презираете завѣщанїе гл҃ющее вамъ. и н҃нѣ ц҃рїе разꙋмѣите. накажитеса вси сꙋдащеи земли. работаите г(с҃)ви съ страхомъ и радꙋитеса емꙋ съ трепето(м) прїимите наказанїе да не когда прогнѣваетса г҃ь. и погыбнете ѿ пꙋти праве(д)наго. егда въ(з)горитса въскорѣ ꙗрость его** (Пс. 2:10–12) (Фунд. 42, л. 286 об. – 287 об.).

Текст Максима Грека, который соединяет между собой указанные цитаты, опять, на наш взгляд, опирается на комментарии, содержащиеся в Толковой Псалтири. Так, например, авторский текст, следующий за цитатой Пс. 49:21, характеризуется смысловым тождеством с толкованиями на этот же стих, читающимися в Толковой Псалтири, например: **По се(м) азъ оубо трьпа оумолчахъ, и не наложи(х) ти абїе съгрѣшающемꙋ моукы, ждꙋщи покаанїа твоего. ты же помыслилъ ꙗко бꙋдꙋ тебѣ подобенъ** (Чуд. 181, л. 702), или **Древле оубо рече длъготръпѣ(х), но н҃нѣ не сотворю сего, пре(д)ставлю бо грѣхы твоа, въ ѡбличенїе еже на та. коа ты оубо непщевалъ еси не быти к томꙋ** (Чуд. 181, л. 702 об. –703) Цитата из Пс. 9:34, с одной стороны, повторяет мысль о ложном понимании грешниками Божиего долготерпения, заявленную с помощью псалтирного стиха 49:21, с другой стороны, служит переходом для дальнейшего развития авторской мысли о неизбежности Божиего наказания, подкрепляемой цитатой из Пс. 93:1. Сопоставление текста Максима Грека, в котором комментируется Пс. 9:34 в «Слове», с толкованиями Толковой Псалтири на этот же стих, как, например, **зане же в нечестїи и безаконїи живꙋщїи, имиже твора(т) гл҃ть ꙗко забы б҃гъ, наоучи и(х) искꙋсъство(м) ꙗко не забылъ еси ниже ѿвращаеши лице свое но ѡбидимы(х) попеченїе твориши** (Чуд. 181, л. 142), еще раз демонстрирует связь Толковой Псалтири с текстом «Слова пространного». При этом не следует считать, что Максим Грек просто использовал некий готовый набор цитат на заданную тему, искусно соединяя цитаты между собой. Цитаты в «Слове», очевидно, как было замечено, приводимые по памяти, являются органичной составляющей текста, они совершенно естественны для языка произведения и не являются чем-то искусственно привнесенным в текст. Для автора, судя по той свободе и легкости, с которыми он обращается с ними, цитируемые стихи Псалтири являются не «чужой», а «своей» речью[18]. То, что контекст, задаваемый Толковой Псалтирью, по нашему мнению, определяет семантическое поле «Слова пространного», не

есть результат случайного совпадения или схоластического начетничества, некоей отвлеченной выученности автора, хотя повторим общеизвестное, что в случае Максима Грека мы имеем дело с уникальным для Древней Руси уровнем образования. Весь комплекс сочинений Максима Грека, как и сама его жизнь, убеждают, что смысловые императивы Священного Писания и святоотеческих толкований были реалиями, действительно определявшими его жизнь и творчество, а не набором средств, маской литератора-профессионала.

Комплексный анализ псалтирных цитат «Слова пространного» с учетом контекста святоотеческих комментариев, содержащихся в Толковой Псалтири, переведенной Максимом Греком, на наш взгляд, изменяет представление о семантике данного произведения. Теперь «расшифровка» символики «Слова», предложенная Н. С. Тихонравовым, который отождествлял Василию с Московским царством[19], представляется лишь одним из вариантов, но не исчерпывающим ответом на вопрос. Внимательное прочтение других оригинальных сочинений Максима Грека, затрагивающих проблему государственной власти, укрепляет исследователя во мнении о том, что речь в «Слове» идет не только о конкретном царстве, но и о концепте христианского царства и его правителя. Подтверждения этому находятся в самом тексте «Слова пространного». Во-первых, Василия так говорит о себе путнику: «**Азъ оубо ѡ преходниче єдина єсмь ѿ бл҃городнъı(х) и славнъıхъ дщереи всѣ(х) цр҃ѧ и съдѣтелѧ и вл҃(д)къı, ѿ него же исходи(т) всѧко даанїє бл҃го и всѧ(к) даръ съвръшенъ на с҃нъı чл҃чьскъıѧ, ищꙋщи(х) его всѧкъı(ми) праве(д)нъıми дѣанїи и чистъı(м) житїємъ. ѿ него (ж) всѧко ѿч҃ьство на н҃беси и на земли. имѧ ж мнѣ не єдино, но различна. и начальство наричюсѧ и власть и вл(д)чьство, и г(с҃)дьство. сꙋщее же мнѣ имѧ акъı ѡбдержителнѣє пре(д)ре(ч)ннъı(х), василїа имѧ є(с҃) мнѣ. сїє изрѧднѣє имѧ полоучивши ѿ въıшнѧго. понеже владѣющїи мною длъжни сѫть бъıвати крѣпость и оутверженїє сѫщи(м) по(д) рѫкою и(х) людемъ, а не пагѫба и смѧтенїє бе(з)спрестани. сице бо тлъкоуєтсѧ греческъıмъ ꙗзъıкомъ наречєнїє василеєво. єго ж мнѡжаиши неразѫмѣвше и не достоинѣ цр҃ь(с)каго наречєнїа моєго вещи по(д)рꙋ(ч)никѡвъ оустроивше и мч҃итли вмѣсто цр҃еи бъıвше, и мене ѡбесчествовашѧ, и себе въ послѣдни(х) лютъı(х) и болѣзне(х) въвръгошѧ, достоино своєго безꙋмїа и лютости въспрїємше ѿ въıшнѧго въ(з)мездїє**» (Фунд. 42, л. 283—283 об.).

Во-вторых, особенностью сюжетно-композиционного построения «Слова пространного» является то, что оно опирается на три

оппозиции: 1) речь – молчание (как признается Василия, лучше молчать, чем говорить, но в ответ на неотступную просьбу путника все же решается говорить), 2) обручник – исполуобручник, т. е. истинный и ложный правитель (сюда же входит понятие «подручник» – подданный, за которого в ответе «обручник»; в некоторых списках «Слова пространного» сущ. «обручник» заменяется на **порꙋчникъ** (РГБ, ф. 256, Румянц. 264, л. 113 об.) и **подрꙋчникъ** (РГБ, ф. 292, Строев 62 (М. 8291), л. 255 об.; РГБ, ф. 304, Троицк. 201, л. 91 об.; ГИМ, Син. 491, л. 122 об.), которые, по-видимому, воспринимаются переписчиками как синонимичные), 3) «век последний» – «бесконечные веки». Псалтирные цитаты, являясь своеобразным семантическим расширителем, способны, подобно оптической линзе, менять масштаб изображаемого, т. е. они обладают смыслообразующей функцией. Контекст Толковой Псалтири задает семантическую бинарность псалтирных цитат в «Слове пространном», чем, в свою очередь, и определяется построение всего текста по принципу бинарных семантических оппозиций.

Лексемы «обручник», «подручник», «поручник» и «исполуобручник» требуют комментария. Для того чтобы иметь более полное представление об их употреблении в XVI в., обратимся к данным Картотеки Словаря XI–XVII вв. ИРЯ РАН и к значениям, зафиксированным в Словаре Срезневского:

обрꙋчникъ

Картотека Словаря XI–XVII веков:

Иосиф Обручник

Палея историч. XV в. «впрашааше Ревека, где есть обручникъ мои»

XVII в.: обручникъ (← обруч) – набивающий обручи на кады

Словарь Срезневского: **обрꙋчьникъ** – обрученный, жених

обрꙋчатисѧ – посвящаться

обрꙋчити – схватить, найти, получить;
вручить;
назначить;
поручить;
обручить

порꙋчникъ

Словарь Срезневского: получивший поручение, исполнитель воли, правитель, попечитель, управитель, смотритель

подрꙋчникъ

Словарь Срезневского: подчиненный, подвластный

Картотека Словаря XI–XVII вв.

1. *Великие Минеи Четьи* (вторая половина XVI в.) – окт. 1–3, дек. 31

2. *Библия Геннадиевская 1499 г.*, гл. 1:2–13

3. *СГГД. Ч. I 429* – Грамота подручная 1527 г. «И где ся князь Михайло за нашею порукою денеть, куды отъедеть или збежить: ино на насъ на подручникахъ... вся подрука пять тысячь рублевъ»

4. «*Просветитель*» *Иосифа Волоцкого* «сквернители и подручницы, питающеся лестьми своими» (в цитате)

5. *Послание Иосифа Волоцкого Нифонту XVI в.* «И мнози последуют им нечистотами, сквернители и подручници, питающиеся лестьми, очи имуще исполнь любодеяниа и непрестающа греха»

6. *«Казанская история». XVI в.* «Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и его князем и воеводам, всегда нас боящимся!»

7. *Вассиан Патрикеев «Собрание некоего старца». XVI в.* «Мнози от мних... запеншеся, и быша подручницы бесом, зане стяжаша себе мирския вещи – книги украшении, сосуди различны, убрусца пестры иметца...»

Известно еще одно употребление этой лексемы Максимом Греком. В сочинении «инока Максима Грека послание к некоему другу его, в нем же толкование некоих неудобь разумеваемых в божественном писании» в комментарии на слова Пс. 141:4 **на пꙋти семъ по немꙋ(ж) хожа(х) съскръıша сѣ(т) мнѣ порꙋчникъ** о человеке, противящемся Богу, читается: **оного бо познаваютъ сирѣчь порабощаю(т) себѣ** [бесы. – *Г. К.*] **и по(д)рꙋчника имоу(т)** (цит. по ркп.: РГБ, ф. 37, Больш. 16, л. 195).

Здесь также необходимо отметить, что в одном из толкований без указания имени автора на Пс. 118:121, содержащемся в Толковой Псалтири, переведенной Максимом Греком, употреблены лексемы **подрꙋчникъ**, **порꙋчникъ**, а также **порꙋченїе**, **порꙋчающии**, **порꙋчатиса**. Слова царя Давида «Сотворих суд и правду, не предаждь мене обидящим мя» понимаются в толковании как просьба бывшего подручника «гордой супротивной силы» принять его как поручника, соблюдающего себя и хранящего поручение, которое ему поручено. Т. е. существительное подручники употребляется здесь в отрицательном значении, существительное же поручники и слова, образованные с той же приставкой по, обладают положительным значением.

исполѹобрѹчникъ

Наречие **исполѹ**, входящее в состав существительного **исполѹобрѹчникъ** и означающее «наполовину», активно употребляется в XVI в. Согласно данным Картотеки Словаря XI–XVII вв., оно встречается в таких произведениях, как «Казанская история», Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, сочинения Андрея Курбского. Зафиксированы случаи его употребления и в сочинениях Максима Грека: «Подобаше убо нам... прилепитися несумнено здравым словесем апостольскых преданий, да будем истиною съвершении благочестиви христиане, а не исполу» (РГБ, Рум. 264, л. 22 об.); «Виждь убо, яко мы убо не токмо за васъ, котории исполу является тем же путемъ с нами шествовать, молитися научихомся...» (Сочинения Максима Грека. Ч. I. С. 273).

Как можно видеть, употребление анализируемых лексем не является отличительной особенностью сочинений Максима Грека. Другое дело, что в «Слове пространном» эти лексемы находятся в определенных отношениях друг с другом и таким образом выражают авторскую идею истинного и ложного правителя христианского государства. «Обручник» (в некоторых списках «поручник» или «подручник») противопоставляется в сочинении «исполуобручнику», и одним из оснований такого противопоставления является отношение к «подручникам». «Обручник» – это жених Василии, тот, кто с ней обручен. Поэтому в отсутствие «обручников», когда государством правят «исполуобручники», Василия предстает в «Слове» в образе печальной вдовы. Согласно Максиму Греку, такова участь Василии в «сей последний век», который назван в сочинении «окаянным». Для того чтобы «последний век» имел возможность соприкоснуться с «бесконечными веками», во главе земного царства, по мысли Максима Грека, должен находиться «обручник», восприявший **правдѹ и всѧко(г) бг҃оѹгоднаго жителства и щедрѡты къ по(д)рѫчникѡ(м)** и отступивший **всѧкыѧ ѕлобы и неправды** (цит. по ркп.: Фунд. 42, л. 292 об.).

Псалтирные цитаты, как и другие библейские цитаты в «Слове», расширяют конкретно-исторические рамки произведения и вводят пространство христианской истории. Читатели, несмотря на то что полное название сочинения **Слово пространнѣе излагающе с жалостию нестроениѧ цр҃ей и властеле(х) последне(г) вѣка се(г)**, как представляется, читали и читают это произведение не как политический памфлет, а скорее как богословский или философский

трактат о смысле и предназначении христианского государства и его правителей. Таким образом, изучение псалтирных цитат в «Слове пространном» помогает получить более полное представление о семантике рассматриваемого сочинения и понять причину его столь широкой популярности. В заключение следует еще раз отметить, что текст Максима Грека, являясь своего рода комментарием к Псалтири, так и воспринимался современниками, которые использовали отрывки из этого и других сочинений Максима Грека в качестве толкований на стихи псалмов в составленной в 60-е гг. XVI в. в юго-западной Руси Толковой Псалтири.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Библиографию вопроса см., например: *Двинятин Ф. Н.* Традиционный текст в Торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М., 1995. С. 81–101.

[2] *Запольская Н. Н.* Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 482.

[3] Литературоведы-медиевисты в связи с проблемой библейской цитации в основном обращали внимание на сочинения Кирилла Туровского. См.: *Рогачевская Е. Б.* Цитаты из Нового Завета в Торжественных словах Кирилла Туровского // Мат-лы XXVI всесоюз. научн. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1988. С. 49–53; Она же. Некоторые особенности средневекой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Филологические науки. 1989. № 3. С. 16–20; *Она же.* Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 96–105; *Она же.* Библейские тексты в произведениях древнейших русских проповедников (к постановке проблемы) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 3. М., 1992. С. 181–199; *Она же.* Библейские тексты в Византии и на Руси: Иоанн Златоуст и Кирилл Туровский // Балканские чтения. 2. М., 1992. С. 81–84; *Наумов А. Е.* Св. Кирилл Туровский и Священное Писание // Philologia slavica: Сб. в честь 70-летия Н. И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 114–123; *Двинятин Ф. Н.* Традиционный текст в Торжественных словах св. Кирилла Туровского. Некоторые из недавних работ см. в сборнике: Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer / Ingunn Lunge-Beregen (ed.). Slavica Bergensia, 2. Department of Russian Studies; University of Bergen, 2000. Рецензия А. Ранчина на этот сборник помещена в журнале Новое литературное обозрение. № 56 (4). 2002. С. 383–385.

[4] Об Иоасафовском, Хлудовском и Румянцевском собраниях сочинений Максима Грека см.: *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 161–186.

[5] *Баракки М.* Отзвуки итальянской литературы в Московии XVI столетия (Сопоставление «Слова» Максима Грека с мотивами и художественными при-

емами «Божественной комедии») // Россия и Италия. М., 1993. С. 39–64.

[6] *Баракки М.* Указ. соч. С. 40.

[7] *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 61–74.

[8] *Буланин Д. М.* Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 257–285; *Казимова Г. А.* Сказания о птице неясыти у Максима Грека и в славянской книжности XVI–XVII вв. // Byzantinoslavica. LXII. Prague, 2004. P. 251–270.

[9] Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение АН СССР, 1980.

[10] *Попов Н.* Рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. I. Новоспасское собрание. М., 1905.

[11] «Свой/чужой» – стандартная лингвистическая оппозиция, применяемая при анализе текста. В данном случае вслед за Ф. Н. Двинятиным мы предпочитаем использовать термин «традиционный» вместо «чужой» применительно к библейским текстам. См.: *Двинятин Ф. Н.* Традиционный текст в Торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. С. 81.

[12] Отметим, что именно в таком виде цитата с комментарием Максима Грека была включена в Толковую Псалтирь, созданную в юго-западной Руси в 60-е гг. XVI в. Подробнее см.: *Казимова Г. А.* Церковнославянская Толковая Псалтирь второй половины XVI–XVIII веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2002–2003>. М., 2003. С. 360–371; *Она же.* Церковнославянский свод толкований на Псалтирь второй половины XVI в. и история его бытования в XVII–XVIII вв. (на материале рукописей, хранящихся в Отделах рукописей ГИМ, РГАДА, РНБ, РГБ) (статья основана на докладе, прочитанном на VI Междунар. научн. конф. «Книга в России». СПб., 29 ноября – 1 декабря 2004 г.), в печати.

[13] *Топоров В. Н.* Работники одиннадцатого часа – «Слово о законе и благодати» и древнекиевские реалии // Russian literature. XXXIV. 1988. P. 100; Рогачевская Е. Б. Библейские тексты в Византии и на Руси. С. 83.

[14] *Наумов А.* Св. Кирилл Туровский и Священное Писание. С. 120–121.

[15] Основные темы псалтирных стихов и толкований на них, как они понимались составителями и переписчиками, отражены в пометах на полях в списках Толковой Псалтири, созданной в юго-западной Руси в 60-е гг. XVI в. подробнее в: *Казимова Г. А.* Церковнославянский свод толкований на Псалтирь второй половины XVI в. и история его бытования в XVII–XVIII вв. (на материале рукописей, хранящихся в Отделах рукописей ГИМ, РГАДА, РНБ, РГБ).

[16] Данная тема затрагивается Максимом Греком не только в «Слове пространном», но и в «Нравоучительных наставлениях для владеющих над истинно верующими», где, в частности, комментируются стихи Пс. 72:1–6. Этот комментарий также был включен составителями в состав Толковой Псалтири, созданной в 60-е гг. XVI в. в юго-западной Руси.

[17] *Казимова Г. А.* Сочинения преп. Максима Грека и концепция «Москва – Третий Рим» // Ежегодная богословская конф. Православного Свято-Тихоновского богословского инта: Мат-лы. М., 1999. С. 175–182.

[18] О Псалтири как богослужебной книге см.: *Мещерский Н. А.* Памятники ветхозаветной письменности в древней славяно-русской рукописной традиции // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 348: «В составе так называемых "вседневных служб" исполнялось свыше 50 отдельных псалмов. Кроме того, Псалтирь в целом, разделенная на 20 кафизм, должна была читаться в церкви ежедневно в течение всей недели. Псалтирь полагалось читать над покойником. Эта же книга с особой тщательностью и подробностью исполнялась на службах Великого Поста». Такой порядок, определенный Типиконом, существует и поныне. Так, Пс. 118 пропевается на воскресной утрени, звучит на заупокойных субботних службах, на родительских субботах, на заупокойном парастасе во вторую, третью и четвертую субботы Великого Поста, где пропевается с делением пополам, до и после «Среды», т. е. середины. Сведения о Типиконе в византийский период см.: *Арранц М.* Око церковное (История Типикона). Рим, 1998.

[19] *Тихонравов Н. С.* Задачи истории литературы и методы ее изучения (рец. на соч. А. Галахова «История русской словесности древней и новой». СПб., 1863, 1868, 1875) // Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. I. Древняя русская литература. М., 1898. С. 93): «...опасность для отчины и православия от душегубительных волк и козней вражиих, для Москвы, для этого третьего Рима — велика, страшна, особенно после того, как, по словам старца Филофея, "два Рима пали". Московское царство "этого окаянного века" представляется Максиму Греку в виде печальной вдовы, которая сидит в пустыне, на распутии; ее окружают хищные звери: львы, медведи, волки и лисы — те, коих Стоглав называет просто душегубительными волками. Пустой путь есть путь этого окаянного — последнего века».

Г. А. Казимова

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОЛОГИИ «СЛОВА ПРОСТРАННОГО» МАКСИМА ГРЕКА

Разночтения в псалтирных цитатах, например Пс. 73:20, между списками явились одним из поводов к проведению текстологического изучения «Слова пространного» Максима Грека. Для анализа были привлечены списки по принципу репрезентативности: каждый список представляет один тип собраний сочинений Максима Грека, согласно классификации, предложенной Н. В. Синицыной[1]. Это следующие рукописи:

1) РГБ, ф. 173, МДА Фунд. 42 (конец 40-х – 50-е гг. XVI в.), л. 281 об. – 292 об. – **Иоасафовское собрание** (сборник содержит правку рукой Максима Грека, на указанных листах она отсутствует);

2) РГБ, ф. 173. III, МДА 138 (конец 1540-х – перв. половина 1550-х годов (до 1556 г.), л. 178–188 – **Иоасафовское собрание** (сборник содержит правку рукой Максима Грека, в частности на л. 178 об., 179 об., 187 об., 188, поэтому этот список был также привлечен к исследованию);

3) РГБ, ф. 256, Рум. 264 (между 1551–1555 гг.), л. 112–119 – **Румянцевское собрание** (содержит правку рукой Максима Грека, в частности на л. 114 (3 св., 7 сн.), л. 115 об. (4, 8 св.), л. 117 (5 сн.), л. 118 (12 сн.);

4) РГБ, ф. 37, Больш. 285 (конец 40-х – перв. половина 50-х гг. XVI в.), л. 1– 16 об. – **Хлудовское собрание основного вида** (содержит правку рукой Максима Грека, в частности на указанных листах);

5) РГБ, ф. 98, Егор. 869 (конец XVI в.), л. 289–300 – **собрание Ионы Думина**;

6) ГИМ, Син. 491 (рубеж XVI–XVII вв.), л. 120 об. – 129 – **Синодальное собрание**;

7) РГБ, ф. 37, Больш. 16 (конец XVI – начало XVII в.), л. 153 об. – 161 – **собрание, сохранившееся в единственном числе**;

8) РГБ, ф. 292, Строев 62 (конец XVI (?) – начало XVII в.), л. 254 об. – 258 об. – **Музейное собрание;**

9) РНБ, F.I.250 (конец XVI – начало XVII в.), л. 43 об. – 52 – **собрание до 1587 г.;**

10) ГИМ, Син. 761 (перв. треть XVII в.), л. 352 – 364 об. – Соловецкое собрание;

11) РГБ, ф. 304, Троицк. 200 (20-е гг. XVII в.), л. 342 – 345 – Троицкое собрание;

12) РГБ, ф. 304, Троицк. 201 (20–30-е гг. XVII в.), л. 90 – 96 об. – собрание в 151 главу;

13) ГИМ, Син. 919 (первая четверть XVII в.), л. 171 – 183 об. – Хлудовское собрание (разновидность основного вида) – эта рукопись единственная, представляющая собой такую разновидность Хлуд. собр.;

14) РГБ, ф. 209, Овчин. 131 (первая четверть XVIII в.), л. 330 об. –343 – Поморское собрание;

15) ГИМ, Щук. 537 (конец XVII – начало XVIII в.), л. т҃ѕı – тк҃ѕ – Хлудовское собрание Никифоровского вида;

16) РНБ, ОЛДП, O.XV (20-е гг. XVIII в.), л. рч҃ѕ- сд҃ – Хлудовское собрание Бурцевского вида.

Списки РНБ, F.I.250; ГИМ, Щук. 537 и РНБ, ОЛДП, O.XV не подверглись сплошному текстологическому анализу, поэтому примеры из них даются не для всех выявленных случаев разночтений. Ниже приводятся разночтения между перечисленными списками, полученные в результате проведенного исследования:

1) Фунд. 42, л. 282: **Ѡнѣ(х) же оудобь плѣнꙗемъıхъ и небрегомъıхъ показалъ живоущимъ ѡкр҃(с)тъ и(х).**

Так же: МДА 138, л. 178 об.
Рум. 264, л. 112
Егор. 869, л. 289 об. (карандаш. пагинация)
Строев. 62 (М. 8291), л. 255
Син. 761, л. 352 об.
Тр. 201, л. 90: **о нихъ**

Не так: Большш. 285, л. 2, 1-я строка сверху – правка рукой Максима Грека 2: **себе же самѣ(х) оудобь плѣнꙗемъı(х) показали живꙋщимъ ѡкр҃(с)тъ и(х)**

Большш. 16, л. 154
Троицк. 200, л. 342

F.I.250, л. 44
Син. 919, л. 171 об.
ОЛДП, O.XV, л. рч҃з
Овчин. 131, л. 331 об.

2) Фунд. 42, л. 284: **Мене ѡ прехо(д)ниче дщерь сꙋщꙋю ꙗко же пре(д)реко(х) ти црѧ и содѣтелѧ всехъ, вси вкꙋпѣ елицы славолю(б)цы и властолю(б)цы сꙋть нравомъ <u>ѡ(б)рꙋчати</u> себѣ тщатсѧ**

МДА 138, л. 180: **ѡбрꙋчити**
Больш. 285, л. 4 об.
Егор. 869, л. 291 об.
Больш. 16, л. 155 об.
F.I.250, л. 45 об.
Троицк. 200, л. 342 об.
Син. 919, л. 173 об.
Син. 761, л. 355
ОЛДП, O.XV, л. рч҃и
Овчин. 131, л. 333 об.

Рум. 264, л. 113 об.: **порꙋчити**
Син. 491, л. 122 об.
Строев 62, л. 255 об.
Троицк. 201, л. 91 об.

3) Фунд. 42, л. 284: **множаиши бо ѡбрꙋчникѡвъ монхъ**

Так же: МДА 138, л. 180
Больш. 285, л. 4 об.
Егор. 869, л. 291 об.
Больш. 16, л. 155 об.
F.I.250, л. 45 об.
Син. 919, л. 173 об.
Син. 761, л. 355
Троицк. 200, л. 342 об.
Овчин. 131, л. 333 об.
ОЛДП, O.XV, л. рч҃и

Не так: Рум. 264, л. 113 об.: **поръчникѡвъ**

Строев 62, л. 255 об.: **по(д)роучниковъ**
Син. 491, л. 122 об.: **по(д)ръчникѡвъ**
Троицк. 201, л. 91 об.: **по(д)роучниковъ**

4) Фунд. 42, л. 284 об.: **іако наполниша(с) помраченни земли домо(в)** <u>**неправе(д)ныхъ**</u> (это цитата из Пс. 73:20)

Так же: МДА 138, л. 180 об.
Больш. 285, л. 5
Егор. 869, л. 291 об.
Больш. 16, л. 155 об.
Син. 919, л. 174
Син. 761, л. 355
Троицк. 200, л. 342 об.
Троицк. 201, л. 91 об.
Овчин. 131, л. 334
ОЛДП, O.XV, л. **рчи**

Не так: Рум. 264, л. 113 об.: **домовъ безаконыхъ**

Син. 491, л. 123: **домо(в) безаконы(х)** (на полях глосса: неправедных)
Строев 62, л. 255 об.: **домо(в) безаконы(х)** (на полях глосса: неправе(д)ны(х))

Ср.: РГБ, ф. 304, ТСЛ 315 (4/4 XV в.) – Славянская Псалтирь – маргинальные глоссы рукой Максима Грека – *домовъ непрв(д)ныхъ* (л. 107)
РГБ, ф. 304, ТСЛ 62 (1/2 XVII в.) – Псалтирь, переведенная Максимом Греком в 1552 г. совместно с Нилом Курлятевым – *домовъ беззаконны(х)* (л. 80) [3]

И(з)іавленіе Максима инока свѧтыѧ горы о псалмѣхъ – нет этой строки
современный текст Псалтири: домов беззаконий

5) Фунд. 42, л. 284 об.: **и добрѣ самѣхъ оубо____помраченны(х) земли**

Так же: МДА 138, л. 180 об.
Рум. 264, л. 113 об.
Егор. 869, л. 292
Строев 62, л. 255 об.
Син. 491, л. 123
Син. 761, л. 355
Троицк. 201, л. 91 об.
ОЛДП, O.XV, л. рчи
Овчин. 131, л. 334: **ѡне(м)**

Не так: Больш. 285, л. 5: **ѡнѣ(х)** (подписано в конце строки на полях рукой Максима Грека: **и добрѣ самѣхъ оубо ѡнехъ помраченъı(х) земли**[4])

Больш. 16, л. 155 об.
Син. 919, л. 174
Троицк. 200, л. 342 об.

6) Фунд. 42, л. 284 об.: **домъı (ж) ихъ домъı неправеднъı именова**

Так же: МДА 138, л. 180 об.
Егор. 869, л. 292
Син. 761, л. 355

Не так: Рум. 264, л. 113 об.: **домъı безаконъı**

Больш. 285, л. 5
Больш. 16, л. 155 об.
Строев 62, л. 255 об.
Син. 491, л. 123
Син. 919, л. 174
Троицк. 200, л. 342 об.
Троицк. 201, л. 91 об.
Овчин. 131, л. 334
Титов 3332, л. 39 об.

7) Фунд. 42, л. 284 об.: **всıакимъ лихои(м)ство(м) и бесчиніи оукорнъıми**

Так же: МДА 138, л. 180 об.
Рум. 264, л. 113 об.
Егор. 869, л. 292
Строев 62, л. 255 об.
Син. 491, л. 123
Син. 761, л. 355 об.
Троицк. 201, л. 91 об.
Не так: Больш. 285, л. 5: бесчинїи оукоризнъими
Больш. 16, л. 155 об.
F.I.250, л. 46
Син. 919, л. 174
Троицк. 200, л. 342 об.
Овчин. 131, л. 334

8) Фунд. 42, л. 284 об.: ѿринꙋвшего бо ѿ дш҃и и мъисли своеꙗ и того (ж) мое(г) праве(д)наго рачителѧ

Так же: МДА 138, л. 180 об.
Рум. 264, л. 113 об.
Егор. 869, л. 292
Син. 491, л. 123
Строев 62, л. 255 об.
Син. 761, л. 355 об.
Овчин. 131, л. 334

Не так: Больш. 285, л. 5: съвѣтованїе (приписка на полях рукой Максима Грека [5])

Больш. 16, л. 155 об.: совѣтование
F.I.250, л. 46
Троицк. 200, л. 342 об.
Син. 919, л. 174: сѣтование

9) Фунд. 42, л. 285: всꙗкиѧ правдъі дѣють и ч(с҃)тотꙋ и свѧтость дш҃и же и тѣлеси и любѧть и совръшають радꙋюще(с) всꙗкои правдѣ и чл҃колюбию и кротости и благости кь по(д)рꙋчником ___ ꙋкрашаеми ...

Так же: МДА 138, л. 181
Рум. 264, л. 114
Егор. 869, л. 292 об.

Син. 491, л. 123 об.
Строев 62, л. 256
Троицк. 201, л. 92
Син. 761, л. 356
Син. 919, л. 175

Не так: Больш. 285, л. 6, 8-я строка сверху – в месте отсутствия текста в Фунд. 42, л. 285 здесь на поле приписка рукой Максима Грека: **и всѧкъımї добръımї дѣлъı** [6]

Больш. 16, л. 156
F.I.250, л. 46
Троицк. 200, л. 343

10) Фунд. 42, л. 286 об.: **<u>црьскии санъ</u> растлѣваю(т) и досажаютъ всıаческими своими неправдованїи**

Так же: МДА 138, л. 182 об.
Рум. 264, л. 115
Егор. 869, л. 294
Син. 491, л.124 об.
Строев 62, л. 256
Син. 761, л. 357 об.
Троицк. 201, л. 93

Не так: Больш. 285, л. 8: **<u>санъ црьскии</u> растлѣваю(т) ____ всıаческими своими неправдовании**

Больш. 16, л. 157
Троицк. 200, л. 343
F.I.250, л. 47 об.
Син. 919, л. 176 об.
Овчин. 131, л. 336 об.

11) Фунд. 42, л. 288: **съвръшена бо любо(в) во(н) мече(т) страха <u>раболѣпна(г) сирѣ(ч)</u> а не снолѣпна(г)**

Так же: МДА 138, л. 184
Рум. 264, л. 116
Егор. 869, л. 295 об.
Син. 491, л. 125 об.

Син. 761, л. 359 об.
Троицк. 201, л. 94
Не так: Большш. 285, л. 10: снире(ч) рабалѣпна(г)
Больш. 16, л. 158
F.I.250, л. 48 об.
Троицк. 200, л. 343 об.
Син. 919, л. 178

12) Фунд. 42, л. 289: ѩко да в дн҃ь бл҃гоѡбразне ходимъ не бесчиннъими гласованїи и пїанствъі, не въ ложа(х) и блѹженїи, не рвенїемъ и завистїю, но ѡблечетеся въ г҃а Іс҃а Х҃а

Так же: МДА 138, л. 184 об.
Егор. 869, л. 297
Син. 761, л. 360 об.
ОЛДП O.XV, л. са8 об.
Рум. 264, л. 116 об.: не въ ложа(х) блѹженїи – глосса внизу листа: не гнѹсодѣанїи
Син. 491, л. 126 об.: не в ложа(х) и блѹженїи – глосса на полях: не гнѹсодѣѩнїи
Строев 62, л. 257–257 об.: не в ложахъ – глосса на полях: не гнѹсодѣѩнїи

Не так: Больш. 285, л. 12: не гнѹсодѣѩнии и блѹженни

Больш. 16, л. 159
F.I.250, л. 49
Троицк. 200, л. 344
Троицк. 201, л. 94 об.
Син. 919, л. 179 об.
Овчин. 131, л. 339

13) Фунд. 42, л. 290: и(з)веде на(с) ѿ египта
Так же: МДА 138, л. 184 об.
Рум. 264, л. 117 об.
Егор. 869, л. 297 об.
Син. 761, л. 361 об.
Син. 491, л. 127
Строев 62, л. 257 об.
Троицк. 201, л. 95

Не так: Больш. 285, л. 13: **и(з)веде на(с) <u>изъ</u> египта**

F.I.250, л. 50
Больш. 16, л. 159 об.
Троицк. 200, л. 344
Син. 919, л. 180 об.
Овчин. 131, л. 340

14) Фунд. 42, л. 290 об.: ___**неразѹміе бж҃іе забвеніе смр҃ти**

Так же: МДА 138, л. 185
Рум. 264, л.117 об.
Егор. 869, л. 298
Син. 491, л. 127 об.
Син. 761, л. 362
Строев 62, л. 257 об.
Троицк. 201, л. 95

Не так: Больш. 285, л. 13 об. – на полях в начале 10-й строки сверху **къ симъ(ж)** – рука Максима Грека [7]

Больш. 16, л. 159 об.
Троицк. 200, л. 344 об.
Син. 919, л. 181

15) Фунд. 42, л. 290 об.: **к сим же прибъівае(т) бе(з)мъісліе и безѹміе**

Так же: МДА 138, л. 185
Егор. 869, л. 298
Больш. 285, л. 13 об. – вставка в тексте предлога **къі** рукой Максима Грека [8]
Троицк. 200, л. 344 об.
Больш. 16, л. 159 об.
Син. 761, л. 362
Син. 919, л. 181
Не так: Рум. 264, л. 117 об. – подчеркнутый предлог отсутствует

Син. 491, л. 127 об.
Строев 62, л. 257 об.

16) Фунд. 42, л. 291: **вн(ж)дь колико тщание и бодро(с)ть бговорнии бѣси имѣють ѡ погибели чл҃ко(в). не толико скорбѧ(т) ѡ бѹдѫщи(х) свои(х) вѣчнꙑ(х) моукъ, елико веселѧтсѧ ѡ погꙑбели бѣднꙑ(х) чл҃кѡвъ. в толики(х) лютꙑ(х) въвергѹть себѣ всегда и толь лютꙑмъ мѹка(м) по(д)лежать...**

Так же: МДА 138, л. 186 об.
Рум. 264, л. 118
Егор. 869, л. 298 об.
Строев 62, л. 258
Син. 491, л. 127 об.
Син. 761, л. 362 об.
Троицк. 201, л. 95 об.

Не так: Больш. 285, л. 14 об. – подчеркнутый текст отсутствует

F.I.250, л. 50 об.
Троицк. 200, л. 344 об.
Больш. 16, л. 160
Син. 919, л. 181 об.
ОЛДП, O.XV, л. сг8

17) Фунд. 42, л. 291: **ревнителе(х) славѣ о(т)ца моего нб҃(с)наго**

Так же: МДА 138, л. 186 об.
Рум. 264, л. 118
Егор. 869, л. 299
Син. 491, л. 128
Строев 62, л. 258
Син. 761, л. 363
Троицк. 201, л. 95 об.

Не так: Больш. 285, л. 15: **ревнителе(х) ____ о(т)ца моего нб(с) наго**

Больш. 16, л. 160, 160 об.
F.I.250, л. 51
Син. 919, л. 182
Троицк. 200, л. 344 об.
Овчин. 131, л. 341 об.

18) Фунд. 42, л. 291 об.: **о(т) дивии(х) зверей о(б)емлема и люте ѿ нии(х) растрьзаема**

Так же: МДА 138, л. 187
Рум. 264, л. 118 об.
Егор. 869, л. 299 об.
Строев 62, л. 258
Син. 761, л. 363 об.
Троицк. 201, л. 96
Син. 491, л. 491

Не так: Больш. 285, л. 15 об.: **о(т) дивии(х) зверей о(б)емлема _____ ѿ нии(х) растрьзаема**

Больш. 16, л. 160 об.
F.I.250, л. 51
Син. 919, л. 182 об.
Троицк. 200, л. 344 об.
Овчин. 131, л. 342

19) Фунд. 42, л. 291 об.: **преже___ сказа(х) тебе**

Так же: МДА 138, л. 187
Рум. 264, л. 118 об.
Егор. 869, л. 299 об.
Син. 761, л. 363 об.

Не так: Больш. 285, л. 15 об.: **пре(ж) малъми сказа(х) тебе**

Больш. 16, л. 160 об.
Строев 62, л. 258
F.I.250, л. 51
Троицк. 200, л. 344 об.
Троицк. 201, л. 96
Син. 919, л. 182 об.
Син. 491, л. 128 об.: **пре(ж) малъми глы** (надписано поверх строки) **сказа(х) тебе**

Итак, на основании отмеченных случаев разночтений представляется возможным выявить следующие закономерности во взаимо-

отношениях между списками Иоасафовского, Румянцевского и Хлудовского собраний сочинений Максима Грека:

I. **Фунд. 42**
— Больш. 285
Рум. 264

Примеры 1; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12 (укажем, что глосса в Рум. 264 совпадает с лексическим вариантом в Больш. 285); 13; 14; 16; 17; 18; 19

II. **Фунд. 42**
— Рум. 264
Больш. 285

Примеры 2; 3; 4; 15

III. **Рум. 264**
— Фунд. 42
Больш. 285

Пример 6

Хотя первый тип взаимоотношений между собраниями наиболее частотный, очень важными представляются примеры, относящиеся ко второму типу, а также пример № 12, которые вносят коррективы в представления о взаимоотношениях списков.

Стоит также отметить, что замечание А. И. Иванова о том, что список Син. 919 значительно отличается в текстологическом плане от всех остальных, не нашло своего подтверждения. Син. 919 действительно имеет некоторые отличия, но они не столь значительны, чтобы можно было говорить об особой редакции «Слова». Эти отличия состоят в названии анализируемого произведения — **Того(ж) инока Маѯима Грека ст҃огоръска(г) сказание о дш҃евне(м) плаче и ѡ сетование и ут҃ѣшение плачю и скорби ея** (Син. 919, л. 171), в то время как во всех остальных списках — **Того(ж) инока маѯима грека слово пространнѣе излагающе съ жалостїю нестроенїа и бесчинїа цр҃еи и властелехъ послѣднаго вѣка сего** (напр., Фунд. 42, л. 281 об.), а также в том, что комментарий о Мелхиседеке помещен не в самом тексте «Слова», как во всех остальных списках, а в виде сноски внизу листа.

Что касается наличия/отсутствия комментария о значении имени Салим в тексте о Мелхиседеке, то наблюдаемое здесь распределение списков согласуется с первым типом взаимоотношений между списками, полученным при анализе других текстологических различий в «Слове», т. е. когда списки Фунд. 42 и Рум. 264 совпадают в чтениях, противостоя при этом списку Больш. 285:

Больш. 16, л. 156 об. F.I.250, л. 46 об. Троицк. 200, л. 343 Син. 919, л. 175 об. Овчин. 131, л. 335	нет вставки
Больш. 285, л. 7 –	вставка в виде глоссы на полях
Фунд. 42, л. 285 об. –286 Рум. 264, л. 114 об. Егор. 869, л. 293 Строев 62, л. 256 Син. 491, л. 124 Син. 761, л. 356 об. Троицк. 201, л. 92 об. Щук. 537, л. т҃к ОЛДП, O.XV, л. рч҃ѳ	есть вставка

Полученные данные могут подтверждать выводы, сделанные в работах Н. В. Синицыной и Л. И. Журовой, о взаимоотношениях между Иоасафовским, Румянцевским и Хлудовским собраниями сочинений Максима Грека: первоначально был создано Иоасафовское, затем Румянцевское и позже Хлудовское собрания [9]. Вместе с тем дальнейшие текстологические наблюдения могут привести и к другим возможным заключениям, а именно, что второй тип выявленных в данной статье взаимоотношений между списками и примером 12 представляют собой не случайность, а некую закономерность, указывающую на принципиально другие взаимоотношения между собраниями сочинений Максима Грека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 221–280.

[2] *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 235.

[3] Подобный способ работы Максима Грека с текстами описан в статье: *Ковтун Л. С., Синицына Н. В., Фонкич Б. Л.* Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в. // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 99–127.

[4] *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 235.

[5] Там же. Также раздел «Рисунки и таблицы», рис. 17, № 8.

[6] Там же. Рис. 17, № 3.

[7] Там же. Рис. 17, № 6.

[8] По нашему мнению, вставка сделана той же рукой, что и в примере № 14 настоящей статьи.

[9] Ср.: *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 186: «Можно выдвинуть предположение, что Румянцевское собрание создавалось тогда, когда Иоасафовский тип уже существовал; взаимоотношение Румянцевского собрания с Хлудовским требует дополнительного исследования»; *Журова Л. И.* Румянцевское собрание сочинений Максима Грека (К вопросу о соотношении собраний сочинений Максима Грека) // ТОДРЛ. Т. L. СПб., 1997. С. 478: «Результаты текстологического анализа... позволяют утверждать, что авторское редактирование Румянцевского сборника и сборника Больш. 285, представляющего Хлудовское собрание, происходило не одновременно, не параллельно. Очень похоже на то, что Румянцевская рукопись содержит первоначальные тексты, а Хлудовское собрание включает в свой состав их новые переработанные списки, демонстрирующие, в частности, тенденцию превращения послания, направленного конкретному лицу, в полемический или нравоучительный трактат» (цит. по: *Синицына Н. В.* Указ. соч. С. 53).

О. В. Гладкова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ И СИМВОЛИЧЕСКОМ ПОДТЕКСТЕ «ПОВЕСТИ ОТ ЖИТИЯ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ» ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА[1]

«Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма – одно из необычных произведений древнерусской литературы. Его необычность обусловлена, в частности, тем, что ее автор Ермолай-Еразм использовал какой-то источник или источники, вобравшие в себя множество «бродячих» сюжетов, известных как в фольклоре, так и в мировой литературе[2], скорее всего, это были устные предания, которые складывались в Муроме с XII – начала XIII вв. вокруг гробницы святых[3]. Русская агиография до Ермолая-Еразма, в отличие от византийской, в силу ряда причин (отсутствие своей античности, длительной устной христианской традиции, при которой неизбежно проникновение бродячих сюжетов и их христианское осмысление[4], и т. д.) была не столь заполнена опытом мировой литературы и фольклора, всем этим сплавом мифологии, литературы, преданий разных стран и народов, который отличал византийскую агиографию, хотя и не отвергала этот опыт.

Согласно сложившейся исследовательской традиции, в основе Повести лежат два «бродячих» сюжета, имеющие хождение и в русском фольклоре: о герое, побеждающем крылатого змея, и о мудрой деве, вышедшей замуж за князя благодаря своему уму и смекалке. Кроме того, в Повести обнаруживается еще целый ряд «странствующих» сюжетов и мотивов, о которых речь впереди. Однако при этом следует понимать, что хотя Ермолай-Еразм опирался на предания о событиях, отстоящих от него на 300 с лишним лет, но писал он не о сказочных персонажах, а о святых чудотворцах, обстоятельства жизни которых, изложенные в Повести, Ермолаю-Еразму и его читателям представлялись бесспорным историческим фактом. Творчество Ермолая-Еразма в данном слу-

чае вполне согласуется с общехристианской агиографической традицией, переработавшей массу сюжетов мировой литературы и фольклора[5]. Используемые сюжеты и мотивы воспринимались как исторически правдивые и трактовались с позиции христианского провиденциализма. И для Ермолая-Еразма сложившееся за века предание – это историческая канва, которую нельзя изменить в угоду поэтической задаче, но нужно интерпретировать, догматически и художественно осмыслить. Как известно, «бродячие» мотивы, вышедшие из обрядовых ритуалов, неоднократно меняли свои функции, становясь основой то для мифа, то для сказки, то для романа или, как в нашем случае, для жития[6].

Во многих академических работах и в разделах учебных пособий, посвященных Повести или Ермолаю-Еразму, часто упоминается факт невключения Повести в Великие Минеи Четии митрополита Макария, который истолковывается как несоответствие самой повести агиографическому канону и свидетельство «неудачливости» Ермолая-Еразма[7]. На самом деле, следует принимать во внимание тот факт, что, несмотря на давнее сложившееся почитание в самом Муроме, Петр и Феврония были канонизированы только как местночтимые святые на Соборе 1547 г., созванном по инициативе митрополита Макария[8]. Местным почитанием, вероятно, и можно объяснить отсутствие «Повести»-жития в Великих Минеях Четиих[9].

Исследовательская традиция Повести развивается в нескольких направлениях[10]. Одни медиевисты, говоря о поэтической структуре Повести, в первую очередь рассматривают ее в связи с фольклором, языческой обрядовостью, международными сюжетами (что само по себе правомерно), однако при этом игнорируя или вовсе отрицая ее принадлежность к агиографии и насыщенность повествования христианской символикой (Н. И. Костомаров, М. О. Скрипиль, Д. С. Лихачев, Р. П. Дмитриева, Илиана Чекова и др.[11]). А. С. Демин даже отказал Ермолаю-Еразму в писательском даре, полагая, что «поэтична фольклорная основа повести, а не сам Еразм»[12]. Повесть часто ставили в параллель с другими западноевропейскими и славянскими легендами и сказаниями[13].

С 80-х гг. XX в. наметилась устойчивая и плодотворная тенденция рассматривать Повесть все-таки как произведение агиографическое, не отрицая в то же время значения устной традиции, но порой очень по-разному оценивая ее роль в структуре памятника,

или же не останавливаясь вовсе на этом вопросе (Р. Пиккио, М. Б. Плюханова, Мита Аюми, Н. С. Демкова, О. В. Гладкова, А. Н. Ужанков[14], Ю. Г. Фефелова и др.[15]).

Однако Повесть остается все-таки одним из неразгаданных произведений древнерусской литературы[16].

Задача настоящей статьи – попытка интерпретации Повести как произведения агиографического, анализ его символической системы и принципов освоения автором сюжетов предполагаемых источников[17].

Повесть состоит из Вступления, нескольких частей-новелл и Похвалы[18]. Вступление Повести рисует динамическую картину мира во времени и пространстве. Р. Пиккио предположил, что структурно начальные строки Вступления представляют собой акростих, основанный на противопоставлении обозначения субъекта действия и подчиненных рядов[19]. Воспроизведем текст с уточнением акцентных знаков рукописи, при этом деление Пиккио будет несколько изменено:

БОГУ ОТЦУ,
и соприсносущному слову божию СЫНУ.
и пресвятому и животворящему ДУХУ.
ЕДИНОМУ БОЖИЮ ЕСТЕСТВУ безначальному
купно В ТРОИЦЫ воспеваемому.
и хвалимому.
и славимому.
и почитаемому.
и превозносимому.
и исповедуемому.
и веруемому.
и благодаримому СОДЕТЕЛЮ И ТВОРЦУ.
невидимому и неописанному.
искони самосилно обычною си премудростию.
свершающему и строящему всяческая.
и просвещающему.
и прославляющему еже хотящу своим самовластием.
ЯКО ЖЕ БО ИСПЕРВА СОТВОРИ НА НЕБЕСИ,
аггелы своя духы.
и слуги своя огнь палящ.
умнии чинове.
бестелесная воинества,

их же неисповедимо величество есть.

ТАКО И ВСЯ НЕВИДИМАЯ СОТВОРИ о них же недостижно есть уму человеческу.

ВИДИМАЯ ЖЕ НЕБЕСНАЯ СТИХИЯ СОТВОРИ солнце и луну и звезды.

И НА ЗЕМЛИ ЖЕ ДРЕВЛЕ СОЗДА ЧЕЛОВЕКА по своему образу.

Посредством акростиха образуется фраза: БОГУ ОТЦУ... СЫНУ... ДУХУ... ЕДИНОМУ БОЖИЮ ЕСТЕСТВУ... В ТРОИЦЫ... СОДЕТЕЛЮ И ТВОРЦУ НЕВИДИМОМУ И НЕОПИСАННОМУ... ЯКО ЖЕ БО ИСПЕРВА СОТВОРИ. НА НЕБЕСИ... ТАКО И ВСЯ НЕВИДИМАЯ СОТВОРИ... ВИДИМАЯ ЖЕ НЕБЕСНАЯ СТИХИЯ СОТВОРИ... И НА ЗЕМЛИ ЖЕ ДРЕВЛЕ СОЗДА ЧЕЛОВЕКА.

Итак, все начинается с Бога, но сам Бог вечен и безначален. Бог триедин и воспевается в Троице. Троичности подчинено и все Вступление – трижды повторяется глагол «сотвори», две триады выделяются графически (точками) и синтаксически (союзами «и»):

и хвалимому.
и славимому.
и почитаемому.

и превозносимому.
и исповедуемому.
и веруемому.

Бог – творец невидимого и видимого, он создал человека – от своего «трисолнечьнаго божества подобие», даровав ему «ум и слово и дух животен». Ум, как и Бог Отец, начальствует в человеке.

Человек – царь природы: Бог – его «надо всем земным существом царем постави». Бог любит человека и хочет привести его в «разум истинный» (1 Тим. 2: 3–4). На земле родился Сын Божий, плотью – человек и одновременно Бог. Божественная его сущность, «без-страстие», необъяснима, но страдание Иисуса Христа – это страдание его человеческого естества. Последнюю мысль Ермолай-Еразм иллюстрирует с помощью притчи о посекаемом древе из «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина (Кн. 3, гл. 26)[20], перекликающейся со сложным образом нераздельной Троицы из воскресного Канона Св. Троице:

Троице Святей,
и нераздельному естеству,
в трех лицех секомей несечено,
и пребывающей нераздельней по существу Божества[21].

Притча о древе начинает еще одну тему, развиваемую в Повести, — тему древа — креста — меча. Тема древа-креста, на котором распинается Христос, продолжается здесь же и выражается в четырехударной изоколической конструкции, выделенной Р. Пиккио:

4 понеже / тварь / его / есть.
4 зижител же / и содетель / неизглаголим / есть.
4 сей бо / пострада / за ны / плотию.
4 грехи / наша / на кресте / пригвозди.
4 искупив / ны / миродержителя / лестца.
4 ценою / кровию / своею / честною[22].

Приведенная конструкция опять представляет собой две триады, число «4» указывает на крест и заставляет вспомнить слова из Службы Воздвижению Честнаго Креста Косьмы Маюмского со сходной структурой:

4 Четвероконьчьный / миръ / дньсь / освящаеться,
4 четвероконьчьну / възвышаему / твоему / крьсту[23]

Шестикратное (две триады) повторение четверки у Еразма может указывать не только на Крест, но и на искупительную смерть Христа на нем, произошедшую в шестой час шестого дня[24].

Источники Вступления и сам характер заимствования еще не установлены. Здесь много, конечно, перекличек и прямых заимствований из Писания, из гимнографии, из Иоанна Дамаскина. Наверное, чаще всего в своем Вступлении Ермолай-Еразм обращается к воскресному Канону Св. Троице[25].

Итак, подчеркивает Еразм, творения Божии познаваемы, а Творец нет. Он пострадал за людей своей плотью, выкупил человека у дьявола. И об этом искуплении апостол Павел сказал: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7: 23). Последняя мысль продолжается во Вступлении цитатой опять же апостола Павла: «елицы во Христа крестишася во

Христа облекошася» (Ср.: Гал. 3: 28). В Третьей главе Послания к Галатам апостол Павел говорит о спасении через веру и о единстве и равенстве всех во Христе. Тема сословного неравенства, противоречащего букве и духу Евангелия, разворачивается в сюжете Повести, в котором сталкиваются муромский князь и дочь древолазца[26].

Итак, обозначим еще раз наиболее важные мысли Вступления. Во-первых, троичность Божества отражается в мире и в человеке. Во-вторых, стремление каждого христианина — спасение. Бог, наряду со словом и душой, дал человеку ум, распорядиться которым — в свободной воле самого человека. Божественное стремление — привести человека в «разум истинный», то есть к высшему знанию. Крещение предполагает следование Христу, что делает возможным и Воскресение вослед Христу, распинаемому на кресте. В соответствии с этим во Вступлении обозначается тема креста-древа как символа спасения. Втретьих, человек свободен, поскольку принадлежит лишь Богу. Во Христе все равны, и слепой воле других людей не следует подчиняться («не делайтесь рабами человеков»).

Вступление обличает в авторе человека интеллектуально и художественно одаренного, таким он остается и в последующем повествовании.

* * *

В начальном эпизоде Повести три героя — жена Павла, которая не названа по имени, сам «благоверный» князь Павел и змей. Жена, над которой «осили» змей, не скрываясь, обо всем рассказывает мужу; она во всем слушается Павла, принимая каждое его слово «в сердце». Павел, в отличие от своей жены, как и положено мужу, рационален, он учит свою жену, как ей поступить, и, самое главное, как спастись: «Аще ли увеси и нам поведаеши. свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его духаниа ⟨...⟩ но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши». В целом, поведение Павла и его жены соответствует Писанию, в частности словам апостола Павла, немало сказавшего о семейном укладе (Еф. 5). Неслучайно и совпадение имен князя и апостола. История князя Павла и его жены начинает одну из центральных тем Повести — супружества во Христе, которая продолжится затем описанием отношений преподобных Петра и Февронии. Это новый для русской традиции и для оригинальной агиографии вид

святости. О супругахсвятых рассказывала переводная литература (например, «Житие Ксенофонта и Марии», «Житие Галактиона и Епистимии», «Житие Евстафия Плакиды», явившееся одним из образцов Повести[27]), благочестивых супругов – родителей святого – описывали оригинальные памятники («Житие Авраамия Смоленского», «Житие Сергия Радонежского» и др.), но в древнерусской агиографии, пожалуй, Повесть – первое и единственное в своем роде житие, посвященное подвижничеству именно супружеской четы, а в русской церковной практике – первая канонизация супругов[28].

Интересно, что змей-дьявол поддается на такую незамысловатую женскую хитрость, как прямая лесть. Впрочем, хитрость эта – результат свободного следования апостольскому слову.

Ветхозаветным прообразом эпизода со змеем и женой Павла является знаменитое искушение первой женщины змеем и грехопадение первых людей. Кроме того, мотив выпытывания у змея с помощью женской хитрости тайны его смерти напоминает библейскую историю о Самсоне и Далиде, хитростью выведавшей, что сила Самсона в его волосах (Суд. 16)[29]. Ермолай-Еразм, как, впрочем, и многие его предшественники-агиографы (и не только агиографы), разворачивает в Повести символическую вереницу событий Священной истории, ведущую от сотворения мира (Вступление), грехопадения – к спасению, то есть к Царству Небесному. Так или иначе эту задачу должен был решать любой средневековый автор, а тем более агиограф, ибо писать только о временном и не видеть в нем вечного для средневекового автора не имело смысла, другой вопрос – как писать, и эту задачу каждый автор решал уже в меру своего таланта.

От ответа змея – «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча» – Павел остается в недоумении («недоумеяшеся»). Реакция персонажей, тщательно выписываемая Ермолаем-Еразмом, очень значима: его герои выстраиваются в легко определяемую иерархию по своему отношению к Божественному разуму, к пониманию или непониманию промыслительного значения событий[30]. Далее автор открывает читателю две добродетели Петра: во-первых, «обычай ходити по церквам уединяяся», во-вторых, почтение к старшему брату[31] – к нему и к своей снохе он приходит не иначе как «на поклонение».

За городом, в женском монастыре Воздвижения честнаго и животворящаго Креста является Петру некий отрок и показывает в

алтарной стене «межу керемидома скважню», где и находится искомый «Агриков меч».

Сцена обретения меча полна символики совсем еще не раскрытой. Явившийся отрок может прочитываться как ангел или как Христос. Интересно, что Христос в виде отрока ранее так же явился святому, тезоименитому Петру Муромскому, – Петру Александрийскому (память 25 ноября), отрочество Христа – «это любимый возраст апокрифов», по наблюдениям Д. Шестакова, и не только их [32]. На Христа может указывать и лексический ключ – «межу керемидома» ассоциируется со «Святой Керамидой», «Керамидионом», Спасом «Святое Чрепие» – особым типом изображения Нерукотворного Образа Христа. Меч хранится в особом, сакральном месте – в монастыре Воздвижения честнаго и животворящаго Креста. Мотив крест – «оружия мира» неоднократно варьируется в Службе Воздвижению Креста Косьмы Маюмского, есть там и мотив повержения змея крестом: Моисей «древу образъмь крьста, пресмыкаема по земли змия привяза лукавьное, о семь обличивъ вредъ» [33]. Воздвижение креста и убиение змея символизируют приход в мир Христа и искупление первородного греха, вспомним цитату из Вступления: «Вы куплены дорогою ценою...». Отрок-Христос, таким образом, указывает меч-крест, которым должен быть повержен змей-дьявол.

Тема Воздвижения Креста-меча к тому же сополагает Петра и византийского императора Константина [34], которому явившийся крест указал победу над язычником узурпатором Максенцием; череда уподоблений может вывести и на ряд других персонажей, олицетворяющих княжескую власть, – Евстафия Плакиду [35], Владимира Святого [36] и др. Возможно, Петр обретает даруемый свыше тот самый «меч Божий», о котором говорил Иоанн Златоуст (?): «Иже кто противится власти, противится закону Божью. Князь же не туне [не напрасно. – *О. Г.*] носить мечь Божии, ибо слуга есть». Приведенная цитата взята из «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [37], где тема княжеского меча, меча Бориса, имеет очень большое значение. Заманчиво предположить, что Ермолай-Еразм имел в виду здесь, помимо всего прочего, меч Мономашичей, утерянный в свое время и вновь обретенный уже Петром, а отрок, указавший ему меч, есть не только Христос, но и отрок Глеб, брат Бориса. Основания к тому есть: Глеб, как и Петр, также княжил в Муроме. Обращает на себя внимание сходство в именах: «Давид» – «царственное» имя, принятое во крещении

Глебом, а также в иночестве Петром Муромским. Петру предстояло править Муромом, и богоданность этой власти предсказывалась заранее, через обретение меча. Однако прежде чем править, Петру еще надлежало убить змея. В этом контексте эпизод с явлением отрока сближается по функции со знаменитыми видениями из «Жития Александра Невского» [38] и «Сказания о Мамаевом побоище» [39], где визионерам накануне тяжелой битвы с иноплеменниками являются святые воины Борис и Глеб. Наибольшее сходство у Повести здесь со «Сказанием» – и там, и здесь присутствует меч (в «Сказании» мечи «въ обоихъ руках» юношей); и в «Сказании», и в «Повести» юноши не названы по имени (визионер Фома Кацибей, в отличие от Пелугия, их не узнает). Правду знает лишь князь Дмитрий Донской; читателям Повести остается неизвестным, узнбет или нет явившегося отрока Петр. О традиции явления Бориса и Глеба в канун грозных событий, обращения великого князя к своим «сродникам» перед битвой, а также о мотиве княжеского меча, актуализирующихся в эпоху Ивана Грозного, писала Т. Е. Самойлова [40].

Змееборчество отождествляет Петра с другими святыми – победителями змия-дьявола – Георгием Победоносцем, Феодором Стратилатом, а также с самим архангелом Михаилом (Откр. 12: 7–9) [41]. Со змееборцами по функции сближаются библейские «львоборцы» Самсон и Давид, ведь лев в христианской традиции мог восприниматься и как олицетворение дьявола [42]; в нашем случае это сближение и по имени, ведь Петр, повторяем, в иночестве нарекается Давидом. Параллель Петр – царь Давид очень сильна в Повести, где одной из центральных является тема княжеской власти. Все перечисленные персонажи к тому же прообразуют или уподобляются Христу – победителю дьявола, как, впрочем, уподобляется ему в подвиге змееборчества, а также в последующих страданиях и обретаемом смирении Петр. Закономерно, что не Павел-Адам, а именно Петр-Христос должен был убить змея. Для сказки, наверное, логичнее было бы выбрать мужа для спасения жены.

Поединок Петра и змея имеет, с одной стороны, традиционное разрешение – герой побеждает змея, с другой стороны, финал поединка имеет свои особенности. Все вышеозначенные предшественники Петра оказывались безусловными победителями врага рода человеческого, выступавшего в обличии змея или льва. Однако уже в Синайском патерике намечается развитие этой темы, учитывающее не только силу, но и слабость человеческой натуры: герои либо

побеждают, либо... проигрывают, и их пожирают львы [43]. Символически это означает победу греховных страстей, дьявола над человеком. Петр убивает змея, но получается, что не совсем, сила змея не исчезает, а переходит в его кровь, которая попадает на Петра, и он «острупе», то есть покрывается струпьями. Концовка сюжета о змееборчестве предполагает дальнейшее развитие событий: князь Петр хочет найти исцеления у врачей, но ничего у него не выходит, и он отправляется на поиски в Рязанские земли. Так начинается в Повести тема «врачества», захватывающая ряд последующих эпизодов и заканчивающаяся исцелением Петра.

Феврония впервые появляется перед читателем сидящей за ткацким станком, у ног ее скачет заяц. «Заяц – один из древнейших символов христианства. Длинные, трепетные уши зайца символизируют способность христианина внимать голосу небес. Благоверная Феврония ощущает Промысел Господень», – комментирует появление зайца в повествовании А. Н. Ужанков [44]. В дополнение к комментарию Ужанкова мы считаем, что появление зайца, которого «надо признать за символ христианина, стремящегося посредством Таинства Причащения достигнуть вечного блаженства» [45], предвещает появление Петра и его сложный путь к спасению (через очищение-причастие, о чем ниже). О мотиве зайца, распространенном как на Западе, так и на христианском Востоке, как символе «или крещения, или причастия – двух таинств, связанных общим догматом о будущей жизни», говорит А. Р. Демирханян [46]. Для нас интересно также следующее замечание исследователя: «На известной картине Тициана “Мадонна с кроликом” (Лувр) кролик символизирует священную жертву, воплощая идею смерти и воскресения и перекликаясь здесь с судьбой самого Христа» [47]. Можно сказать, что русская культура имеет свою «Мадонну» – это Феврония со скачущим у ее ног зайцем; на параллели Феврония-Богоматерь мы еще остановимся не раз. Таким образом, появление зайца символизирует не только грядущее очищение-причащение Петра, но и самого Христа рядом с девой Февронией-Марией.

Между Февронией и юношей – слугой Петра происходит диалог, в течение которого Феврония говорит загадками и сама же на них отвечает, поскольку юноше они непонятны. Впоследствии в сходный диалог вступает с Февронией и сам князь Петр. Эпизод неоднократно комментировался в различных исследованиях как несомненная дань Еразма фольклорному источнику. Действительно, обмен загадками как состязание в мудрости – один из древнейших

международных сюжетов[48]: его можно увидеть в «Повести об Акире Премудром» (оригинал восходит к VII в. до н. э.)[49], в той или иной конфигурации неоднократно встречается он в Библии – в состязании Моисея и Фараона (Исх. 5–12), например, но ближе всего Повесть, конечно, к словесному поединку царя Соломона и царицы Савской (3 Цар. 10: 1–25), известному не только из Библии, но и из апокрифов[50]. К этому же поединку восходит и рассказ из «Повести временных лет» о княгине Ольге и византийском императоре[51] – оба рассказа, несомненно, являются прообразующими для «Повести о Петре и Февронии». Однако Феврония, как и княгиня Ольга, оказывается выше царицы Савской, поскольку, как и она, выходит победительницей из противостояния со своим превосходящим ее в системе социальной иерархии оппонентом.

Возможно, Ермолай-Еразм задействует в Повести и другую параллель летописного сказания о княгине Ольге – библейские сюжеты об Аврааме и Сарре (Быт. 12 и 20)[52]. Если это так, то особенно, конечно, важным для понимания Повести окажется мотив спасения мужа через жену[53].

В то же время Феврония, встречающая посланца своего будущего мужа и провидящая будущее, – это одна из мудрых евангельских дев, ожидающая своего Жениха (Мф. 25: 1–12).

Кроме того, эпизод с прихождением царского отрока напоминает сцену Благовещения: как бы вслед за Богоматерью, продолжая ее дело, Феврония ткет в момент прихода юноши-вестника – в сцене Благовещения, неоднократно запечатленной в живописи, Богородица, встречающая благую весть от архангела Гавриила, часто изображалась с веретеном или мотком нити, и красная нить в ее руках подразумевала разворачивающуюся благодаря ей жизнь Христа.

Символика дома-храма в этом эпизоде многозначна. По сути, Ермолай-Еразм рисует здесь храм-рай – царство гармонии и покоя, где человек мирно сосуществует с животными[54]. И одновременно храм – это сама Богоматерь[55].

Слово «очи» троекратно (!) повторено в эпизоде и каждый раз выделено и обозначено в рукописи графически – начальное «о» представляет собой окружность с двумя точками внутри. Это может служить указанием на особое зрение, на очи Февронии, которым открыт путь спасения, в отличие от глаз обычного человека. Тема «ока», которое есть «светильник телу» (Мф. 6: 22), зрения «ду-

ховного» и «телесного» чрезвычайно развита в Писании, у отцов Церкви и во всей агиографии.

Помимо этого, символически значимое троекратное упоминание об очах-отроке («отроча... есть храму [конечно, здесь – храму, а не дому. – *О. Г.*] Очи»), возможно, ведет еще к одному сюжету о смерти и спасении, известному в живописи, – к «Спасу Недреманное Око» [56]. Тема неизбежности *смерти* вводится через упоминание о родителях и брате Февронии: «Отец и мати моя поидоша взаем плакати [то есть на похороны. – *О. Г.*] брат же мой иде чрез ноги в нави [то есть к мертвым. – *О. Г.*] зрети [брат, как и отец, занимается бортничеством, а с дерева можно упасть и лишиться жизни. – *О. Г.*]», – в *спасении* от струпов-грехов (ведь именно так в христианской традиции издревле толковалось слово «струп»: к примеру, в своем «Молении к царю» ЕрмолайЕразм говорит о Христе, который «сниде струпы [то есть грехи. – *О. Г.*] Адамовы кровию своею очистити» [57]) нуждается прежде всего князь Петр, обратившийся к Февронии. Сходный эпизод, предположительно послуживший одним из источников Повести, встречается в переводном Синайском патерике: в «Слове 76» славянского перевода Патерика [58] рассказывается, как к одной «чернице», которая, видимо, была весьма недурна собой, «сотона» вложил «некому уноши желание». В один прекрасный день юноша (здесь: человек, обуреваемый дьяволом, грехом и, следовательно, нуждающийся, как и Петр, в спасении) пришел к монахине, когда она занималась ткачеством (и здесь продолжается ситуация Благовещения; ткачеством занималась и Феврония). Черница спросила юношу, что в ней есть такого, что соблазняет его, и юноша ответствовал, что это ее «очи». Недолго думая, черница выколола себе оба глаза «копорулей» (челноком), буквально следуя евангельскому: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф. 5: 29). Ужаснувшийся столь страшным деянием, юноша забыл о своей страсти и постригся в монахи. «Слово 76» – самое натуралистически-жестокое в Синайском патерике и, благодаря своей жестокой наглядности, это один из самых запоминающихся примеров спасения. Черница спасла юношу, пожертвовав своими очами (тема очей отсылает опять к «Спасу Недреманное Око»), спасла, прибегнув к челноку с нитью, то есть, читай: «черница»-Богоматерь отдала в мир своего Сына; нить его земной жизни обрывается ради спасения человека, – ведь, слепая, она не сможет больше заниматься ткачеством.

В русской Повести тема спасения и связанная с ней тема духовного зрения решаются более мягко.

Образ души, покрытой язвами (струпами)-грехами, а также аллегория человек-воин, борющийся со змеем-дьяволом и получающий от него раны-язвы-грехи, чрезвычайно распространены в патристике[59].

Врач в Евангелии, агиографии, гимнографии – это, прежде всего, сам Христос (ср.: Мф. 9: 12; Мр. 2: 17; Лк. 5: 31)[60], шире – все то, что служит спасению и, соответственно, связывается с Христом, например, в Службе Воздвижению Креста «недужьных врачю» – это крест[61]. Текст одной из редакций, например, в полном соответствии с замыслом Ермолая-Еразма, но несколько многословно объясняет мотивы поиска врачей Петром: «Понеже и брань его не бяше с человеки, но с дияволом, тако подобаше и исцелену быти не от человек, но от божественныя силы, по реченному словеси господню во святем Еуангелии: иже невозможна от человек, возможна суть от Бога»[62]. Иными словами, поиск врача – это путь человека к спасению от греховструпов. Но всегда ли понимают люди, что они ищут?

* * *

Петр пытается пренебречь словами Февронии и обойтись собственным умом: «не брегии словеси ея и помысли»; он пытается искусить ее и делает это во второй части дважды: давая ей заведомо невыполнимое задание и предлагая «дары» вместо женитьбы. Но Феврония, по мудрости своей, ниспосланной ей свыше, предвидя поворот событий, предупреждает заранее: «Аще будет мяхкосерд и смирен во ответех да будет здрав». И с честью выходит из двух испытаний: ответив на княжеское задание столь же невыполнимой задачей и встретив увильнувшего было от женитьбы князя «нимало гневу подержав». Мудрость Февронии состоит в ее прозорливости, дарованной свыше: в отличие от всех остальных, «очи» ее видят истинную суть происходящего; для князя Петра будущее, в том числе и собственное спасение, неведомо.

Ключевые слова Февронии Ермолай-Еразм выделяет ритмом и рифмой:

Аз есмь хотя и врачевати.
но имения не требую от него прияти.

имам же к нему слово таково.
аще бо не имам быти супруга ему
не требе ми есть врачевати его.

В этих и других словах Февронии («Аще будет мяхкосерд и смирен во ответех да будет здрав»), сакральный смысл которых не понимают ее собеседники, кроется путь к спасению Петра, но для этого ему нужно пройти через очищение – пойти в баню и помазать тело свое «кисляждью» – хлебной закваской, на которую предварительно дует Феврония. Несомненны фольклорно-мифологические истоки перечисленных мотивов, но в христианской традиции баня – это прежде всего «баня благодати», то есть крещение, а хлеб, в данном случае закваска, – это «хлеб жизни», «Тело Христово». Непосредственно с закваской сравнивал Иисус Христос Царство Небесное: «Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф. 13: 33). «Закваска в массе обозначает также и Тело Господа (по его значению) в потомстве Адама», – добавляет Ефрем Сирин[63]. В агиографии «баня благодати» чаще всего упоминается как метафора – в житиях, посвященных обычно святым – крещеным язычникам[64]. Однако в баню Петр идет не с чистым сердцем – жениться на дочери древолазца он совсем не собирается, никакого «мяхкосердия и смирения» у него нет, и он начинает искушать Февронию загадками, а затем богатыми дарами, пытаясь превзойти ее «мудрость». Грех гордыни оборачивается для князя множественными струпами, разошедшимися по его телу из одного, не помазанного по указанию Февронии, предвидевшей такой поворот событий. Этот сюжетный узел удивительно тонко разрешается агиографом: струпы для Петра – это и грехи, разъедающие его душу, и одновременно страдание вослед Христу[65], которое ведет к спасению и даже сделает его святым, – в заключительной похвале Ермолай-Еразм говорит о том, что Петр «струпы... доблествене претерпел». В одной из редакций Повести Петр в струпах сравнивается со страдальцем Иовом – как известно, одним из прообразов Христа[66].

Слова с корнем *-струп-* («струп(ы)», «оструплен») в ограниченном отрезке текста Повести образуют нумерологему[67] «8», число райского блаженства, символ Царства Небесного[68]:

И по времени князь Петр иде в баню мытися.
и *повелением девица* помазанием помазая **язвы и струпы** своя.
И един **струп** остави непомазан по *повелению девицы.*
Изыде же из бани.
ничто же болезни чюяше.
На утрии же узрев си все тело здраво и гладко развие единого **струпа** еже бе не помазал по *повелению девичю.*
И дивляшеся скорому исцелению.
Но не восхоте пояти ю жену себе отечества ея ради.
И послав к ней дары она же не прият.
Князь же Петр поехав во отчину свою град Муром здравствуяи.
На нем же бе един **струп** еже бе не помазан *повелением девичим.*
И от того **струпа** начаша многи **струпы** расходитися на теле его от
перваго дни.
в онь же поехав во отчину свою.
И бысть паки весь **оструплен** многими **струпы и язвами** яко же и первие:[69]

Возможно, в своей нумерологической загадке Ермолай-Еразм сокрыл еще две нумерологемы: во-первых, повтор слова «струп» разделяется небольшим фрагментом текста без упоминания «струпов», в таком случае число «3» здесь – это «трьблаженое древо, на немьже распятъся Христос» (Служба Воздвижению Честнаго Креста Косьмы Маюмского[70]) и столь любимая Ермолаем Троица, а число «5» в данном случае – пять ран Христа[71]. Кроме того, дважды употребляется двойное сочетание – «язвы и струпы», «струпы и язвы», – отграничивающее рассматриваемый отрезок текста. Двойка – символ двуединой природы Христа – Божественной и человеческой. Таким образом, посредством числового иносказания и лексики («струпы») Ермолай указывает на символическое значение страданий Петра – на распятие и страдания, уподобляющие Петра Христу. Трижды возникает слово «един», что в контексте Повести пополняет тему троичности, Троицы, и четырежды – «повеление девиче» (число «4» – нумерологема Нового Иерусалима, о чем еще будет сказано). Непросвещенному же читателю может показаться, что автор здесь не сумел найти нужных синонимов.

Таким образом, посредством числового иносказания и лексики («струпы») Ермолай указывает на символическое значение страданий Петра, на распятие, – прием, впрочем, обычный для агиогра-

фии. Феврония, имеющая дар прозорливости и заставляющая Петра претерпевать мучения от «струпов», помогает Петру, своему будущему мужу, войти в Царство Небесное. Более жестоко, но по сути так же поступает, к примеру, Алексий человек Божий, когда он заставляет своих близких до конца его жизни страдать по поводу его исчезновения, – Алексий знает, что тем самым он спасает их[72].

* * *

Тема ряда последующих эпизодов – поединок Петра и Февронии с боярами. Князь Петр после смерти брата «стал самодержцем в городе своем». Жены боярские невзлюбили Февронию из-за ее происхождения и настраивали мужей своих против нее. Сама Божественная воля вмешалась в спор. Как-то раз князю Петру наговорили на Февронию, которая после трапезы имела обыкновение собирать крошки в руку. Князь Петр, поддавшись наговору, опять искушает свою жену, не понимая истинного смысла ее действий. Феврония и на сей раз не изменяет своему обычаю – она собирает крошки, – но свершается чудо: князь Петр, разжав ее руку, обнаруживает вместо крошек благовония – «ливан добровонный, и фимиян», то есть ладан и фимиам. «И от того дни остави ю к тому не искушати».

Эпизод сверхмногозначен. Во-первых, лишь дважды в Повести говорится о запахах – при описании змея (змей поистине отвратителен: «злаго его духаниа и сипения и всего скарядия. еже смрадно есть глаголати») и в данном случае третьего искушения Февронии Петром, которое одновременно является и его искушением. В храмах благовонным ладаном изгоняется сатана, так и сейчас третье искушение Петра (вспомним здесь и три искушения апостола Петра, прообразующего муромского князя) – наследие смрадного змия – преодолевается святым благоуханием. Во-вторых, обращает на себя внимание, казалось бы, ненужный синонимический повтор – ведь ладан и фимиам – одно и то же[73]. Видимо, Ермолаю понадобилась «священная двоица», ведь число «2», как уже говорилось, – символ Христа. Хлеб и благовония (ладан – символ Божественной природы Христа, как о том пишет, например, Ефрем Сирин и неоднократно упоминает гимнография), появляющиеся в руках Февронии, символическая «двоица» опять обращает читателя к теме Богородицы (Феврония) и «хлеба жизни», появляющегося из ее рук, – Богочеловека-Христа, а также к женам-

мироносицам (Мф. 28: 1)[74]. Втретьих, тема мудрости и бережливости Февронии опять же возвращает к предусмотрительным мудрым женам из упоминавшейся евангельской притчи. В-четвертых, это напоминание о равенстве во Христе (вспомним начало Повести). Рассказ о Февронии, держащей в разжатой руке символ спасения, и в данном случае также спасения самого Петра, не ведающего до сих пор, что своим спасением он обязан Февронии, – это подчеркивание нелепости сословных предрассудков (во Христе все равны!) и осуждение сословно-бытовой ограниченности.

* * *

Глупые бояре, неразумные в уме и сердце, требуют от Петра, чтобы все было по чину. Они толкают Петра на искушение Февронии (сцена с крошками) и сами искушают ее в мудрости. В тот момент, когда бояре «отдавали» Петра Февронии, каждый из них сам мечтал занять его место и стать самодержцем.

Диалог бояр и Февронии о «даре» и «богатстве», третий для Февронии диалог, строящийся на загадках и отгадках, – это разговор опять же на разных языках: для бояр – это земные блага, для Февронии – это «дар Божий – жизнь вечная во Христе» (Римл. 8: 23) и супруг, ниспосланный ей Богом. Бояре ассоциируются, во-первых, с евангельскими псами, о которых говорится: «Не давайте святыни псам» (Мф. 7: 6), а во-вторых, с богачом из известной притчи о богатом и Лазаре, в которой богач «каждый день пиршествовал блистательно» и в результате лишился Царства Небесного (Лк. 16: 19).

Линия поведения каждого персонажа в споре точно прорисована агиографом: бояре – в неистовстве греховных страстей («Враг бо наполни их мыслей», они «не ведуще будущаго», то есть своего спасения); Феврония прозорлива, мудра и бесстрастна, подобно «ифиру» из начальной притчи о древе, ей открыто настоящее и будущее; Петр, наконец, победил себя и достиг смирения, а также молчаливого признания высшей мудрости своей супруги. Этого высшего знания у него нет, но смирение, за которое возносит, в частности, супругов в заключительной похвале Ермолай-Еразм, откроет ему путь в Царство Небесное.

Князь Петр не нарушил Божии заповеди ради царствования в земной жизни и не отказался от Февронии. Божии заповеди выше земного Царства, и в то же время, как будет видно в дальнейшем, следование им – залог благополучия в государстве.

Отказ от жены, пренебрежение супружеской верностью – это блудное деяние; Ермолай ссылается на Евангелие от Матфея. На нарушение заповеди толкают Петра «неразумные» бояре, которые не ведают не только своего будущего, но и того, что нарушение заповедей приведет к государственному нестроению. Тема блудного деяния продолжается автором далее: следующий эпизод представляет собой по сути притчу о единообразии женского естества, утверждающую бессмысленность блуда как такового. Некий человек, находившийся вместе с супругами «в судне», «приим помысл от лукаваго беса возрев на святую с помыслом». Феврония же, заставив незадачливого женолюба испить воды с одной и другой стороны «судна», укоряет его: «И едино естество женско есть. почто убо свою жену оставя чюжиа мыслиши». Притча о единообразии женского естества – это еще один международный сюжет, вошедший в Повесть, на что давно обратили внимание медиевисты [75]. В том или ином варианте данный сюжет встречается в «Тысяче и одной ночи», в «Декамероне» Дж. Боккаччо, А. Н. Веселовский пересказывает «одну малорусскую повесть», вышедшую, возможно из апокрифа, где в качестве искателя приключений выступает сам царь Давид [76]. Известно псковское предание о княгине Ольге, записанное в середине XIX в., с таким же сюжетом и вошедшее в Степенную книгу не позднее 60-х гг. XVI в. [77] Для нас здесь интересно то, что сходство в сюжете опять ставит знак равенства между двумя «мудрыми женами» – Ольгой и Февронией, возможно, углубляя уже заявленную аналогию Повести.

Прелюбодеяние – грех, который не захотел совершить Петр, послушайся он бояр, грех, который на судне не совершила и Феврония, поддайся она мыслям чужого мужа, грех, который она не позволила совершить и своему попутчику. Эти «несовершенные грехи» опять складываются в заветное число «3». В то же время тема блуда является важной в Повести; к эпизодам с боярами и с человеком «в судне» тянется нить из начала – от истории с женой Павла. Там блуд совершается, хотя и против воли жены. Сакральная параллель понятна: от Евы – к искуплению, о чем уже говорилось и будет сказано еще. Возможно, здесь продолжается еще одна параллель Повести: безымянная княгиня и Феврония – княгиня не смогла противостоять блуду, Феврония смогла, в этом случае и бояре, и человек «в судне» также получают свою параллель – это сам дьявол, змей-искуситель.

В эпизоде с человеком «в судне» интересно еще и то, что здесь, возможно, слились два «бродячих» сюжета: притча о единообразии женского естества и испытания морским (здесь: речным) путешествием. Последний мотив был очень популярен как в античном романе, так и в агиографии [78], где одной из его функций было испытание страстями, и в том числе испытание целомудрия героини [79]. Петр и Феврония так же, как и Евстафий Плакида с женой, отказываются от своего имущества и плывут от своего дома; так же, как и герои византийского жития, Петр и Феврония подвергаются испытанию целомудрия, при этом роль мужчины пассивна – Петра, например, как будто и нет «в судне» [80]; так же, как и в «Житии Евстафия Плакиды», женщина с честью выдерживает испытание.

Третье (!) чудо, которое совершает Феврония, – кульминация Повести, недаром оно упоминается и в Похвале [81]. Повар, готовивший ужин на берегу, срубил молодые деревца. Увидев это, Феврония благословила их и сказала, что утром они будут большими деревьями. Так и случилось. Текст чуда, как особо значимый, выделен в «Повести» двумя парами рифмующихся строк:

на брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовл**яху**.

и потче повар его древца малы на них же котлы вис**яху**.

по вечери же святая княгини Феврониа ходящи по брегу и видевши древца

тыя благослови.

рекши да будут сия на утрии древие велико имущи ветви и листвие еже и бысть.

вставши бо утре обретоша тыя древца велико дре**вие**.

имуще ветви и лист**вие**.

Внутри этого фрагмента есть «подсказки», ведущие в сакральный подтекст. При общей тенденции к достаточно долгой строке, последняя строка содержит лишь три (!) ударения:

имуще/ ветви/ и листвие.

В тексте чуда три (!) двоицы: «на вечерю» – «по вечери», «на утрии» – «утре», «древие велико имущи ветви и листвие» – «велико древие имуще ветви и листвие» – и одна троица – трижды повторено слово «древца». Кроме того, согласно акцентным знакам

рукописи, весь эпизод состоит из шести строк – ритмовых фраз, то есть двух троиц или трех двоиц. Троичность структуры говорит о том, что Троица и ее символические воплощения – основная сакральная тема эпизода. Для понимания чуда следует также учесть, что Ермолай-Еразм строит его как подобие Службы, следуя от вечери с ее напоминанием о конце земной жизни, – к радостной заутрене, благодарению за появление Света новой жизни – Христа. Указание на утреню и вечерю содержится в тексте чуда; в Повесть лишь дважды вносится упоминание о времени суток – в чуде и в финале, когда неразумные «людие» пытаются положить супругов в разные гробы. И в том, и в другом случае упоминается утро как символ новой жизни, а в чуде еще и вечер, поскольку там важна тема умирания как предвестия воскресения.

Чудо с деревьями, как уже можно было убедиться, несет в себе большую символическую нагрузку. Во-первых, процветшие на берегу реки дерева – это и «дерево, посаженное при потоках вод... и лист которого не вянет» (Пс. 1: 3), т. е. праведник[82], и процветший жезл Аарона (Числ. 17), и соотносимый с ним корень Иессеев, то есть род, из которого, по пророчествам, вышел Иисус Христос (Мф. 1: 6)[83]. Дерево – жезл – корень Иессеев, прообразуют в христианской традиции и крест, воздвигнутый во спасение, и Того, Кто на нем был распят, и саму Богородицу, в которой воплотилась Троица (ср.: «В тебе троическое таинство поется...»[84] – из Службы Рождеству Богородицы). В текстах Библии, а также служб, в частности посвященных Богоматери, Воздвижению Креста[85], тема процветшего жезла Аарона развивается неоднократно: «Бога нашего Мати, девства сосуд, Ааронов прозябший жезл от корене Иессеева... рождается убо»[86] и т. д. (из Службы Рождеству Богородицы). За процветшими деревами-жезлом стоит и победный Вход Господень в Иерусалим, с которым соотносится возвращение Петра и Февронии в Муром (вспомним пальмовые ветви Евангелия и березовые – при праздновании русского Вербного воскресения – Входа Господня в Иерусалим), и райское Древо жизни, к которому «вернутся» святые. Перечисленные значения символики древа названы и у Иоанна Дамаскина[87]. Все это – символика праведного пути, на котором находятся Петр и Феврония, символика спасения.

Во-вторых, Феврония с процветшими деревами – это жена в винограднике «Песни Песней», символизирующая и Богородицу, и Церковь[88]. Образ Февронии-жены-Богородицы-Церкви соотносит-

ся, например, с аналогичным образом Феопистии, жены Евстафия Плакиды, стерегущей виноградники, и не только с ней[89].

В-третьих, и это вытекает из вышесказанного, процветшие деревца – это символ праведного и угодного Богу Царства[90], в котором будут править Петр и Феврония в соответствии с Божественными заповедями. Петр и Феврония у процветших дерев напоминают известный иконописный сюжет Воздвижения Креста с предстоящими византийским императором Константином и его матерью Еленой, утверждающий идею христианского государства. И как в природе, попранной человеком, восстанавливается равновесие, так оно должно восстановиться в царстве.

В-четвертых, чудо с деревцами перекликается с целым рядом эпизодов и образов самой Повести: оно напоминает о потерянном человеком рае, где всё сосуществует в гармонии (вспомним Февронию и скачущего у ее ног зайца), и о надежде вновь обрести его, оно расширяет символику меча-древа-креста – это перекличка с начальной притчей о древе: древеса посекаются (на земле, это земные страдания Христа), но процветают по Божественному промыслу. В известном смысле чудо – иллюстрация к уже упоминавшимся словам из воскресного седальна, который поется после шестой песни Канона Троице («в трех лицех секомей несечено...» и т. д.). Так же, как и чудо исцеления Петра, – это чудо возвращения к жизни, спасения. Есть у чуда еще одна параллель, а именно с тем заданием, которое предлагает Феврония Петру в ответ на его заведомо невыполнимую просьбу соткать и сшить ему «срачицу и порты и убрусец», – из «утинка поленца» приготовить ей «стан и все строение»: творить чудо дано лишь Богу и Его избранникам, *будет человек совершенен в вере настолько, что его воля и деяния сольются с Божественным промыслом, – и срубленные стволы процветут, и воздвигнется царство*, а пустые искушения – от лукавого[91].

Только Февронии дано творить чудеса по собственному благословению – подвиг Петра свершается благодаря кому-то: отроку, указавшему меч, и водительству Февронии. Символично, что три чуда Февронии кратны трем искушениям Петра, – троичность по Ермолаю-Еразму разлита в мире.

Одна из основных тем Повести, как уже говорилось, – тема ума и «разума истинного». Поражает в Повести то, что Ермолай так возвышает Февронию, наделяя женщину мудростью «святых муж». Среди персонажей-мужчин равных по «разуму истинному» ей нет. Прямых аналогов нет и в византийских житиях, где, в отличие от

Повести, жена все-таки всегда играла по отношению к мужу подчиненную роль.

* * *

Петр и Феврония возвращаются и правят, «соблюдая все заповеди», – «беста бо своему граду истинна пастыря. а не яко наимника» (Ср.: Ин. 10: 12).

Последние эпизоды повествуют о кончине святых и посмертных чудесах. Петр и Феврония незадолго до кончины принимают монашество. Появление сложной символической числовой конструкции открывает сакральное значение предсмертных действий Петра и Февронии:

7 и совет /сотворше/ да будут/ положена/ оба/ вь **едином/** гробе.

7 и повелеша/ учредити/ себе/ вь **едином/** камени/ два/ гроба.

6 **едину/** токмо/ преграду/ имуще/ межу/ собою.

6 сами же/ вь **едино/** время/ облекошася/ во мнишеския/ ризы.

Четверка – четырехкратное повторение лексемы «единый» в четырех ритмовых фразах – это и символ уготованного святым рая – Нового Иерусалима (ср.: «Город [Новый Иерусалим. – *О. Г.*] расположен четвероугольником» (Откр. 21: 16)), и евхаристический «четырехугольный Агнец» – Христос [92], к которому они будут приближены и которому они уподобились, и символ Воскресения, четырехдневный Лазарь, и еще один, уже упоминавшийся символ спасения, четырехконечный крест. Семерка также указывает на Царство Небесное [93], а трагическое число «6» на скорую смерть [94].

Первым приближение смерти почувствовал князь Петр, Феврония вышивала в это время «воздэх» – покров для церковных сосудов, используемый в Евхаристии и символизирующий камень, приваленный к двери гроба Христа [95], связь этого символа с приуготовлением к переходу в мир иной супружеской четы очевиден. Символично, что «воздэх» предназначался для храма, посвященного Богородице – прообразу Февронии.

Дважды посылал к ней Петр, но Феврония не хотела прерывать работу. На третий (!) раз Петр прислал сказать, что ждать больше

не может. Тогда Феврония, не окончив работу, ответила, что умирает вместе с ним. К нашей интерпретации эпизода[96] добавим следующее. Движение нити-жизни и в данном эпизоде, и в Повести в целом (Феврония появляется перед читателем, занимаясь ткачеством, и уходит, «преверте нитью») являет круг, который еще с времен св. Климента Александрийского (II в.) символизировал Христа, Троицу и бессмертие: «Он есть круг, в котором все силы движутся и Им же собираются», – писал св. Климент[97]. Земной круг жизни завершен, все противоречия разрешены, впереди – бессмертие. Действие Повести возвращается туда, откуда оно началось, к загородной церкви Воздвижения честнаго и животворящего Креста, – там поставили гроб с телом Февронии, именно в том месте, где Петр нашел «Агриков меч». Люди решили похоронить их отдельно, но всякий раз тела оказывались в том самом гробе из одного камня. Безусловно, символика камня здесь многозначна и связана с Христом и Церковью[98]. Святые нашли упокоение внутри града, в церкви Богородицы (!), это праведники, данные «граду тому»[99], а движение от Воздвижения к Богородице – это опять обозначение и возвращение к основным темам и символическим образам Повести.

Легенды о чудесных перемещениях тел или гробниц умерших супругов или возлюбленных также относятся к «странствующим» сюжетам[100].

В заключительной общей похвале святым Ермолай отмечает смиренное княжение и дар исцеления, дарованный им после смерти. Всего в Похвале выделяется 8 славословий, что опять возвращает читателя, автора и его героев к теме Царства Небесного («8» – райское число), где вечно будут пребывать святые.

* * *

Согласно христианской традиции, тексты Священного Писания, а также следующие ему агиографические тексты предполагают понимание их по крайней мере на трех смысловых уровнях – буквально, «душевно» и мистически[101] Мистический смысл открывался лишь посвященным, полностью вкусившим «сладость книжную» и наделенным мудрым видением. Высший, мистический смысл Повести обнаруживает полную принадлежность ее агиографической традиции.

Практически все византийские жития, повествующие о супружеских парах, – жития Ксенофонта и Марии, Галактиона и Епистимии, Евстафия Плакиды (и его жены Феопистии) и др., – представляют в высшем своем, мистическом смысле *брак святых как союз Христа и Церкви.* Такое понимание таинства брака исходит из Писания и толкований отцов Церкви. Апостол Павел, например, писал: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5: 25) [102]. О Февронии как Богоматери-Церкви-Софии [103] отчасти уже было сказано: уподобление дочери древолазца деве Марии дается через уподобление встречи ее с княжеским отроком Благовещению, дом ее – храм, тема рождения Христа и тема храма продолжаются в чуде о хлебных крошках, обратившихся в благовония, в возникновении символа Богородицы – процветшего жезла и т. д. Добавим также, что одна из символических параллелей Февронии – царица Савская – также уподоблялась Церкви, а ее приход к царю Соломону – союзу Христа и Церкви [104]. Заметим, что в христианстве существует двойственное понимание Премудрости: с одной стороны, как Логоса – Иисуса Христа, с другой – как Богородицы. Последний вариант считается более древним [105]. Впрочем, догматические споры о сущности Софии не утихают по сей день[106].

Петр, как и любой святой, подобен Христу и в определенном смысле – сам Христос. Ермолай-Еразм мастерски, согласно законам жанра, разворачивает для понимающего читателя высший, вневременной сокровенный подтекст истории о Петре и Февронии. Необычность мистического подтекста Повести состоит в том, что, повторяем, Ермолай-Еразм усилил роль женщины-Богоматери-Софии-Церкви; возможно, для этого были и исторические причины [107]. Усиление женского начала вылилось в особый лиризм Повести.

Итак, для непосвященных, но размышляющих читателей (или слушателей) Повесть стала произведением, рассказывающим о святых праведных правителях, дарованных «граду тому», чья воля совпадала с Божественным Промыслом, что обеспечивало «граду» благополучие. Власть богоданных правителей основывалась на Евангельских заповедях и, как следствие этого, на милости и сословном равенстве. Для людей посвященных Повесть воссоздавала вневременной сакральный смысл событий – грехопадение и искупление, союз Христа и Церкви как залог спасения. Создается впечатление, что Повесть как своего рода христианская утопия пи-

талась какими-то надеждами автора, возможно связанными с началом царствования Ивана IV.

Впервые в древнерусской книжности агиограф, как ранее это делал его византийский коллега, включил в свое повествование обширный комплекс «бродячих» сюжетов. На наш взгляд, это объясняется тем, что у Руси, как ранее и у Византии, и затем в Европе, появилась своя, уже достаточно протяженная христианская история, сложились свои предания, которые требовалось записывать [108]. При записи долго бытовавшей устной традиции, при авторе — заведомом «не-очевидце», проникновение «бродячих» сюжетов неизбежно. Следует понимать, как агиограф относился к этим преданиям: для него они были историей, в которой надлежало найти «идеальную правду» [109].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор выражает искреннюю благодарность М. С. Гладкой, Л. Н. Коробейниковой, С. В. Минеевой, А. М. Ранчину и В. М. Шахановой за ценные замечания, высказанные в процессе работы над настоящей статьей.

[2] Библиографию работ, выявляющих «бродячие» сюжеты в составе Повести, см.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 267 (примеч. 185).

[3] Ср.: Там же. С. 207.

[4] Ср., например: Иоанн Мосх и Софроний собирали рассказы подвижников, записывали их для сборника «Луг духовный» (в славянской традиции — «Синайский патерик»), то есть фиксировали устную традицию, отсюда такое обилие бродячих сюжетов в патериках. Другой пример: многие византийские жития составлялись много позже — на несколько столетий — описываемых в них событий, когда агиографу приходилось довольствоваться устным преданием, вобравшим в себя самый разнородный материал.

[5] См., например, патериковые рассказы, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Мучение семи отроков ефесских», «Житие Евстафия Плакиды», «Чудо Георгия о змие и о девице» и др.

[6] См. об этом, например: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 249–252 и сл.

[7] Приведем лишь некоторые работы последних лет: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и иссл. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 117; *Каравашкин А. В.* Нетрадиционное в агиографии. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» // Древнерусская литература XI–XVII вв. М., 2003. С. 293–294; *Шайкин А. А.* Новелла и житие (Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии») // *Он же.* Поэтика и история. На мат-ле памятников русской литературы XI–XVI веков. М., 2005. С. 338; *Фефелова Ю. Г.* Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 428 (при-

меч. 4). И др. В свое время и мы отдали дань этой традиции: *Гладкова О. В.* Тема ума и разума в «Повести от жития Петра и Февронии» (XVI в.) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 234.

[8] *Макарий (Веретенников), архим.* Жизнь и труды святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С. 107. В одном из списков «Окружной грамоты» о праздновании Муромским чудотворцам добавлено: «и повсюду». По этому поводу М. Б. Плюханова замечает: Петр и Феврония предстают в данном случае «парадоксально – как местные [святые. – *О. Г.*] с общерусским значением» (*Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 269).

[9] Наблюдение принадлежит С. В. Минеевой (устное сообщение). Материал, собранный Р. П. Дмитриевой, показывает, что Повесть воспринималась именно как житие, а не как «светская (полуязыческая) легенда» (*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1998 (репринт 1903 г.). С. 84 (примеч. 2)). Во-первых, она читалась в церкви во время службы, о чем свидетельствует внесение пояснений в некоторые рукописи Повести, разделяющие ее текст в соответствии с течением службы (см. об этом: *Фефелова Ю. Г.* Указ. соч. С. 479–481). Во-вторых, исследовательница обнаружила свыше 350 списков Повести. Для древнерусской книжности наличие такого количества сохранившихся к нашему времени списков уже само по себе уникально и свидетельствует о необычайной популярности и востребованности Повести, в том числе, а может быть, и в первую очередь, в церковном обиходе. «Полуязыческие легенды» о святых (где они, эти легенды?) в таком количестве списков вряд ли могли распространиться. В-третьих, текст Повести строится по агиографическому канону, о чем ниже, и у нас нет сведений о каком-либо осуждении Ермолая-Еразма за нарушение его или о запрещении Повести. В-четвертых, известно, что особым вниманием почтил преподобных Петра и Февронию царь Иван Грозный: в 1552 г. перед походом на Казань Грозный приезжает в Муром поклониться «сродникам своим». Уж не сам ли Иван IV и явился заказчиком Повести? Вряд ли ученый царь, да и митрополит Макарий, допустили бы распространение «непрофессионального» труда, да еще и рассказывающего о царских «сродниках».

[10] Обзор литературы по теме см.: *Дмитриева Р. П.* Ермолай-Еразм (Ермолай Прегрешный) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1. С. 224–225; *Фефелова Ю. Г.* Указ. соч. С. 428–430.

[11] Отчасти такой взгляд у ученых советского периода был, конечно, продиктован особенностями эпохи.

12 *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 246. С первой частью высказывания согласимся и мы: выбор испытанного, запоминающегося сюжета всегда обеспечивал агиографическому произведению популярность.

[13] Краткий обзор работ, посвященных изучению параллелей Повести с западноевропейскими произведениями, см.: *Дмитриев Л. А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 260–261. См. также: *Широкова О. И.* Сказочные новеллистические сюжеты в древнерусских повестях XV–XVII веков: Авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. С. 11.

[14] Работа этого автора не указана в обзоре Ю. Г. Фефеловой, поэтому приводим ее выходные данные: *Ужанков А. Н.* Повесть о Петре и Февронии Муромских (Герменевтический опыт медленного чтения). Ч. 1–2. // www.pravoslavie.ru(28.09.04).

[15] Среди перечисленных исследований следует выделить работы Миты Аюми (*Мита Аюми.* Поэтика сюжета «Повести о Петре и Февронии»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997) и Ю. Г. Фефеловой как попытку так или иначе «уравновесить» фольклорное и агиографическое начала в Повести. С нашей точки зрения, этого делать не стоит: процесс проникновения фольклорного материала в агиографию происходил не столь прямолинейно, сказка или легенда не становились в одночасье житием, порой сказка, легенда и житие могли иметь общий источник, могли пересекаться. Мифологический или фольклорный сюжеты часто (как и в Повести) проникали в агиографию, но это был переход из одной системы в другую, порой даже при скрытом сохранении элементов семантики (см. об этом: *Гладкова О. В.* Повесть о Герасиме и льве: загадки текста. Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 14. М., (в печати)), но не открыто декларируемой ориентации на фольклорный источник. Трудно представить себе образованного и начитанного московского протопопа, пишущего житие царских «сродников» как апофеоз языческой свадебной (порой эротической) обрядовости. Наряду с этим, мы прекрасно представляем ценность Повести как источника по истории этой обрядовости и готовы принять исследования фольклорных мотивов Повести с одной оговоркой: вся фольклорная символика является принадлежностью каких-то источников Повести, повлиявших на предания, на основе которых ЕрмолайЕразм создал свое сочинение.

[16] Конечно, это объясняется и общей малоизученностью нашего книжного наследия, и десятилетиями вполне понятного простоя в исследовании такой области, как агиография, из-за чего Повесть очень сложно поставить в жанровый контекст, и практически полной неосведомленностью исследователей в области гимнографии (плодотворные попытки связать Повесть с гимнографией содержатся в работах: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 208–217 и сл.; *Ранчин А. М.* О «неявной» символике в древнерусской агиографии // Мир житий. М., 2002. С. 67–70; *Фефелова Ю. Г.* Указ. соч. С. 479–481), а тем более связи ее с агиографией и т. д. Все это задачи будущего, фундамент которого, впрочем, уже заложен.

[17] В известном смысле мы исходим из положения, сформулированного М. Б. Плюхановой: «для макариевского круга словесные образы богословско-аллегорического характера имели первостепенное значение. Однако словесные памятники макариевской эпохи остаются и доныне не прочитанными в соответствующем ключе – как богословско-дидактические поэмы» (*Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 212). Мы далеки от мысли, что в настоящее время нам удастся ответить на все вопросы, скорее, данная работа – лишь попытка сформулировать их.

[18] Р. П. Дмитриева при издании Повести выделила в ее тексте четыре новеллы, в действительности их может быть больше (Повесть. Указ. соч.

С. 209–223; в дальнейшем мы цитируем текст Повести по этому изданию, однако издание 1979 г. выполнено в соответствии с правилами современной пунктуации, что затрудняет восприятие текста. В нашей статье мы цитируем текст с акцентными знаками (точками и запятыми) по рукописи ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 147Д, 60-е гг. XVI в., практически идентичной авторскому тексту. Рукопись РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 287/307, сер. XVI в., по которой издан текст у Дмитриевой, к сожалению, в настоящий момент для нас недоступна). Деление Р. П. Дмитриевой продиктовано творческой волей издателя и поэтому достаточно условно: оно в какой-то мере сориентировано на текст «Второй редакции. Вариант с подзаголовками» (Повесть. Указ. соч. С. 250–263), содержащей уставные указания, однако, например, в Хлуд. 147Д текст разделен заглавными буквами на смысловые фрагменты, не совпадающие с таким делением. «Четвертая редакция», к примеру, имеет другие подзаголовки и предполагает совсем другое деление Повести (Там же. С. 316–324).

[19] *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 681–682.

[20] *Св. Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. М.; Ростов-на-Дону, 1992 (репринт 1894). С. 266.

[21] Цит. с упрощением орфографии по: Октоих: С 1-го гласа по 4-й. М., 2003 (репринт 1906 г.). Л. 20. Конечно, при последующем, более детальном, исследовании необходимо будет учитывать рукописную традицию Октоиха, но многое можно увидеть уже сегодня, основываясь на современных изданиях.

[22] *Пиккио Р.* Указ. соч. С. 683.

[23] БЛДР. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 484.

[24] Представление, закрепившееся в гимнографии и агиографии: *Щеголева Л. И.* О символике чисел в греческом тексте Евангелия от Иоанна // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Вып. 11. С. 491.

[25] Сопоставление этих двух текстов может стать предметом отдельного исследования, а мы приведем лишь отдельные параллели:

Канон (Октоих. Указ. соч. Л. 18 об.–19)	«Повесть»
Да человеком единственное, трисиятельное твое явиши Божество, создавый прежде человека, по твоему образу вообразил еси, ум ему, и слово и дух дав, яко человеколюбец. Ум убо есть нерожденный Отец, образно премудрыми предречеся, слово же собезначально, соестественный Сын, и Дух Святый, иже в Деве Слова создавший воплощение. Возсияй ми Богоначалие трисолнечное...	И на земли же древле созда человека по своему образу. и от своего трисолнечьнаго божества, подобие тричислено дарова ему. ум и слово и дух животен. и пребывает в человецех ум яко отец слову. слово же исходит от него яко сын посылаемо на нем же почиет Дух. яко у коегождо человека изо уст слово без духа исходити не может. но дух с словом исходит. ум же началствует.

[26] Ср.: *Пиккио Р.* Указ. соч. С. 684–685.

[27] Считаем «Житие Евстафия Плакиды» одним из образцов «Повести о Петре и Февронии» и предполагаем опубликовать отдельную работу на эту тему.

[28] Только в XX в. в России были канонизированы еще две супружеские пары – преподобные Кирилл и Мария, родители Сергия Радонежского, и благоверный князь Димитрий Донской и его жена, преподобная Евдокия Московская.

[29] В русском фольклоре, например, этот мотив известен по сказке о Кощее бессмертном (*Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 231).

[30] См. об этом: *Гладкова О. В.* (1998). Указ. соч. С. 223–236.

[31] Возможно, здесь можно усмотреть параллель с Борисом и Глебом; заметим, что ассоциации со страстотерпцами и дальше возникнут не раз.

[32] *Шестаков Д.* Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910. С. 133.

[33] БЛДР. Указ. соч. С. 484. Сопоставление текста Службы Воздвижению Честнаго Креста и Повести может стать содержанием отдельной работы.

[34] Ср.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 218.

[35] Евстафию Плакиде, как известно, явился олень с крестом между (или над) рогами.

[36] О Св. Евстафии Плакиде как прообразе Владимира I писал еще Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе», эта традиция сохранялась в русской культуре длительное время, см. об этом: *Гладкова О. В.* Евстафий Плакида, Владимир I Святой, Дмитрий Донской // Макариевские чтения. Русские государи – покровители православия. Мат-лы VIII Российск. научн. конф., посвящ. Памяти Святителя Макария. Можайск, 2001. Вып. 8. С. 553–564; *Она же.* Житие Евстафия Плакиды: от Нестора до Милорада Павича // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Сб. 11. С. 282–288.

[37] ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 334.

[38] ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 430.

[39] ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 168–170.

[40] *Самойлова Т. Е.* Сказание о Борисе и Глебе и культ святых русских князей // Макариевские чтения. Вехи русской истории в памятниках культуры. Мат-лы V Российск. научн. конф., посвящ. Памяти Святителя Макария. Можайск, 1998. Вып. 5. С. 365–378. «Повесть о Петре и Февронии» постоянно выводит читателя на тему царства и царской власти, и вновь возникает вопрос – не высокий ли заказ является тому причиной?

[41] Ср.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 217–221.

[42] См., например: *Гладкова О. В.* Об одной палестинской традиции в Жизнеописании преподобного Серафима Саровского (сюжет о прихождении медведя) // Макариевские чтения. Преподобный Серафим Саровский и русское старчество. Мат-лы XIII Российск. научн. конф., посвящ. Памяти Святителя Макария. Можайск, 2006. С. 280–293.

[43] Там же.

[44] *Ужанков А. Н.* Ч. 1. С. 10 (примеч. 6). Жаль, что исследователь не указал источник толкования. Ср. также справедливое указание Плюхановой на раз-

ницу толкования этого символа-образа в фольклоре и литературе: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 204.

[45] *Уваров А. С.* Христианская символика. М.; СПб., 2001. С. 226.

[46] *Демирханян А. Р.* К мифопоэтическим истокам геральдических композиций (в связи с интерпретацией урартского рельефа из Кеф-Калеси) // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения: Сб. к 75-летию Б. Б. Пиотровского. Л., 1985. С. 140.

[47] Там же. С. 140–141.

[48] Ср.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 224–225 и сл.

[49] Параллель «Повесть о Петре и Февронии» – «Повесть об Акире Премудром» отмечена А. Д. Григорьевым: *Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М., 1916. С. 123.

[50] *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях: по рукописям Соловецкой библиотеки. М., 2005 (репринт 1877 г.). С. 261–263.

[51] См. об этом, например: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 160–162. Отметим также наблюдение автора монографии: «Так "фольклорные" сюжеты в летописи оказывались наполненными вполне христианским содержанием» (Там же. С. 161). Эти мысли высказывались И. Н. Данилевским и ранее в его статьях и докладах.

[52] О параллели Ольга – Сарра достаточно подробно писала Илиана Чекова (*Чекова И.* Художественное время и пространство в летописном повествовании о княгине Ольге в Царьграде // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридский». Факултет по славянски филологии. Книга 2 – Литературознание. Т. 86. София, 1993. С. 5–25. В Повести указанная параллель, возможно, актуализируется в поединке с боярами.

[53] Ср.: Там же. С. 23.

[54] Изображение животных, мирно сосуществующих рядом со святым, как символ рая – древняя агиографическая традиция, восходящая к Книге пророка Исайи (Ис. 11: 6; 65: 25).

[55] Ср.: «Воплощение истолковывалось как начало пути спасения и явление нового "одушевленного храма" в лице Богоматери... Символический образ Небесного Иерусалима предполагает неразрывную связь высоких понятий: Богоматерь – алтарь – храм – священный град и, наконец, райский сад» (*Лидов А. М.* Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской икинографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 20).

[56] Центр композиции иконы «Спас Недреманное Око» составляет образ отрока Христа, с открытыми глазами спящего на ложе, Ему предстоят Богородица и Ангел. Смысл иконографического сюжета состоит в идее *спасения*: Христос спит и одновременно не спит, Христос во гробе и одновременно живой, то есть побеждающий *смерть*, как о том, например, поется в стихире на утрени Великой Субботы.

[57] Повесть. Указ. соч. С. 327. Ср.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 215.

[58] Синайский патерик. М., 1967. С. 114–116.

[59] Ср.: «...благодатное благоухание, веющее из рая, как врач, утоляет часть болезней на проклятой земле, и целебною силою врачует ту болезнь, которая принесена на землю змием» (*Ефрем Сирин.* О рае // *Он же.* Творения. Полное собр.: В 4 т. (Московский Патриархат, Молдавская митрополия, Единецко-Бричанская Епархия, 2003.) Т. 3. С. 186). «...Тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, как это случилось теперь и с тобою; ты, устремившись умертвить змия, тотчас был сам уязвлен им. Но ободрись; небольшая нужна тебе бдительность, – и не останется следа этой раны; даже, по благодати Божией, ты сокрушишь главу и самого лукавого; пусть не смущает тебя и то, что ты преткнулся так скоро и в самом начале. Увидел, скоро увидел лукавый доблесть души твоей, и из многого догадался, что вырастет из тебя мужественный противник ему» (*Иоанн Златоуст.* К тому же Феодору. Увещание 2-е // (*Он же*). Полн. собр. творений Св. Иоанна Златоуста: В 12 т. М., 1991 (репринт 1898 г.). Т. 1, кн. 1. С. 37). «Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезгал. Поэтому не было здоровья в душе моей: вся в язвах, бросилась она во внешнее, жадно стремясь почесаться, жалкая, о существа чувственные» (*Августин А.* Исповедь. М., 1991. С. 86). И т. д.

[60] Ср.: *Шестаков Д.* Указ. соч. С. 145.

[61] БЛДР. Указ. соч. С. 484.

[62] Повесть. Указ. соч. С. 254. Ср.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 222.

[63] *Ефрем Сирин.* Толкования преподобного Ефрема Сирина на Четвероевангелие // Св. преп. Ефрем Сирин. Указ. соч. Т. 4. С. 357.

[64] Нам известен, помимо Повести, еще один по крайней мере случай, когда метафорический и реальный планы совмещаются – в одной редакции XVII в. «Жития Евстафия Плакиды» (где святой проходит через «баню благодати» – крещение) сыновья его отправляются действительно в баню, причем хозяйкой этой бани оказывается их собственная мать, а в символическом коде Жития Богоматерь и Церковь в одном лице (РГАДА, ф. 381, 394. Сборник. 70–80-е гг. XVII в. Л. 55). В одном из Акафистов (Акафист Богородице перед иконами «Взыскание погибших» и «Всех скорбящих Радосте») «банею» названа сама Богородица.

[65] Ср.: *Ранчин А. М.* Указ. соч. С. 70.

[66] Повесть. Указ. соч. С. 289.

[67] О терминах «нумерологема»(число-слово) и «нумероформа» (число-конструкция) см.: *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 273 и сл.

[68] Там же. С. 120.

[69] Двоеточие есть в ркп., выделения наши.

[70] Служба Воздвижению Честнаго Креста Косьмы Маюмского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 486.

[71] Ср.: *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 31.

[72] Об исцелении как о спасении от грехов говорит и уже цитированный Ермолаем-Еразмом Иоанн Дамаскин (*Иоанн Дамаскин.* Указ. соч. С. 251).

В целом, это, как уже говорилось, евангельская тема, нашедшая яркое воплощение в сюжете о кровоточивой жене (Мф. 9: 20–22; Мк. 5: 25–34).

[73] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1989 (репринт 1902 г.). Т. 2, ч. 1. Стб. 3; *Срезневский И. И.* Указ. соч. Т. 3, ч. 2. Стб. 1355.

[74] Ср.: *Скабалланович М.* Толковый Типикон. М., 2004. С. 645.

[75] Обзор литературы по вопросу см.: *Дмитриева Р. П.* Отражение в творчестве Ермолая-Еразма его псковских связей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 284.

[76] *Веселовский А. Н.* Предисловие ко II-му изданию // *Боккаччо Дж.* Декамерон: В 2 т. М., 1992 (репринт 1896 г.). Т. 1. С. XXII.

[77] См. об этом: *Дмитриева Р. П.* Указ. соч. С. 280–286; *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 224

[78] *Гладкова О. В.* Мотив морского путешествия в античном романе и агиографии (некоторые наблюдения) // Da Ulysse a... Il viaggio per mare nell'immaginario letterario ed artistico. Atti del Convegno Internazionale (Imperia, 10–12 ottobre 2002). Pisa, 2003. P. 49–53.

[79] *Фрейденберг О. М.* Указ. соч. С. 250; *Протопопова И. А.* Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001. С. 147; *Гладкова О. В.* (2003). Указ. соч. С. 50–51.

[80] Ср.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 224.

[81] Ср.: *Ранчин А. М.* Указ. соч. С. 67.

[82] Ср.: Там же. С. 68.

[83] Ср.: Там же.

[84] Великий сборник в трех частях. Часть вторая: Минея праздничная. Мукачево, 1993. С. 21.

[85] Параллели между данным эпизодом и Каноном на Воздвижение Честнаго Креста Косьмы Маюмского см.: *Ранчин А. М.* Указ. соч. С. 69.

[86] Там же. С. 13.

[87] Иоанн Дамаскин. Указ. Соч. С. 288. Ср.: *Шестаков Д.* Указ. соч. С. 146.

[88] *Алексеев А. А.* Песнь Песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002. С. 10.

[89] *Коробейникова Л. Н.* О сюжетосложении Жития Галактиона и Епистимии (к проблеме типологии переводных византийских житий) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 342; *Гладкова О. В.* Житие Евстафия Плакиды: известные и неизвестные переводы и редакции XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 12. С. 499.

[90] Ср.: *Ранчин А. М.* Указ. соч. С. 69.

[91] Мысль, любимая христианским средневековьем и одна из важнейших в этико-политической доктрине Ивана Грозного, ср.: «Путь спасения [согласно убеждениям Грозного. – *О. Г.*] определяется совпадением Божественной воли и человеческих энергий, направленных на стяжание благодати» (*Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 182).

[92] Православная церковь: храм, богослужение, таинства, православные праздники. Киев; М., 2002. С. 127.

[93] *Кириллин В. М.* Указ. соч. С. 29.

[94] Ср.: *Щеголева Л. И.* Указ. соч. С. 491.

[95] Полный православный богословский энциклопедический словарь. ⟨М., 1992 (репринт б/г)⟩. Стб. 536–537. См. также о многообразии символики воздэхов: Православная церковь. Указ. соч. С. 32.

[96] *Гладкова О. В.* (1998). Указ. соч. С. 231.

[97] Цит. по: *Уваров А. С.* Указ. соч. С. 77.

[98] Ср.: «камень же был Христос» (1 Кор. 10:14), камень – Петр и т. д., ср.: *Ефрем Сирин.* Указ. соч. С. 375.

[99] Ср.: «если Я найду... пятьдесят праведников... пощажу весь город» (Быт. 18: 26).

[100] О распространенности этих легенд в раннем «народном христианстве» Западной Европы писал, например, Г. П. Федотов: *Федотов Г. П.* Боги подземные. К истории средневековых культов // *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1996. Т. 1. С. 168–170.

[101] См. об этом: *Гладкова О. В.* (2004). Указ. соч. С. 25–26.

[102] Ср.: Православная Церковь. Указ. соч. С. 163.

[103] К чему практически подошла М. Б. Плюханова.

[104] *Ефрем Сирин.* Указ. соч. С. 352.

[105] *Брюсова В. Г.* Икона «София Премудрость Божия» новгородского перевода и «Слово о Премудрости» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Вып. 10. С. 389.

[106] См., к примеру: *Гаврюшин Н. К.* По следам рыцарей Софии. М., 1998. С. 69–114.

[107] Мы уже говорили о возможности того, что Ермолай-Еразм написал свою Повесть по заказу Ивана Грозного. В этом случае он мог иметь в виду исторические прообразы – Василия III (Петр), Елену Глинскую (Феврония), но это уже тема следующей работы.

[108] Ср. составление различных сводов (например, Великих Миней Четьих) эпохи митрополита Макария, собирание книг, появление сводных редакций и т. д., т. е. фиксирования исторической памяти.

[109] *Бицилли П. М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996. С. 174. Даже если представить, что Ермолай-Еразм читал или слышал какую-то «версию сюжета о Тристане и Изольде» (как допускает О. И. Широкова: *Широкова О. И.* Указ. соч. С. 11), вряд ли ученый протопоп взялся бы переделывать роман в житие – роман ни в какой мере не являлся сакральным текстом, в то же время в «Повести о Петре и Февронии» явно использованы некоторые линии романа, каким-то образом попавшие в устную традицию, предшествующую написанию Повести.

Р. А. Симонов

ЧАСОМЕРИЕ В РЯДУ ОТРЕЧЕННЫХ ЗНАНИЙ

В рукописи XVI в. (РНБ, Соф. № 1285. Л. 46) указываются следующие «отреченные» книги: «...отреченыя же книгы сут астрономия, звездочьтиа, сънник, влъхвовник, птични чарове, землемерие, *часомерие*, стегнень, знамениа луннаа и слнчьнаа... зелеиник, колядник, громник...» (цит. по: [Мильков 1999: 349]). Указанному понятию в академическом Словаре русского языка дается следующее определение: «Отреченные книги, отреченная литература (*лит.*) — древние произведения религиозного содержания, отвергнутые церковью из-за имеющихся отступлений от официального вероучения» [СРЯ 1982: 706].

В отреченной литературе выделились в самостоятельную группу гадательные и «еретические» тексты в связи с борьбой властей (преимущественно церковных) с магией и колдовством. Составлялись списки — («индексы») отвергаемых Церковью, запрещенных для христиан книг, занятий, знаний. Так, в постановлениях «Стоглава» 1551 г. перечислены следующие запретные книги: «рафли, шестокрыл, воронограй, остраномии, зодеи, алманах, звездочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы мудрости еретическия» [Стоглав: 188–189]. Сходный перечень имеется в «Домострое»: «чарование и волхвование и наузы, звездотечье, рафли, алманахи, чернокнижье, воронограй, шестокрыл, стрелки громовные, топорки, усовники, днокамение, кости волшебные...» [Домострой: 22].

Ни в «Стоглаве», ни в «Домострое» не упоминается *часомерие*. Название, по-видимому, не было устойчивым: вместо имени (наименования) давалась характеристика денотата (предмета имени), то есть самого сокровенного знания. Так, в «Стоглаве» 1551 г. осуждались люди, которые «...*смотрят дней и часов* и теми дьяволскими действы мир прельщают и от Бога отлучают...» [Стоглав: 181–182]. В старопечатной «Кирилловой книге» 1644 г. помимо названий со-

кровенных сочинений («Мартолой, рекше Астролог, Астрономия. Землемерие. Чаровник... Лопаточник... Путник») указывается заголовок-описание денотатного значения в указанном смысле: «о *часах добрых и злых*» [Кириллова книга: 1–7].

Борьба властей с инакомыслием привела к тому, что о некоторых отреченных сочинениях и знаниях сейчас можно судить только по названиям. Например, не сохранились или пока не найдены Чаровник и Волховник [Кобяк 1987: 444]. Лишь совсем недавно ученые раскрыли, что собой представляли Рафли. Как установили А. А. Турилов и А. В. Чернецов, Рафлями назывался трактат по геомантии (от geo – земля и manteia – гадание). В нем было изложено гадание с помощью нанесения точек и черточек, которые по определенным правилам преобразовывались в фигуры; им придавалось определенное прогностическое значение [Турилов, Чернецов 1985: 260–344]. Древнерусские Рафли сохранились в трактовке псковского книжника второй половины XVI в. Ивана Рыкова [Симонов, Турилов, Чернецов 1994]. В его время геомантические гадания производились на бумаге, но восходили к древним правилам, когда гадательные операции делались на земле (песке), что отразилось в названии данного предсказательного метода – геомантия.

Представляет несомненный интерес упоминание в «Стоглаве» прогностического гадания по дням и часам, что допускает предположение, что часомерие могло быть каким-то вариантом хрономантии (от chronos – время, manteia – гадание).

Чтобы понять суть хрономантических предсказаний, нужно отвлечься от мысли, что час всегда был только постоянным, равным 60 мин. В Древнем Вавилоне (где зародилась хрономантия) час имел переменную длительность. Вавилонский дневной час равнялся 12 части светового дня, ночной час – соответственно 12 части темного времени суток. В зависимости от времени года и географической широты величина такого переменного («косого») часа от дня ко дню менялась, равняясь современному часу в 60 мин два раза в год – во время весенних и осенних равноденствий.

Каждый вавилонский час «управлялся» одним из светил септенера: Сатурном, Юпитером, Марсом, Солнцем, Венерой, Меркурием или Луной, которые наделялись свойством «добрых» и «злых». Считалось, что любое дело надо совершать в «добрый» день и час, если же оно начиналось в «злой» день и час, то было обречено на неудачу.

Система представлений с делением светил на благотворные и вредоносные, восходя к вавилонской (халдейской) астрологии,

в эллинистической науке приобрела классический облик в «Тетрабиблосе» выдающегося ученого античности II в. от Р. Х. Клавдия Птолемея [Саплин 1994: 84; «Тетрабиблос» 1994 (1992): 383].

О возможном хрономантическом («часомерном») назначении «часника» Московского Кремля 1404 г.

Хрономантия не представлена в древнерусской письменности в виде отдельного произведения. Однако существует набор текстов, сумма которых раскрывает, как будет показано ниже, что его содержанием была часовая хрономантия. Наиболее рано хрономантия в русском названии «часомерие» упоминается в летописи под 1404 г. Подробное описание зафиксировано в Симеоновской летописи конца XV в.: «Въ лето 6912, Индикта 12, Князь Великий замысли часникъ и постави е на своем дворе за церковью за Св. Благовещениемъ. Сий же часникъ наречеться *часомерье*; на всякий же часъ ударяетъ молотом въ колоколъ, размеряя и разсчитая часы нощныя и дневныя; не бо человекъ ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищренно. Мастеръ же и художникъ сему беяше некоторый Чернецъ, иже отъ Святыя горы пришедый, родомъ Сербинъ, именемъ Лазарь; цена же сему беяше вящьше полувтораста рублевъ» [ПСРЛ 18: 281].

Более кратко эти сведения даны в Московском великокняжеском летописном своде конца XV в.: «Того же лета князь великы на своем дворе за Благовещеньемъ часы постави чюдны велми и с луною, мастеръ же бе им чернець Лазарь Сербинъ, цена же их ста боле полутораста рублевъ» [ПСРЛ 25: 232–233]. Аналогично изложение в Никоновской летописи XVI в.: «Того же лета часы поставлены на Москве, на великого князя дворе, за церковию Благовещениемъ; а делать ихъ Лазарь чернець Сербинъ, иже ново пришелъ изъ Сербьскиа земли» [ПСРЛ 11: 190].

Информация Симеоновской летописи отличается от других источников не только большим размером, но и терминологией. Только здесь встречаются слова: *часомерье*, *часник*; дается описание часов Лазаря Сербина, который называется выходцем с Афона. В Московском летописном своде говорится, что часы были «с луною». Данными других летописей это не подтверждается, также как и изображающей часы миниатюрой Лицевого летописного

свода. Летописи говорят, что замысел установки часов принадлежал великому князю Московскому (в соответствующее время им был Василий I, сын Дмитрия Донского) и что они были поставлены на его дворе (то есть в Кремле), за церковью Св. Благовещения. Этим фактом устанавливался общественный характер башенных часов. Все источники сходятся на монашеском статусе Лазаря, его сербском происхождении, отразившемся и в прозвании – Сербин.

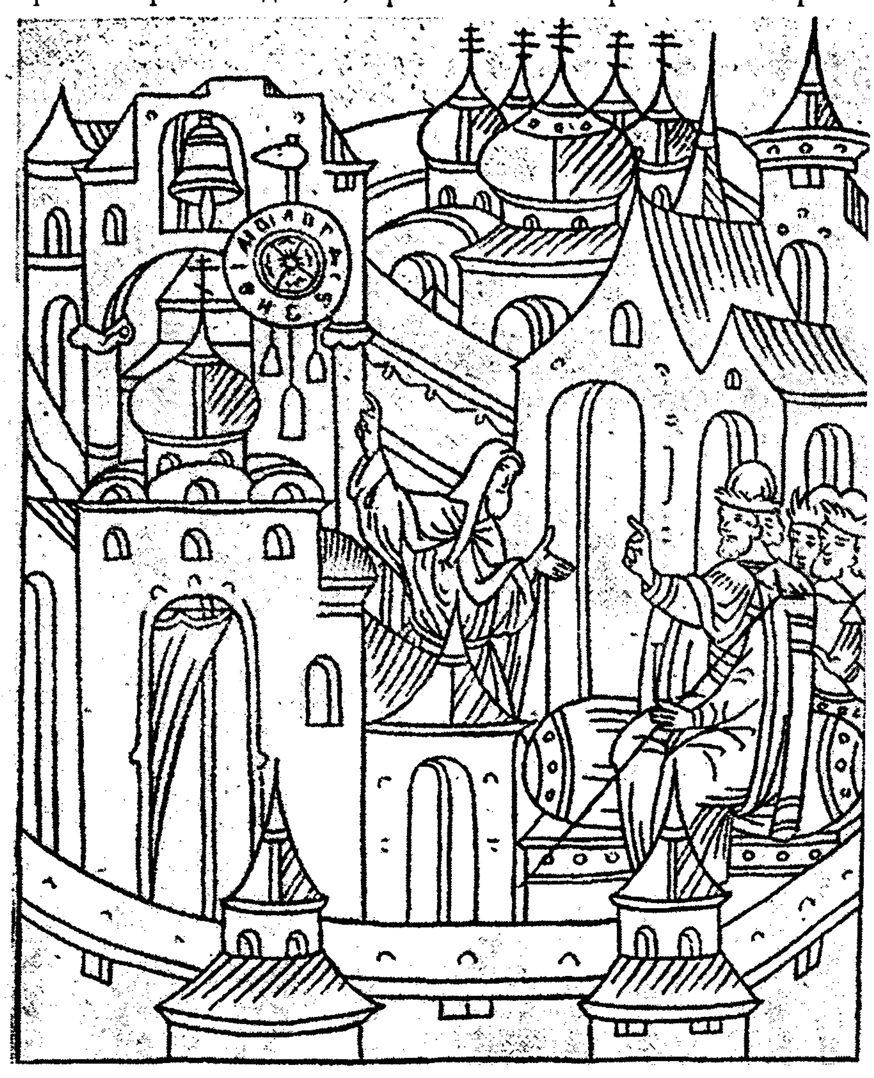

Рис. 1. «Часник» Лазаря Сербина, установленный в Московском Кремле (1404 г.). Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Летописные записи о часах Лазаря Сербина дополняет упомянутая миниатюра из Лицевого свода XVI в. [Арциховский 1944: 86]. В левом верхнем углу рисунка воспроизводится «часник» с циферблатом, тремя гирями, колоколом и ударным устройством – в окружении арок и куполов кремлевских построек. В правом нижнем углу рядом с крепостной стеной сидит на подушке человек в княжеской шапке. Одной рукой он держит длинный посох, а другая его рука с отставленным указательным пальцем направлена в сторону часов. За спиной сидящего расположены два внимательно слушающих и смотрящих человека также в княжеских шапках, но несколько иного покроя, чем у главного лица.

Между часами и группой людей стоит человек, предположительно в монашеской одежде. Одной рукой с отставленным указательным пальцем он показывает на часы, а раскрытую ладонь другой руки обращает в сторону людей. Можно предположить, что на миниатюре изображен Лазарь Сербин, дающий пояснения о свойствах часов великому князю Московскому Василию Дмитриевичу и его ближайшим родственникам и придворным.

Чтобы понять смысл миниатюры, необходимо учесть, что измерение времени часами на Руси к началу XV в. не являлось откровением. Так, в Густынской летописи время солнечного затмения 29 июня 1033 г. очень точно выражено в «косых» часах [Журавель, Симонов 2001: 242–245]. В знаменитом «Учении» Кирика Новгородца (1136 г.) «косой» час используется в качестве единицы счета времени [Кирик Новгородец 1953: 178–179, 186–187]. В часах (дневных и ночных) выражены отдельные события в некоторых ранних летописях, примеры чего были выявлены еще Н. В. Степановым [Степанов 1909; 1910; 1915].

Как недавно установлено, существовал русский «народный» антропометрический способ определения «косого» часа по тени человека, измеряемой его ступнями [Симонов 2001; 2002]. Соответствующий метод был известен в Древней Греции. В. Н. Пипуныров, характеризуя различные приемы счета времени часами, отмечал, что подобный метод использовался в античном быту. Например, у Аристофана (ок. 445 – ок. 386 гг. до Р. Х.) в комедии «Женщины в народном собрании» действующие лица определяют время по измеряемой ступнями тени, отбрасываемой человеческим телом. То же самое описывает древнегреческий писатель Менандр (342/341–293/290 гг. до Р. Х.) [Пипуныров 1982: 36]. Возможно, антропометрический прием счета времени часами по-

пал на Русь через Византию, унаследовавшую многие элементы античной культуры.

В свете сказанного, на миниатюре, вероятно, нужно видеть не простой факт открытия (презентации) часов, а демонстрацию каких-то уникальных результатов, которые получаются с помощью «часника». Изображенный на миниатюре стоящий человек (Лазарь Сербин?), возможно, демонстрирует не столько построенные часы, сколько знакомит с принципами получения с их помощью сокровенной информации, из-за которой «часомерие» было отнесено в разряд «отреченных» знаний.

О том, какой сокровенный смысл имело «часомерие», частично проясняется в одном из посланий знаменитого духовного публициста старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея, который одним из первых сформулировал идею о богоизбранности Руси, выраженную в формуле «Москва – третий Рим». Это «Послание против звездочетцев» было написано ок. 1524 г. и адресовано просвещенному и видному административному деятелю Пскова дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину. Послание Филофея было направлено против Николая Булева – врача и астролога Василия III, отца Ивана Грозного. Текст известен под несколькими названиями, например «Послание к Иоанну Акиндеевичу о злых днях и часах» [Гольдберг, Дмитриева 1989: 471–473]. Нередко в названии послания имя указанного адресата бывает опущено.

Критикуя астрологию и сокровенную «окраску» часов, Филофей писал: «А о седми планитах. и о двунадесят зодеях. и о прочих звездах, и о злых часех. и о нарождении члчьстем в которую звезду, или час зол, или добр и получаа счастком. и богатству и нищете, и в нарожении добродетелем. и злобам и долголетству жития, и сокращенна смртию. сия вся кощуны сут и басни» [Малинин 1901: прилож. 39]. Обосновывая далее несовместимость веры в Бога с верой в «злые» дни и часы, он опирался на логику: «Аще бо злыа дни и часы сътворил Бог, то что грешных мучити ему. Бог имать винин быти, яко зла члка народил» [Малинин 1901: прилож. 40].

Филофей перечисляет, но не раскрывает типичные астрологические представления: о светилах септенера (Солнце, Луна и пять видимых планет), 12 знаках зодиака и пр. Более подробно он разбирает сведения о «злых» и «добрых» часах: если человек родится в час «добр», то будет счастливым и богатым, проживет долгую добродетельную жизнь. Если же он родится в час «зол», то будет жить в нищете, злобе и жизнь его будет сокращена смертью. Веру в «добрые»

и «злые» часы и другие астрологические суждения Филофей считал баснями, оскверняющими религию.

Для доказательства несоответствия веры в «злые» дни и часы Филофей использует логический прием приведения к противоречию. Его рассуждение напоминает доказательство от противного и может быть представлено следующей условной схемой. Допустим, что Бог сотворил «злые» дни и часы, тогда человек, родившийся в такой день и час, заранее предназначен для злодейства. При этом Бог, наказывая человека, поступал бы несправедливо, так как сам повинен в его зле. Получилось противоречие. Бог не мог быть одновременно и справедливым и несправедливым — наказывающим за зло, которое породил сам. Следовательно, предположение, что Бог создал «злые» дни и часы, неверно. Поэтому вера в Бога несовместима с верой в «злые» дни и часы.

Обычно изложение духовных посланий строилось на авторитете Священного Писания и богословских сочинений Отцов Церкви, а не на законах логики. Поэтому Филофей использовал логику, скорее всего, не для просвещения христиан, а, возможно, для убеждения сторонников хрономантии.

Вера в «добрые» и «злые» часы на Руси восходит к первой половине XV в. Еще в 1863 г. Н. С. Тихонравов опубликовал [Тихонравов 1863: 382–384] текст «Часы на седмь дни: добры и средни и злы» из рукописного сборника XV в. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (сейчас РНБ, № 22/1099. Сборник Кир.-Бел. — 22/1099), в котором находится это произведение, переписанное известным древнерусским книжником и датируемое 1450–1470 гг. [Левин 1992: 7]. Судя по заголовку, кроме «добрых» и «злых» часов, о которых писал Филофей, были «средние», нейтральные часы. Начинается текст так: «В нед(еле) [то есть в воскресенье. — *Р. С.*] час 1-й добр, час 2-й добр, час 3-й зол, час 4-й (с)редни, час 5-й добр, час 6-й зол, час 7-й средни, час 8-й добр...» [Тихонравов 1863: 382]. Последовательно характеристика часов воскресных суток доводится до 24-го часа. Затем даются «качества» часов понедельника, далее — вторника, среды, четверга, пятницы и субботы, то есть полностью всех суток недели, чему отвечает начало названия «Часы на седмь дни...». По этому сокровенному «пособию» можно было прогнозировать не только жизнь родившегося в соответствующий час ребенка (о чем писал Филофей), но многие другие житейские события. Понятно, что одним «пособием» без способа определения времени по часам нельзя было прорицать. Поэтому важное значение

для этого имела возможность обращения к общественным часам, каковым стал в 1404 г. московский «часник» Лазаря Сербина.

Из изложенного следует, что идейные основы сокровенного «часомерия», возможно, были связаны с рецепцией античных астрологических представлений. Для доказательства был необходим источник, с достоверностью свидетельствующий об этом.

Уникальный источник Вологод-14 о хрономантическом «часомерном» прогнозировании по сокровенной «окраске» часов

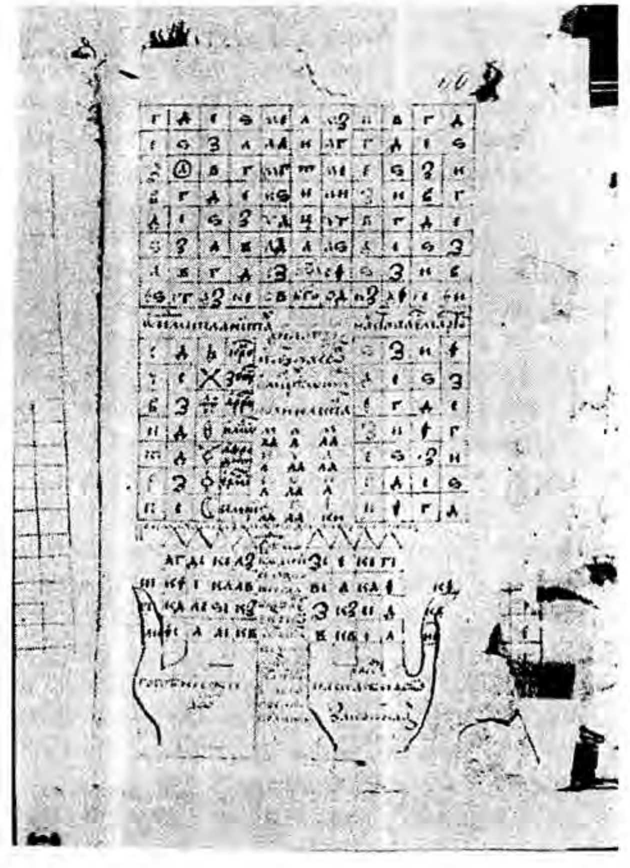

Рис. 2. Текст «По сему часы разумети дневные и ночные». РГБ, Вологод-14, конца XV – начала XVI в.

С учетом сказанного будет понятна важность недавно найденного памятника, приоткрывающего завесу тайны над «часомерием». Текст, имеющий название «По сему часы разумети дневные и ночные», представляет собой набор календарных и астрологических таблиц, предназначенных для определения сокровенного «качества» любого «косого» часа дня и ночи как «доброго», «злого» или «среднего». Результаты исследования этих таблиц были опубликованы в

России в 1995 г. [Каган, Понырко, Рождественская 1980: 54–69]. Изложение источника издано в США в 1996 г. [Симонов 1995: 291–297]. Комплекс таблиц «По сему часы разумети», помещенный в конце рукописной «Псалтыри с восследованием» конца XV – начала XVI в. (РГБ, ф. 354 (Вологодское собрание), № 14. Л. 663), до этого не привлекал внимания исследователей (далее Вологод14).

О времени происхождения текста можно судить по использованию в нем календарного понятия «вруцелето», применявшегося на Руси не позже конца XIV в. Следовательно, эта граница появления протографа Вологод-14 позволяет считать, что ко времени постройки «часника» 1404 г. комплекс таблиц «По сему часы разумети» мог уже существовать.

Рассматриваемое произведение по своему содержанию и назначению существенно отличается от текстов сокровенно-астрологического характера, использовавшихся на Руси. Они представляли собой своды данных рекомендательного характера: в какие дни и часы можно или нельзя заниматься отдельными видами деятельности (например, строить дома, кроить одежду, сажать растения и пр.), гигиены (стричь волосы, вступать в половые контакты и т. д.), употреблять ту или иную еду и питье, лечиться (делать кровопускание, собирать лечебные травы и др.).

Встречались перечни дней, неблагоприятных (реже – благоприятных) для человека. Имелись также таблицы «Лунного течения», которые, по мнению А. М. Пентковского, отражали древнюю традицию «медико-астрологического и прогностического содержания... “Лунное течение” было известно на Руси уже в XII в., о чем свидетельствует его использование Кириком Новгородцем» [Simonov 1996: 171]. Примерно спустя столетие после возведения в Москве в 1404 г. общественных часов, на Руси познакомились с «Шестокрылом», предназначавшимся для предсказания затмений, что также входило в прерогативу средневековой астрологии. Примерно в то же время появились астрологические фрагменты о времени вхождения Солнца и Луны в знаки зодиака (элементы соответствующих сведений уже имелись в «Изборнике Святослава» 1073 г.).

Все указанные произведения отличались тем, что приводимые в них сведения не позволяли осуществлять проверку данных на основе календарно-пасхальных таблиц, которые использовались на Руси для определения дней недели любой юлианской даты. Так, на эту особенность таблиц «Лунного течения», возможно, применявшихся в астролого-прогностических целях, обратил внимание

А. М. Пентковский, констатируя: «“Лунное течение” к пасхальным и календарным расчетам отношения не имеет» [Simonov 1996: 170].

Охарактеризованные выше астрологические тексты, получившие распространение на Руси, в основном переводного происхождения. Текст «По сему часы разумети» совершенно иной. Он соединяет в себе таблицы из трехтабличного комплекса пасхального «вечного календаря» с астрологическими данными «качеств» светил септенера, расположенных в порядке так называемого халдейского ряда, то есть по возрастанию их средней скорости – Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий, Луна. «Вечный календарь», использовавшийся на Руси для определения Пасхи, представлял собой три таблицы: солнечных эпакт, регуляров и пасхальных полнолуний. В тексте «По сему часы разумети» использовались две из них: эпакт (точнее – конкурент, то есть «вруцелет») и солнечные регуляры. Третья таблица – пасхальных полнолуний – вынесена за пределы текста «По сему часы разумети». Она расположена снизу от него и имеет форму «руки», то есть обычную для древнерусской календарной практики.

Указанные две таблицы предназначены для определения дня недели любой юлианской даты. Остальные таблицы в совокупности с таблицей астрологических данных позволяли найти «управителя» («хронократора») отдельно дня и отдельно ночи данной даты. Иначе говоря, устанавливался «управитель» первого «косого» часа дня и отдельно – «управитель» первого «косого» часа ночи соответствующей даты. Зная дневного и ночного «управителя» даты, можно было найти «управителя» любого «косого» часа дня и ночи. В соответствии с идеями хрономантии, уходящими корнями в античность, для «управителей» дней и часов в астрологической таблице источника указывалось качество «доброго», «злого» или «среднего». В современной астрологии «управление часами» продолжает опираться на соответствующие представления о хронократорах и хрономантии [Пентковский 1990: 57–61].

Комплекс таблиц Вологод-14 («По сему часы разумети»), очевидно, является результатом творческой календарно-математической работы конца XIV – XV в., генетически связанной с традицией, существовавшей на Руси с XI–XII вв. и наиболее четко выраженной в «Учении» Кирика Новгородца 1136 г. «По сему часы разумети» можно рассматривать в качестве «научного» текста ренессансного типа, соединяющего в себе рационалистические календарно-математические знания с сокровенно-астрологическими представлениями.

Развитие гуманистических взглядов в Западной Европе происходило в рамках Ренессанса (Возрождения), главной идеей которого было избавление от диктата Церкви и провозглашение человека равновеликим Богу. На Руси примерно с конца XIV в. стали распространяться аналогичные представления. Однако они не переросли в настоящее Возрождение, а остались на уровне Предвозрождения. Последнее, по мнению акад. Д. С. Лихачева, не смогло окончательно порвать с религией: «Русское Предвозрождение не перешло в настоящее Возрождение. Предвозрождение тем и отличается от Возрождения, что оно еще тесно связано с религией... Освобождению культуры от богословия – характерной черты Возрождения – могло способствовать обращение к античности...» [Лихачев 1973: 119–120].

В Западной Европе одним из факторов преодоления церковной идеологии были эзотерические верования (астрология, магия, мантика и пр.), восходящие к античности. Усиление интереса на Руси, особенно с XV в., к сочинениям и деятельности колдовского и предсказательного характера отражает аналогичные ренессансные тенденции русского Предвозрождения.

Текст Вологод-14 позволяет свести воедино появление в Москве в 1404 г. городского «часника» с прогнозированием событий по «добрым», «злым» и «средним» часам. Эта традиция сохранялась в первой половине XVI в., подвергаясь осуждению духовенства (Филофей, ок. 1524 г.) и церковному запрету (Стоглавый собор 1551 г.).

Рассматриваемую уникальную особенность сокровенного восприятия времени М. Б. Левин, как говорилось выше, называет «окраской часов»: «У каждого часа есть своя окраска в соответствии с планетой часа» (см. [Пентковский 1990: 60]). Таким «окрашенным» астрологи воспринимают время до сих пор. Поэтому важно подчеркнуть, что на Руси XV в. времени было дано своеобразное календарно-математическое обоснование в виде комплекса таблиц «По сему часы разумети». Причем появление «часника» Лазаря Сербина в 1404 г., по-видимому, служило цели превращения сокровенной «окрашенности» времени в своего рода общественное достояние. Тем самым великий князь Московский Василий I Дмитриевич, заказавший и оплативший городские часы, возможно, пытался сделать жизнь своих подданных более независимой от божественной воли, как предопределявшей все сущее. В этом проявлялась ренессансная тенденция русского Предвозрождения, освобождавшая человека от чрезмерной зависимости от диктата Церкви. Поэтому Церковь оказалась главным противником распро-

странения в русском обществе представления о сокровенной «окраске» времени.

Как соотносятся между собой тексты «Часы на седмь дни: добры и средни и злы» и «По сему часы разумети дневные и ночные»? В тексте «Часы на седмь дни» сокровенные характеристики по качествам «добрых», «злых» и «средних» придаются часам всех суток недели, казалось бы, в хаотическом порядке. Но в действительности это не так: он (порядок) строго обусловлен календарно-астрологическими зависимостями. Это следует из второго произведения – «По сему часы разумети», – где содержится в явном виде информация о светиле – «управителе» каждого дня недели, с указанием сокровенного качества («добрый», «злой», «средний»). Как указывалось, здесь светила септенера следуют в порядке халдейского ряда. В качестве наглядного средства распределения светил в таком порядке в астрологии используется так называемая «Звезда магов» – семилучевая звезда, устанавливающая соответствие между светилами септенера и днями недели. В астрологической таблице комплекса Вологод-14 для каждого дня недели указано светило септенера, которое им «управляет». По этой же таблице также устанавливаются «управители» часов, соответствующие данным «Звезды магов».

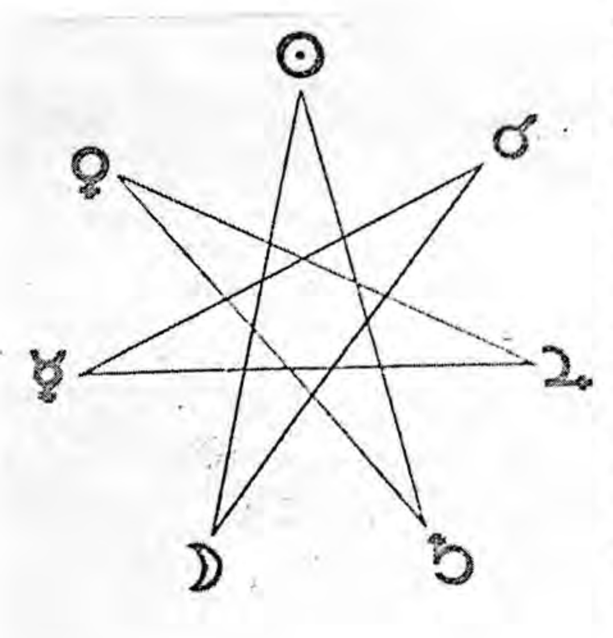

Рис. 3. «Звезда магов»

Чтобы показать, что «окраска» часов в тексте «Часы на седмь дни» не хаотична, а действительно соответствует календарно-астрологическим зависимостям, можно поступить следующим образом.

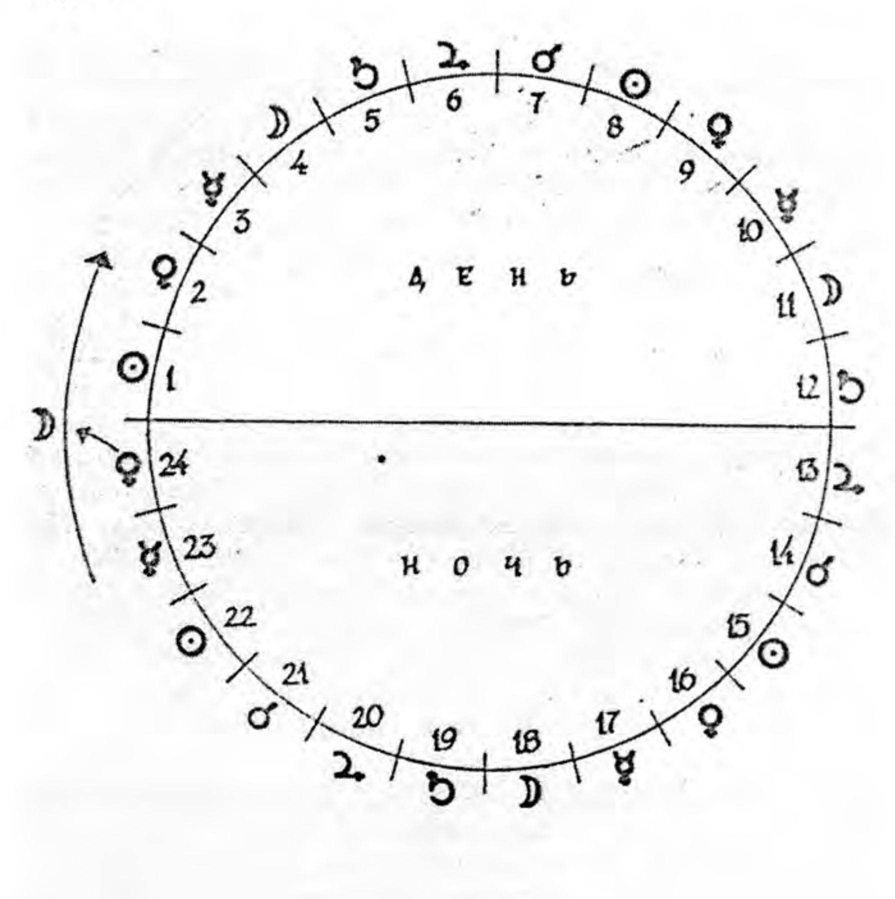

Рис. 4. Круг часов

Данные текста «Часы на седмь дни», например для воскресенья, о «добрых», «злых» и «средних» часах следует расположить в виде круга, где первые 12 часов будут соответствовать дню, а часы с 13 по 24 – ночи. Далее по «Звезде магов» каждому часу надо приписать соответствующий символ «управителя»-светила. Затем выявить, каким светилам септенера отвечают характеристики «добрый», «злой» и «средний». При этом выясняется, что «добрыми»

оказываются часы Солнца, Сатурна и Венеры, «злыми» – часы Меркурия и Юпитера, а «средними» – Луны и Марса. В астрологической таблице комплекса «По сему часы разумети» характеристики несколько отличаются: «добрые» качества имеют те же часы – Солнца, Сатурна и Венеры, «злые» – теперь у Меркурия и Марса, а «средние» – у Луны и Юпитера. Разница состоит в инверсии качеств Юпитера и Марса: «злой» Юпитер приобрел «окраску» «среднего», а «средний» Марс – «окраску» «злого». Перестановка могла произойти случайно в Вологод-14 по недосмотру переписчика, так как указанные характеристики светил в таблице источника находятся рядом.

Возникает вопрос: имеется ли генетическая связь между рассматриваемыми произведениями? М. Б. Левин ссылается на список рукописи из сербского монастыря: «Я хочу сослаться на мало известную работу раннего средневековья, найденную в одном из сербских монастырей. Там каждому часу дня приписано качество: добрые часы, злые, нейтральные. Связав эти качества с планетами часа, можно видеть, что все плохие часы – часы Меркурия и Юпитера, все добрые часы – Солнца, Сатурна и Венеры, а нейтральные – Луны и Марса» (см. [Пентковский 1990: 60–61]).

Указанная информация важна, в частности, тем, что вводит в оборот еще один – третий – источник, в котором качества часов, исходя из даваемого М. Б. Левиным описания, совпадают с данными «окраски» часов текста «Часы на седмь дни». Причем каждому часу в обоих случаях качества «доброго», «злого» или «среднего» (нейтрального) соответствуют одним и тем же светилам септенера.

Сравнивая между собой все три произведения, можно заключить, что в протографе свода таблиц «По сему часы разумети» характеристики хронократоров, по-видимому, были такими же, как в тексте «Часы на седмь дни» и материалах М. Б. Левина. В каком-то промежуточном списке текста «По сему часы разумети» могла произойти указанная выше инверсия сокровенных качеств Юпитера и Марса. Появление такой перестановки косвенно может свидетельствовать о том, что, по-видимому, между сохранившимся списком источника конца XV – начала XVI в. и его протографом было несколько промежуточных копий. Тогда протограф комплекса таблиц Вологод-14 мог возникнуть в конце XIV – начале XV в. и даже находиться в руках Лазаря Сербина в 1404 г. или его русских последователей – гадателей по сокровенной «окраске» часов (то есть по «часомерию»).

В этой связи интерес представляет вопрос о природе качеств хронократоров. Он восходит, как говорилось выше, к творчеству

Клавдия Птолемея. В обобщающем труде по астрологии типа энциклопедии «Тетрабиблос» он разделил светила на «благотворные» («добрые») – Юпитер и Венера, «вредоносные» («злые») – Сатурн и Марс; Солнце и Меркурий «наделены той и другой силой», Луна в исходном тексте не упоминалась [«Тетрабиблос» 1994 (1992): 383]. В историографии относят к благоприятным светилам также Луну [Леманн 1901: 161–162]. Бируни (973–1048) указывает те же в принципе качества семи светил, сообщая при этом, что у неких «индийцев» существовала несколько иная шкала оценки: к «злым» причислялось Солнце [Бируни 1975: 180].

В средневековой астрологии традиционно принималась классическая (птолемеевская) трактовка качеств хронократоров: наиболее благоприятным считался Юпитер («Большое счастье»), менее благоприятной была Венера («Малое счастье»), наиболее неблагоприятным был Сатурн («Большое несчастье»), менее неблагоприятным – Марс («Малое несчастье») [Саплин 1994: 88, 264]. Часть современных астрологов отрицает такое деление светил септенера, утверждая, что качества «доброго», «злого» и «среднего» определяются взаимодействиями между светилами. Интересно, что трактовка соответствующих качеств в разбираемых древнерусских текстах и варианте М. Б. Левина фактически примыкает к последней позиции, так как в этих произведениях характеристики светил септенера отличаются от типично средневековых, восходящих к античным птолемеевским. Так, в них Сатурн выступает «добрым», тогда как по средневековым меркам он нес «Большое несчастье».

Светила Источники	Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна
Птолемей	з	Д	з	с	д	с	
«Индийцы»	з	Д	з	з	д	с	с
Вологод-14	д	С	з	д	д	з	с
Кир.-Бел.-22/1099	д	З	с	д	д	з	с
М. Б. Левин	д	З	с	д	д	з	с

Понять отклонение славяно-русской традиции от типично средневеково-европейской (птоломеевской) можно на основе разъяснения М. Б. Левина о следующей особенности влияния

светил септенера на «управление» часами: «Лунные дела лучше делаются в лунные часы, сатурновы дела – в сатурновы часы, меркурианские – в меркурианские часы и т. д.» [Пентковский 1990: 60]. Развивая этот подход, можно сказать, что, например, для сатурновых дел именно сатурновы часы будут благоприятными («добрыми»). Следовательно, трактовка Сатурна как «доброго» могла появиться в условиях «управления» этим светилом некими событиями или явлениями в соответствующем периоде и районе Земли.

В указанной связи важное значение имеет введение в научный оборот акад. А. И. Соболевским ряда однотипных источников XVI и последующих столетий, в которых говорилось, что Москва, Великое княжество Литовское и Новгород находятся под «управлением» Сатурна и Козерога [Соболевский 1903: 141, 143]. Так как Новгород здесь выступает самостоятельным, то данные в источниках относятся ко времени до его присоединения к Москве в 1478 г. В свете концепции М. Б. Левина, Сатурн автоматически становится «добрым» на указанных территориях, пока длилось его «управление» ими. Следовательно, трактовка хронократоров в славяно-русской традиции Вологод-14, КирБел-22/1099 и сведениях М. Б. Левина с «добрым» Сатурном (а не «злым», как принято в классической астрологии), очевидно, отвечает историческим условиям Москвы XV в.

Это усиливает вывод о том, что установка «часника» в Московском Кремле в 1404 г., по-видимому, преследовала прогностические цели. Причем принципиальное значение имела новая шкала сокровенной «окраски» часов как «добрых», «злых» и «средних», территориально и хронологически пригодной для Москвы и отличной от общеевропейской традиции, восходящей к птолемеевской. Новая «окраска» часов обеспечивала «научный» смысл «часомерным» прорицаниям для широких слоев московского населения, так как предполагала использование общественного «часника», что соответствовало ренессансным устремлениям русского Предвозрождения.

Идея о Сатурне и Козероге как «управителях» земель и народов, входивших до ордынского рабства в древнерусское государство, вероятно, была использована на государственном уровне во второй половине XV в. при Иване III. Его политической целью было распространение влияния Москвы на территории, временно присоединенные к Польше и др. странам. Поэтому Иван III настойчиво хотел именоваться государем «всея Руси»

(а не императором и не королем), чему упорно противился Запад, особенно король Польши. В этой связи на золотой представительской монете Ивана III «корабельнике», наряду с вожделенным титулом, были отчеканены единороги, использовавшиеся на Руси в качестве изображения зодиакального знака Козерога. Они (единороги) астрологически как бы подтверждали право великого князя Московского на все русские земли, имевшие «управителями» Козерога и его главную планету – Сатурн [Симонов 1997; 2002].

«Сказание о Мамаевом побоище» и сокровенная «окраска» времени

В начале XVI в. в промежутке между выпуском «корабельника» Ивана III и филофеевской критикой прогнозирования по сокровенной «окраске» часов было написано знаменитое «Сказание о Мамаевом побоище» [Кучкин 1990; Клосс 1997; Памятники Куликовского цикла 1998; Симонов 2000]*. В нем перелом Куликовского сражения в пользу русских воинов связывается с наступлением счастливого 8-го часа. Кажется, первым объяснил его появление в «Сказании» верой в «добрые» и «злые» часы В. Н. Рудаков [Рудаков 1998: 135–157].

При этом он рассматривал 8-й час «Сказания» в контексте некоего символического или «художественного» времени. В действительности, как это следует из изложенных выше данных, автор «Сказания» мог опираться на существовавшее на Руси понимание времени в хронократорной «окраске».

«Сказание о Мамаевом побоище» – литературный памятник, посвященный судьбоносной Куликовской битве 1380 г., в которой русская рать, руководимая великим князем Московским Дмитрием Ивановичем (впоследствии прозванным Донским), победила войско ордынского воеводы (темника) Мамая. Основными источниками, освещающими это историческое событие, являются летописи и другие исторические материалы.

Автор «Сказания о Мамаевом побоище», введя «добрый» 8-й час как переломный момент Куликовского сражения, также и время боя мог согласовать с сокровенной «окраской» часов. Об этом как будто бы свидетельствует его сообщение о том, что

* *Клосс Б. М.* на основе новых данных уточнил дату написания «Сказания» – 1521 г., см.: [Клосс 2001: 345].

Куликовская битва произошла 8 сентября 1380 г. – не в субботу (как было в действительности), а в пятницу. Только в одном случае из ок. 150 списков «Сказания» – Основной редакции (Печатный вариант) по рукописи XVIII в. (РНБ, O.IV. 228) – указан еще один неверный день недели боя – воскресенье. По-видимому, это описка или результат недоразумения.

Чтобы проверить гипотезу о сознательном введении в текст «Сказания» *пятницы* под влиянием сокровенной «окраски» часов, сравним по дням недели свойства часов, в которые происходила Куликовская битва. По «Сказанию», ориентирующемуся в этом на Летописную повесть, бой начался в 6-й час [Памятники Куликовского цикла 1998: 215–216], а практически закончился вскоре после наступления 8-го часа. В силу указанного обстоятельства должны быть учтены 6, 7, 8 и 9 (для контроля) часы.

Полноту и чистоту проверки обеспечивает учет обоих вариантов «окраски» часов: 1) Славяно-русского, представленного текстами: уточненным Вологод-14 и КирБел22/1099, а также материалом М. Б. Левина; 2) Птолемеевского варианта в западноевропейской традиции (с «доброй» Луной).

Дни нед. Часы	Пон. сл/р п	Втор. сл/р п	Среда Сл/р п	Четв. сл/р п	Пятн. сл/р п	Суб. сл/р п	Воск. сл/р п
6	д *д*	д з	д *с*	с д	*с* з	з с	з д
7	з *с*	з д	д *д*	д з	*д* с	с д	с з
8	с *д*	с з	з *с*	з д	*д* д	д з	д с
9	д з	д с	с д	с з	з с	з д	д д

Объяснение сокращений: сл/р – славяно-русская (традиция), п – птолемеевская, з – «злой», д – «добрый», с – «средний».

Исходя из соответствующих данных, сведенных в таблицу, можно заключить следующее. В славяно-русской традиции сокровенной «окраски» часов Куликовский бой мог состояться только в пятницу, так как среди часов, в которые он проходил, нет ни одного «злого»: 6-й час являлся «средним», 7-й и 8-й – «добрыми». Во все остальные дни недели какой-то из часов (6-й, 7-й или 8-й) был «злым», что исключало возможность битвы. В западноевропейской (птолемеевской) традиции Куликовскому сражению по тем же критериям благоприятствовали понедельник и среда.

В «Сказании» достаточно отчетливо представлена приверженность автора к славяно-русской сокровенной «окраске» часов, яр-

ким «знаком» чего является введение в памятник новой информации о *пятнице* Куликовского боя, вместо летописной (хронологически верной) субботы. В историографии нет другого объяснения, почему автор «Сказания» указал днем Куликовского сражения именно *пятницу*, а не верную субботу.

О времени функционирования часомерия на Руси

Начало древнерусского *часомерия* определяется установкой в Московском Кремле в 1404 г. часов, которые, по летописному свидетельству, предназначались для *часомерья*. Конец функционирования *часомерия* как будто бы обусловлен его запретом Стоглавым собором 1551 г. (в форме осуждения тех, кто «смотрят дней и часов»), наряду с другими «отреченными» знаниями и книгами.

Однако точно не известно, когда произошел действительный «закат» *часомерия*. Например, *Рафли*, также осужденные Стоглавым, продолжали использоваться и во 2-й половине XVI в. Более того, именно версия *Рафлей*, скомпилированная Иваном Рыковым в указанное время, донесла до нас облик этой «отреченной» книги. Поэтому для судьбы того или иного сокровенного знания важно знать не только формальное время его запрещения, но и реальный «выход в тираж».

Для древнерусского *часомерия* соответствующим критерием может быть распространение альтернативной системы, каковой являлась птолемеевская версия хрономантии. В указанной связи интерес представляет любопытный источник, являющий собой круговую диаграмму, основанную на рецепции данных о «благотворных и вредоносных планетах», изложенных в Первой книге «Тетрабиблоса» Клавдия Птолемея.

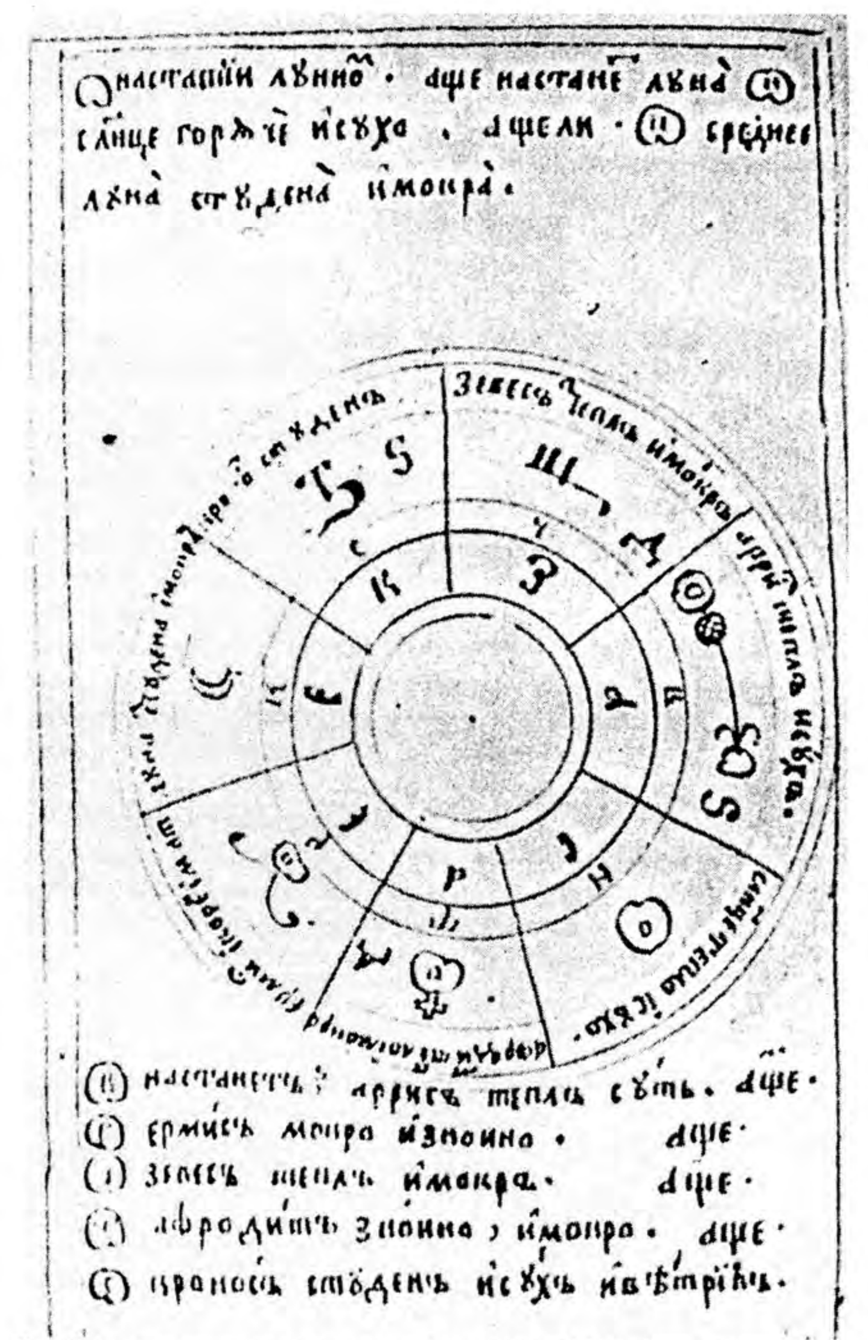

Рис. 5. Астрологическая круговая диаграмма из X 527 «Вечный календарь» XVIII в. (Хиландарский монастырь, Афон)

Встречается эта диаграмма в рукописи XVIII в. из собрания Хиландарского монастыря на Афоне (X 527, л. 102) «Вечный календарь». По описанию сербского ученого Ненада Янковича, опубликовавшего диаграмму [Јанковић 1989: фото 79], указанная рукописная книга была написана для практических потребностей священников и монахов. Она содержала некоторые сведения астрономического характера: о солнечном и лунном годе, их различии, а также о равноденствии. Имелась астрологическая информация: о перемещении Солнца по знакам зодиака, о предсказании погоды – в зависимости от положения Солнца в том или ином знаке зодиака; о названиях планет и их порядке – в зависимости от удаленности. Встречающиеся здесь градусные характеристики «отвечают Петрограду» [Јанковић 1989: 25]. Последнее наблюдение Янковича может свидетельствовать о том, что текст является поздним по происхождению списком с русского, и окончательная его редакция произошла не раньше появления реального С.-Петербурга в начале XVIII в.

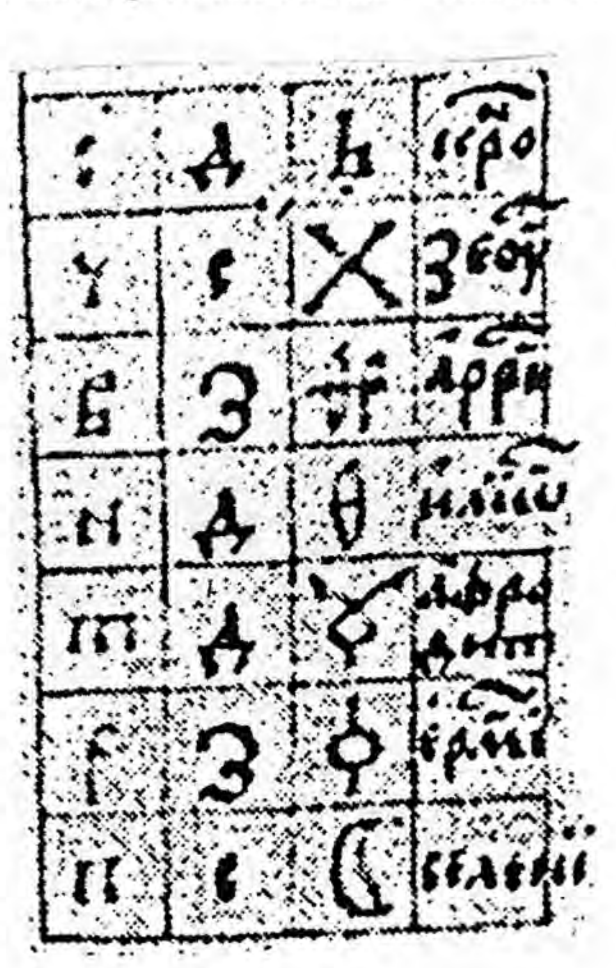

Рис. 6. Астрологическая таблица из Вологод-14

Круговая диаграмма источника состоит из четырех колец, разделенных радиально на семь усеченных

секторов. Каждый из этих секторов посвящен одному из светил септенера. Если обход секторов начать с Сатурна и двигаться по часовой стрелке, то последовательность светил будет соответствовать халдейскому ряду: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий, Луна. В каждом секторе сообщаются следующие однотипные сведения (в направлении от центра диаграммы): 1) кириллическая буква, совпадающая с началом славянизированного греческого названия светила; 2) кириллическая буква, обозначающая день недели; 3) астрономический (астрологический) знак светила; 4) славянизированное греческое название светила, с указанием преимущественно двух характеристик из числа четырех качеств: горячее, холодное, влажное и сухое.

Текст диаграммы содержит некоторые неточности, по-видимому возникшие в результате его составления или копирования переписчиками. Так, в секторе Луны в первом кольце стоит буква Е («есть»), которая не согласуется с названием светила в четвертом кольце «Луна». Понять причину этого несоответствия помогает комплекс таблиц Вологод-14.

В комплекс входит прямоугольная таблица, содержащая сведения пунктов 2–4 круговой диаграммы (без астрологических качеств светил). В Вологод-14 даются преимущественно такие же славянизированные греческие названия светил, как в диаграмме. Луна здесь названа по-гречески «Селени». Появление в X 527 графически сходной округлой буквы Е на месте С можно объяснить тем, что в исходных материалах для диаграммы Луна также называлась «Селени».

Во втором кольце даются обозначения дней недели по первой букве (согласной) и следующей согласной, если первая буква уже использована: С – суббота, Н – неделя (воскресенье), П – понедельник, В – вторник, Р – сРеда (обозначение среды по второй букве говорит о том, что первая буква С была «занята», а это могло произойти в случае, если счет дней недели начинался с субботы), Ч –четверг, Т – пяТница (первая согласная буква занята для обозначения понедельника).

Почти все буквенные символы соответствуют указанным, кроме одного случая. В секторе Луны вместо П (понедельник) стоит буква К. Понять причину этого «сбоя» также помогает Вологод-14. Здесь все буквенные обозначения дней недели приведены верно, в том числе Луне соответствует П. Однако верхняя перекладина у этого П очень тонкая, слабо заметная. Исходя из такого начертания П, можно предположить, что «покой» с незаметной верхней

перекладиной мог преобразоваться в две параллельных черты. Если правая из них, «прогнувшись» в середине, приблизилась средней частью к левой черте, то получилось бы начертание, похожее на К. Аналогичное превращение П в К могло произойти в круговой диаграмме X 537 в процессе ее копирования.

Круговая диаграмма содержит в третьем кольце дополнительные буквы справа от четырех из семи астрономических (астрологических) знаков: Д («добро») – у знаков светил Юпитера и Венеры; Ѱ («зело») – у знаков светил Сатурна и Марса. Смысл этих знаков выясняется на основе «Тетрабиблоса» Птолемея. В 5-й главе «О благотворных и вредоносных планетах» Первой книги указанного произведения среди светил септенера выделены «благотворные» (Юпитер и Венера), «вредоносные» (Сатурн и Марс) и безымянная группа (Солнце и Меркурий). Седьмое светило – Луна – в древнегреческом варианте 5-й главы не упоминается [«Тетрабиблос» 1994 (1992): 383].

Сравнив трактовку светил Птолемея с текстом диаграммы X 527, обнаруживаем между ними следующие совпадения. «Благотворные» светила Юпитер и Венера обозначены в X 527 буквой Д («добро»), «вредоносные» Сатурн и Марс – буквой Ѱ («зело»). Светила третьей группы (Солнце, Меркурий и Луна), которой Птолемей не дает названия, в диаграмме X 527 никак не обозначаются. Можно предположить, что в X 527 буква Д («добро») выражает «добро» Юпитера и Венеры (в смысле птолемеевской «благотворности»), а буква Ѱ («зело») знаменует «зло» Сатурна и Марса (в смысле птолемеевской «вредоносности»).

В развитие идеи Птолемея о трех группах светил его комментаторами было введено третье название, дополняющее два, указанные в «Тетрабиблосе», – «средние» (нейтральные) светила. В славяно-русской традиции использовались следующие наименования групп светил: «добрые», «злые» и «средние». Так, в Вологод-14 светила разделяются на три группы, которые обозначаются буквами Д («добро»), З («земля») и С («слово»). Эти буквы являются началами слов Д – «добрый», Ѱ – «злой», С «средний».

В X 527 «зло» передается буквой Ѱ («зело»), а не З («земля»). Это, вероятно, обусловлено тем, что здесь Д и Ѱ обозначали не первые буквы слов «добро» и «зло», а выражали заключенный в них смысл добра и зла. Для Д указанный смысл задавало название буквы – «добро», а для Ѱ – существовавшее мнение (XVII в.), что

буква «зело» передает «злое» [Срезневский 1989; СРЯ XI–XVII вв. 1978; Лундольф 1696].

Обозначения светил диаграммы имеют сравнительно позднее происхождение, по-видимому, они не древнее XVII в., о чем позволяет судить их сравнение со сводкой знаков светил А. В. Чернецова. Более всего этим обозначениям из Х 527 соответствуют начертания, встречающиеся в рукописях XVII – начала XVIII в. [Чернецов 1985: 5].

В четвертом кольце Х 527 кроме названий светил указываются их качества. О Сатурне: «Кронос студень»; о Юпитере: «Зевесъ теплъ и мокръ»; о Марсе: «Аррис теплъ и сухъ»; о Солнце: «С(о)лнце тепло і сухо»; о Венере: «Афродит тепло і мокро»; о Меркурии: «Ермис ікорен(?) імат»; о Луне: «Луна студена і мокръ».

Цель включения качеств в диаграмму проясняется на основе все той же 5-й главы Первой книги «Тетрабиблоса». Птолемей здесь разъясняет, в силу каких причин светило отнесено к категории «благоприятных» или «вредоносных», а также к третьей, не имеющей названия группе остальных светил. Он поясняет, что из четырех качеств (горячее, холодное, влажное и сухое) два – плодотворны и активны: «горячее и влажное, ибо от них все в мире сближается и прирастает, а два других разрушительны и пассивны – сухое и холодное». Поэтому «древние считали две планеты, Юпитер и Венеру, благотворными из-за их умеренной природы, а также потому, что они обильны влагой и теплом, а Сатурн и Марс – оказывающими действия противоположной природы: одного за его чрезмерный холод, другого – за его чрезмерную сухость» [«Тетрабиблос» 1994 (1992): 383].

Действительно, в диаграмме для Юпитера и Венеры указаны качества «теплъ и мокръ», «тепло і мокро» и характеристика «благотворности» в виде буквы Д («добро»). Для Сатурна и Марса в ней приводятся качества «студень» и «теплъ и сухъ» и указывается буква «зело», знаменующая зло («вредоносность»).

Из остальных светил Птолемей, не упоминая о Луне, писал, что Солнце и Меркурий «наделены той и другой силой, поскольку они имеют общую природу и присовокупляют свое влияние к влияниям других планет, с какой бы из них они ни соединялись» [«Тетрабиблос» 1994 (1992): 383]. В диаграмме качества Солнца выражены словами «тепло і сухо», Луны – «студена і мокръ», Меркурия – непонятно: «ікорен імат». Как отмечалось, в секторах Солнца, Меркурия и Луны отсутствуют какие-либо дополнитель-

ные значки, тогда как Юпитер и Венера помечены буквой «добро», а Сатурн и Марс – «зело».

Каково научное значение диаграммы X 527? Отражение в источнике идей Первой книги «Тетрабиблоса» Птолемея, несомненно, заслуживает внимания само по себе. Но в диаграмме, помимо них, содержится дополнительная информация, то есть диаграмма не есть сгусток лишь данных Птолемея. Скорее, они служат некоей цели, которую преследовал автор диаграммы, опираясь на Птолемея. В чем же указанная цель заключалась? Чтобы разобраться в этом, надо проанализировать дополнительную информацию диаграммы, которая в ней содержалась *сверх птолемеевской.*

Использование в диаграмме халдейского ряда в следовании светил (начиная с Сатурна) может служить отличительным признаком. Хотя Птолемею был известен этот порядок, но он его не использует в 5-й главе Первой книги «Тетрабиблоса». Нет в этой главе и буквенных обозначений дней недели, представленных в диаграмме: С – суббота, Н – неделя (воскресенье), П – понедельник (в диаграмме ошибочно стоит К), В – вторник, Р – сРеда, Ч – четверг, Т – пяТница. Нет в ней и буквенных обозначений светил: К – «Кронос» (Сатурн), З – «Зевесъ» (Юпитер), А – «Аррис» (Марс), С – Солнце, А – «Афродит» (Венера), Е – «Ермис» (Меркурий), С – «Селени» (в диаграмме указано название «Луна», а вместо С стоит округлое Е).

Как упоминалось выше, многие из перечисленных дополнительных факторов (сверх птолемеевской информации) были представлены в прямоугольной таблице Вологод-14. Можно предположить, что автор диаграммы имел ее (или аналогичный источник) перед глазами. Об этом косвенно свидетельствуют аналогичные сведения, приводящиеся в обоих источниках. А также указание в диаграмме для Луны обозначения в виде округлого Е вместо верного С, которое в Вологод-14 соответствует названию «Селени» (Луна). Автор X 527 ввел в своей диаграмме название «Луна» (вместо «Селени» Вологод-14). Обозначение же могло быть дано по букве старого названия – С (в процессе последующего копирования диаграммы этот знак приобрел сходное начертание округлого Е).

Что нового автор круговой диаграммы внес по сравнению с Вологод-14 (кроме информации о качествах светил по Птолемею)? Существенным отличием является характеристика светил как «добрых» и «злых». В отличие от птолемеевских характеристик диаграммы (Юпитер, Венера – «добрые» светила, Сатурн, Марс – «злые»), в Вологод-14, как уже известно из предыдущего изложе-

ния, давались существенно иные оценки: Сатурн, Солнце, Венера – «добрые», Марс, Меркурий – «злые», Юпитер, Луна – «средние».

Если бы характеристики светил Вологод-14 были случайным отклонением от распространенной (птолемеевской) традиции, то создавать особый памятник (диаграмму Х 573) было бы расточительно. И действительно, известны еще два источника, в которых характеристики планет соответствуют тем, которые указаны в Вологод-14 – это текст Кир.Бел. – 22/1099 и материал М. Б. Левина.

Круговая диаграмма Х 527, по-видимому, отражает процесс замены древнерусского *часомерия* с оригинальными свойствами светил – общеевропейскими птолемеевскими характеристиками. Диаграмма свидетельствует о том, что древнерусская традиция, очевидно, и после Стоглавого собора 1551 г. сохраняла в обществе определенные позиции.

Автор диаграммы отказался от названий трех групп светил, существовавших в средневековой традиции, в том числе и славяно-русской: «добрые», «злые» и «средние». Он использовал обозначения только для двух групп светил, в соответствии с птолемеевской трактовкой, именовавшей только две группы светил, а третью оставлявшей без названия. В круговой диаграмме нет Луны среди «добрых» светил (она появилась в таком качестве в позднейших трактовках «Тетрабиблоса»). Птолемей именует светила по их общей «природе» – «благоприятные» и «вредоносные». Как бы в развитие этого принципа автор диаграммы использует обозначения светил, выражающие определенным образом общие понятия «добра» и «зла», а не первые буквы соответствующих слов, как в Вологод-14.

Источников, отражающих общественное отношение к оригинальному древнерусскому «отреченному» *часомерию* (часовой хрономантии) XV – 1-й пол. XVI в., известно мало. Круговая диаграмма из Х 527 расширяет их круг и показывает, что в XVII–XVIII вв. еще не исчезла память о былой сокровенной «окраске» дней и часов. Причем она заменялась не западноевропейской средневековой традицией, а наиболее архаичной трактовкой качеств светил септенера по одному из исходных текстов «Тетрабиблоса» Птолемея.

Появление, по-видимому, в XVII в. архаического варианта птолемеевской трактовки хронократоров в России может рассматриваться как показатель затухания традиции древнерусского оригинального *часомерия.*

Отреченное *часомерие* появилось на Руси в начале XIV в., было запрещено Стоглавым собором в 1551 г., но продолжало существовать до XVII в., выйдя из употребления к началу XVIII в. *Часомерие*, внесенное в состав отреченных знаний, возможно, не было оформлено в виде книги, как Рафли. Это затрудняло идентификацию *часомерия*. Однако с учетом выявленных и проанализированных в настоящей работе источников можно заключить с достаточной степенью вероятности, что под отреченным *часомерием* нужно понимать вариант часовой хрономантии.

Феномен древнерусского *часомерия* как будто бы заключается в том, что оно действительно входило в обыденную жизнь людей в большей степени, чем другие сокровенные знания. Об этом свидетельствуют сохранившиеся источники типа «пособий» для определения качеств часов как «добрых», «злых» и «средних». Эти пособия «работали» в сочетании с общественными часами, каковые были поставлены в Московском Кремле в 1404 г. именно для *часомерия*, что документально зафиксировано летописью. Сведения о многих отреченных книгах и знаниях сохранились в виде осудительных перечней-индексов и постановлений, цитат из духовной литературы и анонимных статей переводного характера. По поводу же *часомерия* имеется специальное послание Филофея ок. 1524 г. («О злых днях и часах»), направленное против хрономантического гадания на рождение детей.

Все это позволяет предположить, что в XV–XVI вв., а может быть, и в XVII в. время для русских людей было как бы «живым», несущим добро или зло в зависимости от часа. Прогностическая «окраска» часов использовалась с целью оптимизации быта. Повседневные события жизни (сельскохозяйственная деятельность, отправление в путь, купля-продажа, строительство дома, шитье одежды, стрижка волос, собирание лекарственных трав, лечебное кровопускание и другие дела) люди приурочивали к «добрым» дням и часам, избегая «злых».

Древнерусским человеком астрологическая «окраска» времени могла восприниматься вполне реальной. Современным же исследователям, не ведающим об этой сокровенной особенности времени, оно кажется символическим и «художественным». Возможно, и другие реальные явления Древности и Средневековья, оцениваемые современной наукой как якобы имеющие символическую природу, в действительности не поняты адекватно учеными.

ПРИМЕЧАНИЯ

Арциховский 1944 – *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Бируни 1975 – *Бируни А. Р.* Избранныепроизведения. Ташкент, 1975. Т. 6.

Гольдберг, Дмитриева 1989 – *Гольдберг А. Г., Дмитриева Р. П.* Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989.

Домострой – Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.

Журавель, Симонов 2001 – *Журавель А. В., Симонов Р. А.* Исследование летописного свидетельства 1033 г. о «косом» часе (с помощью компьютера) // Информационная свобода и информационная безопасность: Мат-лы междунар. научн. конф. Краснодар, 2001.

Каган, Понырко, Рождественская 1980 – *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. 1980. Т. 35.

Кирик Новгородец 1953 – *Кирик Новгородец.* Учение им же ведати человеку числа всех лет // Историко-математические исследования. 1953. Вып. 6.

Кириллова книга 1644 – Кириллова книга. М., 1644.

Клосс 1997 – *Клосс Б. М.* Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // IN MEMORIAM: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 253–262.

Клосс 2001 – *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 345.

Кобяк 1987 – *Кобяк Н. А.* Списки отреченных книг // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1987. Вып. 1.

Кучкин 1990 – *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 113–114.

Левин 1992 – *Левин М. Б.* Лекции по астрологии: Начальный курс. М., 1992. Ч. 3.

Леманн 1901 – *Леманн А.* Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. М., 1901.

Лихачев 1973 – *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973.

Лудольф 1696/1937 – *Лудольф Г. В.* Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Переизд., пер., вступит. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937. С. 6.

Малинин 1901 - *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Мильков 1999 – *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.

Памятники Куликовского цикла 1998 – Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. Б. А. Рыбаков, ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998.

Пентковский 1990 – *Пентковский А. М.* Календарные таблицы в русских рукописях XIV–XVI вв. // Методич. рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1.

Пипуныров 1982 – *Пипуныров В. Н.* История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982 (корректурные листы).

ПСРЛ 1987 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11.

ПСРЛ 1913 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18.

ПСРЛ 1949 – Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25.

Рудаков 1998 – *Рудаков В. Н.* «Духъ южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9.

Саплин 1994 – *Саплин А. Ю.* Астрологический энциклопедический словарь / Общ. ред. Г. Е. Куртика. М., 1994.

Симонов 1995 – *Симонов Р. А.* Астрологический «вечный календарь» в русской рукописи конца XV – начала XVI в. // Букинистическая торговля и история книги. М., 1995. Вып. 4.

Симонов 1997 – *Симонов Р. А.* О причине появления единорогов на золотой монете («корабельнике») Ивана III // Гербовед. 1997. № 3 (15). С. 75–79.

Симонов 2000 – *Симонов Р. А.* Уточнение датировки «Сказания о Мамаевом побоище» // Вестник Литературного института. М., 2000. № 2. С. 231–234.

Симонов 2001 – *Симонов Р. А.* Текст XV в. об измерении времени часами на Руси // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщ. XIII научн. конф. в честь Е. И. Каменцевой / ИАИ РГГУ. М., 2001. С. 112–114.

Симонов 2002 – *Симонов Р. А.* Единорог как изображение и наименование зодиакального знака в древнерусской традиции // Проблемы истории Московского края: Тез. докл. 3-й региональной научн. конф. / МПУ. М., 2002. С. 10–12.

Симонов 2002 – *Симонов Р. А.* Сведения XV в. о древнерусском способе измерения часов // Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2000 г. / ИМЛИ РАН. М., 2002. С. 48–50.

Симонов, Турилов, Чернецов 1994 – *Симонов Р. А., Турилов А. А., Чернецов А. В.* Древнерусская книжность (Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым). М., 1994.

Соболевский 1903 – *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.

Срезневский 1978 – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т. 1, ч. 2. Стб. 891.

СРЯ XI–XVII вв. 1978 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 371.

СРЯ 1982 – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 2.

Степанов 1909 – *Степанов Н. В.* Единицы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. М., 1909. Кн. 4. С. 20–22.

Степанов 1910 – *Степанов Н. В.* Заметка о хронологической статье Кирика (XII век) // Изв. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 15. Кн. 3. С. 135.

Степанов 1915 – *Степанов Н. В.* Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. // Изв. ОРЯС. Пг., 1915. Т. 20. Кн. 2. С. 6–7 и др.

Стоглав 1890 – Стоглав: Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах. М., 1890.

«Тетрабиблос» 1994 (1992) – «Тетрабиблос», или «Математический трактат в четырех книгах» Клавдия Птолемея (фрагмент астрологической энциклопедии II в. н. э.; пер. с древнегреческого и коммент. Ю. А. Данилова) // Историко-астрономические исследования. М., 1994 (1992). Вып. 24.

Тихонравов 1863 – *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2.

Турилов, Чернецов 1985 – *Турилов А. А, Чернецов А. В.* Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40.

Чернецов 1985 – *Чернецов А. В.* Древнерусские знаки небесных светил // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1985. Вып. 187.

Simonov 1996 – *Simonov R. A.* Russian Astrology: A New Monument of the Late Fifteenth and Ealy Sixteenth Centuries // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Seltcted Papers: Vol. IV. Shepherdstown (USA), 1996.

Јанковић 1989 – *Јанковић Н.* Астрономија у старим српским рукописима. Београд, 1989.

Л. М. Орлова

«ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО» – ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVI ВЕКА (Проблемы текстологии и литературной истории произведения)

«Житие Василия Блаженного, Христа ради юродивого, московского чудотворца» принадлежит к разряду весьма значительных и популярных памятников народного чтения. Необычайная судьба московского юродивого и его деяния занимали воображение широкого круга читателей не только в XVI–XVII веках, но и в более позднее время. Василий юродивый – реальное историческое лицо. Сведения о нем кратки и отрывочны и иногда противоречивы. Их приходится буквально по крупицам собирать из разных источников. Достоверно известно, что жил он в первой половине XVI века; как указывается в житии – «родися от отца Иакова и матери Анны во царствующем граде Москве, у Пречистыя Богородицы на Елохове; в юродстве преложися штинадесяти лет, молчанию предася, и потом нача наг ходити». Одно из самых ранних упоминаний о Василии Блаженном находим в Степенной книге, созданной в 60-е годы XVI века «повелением митрополита Макария». Здесь Василий назван дважды: в одном месте (грань XVI, степень XVI) приводится очень краткое легендарное известие о знамении Богородицы, которое явилось ему перед внезапным пришествием крымских татар [1]. В другом (грань XVII, степень XVII) – при описании московского пожара 1547 года указывается, что о нем «откровено быть преже Василию» [2].

Василий, московский чудотворец, прожил долгую жизнь (88 лет), из них 72 провел в юродстве. Был очевидцем событий, происходивших в первой половине XVI века [3]. Оставался в едином качестве при четырех монархах: при Иване III, затем в царствование Василия III, в кратковременное правление Елены Глинской и

при Иване Грозном. Знал будущего государя Феодора Иоанновича младенцем. Пережил 8 митрополитов, канонизирован при патриархе всея Руси Иове в 1589 году. Излюбленными местами пребывания юродивого были Красная площадь и башня у Варварских ворот в стене Китай-города. Утверждению авторитета способствовало покровительственное отношение к Василию как митрополита Макария, так и Ивана Грозного. По преданию, принять благословение от юродивого перед его смертью пришли «благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея Русии самодержец со своею благочестивою царицею великою княгинею Анастасиею со благоверными царевичи Иоанном и Феодором. Блаженный же близ смерти сый и при последнем издыхании царевичу Феодору пророчески глаголаше: "Вся прародителей твоих твоя будут и наследник будеши им"».

Погребение юродивого совершалось весьма торжественно. Отпевал его сам митрополит Макарий со всем Освященным собором, царь и князья несли гроб, при этом была роздана большая милостыня из царской казны. Предсказание Василием царского венца Феодору Иоанновичу послужило одной из причин особого почитания в его правление. Иждивением Федора в 1588 году сооружена серебряная «с каменьями драгоценными» рака, и во имя блаженного у восточной стены Покровского собора возведена церковь («Царь Феодор усердно истинным желанием радуяся и веселяся, созда церковь и изрядно украси благолепием, яко солнечных луч блещащихся над гробом же святого, иде же лежат мощи его пресветлоцелительныя, раку украси багры царьскими». Царица Ирина «теплою истинною верою раку святого покровы драгими украси»). Судьба посмертной репутации Василия уникальна. Бесспорно, это одна из самых удивительных судеб в русской истории. На протяжении XVI века Василий именуется не иначе как «светилом, в московских пределах возсиявшим».

Народная память хранит воспоминания о Василии доныне. Прошло более 400 лет со времени канонизации, но имя юродивого не затерялось, оно как символ прочно вошло в национальную память. Василий Блаженный – это эпиграф к русскому юродству, его своеобразная энциклопедия. Недаром народ окрестил собор Покрова на Рву храмом Василия Блаженного, в честь которого при царе Феодоре Иоанновиче был открыт один из его приделов.

Несмотря на привлекательность образа самого юродивого и легендарных преданий о нем, его «Житие» осталось почти не исследованным. Научная литература, посвященная этому оригинально-

му памятнику, невелика. Лишь во второй половине XIX века произведение попало в поле зрения исследователей русской агиографии, да и то долгое время сведения о нем были сосредоточены в работах биографического характера. Кроме церковных авторов – архиепископы Филарет (Гумилевский), Димитрий, Сергий, Григорий (Лебедев), архимандрит Леонид (Кавелин) [4], – о нем писали П. М. Строев, Н. П. Барсуков, Е. Е. Голубинский, И. И. Кузнецов, А. И. Соболевский[5].

Некоторые вопросы о житии поднимал В. О. Ключевский в книге «Древнерусские жития святых как исторический источник» [6]. Следует признать, что В. О. Ключевскому не была полностью известна литературная история текста жития, и потому ученый утверждал, что сохранившееся житие блаженного «очень скудное биографическим содержанием, но многословное и скорее похожее на Похвальное слово, чем на житие; чудеса, приложенные к житию, начались в 1588 году; в рукописях житие, кажется, появляется не ранее XVII века; это указывает приблизительно на время его составления» (при этом ученый указывает шифры нескольких списков).

Кроме того, известны упоминания о Василии и его житии в числе других письменных памятников агиографической литературы – как правило, для характеристики исторического периода[7], либо для освещения некоторых сторон общественной и литературной жизни Руси конца XVI – начала XVII веков[8]. В свое время Д. Флетчер[9] свидетельствовал, будто Василий «упрекал Ивана Грозного в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ... Юродивый творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но знатное дворянство, и даже сам царь и царица». Между тем ни в одной из работ предметом специального исследования житие Василия Блаженного не становилось.

Отсутствие научно изданных текстов жития и, как следствие того, исследований о Василии юродивом побудило Иоанна Кузнецова, протоиерея Покровского на Рву собора, первым обратиться к этому вопросу. В работе, вышедшей в 1910 году под заглавием «Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые московские чудотворцы», объединены две историко-агиографические монографии о каждом из этих святых[10]. Что касается жития Василия, то проведена большая и весьма полезная работа. Во-первых, выявлены и частично описаны списки жития и службы святому в различных рукописных собраниях. Уже вследствие этого монографическое исследование служит ценным спра-

вочником, указав на шифры 42 списков. Во-вторых, опубликованы несколько текстов жития (Полное – по списку ГИМ, собр. Чудовское, № 317 – соответствует Распространенной редакции (РР); Сокращенное – по тексту печатного Пролога 1660 года – Проложная редакция; житие «особного состава» – по копии, снятой самим И. И. Кузнецовым, – Особая редакция).

Между тем следует заметить: 1) указанные И. И. Кузнецовым списки (42 единицы), по существу, только перечислены без текстологического анализа; нет разделения не только на варианты, но зачастую не выделены даже те, которые явно представляют разные редакции; 2) тексты изданы произвольно, нет и основательной мотивировки выбора того или иного. Так, при публикации Чуд–317 исследователь счел возможным «выпустить из Сказаний все, не имеющее прямого отношения к предмету исследования», оставив лишь те части произведения, в которых сообщается непосредственно о Василии юродивом. В итоге, старший датированный (как позже выяснилось, он же и лучший) список РР остался неизданным. Таким образом, максимально сжато изложенные текстологические наблюдения и некоторые неясности в принципах издания привели к тому, что работа И. И. Кузнецова осталась незавершенной. Впрочем, по его словам, он «не задавался невыполнимой целью – ознакомиться со всеми существующими списками, и его работа служит прежде всего для облегчения труда позднейших исследователей, когда таковые явятся».

В рецензии на эту работу А. И. Соболевский[11] предложил другую терминологию – жития «каноническое» и «апокрифическое» (Полное и Сокращенное, по Кузнецову). Ученый указал на необходимость сравнительного изучения житий московских юродивых с житиями греческих (Андрея Константинопольского, Василия Нового и Нифонта). «Естественно предположить, что отношение московского населения XVI века к своим юродивым устанавливалось под влиянием вышеупомянутых житий. Возможно, что сами юродивые были знакомы с этими житиями и в своих действиях до известной степени сообразовывались с действиями, в них описанными. Несомненно, что те лица, которые взялись описать жизнь и подвиги московских юродивых, были хорошо знакомы с житиями Андрея, Василия Нового и Нифонта и имели в них авторитетные образцы. Сравнительное изучение должно дать ценные результаты, положительные или отрицательные, все равно. И. И. Кузнецов не дает сравнения текстов и ограничивается лишь случайными и значения не имеющими упоминаниями о греческих юродивых.

Этот недостаток труда Кузнецова мы признаем существенным». А. И. Соболевский справедливо заметил, что изобилующее ошибками исследование Кузнецова не дает полного представления о литературной истории, необходимо новое научное издание текста жития Василия Блаженного.

Определенным этапом, подводящим итоги в изучении памятника, стала статья А. М. Панченко в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [12]. В ней отмечено, что «житие имеет несомненную ценность; в нем дан набор стереотипов поведения юродивого: презрение к телу... элементы общественного протеста... жесты юродивого и т. д.». Ученый напомнил о необходимости исследования и издания жития.

Важно отметить, что житие Василия Блаженного принадлежит к традиции агиографических сочинений о юродивых, располагая весьма ценным материалом для выяснения самого феномена юродства. Сложное социально-культурное явление в жизни Древней Руси – без знания которого наши представления об отечественной литературе и культуре были бы не совсем полны – отдельными гранями отразилось в литературном материале житий юродивых. Таким образом, наличие издания, соответствующего современным научным требованиям, позволило бы полноправно ввести это произведение в репертуар древнерусской литературы, внося тем самым определенный вклад в характеристику историко-литературного процесса XVI–XVIII веков.

Впервые предпринятая попытка максимального выявления сохранившихся списков памятника, установления редакций текста, их соотношения и времени появления была осуществлена автором настоящей статьи [13]. К исследованию были привлечены 107 списков жития, в то время как ранее были известны 42. Введение в научный оборот 65 списков стало возможным в результате предпринятых поисков в отечественных архивохранилищах. Проведена работа с не подвергавшимся прежде анализу иконографическим материалом о Василии юродивом в Русском музее, Эрмитаже, Новодевичьем монастыре, Третьяковской галерее, а также настенной росписи в приделе Василия юродивого Покровского на Рву собора. Обнаружена ранее не упоминавшаяся икона «Василий в житии». В настоящий момент она хранится в Новодевичьем монастыре (ГИМ, 73502/4 И 3627). Икона предположительно датируется концом XVII века. Средник обрамляют 10 клейм со сценами из жизни юродивого Василия. Позволительно утверждать, что иконопи-

сец, изобразивший основные события жизни московского чудотворца, был знаком с Особой и Сводной редакциями жития. Каждое клеймо трактовано как самостоятельная сцена с отчетливо обозначенным сюжетом и композицией. Более подробное рассмотрение сюжетов клейм иконы, их отношение к тексту (и наоборот) – дело дальнейших изысканий.

Проведенный текстологический анализ доступных в настоящее время списков жития Василия Блаженного позволяет говорить о существовании шести редакций, представленных несколькими вариантами. Это Первоначальная, Минейная, Распространенная, Проложная, Особая, Сводная (ПР, МР, РР, ПрР, ОР, СР). Автором статьи впервые были выявлены Первоначальная и Сводная редакции, кроме того, обнаружен единственный на сегодняшний день список Особой редакции [14].

Из шести известных редакций жития Особая является наиболее интересной в литературном отношении. Это памятник народной агиографии, сборник рассказов о Василии. Трудно указать еще какое-либо произведение древнерусской агиографии, в котором бы так ярко была выражена особенность народного взгляда на юродивых. В отличие от встречавшихся в других редакциях заглавий «Житие въкратце и Слово похвальное...», или «Житие... и чюдеса», Особая редакция названа: «изъ книги древлеписменной. мѣсяца августа во второй день. житие и жизнь и въкратцѣ сказание о чюдесѣхъ святаго и праведнаго Василия Блаженнаго московскаго чюдотворца. благослови отче» (нач. «Сей блаженный Василий бѣ при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иоанне Васильевиче...» идентично началу Проложной редакции).

Теоретически Особая редакция дошла до нас в двух списках, один из которых найден, описан и опубликован по копии И. Кузнецовым в начале XX века. До 1905 года, когда рукопись попала к И. И. Кузнецову, о ней и имеющемся в ней житии Василия Блаженного ничего не было известно в агиографической литературе. «Он интересен своей редкостью, другого такого мы за все 14 лет, пока занимались своим исследованием, не встречали ни в одной библиотеке, ни в одном рукописном сборнике. Это уника», – отмечал И. И. Кузнецов [15]. Исследователь назвал список «житие особого состава»; текст скопирован с рукописи, доставленной Шепаревым. Кузнецов был последним, кто видел ее; местонахождение рукописного сборника сейчас неизвестно: «кажется, в Ярославской губернии». Ему не удалось в свое время купить руко-

пись (ее не продавали) и пришлось ограничиться дословным переписыванием жития Василия Блаженного. Таким образом, начало изучению Особой редакции жития было положено публикацией, осуществленной И. И. Кузнецовым по копии в 1910 году. Печатный текст, изобилующий пропусками, опечатками, неверными прочтениями, оставался в течение всех этих лет единственным документальным источником сведений об Особой редакции памятника.

Второй список обнаружен нами. Привезен из деревни Борок Виноградовского района Архангельской области Л. И. Сазоновой в 1971 году (в настоящее время находится: ИРЛИ, собр. Амосова–Богдановой, № 46. XVIII–XIX вв., в 4°, 362 л., житие Василия – л. 64–94). Сборник из собрания рукописей и старопечатных книг, входивших в состав старообрядческой библиотеки[16]. Текстологический анализ списков убеждает в том, что перед нами два текста того самого «исчезнувшего жития». Далее список ИРЛИ из собрания Амосова–Богдановой обозначается АБ-46, список же, описанный Кузнецовым, – К. Следует заметить, что подготовка публикации списка К осуществлялась по рукописной копии, выполненной самим И. И. Кузнецовым. Изданию нельзя доверять полностью, оно изобилует ошибками разного рода. Поэтому полно провести сверку на грамматическом уровне невозможно. Между тем это отнюдь не умаляет значения списка К, хотя бы потому, что выделить основные сюжетные моменты и очередность рассказов, составляющих житие, можно вполне.

Или именно об этом житии, или, скорее, о более полном его варианте, упоминал в середине XIX века И. М. Снегирев, сообщивший об изъятии за якобы описанные в нем злоупотребления духовенства[17]. Автор указал, что он «пользовался источниками, сообщенными ему А. И. Хлудовым и Лобковым, а также кратким житием, выданным протоиереем Покровского собора А. И. Воскресенским». А. И. Соболевский предложил называть это житие «апокрифическим». Текст Особой редакции «представляет собой собрание народных рассказов о Василии и принадлежит столь же литературе, сколь и городскому фольклору»[18].

Показательны составы сборников-конволютов: АБ-46 исключительно литературен – кроме жития Василия, наряду с главами из Зерцала богословия Кирилла Транквиллиона читаются: «Слово на убиение царевича Дмитрия», отрывок из «Повести о Германе Соловецком», «Пвесть о взятии Царьграда турками», «Сказание о Магмет Салтане». Тексты в рукописном сборнике писаны полууста-

вом и скорописью нескольких почерков. Бумага с тисненым знаком «Фабрика наследников Сумкина 6». Для сравнения: в рукописи, описанной И. Кузнецовым, содержатся апокрифические жития Андрея Критского, Марии Египетской, «Сказание о княгине Анне Кашинской». Сборник в 4є, писан мелким полууставом, житие Василия – л. 39–81 об. Показательно, что АБ-46 происходит из библиотеки богатого и известного на Двине купца В. М. Амосова. Изучение состава сборника позволяет частично проследить подборку рукописных текстов, составляющих круг чтения северного русского крестьянина.

После тщательного сличения почерка текста жития Василия Блаженного с другими в этом же сборнике можно назвать переписчика жития. Им оказался Останин Максим Матвеевич, обычно упоминающийся в рукописях как «инок Козма» [19]. В списке «творений инока Козмы» рукопись АБ-46 не упоминалась ранее. Таким образом, его можно с уверенностью пополнить житием Василия Блаженного юродивого, находящимся в этом сборнике.

Основным для Особой редакции считаем АБ-46. Список в ряде случаев имеет правильные чтения по сравнению с К: 1) Так, например, в последнем нет следующей фразы: «Егда же отучися тому ремеслу, работая у того же учителя». А между тем уточнение существенно, поскольку далее повествуется о некоторых случаях из жизни Василия, происходивших в период работы у учителя. 2) В АБ-46 – «она же закля себя» (т. е. зареклась, заручилась), в К – непонятное «зая себе». 3) В АБ-46 – «А при себе денег ничто же не имеет. И се три дни тает гладом, ничто же имея вкусити». В К, в результате пропуска в тексте, читаем «А при себе денег ничто же имея вкусити». Примеры можно множить.

Особая редакция, представленная списком АБ-46, интересна еще и тем, что дополнительно сообщает эпизод из жизни Василия, не упоминавшийся ранее. После слов «Угоднику блаженному Василию, ему же слава. Ныне и присно и во веки веком аминь» (так заканчивается список К) в АБ-46 читаем: «Той же Василий Блаженный некогда виде человека богата христианина, изъведена из бани, и рабы его водою омывающа. Василий же святый мнев яко по бозе труд имеют, и разгоресе у святаго похоть плотская. И изъскочи скоро из бани, и дверь разруша до основания». Текст нельзя назвать прерванным, но он явно не завершен. Быть может, опущен эпизод, предваряющий рассказ «о богатом христианине»? Во всяком случае, сюжет налицо, но материал скуп и не развернут так подробно и панорамно, как в других рассказах. Примечательно,

что упоминание о возгоревшейся похоти Василия есть и в тексте Службы ему (из этого же источника запись перенесена в Проложную редакцию): «В посте, и в молитве, и в благовейнстве благочестия достигнув, погашая пламень похотный и тщание прилежно во уме имея». Но, думается, это не более чем общее место, характерное для многих житийных и служебных текстов.

Остается важным определить – что это? Позднее наслоение, или же дошедший до нас отрывок древнейшего, «некогда попавшего в опалу» жития? Как положительный, так и отрицательный ответы на этот вопрос были бы в равной степени ценны. Выяснить происхождение было бы тем более познавательно, что баня, по народным понятиям, – типичное пространство «инишного» мира. В баню юродивые приходили обычно помыться и снять с себя вериги перед смертью.

Выявленные разночтения списков удобно разделить на следующие типы:

а) перестановка слов:	
АБ-46	**К**
персом в корабли по морю плавающим; прикосновением к святым его мощем исцеление получиша (л. 92 об.); тогда с сим словом вниде бес в сткляницу и скрыся (л. 75 об.)	персам в корабли плавающим по морю (л. 85 об.); прикосновением к его святым мощем исцеления получаху; тогда бес с сим словом вниде в скляницу и скрыся
б) замена и добавление новых:	
из них же благородства седмьдесят два лета (л. 92 об.); сапожник некто богобоязлив мимо его идяше со сапоги на торг продати их (л. 77 об.)	из них же благоюродствова седмьдесят два года сапожник некий богобоязлив мимо его идяше со сапоги продати их
в) смысловые оттенки и эмоциональная окраска:	
осерча на него, яро на него возре, и вырва из рук его онаго сапоги; рече тому притворному мертвецу буди ты, человече, отселе поистине мертв, яко буестию вознепщевал еси обманом приятии милостыгю (л. 74)	осерча на него яро и вырва из рук его онаго сапоги; рече тому притворному мертвецу яко буестию вознепщевал еси обманом приятии милостыню

Что касается последнего примера, то, согласно списку К, Василий не произносит вслух проклятия обманщику, как это в

АБ 46: «...буди ты, человече, отселе поистине мертв». Юродивый просто покрывает его шубой, ничего не произнося. В связи с этим интересен возникший диалог в тексте Краткого вида ОР: Василий, прежде чем покрыть человека шубой, спрашивает: «Воистину ли мертв клеврет ваш?» или «Аще истинно мертв есть клеврет ваш, и в кое время умре?» «Они же реша: "Истинно мертв есть и сий точию час помре"». Ни в списке К, ни в АБ-46 этих чтений нет. В К и АБ-46 обманщики «единого от дружины своея положища во гробе, яко мертва»; в текста Краткого вида ОР он сам лег на дороге на землю.

Следует заметить, что неверные чтения присущи и АБ-46. Так, в рассказе о «тушении пожара в Новгороде» в К: «благоверный же царь и вторую даде. И вторую выплесну». Имеется в виду, что Василий выплеснул сначала первую, потом вторую, а затем и третью чашу с вином. В АБ-46 пропущенная фраза «и вторую даде» делает текст непонятным: «Благоверный же царь и вторую выплесну». Для этого списка характерны ошибки прочтения; причиной пропуска или замены слова, скорее всего, является то, что писец при чтении оригинала мог «перескочить» глазом строку или группу строк. Так, например, на л. 88 читаем: «открыся же ему святым духом, что иметь быть по его преставлении». В списке К — «бытии по его пророчеству». То, что это ошибка прочтения, а не смысловое изменение текста, подтверждается следующей фразой «...по его преставлении и пророчествова о настатии времен лютых». Очевидно, что в данном случае имеет место типичная ассимиляция (прогрессивная, поскольку последующее слово влияет на предыдущее; дистантная, так как дополнительно слова разделены несколькими лексемами «по его»).

Житие Особой редакции освобождено от витиеватых восхвалений величия подвигов святого. Кратко сообщается о прославлении блаженного в чудесах, совершившихся как при жизни, так и по преставлении, исключены обширные нравоучительные назидания для слушателей. Житие ОР представляет собой сжатый, лаконичный текст, в композиции которого присутствуют 15 сюжетов. Разделение текста на рассказы отмечено в рукописной традиции выделением их в отдельный абзац. Некоторые из сюжетов, впоследствии обособившись, составят Краткий вид Особой редакции (КВ ОР).

1 — Василий «отдан бысть родительми рукоделию сапожному, и зело то ремесло добре извыче во всяком страсе божии и в молитве...»;

2 – «Прииде некогда блаженныи к благоверному государю Иоанну Васильевичу и... егда принят в руку свою питие, абие излия оное до трех крат за окно»;

3 – «О царстем дворе на Воробьевых горах». Царь, находясь в церкви, думал о постройке своего дворца, в чем и уличен был Василием;

4 – «Подвижеся благоверный царь в великий Новъград со всем воинством на смирение граждан...»;

5 – «Некогда же благоверный царь Иоанн Васильевич хотя сего блаженного искусити златом» (Василий отдал все золото купцу, а не нищим);

6 – «Некии князь, любя святого, и умоли его взятии лисию теплую шубу». Обманщики же хотели ее отнять;

7 – «О девах, посмеявшихся святому Василию». В наказание за это они ослепли;

8 – О корчемнике, который «бысть зол сердцем, с поношением и бранью подаваше пиющим вино»;

9 – «имеяше святыи и блаженныи Василии таков дар от Бога, что видяше явно аггелов и бесов»;

10 – «Сапожник некто богобоязлив мимо его идяше со сапоги на торг продати»;

11 – «Бе некий диякон, зря святого Христа ради юродствующа и дивная творяща, умилися сердцем своим, возжеле ему последовати, и чудному его житию поревновати»;

12 – «Бе некии христолюбивец, умысли написати святыи образ Богоматери»;

13 – «Диявол преобразил себя в подобие человека стара и седа и нища»;

14 – «В персидстей стране, персом в корабли плавающим по морю». Василий спас их «от потопления велика и от смерти водостланой»;

15 – «Царь... с Анастасиею... и Иоанном, и Федором прииде к нему на посещение» (Василий предсказал, что царевич Дмитрий будет убит в Угличе).

Затрагивая вопрос о времени создания жития Особой редакции, И. И. Кузнецов высказал предположение, что оно составлено «много времени спустя» после кончины блаженного, когда память о событиях его жизни стала тускнеть в народной памяти. Упоминание об «игралищах» на том месте, где жил Василий (в рассказе о Пречистейских вратах), и намекающее, по-видимому, на

театр времени Петра I на Красной площади, говорит о принадлежности дошедшего до нас текста к началу XVIII века[20].

Рассказ жития о царевиче Дмитрии также указывает на позднюю дату жития. Василий предсказывает царю Иоанну IV: «По твоем же преставлении младенец Дмитрий убиен будет от властолюбивых твоих сродник, и по времени принесены будут мощи его в царствующий град Москву». Кузнецов утверждал: «Эти строки могли быть написаны только в то время, когда молва о виновнике смерти Дмитрия – Борисе Годунове – уже затихла, т. е. не ранее конца XVII в.».

А. И. Соболевский считал, что существовала старшая редакция этого апокрифического жития, составленная вскоре после канонизации Василия. Подтверждение ученый нашел в рассказе о том, как Иоанн IV, стоя в Успенском соборе, думал о постройке дворца на Воробьевых горах. «Память об этом ничтожном деле не могла сохраняться долго, и народная фантазия легко могла заменить Воробьевский дворец половины XVI века каким угодно другим зданием»[21]. Известно, что после указа Алексея Михайловича 1658 года прежние Боровицкие ворота Кремля стали называться Предтеченскими. Это название не удержалось в народном употреблении, ворота стали именоваться Пречистенскими. Именно такое чтение в списке АБ-46. Очевидно, что текст жития Особой редакции окончательно отредактирован после 1658 года.

Нахождение новых рассказов о Василии важно по многим причинам. Еще А. И. Соболевский предполагал существование более раннего жития подобного Особой редакции типа. Сказать, из каких именно рассказов, композиционных узлов состоял древнейший текст, весьма затруднительно. Небезосновательно полагать, что наиболее редко встречающиеся сейчас рассказы и были в составе жития, изъятого некогда из обращения. Именно потому каждый вновь найденный по-своему оригинален и важен для прояснения литературной истории памятника.

Так что же послужило причиной создания Особой редакции этого «народного» варианта жития Василия? В большей степени отсутствие каких-либо биографических сведений о святом в каноническом житии. Однако некоторые данные, помещенные в Особой редакции, видимо, возбудили сомнение в пригодности их для церковного жития. Подобные списки отбирались, Церковь запрещала их распространять, народ же понял причины такого распоряжения по-своему. Тогда же и появился сокращенный вариант текста, заключающий в себе лишь признанные духовной властью

«Сказания о прижизненных чудесах». Писцы же не забывали напоминать: «Древния же рукописные записки свидетельствуют...»

Примечательно, что единственный на настоящий момент рукописный текст Особой редакции сохранился и был читаем именно на русском Севере, в то время как специальным указом Синода изъят из обращения и запрещен для распространения. Местное население Подвинья издавна хранило старинные рукописные книги – и не просто хранило, но и приумножало; в книгописных мастерских создавались новые редакции средневековых памятников, приспособленные к местным условиям и вкусам, дошли и оригинальные тексты. Что до рукописного сборника из собрания Амосова–Богдановой № 46, то некоторые из выявленных разночтений, несомненно, следует отнести к оригинальности его переписчика – Останина Максима Матвеевича. Таким образом:

1) вновь найденный список АБ-46 особенно важен для прояснения литературной истории жития Василия Блаженного. Прежде всего потому, что подтверждает существование Особой, по разным обстоятельствам исчезнувшей редакции, текст которой, не получив одобрения цензуры, отправлен в фонд Синода;

2) видимо, некоторые сведения вызвали сомнение в пригодности их для «душеполезного чтения». В силу этого решено было исключить из текста подобные рассказы, не допускать их дальнейшего распространения в списках, чем отчасти объясняется чрезвычайная их редкость теперь. В высшей степени показательно, что на Севере «опальное» житие не только сохранилось, но, и активно читаемое, распространялось;

3) тогда же, вероятно, появился Краткий вид Особой редакции – «Сказание о прижизненных чудесах». Народная молва поняла причины запрета по-своему. В памяти остались занимательные рассказы о деяниях Василия, и потому писцы не упускали случая для напоминания о некогда изъятом из употребления житии – «Древния ж рукописныя записки свидетельствуют...»;

4) другой причиной немногочисленности списков Особой редакции, кроме известного запрета на распространение, является та, что текст редакции стал быстро вытесняться народным вариантом, более компактным и усеченным. Это Краткий вид Особой редакции (КВ ОР).

Рождение КВ ОР – важный этап в истории жития Василия Блаженного в целом и Особой редакции в частности. Это связано с тем, что начальный вид текста Особой редакции на Руси утерян, а конечный – народные сказания и их литературная обработка –

нашел самое широкое распространение. Этому в большой степени способствовало и то, что КВ ОР активно переписывался в составе 1 и 3 вариантов Сводной редакции. КВ ОР известен под заглавием: «Чудеса в жизни святого и праведного Василия Христа ради юродивого, московскаго чюдотворца» (нач. «Древния и рукописныя записки свидетельствуют о сем святом муже и самоизволном страстотерпце...»). КВ ОР состоит из отдельных кратких рассказов — остросюжетных и занимательных.

Одни и те же события из жизни юродивого Василия, описанные в Особой редакции и КВ ОР, интерпретируются по-разному. Так, например, во время учебы сапожному мастерству у Василия появляется дар предвидения. Именно этим подтвердилась его избранность Богом и назначение служить высшей цели. О том, как это произошло, говорится весьма различно. Согласно тексту Особой редакции, в Москву приехал купец «со стругами, обремененными товары хлебными», пришел по случаю к сапожнику — заказать сшить сапоги. Попросил сапоги крепкие, «дабы мог проносить их целый год». Василий «разъсмеяся» и говорит купцу: «Сошьем сапоги тебе такие, что и не износишь их!». И «прослезился» юродивый. Учитель был очень недоволен, «вознегодова на Василия, яко пред честным человеком и богатым купцом безобразуясь: посмеяся вкупе и прослезился», потребовал ответа от Василия о его поведении. Тот сознался, что рассмеялся он глупости купца, что тот заказывает сапоги на целый год, а не знает, что не придется ему их даже надеть, ибо «смертию пресечется жизнь его». Потому и плакал Василий. Учитель не внял словам ученика и сшил сапоги купцу сам. Не дождавшись «онаго купца пришествия за ними, и яко промедлил три дни и не прииде, взя сапоги и хотя сам отнести на струги оному купцу». Каково же было удивление сапожника, когда «узре множество народа, онаго купца на погребение провождающих, уже умерша. И тогда вспомянув глаголы Василиевы».

По другой версии (КВ ОР), Василий не хочет открыть учителю тайны смеха, тот же по-прежнему настаивает на ответе. Василий соглашается, он готов рассказать все, но с условием ухода «из сапожного ученья».

С некоторыми отличиями предание об этом событии сообщает И. М. Снегирев[22], а именно:

1. Сапоги пришел заказывать посадский человек, а не купец, как в ОР.

2. Услышав его просьбу о том, чтобы сапог хватило проносить на несколько лет, Василий улыбнулся, — не «разъсмеяся».

3. Это заметил хозяин и по уходе посадского спросил Василия, что значит эта его улыбка, не рассердившись при этом, и не требуя очень уж категорично.

4. Василий не соглашался объяснить. Наконец уступил, добавив, что если скажет, – то не сможет более остаться у хозяина. Сапожник согласился на это.

Сюжеты семи повестушек, упрощенные и освобожденные от многих подробностей своего оригинала, получили весьма своеобразную обработку и занимательное словесное оформление. В приемах письма чувствуется рука мастера, умевшего пользоваться реалистическими красками слова. Вместе с тем, речевая форма рассказов не лишена фольклорных элементов, которые можно наблюдать и в использовании приемов сказочной изобразительности, и в виде повторения одних и тех же формул. Общий характер текста варианта ОР заставляет предполагать его сложение не ранее чем в первой половине XVII в.

Перечислим по порядку сюжеты, составляющие основной текст:

1 – «Егда тезоименитство бе царево, приглашен бысть царем в палаты и святый Василий. И егда прият в руку свое питие – абие излиянное до трех крат за окно, чем подвиже царя на гнев»;

2 – «По времени же некогда восхоте царь воздвигнути себе двор царский на Воробьевых горах. И бысть егда воздвизаше оный, случися праздник, во онь же царь приедь во храм молитвенный, мысляше во оном, како бы его привести ко окончанию и устроити благолепным»;

3 – «О девах, посмеявшихся ему. Девы оныя быша торговицы на торжищи и продающия свои рукоделия. И бысть егда святый идяше мимо их наг. Они наготе его посмеялися»;

4 – «Вельможа изнесе Василию лисью алаго цвета суконную шубу и облече его в ню. Святый же, облеченный во оною, абие изиде из палаты его и потече скоро во оной шубе по граду. Мошенники же, узревше святаго издалека тако одетаго, умыслиша испросити у него оною шубу лукавне»;

5 – «Случися единому кораблю персидскому из мори плавати. И ту бяше не мало персидского народа. И нача той корабль утопати, ветер бо велий на мори воста»;

6 – «Имеяше святый и сей дар от Бога, яко видеша ангелов и дияволов. И егда он идяше мимо дома таковаго, в нем же совершахуся молебная пения, или божественнаго писаниа чтения, или моления, или беседы благие о бозе, или иное что благое и боголюбез-

ное дело... абие сбираше камения и меташе оные со оскорблением во углы онаго дома»;

7 – «случися сему святому внити некогда в корчемницу. В ней же корчемник бысть зол сердцем, с поношением и бранию подаваше пиющим вино... паче же с напоминанием имени диавольскаго глаголя: "да поберет тя диавол"».

Логичным завершением последнего сюжета служит наставление о «кресте господнем», читающееся в Тит-4065 [23], Тит-3831 [24], Ал-Нев-49 [25]. Примечательно, что именно в этих списках отсутствует эпизод № 5. Часть наставления захватывает предыдущую повестушку «о корчемнике, кои бяше зол сердцем».

«Святый, престав от смеха, и приступив к корчемнику, и начат глаголати пред всеми, тамо бывшими человеки, указуя на корчемника: "Яко егда подаде сеи пити сему вино, и изрече: Диавол тя да поберет, абие бес вскочи к нему в сосуд. А егда пиющий оградися знамением креста Господня, бес искочи из сосуда и, палим сый огнем, утече из корчмы". Аз же сему порадовася и возсмеяхся, и смеюся, и хвалю помнящих Христа спасителя нашего, и творящих в делах своих знамение крестное, отражающее всю силу вражию».

Последний, седьмой по счету, сюжет продолжает повествование на эту тему: «И сие о кресте господнем, и о силе его изрече сей Василий Блаженный». Текст написан от первого лица, автор замечает: «Аз же, кто грешный уведах о сем святом Василии Блаженном слышания оное, и написах в знак моего благодарения за избавление молитвами святыми его сына моего от болезни. От ней же не мнях ему живу бытии».

Таким образом:

1) перечисленные эпизоды, которые составляют фабулу КВ ОР, отличаются большей или меньшей степенью закрепленности (5-й эпизод отсутствует, 7-й появляется периодически) при достаточной определенности в изложении;

2) фактическим подтверждением, что текст КВ ОР читался вне жития Василия Блаженного и воспринимался при этом как отдельное, вполне законченное произведение, является список Барс-1064 [26]. Переплет утерян, рукопись в разбитом состоянии. Однако благодаря тщательнейшей сверке цвета чернил установлено, что перед нами самое начало рукописного сборника. Обозначенная в сборнике буквенная нумерация листов, начинающаяся с **.а҃.**, вовсе не отличается по цвету и оттенкам от основного текста. Это очень важно – что перед нами именно начало. Другой текст этого сбор-

ника, соседствующий с житием Василия, вполне завершен: то, что он не прерывается, свидетельствует оформление последних строк «воронкой». Вряд ли стоит предполагать существование некогда цельной, гораздо большей по объему рукописи. Скорее всего, соседство двух текстов (житий Василия Блаженного и Максима юродивого) не дополнялось еще каким-либо произведением. Переписчик ограничился тетрадкой в 12 листов, переписав лишь текст о Василии юродивом (КВ ОР). Он не дополнил его ни Похвалой, ни посмертными чудесами, ни собственно «Житием Василия» Минейной редакции. При этом в Барс-1064 читаются лишь 6 рассказов о Василии, а седьмой – «о силе креста Господня», – тематически примыкающий к 6-му, в данном случае опущен;

3) добавим несколько слов к характеристике последней, седьмой по счету, повести в тексте варианта ОР. В некоторых списках она отсутствует; в тех же, где она присутствует, в прочтении необходимо обращать внимание на следующее обстоятельство. Достаточно большой отрывок текста «о силе креста Господня» – не что иное, как вставка, мастерски интерполированная в текст, при этом сросшаяся с ним графически и по существу. При внимательном прочтении заметен и шов, не совсем складно совмещающий разорванный текст: «хотяй сие оуведати дати... аз же, кто грешный оуведехь о сем святом Василии блаженном слышания оное, и написах в знак моего благодарения за избавление молитвами его святыми сына моего от болезни».

Поскольку композиция Особой редакции жития отличалась гибкостью и предрасположенностью к распространению того или иного рассказа, то это открывало поле деятельности для переписчиков памятника и создавало возможность индивидуальных обработок. Одну из таких представляет Баланинский вариант (назван так по фамилии переписчика), представленный одним списком (РГБ, собр. Прянишникова, № 91. Сборник повестей, житий и слов, XVII в. Житие Василия – л. 442– 460 об.). Большинство житий в этом рукописном сборнике переписаны Максимом Баланиным, о чем свидетельствует запись на л. 104 об.: «Сия статия писана Максимкой Баланиным в 1688 году»; л. 424 об.: «а писал сию повесть Максимка Баланин в 1680 году». Сверка почерка свидетельствует, что житие Василия написано этой же рукой.

Вариант текста характеризуется тем, что содержит 2 новых сюжетных повествования о Василии, построенных по принципу «рассказ в рассказе».

1. «Царица Мария и благоверный царевич Дмитрий Иванович... Даша образ святого Василия обложити сребром и златом украсити мастеру своему именем Иоанну».

2. Задуманный как продолжение первого отдельный рассказ о том, что «вселися ненавистник диявол во сердцы мастера того и разже его на сребро».

Дополнительно повестушки рассматриваются в общем комплексе посмертных чудес. Они читаются вслед за 15-ю традиционными чудесами и представляют собой заключительную часть списка. (Кроме этого, в состав жития входит Похвальное слово святому.) Заглавие жития в Баланинском варианте изменено и звучит как «Житие и подвизи и в чюдесех похвала...» — для сравнения, в Особой: «Житие и жизнь и вкратце сказание о чудесах».

Наличие этого вида текста свидетельствует о непременном существовании новых сюжетных рассказов о Василии юродивом, не вошедших в текст Особой редакции и живущих в большей степени по законам фольклорного произведения. Такого рода тексты обычно известны в единственных списках и не получили широкого распространения в письменной традиции. Динамика сюжета, легкость запоминания диктовали их существование в устной форме. Очевидно, что наряду с литературной трактовкой сюжета ОР существуют его многочисленные обработки. При этом необходимо учитывать вероятное воздействие устных трактовок сюжета и возможность фольклорного посредства в отдельных случаях. Примером последнего является вариант ОР «с калачами».

«Вариант с калачами» представлен одним списком (РГБ, собр. Никифорова, № 33. Минея Четья на первую половину августа, XVII в. Житие Василия – л. 10–50. Начало текста утеряно). Восходит к 3-му варианту МР. Характеризуется особым заголовком: «Августа во второй день житие и слово похвальное святого и праведнаго блаженнаго Василия и о явлении его и отчасти чюдес его», наличием Похвального слова, а также необычным выбором посмертных чудес (12-е, 13-е, 21-е), о чем предварительно сообщено в заглавии: «...отчасти чудес его».

Рассказывается о том, как однажды Василий «срете человека, носяща и продающа ис крошни пироги. Блаженный же сторгнув с ремен его крошню с пирогами на землю. Сам же побеже». Действие развивается стремительно, рассказчик весьма эмоционально передает некоторые сцены: «видев же то человек, тако ему блаженный сотвори, и мня себе велию тщету подъяти, начат за ним гнати, и камение на нь вергати, и досадные словеса испущая. Блаженный

же от него убеже. Егда же возвратився тои человек и начат со земли собирати пироги в крошню, и обрете в том же месте плат вели со сребряницами, и положи его с пирогами в крошню. И начат человек тои велми скорбети, еще сотвори поругание блаженному Василию. И по сем восхвалил Господа и блаженного Василия, еле же ему сотвори милость. Понеже бо он в велицеи скудности живяше до того времени, и милостию блаженного Василия живяше во изобилии со женою своею и с чады, поведающе всем блаженнаго Василия истинное чудотворение». Заключительная часть текста в этом списке представляет собой краткий пересказ эпизода «о калачах», известного лишь по устным преданиям и легендам о Василии юродивом. Дополнительный текст записан, скорее всего, переписчиком сборника, пытавшимся «по памяти» обогатить повествование о Василии. Это подтверждается сказовым началом («и се ж довоспомянуто будет, еже сотвори блаженный Василие, еще жив бе...»), а также характерным разговорным языком, с присущими ему пояснениями, вводными предложениями («...едино убо от дне, яко ж обычеи предвидному уродствовати, иде с Лубянки за Домовную улицу»).

Нет сомнения, что устное предание о Василии юродивом московском, активно бытовавшее в народной среде, живущее «на слуху» у переписчика рукописного сборника Никиф-33, было внесено им в текст. Текстологический анализ показывает, что ни в одной из редакций жития аналогичных чтений нет. Источником, несомненно, могло быть только народное предание, бытовавшее в конце XIX века. В противном случае достаточно сложно объяснить присутствие этого занимательного факта в столь авторитетном первом издании Словаря Брокгауза и Ефрона. Налицо факт, напрочь забытый или специально отверженный «официальной» канонической линией жития.

Подведем некоторые итоги.

1. Особая редакция – своеобразный народный вариант жития Василия. Традиционно-житийные и легендарные рассказы о юродивом были собраны воедино в этой редакции жития; каждый из них представляет собой законченное, вполне самостоятельное произведение. Это дает основание считать, что многие сведения бытовали в устной традиции, а если иногда и были зафиксированы письменно, то не как составная часть жития, а как вполне самостоятельные тексты. В пользу этого говорит то, что наряду с литературной трактовкой жития существуют многочисленные

фольклорные обработки, развитие которых подчиняется своим особым законам.

2. Особая редакция возникла в результате расширения, детализации и в конечном счете беллетризации сюжетной схемы Проложной. Об их генетическом родстве свидетельствует тот факт, что текст Проложной редакции (за исключением 3–4 строк) полностью вошел в состав Особой. Между тем следует помнить и о Первоначальной редакции, положившей начало простому и неприукрашенному повествованию о жизни Василия. Одно из чтений в Первоначальной (о том, что отец Василия был прилежен «сапожному делу») и подобное ему в Особой (Василия отдают в учение к сапожному мастеру) дают возможность предполагать, что Особая редакция имеет в своей основе не дошедший до нас источник, связанный с Первоначальной. Это, в свою очередь, подтверждает читающийся во вновь найденном списке ОР (АБ-46) эпизод «о бане», куда Василий пришел помыться и «возгоресе у святого похоть плотская». Сюжет ОР отличается особой гибкостью и предрасположен к распространению эпизодов. Известная светскость в сочетании с дидактичностью открывали поле деятельности для переписчиков памятника и возможность индивидуальных обработок. Такого рода переделки являются своеобразными «сигналами» о том, как воспринималось житие в тот или иной период (Баланинский вариант, вариант «с калачами»).

3. Таким образом, эволюция текста жития Василия Блаженного шла по двум самостоятельным линиям: с одной стороны – восходящие к общему протографу, генетически связанные друг с другом Минейная, Распространенная, Проложная редакции; с другой – Первоначальная, Особая. Эти две ветви разделились на очень раннем этапе существования текста и если и пересекались в дальнейшем, то только в виде механических контаминаций в отдельных списках (РГБ, собр. Никифорова, № 33 – вариант «с калачами»). Это способствует в конечном счете тому, что распространение эпизодов, внесение все новых и новых подробностей приводит к свободному обращению с исходным текстом, а повествование частично раскрепощается. Эпизоды Особой редакции превращаются едва ли не в самостоятельные вставные новеллы. Именно так образовался Баланинский вариант, характеризующийся тем, что одно из чудес Особой редакции представлено как отдельное, вполне законченное произведение, построенное по принципу «рассказ в рассказе». Вариант «чуда о некоем христолюбивце, умыслившем написати святый образ Богоматери» (в ОР он под № 12) известен под заглави-

ем «чудо 16-е святого Василия о некоем человеце именем Иоанне сребренице, утаивши сребро от образа святого Василия».

4. Итогом развития текста становится Сводная редакция, автор которой счел возможным объединить тексты Минейной редакции (группа Г 3-го варианта МР) и занимательного Краткого вида ОР. Пограничное положение между ними занимает текст Проложной редакции. Насыщенный биографическим материалом, конкретными данными о юродивом, он явился конкретизирующим дополнением к Минейной, а также своеобразным вступлением к виду Особой. Сводная редакция, по существу, является именно сводом, объединившим Минейную редакцию произведения с многочисленными рассказами о Василии, бытовавшими в народном репертуаре. Яркая повествовательность повестушек, живость, динамизм нашли отражение в миниатюрах рукописей. Своеобразной повестью в картинках является лицевой сборник ГИМ, Барс-788в; особенно интересна рукопись ГИМ, № 29/28297, где на 174 листах помещено 38 миниатюр с подробными подписями, восходящими к тексту Сводной редакции, но не являющимися цитатами из него.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное собрание русских летописей. Т. XXI: 2-я пол. СПб., 1913. С. 599.

[2] Там же. С. 635–636.

[3] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Иловайский Д. И.* История России. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890. Т. 3.

[4] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Истории русской церкви. М., 1876; *Он же.* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 1; *Он же.* Русские святые, чтимые всею церковию или местно. СПб., 1869; *Димитрий, архиепископ.* Месяцеслов святых. СПб., 1874; *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. I. М., 1875. С. 181–191, 194; Т. II. М., 1888. С. 202–203; *Григорий, епископ Шлиссельбургский* (Лебедев, 1878–1937). Проповеди и слова, произнесенные в Петрограде в 1923–28 г. // Беседа: Религиозно-философский журнал. № 9. Л.; Париж, 1990. С. 220; *Леонид, архимандрит (Кавелин).* Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и место чтимых. СПб., 1891 (538. Василий, Христа ради юродивый). С. 136–137.

[5] *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882; *Он же.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 163; *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 2. С. 90–92; *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 40, 118, 424; *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа

ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, изд. под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8.

[6] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 319 (новое издание – М., 1988).

[7] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. Кн. II. СПб., 1842. Т. XIII. С. 386.

[8] *Снегирев И. М.* Святый Василий Блаженный // Душеполезное чтение: Ежемесячное издание общепонятных сочинений духовного содержания. Год 5-й. Ч. 2. М., 1864. С. 293–301; *Он же.* Московские нищие в XVII столетии. М., 1853. С. 5; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (По житиям святых). М., 1966. С. 60; *Он же.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 35, 99; *Он же.* Юродивые древней Руси // Вопр. истории, религии и атеизма. М., 1964. Вып. XII. С. 170–195.

[9] *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 101.

[10] *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, издаваемые под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8.

[11] *Соболевский А. И.* Рецензия на издание И. И. Кузнецова // ИОРЯС. СПб., 1913. Т. 18, кн. 3. С. 391–398.

[12] *Панченко А. М.* Житие Василия Блаженного // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. I. Л., 1988. С. 250–251.

[13] *Сабирова (Орлова) Л. М.* Житие Василия Блаженного – памятник древнерусской агиографии XVI века (Проблемы текстологии и литературной истории произведения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

[14] *Сабирова (Орлова) Л. М.* К вопросу о литературной истории Жития Василия Блаженного (Особая редакция) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. Ч. 2: Археография и книжность. Лингвистическое изучение европейского Севера. С. 57–59.

[15] *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, изд. под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8. С. 28–29.

[16] *Орлова Л. М.* К вопросу о литературной истории жития Василия Блаженного (Особая редакция) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. С. 57–59.

[17] *Снегирев И.* Святой Василий Блаженный // Душеполезное чтение. 1864. Ч. 2. С. 293–308.

[18] *Панченко А. М.* Житие Василия Блаженного. С. 250.

[19] Автор полемических сочинений, писец, переплетчик посл. четверти XIX – нач. XX века. Жил в селе Борок, бывал в Москве. Имел постоянный доступ к библиотеке В. М. Амосова; очень многие рукописи содержат его пометы и комментарии. Писал изящным полууставом, реже скорописью

(Ам.-Богд. № 109). Рукописная продукция его значительна (Ам.-Богд. № 107, 130, 131, 145, 148, 156; Сев. № 174, 287). По книжным вопросам общался с Е. И. Меньшиковым. Искренне благодарю В. П. Бударагина за ценные советы по этому вопросу.

[20] *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, изд. под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8. С. 89, 92, 299–301.

[21] *Соболевский А. И.* Рецензия на издание И. И. Кузнецова // ИОРЯС. СПб., 1913. Т. 18, кн. 3. С. 395.

[22] *Снегирев И. М.* Святый Василий Блаженный // Душеполезное чтение: Ежемесячное издание общепонятных сочинений духовного содержания. Год 5-й. Ч. 2. М., 1864. С. 293–308.

[23] РПБ, собр. Титова, № 4065, XVIII в.

[24] РПБ, собр. Титова, № 3301, XIX в.

[25] РПБ, собр. Александро-Невской Лавры, № 49, первая четв. XIX в.

[26] ГИМ, собр. Барсова, № 1064, первая четв. XIX в.

XVII–XVIII ВЕКА

Д. С. Менделеева

В ПОИСКАХ АВТОРА «ПОВЕСТИ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ»

Уникальный комплекс азовских повестей является предметом постоянного интереса исследователей уже около века – со времен опубликования их академиком А. С. Орловым в начале XX столетия. С тех пор внимание поэтической «Повести» неоднократно уделяли как историки [Смирнов 1946; Новосельский 1948 и др.], так и филологи [Сутт 1939; Робинсон 1946; 1948; 1949 и др.], многие работы которых уже и сами успели стать библиографической редкостью. И все же ряд новых наблюдений заставляет нас опять вернуться к изучению этого сочинения, заново поставить уже решенные, казалось бы, вопросы.

Обстоятельства возникновения интересующего нас сочинения исследователи обыкновенно рисуют следующим образом: оказавшись в Москве уже после событий азовской осады в составе казачьей станицы, прибывшей умолять московского государя принять Азов в российское подданство, есаул Федор Порошин (бывший «по совместительству» автором полученной здесь годом ранее довольно дерзкой отписки, в которой сообщалось, что, если Михаил Федорович не изволит принять город в свою вотчину, а его защитников наградить достойным жалованием, «брести» им «всем врозь» [Робинсон 1946: 66]) решается на смелый и весьма необычный для

своего времени шаг: он создает новое сочинение, литературные достоинства которого должны были не только привлечь внимание московской общественности к азовским событиям, но и, по возможности, повлиять на решение этого вопроса Земским собором и лично царем Михаилом Федоровичем. Именно с этого момента история создания азовской повести нуждается, на наш взгляд, в ряде серьезных уточнений.

«приехали к царю... донские казаки»

Итак, в конце октября 1641 года, примерно за два месяца до начала работы Земского собора, в Москву прибыла казачья «легкая станица» во главе с атаманом Наумом Васильевым. Документов, которые подробно описывали бы жизнь казаков в столице, до нас не дошло, что оставляет некоторую свободу для творческой фантазии исследователя. Так, А. Н. Робинсону представлялось, что донцов приняли в Москве крайне недоброжелательно. Уже имея определенную позицию по азовскому вопросу, правительство будто бы всячески пыталось ограничить контакты станицы с местным населением; казаки находились в местах своего постоя чуть ли не под домашним арестом и имели выход только в Посольский Приказ. Подтверждение этому исследователь видит еще и в том, что члены станицы не были допущены до участия в работе Земского собора [Робинсон 1948: 38–39]. Именно в этих условиях, в качестве хоть какого-то способа воздействия на общественное мнение есаулом прибывшего в Москву посольства – бывшим холопом князя Одоевского – Федором Ивановичем Порошиным – и была якобы написана поэтическая «Повесть», к тому же сыгравшая впоследствии весьма печальную роль в судьбе своего создателя (в середине февраля 1612 года он неожиданно был «снят с довольствия», осужден и отправлен в Сибирь).

Нам, однако же, представляется, что события развивались несколько иначе. Прежде всего, стоит заметить, что предположение исследователя о приставлении стражи к членам станицы было основано всего лишь на аналогии с описанным в книге В. Г. Дружинина подобным случаем, действительно имевшим место, но гораздо позднее – в 1675 году, и обусловленным своими конкретными историческими обстоятельствами [Дружинин 1889: 49]. В тот же раз, насколько позволяют судить материалы донских дел, сохранившиеся до наших дней в документах Посольского Приказа,

героев азовской осады встретили в Москве чрезвычайно радушно. Из этих бумаг следует, что казаки прибыли в столицу в конце октября 1641 года (привезенная ими с собой «роспись» была подана в Посольский Приказ 28 числа), а уже 1–2 ноября вышло распоряжение о выплате им небывало высокого «корма» и огромных наградных – деньгами и вещами. Причем в документе есть особое повеление чиновникам поторопиться с выдачей этих денег – «то государево жалование... казакам велеть изготовить дати тотчас» [РИБ 24: ст. 258]. Здесь же находим указание на возможно имевшую место царскую аудиенцию: «дати им то государево жалование при нем, государе, казаком» [Там же: ст. 258]. (В то время, как обычно, деньги выдавались «в Приказ», да и выплачивались, судя по всему, не сразу – ср. замечание на «памяти» в Приказ Большого Прихода об отпускных для нескольких станичников, отправленных обратно на Дон чуть позже – в начале 1642 года – с дворянином Афанасием Желябужским: «государево жалованье Донским казаком велети дати тотчас – отпуск им с Москвы вскоре» [Там же: ст. 272].)

Что же до участия донской станицы в заседаниях Земского собора, которого якобы всячески старались избегнуть московские власти, то едва ли посольство иностранной державы (каковой формально являлось Войско Донское) имело право участвовать в работе этого сугубо внутригосударственного органа. Имевшая же место и отмеченная А. Н. Робинсоном переработка документов (составление на основании войсковой отписки боярского доклада и т. д.) также представляется нам обычной практикой. (Необходимо заметить, что войсковые отписки нередко не только отличались весьма тенденциозным характером, но и содержали сведения совсем уж конфиденциального плана: напоминания московскому правительству о сроках присылки жалования, просьбы о предоставлении торговых льгот, недвусмысленные намеки на необходимость поощрить представителей Войска – и совершенно не предназначались к оглашению вовне.)

Более того, хотя документов, детально описывающих жизнь членов станицы в Москве, как мы уже говорили, до нас не дошло, сохранившиеся, далеко не полные, бумаги все же свидетельствуют: казаки жили в столице настолько вольно, что к ним даже прибивались разные люди, которые их в конце концов обокрали. В челобитной Наума Васильева, поданной в Посольский Приказ 28 марта 1642 года, читаем: «...марта в 25 день жил у меня вольной малой Антошка Кириллов сын, подговорил у меня того малова... Нижнево Печерсково монастыря слуга Гаврило Казанцов... а снес той малый

у меня...» [РИБ 24: ст. 407]. Далее следовал весьма солидный список различной атамановой «рухляди». Указанный «малый» был в тот же день разыскан и допрошен и, в числе прочего, показал, что жил у Наума Васильева «недель с восьм» [Там же: ст. 409], то есть, по-видимому, с конца января 1642 года. Вся эта история, хотя и относящаяся к несколько более позднему – уже после Земского собора – периоду московских злоключений донских казаков, как-то не вяжется с описанной А. Н. Робинсоном обстановкой строгой секретности, царившей вокруг казачьего посольства.

Из тех же донских дел можно почерпнуть весьма любопытные сведения и о судьбе казачьего есаула – вероятного, по мнению исследователей, автора поэтической «Повести». Его арест, случившийся 17 февраля 1642 года [РИБ 24: ст. 398], был, судя по всему, результатом какого-то весьма поспешного судебного разбирательства, так как еще 6 февраля Федор Порошин вместе со своим атаманом как ни в чём не бывало давал показания в Посольском Приказе о судьбе группы воронежских полковых казаков во главе с Тихоном Плотниковым, которые весной 1641 года доставляли защитникам Азова царское жалование и были оставлены в городе на время осады. (Казаки требовали заплатить им за труды и перенесенные тяготы.) Возможно, ключ к решению этой загадки дает нам документация следующей прибывшей в Москву из Азова казачьей станицы, во главе с атаманом Абакумом Сафоновым, фигурирующая в бумагах Приказа под 28 марта 1642 года. Конечно, нельзя не понимать, что ее составителями, получившими по прибытии в Москву несравнимо меньшее жалование, двигала, в том числе, элементарная жажда наживы. Действуя по следам какого-то уже состоявшегося дела, казаки довольно беззастенчиво выдвигали всевозможные обвинения против несчастного есаула, повредить которому уже не могли. И все же сведения, содержащиеся в этой челобитной, кажутся нам более чем любопытными. Здесь, в частности, говорится: «он, Наум... станичной атаман, а не войсковой, а то он, Наум, был войсковой атаман до Азовской осады на Дону, а в Азовскую осаду был он в рядовых. А войсковой у нас атаман один, и тот в Азове, а то государь, плутал без войскового ведома Федор Порошин, собою написал его, Наума, войсковым атаманом, а себя войсковым ясаулом... и дано им твое государское жалование» [РИБ 24: ст. 313]. И все же, при всем желании видеть в этих словах элементарный навет, обращают на себя внимание некоторые нестыковки. Наум Васильев действительно вплоть до зимы 1642 года (а также в итоговой выписи, которая составлялась позднее) неизменно числится в

документах Приказа именно *войсковым* атаманом. В то же время в отписке, привезенной донцами с собой в Москву, особо упоминается другой казачий лидер – атаман Осип Петров. (Содержание этой не дошедшей до нас «росписи» довольно легко реконструировать благодаря обычаю посольского делопроизводства в ответных документах воспроизводить значительную часть исходного. Различные фрагменты войсковой отписки от 28 октября 1641 года, таким образом, можно встретить в бумагах Приказа трижды: в выписке о посылке в Азов дворянина Афанасия Желябужского 8 марта 1642 года [РИБ 24: ст. 260–263] и в двух царских грамотах Войску Донскому – от 2 декабря 1641 года [Там же: ст. 364–369] и от 30 апреля 1642 года [Там же: ст. 338–342].)

Возникает вопрос, а не являемся ли мы свидетелями довольно-таки смелой попытки есаула, пользуясь чрезвычайной подвижностью выборных казачьих должностей, ввести в заблуждение московские власти, несколько «повысив» статус своего посольства не без тонкого расчета на радушный прием и богатые подарки? Можно предположить, что афера эта была раскрыта лишь в феврале 1642, когда в Москву стали прибывать разнообразные выходцы из Азова, способные прояснить подлинное положение дел. (Так, 22 января в Посольском Приказе «явился» некий казак Петр Федоров, следовавший через Москву на богомолье [РИБ 24: ст. 375–378], а 6 февраля здесь появилась уже упомянутая выше группа воронежских челобитчиков.) Закономерным следствием разбирательства по делу, таившему в себе опасность международного скандала, и мог стать арест второго человека в посольстве – есаула Федора Порошина[1].

Косвенным подтверждением именно такого развития событий может, на наш взгляд, служить и некоторая неопределенность с казачьим жалованием, лихорадившая московские Приказы еще очень долго – вплоть до начала 1644 года. Обычный порядок его выплаты состоял в том, что каждый раз после прибытия в Москву членов очередной станицы в Посольский Приказ посылался запрос о размере вознаграждения, полученного предшественниками. Когда, ссылаясь на пример Наума Васильева и сетуя о нанесенном им великом оскорблении, казаки Абакума Сафонова выпросили-таки себе значительную денежную прибавку, в распорядительных документах было особо оговорено, что дается она «иным не в образец» [РИБ 24: ст. 323]. Тем не менее, на тот же пример Наума Васильева позднее ссылался и Осип Петров, посетивший Москву в конце 1643 года уже в качестве станичного атамана. Конец этой истории положил лишь специальный запрос о том, сколько жалования получают казаки,

приезжающие в Москву с войсковыми отписками, который был отправлен в Посольский Приказ из Приказа Казанского дворца 11 февраля 1644 года [Там же: ст. 507–508].

«...а в росписи той сказано...»

Обращаясь непосредственно к содержанию азовской «Повести», отметим, прежде всего, что суждение, высказанное когда-то А. Н. Робинсоном, будто бы она является поэтическим близнецом войсковой отписки от 28 октября 1641 года [Робинсон 1948: 40], представляется нам несколько предвзятым. Существенные расхождения между этими двумя сочинениями отмечал еще Н. Я. Сутт, выделяя в качестве главных из них различие дат начала штурма (7 июня – в отписке и 24 июня – в «Повести», последняя дата – как время начала мощных артиллерийских обстрелов Азова – подтверждается другими документами донских дел [РИБ 24: ст. 213, 216]); обращение к атаману Осипу Петрову (как известно, не упомянутому ни в одном из найденных списков «Повести») и фигурировавшее в грамоте подробное описание турецкого флота и артиллерии [Сутт 1939: 11]. От себя добавим, что войсковая отписка, в отличие от поэтической повести, содержала, по-видимому, некоторые предложения Войска о восстановлении азовских укреплений (на этот фрагмент позже ссылался Афанасий Желябужский [РИБ 24: ст. 263–264]); впервые за всю четырехлетнюю азовскую эпопею в «росписи» присутствовала просьба Войска не просто «принять Азов в царскую вотчину», но направить на помощь казакам «государева воеводу с ратными людьми» [Там же: ст. 261], в то время как ранее обладатели крепости всячески противились присылке туда русских регулярных частей и ходатайствовали лишь о свободном пропуске к ним «торговых людей со всякими запасами и товарами» [Новосельский 1948: 258–259]. В отписке не упомянуты какие-либо переговоры, которые защитники крепости могли вести с турецкой стороной (отразившиеся в «Повести» в виде многословных «речей»), а сказано лишь, что «злочестивые» «перекидывали на стрелах многие свои грамоты», содержавшие, в том числе, и обильные денежные посулы [РИБ 24: ст. 368]. Вообще же все описание азовских событий в войсковой отписке выглядит по сравнению с «Повестью» более беглым, «документальным», оно гораздо беднее на эмоции. Таким образом, несмотря на ряд значительных перекличек, существовавших между «Повестью об азовском

осадном сидении донских казаков» и войсковой казачьей документацией начала 40-х годов XVII века, интересующая нас «Повесть» является вполне самостоятельным литературно-публицистическим сочинением, отличающимся своими особыми, только ему присущими чертами авторского стиля, а его составитель преследовал, по-видимому, свои особые задачи и цели.

Обратимся теперь непосредственно к проблеме, обозначенной в заглавии наших штудий. Существование значительного количества расхождений между «Повестью об Азове» и войсковой отпиской от 28 октября становится понятным, если учесть, что есаул прибывшей в Москву осенью 1641 года казачьей станицы не мог принимать в составлении последней сколько-нибудь значительного участия. И действительно, обычной практикой в отношениях Войска Донского с Посольским Приказом был, по-видимому, следующий порядок: войсковые отписки, предназначенные для отправки в Приказ, неизменно составлялись на Дону при участии атамана и всего казачьего круга; решающую же роль в оформлении этих важных политических документов играли войсковые есаулы – люди, владевшие не только грамотой, но и стилем, сумевшие освоить хотя бы некоторые тонкости посольского делопроизводства. Затем отписки вверялись на попечение посылаемых в Москву казачьих станиц, которые, по мере отпуска их участников обратно на Дон, обязаны были тем же порядком доставить туда ответные царские послания и распоряжения Войску. Никакие документы, могущие сравниться в своем значении и содержании с войсковыми отписками, участниками посольств на месте (в Москве) не составлялись, а все, что эти люди могли сообщить, так сказать, от себя, – сведения о происшествиях, имевших место в дороге, непременно – о ценах на съестные припасы в Азове и прилегающих к нему областях, а также необходимые разъяснения к содержанию официальных бумаг, – заносилось дьяками Посольского Приказа в особые «росспросные речи». Таким образом, отписка, поданная московским делопроизводителям казаками станицы Наума Васильева 28 октября 1641 года, на самом деле была составлена в Азове примерно месяцем ранее (скорее всего, сразу же после снятия турецкой осады), составителем же ее, судя по всему, был помощник войскового атамана Осипа Петрова – войсковой есаул, имени которого история для нас не сохранила.

Что же до «Поэтической повести об Азове», появившейся в Москве зимой 1641–1642 годов, то, судя по стилю и упомянутым здесь многочисленным мелким подробностям осады, по крайней

мере, одним из ее авторов был непосредственный участник азовских событий. Им вполне мог стать Федор Порошин – по наблюдениям А. Н. Робинсона, едва ли не единственный грамотный человек во всем прибывшем в Москву посольстве [Робинсон 1946: 68], для которого составление «Повести» в форме казачьей «росписи» могло, кроме всего прочего, служить своеобразной моральной компенсацией, удовлетворением страдающего честолюбия. В пользу участия станичного есаула в работе над «Повестью» говорят и многочисленные переклички ее с войсковыми отписками 1640–1641 годов – времени, когда предводителем Войска Донского был Наум Васильев, – наличие которых отмечал еще Н. Я. Сутт [Сутт 1939: 20]. В то же время необходимо отметить, что многие образы, использованные автором азовской «Повести», к тому времени весьма прочно вошли в сознание казаков и в документы Посольского Приказа: так, азовские церкви – «дом Иванна Предтечи и великого чудотворца Николы» – упоминаются в «росспросных речах» воронежских станичников от 26 июня 1640 года [РИБ 24: 46], за «московских чудотворцев» призывали постоять казаки нижних городков в «памяти», доставленной воронежскому воеводе Андрею Солнцеву 11 августа 1641 года [Там же: ст. 250], а об оглушительной стрельбе, гремевшей над Азовом все осадное лето, рассказывали в Москве не только многочисленные очевидцы азовской осады, но и жители Черкасского городка, отстоявшего от Азова на 30 верст [Там же: ст. 233–234].

Наряду с этим, в «Повести» фигурирует ряд сведений, которые едва ли могли быть известны простому станичному есаулу, тем более до его появления в Москве. В первую очередь это касается помещенной в самом финале «Повести» приписки о количестве запасов, необходимых для дальнейшего удержания Азова. Вопреки мнению А. Н. Робинсона, считавшего, что речь здесь идет о восстановлении города, подлинное состояние которого могло стать известно боярам «только от Наума Васильева “с товарищи”» [Робинсон 1948: 39) (отправленная для соответствующих наблюдений команда Афанасия Желябужского вернулась в Москву лишь в марте 1642 года), в указанную сумму должно было обойтись всего лишь годовое содержание регулярного азовского гарнизона, об отправлении которого шла речь на Земском соборе [Новосельский 1948: 310]. Несомненно, что соответствующие сведения могли попасть в «Повесть» как минимум не ранее начала подготовки Собора, и то стали бы известны автору лишь от весьма узкого круга компетентных лиц.

Еще интереснее, чем с возможно более поздней по происхождению припиской, обстоит дело с тем фрагментом «Повести», где автор приводит будто бы обращенные к туркам речи азовских защитников о том, что казаков весьма не жалуют в Московском государстве. На первый взгляд, наблюдение А. Н. Робинсона, сближавшего этот фрагмент азовской повести с грамотой, отправленной из Москвы турецкому султану в сентябре 1637 года [Робинсон 1948: 44], кажется вполне оправданным. Документы подобного содержания отправлялись из Москвы в Стамбул и позднее – в 1641 и следующих годах [Новосельский 1948: 241]. Однако объявить этот фрагмент «Повести» простым заимствованием мешает одно весьма существенное обстоятельство – тайна дипломатической переписки, которая, по наблюдениям специалистов, неукоснительно соблюдалась и в XVII веке [Рогожин 1994: 79]. Правда, в истории московско-донских отношений середины XVII века бывали случаи, когда казакам удавалось весьма подробно ознакомиться с бумагами различных официальных лиц. Так, например, осталась неясной судьба архива справедливо заподозренного казаками в шпионаже и убитого ими в 1637 году при проезде через донские земли турецкого посла Фомы Кантакузина. (Прямым последствием этого убийства, помимо разгоревшегося политического скандала, была царская грамота Войску от 31 декабря 1637 года, предписывавшая «которые грамоты к нам, великому государю, посыланы были от турскаго Мурат салтана... и наказ Томин, и всякое письмо, хотя будет и роспечатано, велено вам прислать к нам же, к Москве» [РИБ 18: ст. 593].) Несколько позже подобным же образом пропали и бумаги турецкого посольства, добравшегося в Москву в начале 1642 года. Однако, согласимся, сложно было бы предположить, что казаки занимались регулярной перлюстрацией всей проходящей через подконтрольные им территории дипломатической переписки. Не исключено, конечно, что некоторые подробности содержания царских грамот могли стать известны участнику азовской осады от штурмовавших город турок. Однако гораздо более вероятным представляется другое предположение: у составителя «Повести» был соавтор (или, по крайней мере, информатор) в стенах Посольского Приказа.

На мысль о значительной писательской и редакторской работе, проделанной, возможно, целым коллективом авторов, наводят нас, в том числе, некоторые черты самой «Повести», которая, при ближайшем рассмотрении, все менее и менее напоминает простые записки очевидца событий. И действительно, Федор Порошин про-

являет себя здесь как человек нерядовой начитанности, которому, без сомнения, были хорошо знакомы многочисленные древнерусские воинские повести [2], казачий воинский фольклор (на него он временами ориентирует лексику и ритмику своего сочинения). Однако в то же время, создавая свою повесть, секретарь казачьей станицы почти чудесным образом принимал во внимание и тот интерес, которым пользовались сочинения подобного рода у московской читающей публики [3]. Своеобразным литературным прообразом цитируемых в «Повести» взаимных посланий защитников и завоевателей Азова (которых, напомним, не было в войсковой отписке) могла послужить легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном, вышедшая в 1630-х годах именно из стен Посольского Приказа. Однако наиболее интересным литературным приемом из тех, что использовал составитель «Повести», тем штрихом, который придает ей особую идейную цельность, является включение в ее литературный контекст библейской Книги Откровение.

При этом прямых цитат из Апокалипсиса в «Повести» почти нет; наиболее близким библейскому тексту следует, пожалуй, считать выражение, с помощью которого автор описывает состояние природы, сопутствующее началу турецкого штурма: «*солнце померкло* во дни том светлое, *в кровь обратилось*» (соответствующий фрагмент Острожской Библии читается как «*солнце мрачно бысть*, яко вретище власяно, и луна бысть *яко кровь*» ([Библия. Л. 65 об. (шестой счет)]; Апок. 6:12). Хотя мы и можем предположить, что в осажденном Азове, обитатели которого не единожды готовились встретить свой смертный час, не было книги более читаемой и слушаемой, нежели библейское повествование о конце времен, составитель «Повести», по всей видимости, не был знаком с текстом Нового Завета настолько, чтобы приводить из него дословные цитаты (как это сделал бы автор духовного звания). Автор сочинения об Азове действует иначе, мастерски вплетая в свое повествование наиболее запомнившиеся ему библейские *образы*. Благодаря этим аллюзиям отображенная в «Повести» картина обороны города приобретает новые эсхатологические оттенки.

Так, например, из всей какофонии шумов, производимых турецким войском под стенами Царьграда, писатель выделяет «трублю великих труб», а начавшаяся стрельба ассоциируется у него с представлением о «страшной грозе небесной» и «громом от владыки с небесе» [1]. Это явно мистическое описание происходящего, впечатление от которого еще более усиливается упоминанием различных непонятных и таинственных звуков – «великих несказанных пи-

сков» и «страшных бусурманских голосов», как-то не стыкуется с цитирумым далее бравым ответом защитников Азова «толмачем и голове яныческому: «Видим всех вас... силы и пыхи царя турского все знаем мы. И ведаемся мы с вами, турскими, почасту...» Зато на память сразу приходят многочисленные отрывки библейского повествования, вроде следующих: «И слышах за собою глас велий, яко трубу» ([Библия. Л. 64 (шестой счет)]; Апок. 1:10), «И от престола исхождаху молния и громи и гласы» ([Библия. Л. 65 (шестой счет)]; Апок. 4:5) и т. д.

Используя подобные отсылки к библейскому тексту, автор азовской «Повести» получает возможность давать свою завуалированную оценку происходящим событиям и их участникам. Так, приводимое им описание турецкого войска: «и все у них огненно... по збруям их одинакая красная яко зоря кажется» – могло опираться, помимо непосредственных впечатлений участника событий, на заимствованный из Апокалипсиса образ свирепой конницы, «имуща броня огненны, акинфны и жупелны» ([Библия. Л. 66 об. (шестой счет)]; Апок. 9:17). А главное, на фоне глобальных событий Книги Откровение совершенно органичной выглядит та полемика, которую защитники Азова ведут с правителем Турции.

Удивительное дело, но основной смысл взаимных речей, которые якобы произносят – от имени турецкого султана – глава янычар, а затем и представители азовского гарнизона, состоит отнюдь не в обсуждении каких-то насущных проблем, вроде условий сдачи города (хотя говорят и об этом). Вовсе нет, эти тщательно составленные автором «речи», несомненно, являются смысловым ядром всего произведения и были призваны максимально воздействовать на московскую публику. Автор здесь еще и еще раз напоминает читателям соотношение противоборствующих армий (7590 казаков «сидящих во Азове» против трехсот тысяч «писмянных сил» «турского царя»), а также дает довольно ясное представление и о беспринципной политике султана, готового если не силой и денежными посулами, так грубой и коварной лестью переманить на свою сторону храбрых воинов, и о неприглядном поведении России в отношениях с казачеством, и о самом казачестве с его рыцарством и бесконечной преданностью устоям православия. Однако самым главным моментом в содержании этих речей, на широкое, хотя и негласное обсуждение которого при московском дворе, судя по всему, весьма рассчитывал автор «Повести», была проведенная здесь тонкая сатира на великого государя. Разумеется, автор, тем более желавший снискать своим сочинением милость и содействие

властей, не мог позволить себе никаких прямых резких высказываний по высочайшему адресу. Напротив, содержащаяся в «Повести» характеристика «великого, пресветлого и праведного царя, великого князя Михайло Федоровича» даже дала повод А. Н. Робинсону говорить о «наивном монархизме» Федора Порошина [Робинсон 1948: 45]. Весьма двусмысленно выглядит здесь характеристика... турецкого султана. Повелитель исламской империи общо охарактеризован в азовской «Повести» как «великой государь восточной», далее он же оказывается «верным стражем гроба божия», единственным избранником на свете «ото всех царей» – столь необычные характеристики из уст христианского автора, казалось бы, совсем не подходят для обозначения правителя-мусульманина. Правда, по наблюдениям М. Д. Каган, сходные наименования османского владыки фигурировали во многих легендарных переписках XVI–XVII столетий, где они традиционно становились предметом сатирических перевертышей [Каган 1958: 314]. Однако же действие поэтической «Повести» разворачивается несколько иначе: здесь мы практически не найдем тех уничижительных прозвищ, пространные ряды которых и создавали значительную долю комического эффекта легендарных переписок. Более того, автор, как кажется, склонен развивать заявленную им в титулатуре султана христианскую тему вполне серьезно. Так, обида, будто бы причиненная турецкому правителю «взятием» Азова, якобы даже позволяет «яныческому главе» говорить о том, что защитники города «положили на себя лютое имя звериное» (в чем вполне правомерно, как нам кажется, увидеть еще один перифраз Книги Откровение, Апок. 13:16). Более того, этот новоявленный хранитель главных христианских святынь тут же обещает защитникам Азова, в случае перехода к нему на службу, «печати богатырские с золотом, с царевым клеймом своим». Помимо реально существовавшей в XVII веке традиции ношения наградных монет – прообразов современных медалей [5], – в этом необычном посуле можно усмотреть очередной намек на текст Апокалипсиса, а именно те его стихи, где говорится об особом «запечатлении праведников» «печатью Бога живаго» (Апок. 7:2–8) [6]. Особая же пикантость ситуации состоит в том, что подобное описание турецкого султана так и остается в рамках образной системы «Повести» без надлежащей антитезы. Конечно, в своем ответе казаки мимоходом упоминают и вселенскую гордость турецкого правителя, и его совсем не рыцарское желание спрятаться от честного прямого боя за огромной наемной армией; весьма искусно, сохраняя выдержку и политический нейтралитет, они

якобы по-своему объясняют нежелание московского государя вступить в открытое противоборство с Турцией, и даже обещают «худому свиному наемнику» после удачного азовского «опыта» взять у него еще Иерусалим и Царьград. Однако же русский государь, хоть и упорно не желающий собрать на сражение против «турского царя» «болши легеона тысящи» своих «государевых русских людей» (возможно, еще одна библейская аллюзия – на сей раз на Евангелие от Матфея: Иисуса Христа и «двенадцать легионов ангелов» (Мф. 26:53)), но все же и так «полон и богат от бога... данными своими и царскими оброками», выглядит в этих высокоидейных рассуждениях ничуть не лучше турецкого правителя с его «смрадным бусурманским и собачьим богатством»[7].

Таким образом, на наш взгляд, оказывается несостоятельным еще одно звено в цепи рассуждений изучавших «Повесть» специалистов: создавая свою версию повествования о штурме и обороне Азова, ее автор (или авторы) вовсе не собирались доказывать комулибо (а тем более широким кругам московской общественности) саму необходимость обороны Азова. За активные действия России в Причерноморье высказывался, как известно, еще предшествующий Земский собор – 1639 года (подробнее об этом см. [Шумилов 1975]). Тогда как, собственно, и на Соборе 1642 года камнем преткновения оказался вопрос поиска средств, необходимых для проведения столь широкомасштабной военной кампании [Новосельский 1948: 310]. Тем самым основное назначение азовской «Повести» видится нам в другом – ее личном обращении к государю: неизвестный составитель как бы провоцировал Михаила Федоровича немедленно вмешаться в этот военный конфликт и своими решительными действиями не только оправдать ожидания наиболее лояльных престолу читателей, но и развеять возникшие было сомнения наиболее строптивых.

Итак, итогом наших наблюдений над «Повестью об азовском осадном сидении донских казаков» можно считать следующее:

1) Поэтическая «повесть об Азове» является самостоятельным и самобытным литературно-публицистическим произведением, совершенно отличным от казачьей войсковой отписки 28 октября 1641 года, эти два сочинения созданы разными авторами.

2) Принимая во внимание многочисленные образные переклички «Повести» с войсковыми отписками 1640–1641 годов, можно предполагать, что Федор Иванов Порошин действительно принимал участие в составлении азовской «Повести», однако, по всей

видимости, он не был единственным ее автором; скорее всего, свидетельства этого очевидца событий на Дону лишь послужили материалом для писательских опытов кого-то из служащих Посольского Приказа. (Яркий антиправительственный характер повести (мысли о котором прослеживаются в работах А. Н. Робинсона) в данном случае не может служить помехой, так как на самом деле разброс мнений различных группировок середины XVII века по азовскому вопросу был значительно более широким. Активную антиосманскую позицию в этом русско-турецком конфликте, наряду с казачьим посольством, занимали, например, находившиеся при московском престоле представители православного греческого духовенства [История 1999: 241].) Что же касается самого Федора Порошина, то его происхождение, а также причины и подлинные обстоятельства исчезновения казачьего есаула из Москвы должны стать предметом дальнейшего изучения. Возможно, какое-то влияние на направление этих поисков окажет имя некоего «жильца» Ивашки Порошина, упоминавшегося среди вернувшихся с Дона гонцов Посольского Приказа в документах Донских дел 1629–1630 годов [РИБ 18: ст. 287–290, 317].

3) Основным назначением «Повести об азовском сидении» была попытка автора (или авторов) обратиться лично к царю Михаилу Федоровичу со своеобразным призывом вмешаться в решение азовского вопроса. В связи с этим возможно допустить перенесение предполагаемого времени ее создания с конца декабря 1641 – начала января 1642 года [Робинсон 1948: 37] на более поздние сроки, например февраль–апрель того же года, когда, после закрытия Земского собора, московский государь, как представлялось автору, еще мог принять единоличное волевое решение о необходимости обороны Азова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Попутно заметим, что сам по себе дерзкий тон отписки от 29 сентября 1640 года, вопреки утверждению А. Н. Робинсона, вряд ли мог стать непосредственной причиной ареста Федора Порошина, последовавшего более года спустя. Разбирательство, учиненное прибывшей в Москву осенью 1640 года казачьей станице, было, в том числе, частью важной политической игры по поддержанию паритета, которую вело московское правительство, не желавшее терять такого отважного оборонителя собственных границ, как донское казачество, и при этом чрезвычайно опасавшееся прямого конфликта с Турцией. Что же до утверждения о том, что казаки живут «не с вотчин, ни с поместий, с воды, да с травы», вызвавшего, по мнению исследова-

теля, особое неудовольствие властей, то оно было повторено есаулом при составлении следующей войсковой отписки – от 2 мая 1641 года [РИБ 24: ст. 155] – на сей раз вроде бы без особых последствий для гонцов. Вообще же, из всех упоминаний Федора Иванова Порошина в документах Донских дел ясно только одно – не в меру дерзкого и честолюбивого есаула в Войске не особо жаловали, а потому с относительной легкостью ссылались на него при разборе всех шероховатостей в дипломатической переписке.

[2] В «Повести об азовском осадном сидении» наблюдается, в частности, ряд отчетливых перекличек со «Сказанием о Мамаевом побоище». Подробнее об этом см.: [Робинсон 1949: 219–220].

[3] Характерно, что *именно к XVII веку относятся первые дошедшие до нас* переработки былин, такие как «Сказание о киевских богатырях», «Повесть о Сухане», тематика и стилистика которых довольно отчетливо перекликаются с донской повестью.

[4] Интересно, что аналогичная картина турецкой шумовой атаки даже в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (произведение которого, в свою очередь, не лишено отчетливых эсхатологических черт) отличается как ощутимо большей реалистичностью, так и гораздо более обширной звуковой палитрой: «В 14 день турки, откликнувшие свою скверную молитву, нача в сурны играти, и в варганы и накры бити; и прикати пушки и пищали многие начаша бити град, тако и стреляти из ручных луков тмочисленных» [ПЛДР 5: 224–226].

[5] Благодарю за консультацию К. А. Аверьянова.

[6] Такое истолкование кажется тем более вероятным в свете фрагмента, упомянутого выше. В то же время в самом приглашении казакам перейти на сторону противника нет ничего невероятного, учитывая, что формирование янычарских частей из христиан, обращенных в ислам, было обычной практикой вплоть до конца XVII века (см.: [Брокгауз 82: 695–696]).

[7] Интересно, что тема богатства московского государя как один из аргументов в пользу его невероятного могущества, а следовательно, значительного авторитета Русского государства на международной арене также прослеживается в документах Посольского Приказа. В Посольских книгах, например, зафиксирован такой случай: однажды бояре вернули показавшиеся *им недостаточно солидными* «поминки» «новоприбылого» кахетинского царевича Александра со словами: «У государя нашего столько его царские казны, что Иверскую землю велит серебром посыпать, а золотом покрыть, да и то недорого» [Рогожин 1994: 37].

ЛИТЕРАТУРА

Библия – Библия. Острог, 1581.

Брокгауз 82 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Эвфрона. СПб., 1904. Т. 41а (82).

Дружинин 1889 – *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону. СПб., 1889.

История 1999 – История внешней политики России. Конец XV – XVII век. М., 1999.

Каган 1958 – *Каган М. Д.* Русская версия 70-х годов XVII века переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 309–315.

Новосельский 1948 – *Новосельский А. А.* Борьба московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948.

ПЛДР 5 – Памятники литературы Древней Руси. Вып. 5: Вторая половина XV века. М., 1982.

РИБ 18 – Русская историческая библиотека. Т. 18. СПб., 1898 (Донские дела. Т. 1).

РИБ 24 – Русская историческая библиотека. Т. 24. СПб., 1906 (Донские дела. Т. 2).

Робинсон 1946 – *Робинсон А. Н.* Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 118. С. 43–71.

Робинсон 1948 – *Робинсон А. Н.* Поэтическая повесть об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 24–59.

Робинсон 1949 – *Робинсон А. Н.* Повесть об Азовском взятии и осадном сидении // М., 1949. С. 166–243.

Рогожин 1994 – *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994.

Сутт 1939 – *Сутт Н. Я.* Повести об Азове // Учен. зап. кафедры русской литры МГПИ. М., 1939. Вып. 2. С. 3–68.

Шумилов 1975 – *Шумилов В. Н.* Дело Земского собора 1639 года // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 293–302.

О. Б. Хабарова

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ «ЖИТИЯ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ»

Оригинальный памятник древнерусской литературы XVII века – «Житие Юлиании Лазаревской» («Повесть об Улиянии Осорьиной») традиционно рассматривается как пример разрушения агиографического канона, как открытие «частного человека» в литературе переходного периода[1].

Автор его – Дружина Осорьин (в крещении Каллистрат), муромский боярин, сын благочестивой богатой помещицы Улиянии Устиновны Осорьиной, умершей в 1604 г., называет свое произведение повестью: «Сказую же вамъ повьсть дивну, бывшую в роде нашем»[2].

Действительно, житие написано не профессиональным агиографом, а человеком мирским, к тому же сыном подвижницы, которая служила Богу и людям не в монастыре, а в миру. Этим и обусловлено жанровое своеобразие памятника, имеющего черты семейной хроники и первой биографии женщины-мирянки.

Один из исследователей «Жития Юлиании Лазаревской», М. О. Скрипиль, вслед за автором называет его «повестью», отмечая, что портрет Улиянии Осорьиной имеет черты, чуждые агиографическим нормам, но характерен для нее как для героини светской повести. Свой тезис ученый подкрепляет следующим примером из текста: Улияния под влиянием суеверия окружающей среды боится одиночества и темноты: став на молитву ночью, без мужа, она, испугавшись бесов, бросается в постель и, укрывшись одеялом, крепко засыпает[3].

Однако трактовка разобранного эпизода не может не вызвать возражений. Его, конечно, нельзя объяснить «суеверием окружающей среды», как пишет М. О. Скрипиль.

Этот эпизод имеет традиционные параллели из популярного на Руси литературного сборника – Пролога, который, без сомнения, был известен Каллистрату Осорьину.

41 – 9799

Так, в Прологе XVI века под 2 октября помещено Слово о Святом Андрее «како ему сотворися Христа ради похабъство» [1] (т. е. юродство), где рассказывается, как в одну из ночей святой «стал на молитву». «Неприязненный димонъ», завидуя «доброму начатию его», сильно бьет в двери «храмины».

Святой «ужасается» от страха и «охапися молитвы, скоро на одре возлегъ, покрывся козичиною своею. Се же видьвъ, сотона радъ бысть» [подчеркнуто мною. – *О. Х.*]. Далее повествуется о том, что «от страха того» блаженный уснул «твердо». Во сне он видит множество демонов, похожих на черных «ефиопов». Примечательно, что Слово Пролога говорит о святом Андрее как о молодом, неискушенном – был он «младъ вельми».

Обратим внимание на то, что подобный мотив присутствует и в «Житии Юлиании Лазаревской». Заметим, что сюжет об Андрее юродивом известен древнерусским книжникам с XII века, житие этого святого, переведенное в XI – начале XII в., было любимым чтением и попало в Пролог уже к середине XII века. Проанализированный мною эпизод о «страхе» святого является общим и для текста «Жития Андрея Юродивого», и «Проложного Слова о святом Андрее». Прологом, вероятно, пользовался автор «Жития Юлиании Лазаревской» Каллистрат Осорьин.

В Пространной редакции этого памятника, помещенной в «Сборнике житий муромских святых и служб им» конца XVII – начала XVIII века [5], данный эпизод передается следующим образом: в одну из ночей подвижница начала молиться, но «ненавидяй же добра диавол с бесы своими» покушается на нее. Житие мотивирует поведение Юлиании, «убоявшейся вельми», тем, что она была «млада сущи и не искусна еще таковой вещи» [подчеркнуто мною. – *О. Х.*], поэтому она «возляже на постели своей и одьяниемъ покрывшись» [подчеркнуто мною. – *О. Х.*]. Крепко уснув, святая видит во сне множество бесов, пришедших «со всяцемъ оружиемъ», чтобы ее убить.

Надо отметить, что в некоторых списках «Жития Юлиании Лазаревской» говорится, что она «возлегла на одр», упоминается и «храмина», то есть лексика сближает текст древнерусского памятника со словоупотреблением Пролога.

Мы видим в этой сцене влияние традиции, закрепленной в Прологе, который автор «Жития Юлиании Лазаревской», несомненно, знал и использовал при составлении своего труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 307–311. Подробная библиография в кандидатской диссертации Т. Р. Руди: «Повесть об Ульянии Осорьиной» (Литературная история произведения). Л., 1989. С. 169–185, и в монографии: «Житие Юлиании Лазаревской» (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исслед. и подгот. текстов Т. Р. Руди. СПб., 1996.

Исследовательница определяет памятник как житие, выделяя Краткую, Пространную и Сводную редакции. Пространная редакция атрибутируется Дружине Осорьину.

Принимаем классификацию Т. Р. Руди. Для анализа привлечен вариант Пространной редакции.

[2] «Житие Юлиании Лазаревской» цитируется по «Сборнику житий муромских святых и служб им» конца XVII – начала XVIII века. РГБ, НИО рукописей. Ф. 209, Овчинникова П. А., № 298. Л. 196–233, 196.

[3] *Скрипиль М. О.* Повесть об Улиянии Осорьиной (Исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т.VI. С. 264.

[4] Пролог XVI века (сентябрь–март). РГБ, НИО рукописей, Ф. 310 Ундольского, № 225. Л. 67–69.

[5] Сборник житий муромских святых и служб им. Л. 200.

Т. В. Марелло

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ «СКАЗАНИЯ О ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЕ»

Расцвет общегосударственной славы костромской Феодоровской иконы Богоматери пришелся на непростые времена XVII – начала XVIII века – период «послесмутного» времени, «никоновских реформ» и преобразований Петра I.

Само «Сказание о Феодоровской иконе» сохранилось до наших дней в большом количестве списков второй половины XVII – середины XVIII в., а также в печатных изданиях, преимущественно московской типографии. Текст популярного «Сказания» на протяжении почти столетия – вслед за расширением почитания чудотворной Феодоровской иконы – активно развивался. Особенно быстро текст изменялся в первой половине XVII века. Так, уже к середине XVII в. мы имеем три его редакции – с близкой хронологией самых ранних источников, сохранившихся до нашего времени. Это: «Повесть о иконе Феодоровской» в Минеях Четьих Иоанна Милютина (1646–1654 гг.)[1], «Повесть о иконе Богродицы Феодоровская» в печатном Прологе (М., 1662)[2] и «Слово о чудеси и о явлении чудотворного образа, нарицаемого Феодоровская» (отдельный список, 1670 г.)[3].

Содержание «Сказания о Феодоровской иконе» в общих чертах таково.

Во времена после батыева нашествия костромской князь Василий, отправившись на летнюю загородную охоту, в лесу на сосновом дереве обретает чудотворную икону Феодоровской Богоматери. Затем князь переносит икону в Кострому, в деревянную соборную церковь Феодора Стратилата, где ее узнают городецкие купцы. Они свидетельствуют, что икона была раньше в Городце, но после татарского разорения исчезла. Икона являет чудеса исцеления прихожанам костромского Феодоровского собора. На месте обретения чудотворной иконы князь Василий основывает Спасский монастырь. Скоро в костромском деревянном храме

случается пожар, но икона оказывается невредима. Сгоревший храм восстанавливается. Спустя какое-то время к Костроме подступают татарские войска, и князь Василий, выступив на защиту города, по примеру Андрея Боголюбского, решает нести перед своими полками чудотворный образ Богоматери, Феодоровскую икону. Татарские полки оказываются повержены благодаря божественным лучам, внезапно воссиявшим от иконы. Князь возвращается в город с победой. После очередного пожара в деревянном храме князь Василий строит в Костроме каменный Успенский собор и помещает в нем чудотворную икону Феодоровской Богоматери.

Эта сюжетная схема поддерживается всеми редакциями «Сказания», следовательно, она может лежать и в основе их протографа.

Несмотря на неоднократное обращение исследователей к литературной истории «Сказания», до настоящего момента ситуация с взаимоотношением ранних редакций осталась до конца не ясной[4]. Празднование Феодоровской иконе к середине XVII в. имело в церковном календаре две даты: 16 августа – старое празднование, по дате обретения иконы костромским князем Василием в 1239 г., и 14 марта – новый праздник, установленный по случаю согласия Михаила Федоровича Романова занять всероссийский престол, которое было дано им 14 марта 1613 г. в Костромском Ипатьевском монастыре.

Вопрос о первоначальной редакции «Сказания о Феодоровской иконе» впервые был поднят еще в середине XIX в. протоиереем Костромского Успенского кафедрального собора Павлом Островским (дядей великого драматурга А. Н. Островского). В своем знаменитом «Историческом описании» Успенского собора 1855 г. П. Островский сопоставил фрагмент текста из Четьих Миней Иоанна Милютина и «Сказание о чудотворной иконѣ Пречистыя Богородицы Феодоровския. Како отъ Городца града принесена бысть на Кострому, преславный великий градъ, при великомъ Князѣ Василии, рекомом Квашнѣ, Костромскомъ и Галичскомъ» из Синодика Костромского Спасо-Запруденского монастыря[5]. Синодик, к сожалению, остался нам не известен, но приведенные Павлом Островским фрагменты его текста явно указывают на вторичность его чтений. Ср.:

Минеи Четьи Иоанна Милютина	**Синодик Спасо-Запруденского монастыря**
...но еже слыша(х) о(т) много добревѣдущи(х) и иже у себе имуще писание до разорения литовски(х) и по(л)ски(х) люде(и) и а(з) с ними многа(ж)ды бесѣдова(х) и воспроша(х) и(х)...	...но еже слышахъ отъ многихъ добре вѣдущихъ юже у себе имущихъ писание достовѣрно до раззорения окаянныхъ литовскихъ людей, и азъ съ ними много убо бесѣдовахъ и вопросихъ ихъ...
...како обрете ю великии кн҃зь Василеи рекомы(и) Квашня	...како обрѣете ю великий Князь Василий рекомый Квашня, сынъ благовѣрнаго и В. Князя Георгия-Ярослава Владимирскаго, внукъ благовѣрнаго Князя Александра Невскаго...
...бг҃у попущающу грѣ(х) ради наши(х) овогда ведро(м) и бе(з)дождие(м) иногда градо(м) и огне(м) и гладо(м) и тяжкими недуги и боле(з)ньми и ско(р)бми нетокмо тѣлесными но и дш҃евными. иногда же нашествие(м) иноплемен(ных) (л. 765)	...Богу попустившу грѣхъ ради нашихъ, овогда бездождиемъ, иногда градом и огнемъ, и тяжкими недуги и болѣзньми, и великими скорьбми, не токмо тѣлесными, но и душевными, иногда же нашествиемъ иноплеменныхъ,
еже попусти бг҃ъ окаяннаго и свирепаго и прего(р)даго и бе(з)чл҃(в)чьнаго мучителя Батыя цр҃я на всю рускую землю. в лѣта ҂ѕѱмз. то(г)да убо плени градъ Городецъ и по(з)же его и люди в не(м) посѣче и ве(с) пустъ со(т)вори...	еже попусти Богъ окаяннаго и свирѣпаго и прегордаго и мерзкаго мучителя Батыя царя на всю российскую землю; въ лѣто ҂ѕѱмз градъ Владимиръ плѣни и въ немъ благовѣрнаго и великаго Князя Георгия уби, и тогда плѣниша градъ Городецъ и пожже его весь, и вся сущыя люди въ немъ посѣче, и весь пустъ его сотвори...

Нами подчеркнуты места, указывающие на зависимость литературного редактирования в тексте Синодика от «милютинского» текста 1646–1654 гг.

«Не подлежит сомнению, – заключает свой сопоставительный анализ Островский, – что рукописи явились не ранее первой трети XVII века, и писаны не с рукописей, какие были до “разорения литовских и польских людей”», а несколько позже, «с рассказов тех старожилов, у которых бывали древние рукописи до того смутного в нашем отечестве времени»[6]. Он же впервые отметил и оче-

видные ошибки-интерполяции в тексте Спасо-Запруденского синодика: именование костромского князя Василия, во-первых, галичским, а во вторых – Георгиевичем. Поздней вставкой в тексте Синодика, по мнению церковного историка, было и упоминание о гибели во Владимире во время батыева нашествия великого князя Георгия Всеволодовича. Отмечая все эти разночтения, П. Островский, несомненно, указывал на первичность текста в Четьих Минеях Милютина по отношению к Спасо-Запруденскому синодику.

В научной среде после «Исторического описания» П. Островского почти не дискутировался вопрос о времени возникновения первоначальной редакции «Сказания», равно как и о составе самой редакции. К началу XX века возобладала предложенная в 1901 г. костромским священником и историком В. А. Соколовым датировка первоначальной редакции в промежутке между 1636 и 1644 гг. (предпочтение отдавалось 1644 г.) [7]. В. А. Соколов посчитал первоначальной редакцию, известную нам в списке «Слова» 1670 года (РГБ, Муз. 6459). Главными аргументами для такого вывода ему послужили: обилие подробностей костромской городской топографии в тексте «Слова», его особый «прокостромской» пафос, отразившийся в торжественной стилистике повести, а также сопровождение повести старой, на 16 августа, службой Феодоровской иконе, хотя весь комплекс (служба + текст) именовался «Месяца марта в 14 день служба пресвятей Богородице Фердоровской» [8].

Для анализа Соколов имел в своем распоряжении три рукописи, составленные около середины XVIII века и сходные по своему составу. Все они содержали: Службу Феодоровской иконе на 16 августа; пространный текст под заглавием «Слово о чудеси и о явлении <...> чудотворнаго образа нарицаемыя Феодоровския, како явися на Костроме граде...», а также «Сказание о чудесех Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы <...>. И о обновлении честнаго и славнаго ея чудотворнаго образа <...>, яже нарицается Феодоровская. Иже на Костроме граде», т. е. дополнительный рассказ об обновлении иконы, состоявшемся в 1636 г. Текст завершался отдельными сюжетными повествованиями о чудесах, явленных чудотворным образом сразу после его «поновления», едва только он был помещен на прежнее место в храме – справа от царских врат, напротив правого клироса. Чудеса исцеления страждущих различными недугами (костромичей и жителей соседних городов) в основном происходили в том же 1636 году, сразу «по обновлении

образа». Летопись чудес была доведена во всех трех списках до 1646 года, причем рассказ о последнем (34-м) чуде, случившемся в 1646 г., отличался от всех остальных рассказов формулой своей концовки – благодарственным обращением к Христу, а не к Богоматери, как это было сделано во всех предыдущих[9].

В. А. Соколов обратил внимание на то, что в тексте сказания «Об обновлении чудотворного образа» указаны точные даты начала обновления – «такожде и нн҃ѣ всіе послѣднее время, въ лѣта 7144 (1636) году, м(с҃)ца апрѣля в 20 дн҃ь», и его окончания – «въ лѣта 7144-г(о) году, м(с҃)ца маия, въ 4 дн҃ь». Подчеркнутый нами фрагмент дал основание Соколову считать его прямым указанием на близость описываемых событий автору («ныне», «последнее время») и атрибутировать весь текст «Слова о чудеси и о явлении» протопопу костромского Успенского собора Федору, управлявшему соборными делами с 1636 по 1644 год[10] и принимавшему вместе с другими церковными иерархами непосредственное участие в поновлении Феодоровской иконы в 1636 г.: «...и собравши(м)ся всѣмъ архиманъдритомъ и игуменомъ. во с҃тую... соборную... цр҃ковь пресвятыя б(д҃)цы, чт҃наго и славнаго ея оуспения. архиманътритъ Тихонъ Ипацкого монастыря, игуменъ Ферапонтъ Бг҃оявленскаго мн(с҃)тря, архиманъдритъ Корнилей Воздвиженъскаго монастыря, и прочия игумены. и протопопъ Феодоръ...»[11]. Протопоп Федор также был свидетелем и слушателем нескольких чудес исцеления от обновленной иконы (чудеса 2–5, 10; в чуде 18 «героиня» истории – «преименитаго града Костромы, соборныя церкви протопопова жена, именемъ Татиана», возможно, была супругой самого протопопа Федора). Таким образом, Соколов пришел к выводу, что протопоп костромского Успенского собора Федор в 1636 г., в связи с поновлением Феодоровской иконы, записывает хорошо известную костромичам историю явления чудотворной иконы и составляет новый рассказ о ее поновлении (1636 г.), а затем, до 1644 г., ведет запись явленных от иконы чудес: 33-е чудо как раз и происходит в последний год его соборного служения – 1644-й. 34-е чудо, последнее в рукописях Соколова, отнесено к 1646 г. и, по мнению историка, было записано, вероятно, уже другим протопопом[12]; следовательно, оно не входило в первоначальный текст 1636–44 гг., а было вставлено в него позже – в 1646 г.

Заметим, тем не менее, что, выстроив свою атрибуцию и хронологию «Слова о чудеси и о явлении» на вышеупомянутой дате поновления Феодоровской иконы в 1636 г., В. А. Соколов не обратил внимание на тот факт, что этот 1636 г. был отнесен автором пове-

сти «во дни бл҃гочестивыя державы великаго гд҃ря нашего цр҃я и великаго кн҃зя Михаила Феодоровича всеа Росіи, и о(т)ца его и бг҃омольца ст҃ѣйшаго Филарета, патриарха московъскаго и всеа Росіи» — что явный анахронизм, поскольку последний, как известно, завершил свою земную жизнь в октябре 1633 г.[13] По каким-то причинам высокие костромские иерархи, принимавшие участие в поновлении Феодоровской иконы, не знают ни имени патриарха Иоасафа, сменившего в 1634 г. Филарета, ни имени патриарха Иосифа, занявшего престол в 1642 г. (Впрочем, в период патриаршества Иосифа в Костроме оставался из современников вышеперечисленных иерархов только протопоп Федор [14].)

Кроме того, Соколов не отмечает, что само поновление иконы, как сообщается в тексте, оказывается инициированным «благочестивой двоицей» — великим государем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом. Обеспокоенные «старением» облика чудотворной иконы, они, «совѣтъ бл҃гъ между собою сотвориша», посылают в Кострому грамоты, в которых повелевают поменять древнюю олифу на чудотворной иконе; более того — эта «двоица» подробно описывает, как нужно олифу менять и каким библейским событиям эту процедуру следует уподоблять. Весь рассказ о «благочестивой двоице» выглядит почти легендарным (подлинные грамоты о поновлении иконы не обнаружены), как будто сознательно «обработанным» автором. Чтобы так вольно обходиться с историческим материалом, сам автор должен был бы находиться, по крайней мере, в некотором временном отдалении от описываемых событий 1636 г. К тому же, текст «Слова о чудеси и о явлении» в литературном отношении высокопрофессионален и скорее мог принадлежать перу опытного писателя, чем провинциальному костромскому протопопу, за которым не числятся литературные труды. Таким образом, выводы В. А. Соколова о первоначальной редакции, на наш взгляд, выглядят не бесспорными.

В 1909 году на IV Областном историко-археологическом съезде в Костроме, несмотря на утвердившуюся точку зрения В. А. Соколова, все-таки возникла дискуссия по вопросу о времени возникновения первоначальной редакции «Сказания о Феодоровской иконе». Участниками «костромской» дискуссии стали известный историк А. И. Соболевский и не менее известный богослов, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры А. П. Голубцов [15]. А. П. Голубцов полагал, что наиболее ранний текст «Сказания о Феодоровской иконе» представлен в Четьих Минеях Иоанна Милютина. А. И. Соболевский возражал, отстаивая версию стар-

шинства уже упомянутого нами и проанализированного ранее Соколовым «Слова о чудеси и о явлении». Главным аргументом Соболевского в пользу старшинства «Слова» было то, что «Сказание о Феодоровской иконе» имело широкую популярность на Руси, его текст переписывался и «развивался», тогда как Четьи Минеи Иоанна Милютина были известны только узкому кругу московских и «троицких» книжников. Дополнительным аргументом, помимо даты поновления и перечня чудес, выступали – как и для Соколова – обильные мелкие топографические подробности и уточнения в тексте, которые мог сделать только костромич, составляющий свое повествование на месте близких ему и хорошо известных событий. Ср.: «...понеже в та времена бысть на Костромѣ градѣ, соборная црковь во имя стаго великомчника Феодора Стратилата, что на пло(ща)ди по про(з)ванию Мщанъская оулица, пройде же из града до брегу Костромы реки»; «На мѣстѣ же томъ, идѣже стояше [князь]с чюдотворнымъ образомъ противу татаръ, поставиша кр(с)тъ, и прослы то мѣсто стое. близ же того мѣста есть езеро, и по тому же мѣсту прослы стое езеро. на томъ же мѣстѣ и весь поселися, такожде именуема стое. нѣцыи же хрістияне тоя веси имуще оу себе о семъ чюдеси и писание даже и до сего дне» [16] и проч.

А. П. Голубцов на возражения Соболевского отвечал «биографической справкой» об Иоанне Милютине, происходившем из города Балахна, что расположен в пределах того самого легендарного Городца, откуда, согласно «Сказанию», была перенесена Феодоровская икона. Милютин работал над своими Минеями в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре именно в тот период, когда в нем находился его земляк, тоже родом из Балахны, старец-книгохранитель монастыря Иоасаф Кирьяков (Милютин пребывал в монастыре с 1631 г.).

По предположению А. П. Голубцова, Иоасаф мог познакомить Иоанна Милютина с Германом Тулуповым, трудившемся тогда в Троицком монастыре над составлением своих Четьих Миней, и тем самым подтолкнуть Милютина к составлению собственных Миней, а возможно, и самого «Сказания о Феодоровской иконе» [17]. В пространных предисловиях к томам своих Миней Милютин отзывался о «Прологах» Тулупова как важных источниках собственной литературной работы [18]. (Заметим, что в Минеях Германа Тулупова, законченных в 1632 г., повести о Феодоровской иконе нет.) Собеседники Иоанна, с которыми он, как говорится в тексте, «многа(ж)ды бесѣдова(х) и воспроша(х) и(х)», чтобы узнать исто-

рию о чудотворной иконе, «и сладце слыша(х) о(т) ни(х)» – это старцы Троицкой обители.

Если сопоставить, по мнению Голубцова, приписки в Минеях, сделанные рукой самого Милютина, с текстом «Сказания», то можно обнаружить определенное стилистическое и синтаксическое сходство, например, в «Сказании»: «...и овии г҃лаху тако инии инако но мню яко сему быти истиннѣ еже хощу повѣсти сея коснутися и написати дабы неза(б)вены были дѣла Б҃жия и пр҃ч(с)тыя Его мт҃ри н҃шея заступницы и ходатаицы»; в приписке: «...овии глаголют сице, овии же инако. И о сем да престанет распря и ведома будет истина...»[19].

Таким образом, А. П. Голубцов считал текст в составе милютинских миней первоначальным и составленным самим Иоанном Милютиным в промежутке 1646–1654 гг.

Однако заметим, что в ходе все той же костромской дискуссии 1909 г. А. И. Соболевским первоначально высказывалась еще одна гипотеза – о старшинстве краткого текста, вошедшего затем в состав печатного Пролога 1662 г., по отношению к более распространенным – милютинскому тексту и «Слову о чудеси и о явлении». К подобному предположению ученого подтолкнула содержательная общность всех редакций, а также то, что в двух последних объем текста увеличивается не за счет введения новых фактов, а путем риторического распространения или цитации богословской гомилетики. К концу дискуссии Соболевский, как уже говорилось, все-таки утвердился на позиции первоначальности пространного текста «Слова о чудеси и о явлении».

Таким образом, к началу XX столетия каждая из редакций «Сказания о Фердоровской иконе» побывала в ранге первоначальной, получив для этого свои аргументы. Современные исследователи более склонны разделять точку зрения В. А. Соколова[20], полагаясь при этом исключительно на его аргументацию.

На наш взгляд, к вопросу о первоначальной редакции следует вернуться еще раз. И прежде всего стоит прояснить ситуацию с временем возникновения и источниками текста в Прологе 1662 г. Решение этого вопроса тем более нам кажется важным, что *печатная* проложная «Повесть о Феодоровской иконе» 1662 г. хронологически располагается между самыми ранними списками двух других редакций – «милютинским» текстом 1646–1654 гг. и «Словом о чудеси и о явлении» в рукописи 1670 г. Напомним, что в составе мартовских чтений Пролога 1662 года текст «Повести» также явля-

ется самым ранним из всех известных нам на сегодняшний день списков и печатных изданий, содержащих эту редакцию.

Современные исследователи единодушно придерживаются мнения о вторичности проложного текста по отношению к двум другим ранним рукописным редакциям, поскольку в печатном тексте слишком очевидны следы литературного сокращения[21]. Более того, само возникновение проложного текста оказывается едва ли возможным ранее его первой публикации, т. е. 1662 г.[22] Списки проложной редакции, причем в значительном количестве, как раз и появляются после ее публикации – на рубеже XVII–XVIII вв. Мы полностью разделяем эту точку зрения, но заметим, что для разрешения вопроса о старшинстве между редакциями милютинских Миней и «Слова» 1670 г. нам все-таки необходимо прояснить хронологический статус последнего. А это возможно сделать лишь оценив степень влияния и «Слова» и милютинского текста на проложную редакцию 1662 г.

Сопоставим четыре фрагмента милютинского «Сказания», «Слова» 1670 г. и «Повести» в печатном Прологе 1662 г.

Четьи Минеи Милютина 1646–1654 гг.[23]	**«Слово о чудеси и о явлении» 1670 г.**[24]	**Пролог 1662 г.**[25]
(1) ...поѣха великии кн҃зь Василе(и) на поле со псы ловчими я(ко) же обычаи е҃(с) кн҃земъ ездити	...обычай имѣяше бл҃говѣрный и великій кн҃зь Василіи Георгиевичь, на полѣ со псы ловчими ѣздити. и во единъ оубо о(т) дней предиреченный кн҃зь поѣха на полѣ со псы, яко же есть обычай княземъ веселитися...	...великий кн҃зь Василий поиде внѣ града на ловитву, яко обычай есть княземъ веселитися...
(2) ...дви(г)нушася татары на руския грады...	...попусти Бг҃ъ поганыхъ татаръ, и двигнушася на рус(с)кія грады...	...приидоша погании татарове на градъ Кострому...

(3) ...и повелѣ ю [икону] пре(д) по(л)ки возити...	...и повелѣ ю нести честно...	...повелѣ пред' собою носити...
(4) ...а о(т) нея чудо(т)во(р)ныя иконы во(з) сияша бж҃(с)твенныя лучи паче сл҃(н)чьны(х) лу(ч) на тата(р)ския по(л)ки и о(т) тѣ(х) лу(ч) вси смятошася и мнози о(т) ни(х) ослепоша	...и внезапу о(т) чюдотворнаго образа прест҃ыя б(д)цы во(з) сіяша бж҃ественныя и пресвѣтлыя лучи, паче солнечныхъ лучь, и аки огнь попаляющи, и нападоша на нихъ, и пожігая татарскія полки. и о(т) того озаренія, и лучь бж҃ественныхъ и опаленія. вси противныя полки смятошася, и мнози о(т) нихъ ослѣпоша...	И тогда видѣша погании от(ъ) иконы, лучи огненныя, и видѣвше смутишася и на бѣжание оустремишася.

Очевидно, что в 1-м фрагменте проложное чтение «обычай есть княземъ веселитися» восходит к «есть обычай княземъ веселитися» в списке «Слова» 1670 г. Замена милютинского «обычаи е҃(с) кн҃земъ ездити» на исторически маркированное «веселитися» могло возникнуть лишь в результате серьезной литературной правки и при определенном социальном умонастроении, что неизбежно должно было отразиться и в других эпизодах текста. Однако сам по себе проложный текст в целом лишен ярких общественных и литературных примет, следовательно, слово «веселитися» вместо «ездити» могло появиться в нем только под влиянием текста «Слова».

Аналогичным образом во 2-м фрагменте «погании татарове» Пролога восходят к «поганым татарам» «Слова». Обратное влияние – Пролога на «Слово» – исключается, поскольку весь остальной текст указанного фрагмента в «Слове» близок к Минеям. В Минеях читается «татары», без оценочного эпитета.

Третий эпизод указывает на близость проложного «носити» к «нести честно» в «Слове», поскольку в Минеях читается «возити». Хотя милютинское «пре(д) по(л)ки» можно усмотреть в проложном «пред собою».

Но самый, на наш взгляд, убедительный пример, указывающий на знакомство редактора проложного текста с текстом «Слова о чудеси и о явлении», это эпизод с солнечными лучами, воссиявшими от чудотворной иконы и ослепившими татарские полки. «Лучи ог-

ненныя» в Прологе могли возникнуть только под впечатлением от лучей, «паче солнечныхъ лучь, и аки огнь попаляющи», «пожігая татарскія полки»; от «опаленія» этими лучами противник бросился бежать. Именно так описано чудо заступничества иконы и победы княжеских войск над татарами в «Слове». В Минеях мы читаем лишь про «лучи паче сл(н)чьны(х) лу(ч)», т. е. про ослепительно яркие, но не обжигающие лучи, от которых многие татары «ослепоша», но от которых они никак не могли опалиться.

Исследователи Пролога полагают прямое использование в его 4-м издании Четьих Миней Иоанна Милютина[26]. Но тогда может возникнуть вопрос, почему проложный текст повести о Феодоровской иконе оказывается в итоге ближе к пространному «Слову», а не к милютинскому тексту, который гораздо меньшего объема и более пригоден к редактированию? Может быть, редакторы располагали и тем и другим, но предпочли сделать выбор в пользу одного источника? Ср., например, сложную контаминацию текстов Миней Милютина и «Слова о чудеси» в Прологе – в эпизоде о свидетельстве костромичей и в описании облика св. Феодора Стратилата, несущего икону над городом:

Четьи Минеи Милютина 1646 –1654 гг.	**«Слово о чудеси и о явлении» 1670 г.**	**Пролог 1662 г.**
...и видѣша сию пречудную икону гл҃ще яко мы вчера сию икону видѣхомъ несому сквозе гра(д) нашъ нѣки(м) вино(м) яко воина того подобие великом(ч)ка Фе(о)дора...	...и видѣвше народи сію пречюдную икону прес҃тыя б(д)цы, и начаша повѣдати гл҃юще: мы оубо вчера видѣхомъ сію икону несому съквозѣ градъ нашъ. нѣкіи(м) ч҃лвѣкомъ воиномъ, одежда же бѣ на немъ прекращена и воинская. подобіе же того воина, святаго великомученика Феодора Стратилата...	И видѣша народи честную ону икону, и начаша повѣдати глаголюще: яко мы вчера видѣхомъ сию икону несому сквозѣ градъ нашъ воиномъ некимъ, подобенъ той воинъ видомъ ст҃ому великомч҃нку Феодору Стратилату.

Можно предположить однозначную связь Пролога с Минеями в характеристике воина, однако вместо «гл҃ще», как в Минеях, в про-

ложном тексте мы находим «начаша повѣдати глаголющее» — как в «Слове». Приведенный фрагмент указывает на знакомство проложного редактора сразу с двумя источниками, что косвенно подтверждает мнение специалистов об использовании в 4-м издании Пролога милютинских Миней. Но интересным представляется, прежде всего, то, что текст в составе печатного Пролога 1662 г. испытал заметное влияние стилистически очень яркого «Слова о чудеси и о явлении». Как отметил в свое время В. А. Кучкин, именно издателями Пролога 1661–1662 гг. — крупнейшей в XVII в. его переработки — «была использована самая современная по нужной тематике литература». «Тем самым, — пишет Кучкин, — обнаруживается прямая связь печатной продукции с новейшими рукописными сочинениями своего времени» [27]. Возможно, именно эта склонность справщиков Печатного двора к новейшим текстам определила выбор «Слова о чудеси и о явлении» в качестве основного источника для редакторской работы? Этой литературной свежестью «Слова», близостью его возникновения к времени работы над 4-м изданием Пролога только и можно объяснить столь неожиданное и заметное его влияние на крохотный проложный текст 1662 г. — влияние, сделанное в обход спокойного, классического текста милютинских Миней, — в особенности это хорошо заметно в запоминающихся новых эпитетах, пришедших в Пролог из «Слова», как мы показали выше.

Подобная ситуация — с включением в Пролог 1661–1662 гг. новейших или труднодоступных рукописных сочинений — отмечалась исследователями и в отношении редких житий русских святых. Тексты этих житий, собранные все вместе, встречались ранее только в одном источнике — Четьих Минеях Иоанна Милютина [28]. Однако, повторим, в нашем случае редакторы Пролога, даже располагая редким и сравнительно небольшим по объему милютинским текстом «Сказания о Феодоровской иконе», предпочли все-таки составить новую редакцию, с учетом нового текста — «Слова о чудеси и о явлении».

Подобная оперативность, правда, могла быть вызвана не только литературными, но и иными, государственными причинами: составители и редакторы Пролога могли невероятно быстро отреагировать на рождение 30 мая 1661 г. у царя Алексея Михайловича сына, нареченного Федором в честь греческого великомученика Феодора Стратилата [29]. Заметим, между прочим, что помимо «Повести о Феодоровской иконе» (помещенной под 14 марта), в которой именование иконы напрямую связано с покровитель-

ством костромской земле Феодора Стратилата, в Пролог 1661–1662 гг. было включено также «новопереведенное» «от греческого языка во славенский» «Житие Феодора Стратилата» (под 8 июня)[30].

Итак, сопоставление проложной «Повести о Феодоровской иконе» с милютинским текстом и «Словом о чудеси и о явлении» позволяет нам сделать промежуточные выводы: редакторы Пролога 1662 г. (мартовская половина) располагали текстом Миней Милютина и списком «Слова о чудеси и о явлении»; в работе они отдали предпочтение «Слову»— как более новому, т. е. более позднему, тексту.

Вернемся теперь к ранним рукописным редакциям «Сказания о Феодоровской иконе» – к тексту в Четьих Минеях Иоанна Милютина 1646–1654 гг. и списку «Слова о чудеси и о явлении» 1670 г., содержащему, как мы показали выше, редакцию до 1662 года.

Напомним, что мнения исследователей по вопросу взаимоотношений двух ранних редакций разделились примерно поровну. Одна группа ученых считает милютинский текст более ранним, а главными аргументами для такого вывода полагает: 1) старшинство самого милютинского списка по отношению к списку «Слова» и 2) помещение в Четьих Минеях Милютина «Сказания о Феодоровской иконе» среди чтений на 15 августа, по дню явления иконы, а не по дню нового празднования – 14 марта, как, например, это сделано в Прологе 1662 г.

Сторонники старшинства редакции «Слова» указывают, прежде всего, на костромские исторические и топографические подробности, которые присутствуют в тексте «Слова» и которых нет в минейном тексте. Также весомым аргументом в их глазах выглядит наличие в тексте «Слова» отдельной главы – «Сказания о чюдесѣхъ пре(с)тыя вл(д)чцы нашея б(д)цы и присно д҃вы М҃рии. И о обновлении ч(с)тнаго и славнаго ея чюдотворнаго образа. Яже нарицается Феодоровъская. Иже на Костромѣ градѣ», в которой указана точная дата поновления иконы (конец апреля – начало мая 1636 г.), а подробные рассказы о чудесах (максимальное их количество 35) в некоторых списках «Слова» доведены до событий 1646 г. (правда, иногда в списках «Слова» глава о поновлении иконы и рассказы о чудесах могут отсутствовать, или количество самих чудес значительно сокращено, как, например, в нашем списке Муз. 6459 1670 г. последнее 25 чудо отнесено к 1639 г.).

Итак, обратимся непосредственно к текстам милютинских миней и «Слова». В таблице приведено начало обоих списков (для «Слова» с небольшими сокращениями), с очевидностью указывающее на их явное стилистическое различие.

Четьи Минеи Милютина 1646–1654 гг.	**«Слово о чудеси и о явлении» по списку 1670 г.**
	Всякiи бж҃ественный бг҃оматери праздникъ пр(с)но почитаемъ, собравшияся во ст҃ую цр҃ковь насыщаетъ о(т) дх҃овныхъ бж҃ественныхъ сокровищъ, бг҃оточивыхъ онѣхъ чюдесъ. болши же и паче всѣхъ просвѣщается совершеннѣ, бл҃го оувѣщая насъ хвалимый и прославляемый, пресвѣтлый сей чюдотворный образъ прест҃ыя вл(д)чцы нашея б(д)цы о(т)сюду бо и бе(з)численныя похвалныя вины, о(т) сея начало творяще себѣ. яко неоскуденъ і изообиленъ источникъ есть почерпаемъ паче истѣкаетъ, і изливаемъ изообилствуетъ всегда истощаваемъ и оумножаяся. всѣмъ подая, и не оскудѣваемъ. <...> Но аще вамъ оугодно будетъ сiе, то со усердиемъ мнозѣмъ и чистыми помыслы, и свѣтлыми одеждами одѣвающеся. да тѣмъ оусердиемъ превзыдемъ другъ друга поучающе с любовiю притецемъ, о во(з)любленнiи на собранiе бг҃олюбезныхъ онѣхъ преславныхъ чюдесъ бж҃iя мт҃ре. <...> Дивно оубо есть и радостно слышати о чудотворномъ ея образѣ. еже хощу о немъ сщ҃енное начати повѣдание. желанiе оубо понуждаетъ мя страхъ же во(з)браня(е)тъ много ми о(т) начатiя.

Како испов҃ѣ(м) или како хощу написати или что реку или что испов҃ѣ(м) о сеи пречуднеи иконе или что во(з)гл҃ю... (л. 764)	Како исповѣмъ, или како хощу написати, или что реку, или что во(з)гл҃голю, еже бо и усты чл҃ческими ни оумомъ во(з)можно исповѣдати бываемая преславная чудеса; о(т) сего цѣлбоноснаго и чудотворнаго образа, пречистыя б(д)цы, яже на Костромѣ нарицаемыя Феодоровскія... (л. 39–40 об.)

Если исходить из положения, что новая редакция текста так или иначе изменяет семантику источника, и, как правило, это происходит в сторону усложнения и обогащения его новыми смыслами, подчас неявными, а также учитывая, что новая редакция не всегда может быть более пространной и в языковом отношении более сложной, мы все же не можем не отметить, что превращение образного риторического вступления «Слова» в краткий милютинский зачин потребовало бы у редактора какого-то особого внимания к сюжетной канве повести, тогда как, с другой стороны, переход от простой милютинской фразы к развернутой и цитатной богословско-риторической медитации мог быть осуществлен значительно проще и естественней. Таким образом, начало текстов указывает скорее на вторичность «Слова» по отношению к тексту Миней, чем наоборот.

Но наиболее значимы для хронологического взаимоотношения текстов их фактические различия. Например, такие, как разночтения в имени героя повествования – костромского князя, обретшего чудотворную икону и перенесшего ее в Кострому. Ср.:

Четьи Минеи Милютина 1646–1654 гг.	**«Слово о чудеси и о явлении» по списку 1670 г.**
...во д҃ни великаго кн҃зя Василия костромскаго и галическаго рекомаго Квашни пренесена бы(с)ть... (л. 765 об.)	Во дни бл҃говѣрнаго и великаго кн҃зя Василія Георгіевича костромскаго и галицкаго, рекомый Квашня. Сей же бе сынъ бл҃говѣрнаго и великаго кн҃зя Георгія Ярослава Владимирскаго, внукъ же бѣ преподобнаго и бл҃говернаго, и великаго кн҃зя Александра Невскаго... (л. 44)

Заметим, что отчество «Георгиевич» у костромского князя Василия в тексте «Слова» могло появиться ассоциативно, вслед за упоминанием о гибели во Владимире от рук Батыя великого князя Георгия Всеволодовича; ср. этот эпизод с милютинским текстом:

Четьи Минеи Милютина 1646—1654 гг.	**«Слово о чудеси и о явлении» по списку 1670 г.**
...[Батый] в лѣта ҂ѕѱ҃.мз. то(г)да убо плени градъ Городецъ и по(з)же его и люди в не(м) посѣче и ве(с) пустъ со(т)вори. яко же обычаи есть плѣнующимъ... (л. 768 об.)	...и мнози россійстіи гради плѣниша, <u>и градъ Владимеръ плѣниша, и в немъ благовѣрнаго и великаго князя Георгія оуби</u>. И тогда плѣниша градъ г҃лемый Городецъ и пожже, и вся сущія люди в немъ посѣче, и весь пусть его сотвори, якоже обычай есть плѣнующи(м)... (л. 43)

В приведенном фрагменте «Слова» упоминание гибели во Владимире князя Георгия выглядит как очевидная вставка. Если рассказ о разорении и сожжении во времена батыева нашествия Городца в целом выступает как необходимый сюжетный ход, объясняющий причину исчезновения из Городца чудотворной иконы, то эпизод с гибелью князя Георгия оказывается там же совершенно случайным и никак не связанным с дальнейшим повествованием.

Вероятно, появление в тексте «Слова» у костромского князя Василия отчества «Георгиевич» и включение краткого сообщения о гибели князя Георгия во Владимире могли произойти под влиянием складывающегося общерусского почитания великого князя владимирского Георгия Всеволодовича. Источник недостоверного сообщения о гибели Георгия во Владимире нам не известен. Это могла быть и простая ошибка памяти составителя – поскольку в действительности князь Юрий трагически погиб вовсе не во Владимире в 1237 г., а в сражении на реке Сить в 1238 г., и его останки были перенесены в 1239 г. во Владимир, в Успенский собор по указанию его брата великого князя Ярослава Всеволодовича.

Официальная канонизация Георгия Всеволодовича состоялась в 1645 г., тогда же было составлено его владимирское Житие, а годом позже, в 1646 г., имя Георгия Всеволодовича заносится в печатные святцы [32]. Соответственно, появление в повествовании о Феодоровской иконе сообщения о гибели князя Георгия во Владимире и именование костромского князя Георгиевичем едва

ли было возможно ранее 1645 г. Указывает на это и недавно обнаруженный А. В. Сиреновым краткий список Жития Георгия Всеволодовича (ГИМ, собр. Барсова, № 1475), датируемый 40–50-ми гг. XVII в.[33] Список характеризуется исследователем как первоначальный вариант Костромского Жития Георгия Всеволодовича; при этом отмечается костромское бытование рукописи в XVII в. Примечательно также, что список носит заглавие «Слово о пришествии на Русь безбожнаго царя Батыя и убиении великого князя Георгия Всеволодовича Владимерского, новаго чюдотворца и о поставлении на великое княжение в Великий Новъград святаго Александра Невскаго чюдотворца в лето 6745 году». Собственно, «пришествие на Русь безбожнаго царя Батыя и убиение великого князя Георгия Всеволодовича Владимерского» в этом заглавии как раз и могли послужить тем «недостоверным» источником сообщения об убийстве князя Георгия во Владимире. Ср.: «градъ Владимеръ плѣниша, и в немъ благовѣрнаго и великаго князя Георгія оуби» в «Слове о чудеси и о явлении». Из Жития Георгия Всеволодовича его именование «благоверным и великим» по аналогии переносится на костромского князя Василия – в «Слове о чудесии о явлении» костромской князь Василий Георгиевич везде именуется «благоверным и великим». В милютинском тексте князь Василий везде остается лишь «великим князем». Заметим также, что упоминание в заголовке Костромского Жития в списке Барс. 1475 имени Александра Невского после имени убитого Георгия Всеволодовича могло определенным образом повлиять и на возникновение в «Слове о чудеси и о явлении» родословия мифического костромского князя Василия Георгиевича: «Сей же бѣ сн҃ъ бл҃говѣрна и великаго кн҃зя Георгия Ярослава Владимиръскаго, внукъ же бѣ прп҃(д)бнаго и бл҃говѣрнаго, и великаго кн҃зя Александра Невскаго».

Итак, разночтения в именовании костромского князя в Четьих Минеях Иоанна Милютина и в «Слове о чудеси и о явлении» указывают, во-первых, на вторичность текста «Слова» и, во-вторых, на возникновение «Слова» после 1645 г. – о чем свидетельствует литературное влияние на него со стороны краткой редакции Костромского Жития Георгия Всеволодовича в списке Барс. 1475 40–50-х гг. XVII в., обнаруженной А. В. Сиреновым (которая, в свою очередь, не могла появиться ранее владимирского Жития 1645 г., написанного непосредственно к канонизации Георгия Всеволодовича[34]).

Четьи Минеи Милютина 1646–1654 гг.	**«Слово о чудеси и о явлении» по списку 1670 г.**
(1)...бг҃у попущающу грѣ(х) ради наши(х) овогда ведро(м) и бе(з) дождие(м) иногда градо(м) и огне(м) и гладо(м) и тяжкими недуги и боле(з)ньми и ско(р)бми нетокмо тѣлесными но и дш҃евными, иногда же нашествие(м) иноплемен(ных) (л. 765)	...бг҃у наказующу люди своя, и попущающу грѣхъ ради наши(х), овогда оумноженiемъ дождя, и градомъ, і иногда же бе(з)дождие(м) и гладомъ, и огнемъ, и тяжкими недуги, и болѣзньми, и скорбьми тѣлесными, и моромъ, і иногда же нашествiемъ иноплеменныхъ,
(2) еже попусти бг҃ъ окаяннаго и свирепаго и прего(р)даго и бе(з)чл҃(в)чьнаго мучителя Батыя цр҃я на всю рускую землю...	еже попусти Бг҃ъ окаяннаго и свирепаго и прегордаго и мерзскаго о(т)ступника, и лютаго мучителя, цр҃я Батыя, на всю рускую землю... (л. 42 об.–43)

Сравним еще два фрагмента милютинского текста и «Слова о чудеси и о явлении»:

Разница в чтениях подчеркнута. В первом фрагменте она заключена в оппозициях «ведро» – «умножение дождя»; скорби «телесные и душевные» – скорби «телесные». В тексте «Слова о чудеси и о явлении» появляется также упоминание *мора*, которого нет в Минеях.

Во втором фрагменте, в характеристике Батыя: «бесчеловечный мучитель» в Минеях стоит в оппозиции «мерзкому отступнику» «Слова».

Весь этот отрывок, описывающий божественную кару за человеческие грехи, по наблюдениям А. В. Сиренова, восходит к Степенной книге[35]. Исследователем также были отмечены некоторые разночтения в указанном отрывке в составе «Слова о чудеси и о явлении», в списке РНБ, Солов. 990/1099 «Сказания о иконе Богородицы Феодоровской», а также в краткой (Барс. 1475) и пространной (РГБ, ф. 218, 2-я четверть XVIII в.) редакциях Костромского Жития Георгия Всеволодовича[36].

Однако важным для нас оказывается тот факт, – явившийся несущественным для исследовательских задач А. В. Сиренова, – что в краткой редакции Костромского Жития Георгия Всеволодовича, известной в единственном списке 40–50-х гг. XVII в., нет упоминания мора[37], а в зависимом от нее «Слове о чудеси и о явлении» –

есть. В Минеях Милютина 1646–1654 гг., как отмечено выше, также нет упоминания мора. А в пространной редакции Костромского Жития Георгия Всеволодовича – есть.

Подобная вставка несомненно имеет под собой реальную основу, которая видится нам, прежде всего, в отражении в «Слове о чудеси и о явлении» костромских событий середины XVII в., в которые был вовлечен и которые осмысливал автор-современник. Мор, страшная эпидемия чумы, унесшая огромное количество жизней не только городского населения, но и духовенства, случилась в Костроме в 1654 г. – болезнь занесли из Москвы костромские купцы[38]. «Скорби телесные» в таком случае могли оказаться более тяжкими, чем «скорби духовные», – соответственно, в «Слове» читаем: «скорбьми тѣлесными, и моромъ», в Минеях: «ско(р)бми нетокмо тѣлесными но и д҃шевными».

А чуть ранее морового поветрия, в 1652 г., в Костроме случился бунт посадских людей, возмущенных жесткостью городских и церковных порядков и этическим ригоризмом местного духовенства. В результате народного возмущения протопоп костромского Успенского собора Даниил, один из самых неистовых духовных пастырей, был изгнан из города. (Даниил был сторонником московских «боголюбов» и отличался особой жестокостью в исполнении запретов на народные увеселения. В Москве «беглый» Даниил затем примкнет к движению церковного раскола и станет, наряду с Аввакумом, одним из его духовных лидеров, правда, фигурой не столь яркой и трагической.) В Костроме Даниил из-за своей непримиримости оставил после себя дурную славу «отступника»[39]. В характеристике Батыя в тексте «Слова о чудеси и о явлении» как «мерзскаго отступника» – что звучит в отношении язычника в какой-то степени парадоксально – нельзя не расслышать эмоционального накала внутрицерковного и социального противостоянии середины XVII в. Заметим, что в милютинском тексте, завершенном самое позднее в 1654 г., возможно, в самый канун мора, Батый традиционно назван «окаянным», «свирепым», «прегордым» и «бесчеловечным» мучителем.

Впрочем, и само моровое поветрие, охватившее в 1654 г. крупные российские города, воспринималось людьми как наказание за «беззаконие» патриарха Никона, приступившего весной 1653 г. к «обновлению» церковных обрядов. Подобная негативная оценка деятельности патриарха Никона и его сторонников как «отступничества», вероятно, для современника была бы более уместной до 1658 г., времени самовольного оставления патриархом престола.

Заметим также, что сама вставка в «Слове» – о наказании человека за тяжкие грехи мором – могла возникнуть и при осмыслении «Поучения о моровой язве», сочиненного Никоном в 1656 г.

Таким образом, вставка «мором» могла быть сделана после 1654 г. и до 1658 г. Если принять во внимание также возможное влияние сочинения Никона, то хронологию вставки можно сузить до 1656–1658 гг. Соответственно, отсутствие вставки «мором» в тексте краткого Костромского Жития Георгия Всеволодовича точно согласуется с хронологией списка Барс. 1475, задавая верхнюю границу как – не позднее 1654 г.

Попадание вставки «мором» в пространную редакцию Костромского Жития Георгия Всеволодовича можно признать непосредственным влиянием текста «Слова о чудеси и о явлении», что подтверждает и другие выводы А. В. Сиренова относительно о влиянии «Слова» на Житие[10]. Однако, на наш взгляд, все это свидетельствует о более позднем происхождении пространного Жития, а не о первоначальности текста в редакции «Слова о чудеси и о явлении», как полагает А. В. Сиренов.

Итак, текстологическое сопоставление отдельных фрагментов редакций в составе Четьих Миней Иоанна Милютина и в списке «Слова о чудеси и о явлении» 1670 г. указывает на более позднее происхождение текста «Слова». Следовательно, эту редакцию нельзя считать первоначальной, а датировку времени ее возникновения 1636–1644 гг. следует признать неверной. Текст «Слова о чудеси и о явлении», с учетом его содержательных особенностей и степени влияния на проложный текст 1662 г., на наш взгляд, мог возникнуть в Костроме не ранее конца 1654 г. и не позднее 1658 г.

Текст же в составе Миней Иоанна Милютина следует признать наиболее близким первоначальному; время происхождения редакции потребует дополнительного уточнения, но в любом случае – оно будет не позднее 1646–1654 гг., времени работы самого Иоанна Милютина над рукописью. В Приложении приводим этот текст.

Приложение

Сказание о Феодоровской иконе

(л. 764) М(с)ца августа, въ е̅і̅(де). Пове(с)ть о пребл̅г̅ословеннѣ(и) пр̅(с̅)тѣи вл̅(д̅)чцы н̅ш̅е(и) б(д)цы и пр̅(с̅)но дв̅ѣ̅и М̅р̅ии. ч(с̅)тнаго и славнаго ея одиги(т)рия чудотворныя иконы Феодоро(в)ские.

Како исповѣ(м) или како хощу написати или что реку или что исповѣ(м) о сеи пречуднеи иконе или что во(з)г̅л̅ю. но еже слыша(х) о(т) много добревѣдущи(х) и иже у себе имуще писание до разорения литовски(х) и по(л)ски(х) люде(и) и а(з) с ними многа(ж)ды бесѣдова(х) и воспроша(х) и(х) и сладце слыша(х) о(т) ни(х) и овии г̅л̅аху тако инии инако но мню яко сему быти истиннѣ еже хощу повѣсти сея коснутися и написати дабы неза(б)вены были (л. 764 об.) дѣла б̅ж̅ия и пр̅ч̅(с)тыя его м̅т̅р̅и н̅ш̅ея заступницы и ходатаицы всемирныя рода хр(с̅)тиянскаго иже на Костромѣ граде це(л)боносныя и чудотво(р)ныя иконы ч(с̅)тнаго и славнаго ея одиги(т)рия. сирѣчь крѣпкия заступницы нарицаемыя Феодоро(в)ские и како прииде на Кострому о(т) Горо(д)ца града како обрете ю великии к̅н̅з̅ь Василеи рекомы(и) Квашня б̅г̅у попущающу грѣ(х) ради наши(х) овогда ведро(м) и бе(з)дождие(м) иногда градо(м) и огне(м) и гладо(м) и тяжкими недуги и боле(з)ньми и ско(р)бми нетокмо тѣлесными но и д̅ш̅евными. иногда же нашествие(м) иноплемен(ных) (л. 765) еже попусти б̅г̅ъ окаяннаго и свирепаго и прего(р)даго и бе(з)ч̅л̅(в)чьнаго мучителя Батыя ц̅р̅я на всю рускую землю. в лѣта ≠ѕѱ̅.мз. то(г)да убо плени градъ Городецъ и по(з)же его и люди в не(м) посѣче и ве(с) пустъ со(т)вори. яко же обычаи есть плѣнующимъ и о(т) того плѣну и разорения гра(д) то(и) запусте и охудѣ и сия чудо(т)во(р)ная икона о неи же и повѣсть сия пре(д)лѣжи(т) не восхотѣ онамо бысти на пусте мѣсте но восхотѣ Г̅д̅ь б̅г̅ъ н̅ш̅ъ И̅с̅ Х̅с̅ прославити м̅т̅р̅е своея обра(з) иконы и дати е(и) во оде(р)жание гра(д) Кострому, и с предѣлы его. Еже и бысть в славу Х̅а̅ б̅г̅а нашего. (л. 765 об.) во д̅н̅и великаго к̅н̅з̅я Василия костромскаго и галическаго рекомаго Квашни пренесена бы(с)ть о(т) Горо(д)ца града на Кострому великомученико(м) Феодоромъ Стратилато(м) сия чудотворная икона б(д̅)цына понеже в та времяна бысть на Костромѣ соборная ц̅р̅ко(в) во имя велико̅м̅(ч̅)ка Феодора Стратилата что на площа(д)ке пришествие же бысть сея чудотворныя иконы пр̅ч̅(с)тыя б(д̅)цы. м(с̅)ца августа въ .е̅і̅. (де) на пра(з)дни(к) ч(с̅)тнаго ея Успения и на у(т)рие м(с̅)ца тогоже въ .ѕ̅і̅.

(де) на память пренесения нерукотвореннаго образа о(т) Едеса въ Цр҃ь градъ (л. 766) поѣха великии кн҃зь Василе(и) на поле со псы ловчими я(ко)же обычаи е҃(с) кн҃земъ ездити и яко бысть внѣ града яко поприще едино и начаху пси лаяти притужно. великии же кн҃зь на то мѣсто ускори приѣхати идѣже пси лающе притy(ж)но абие зри(т) сию пречу(д)ную икону пр҃ч(с)тыя б҃(д)цы и превѣ(ч)наго мл҃(д)ца на руку ея де(р)жаща Гд҃а нш҃го Ис҃а Ха҃ на соснове древе стоящу. Скоро с коня своего слѣзе хотя ю прия(т) ч҃(с)тная же б҃(д) цына икона выспрь горѣ ста не дастъся ему. о(н) же о(т)ступи мало о(т) ст҃ыя иконы и метание [и по(к)лонъ – *на полях*] к неи сотвори много со усе(р)дие(м) и (с) мл҃твою и со слезами пред нею и паки второе покусися во(с)прия(т) ю (л. 766 об.) и желаемаго не получи скоро всѣде на ко(н) и гна во гра(д) и возвести о то(м) протопопу з бра(т)ею дабы скоро ше(д) на сие неи(з)реченное чудо и приише(д) ше видѣша сии пласты(р) чистителныи и нике(м) знае(м) и не(с) вѣдо(м) и о семъ чудишася, яко сия икона о(т)куду и како явися на пу(с)те мѣсте великии же кн҃зь сказа и(м) како обрѣте ю и хотяше ю по(д)яти. она (же) б҃(д)цына икона не и(з)воли ему восприяти себѣ протопо(п) же и сщ҃енницы и диякони и кн҃зь и градстии людие по(и)доша на мѣсто идѣже явися ст҃ыя б҃(д)цы о(б)ра(з) чудотворная икона со(т)ворше молебная пѣния со кр҃(с)ты идуще облекшася во вся сщ҃е(н)ная оде(ж)да сщ҃енницы и дьякони (л. 767) мл҃твы творяще с кандилы и фимияно(м) по(д)яша сию пречу(д)ную икону с великою радо(с)тию и понесоша во гра(д). и яко приидоша бли(з) собо(р)ные цр҃кви великом҃(ч)ка Феодора Стратилата в годъ вече(р) ни(и) и начаша звонити и поставиша ю во ст҃е(и) цр҃кви и абие услышаша людие мнози града того и начаша приходити и видѣша сию пречудную икону гл҃ще яко мы вчера сию икону видѣхомъ несому сквозе гра(д) нашъ нѣки(м) вино(м) яко воина того подобие великом҃(ч)ка Фе(о)дора и начаша молебная пѣти пр҃ч(с)тои б҃(д) цы одигитрию и воду ст҃ити и мнози прие(м)ше исцеления ра(з) личными недуги одержими в то(и) дн҃ь и виде великии кн҃зь Василии многая чудеса о(т) иконы пр҃ч(с)тыя б҃(д)цы и повелѣ постави(ти) (л. 767 об.) на то(м) мѣсте на не(м) же обрѣте икону цр҃ковь во имя нерукотворе(н)наго образа Гд҃а бг҃а и сп҃са нашего И҃(с)са Ха҃ и мн҃(с) трь соgради игумена устрои и братию собра и зе(м)ли о(т)дѣ(ли) мн҃(с)трю и во(т)чину даде на проко(р)мление да незабвена буду(т) дѣла бж҃ия сии мн҃трь пе(р)выи на Ко(с)тромѣ бы(с) и приѣхаша людие о(т) Горо(д)ца гостьбу дѣюще на Кострому гра(д) и услышаша многия исцеления и чудо(т)ворения о(т) иконы и приидоша во ст҃ую цр҃ко(в) великом҃(ч)ка Феодора помолитися и чудотворную

икону видѣти и сказаша яко сия чудо(т)ворная икона на Горо(д)цѣ бяше и многая о(т) нея чудеса содѣяша(с). По се(м) мало время премину, и абие (л. 768) погоре соборная цркви великом(ч)ка Феодора и чудотво(р)ную икону мнѣша людие яко тутоже згорѣ и о семъ велика бысть печаль кнзю и все(м) люде(м) и по пожарѣ в третии днь на то(м) мѣсте погорѣвшия цркви обрѣтоша чудотворную икону в пепелѣ цѣлу и невръжену и не прикоснуся е(и) огнь и не вреди ея. и сие скоро повѣдаша великому кнзю. кнзь же притече скоро на сие преславное чюдо блгодарение во(з)сылая бгу и преч(с)тои его мтри и вси людие стекошася блгодаряще бга о таковѣ(м) чудеси. и повелѣ великии кнзь вскоре на то(м) же мѣсте новую црко(в) поставити. (л. 768 об.) во имя великомученика Феодора Стратилата и совершиша. И великии кнзь Василе(и) повелѣ чудотворную икону пр(с)тыя б(д)цы древо(м) одела(т) яко киото(м) и (з)лато(м) и сребро(м) и камение(м) драгимъ и бисеромъ утворити ю и повелѣ поставити в новосо(з)даннѣи црквии внутри о(л)таря за пр(с)тло(м) и остиша црко(в) во имя великом(ч)ка Феодора Стратилата. и по се(м) дви(г)нушася татары на руския грады еже пленити и(х) и поидоша на Гали(ч) и около Галича повоеваша и по(д) Вологду и о(т) Вологды къ Яросла(в)лю плениша и о(т) Ярославля на Ко(с)тро(му) поидоша яко же обыча(и) есть пленующи(м) разоряюще хр(с)тия(н)ское (л. 769) жите(л)ство и посѣцающе люде(и). и яко быша бли(з) града Костром(ы) между двема рекама Во(л)гою и Костромою в мысу. великии же кнзь Василеи собрався с своими людми противо ратны(х) и пе(р)вие вшедъ во стую собо(р)ную црко(в) великом(ч) ка Феодора Стратилата и пѣ(в) молебная со слезами многими и с воплѣ(м) и с во(з)дыхание(м) и(з) глубины ср(д)ца о и(з)бавлении града и православны(х) хр(с)тиянъ моляще спса и прч(с)тую б(д) цу чудо(т)во(р)ную икону и великом(ч)ка Феодора в помощъ призываше и всѣ(х) сты(х). И воспомяну(в) великаго кнзя А(н)дрѣя Бголюбскаго како с собою вождаше чюдотво(р)ную икону Владиме(р)скую. егда [же – *зачеркнуто*] хождаше на брани да помогае(т) (л. 769 об.) ему яко и бо(л)гары с нею повоева и побѣди я. Тако и сеи великии кнзь воспрue(м) с собою сию чудотво(р)ную икону и по(и)де противу ратны(х) и повелѣ ю пре(д) по(л)ки возити да помогае(т) и(м) и о(т)идоша о(т) града яко двѣ по(п)рище или вдале мало у нѣкоего езера и уже бли(з) по(л)ки быша межи себе а о(т) нея чудо(т)во(р)ныя иконы во(з)сияша бж(с)твенныя лучи паче сл(н)чьны(х) лу(ч) на тата(р)ския по(л)ки и о(т) тѣ(х) лу(ч) вси смятошася и мнози о(т) ни(х) ослепоша и в то время на нихъ нападоша руския по(л)ки и побиша и(х) множество и руски(х)

люде(и) о(т)полониша у ни(х) много и роспустиша во свояси и бысть тогда радость велика во граде Костромѣ о побѣ(де) (л. 770) еже на(д) татары и то мѣсто на не(м) же стояша с чюдотво(р)ною иконою про(с)лы Стое и по тому мѣсту и озеро Стое именуемо и пото(м) на мѣсте то(м) поставиша ве(с) Стое именуемо по тому мѣсту и до сего дни, и великии кнзь во(з)вратися во гра(д) с великою побѣдою. С ним же и непреборимая заступница наша вл(д)чца б(д)ца чудотво(р)ная икона и поставиша ю паки на том же мѣсте. и пѣвше молебная и блгода(р)ныя пѣсни во(з)даша и много о семъ блгодаривше бга еже (Гдь) бгъ не пре(з)рѣ моления и(х) и прошение и(х) испо(л)ни преч(с)тая вл(д)чца нша б(д)ца крѣпкая помощница всему миру и по семъ мало время пре(и)де и паки погорѣ (л. 770 об.) соборная црkви великом(ч)ка Феодора и в то время пребысть сия чудотворная икона на во(з)дусѣ ником же де(р)жима мню яко невидимо аггли служаху е(и) и де(р)жаху ея и тогда много молиша со слезами сию чудотво(р)ную икону великии кнзь и ве(с) сщенныи собо(р) и все людское множество. дабы града нашего не оставила бе(з) помощи и заступления и в то(м) часѣ сни(де) к ни(м) с во(з)духа и повелѣ велики(и) кнзь малу црко(в) поставити на погорѣвше(м) мѣсте во имя великом(ч)ка Феодора вскоре еже и бы(с) да поставится в неи сия чудотво(р)ная икона на время етеро. И великии кнзь сотвори (л. 771) совѣ(т) со гражаны да постави(т) ся каменна црковь внутрь града во имя прч(с)тыя б(д)цы ч(с)тнаго и славна(го) ея Успения. еже на то(и) днь прии(де) сия чудотво(р) ная икона о(т) Городца на Кострому. а великом(ч)ка Феодора црковь да буде(т) в предѣле. еже и бы(с). и егда сове(р)шиша каменную црко(в) внутрь града во имя прч(с)тыя б(д)ца ч(с)тнаго ея Успения а в предѣле великом(ч)ка Феодора и сию чудо(т)во(р)ную икону с подобающею ч(с)тию принесоша о(т) црkве великом(ч)ка Феодора в со(з)данную каме(н)ную во имя Ея новую црко(в) и поставиша по(д)лѣ црьскихъ двере(и) противъ правого клироса [крылос — *на полях*] да вси приходяще и мл(с)ти прося о(т) нея прося(т) же (л. 771 об.) с вѣрою и приемлю(т). ничто же бо с вѣрою прося(и) и тощъ о(т)ходяи. Понеже бо Гдь Бгъ и тоя снъ предаде сеи чудотворнеи иконе во одержание и в снабдѣние сии гра(д) и с предѣлы его о(т) поганыхъ наития и всякими ра(з)личными недуги к бгородицыне иконы приходяще(и) с вѣрою исцелѣние приемлю(т) и егда остиша хра(м) во имя прч(с)тыя б(д)цы и о(т) толе нача именоватися сия многочюде(с)ная икона Феодоровская иже и до (д)не(с) именуема посему еже пренесена о(т) древнея со-

борныя цр͠кви великом(ч͠)ка Феодора внутрь града в со(з)данную во имя ея соборную цр͠ковь; И о се(м) до(з)дѣ Слово.

Минеи Четьи Иоанна Милютина, 1646–1654 гг.
(ГИМ, Синодальное собр., № 808, л. 764–771 об.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Список озаглавлен «Месяца августа, в єі͠ *(15)* день. Повесть о преблагословенней пресвятей владычицы нашей Богородицы и присно Девеи Марии, честнаго и славнаго Ея одигитрия чудотворныя иконы Феодоровские»: ГИМ, Синодальное собр., № 808, л. 764–771. Рукопись описана: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. 1. С. 208–211.

[2] В составе 4-го издания Пролога. М., 1662. Л. 72–74 об.; среди чтений на 14 марта. Имеет заглавие «Повесть о иконе пресвятыя Богородицы Одигитриа, нарицаемыя Феодоровския, иже на Костроме». Текст этот, не встречавшийся в списках ранее своей публикации 1662 г., затем, в конце XVII – XVIII вв., станет часто переписываться, и, очевидно, первоисточником этих списков оказывался все тот же краткий текст печатного Пролога 1662 г. или последующих его изданий. По крайней мере, некоторые писцы XVIII в., переписывая «Повесть о иконе Богородицы Феодоровской», будут замечать – «яко в пролозе писано».

[3] «Слово о чудеси и о явлении пресвятыя владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго Ея чудотворнаго образа, нарицаемыя Феодоровския, како явися на Костроме граде», 1670 г.: РГБ, Музейное собр., № 6459, в 4°, на 137 (+III) л. Переплет – доски в тисненой коже, скоропись одного почерка, л. 38 об. –136. Филиграни: Герб города Амстердама 152 (1668); кувшинчик с одной ручкой 671 (1619–1652), 682 (1629); голова шута 409 (1658) по: Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988.

Рукопись, содержащая также богородичные стихиры Иоанна Дамаскина, Никифора Каллиста Ксанфопула («Живоприимный источник»), молебный канон Федора Дуки Ласкаря (л. 1 об. – 38 об.), имеет общее заглавие, выполненное киноварью: «Книга молебная и служба и чудеса пресвятей владычице нашей Богородице и присно Девы Марии, честнаго и славнаго Ея ради чюдотворныя иконы явления во граде Костроме, яже нарицается Феодоровская» (л. 1). Время работы над рукописью точно указано писцом (киноварью): «Написажеся сия книга смиренным игуменом Кириллом монастыря Печенскаго, по обещанию иеродиякона Логгина, во обители святой живоначалной Троицы Ипацком [*далее обычными чернилами*]. В лето от сотворения света зрои͠ го *(7178)*, от рожества господа нашего Иисуса Христа ахо͠ го *(1670)*. Месяца майя в а͠ день» (л. 1– 1 об.). Указанная в тексте дата не противоречит времени происхождения бумаги.

Рукопись Муз. 6459 содержит множество более поздних любопытных помет. Так, на л. III об. сделана запись скорописью другого почерка и другими, более темными, чернилами: «Месяца марта в д͞і *(14)* день преподобнаго и богоноснаго отца нашего Венедикта в той же день празнуем явления чюдотворной иконы пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии честнага и славнаго Ея Одегитрия иже ест<ы> нарицаемыя Феодоровския иже во граде Костроме». Время этой записи устанавливается по записи на л. III, сделанной тем же почерком, теми же чернилами: «Семь сот тридесят первъваго... апреля против ѕ͞і *(16)* числа...» (16 апреля... 1731-го года). На л. I – скоропись бледно-коричневыми чернилами: «Сия книга глаголимая... дому Капитона [Капитина? Капытина?] Дмитрея Сергеевича Челов<а>... З... млтвъ пречи(с)тыя твоея матери і свтыя отецъ нашь Г(с)дь І͞с͞е Хр(с)те». В книгу вложен обрывок бумаги XVIII в. с записью тем же почерком, что и на л. I, III, III об.: «Секрета(р) Іван Ку(д)рявъцовъ Іва(н) Ляпуновъ неве(ж) сию... (ч) Милосласкаго паку...».

[4] *Нечаева Т. В.* «Сказание о Феодоровской иконе» первой трети XVII в.: местная легенда и литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6, ч. I. М., 1994. С. 140–164; *Марелло Т. В.* Макариево-Унженский монастырь в первой половине XVIII века: К вопросу о литературной деятельности игумена Леонтия // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 438–470; *Каган М. Д.* Сказание о иконе Богоматери Федоровской // СККДР. Вып. 3. XVII в. Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 407–412.

[5] *Островский П.* Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. VI–IX. О Спасо-Запруденском монастыре см.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях. Т. III. СПб., 1897. С. 171 (№ 2070).

[6] *Островский.* Историческое описание. С. IX.

[7] *Соколов В. А.* Описание рукописей, содержащих Службу на день явления Феодоровской иконы Божией Матери в Костроме и Сказания о явлении и чудесах ее в древнее время и потом, до 1646 года // Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1901. С. 199–264.

[8] Там же. С. 200–202, 205.

[9] *Соколов.* Описание рукописей. С. 212–213.

[10] См.: *Соколов.* Описание рукописей. С. 211–213.

Однако у П. Островского, в перечне настоятелей Успенского собора, о протопопе Федоре сказано не слишком уверенно: «Имя протопопа Феодора упоминается только в одной... 1636 г. грамоте о денежном жалованье и потребах церковных; вероятно, что он управлял Собором до 1644 г., ибо только в актах 1644 г. встречается другое имя» (*Островский.* Историческое описание. С. 157–158).

[11] Цит. по самому раннему списку: Муз. 6459, л. 82 об. –83.

[12] П. Островский называет имя протопопа Трофима, служившего в соборе с 1644 по 1656 г.: *Островский.* Историческое описание. С. 158.

[13] *Строев. П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 6.

[14] См.: *Строев.* Списки. Стб. 853, 854, 860.

[15] См.: Возражения на реферат А. П. Голубцова // Известия IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Вып. 7. Кострома, 1909. С. 7–9.

[16] Цит. по РНБ, Муз. 6459, л. 42, 42 об., 67.

[17] *Голубцов А. П.* Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией матери // Богословский вестник. Т. 3. Октябрь, 1911. С. 364–371. См. также: Журнал совета Московской духовной академии. 1911, (заседание 7 июня).

[18] *Понырко Н. В.* Иоанн Иванов Милютин // СККДР. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. И–О. СПб., 1993. С. 65–69.

[19] Цит. приписку Милютина по: *Понырко.* Иоанн Иванов Милютин. С. 66.

[20] Мнение В. А. Соколова о времени возникновения и авторстве «Сказания» разделяет современный историк А. А. Турилов (см.: *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси. Середина XIII – середина XIV века. М., 2004. С. 179–186, статья о Феодоровской иконе написана при участии А. А. Турилова), а также нынешний историк костромского края, архиепископ Костромской и Галичский Александр (*Он же.* Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Кострома, 2004. С. 5).

[21] *Каган М. Д.* Сказание о иконе Богоматери Федоровской. С. 409; *Сиренов А. В.* Житие Георгия Всеволодовича и Китежский летописец // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 463. Безусловно, обороты проложного текста вроде «посемъ же быша многая чудеса и во градѣ Костромѣ от(ъ) иконы тоя, дважды бо цр҇ковь сгорѣ, икона же она невредима пребысть от(ъ) огня» указывают на значительные сокращения источника.

[22] *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. S. 204–208.

[23] Текст публикуется в Приложении.

[24] Цит. по Муз. 6459.

[25] Пролог. М., 1662. Л. 72–74 об. Текст опубликован: *Островский П.* Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. 1–3; *Макарий, митр.* История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1888. Т. III. С. 302–303; *Державина О. А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века. Пролог: Избр. тексты. М., 1990. С. 285–286.

[26] *Кучкин В. А.* Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661–1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М.: Наука, 1975. С. 139–145; Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. С. 22 (Предисловие).

[27] *Кучкин.* С. 144.

[28] *Кучкин.* С. 144. Речь идет о житиях Константина-Кассиана Углицкого-Учемского, Ферапонта Белозерского, Александра Куштского, Тихона Луховского Стефана Махрищского и др.

[29] *Кучкин.* С. 142. Этот тезоименный святой стал духовным патроном и примером ратной и политической твердости (как змееборец и идолоборец) для будущего Российского государя Федора Алексеевича, а для придворных поэтов и мыслителей – источником литературных и этимологических аллюзий. Имя Федор носил также сын Ивана IV Грозного царь Федор Иоаннович (род. 31 мая 1557 г.), и сын царя Бориса Годунова – Федор Борисович (род.

в 1588 г.). Патрональным святым царевичей был Феодор Стратилат.

См. также: *Сазонова Л. И.* Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006 С. 425–462, 664; см. там же о литературном отражении великокняжеского и царского тезоименства в эпоху Алексея Михайловича (С. 217–221 и след.); *Она же.* Повесть об Алексее Римском в третьем–пятом изданиях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660–1670-х гг. // Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. С. 99–106.

[30] *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. С. 430–432. См. также: *Фет Е. А.* Пролог // СККДР. Вып. I: (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 380; *Кучкин.* С. 140, 142.

[31] *Сиренов А. В.* Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 24–35.

[32] Там же. С. 25, 48; *Он же.* Житие Георгия Всеволодовича и Китежский летописец // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 459.

[33] *Сиренов.* Житие Георгия Всеволодовича и Китежский летописец. С. 460 - 461.

[34] *Сиренов.* Путь к граду Китежу. С. 46.

[35] *Сиренов.* Житие Георгия Всеволодовича и Китежский летописец. С. 463.

[36] «Слово о чудеси и оявлении» А. В. Сиренов цитирует по публикации И. Баженова (Сказание о Феодоровской иконе Богоматери // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1909. Вып. 19. С. 191–260. Опубликован список 1708 г., сделанный с рукописи 1670 г. в Троицкой церкви Костромского кремля). Однако используемый для сравнения список «Сказания» в составе конволюта Солов. 990/1099 нельзя признать удачным: по бумажным знакам листов, содержащих «Сказание», он может быть датирован лишь серединой XVIII в. Текст помещен на л. 210 об. – 228 об., не дописан, по листам – бум. знак № 450 (1744 г.), по: *Тромонин К. Я.* Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844. К тому же текст «Сказания» в Соловецком списке значительно отличается от своего протографа в Минеях Милютина (на которые ориентируется исследователь) и содержит вставки как из «Слова о чудеси и о явлении», так и из других источников (например, хронографа).

[37] *Сиренов.* Житие Георгия Всеволодовича и Китежский летописец. С. 464.

[38] Масштаб эпидемии в Костроме был настолько велик, что в одном только Богоявленском монастыре с начала 1654 г. умерло 56 человек братии. Запись об этом попала в монастырский синодик XVII в. Костромской историк XIX в. А. Козловский сообщает, что к концу эпидемии в Костроме осталось в живых не более трети населения и половина домов стояли пустыми. См.: *Александр, архиеп. Костромской и Галичский.* Костромская Одигитрия. Чудотворная Смоленская икона-фреска Божией Матери. Кострома, 2005. С. 23.

[39] *Введенский С.* Костромской протопоп Даниил // Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 298–304; *Стефанович П. Г.* Приход и приходское духовенство в Рос-

Ф. С. Капица

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ В ПЕЧАТНОМ «ПРОЛОГЕ»

В Древней Руси существовало множество различных типов литературных сборников. Это хронографы, летописи, палеи, патерики, минеи четьи, прологи, цветники, измарагды, златоструи, златоусты, торжественники, азбуковники и прочие сборники, объединявшие огромное количество отдельных произведений. Они использовались и в богослужебной практике, и как книги для чтения. В них нередко объединялись тексты, относящиеся к разным жанрам, – проповеди, жития, похвалы. Иногда их соединение диктовалось практической надобностью, например дать священнику подборку необходимых текстов о популярном святом. В других случаях тексты использовались для подтверждения единой нравственно-назидательной идеи, которая в проповеди была представлена в отвлеченной форме, а в житии иллюстрировалась конкретными жизненными примерами и ситуациями. Отсюда и возникали обширные компиляции, своды, объединяющие в своем составе произведения разных эпох, разных жанров с разными художественными методами. Д. С. Лихачев назвал такое литературное явление «ансамблевым, анфиладным построением древнерусских памятников» [1].

Примером такого жанрового ансамбля является рукописный Пролог. Хронологические рамки повествования охватывают мировую, в средневековом европейском понимании, цивилизацию, начиная с эпохи эллинизма и Римской империи до русского средневековья. В нем соединились несколько пластов текстов – на переведенную с греческого основу наложились рассказы о русских святых и другие тексты. Повести, сказания, жития, поучения относительно равномерно распределены по всем 366 дням древнерусского года (считая 29 февраля), с 1 сентября по 31 августа.

Основные этапы составления рукописных вариантов Пролога могут быть представлены следующим образом.

Первая, краткая, редакция сборника была переведена с греческого на рубеже XI и XII веков. Ее источником стал Синаксарь — краткое изложение «Менология» Василия II (ок. 985 г.), составленное студийским монахом Ильей Греком и митрополитом Константином Мокисийским. Синаксарь, как и его византийский источник, представлял собой календарный свод житий и памятных статей с приложенными к ним тропарями, посвященными памяти святых. Далеко не все из них вошли в русский вариант Пролога. По названию предисловия к Синаксарю — «Прологос» — сборник получил древнерусское название Пролог.

Точное место и время перевода не известно, однако анализ лексики показывает, что над переводом работали русские переводчики. М. Сперанский считал, что перевод был выполнен в одном из афонских монастырей, где жили русские монахи [2]. Позже В. Мошин пришел к выводу, что Пролог был переведен на Руси. Список святых и подбор тропарей показывает, что скорее всего перевод был сделан для Киево-Печерского монастыря, в котором применялся студийский устав, предписывавший чтение Синаксаря во время служб [3].

Начиная с XIII века первая редакция Пролога стала меняться: к рассказам о святых были добавлены поучения по разным поводам и статьи были распределены по дням года в соответствии со Святцами. Эта редакция получила название первой видоизмененной. В середине XIII в. с греческого была переведена вторая, распространенная, редакция Пролога, отличавшаяся по составу и величине статей от первой редакции, в том числе и от видоизмененной первой.

Она почти вдвое превышает первую по объему. Весь текст переработан: многие тексты исключены или перенесены на другое число, введены имена новых святых. Включен ряд статей апокрифического характера (жития Константина и Елены, Мелхиседека, ап. Нафанаила и др.). Многие статьи (о Борисе и Глебе, Феодосии Печерском, Ольге, Владимире, Антонии и Исаакии Печерских, Леонтии Ростовском, сказания о постройке церкви св. Георгия, о пришествии апостола Андрея на Русь, о перенесении мощей Николая Мирликийского, а также краткие жития славянских святых — Константина (Кирилла) и Мефодия, Людмилы и Вячеслава Чешских) заменены на более удачные, чем в 1-й редакции. Кроме того, в текст добавлено много назидательных статей. Это рассказы из патериков, фрагменты из «Повести о Варлааме и Иоасафе»,

притчи, поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина. Считается, что она была сделана в Турове в конце XII в. при участии Кирилла Туровского, поскольку в ее ранних списках сохранилось его единственное известное житие.

Наконец, в XIV в. был переведен с греческого так называемый «стишной Пролог», в котором каждой статье были предпосланы назидательные стихотворные вступления. Отметим, что он отличался по составу от первых двух редакций. Стишной Пролог был введен в обращение на Руси митрополитом Киприаном, пропагандировавшим иерусалимский устав. Впоследствии его текст дополнялся различными статьями из 1-й и 2-й редакций и наконец вошел в Великие Минеи Четьи.

Примерно к концу XV века состав рукописных Прологов в основном стабилизируется. Определяется примерный объем памятника и его состав из двух книг. Понятно, что к этому времени в Прологе соединились разновременные тексты, поэтому в них нет стилевого единства. Все тексты правились по единому образцу, хотя и не всегда имели признаки одного жанра. В одних (рассказы о Борисе и Глебе и Александре Невском) преобладает влияние агиографической традиции, другие (статья о крещении Руси) ближе к летописному тексту, в третьих (рассказы о чудесах) заметно влияние устной нарративной прозы. Поэтому рукописный Пролог не представляет собой единого текста. Даже близкие по жанровым особенностям произведения могли существенно различаться.

О высокой литературной ценности рассказов, входящих в состав Пролога, филологи стали писать с середины XIX века. В. М. Ундольский, впервые охарактеризовавший содержание памятника, специально отметил, что Пролог – это «книга, всего чаще употребляемая во всем греко-русском христианском мире и всего менее исследованная нашими учеными, между тем содержащая множество истинных драгоценностей» [4].

Литературные достоинства материалов Пролога отмечал и Ф. И. Буслаев: «Влияние Прологов на нашу литературу, доселе еще не объясненное, было чрезвычайно значительно. Прологи были для наших предков настольною книгою, по которой, как по сборнику, в извлечениях, они знакомились почти со всеми важнейшими произведениями древнехристианской литературы, перешедшими к нам из Византии... Наши древние писатели, собираясь что-нибудь сочинять, естественно находились под влиянием Прологов, потому что читали их ежедневно, располагая свое чтение по дням и ме-

сяцам Пролога». Затем Буслаев перечислил важнейшие византийские сочинения, переводы которых были включены в Пролог[5].

А. Н. Пыпин впервые проследил историю возникновения памятника, выделив две группы произведений, вошедших в текст Пролога на Руси, – рассказы о наиболее почитаемых святых, имеющие значительную литературную традицию, и статьи о местночтимых святых. Он же впервые указал на имеющиеся различия между ними, отметив, что «если первые представляют краткие версии ранее известных агиографических текстов, то вторые тяготеют не к литературной, а к фольклорной традиции»[6].

Выделение печатного Пролога XVII в. как особого объекта исследования обусловлено и его составом, и особенностями формы, и историей его создания. Первым обратил внимание на фольклорные источники печатного Пролога Н. И. Петров. Он сопоставил с Прологом апокрифические, патериковые и прочие византийские и западноевропейские агиографические сочинения, показав, что круг источников, которыми пользовались составители памятника, отличается от рукописных редакций. Петров впервые указал на то, что для печатного издания Пролога была специально переведена большая группа произведений. В их числе «Житие Николая Мирликийского» и цикл из 15 повестей, в которых рассказывается о различных чудесах святого. К нему примыкает «Повесть об Алексии человеке Божием» и ряд сочинений Ефрема Сирина, восходящих к фольклорным первоисточникам, в частности «Рассказ о соблазнившемся монахе». Всего Петров называет 17 сказаний, для которых прослеживается источник греческого происхождения[7]. Петров отметил и изменение содержания Пролога от издания к изданию, показав, что наиболее полными были старопечатные публикации 1642 и 1659 годов. О русских переделках греческого материала в изданиях Пролога 1642 и 1643 гг. подробно писал и архим. Сергий[8]. Он впервые заметил, что от издания к изданию состав печатного Пролога менялся. По количеству и объему текстов («полнотой и пространностью») печатный Пролог превосходит рукописные. В сущности, он явился не новой редакцией, а совершенно новым типом памятника, что и позволяет рассматривать его как самостоятельный объект изучения.

Чтобы четко обозначить объект нашего исследования, остановимся на истории печатного Пролога. И. Мансветов показал, что подготовку первых изданий Пролога осуществляли справщики Московского печатного двора Савватий Тейша, Иван Селезнев, Шестачко Мартемьянов, Михаил Рогов, Иван Наседка, Иоаким

Александро-Невский [9]. Именно их в первую очередь следует считать составителями этой уникальной антологии текстов.

Рукописными источниками первого издания Пролога послужили древние пергаменные списки, о чем свидетельствует грамота, посланная в Кирилло-Белозерский монастырь 11 марта 1640 г.: «для справки и свидетелства взять прологов и миней четьих добрых старых харатейных книг, которые отослать в Москву» [10]. Использовались также харатейные списки Пролога из новгородских Юрьева и Ковалева монастырей. Привлекались и рукописные синодики, которые велись в каждом крупном монастыре, а также тексты минейных житий [11]. Кроме письменных источников, проводили сбор устных материалов. По монастырям была разослана особая царская грамота, предписывавшая фиксировать рассказы о святых и чудесах от икон, а затем прислать их в Москву: «отвсюду русския земли повеле он государь царь [Михаил Федорович. – *Ф. К.*] собрати и принести в штанбу же печатного дела и в книги сии вчинити» [12].

Видимо, на подготовительном этапе было собрано так много материала, что на Печатном дворе его использовали для подготовки нескольких изданий. О подобной работе говорится в послесловии к сборнику «Трефологион» (Минее праздничной), выпущенному в Москве в 1637 и 1638 годах. Работа над ним велась параллельно с Прологом, но в него вошли исключительно материалы о русских святых. А. С. Зернова показала, что данная книга должна была стать дополнением к печатному Прологу.

Работа над текстом не прекращалась на протяжении всего XVII века. Первое издание вышло в 1641 г., но тогда напечатали только первую половину Пролога (сентябрь–февраль). Второе, полное, издание выходило в 1642–1643 гг. Третье издание появилось в 1659–1660 гг. Четвертое – в 1661–1662 гг. Пятое в 1675– 1677 гг. Оно является наиболее полным по отношению и к предыдущим и к последующим. Шестое вышло в 1685 г. Седьмое – в 1689 г. Восьмое – в 1696 г. Переиздавали Пролог в 1702 и 1718 годах. Затем Пролог начинают издавать в русском шрифте, и его текст перестает меняться.

Таким образом, в Прологе соединилось несколько пластов исходных материалов – на агиографическую основу наложились сюжеты, пришедшие из русской литературы и фольклора. Наиболее отчетливо взаимодействие литературной и фольклорной традиций видно на примере анализа рассказов о святых, которые составляют основную часть Пролога.

В печатном Прологе содержится не менее трехсот повестей и рассказов, для которых можно однозначно указать фольклорные первоисточники. Они достаточно отчетливо отличаются от других материалов, вошедших в Пролог, и отражают следующие уровни взаимодействия литературы и фольклора:

на уровне события (взаимодействие сюжетов, точнее – фабул);

на уровне стиля (взаимодействие средств выражения);

вкрапления (взаимопроникновение текстов).

Составители Пролога активно использовали следующие группы фольклорных жанров:

несказочную прозу, в которой, по сравнению с другими жанрами фольклора, информационная функция преобладает над художественной (на первом плане событие);

сказки, где слово впервые открыто наделяется не утилитарно-информационной, а художественной функцией;

паремиологические жанры, отличающиеся наибольшей словесной характерностью и устойчивостью, а также сказочные формулы.

Что касается вкраплений, то их можно представить в виде следующего перечня:

1. Цитата, вводимая как на фабульном, так и на внефабульном уровне.

2. Аллюзия – намек на активно бытующие фольклорные жанры – пословицу, поговорку.

3. Реминисценция, вызывающая в памяти читателя знакомую конструкцию из другого художественного произведения.

4. Перифраз – произведение прямо противоположного содержания на известной основе.

Теперь обратимся к примерам.

В рассказе «О судьбах божиих» (21 ноября) ангел совершает три поступка, удивляющих его спутника и кажущихся ему несправедливыми и жестокими: он бросает в море серебряное блюдо первого приютившего их хозяина, убивает младшего сына у второго хозяина и разрушает дом у третьего. На вопрос о причинах своих действий он отвечает, что блюдо нажито нечестным путем, юноша, которого убил ангел, должен был сделаться разбойником, а в стене дома было спрятано золото, которое соблазняло многих. Варианты этого сюжета представлены в русском, украинском и белорусском фольклоре [СУС: 795, 796] [13].

Не менее популярен в Прологе сюжет о поручительстве святого. Купец Федор берет три раза в долг деньги у своего друга еврея

Авраама. Чтобы отдать долг, он кладет деньги в сундук и отправляет их в море, поручив защите Николая чудотворца. Деньги чудесным образом приплывают и попадают прямо в руки заимодавцу [СУС: 849]. Уезжая в дальний путь, хозяин поручает охрану своей жены Пресвятой Богородице. По воле Богородицы слуга, собиравшийся убить госпожу и ребенка, порученных хозяином ее защите, не может двинуться с места [СУС: 710].

В качестве основы сюжета подобных рассказов часто используются фантастические мотивы и целые сюжеты, представленные как в Библии, так и в фольклоре. Например, рассказ о том, что, несмотря на попутный ветер, корабль не двигается по морю, представлен и в былине о Садко, и в библейском рассказе о пророке Ионе (буря, поднявшаяся потому, что на борту корабля находится грешник). В Прологе тот же мотив остановившегося корабля представлен в рассказе о женщине, убившей своих детей ради того, чтобы выйти замуж за полюбившегося ей человека (19 марта), а также в рассказе о святом Николае как поручителе (6 декабря). Совершив убийство, женщина должна была бежать, спасаясь от правосудия, но на море поднялась буря, и корабль не повез грешницу [СУС: 973].

Примечательно, что в проложных вариантах сохранена фольклорная концовка – виновника бросают в море, после чего буря утихает и корабль продолжает движение, но судьба брошенных в море людей различна: Иону, как известно, проглотил кит и через три дня выбросил на землю; женщину «спускают на малый кораблец», т. е. пересаживают в лодку, Садко становится на доску. И женщина, и Садко идут ко дну. Женщина-грешница погибает, а Садко попадает в гости к морскому царю [СУС: 677]. Проложная история о чудесно найденном в рыбе драгоценном камне представлена и в антологии сказок «Тысяча и одна ночь».

В Прологе мы неоднократно встречаемся с героями-змееборцами. В статье о Михаиле-воине (22 ноября) говорится, что после победы над агарянами и ефиоплянами герой, возвращаясь в Рим, останавливается у озера. На берегу Михаил видит девушку, оставленную на съедение трехголовому змею, который живет в этом озере. Михаил убивает змея и спасает девушку.

Иногда сказочные мотивы вводятся в статьи о святых. Например, в рассказ об отшельнике Марке Фраческом (5 апреля) включен мотив о скатерти-самобранке [СУС: 563]: желая угостить пришедшего к нему инока, Марк, подойдя к вертепу (пещере), где он жил один, «гласом оти возопи: предложи, чадо, трапезу!». Вошедшие видят «трапезу и два стола стояща, и хлеб, и овощие, и две рыбы испече-

ны, и финики, паки святый рече: возми, чадо, и ядущи» (л. 149 об.). Отметим, что в минейном житии данный мотив отсутствует, и пища появляется на столе после молитвы святого отшельника.

Еще один мотив, часто используемый в Прологе, – животные – помощники героев [СУС: 160]. Подобные мотивы введены в многочисленные рассказы о пустынниках и святых. Животные ищут у пустынников помощи, как львы у старца Герасима или у отшельника Анина, а затем исполняют их поручения. Отшельник Анин (13 марта) вылечивает льву больную лапу, после чего зверь становится его усердным слугой, которого Анин посылает с письмом (хартией) к столпнику, узнав, что тот «хощет снити со столпа и труд свой погубити». Лев приносит письмо, «на столп вскочив, поверже пред ним хартию. И тако утвердиша не лезти со столпа до конца».

Отметим еще один вариант данного мотива, в котором провинившееся животное становится слугой святого. В рассказе о старце Герасиме лев, задравший осла, по воле старца послушно носит воду в монастырь. Но в большем количестве статей представлен русский вариант данного сюжета, в котором действующим лицом является медведь.

В рассказе о монахе Коприи, подкидыше, воспитанном в монастыре и вскормленном козьим молоком (24 сентября), повествует о том, как Коприй, обнаружив на монастырском огороде медведя, взял его за ухо и вывел из огорода. Когда же этот медведь поранил осла, который должен был возить в монастырь дрова и воду, Коприй положил дрова на медведя, сказав: «Не имам тебе пощадити ты бо имаши творити ослову работу, донеже оздравеет, и повиновася ему медведь и влачаше дрова и воду, донеже здрав бысть осел, и тако медведя прости». Этот сюжет распространен в фольклоре всех восточнославянских народов [СУС: 160].

Работая на монастырской кухне, Коприй совершает и другие чудеса. Когда под рукой не оказалось ложки, он голой рукой снял пену с кипящего котла и размешал варево и «невредим пребысть». Тот же мотив включен в рассказ о Павле-повиннике (7 декабря).

Испытание героя с помощью погружения в горячую или кипящую воду представлено и в фольклоре [СУС: 531]. Вспомним вариант сюжета о богатыре, где герой прыгает в кипящий котел и выходит из него не только невредимым, но и красавцем. Такими же невредимыми выходят из кипящих котлов и раскаленных печей в рассказах Пролога мученики, брошенные туда жестокими мучителями. Видимо, использование данного мотива в Прологе связано с тем, что он присутствует в Библии (в рассказе о трех отроках, бро-

шенных по приказу царя Навуходоносора в «пещь, огнем горящую», и оставшихся невредимыми) и широко представлен в агиографической и легендарной прозе.

В Прологе данный мотив получает и традиционную, и несколько иную трактовку. Чтобы согреться во время зимних холодов, Иоанн Устюжский влез прямо в печь, лег на горящие уголья и остался невредимым. Здесь испытание огнем является не показателем стойкости, а свидетельством чудесного качества, которым обладает персонаж, и, следовательно, доказательством его святости.

Аналогично использован мотив чудесного умения в рассказе о Ниле Столобенском. По молитве святого гаснет горящий лес, подожженный, чтобы заставить святого покинуть свое жилище. В качестве доказательства святости могут использоваться и другие мотивы. Например, когда рыбаки приносят к Нилу Столобенскому пойманную в озере рыбу, но оставляют себе крупную рыбу, то святой спрашивает: «Почему вы принесли мне детей без матери?», а затем выпускает всех рыб обратно в озеро. Когда «некий человек» рубит на берегу несколько деревьев, то его лошадь не может сдвинуться с места. Он ищет помощи у святого, по молитве которого все деревья встают и расходятся по своим местам.

Близость проложных легенд к народному творчеству привела к тому, что народные певцы – калики перехожие охотно перелагали их в духовные стихи. Среди духовных стихов, собранных и опубликованных П. Бессоновым, многие тексты близки по своей тематике к проложным рассказам. Таковы, например, стихи об Алексие человеке Божием, композиция которых точно следует за проложным рассказом [14].

Так же точно следует за проложным рассказом во всех его подробностях стих о чуде Николая Мирликийского – в нем рассказывается о чудесном возвращении домой Агрикова сына Василия.

В нескольких стихах с различными подробностями излагается история царевича Иоасафа Индийского. Однако значительно большее количество стихов, также восходящих к этой легенде, посвящено беседе царевича с «матерью пустыней», где он убеждает пустыню принять его к себе. Показателен и напечатанный Бессоновым стих № 60, где в рассказ о царевиче Иоасафе вводится мотив из проложной легенды, связанной с именем другого отшельника.

В статье от 9 марта рассказывается, как Пафнутию-отшельнику, спасавшемуся в пустыне, было предложено поучиться добродетели у простого крестьянина. По указанию ангела он идет из пустыни к

крестьянину-труженику и лично убеждается в его высокой нравственности и подвижнической жизни [СУС: 796].

С рассказом об Иоанне Новгородском, исторически реальном лице, связан сюжет фантастический, сказочный – чудесное перенесение за одну ночь в Иерусалим на бесе и возвращение в Новгород[15]. Сюжет о заклятом бесе [СУС: 839] широко используется в мировой агиографической литературе. Обычно победа над бесом (или дьяволом) входит в число ряда искушений, через которые проходит святой. Дьявол (черт, бес) пытается помешать ему молиться, отвлекает от благочестивых размышлений, принимает образы различных животных, а иногда и соблазнительной красавицы. Но все козни неизменно разбиваются святым, и дьявол терпит поражение. При этом западноевропейский святой никогда не использует побежденного дьявола в своих целях, а просто изгоняет его из своего мира. Данное окончание сюжета связано с представлениями средневековой демонологии, согласно которым любое соглашение с дьяволом означает договор с ним, а это – смертный грех. Совершенно иное представление о дьяволе в православной традиции привело и к появлению иных версий данного сюжета. Отметим, что в православных житиях, как правило, действует не сам дьявол, а его «представители» в виде чертей или бесов.

В печатном виде «Житие Иоанна Новгородского» впервые появилось во втором издании Пролога. Оно только отчасти совпадает с первоначальной редакцией Жития в рукописном Прологе начала XVI в. «Житие Иоанна Новгородского» построено по типу биографии-некролога: сообщается ряд фактов от рождения героя до его смерти, даются краткие биографические, генеалогические, характерологические сведения. Сказочный мотив заклятого беса в нем отсутствует. Практически рассказ, содержащийся в рукописном Прологе, в печатном выполняет лишь функцию экспозиции, предварительной характеристики святого.

Биографические сведения дополнены фольклорным материалом, и основную часть рассказа составляет сюжет о встрече святого с бесом. Таким образом, из краткой заметки о святом проложная статья преобразуется в остросюжетный занимательный рассказ. Введение фольклорного мотива отражает тенденцию печатного Пролога к беллетризации, к обогащению его материалом, сюжетами, основанными на вымысле. Легендарный сказочно-фантастический мотив путешествия человека на бесе, по-видимому, оказался настолько привлекателен для составителей печатного Пролога, что не только был включен в проложный рассказ, но и

занял в нем главное место. Таким образом, необычность, занимательность сами по себе играли важную роль в Прологе.

Л. А. Дмитриев отмечает, что источником, из которого этот мотив появился в печатном Прологе, является основная редакция «Жития Иоанна Новгородского», которая была создана в 70-е годы XV в. Но в печатный Пролог был взят не весь сюжет Жития Иоанна, а только один сказочный мотив, также занимающий в основной редакции Жития центральное место и носящий заглавие «Слово 2-е о том же о великом святителе Иоанне, архиепископе великого Новаграда, како был в единой нощи из Новаграда в Иеросалим град перенесен бесом и пакы возвратися в великий Новъград тое же нощи».

Входящие в Житие две другие легенды — «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» и «Сказание о гробнице Иоанна Новгородского» отсутствуют в тексте печатного Пролога. Видимо, во время издания Пролога идеи, заложенные в этих легендах, утратили свое политическое значение и публицистическую остроту. Эпизод путешествия Иоанна на бесе, построенный на основе популярного сюжета о побежденном бесе, наверняка мог заинтересовать читателей Пролога своей остросюжетной стороной. По всем названным причинам он и был введен в печатный Пролог.

Содержание «Жития Иоанна Новгородского» в печатном Прологе составляет рассказ об одном необыкновенном событии из жизни святого — встрече его с бесом. Рассказ начинается сразу после экспозиции без всякой связи с предшествующей жизнью Иоанна и состоит из трех эпизодов: 1) путешествие на бесе в Иерусалим; 2) месть беса святому и компрометация Иоанна: 3) изгнание из города, чудо на реке и последовавшая затем его реабилитация. Следовательно, проложное «Житие Иоанна Новгородского» повторяет композицию центральной части Жития Иоанна, т. е. «Слова 2-го», куда рассказ о чуде на реке вошел как внесюжетный элемент. В печатном Прологе все наоборот — занимательный эпизод состязания Иоанна с бесом становится основой сюжета, а остальная часть Жития выполняет функцию обрамления.

В проложном варианте рассказа есть отличия и в способе изложения сюжета. Повествование проложного текста объективировано. В нем нет авторского зачина с характеристикой сочинения и своеобразной интерпретацией его: во вступлении к «Слову» автор кратко замечает, что и святому подчас выпадает испытание и если он сумеет выдержать его, то еще больше прославится и просияет, как отполированное золото.

В развертывании самого мотива победы над заклятым бесом проложный вариант рассказа построен по иному принципу, чем эпизод из Жития. В последнем сюжет путешествия Иоанна на бесе осознается как художественный, и все его детали и подробности выполняют изобразительно-художественную функцию. В рассказе об Иоанне Новгородском в печатном Прологе установки на изобразительность нет, в соответствии с задачами сборника сюжет изложен достаточно сжато.

Прежде всего, заметно уменьшена роль диалога. В Житии завязка действия построена в диалогической форме. Иоанн и бес по очереди произносят пространные речи, в которых святой порицает, а бес умоляет святого выпустить его из сосуда. В результате этого словопрения бес соглашается стать слугой Иоанна. В проложном рассказе никаких диалогов нет, прямая речь героев переводится в косвенную, которая сохраняет только роль связки эпизодов одного развивающегося события, но не используется для характеристики персонажей и создания драматической ситуации. Иоанн накладывает на беса крест и тем самым вынуждает его подчиниться.

С этой же целью в житийный вариант введена яркая художественная деталь: перед тем как отправиться в путь, бес принимает облик коня. Отметим, что само превращение происходит быстро и как бы перед глазами читателей. В Прологе данный мотив отсутствует, и бес от начала до конца пребывает только в своем настоящем, то есть бесовском, обличье, как и в фольклорных вариантах данного сюжета.

Решение новгородцев изгнать Иоанна, переданное в Житии прямой речью, в Прологе оформлено в виде краткой заметки: «молвящым же всем и зело ропщущим, яко святитель, рече, деву в келий держит». Если в Житии новгородцы, убедившись в невиновности Иоанна, обращаются к нему три раза с речами, умоляя святого простить их и вернуться на свой престол, то проложный рассказ ограничивается только одной попыткой. Таким образом, составители Пролога уделяют гораздо меньше внимания речам как статическим элементам повествования, сосредоточиваясь на динамичном изложении событий. Особенно наглядно эта тенденция проявляется в последней части рассказа, посвященной плаванию Иоанна на плоту и его возвращению в Новгород.

Вот как об этом написано в Прологе: «...пойде плотъ по Волхову реце со святым в верх, противу неизреченных быстрин. Людие же новгородстии видевше преславное то чудо, абие пременишася от злобы еже к святому, разумеша бо яко от врага на него то бысть ис-

кушение. Начаша со слезами молити святаго и прошения от него прошаху. Отдаждь, рекоша, отчи, еже по неведению сотворихом и возвратися на свой престол. Сия глаголаху, идуще по брегу противу святаго, и едва умолиша святаго. Блаженный же Иоанн, послушав их моления, приста на плоте у монастыря, нарицаемого Юрьев. И тако святый возвратися на свой престол с великою честию и славою».

В Житии плавание Иоанна описано как специально замедленный процесс: святой «плыл тихо, благоговейно и торжественно, яко некоторою божественною силою носим»; затем, вняв мольбам новгородцев, Иоанн, словно по воздуху несомый, приплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на землю. Определения, с помощью которых описывается плавание святого, были призваны передать со всей очевидностью мысль автора о невиновности Иоанна Новгородского. Еще более сильному выражению идеи автора служила картина суеты и смятения, когда новгородцы испугались, что понапрасну возвели клевету на святого. Участники события охвачены волнением, находятся все время в непрерывном движении: в раскаянии рвут на себе одежды, спешат в Софийский собор за священнослужителями; взяв крест и икону, идут вдоль берега Волхова вслед за Иоанном, умоляют его, кланяются ему до земли, проливают слезы, по случаю возвращения святого в монастырь звонят в колокола и т. д.

Очевидно, что в Житии действие продолжается достаточно долго и проходит больше ступеней развития, чем в проложном варианте, чтобы вызвать художественный эффект: представить действующих лиц более рельефно, связать их поступки причинно-логическим образом и в результате произвести наибольшее впечатление на читателя.

Итак, сравнение «Жития Иоанна Новгородского» с его проложным вариантом еще раз убеждает в том, что в передаче сюжета составители Пролога прежде всего стремятся к информативности, а не к изобразительности.

Но в проложной трактовке фольклорного сюжета о путешествии на бесе есть, пожалуй, еще один не менее существенный момент. Дело в том, что в Житии этот сюжет трактуется как рассказ об испытании святого на крепость его веры и праведность его жизни, о чем автор Жития предупреждает во вступлении, отметив, что «многажды же бывает со искушением над святыми попущением божиим». В проложном тексте динамичность развития действия отводит на второй план учительно-характерологическую

функцию: из сложной, богатой перипетиями борьбы с бесом Иоанн выходит победителем благодаря своей находчивости, а не только благочестивой жизни.

Таким образом, обычное для средневековой литературы явление, когда занимательность уравновешивалось дидактическим смыслом сюжета, проложным текстам практически не свойственно. Именно с этой тенденцией литературного развития связано обращение печатного Пролога к фольклорному материалу. Однако составителей Пролога прежде всего интересуют те фольклорные сюжеты, которые могут быть поставлены на службу агиографии.

Фольклорная фантастика, выступающая лишь как прием, а не как средство создания интересного сюжета, составителями Пролога последовательно отклоняется. Наглядный пример того – проложный вариант Жития Петра и Февронии Муромских. Он никак не соотносится с поэтической, обладающей большими художественными достоинствами «Повестью о Петре и Февронии Муромских» [16].

В основе сюжета повести лежат два фольклорных сюжета – борьба со змеем и отгадывание загадок мудрой девой [17]. Героя первого мотива – муромского князя Петра и героиню второго мотива – крестьянскую девушку Февронию объединяет любовь. Повесть рассказывает о зарождении их чувства и об их счастливой, согласной жизни. В ней выражен народно-поэтический взгляд на поведение героев: храбрый князь Петр вступает в единоборство со змеем, а Феврония, мудрая, трудолюбивая, скромная, представляет собой идеальную супругу.

Подобная окрашенность повествования не соответствовала задачам Пролога. Поэтому «Повесть о Петре и Февронии», известная с XV в. и распространявшаяся в огромном количестве списков, не получила в нем отражения. На ее основе составители сборника создали особый вариант рассказа о жизни святых, более документальный, лишенный фольклорных мотивов и чудес.

Вместо бесстрашного князя и мудрой девы, «предивной княгини», в проложном тексте изображены два благочестивых, праведных, милостивых, кротких святых лика. Подчеркивается, что они ведут происхождение свое от «благочестива и свята корене». Рассказ об истории любви Петра и Февронии, силе их чувства, не угасшем даже со смертью героев, в Прологе заменен рядом кратких сообщений, в которых перечисляются их качества как подвижников: «любяста целомудрие и чистоту», «обидимыя изимаста из рук обидящих», «милостыню подаваста», «посту и воздержанию

прилежаста». Вместо цветистого стиля в соответствии с житийной традицией, в Прологе представлен набор агиографических штампов, из которых составлены условные фигуры князей-святых, живших и умерших в благочестии.

Многие проложные тексты, в том числе и те, которые были рассмотрены выше, перепечатывались в изданиях Пролога XVII в. в том виде, какой они получили при первой их публикации. При переиздании в них вносились лишь незначительные стилистические изменения в целях подновления и упрощения языка.

Таким образом, очевидно, что способ сжатого изложения был определяющим принципом организации повествовательного материала Пролога. Лишь в отдельных случаях редакторы Пролога отступали от него по причинам политико-идеологического характера.

Сравнительный анализ отдельных житий с их вариантами в печатном Прологе обнаруживает не только конкретные отличия в освещении ими одних и тех же лиц и событий, но и некоторые общие идейно-художественные особенности, присущие житию проложного типа. Они относятся к поэтике малой формы с ограниченным кругом изобразительных средств.

Рассказ в Прологе ведется как подчеркнуто нейтральное, объективированное, отстраненное повествование. В нем отсутствует авторское вступление, в котором автор обычно представляет себя и свой труд читателям, – композиционно важный элемент, обязательный для самостоятельных житий. Можно сказать, что роль рассказчика с его индивидуально-авторской точкой зрения на изображаемые события из печатного Пролога устранена. Повествовательное время Пролога ускорено, действия, в которых принимают участие герои, не показываются в длительном развитии, читатель о них лишь информируется.

Проложный рассказ построен однолинейно: в нем соблюдается единство точки зрения на происходящее. Внутренний мир человека, его мысли, чувства не учитываются, поэтому в Прологе отсутствует психологическая мотивированность действий: как правило, ничего не говорится о причинах поступков персонажа или о зарождении замысла совершить тот или иной поступок. Мало внимания уделяется описаниям внешнего облика героев, окружающей обстановке, конкретным деталям и подробностям.

Большинство проложных рассказов имеет трехчастную композицию. Первый ее элемент – краткая экспозиция, в которой сообщается предыстория персонажа. В следующей за ней основной

повествовательно-событийной части показано поведение героя во время совершения подвига. Конечная точка рассказа – эпилог, в котором говорится о смерти героя, о том, когда он скончался, где похоронен, иногда упоминается о чудесах, происходящих над его телом. Первый и третий элементы этой структуры отмечают начало и конец жизненного пути персонажа, обрамляют рассказ о некоторых эпизодах, связанных с ним, благодаря чему создается иллюзия цельности и непрерывности его жизни.

В проложном тексте нет полного и последовательного описания судьбы человека от рождения до смерти, для статей отбираются отдельные события из жизни героя, которые можно рассматривать как примеры его добродетелей и заслуг. Эпизоды центральной части рассказа, выполняя сюжетно-характерологическую роль, призваны проявить несколько сторон нравственного облика героя. На первом месте обязательная черта любого агиографического персонажа – праведность, затем, в зависимости от того, чем прославился герой и что он совершил, выделяются еще одна или две черты, как, например, хитрость и нравственная чистота у Иоанна Новгородского или сознание своей правоты у Коприя, мученическая стойкость и безропотность у Петра и Февронии.

Поскольку сюжет используется в проложном рассказе не с собственно художественной целью, а только как средство характеристики персонажа, то его роль иная, чем в самостоятельном житии. Прежде всего, отметим, что проложное изложение обнаруживает разную степень разработанности сюжета. Об элементах сюжета свидетельствует наличие завязки и развязки события, однако действие не проходит стадий развития, и потому сюжет почти совпадает с фабулой. Отметим, что данное качество, прежде всего, относится к тем текстам Пролога, которые имеют длительную литературную историю. В проложных вариантах житий Феодосия Печерского и Александра Невского сюжет представляет собой лишь цепь ситуативных характеристик героев на разных этапах жизни. Некоторые тексты, в частности Житие Петра и Февронии Муромских, представляют собой полностью бессюжетный рассказ, состоящий из перечня благочестивых дел и поступков. Таким образом, в проложном изложении отчетливо проявляется тенденция к фабульности, а не к сюжетности. В Прологе происходит как бы свертывание сюжета, возвращение и приближение его к фабульному состоянию [18], когда содержательно-смысловые связи доминируют над литературными художественно-изобразительными приемами оформления повествовательного материала.

В этом отношении проложные жития имеют типологическое сходство с такими жанрами средневековой литературы, как программы к пьесам и предисловия к книгам. Столь разные жанры сближает заложенная в них информативно-дидактическая функция: установить контакт с читателем, ознакомить его с идеей и основным содержанием произведения, направить читательское восприятие в необходимое русло. Их объединяет и поэтика малой формы со всеми присущими ей особенностями: вниманием к событийному ряду, уменьшением прямой речи и диалога, драматизации, отсутствием развернутых сцен, повторяющихся ситуаций, деталей, подробностей.

Функционирование названных жанров связано с характерным для средневековой литературы явлением, когда один и тот же сюжет переходит из одного произведения в другое: в зависимости от идейно-художественных задач он облекается то в форму развернутого повествования, то передается в краткой форме. Проложное житие соотносится с пространным, программа сопутствует пьесе и образует с ней драматургический комплекс, предисловие интерпретирует содержание книги (классическим примером могут служить предисловия Франциска Скорины к изданиям Библейских книг). Таким образом, в древнерусской литературе наблюдается существование параллельных жанров, основывающихся на одном сюжете. Литература малых форм как бы сопутствует литературе больших форм, и поэтому ее задача сводится к воспроизведению не сюжетных, а только фабульных элементов повествования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1970. С. 50.

[2] *Сперанский М. Н.* Сентябрьская книга четья домакарьевского состава // СОРЯС. Т. 64. СПб., 1899. № 4. С. 8.

[3] *Mosin V.* Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskogo u svetlosti visantijsko-slavenkih odnosa XII–XIII vekov // Sborn. Histor. Inst. Zagreb. 1959. V. 26. C.17–20.

[4] *Ундольский В. М.* Библиографические разыскания по случаю выхода описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей российских, составл. П. М. Строевым... // Москвитянин. 1846. Т. 12. С. 206.

[5] *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861. С. 126–127, 222–223. См.: *Овчинникова Е. С.* Вновь открытый памятник станковой живописи...

[6] *Пыпин А. Н.* История русской литературы. Т. 1. М., 1907. С. 90–91.

[7] *Петров Н. И.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875. С. 106–107.

[8] *Сергий (Спасский), архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. М., 1875. С. 287 (О русских и славянских материалах в составе Пролога).

[9] *Мансветов И.* Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 25.

[10] Потребник мирской. М., 1639. Послесловие, л. 2.

[11] *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI– XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 50.

[12] Трефологион. М., 1638. Л. 726 об.

[13] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (далее – СУС).

[14] Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. С. 29–30.

[15] День памяти Иоанна Новгородского 7 сентября (см.: Пролог. М., 1642. Л. 28 об., 30 об.).

[16] День памяти Петра и Февронии Муромских 25 июня (см.: Пролог. М., 1643. Л. 568 об., 569 об.).

[17] *Дмитриева Р. П.* О структуре Повести о Петре и Февронии // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 247–270.

[18] Мы пользуемся терминами 'сюжет' и 'фабула' в понимании Б. Томашевского. См.: *Томашевский Б. В.* Теория литературы (Поэтика). Л., 1925.

А. М. Ранчин

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В «ЗАПИСКЕ О ЖИЗНИ ИВАНА НЕРОНОВА»

Так называемая «Записка о жизни Ивана Неронова» — памятник древнерусской книжности второй половины XVII в. Ее предполагаемый составитель — игумен московского Златоустовского монастыря Феоктист, создавший этот текст на основе устных рассказов Неронова. Как полагает Н. С. Демкова, к составлению «Записки», возможно, причастен сам Иван Неронов: «в тексте часто встречаются формы повествования от первого лица» [1]. «Записка» дважды издавалась исследователями [2] и неоднократно использовалась как документ по истории раннего старообрядчества и как один из основных источников биографических сведений об Иване (в монашестве Григории) Неронове — влиятельном учителе старообрядчества и противнике церковной реформы патриарха Никона, позднее примирившемся с Никоном и господствующей Церковью на условиях, подобных тем, что были позднее приняты единоверцами. («Записка» охватывает события жизни Неронова начиная со ссылки в Спасо-Каменный монастырь в августе 1653 г. и заканчивая январем 1659 г.) Как памятник книжности «Записка» совершенно не исследована; неясна и история текста этого произведения, и прежде всего — ее соотношение с «Житием» Ивана Неронова [3]. В данной статье я не ставлю задачей решение этого текстологического вопроса, ограничиваясь лишь некоторыми наблюдениями, относящимися к поэтике «Записки» и свидетельствующими о нетривиальном сочетании в ней традиционных и новаторских для древнерусской книжности черт. Эта особенность «Записки» объяснима как временем ее возникновения (XVII столетие в истории русской словесности, как хорошо известно, — эпоха, характеризующаяся сложным и порой парадоксальным соединением нового и старого), так и духовным контекстом памятника (соединение, порой совершенно неожиданное, нового и старого свойственно ста-

рообрядческой книжности раннего времени, и сочинения протопопа Аввакума или автобиографическое «Житие» инока Епифания — лишь наиболее известные примеры такого рода).

Выбор отрезка жизни Ивана Неронова в «Записке» определяется ее установкой: этот текст представляет собой как бы своеобразную «заготовку» к житию Неронова, при этом жизнь Неронова рассматривается как подвиг во имя исповедания истинной веры, т. е. как деяния исповедника. Соответственно, хронологические границы повествования — от ссылки Неронова Никоном («Лѣта 7161 (1653) августа в 4 день, при патриархѣ Никоне <...> протопоп Иоаннъ Нероновъ сосланъ был в сылку от патриарха Никона, за Вологду, въ Каменской монастырь» [1]) до примирения с Никоном, дозволившим Неронову служить по книгам старой печати, и встречи с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Крутицким Питиримом, которому Неронов поведал о бывшем ему чудесном видении, в котором сам Господь Иисус Христос открыл бывшему Казанскому протопопу, а ныне иноку Григорию, что дарует ему благодать как поборнику святой веры и благословляет служить в пустыни, где Григорий подвизался, литургию по старым книгам. И согласие Никона разрешить Григорию служение по старым книгам, и готовность московского протопопа послушать инока и не «четверить» аллилуйю при богослужении «въ соборной церкви на крылосахъ» (с. 349) истолковываются в «Записке» как победа Неронова. Возможно, для составителя «Записки» существен и уход Никона с патриаршего престола, пришедшийся именно на 1658 г. — год бесед с Нероновым, обличавшим «новизны» Никона. (На самом деле, оставление Никоном патриаршего престола никак не было связано с неприятием старообрядцами проведенных им реформ, но книжник мог предполагать именно такую читательскую трактовку событий.) Царю Алексею Михайловичу Неронов так говорит о Никоне: «Доколѣ, государь, тебѣ дотерпѣть такову Божию врагу? Смутилъ всею Рускою землею и твою царьскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать, — отъ него, врага, всѣмъ страх!» (с. 347). Отказ царя разрешить Никону, в 1658 г. удалившемуся из Москвы и оставившему патриарший престол, предстает в «Записке» словно бы как следствие и исполнение призыва из речи Неронова, в которой старец Григорий обличает Никона, в том числе и за властолюбивое притязание на роль государя.

Повествование о борьбе Неронова за «старую веру» открывается перечислением посланий Ивана в защиту церковной старины, адресованных царю Алексею Михайловичу (два письма), его духов-

нику Стефану Вонифатьеву (четыре письма) и царице Марье Ильиничне. При этом неизменно отмечается, что письма составлены «плача», «со слезами», что это «плачевное моление»; отмечен и пророческий пафос Неронова, который составлял их, «извѣстно же творя, яко и гнѣвъ Божий грядет неуправления ради церкви; приписавъ же и своею рукою къ посланию, приводя во свидѣтельство божественное Писание», «ясно сказуя быти хотящий гнѣвъ от Бога всей Росии за прѣзрение вопля того и за еже оскорбляемымъ быти Божиимъ рабомъ, проповѣдающим истинну и просящим церкви мира» (с. 337–338).

И экзальтация («слезность»), и пророческое обличающее рвение Неронова – черты, отличительные для изображения эмоционального состояния и поведения поборников «старой веры» в старообрядческой книжности. Наиболее выразительный пример – это, конечно же, «Житие» и послания протопопа Аввакума, который был учеником Неронова.

В изложении содержания посланий Неронова местоимение третьего лица («онъ»), обозначающего адресанта-автора, однажды заменяется формой первого лица («я»): «Того же лѣта, майя во 2 день, и къ государони царице и великой княгине Марье Ильиничьне писал я со слезами, прося церкви мира <...>» (с. 337). Употребление местоимения первого лица вместо требуемого нарративной поэтикой местоимения третьего лица может объясняться не только влиянием устных рассказов самого Ивана Неронова на составителя «Записки», но и стремлением сохранить в тексте «Записки» присутствие пишущего обличительное письмо. Показательно, что в большинстве случаев перфектные глагольные формы на «-л», характеризующие писание Нероновым обличительных посланий, даются без обозначения субъекта действия: «писалъ» (с. 337), а не «я писалъ» или «онъ писалъ». Так как в глагольной форме прошедшего времени (собственно, в церковнославянском языке – в форме перфекта) нет различения по грамматической категории лица, наводняющие начало «Записки» глаголы «писалъ» могут интерпретироваться и как «я писалъ», и как «онъ писалъ».

Центральный эпизод повествования о пребывании Неронова в ссылке – самовольный уход из Кандалакшского монастыря вместе с тремя духовными детьми и чудесное спасение во время бури на Белом море. Для описания шторма характерны новые в сравнении с агиографической традицией черты – детализация изображения (положение карбаса), поэтика конкретного (неспособность Неронова и его духовных детей спустить парус) и гиперболизация

(размеры волн), передающая страх застигнутых бурей: «И внезапу бысть буря велия, волнамъ убо восходящимъ на высоту, аки превеликимъ горамъ, и кождо ихъ с воплемъ к Богу взываху <...> Буря же преизлиха начать стужати, и карбасъ вмалѣ не опровержеся, зане от страха содержащаго не можаху паруса спустити, и карбасъ на боку волнами носимъ; тѣма же на другую страну от вѣтра нападьшимъ и держащимся за край карбаса, волны же, яко превелие горы, зѣло на высоту восхождаху, мнѣти тѣмъ, яко на облакъ подъять ихъ; егда же схождаху долу, мняху, яко покрыти ихъ имать волнами море; и не надѣяхуся кождо ихъ жити <...> в то время работники Ивановы и дѣти духовныя учали межъ собою прекословить, Ивану досаждать: "Кто, де, въ такомъ карбасѣ по морю ѣздить, а се, де, и снасти никакой нѣть!"» (с. 338).

Достаточно сравнить это описание с изображением случаев чудесного спасения на море, представленных в «Житии Зосимы и Савватия Соловецких» (одном из наиболее читаемых древнерусских житий, содержащем, кажется, наибольшее число таких чудес), чтобы увидеть нетрафаретность изображения бури в «Записке»[5]. И установка на поэтику конкретного, и грандиозность изображения роднит это описание с другими памятниками раннестарообрядческой книжности, прежде всего с автобиографическими «Житиями» Аввакума и Епифания.

Сквозной мотив «Записки» — скитания Неронова, преследуемого за веру: он бежит из Кандалакшского монастыря, тщетно преследуемый «гнавшими» за ним; затем странствует из монастыря в монастырь и наконец скрывается в Игнатьевой пустыни. «Никонъ же патриархъ не остави ни града, ни веси, в ней же не положи заповѣди, ища Иоанна: но Богъ, своея ради благодати, своими ему рабы, крыяще того, зане простии людие зѣло любляху Иоанна, яко проповѣдника истиннѣ, и пред цари не стыдящеся, по пророку, и много истиннѣ страждуща, — страдальца и мученика того нарицаху.

Никонъ же много клопоть воздвиже, — нѣоткуду вѣсть приидеть, яко въ пустыни Григорий, — пославъ своихъ ему дѣтей боярских с великимъ прещениемъ, и тамо сущия мнихи оскорби, и разосла въ сылку, окрестнымъ же иереомъ и людином многу бѣду сотвори» (с. 341).

При встрече с Нероновым патриарх «скоро на степень уступилъ, глаголя: "Бѣгунъ!" И старец рече: "Недивися, святитель! Христосъ, учитель нашъ, бѣгалъ, и ученицы его, и мнози от отецъ. Азъ ли надъ тѣми честнѣйший, и кто есмь?" И благословляя патриархъ старца, рече: "И бѣгаеть, и является!"» (с. 348).

Неронов прямо ссылается на примеры Христа, апостолов и преподобных, обозначая прецеденты-образцы своего поведения. Явное или скрытое уподобление гонимого героя Христу и святым традиционно для агиографии. Но неожиданно, что такое сопоставление, пусть и имеющее ограниченный характер, вложено в уста лица, о котором ведется повествование, а не принадлежит агиографу: тем самым если и не происходит впадение в грех гордыни, то, по крайней мере, не выражается смирение Неронова. Показательно и то, что Неронов ссылается одновременно и на пример Христа, и на пример апостолов, и на пример преподобных, а также святителей («отцов»). В агиографической традиции Христос, принявший смерть на кресте, рассматривался как образец и прообраз для мучеников, апостолы – как прообраз для миссионеров, преподобные следовали ангельскому прообразу [6]. Неронов одновременно ссылается на несколько образцов, чинов святости. И действительно, в «Записке» Неронов скрыто уподоблен и Христу – как мученик, и апостолам – как поборник и проповедник истинной веры, и преподобным – как праведный и благочестивый инок.

Скитания Неронова, очевидно, рассматриваются составителем «Записки» как реализация речений из Нагорной проповеди: «Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5: 10–12). В сопоставлении с речениями из Нагорной проповеди и «слезность» Неронова и других учителей старообрядчества воспринимается как соответствие речению из той же проповеди: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5: 4), а не просто как житийный топос смирения или как психологическая характеристика.

Соотнесенность поборника «старой веры» с Христом или апостолами присутствует и в других памятниках раннестарообрядческой книжности. Особенно отчетлива она у Аввакума, прежде всего в его «Житии», и проявляется, в частности, в цитатах из Евангелия, влагаемых в уста составителя «Жития» и его гонителей [7].

В «Записке» соотнесенность Неронова с Христом и апостолами не заявлена столь радикально и откровенно, как у Аввакума. В частности, в отличие от Аввакумова «Жития», полного аллюзий на эпизоды осуждения Христа на распятие, в «Записке» есть лишь одна явная аллюзия: Неронов, несправедливо подозревая боярина

Ртищева в доносительстве патриарху Никону, «свирѣпо к нему рекь: “Июдо, предавай! <...>”» (с. 348).

Зато в «Записке» очень много отсылок к житийной топике. Житийный топос – уподобление ангелу: «яко Божия ангела держаху» Ивана его приверженцы, не боясь гнева Никона (с. 341). Это «общее место» преподобнической агиографии восходит к переводному «Житию Саввы Освященного», составленному Кириллом Скифопольским; из русских агиографов его первым применил Нестор в «Житии Феодосия Печерского» [8].

О примерах из житий святого Афанасия Александрийского и Афанасия Афонского напоминает старцу Григорию в видении Христос, веля старцу служить литургию: «И паки Господь рече: “Афанасий жидовских при мори дѣтей крести, еще младенец, а моя благодать ему споспѣшествовала; а Афанасий Афонский, младенец же, от дѣтей игуменом поставленъ, и самъ прочихъ дѣтей в попы и дияконы поставляше, и с ними служаше”» (с. 349–350). Очевидно, составителя «Записки» столь занимал поиск житийных прообразов, что он подбирал даже не очень уместные примеры: детские игры, в которых Авраамия (будущего святого Афанасия Афонского) избирали игуменом, в его «Житии» свидетельствуют не об уже полученном благодатном даре игумена, а о будущем призвании святого [9].

Видения, явленные Неронову, также соотносят «Записку» с житиями святых. Нетрадиционные для большинства агиографических текстов черты в этих видениях – апокалиптические коннотации («Исусъ Христосъ, во священнѣй одежди, препоясанъ по чреслѣхъ, – какъ во Апакалепсисѣ, въ явлении Иоанна Богослова пишеть, – и окрестъ его юноши свѣтлы, бѣлая носяще, множество, и со страхомъ тому предстояше» [с. 349]); грандиозный характер видений и их «вещественность» (Сын Божий за непослушание велит «юношам свѣтлым» бить Неронова «дубцами» [с. 350]).

Апокалиптические мотивы сближают видения из «Записки» с визионерскими мотивами в других раннестарообрядческих текстах; грандиозность видений вообще характерна для визионерства XVII в.; «вещественность» [10], материальность сакрального и, в частности, видений – черта, отличительная для культуры XVII столетия. Наиболее выразительно она проявилась, кажется, в «Житии инока Епифания» [11].

Наконец, весьма интересна такая особенность «Записки», не находящая, кажется, безусловных аналогий в других памятниках раннестарообрядческой книжности, как оппозиция русского и церковнославянского языков, приобретающая семантический

оценочный характер. В противоположность Неронову, обличающему Никона на книжном церковнославянском языке, патриарх дважды отвечает по-русски, причем в обоих случаях ответы демонстрируют несостоятельность его позиции (в первом случае явную, признаваемую, во втором – не признаваемую и проявляющуюся в раздражении и брани).

Случай первый. Григорий произносит пространную речь, начинающуюся: «Кая тебѣ честь, владыко святый, что всякому еси страшенъ и другъ другу грозя глаголют?» – и заканчивающуюся: «Ваше убо святительское дѣло – Христово смирение подражати и его, пречестнаго владыки нашего, святую кротость». В ответ патриарх произносит лишь: «Не могу, батюшко, терпѣти» (с. 343).

Случай второй. В ответ на обличение Нероновым со ссылкой на святого Ефросина Псковского «четверения» аллилуйи Никон бранится: «Вор, де, блядин сынъ Ефросинъ!» Григорий же отвечает ему по-церковнославянски: «Какъ таковая дерзость и какъ хулу на святыхъ вѣщаешъ? Услышит Богъ и смирить тя!» (с. 349).

Подводя итог вышесказанному, можно охарактеризовать «Записку» как памятник книжности, близкий к другим сочинениям раннестарообрядческой словесности и отражающий основные ее тенденции. Вместе с тем, он менее оригинален, чем наиболее индивидуально отмеченные старообрядческие произведения, хотя и не лишен интересных особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Демкова Н. С.* «Записка о жизни Ивана Неронова». Комментарии // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 634.

[2] Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1874. Т. 1. С. 134–166 (публикация Н. И. Субботина); Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. С. 337–350 (публикация Н. С. Демковой).

[3] «Житие» опубликовано в изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 243–305. Об этом памятнике см.: *Понырко Н. В.* Житие Иоанна (Григория) Неронова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. С. 359–361.

[4] Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. С. 337. В дальнейшем «Записка» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.

[5] Соотнесенность с этим «Житием» значима для «Записки»: Иван и его спутники плывут по Белому морю и пристают в конце концов именно к Соловецкому острову; здесь они поклоняются мощам преподобных Зосимы и Сав-

ватия. В этом контексте спасение Неронова и его духовных детей может быть истолковано как совершившееся по молитвам соловецких преподобных.

Описание бурь на море в «Житии» и сказании о чудесах Зосимы и Савватия менее детализировано и психологизировано. Ср.: «**И прiиде бура вѣтренаа велiа sѣло, и трусъ въ мори великъ, и волны морскыа оустремлающеса велiи sѣло**» (текст Первоначальной редакций «Жития» по классификации С. В. Минеевой. – *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. Тексты. С. 43, л. 286); «**Внезапу же прiиде буря велика на морѣ, мы же в нужи велицѣ сущи, обуреваеми ѿ мно[же]ства волн**» (текст Первоначальной редакции. – Там же. С. 76, л. 307); «**И внезапу дуну вѣтр яръ ѿ брѣга, азъ же вострѣпетахъ, еще же къ сему падучаа вода** <...> **И восташа волны, и начатъ быти зыбь велика, въ мегновенiи ока толь много ѿплыхъ, яко и брѣга не видѣти**» (т. н. «Ранние чудеса», по классификации С. В. Минеевой. – Там же. С. 418, л. 116 об.–117); «**Плову щимъ же имъ по морю** <...> **ста буря сильна, и воздвиже волненiе велико на мори, преташе потопленiемъ**» (т. н. «Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. I вариант. – Там же. С. 424, л. 203); «**Внезапу прiиде буря велика на мори, и волны морскiя оустремляющеся велiи зѣло** <...>» (тот же текст. – Там же. С. 428, л. 213); «**прiиде на насъ буря вѣтреная велiя** <...>» («Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. II вариант. – Там же. С. 458, л. 254).

Единственное совпадение между описанием шторма в «Записке» и в ряде чудес Зосимы и Савватия – сравнение волн с горами, имеющее целью подчеркнуть их грандиозный размер, высоту: «**по такихъ волнахъ, яко по сильныхъ горахъ**» (т. н. «Ранние чудеса», по классификации С. В. Минеевой. – Там же. С. 419, л. 117); «**воздвижеся морѣ морѣ ѿ зѣльнаго вѣтра, подобно горамъ волны хожаху и лодiю покрываху** <...> **Единою же внезапу возвысившуся волна, аки гора сильная, возъяривса страшно** <...> **но тихо и кротко около лодiи волны, подобны горамъ, восхождаху** <...>» (т. н. «Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. I вариант. – Там же. С. 425, л. 204–204 об.).

[6] См. об этом: *Руди Т. Р.* Средневековая агиографическая топика (принцип imitatio и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отв. ред. д. ф. н. Л. И. Сазонова. М., 2002. С. 40–47.

[7] О соотнесенности Аввакума в его «Житии» с Иисусом Христом см.: *Hunt P.* The Autobioraphy of the Archpriest Avvakum: Structure and Function // Ricerche Slavistiche. 1975–1976. Vol. XXII–XXIII. P. 158, 164–168 ff. О поэтике цитат в «Житии» Аввакума см.: *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1900. С. 301; *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума (1921) // *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М., 1980. С. 9–10; *Герасимова Н. М.* О поэтике цитат в «Житии» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 314–318.

[8] Кирилл Скифопольский называет Савву: «**земный аггелъ и небесный человѣк Сава**» («Житие святаго отца нашего и наставника пустыннаго Савы Освященнаго. Списано бысть Кирилом монахом» // Великие Минеи Четий. Декабрь, дни 1–5. М., 1901. Стб. 515). Именование Феодосия Пе-

черского – «**по истинѣ земльный анг[е]лъ и н[е]б[е]сныи ч[е]л[о]в[ѣ]къ**» (Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 88). Эта же агиографическая формула встречается в другом житийном тексте, созданном примерно в одно время с «Житием» Феодосия, – в «Сказании о Борисе и Глебе»: «**вы убо небесьная чловѣка еста, земльная ангела**» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович [Памятники древнерусской литературы. Вып. 2]. Пг., 1916. С. 49–50).

[9] Ср. в славянском переводе жития: «**егда же случашеса ему играти с единоверстными ему отроки и се смотреніемъ Б[о]жіимъ биваше. въсхищьше убо его отроци они в пещеру нѣку идаху. и не поставлаху сего царя или воеводу или жениха творяху, яко же нѣкаа многа дѣтемъ обычна суть; но игумена и законоположителя житію иночьскому предлагаху. і бѣша оубо дѣти тому повинующеся.** <...> **всяко же предпоказоваше его Б[ог]ъ старѣишину и предстателя многимъ**» (текст жития цитируется по списку Соборника Нила Сорского: *Лённгрен Т. П.* Соборник Нила Сорского. М., 2000. Ч. 1. С. 272–273, л. 139 об.).

[10] См. об этом, в частности, в моей статье «Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI – XVII в. (Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, Жития Аввакума и Епифания): проблема жанра» (*Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе. М., 1999).

[11] Ср. характеристику визионерства Епифания в кн.: *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 72–73.

А. С. Дёмин

ОБМАНЧИВОСТЬ «ЖИТИЯ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕЯ «ПОВЕСТИ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ»

Об одном из самых ярких, даже, можно сказать, ярчайших шедевров древнерусской литературы – «Повести о Горе-Злочастии» – за полтора века учеными написано немало ярких же и глубоких работ – Ф. И. Буслаевым, А. Н. Пыпиным, В. Ф. Ржигой, В. И. Малышевым, Б. Н. Путиловым, Д. С. Лихачевым, А. М. Панченко, Л. И. Алёхиной и др. [1] При всем том историко-литературная характеристика этой повести пока далека от исчерпанности хотя бы потому, что многочисленные, просто бесценные изобразительные мотивы в произведении (несмотря на дефектность единственного дошедшего списка) еще предстоит исследовать, чтобы понять авторскую художественную идею повести, отнюдь не совпадающую с ее прямыми нравоучениями и все еще как-то неясную для нас.

Категория «художественная идея» приложима не ко всем произведениям древнерусской литературы XVII в., но как раз подходит для понимания смысла «Повести о Горе-Злочастии», в частности для определения авторского взгляда на соотношение хорошего и плохого в жизни. К категориям хорошего и плохого автор «Повести» обращался постоянно и многократно: упоминал зло («зла не думаи», «от всякого зла», «злу не доставили» – л. 424 об.) и упоминал добро («добру божливи», «на добро учения» – л. 423 об., 431); называл одних персонажей злыми («зло племя человеческо» – л. 423, «зло то Горе», «злое Горе... что злая ворона» – л. 429, 432 об.), а других персонажей называл добрыми («люди добрыя» – л. 426 об. – 428, 431 об. – 432; «доброи молодецъ» – л. 427, 428, 432– 432 об.; «добрых красных женъ» – л. 424); даже разного рода дела и состояния автор определял как добрые или злые («добрыя дела», «пословицы добрыя» – л. 424, «въ славе доброи» – л. 432,

«безъживотие злое... злую немерную наготу и босоту» – л. 423 об., «во зломъ злочастии», «злое злочастие» – л. 429, 429 об. и т. п.).

Автор «Повести», по-видимому, исходил из пессимистического, даже трагичного представления о том, что все хорошее всегда подпорчено. В этой связи знаменательна противоречивость деталей в целом ряде эпизодов памятника (по принципу: от хорошего все приходит к плохому). Так, в начале «Повести» автор отметил, что «будетъ Молодецъ в разуме, въ беззлобии» (л. 424) [2], но тут же разоблачительно уточнил, что «Молодец был в то время се мал и глупъ, не в полномъ разуме и несовершен разумомъ» (л. 424 об. – 425).

Далее. В начале же «Повести» родители поучали Молодца о том, как жить; первая их заповедь: «Не ходи, чадо в пиры и в братчины»; и сразу же вслед за этим: «не садися ты на место болшее, не пеи, чадо, двух чар за едину» (л. 424), – значит, родители допускали, что чадо может и нарушить их завет, придти на пир, напиться, лечь в какое-то «место заточное», быть ограбленным и т. д. Затем родители запрещали Молодцу: «Не дружися, чадо, зъ глупыми-немудрыми», с теми, кто занимается грабежом; но родители продолжили наставления: «не думаи украсти-ограбити» (л. 424 об.), – значит, допускали, что Молодец все-таки может подружиться с «глупыми-немудрыми» и подумывать о грабеже. Словом, автор и хотел бы, чтобы Молодец был во всем хорош, но что-то не заладилось с самого начала.

Подобная смена деталей у автора «Повести» в направлении от хорошего к плохому заметна и дальше, в изображении автором «людей добрых», которые действуют в двух эпизодах произведения, когда Молодец посещает этих учителей жизни. Главное качество «людей добрых», которое подробнее всего показал автор «Повести» в первом же эпизоде, это их материальная обеспеченность: у них «двор, что градъ, стоитъ; изба на дворе, что высокъ теремъ; а в избе идетъ великъ пир почестенъ»; в их «избе» висят прекрасные иконы, и Молодец кланяется «чюднымъ образумъ»; стоит добротная мебель, так что Молодца сажают «за дубовои столъ»; на пиру вволю «пьютъ, ядятъ, потешаются» (л. 426 об.).

Но, как можно выяснить из текста «Повести», не так уж «великъ» и «почестенъ» пир, так как проходит он всего-то «в ызбе». Гости заняли места «по отчине», но упоминание автором того, где кто сидит, указывает и не на такой уж высокий статус собравшихся: «место среднее, где седятъ дети гостиные» позволяет представить возглавляющих «болшее место» – это купцы, наверное; а место «меншее» занимают те, кого к пречестным участникам и причис-

лить нельзя, – «милые дети» и какие-то «глупыя люди немудрыя». Хотя реалии довольно забубенной пирушки автор «Повести» сопроводил облагораживающими фольклорными эпитетами, однако все эти «чудные образа» на стенах и «дубовые столы» в избе, возможно, были не более чем условностью. Богатство «людей добрых» не такое большое, каким может показаться.

Неоднозначно авторское изображение и поведения «людей добрых». С одной стороны, «люди добрыя» у автора демонстрируют верх любезности: когда Молодец пришел к ним, то «емлють его люди добрыя под руки» (л. 426 об.). Они же настойчиво разъясняют Молодцу принятое у них главное правило жизни – смиренная доступность: «не буди ты спесивъ... смирение ко всемъ имеи и ты с кротостию... то тебе будетъ честь и хвала великая... за твое смирение и за вежество» (л. 428).

Но, с другой стороны, автор показал этих любезных «людей добрых» не так уж легко доступными. Они посадили Молодца за стол только тогда, когда убедились в его подчеркнуто старательном «вежестве»: «крестил онъ лице свое белое... бил меломъ онъ добрымъ людем на все четыре стороны; а что видятъ Молотца люди добрые, что гораздъ онъ креститися, ведет онъ все по писанному учению» (л. 426 об.). В наставления «людей добрых» об обязательной обходительности поведения вдруг вкрадывается инородный элемент – настояние о необходимости замкнутости: «а чюжих ты делъ не обявливаи; а что слышишь или видишь, не сказываи» (л. 428). Наконец, «люди добрыя» не оставили раскаявшегося у Молодца у себя (как можно было бы ожидать по традиционному ходу сюжета о путнике-госте), а сослались на то, что его какие-то другие «люди отведаютъ», и Молодец ушел. Кстати говоря, во втором эпизоде «люди добрыя» хотя тоже «напоили-накормили» и одели Молодца, но тут же от него отделались: «ты поди на свою сторону» (л. 432). «Люди добрыя» не совсем то, чем кажутся сначала; хорошее на самом деле обманчиво.

Авторское представление о движении хорошего к плохому выразилось в многочисленных сюжетных линиях «Повести», когда хорошее неизменно заканчивалось плохим и почти никогда наоборот. Такова, например, жизнь Молодца. Хотя родители учили Молодца только хорошему, и ему было обещано все хорошее («не будетъ тебе нужды великия, ты не будешь въ бедности великоя»; «в радост себе, и въ веселие, и во здравие» – л. 424, 425), все переменилось к плохому; и Молодец подчеркнул мотив неблагоприятных перемен: родительское «благословение мне от них *миновалося*... все

имение и взоры у мене *изменилися*, отечество мое *потерялося*, храбрость молодецкая от мене *миновалася*»; Молодца постигли «бедность... скудость, и недостатки, и нищета последняя», «великия многия скорби неисцелныя и печали неутешныя» и т. д. (л. 427 об.). Вся «Повесть» насыщена конкретными деталями резких перемен к худшему в одежде, внешности, действиях и окружении Молодца. И ожидаются в будущем, безусловно, тоже перемены только к худшему в судьбе Молодца: «хотя в синее море ты поидешъ рыбою... быть тебе, рыбонке, у бережку уловленои, быть тебе да и съеденои, умерети будетъ напрасною смертию» (л. 433–433 об.).

На авторское представление о неуклонной смене хорошего плохим указывает повествование буквально о всех персонажах произведения; например, «мил надеженъ другъ назвался Молотцу названои братъ» (л. 425), да и жестоко обманул Молодца; все прочие друзья – не лучше: «наживал Молодецъ пятьдесят рублевъ – залезъ онъ себе пятьдесятъ друговъ... Какъ не стало денъги, ни полуденги, – такъ не стало ни друга, ни пол-друга» (л. 425, 426).

В «Повести о Горе-Злочастии» нет персонажей, на которых не была бы брошена тень. Вот, например, вне подозрений должна быть любимая невеста Молодца, которую он присмотрел себе «по обычаю» (л. 428 об.). Однако Горе-Злочастие пытается внушить сомнения Молодцу: «Откажи ты, Молодецъ, невесте своеи любимои. Быть тебе от невесты истравлену, еще быть тебе тое жены удавлену, из злата и сребра бысть убитому» (л. 429 об.). Хотя этому предупреждению Молодец «не поверовал», но он так и не женился. Авторское ощущение безжалостной смены добра на зло, вероятно, отразилось в данном эпизоде (тем более что Горе при этом побуждает Молодца ни о чем хорошем не жалеть: «*Не жали* ты, пропиваи свои животы» и пр.).

И все же встречается в «Повести» ситуация, когда действие вопреки обычной авторской логике развивается как будто от плохого к хорошему. Молодец в очередной раз идет «на чужу страну далну незнаему. На дороге пришла ему быстра река, за рекою перевощики... не везутъ Молотца безденежно» (л. 430); но потом перевозчики смилостивились: «перевезли Молотца за быстру реку, а не взели у него перевозного» (л. 432); а там «люди добрыя» напоили-накормили оголодавшего Молодца. Но оказалось, что доброту перевозчиков и заодно «людей добрых» предсказало Молодцу именно Горе в обмен на его покорность: «поклонися мне, Горю, до сыры земли... и ты будешъ перевезенъ за быструю реку, напоятъ тя, накоръмят люди добрыя» (л. 430–431 об.); это в точности и исполни-

лось, Молодец действовал по наводке Горя, которого никого «нетъ... мудряя на семъ свете» (л. 431 об.). То есть ни в чем хорошем автор повести не был уверен.

Авторская неуверенность в хорошем сохранялась буквально до последней фразы «Повести», когда автор в заключение упомянул своих современников – «нас». Этот редкий собирательный персонаж был еще упомянут только в начале «Повести»: Бог «все смиряючи *насъ*, наказуя и приводя *нас* на спасенныи пут[ь]» (л. 424). Что же будет с «нами»? Конец «Повести» отвечает на вопрос: «Избави, Господи, вечныя муки, а даи *намъ*, Господи, светлы раи» (л. 433 об.), – то есть автор подразумевал возможность обоих вариантов для «нас»: и «вечной муки», и «светлого рая»; в хорошем уверенности не было: «человеческое сердце несмысленъно и неуимчиво» (л. 423).

Дало о себе знать в «Повести о Горе-Злочастии» и явно скептическое отношение автора к добру. «Повесть» насыщена саркастическими высказываниями, в сущности, отрицающими наличие реально чего-либо хорошего, – хорошее на самом деле является плохим. Так, Молодец саркастически отозвался о своей жизни: «Житие мне Богъ дал *великое*: ясти-кушати стало нечево» (л. 426), – великое житие, то есть голодное. Далее саркастически же сообщается, какую жизнь Молодцу прочит Горе: «научаетъ Молотца *богато* жить: убити и ограбити, чтобы Молотца за то повесили или с каменемъ въ воду посадили» (л. 433 об.), – богато жить, то есть быть казненным. Горе лживо внушает Молодцу: «На себя что купить, то проторится, а ты, удал Молодецъ, *и такъ живеш*», – за хорошую жизнь выдаются «нагота, и босота безмерная, легота, безпроторица великая» (л. 429 об.); и Молодец соглашается с подменой: «Когда у меня нетъ ничево, и *тужитъ* мне *не о чемъ*» (431 об.), – беззаботная жизнь, то есть нищенская. Когда Молодец покорился Горю, то «запелъ онъ хорошую напевочку от *великаго крепкаго разума*» (л. 431 об.), – саркастичность этого авторского замечания несомненна: крепость – это в действительности слабость. Молодец сам определил суть своей жизни: «что мне быти *белешенку*, а что родился головенкою» (л. 432), – белое оказалось черным.

Или, например, Горе хвалит перед Молодцем свою родню и себя: «А вся родня наша *добрая*, все мы гладкие-умилные. А кто всемъ к нам примешается, ино тот между нами замучится» (л. 432 об.), – ясно, что Горе издевательски переосмыслило эпитет «добрый», – ведь, кстати говоря, само Горе в «Повести» вовсе не выглядит упитанным, гладким-умильным: «серо Горе горинское»

(л. 429), «босо-наго, нетъ на Горе ни ниточки, еще лычкомъ Горе подпоясано» (л. 430 об.).

Всю «Повесть» пронизывает отвергающий все хорошее саркастический мотив фальшивого богатырства и молодецкости главных героев. В качестве образцового собрания богатырских мотивов в повестях XVII в. сошлемся на «Повесть о Еруслане Лазаревиче», на обе ее редакции – на так называемую «восточную» редакцию и на полную сказочную редакцию. «Повесть о Горе-Злочастии» содержит большое количество фразеологических параллелей с предшествующей ей «Повестью о Еруслане». Мы ограничимся только двумя эпизодами.

Когда Горе реально появилось перед Молодцем, то оно как бы превратилось в богатыря и «*багатырскимъ голосомъ воскликало*: “Стои *ты*, Молодецъ, *меня*, Горя, *не уидешъ никудъı*”» (л. 430). Параллели находим в «Повести о Еруслане», где неоднократно рассказывалось, что богатырь Еруслан «*кликнул богатырским голосом*» и что фантастический персонаж «Чюдо о трех головах» тоже «*кликнул богатырским голосом*» (вост., с. 39, 59)[3], а также что Еруслан «свиснул *богатырским голосом*» (вост., с. 37, 60, 62). Содержание грозной речи Горя сходно с речью другого богатыря в «Повести о Еруслане» – «Вольного царя, Огненнаго копья, Пламенного щита», который грозил Еруслану: «и *ты* у *меня не уйдешъ никудъı*» (сказ., с. 315).

Молодец реагировал на речь Горя, как на речь богатыря: «*видит* Молодец *неменучюю*, покорился Горю...» (л. 431 об.). Аналогия в «Повести о Еруслане»: речь Еруслана выслушивает «князь Иванъ, руской богатырь... И *видитъ* князь *неминучюю* беду» и подчиняется Еруслану (сказ., с. 306).

Однако проявления богатырства Горя на самом деле выглядели даже комически в этом эпизоде, где Горе представало совершенно босым и нагим.

То же саркастическое отношение автор «Повести» выразил и к деяниям Молодца. Вот «от сна Молодецъ пробужаетца»; и далее: «И вставал Молодец на белыи ноги, учалъ Молодецъ наряжатися: обувал он... надевал он... покрывал онъ свое тело белое, умывал онъ лице свое белое... Самъ говоритъ таково слово... Пошелъ онъ на... страну далну...» (л. 425 об. – 426 об.), – так богатырь снаряжается в поход. Ср. «Повесть о Еруслане»: «И Еруслан пробудился и, встав, молвил... И Уруслан умывся» (вост., с. 40–41); «а самъ говоритъ таково слово» (сказ., 302, 303); «и поехал... в далную землю» (вост., с. 39, 47, 54).

Но на самом деле снаряжение Молодца самое жалкое: он пробуждается после пьянства, с него «все слуплено», он обувает «лапотки-отопочки» и надевает «гунку кабацкую»; ему «срамно»; скрываясь от позора, он уходит куда-то далеко и не без боязни – «на чюжу страну, далну, незнаему». Богатырство обернулось жалкостью.

И далее в «Повести» можно найти только двусмысленные упоминания о молодецкости Молодца. Так, Молодец поминает свою «храбрость молодецкую», но в том смысле, что она от него «миновалася» (л. 427 об.), хотя ни о каких прошлых проявлениях молодецкой храбрости в «Повести» не рассказывается. Упоминается и «хвастан[ь]е молодецкое» (л. 428 об.), но, увы, не богатырско-воинское, а «своим богатествомъ». Молодца называют «удалым», но, оказывается, за его наготу-босоту (л. 430). «Вставал Молодецъ на скоры ноги» (л. 430 об.), но какие же они скорые, если «уже три дни... не едал... Молодецъ ни полукуса хлеба» и хочет утопиться в реке; в этом состоянии он поет «молодецкую напевочку» (л. 432), но не храбрую, а жалобную по содержанию. В конце «Повести» «полетелъ Молодецъ яснымъ соколомъ» (л. 433), – но это он не напускается на врага, а бежит от него. Вся молодецкость Молодца тут же снижается саркастическим контекстом. Ничего хорошего вовсе и нет.

В целом, различные оттенки в авторском представлении о поглощении хорошего плохим были обусловлены обобщающей идеей автора об обманчивости почти всего в мире. И действительно, автор постоянно повторял в «Повести» мотив обмана, лжи, прельщения, неправды и лукавства. По авторской мысли, эта беда началась еще с Адама и Евы: «*прелстилъся* Адамъ со Евою» (л. 423); а затем «зло племя человеческо в начале пошло... к советному другу *обманчиво*» (л. 423 об.); потом и Молодца «мил надеженъ другъ... *прелстил* его речми *прелесными*» (л. 425), и Молодец принялся за «*лестное* питие пьяное» (л. 427 об.); несмотря на то что на Молодца был обрушен целый вал предостережений («не думаи... *обмануть-солгать* и *неправду* учинить; не *прелщаися*, чадо, на злато и сребро... [не] буди послух *лжесвидетелству*»; «не *лсти* ты межь други и недруги... не веися змиею *лукавою*» – л. 424 об., 428), в конце концов он пал жертвой лукавства же: на него «Горе *излукавилос*» (л. 429, 429 об.).

Самым полным воплощением обманчивости у автора явилось Горе-Злочастие. У него много обликов в «Повести». Горе напоминает зыбкого призрака. Оно хочет «в людех жить», но не может просто так среди них появиться: оно, незримо находясь где-то, лишь подслушивает речи Молодца и задается странным вопросом: «Какъ

бы мне Молотцу появитися?», а потом только «во сне Молодцу привиделос» (л. 429); и вторично – во сне; и в третий раз – не при свете дня, а когда «день до вечера миновался» (л. 430 об.). Горе напоминает и нечистого духа при третьем своем появлении, – судя по приложенному к нему эпитету (Горе предлагает: «Покорися мне, Горю *нечистому*», и Молодец «покорился Горю *нечистому*» – л. 430–431 об.). Наконец, Горе напоминает оборотня: то во сне Молодцу оно явилось архангелом Гавриилом; то, вероятно в сумерках, «у быстри реки скоча Горе из-за камени» в виде какого-то полностью обнаженного существа (л. 430 об.); то во время своего четвертого явления Молодцу, уже на чистом поле, Горе «учало над Молодцемъ граяти, что злая ворона над соколомъ» (л. 432 об.), потом полетело «белымъ кречатомъ» и «серым ястребомъ», затем предстало, быстро меняя обличье, по-видимому, то в облике охотника «з борзыми вежлецы», то в облике косаря «с косою вострою», то вообще в виде группы рыбаков «с щастыми неводами» (л. 433).

Горе-Злочастие у автора иногда вдруг как бы раздваивается на два отдельных существа, ведущих себя каждое по-разному: например, в результате того, что некоторые люди с Горем «боролися», «от них Горе миновалось, а Злочастие на их въ могиле осталос» (л. 429); похожее происходит и далее: «то Горе избудетца, да то злое Злочастие останетца» (л. 429 об.). И тут же Горе говорит о себе как о сдвоенном существе: «А мне, Горю *и* Злочастию, не в пустеже жить» (л. 429). А потом Горе предстает уже, скорее, как одно и то же существо, обозначенное синонимами: «А Горе пришло с косою вострою, да еще Злочастие над Молотцемъ насмиялося» (л. 433). Горю свойственна зловещая многоликость, изощренная обманчивость, чем Горе многих людей и «перемудрило» (л. 429).

Обманчивость чего именно утверждал автор? Ф. И. Буслаев считал, что главной темой «Повести» являлась «вся жизнь человеческая... жизнь русского человека вообще... Поэт хотел изобразить жизнь человека вообще»[1]. Однако цель автора, пожалуй, была все же более конкретной, о чем свидетельствует его фразеология. Слова «житие» и «жити» автор необычайно часто повторял с самого начала и до самого конца «Повести о Горе». Особенно настойчиво мысль о «житии» автор выразил по поводу своего главного героя – Молодца. О том, что «Повесть» посвящена именно «житию» Молодца, автор сказал, завершая произведение: «А сему *житию* конец мы ведаемъ» (л. 433 об.), – под словом «житие», разумеется, понималась жизнь Молодца, а не жанр произведения. О внимании автора к «житию» Молодца свидетельствовали постоянные возвра-

щения к этой теме в тексте «Повести»: Молодец высказывался о том, какое «*житие*» ему дал Бог (л. 426) и чем он недоволен от своего «*жития*» (л. 430 об.); Молодцу советовали вспоминать «*житие* свое» (л. 431). Автор «Повести» развернул целую историю о жизни Молодца, пояснив, как Молодец «хотелъ *жити*» (л. 425, 431), но спрашивал: «какъ мне *жить*» (л. 428); его учили, как ему «жить», и старались на «дела наставлять» (л. 424, 431, 433 об.); и успокаивали: «и такъ *живеш*» (л. 430); и Молодец справился: «учалъ онъ *жити* умеючи» (л. 428 об.).

Автора «Повести», естественно, интересовала жизнь и других персонажей, однако в гораздо меньшей степени. Так, однажды автор изложил рассуждения Горя, как оно хочет «в людех *жить*» (л. 429); или напомнил историю жизни Адама и Евы – как Бог «повелелъ имъ *жити*» (л. 423), и посетовал на то, как «учали *жить*» последующие роды человеческие (л. 423 об.).

В общем, обманчивость «жития» людей, в первую очередь его современников, и была главной художественной идеей автора «Повести о Горе-Злочастии», выраженной в образах, сюжетах и предметных деталях.

Художественная идея об обманчивости жизни роднит «Повесть о Горе-Злочастии» в первую очередь с сатирическими и юмористическими произведениями XVII в., но автором «Повести» эта идея выражена несравненно богаче, полнее и острее.

Ближайшая задача состоит в выяснении идейно-исторических причин формирования такого представления и в постановке вопроса об общественном настроении разочарованности жизнью у средних и низших слоев населения России второй половины XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Панченко А. М.* Повесть о Горе-Злочастии // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII век. Кн. 3. СПб., 1998. С. 106–110. См. также: *Алехина Л. И.* Образ Горя-Злочастия (к вопросу о мировоззрении автора «Повести о Горе-Злочастии») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 7, ч. 2. С. 313–322.

[2] Текст памятника цит. по факсимиле рукописи в кн.: *Симонии П. К.* Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело Молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века // СОРЯС. СПб., 1907. Т. 83. № 1. Пагинация листов рукописи указывается в скобках. Орфография рукописи передается с упрощениями.

[3] Далее «Повесть о Еруслане Лазаревиче» цит. по двум редакциям: 1) так называемая «восточная» редакция, список РГБ, собрание Ундольского,

№ 930. См.: *Капица Ф. С.* Восточная редакция «Повести о Еруслане Лазаревиче» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4; 2) полная сказочная редакция, список РНБ, собрание Погодина, № 1773. См.: Повесть о Еруслане Лазаревиче // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1 / Текст памятника подгот. Н. С. Дробленкова. М., 1988. При цитировании название соответствующей редакции повести и страницы изданий указываются в статье в скобках.

[4] *Буслаев Ф.* О литературе: Исследования. Статьи / Изд. подгот. Э. Л. Афанасьев. М., 1990. С. 221.

Н. А. Антропова

РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВВАКУМА И ЕПИФАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Как известно, религиозное сознание может интерпретировать в качестве чуда практически любое явление действительности. В дальнейшем люди, с которыми случилось чудо, рассказывают о нем более или менее широкому кругу лиц. Содержание этих рассказов «воспринимается как некое сверхъестественным образом полученное сообщение, которое подлежит расшифровке и экстериоризации». Эти слова, которые С. Ю. Неклюдов и О. Б. Христофорова, составители сборника «Сны и видения в народной культуре» [Сны и видения 2001: 6], относят, соответственно, к снам и видениям, в полной мере справедливы и для чудесных событий. В настоящей статье на примере произведений Аввакума и Епифания мы попытаемся ответить на вопросы, для чего обнародуется этот опыт, какие функции выполняют рассказы о чудесах, и, кроме того, рассмотреть качества, характеризующие рассказы о чудесах с социально-антропологической точки зрения.

Рассказы о чудесах и чудесном издавна привлекали внимание исследователей, хотя в советское время данная тематика не особенно поощрялась. В последние годы, когда исчезли идеологические ограничения, вышло несколько работ, преимущественно литературоведческих и фольклорных, посвященных изучению рассказов о чудесах.

Одним из наиболее интересных исследований о чудесном в средневековой литературе является статья Б. И. Ярхо в книге «Средневековые латинские видения». Автор пишет о природе рассказов о видениях: они, «несомненно, принадлежат к дидактическим жанрам, ибо цель их – открыть читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию. Формальным признаком, устанавливающим (вместе с означенной целью) при-

роду жанра, является образ ясновидца, т. е. лица, при посредстве коего содержание видения становится известным читателю. Этот образ непременно должен обладать следующими функциями: а) он должен воспринимать содержание видения чисто духовно; б) он должен ассоциировать содержание видения с чувственными восприятиями, иными словами, содержание видения непременно должно заключать в себе чувственные образы» [Ярхо 1989: 21].

В начале работы автор постулирует необходимость более широкого, чем литературоведческое, исследования жанра видений: «Чтобы объяснить необыкновенную живучесть видений, недостаточно рассматривать их только как литературный жанр: необходимо взглянуть на них как на психофизиологическое явление, в основе которого лежат три фактора: летаргическое состояние, галлюцинации (в экстазе или в бреду) и сновидение» [Там же: 22]. Однако этот призыв обращен к другим исследователям, сам же Б. И. Ярхо концентрирует свое внимание исключительно на особенностях видений как литературного жанра.

И. Серман в работе «Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII веков» трактует чудо как «категорию русского национального сознания, постоянное присутствие которой нет надобности дополнительно аргументировать», и использует ее для сопоставления «явлений литературной жизни XVII века с литературными фактами и процессами XVIII века» [Серман 1995: 104]. И. Серман приводит несколько примеров того, что «в религиозной и социальной борьбе XVII века “чудо” являлось необходимым аргументом, на который постоянно ссылались противостоящие стороны» [Там же: 106]. Процитируем только один пример. «25 августа 1654 года явились во время службы в Успенском соборе в Кремле “многие земские и разных слобод люди” и принесли с собой образ Спаса Нерукотворного, у которого было “лицо выскоблено” по “патриархову указу”. Один из вожаков заявил: “Было ему от того образа явление, чтоб тот образ явить мирским людям. К мирским бы де людям за такое поругание стать”. То есть это был призыв к бунту. Это и было начало так называемого “чумного бунта” (бунтовщики считали, что чума – это гнев Божий за “иконоборчество” Никона). Бунт удалось успокоить, и “чудо” (явление), на которое ссылались бунтовщики, не получило никакой литературной обработки и сохранилось только в тексте следственного дела» [Там же]. Таких примеров, показывающих социальную роль представлений о чудесах, автор приводит несколько. К сожалению, он

не анализирует их социологически, а сосредоточивается лишь на литературоведческих аспектах явления.

Одной из жанровых разновидностей рассказов о чудесах – видениям – посвящена статья Е. К. Ромодановской «Рассказы сибирских крестьян о видениях (к вопросу о специфике жанра видений)». Источником для данной статьи послужили дела, сохранившиеся среди различных сибирских документов XVII–XVIII веков, связанные с рассказами крестьян о случившихся им видениях. О природе этих документов автор сообщает следующее: «Дела эти могут представлять краткую отписку вышестоящему начальству о случившемся событии, еще более краткую запись о соответствующем "рапорте" в книге протоколов или же детальное следствие, проведенное духовной консисторией» [Ромодановская 1996: 141]. К сожалению, Е. К. Ромодановская не сообщает более подробно, в каком приказе или ведомстве велись эти дела, и она настаивает на том, что использовать такие источники для понимания «конкретных обстоятельств и проблем, вызвавших то или иное видение» невозможно [Там же: 143]. По ее мнению, необходимо искать иные исторические источники для разъяснения этих обстоятельств. Свою задачу Ромодановская видит лишь в рассмотрении этих рассказов с литературоведческой точки зрения: «В центре моего внимания – только собственно рассказ очевидца, точнее, те детали, которые имеют значение для прояснения литературных проблем, в том числе жанровых» [Там же]. По мнению Ромодановской, ценность рассматриваемых архивных материалов в том, что они воссоздают «фон», на котором развились и выросли известные в настоящее время художественно оформленные памятники жанра видений [Там же: 157].

Рассмотрению рассказов о чудесах в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанного» посвящена статья Т. А. Таяновой «Категория чуда в системе религиозно-философских воззрений Аввакума». Автор выделила следующие разновидности: а) чудеса внешне традиционные, но переосмысленные в реалистическом ключе – «реальные» чудеса; б) чудеса-символы, чудеса-аллегории (исцеление бесноватых); в) чудеса, которые вытекают из способности Аввакума видеть в земной жизни, в любых ее проявлениях, чудесное (чудеса, имеющие пантеистический характер) [Таянова 1997: 6]. Автор наделяет Аввакума исключительной «способностью "творчески" смотреть на мир и видеть в обычном необычное, в "тварном" – чудесное» [Там же: 11]. Мы не можем полностью согласиться с этой позицией. Несомненно, протопоп Аввакум был

очень яркой личностью, обладал уникальным для своего времени писательским талантом, однако его умение описывать окружающий мир как чудесный не делает его позицию исключительной. Одной из основных характеристик религиозного мировоззрения как раз и является восприятие окружающего мира как Божьего дара, чудесного творения. Особого внимания заслуживает содержащаяся в этой статье трактовка рассказов о чудесах-исцелениях. Таянова видит в таких рассказах символическую аргументацию в пользу истинности староверия: «Мир, принявший никонианскую веру, по Аввакуму, – мир взбесившийся, “бешаный”, бесноватый. Действительность, другими словами, стала одержима бесами – злом; люди, соответственно, тоже, в большинстве своем, должны были оказаться под властью нечистых духов. Символичность исцелений в “Житии” мы трактуем следующим образом: лишь представитель “старой” веры не запятнан злом, не одержим, потому способен изгнать зло из других, приобщая их к своей вере. Именно приобщение к “старой” вере – основа “целительской” практики Аввакума-чудотворца» [Там же: 10]. Таким образом, согласно позиции Т. А. Таяновой, с момента проведения Никоном реформ мир в восприятии Аввакума становится объят безумием, а люди оказываются «под властью нечистых духов». Подобная трактовка мировоззренческой позиции Аввакума противоречит общепринятому мнению об оптимистическом взгляде Аввакума на будущее и должна быть подкреплена дополнительными данными.

Наиболее близка нашей работе по исследовательским задачам статья Е. В. Кулешова «Народные рассказы о христианских чудесах в устном и письменном бытовании: опыт типологизации» [Кулешов 1998]. Постановку проблемы, сформулированной как «разработка структурно-функциональной типологии рассказов о чудесах», автор связывает с практической задачей, возникшей в процессе сбора материала: «Изначально задача эта возникла как чисто прикладная: в ходе полевых исследований необходим был определенный научный инструментарий, который позволил бы внести элемент упорядоченности в разнородный чудесный материал, собранный в экспедиции...» [Там же: 494]. В качестве объекта исследования была выбрана «прихрамовая среда» современной православной церкви. «Прихрамовую среду составляют люди, подчинившие свою жизнь жизни церковной, обычно живущие неподалеку от православных храмов и монастырей и стремящиеся максимально изолировать себя от светской, мирской жизни, которая связывается с торжеством антихриста» [Там же: 493]. По словам

А. В. Тарабукиной, осуществлявшей совместное исследование с Кулешовым, эти люди составляют особую «маргинальную группу, очень разнородную по социальному составу и образовательному уровню...» [Тарабукина 1998: 482]. Здесь создается «благодатная почва для возникновения и распространения рассказов чудесного содержания, рассказов самой разной функциональной направленности и нарративной структуры» [Кулешов 1998: 493]. Выделяя функции «чудес», Кулешов отмечает, что различный набор их характерен для текстов, имеющих различную нарративную структуру. Для текстов, не связанных с нарушением «законов природы» и являющихся для внемистического сознания «обычными происшествиями, подвергающимися мистической интерпретации» [Там же: 495], свойственны следующие функции: *Прогностирующая*; *Детерминирующая*; *Регулирующая*. Различие между детерминирующей и регулирующей функциями состоит в том, что первая предполагает создание установки на правильное поведение, вторая — наказание за неправильное (или, в гораздо более редких случаях, — награду за правильное, благочестивое).

Как пишет Кулешов, «выбор правильного духовного пути в мистической культуре напрямую связан с вниманием к мелочам, к таким событиям, которые для постороннего взгляда не содержат ничего особенного; в этом в прихрамовой культуре видится обретение тайного зрения – более глубокого взгляда на мир, не признающего случайностей и совпадений» [Там же].

Тексты, описывающие события безусловно чудесной природы, «тяготеют к другим функциональным типам: *Иерофатическая функция* — выделение сакральной пространственной сферы; *Удостоверяющая* — чудо является подтверждением чудотворной силы святого места, иконы или сверхъестественных возможностей старца-чудотворца; *Констатирующая* – произошедшее событие воспринимается как свидетельство, знак какой-либо интенции Божества. Набор функций в развернутых повествованиях значительно сужается (безусловно, доминирует функция, которая выше была названа “удостоверяющей”)» [Кулешов 1998: 496].

Представляется, что, предлагая такую «функциональную» схему, автор смешивает функции рассказа о чуде с функциями самого чуда и неправомерно приравнивает их друг к другу. Так, детерминирующая функция возможна лишь для человека, который стал объектом воздействия сверхъестественных сил. Свершившееся чудо повлияет на его выбор жизненного пути, но рассказ об этом событии другим людям вряд ли окажет на них сходное воздействие.

С другой стороны, регулирующая функция действительно присуща именно рассказам о чудесах. Подобное повествование способно предотвратить неблаговидный поступок слушателя, а значит, окажет на него дидактическое влияние.

Одна из глав докторской диссертации С. В. Минеевой «Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции» посвящена «комплексному изучению повествований о посмертных чудесах преп. Зосимы и Савватия Соловецких» [Минеева 2002а: 39]. Автор разрабатывает следующую содержательную классификацию рассказов о чудесах: чудеса-исцеления, чудеса-явления святых, «видения», чудеса о помощи детям, чудеса о спасении утопающих на море, чудеса о наказании за нарушение обета, чудеса о пополнении запасов, чудеса о воскрешении мертвых, чудеса об избавлении от вражеского плена, чудеса об обретении потерянного, чудо об изгнании бесов, чудо-пророчество, чудо-наказание за «предание себя дьяволу» [Минеева 2002: 41]. Основной акцент при изучении чудес автор сделала на рассмотрении их жанрово-стилистического своеобразия. Особо интересным представляется вывод, сделанный С. В. Минеевой в результате подробного изучения лексики. Согласно мнению автора, в ней нашли отражение «специфические особенности жизни, быта и хозяйственной деятельности населения Поморья и иноков Соловецкого монастыря» [Там же]. А это, в свою очередь, делает, с точки зрения исследовательницы, рассказы о посмертных чудесах Зосимы и Савватия ценным «фактическим и историческим» источником, «поскольку в них нашли отражение сведения о многих сторонах жизни и быта населения Русского Севера и монахов Соловецкой обители, а также географические данные и описания исторических реалий эпохи» [Там же].

Тема чудесного затрагивается в интересной работе Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания», посвященной Урало-Сибирскому патерику. В своем исследовании авторы сосредоточиваются большей частью на истории патерика, характеризуют его авторов и анализируют круг исторических источников. Описывая непосредственно третий том, являющийся сборником рассказов о «чюдесных событиях», авторы не только цитируют определение чуда из патерика, но и выделяют такую целевую установку составителей, как «озабоченность тем, как уберечь “свое” от агрессии “чужого”, доказать справедливость древней картины мира...» [Там же: 328]. Отмечая осо-

бую важность рассказов о чудесах в составе патерика, авторы связывают это явление с «особо острым противостоянием с официальной атеистической идеологией в советское время» [Там же: 331]. Покровский и Зольникова выделили следующие группы текстов: 1) свидетельства инаковерующих о чудесном; 2) чудесное наказание за богохульство; 3) важность соблюдения церковных праздников; 4) мотив душепагубности таких технических новшеств, как кино. По мнению авторов, на страницах третьего тома «нашли то или иное отражение многие ключевые социально-политические события нашего бурного времени: коммунистический “переворот” 1917 г., гражданская война, коллективизация...» [Там же: 335–336].

Еще одним свидетельством интереса к феномену чудесного являются работы фольклористов, к примеру: Л. Л. Кушнаревой «Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских) Забайкалья (конец XX – начало XXI веков)» [Кушнарева 2004]; В. Л. Кляуса «Притчи старообрядцев Литвы: функциональные аспекты бытования (из опыта полевых фиксаций)» [Кляус 2005] и др., – в которых рассматриваются аспекты бытования рассказов о чудесном в фольклорной прозе современных старообрядцев.

* * *

По мнению Д. С. Лихачева, «самым замечательным и самым известным русским писателем XVII века был Аввакум» – автор более 60 сочинений, среди которых «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», письма, челобитные, богословские труды. Не менее самобытным писателем был Епифаний, современник и соратник огнепального протопопа, один их четырех «пустозерских отцов». Их произведения, находящиеся у истоков старообрядческой литературы, представляют огромный интерес с точки зрения изучения функции и бытования рассказов о чудесах как социального феномена.

Вообще, рассказы о чудесах занимают значительное место в структуре житийных текстов, по объему они нередко превосходят в несколько раз биографическую часть [Минеева 2002a: 39]. «Особо важную роль описания прижизненных и посмертных чудес имели в композиционной структуре преподобнических житий, поскольку для этой категории святых подвижников дар чудотворения является главным и единственным условием их канонизации» [Там же]. По

мнению С. В. Минеевой, разделы о чудесах в составе разных житий постоянно пополнялись, и рядом, в пределах одного текста, сосуществовали рассказы, написанные разными авторами и в разное время [Минеева 2002б: 599]. О том же писал Б. И. Ярхо: «...большинство сохранившихся видений обладает двойным (или тройным) авторством. <...> Таким образом, большинство видений являются как бы плодами коллективного творчества» [Ярхо 1989: 23]. Резюмируя, можно сказать, что рассказы о чудесах в канонических «Житиях» представляют собой как бы образец, квинтэссенцию общественных представлений о том, какими должны быть такие рассказы.

Автобиографичность житий Аввакума и Епифания обусловливает совершенно иные характеристики рассказов о чудесах и чудесном. В противоположность текстам, содержащимся в других «Житиях», где они оказываются «явлением, существующим в составе житийных текстов по своим специфическим законам» [Минеева 2002а: 40], все рассказы у Епифания и Аввакума являются не более поздним дополнением к биографической части, а органической частью не только произведения, но и описываемой жизни. Несомненно, создавая свои собственные «Жития», и Аввакум, и Епифаний подчинялись существовавшим требованиям житийного жанра, в том числе тем, которые касались содержания, форм и места повествований о чудесах. Однако, на наш взгляд, автобиографичность позволяет посмотреть нам на эти явления глазами авторов, попытаться понять, какое значение имели рассказы о чудесах в жизни этих людей.

Обращаясь к рассмотрению сочинений протопопа Аввакума, мы воспользовались опытом и примером В. В. Керрова. Для проведения своего исследования методом контент-анализа он не производил специального отбора текстов, а использовал все документы из одного издания. Как пишет автор, «это позволяет предположить, что выборка носит для данной задачи случайный характер и, следовательно, является репрезентативной в аспекте отражения взглядов и установок “огнепального протопопа”» [Керров 1998: 174]. Нами было использовано академическое издание «Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга первая. Выпуск I. Русская историческая библиотека, т. XXXIX» 1927 года. В него включены: «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (в трех редакциях), «Книга бесед», «Книга толкований и нравоучений», «Книга обличений» или «Евангелие вечное»; сочинения богословские: «О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе», «О пресвятой Богородице», «О таинстве Евхаристии», «О перстоло-

жении»; Записки о лицах и событиях времени возникновения старообрядчества: «О жестокостях воеводы Пашкова», «О последних увещеваниях Аввакума», «О первой казни попа Лазаря и инока Епифания и о казнях дьяка Стефана», «О заточении и расстрижении Аввакума и о сношениях его с Лазарем и Епифанием после первой их казни», «О второй казни Лазаря, дьякона Федора и Епифания», «О той же второй казни Лазаря, Федора и Епифания и об исцелениях казненных», «О том как постились Пустозерские узники – Аввакум, Лазарь, Федор и Епифаний»; «Челобитные царю Алексею Михайловичу» (1–5), «Челобитная царю Федору Алексеевичу», «Послание "братии на всем лице земном"», «Послание "стаду верных" или "Кораблю Христову"», «Послание "рабом Христовым"», «Послание "Всей тысящи рабов Христовых"», «Послание "игумену" Сергию со "отцы и братией"», «Послание Борису и Послание прочим рабам Бога Вышняго», «Послание сибирской "братии"», «Послание боярину Андрею Плещееву», «Послание "отцу" Ионе», «Поучение против пьянства», «Письмо игумену Феоктисту», «Письмо попу Стефану», «Письмо семье Аввакума» (3), «Письмо боярыне Ф. П. Морозовой» (2), «Письмо боярыне Морозовой и княгине Урусовой», «Письмо некоему Афанасию», «Письмо некоему Симеону», «Письмо некоей Маремьяне Федоровне», «Письмо попу Исидору (первое)», «Письмо попу Исидору (второе)», «Письмо некоему Алексею Копытовскому», «Письмо "брату любезному"», «Письмо "баткам-отцам и маткам-старицам"», «Письмо "чаду о Господе"», «Письмо "возлюбленной о Христе"» (первое и второе) – всего 50. Кроме того, анализ «Жития» проводился по изданию 1979 года, осуществленном в Иркутске.

Наибольшее количество (19) рассказов о чудесах содержится в «Житии» протопопа Аввакума. Кроме того, интересующие нас сюжеты и фрагменты текстов содержатся в следующих документах: «Беседа четвертая (Об иконном писании)»; «Беседа девятая (Толкование на 87–88 зачала Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна)»; «Толкования на книгу пророка Исаии»; «Первая челобитная царю Алексею Михайловичу»; «Пятая челобитная царю Алексею Михайловичу» (общее количество – 7). Полностью отсутствуют рассказы о чудесах в письмах.

Текст «Жизнеописания Епифания» и «Исследования» А. Н. Робинсона опубликованы в 1963 году также в издательстве Академии наук СССР. Меньшее по объему, чем «Житие» Аввакума,

это произведение содержит сравнимое количество (всего 17) рассказов о чудесах.

Специфика нашего анализа текстов заключается в том, что основное внимание уделяется не столько самим рассказам о чудесах, сколько авторским и исполнительским комментариям, пояснениям, сопровождающим повествования, и контексту, в котором происходит естественное бытование данных рассказов, что позволяет рассмотреть функциональное значение рассказов о чудесах в творчестве Епифания и Аввакума.

* * *

Как мы уже указали, в «Житии» протопопа Аввакума содержится 19 описаний различного рода чудесных происшествий. Еще 5 — в других сочинениях (это собственно рассказы о чудесах, см. ниже). Для наиболее удобного изложения достаточно объемного материала возникла необходимость систематизировать собранные тексты. Поскольку основным объектом нашего анализа служат комментарии, следующие после рассказов о чудесах, *именно их содержание легло в основу разделения рассказов по группам.*

Часть рассказов вовсе лишена пояснений, тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть их в нашей работе, так как они позволят сформировать объективное представление о категории «чудо» у Аввакума. Они объединены нами в группу **А**. В группу **В** объединены рассказы, комментарии к которым направлены исключительно на подтверждение силы Господа Бога, его могущества, милости, всезнания, вездесущности и т. д., то есть их функции связаны исключительно с особенностями религиозного восприятия чудес. Сюда же включены описания чудес, после которых следуют указания на необходимость точного, правильного и полного выполнения обрядов. Важное значение в рамках поставленной цели имеют рассказы о чудесах, в комментариях к которым раскрываются социально-антропологические характеристики категории «чудо» и социальные функции рассказов о чудесах. Они составляют группу **С**. Отдельно рассмотрены тексты, в которых отсутствует описание чуда, но их содержание все же имеет отношение к нашей проблематике. Они объединены в группу **D**.

В целом, комментарии Аввакума очень различаются как по форме, так и по содержанию. Некоторые рассказы сопровождаются буквально одной-двумя авторскими репликами, после других следу-

ют пространные монологи Аввакума в привычной для него чрезвычайно эмоциональной форме.

При рассмотрении сочинений протопопа Аввакума нами были тщательно проанализированы все рассказы о чудесах, независимо от того, насколько объемными пояснениями они сопровождаются и имеются ли таковые вообще. Подобный подход позволил выявить не только функции рассказов о чудесах и некоторые характеристики их как социальных феноменов, но и особенности восприятия чудес верующими людьми, и различные виды соотношений собственно изложения чудесного события и комментария к нему.

Группа А. Рассказы о чудесах, лишенные авторских комментариев

А1. Видение трех кораблей*

Первое из подобных «происшествий» имеет форму видения Аввакуму, в котором ему предстают три корабля. «Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: "чье корабли?" И они отвещали: "Лукин и Лаврентиев". Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, – его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: "чей корабль?" И сидяй на нем отвещал: "твой корабль! на, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!"» [Житие 1979: 20]. Аввакуму это видение является в ответ на просьбу: «...моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо...» [Там же]. Для протопопа этот образ – особый знак, символизирующий его, Аввакума, духовную миссию, подтверждающий его внутреннее «ощущение своих могучих духовных сил» [Зеньковский 1995: 359]. Полученный знак оказывает Аввакуму духовную поддержку, укрепляет его на выбранном пути.

* Здесь и далее нами даются условные названия рассказам о чудесах у Аввакума.

«Искренность чувств – вот самое важное для Аввакума» [Лихачев 1979: 342]. Описывая свою жизнь, Аввакум стремится написать «как было», без прикрас и лжи.

А2. Чудо появления шубы и шапки

Следующее происшествие, которое описывает Аввакум, воспринимается нами как «чудесное», хотя сам протопоп рассказывает о нем как об обычном деле. «На Логгина [один из единомышленников Аввакума. – *Н. А.*] возложили чепь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту нощь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, россмеявся, говорит: "знаю-су я пустосвятов тех!" – и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил» [Житие 1979: 24]. Аввакум ничего не сообщает о том, как был этот дар получен Логгином. Комментарий отсутствует. Аввакум упоминает это «чудо» вскользь, рассказывая о более важных для него событиях – первых гонениях Никона на своих противников. Из этого сюжета можно выявить такую особенность религиозного мышления, как восприятие чудес в качестве событий естественных, вполне возможных, хоть и необычных. Об этом писала Ю. Е. Арнаутова: «Чудо – с точки зрения человека современного, как свершение невозможного, с позиций христианской теологии было вполне возможным. Теология хотя и признавала существование законов природы как части сотворенного Богом миропорядка, не считала их столь непоколебимыми, как принято считать в современной науке. Божественное чудо было возможно именно потому, что, подобно всей природе, является божественным творением, и Господь волен нарушать привычный ход сотворенного им же миропорядка. <...> Таким образом, христианское чудо можно трактовать как модальность естественного хода событий, когда они (в силу божественного вмешательства!) могут пойти не по привычному, а по необычному, но все же вполне возможному, благодаря существованию субъективной установки на неинвариативность законов природы, пути» [Арнаутова 2004: 326].

А3–А9. Чудеса-исцеления

Наибольшее количество описанных чудес, лишенных комментария, относятся к виду чудес-исцелений. Аввакум обладает даром

лечения одержимых бесом, «бешаных». Приведем один пример: «А егда я был в Сибири, – туды еще ехал, – и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, наругая праздник, – жена ево сказывала, – да и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал об нем божеству, в церковь водил и маслом освятил, и помиловал бог: здрав бысть, и ум исцеле. <...> Я по нем пред владыкою плакал всегда. Посем пришла грамота с Москвы, – велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощенник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощеннике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: "спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя"» [Житие 1979: 30].

Подобных рассказов в «Житии» насчитывается шесть. Их можно объединить с рассказами об излечении физических недугов: «Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимых грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою пресвитерскою, помажу вся чювства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка, и божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию» [Там же: 49].

Большое количество рассказов о чудесах-исцелениях, включенных в «Житие» соответствует характеру жанра повествования. Как отмечала Т. А. Таянова: «Для агиографов давно не секрет, что самой распространенной разновидностью чуда в житиях является чудо-исцеление. Эта традиция идет от Евангелия. Господь Иисус совершает свыше тридцати чудес, и главные из них – исцеления (двадцать чудес)» [Таянова 1997: 9]. О том же пишет С. В. Минеева: «Существование рассказов (о чудесах) в составе агиографических произведений, содержание, стиль и композиция которых определялись строгими жанровыми канонами, обусловило, в свою очередь, их подчинение строгим каноническим требованиям. Образцом же, в соответствии с которым строились эти повествования в преподобнических житиях, были евангельские сюжеты, рассказывающие о чудесных деяниях Христа» [Минеева 2002б: 505].

Несмотря на то что сочинение протопопа, безусловно, было новаторским, и его автобиографичность не вписывалась в существо-

вавшие каноны житийных произведений, все же Аввакум не мог полностью уйти от традиции. Ученые, пытавшиеся восстановить поэтапно историю создания «Жития», утверждают, что в ходе этого процесса сочинение Аввакума претерпевало значительные изменения: «Н. С. Демкова считает, что вся переработка “Жития” Аввакума шла от документации к агиографической стилизации...» [Серман 1995: 108]. Однако вряд ли можно усомниться в том, что чудесные исцеления больных молитвами Аввакума описываются им, прежде всего, как реальные события огромной важности и как свидетельства его «боговдохновенности», а не как дань литературным канонам.

Группа В.
Рассказы о чудесах, сопровождающиеся пояснениями религиозного характера

В1. Чудо явления Еремею человека в образе Аввакума

Первое из событий, включенных нами в эту группу, происходит с Аввакумом во время его пребывания в Сибири. Аввакум молится о спасении одного из людей, отправившихся на войну с «мунгалами». Все остальные погибают, и лишь он один спасается, убежав от иноверцев, но блуждает в лесах, не зная обратной дороги. «И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седмь дней, – одну съел белку, – и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать, он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел» [Житие 1979: 33]. Его своевременное возвращение избавляет Аввакума от жестокой пытки, подготовленной отцом Еремея для протопопа за его непокорный нрав, после которой неизбежно последовала бы смерть. Те немногие слова, в которых выразилось отношение Аввакума к рассказываемому, таковы: «Чюдно дело господне и неизреченны судьбы владычни!» [Там же]. В них читается восхищение мудростью и справедливостью Господа Бога. Очевидно, функциональное значение данного рассказа заключается именно в утверждении могущества высших сил (констатирующая функция, по Кулешову).

В2. Чудо принесения ангелом еды в темницу

Одно из чудес происходит с Аввакумом в темнице: «на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, – сиречь есть захотел, – и после вечерни ста предо мною, не вем-ангел, не вем-человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и ложку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать, – зело прикусны, хороши! – и рекл мне: “полно, довлеет ти ко укреплению!” Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало!» [Житие 1979: 25]. По форме это чудо можно отнести к видениям. Комментарий, данный автором, также немногословен: «ино нечему дивитца – везде ему не загорожено» [Там же]. Основная его функция – подтверждение могущества Бога (также констатирующая функция, по Кулешову).

В3. Чудесная курочка

«Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевленна, божие творение...» [Житие 1979: 50]. В этом восклицании – квинтэссенция отношения Аввакума к сущему миру. Все в нем – Божье творение. Даже малая тварь – чудо и Божий промысел.

В4. Чудо исцеления кур

Рассказ об этом чуде следует в едином изложении с предыдущим, однако нами он выделен особо, поскольку само чудо имеет совершенно иной характер. «А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал – помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и

водою покропил, да к ней все и отослал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была» [Житие 1979: 50]. Здесь преобладает уже известный нам мотив исцеления, хотя и не человека, а птиц. Комментируя этот эпизод, Аввакум восклицает следующее: «Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради». Эти слова толкуют исцеление как проявление Божьей милости, явленной верующему «во славу» Господа Бога. Функциональное значение этого рассказа – в засвидетельствовании Божьей интенции (снова констатирующая функция).

В5. Чудо божественного наставления Аввакума устами его дочери

Следующий эпизод предстает перед нами в форме порицания Аввакума за его нерадение в выполнении «правил». Передано это «послание» через одну из дочерей протопопа: «...от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало <...> так, что скотинка, волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью – обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу – зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничего не промолытъ, мичит к матери, сидя; мать, на нее глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: “о имени господни повелеваю ти: говори со мною! о чем плачешь?” Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: “не знаю, кто, батюшко государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: скажи отцу, чтобы он правило попрежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет”». Комментарии мы рассмотрим чуть позже – после следующего «чудесного» эпизода, поскольку он является прямым продолжением этого. Здесь же стоит обратить внимание на обращение Аввакума: «Бывало, отче, в Даурской земле, – аще не поскучите послушать с рабом тем Христовым, аз, грешный, и то возвещу вам...» [Житие 1979: 45]. Здесь мы первый раз встреча-

ем проявление той черты рассказов о чудесах, которую мы условно назовем качеством публичности: они адресованы широкому кругу «слушателей». Более подробно эта черта будет рассмотрена нами чуть ниже.

В6. Чудо об урожае хлеба

Помимо указания на обязательность выполнения обрядов, в послании, переданном через дочь Аввакума, было предсказано будущее семьи Аввакума, а также следующее: «И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так бог ведро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место за день или за два до Петрова дни, – тотчас вырос, да и сгнил было от дождев. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; бог ведро дал, и хлеб тотчас поспел. Чюдо-таки! Сеен поздно, а поспел рано. Да и паки бедной коварничать стал о божием деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излияся, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся» [Житие 1979: 46].

Здесь перед нами пример истолкования естественного природного явления в качестве чудесного проявления Божьей воли. Быстро созревший хлеб становится «знаком Христа» [Арнаутова 2004: 326]. О восприятии окружающего мира подобным образом уже было сказано, – весь мир оказывается наполненным Божьей благодатью. Чудо, если оно было необходимо, «чаще всего оно происходило; только его надо было увидеть и понять» [Серман 1995: 108].

«Чудо» происходит, как только начинают соблюдаться церковные обряды, и напротив, когда Пашков начинает «коварничать о божием деле», следует наказание, выраженное в разлитии реки и затоплении полей и домов. Содержание «чуда» само по себе поучительно – невыполнение требуемых действий провоцирует наказание. Для того чтобы такое чудо сыграло воспитательную роль (детерминирующая и регулирующая функции, по Кулешову), достаточно рассказать о нем. Однако, не ограничиваясь простым изложением события, Аввакум практически ту же мысль повторяет в обращении к читателям, «рабам тем христовым», и к «отче Епифанию»: «Виждь: как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом!» И еще более отчетливо мысль о необходимости соблюдения обрядов звучит в следующей фразе: «Нам надобе вся сия помнить и не забывать,

всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века». Обратим внимание, что в данном случае комментарий дублирует содержание «чуда» и, по сути, является избыточным. Позже мы рассмотрим другие примеры, демонстрирующие то, что это не единственно возможное сочетание сюжета рассказа и пояснения к нему. Часто Аввакум преобразовывает смысловое наполнение «чуда» или придает ему дополнительное значение.

В7. Чудо о наказании болезнью

Следующий эпизод относится к уже рассмотренной нами группе чудес-исцелений одержимых бесами. В данном контексте он интересен для нас тем, что демонстрирует один из способов Божьей кары: «И виде бог неправду в нас с братом, яко неправо по истине ходим, – я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, – изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить, – всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас». Здесь необходимо прервать цитирование и отметить, что вышеизложенный фрагмент совпадает по форме с широко распространенными быличками. Рассказы о домовом-дворовом и в XX веке «можно слышать почти в каждой деревне» [Зиновьев 1996: 134]. В подобных рассказах проделки домового почти всегда связаны со скотом: «Если скотина не нравится “хозяину” он ее мучает, гоняет по двору до того, что лошадь или корова становятся взмыленными...» [Там же: 136].

Сравним пересказ Аввакумом необычного происшествия с описанием, приведенным в сборнике «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири»: «У нас четыре коня было. Одного-то невзлюбил домовой и все. Утром приходят мужики: у всех овес насыпан, гривы заплетены (он им косички мелкие-мелкие плетет). А этот вспаренный весь, храпит» [1987: 75]. Близость этих рассказов очевидна и не нуждается в дополнительном обосновании. Здесь мы сталкиваемся с примером адаптации фольклорных сюжетов и образов к христианскому мировоззрению. «Такие персонажи народной мифологии, как водяной, леший, домовой осознавались не в системе языческих представлений, а в системе народного православия, где считались разновидностями христианской нечистой силы, бесов» [Покровский, Зольникова 2002: 370].

Продолжим цитирование «Жития» протопопа Аввакума: «И в день недельный после ужины, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: “призри на мя и помилуй мя!” – и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть, – начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. <...> Аз же, помощию божиею, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами, глаголя: “владычице моя, пресвятая богородице! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумев, каяся пред сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!”» [Житие 1979: 61].

Комментарии к этому «происшествию» интересны для нас тем, что Аввакум использует необычные явления, чудеса, происходившие в прошлом, для объяснения, или, скорее, иллюстрации событий настоящего: «Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука!» [Там же]. Несомненно, под «преступлением заповеди господня» автор подразумевает отступление от старых обрядов. Рассказ о чуде приобретает функцию, которую Кулешов называл прогностической. Аввакум как бы предупреждает сомневающихся, готовых отказаться от старой веры, о Божьей каре, которая неминуемо настигнет отступников.

В8. Чудо о дощеннике на пороге Падун

Одно из чудес происходит с Аввакумом во время трудной дороги в Сибирь: «А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощенников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощенник, – снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести, – взяла силу вода, паче же рещи, бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощенник на камень бросила вода: через ево льется, а в нево нейдет. Чюдо, как то бог безумных тех учит! <...> А дощенник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: “согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует бог!” Чюдно, чюдно! по писанию: “яко косен бог во гнев, а скор на послушание”; дощенник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: “прости, барте, Еремей, правду ты го-

воришь!" Он же, прискоча, пад, поклонися отцу и рече: "бог тебя, государя, простит! я пред богом и пред тобою виноват!" И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его?» [Житие 1979: 32].

Если устранить реплики Аввакума и других участников, то сюжет этого «чуда» сводится с вполне реальному происшествию на реке. Дощенник (лодка) застревает на пороге бурной реки, и никто не может сдвинуть его с места. После того, как хозяин дощенника признает за собой вину и неправые действия, лодка почти самостоятельно, без посторонней помощи выплывает на тихое место. Из пересказа Аввакумом этого эпизода следует, что несколько участников события называют происшествие Божьим наказанием. Сперва сын говорит: «батюшко, за грех наказует бог!..» Затем и сам виновник признает: «согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует бог!»

В данном случае правильней говорить не о чудесном событии, а о чудесном истолковании хоть и происшествия, но вполне реалистичного: «...взяла силу вода, паче же рещи, бог наказал!» Мы уже встречали подобное отношение к окружающему миру и повседневным событиям в предыдущих рассказах о чудесах. Природные явления, оцениваемые верующими как знак Божий, могут восприниматься и как наказание, и как награда. Эту особенность мировосприятия отметила А. В. Тарабукина: «...православный должен быть готов к тяжким испытаниям, которые могут наступить в любую минуту, а следовательно, вся его жизнь – это подготовка к тяжким испытаниям: очищение духа, искоренение "самости", развитие "духовного зрения", или, иначе говоря, привычки к мистическому восприятию любого, пусть самого незначительного, явления действительности» [Тарабукина 1998: 142]

В комментариях к одному рассказу Аввакум дает сразу несколько истолкований чудесному событию. Прежде всего, он настаивает на обязательности Божьего наказания и возможности прощения после покаяния, что проявляется в репликах по ходу рассказа: «Чюдо, как то бог безумных тех учит!» и «Чюдно, чюдно! по писанию: "яко косен бог во гнев, а скор на послушание"». Потом говорит о необходимости почтения к родителям: «Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его?» В

этих словах Аввакума также снова звучит обращение к «слышателю», в чем проявляется ориентированность речи Аввакума на читателя, на сторонника старой веры и старых обрядов. Сосредотачивая внимание читателя на страданиях Еремея «ради Христа и правды его» Аввакум подспудно призывает единоверцев держаться крепко и не бояться страданий. Особо интересно то, что все эти «послания» читателю заложены протопопом в описание всего лишь одного чуда; таким образом, рассказ о нем становится чрезвычайно насыщенным различными смысловыми нагрузками и выполняет сразу несколько функций – констатирует благость Господа Бога, укрепляет традицию почитания родителей детьми, поддерживает единомышленников в решимости принять страдания.

В9. Чудо появления воды зимой на озере

Следующий эпизод описывает необычное, но вполне возможное в условиях сибирских морозов природное явление: «Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты замерзают, – близко человека толщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с восьмь; стал, на небо взирая, говорить: "господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! напой меня, ими же веси судьбами, владыко, боже мой!" <...> Затрещал лед предо мною и расступился чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачю и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся господеви, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям» [Житие 1979: 64]. Комментирует это событие Аввакум так: «Да и в прочии времена в волоките моей так часто у меня бывало» [Там же], – и далее поясняет, что практически постоянно, что бы он ни делал, «...правило в те поры говорю» [Там же]. Постоянно умом обращаясь к Богу, Аввакум получает поддержку и возможность преодолеть препятствие. Но смысл его молений – не в надежде получить помощь, а в удовлетворении потребности души в «брашне духовной».

Для нас же важно то, что, раскрывая свои душевные переживания, протопоп обращается к старцу Епифанию, который является

его духовным отцом. Этот эпизод – лишний пример тому, что для Аввакума важно само объяснение, обращение не внутрь, к себе, а к другим людям. В данном случае Аввакум выступает не как проповедник, а как исповедующийся.

В10. Чудо о языке Епифания

Одно из чудес, рассказанных Аввакумом, происходит со старцем Епифанием: «На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая. <...> Дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни! – и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог – старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!» [Житие 1979: 66]. Комментарий именно в такой формулировке: «Дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни!» – уже встречался нам при рассказе о возвращении Еремея (В1). Как и в первом случае, посредством этих слов выражено преклонение перед мудростью и справедливостью Господа Бога (констатирующая функция, по Кулешову).

Группа С.
Рассказы о чудесах, в комментариях к которым раскрываются социально-антропологические характеристики категории «чудо» и социальные функции рассказов о чудесах

С1. Чудо наказания тюремщика

Первое повествование о том, как Бог наказывает тюремщика за грубое отношение к Аввакуму: «У сего келаря Никодима попросился я на велик день для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, наругав меня, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понедель-

ник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил его и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу, – идучи говорит: "блаженна обитель, – таковыя имеет темницы! блаженна темница – таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!" И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: "прости, господа ради, прости, согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя, – и за сие наказал мя бог". И я говорю: "как наказал? повеждь ми". И он паки: "а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял, – что-де запираешься!" А келейник, тут же стоя, говорит: "я, батюшко государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды"» [Житие 1979: 65].

В этом рассказе снова возникает мотив наказания. Это болезнь, поразившая тюремщика. Она излечивается лишь самим Аввакумом, который является тюремщику в видении. Для нас, однако, самое интересное то, что Аввакум использует это чудесное исцеление для приумножения своих сторонников. Сначала келарь, охранявший Аввакума, находясь под впечатлением от видения, преклоняется перед узником. Аввакум описывает это так: «Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе, или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти? Аз же его понаказав, и не велел ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое» [Там же]. Затем, после того как тюремщик рассказывает «братье» о произошедшем с ним чуде, изменяется отношение монахов к Аввакуму: «Людие же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учу от писания и пользую словом божиим; в те времена и врази кои были, и те примирилися тут» [Там же]. Аввакум не только прощает своих мучителей, но и призывает их вернуться к старой вере. Таким образом, рассказ о чуде становится средством переубеждения, выполняет функцию критерия истины.

Остальные рассказы, включенные нами в группу С, содержатся в других произведениях Аввакума. Выше уже было сказано об особенностях житийного жанра, подразумевавшего обязательное наличие рассказов о чудесах и уподобление их Евангельским.

При создании других произведений Аввакум не подчинялся стилистическим и жанровым канонам. Свободно излагая свои мысли на бумаге, протопоп включал в свои повествования рассказы о чудесах там, где считал необходимым. Все чудесные случаи, рассказанные Аввакумом не на страницах «Жития», соотносятся с существовавшими в то время общественными проблемами. Во всех опи-

саниях протопоп упоминает Никона или его последователей, а в комментариях стремится доказать их греховность и истинность старой веры. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет проявление в примерах, приведенных ниже, таких качеств и функций, которые характеризовали бы это явление с социально-антропологической точки зрения.

С2. Чудо видения орла

«Беседа девятая (Толкование на 87–88 зачала Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна)» содержит любопытнейшее описание чуда: «Некий священник егда творяще просвиромисание, прихождаше к нему дух святый в видении орла, священник же действуя, взираше на него. По прилучаю же пономарь над просвирами прежде священника действо сотвори по обычаю олтаря и принесе к действию священническу. Егда же священник начал просвиромисать, и не бысть пред ним в видении орла. Он же начат плакався, которати себя, глаголя: “яко греха ради моего не прииде, святый дух”. Бысть же глас к нему: “сего ради не прииде к действу твоему, яко закланное ми паки заклаешь и принесенное паки приносишь”. Священник же вопросив пономоря о тайне сей; он же исповедовав подробну вся, како учинил, пад пред священником, прощения испросил» [Памятники 1928: 342].

Необычным предстает не чудо, а его отсутствие. Причиной этому становится то, что священник не знал о нарушении обрядовых норм и о принесении в жертву уже «закланного» дара. В комментарии проявляется особенность использования этого текста Аввакумом. Протопоп привлекает уже существующий рассказ о чуде, написанный в Духовном Цветнике, для подтверждения собственных взглядов и позиций. Пересказав «повесть», Аввакум добавляет к ней следующий комментарий: «Видишь ли, никониянин, что вы делаете, над одною просвирою кудесите, – дыр с 300 навертишь! Ох, собаки!» [Памятники 1928: 620]. Перед описанием также есть реплики, в которых протопоп упоминает своих противников: «нечестиво бо есть един хлеб многажды святить и един принос к богу дважды и трижды приносить, якоже никонияна из единаго хлеба самочинием многи части приносят в принос» [Там же]. В первоначальном варианте описания этого чуда, естественно, отсутствуют какие-либо упоминания никониан, что объясняется более ранним, чем события раскола, временем создания Духовного Цветника. Подобное толкование привнесено самим Аввакумом

под влиянием внешних обстоятельств – проводимой Никоном реформы церковного обряда. Протопоп использует чудесное происшествие, описанное ранее другим автором, в качестве весомого аргумента в свою пользу. Рассказ о чуде видения орла приобретает функцию критерия истины в споре о старой и новой традиции.

Вспомним, как Аввакум использует рассказ о брате, которого постигло Божье наказание за нарушение заповеди, для иллюстрации более поздних событий своей жизни. Здесь перед нами еще более отчетливый пример интерпретации «чудесных событий» «подходящим» образом, отвечающим взглядам и убеждениям протопопа.

С3. Чудо благоухания праха святого

«Толкование на книгу пророка Исаии» строится следующим образом: приводя слова пророка, Аввакум поясняет их, подробно раскрывает смысл изречения. Толкование, которое нас заинтересовало, содержит и еще одну часть – описание чуда, произошедшего в Соловецком монастыре, который к моменту написания Аввакумом толкования уже семь лет находился в осаде: «И ныне явился новый святой, Илинарх в Соловецком монастыре, – вместо же праха взыдет мирсина. Зрите и разумейте: не прах ли был Илинарх-от, в земле лежал, кто ево знал, земля ино земля, а ныне яко мирсина взошел, зело завонял во всю русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обретается к восточным странам, посреди кедров и кипарисов, и зело древо уханно, еже есть вони исполнено благой, из далече приходящаго обвеселит. Тако и Иринарх во всей земли верных возвеселил, а никониян взбесил своим искорбьим наведе явлением. Понеже старыя нашея изгнанныя православныя веры крин процвете, на обличение никонияном новолбцам, врагом и отступником от Христа и от пречистой богородицы и от соловетцких чудотворцов. Как вы, никонияне, скрыть чудо сие умыслите? Али сице рцете, яко ради вашего достояния земля Иринарха отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? Гордоусы! – обмишулились, – не так, не так! Не лгите на истину: пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидят седмь годов милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, бог изведе из земля стараго игумна Иринарха, бывшаго древле в православной вере при благочестивом царе Михаиле Федоровиче всия Руси и будет имя господне во знамение вечно, рече господь:

еще же и не оскудеет, по словеси божию, старое наше православие молитвами святых отец. А ваше никонияиское собачье умышление скоро извод возьмет, не будет яко мирсина и кипарис, но яко неверие паки в пруд иссохнет и в прах разыдется, и провоняет яко мертвый пес» [Памятники 1928: 525].

И снова чрезвычайно важен и интересен нам комментарий Аввакума. Содержание чуда ограничивается двумя предложениями, повествующими о том, что прах одного из монахов в Соловецком монастыре начинает благоухать, «яко мирсина». Оценка, которую дает протопоп этому событию, разворачивается в целый монолог. Звучит в нем и прославление старой веры, и ругань в отношении новых обрядов и никониан. В потоке высказываний Аввакум задает риторический вопрос своим противникам, как они объяснят появление в Соловецком монастыре, бывшем оплотом сторонников старой веры, нового святого: «Как вы, никонияне, скрыть чудо сие умыслите?» Дальше сам предполагает, что они дадут такое объяснение: «Али сице рцете, яко ради вашего достояния земля Иринарха отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв?» [Там же], – и утверждает, что не удастся им это, поскольку «пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся» [Там же].

Этот рассказ очень многогранен и позволяет выделить сразу несколько качеств рассказов о чудесах.

Прежде всего, важна позиция протопопа, согласно которой чудо нуждается в истолковании и объяснении. По мнению Аввакума, церковные власти могут умолчать о чуде или попытаться использовать рассказ о нем в своих целях, в любом случае это будет выражение позиции противников. Этот пример очень важен для понимания сути такого явления, как рассказы о чудесах. Чудо должно быть достоянием общественной мысли. Эта особенность представлений о роли чудес проявляется и на структурном уровне. Как писала Е. К. Ромодановская, «это (приказание о проповеди “откровения” среди народа) единственный элемент <...> который непременно фигурирует во всех рассматриваемых рассказах – как крестьянских, так и литературных. Именно он, судя по всему, представляется совершенно обязательным: без объявления народу видение не имеет общественной значимости и превращается в личное дело человека, в бытовое сновидение» [Ромодановская 1996: 151]. Чудеса обязательно должны быть обнародованы, должны обрести свою «публику», по выражению Б. И. Ярхо. Только тогда чудо, точнее, рассказ о нем приобретает свою истинную функцию регулято-

ра общественной мысли. Условно эту характеристику можно было бы назвать качеством публичности.

Во-вторых, этот пример — образец использования чуда в религиозной борьбе. Как отмечал И. Серман, «к чуду апеллировали в социальной и религиозной борьбе все участники, все партии» [Серман 1995: 105]. Комментарий Аввакума демонстрирует то, каким образом рассказ о чуде мог быть привлечен противниками в качестве аргумента в свою пользу. Правильно истолкованное событие может придать вес той или иной стороне. Рассказ о чуде начинает функционировать как реальный способ воздействия, в качестве веского аргумента за или против, в качестве убедительной мотивировки не только на личностном, но и на общественном уровне. Один пример того, как «чудо» было использовано для начала мятежа, уже был нами приведен во введении. Процитируем еще раз работу И. Сермана: «...Низложенный с патриаршего престола Никон в своих оправдательных сочинениях тоже рассказывает о видениях, которые ему являлись. Он видел, например, святого Иону, который обходил всех святителей и предлагал им подписаться под прошением о возвращении его, Никона, на патриаршество» [Серман 1995: 107].

Третьей характерной чертой рассказа о чуде является необходимость его подтверждения, засвидетельствования, для чего привлекаются лица, готовые подтвердить происшествие. Назовем, условно, эту черту качеством достоверности. «Фиксация чуда и официальное его признание всегда, во все времена, требовали проверки, т. е. следствия по его поводу, которое в свою очередь непременно включало несколько обязательных и неизменяемых элементов — в первую очередь допроса визионера и свидетелей» [Ромодановская 1996: 156]. Чудо становится последним критерием истины, способным перекрыть любые логические доводы, а рассказ о чуде может быть использован для воздействия на умы людей, последствия которого отражаются на общественном уровне. Сила воздействия подобных рассказов о чудесных событиях на верующих объясняет, на наш взгляд, обязательное требование доказанности необычных происшествий.

С4. Чудо в Тобольской церкви

В «Первой челобитной царю Алексею Михайловичу» читаем описание еще одного «чюда преславного и ужасу достойного» [Памятники 1927: 501]. «Летом, в Преображениев день, чюдо пре-

славно и ужасу достойно в Тобольске показал бог: в соборной большой церкви служил литоргию ключарь тоя церкви Иван, Михайлов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: “двери, двери мудростию вонмем”, тогда у священника с главы взяся воздух и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре поставления преступала до возглашения Победныя песни; и егда приспе время протодьакону к дискосу притыкати, *приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто*» [Там же].

Содержание чуда – перемещение отдельных предметов церковного убранства – не имеет ни моральной, ни социальной нагрузки. Причиной, вызвавшей подобное происшествие, могло быть любое нарушение. Но в своем пересказе Аввакум подчеркивает, что служба велась «по новым служебникам по приказу архиепископлю» [Там же], – перед нами пример наделения чуда смыслом и моралью, не вытекающими напрямую из его содержания. Подобное использование Аввакумом рассказов о чудесах рассматривалось выше, этот же пример интересен для нас тем, что Аввакум связывает «чудо» с никоновскими новшествами, которые считает отступлением от истинной веры. Еще более резко эту мысль протопоп высказывает чуть ниже, обращаясь к основному адресату послания – царю Алексею Михайловичу. Поэтому мы читаем следующее: «И мне, государь мнится, яко и тварь рыдает, своего владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют духа святого бытии и Христа, сына божия...» [Там же]. Здесь объект, на который пытается воздействовать Аввакум, совершенно иной. Это уже не неизвестный читатель, как в «Житии», а конкретное лицо, знакомое Аввакуму лично. Поэтому и в комментарии звучит не укор всем последователям Никона, и не призыв сторонникам старой веры держаться «истины» и не бояться страданий, а укор конкретному человеку в его отступничестве.

Вообще необходимо помнить, что со времени опалы челобитные становятся единственной доступной для Аввакума формой обращения к царю и исключительным способом попытаться повлиять на него. Тот факт, что в небольших по объему челобитных содержатся рассказы о чудесах, на наш взгляд, лишний раз подтверждает их значимость не только в качестве индивидуального мистического опыта, но и как эффективного способа воздействия на умы верующих, и как конструкта, формирующего мировоззренческую и социальную позицию.

Однако Аввакум и в этом послании ориентируется не только на царя, которому адресована челобитная, но и на прочих «слушате-

лей». Это проявляется в словах, сказанных им на страницах «Жития»: «И я из Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет» [Житие 1979: 53]. Даже в личном обращении проявляется цель протопопа донести истину, а точнее свое представление о ней до широкого круга людей. Функцию критерия истинности выполняют рассказы о чудесах.

В «Пятой челобитной царю Алексею Михайловичу» Аввакум описывает сразу два видения.

С5. Чудо покорения Аввакуму неба и земли

В первом видении Аввакуму покоряется «и небо, и земля»: «... распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земле распространился, а потом бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь» [Памятники 1927: 536]. Объясняя царю причину, по которой описывает это чудо, Аввакум говорит так: «Того ради хощу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит господь о кончине моей, и помышляет ми ся, будет скоро отложение телиси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж мне и самому о жизни сей нерадящу. Послушай, державне, побеседаю ти, яко лицем к лицу» [Там же].

С6. Явление Христа и «сил многих»

Во втором видении «ста близ меня по правую руку ангел мой хранитель, улыскаяся, и приклоняяся ко мне, и мнил ся мне дея <...> а се потом из-за облака госпожа богородица яви ми ся, потом и Христос, с силами многими» [Памятники 1927: 538]. Являются они, чтобы укрепить веру Аввакума, прогнать от него страхи: «...и рече ми: “не бойся, аз есмь с тобою”» [Там же]. Кажется, это наиболее личное послание Аввакума царю. Причиной, по которой протопоп описывает свои видения, Аввакум называет любовь Господа к царю и свое ожидание смерти: «За любовь тебе господню, Михайлович, сказано сие, понеже хощу умереть» [Там же]. И действительно, здесь отсутствуют типичные для Аввакума укоры и ругательства, а никониане упоминаются лишь как источник бед Аввакума: «тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якож меня

ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темницу затворили никонияня, пущи отца своего Никона надо мною, бедным сотворили. И о том стужах божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание», – и в той связи, что нельзя им раскрывать тайны видений: «Молю тя именем господним, не поведай врагам моим, никониянам тайны сея, да не поругают Христа Исуса, сына божия и бога: глупы веть оне, дураки, блюют и на самого бога нечестивыя глаголы; горе им, бедным будет» [Там же]. Но все же эти личные переживания не должны остаться тайными, и к ним отсылает Аввакум читателей своего «Жития»: «Держали меня у Николы в студеной полатке семнадцеть недель. Тут мне божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши» [Житие 1979: 65].

Группа D. Фрагменты из произведений Аввакума, в которых отсутствуют описания чудес, но содержание его высказываний имеет непосредственное отношение к проблематике чудесного

D1. В первую очередь это слова, которыми заканчивается «Житие». Аввакум призывает старца Епифания описать чудеса, происходившие с ним: «Ну, старец, иоево вяканья иного ведь ты слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, как богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег и как келья та обгорела, а в ней все цело, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христа и богородице» [Житие 1979: 78]. Призывая Епифания написать «Житие», Аввакум говорит: «Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наше оне люди будут там у Христа». Все эти рассказы – во славу Христа – ценны не сами по себе, а поскольку их читают люди. Прочитавший же о чудесах и «послушающий» – наш человек. В этих словах снова проявляется отношение Аввакума к рассказам о чудесах как к способу воздействия на людей и воспитания душ.

D2. Похожий пример содержится в «Книге Бесед» («Беседа четвертая. Об иконном писании»): «А Николе Чудотворцу имя немецкое: Николай. В немцах немчин был Николай, а при апостолех ере-

тик был Николай; а во святых нет нигде Николая. Только с ними стало. Никола Чудотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил, да пускай бы по Москве той так ходил» [Памятники 1928: 190].

Этот отрывок также не содержит описания чуда, но он, как и предыдущий, крайне интересен. Рассказывая о нововведениях своих противников, Аввакум призывает Николу Чудотворца совершить чудо – заворотить «кобелю голову ту назад рожею». Нужно, де, наказать никониан, давших «Николе Чудотворцу имя немецкое: Николай». Здесь чудо воспринимается Аввакумом не как способ наказания или воспитания отдельного индивидуума, что отмечено в предыдущих примерах, но как кара свыше для целой группы людей, последовавших за Никоном.

* * *

Рассматривая рассказы о чудесах также из автобиографического «Жития» Епифания, мы опирались на иной принцип, нежели чем при анализе сочинений Аввакума, по той причине, что лишь два из семнадцати (!) рассказов о чудесах сопровождаются авторскими комментариями. Группируя описания чудес у Епифания, мы воспользовались критерием схожести сюжетов. Были выделены такие группы близких сюжетов.

I. Изгнание бесов

Как и у Аввакума, это наиболее часто встречающийся сюжет, однако если Аввакум борется с бесами, вселившимися в других людей, и излечивает больных, то Епифаний сам видит бесов во «плоти» и он «физически» борется с ними. Так, одно из видений состояло в том, что Епифаний просыпается с ощущением мокрого бесовского тела на руках. Борьба с бесами ведется не без помощи высших сил. Помощь приходит к Епифанию несколькими путями.

№ 1–4*. Колоссальной силой наделена у Епифания иконка с изображением Пречистой Богородицы: «И благодатию христовою, и образом вольяшным медяным пречистыя богородицы изгнан бысть бес ис келии тоя. Посем и старец Кирилло прииде ко мне в келию ту жити, и жил я в той келье у старца 40 недель. Не видали мы беса ни во сне, ни на яве. А как я вольяшный медяный образ

* Нумерация рассказов о чудесах условна

пречистыя богородицы ис келии от старца Кирилла вынес во свою пустыню и во свою келию, да и сам вышел от него, так бес и опять к нему в келию пришел жить с ним» [Жизнеописание 1963: 182].

Изгнание беса силою «образа вольяшного медяного пречистыя богородицы» происходит четыре раза. Процитируем еще один отрывок: «И отворишася сенные двери, а в келейце стало светло в полунощи; и паки келейныя отворишася, и внидоша в келию ко мне два беса, и поглядели на меня, и скоро вспять возвратилися ис келии, и келию мою затворили, и не весть камо ищезоша. Аз же помышляю, чесо ради беси не давили мене и не мучили, и смотрю по келейце моей туды и сюды, а в келии светло, а я лежу на левом боку, и возрех на правую руку, и на правой руке на мышце моей лежит образ вольяшный медяной пречистыя богородицы. Аз же грешный левою рукою хотел его взять, ано и нету. А в келии стало и темно, а икона стоит на стене по-старому, а сердце мое наполнено великия радости и веселия христова. Аз же прославих о сем Христа и богородицу. И от того часу близ году не видал, не слыхал бесов ни во сне, ни на яве» [Жизнеописание 1963: 184].

№ 3–7. Несколько раз подряд описывает Епифаний видения, о том, как на него нападают бесы, мучают его, и как помогают ему Божьи силы, являясь в различных образах – святителя Николая, Богородицы, которая «беса мучит» и дает «беса уже мертваго в мои руки» [Жизнеописание 1963: 185], или безличной благодати: «от бога приходит мне помощь великая на беса мучити его» [Там же: 186].

II. Рассказы о чудесном спасении от огня

В «Жизнеописании» Епифанием описано три таких случая; во всех них помощь приходит от «образа вольяшного медяного пречистыя богородицы».

№ 8–10. Процитируем лишь один рассказ: «...рекох ко образу сице: “Ну, свет мой Христос и богородица, храни образ свой и келейцу мою и твою”, и поклоняся ему, и идох ко старцу в пустыню. <...> И на третий день идох во свою пустыню и узрех издалеча келейцу мою, яко главню стоящу. <...> А около келии приготовлено было на сенишка лесу много, то все пригорело; а у кельи кровля по потолок все съгорела, и около келии – чисто все огонь полизал. Аз же, грешный, воздохня от печали, внидох в келию огорелую. О, чюдо неизреченное христово и пречистая богородицы! В келии чисто и бело, все убережено, сохранено, огнь во келию не смел

внити, а образ на стене стоит пречистая богородицы, яко солнце сияя показа ми ся, и обрати ми ся печаль в радость, и воздех руце мои на небо, хвалу и благодарение воздая Христу и богородице...» [Жизнеописание 1963: 184].

III. Чудеса исцеления от физических болезней

Сюда нами включены следующие рассказы:

№ 11. Чюдо о глазах моих креста ради христова [Жизнеописание 1963: 198].

№ 12. Чудо возвращения Епифанию отрезанного языка: «...печалуюся о языке моем. О, скораго услышания света нашего, Христа-бога: по плзе бо ми тогда язык ис корения и дойде до зубов моих; аз же возрадовахся о сем зело, и начах глаголати языком моим ясно, славя бога» [Там же: 195].

№ 13. Чудо избавления от боли при явлении Богородицы – она явилась Епифанию после отсечения ему руки и языка по приказу Никона и уняла боль. «Сие чюдо было в седмый день после мучения» [Там же: 194].

№ 14. Чудо избавления Епифания от муравьев, «тайныя уды ясти зело горько и больно до слез» [Там же: 187].

IV. Чудеса помощи свыше, полученной в ответ на мольбу

№ 15. Чудо о кресте Христа Бога и спаса нашего [Там же: 189]. Рассказ о том, как к Епифанию приехал мужик за 40 верст с просьбой сделать крест: «И егда дал обещание богу, зря на небо. И как сведох очи мои с небес на землю, и начах очима моима обзирати около себе сюду и сюду, зря лова, какова любо ми, посланного от бога. О, скораго услышания Христа-бога, света нашего! О дивное милосердие христово, о чюдо несказанное, его же ни отцы, ни деды наши не слыхали, ни видали: вижу скоро издалече борана великаго... И поведах сие чюдо божие великое жене моей и чадом моим, и всем соседям моим, и вси прославиши бога о сем чюдеси. И паки рече ми християнин: "Не дивно бы ми было, отче святый, аще бы ми послал бог оленя или соболя, или лисицу драгую, или ин зверь, то бо их дом и жилище... а жилищ человеческих, ни деревен, ни слуху нет"» [Там же: 189–190].

№ 16. Явление умершего Ефросина Епифанию в келии. Епифаний в страхе расспрашивает про загробную жизнь. Ефросин отвечает: «Брате мой и друже мой любимой Епифаний, молися ты прилежно пречистой богородице, то всех бед избудеши и получеши радость» [Там же: 191].

№ 17. Чудо явления Христа. В ответ на мольбу Епифания «...услыши мя, грешнаго раба твоего, вопиющаго ти, яви ми, ими же веси судбами, годно ли ти, свету, течение мое сие, и потребен ли ти сей путь мой, и есть ли на спасение ми, бедному и грешному рабу твоему, вся сия страдания моя бедная?» является ему Христос: «...и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое – очи, и нос, и брада, подобно образу нерукотворенному спасову, и рече ми той образ сице: “Твой сей путь, не скорби”» [Там же: 197–198].

V. Явление Богородицы старцу в награду за ревностное исполнение обряда

№ 18. Богородица является старцу и дает ему златицу. «И повелети игумен звонити во вся, и певши молебная Христу-богу и богородице много, и ту красную златицу прицепиша ко образу местному пресветыя богородицы на славу Христу-спасу и на похвалу богородице, и на воспоминание дивнаго и преславнаго чюдеси ея, во веки веком, аминь» [Жизнеописание 1963: 193].

Хотя комментариев к рассказам о чудесах у Епифания очень мало, они все же интересны.

Первый комментарий дан Епифанием перед описанием чуда явления Богородицы старцу (№ 18): «А иное чюдо дивное и преславное пречистые богородицы сказа мне грешному преподобный старец мой келейной, священноинок Мартирий, укрепляя мене, дабы держался аз крепко канонната святаго правила, и кондаки и икосы говорил бы на всяк день пречистой богородице неизменно без лености. Рече бо ми сице: “Чадо, есть писано во «Отечьнике»”...» [Жизнеописание 1963: 192]. Предельно ясно, почему Епифаний рассказывает об этом чуде. Причина заключается в мотивировании посредством рассказа к ревностному исполнению обрядов.

Второй комментарий следует после рассказа о том, как «черви-мураши тайныя уды ясти зело горько и больно до слез» (№ 14). Пытаясь всячески избавиться от надоедливых муравьев, Епифаний преуспел лишь тогда, когда обратился за помощью к высшим си-

лам. Епифаний сопровождает свой рассказ такими словами: «Видите ли, отцы святи и братия, колико немощна сила-та человеческая: и худаго, и малаго червия, и ничтоже мнимаго без благодати духа святого невозможно одолети, не токмо зверя или беса, или человека, но и худаго и ничтоже мнимаго всякого дела без помощи божии невозможно исправить» [Жизнеописание 1963: 187]. Здесь и преклонение перед силой Господа Бога, и признание слабости человеческой.

В приведенных комментариях не проявляются ни качества, характеризующие рассказы о чудесах с социологической точки зрения, ни общественно значимые функции. Единственный образец, в котором проявляется одна из характеристик чуда как социального феномена, содержится не в комментариях, а в структуре чуда, пересказанного Епифанием со слов «мужика». В ответ на просьбу и обещание поставить крест, к охотнику выходит баран. Далее в словах мужика следующее: «И поведах сие чюдо божие великое жене моей и чадом моим, и всем соседям моим, и вси прославиши бога о сем чюдеси» [Жизнеописание 1963: 189–190]. Здесь проявляется обязательное для рассказов о чуде качество публичности.

* * *

Если сравнить процентное соотношение комментируемых чудес у Аввакума и у Епифания, то результат оказывается следующим: количество описаний чудес, сопровождающихся авторскими комментариями, раскрывающими смысл чудесных событий, у Аввакума составляет около 63 % по отношению к общему количеству рассказов о чудесах (таблица 1). В «Жизнеописании Епифания» лишь после 16 % повествований следуют авторские пояснения (таблица 2).

Таблица 1. Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума

	Общее количество	**% по отношению к общему количеству**
Описания чудес с комментариями	15	62.5 %
Описания чудес без комментариев	9	37.5 %

Таблица 2. Рассказы о чудесах в «Жизнеописании Епифания»

	Общее количество	% по отношению к общему количеству
Описания чудес с комментариями	2	11%
Описания чудес без комментариев	16	89%

Подобную разницу при изложении рассказов о чудесах следует, на наш взгляд, объяснить различием мироощущения двух авторов. О разнице характеров Аввакума и Епифания писали многие исследователи. С. Зеньковский в своей книге «Русское старообрядчество» называет Аввакума «сильной натурой», наделяет его «ощущением морального превосходства над другими людьми» [Зеньковский 1995: 459]. Другое определение он дает Епифанию: «Это был привыкший к тихой, созерцательной жизни скитский инок праведник...» [Там же: 343]. А Робинсон отмечал: «Епифаний материализует свои сонные видения. Его душа объективируется, одевается в его плоть и кровь и вступает во вполне земные по своим формам взаимоотношения с такими же объективированными существами "потустороннего" мира (бесами, богородицей, святыми, Христом)» [Робинсон 1963: 72]. Другую характеристику дает Робинсон Аввакуму: «Не склонный к такому самоуглублению, как Епифаний, и всегда обращенный к действительности, Аввакум раскрывает, так сказать внешнюю механику "чудесных" явлений» [Там же: 74].

Личности этих писателей XVII века ярко выступают в их текстах, в том числе и в том, как пишут они о чудесных событиях и видениях. Аввакум не довольствуется простым описанием, как Епифаний. Многочисленные комментарии, наполненные эмоциональными выпадами, ругательствами в адрес врагов и похвалами в адрес единоверцев, делают произведения Аввакума особенно интересными читателю и исследователю. Наиболее наглядным примером является описание двумя авторами одного и того же чуда возвращения Епифанию отрезанного языка. Вот каким оно выглядит в изложении Епифания: «...печалуюся о языке моем. О, скораго услышания света нашего, Христа-бога: поползе бо ми тогда язык ис корения и дойде до зубов моих; аз же возрадовахся о сем зело,

и начах глаголати языком моим ясно, славя бога. Тогда Аввакум протопоп то чюдо услышав, скоро ко мне прибежа, плача и радуяся, и воспели мы с ним вкупе "Достойно есть" и "Слава и ныне"...» [Жизнеописание 1963: 195]. Совсем иная интонация у Аввакума: «На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая. Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московский и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во рте. Дивны дела господня и неизреченны судьбы владычни! – и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог – старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!» [Житие 1979: 66]. Этот пример уже был приведен нами при анализе сочинений Аввакума, но мы решили его снова процитировать для наглядности сравнения. Если Епифаний ограничивается пересказом, Аввакум добавляет свои собственные мысли о силе Божьей, о его природе: «Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет».

Однако отсутствие комментариев к описываемым чудесам в «Жизнеописании Епифания» не означает, на наш взгляд, отсутствие функциональной нагрузки у этих рассказов. Рассказывая о чудесах в его жизни, Епифаний подтверждает «реальность» потустороннего мира, возможность существования чудес как таковых. Об этом писал еще Робинсон: «Сюжет развивается под давлением внутренних психологических импульсов, обусловленных представлениями автора о его общении с миром "потусторонних" сил и о воздействии этого мира на него» [Робинсон 1963: 83]. Потребность в чуде у человека средневековой Европы можно объяснить различными причинами, одна из которых приведена в работе И. Сермана: чудо «давало надежду и указывало цель, о которой иначе человек был склонен забывать» [Серман 1995: 105].

* * *

Примененный нами подход к изучению рассказов о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания – рассмотрение их с социологической точки зрения, пристальное внимание к комментариям, сопровождающим описания чудесных событий, и контекстам, в которых разворачиваются необычные происшествия, – позволяет сделать ряд выводов.

У Аввакума и Епифания рассказам о чудесах характерен определенный набор качеств. Наиболее важное, на наш взгляд, качество – это публичность. Необходимо, чтобы чудо стало достоянием мира, единоверцев и никониан. Чудесные события обязательно должны быть обнародованы, должны обрести свою «публику». Только тогда чудо, точнее, рассказ о нем приобретает свою истинную функцию регулятора общественной мысли. Особенно ярко это качество проявляется в сочинениях протопопа Аввакума. Оно выражается в постоянных обращениях автора к читателю, «слышателю». Примером его проявления может также служить чудо, изложенное Епифанием, сюжет которого мы условно назвали «Чудо о кресте» (№ 15). В повествовании говорится о том, что человек, с которым собственно и произошло чудо, рассказывает о нем соседям и родственникам. Еще одно существенное качество, присущее рассказам о чудесах у Аввакума и Епифания, – это необходимость толкования, интерпретации, когда рассказчик стремится объяснить значение чуда, добиться полного и правильного понимания происшествия читателями и слушателями. Наиболее ярко, как мы видим, это качество присуще «огнеопальному протопопу», но у рассказов его духовного отца оно имеет место.

Для рассказов о чудесах обоих писателей, на наш взгляд, можно назвать целый ряд функций:

1. Функция подтверждения могущества Господа Бога, его милости и справедливости, которая констатирует Божью благодать.

2. Функция регуляции выполнения обрядовых норм: чудо может быть как наказанием за несоблюдение правил религиозной жизни, так и наградой за их особо ревностное исполнение.

3. Функция наказания: чудо является карой тем людям, которые совершили различные прегрешения в обыденной, частной жизни.

4. Функция помощи: чудесное событие происходит в ответ на истовую мольбу с просьбой человека в чем-либо помочь ему.

Все вышеперечисленные функции относятся к религиозной стороне представлений верующих о таком феномене, как «чудо». Социологическая составляющая этого явления обуславливает наличие других функциональных значений:

5. Чудо становится веским аргументом, способным изменить отношение людей к окружающей действительности. Итогом воздействия рассказов о чудесах на умы верующих становится то, что люди изменяют свою социальную позицию, например, из противников старой веры становятся ее приверженцами. С этой функцией тесно связана следующая.

6. Чудо является тем критерием истины, к которому прибегают противники в политической и религиозной борьбе.

7. Чудо воспринимается как возможный способ поучения или вознаграждения не одного человека, а целой группы людей. (Вспомним призыв Аввакума к Николе Чудотворцу «Заворотить кобелю голову тою назад рожею».)

8. Чудо используется для объяснения реальности, через призму рассказов о чудесах происходит оценка событий повседневной жизни.

Подчеркнем еще раз, что вышеназванные функции влияют на взгляды читателей или слушателей, меняют их отношение к действительности и, шире, формируют мировоззрение верующих людей.

Без сомнения, старообрядческая среда обусловила определенные особенности функционирования рассказов о чудесах. С момента отделения ревнителей древнего благочестия от официального церковного управления для сторонников старой веры становится особо актуальной проблема противопоставления себя никонианам. На заре раскола предпринимались различные попытки найти критерий истины на мистически-иррациональных путях, и именно к чуду как к последнему аргументу апеллировали авторы первых старообрядческих сочинений. В анализируемых нами источниках XVII века хорошо видно использование протопопом Аввакумом рассказов о чудесах в качестве доказательства того, что борьба против никоновских нововведений есть дело правое.

Возвращаясь к функциям рассказов о чудесах, следует указать еще на одну, которая выявлена при анализе аввакумовского «Жития»:

9. Чудо становится способом адаптации фольклорных сюжетов и образов народной мифологии к христианскому мировоззрению (см. В7).

Анализ сочинений протопопа Аввакума позволяет выявить и некоторые особенности восприятия чудесных событий верующими людьми «бунташного» столетия. Для них свойственно оцени-

вать как проявление Божьей воли любые природные явления, причем как обычные и привычные, наподобие курочки (В3) или созревшего урожая (В6), так и необычные. К последним можно отнести, например, бурление воды на речном пороге (В8), или появление воды на поверхности замерзшего озера зимой (В9).

Рассмотрение соотношения содержания текста и комментария к нему выявило несколько возможных вариантов сочетания этих двух частей. Комментарий может дублировать содержание рассказа о чуде, перефразируя смысл, заложенный в самом повествовании, усиливать его воздействие. Другой вариант – когда рассказ о чуде наделяется смыслом и моралью, не вытекающими напрямую из содержания. При этом чудо могло произойти с автором в прошлом или рассказ о чуде вовсе взят из других письменных источников. Автор, и это очень характерно, к примеру, для Аввакума, интерпретирует уже существующие рассказы о чудесах для подтверждения собственных взглядов.

В заключение мы хотим еще раз подчеркнуть, значимость рассказов о чудесах не только как индивидуального мистического опыта, но и как эффективного способа воздействия на умы верующих, конструкта, формирующего мировоззренческую и социальную позицию. Для обычных верующих людей, не искушенных в тонкостях богословских споров, «чудо», очевидно, во все времена являлось наиболее убедительным критерием истины, последней инстанцией, вердикт которой не подлежит сомнению. В сознании верующего человека чудо наделено гораздо большей силой, нежели слово. Никакие логические доводы не могут перевесить по значимости «чудесное событие». Именно поэтому рассказы о чудесах у Аввакума и Епифания функционируют в качестве реального способа воздействия, как веский аргумент «за» или «против» в религиозном споре, в качестве убедительной мотивировки их позиции на личностном и общественном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

Арнаутова 2004 – *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004 (Серия «Библиотека средних веков»).

Патерик 1999 – Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. История Сибири. Первоисточники. Вып. IX. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

Житие 1979 – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997.

Зеньковский 1995 – *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. (Репринтное воспроизведение.)

Зиновьев 1987 – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987.

Керров 1998 – *Керров В. В.* «Опыт контент-анализа "Жития" и посланий протопопа Аввакума: К вопросу о модернизационном аспекте старообрядчества» // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований: Мат-лы междунар. научн. конф. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.

Кляус, Щапова 2004 – *Кляус В. Л., Щапова М. Ю.* Видение св. Николы у старообрядцев Свенчениса (Литва) в этнокультурном и психологическом аспектах // На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе. Часть 1. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

Кляус 2005 – *Кляус В. Л.* Притчи старообрядцев Литвы: функциональные аспекты бытования (из опыта полевых фиксаций) // Baltijas pierobeza: mitologija un kultura. Riga, 2005.

Кулешов 1998 – *Кулешов Е. В.* Народные рассказы о христианских чудесах в устном и письменном бытовании: опыт типологизации // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Междунар. съезд славистов (Краков, 1998). Докл. рос. делегации. М.: Наследие, 1998.

Кушнарева 2004 – *Кушнарева Л. Л.* Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских) Забайкалья (конец XX – начало XXI веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.

Лихачев 1979 – *Лихачев Д. С.* Великое наследие. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1979.

Минеева 2002а – *Минеева С. В.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции: Автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 2002.

Минеева 2002б – *Минеева С. В.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции: Дис. ... док. филол. наук. М., 2002.

Памятники 1927 – Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга первая. Выпуск I. АН СССР. Русская историческая библиотека, т. XXXIX. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.

Покровский, Зольникова 2002 – *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002.

Робинсон 1963 – *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Ромодановская 1996 – *Ромодановская Е. К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (к вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. Т. 49. СПб.: Алетейя, 1996.

Серман 1995 – *Серман И.* Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII вв. // Рус. литература. 1995. № 2.

Сны и видения 2001 – Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О. Б. Христофорова. М.: Российск. гос. гуманит. Унт, 2001. (Сер. «Традиция, текст, фольклор».)

Старообрядчество 1996 – Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Тарабукина 1998 – *Тарабукина А. В.* К характеристике прицерковной культуры: семантика образа святого места в фольклорной традиции восточных славян // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Междунар. съезд славистов (Краков, 1998). Докл. рос. делегации. М.: Наследие, 1998.

Таянова 1997 – *Таянова Т. А.* Категория чуда в системе религиозно-философских воззрений Аввакума // Благословенны первые шаги... Сб. работ молодых исследователей. Магнитогорск: Наука, 1997.

Ярхо 1989 – *Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М.: 1989.

Ю. Д. Рыков

НОВОПРИОБРЕТЕННЫЙ ВЛАДИМИРСКИЙ СБОРНИК ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в. С КРАТКОЙ ЛЕТОПИСНО-РОДОСЛОВНОЙ СТАТЬЕЙ И С КРАТКИМ «ЛЕТОПИСЦЕМ СТАРЫХ ЛЕТ»

Среди многих древнерусских литературных жанров одним из важнейших является летописный жанр. Этот жанр возник в самые ранние времена древнерусской письменности и литературы с целью фиксации различных исторических преданий и реальных событий и развивался на протяжении многих веков в рамках традиционных погодных записей вплоть до конца XVII в. Летописи, будучи ценным историческим источником для изучения отечественного прошлого, одновременно являются и замечательными литературными памятниками сюжетного повествования. Культурно-историческое значение летописных произведений «старины глубокой» невозможно недооценить и трудно переоценить: оно аксиоматично.

Как известно, сложный и длительный историко-литературный процесс русского творческого летописания продолжался до Петровского времени. Позднее летописание – это заключительный этап процесса эволюции летописания в условиях переходной литературной эпохи, это феномен бытования произведений летописного жанра в сравнительно широких читательских кругах русского культурного общества. Летописные произведения данного времени ценны как письменные памятники, отражающие исторические знания их создателей и читателей, литературную творческую манеру летописцев. Одновременно эти произведения представляют несомненный интерес для исследователей и в чисто историографическом и источниковедческом плане.

История древнерусского летописания всегда привлекала к себе пытливое внимание отечественных дореволюционных и совет-

48 – 9799

ских историков. Но если история летописания с древнейших времен и до создания Лицевого летописного свода при царе Иване Васильевиче Грозном изучена исследователями довольно хорошо, то история позднего русского летописания XVII в., сравнительно с более ранним периодом, изучена еще недостаточно, и многие вопросы этой истории остаются еще не вполне решенными или дискуссионными.

Начальный этап изучения позднего русского летописания связан с историческим творчеством «отца русской истории» В. Н. Татищева (1686–1750), который во второй четверти XVIII в. впервые ввел в научный оборот утраченную ныне «Историю о разорении Руском» первого русского патриарха Иова и его келейника Иосифа, а также знаменитый «Новый летописец» XVII в., посвященный событиям т. н. Смуты на Руси [1]. С тех пор отечественными историками было сделано немало научных открытий в области источниковедческого изучения памятников позднего русского летописания.

Начиная с 50-х гг. XX в. интерес отечественных историков и литературоведов к проблемам исследования позднего русского летописания особенно повысился. Появился целый ряд ценных источниковедческих исследований и публикаций текстов позднего летописания. Интерес этот не ослабевает и поныне. Одним из важнейших направлений исследовательских работ в этой области является изучение и публикация кратких летописцев и летописчиков, которые с середины XVII в. становятся наиболее распространенным видом поздних летописных произведений [2], однако, несмотря на публикации новооткрытых летописных памятников этого времени, ценные наблюдения и немалые исследовательские успехи ученых в области летописеведения, многие вопросы изучения позднего русского летописания еще продолжают оставаться неясными или не вполне решенными и требуют дальнейшей научной разработки. Основой для решения многих из стоящих перед учеными проблем является поиск новых исторических источников, постоянное расширение на базе ценных археографических находок источниковой базы летописеведения и комплексное осмысление всех сохранившихся источников, как известных, так и новонайденных.

В декабре 2002 г. москвич М. Е. Гринблат, периодически как комиссионер поставлявший НИОР РГБ добываемый им рукописный «товар», предложил Отделу рукописей приобрести у него составной рукописный сборник историко-литературного содержания последней трети XVII в. Данный кодекс был принят комплектатором Отдела на экспертизу и зарегистрирован в книге предложений под

№ 177. В ходе проведенной мною, тогдашним сотрудником ОР РГБ, научной экспертизы данной рукописной книги в ее составе среди наиболее интересных текстов был выявлен неизвестный ранее список Краткого летописца, а также отрывок неизвестной летописно-родословной статьи, доведенный до времени царя Ивана IV. По результатам экспертизы предложенного кодекса мной было составлено подробное научное экспертное заключение. В заключении были приведены общие археографические сведения об этом сборнике, при этом было особо подчеркнуто, что предложенная рукописная книга является конволютом, состоящим из нескольких различных частей. Были определены границы этих частей и названы типы водяных знаков, имеющихся на бумаге листов данных «аллигатов». В заключении были также процитированы многочисленные владельческие, читательские и другие записи и сделана полная аналитическая роспись статей сборника. Мной как экспертом специально было подчеркнуто большое научное значение содержания предложенной книги в целом, и в особенности ее заключительной части, содержавшей тексты летописного характера[3].

В марте 2003 г. я выступил с данным заключением на заседании экспертной комиссии ОР РГБ и обосновал необходимость безусловного приобретения предложенного рукописного сборника. В результате проведенного обсуждения экспертного заключения членами комиссии было принято единогласное решение о приобретении на государственное хранение предложенного кодекса и о включении его в состав Собрания Единичных поступлений рукописных книг – ф. 722[4].

22 мая того же года для членов методической комиссии НИОР РГБ мной была составлена служебная записка с предложением образовать в Отделе новое территориальное Владимирское собрание рукописных книг из числа незашифрованных единичных поступлений рукописей ф. 722, начиная с поступлений 2000–2003 гг. В записке были указаны и конкретные рукописи, происхождение и бытование которых было связано с территорией Владимирской обл.[5] Такое собрание должно было пополнить уже имеющийся комплекс из 9 территориальных собраний, созданных ранее в Отделе рукописей[6]. Предлагаемое к созданию Владимирское собрание не должно было включать в свой состав тех значительных комплексов рукописей, которые были привезены в ОР ГБЛ археографическими экспедициями сотрудников Отдела в 1960-е гг. и включены затем в состав Собрания Отдела рукописей ГБЛ (ф. 218)[7].

26 мая 2003 г. методическая комиссия НИОР РГБ рассмотрела предложение о фондировании Владимирского территориального собрания и утвердила его[8]. С учетом сделанной в моей записке рекомендации, приобретенный ранее Отделом у М. Е. Гринблата сборник последней четверти XVII в. с кратким летописцем и летописно-родословной статьей по решению методической комиссии был исключен из состава ф. 722 и включен в состав новообразованного Владимирского территориального собрания (ф. 895).

В 2006 г. в НИОР РГБ было подготовлено научное описание данного кодекса, повторявшее в главной своей части текст составленного ранее мной подробного экспертного заключения. В связи с моим уходом из ОР РГБ в ноябре 2003 г. составленное мной описание сборника, данное в экспертном заключении 2002 г., было доведено до окончательной «кондиции» в своей основной части сотрудником Отдела А. В. Кузьминым; аналоги же указанных мной в заключении типов бумажных водяных знаков рукописи были определены по альбомам филиграней сотрудницей того же Отдела Т. В. Анисимовой. Исключением явился лишь водяной знак, находящийся на листах заключительной части кодекса с вышеуказанными летописными текстами, ибо их Т. В. Анисимовой, также как и мне ранее, не удалось соотнести с уже известными в специальной филиграноведческой литературе типами знаков. Данное окончательное описание сборника с летописно-родословной статьей и кратким летописцем было включено в опись фонда № 895, напечатанную на компьютере[9].

Вышеуказанный сборник очень интересен по своему содержанию и никогда еще не был в поле зрения ученых, однако единственный экземпляр напечатанной на компьютере описи фонда № 895 с описанием сборника доступен для использования лишь для узкого круга тех исследователей, которые непосредственно работают в читальном зале ОР РГБ. С учетом этих обстоятельств, я считаю необходимым в данной связи привести ниже краткое археографическое описание новопоступившего в Отдел кодекса.

Приобретенный сборник представляет собой конволют в четвертую долю листа размером 18 Ч 14 см и насчитывает 292 л. (I + 291; л. I–I об. чист.). По филиграням основной части кодекс можно датировать последней четверти XVII в. Кодекс состоит из 7 составных частей, сшитых внахлест по боковому внешнему полю.

1-я часть кодекса – это л. 2–34, входящие в состав 5 тетрадей. Полуустав с небольшим наклоном вправо. На каждой странице содержится 16 строк текста. Тетрадной писцовой сигнатуры у 1-й те-

тради нет, ибо утрачен начальный ее лист (или листы?). На вставном первом листе этой тетради, изготовленном из бумаги второй половины XVIII в., старообрядческим полууставом восстановлен утраченный начальный текст Слова Палладия мниха о Втором пришествии, но первая тетрадь могла быть в принципе и 8листовой, как и большинство других тетрадей этой части. 2-я тетрадь – 8-листная, она начинается с л. 7 современной нумерации и имеет соответствующую тетрадную кириллическую сигнатуру на нижнем поле. 3-я тетрадь начинается с л. 15 и имеет соответствующую тетрадную кириллическую сигнатуру на нижнем поле; тетрадь ранее была также 8-листной, однако в настоящее время она содержит лишь 7 листов, поскольку один лист с текстом в конце ее утрачен. 4-я тетрадь полная, из 8 листов, начинается с л. 22 и имеет соответствующую тетрадную кириллическую сигнатуру на нижнем поле. 5я тетрадь с соответствующей тетрадной кириллической сигнатурой на нижнем поле начинается с л. 30 современной нумерации. Эта тетрадь заключительная и поэтому неполная. Она содержит всего лишь 5 листов.

Водяной знак в этой части рукописи – герб Амстердама без постамента, увенчанный короной с небольшим наметом в виде спиралей по бокам, со средним и боковыми зубцами в виде лилии, в нижней части гербового щита два симметричных отростка (л. 4, 8, 10, 11, 13, 16, 17 и др.); изображение герба подобно водяному знаку: *Дианова.* Герб Амстердама, № 85 = 1683 г.

Судя по имеющейся на нижнем поле л. 12 владельческой записи Афанасия Санникова, эта часть рукописи была написана ок. 1689 г. (текст этой владельческой недатированной записи А. Санникова и другой его владельческой записи, датированной 1688/89 г., приведен нами ниже).

2-я часть кодекса – это л. 35–44; 16 строк на странице текста; полуустав прямой; тетрадь 10-листовая, без сигнатуры.

Водяные знаки в этой части рукописи двух типов: 1) голова шута с семью зубцами, с шифром Дюринга на вертикальной черте и тремя кружками внизу, знак небольшого размера (л. 37–40) типа: *Дианова.* Голова шута, № 563 = 1667 г.; 2) герб города Амстердама (л. 42), подобен отмеченному выше знаку: *Дианова.* Герб Амстердама, № 85 = 1683 г.

3-я часть кодекса – это л. 45–108, которые входят в состав 9 тетрадей, имеющих самостоятельную кириллическую нумерацию. Текст в этой части кодекса написан полууставом с небольшим наклоном вправо, как в первой части кодекса. Площадь текста –

16 строк на странице. 1-я тетрадь данной части кодекса содержит 7 л. (л. 45–51); 2я тетрадь – 8 л. (л. 52–59); 3-я тетрадь – 7 л. (л. 60–66); 4-я тетрадь – 7 л. (л. 67–73), но начальный лист в этой тетради с сигнатурой утрачен; 5-я тетрадь – 6 л. (л. 74–79); 6-я тетрадь – 8 л. (л. 80–87); 7-я тетрадь – 7 л. (л. 88–94), но начальный лист в этой тетради с сигнатурой утрачен; 8-я тетрадь – 12 л. (л. 95–106); 9-я тетрадь – 2 л. (л. 107–108).

Водяные знаки в этой части рукописи: 1) голова шута с семью зубцами, с шифром Дюринга на вертикальной черте и пирамидкой из трех кружков внизу (л. 47, 48, 50, 53, 58, 59, 65 и др.), знак небольшого размера, изображение типа: *Дианова.* Голова шута, № 563 = 1667 г., но без контрмарки; 2) герб города Амстердама (л. 90, 91, 94, 97, 100, 101, 104 и др.), подобен знаку: *Дианова.* Герб Амстердама, № 85 = 1683 г.

4-я часть кодекса – это л. 109–130, которые входят в состав тетрадей, не имеющих тетрадных сигнатур. Из-за отсутствия тетрадных сигнатур и из-за переплетения листов кодекса внахлест границы тетрадей установить с точностью трудно. Полуустав с небольшим наклоном вправо. На л. 109– 129 об. – 17 строк на странице текста; на л. 130 содержатся 15 строк текста, но это окончание текста завершающей статьи 4-й части кодекса; на л. 130 об. – 16 строк текста, но здесь написан начальный «пристегнутый» текст следующей 5-й части кодекса, при этом размер букв «ужат» с целью разместить полностью начальный текст этой 5-й части. Ранее оборот этого листа был чистым.

Водяные знаки в этой части рукописи – герб города Амстердама двух разновидностей: 1-я разновидность (л. 123, 124, 126, 129 и др.) герб города Амстердама без постамента, увенчанный короной с пышным наметом по бокам в виде страусиного пера, без украшений под щитом; изображение герба подобно знаку: *Дианова.* Герб Амстердама, № 31 = 1689 г.; а 2-я разновидность герба Амстердама (л. 111, 112, 115, 116, 118, 121 и др.) подобна уже отмечавшемуся выше знаку в 1-й части кодекса: *Дианова.* Герб Амстердама, № 85 = 1683 г.

5-я часть кодекса – это л. 131–197, которые входят в состав тетрадей, также не имеющих тетрадных сигнатур. Из-за отсутствия тетрадных сигнатур и из-за переплетения листов кодекса внахлест границы тетрадей установить с точностью трудно. Текст в данной части кодекса написан полууставом с небольшим наклоном вправо, в том числе и более мелким в конце этой части. На л. 131– 149 об. помещено 13 строк на странице текста; на л. 150–157 – 14 строк;

на л. 157 об. – 163 об. – 15 строк; на л. 164 – 16 строк; на л. 164 об. – 165, 167 – 17 строк; на л. 165 об. – 166 об., 167 об. – 18 строк; на л. 166, 167 об., 168, 170, 173, 175, 175 об., 176 об., 178, 194, 194 об. – 19 строк; на л. 169 об., 170, 172, 176, 177, 192 об., 193, 195, 195 об. – 20 строк; на л. 168 об., 169, 171, 171 об., 172 об., 173 об. – 174 об., 177 об., 185, 193 об., 196 – 21 строка; на л. 178 об., 179, 180–181, 182, 183, 184, 185 об., 186, 189, 191 – 22 строки; на л. 178 об., 182 об., 183 об., 184 об., 186 об. – 188 об. – 23 строки; на л. 179 об., 181 об., 196 об. – 24 строки; на л. 191 об., 197 – 25 строк; на л. 197 об. – 28 строк. После л. 197 имеется утрата текста. Как уже отмечалось выше, данная 5-я часть была присоединена к 4-й части кодекса путем копирования начального текста 5-й части на обороте последнего листа предыдущей 4-й части (л. 130 об.) – ранее оборотная сторона этого листа была чистой.

Водяной знак в этой 5-й части рукописи – голова шута в шлеме с двумя зубцами наверху; воротник, обрамляющий шею, выполнен двойным контуром и имеет семь зубцов с бубенцами, под средним бубенцом находятся две вертикальные черты, на нижнем конце которых имеется пирамидка из трех кружков, знак небольшого размера (л. 131, 134, 136, 139, 148, 161, 164 и др.), изображение данной филиграни подобно изображению знака: *Дианова.* Голова шута, № 547 = 1681, 1682 гг., но контрмарка-лигатура «СН» в рукописи не просматривается.

Находящаяся на нижних полях л. 136–150 скорописная владельческая запись позволяет считать, что эта 5-я часть кодекса была написана в любом случае не позднее 31 августа 1689 г. (текст этой записи приведен нами ниже).

6-я часть кодекса – это л. 198–282, которые входят в состав 11 тетрадей, имеющих самостоятельный тетрадный счет, частично сбитый в конце. Текст в этой части рукописи написан прямым полууставом, отличным от полуустава всех других частей кодекса. На странице находится 14 строк текста. Данная часть кодекса содержит лишь текст Жития и чудес преп. Макария Желтоводского и Унженского. Судя по тетрадным сигнатурам, проставленным зачастую на лицевых сторонах первых листов тетрадей и на оборотных сторонах последних листов тетрадей, данная 6-я часть кодекса ранее входила в состав какой-то другой, более объемной рукописной книги и была от нее отплетена. Начальный текст Жития писан на трех последних листах 16-й тетради, что свидетельствует в пользу того, что перед текстом данного произведения, если исходить из строгого объема 8-листовых тетрадей,

имелось 115 листов текста. Первая тетрадь 6-й части новопоступившего кодекса сохранила тетрадную сигнатуру «16» лишь на обороте л. 200, ибо эта тетрадь неполная и первых 5 листов ее в кодексе нет. 17-я тетрадь содержит 8 листов (л. 201–208), 18-я – также 8 (л. 209–216), 19-я – 8 (л. 217–224), 20я – 8 (л. 225–232), 21-я – 8 (л. 233–240), 22-я – 8 (л. 241–248), 23-я, ошибочно пронумерованная как 13-я тетрадь, – 9 (л. 249–257), 24-я, ошибочно пронумерованная как 14-я тетрадь, – 7 (л. 257–263), 25-я, не имеющая тетрадной сигнатуры (возможно, она была срезана при переплете), – 6 (л. 264–269), 26-я тетрадь имеет правильную сигнатуру (т. е. 26) и насчитывает 9 л. (л. 270–278), заключительная 27-я тетрадь, не имеющая тетрадной сигнатуры (возможно, она была срезана при переплете), содержит всего 4 листа (л. 279–282).

Водяной знак в 6-й части новоприобретенного кодекса – голова шута с семью зубцами (л. 201, 208 и др.), филигрань подобна знакам: *Дианова, Костюхина.* № 432 = 1664 г.; № 434 = 1667–1672 гг.; № 435 = 1667–1672 гг.

7-я часть кодекса – это л. 285– 291 об. Четкая профессиональная книжная скоропись; 14 строк на странице текста. Тетрадных сигнатур в этой части кодекса нет, но не исключено, что они были срезаны при переплете. В начале этой составной части кодекса, перед л. 285 имеется несомненная утрата текста в объеме не менее одного листа. Возможна утрата одного листа (или, может быть, даже нескольких листов) в конце данной части.

Водяной знак, имеющийся на вышеуказанных листах рукописи, представляет собой герб, идентичный или подобный тип которого в известных справочниках по филиграням не был найден мной на стадии экспертизы кодекса, а позднее этот тип герба не был обнаружен и Т. В. Анисимовой на стадии атрибуции выявленных мной при экспертизе водяных знаков сборника. Сюжетная композиция данного водяного знака – гербовый щит, увенчанный крупной геральдической лилией, который с обеих сторон держат львы (без гривы), стоящие на задних лапах с опущенными хвостами, концы которых обозначены мохнатой «кисточкой»; под щитом посередине знака помещена вертикальная черта с лигатурой «WR» на конце. Композиция знака в определенной степени перекликается с известными типами филиграни «Герб города Амстердама», но в них над щитом и щитодержателями – львами традиционно помещена *корона* различных конфигураций, но не *геральдическая лилия.* По всей вероятности, данный знак представляет собой одну из западноевропейских модификаций водяного знака «Герб города

Амстердама», изготовленную где-то в последней трети или последней четверти XVII в. Крупнейший филигранолог XX столетия Т. В. Дианова, монографически изучавшая бумажный водяной знак с изображением Амстердамского герба, выявила несколько филиграней, которые «только отдаленно напоминают филиграни этого типа». По мнению Т. В. Диановой, помимо филиграней «Герб города Амстердама», создававшихся главным образом во Франции, Голландии, Германии и Пруссии, существовали «формы для бумаги с подобием “герба Амстердама”», которые создавались мастерами бумажного дела «в других странах» (см.: *Дианова.* Герб Амстердама. С. 4). На основании этого я полагаю, что указанный выше знак представляет собой одну из таких модифицированных западноевропейских форм[10].

Переплет новоприобретенной рукописи датируется последней четверти XVIII в. и представляет собой доски, обтянутые темно-коричневой кожей. Корешок разорван по вертикали снизу доверху; правая часть корешка утрачена, левая часть слегка оборвана снизу и прорвана в средней части. На верхней крышке – примитивное бордюрное геометрическое «тиснение», выполненное путем прочерчивания кожи каким-то острым предметом; таким же примитивным способом «вытиснен» на данной крышке и овальный средник со слегка закругленными радиусами. На нижней крышке какое-либо тиснение отсутствует. Кожа на обеих крышках повреждена жучками (особенно на верхней крышке), рассохлась, деформировалась и местами имеет трещины и утраты в результате механических повреждений. В середине корешка кожа порвана. Обе переплетные крышки отходят от книжного блока.

При переплетении рукописи листы были значительно обрезаны. Рукопись пострадала от сырости, многие листы в пятнах и затеках от воды; некоторые листы в пятнах от лампадного масла и от счищенных восковых капель, отдельные листы со следами замятости на нижних полях. Ряд листов подклеен по краям. Л. 1, 2, 196–197 выпадают из книжного блока, отдельные листы утеряны. Так, после л. 16, 66, 87, 108 утрачено по 1 листу с текстом, перед л. 285 утрачено начало летописно-родословной статьи, а после л. 291 также имеется утрата: очевидно, недостает либо нескольких листов с текстом, либо одного листа (небольшой фрагмент корешка одного утраченного листа сохранился в конце рукописного сборника). Начальный лист кодекса датируется последней третью XVIII в., вставлен взамен двух утраченных листов последней четверти XVII в. (утраченный текст XVII в. восполнен старообрядческим по-

лууставом). Некоторые листы подклеены по краям к другим частям листов более поздней бумагой; в ряде случаев на этих подклейках восстановлен утраченный текст. У л. 128 и 176 оборваны нижние углы, а л. 129 близ корешка частично разорван по вертикали сверху до середины листа. Боковые внешние края л. 285–291 с летописно-родословным текстом и с текстом Краткого летописца оборваны или обгрызены мышами; листы эти ранее были склеены в районе внутреннего поля друг с другом, при последующем разделении верхняя часть бокового внутреннего поля оказалась оборванной, а нижняя часть бокового внутреннего поля частично пострадала, и некоторые слова текста на ней оказались утраченными или скрытыми под клеем.

Заглавия и инициалы в большей части конволюта писаны киноварью. Отдельные киноварные инициалы имеют стилизованные орнаментальные отростки. На л. 286 об. помещена примитивная концовка стилизованных геометрических форм, рисованная пером и чернилами.

Сборник содержит различные слова, поучения, жития, повести и выписи. Среди статей сборника находятся: слова Палладия мниха о Втором пришествии Христове (л. 1 – 34 об.) и Евсевия Самосатского о сошествии св. Иоанна Предтечи во ад (л. 45 – 68 об.), извлеченные из Соборника большого (М., 1647); слова Иоанна Златоуста, псевдоЗлатоуста и Григория Антиохийского на дни Страстной седмицы и на Пасху (л. 35 – 44, 68 об. – 92 об.), Слово Иоанна Богослова на Успение Пресвятой Богородицы (л. 92 об. – 108), Слово на Собор архангела Михаила, без начала (л. 109 – 130); отрывок Жития преп. Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого [11] (л. 130 об. – 165); слова на Введение во храм Пресвятой Богородицы (л. 172 об. – 178 об.), на Рождество Христово (л. 178 об. –184), на Богоявление (л. 184– 188 об.) и на Сретение Господне (л. 188 об. – 191 об.), восходящие к тексту Макарьевских Великих Миней Четиих; Житие Алексия человека Божия, без окончания (л. 191 об. – 197 об.), Житие и чудеса преп. Макария Желтоводского и Унженского в краткой редакции с дополнительными чудесами [12] (л. 198 – 282 об.), летописно-родословная статья о русских государях, начиная от кн. киевского Владимира Святославича и кончая царем Иваном Грозным (л. 283 – 284 об.) и Краткий летописец под самоназванием: «Лѣтописец старых лет, что дѣялос(я) в Московском государствѣ и во всѣй Руской земле» (л. 285– 291 об.).

Составные части рукописного сборника содержат многочисленные владельческие и иные записи. Отметим здесь лишь отдельные из них – поскольку они позволяют нам определить географию происхождения и бытования данного кодекса в XVII–XVIII вв. Так, на нижнем поле л. 12 помещена скорописная запись последней четверти XVII в.: «Сия книга Везниковские слобо/ды Афона*с*(ь) я...». Окончание этой записи срезано при переплетении кодекса, но далее на некотором расстоянии сохранилась выносная буква «р», что, с учетом объема промежутка между буквой «я» в конце имени владельца и выносной буквой «р» и текстологической взаимосвязью данной записи с начальным текстом другой владельческой записи того же владельца, имеющейся в кодексе, дает достаточно почвенные основания реконструировать окончание обрезанной записи как: «[Ма]р[кова сына Санъникова]». Данная владельческая запись А. М. Санникова, скорее всего, была сделана ок. 1688–1689 гг. (ср. с приведенным ниже текстом другой владельческой записи Афанасия Маркова, сделанной по нижним полям л. 136–150 в это время). На нижних полях л. 28, 29, 31, 32 – скорописная запись XVII–XVIII вв.: «Прода*т*(ь) сия книга куму». На нижних полях л. 38–52, 54–56 – скорописная владельческая запись первой половины XVIII в.: «Сия / книга / глаголи/мая / церковнаго / дестви/телнаго [Так! - *Ю. Р.*] / дия/чка / Ивана [*далее зачеркнут повторенный еще раз слог* “на”. – *Ю. Р.*] / Иванова / сына / Ры/шко/ва, подпи/салъ сво/ей / ру/ко[й]». На нижнем поле л. 38 об. – помета раздельной скорописью последней четверти XVIII в.: «Страсти Господа нашего», а на внутреннем боковом поле л. 39 параллельно линии корешка той же рукой и теми же чернилами писана владельческая запись: «Сия книга ковровского мещани[на] [последние две буквы обрезаны при переплетении. – *Ю. Р.*] Пет»[ра? – запись недописана. — *Ю. Р.*]. Рукой того же лица сделана запись типа пробы пера на нижнем поле л. 38 об. На л. 108 об. находится много разнообразных записей первой половины XVIII в. – владельческих и типа пробы пера. Среди владельческих записей здесь имеются следующие записи, выполненные скорописью разных почерков и разными чернилами: «Сия книга глаголемая церковнаго / дествителъного [Так! — *Ю. Р.*] диячка Ивана / Иванова по прозванию Рышкова», «Сия книга глаголимая церкви Николы Чюдотворца, / что в Горах, а подписалъ своеручно диячекъ Иванъ / Ивановъ», «Петр Иванов... 1732 году» и др. На нижних полях л. 136 –150 – скорописная владельческая запись: «Лѣта/ 7190/седмаго [т. е. 1688/89 г. - *Ю. Р.*]/сия/книга,/глаголемая/

Цветникъ, / Везниковъския / слобод[ы] посадска/го / человѣка / Офонасья / Маркова / сына / Санъникова». На нижних полях л. 152 – 167 – недописанная владельческая запись рукой дьячка Никольской церкви в Горах Ивана Иванова Рышкова, точнее – Рыжкова: «Сия / книга / гла/го/лимая / Ни/ко/ль/ск/ого / по/го/сту [Так! – *Ю. Р.*], / что в Горахъ, / церковного». На нижних полях л. 198 –282 – побуквенная киноварная владельческая запись полууставом: «Жи/тие / и / жи/знь пре/по/до/бна/го / и / бого/но/сна/го / отца / на/ше/го / Ма/ка/рия / Жел/то/во/цка/го / и / Унь/же/нско/го / чю/до/тво/рца/ и чю/де/са/ єго/ го/ро/да/ Яро/пол/ча/ тро/ецка/го/ по/па/ Ва/си/лья/ Га/ври/ло/ва/ и сы/на/ е/во/ по/па/ Пе/тра/ Ва/си/лье/ва/. По/дъ/пи/са/лъ/ [по] ихъ/ ве/лѣ/нью/ се/ла/ Оси/по/ва/ дья/че/къ/ Алешка Усовъ». Запись эта в основном написана полууставными буквами, но два последних слова в ней написаны скорописью XVII в. На л. 282 об. под окончанием текста Жития Макария Желтоводского и Унженского рукой вышеуказанного церковного дьячка Алексея Усова сделана скорописная запись киноварью: «Слава Совершителю Богу и всем святым его. Амин(ь). Хвалю тя, преподобне Макарие, пред общим Владыкою Христомъ во вся дни живота моего до скончания вѣка. Амин(ь)». На нижнем поле л. 223 об. – читательская запись: «Читал Петр Толмачев». На нижнем поле л. 224 об. – владельческая запись скорописью середины (?) XVIII в.: «Никольского дьячка Максима Фефилова». На боковом внешнем поле л. 284 об. запись полууставной скорописью XVIII в.: «Сия книга глаголемая Живоприемного дара [?]». На боковом внешнем поле л. 288 параллельно линии обреза скорописью XVII–XVIII в. написано рукоприкладство: «К се[й] скаске руку п[риложил]» [окончание записи утрачено из-за утраты бумаги в этом месте. – *Ю. Р.*]. На нижних полях л. 283–289 сохранился фрагмент незаконченной и, вероятно, напутанной скорописной записи конца XVII в.: «...то/пис / дрн... [? – *Ю. Р.*] / ... / сии / чхъ / старыхъ». Очевидно, на утраченном перед л. 285 листе на нижнем поле был написан слог «Лѣ». Запись эта, вероятно, «отталкивалась» от заголовка Краткого летописца, писанного на л. 285 (основание для такого мнения – текстовая перекличка полуслова «топис» и слово «старых» с лексемами заголовка статьи на л. 285).

На основе данных записей новоприобретенного кодекса нетрудно заметить, что его основные составные части в последней

четверти XVII в. первоначально имели автономное бытование как в г. Ярополче, так и в соседней с ним Вязниковской слободе.

С Ярополчем связана своим автономным первоначальным бытованием 6-я часть кодекса, состоящая из Жития преп. Макария Желтоводского и Унженского. Из приведенной выше полистной записи видно, что эта часть кодекса в последней трети XVII в. еще не была связана с другими частями кодекса и принадлежала троицкому священнику Василию Гаврилову и его сыну священнику Петру Васильеву из г. Ярополча. Как мы помним, это агиографическое сочинение входило ранее в состав другого рукописного кодекса XVII в., от которого оно затем было отплетено и стало самостоятельной частью.

Название г. Ярополча восходит к названию древнерусского княжеского города Владимиро-Суздальской Руси Ярополчу-Залесскому, располагавшемуся на правом крутом берегу судоходной р. Клязьмы. Этот древний город был центром Ярополческой волости. Ярополч как город упомянут впервые в древнерусских летописях уже в 30-х гг. XII в. По их свидетельствам, в 1239 г. Ярополч был разорен и сожжен дотла татаро-монгольскими завоевателями [13]. Уничтоженный жестокими захватчиками город весьма долго не мог возродиться из руин и пепелища. Как полагают современные археологи, место существования этого древнего города получило в дальнейшем название «Пирово городище» [14].

Определенным толчком для возрождения Ярополча как города была, очевидно, знаменитая Куликовская битва 1380 г., которая окончилась серьезным поражением золотоордынских войск, возглавлявшихся темником Мамаем. Первое упоминание нового «места» Ярополча документально фиксируется лишь с 1389 г. и находится в тексте договорной грамоты вел. кн. московского Василия I Дмитриевича с серпуховским кн. Владимиром Андреевичем. Однако новый Ярополч возник не на месте разоренного татаро-монголами древнего одноименного города, а перенесен был на расстояние 6–7 км выше по течению р. Клязьмы. Новое городское поселение с небольшим количеством жителей, очевидно, не играло практически сколь-либо заметной роли в истории средневековой Руси вплоть до начала XVII в., чем и объясняется отсутствие упоминаний нового Ярополча в исторических источниках. В годы Смуты жители Ярополча приняли сторону народного земского ополчения за освобождение Московского государства от польско-литовских интервентов. Ярополчане материально поддержали прибывших из Нижнего Новгорода посланцев Кузьмы Минина, со-

биравших денежные средства для нужд ополчения. В 1611 г. через г. Ярополч в сторону Нижнего Новгорода проследовал на своем боевом коне кн. Д. М. Пожарский, приглашенный нижегородцами, во главе с К. Мининым, для руководства земской рати, собираемой в Понизовье. По местным преданиям, шедшее затем из Нижнего Новгорода в Ярославль народное земское ополчение делало привал на Ярополческой горе, отчего эта гора позднее получила название «Минина гора», а близлежащее село стало называться селом Мининым. После освобождения Москвы от интервентов осенью 1612 г. и избрания на царство Михаила Федоровича Романова Смутное время на Руси закончилось. По указу молодого царя Михаила Ярополч с волостью был передан в вотчину бывшему главе правительства т. н. «семибоярщины» боярину кн. Федору Ивановичу Мстиславскому, однако в середине XVII в. Ярополч и волость были отобраны у князей Мстиславских и поступили в ведение Дворцового приказа. В 1657 г. по указу царя Алексея Михайловича на Мининой горе близ с. Минина Ярополческой волости был построен город четырехугольной формы, укрепленный земляным валом и стоящими на нем дубовыми крепостными стенами с каменными башнями по углам. Эта новопостроенная крепость и стала в дальнейшем основой Ярополческого дворцового городка с воеводским правлением [15]. Внутри новообразованного Ярополча на высоком месте и находилась деревянная церковь Св. Живоначальной Троицы с приделом во имя собора Архистратига Михаила [16]. По всей вероятности, устройство данного храма шло синхронно с созданием ярополческих крепостных сооружений.

Во время воеводства в Ярополче Антипа Хитрово примыкавшую к Ярополчу слободу 6 декабря 1677 г. посетил царь Федор III Алексеевич, который сделал в этот день денежно-вещевой вклад в уже упоминавшийся выше Троицкий храм с приделом во имя Архангела Михаила, находившийся за крепостными стенами дворцового городка. В числе пожертвованных тогда в соборную церковь Ярополческого дворцового городка предметов был крест с дорогими алмазами и список Евангелия в четвертую долю листа, переплет которого был обтянут малиновым бархатом. Верхняя крышка переплета была украшена четырьмя серебряными наугольниками с изображениями Евангелистов, а также серебряным средником овальной формы с изображением Распятия Христова. Верхняя крышка переплета была украшена по углам и в середине «серебряными виньетками». По листам данного Евангелия, «пожалованного» царем храму, от его имени была сделана соответствую-

щая вкладная запись [17]. По всей вероятности, вкладное царское Евангелие представляло собой одно из нововышедших изданий Московского Печатного двора, ибо в России периода Московского царства традиционно существовала таковая практика царских вкладов в храмы и монастыри.

Именно в данном ярополческом Троицком храме и служили два вышеупомянутых священника («попа») – Василий Гаврилов и его сын священник Петр Васильев, которые владели рукописью и читали Житие преподобного Макария Желтоводского и Унженского, особо чтимого в местной округе. Эти священники, вероятно, были первоначальными священнослужителями храма. Среди первых читателей данного Жития был и церковный дьячок из близлежащего села Осипова «Алешка Усов», который по «веленью» названных выше священников Троицкого храма в г. Ярополче оставил после прочтения данного Жития и чудес преподобного Макария полистную запись-скрепу о принадлежности данного Жития и чудес преподобного Макария этим священникам, а затем приписал после окончания текста Жития свой яркий эмоциональный хвалебный отзыв о прочитанном им тексте этого памятника русской агиографии.

Можно ли определить, когда ярополческие священники В. Гаврилов и его сын П. Васильев стали владельцами Жития преподобного Макария и «повелели» церковному дьячку А. Усову сделать вышеуказанную запись о принадлежности им данной рукописи? Как уже отмечалось, бумага филиграней кодекса датируются 60-ми гг. XVII в. Из вкладной записи на Евангелии, данном 6 декабря 1677 г. в виде вклада в Троицкий собор с приделом Михаила Архангела царем Федором Алексеевичем, мы узнаем, что в момент вклада священниками в ярополческом храме были Петр Васильев и Козьма Иванов. Несомненно, что названный здесь первым Петр Васильев – это тот самый «поп», который вместе со своим отцом – «попом» Василием Гавриловым был владельцем Жития преподобного Макария. Отсутствие имени В. Гаврилова как священника Троицкого храма во вкладной записи 6 декабря 1677 г., очевидно, не случайно. Оно объясняется тем, что к этому времени он уже, по всей вероятности, умер и освободившееся место первого священника в Троицком храме унаследовал его сын, бывший ранее вторым священником при отце. Козьма же Иванов занял место второго священника храма после перехода Петра Васильева на должность главного церковного иерея. Не исключено, что он был родственником поповской семейной «династии». Стало быть, запись церковного дьячка А. Усова на листах Жития преподобного

Макария могла быть сделана где-то в 60-х гг. XVII в., а может быть, даже и в первой половине 70-х гг. XVII в., вскоре после отплетения Жития и чудес преподобного Макария Желтоводского и Унженского от рукописного кодекса, составной частью которого он первоначально являлся.

Дворцовый Ярополч был малонаселенным городком. По данным владимирского историка-краеведа А. Д. Тельчарова, в 1677 г. в нем проживало всего лишь 133 человека. Были среди жителей этого городка служилые люди, стрельцы, пушкари, торговцы, мастеровые и крестьяне [18]. Рассмотренные выше записи на книгах дают персональные сведения о составе местного церковного причта в период ранней истории дворцового городка. И это довольно ценное историческое свидетельство, поскольку речь идет о лицах, которые духовно «окормляли» население всего дворцового городка, очевидно, с конца 50-х гг. XVII в.

1 июня 1703 г. Ярополч сгорел весь дотла от страшного катастрофического пожара. Лаконичное, но достаточно выразительное свидетельство об этом пожаре сохранила запись на листах одного из Хронографов, которая извещала читателей, что Ярополч в результате этого пожара «погорел без остатка» [19]. Это выражение «погорел без остатка» было использовано позднее в грамоте митрополита Владимирского и Яропольского Платона (Левшина) 1756 г., дававшего распоряжение на постройку в Ярополче нового каменного Троицкого храма взамен старого обветшавшего деревянного храма [20]. После катастрофического пожара 1703 г. бывший дворцовый городок уже не смог возродить свой былой городской потенциал.

В 1756–1761 гг. старая Троицкая церковь с приделом во имя Архистратига Михаила, существовавшая в Ярополче, «за ветхостью» была разобрана и заменена новым каменным храмом [21]. Данный каменный храм состоял из двух церквей: холодной и теплой. «В холодной церкви два престола – главный во имя Святой Троицы и придельный в честь святых апостолов Петра и Павла. В теплой церкви, построенной с холодной нераздельно, тоже два придела – правый в честь Рождества Христова, а левый в честь Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных» [22]. Если вспомнить показание вышеуказанной записи на листах Хронографа, повторенное позднее в грамоте архиеп. Платона 1756 г., что Ярополч во время пожара 1703 г. сгорел весь «*без остатка*», то, наверное, следует полагать, что обветшавшая к середине XVIII в. Троицкая церковь была храмом, построенным взамен сгоревшего в 1703 г. храма.

В 1802 г. возникнувшие редкие постройки на месте бывшего дворцового городка Ярополча по распоряжению властей были преобразованы в Ярополческую слободу, а в 1848 г. эта слобода стала составной частью близлежащего г. Вязники[23].

Как уже указывалось выше, другие основные составные части приобретенного в 2003 г. Отделом рукописей РГБ сборника имеют по листам владельческие записи посадского человека Афанасия Маркова сына Санникова из Вязниковской слободы; одна из этих записей датирована 1688/89 г., а другая сделана, очевидно, также около этого времени.

Упомянутая во владельческих записях 1688/89 г. Вязниковская слобода представляла собой торгово-ремесленный населенный пункт на правом крутом берегу р. Клязьмы возле горы, на которой после Куликовской битвы 1380 г. возник и стал формироваться в виде поселения новый Ярополч. Слобода возникла, очевидно, как торгово-ремесленное поселение возле возрождающегося нового Ярополча. Самый термин «слобода» в составе названного географического топонима свидетельствует о том, что на раннем этапе своего существования жители этого поселения были освобождены от несения налогового тягла и повинностей. Население Вязниковской слободы с давних пор составляли в основном мастеровые люди и торговцы[24]. Во второй половине XVI в. жители данного посадского поселения были включены в состав обычного тяглого населения государства, хотя это поселение и сохранило в своем топонимическом названии слово «слобода». К середине XVII в. в слободе проживало уже 850 человек[25]. Здесь было больше жителей, чем в самом городе.

1 июня 1703 г. Вязниковская слобода, также как и соседний Ярополч, сильно пострадала от большого пожара, но в дальнейшем, в отличие от Ярополча, слобода возродилась вновь, как феникс из пепла.

При образовании в Российской империи при императрице Екатерине II новоучрежденных губерний в сентябре 1778 г. возрожденная Вязниковская слобода получила статус уездного города Владимирской губ. и стала именоваться г. Вязники[26]. В 1848 г. в состав данного уездного города была включена и Ярополческая слобода, и отныне история названных двух соседних поселений стала развиваться в рамках единого городского образования. В настоящее время г. Вязники – это районный центр Вязниковского района Владимирской обл.

Таким образом, из всего сказанного выше можно со всей определенностью констатировать, что большая часть сборника после ее написания в последней трети XVII в. бытовала во владимирском г. Ярополче и прилегавшей к нему торгово-промышленной Вязниковской слободе.

Вполне можно предположить, что после большого катастрофического пожара 1703 г. в г. Ярополче и в соседней Вязниковской слободе отмеченные выше основные части Владимирского кодекса, спасенные от огня пожара, мигрировали в близлежащую сельскую местность. В первой трети XVIII в. сборник, очевидно уже в объединенном виде вязниковской и ярополческой частей, попадает в собственность сельского жителя Ивана Ивановича Рыжкова («Рышкова»), служившего дьячком в православной церкви святителя Николы Чудотворца в Никологорском погосте недалеко от Вязниковской слободы. Юридические права собственности данного дьячка на этот сборник подтверждают многочисленные владельческие записи этого церковного дьячка, оставленные им на листах сборника, которые я указывал выше. Одна из записей, сделанная Петром Ивановым, возможно, близким родственником дьячка И. И. Рыжкова (его сыном или братом), датирована 1732 г. Это дает основания полагать, что вплоть до этого времени сборник находился в Никологорском Погосте.

Церковь во имя св. Николая Чудотворца, в которой дьячком служил И. И. Рыжков, была каменной. Она была построена и освящена в 1714 г. и находилась «в Горах, что на Погосте», в 16 верстах от Вязниковской слободы. Территория, на которой был построен данный храм, ранее также входила в состав пожалованной царем Михаилом Ярополческой вотчины боярина кн. Ф. И. Мстиславского, о чем сохранились сведения в патриарших окладных книгах 1628 г. Никольский храм являлся центром сельского прихода и был замечателен своей утварью, ризницей, иконами и богослужебными книгами. В нем даже хранилось рукописное Евангелие 1552 г. с вкладной записью 1615 г. Якова Иванова сына Нелединского [27]. Очевидно, дьячком этой же никологорской церкви был и «никольский» церковный дьячок Максим Фефилов, оставивший свою читательскую запись в настоящем кодексе [28]. Согласно «Списку населенных мест» Владимирской губ., в 1859 г. с. Никологорье на рч. Погостовке находилось в Вязниковском у. Владимирской губ. и насчитывало 117 дворов и уже 3 православных церкви [29].

Вероятно, из церкви с. Никологорья на Погосте, находившейся в Вязниковской округе, сборник где-то после 1732 г. мигрировал

в стародубские места Владимирского края. Точная дата этой миграции сборника, к сожалению, неизвестна, но, по крайней мере, в последней четверти XVIII в. сборник в результате произошедшей миграции оказался в уездном г. Коврове Владимирской губ., о чем свидетельствует недописанная запись местного *мещанина* на л. 39 особой 10-листной тетради в средней части составного кодекса. Вышеупомянутая владельческая запись в 10-листовой тетради содержит указание о принадлежности ковровскому мещанину данной «книги». Фамильное прозвание ковровского владельца, к сожалению, не было указано в записи, но, судя по трем начальным буквам («пет»), написанным после слов «ковровского мещанина», данного владельца, вероятно, звали Петром. Термин записи – «книга» говорит, скорее всего, в пользу того, что ковровскому мещанину принадлежала в это время не отдельная *тетрадь* кодекса, а именно *книга* в целом.

Г. Ковров существует и ныне, являясь по современному административно-территориальному делению районным центром Владимирской обл. Как и г. Вязники, Ковров располагается также на правом берегу р. Клязьмы, но несколько выше современных Вязников. Можно думать, что именно в Коврове сборник и обрел свой окончательно сформированный вид и был переплетен. С учетом того, что отмеченный мной выше «летописный пласт» располагается в конце сборника-конволюта, можно предположить, что этот «пласт» был введен в состав кодекса уже на заключительном этапе его формирования, т. е., вероятно, в уездном г. Коврове Владимирской губ. Как город Ковров возник лишь в 1778 г. в ходе екатерининской губернской реформы. Ранее этот город имел сельский статус и назывался с. Рождествено, которое в XV–XVII вв. принадлежало стародубским служилым князьям Ковровым. По соседству с ковровским с. Рождествено с давних пор располагались, между прочим, мугреевские вотчинные земли их однородцев – служилых стародубских князей Пожарских.

Сколько конкретно времени сборник-конволют находился в Ковровском регионе, нам неизвестно. Ясно только одно, что этот кодекс в дальнейшем «покинул» г. Ковров вследствие очередной книжной миграции.

Таким образом, основные составные части кодекса на протяжении XVII–XVIII вв. были связаны с народной и церковной средой Владимирского края. Заключительная же автономная часть сборника до своего включения в состав Владимирского кодекса

первоначально бытовала, очевидно, в служилой дворянской среде этого региона.

В 2002 г. сборник-конволют находился уже в г. Покрове Владимирской обл., который располагается на рч. Шитне близ р. Клязьмы возле современной административно-территориальной границы с Московской обл. Сборник в это время принадлежал неизвестному нам местному жителю. История попадания кодекса во владение данного жителя г. Покрова нам, к сожалению, неизвестна, но в этом городе сборник мог оказаться предположительно и значительно раньше: и в XX в., и даже, возможно, прежде. Именно из г. Покрова данный кодекс и был вывезен неизвестным местным жителем в Москву для продажи и куплен у него здесь с рук уже упоминавшимся выше М. Е. Гринблатом. Все вышесказанное дает нам полное право считать данный сборник по происхождению и бытованию Владимирским.

Любопытно заметить, что, очевидно, на позднем этапе своей «жизни» после «ухода» из православной среды с. Никологорского Вязниковской округи в XVIII в. данный Владимирский сборник бытовал в старообрядческой среде. Это доказывается наличием целого ряда подчисток или подмывок начальной буквы «И» в слове «Иисус» в ряде мест текстов сборника. С учетом того, что восстановленный утраченный текст начального листа сборника написан старообрядческим полууставом последней четверти XVIII в., можно предполагать, что, по крайней мере, к этому моменту данный сборник уже находился в собственности староверов Владимирского историко-культурного региона, хотя переход этого сборника из среды православных христиан в собственность староверов мог состояться в принципе и раньше[30].

Содержащиеся в составе данного кодекса две летописные статьи благодаря своему содержанию вызвали у меня особый интерес уже на этапе научной экспертизы сборника. Как уже отмечалось, обе эти статьи написаны профессиональной книжной скорописью XVII в. рукой одного писца-каллиграфа. Они, несомненно, были написаны писцом в одно и то же время и в одном и том же месте. Тексты написаны одними и теми же чернилами и на одной и той же бумаге. По палеографическим признакам списки обеих статей можно датировать, очевидно, последней четвертью XVII в.

Летописно-родословная статья данного «аллигата» сохранилась в дефектном виде: начало ее, имевшее, очевидно, и заголовок, к сожалению, утеряно. Объем утраченного места – не менее одного листа. Сохранившийся после утраты начальный текст данной ста-

тьи повествует о Крещении Руси при кн. Киевском Владимире I Святославиче (ок. 960–1015). Данный текст представляет собой один из вариантов т. н. «Корсунской легенды»[31]. После легендарного известия о крещении Владимира и его войска «в реце Корсуни» в тексте указанной статьи сообщается об отъезде кн. Владимира из Корсуня в Киев и крещении там киевлян и жителей всей Русской земли, о рождении у Владимира князей Бориса и Глеба, о разделе Киевского княжества после смерти Владимира между его сыновьями (причем персонально при разделе великокняжеских земель названы только три его сына из числа бывших у Владимира 12 сыновей: Ярослав, Борис и Глеб), об убиении князей Бориса и Глеба их единокровным братом кн. Святополком, захватившим киевский великокняжеский престол, об отмщении новгородского кн. Ярослава за смерть своих единокровных братьев Бориса и Глеба, о вокняжении Ярослава в Киеве в качестве великого князя после его победы над Святополком и о последующих правителях Русской земли с указанием их родственных связей и числа лет пребывания на великокняжеском престоле. Изложение статьи ведется в хронологическом порядке и доведено по нисходящему историко-генеалогическому принципу до царя Ивана IV Васильевича Грозного. Статья подчеркивает историко-генеалогическую преемственность правящего дома московского вел. кн. Ивана I Калиты вплоть до царя Ивана Грозного с династией Рюриковичей со времен первых киевских князей, в том числе с кн. Владимиром, крестившим Русскую землю. Отсутствие в данной статье указания на царствование сына Ивана Грозного Федора Ивановича свидетельствует нам о том, что ее протограф был составлен еще при жизни Ивана IV, т. е. до 18 марта 1584 г.

Источником данной летописно-родословной статьи послужили тексты о родословии русских государей, помещаемые обычно при летописях. Родословие государей в этих текстах традиционно начинается с известия о приходе на Русь «из варяг» легендарного кн. Рюрика с двумя братьями. Текст статьи явно восходят к тексту т. н. «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). Родословие великих русских князей с указанием числа лет их княжения («кто колико княжил») есть в целом ряде русских летописей, например, эти статьи помещены перед Комиссионным списком Новгородской I летописи[32].

Текст летописно-родословной статьи новоприобретенного владимирского сборника, как уже отмечалось, сохранился лишь со слов повествования о крещении киевского кн. Владимира в грече-

ском городе Корсуне (т. е. в Херсонесе), находившемся в Крыму, и о последующем крещении Древней Киевской Руси. Легендарный рассказ о крещении Владимира восходит к т. н. «Корсунской легенде», созданной в конце XI в., по всей вероятности, потомками тех корсунских священников, которые приехали после корсунского крещения кн. Владимира в Киев и обосновались здесь надолго в Десятинной церкви Пресвятой Богородицы[33].

Представленная в статье новоприобретенной владимирской рукописи «Корсунская легенда», сохранилась со слов окончания диалога «острупленного» и ослепшего от глазных «струпьев» кн. Киевского Владимира Святославича с византийской царевной Анной, прибывшей для совершения бракосочетания в Корсунь в связи с требованием кн. Владимира, захватившего греческую крепость на Черном море. Этот диалог будущих супругов не находит прямых текстологических совпадений с другими известными нам русскими летописными и агиографическими источниками, и в этом состоит его особая научная ценность для истории древнерусской литературы. Согласно известию статьи, находившаяся в Корсуне византийская царевна Анна решительно заявляет кн. Владимиру, что она не пойдет за него замуж без христианского крещения Владимира и без церковного венчания. Царевна решительно заявляет киевскому князю: «Умру за Хр(и)*с*та мое*г*(о), а не бу*ду* жена теб**ѣ**!». Владимир не противится этому условию. Он только констатирует, что он «острупил» глазами, и спрашивает у царевны: «И*с*целим*т* ли мя Б(о)гъ ва*ш*?» Царевна с полной уверенностью отвечает, что Бог исцелит его с помощью крестного знамения «десною рукою, яже мы повелим», и князь в результате крещения узрит «св(ѣ)тъ». Кн. Владимир соглашается. Будучи научен византийским «митрополитом», он осеняет себя крестным знамением и обретает утраченное ясное зрение, а после крещения «во Ие*р*дани» (так аллегорически названо в летописном рассказе место крещения Владимира по аналогии с палестинской р. Иордан, в которой принял крещение Христос) чудесно освобождается от бывших у него на глазах «струпьев» и прозревает. Исцелевший от слепоты кн. Владимир повелевает митрополиту «во[и]ско свое кр(е)*с*тити в реце Ко*р*суни и рече: "Аще кто не кр(е)*с*тится, сме*р*тию умре*т* о*т* мене, и ц(а)р*с*тва н(е)б(е)*с*наго не наслѣди*т*"». После крещения войска в Корсуне Владимир возвращается в Киев и крестит здесь жителей Киева, его окрестностей и всей Русской земли[34].

Упомянутая в отрывке летописно-родословной статьи царевна Анна, как известно из русских, византийских и других источников,

была дочерью византийского императора Романа II и сестрой византийских императоров-соправителей Василия II Болгаробойцы и Константина VIII. Родилась она 13 марта 963 г., а умерла в 1011/12 г. Согласно «Корсунской легенде», царевна Анна была отдана кн. Киевскому Владимиру в жены по той причине, что византийский император Василий II якобы испугался угрозы кн. Владимира после захвата Корсуня пойти военным походом на Константинополь и захватить его, если византийцы не отдадут ему свою сестру Анну в жены. Брак «варвара» Владимира с византийской «багрянородной» принцессой был прямым нарушением византийских династических принципов, но император Василий II с учетом нависшей над Византией реальной военной угрозы вынужден был согласиться с императивным требованием киевского кн. Владимира, выставив лишь одно обязательное условие – христианское крещение киевского князя. Владимир дал положительный ответ «багрянородным» братьям Анны. Получив от Владимира Святославича клятвенное обещание креститься, царевна Анна вместе с византийскими священниками прибыла в Корсунь и после осуществления обещанного крещения Владимира, состоявшегося в 988/89 г., обвенчалась с ним по христианскому церковному обряду, а затем уехала вместе с новокрещенным мужем, его войском и прибывшим из Византии священным чином в Киев[35].

Анализ оригинального текста рассказа данной летописно-родословной статьи показывает отсутствие его прямого и полного текстуального совпадения с другими известными нам ныне русскими версиями «Корсунской легенды». Тем не менее, важным моментом изучения данного рассказа представляется рассмотрение истории происхождения его текста, пусть даже во многом гипотетическое.

Несомненно, что данный текст является одной из ряда позднейших литературных переработок первоначальной легендарной «Повести о крещении кн. Киевского Владимира Святославича в Корсуне», о котором уже писалось выше. Согласно научной гипотезе авторитетного русского ученого А. А. Шахматова, в конце XI в. или в самом начале XII в. первоначальная редакция «Повести о крещении кн. Владимира» попала в Начальный летописный свод, а через него – в ПВЛ, при этом «рассказ о крещении Владимира перешел в новый свод почти без всяких изменений». В дальнейшем этот рассказ ПВЛ с позднейшими дополнениями включался в состав других летописных сводов и летописей и перерабатывался «на основании разнообразных источников», в том числе и на осно-

вании «Повести о крещении Владимира в Корсуне». С первоначальным текстом данной «Повести о крещении» были непосредственно знакомы и агиографы Владимира, составившие главные виды его житий на основе использования в разных вариантах показаний «Повести о крещении» и летописных показаний. Последнее обстоятельство, как подчеркивал А. А. Шахматов, «служит указанием на то, что повесть не пользовалась в древней нашей письменности непререкаемым авторитетом, почему текст ее служил лишь пособием при составлении статей, подлежавших внесению в минеи, торжественники и прологи; напротив летописный текст рассказа о крещении Владимира пользовался полным уважением, чем и объясняется то, что последующие редакторы статей, уже сближенных с текстом летописи, прибегали к нему для внесения из него новых поправок в эти статьи. Впрочем, некоторые редакторы вносили в такие статьи поправки и дополнения и из повести о крещении Владимира» [36]. Кроме этих источников, текст «Повести о крещении Владимира», наряду с летописными известиями, был использован также в «Слове о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь». На основании всех этих источников, а также церковного Устава кн. Владимира Святославича А. А. Шахматов сделал научную реконструкцию первоначального текста «Повести о крещении Владимира».

Сравнение сохранившегося фрагмента рассказа летописно-родословной статьи о крещении Владимира в новоприобретенной рукописи с реконструкцией первоначального текста «Повести о крещении Владимира», осуществленной А. А. Шахматовым, показывает, что текст фрагмента рассказа о крещении Владимира значительно удален от первоначального текста «Повести о крещении князя Киевского Владимира». Сохранившийся фрагмент рассказа действительно представляет одну из позднейших книжных переработок «Корсунской легенды» о крещении Владимира. При этом данный отрывок порой не обнаруживает определенных следов прямой связи с дошедшими до нас житийными и летописными текстами. Так, фрагмент рассказа летописно-родословной статьи сохранил очень редкое известие о рождении князей Бориса и Глеба от греческой *царевны Анны*[37], в то время как в большинстве дошедших житийных и летописных источников традиционно сообщается о рождении этих единоутробных князей «от *болгарыни*» [38]. Первичным в этой группе источников целым рядом ученых признается анонимное «Сказание страсти и похвалы св. мучеников Бориса и Глеба» [39].

Показание фрагмента рассказа летописно-родословной статьи о том, что в Корсуне крещение Владимира осуществлял «*митрополит*» [40] расходится с показаниями других известных источников. В летописной ПВЛ крещение кн. Владимира в Корсуне в церкви св. Софии осуществляет *епископ* Корсунский «с попы цесарицины» [41]. В «Повести о крещении Владимира» крещение кн. Киевского также осуществляет *епископ* Корсунский. В Житии кн. Владимира обычного состава кн. Киевского крестят епископ «с попы корсуньскими и с попы царицины» в корсуньской церкви св. Иакова [42]. В Житии кн. Владимира особого состава по Плигинскому списку крещение князя осуществляет, очевидно, бывший здесь «*архиепископ*» [43].

Откуда же взялся «*митрополит*», крестивший Владимира в Корсуне?

По данным русских летописей и Плигинского списка Жития кн. Владимира особого состава, духовное лицо в чине «митрополита» появляется в Корсуне уже *после* крещения Владимира. Митрополит был прислан византийскими императорами Василием и Константином и патриархом Константинопольским Фотием [44]. По наблюдениям А. А. Шахматова, о приходе византийского митрополита Михаила из Корсуня в Киев вместе с Владимиром и Анной прямо говорят Владимирский митрополичий Полихрон 1423 г. и Никоновская летопись. В Хронографе, отразившем в себе чтения более древнего Полихрона, сообщается, что кн. Владимир «взем перваго митрополита Михаила, поиде в Киев». О том же в унисон звучит и известие, написанное в Никоновской летописи: Владимир «поиде со отцемъ своимъ митрополитомъ Михаиломъ къ Киеву». Ниже в этих источниках, а также в 4-й Новгородской, 1-й Софийской, Воскресенской, Тверской, Уваровской и Ермолинской летописях сообщается, что Владимир «взял» у патриарха Константинопольского Фотия митрополита Леонтия [45]. В Плигинском списке Жития кн. Владимира особого состава написано, что данный греческими царями Константином и Василием «первый митрополит», вышедший вместе с кн. Владимиром из Корсуня в Киев, якобы носил имя Ларион. Однако, как убедительно установил А. А. Шахматов, это чтение вторично, и в протографе Жития Владимира первоначально читалось имя «Михаил» [46].

Следует отметить, что крещение кн. Владимира Святославича в данной статье ошибочно отнесено к 6455 г. от легендарного Сотворения мира, а не к 6496 г., как в подавляющем большинстве других летописных источников, начиная с ПВЛ. И если число «50»

в этой дате можно логично объяснить простой палеографической ошибкой неправильного прочтения или запоминания протографа составителем или переписчиком текста летописно-родословной статьи (кириллическая буква «Н̃», имеющая числовое значение «50», и кириллическая буква «Ч̃», имеющая числовое значение «90», в значительной мере графически совпадают), то расхождение даты в последней цифре в один год можно, наверное, объяснить и расхождением календарных стилей. Как известно, в Древней Руси периода феодальной раздробленности, в том числе и в летописании этого времени, начиная со второго десятилетия XII в. и кончая началом XIV в., синхронно употреблялись и мартовский, и ультрамартовский календарные стили. Последний был «старше» мартовского на *один* год. Существовали ли эти два весенних стиля в Древней Руси до этого периода раздробленности, пока точно не установлено[47].

Мне представляется, что хронологическое расхождение на один год даты Крещения Руси в 6495 г., содержавшееся, по моему предположению, в протографе летописно-родословной статьи, с наиболее распространенной летописной датой Крещения Руси в 6496 г. вполне может разъясняться использованием в оригинале летописного известия иного, ультрамартовского стиля. Впрочем, восстановленная мной предположительно дата протографа этой статьи – 6495 г. – необязательно может быть связана с расхождением на год древнерусских календарных стилей. Она вполне может также объясняться и следованием автора протографа летописно-родословной статьи одному из хронологических показаний «Памяти и похвалы» кн. Владимира, составленной к началу XII в. Иаковом Мнихом. Если вспомнить одно из известий Иакова мниха о том, что крещение кн. Владимира Святославича произошло «в 10-е лето по убиеньи брата своего» Бориса, то путем несложных хронологических вычислений можно вывести дату этого крещения именно как 6495 г.[48]

Если мы не имеем дела с простой опиской, то, возможно, этим же стилевым обстоятельством можно объяснить и расхождение на *один* год показания летописно-родословной статьи о числе лет, прожитых кн. Владимиром после своего крещения, с показаниями других известных источников. В рассматриваемой статье сказано: «И княжилъ Владимер по крещении 27 лѣт»[49]. В древнем же Житии кн. Владимира, в отдельных списках проложного Жития Владимира, в списке Жития Владимира особого состава из Основного собрания РНБ под шифром Q. XVII. 72 и в «Слове о

том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» согласно утверждается, что Владимир правил своим Киевским княжеством 28 лет [50]. Диссонансом определенно звучит показание Плигинского списка Жития Владимира особого состава, где указано, что Владимир прожил от Крещения Руси 23 года 51, но это явная ошибка, поскольку в таком случае годом Крещения Руси становится, вопреки обычной дате, 983 г.

В анонимном «Сказании о князьях-страстотерпцах Борисе и Глебе», указывается, что они были детьми некоей «болгарыни», не названной по имени [52]. На базе этого «Сказания», очевидно, созданы аналогичные показания и ПВЛ, текстологически связанные с анонимным «Сказанием» [53]. На основании этих источников исследователями была построена традиционная концепция, что матерью святых князей Бориса и Глеба была именно «болгарыня», а не византийская царевна Анна, поскольку у нее вообще не было никаких сыновей [54].

Знаменитый наш летописец, монах Киево-Печерского монастыря Нестор в своем «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» отказался вообще от упоминания анонимной матери князей Бориса и Глеба – пресловутой «болгарыни», и сделал это, очевидно, вполне сознательно. Как заметил в этой связи авторитетный летописевед А. А. Шахматов, «нельзя придавать никакой цены указанию на то, что Борис и Глеб рождены от болгарыни» [55].

Вопреки существующему традиционному мнению, что у византийской царевны Анны не было мужского потомства, некоторые историки на основании косвенных данных издавна считали и считают, что именно царевна Анна была матерью единоутробных святых мучеников князей Бориса и Глеба Владимировичей.

Еще «отец русской истории» В. Н. Татищев высказывал догадку, что цесарица Анна могла быть болгарской царевной и приходиться «внучатой сестрой» названным византийским императорам [56]. Основанием для такого предположения историка послужил уникальный текст не дошедшей до нас, или не найденной пока историками, Иоакимовской летописи [57]. Согласно оригинальным данным этой летописи, именно «княжна Анна» была матерью князей Бориса и Глеба [58]. По словам В. Н. Татищева, Иоакимовская летопись «еще же удостоверивает и то, что Владимир может по умышленному брачному договору или по любви к ней от нея рожденнаго сына Бориса по себе мимо больших детей наследником престола определил» [59].

М. Д. Приселков, полагавший, что греческая царевна Анна была матерью князей Бориса и Глеба, предполагал, что в утаивании происхождения Бориса и Глеба от Анны был заинтересован кн. Киевский Ярослав Владимирович, ибо он «не был царственной крови, как и не был сыном от христианского брака» [60].

А. Е. Пресняков считал, что названная летописцем в качестве матери князей Бориса и Глеба безымянная «болгарыня» вызывает сомнения, ибо «что-то неладно с известиями о ней: монах-летописец... к ее имени не приставил даже эпитета "благочестивая", не то что какого-нибудь похвального слова, а поминает ее кончину так же, как какой-нибудь Малфреди или Рогнеды [имеются в виду предыдущие «языческие» жены кн. Владимира. – *Ю. Р.*]». Историк А. Е. Пресняков в безымянной «болгарыне» усматривал «подмену цесарицы Анны» [61].

Современный болгарский историк П. Димитров, развивая догадку В. Н. Татищева, выдвинул даже предположение о том, что Анна была дочерью царя Болгарии Бориса II и доводилась в этой связи лишь двоюродной сестрой императорам Василию и Константину, ибо у них был общий предок Роман Лакапин, бывший всем им общим прадедом [62]. Однако данная гипотеза страдает явной ошибочностью, и это верно и убедительно подметил известный польский историк А. Поппэ [63]. П. Димитров проигнорировал весьма важное сообщение Хроники Иоанна Скилицы о том, что у императора Романа II за два дня до смерти (умер 15 марта 963 г.) от императрицы Феофаны родилась дочь, нареченная Анной [64]. Но даже если и признать предположение П. Димитрова, что Анна была не дочерью Романа II, а дочерью болгарского царя Бориса II, пишет А. Поппэ, то «она никак не могла бы быть двоюродной сестрой византийских императоров», ибо она могла быть «лишь их двоюродной племянницей» [65].

В недавнее время А. Поппэ сделал попытку отождествить пресловутую анонимную «болгарыню» и византийскую царевну Анну. В отличие от П. Димитрова, польский ученый не игнорирует известие Хроники Иоанна Скилицы о рождении дочери Анны у византийского императора Романа II и у его жены Феофаны. Он не отвергает и традиционную версию о том, что матерью убиенных князей Бориса и Глеба была «болгарыня». Польский историк делает, по его выражению, лишь «своего рода "ретроспективный прогноз"», который исходит из того, что «обстоятельства, сопутствующие детству и девичьим годам Анны, проведенным в императорских дворцах Константинополя, т. е. с 963 по 988 г.», могут указы-

вать на то, что данное именование «Болгарыня» могло стать «обиходным прозвищем “багрянородной Анны” и пристать к ней уже в Константинополе»[66]. Этот своеобразный псевдоним мог быть не связан с этническим происхождением Анны. Согласно оригинальному компромиссному «ретроспективному прогнозу» А. Поппэ, прозвище «Болгарыня» на берегах Днепра могло стать псевдонимом византийской царевны Анны, поскольку, будучи еще в Византии, она вполне могла освоить болгарский язык и после ее появления в Киеве «болгарское произношение могло дать повод прозвищу, данному цесарице Анне»[67]. Псевдоним этот имел свою политическую подоплеку, поскольку Анна могла инициировать решение кн. Владимира назначить своим наследником на киевском престоле кн. Бориса, рожденного от законного христианского брака[68]. Именно этим обстоятельством, по мнению А. Поппэ, и объясняется неупоминание имени княгини Анны в похвальном слове митрополита Илариона кн. Владимиру[69].

В пользу подтверждения материнства «багрянородной царевны» Анны по отношению к убитым князьям Борису и Глебу А. Поппэ выдвинул «косвенные улики». Исследователь обратил внимание на то, что митрополитом Киевским Иоанном Продромом, автором церковной службы канонизированным братьям Борису и Глебу, в тексте обращения к кн. Борису, в крещении Роману, использован такой пассаж: «преблаженне, цесарьскыим веньцем от уности украшен», а в обращении к обоим убиенным князьям такой пассаж, как «кровью своею прапруду носяща, преславная, и крест в скипетра место в десную руку носяща, с Христом царствовати ныне сподобистася». По мнению историка, упомянутая в тексте обращения «прапруда» употреблена либо в значении царственной одежды «багряницы», либо указывает на царственное «багрянородство» убиенных братьев-князей[70]. В имянаречении старшего из единоутробных братьев кн. Бориса, в святом крещении Романа, по мнению А. Поппэ, вновь просматривается политическая подоплека, связанная с планами Владимира и Анны на грядущее болгарское «наследство» в связи с наступательными военными действиями Византийской империи против Болгарии в 991–996 гг. и последующим ее покорением. Княжеское имя Борис уходило своими корнями «в болгарскую династическую традицию»: в ее истории было два болгарских правителя – просветитель Болгарии хан Борис I (852–889) и низложенный в 971 г. царь Борис II. В свою очередь крестильное имя Роман, данное Борису по имени отца византийской царевны Анны, вытекало из видевшейся Анне «цареградской

перспективы», поскольку у ее брата византийского императора Василия II совсем не было детей, а у другого ее брата Константина VIII имелись только дочери [71].

Свидетельство летописно-родословной статьи в новоприобретенном владимирском сборнике о генеалогической кровной связи византийской царевны Анны с единоутробными князьями Борисом и Глебом и впрямь не лишено источниковых оснований. Во-первых, летописный текст, подтверждающий версию рождения Бориса и Глеба от царевны Анны, находился в не дошедшей до нас Иоакимовской летописи, о чем свидетельствуют выписки из нее, приведенные в «Истории Российской» В. Н. Татищева [72]. Во-вторых, эти сведения сохранились в Житии кн. Владимира особого состава, представленного двумя списками XVII в., один из которых хранится ныне в Плигинском собрании БАН России, а другой – в Основном собрании РНБ. Сведения этих списков перекликаются с известием статьи новонайденного Владимирского сборника, что убедительно видно из простого сопоставления текстов.

Статья Владимирского сборника	Житие Владимира особого состава по списку БАН	Житие Владимира особого состава по списку РНБ
И ро*ди*ся Бори*с* и Глѣ*б* о*т* А*н*ны, ц(а)р(е)вны Костя*н*тино*в*ны [73]	...і о*т* Анны роди*ша*с *с*(вя)тіи чюдотворцы Борис да Глѣбъ [74]	...а о*т* кнеини А*н*(н)ы родиша*с* благовѣрные кн(я)зи Борисъ и Гле*б*, нареченныи во *с*(вя)то*м* крещеніи Рома*н* и Давы*д* [75]

Мы видим, что версия о том, что князья Борис и Глеб были сыновьями византийской царевны Анны, определенно бытовала в русской рукописной традиции списков Жития кн. Владимира особого состава XVII в., но она, очевидно, восходит к какому-то более раннему источнику, который, также как и упомянутая выше не дошедшая до нас Иоакимовская летопись, содержал согласный текст о том, что византийская царевна Анна была *матерью* единоутробных князей Бориса и Глеба, убитых после смерти кн. Киевского Владимира его старшим сыном Святополком Окаянным.

Новонайденная летописно-родословная статья во владимирском сборнике обнаруживает явную связь с отдельными житийны-

ми текстами и в пассаже об исцелении кн. Киевского от внезапно случившейся с ним глазной болезни. По данным этой статьи, после крещения «оструплённого» Владимира в аллегорической «Иердани» «спаде ото очей его струп, яко чешуя» [76]. В списках Жития Владимира особого состава читаются перекликающиеся параллельные тексты. Так, в Плигинском списке БАН написано: «за невѣріе в малѣ чясѣ нападе на него слепота и струпіе вел*и*цыи і бысть внегда выити ему во *с*(вя)тую купе*л*, погрузися трижды, і отпаде струпіе, аки рыбія чешуя, и просвѣти*с*лице его, і бы*с*чистъ» [77]. В списке же Основного собрания РНБ содержится более развернутая редакционная вариация данного текста: «Княз же Владиме*р* прииде ко святой купели и еще в мале нечто хотя беззаконие сотворити, и в то*м* часе напале на него струпие, и велми стра*х* объятъ его тогда *ж*, кн(я)з Владиме*р* вскоре покаяся и погрузися во святои купели 3 *ж*, и нареченно бысть имя ему во *с*(вя)то*м* крещеніи Василіи, і в то*м* часе отпаде струпие о*т* тела его, аки ры*бя* чешуя, и просветися лице его, акы сонъце, и осени его сила и благода*т* Святаго Д(у)ха, и бысть ве*л*ми здра*в*» [78]. В особой переработке текста обычного Жития Владимира, сохранившейся в сборнике Чудова монастыря второй половины XVI в., также сообщается, что после совершения крещения Владимир «абие прозре, отпадоша же ото очию его, яко и чешюя» [79]. В списках же Жития Владимира обычного состава пассажа «отпадоша... яко и чешуя» нет [80], что свидетельствует в пользу того, что этот пассаж попал в Чуковской список, как пишет А. А. Шахматов, в результате редакционной переработки текста обычного жития «на основании какого-то особого памятника, очевидно, посвященного крещению Владимира» [81]. Упоминание «чешуи» в новонайденной летописно-родословной статье перекликается с «чешуей» вышеуказанных текстов, но в списках Жития особого состава «чешуя» имеет эпитет «рыбья», которого нет в летописно-родословной статье. В данной связи текст последней сближается как будто больше с текстом чудовской переработки обычного Жития Владимира, в основу которой редактором был положен какой-то неизвестный источник, связанный с крещением кн. Владимира. О взаимосвязи с указанными выше житийными текстами свидетельствует и упоминание о струпьях, поскольку в других житийных текстах и в летописях о них ничего не говорится [82]. При этом показания летописно-родословной статьи и в этом отношении сближаются как будто больше с текстом чудовской переработки обычного Жития Владимира, потому что говорят об отпавших струпьях на глазах, а не на всем теле.

Сведения новонайденной летописно-родословной статьи еще раз обнаруживают текстологическую связь с Плигинским списком Жития Владимира особого состава и в другом месте. Так, в тексте летописно-родословной статьи Владимирского сборника содержится известие о повелении новокрещенного кн. Владимира «во[и]ско свое кр(е)*с*тити в реце Корсуни». Это повеление он отдал крестившему его митрополиту[83]. В Плигинском списке Жития также утверждается, что кн. Владимир после своего крещения и чудесного прозрения «повелѣ кр*с*тіа*тъ* все воиско и помаза миром, а кр*с*ти в рѣчке»[84]. В списке РНБ этот сюжет отсутствует. Легендарный эпизод о крещении русского войска в Корсуне в местной «речке» не проходит по известиям других источников. В ПВЛ говорится о том, что после крещения Владимир чудесным образом исцелился. «Си же увидевше *дружина* его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви святое Софьи, и есть церкви та стояще в Корсуни градѣ, на мѣстѣ посредѣ града, идеже торгъ дѣють корсунянѣ»[85]. В «Повести о крещении кн. Владимира» имеется известие о том, что после крещения и чудесного исцеления Владимира «мънози крьстишася въ цьркви святыя Богородица, и есть та стоящи въ Корсоуни градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже търгъ дѣють»[86]. В Житии Владимира обычного состава сообщается, что после исцеления Владимира «от язвы» «мнози от бояр его в том часе крестишася»[87].

Из всего указанного выше можно сделать логическое предположение, что составитель данной летописно-родословной статьи как в рассказе о крещении кн. Киевского Владимира в Корсуне, так и в известии о рождении у Владимира и царевны Анны сыновей Бориса и Глеба использовал в качестве историко-литературного источника житийный текст или тексты, так или иначе текстологически связанные с текстами Жития Владимира особого состава и с текстом редакционной переработки обычного Жития, которая представлена Чудовским списком. Не исключено, что текст этого использованного источника был родственен тому тексту, который, *по предположению* А. А. Шахматова, *послужил основанием для* переработки текста Чудовского списка Жития Владимира.

Возвращаясь вновь к сюжету о византийской царевне Анне, дополнительно замечу, что в летописно-родословной статье царевна Анна названа с отчеством «Константиновна», из чего следует, что она якобы была *дочерью* императора Константина VIII. Однако, как указывают различные источники, она была лишь *сестрой* византийских императоров-соправителей Василия II Болгаробойцы и Константина VIII, отцом которых был византийский император

Роман II. У императора Василия II вообще не было детей, а у императора Константина VIII были только дочери, среди которых Анн не было. Дочери этого императора, Зоя и Феодора, были даже сами императрицами: первая (вместе с соправителями) – в 1028–1050 гг., а Феодора – в 1054–1056 гг.[88]

В чем же дело?

Кажется, можно попытаться ответить на данный вопрос. В истории домонгольского периода Киевской Руси, кроме жены кн. Владимира I византийской царевны Анны Романовны, известна и другая византийская царевна, предположительно Мария, которая доводилась родственницей (дочерью?) византийскому императору *Константину* IX Мономаху (1042–1055). Эта царевна была женой вел. кн. Киевского Всеволода Ярославича (1030–1093) и матерью вел. кн. Киевского Владимира II Всеволодовича, во святом крещении Василия (1053/54–1125). Через генеалогическое родство матери с Константином IX Владимир II и получил свое прозвище «Мономах». Однако Всеволод Ярославич после смерти первой жены (ум. в 1067 г.) был женат вторым браком на *Анне*, которая доводилась мачехой кн. Владимиру II и матерью его единокровного брата Ростислава[89]. Допустимо предположить, что отчество византийской царевны «*Константиновна*» могло происходить в результате исторической путаницы от имени византийского императора *Константина* Мономаха, а ошибочное имя византийской царевны – от имени мачехи Владимира Всеволодовича Мономаха великой княгини *Анны*[90]. Такие «переклички» и могли в принципе послужить основанием для генеалогической ошибки составителя или редактора историко-родословной статьи, страдающего порой не очень точным знанием исторических реалий. Основанием для такой несообразной путаницы двух вышеназванных царевен могли послужить их одинаковое происхождение из византийского императорского дома и полное совпадение мирского и крестильного имен обоих князей Киевских Владимиров-Василиев.

Таким образом, в летописно-родословной статье в указании отчества византийской царевны Анны Романовны, ставшей после крещения кн. Владимира Святославича в Корсуне его женой, допущена явная ошибка, которая может иметь свое логическое объяснение в простом смешении под пером составителя протографа данной статьи двух византийских царевен, связанных узами брака с киевскими князьями.

Как полагали и полагают многие исследователи-медиевисты, круг историколитературных источников о крещении Руси

кн. Киевским Владимиром Святославичем и о последующем убиении его сыновей Бориса и Глеба Святополком Окаянным был значительно шире, чем ныне реально известно. В этом плане найденная нами летописно-родословная статья пополняет круг таких источников. Хочется надеяться, что в будущем пытливыми археографами, историками и литературоведами будут обнаружены новые неизвестные источники, повествующие о крещении Руси кн. Киевским Владимиром Святославичем и о последующих событиях его княжения.

Следует заметить, что в летописно-родословной статье содержится уникальная и вместе с тем показательная историческая деталь, связанная с наделением кн. Бориса по благословению его отца кн. Владимира Святославича Ростовом и якобы «Дмитровом»[91]. Во всех древнейших наших летописных источниках говорится о наделении кн. Бориса лишь одним Ростовом[92]. Однозначно можно сказать, что упоминание Дмитрова в летописно-родословной статье является позднейшей и неудачной вставкой составителя данной статьи или ее протографа, поскольку г. Дмитров был основан лишь в 1154 г. вел. кн. Юрием Владимировичем Долгоруким и назван был так в честь его сына[93]. Во времена Владимира I никакого Дмитрова, естественно, не было. Город этот на древнем этапе своего существования входил в состав Великого княжества Владимирского. С учетом того, что новоприобретенный сборник, в котором помещена летописнородословная статья, имел происхождение из Владимирской историкокультурной зоны, можно предполагать, что данное ошибочное утверждение является анахроническим плодом «творческой работы» составителя данной статьи или ее протографа, происходившего из Владимирских мест и знавшего, что Дмитров в древние времена действительно входил в состав Владимирского великого княжества, но вот правильно осмыслить этот факт составитель не смог в силу своей недостаточно хорошей исторической образованности.

Вслед за данной историко-родословной статьей в новоприобретенном Владимирском сборнике находится Краткий летописец. Этот текст в своей начальной части не пострадал. Он озаглавлен таким образом: «Лѣтописецъ стары*х* лѣ*т*, что дѣяло*с*(я) в Московско*м* государствѣ и во всѣй Руской земли». Уже из заголовка видно, что текст данного Летописца имеет общерусский характер.

Исторические известия данного памятника летописания, действительно, в основном связаны с общерусскими и московскими событиями церковной и светской жизни. Автор Летописца в рам-

ках литературного жанра и краткой формы повествования проявляет живой интерес к событиям церковной истории: заложению церквей и храмов: московского Покровского собора на Рву возле Кремля при царе Иване Грозном, собора во имя Пресвятой Богородицы Донской на месте битвы русских войск с крымскими татарами, построению Новодевичьего монастыря под Москвой при вел. кн. Московском Василии III Ивановиче. Автор летописца сообщает в своем изложении даты «преставлений» русских святителей XIV–XVI вв.: митрополитов Петра, Алексия, Ионы, московских чудотворцев, преподобных чудотворцев Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, юродивого Василия Блаженного. При этом в ряде случаев указывается число лет их церковной или подвижнической деятельности. Другой важный аспект летописного повествования – это хронологическое изложение событий, связанных с правившим древнерусским великокняжеским и царским домом. В Летописце последовательно отмечаются даты рождения и смерти ряда русских князей и царей, отдельные события русской военной истории во времена правления этих государей, сведения о московских пожарах, данные о церковном и гражданском строительстве в Москве и Подмосковье, о голоде и море в Московском государстве начала XVII в. и т. д. Записи исторического характера довольно лапидарны, они порой явно неполны, т. к. в них упоминаются далеко не все известные московские государи, а только избранные исторические персонажи. В числе упоминаемых в тексте московских государей – Дмитрий Иванович Донской, Василий III Иванович, Иван IV Васильевич Грозный, Федор I Иванович, Борис Федорович Годунов и его сын Федор II Борисович, Лжедмитрий I («ространа Гришка Отрепьев»), Василий IV Иванович Шуйский. В отдельных случаях в тексте Летописца упоминаются члены семейств московских правителей (например, дети Ивана IV царевичи Иван Иванович, Дмитрий Иванович Угличский, вторая жена Ивана IV царица Мария Темрюковна, двоюродный брат царя Владимир Андреевич Старицкий, жена Бориса Годунова царица Мария Григорьевна [Скуратова], брат царя Василия IV кн. Дмитрий Иванович Шуйский). Пристальное внимание автор Летописца уделяет событиям т. н. Смуты: расправе с вдовствующей царицей Марией и царем Федором Годуновыми, воцарению на Москве Лжедмитрия I (расстриги Гришки Отрепьева) и его свержению, приходу к власти царя Василия Шуйского и его последующему низложению и отправке «в Литву», крестоцелованию польскому королевичу Владиславу «для обид немецких, и крымских людей, и рус-

ских воров», разорению Московского государства «литовскими людьми» и «русскими изменниками» под руководством «литовского» гетмана и «очищению» Москвы якобы кн. Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и Прокопием Ляпуновым весной 1611 г. В сохранившемся тексте Летописца – это последнее по дате известие, однако данный Летописец, несомненно, на этом не кончался, а имел свое дальнейшее продолжение и был связан с повествованием о событиях русской истории при первых царях новой династии Романовых[94].

В ходе изучения текста новонайденного летописца в составе новоприобретенного Владимирского сборника мне удалось установить, что повествование данного летописца основано на усеченном варианте текста одного из популярных кратких летописных произведений XVII в., получившего в научной литературе название «Летописца выбором». Полное название этого памятника в одном из наиболее ранних списков московского разряда пространной группы XVII в. выглядит так: «Летописец, написан выбором из старых летописцев, что учинилося в Московском государстве и во всей Русской земле в нынешняя последняя времена»[95] (далее – ЛВ). Как известно, текст этого летописного памятника в ранних списках данной группы содержит погодное изложение событий общерусской истории начиная с 1154 г., когда на Русь из Царьграда была перенесена повсеместно свято чтимая икона Пресвятой Богоматери Владимирской. Кончается текст этого памятника повествованием о событиях XVII в., нового периода российской истории. По воле редакторов и позднейших переписчиков в разных списках ЛВ текст зачастую творчески изменялся, отражая тем самым личные вкусы, пристрастия и исторические познания этих лиц. Каждый из таких сознательно измененных текстов, по свидетельству специалистов, по существу, представляет собой особые редакции, делящиеся на разряды и группы[96]. Несовпадения текста списков московского разряда по степени полноты отражения протографа и их разновариантность – это непреложный текстологический факт.

Одной из особых редакционных разновидностей этого популярного летописца, очевидно, является и вышеназванный «Лѣтописецъ старых*х* лѣ*т*, что дѣяло*с*(я) в Московско*м* государствѣ и во всѣй Руской земли» (далее – ЛСЛ). Основанием для такого мнения служит разительная текстуальная близость текстов ЛВ и ЛСЛ, а также текста т. н. Краткого Московского летописца. Число списков ЛСЛ, известных в настоящее время исследователям, срав-

нительно невелико, и они относятся в основном к XVII в. Один из списков текста данного памятника с общероссийским содержанием, доведенным до середины XVII в., попал на Вятскую землю, где получил позднее местное летописное продолжение под пером целого ряда вятских летописцев.

Один из таких списков ЛСЛ, имевших вятское продолжение, еще в 30-х гг. XIX в. был известен казанскому историку и писателю Н. С. Арцыбашеву, тесно связанному с ученым кружком графа Н. П. Румянцева. В первом томе своего главного исторического труда «Повествование о России» он упомянул этот вятский список в примечаниях, и даже процитировал одно местное показание из него[97].

На другой список ЛСЛ с вятским продолжением в конце русского Хронографа указал другой казанский историк Н. А. Иванов в историко-археографическом сочинении о хронографах. Историк отметил, что данный список был найден им среди рукописей Археографической комиссии под № 11, куда он на время поступил из Императорской Публичной библиотеки. По оценке Н. А. Иванова, вятское летописное повествование в этом списке ЛСЛ занимало превалирующее место и доведено было до воцарения императора Петра II[98].

В конце 70-х гг. XIX в. вятскому историку-краеведу А. С. Верещагину в библиотеке покойного вятича А. А. Красовского удалось обнаружить список ЛСЛ с вятским продолжением. Название данного списка совпадало с названием того вятского списка ЛСЛ, который имелся в свое время в распоряжении Н. С. Арцыбашева. Данный список ЛСЛ из библиотеки А. А. Красовского, принадлежавший прежде его отцу архимандриту Амвросию, был приобретен А. С. Верещагиным у наследников А. А. Красовского и поступил в собственность вятского историка-краеведа. Внимательно ознакомившись дома с текстом данного списка, А. С. Верещагин был удивлен «странным распорядком летописных известий во второй половине рукописи, странными хронологическими скачками? в размещении известий»[99].

Спустя довольно продолжительное время А. С. Верещагин при посредстве другого исследователя вятских древностей А. А. Спицына ознакомился с рукописной «Космографией» XVII в. из собрания вятских жителей Рязанцевых, в конце которой на л. 200–201, 203–206, 208–216 в качестве дополнительной статьи был помещен список ЛСЛ с вятским продолжением. А. С. Верещагин сравнил список ЛСЛ из библиотеки А. А. Красовского со списком Рязанцевых и

пришел к выводу, что список ЛСЛ из библиотеки Красовского является списком XVIII в. с более раннего Рязанцевского списка, первая, общероссийская часть которого была написана почерком XVII в., а вторая, вятская часть – более поздними почерками XVIII в. По определению А. С. Верещагина, первая, невятская часть этого летописца была доведена до 1648 г. и являлась списком XVII в.; позднее к этой части ЛСЛ другим почерком того же столетия были добавлены летописные известия под 7137, 7141 и 7142 гг. Историк-краевед высказал мнение, что автором этих дополнительных известий XVII в. мог быть Третьяк Федорович Рязанцев, сын хлыновского администратора Федора Артемьевича Рязанцева, уехавший в 1630-х гг. на службу в Москву. Уже после того где-то во второй четверти XVIII в. была написана вторая, вятская часть этого списка. По мнению А. С. Верещагина, в работе по дополнению летописной информации первой части ЛСЛ принимали активное участие разные представители семьи Рязанцевых. «Последний “списатель” второй половины Рязанцевской рукописи имел под руками старую рукопись XVII века, писанную его предками, и во второй четверти XVIII века не только дополнял старую рукопись позднейшими известиями до своего времени, но вставлял между ними и краткие известия о древних событиях» [100]. Подавляющее большинство летописных дополнений второй части ЛСЛ в этой рукописи имело вятское содержание.

Еще один из списков ЛСЛ в составе сборника-конволюта XVII в. из собрания московского историка и коллекционера М. П. Погодина указал в 1882 г. известный петербургский археограф А. Ф. Бычков, составлявший описание рукописных сборников Погодинского собрания, которое поступило в 1852 г. на хранение в Императорскую Публичную библиотеку [ныне – Российская Национальная библиотека (РНБ)]. По сообщению А. Ф. Бычкова, летописное повествование этого списка начиналось с известия об убиении рязанского кн. Федора Юрьевича по приказу Батыя в 6745/1237 г. и кончалось на известии о венчании царя Алексея Михайловича царским венцом в 7145/1645 г. Археограф отметил, что данный «летописец касается почти исключительно событий, совершившихся в Москве. В нем находятся некоторые подробности, в других летописях не встречающиеся» [101]. В качестве примеров А. Ф. Бычков процитировал в своем описании известия Погодинского списка ЛСЛ под 7077 и 7098 гг. [102]

Данная информация о Погодинском списке ЛСЛ в начале XX в. была использована в известном фундаментальном историографическом и историко-библиографическом труде В. С. Иконникова [103].

В 1900 г. А. С. Верещагину удалось ознакомиться в Петербурге с тем самым рукописным Хронографом, который был известен ранее Н. А. Иванову. Хронограф этот уже давно был возвращен из Археографической комиссии в Императорскую комиссию, где хранился под шифром Основного собрания F. IV. 219. Вятский историк-краевед констатировал, что ЛСЛ в этом Хронографе занимает последние листы (л. 621–633) и «начинается... известием 6662 (1154) г. о принесении Андреем Боголюбским чудотворной иконы Божией Матери из Царьграда во Владимир, а оканчивается известием о кончине императрицы Екатерины 6 мая 1727 г. и вручении всероссийского престола 7 мая ея внуку второму императору Петру, т. е. начинается и оканчивается буквально теми же известиями, какими рукописи Рязанцевская и Красовского» [104]. В процессе общего ознакомления с текстом списка ИПБ А. С. Верещагин отметил хронологическую непоследовательность и иной порядок расположения отдельных летописных статей, находящихся в этом списке сравнительно с Рязанцевским списком. Не имея в распоряжении текстов ЛСЛ по спискам А. А. Красовского и Рязанцевых, А. С. Верещагин сделал около десятка разных погодных летописных выписей «в разных местах» из приложенного к этому Хронографу списка ЛСЛ, и по приезде своем в Вятку сравнил тексты этих выписок с текстом Рязанцевского списка ЛСЛ. В результате такого текстологического сопоставления А. С. Верещагин пришел к заключению, что все выписанные им «известия буквально сходны с известиями рукописей Рязанцевской и Красовского» [105]. Единственное отличие А. С. Верещагин обнаружил в том, что в списке Императорской Публичной библиотеки под окончанием приписки 1725 и 1727 гг. написано указание: «Писал поп Филипп», которое отсутствовало в вышеназванных рукописях. Данного попа Филиппа, сделавшего указание под последними летописными известиями, А. С. Верещагин отождествил с попом Царевоконстантиновской церкви в г. Хлынове Филиппом. В указании попа Филиппа он усмотрел позднейшую приписку переписчика по сравнению с Рязанцевским списком. Не оценив должным образом список ИПБ и не осуществив дальнейшее полное сличение текста списка Хронографа с текстом Рязанцевского списка, А. С. Верещагин не смог правильно понять до конца текстологические соотношения двух близких списков памятника. В Рязанцевской рукописи вятский историк-краевед усмотрел «авторский текст», и именно по списку этой рукописи в 1905 г. он и опубликовал текст ЛСЛ [106].

Текст Погодинского списка данного летописного памятника А. С. Верещагину остался неизвестным. Впрочем, это обстоятельство не помешало А. С. Верещагину сделать в вводной статье к своей публикации правильный вывод о том, что в основе вятских списков первой части ЛСЛ лежит текст летописца невятского происхождения.

Долгое время после данной публикации А. С. Верещагина история текста ЛСЛ не подвергалась никакому специальному исследованию.

Новый этап в изучении текста ЛСЛ наступил лишь совсем недавно, и он связан с именем известного американского ученого Д. К. Уо, занявшегося в 90-х гг. XX в. исследованием «темной» истории Вятки и истории ее книжной культуры и продолжающего успешно ей заниматься и в начале настоящего столетия [107].

Вятская проблематика исторических и источниковедческих исследований Д. К. Уо была новой и совершенно неожиданной для него научной темой. Что же привело американского ученого на эту провинциальную «стезю»? Сделаем для ответа на этот вопрос небольшой исторический экскурс с тем, чтобы потом вновь вернуться к вопросу о новом этапе изучения ЛСЛ.

Отправной точкой для занятий Д. К. Уо этой темой послужило обнаружение им в составе рукописного собрания Республиканской библиотеки им. Алишера Навои в Ташкенте составного сборника начала XVIII в., который еще в первой четверти XX в. получил от казанского ученого К. В. Харламповича именование «Анатолиевского сборника». В данном сборнике, по опубликованным сведениям К. В. Харламповича, содержались легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном и большое собрание рукописных копий с первых номеров Петровской печатной газеты «Ведомости», которые не сохранились в печатном виде [108]. Американскому ученому Д. К. Уо этот «Анатолиевский сборник» был известен по статьям К. В. Харламповича, но американский исследователь тогда еще не знал о его современном местонахождении [109]. Получив весной 1979 г. в дар от Д. К. Уо его замечательную книгу «The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants», опубликованную им в 1978 г. в США, я в ответном благодарственном письме «просигналил» своему заокеанскому коллеге, что он, к сожалению, не использовал список переписки Ивана Грозного с турецким султаном, находящийся в Республиканской библиотеке им. А. Навои в Ташкенте и обратил при этом его внимание на упоминание этого

списка в опубликованном описании А. И. Мазунина [110]. Ученый лишь в 1991 г., т. е. спустя уже много лет после моего письма, побывал в Ташкенте и с трудом выявил эту рукопись, так как фонд рукописей Республиканской библиотеки к этому времени был уже перешифрован [111]. Визуальное ознакомление в 1991 г. с данной рукописью и анализ ее состава привели Д. К. Уо к непреложному выводу, что данная рукопись и является тем самым «Анатолиевским сборником», который был ему ранее известен лишь по печатным статьям К. В. Харламповича. Помимо текстов, отмеченных К. В. Харламповичем, Д. К. Уо обнаружил в данном кодексе большой комплекс вятских материалов, существенно расширявших наши знания о книжной культуре Вятского края, считавшегося ранее символом отсталости российской провинции.

Первое сообщение о новонайденной рукописи на основе предварительного ознакомления Д. К. Уо опубликовал в 1995 г. в американской печати [112]. Более подробные и уточненные археографические сведения об «Анатолиевском сборнике» ученый опубликовал в своей монографической книге, посвященной вятской письменной культуре и изданной в Петербурге в 2003 г. [113]

В составе Анатолиевского сборника Д. К. Уо обнаружил, в частности, самый ранний список первой редакции замечательного памятника местной книжности – «Повести о стране Вятской». Текст этой редакции имеет название «Сказание о вятчанах» и находится в составе краткой вятской летописи, «во многом совпадающей с другим летописным памятником Вятки, – “Летописцем старых лет”» [114]. Американский исследователь опубликовал эту краткую вятскую летопись, в конце которой имеются «летописные заметки о местной истории», написанные рукой вятского книжника С. Ф. Попова [115]. В своей монографии о вятской книжной культуре он условно обозначил эту вятскую летопись со «Сказанием о вятчанах» буквой Т [116].

Усмотрев определенную корреляцию двух вышеназванных летописных текстов, Д. К. Уо занялся специальным изучением истории текста ЛСЛ. Прежде всего, пытливого американского ученого заинтересовала история вятского летописания, отраженная во второй части данного летописца. Исследователь обратил особое внимание на список ЛСЛ в составе Хронографа РНБ под шифром F. IV. 219, который так бегло был использован А. С. Верещагиным. Ученый отметил, что данный Хронограф редакции 1617 г. поступил в указанную библиотеку из собрания графа Ф. А. Толстого и был ранее описан К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым [117]. Судя по

филиграням, Хронограф этот был написан несколькими писцами в середине XVII в. Первая, невятская часть Толстовского списка (Т2) ЛСЛ (л. 623–627) была написана, скорее всего, в том же скриптории, что и Хронограф, «и в лучшем случае ненамного позднее Хронографа». Последней летописной статьей в первоначальном составе текста Т2 является статья с известием о смерти царевича Дмитрия Алексеевича в 1650 г.[118] По обоснованному мнению американского ученого, «Толстовская рукопись до л. 627 включительно» была написана не на Вятке, а в каком-то другом месте, и лишь потом она появилась на Вятке, где и была дополнена вятскими летописными известиями со стороны местных писцов, которых всего было 15. «Внутренние даты» в ЛСЛ «наводят на мысль, что эти приписки начали делать уже в 1650-х годах (самая ранняя дата в них – 7160/1652 г.), но не исключено, что работа началась несколько позднее». Возможно, Хронограф с первоначальной частью ЛСЛ появился на Вятке с момента приезда сюда епископа Вятского Александра в 7172/1658 г. и с этого времени и началось ведение в Вятке местных летописных записей, дополняющих первоначальную, невятскую часть ЛСЛ. Последний из этих 15 писцов сделал записи 1725 и 1727 г. и подписался как поп Филипп. Этого писца Д. К. Уо вслед за А. С. Верещагиным предположительно отождествляет с одноименным священником Царевоконстантиновской церкви в Хлынове.

Сравнение текста списка Т2 с текстом списка Р по изданию А. С. Верещагина привело Д. К. Уо к выводу, что находящийся в списке Т2 текст второй, вятской половины ЛСЛ, написанный 15-ю разными писцами, говорит в пользу того, что он более ранний, чем текст второй половины списка Р. А. С. Верещагин не смог объяснить происхождение хронологической «каши», отмеченной им во второй части списка Р, но, как установил Д. К. Уо, эта «каша» в Р «объясняется постепенным накоплением материалов из разных источников в течение многих лет» в его протографе[119]. Таковым протографом второй, вятской части ЛСЛ американский ученый считает, скорее всего, список Т2[120]. Последний, 15й писец этого списка, приписавший известие о смерти Петра I, а затем через два года известия о смерти Екатерины I и о присяге Петру II, назвал себя в конце своей приписки попом Филиппом. Во второй, вятской части списка Р конечное указание на писание последних известий писцом Филиппом отсутствует, т. е. оно опущено. Учитывая все эти обстоятельства, Д. К. Уо после тщательного анализа текстов Р и Т2 пришел к выводу, что вторая, вятская часть ЛСЛ в списке Т2 имеет

«авторский характер» и она первична по сравнению с текстом второй части Р, являющимся, возможно, «просто копией с текста, составленного, скорее всего, до конца XVII в.» [121]. А из этого логически вытекает и то, что вариант текста первой части ЛСЛ в списке Т2 первичен по отношению к Р.

Д. К. Уо дополнительно привлек к своему текстологическому исследованию и Погодинский список ЛСЛ середины XVII в. (П), введенный в научный оборот еще в 1882 г. А. Ф. Бычковым, но оставшийся неизвестным А. С. Верещагину. Данный список содержал только первую, невятскую часть летописца. Судя по записям XVIII в., имеющимся в кодексе со списком П, этот кодекс находился в собственности священника Тотемского девичьего монастыря Константина, тотемского посадского человека Андрея и затем местных купцов Чеканевых, что позволило Д. К. Уо справедливо предполагать северное, тотемское происхождение списка П. Особенностью списка П являлось то, что он не имел никаких следов связи с Вяткой, ибо содержал только московскую, первую, часть летописца, доведенную «почти» до того места, где кончалась первая половина ЛСЛ «в списке Р и где в Т2 разные писцы начали добавлять летописные записи». Чтения же в П текстологически «сближают его с Р, а не с Т2» [122]. Д. К. Уо привел отдельные убедительные примеры такой текстологической близости названных списков. Вместе с тем он отметил, что данный факт вовсе «не значит, что П и Р везде одинаковы. В П, кроме начальных, пропущены некоторые статьи (6760, 7087, 7143–7151 гг.). В то же время только в П есть сообщение о смерти кн. Скопина-Шуйского в 7118/1610 г. В П есть и другие уникальные чтения, и в целом нет причины думать, что протограф ЛС[Л] представлен в П лучше, чем в Р и Т2. Скорее всего, писец П просто редактировал свой источник, местами сокращая его и (реже) добавляя материал» [123]. Ученый отметил, что списки ЛСЛ Т2 и Р, имеющие вятское продолжение первой московской части, одинаково начинаются с известия «о привозе иконы Владимирской Богоматери во Владимир в 6662/1154 г.». В отличие от них, список П «начинается только с 6745/1237 г.», но отсутствие в нем начальных статей, по мнению Д. К. Уо, «объясняется не тем, что писец использовал список без первого листа, так как в П все-таки есть то же заглавие, что и в других списках текста» [124]. Ученый предположил, что первая часть ЛСЛ представляет собой «летописец московского происхождения, доведенный до 1650 г. Вскоре после его составления появился список Т2 [точнее, его первая часть. – *Ю. Р.*]. Приблизительно в то же время или на основе Т2 [точнее, его первой части. – *Ю. Р.*] или на

основе его протографа появился протограф списков П и Р. Так как список Т2 [точнее, его первая часть. – *Ю. Р.*] вряд ли был сделан на Вятке, а попал туда уже в конце 1650-х или начале 1660-х гг., проще всего видеть источник для протографа П и Р именно в нем»[125]. С учетом современных требований археографии и текстологии Д. К. Уо заново опубликовал текст ЛСЛ с вятским продолжением, положив в основу своей публикации список Т2, использовав списки Р и П в разночтениях к основному тексту[126].

Новонайденный Владимирский список пополняет число списков ЛСЛ и дает в распоряжение исследователей новый ценный дополнительный материал для изучения истории текста данного памятника древнерусской литературы. Заголовок Владимирского списка (далее – В) имеет небольшое отличие от заголовков других списков ЛСЛ, известных Д. К. Уо, что уже само по себе с самого начала подчеркивает его особое место и значение среди текстологической «семьи» родственных списков. Сопоставим для наглядности эти заголовки.

Список В	**Список П**	**Список Р**	**Список Т2**
Лѣтописецъ старых лѣ*т*, что дѣяло*с*(я) в Московско*м* государствѣ и во всѣй Руской земли»[127]	Летописец старых лет, что учинилося в Московско*м* государстве и во всей Руской земле в нынешняя последняя времена[128]	Летописец старых лет, что учинилося в Московско*м* государстве и во всей Русской земле в нынешняя последняя времена[129]	Летописец старых лет, что учинилося в Московско*м* государстве и во всей Росийской земле в нынешния последняя времена[130]

Из сопоставления заголовков данных списков видно, что списки П, Р и Т2 текстологически сближает общее глагольное чтение «учинилося» (вместо индивидуального чтения В – «дѣяло*с*(я)») и чтение «в нынешняя последняя времена» с незначительными орфографическими вариациями в конце заголовков П, Р и Т2, отсутствующее в конце заголовка В. Одновременно чтение заголовка «во всей Руской земле» в списках П и Р сближает эти списки друг с другом, в отличие от списка Т2, где этот пассаж читается как «во всей Росийской земле». Нельзя не заметить, что чтение списков П и Р «во всей Руской земле» практически совпадает с чтением списка В, где имеется чтение «во всѣй Руской земли». Нельзя не отметить, что групповые чте-

ния заголовков ЛСЛ, представленных списками П, Р и Т2, отражают более раннюю версию текста данного Летописца, восходящего к текстам популярного ЛВ. Выше я уже привел чтение заголовка древнейшего Забелинского списка ЛВ. Уместно здесь повторить его еще раз, так как из сравнения его с заголовками П, Р и Т2 ясно видна их *разительная* почти полная генетическая близость. В Забелинском списке ЛВ заголовок выглядит так: «*Летописец*, написан выбором из *старых лет*описцев, *что учинилося в Московском государстве и во всей Руской земле в нынешняя последняя времена*» [131]. Выделенные мной курсивом слова заголовка Забелинского списка – это, по сути, уже полный заголовок трех списков ЛСЛ. Заголовок списка В, родственного спискам П, Р и Т2, дает, очевидно, более позднюю, отредактированную версию первоначального вида заголовка, представленного в трех вышеуказанных списках ЛСВ.

Данная «индивидуальность» чтений списка В по сравнению с чтениями других трех списков прослеживается и в тексте ЛСЛ в целом ряде разных мест. Приведем отдельные примеры.

Список В	Список П	Список Р	Список Т2
Лѣта 6887-*г*(о) го*д*у пре*с*тави*с*(я) на Мо*с*квѣ чюдотворецъ Алексѣ*и*, митрополи*т* Мо*с*ковскии и всеа России [132].	Лета 6887-го году преставися на Москве Алексей, митрополит Московский и всеа Росии, чюотворец [Так! – *Ю. Р.*] и всеа Русии [133].	Лета 6887-го году поставись на Москве Алексей, митрополит Московский и всеа Росии, чюдотворец [134]	6886-го преставися на Москве Алексей, митрополит Московский и всеа Росии, чюдотворец [135].

Из сопоставления данных пассажей хорошо видно, что в списках П, Р и Т2 читается: «престави*ся* [в П явная описка: «поставись». – *Ю. Р.*] на Мо*с*кве Алексей, митрополит», а в списке В это чтение отлично: «пре*с*тави*с*(я) на Мо*с*квѣ чюдотворецъ Алексѣ*и*, митрополи*т*». То есть в списке В перед именем митрополита Алексея добавлено чтение «чюдотворец». В списках П, Р и Т2 это чтение есть, но оно согласно читается в этих списках после слова «Росии» в конце митрополичьего титула. То есть лексический порядок в данных списках общий, а в В индивидуальный. В списке Р после слова «чудотворец» добавлены, правда, слова «и всеа Росии»,

но это чтение есть результат простой описки писца, вызванный диттографией.

Приведем еще подобный пример.

Список В	**Список П**	**Список Р**	**Список Т2**
[Л]ѣта 6901-*г*(о) го*ду* июля въ 24 *де*(нь) Б(о)гъ поручил*ъ* велико*му* кн(я)зю Васи*л*ъю Ивановичю Великии Но*в*ѣгра*дъ*[136].	Лета 6901-го году июля в 24 день Бог поручил великому князю Василию Ивановичю Московскому Великий Новград взял[137].	Лета 6901-го году июля в 24 день Бог поручил великому князю Василию Ивановичю Московскому Великий Новград, взял[138].	6901-го году июля в 24 день Бог поручил великому князю Василию Ивановичю Московскому и всея Русии Великий Новград взял[139].

Из сопоставления данных пассажей можно видеть, что в списках П, Р и Т2, по сравнению с В, после имени князя «Василий Иванович» добавлено слово «Московский», а после слова «Новград» добавлено слово «взял». Всех этих добавлений в списке В нет. В списке Т2 в титулатуре вел. кн. Василия дополнительно написано «и всея Русии», но это добавочное чтение отсутствует в других списках.

Приведем еще один подобный пример текстологической взаимосвязи.

Список В	**Список П**	**Список Р**	**Список Т2**
Лѣта 7080-*г*(о) го*ду* Моско*в*ского г(осу)д(а)р*с*тва бояря кн(я)зь Михаило Ивановичь Воротын*ско*и с това[ры]щи ходили по г(о)*с*(у)д(а)р(е)ву указ*у* и побили н[а] Молодя*х* крым*ского* ц(а)ря и в[з]яли у него Дивѣя му*р*зу[140].	Лета 7080-го году Московскаго государства бояре князь Михаила Ивановичь Воротынской с товарыщи по цареву указу ходили и побили на Молодях крымскаго царя силу, взяли у него Дивия мурзу[141].	Лета 7080-го году Московскаго государства бояре князь Михаила Ивановичь Воротынской с товарыщи по цареву указу ходили и побили на Молодях крымскаго царя силу, взяли у него Дивия мурзу[142].	7080-го году Московскаго государства бояре князь Михаила Ивановичь Воротынской с товарыщи по цареву указу ходили и побили на Молодях крымскаго царя, и взяли у него Дивия мурзу[143].

И опять в трех вышеуказанных списках наблюдается прямая текстологическая связь благодаря согласованному общему чтению: «по цареву указу ходили». В списке В читается иначе: «ходили по г(о)*с*(у)д(а)р(е)ву ука*зу*». Кстати, в списках П и Р содержится в этом пассаже дополнительно слово «силу», которое явно роднит эти списки.

Приведем еще несколько примеров подобной близости текстов трех списков по сравнению со списком В, дающим вновь индивидуальные чтения.

Список В	**Список П**	**Список Р**	**Список Т2**
1) [Л]ѣта 7060-г(о) году августа въ 5 де(нь) преставис(я) на Москвѣ Василеи Блаженныи, юродствовалъ 10 лѣт, а всѣх лѣт живота его было 94 года 144. 2) Того ж(е) [7065-го. – Ю. Р.] году ц(а)рь и великии кн(я)зь Иван Васильевич(ь) всеа Русии взялъ Нем[ец]кую землю – дватцат(ь) сем(ь) городовъ 145.	Лета 7060-го году августа в 1 день преставися на Москве Василей Блаженный, нача странствовати, нача ходити 10 лет, и живе всех годов девяносто четыре годы 149. И того ж [7061-го. – Ю. Р.] году царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии взял Немецкую землю Вифлянскую Ругодев и всех градов взял 27 градов 150.	Лета 7060-го году августа въ 1 день преставися на Москве Василей Блаженный, нача странствовати наг ходити от 10 лет, и живе всех годов девятдесят четыре года 153. Лета 7061-го году царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии взял Немецкую землю Вифлянскую Ругодев и всех градов взял 27 154.	7060-го году августа в 1 день преставися на Москве святый Василей Блажеуный, нача странствовати наг ходити от 10 лет возраста своего, и жив всех лет 94 157. 7062-го году царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии взял Немецкую землю Вифлянскую Ругодев, и всех градов взял 27 градов 158.

3) Лhта 7090-г(о) году родис(я) ц(а)рю Ивану Васил(ь)е[ви]чю с(ы)нь ц(а)р(е)вичь Димитреи Иванович(ь). Того ж(е) году ноября въ 11 де(нь) в Олександровскои слободе преставис(я) ц(а)р(е)в(и)чь Иван Иванович(ь) всеа Русии 146.	Лета 7090-го году царю и великому князю Ивану Васильевичю родися сын царевичь Дмитреи Ивановичь, всеа Русии. Того ж году ноября в 11 день в Олександрове слободе преставися царевичь Иван Ивановичь всеа Русии 151.	Лета 7090-го году царю и великому князю Ивану Васильевичю родися сын царевичь Дмитреи Ивановичь, всеа Русии. Того ж году ноября в 11 день в Олександрове слободе преставися царевичь Иван Ивановичь всеа Русии 155.	7090-го году царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии родися сын царевичь Дмитрей Ивановичь, всеа Русии Того ж году ноября в 11 день в Олександрове слободе преставися царевичь Иван Ивановичь всеа Русии 159.
4) [Л]hта 7119-г(о) 147 год(у) на памят(ь) св(я)тых [м](у)[ч](е)никъ Хриса[н]фа и Дар(и)и, во вто[р]никъ шестые нед(h)ли Поста етман литов[скии] и Грошевскии с литовскими люд(ь)ми [и с изменн]ики... 148	Лета 7119-го году в Великой пост на Хрисанфин день и Дарии, во вторникъ на шестой недели Поста гетман Желтовской и Грошевской с литовскими людми и с ызменники... 152	Лета 7119-го году в Великой пост на Хрисанфин день и Дарии, во вторникъ на седмой недели Поста гетман Желтовской и Грошевской с литовскими людми и с ызменники... 156	7119-го году в Великой пост на Хрисанфин день и Дарии, во вторник на шестой недели Поста гетман Желтовской и Грошевской с литовскими людми и с ызменники... 160

Можно видеть, что в первом примере о Василии Блаженном в списках П, Р и Т2 содержится общее для всех них указание о «преставлении» Василия 1 августа, в списке же В этим днем показано 5 августа. Оба дня «преставления» расходятся с принятым Русской Православной церковью днем преставления Василия Блаженного, ибо память этого блаженного помещается в Прологах XVII в. обычно под 2 августа[161]. Эти же списки содержат также единое согласованное чтение: «нача странствовати, наг [в П ошибочно: «нача». — *Ю. Р.*] ходити, от [в П предлог «от» отсутствует. — *Ю. Р.*] 10 лет». В

списке же В вместо вышеуказанного единого чтения содержится чтение «юродствова*лъ*». В тех же трех списках имеется чтение: «и живе всех годов [в списке Т2: лет. – *Ю. Р.*]», а в списке В – отличное чтение: «а вс*ѣх* л*ѣт* живота его было».

Во втором примере в трех вышеназванных списках после слов «в Немецкую землю» читается общий дополнительный пассаж: «Вифлянскую Ругодев и всех градов взял», а в списке В этого пассажа нет.

В третьем примере о рождении царевича Дмитрия и о смерти царевича Ивана в списках П, Р и Т2 согласованно читаются такие общие чтения, как «царю и великому князю Ивану Васильевичю родися сын», «Дмитрей Иванови*чь* всеа Русии» и «в Олександрове слободе», а в списке В содержатся отличные индивидуальные чтения: «роди*с*(я) ц(а)рю Ивану Васи*л*(ь)е[ви]чю с(ы)нь», «Димитреи Иванови*ч*(ь)» (без определения «всея Русии») и «в Олекса*н*дровской слободе».

В четвертом примере в тексте летописной статьи под 7119 г. о разорении Московского государства «литовским» гетманом в списках П, Р и Т2 читается такой общий пассаж: «в Великой пост на Хрисанфин день и Дарии, во вторник на шестой недели По*с*та гетман Желтовской и Грошевской с литовскими людми и с ызменники», а в списке В содержится иной «индивидуальный» текст: «на памя*т*(ь) св(я)ты*х* [м](у)*ч*(е)никъ Хриса*н*фа и Да*р*(и)и, во вто[*р*] никъ ше*с*тые не*д*(ѣ)ли По*с*та е*т*ма*н* лито*в*[скии] и Груше*в*скии с лито*в*скими лю*д*(ь)ми [и с ызме*н*н]ики». Нетрудно видеть, что в списке В содержатся определенные редакционные стилистические разночтения и измененный порядок слов, а также замена ошибочной фамилии гетмана Жолкевского трех списков П, Р и Т2 – «Желтовской» на определение «етман Литовский».

Число примеров разительной текстологической близости П, Р и Т2 по сравнению с отдельными индивидуальными чтениями новонайденного списка В можно было бы еще сильно увеличить, но в рамках настоящей статьи это сделать не представляется возможным. Но и те примеры, которые мы привели выше, достаточно убедительны.

Наряду с этим, новонайденный список В обнаруживает нередко явную текстологическую связь со списками П и Р, не имея в этих случаях подобной связи с текстом Т2.

Приведем и здесь характерные примеры такой текстологической близости.

51 – 9799

Список В	**Список П**	**Список Р**	**Список Т2**
Лѣта 7099-*г*(о) го*ду* июня въ 19 *де*(нь) повелѣние*м* Бориса Го*ду*нова на Углечи изм*ен*ники Дани*л*ко Битяко*въ*скои да Ми*ш*ка Чеговской убили благове*р*наго ц(а)р(е)в(и)ча Дми*т*рия Ивановича, царевича Московскаго и всеа Русии[162].	Лета 7099-го году маия в 15 день повелением Бориса Годунова на Углечи изменники Данилко Битяговской да Митка Кочегов убили благовернаго царевича Дмитрия Ивановича, царевича Московскаго и всеа Русии[163].	Лета 7099-го году маия в 15 день повелением Бориса Годунова на Углечи изменники Данилко Битяговской да Митка Качалов убили благовернаго царевича Дмитрия Ивановича, царевича Московскаго и всеа Русии[164].	7099-го году маия в 15 день повелением Бориса Годунова на Углечи изменники Данило Битяговъской да Никитка Кочалов *убили* благовернаго царевича князя Дмитрия Ивановича всеа Русии[165].

Из сопоставления видно, что списки В, П и Р сближает друг с другом пассаж: «царевича Дмитрия Ивановича, царевича Московскаго и всеа Русии», который отличается от пассажа в списке Т2 отсутствием слов «царевича Московскаго и» после имени Дмитрия Ивановича. Во всех трех названных списках Битяговский назван «Данилкой», в то время как в списке Т2 он назван без уменьшения Данилой. Только в списке Т2 Качалов назван именем «Никитка» в списках же П и Р он назван производным от «Никитки» именем «Митка». К имени «Митка» списков П и Р явно тянет чтение списка В «Мишка». Судя по всему, чтение «Мишка» – это явно искаженное чтение списков П и Р исторически верного слова «Митка». Ошибка может быть объяснена неправильным прочтением имени «Митка» переписчиком списка В или его протографа, который спутал при прочтении или при написании трехмачтовую букву «т» с трехмачтовой буквой «ш» и поставил перекладину не сверху буквы, а снизу. Попутно заметим, что таким же искажением в списке В является, очевидно, и фамилия баснословного «Мишки» – «Кочеговский». В списке Т2 фамилия другого «убийцы» царевича Дмитрия – Никитки или Митьки – указана правильно – Качалов. С этим чтением Т2 перекликается и вариативное чтение списка Р – «Кочалов». Искаженное же чте-

ние фамилии Митьки в списке П «Качегов» явно связано по своему происхождению с чтением списка В – «Чеговской». Процесс искажения преобразования слова в списке В или его протографе можно выразить условно такой лексической «цепочкой»: Митка Качалов → Мит-ка Качегов → Мит-ка Чегов или Чеговской. Начальный слог фамилии «Ка» мог быть пропущен невнимательным переписчиком текста В или его протографа в результате «уподобления» из-за двойного слога «ка-» на стыке имени и фамилии, а формант «-ской» после фамилии «Чегов» мог быть прибавлен тем же переписчиком по небрежности под влиянием соседней фамилии «Битягов*ской*». Дополнительно заметим, что в списке В в данном фрагменте неправильно указан и день смерти – 19 июня – вместо верного «15 мая».

Американский ученый Д. К. Уо, задавшись вопросом: «откуда начался» ЛСЛ «и где закончилась» первая, невятская часть его текста», пришел к выводу, что таким началом было летописное известие «о привозе иконы Владимирской Богоматери во Владимир в 6662/1154 г.», ибо в списках Т2, Р, а также в позднейшей летописной компиляции XVIII в., в которой был использован текст ЛСЛ, начальный текст начинается именно с этого известия. По поводу отсутствия в тексте списка П традиционного начала повествования с 1154 г., и двух последующих известиях об убиении кн. Андрея Боголюбского во Владимире в 6681 г., и о битве русских князей на реке Калке в 6731 г., и по поводу наличия в П особого «рязанского начала» Д. К. Уо выразил, с одной стороны, недоумение, а с другой – отрицание возможности утраты листа с начальным текстом. Ученый пишет: «Надо думать, что в списке П почему-то просто пропущены первые три статьи текста, как и некоторые другие статьи. Скорее всего, отсутствие этих первых статей объясняется не тем, что писец использовал список без первого листа, так как в П все-таки есть то же заглавие, что и в других списках текста» [166].

Находка нового списка ЛСЛ XVII в., как мне представляется, позволяет внести определенные коррективы в это мнение американского коллеги. Важной текстологической особенностью новообнаруженного списка В является тот факт, что его текст, также как и текст списка П, начинается с известия 1237 г., рассказывающего о нашествии хана Батыя на Русь, об убиении рязанского князя Федора Юрьевича и о разорении Русской земли.

Список В	Список П
Въ л**ѣ**та 6745-*г*(о) убие*н* бы*с*ть благов**ѣ***р*ны*и* кн(я)зь Феодо*р* Его*р*(ь)евичь Реза*н*ско*и* на рек**ѣ** Воро*н*(е)же *от* ц(а)ря Батыя кры*м*ского. И тогда о*н*, акая*н*ный ц(а)рь Батыя, пришел*ъ* в Рускую землю и Реза*н*(ь) взял*ъ*, и кн(я)зя Его*р*(ь)я И*н*горовича Реза*н*ского и брата его побил*ъ*, и пото*м* многи руские грады разорил*ъ*[167].	Лета 6745-го году убиен бысть благоверный князь Федор Юрьевичь Резанский от безбожнаго царя Батыя на рек**ѣ** на Воронеже. И тогда ж он, окаянный царь Батый, Резань пленил и землю Резанскую разорил и князь Федорова отца, князь Юрья Ингоревича Резансково, и братий его побил, и потом многия руския грады разорил, он, акаянный царь Батый[168].

Можно видеть, что в инципите этих двух списков, безусловно, наблюдаются общие текстологические пассажи, хотя и имеются определенные лексические отличия в их текстах, а также и отдельные отличия в расположении порядка слов в этих текстах. Обращает на себя внимание также и то, что кн. Юрий Ингоревич Рязанский в списке В превратился в Егория Ингоревича, а его сын Федор Юрьевич – соответственно в Федора Ингоревича. В списке В при имени царя Батыя отсутствует эпитет «безбожный», а в конце известия нет слов «он, акаянный царь Батый», добавленных в списке П. Вместе с тем, в списке В хан Батый ошибочно назван крымским царем, а убиенные «братия» кн. Юрия Ингоревича превращены в единственного «брата». Индивидуальные отличия новонайденного списка все же не заслоняют нам такого важного текстологического обстоятельства, как наличие в обоих списках общего «рязанского начала».

Наличие сходного «рязанского» начала у списков В и П, скорее всего, не случайное совпадение: оно говорит в пользу того, что оба указанных списка так или иначе восходят к общему протографу, имевшему «рязанское начало». Все это, в свою очередь, позволяет логически предполагать, что в общем протографе данных списков текст начальных летописных известий в варианте списков Т2 и Р был, скорее всего, все-таки физически утрачен, чем и объясняется отмеченная сходная лакуна списков В и П. Что же касается заголовка списка П, совпадающего с заголовками списков Т2 и Р, то он мог, в отличие от утраченных начальных известий ЛСЛ, простонапросто сохраниться в его протографе на предыдущей странице текста, ибо протограф списка мог входить в состав какого-нибудь

кодекса и не обязательно находиться в его начале: он мог находиться и в его середине. Это в том случае, если думать об утрате целого листа, как ранее допускал, но затем отверг Д. К. Уо. Кроме того, можно предполагать, что в протографе списков П и В мог быть утрачен не целый лист, а лишь его фрагмент, на котором ранее мог находиться утраченный обычный текст ЛСЛ. Предполагать здесь сознательное сокращенное редактирование трудно, ибо речь идет все-таки о всероссийски чтимой чудотворной иконе, тем более что новонайденный список ЛСЛ бытовал и, вероятно, даже происходил из Владимирского историко-культурного региона, где первоначально после доставки из Царьграда находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы.

«Рязанские известия» в списке Р и Т2 имеются после текстов начальных известий ЛСЛ, отсутствующих в В и П, при этом текст Р обнаруживает вновь большее текстологическое тяготение к списку П, а не к Т2. Приведем ниже эти тексты.

Список Т2	**Список Р**
6745-го году убиен бысть благоверный великий князь Федор Юрьевичь Резанский от безбожнаго царя Ботыя на реке на Воронеже. И тогда ж он, окаянный царь Батый, град Резань пленил и землю Резанскую разорил, и князь Федорова отца князь Юрья Ингоревича Резаньсково и братий его побил, и потом многия русския грады разорил [169].	Лета 6745-го году убиен бысть благоверный князь Федор Юрьевичь Резанский от безбожнаго царя Батыя на реке на Воронеже. И тогда ж окаянный царь Батый град Резань пленил, и землю Резанскую разорил, и князя Федорова отца, князя Юрья Ингоревича Резансково, з братьями побил, и потом многия руския грады разорил, он, акаянный царь Батый [170].

По сравнению со списком Т2 в списке Р в конце данного пассажа, как и в П, добавлены слова «он, акаянный царь Батый», а добавление эпитета «великий» в титулатуре кн. Федора Юрьевича Рязанского, имеющееся в списке Т2, отсутствует, как и в списке П. То есть близость П и Р в данном случае есть результат их текстологического родства и восхождения их к общему протографу общероссийской части ЛСЛ. Близость этих списков по сравнению с Т2 прослеживается в целом ряде случаев. Она отмечена еще Д. К. Уо, высказавшем справедливое мнение, что оба списка имели один протографический источник [171]. С учетом того, что списки Т2 и Р, как и большинство списков ЛВ [172], начинаются с

известия 1154 г. о перенесении иконы Владимирской Божией матери из Царьграда во Владимир, можно считать, что в архетипном тексте ЛСЛ имелось точно такое же начало. А из этого логически вытекает, что «рязанское начало» списков П и В есть явление вторичного порядка.

Текстологические совпадения между списками В, П, Р и Т2 в разных комбинациях обнаруживаются на протяжении и последующего летописного изложения.

Особая близость наблюдается между списком В и П. Если взять «индивидуальные» примеры чтений П, отмеченные Д. К. Уо[173], то на поверку получается, что они имеют текстологическую связь с чтениями В и поэтому теряют во многом свою былую «индивидуальность». В них обоих пропущено известие о вокняжении великого кн. Московского Даниила Александровича в 6760 г., в то время как в Т2 и Р это известие имеется[174]. Отсутствует в них также и известие о явлении иконы Богородицы Казанской «во граде Казани» под 7087 г., хотя данное известие в несколько разных вариациях находится и в Т2 и в Р[175]. Сходство текста названных двух списков в отношении пропущенных в П летописных известий за 7143–7151 гг. проследить, к сожалению, не удается из-за физической дефектности списка В, в котором окончание текста утрачено. Самое позднее событие, читающееся на обороте последнего сохранившегося листа списка В, датировано 1611 г.[176] Однако известие П о смерти кн. М. В. Скопина-Шуйского в 7118/1610 г. в списке В отсутствует. Отсутствует в В и другое «индивидуальное» известие П о поставлении Ивана Грозного на царство «великим поставлением царьским», о помазании царя святым миром, о венчании его святыми бармами и венцом Мономаховым «по древнему закону царскому, якоже римсти и гречести цари православны поставляхуся», и о возникшем страхе всех «языческих стран» перед царем[177].

Наряду с этим, в списке В имеются такие пассажи и выражения, которые отсутствуют в других известных списках ЛСЛ. Так, в известии о нахождении на Москву среднеазиатского полководца и завоевателя «царя» Темир Аксака (Тимура, или, поевропейски, Тамерлана) в списке В находится его прозвище – «Железная нога», которое в других списках ЛСЛ не отмечено[178]. Основанием для такого прозвища будущего среднеазиатского эмира послужило полученное им в молодости в 1362 г. ранение ноги, вследствие чего он стал хромым и получил в этой связи таджикское прозвище «Тимурленг», что означает в русском переводе – «Тимур-

хромец». Прозвище «Железная нога», употребленное в списке В, является своеобразной калькой перевода этого прозвища. Восходит оно к древнерусской Повести о Темир Аксаке, в которой содержится подробный рассказ о полученном Темир Аксаком тяжелом ранении ноги. После кражи Тимуром овцы он был настигнут ее владельцами и жестоко избит до полусмерти. «И прибиша ему ногу и бедру его на полы и повергоша его, яко мрътва», однако спустя некоторое время Тимур неожиданно выздоровел и «въставъ, перекова себѣ желѣзом ногу свою перебитую, и таковою нуждею храняше. И того ради прозван бысть Темиръ Аксаком, Темир бо зовется желѣзо, а Аксак зовется хромець, и пакы обое вкупѣ Темир Аксак, еже протолкуется Желѣзный хромець, тако бо толмачят половецькым языком. И таковою виною прозван бысть Темиръ Аксак, Желѣзный хромець, яко от вещи и от дѣл звание приим и по дѣйству имя себѣ стяжа»[179].

В списке В отсутствуют летописные статьи о взятии «литовским королем» Стефаном Баторием в 7088 г. «Сокола града», сожжении им Великих Лук и об осаде Пскова «литовским королем» Стефаном Баторием, стоявшим под осажденным городом «с великим собранием» войска в количестве «17 орд». В составе других списков ЛСЛ эти статьи имеются[180].

В списке В в известии о смерти царевича Дмитрия Ивановича «убийцами» названы «Данилко Битяковский» и «Мишка Чеговской».

Для изучения истории текста ЛСЛ особенно интересно, что в новонайденном списке В содержится индивидуальное упоминание об участии в ливонском походе 7100 г. под Выборг («Выбор») кн. Михаила Федоровича Пожарского, отца героя национально-освободительной борьбы в России начале XVII в. кн. Дмитрия Михайловича Пожарского. В других известных списках ЛСЛ вместо кн. М. Ф. Пожарского записан кн. Федор Михайлович Пожарский. Для наглядности приведем тексты известных нам списков ЛСЛ, повествующих об участии представителя княжеского дома Пожарских в данном походе под Выборг.

Список В	Список П	Список Р	Список Т2
Лѣта 7100-*г*(о) г*оду* Моско*в*ского г(осу)д(а)р*с*тва бояр[я] кн(я)зь Федо*р* Иванови*ч*(ь) Мсти*с*ла*в*ско*и*, да кн(я)[зь] Михаило Федорови*ч*(ь) Пожа*р*ско*и*, да Иванъ Васи*лъ*евичь Годуно*в* ходи*ли* с великимь со*б*ра*н*(и)емъ в Немецкую зе*м*-*лю под* Вбор[*и*] и Заре*ч*ную, а взяли 7 городо*в*, а п[оло]ну бѣ*з*числе*н*но много[181].	Лета 7100-го году Московскаго государства бояре князь Федор Ивановичь Мстиславской, да князь Федор Михайлович Пожарской, да Иван Васильевичь Годунов ходили с великим собранием в Немецкую землю под Выбори в осень, и взяли 7 городов, да полону безчисленно[182].	Лета 7100-го году Московскаго государства бояре князь Федор Ивановичь Мстиславской, да князь Федор Михайловичь Пожарской, да Иван Васильевичь Годунов с великим собранием ходили в Немецкую землю под Выбори, и взяли 7 городов да полону безчисленно[183].	Лета 7100-го году Московскаго государства бояре князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Федор Михайлович Пожарской, да Иван Васильевич Годунов ходили с великим собранием в Немецкую землю под Выбори, и взяли семь городов да полону бе[з]численно[184].

Из сопоставления данных пассажей ясно видна индивидуальность чтения списка В в отношении имени участника похода из семьи кн. Пожарских. Другой отличительной чертой списка В является наличие в нем чтения «в Немецкую землю по*д* Вбор[и] и Наре*ч*ную, а взяли 7 городо*в*, а п[оло]ну бѣ*з*числе*н*но много», ибо в трех других списках согласно читается: «в Немецкую землю под Выбори, и взяли 7 городов да полону безчисленно». Упоминание «*Наречной*» и *многого* «полона» характерно лишь для В. К числу мелких отличий относится употребление в В соединительного союза «*а*» вместо соединительного союза «*и*» в других списках ЛСЛ и географического названия «*Вбор*[*и*]» вместо географического названия «Выбори» в тех же трех списках.

Следует сразу сказать, что известия данного пассажа во всех четырех списках ЛСЛ об участии одного из представителей княжеского дома Пожарских в походе 7100 г. «в Немецкую землю» ошибочны и не выдерживают исторической и историко-генеалогической

критики. В роду князей Пожарских был всего лишь один боярин – кн. Д. М. Пожарский, получивший этот чин в 1613 г. за свои выдающиеся полководческие заслуги в деле освобождения России от польско-литовских интервентов в т. н. Смутное время.

Кн. Ф. М. Пожарский в истории рода не проходит. Известен лишь кн. Федор Иванович Третьяков Меньшого Пожарский, дед кн. Д. М. Пожарского. Однако он никак не мог принимать участия в походе на Выборг 1591/92 г., т. к. после последней ратной службы в качестве головы в большом полку у второго воеводы боярина П. В. Морозова в Серпухове в 1575/76 г.[185] он постригся под именем Феогноста у Троицы, сделав туда 27 октября 1576 г. предварительный 50-тирублевый вклад[186], где и умер в иночестве[187].

Кн. М. Ф. Пожарский, сын кн. Ф. И. Пожарского и отец кн. Д. М. Пожарского, также не мог быть участником военного похода 1591/92 г., ибо он скончался за несколько лет до этого похода. Сохранившаяся надгробная плита с надписью о дате его «преставления» сообщает, что он умер 23 августа 1587 г. в день св. мученика Лупа[188]. Из достоверных разрядных источников явствует со всей очевидностью, что действительно при царе Федоре Ивановиче в декабре 1591 г. состоялся «свейский» поход русской армии на Выборг. В официальном «Государеве разряде» 1598 г. об этом походе 7100 г. записано так: «Того же году декабря в 12 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии посылал в Свейскую землю в войну бояр и воевод Федора Ивановича Мстиславского с товарыщи: В большом полку бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстиславской, да Иван Васильевич Годунов. В правой руке боярин и воевода князь Федор Михайлович Трубецкой да воевода князь Федор Ондреевич Ноготков» и т. д.[189] Нетрудно заметить, что в списках ЛСЛ П, Р и Т2 реальный воевода боярин кн. Ф. М. Трубецкой под пером писца превратился в некоего мифического кн. Ф. М. Пожарского. Это искаженное чтение данных списков, по всей вероятности, более первично, чем чтение списка В, где участником похода под Выборг показан кн. М. Ф. Пожарский. В т. н. Мазуринском летописце, составленном в кон. XVII в. представителем патриаршего летописного скриптория в Московском Чудове монастыре Исидором Сназиным[190], имеется летописное известие именно об этом походе русской армии против шведов в 7100 г. Оно текстологически близко к известию списков ЛСЛ, но содержит некоторые небольшие разночтения: «Лѣта 7100-го году Московского государства бояре князь Михаил [Так! – *Ю. Р.*] Иванович Мстиславской да князь

Федор Михайлович Трубецкой с великим собраньемъ ходили в Немецкую землю под Выбор, 7 городов взяли, и много полону безчисленно» [191]. Как мы ясно видим, реальный участник этого похода боярин и воевода большого полка русской армии кн. Ф. И. Мстиславский под пером переписчика ошибочно превратился здесь в некоего *Михаила* Ивановича Мстиславского, которого исторически просто не было в княжеском роде Мстиславских. Отсутствует здесь и упоминание боярина и второго воеводы большого полка русской армии И. В. Годунова, но это, вероятно, объясняется тем, что в местническом счете второй воевода большого полка стоял непосредственно на втором месте после первого воеводы большого полка. Второй же воевода большого полка стоял гораздо ниже первого воеводы полка правой руки. По местническому счету он занимал лишь пятое место [192]. Очевидно, этим счетом и руководствовался летописец И. Сназин, указав в своем повествовании лишь двух главных воевод похода царского войска «в Немецкую землю».

Было ли упоминание имени кн. Ф. М. Пожарского в списках ЛСЛ результатом простой механической описки писца общего протографа списков П, Р и Т2 или оно явилось результатом сознательной баснословной подмены, сделанной в угоду княжескому дому Пожарских, наверняка сказать трудно. Однозначно сейчас можно сказать, что это искаженное чтение появилось не позднее середины XVII в., которой датируются наиболее ранние списки этой группы. Чтение же списка В об участии в «Свейском» походе кн. М. Ф. Пожарского под Выборг, очевидно, вторично. Оно появилось в результате редакционного исправления писцом явно кричащей генеалогической ошибки, поскольку кн. М. Ф. Пожарский, в отличие от кн. Ф. М. Пожарского, существовал в реальности. В роду князей Пожарских бытовали даже какие-то предания об участии кн. М. Ф. Пожарского в казанском походе 1552 г. и в каком-то лифляндском походе времени Ивана Грозного [193]. Может быть, эти предания или какие-то другие неизвестные нам сведения и послужили основой для выправления писцом протографа списка В «кричащей» ошибки. Не исключено, что к этой поправке текста был причастен кто-либо из дома Пожарских, особенно если учесть географическое бытование списка В на территории Владимирского края, где в районе Стародуба у князей Пожарских в XVII в. были свои вотчинные земли.

Данное чтение списка В о баснословном участии кн. М. Ф. Пожарского очень важно не только в плане понимания

истории текста ЛСЛ, но и для уточнения истории взаимоотношений текста этого Летописца с т. н. Вятским временником (далее – ВВ). Текст последнего, по мнению А. С. Верещагина, в конце XVII – начале XVIII в. списал вместе с сыном и даже составил уже упоминавшийся выше вятский книжник С. Ф. Попов [194].

Вопрос о корреляции текстов ЛСЛ и ВВ несомненен. Он ставился еще в начале прошлого века А. С. Верещагиным, который полагал, что известия первой, невятской части ЛСЛ извлекались из Хронографа, служившего источником и для ВВ, и из других источников, неизвестных составителю ВВ. Что же касается второй, вятской части ЛСЛ, то здесь имеются сходные известия с ВВ, а некоторые из них, по мнению А. С. Верещагина, «представляют буквальное повторение известий Временника... Но есть в этой половине Летописца и варианты к известиям Временника, а также и такие известия, каких нет во Временнике» [195].

Первое из этих положений современный исследователь Д. К. Уо принял с некоторыми оговорками, а второе убедительно пересмотрел. Ученый констатировал: «За редкими исключениями все события, изложенные в первой части» ЛСЛ, «находятся и в ВВ» [196]. Однако это объясняется не общим восхождением всех этих известий к Хронографу, как полагал А. С. Верещагин [197], а, скорее всего, тем, что «под рукой составителя ВВ были и ЛС[Л] и Хронограф. Он старался включить в свою компиляцию все, что находилось в ЛСЛ, отдавая предпочтение изложению событий в Хронографе, где иногда имелись и другие подробности» [198]. В поддержку гипотезы о знании составителем ВВ текста ЛСЛ Д. К. Уо сослался на те места ВВ, «где информация взята явно не из Хронографа». По определению исследователя, многие такие известия находятся в ЛСЛ, «например, под 6760/1238 – начало княжения кн. Даниила Александровича, 6841/1333 г. – постройка деревянного Кремля в Москве, 6875/1367 г. – постройка каменного Кремля при Дмитрии Донском, 6890/1382 – нашествие Тохтамыша, 6900/1391 – смерть св. Сергия Радонежского, 6901/1393 – путаное известие о взятии Новгорода кн. Иваном Васильевичем, 6903/1395 г. – нашествие Тимура. В большинстве этих случаев информация находится не только в ЛСЛ, но и в Т, где соответствие с ВВ не столь значительно. Если в статьях ЛСЛ о событиях до середины XVI в. сравнение с соответствующими статьями в ВВ не всегда говорит о прямом заимствовании из первого источника во второй, то впоследствии сходство возрастает, как, например, в статьях под 7971/1563, 7073/1565 и 7077/1569 гг. и начиная с 7137/1629 г. Вполне возможно, что со-

ставитель ВВ больше, чем раньше, опирался на ЛС в материале с середины XVI в. и уже в материале с 1620–1630х гг. ЛС стал главным источником из-за отсутствия соответствующей информации в Хронографе»[199]. Вслед за Д. К. Уо заметим, что из числа названных им ранних примеров летописных известий, взятых «не из Хронографа», в новонайденном списке В также имеются известия о постройке деревянного и каменного Кремля в Москве, о «преставлении» преп. Сергия Радонежского, ошибочное известие о взятии Великого Новгорода якобы вел. кн. «Василием Ивановичем» и известие о нашествии на Русь «царя» Тимура («Темир-Аксака»). Общее для других списков ЛСЛ известие о вокняжении на Москве вел. кн. Даниила Александровича в В отсутствует, но это, очевидно, результат редакторской работы писца-составителя этого списка или его более раннего протографа[200]. Есть в В и известия о взятии Полоцка царем Иваном IV и его братом кн. Владимиром Андреевичем Старицким под 7071 г., о женитьбе царя Ивана на Марии Темрюковне Черкасской под 7073 г., о погроме Великого Новгорода Иваном Грозным и о хлебном недороде и о великом голоде под 7077 г.[201], отражающие, по наблюдениям Д. К. Уо, более выразительное сходство известий ЛСЛ и ВВ. Особенно сходных известий 1629 г. и последующего времени, отмеченных американским ученым, в списке В нет, ибо текст данного списка обрывается из-за утраты своего окончания на известии 7119 г.

Для последующего, уточняющего, анализа соотношений списков ЛСЛ и ВВ вышеупомянутое баснословное известие В о походе кн. М. Ф. Пожарского «в Немецкую землю» под Выборг в 7100 г. имеет очень большую научную ценность. Как писал Д. К. Уо: «В тех местах ВВ, где есть заимствования из ЛС[Л], они взяты чаще всего из варианта, представленного в списке Р, а не Т2. Р, но не Т2, содержит следующие факты: статья о смерти Сергия Радонежского (6900); в статье под 7079 г. – фраза “выжег без остатка”; статья под 7093 г. о взятии ливонских городов, статья под 7098 г. известия о начале постройки деревянного города “в Петров пост” и т. д.»[202]

Однако ни список Т2, ни список Р, как мы убедились выше, не содержат упоминания о баснословном участии кн. М. Ф. Пожарского в Свейском походе 1592/93 г. В них, как мы отметили выше, говорится об участии в походе мифического кн. Ф. М. Пожарского, а не кн. М. Ф. Пожарского. Между тем в тексте ВВ говорится об участии в походе 7100 г. тех же самых воевод, что и в списке В, причем в ВВ имеется не только упоминание Выборга, но и искаженное упоминание *Наречной* («Реречной»), известной нам только по списку В, и

указание на взятие московскими боярами в «Немецкой земле» *много* полона, отсутствующее в списках Т2, Р и П. Попутно заметим, что и в ВВ, и в списке В наблюдается одинаковый порядок слов в выражении «ходили с великим со*б*ранием», в отличие от списка Р, где этот порядок слов выглядит иначе («с великимь со*б*ра*н*ием ходили»), – а ведь именно этот список Р или его «вариант», по мнению Д. К. Уо, был, скорее всего, в руках составителя ВВ [203]. Сопоставим данные тексты новонайденного списка В и ВВ.

Список В	**ВВ**
Лѣта 7100-*г*(о) го*д*у Моско*в*ского г(осу)д(а)р*с*тва бояр[я] кн(я)зь Федо*р*Иванови*ч*(ь)Мсти*с*ла*в*ско*и*, да кн(я)[зь] Михаило Федорови*ч*(ь) Пожа*р*ско*и*, да Иванъ Васи*л*ьевичь Годуно*в* ходи*ли* с великимь со*б*ра*н*(и)емъ в Немецкую зе*м*лю по*д* Вбор[и] и Наре*ч*ную, а взяли 7 городо*в*, а п[оло]ну бѣ*з*числе*н*но много [204].	Вълѣто 7101 (1593) году Московскіе бояря, князь Феодоръ Ивановичь Мстиславской, князь Михайло Федоровичь Пожарской, Иванъ Васильевичь Годуновъ ходили съ великымъ собраниемъ въ Нѣмецкую землю подъ Вборіе на Ренечную, и взяли 7 городовъ и полону много безчисленно [205].

Сведений таких в русском Хронографе редакции 1617 г., служившем, по А. С. Верещагину и Д. К. Уо, одним из главных источников текста ВВ, абсолютно нет [206]. Все это убедительно говорит в пользу того, что в распоряжении составителя ВВ при написании им летописного текста об общероссийских событиях до 1630-х гг. был какой-то вариант текста ЛСЛ, восходивший так или иначе к протографу списка В, имевшему указание на участие кн. М. Ф. Пожарского в походе на Выборг и Наречную.

Примечательно, что в тексте В, так же как и в тексте Р, есть летописная статья о смерти преп. Сергия Радонежского в 6900 г., статья о сожжении Москвы «без остатка», статья о взятии ливонских городов в 7093 г., известие о начале построения деревянного города в Москве в Петров пост в 7098 г. и т. д. В то же время в принципе не исключено, что этот протограф обладал какими-то сохраненными общими чертами и со списком Р. Поэтому можно думать, что заимствования из ЛСЛ для текста ВВ могли делаться не непосредственно с рукописи Р, как альтернативно допускает американский ученый, а с недошедшего протографа первой части списка Р, который мог обладать отдельными сохранившимися чертами текста списка В, поскольку оба этих списка, вероятно вместе со списком П, восходят

так или иначе к общему протографу ЛСЛ. Впрочем, нельзя исключать и такой возможности, что под рукой составителя ВВ были одновременно разные списки ЛСЛ, отражавшие вариации списка В и списка Р. В пользу этого может свидетельствовать, к примеру, летописное известие о Василии Блаженном, помещенное в списках ЛСЛ В и Р и в ВВ. Приведем ниже соответствующие тексты.

Список В	**Список Р**	**ВВ**
[Л]ѣта 7060-*г*(о) го*ду* августа въ 5 *де*(нь) пре*с*тави*с*(я) на Мо*с*квѣ Василе*и* Блаже*н*ныи, юродствова*лъ* 10 *лѣт*, а вс*ѣх лѣт* живота его было 94 года[207].	Лета 7060-го году августа в 1 день преставися на Мо*с*квѣ Василей Блаже*н*ный, нача странствовати, наг ходити, от 10 *лѣт*, и живе всех годов девятдесят четыре годы[208].	Въ *л*ѣто 7060 (1560) августа въ 5 день преставися на Мо*с*квѣ Василій Блаже*н*ный, нача странствовати 10 *лѣт*, поживе 94 *л*ѣта[209].

Из сопоставления данных текстов ясно видно, что в ВВ днем «преставления» Василия Блаженного показан не день 1 августа, как согласованно читается в списке Р и в других известных списках ЛСЛ, а день 5 августа, т. е. индивидуальное чтение списка В. Вместе с тем, в характеристике подвижнической деятельности Василия в ВВ указано не слово «юродствовал», как читается далее в этом списке, а слова «нача странствовати», как читается в списке Р и в других известных списках ЛСЛ. Таким образом, в данном тексте ВВ нашли отражение разные версии списков ЛСЛ.

Думается, что решение проблемы истории текста ЛСЛ сейчас сильно затруднено из-за сравнительно малого числа известных ныне списков ЛСЛ. Несомненно, что обнаружение археографами и исследователями новых списков ЛСЛ положительно скажется на дальнейшей работе по изучению истории текста ЛСЛ и использования его известий в ВВ. Значение в этой связи новонайденного списка В является, безусловно, важным и ценным.

На мой взгляд, предложенная мной ныне статья является лишь пробным началом комплексного исследования новонайденного списка ЛСЛ. Большой и весьма ценный материал должно дать и будущее всестороннее исследование о ЛСЛ как одной из редакций такого популярного в России XVII в. летописного памятника, как «Летописец выбором». Последний до сих пор еще не изучен в должной мере исследователями и не опубликован во всем своем текстуальном редакционном многообразии.

* * *

Представляется, что одним из поздних вариантов текста ЛСЛ являлся, возможно, не дошедший до нас текст «свитка» XVII в. «длиной три аршина», содержавший летописный текст начиная с 1237 г. И хотя подлинник этого «свитка» нам неизвестен, о нем мы можем судить по его копии, изготовленной жителем Полтавы Иваном Матченко в ноябре 1884 г. и присланной для публикации в известном санкт-петербургском журнале М. И. Семевского «Русская старина». В данной копии не все слова оригинала были расшифрованы переписчиком, и поэтому вместо неразобранных слов им были поставлены просто отточия.

Данная копия была выявлена Б. Н. Морозовым в архиве данного журнала, хранящемся ныне в РО ИРЛИ. Текст копии был определен Б. Н. Морозовым как один из вариантов текста ЛВ, писанного на столбцах и имевшего «рязанское начало». Исследователь отметил, что подобное начало копии, по всей вероятности, есть результат утраты начального текста ЛВ в оригинале списка, ибо в большинстве других списков текст ЛВ начинается с известия о перенесении иконы Пресвятой Богородицы из Царьграда во Владимир в 1154 г. По мнению Б. Н. Морозова, этот «свиток» в конце XIX в. находился «в провинции в частных руках, скорее всего, в помещичьей усадьбе» [210]. Вслед за Б. Н. Морозовым с этим списком ознакомился А. П. Богданов, который определил его как список ЛВ, доведенный до кончины царя Алексея Михайловича 30 января 1676 г. Список был включен им в состав корпуса списков ЛВ [211].

Особое «рязанское начало» краткого летописца известно нам по спискам ЛСЛ В и П, что дает определенный повод предполагать, что текст упомянутого свитка является, возможно, одним из более поздних вариантов текста этой разновидности ЛВ. Впрочем, изготовитель копии свитка И. Матченко не привел никакого заголовка летописца, содержавшегося в свитке, и это дает основания для сомнения в сделанной догадке. Можно полагать, что текст свитка был составлен примерно около того времени, которым датируется последняя погодная запись. А это 1676 г. Благодаря любезности петербургской исследовательницы М. А. Федотовой я имел возможность познакомиться с полным текстом матченковской копии летописного свитка. Текст этой копии действительно имеет текстологическую близость к спискам ЛСЛ, но он сильно сокращен и к тому же дополнен известиями, которых нет в других списках. Начальный рязанский текст выглядит в матченковской

копии отредактированным по сравнению с аналогичными текстами других списков ЛСЛ, имевших «рязанское начало». Приведем ниже для наглядности характера редакционной переработки начальный текст матченковской копии.

«Въ 6745 г. убиенъ бысть благовѣрный князь Федоръ Борисовичь Рязанскій отъ безбожнаго царя Батыя на... (точки означают неразобранныя слова) [примеч. И. Матченко. Неразобранное им слово, очевидно, являлось словом «реке». – *Ю. Р.*] на Воронеже, и потомъ царь Батый пленилъ Рязанскую землю»[212].

Из проведенного сравнения данного текста с аналогичными «рязанскими» фрагментами других известных списков ЛСЛ, которые мной уже приводились выше, видно, что в результате редакционной обработки летописное известие о нашествии Батыя на Рязань, убиении рязанских князей и о разорении рязанских, а затем и других русских земель оказалось значительно сокращенным и видоизмененным. В результате некомпетентного редактирования рязанский князь Федор Юрьевич, убитый Батыем, был ошибочно превращен в мифического «Федора Борисовича». Не исключено, что на появление искаженного отчества князя «Борисович» повлияло известие об убиении царевича Федора Борисовича, сына Бориса Годунова, в 1605 г., т. к. имена этих двух персонажей русской истории полностью совпадают, а известие об убиении царевича Федора Борисовича во времена Лжедмитрия присутствуют в известных полных списках ЛСЛ. В результате редактирования был полностью опущен текст об убиении отца рязанского князя Юрия Ингоревича и его «братий» и о разорении не только Рязанской земли, но и многих других русских городов. Пассаж «отъ безбожнаго царя Батыя», отсутствие слова «великий» в титулатуре рязанского кн. Федора, а также удвоенная предложная анафора «на... на» свидетельствуют в пользу того, что текст данного свитка восходил, очевидно, к протографу, связанному текстуально с протографом списка П и первой части списка Р. О том же свидетельствует сохранившееся в матченковской копии летописного текста социальная характеристика К. Минина как «посадского человека», отсутствующая в списке Т2 и имеющаяся в списках П и Р[213]. В копии сохранено и известие о смерти преп. Сергия Радонежского 25 сентября 6900 г., отсутствующее в списке Т2 и присутствующее в списках П и Р, а также в списке В.

Особенно интересно, что в матченковской копии читается летописное известие о «Свейском» походе русских воевод под Выборг

в 7100 г. Учитывая его важность для истории текста ЛСЛ, приведу ниже текст этого известия.

«В 7100 г. Моско*в*скаго государ*с*тва бояре князь Федо*р* Иванови*чь* Мсти*слав*ско*и*, да князь Федор Михайлови*ч* Трубецко*и*, да Иванъ Васи*лье*вичь Годуно*в* ходи*ли* с великимь со*бр*а*ни*емъ в Немецкую зе*м*лю по*д* Выбори и взяли 7 городо*в*, да полону безчисле*н*но»[214].

Данный фрагмент свитка 70-х гг. XVII в. ценен тем, что он, очевидно, сохранил первоначальный текст данного известия о походе русских воевод под Выбор в 7100 г., где вместо мифического участника военного похода указан не кн. Ф. М. Пожарский, а реальный кн. Ф. М. Трубецкой, бывший, согласно разрядам, первым воеводой полка правой руки. В данном фрагменте нет упоминания о Наречной и о многом полоне, что свидетельствует о том, что его текст ближе к группе списков *П*, Р и Т2, чем к В.

В т. н. Мазуринском летописце, составленном в кон. XVII в. представителем патриаршего летописного скриптория в Московском Чудове монастыре Исидором Сназиным[215], летописное известие об этом походе русской армии против шведов, текстологически близкое, но из-за допущенных в нем персональных ошибок не совпадающее полностью с аналогичным известием других списков ЛВ: «Лѣта 7100-го году Московского государства бояре князь Михаил [Так! – *Ю. Р.*] Иванович Мстиславской да князь Федор Михайлович Трубецкой с великим собраньемъ ходили в Немецкую землю под Выбор, 7 городов взяли, и много полону безчисленно»[216]. Как мы ясно видим, боярин кн. Ф. И. Мстиславский ошибочно назван здесь *Михаилом* Ивановичем Мстиславским, которого исторически просто не было в роде Мстиславских. Отсутствует здесь и упоминание воеводы боярина И. В. Годунова, но это, возможно, объясняется пристрастным отношением И. Сназина к роду Годуновых.

Как уже отмечалось выше, текст свитка, представленного матченковской копией, имеет сильные сокращения в результате редактуры, проведенной составителем свитка или его протографа. Здесь опущены летописные известия о вокняжении на Москве вел. кн. Даниила Александровича под 6760 г., о смерти преп. Сергия Радонежского 25 сентября 6900 г., о «поручении» вел. кн. Московскому Василию Ивановичу Великого Новгорода 24 июля 6901 г., о перенесении чудотворной иконы Владимирской Божией Матери в Москву и о чудесном избавлении русской столицы от набега безбожного царя Темир-Аксака благодаря заступничеству иконы Богородицы в 6903 г., о преставлении преп. Кирилла Белозерского

в 6908 г. и московского митрополита и чудотворца Ионы в 6909 г., о смерти вел. кн. Московского Василия Ивановича и о вступлении на государев престол вел. кн. Ивана Васильевича в 7042 г., о пленении в Казани царя Симеона в 7061 г., о взятии русской армией 27 городов в Ливонии в 7062 г., о рождении царевича Федора Ивановича в 7065 г., о женитьбе царя Ивана на Марии Темрюковне Черкасской в 7073 г., о набеге крымского хана Девлет-Гирея на Москву и о сожжении им столицы на Вознесеньев день в 7079 г., о походе русских воевод во главе с кн. М. И. Воротынским против крымских татар и о битве с ними на Молодях и о захвате в плен Дивея мурзы в 7080 г., о Явлении чудотворной иконы Пресвятой Богородицы «во граде Казани» в 7087 г., о взятии «литовским королем» города Сокола в 7088 г. и о сожжении Великих Лук, о рождении царевича Дмитрия Ивановича и о смерти в Александровской слободе царевича Ивана Ивановича 11 ноября 7090 г., о воцарении Федора Ивановича после смерти своего отца царя Ивана в марте 7092 г., о приходе крымского хана под Москву в Петров пост в 7099 г., о пожаре в Китай-городе в 7102 г., о начале построения каменных лавок в Москве в 7103 г., о разорении Московского государства гетманом Жолкевским («Желтовским») и паном Гашевским («Грошевским») в 7119 г. и о приходе под Москву весной 7119 г. «для очищения» Московского государства кн. Д. Т. Трубецкого и П. Ляпунова со многими русскими людьми, о приходе под Москву на Покров литовского королевича Владислава и о заключении с ним перемирия в 7127 г. и т. д., и т. п.

Некоторые подробности, имеющиеся в тексте матченковской копии, позволяют предположить, что составитель текста свитка или его протографа был, вероятно, москвичом, так как в списке приведены отдельные подробности в отношении погребенных в кремлевских соборах московских святителей, которые не нашли подобного отражения в других списках ЛСЛ. Так, в известии о смерти митрополита Петра дополнительно приведена информация о том, что тело покойного святителя и чудотворца положено «въ соборной церкви». В известии о смерти другого московского митрополита – Алексия дополнительно указано, что тело покойного святителя и чудотворца «преосвященного» Алексия «опочиваетъ въ Чудове монастыре, чудеса содеваетъ, приходящимъ съ верою исцелѣние подаваетъ». Под 1 октября 7068 г. в копии приведена запись о построении 9 церквей на Рву у Фроловских ворот, во главе которых находится церковь Покрова Пресвятой Богородицы [217]. Эта запись в основном согласуется с записями других известных

списков ЛСЛ, но в ней дополнительно указано, что данный храм освящал митрополит Макарий. Кстати, отметим, что указание текста копии на 9 возведенных церквей Покровского собора в списках ЛСЛ коррелируется лишь с данными списка П. В других известных списках ЛСЛ указания на 9 церковных престолов нет[218]. Однако подобное известие о совершении 9 церквей на Рву у Троицы у Фроловских ворот имеется в известиях ВВ, но факт этого совершения датирован здесь десятилетием позже: 1 октября 7078 г.[219]

Любопытно, что составитель свитка или его протографа дополнительно проявлял живой интерес к различным природным явлениям и небесным знамениям. Уже сразу после известия о побиении рязанского кн. Федора он включил в основной текст летописца следующую интересную запись: «Въ 6788 г. быша страшный громъ и буря великая, и грады многия побiша и молнiей опалени быша, и дворы от основанiя взяты и съ людми. Тоя же зимы бысть знаменiе на небес облакъ огненъ на западныхъ странъ, отъ него же искры на всю землю идяху и, мало постоя, поиде. И от того времени начаша множитiся въ Русской земли брание великия и междоусобныя»[220]. Подобных известий нет ни в одном известном нам списке ЛСЛ. В конце текста свитка после известия о смерти царя Алексея Михайловича в ночь на 30 ноября 1676 г. составитель свитка или его протографа добавил не менее интересный текст о знамениях в Венгрии в 1672 г. и в Великом Новгороде[221]. После этих записей помещена иная краткая запись со сведениями о «Цесарстве римском», его первоначальном благоверии, а затем о впадении в латинскую ересь, проведении 8-го собора и о распространении еретической веры по многим странам. В конце записи приводятся краткие сведения по географии и этнографии данного «Цесарства». Данная запись помещена в конце текста предыдущих записей и, отличаясь по своему характеру от предыдущих записей, она являлась, возможно, более поздней припиской в свитке, т. к. принадлежала уже не составителю текста свитка или его протографа, а совершенно иному лицу. Интересно заметить, что в ненайденном исследователем рукописном сборнике с текстом ВВ содержалась статья «О римских царствах», которая, по мнению Д. К. Уо, была взята, вероятно, «из какого-то хронографа, скорее всего из списка XVII — начала XVIII в.»[222]. Невольно напрашивается предположение: не к той ли статье восходил текст приписки в свитке, сохранившемся в копии И. Матченко?

Заканчивая свою работу, посвященную двум кратким нарративным текстам летописного характера, мне представляется важным

отметить и то интересное обстоятельство, что в рассмотренной выше летописно-родословной статье в известии о княжении и убиении вел. кн. Владимирского Юрия Всеволодовича во время Батыева нашествия на Русь в 1237 г. содержится лексическое выражение в фольклорно-эпической форме «царь Батыя»[223], явно перекликающееся с аналогичным чтением новонайденного списка ЛСЛ[224]. Имя Юрия Всеволодовича в летописно-родословной статье передано также в народной лексической форме «Егорий», при этом данное слово написано писцом поверх написанного им ранее другого слова[225]. В новонайденном Владимирском списке ЛСЛ в такой же форме «Егорий» названо имя рязанского вел. кн. Юрия Ингоревича, а отчество его сына Федора передано соответственно в форме «Егорьевич»[226]. Все эти текстологические «мелочи» дополнительно свидетельствуют о безусловной генетической взаимосвязи обоих летописных текстов, подвергшихся в отдельных случаях общим редакционным приемам передачи слов.

Вероятно, тетрадь с текстами летописно-родословной статьи и ЛСЛ первоначально автономно бытовала в военно-служилой дворянской среде на территории Владимирского историко-культурного региона, но позднее, где-то в XVIII в., она «ушла» из этой привилегированной среды в простую народную среду Ковровского региона: здесь она предположительно в последней четверти XVIII в. была объединена с другими частями Владимирского сборника.

Как уже отмечалось выше, тетрадь эта, к сожалению, дошла до нашего времени в дефектном состоянии. Начальный лист ее с текстом летописно-родословной статьи утрачен. Утрачен, очевидно, и последний лист (или, может быть, даже листы) тетради с окончанием текста ЛСЛ. Текст на обороте последнего листа тетради рукописи (л. 291 об.) заканчивается на летописном известии об «очищении» Москвы от поляков и изменников в 1611 г. русским народным ополчением под руководством кн. Д. Т. Трубецкого и П. Ляпунова, но концовки, подобной той, которая имеется в конце предыдущей летописно-хронологической статьи, написанной тем же писцом и чернилами, нет. Кроме того, после л. 291 в кодексе сохранился весьма незначительный фрагмент нижнего внутреннего поля с отрывком читательской записи, написанной теми же рыжими чернилами, что и записи на полях предыдущих листов. С учетом того что известные в настоящее время списки ЛСЛ в своей общероссийской части доводят изложение до середины XVII в., можно думать, что и в списке В она была доведена до этого време-

ни. Из-за обрыва боковых краев бумаги тетради как со стороны внутренних, так и внешних полей и из-за неаккуратного обреза верхнего поля некоторых листов при вплетении данной тетради в сборник в верхних строках текста некоторых листов утратились не только отдельные буквы, но и некоторые слова текста. Однако эти утраты в большинстве случаев легко восполнимы и по смыслу, и по чтениям других списков ЛСЛ.

С учетом большой научной и историко-культурной ценности текстов летописно-родословной статьи и списка ЛСЛ, рассмотренных в настоящей работе, безусловной общности их происхождения и необходимости их дальнейшего комплексного исследования, они, безусловно, заслуживают одновременного издания. Данная публикация призвана стимулировать дальнейшее изучение памятников поздней летописной письменности, и прежде всего изучение истории текста ЛСЛ и его текстологических связей с другими памятниками позднего русского летописания, – особенно с популярнейшим в рукописной традиции ЛВ, который до сих пор остается, к сожалению, не полностью изученным и неизданным. Начатая Б. Н. Морозовым и А. П. Богдановым работа по исследованию этого памятника пока еще не завершена, а она, на мой взгляд, может очень многое прояснить не только в истории текста ЛВ, но и в истории текста ЛСЛ, один из новонайденных списков которого я ввожу в научный оборот.

Ниже я публикую тексты обеих новонайденных статей новоприобретенного Владимирского сборника. В публикации сохраняется правописание рукописи. Тексты передаются буквами современного гражданского алфавита; исключение сделано лишь для буквы «ѣ», которая имеет особое лингвистическое значение. Буква «ъ» в конце и середине слов сохраняется. Краткость звука «и» графически не передается. Прописные буквы в тексте употреблены согласно современным грамматическим правилам. Сокращенно написанные под титлами слова безоговорочно раскрываются, при этом вносимые в строку буквы заключаются в круглые скобки. Выносные буквы также безоговорочно вносятся в строку, но выделяются графически курсивом. В случае необходимости употребления после выносной согласной буквы «ь» по современным правилам, знак мягкости добавляется в текст в круглых скобках. Если выносная согласная буква проставлена в конце слова и требует наращения гласной буквы, то последняя также добавляется в строку в круглых скобках. Кириллические цифры передаются с помощью арабской цифири. Утраченные в результате механических повреждений бумаги буквы

и слова текста восстанавливаются в квадратных скобках, о чем всякий раз делаются соответствующие оговорки в примечаниях. Смысловое деление текста на абзацы принадлежит публикатору. Пунктуация проставлена по современным правилам.

В заключение я считаю своим приятным долгом поблагодарить А. В. Кузьмина и Т. С. Царькову за сделанные ими отдельные библиографические справки, способствовавшие выполнению настоящей работы. Особую сердечную благодарность приношу петербургской исследовательнице М. А. Федотовой, которая любезно посмотрела по моей просьбе текст Матченковского списка и полностью скопировала его для меня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь: Сб. статей. К 60-летию Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 282–290; *Он же.* «История Иосифа о разорении русском» – летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 251–285; *Он же.* К вопросу об источниках Латухинской Степенной книги // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 335–337; *Клосс Б. М., Корецкий В. И.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Там же. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 7, 11; *Солодкин Я. Г.* По поводу «Истории о разорении русском» Иова – Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 433–440; *Он же.* Летопись «о разорении русском» в трудах В. Н. Татищева: (К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя-историка): Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 200–214; *Он же.* История о разорении русском (российском) // СКиКДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 131–135; *Вовина В. Г.* Новый летописец: Итоги и проблемы изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 61–88; *ВовинаЛебедева В. Г.* Новый летописец: История текста. Л., 2004 и др.

[2] См., например: *Тихомиров М. Н.* Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 112–122; *Он же.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962; *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1957. Вып. 4. С. 243–285; *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. С. 282–290; *Он же.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 120–130; *Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ // ЗОР ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 127–167; *Он же.* Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеве-

дение. М., 1976. С. 283–293; *Шмидт С. О.* Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 347–353; *Он же.* Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 150–157; *Богданов А. П.* Краткий ростовский летописец конца XVII в. // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 33–37; *Он же.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 197–206; *Он же.* Редакции Летописца 1619–1691 гг. // Исследования и материалы по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1982. С. 124–151; *Он же.* Хронографец конца XVII века о московском восстании 1682 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода М., 1988. С. 101–108; *Он же.* «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 381–399; *Он же.* Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1991. С. 140–160; *Он же.* «Летописец выбором» // СКиКДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 239–243; *Он же.* Летописец Московский краткий // Там же. С. 252–254; *Он же.* Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 64–89; *Он же.* Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 197–220; *Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 187–218; *Станиславский А. Л.* Краткий летописец Торжка XVII в. // Там же. С. 235–236; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986; *Морозов Б. Н.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века // История и палеография: Сб. статей. М., 1993. Вып. 2. С. 246–257; *Ульяновский В. И.* Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 113–139; *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997; *Петров К. В.* Собакинский летописец первой половины XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 7. С. 155–163; *Киянова О. Н.* Памятник русского летописания XVII в. «Летописец выбором» из собрания НИОР РГБ (лингвистический аспект) // Румянцевские чтения – 2003. Культура: от информации к знанию: Тез. и сообщ. М., 2003. С. 112–119 и мн. др.

[3] Данное экспертное заключение на предложение № 177 помещено в папке заключений экспертной комиссии НИОР РГБ на поступления рукописных книг 2003 г.

[4] Краткие сведения по истории создания в ОР фонда № 722 см.: ЗОР ГБЛ. М., 1979. Вып. 40. С. 126.

[5] Протокол № 4 заседаний методической комиссии НИОР РГБ 2003 г. Прил. 1.

[6] Об этих собраниях и истории их создания в Отделе рукописей см.: *Щербачева Н. А.* Смоленское собрание (ф. 733) // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель / Отв. ред. и

отв. сост. Ю. Д. Рыков. М., 1996. Т. 1. Вып. 3 (1948–1979). С. 41–54; *Она же.* Нижегородское собрание (ф. 732) // Там же. С. 158 –182; *Она же.* Гуслицкое собрание (ф. 734) // Там же. С. 271–284; *Алехина Л. И.* Рязанское собрание (ф. 735) // Там же. С. 232 – 245; *Она же.* Самарское собрание (ф. 736) // Там же. С. 299 – 308; *Она же.* Саратовское собрание (ф. 737) // Там же. С. 309 – 321; *Она же.* Калужское собрание (ф. 738) // Там же. С. 334–345; *Рыков Ю. Д.* Ярославское собрание (ф. 739) // Там же. С. 361–392; *Он же.* Территориальные собрания славяно-русских рукописных книг НИОР РГБ: (Проблемы формирования, основные источники, способы комплектования, состав и историко-культурное значение) // Румянцевские чтения – 2002. Национальная библиотека в современном социокультурном процессе: Тез. и сообщ. М., 2002. Вып. 1. С. 301–309; *Он же.* Новые поступления рукописных книг в состав Ярославского собрания НИОР РГБ // Румянцевские чтения – 2003. С. 209–217; *Он же.* Костромское собрание рукописных книг НИОР РГБ (Обзор фонда) // Румянцевские чтения: Мат-лы Междунар. конф. (13–16 апреля 2004 г.). «Инновационные технологии и многообразие культур». М., 2004. С. 209–223.

[7] Об этом собрании см. подробнее в кн.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. Т. 1. Вып. 3. С. 11–28.

[8] Протокол № 4 заседаний Методической комиссии НИОР РГБ 2003 г.

[9] Владимирское собрание. Ф. 895. Описание / РГБ. НИОР. М., 2006 (компьютерный набор). № 14. С. 40–45.

[10] Т. В. Анисимова, вслед за мной безуспешно пытавшаяся атрибутировать данный знак и найти его полные аналоги в справочной филиграноведческой литературе, заметила, что «ближайшие аналогии герба без львов и литер: *Churhchill*, № 429? 432 = 1683–1686 гг., с лигатурой из литер «WR» на подвеске [так Т. В. Анисимова называет вертикальную черту с лигатурой «WR» на конце. – *Ю. Р.*]: *Дианова, Костюхина*, № 1068 = 1675 г.» (Владимирское собрание. Ф. 895. Описание. № 14. С. 40–41).

[11] Текст данного отрывка начинается со слов раздела «Начало Жития преподобнаго Сергия» и кончается на словах третьего раздела «От уныа версты» (ср.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 290–303).

[12] Об этой 2-й редакции и новых дополнительных чудесах в ней см.: *Ерофеев Е. Р.* Сказание о чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2000. Вып. 3. С. 43–52; *Он же.* Редакции Жития Макария Желтоводского и Унженского // Там же. СПб., 2001. Вып. 4. С. 62.

[13] См. об этом: *Тиц А. А.* По окраинным землям Владимирским: (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969. С. 11; *Седова М. В.* Ярополч-Залесский. М., 1978; *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историкокраеведческий очерк. Ярославль, 1986. С. 5, 79.

[14] *Тиц А. А.* По окраинным землям Владимирским. С. 14.

[15] *Маштафаров В. Н.* Дворцовый город Ярополч // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1976. Вып. 1. С. 62–76; *Тельчаров А. Д.* Вязники:

Историко-краеведческий очерк. С. 8–9; *Он же.* Вязники. М., 1995. С. 18.

[16] См.: *Добронравов В. Г., Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1895. Вып. 5. С. 305; *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историкокраеведческий очерк. С. 9; *Он же.* Вязники. С. 28.

[17] *Веселовский К.* [*А.*] Город Вязники. С. 12–13; *Тиц А. А.* По окраинным землям Владимирским. С. 11.

[18] *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историко-краеведческий очерк. С. 9.

[19] *Тиц А. А.* По окраинным землям Владимирским. С. 11.

[20] *Веселовский К.* [*А.*] Город Вязники. С. 11.

[21] *Добронравов В. Г., Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. С. 305; *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историко-краеведческий очерк. С. 9; *Он же.* Вязники. С. 28.

[22] *Веселовский К.* [*А.*] Город Вязники. С. 11.

[23] *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историко-краеведческий очерк. С. 9–10; *Он же.* Вязники. С. 23, 34.

[24] См.: *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историко-краеведческий очерк. С. 14; *Он же.* Вязники. С. 30–31.

[25] *Тельчаров А. Д.* Вязники: Историко-краеведческий очерк. С. 11.

[26] Там же. С. 14.

[27] См.: *Добронравов В. Г., Березин В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. С. 325–326.

[28] НИОР РГБ. Ф. 895 (Владимирское собрание). № 14. Л. 224 об.

[29] Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года / Издан Центральным статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел; Обработан редактором М. Раевским. СПб., 1863. С. 48. № 1232.

[30] Известно, что в конце XIX в. в Ковровском у. Владимирской губ., по официальным статистическим данным, проживало ок. 1000 староверов (см.: Энциклопедический словарь, издаваемый Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном. СПб., 1895. Т. 15а. С. 527). Старообрядцы в Ковровском регионе были и раньше. Еще со времен церковной реформы патриарха Никона староверие было широко распространено и в соседней Ярополческой дворцовой волости Владимирского уезда (см. об этом подробнее: *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение России в XVII в. М., 1986. С. 143–180).

[31] См. о ней: *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 305–379.

[32] См.: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 465–469; ср.: ПСРЛ. СПб, 1889. Т. 16. Стб. 261–262, 308–312 и др.

[33] См. об этом: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 346–347.

[34] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[35] См.: *Назаренко А. В.* Анна // Православная энциклопедия / Под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. Т. 2. С. 456– 457.

[36] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 364.

[37] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[38] См.: *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому // ЧИОНЛ. Киев, 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 35; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 27; Сказание о Борисе и Глебе / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 328; ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 80; Там же. М., 1962. Т. 2. Стб. 67; Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 1. С. 128 и сл.

[39] См.: *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 194–198; *Kralik O.* Vztah Povesti Vremennech let k Legende o Borisu i Glebov // Československa Rusistika. 1967. № 12. S. 99–102.

[40] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111; Там же. Т. 2. Стб. 97; Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова. // БЛДР. Т. 1. С. 156.

[42] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История русской церкви. М., 1995. С. 531; *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому. С. 26.

[43] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 331.

[44] См.: Там же. С. 297, 300, 302, 303, 330–333, 344.

[45] Там же. С. 361.

[46] См.: Там же. С. 335, 342–345, 360–361.

[47] Об этих стилях см.: *Степанов Н. В.* Календарно-хронологический справочник // ЧОИДР. 1917. Кн. 1; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 16–18; *Каменцева Е. И.* Хронология. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 49–50 и сл.

[48] См. об этом: *Назаренко А. В., Преображенский А. С., Серегина Н. С., Э. П. Р.* Владимир (Василий) Святославич // Православная энциклопедия / Под ред. Патр. Московского и всея Руси Алексия II. М., 2004. Т. 8. С. 697. К сожалению, в тексте данной статьи находится досадная опечатка при указании даты крещения Руси от легендарного «Сотворения мира» – «987/88 (6475) [так! – *Ю. Р.*]».

[49] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[50] *Шахматов* А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 316, 322, 327, 332.

[51] Там же. С. 330.

[52] См.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 27; Сказание о Борисе и Глебе / Подгот. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // БЛДР. Т. 1. С. 328 и сл.

[53] См.: Повесть временных лет. С. 128.

[54] См.: *Назаренко А. В.* Анна // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. Т. 2. С. 456–457.

[55] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 138.

[56] *Татищев В. Н.* История российская / Подгот. к печати М. П. Ирошников и З. Н. Савельева. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 113, 119, примеч. 47.

[57] Об Иоакимовской летописи, ее происхождении и атрибуции последующими исследователями см.: *Тихомиров М. Н.* Новгородский хронограф XVII в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 7; *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII в.: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. М., 1945. Т. 14.; *Шамбинаго С. К.* Иоакимовская летопись // Там же. М., 1947. Т. 21; *Творогов О. В.* Иоаким // СКиКДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 204–206.

[58] *Татищев В. Н.* История российская / Подгот. к печати М. П. Ирошников и З. Н. Савельева. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 113, 119, 373; Там же. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 227, 233.

[59] *Татищев В. Н.* История российская. Т. 2. С. 233.

[60] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI–XII вв. СПб., 1913. С. 72.

[61] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. 2-е изд. М., 1993. С. 356, 364–365.

[62] См. подробнее: *Димитров П.* Владимир Покръстител и княгиня Ана // Годищник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски», 1989. София, 1993. Т. 83 (3). С. 49–83.

[63] См.: *Поппэ А. В.* «А от болгарыне Бориса и Глеба» // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей. К 70-летию А. Л. Хорошкевич / Сост. А. В. Юрасов; Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 73.

[64] Ioannis Scylitzae synopsis hisoriarum / Ed. J. Thum. Berlin; New-York, 1973. P. 248; *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 114.

[65] *Поппэ А. В.* «А от болгарыне Бориса и Глеба». С. 73.

[66] Там же.

[67] Там же. С. 74.

[68] См. об этом: *Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник / Отв. ред. В. Л. Янин. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 116.

[69] Там же.

[70] Там же.

[71] *Поппэ А.* «А от болгарыне Бориса и Глеба». С. 74–75.

[72] *Татищев В. Н.* История российская. Т. 1. С. 107–119.

[73] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[74] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 331.

[75] Там же. С. 332.

[76] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[77] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 331.

[78] Там же. С. 332.

[79] Там же. С. 324.

[80] Там же.

[81] Там же. С. 323.

[82] Там же. С. 357.

[83] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283.

[84] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 331.

[85] ПСРЛ. Т. 1. С. 111; Там же. Т. 2. Стб. 97; Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 156.

[86] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 370–371.

[87] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История русской церкви. М., 1995. С. 531; *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому // ЧИОНЛ. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 26.

[88] См. о них: *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. СПб., 2003.

[89] *Лихачев Д. С.* Владимир Всеволодович Мономах // СКиКДР. Вып. 1. С. 98; *Устинов В. Г.* Всеволод Ярославич // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. М., 1994. Т. 1. С. 477; *Назаренко А. В.* Всеволод (Андрей) Ярославич // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2005. Т. 9. С. 539; *Назаренко А. В., Романенко Е. В., Самойлова Т. Е.* Владимир (Василий) Всеволодович Мономах // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2004. Т. 8. С. 681. Ср.: *Травников С. Н., Ольшевская Л. А.* Владимир II Мономах, Василий // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. Т. 1. С. 405.

[90] Небезлюбопытно отметить, что даже в XIX в. вторую жену вел. кн. Всеволода Ярославича Анну составители Азбучного указателя в результате допущенной путаницы именовали также ошибочно Анной Константиновной (см.: Азбучный указатель русских деятелей для Русского Биографического Словаря. В двух частях / Под наблюдением Г. Ф. Штендмана. СПб., 1887. Ч. 1 (Сб. ИРИО. Т. 60). С. 20.

[91] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283 об.

[92] Повесть временных лет. С. 164.

[93] См. об этом подробнее: *Тихомиров М. Н.* Город Дмитров: От основания до половины XIX в. Дмитров, 1925.

[94] В рукописи после последнего листа с известием об освобождении Москвы весной 1611 г. сохранился крошечный фрагмент от вырванного листа.

[95] ОПИ ГИМ. Ф. 440 (Коллекция И. Е. Забелина). № 20. Л. 6.

[96] См. об этом: *Богданов А. П.* Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века. С. 207–208; *Он же.* Летописец выбором. С. 239–240; см. также: *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. С. 127–128 и др.

[97] *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Прим. 1393.

[98] *Иванов Н. А.* Общее понятин о хронографах и описание некоторых их списков. С. 68.

[99] См.: *В[ерещаги]н А.* [*С.*] Летописец старых лет // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. 2. Отд. 2. С. 2.

[100] Там же. С. 3.

[101] *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 232–234.

[102] См.: Там же.

[103] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1259–1260.

[104] *В[ерещаги]н А. С.* Летописец старых лет. С. 5.

[105] Там же.

[106] Там же. С. 1–27.

[107] *Уо Д. К.* История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003. С. 140–188, 320– 331.

[108] См.: *Харлампович К. В.* «Ведомости» Московского государства 1702 года // Изв. Отд. русского языка и словесности Российской Академии наук. СПб., 1918. Т. 22. Ч. 1. С. 1–18; *Он же.* Листування запорзькїх козаків із султаном // Записки Історично-філологічного відділу Всеукраїньской Академії наук. Київ, 1923. Т. 4. С. 200–212.

[109] *Waugh Daniel Clarke.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio), 1978. P. 275–276.

[110] См.: *Мазунин А. И.* Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Ташкентского университета и Республиканской библиотеки имени Алишера Навои // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 380–382.

[111] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 33.

[112] *Waugh Daniel Clarke.* «Anatolii's Miskellany»: Its Origins and Migration // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 747–755.

[113] *Уо Д. К.* История одной книги: С. 262–284.

[114] Там же. С. 140.

[115] *Уо Д. К.* «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север: Историко-культурные связи (К 210-летию А. Л. Витберга): Матлы Междунар. научн. симпозиума. Киров, 1997. С. 336–354; переизд.: *Уо Д. К.* К истории вятского летописания // In Memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье / Сост.: Н. М. Ботвинник и Е. И. Ванеева. СПб., 1997. С. 303–320.

[116] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 140.

[117] Описание рукописи см.: *Калайдович К.* [*Ф.*], *Строев П.* [*М.*] Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825. Отд. I. № 218. С. 140–141.

[118] См.: *Уо Д. К.* История одной книги. С. 147–148.

[119] Там же. С. 150.

[120] См. об этом: Там же. С. 157.

[121] Там же. С. 144.

[122] Там же. С. 144–145.

[123] Там же. С. 157.

[124] Там же. С. 156.

[125] Там же. С. 157.

[126] Там же. С. 320–331.

[127] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 285.

[128] Здесь и далее текст списков ЛСЛ я цит. по изд.: *Уо Д. К.* История одной книги. С. 320.

[129] Там же.

[130] Там же.

[131] ОПИ ГИМ. Ф. 440 (Коллекция И. Е. Забелина). № 20. Л. 6.
[132] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 285 об.
[133] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 321.
[134] Там же.
[135] Там же.
[136] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 286.
[137] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 321.
[138] Там же.
[139] Там же.
[140] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 288–288 об.
[141] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 322.
[142] Там же.
[143] Там же.
[144] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 287.
[145] Там же. Л. 287 об.
[146] Там же. Л. 288 об.
[147] *Испр., в ркп. ошибочно*: «7109».
[148] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 291–291 об.
[149] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 322.
[150] Там же.
[151] Там же. С. 323.
[152] Там же. С. 324.
[153] Там же. С. 322.
[154] Там же.
[155] Там же. С. 323.
[156] Там же. С. 324.
[157] Там же. С. 322.
[158] Там же.
[159] Там же. С. 323.
[160] Там же. С. 324.
[161] *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2. С. 234; Православная энциклопедия / Под общей ред. Патр. Московского и всея Руси Алексия II. М., 2004. Т. 7. С. 123, 127, ср.: С. 126.
[162] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 289.
[163] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 323.
[164] Там же.
[165] Там же.
[166] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 156.
[167] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 285.
[168] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 321.
[169] Там же. С. 321.
[170] Там же.
[171] Там же. С. 157.
[172] См. об этом: *Богданов А. П.* Летописец выбором. С. 240.
[173] См. о них: *Уо Д. К.* История одной книги. С. 157.
[174] Ср.: НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 285 и *Уо Д. К.* История одной книги.

С. 321.

[175] Ср.: НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 288 об. и *Уо Д. К.* История одной книги. С. 322.

[176] РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 291 об.

[177] См.: *Уо Д. К.* История одной книги. С. 322.

[178] Ср.: НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 286 и *Уо Д. К.* История одной книги. С. 321.

[179] См.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 2. С. 79. Ср.: Там же. С. 85, 108, 129.

[180] Ср.: НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 288 об. и *Уо Д. К.* История одной книги. С. 323.

[181] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 289 об.

[182] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 323.

[183] Там же.

[184] Там же.

[185] Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова; Отв. ред. М. Н. Тихомиров (далее – РК 1475–1598 гг.). М., 1966. С. 265.

[186] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 100. Л. 357 об.

[187] *Савелов Л. М.* Князья Пожарские. М., 1906. С. 18. № 30.

[188] *Курганова Н. М.* Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в СпасоЕвфимиевом монастыре Суздаля // ПКНО. Ежегодник 1993. М., 1994. С. 398–399. См. также: Акты Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998. № 172. С. 333; № 173. С. 334; № 230. С. 435–436; *Корсакова В.* [*Д.*] Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович // РБС. Т. Плавильщиков – Примо. СПб., 1905. С. 221; *Эскин Ю. М.* Дмитрий Пожарский // ВИ. 1976. № 8. С. 108 и сл.

[189] РК 1475 – 1598 гг. С. 461.

[190] О нем см.: *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. С. 283, 290; *Богданов А. П.* Исидор Сназин // СКиКДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 122–124; *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. С. 116–117.

[191] ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 145.

[192] См. об этом: *Савелов Л. М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте преподавателем института Л. М. Савеловым. Первое полугодие. М., 1908. С. 143.

[193] См.: *Малиновский А. Ф.* Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском. М., 1817. С. 2–3.

[194] См.: *В*[*ерещаги*]*н А.* [*С*]. Временник, еже нарицается Летописец Российских князей // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. 2. Отд. 2. С. 69–71.

[195] *В*[*ерещаги*]*н А.* [*С.*] Летописец старых лет. С. 4–5.

[196] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 160.

[197] *В*[*ерещаги*]*н А.* [*С.*] Летописец старых лет. С. 4–5.

[198] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 160.

[199] Там же.

[200] См.: НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 285–286.

[201] Там же. Л. 287 об.

[202] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 161.

[203] См.: Там же. С. 160–161.

[204] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 289 об.

[205] *В[ерещаги]н А. [С]*. Временник, еже нарицается Летописец Российских князей. С. 45.

[206] См.: *Попов А. [Н.]* Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 228, 233–234, 238–239.

[207] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 287.

[208] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 322.

[209] *В[ерещаги]н А. [С]*. Временник, еже нарицается Летописец Российских князей С. 41.

[210] *Морозов Б. Н.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века. С. 257. Примеч. 24.

[211] *Богданов А. П.* Летописец выбором // СКиКДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 240.

[212] РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 249. Л. 1.

[213] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 157, 324.

[214] РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 249. Л. 3.

[215] О нем см.: *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. С. 283, 290; *Богданов А. П.* Исидор Сназин. С. 122–124; *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. С. 116–117.

[216] ПСРЛ. Т. 31. С. 145.

[217] В копии И. Матченко слова «на Рву» не были им правильно поняты: он воспроизвел их как «на двору» со знаком вопроса.

[218] См.: *Уо Д. К.* История одной книги. С. 322.

[219] *В[ерещаги]н А. [С]*. Временник, еже нарицается Летописец Российских князей. С. 42.

[220] РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 249. Л. 1.

[221] Первая часть этого текста перекликается с текстом толкового Сказания «ректора Киевского Братства» Варлаама Ясинского о небесном знамении в Венгрии осенью 1672 г. над городом Каша или Косовия (об этом Сказании Ясинского см.: *Соболевский А. В.* Неизданное произведение Варлаама Ясинского // ЧИОНЛ. 1900. Кн. 14, вып. 1. Отд. 3. С. 26–28; *Он же.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 247–248; *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380–382; *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия / Отв. ред. Г. В. Степанов. М., 1985. С. 201–208).

[222] *Уо Д. К.* История одной книги. С. 122; ср. с. 142.

[223] НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 284.

[224] См.: Там же. Л. 285.

[225] Там же. Л. 284 об.

[226] Там же. Л. 285.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Летописно-родословная статья]

[...] [1] // (л. 283) ве[*н*]чаюся [2], умру за Хр(и)*ст*а мое*г*(о), а не бу*ду* жена / теб*ѣ*». Вла*димер* же рече: «*Отс*трупи*л* [3] е*с*мь. И*сц*ели*т* / ли мя Б(о)гъ ва*ш*?». Ц(а)р(е)вна *ж*(е) рече: «И*сц*ели*т*. Се тебѣ / знамение. Прекр(е)*сти*с(я) десною рукою, яже мы / повели*м*, и узриши св(ѣ)ть [4]».

Ми*т*рополи*т* же научи / *его* кр(е)*с*титися, и прозрѣ Вла*димер*, и кр(е)*с*тися во И/*ер*дани, и спа*де* ото очию его стру*п*, яко чешюя, / в лѣто 6455 [5]. И повелѣ ми*т*рополиту во[и]*с*ко [6] / свое кр(е)*с*тити в реце Ко*р*суни и рече: «Аще кто / не кр(е)*с*тится, сме*р*тию умре*т от* мене, и ц(а)р*с*тва / н(е)б(е)*с*наго не наслѣди*т*».

И по сѣ*м* прии*де* в Киевь / и кр(е)*сти* ве*с*(ь) гра*д*, и пре*де*лы, и всю Ру*с*кую зе*м*лю. /

И ро*ди*ся Бори*с* и Глѣ*б от* А*н*ны, ц(а)р(е)вны Костя*н*ти/но*в*ны. И кн(я)жи*лъ* Вла*димер* по кр(е)щении 27 *лѣт*. // (л. 283 об.) И бы*с*ть у Вла*ди*мера всѣ*х с*(ы)но*в* 12.

Вла*димер* [же] [7] / по*с*ле себя благослови дете*и* свои*х*: Еро*с*ла/ва – Новы*м* городо*м*, Бориса – Ро*с*тово*м* и Дми*т*ро/во*м* [8], а Глѣба – Муромо*м*.

Св(я)топо*лк*ъ же пор[...?] [9] братии свое*и*, Борису и Глѣбу, и поби и*х*. /

---

[1] В ркп. начальный текст данной статьи полностью утерян.

[2] В ркп. буква «н» выносная, верхняя часть ее срезана при переплетении листа.

[3] Так в ркп.

[4] Испр. нами, в ркп. ошибочно написано под титлом: «свть», т. е. «свять».

[5] Так в ркп.

[6] В ркп. буква «и» залита чернилами.

[7] В ркп. боковой правый край листа оборван, буква «е» полностью утрачена, а от буквы «ж» сохранилась лишь левая часть; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] Испр., в ркп. ошибочно: «Дмитровым».

[9] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 3–5 букв. По смыслу здесь предположительно могло быть употреблено слово «поревнуя» или «поревновав», но реального места здесь для написания такого слова мало.

И на третием *л*ѣте по убиении прииде Яро*с*/лав, и побѣди С(вя)топо*л*ка за брате*и* свои*х* Бо/риса и Глѣба, *и* *ся*де на велико*м* кн(я)жении /в лѣто 6560-*г*(о), и пре*с*тавися.

И по се*м* /*сяде* с(ы)нь его Изя*слав* и сидѣ*л* 8 лѣть. /

И по Изя*с*лаве ся*де* на велико*м* кн(я)жении бра*т* /его Всеволо*д* Яро*с*лавичь и кн(я)жи*л* 15 *л*ѣ*т*. /

И по се*м* ся*де* племя*н*никъ его С(вя)топо*л*къ Изя*с*ла/вичь, нарече*н*ныи Михаиль. /

И по с[ѣ]*м*[1] // (л. 284) [в лѣ]то[2] 6628-е *ся*де на велико*м* кн(я)жении Вла*ди*ме*р* /[Все]володови*ч*(ь)[3] и си*де*ль 13 *л*ѣ*т*.

И по се*м* *ся*де на / [вел]ико*м*[4] кн(я)жении с(ы)нь его Мстисла*в* вь Смоле*н*ске /[и си]дѣ*л*[5] 6 лѣть.

И по*с*ле его ся*де* бра*т* его / [Яр]опо*л*къ[6] и сиде*л* 7 лѣ*т*.

И по си*х* в лѣто / [66]64-*г*(о)[7] *ся*де на велико*м* кн(я)жении Ю*р*(ь)е Вла*ди*мерови*ч*(ь) / [Долг]ая[8] Рука.

И по се*м* *ся*де с(ы)нь его А*н*дрѣ*и* въ / [Во]ло*ди*мере[9] и *в* Суждалѣ и кн(я)жи*л* 28 *л*ѣ*т*, и уби/[ли е]го[10] Ку*ч*ковичи в Боголюбове.

А Кие*в* гра*д* / [з]апустѣ*л*[11] о*т* Ка*л*ские силы.

---

[1] *В ркп. буква «ѣ» частично замазана чернилами.*

[2] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 3 букв; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.

[3] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 3 букв; в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 3 букв; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 3 букв; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 2–3 букв; от первой буквы «о» сохранилась правая часть; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться 2 буквы-цифры; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться ок. 4 букв; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться 2 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[10] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могло находиться 3 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[11] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на поврежденном месте могла находиться 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу.

И по велико*м* кн(я)зе / [Ан]др*ѣ*е[1] кн(я)жи*лъ* во Вла*ди*мере бра*т* его Всеволо*д* / Ю*р*(ь)еви*чь* 38 л*ѣт*.

И по се*м*ся*де* во Вла*ди*мере / [*с*(ы)н]ь[2] его Егоре*и* Всеволодови*чь*, а Яро*с*лавь – в Нов*ѣ* / городе, а Костя*нти*н – в Ро*с*тов*ѣ*.

И сид*ѣлъ* кн(я)зь // (л. 284 об.) Егореи[3] 8 л*ѣт*. И на сего Его*р*(ь)я прии*де* ц(а)рь [Ба]/тыя[4] и уби его.

И по се*м* ся*де* бра*т* его [Яро*с*]/лав[5] Всеволодови*ч*(ь) Тве*р*ско*и*, а посл*е* ег[о][6] – / с(ы)нь его Алекса*н*дръ Яро*с*лави*ч*(ь) Нев[скии][7], / Алекса*н*дровъ *с*(ы)нь – Дани*лъ*, от Данила – Ива[*н*][8], / о*т* Ивана – Ива*н* же, о*т* Ивана – Дмитр[е*и*][9] / До*н*ско*и*, о*т* Дми*т*рея – Василеи, о*т* Васи*л*(ь)[я][10] – / Василе*и* же, о*т* Васи*л*(ь)я – Ива*н*, о*т* Иван[а][11] – / Василе*и*, о*т* Василья – ц(а)рь и великии / кн(я)зь Ивань Васильевичь / всеа Руси // (л. 285).

Лѣтописецъ старых лѣт, что дѣялос(я) / в Московском г(о)с(у)д(а)р(с)твѣ и во всѣи Рускои / земли. /

[1] В ркп. боковой внутренний край листа склеен в корешке; на склеенном месте могла находиться 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. боковой внутренний край листа склеен в корешке; на склеенном месте могли находиться 2 буквы под титлом; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. слово «Егорей» написано поверх написанного ранее другого слова, вероятно, поверх слова «Андрѣй».

[4] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могли уместиться 2 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на потрепанном и утраченном месте могли уместиться 4 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могла уместиться 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могли уместиться 4 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могли уместиться 1–2 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могли уместиться 2 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[10] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могла уместиться 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу.

[11] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; на утраченном месте могли уместиться 1–2 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

Въ лѣта 6745-*г*(о) убие*н* бы*с*ть благовѣ*р*ны*и* / кн(я)зь Феодо*р* Его*р*(ь)евичь Реза*н*ско*и* на ре/кѣ Воро*н*(е)же *от* ц(а)ря Батыя крым*с*кого, / и тогда о*н*, акая*н*ныи ц(а)рь Батыя [1], пришел*ъ* / в Рускую землю, и Реза*н*(ь) взял*ъ*, и кн(я)зя Его*р*(ь)я / И*н*горовича Реза*н*ского и брата его побил*ъ*, / и пото*м* многи руские грады разорил*ъ*. /

Лѣта 6834-*г*(о) дека*б*ря въ 21 *де*(нь) пре*с*тави*с*(я) / на Мо*с*квѣ чюдотворецъ Петръ ми*т*рополи*т* // (л. 285 об.) Московскии и всеа Русии, па*с* ц(е)рково*ъ* Б(о)жию 18 / лѣ*т* и 6 м(ѣ)*с*(я)цъ. /

Лѣта 6841-*г*(о) го*д*у постав*ъ*лен на Мо*с*квѣ / Кремль, древяно*и* горо*д*. /

Лѣта 6875-*г*(о) го*д*у по*с*тавле*н*ъ [2] на Мо*с*квѣ, / Кре*м*ль, камено*и* [3] горо*д*. /

Лѣта 6887-*г*(о) го*д*у пре*с*тави*с*(я) на Мо*с*квѣ чю/дотворецъ Алексѣ*и*, митрополи*т* Мо*с*ковскии / и всеа Росии. /

Лѣта 6888-*г*(о) го*д*(у) великии кн(я)зь Дими*т*реи / Ивановичь Моско*въ*скии побил*ъ* Батыя, ц(а)ря / кры*м*ского. /

Лѣта 6890-*г*(о) го*д*(у) кры*м*ско*и* ц(а)рь Та*х*тамы*ш* взял*ъ* Мо*с*кву / омано*м* за кр(е)*с*ны*м* целова*н*(и)е*м*, побил*ъ* деся*ть* ч(е)л(о)в(ѣ)къ // (л. 286).

Лѣта 6900-[*г*](о) [4] го*д*у се[*н*]тя*б*ря [5] въ 25 *де*(нь) пре*с*тавися / преподо*б*ныи от(е)ць нашь Сергии Ра*д*уне*ж*скии [6] чюдо/творецъ. /

[Л]ѣта [7] 6901-*г*(о) го*д*у июля въ 24 *де*(нь) Б(о)гъ поручил*ъ* великому / кн(я)зю Васил*ь*ю Ивановичю Великии Но*въ*гра*дъ*. /

Лѣта 6903-*г*(о) го*д*у приходил*ъ* по*д* Мо*с*кву и / в Рускую землю Тими*р*-Аксак, Желе*з*ная / Нога, и пришествие*м* Пр(е)*с*(вя)тые Б(огоро)*д*(и)цы Вла*д*име*р*/ские Мо*с*ковское г(о)*с*(у)д(а)р(с)тво ни-

[1] Так в ркп.

[2] Испр., в ркп. ошибочно: «посвавленъ».

[3] В ркп. буквы «каме» написаны поверх ранее написанных полустертых букв «древя».

[4] В ркп. выносная буква «г» большей частью срезана при вплетении листов Летописца в сборник, видны только основание мачты выносной буквы «г» и нижняя часть полукруга над этой буквой.

[5] В ркп. выносная буква «н» частично срезана при вплетении листов Летописца в сборник, видны только перекладина и нижняя часть этой выносной буквы.

[6] Так в ркп.

[7] В ркп. боковой внутренний край листа с написанной на нем буквой «Л» частично выкрошился, сохранилась лишь ее нижняя часть; в кв. ск. доб. по смыслу.

чи*м* вре*ди*мо пре/бысть, и оты*де* о*н*, акая*н*ныи, со страхо*м* / во свою зе*м*лю. /

Лѣта 6908-*г*(о) го*ду* преставися преподо*б*/ныи от(е)цъ нашь Кириль Бѣлозе*р*скии / чюдотворецъ. // (л. 286 об.)

Лѣта 6909-[*г*](о) [1] го*д*(у) пре*с*тави*с*(я) [2] на Мо*с*квѣ про*с*вя/ще*н*ныи [3] Иона, митрополи*т* Москов*ъ*скии и всеа / Русии чюдотворецъ. /

Лѣта 7022-*г*(о) великии кн(я)зь Василе*и* Ивановичь / Москов*ъ*скии взя*лъ* Смоленець гра*дъ*. /

Лѣта 7030-*г*(о) го*ду* великии кн(я)зь Василе*и* Ивано/вичь во*з*движе *под* Мо*с*квою Нов*ои* Д(ѣ)в(*и*)че*и* / м(о)н(а)*с*т(ы)рь Пр(е)ч(и)*с*тые Б(огоро)*д*(и)цы. /

Лѣта 7038-*г*(о) го*ду* роди*л*ся на Мо*с*квѣ ц(а)рь / и великии кн(я)зь Ива*н* Васи*лъ*евичь всеа Русии. /

Лѣта 7042-*г*(о) го*ду* дека*б*ря вь 4 *де*(нь) преста/ви*с*(я) на Мо*с*квѣ великии кн(я)зь Василеи / Ивановичь всеа Руси [4]. // (л. 287) Того [*ж*(е)] [5] го*ду* ся*де* на ц(а)р*с*тво с(ы)нь его благо/вѣ*р*ныи и великии кн(я)зь Ивань Васильевичь / [вс]еа [6] Русии, младыи [7]. /

[Л]ѣта [8] 7060-*г*(о) го*ду* августа въ 5 *де*(нь) пре*с*тави*с*(я) / на Мо*с*квѣ Василе*и* Блаже*н*ныи, юродствова*лъ* / 10 л*ѣт*, а вс*ѣх* л*ѣт* живота его было 94 / года. /

Лѣта 7061-*г*(о) го*ду* октя*б*ря въ 2 *де*(нь) на па/мя*т*(ь) св(я)ты*х* м(у)*ч*(е)н(и)къ Ки*п*рияна [9] и Усти*н*(и)и / ц(а)рь и великии кн(я)зь

---

[1] В ркп. выносная буква «г» полностью срезана при вплетении листов в сборник, видны только фрагменты нижней части полукруга над этой буквой; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. верхняя часть выносной буквы «с» в конце слова вместе с верхней частью выносного полукруга над буквой «с» обрезаны при переплетении листов; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] Так в ркп.

[4] В ркп. после окончания этого текста и тильды далее следовало несколько букв, которые замазаны чернилами.

[5] В ркп. выносная буква «ж» полностью срезана при переплетении листов; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой внутренний край листа с написанными на нем буквами «вс» выкрошился; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. слово «младый» написано после концовочного знака фразы, т. е. оно было добавлено писцом позднее.

[8] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан; от буквы «Л» сохранились лишь нижние ножки; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. первоначально было написано «Кирияка», но позднее над буква-

Ива*н* Васи*лъ*евичь всеа / Росии взя*лъ* Каза*н*ское г(осу)д(а)рство и ц(а)ря / Семиона Бекъбулатовича[1] полони*лъ*, еще / мла*д* суще. /

Лѣта 7065-*г*(о) го*ду* роди*с*(я) ц(а)рю Ивану Васи*лъ*евичю // (л. 287 об.) всеа Русии с(ы)нь ц(а)р(е)в(и)чь Феодорь / Ивановичь. / Того *ж*(е) го*ду* ц(а)рь и великии кн(я)зь Иван / Васильеви*ч*(ь) всеа Русии взя*лъ* Нем[ец]/кую[2] землю – два*т*ца*т*(ь) се*м*(ь) городо*въ*. /

Лѣта 7071-*г*(о)[3] февраля въ 15 *де*(нь) ц(а)рь и великии / кн(я)зь Ива*н* Васи*лъ*евичь всеа Русии з бра/то*м* свои*м* Вла*ди*меро*м* А*н*дрѣевиче*м* Старецъ/ки*м* взя*лъ* Полоцкъ гра*дъ*, и бы*л* за ц(а)ре*м* / 16 лѣтъ. /

Лѣта 7073-*г*(о) го*ду* ц(а)рь и великии кн(я)зь / Ивань Васи*лъ*евичь жени*лъ*ся, поня*лъ* за себя / че*р*каску / Ма*р*(ь)ю Те*въ*рюковну[4]./

Лѣта 7077-*г*(о) го*ду* ц(а)рь и великии кн(я)зь // (л. 288) Ива[*н*][5] Васильеви[*чъ*][6] в осе*н*(ь) громи*л*[*ъ*][7] Велики[и[8] / Но]*в*[9] гра*д*. / [Т]

ми «ир» была приписана иными бледными чернилами выносная буква «п», а между мачтами второй буквы «к» посередине теми же бледными чернилами была добавлена перекладина.

[1] Так в ркп.

[2] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и потрепан, буквы «ец» частично выкрошились; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. буква-цифра «1» испр. из написанной ранее повторно буквы-цифры «70».

[4] Так в ркп.

[5] В ркп. верхняя часть выносной буквы «н» срезана при переплетении листов; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. верхняя часть выносных букв «чь» срезана при переплетении листов; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. верхняя часть выносной буквы «ъ» срезана при переплетении листов; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. боковой внешний край листа, на котором ранее была написана буква «и», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «Но», частично оборван, частично загнут вовнутрь и склеен; в кв. ск. доб. по смыслу.

ое[1] *ж*(е) ве*с*ны недород*ъ* былъ хлѣбнои: / [ро]*ж*(ь)[2] оборотиласа[3] травою ме*тл*ицею, и бы*сть* / [г]ла*д*[4] великъ зело. /

[Л]ѣта[5] 7078-*г*(о) го*ду* октя*б*ря въ 8 *де*(нь) в Мо*с*ковскомь / г(осу)д(а)р*с*твѣ на *Р*ву у Фроло*въ*ских ворот совершилис(я) / девятна*т*ца*т*(ь) ц(е)рквѣ*и*, вначалѣ собо*р*ная ц(е)рко*въ* / Пр(е)*с*(вя)тые Б(огоро)*ди*цы Покрова. /

Лѣта 7079-*г*(о) попущение*м* Божии*м* кры*м*скои / ц(а)рь по*ж*же Моско*въ*ское г(осу)д(а)р*с*тво на Во*з*несе*н*(ь)евъ / де*н*(ь) без остатку. /

Лѣта 7080-*г*(о) го*ду* Моско*в*ского г(осу)д(а)р*с*тва бояря / кн(я)зь Михаило Ивановичь Вороты*н*ско*и* с това // (л. 288 об.) [ры]щи[6] ходили по г(о)*с*(у)д(а)р(е)ву ука*зу* и побили [на][7] / Молодя*х* кры*м*ского ц(а)ря и взяли[8] у него Ди/вѣя му*р*зу. /

Лѣта 7090-*г*(о) го*ду* роди*с*(я) ц(а)рю Ивану Васи*л*(ь)е[ви]/чю[9] с(ы)нь ц(а)р(е)вичь Димитреи Иванови*ч*(ь). / Того *ж*(е) го*ду* ноя*б*ря въ 11 *де*(нь) в Олекса*н*дров/скои Слободе пре*с*тави*с*(я) ц(а)р(е)в(и)чь Ива*н* Иванови*ч*(ь) / всеа Русии. /

Лѣта 7092-*г*(о) го*ду* ма*р*та въ 19 *де*(нь) на памя*т*(ь) / св(я)ты*х* мученикъ Хриса*н*фа и Дарии за по*л*тора / часа до вечера пре*с*тави*с*(я) ц(а)рь и великии / кн(я)зъ Ива*н* Васильевичь всеа Русии. / И по*с*ле его воц(а)рися с(ы)нь его ц(а)р(е)вичь / Феодо*р* Иванови*чъ* всеа Русии. // (л. 289).

---

[1] ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана трехмачтовая буква «Т», оборван, сохранились лишь нижние части второй и третьей мачт; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «ро», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] Так в ркп.

[4] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана буква «г», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. боковой внутренний край листа оборван и выкрошился; от буквы «Л» сохранилась лишь правая мачта; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой внешний край листа, на котором ранее были написаны буквы «ры», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана буква «а», оборван, буква «н» читается лишь частично, так как потерта; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] Испр., в ркп. ошибочно: «вяли».

[9] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «ви», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу.

[Лѣта][1] 7093-[*г*](о)[2] го[*ду*][3] ц(а)рь Феод[о*р*? Иванович*ь*[4] / вс]еа[5] Русии ходил*ъ* в Немецкую зе*м*лю / [и взя]*лъ*[6] Ива*н* горо*д* да Копья*р*. /

[Лѣта][7] 7098-*г*(о) го*ду* ц(а)рь Феодо*р* Иванови*чъ* всеа / [Русии][8] заложи*лъ* дѣла*т*(ь) на Мо*с*квѣ Бѣло*и*ка / [ме*н*]Нои[9] горо*д*, вначалѣ Тве*р*ские ворота, / [а д]ѣлали[10] 6 *л*ѣ*т*. / [Т]ого[11] *ж*(е) го*ду* в Петро*въ*

---

[1] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее было написано слово «Лѣта», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.

[2] В ркп. выносная буква «г» полностью срезана при вплетении листов Летописца в сборник, сохранились лишь нижние части от выносного полукружия над этой буквой; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. выносные буквы «ду» полностью срезаны при вплетении листов Летописца в сборник; в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] В ркп. часть верхнего поля, на котором ранее были написаны слова «Федор Ивановичь», оказались срезанными при вплетении листов Летописца в сборник, сохранились лишь нижние части букв «Фед»; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «вс», частично оборван, а частично содран; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны слова «и взялъ», оборван, от конца слова сохранилиь лишь выносные буквы «лъ»; в кв. ск. доб. по смыслу и с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[7] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее было написано слово «Лѣта», частично оборван, частично содран при разделении склеившихся в корешке соседних листов, видны лишь фрагменты буквы «а»; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.

[8] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «Лѣта», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.

[9] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «мен», частично оборван, частично поврежден при разделении склеившихся в корешке соседних листов, сохранилось лишь под клеем неполное начертание буквы «н»; в кв. ск. доб. по смыслу.

[10] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «а д», заклеен бумагой в корешке; в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтений др. списков ЛСЛ.

[11] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана трехмачтовая буква «Т», поврежден при разделении склеившихся в корешке соседних листов, сохранилась лишь правая третья мачта буквы «Т» и правый фрагмент перекладины; в кв. ск. доб. по смыслу.

по*с*ть ц(а)рь Феодо*р* / [И]ванови*ч*(ь) [1] всеа Русии повелѣ дѣла*т*(ь) древя / [н]ои [2] горо*д* по *Р*ву за Мо*с*квою рекою. /

Лѣта 7099-*г*(о) го*д*у июня въ 19 *де*(нь) повелѣние*м* / Бориса Го*д*унова на Углече изме*н*ники Да / [н]и*л*ко [3] Бетяко*в*скои да Ми*ш*ка Чего*в*скои убили благо / ве*р*наго ц(а)р(е)в(и)ча Дми*т*рия Ивановича всеа Русии. // (л. 289 об.) [И тое *ж*(е) весны] [4] на [5] Тро[*и*]цы[*н*] [6] де[*н*](ь) [7] го[рѣло] [8] / на Мо*с*квѣ с А*р*бату по Негли*н*ну. / И того *ж*(е) го*д*у в Пе*тр*о*в* пость приходи*л*ъ [под] [9] / Мо*с*кву кры*м*скои ц(а)рь. / И того *ж*(е) го*д*у заложили на Мо*с*квѣ дѣ [ла*т*(ь)] [10]. / каменую ц(е)рко*в*(ь) Пр(е)*с*(вя)тые Б(огоро)*ди*цы До*н*ские. /

---

[1] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана буква «И», заклеен бумагой в корешке с оборотной стороной соседнего листа; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана буква «н», заклеен бумагой, содранной при разделении его со склеившейся возле корешка оборотной стороной соседнего листа; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана буква «н», склеен в корешке, буква «н» частична видна под клеем; в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] Верхнее поле листа оборвано, на утраченном месте могли бы разместиться примерно 9–10 букв, от этих букв сохранились лишь нижние фрагменты последних букв; в кв. ск. доб. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[5] В ркп. верхнее поле срезано при переплетении листов в сборник, от буквы «н» сохранились только нижние части двух мачт без перекладины; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. верхнее поле срезано при переплетении листов в сборник, поэтому выносные буквы в данном слове оказались утраченными; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. верхнее поле срезано при переплетении листов в сборник, поэтому выносная буква «н» оказалась утраченной; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «рѣло», оборван.

[9] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «под», оборван; в кв. ск. доб с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[10] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «лат(ь)», частично оборван; в кв. ск. доб. по смыслу.

Лѣта 7100-*г*(о) го*ду* Моско*в*ского г(осу)д(а)р*ст*ва бояр[я][1] / кн(я)зь Федо*р* Иванови*ч*(ь) Мсти*сла**в*ско*и*, да кн[(я)зь][2] / Михаило Федорови*ч*(ь) Пожа*р*ско*и*[3], да Иванъ / Васи*лъ*евичь Годуно*в* ходи*ли* с великимь / со*б*ра*н*(и)емъ в Немецкую зе*м*лю по*д* Вбор[4] и / Наре*ч*ную, а взяли 7 городо*в*, а п[оло]/ну[5] бѣ*з*числе*н*но много. /

Лѣта 7102-*г*(о) горѣ*лъ* на Мо*с*квѣ Кита*и*-*г*ородъ: // (л. 290) [двор]и[6] и ла*в*ки. /

[Лѣта][7] [71]03-*го*[8] з[ало]жили[9] на Мо*с*квѣ в Китае-/[городѣ][10] дѣла*т*(ь) ла*в*ки каменые. /

---

[1] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее была написана буква «я», позднее заклеен был бумагой, содранной при разделении данного листа со склеившейся возле корешка лицевой стороной соседнего листа; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «зь», был склеен с боковым внутренним краем лицевой стороны соседнего листа, содранной при разделении данного листа со склеившейся возле корешка лицевой стороной соседнего листа, буквы «зь» оказались содраны, сохранилась лишь левая часть титла над словом «кн(я)зь»; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] Так в ркп.

[4] Так в ркп.

[5] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «оло», позднее склеен был в корешке с бумагой лицевой стороны соседнего листа, при разделении данного листа со склеившейся возле корешка лицевой стороной соседнего листа часть бумаги с буквами «оло» была содрана; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее было написано данное слово «церкви», оказался частично оборван, а частично заклеен бумагой, содранной с оборотной стороны соседнего листа, читается лишь последняя буква этого слова; утраченная часть слова восстановлена в кв. ск. с учетом чтения его в др. списках ЛСЛ.

[7] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее было написано слово «Лѣта», оборван; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.

[8] В ркп. две первые буквы-цифры, обозначающие число «7100», были заклеены у корешка бумагой, содранной при разделении в корешке данного листа с оборотной стороной соседнего листа, в результате чего две первые буквы сохранились лишь частично; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. буквы «ало» заклеены маленькими кусочками бумаги, содранной при разделении данного листа с оборотной стороной соседнего склеившегося в корешке листа; в кв. ск. доб. по смыслу.

[10] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее было написано слово «городѣ», позднее был оборван; утраченный текст доб. в кв. ск. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[Лѣта][1] 7106-*г*(о) го*ду* ге*н*варя въ 7 *де*(нь) пре*с*тавися / [на Моск]вѣ[2] ц(а)рь и великии кн(я)зь Феодорь / [Ива]новичь[3] всеа Русии. / [И т]ого[4] *ж*(е) го*д*(у) сѣль на ц(а)р*с*тво Борис Фео/[д]орови*ч*(ь)[5] всеа Русии. /

[Л]ѣта[6] 7109-*г*(о) го*ду* пере*д* Оспожиным Загове*и*/[но]мъ[7] грѣ*х* ради наших по всѣ*и* Руско*и* земли / [п]оморозило[8] морозо*м* всяко*и* хлѣ*б*, и бы[*с*]/ть[9] гла*д* великъ 3 лѣта. /

---

[1] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее было написано слово «Лѣта», позднее частично был оборван, а частично ободран при разделении данного листа со склеившейся возле корешка оборотной стороной соседнего листа; в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру.

[2] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны слова «на Москвѣ», позднее частично был оборван, а частично ободран при разделении данного листа со склеившейся возле корешка оборотной стороной соседнего листа, сохранились лишь буквы «вѣ» и правая часть буквы «к»; утраченные буквы восстановлены в кв. ск. доб. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[3] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буквы «Ива», позднее был оборван, в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] В ркп. боковой внутренний край листа, на котором ранее были написаны буква «и» и трехмачтовая буква «т», позднее был склеен с боковым внутренним краем оборотной стороны соседнего листа и при расклеивании данных листов бумага частично была содрана, в результате чего от букв «и т» сохранилась только правая мачта буквы «т» с небольшим фрагментом перекладины; в кв. ск. доб с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[5] В ркп. буква «е» испр. из написанной ранее другой буквы, очевидно «о»; а буква «д», помещавшаяся в конце строки, скрыта под клеем; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. боковой левый край листа склеен в корешке с боковым краем оборота предыдущего листа, и буква «Л» скрыта в корешке; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. боковой левый край листа склеен в корешке с боковым краем оборота предыдущего листа, и буква «но» скрыты в корешке; в кв. ск. доб с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[8] В ркп. боковой левый край листа склеен в корешке с боковым краем оборота предыдущего листа, и буква «п» скрыта в корешке; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. боковой левый край листа склеен в корешке с боковым краем оборота предыдущего листа, и выносная буква «с» скрыта в корешке; в кв. ск. доб. по смыслу.

[Л]ѣта[1] 7113-*г*(о) го*ду* пре*с*тави*с*(я) на Мо*с*квѣ / [ц](а)рь[2] и великии кн(я)зь Бори*с* Федорови*ч*(ь) всеа Русии. // (л. 290 об.) [И т]ого[3] [*ж*](е)[4] го*ду* по[*с*]лѣ[5] ц(а)ря [Б]ориса[6] [Фео]/доровича[7] всеа Русии попущени[е*м*][8] / Б(о)жии*м* еретикъ и б(о)гоо*т*сту[пни*к*][9] / че*р*нецъ ростригa Гри*ш*ка Отре[*п*](ь)[е*в*][10] / воро*в*ски[11] назва*л*ъсебя ц(а)р(е)виче[*м*][12] / Дими*т*рие*м* Ивановиче*м* всеа Руси[и][13] / и велѣ*л*ъуби*т*(ь) ц(а)р(е)в(и)ча Феодора Бо[ри]/совича[14] Годунова и

[1] В ркп. боковой левый край листа склеен в корешке с боковым краем оборота предыдущего листа, и буква «ц» скрыта в корешке; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. боковой левый край листа склеен в корешке с боковым краем оборота предыдущего листа, и буква «Л» скрыта в корешке; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. боковое внешнее поле листа оборвано, на месте утраты могло быть размещено примерно 2 буквы, от последней буквы – трехмачтовой буквы «т» – сохранилась лишь правая мачта, нижняя часть средней мачты и правая часть верхней перекладины; буквы в кв. ск. доб с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[4] В ркп. верхнее поле листа срезано, от выносной буквы «ж» сохранились лишь нижние части и левая часть выносного полукружия; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. верхнее поле листа срезано, от выносной буквы «с» сохранились лишь ее нижняя часть и левая часть выносного полукружия; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. верхнее поле листа срезано, верхняя часть буквы «Б» срезана; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] В ркп. боковое внутреннее поле листа оборвано; буквы «ео» утрачены, а правая часть буквы «Ф» стерлась; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. боковое внутреннее поле листа оборвано; буквы «ем» утрачены; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. боковое внутреннее поле листа оборвано; на оборванном месте могло быть написано до 4–5 букв, из которых сохранилась лишь левая мачта и перекладина от строчной буквы «п»; утраченные буквы доб. в кв. ск. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[10] В ркп. боковое внутреннее поле листа оборвано; сохранились лишь левая нижняя часть полукружия над выносной буквой «п» и левая часть второй буквы «е»; буквы в кв. ск. доб. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[11] Испр., в ркп. ошибочно: «воровский».

[12] В ркп. боковое внутреннее поле листа оборвано; на утраченном месте могли находиться 1–2 буквы; в кв. ск. доб. нами по смыслу.

[13] В ркп. буква «и» утрачена из-за обрыва правого внутреннего поля; в кв. ск. доб. по смыслу.

[14] В ркп. буквы «ри» скрыты под клеем и не видны; в кв. ск. доб. по смыслу.

ма*т*(ь) его ц(а)р(и)цу Ма[*р*(ь)ю][1], / и пришол*ъ* к Мо*с*кв*ѣ* со многими ли[то]/вскими[2] лю*д*(ь)ми и рускими воры / июля въ 24 *де*(нь), и с*ѣлъ* на Мо*с*ко*в*ское г(осу)д(а)р*с*[тво][3], / и ц(а)р*с*твова*лъ* бли*с*ко году. И Мо*с*ко*в*ског[о][4] / г(осу)д(а)р*с*тва бояря, ра*з*смо*т*ря ево, Гри*ш*ки[но][5], / воро*в*ство, в полата*х* ц(а)рски*х* убили. // (л. 291).

[Л*ѣ*]та[6] 7115-[*г*](о)[7] го*ду* июля въ 9 *де*(нь) из руски[*х*][8] / [родо*в*][9] Шу*и*ски*х* с*ѣлъ* на Мо*с*ко*в*ское г(осу)д(а)р*с*тво ц(а)рь / [и великии к]н(я)зь[10] Василеи Ивановичь всеа / [Русии][11], и ц(а)р*с*тва его было четыре года. /

---

[1] В ркп. выносная буква «р» сохранилась лишь частично с левой стороны, а с правой – скрыта под клеем; строчная буква «ю», вероятно, также скрыта под клеем; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. буквы «то» скрыты под клеем и не видны; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. буквы «тво», завершающие правую часть строки, скрыты в склеенном корешке; в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] В ркп. буква «о», завершающая строку текста, находилась в склеенном корешке, и при разделении склеившихся в корешке соседних листов она оказалась заклеенной фрагментом бумаги, оторвавшимся от лицевой стороны соседнего склеившегося листа; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. от буквы «н» сохранились только левая мачта и левая часть перекладины, далее следует маленькая дырочка, в результате образования которой правая часть буквы «н» и буква «о» оказались утраченными; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] В ркп. левый боковой край листа был склеен с правым боковым краем оборотной стороны предыдущего листа и при разделении этих склеенных листов от буквы «ѣ» сохранилась лишь нижняя петля, а предшествующая ей буква «Л» оказалась полностью утраченной; в кв. ск. доб. по смыслу.

[7] ркп. буква «г» была выносной, при вплетении в сборник Летописца эта буква вместе с верхней частью выносного полукружия оказалась срезанной; сохранилась только нижняя часть этого полукружия; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. правый край листа с окончанием строки текста оборван, на оборванном месте могла разместиться 1 буква; скорее всего, выносная буква «х»; в кв. ск. доб. по смыслу.

[9] В ркп. левый внутренний край листа с началом строки текста оборван, на оборванном месте могло разместиться 4–5 букв; слово «родов» в кв. ск. доб. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[10] В ркп. левый внутренний край листа с началом строки текста оборван, на оборванном месте могло разместиться ок. 8– 9 строчных букв; буквы «и великий к», заключенные в кв. ск., доб. по смыслу и формуляру, с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[11] В ркп. левый внутренний край листа с началом строки текста оборван; на месте утраты могло быть написано ок. 5 букв; слово «Русии» в кв. ск. доб. по смыслу и формуляру, с учетом чтения др. списков.

[И гр]ѣ*х*[1] ради наши*х* учинилася смута у р[ус/ки*х*] [2] люде*и*, и ц(а)ря Васи*л*(ь)я Ивановича / [п]о*с*тригли[3], и о*т*дали его в Литву з бра/[то]*м*[4] его, со кн(я)зе*м* Димитрие*м* Ивановиче*м*, / [и] [5] целовали кр(е)*с*тълито*в*ско*му* коро/левичю Влади*с*лаву Жижима*н*товичю, / [и] [6] прошали его на Моско*в*ское г(осу)д(а)р*с*тво / [д]ля[7] обидъ немецки*х* и кры*м*ских / [л]юдеи[8] и руских воро*в*. /

---

[1] В ркп. левый внутренний край листа с началом строки текста оборван; на месте утраты могло быть написано 2 или 3 буквы; буквы «И гр» в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[2] В ркп. правый боковой край листа с окончанием строки текста и левый внутренний край с началом строки текста оборваны; в окончании верхней строки сохранилась лишь нижняя петля буквы «у»; на месте утраты в данной строке могло быть написано 2 буквы; в начале нижней строки текста уцелел лишь фрагмент выносной буквы «х», на месте утраты могло уместиться 2 буквы, не считая выносной буквы «х»; буквы «уских» в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[3] В ркп. левый внутренний край листа с началом строки текста ранее был склеен с правым краем оборотной стороны предыдущего листа; при разделении склеенных листов буква «п» оказалась утраченной.

[4] В ркп. левый внутренний край листа с началом строки текста ранее был склеен с правым краем оборотной стороны предыдущего листа; при разделении склеенных листов 2 буквы начальной строки текста оказались утраченными; буквы «то» в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. леввый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могло находиться примерно примерно до 1–2 букв; в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[6] В ркп. левый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могло находиться до 1–2 букв; в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[7] В ркп. левый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могла находиться примерно 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. левый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могла находиться примерно 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу

[Л]ѣта[1] 7119-*г*(о)[2] го*д*(у) на памя*т*(ь) св(я)ты*х* // (л. 291 об.) [м]у[*ч*]еникъ[3] Хриса[*н*]фа[4] и Да*р*(и)и, во вто[*р*]никъ[5] / ше*с*тые не*д*(ѣ)ли По*с*та е*т*ма*н*[6] лито*в*[скии][7] / и Гроше*в*скии с лито*в*скими лю*д*(ь)ми [и с изме*н*/н]ики[8] кр(е)*с*(*т*)ное целова*н*(и)е поруши[ли и, / у]мысля[9] с мо*с*ковскими изме*н*ники и во[ры][10], / Моско*в*ское г(осу)д(а)рство разорили, в[ы]/секли[11] и вы*ж*тли. /

И тое ж(е) ве*с*ны при*ш*ли по*д* Мо*с*кву [для][12] очище*н*(и)я Моско*в*ского г(осу)д(а)р*с*тва и бер[..?][13] / кн(я)зъ Дмитре*и*

[1] В ркп. левый внутренний край листа оборван; сохранилась лишь нижняя часть буквы «*Л*»; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] Испр., в ркп. ошибочно: «7109».

[3] В ркп. левый внешний край листа оборван, а верхняя часть листа с выносной буквой «ч» обрезана при переплетении; сохранились лишь левая часть буквы «м» и буквы «икъ»; в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] В ркп. верхнее поле срезано при переплетении; от выносной буквы «н» сохранилась только нижняя часть; в кв. ск. доб. по смыслу.

[5] В ркп. верхнее поле срезано при переплетении; от выносной буквы «р» сохранилась только спинка и нижняя часть петли; в кв. ск. доб. по смыслу.

[6] Так в ркп.

[7] В ркп. правый внутренний край листа оборван и потрепан; в конце строки читаются лишь строчные буквы «ли», остальные буквы, а также выносная буква «в» стерты; сохранилось лишь полукружие над выносной буквой; в кв. ск. доб. по смыслу.

[8] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могли разместиться примерно 6–7 букв, а левый внешний край, на котором была написана следующая строка, также оборван; в начале этой строки сохранилась лишь правая часть от буквы «н», на утраченном месте могла разместиться 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу и с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[9] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могли разместиться примерно 5–6 букв, а левый внешний край листа, на котором была написана следующая строка, также оборван, на утраченном месте могло разместиться от 1 до 2 букв; в кв. ск. доб. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[10] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могли разместиться примерно 2–3 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[11] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могли разместиться примерно 1–2 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[12] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могли разместиться примерно 2–3 буквы; в кв. ск. доб. с учетом чтения др. списков ЛСЛ.

[13] В ркп. правый внутренний край листа был склеен в корешке и при разделении окончание строки оказалось повреждено; на утраченном месте могли разместиться 5–6 букв; предположительно по смыслу здесьмогло читать-

Тимофеевичь Труб[е]/цко*и*[1] да Прокофе*и* Лепуно*в* со мн[оги]/ми[2] рускими лю*д*(ь)ми, и лито*в*ские л[ю]/ди[3], убоя*с*(я) и*х*, збѣжа*ли*, а руские люди / стали жи*т*(ь) на Мо*с*квѣ. / [...][4].

НИОР РГБ. Ф. 895. № 14. Л. 283–291 об.

ся слово бережен(и)я.

[1] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могла разместиться 1 буква; в кв. ск. доб. по смыслу.

[2] В ркп. правый внутренний край листа оборван; на утраченном месте могли разместиться 3 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу.

[3] В ркп. правый внутренний край листа склеен в корешке, буква «ю» скрыта под клеем, видна лишь ее верхняя часть; в кв. ск. доб. по смыслу.

[4] На этом сохранившийся в ркп. текст ЛСЛ обрывается.

Л. И. Щёголева

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ГИМНОГРАФИИ И У А. С. ПУШКИНА: ДВА ПРОЧТЕНИЯ ОДНОГО ТЕКСТА

В последние годы в медиевистике наблюдается всплеск интереса к различным аспектам древнерусской и византийской гимнографии, о чем свидетельствует появление значительного числа изданий и исследований гимнографических памятников [1]. Литературоведы обратили внимание на связь гимнографии с другими жанрами средневековой письменности, в основном агиографией [2], а кроме того, и с произведениями русской классической литературы [3].

Одним из первых отметил и проанализировал влияние гимнографии на литературу Нового времени М. Ф. Мурьянов, который сравнил поэтический язык А. С. Пушкина с лексикой древнейших богослужебных песнопений [4]. Что касается стихотворения «В крови горит огонь желанья...», написанного, как известно, на сюжет церковнославянского перевода Песни Песней, то исследователь в ряде работ подробнейшим образом рассмотрел различные его аспекты в связи с библейским текстом и другими произведениями древней и новой литературы [5], но лексические и смысловые переклички пушкинского шедевра с произведениями литургической лирики остались вне поля его зрения.

Используя метод интертекстуального анализа, в рамках которого работал М. Ф. Мурьянов, мы рассмотрели, как библейский сюжет, взятый А. С. Пушкиным, функционирует в Путятиной минее (ПМ) — малоизученном гимнографическом памятнике XI в., замечательном своей древностью [6] и художественными достоинствами [7]. Детальный анализ поэтики библейских парафраз в ПМ позволяет полнее представить объем и характер использования Песни Песней в гимнографии — например, можно оспорить утверждение М. Ф. Мурьянова о том, что «гимнографы пользовались ее образа-

ми и фразеологией очень скупо и осмотрительно»[8], а рассмотрение древнерусского памятника «сквозь призму» пушкинского шедевра позволяет приблизиться к пониманию художественной структуры литургических песнопений как особого поэтического жанра.

* * *

Из знаменитого пушкинского восьмистишия привлечем к анализу в настоящей работе первые две строки: «В крови горит огонь желанья, / Душа тобой уязвлена», четвертую: «Мне слаще мирра и вина», шестую: «И да почию безмятежный» и седьмую: «Пока дохнет веселый день».

Начнем с четвертой строки. М. Ф. Мурьянов приводит доказательства того, что слово «мирра» (с двумя «р») в этой строке появилось не по воле автора, а в результате цензорской правки, заменив собою первоначальное авторское «мира» (с одним «р») – от слова «миро», в орфографии того времени писавшегося через «ижицу» (**мѵро**)[9]. Недоумение вызывает только начальная форма от родительного падежа «мирра» (мирр? мирро?), так как слово «мирра» (от евр. mūr) в русском языке женского рода (так же как и в латыни – murra, немецком – die Myrrhe, французском – la myrrhe). Неужели цензор был столь безграмотен? За исключением этой неясности, гипотезу М. Ф. Мурьянова следует признать убедительной, так как в церковнославянской Библии, которая послужила источником для пушкинского стихотворения, слово «мирра» (название душистого вещества, получаемого из смолы миррового дерева commiphora myrrha) вообще не употребляется[10], а употребляется грецизм **смѵрна**[11] (старослав. **ѕмѵрна**, от греч. σμύρνη[12]).

Миро (старослав. **мѵра, мира, мѵро, миро**, древнерус. **миро, мюро, моѵро, мѹро, мѵро**, ц.-слав. **мѵро** от греч. μύρον, евр. šemen[13]) – благовонный состав на основе оливкового масла, служащий в библейскую эпоху для помазания священников и царей, а в эпоху христианства – для совершения таинства миропомазания. М. Ф. Мурьянов со ссылкой на Б. В. Томашевского указал библейское соответствие этой строке А. С. Пушкина: первые два стиха Песни Песней. В древнеславянском переводе Песни Песней, атрибутируемом А. А. Алексеевым первоучителю славян св. Мефодию, второй стих по рукописи XIV в. звучит так: **и вонꙗ мѵръ твоихъ паче вьсѣхъ арѡматъ. мѵро излиꙗно имѧ твоѥ**[14]. В русском синодальном переводе XIX в. немного иначе: «От благовония мастей твоих имя твое – как разлитое миро» (Песн 1: 2). Слово **мѵро** появляется еще

раз в следующем стихе Песни Песней: **въ слѣдъ тебе на вонѭ мѵра твоего потечемъ**[15]. В Септуагинте: «За тобою к запаху мира твоего побежим» – ὀπίσω σου εἰς ὀσμὴν μύρων σου δραμοῦμεν. В русском синодальном переводе здесь слова «миро» нет: «Влеки меня, мы побежим за тобою» (Песн 1: 3). М. Ф. Мурьянов в объяснение того, почему Пушкин не использовал библейскую строку «миро излиянное имя твое», утверждает: «Сравнение имени с излиянным миром по-русски не звучит, оно имело смысл в древнееврейском подлиннике, где художественный эффект достигался созвучием: šämän «миро» – šemäkä «имя твое» – schelomo «Соломон» («умиротворяющий») – schulammit «Суламифь» («умиротворенная»), а tūraq «излиянное» поныне является текстологической головоломкой, где подозревают ошибку»[16].

Исследователь не рассматривает дальнейшую судьбу этой «ошибки» в византийской и древнерусской книжности. А между тем образ мира излиянного «звучит» и по-гречески, и по-русски и является настолько важным в структуре средневековой догматики и поэтики, что заслуживает более подробного рассмотрения.

«Разлитое миро» в Септуагинте – это μύρον ἐκκενωθέν, пассивное причастие от глагола ἐκκενόω «опустошать» (основа κενός «пустой»). Тот же глагол, только в бесприставочной форме (κενόω), читается в знаменитом тексте о воплощении Христа из послания апостола Павла к Филиппийцам: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого (ἑαυτὸν ἐκένωσεν), приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп 2: 6–8). На этих словах апостола Павла основано христологическое учение о кеносисе (kένωσις)[17] – добровольном смирении и уничижении Господа, принявшего на Себя «образ (по-славянски “зрак”) раба».

Отцами Церкви не осталось незамеченным тождество глаголов в обоих библейских текстах (различающихся только приставкой ἐκ-): «миро излиявшееся» (ἐκκενωθέν) – «излиял Себя Самого» (ἑαυτὸν ἐκένωσεν), где субъектом в первом случае является «миро», а во втором – Бог Слово. Тождество действий дало основания и для метафорического отождествления субъектов по функции: «Имя Твое, Жених – миро, и миро излиявшееся (μύρον κεκενωμένον). Что же иное может обозначать имя “миро излиявшееся” (μύρον κεκενωμένον), как не имя Христа? Ибо вряд ли иначе может быть назван Христос, как только “миром излиявшимся” (μύρου προσχυθέντος)» (Евсевий Кесарийский)[18]. «Ибо как миро (μύρον), в сосуде скрытое, скрытым имеет и благоухание, если же

прольется, то самый наполняет воздух, так (и) Христос до страсти немногим был известен, когда же принял смерть, и как бы открыл телесный сосуд, исполненными тотчас апостолы благоухания того сделались» (Феодорит Киррский)[19]. «“Миро излиявшееся (μύρον ἐκκενωθέν) имя Твое” имеет двойной смысл. Ибо как миро пролившееся (μύρον ἐκκενωθέν) дом наполняет благоуханием, так с Господним пришествием на землю весь мир благоуханием благочестия наполнился» (Филон Карпафийский)[20]. Толкование Филона Карпафийского было известно древнерусским книжникам по древнеславянскому Толковому переводу Песни Песней, который появился на Руси в середине – второй половине XII в. По списку середины XIII в. оно звучит так: **Того ради отроковіца възлюбиша тѧ, въ плоти бо Х҃во прїшествие весь миръ наполни бл҃гооухания**[21].

Сотношение церковнославянского текста Песни Песней и Послания к Филиппийцам не так однозначно, как в греческом, из-за лексической вариативности в списках Апостола, связанной с бытованием Апостола в древнерусской письменности в нескольких редакциях[22]. Можно выделить три основных лексических варианта перевода греч. ἑαυτὸν ἐκένωσεν «Себя опустошил»: **себе изтощи** – так в Чудовском Новом Завете святителя Алексия 1354 г.[23], **себе излїа** – так в Геннадиевской Библии 1499 г. и в рукописных Апостолах XV–XVI вв. из Троицкого собрания РГБ (ф. 304.I[24]), **себе оумалилъ** – так в старопечатном Апостоле московского издания 1564 г. (л. 168 об.), Острожской Библии 1581 г. (л. 48), Библии издания Московского Печатного двора 1663 г. (л. 489 об.), Елизаветинской Библии 1751 г. (с. 375). В церковнославянском Апостоле, изданном в Москве в 1784 г.: **себе оумалилъ**, с вариантом в подстрочном примечании – **истощилъ** (л. 158 об.). В цитатах данного места из Апостола, как можно судить по словарям, чаще употребляются формы глагола **изливати: ꙗко г҃ь нашь и б҃ъ въ рабии и съмѣреныи ѡблечеся ѡбразъ. Ѿ славы неприкосновеныꙗ изливавъ себе** (κενώσας ἑαυτόν) **и намъ бывъ подобьнъ** (Житие Феодора Студита XII в.); **никакоже ѡбразъ оувѣдѣти въпрашаи. како же себе излиꙗ с҃нъ б҃жи и ч҃лвкъ бы(с)** (Житие Варлаама и Иоасафа XIV–XV в.); **ѡбразъ воплощьшагося б҃а облобызающе желаньемь и любовью изливавшаго себе насъ ради. дажь и до рабьꙗ ѡбраза** (Там же)[25]. Реже встречается форма **истъщи**, восходящая к другой редакции Апостола: **ꙗко са(м) сѧ истъщи и образъ раба прии(м)** (16 Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского XIV в.)[26].

Что касается Песни Песней, то интересующий нас стих не имеет разночтений в древнейших славянских переводах: в Мефодиевском переводе (по списку XIV в.) **мѵро излиꙗно имѧ твоѥ**[27], в Толковом переводе (по списку середины XIII в.) **мюро излꙑꙗно имѧ твоѥ**[28]. Эти два перевода составляют основную массу рукописей Песни Песней, бытовавших в Древней Руси[29]. В цитатах из Песни Песней интересующее нас слово может передаваться, как явствует из литературы, причастиями от глагола **излиꙗти** и (1 случай) причастием или прилагательным от **истъщити**, появившимся, вероятно, в результате обратного влияния Послания к Филиппийцам на Песнь Песней: **възрадуѥмсѧ д҃хвнѣ. приѥмлюще излиꙗвшагосѧ** (ἐκκενωθέντος) **на(с) ради мюра** (16 Слов Григория Богослова XIV в.); **но обонѧимы х(с)а в песнѣ(х) реченое. миро излиꙗно имѧ твое** (Там же)[30]; **миро излиано имѧ твое** (Иоанн Златоуст. Великие Минеи Четьи XVI в.); **миро истъщанно имѧ тебѣ** (Дионисий Ареопагит. О священном чиноначалии. Там же); **миро бо излианно имѧ твое** (Слово Иоанна Дамаскина. Там же), а также (1 пример) прилагательным: **миро благоуханно** (Дионисий Ареопагит. О священном чиноначалии. Там же)[31].

В Вульгате и русском синодальном переводе нет оснований для сближения Песни Песней с Посланием к Филиппийцам: μύρον ἐκκενωθέν «миро излиянное» по-латыни oleum effusum (Cant 1.2) от effundo «изливать, проливать» (о жидкости), а ἑαυτὸν ἐκένωσεν «Себя излиял» – semet ipsum exinanivit (Phil 2: 7) от exinanio «опоражнивать, разгружать», например, navem «корабль» (у Цицерона) или vehicula «повозки» (у Плиния Старшего) – слово, в классической латыни имеющее, судя по словарям, скорее сниженный оттенок. В синодальном переводе Песни Песней («имя твое – как разлитое миро») употреблена сравнительная конструкция, делающая невозможным метафорический перенос, и потеряна категории действия – единственный случай на 12 переводов Песни Песней на разные языки, опубликованных А. А. Алексеевым; в Послании к Филиппийцам («уничижил Себя Самого») – перевод-интерпретация, так как у греческого κενόω нет значения «уничижать».

В ПМ есть прямая цитата интересующего нас места из Послания апостола Павла к Филиппийцам с причастием от глагола **излиꙗти**: **видѣти славоу съподобистасѧ • сама себе излиꙗвъшаго м҃лсрдиꙗ ради • прѣхвальнаꙗ • законъ бо ѥго съхраниста • и причѧстьника страстьм҃ ѥго быста** (л. 12) – канон св. муч. Тимофею и Мавре (3 мая), глас 6, песнь 9, тропарь 1.

Причастный оборот **сама себе излиявъшаго** – описательное именование Христа, славу Которого мученики Тимофей и Мавра удостоились увидеть на небесах. Новозаветный текст легко узнается, следование Посланию апостола Павла здесь буквальное, разница только в глагольной форме: ἐκένωσε *aor.* **излия** в Послании, κενώσαντος **излиявъшаго** *part. aor. gen.* – в ПМ и в греческом.

В минее XIV в. РГАДА, ф. 381, 113 (Тип. 226) вместо **излиявъшаго** представлено разночтение **истъщившаго**, восходящее к упомянутым лексическим вариантам древнеславянского Апостола: **Видѣти славу сподобистася. иже себе истъщившаго. щедротъ ради. всехвалная** (л. 20)[32].

В минее издания Московской Патриархии: «Видети славу сподобистеся Себе излиявшего за милосердие, прехвальнии»[33]. Как видно, печатная минея следует в этой цитате за более древней Путятиной, а не за вариантом XIV в. и лексически отличается от перевода этого стиха из Апостола в печатных церковнославянских Библиях – где, напомним, имеет место форма **себе оумалилъ**.

Метафорическое именование Христа «миром излиянным» вслед за Песнью Песней встречается в ПМ в песнопениях святым девам-мученицам – Ирине (5 мая) и Феодосии (28 мая): «Мира излиявшегося благоухание, вселенную наполнившего благодатью, восприняв, ты окрылилась к Его любви, славная» (канон св. муч. Ирине, глас 4, песнь 3, тропарь 3; перевод с греч. мой. – *Л. Щ.*)[34]. В ПМ перевод иной: **Мѵро проливани[я] вони • и вьселкнѣи бл҃гожханиꙗ даръ • въсприимъши възлктѣ • къ того лювъви прѣслав҆ная** (л. 17).

Мѵро проливани[я] – так переведен оборот μύρου κενωθέντος «мира излившегося». Грамматика греч. оригинала заставляет предположить порчу: было **мѵра проливаньна**? Последняя буква в слове **проливани[я]** не видна, реконструируется нами на основании чтения в минее XII в. ГИМ, Син. 166 (см. ниже)[35]. **Того** (τοῦτου) – относится к обороту «мира излиянного». То, что под «миром излиянным» здесь подразумевается Христос, как и в святоотеческих толкованиях, ясно из развернутого определения к конструкции «мира излиянного» – «вселенную облагоухавшего благодатью» (τοῦ τὴν οἰκουμένην εὐωδιάσαντος χάριτι). Это аллюзия на Пролог Евангелия от Иоанна, где говорится о «благодати» (χάρις) и «истине», происшедших через Иисуса Христа (Ин 1: 17), перекликающаяся с цитированным выше толкованием Филона Карпафийского на Песнь Песней. В ПМ на месте этого причастного оборота – **вьселкнѣи бл҃гожханиꙗ даръ**, где **даръ** – неточное соответствие для χάριτι *dat. sg.* «благодатью».

В минее XII в. РНБ, Соф. 203, видимо, был несколько другой текст, более точно соответствующий греческому: [**мүроү изливa**] **въшюса въ оумъ ти • [вьселѣноую о]блгооухавъшю бла[годѣтию • въспри]имъши • въперисa [къ того любъви сл]авьнаꙗ** (л. 20 об.)[36]. В квадратные скобки заключены фрагменты, утраченные в рукописи и реконструированные нами с учетом других рукописей майской минеи, а также греческого параллельного текста.

В минее XII в. ГИМ, Син. 166 тропарь почти не отличается от ПМ: **Мюро проливаниꙗ вони • вьселенѣи благооуханиꙗ даръ • въсприимъши • възлетѣ къ любъви того прѣхвальнаꙗ** (л. 17 об.). Разночтение **прѣхвальнаꙗ** на месте (**прѣ**)**слав'наꙗ**, видимо, восходит к вариативности в греческих рукописях: ἔνδοξε «славная» – εὔφημε «прехвальная».

Минея Московской Патриархии близка к минее Соф. 203: «Мира излиявшагося чувствующи и вселенную облагоухавшаго благодатию приимши, восперися к желанию сего, славная»[37]. Написание местоимения «сего» (о Христе) со строчной буквы показывает, что издатели не поняли метафорический смысл оборота «мира излиянного» и не связали его со святоотеческими толкованиями на Песнь Песней.

Минея конца XV в.: **Миро изливавъшися въ чювьствїих. иже вселеноую блгооухав'шаго блгдтїю. прїемши ѡкрилатѣ. к' желанїю сего славнаꙗ**[38].

В каноне св. муч. Феодосии Христос прямо назван «миром излиянным»: «Миро излиянное – Христа – возлюбившие отроковицы богомудро последовали Ему, в песнях славя»(перевод с греч. мой. – *Л. Щ.*)[39]. Это прямая аллюзия на Песнь Песней через слова μύρον ἐκκενωθέν «миро излиянное», ἀγαπήσασαι «возлюбившие», νεάνιδες «отроковицы», ср. в Септуагинте: «Миро излиянное имя твое, потому отроковицы возлюбили тебя» (Cant 1.3, перевод мой. – *Л. Щ.*). Слова «в песнях (ἐν ᾄσμασι) славя» отсылают к названию этой библейской книги: Ἆσμα ᾀσμάτων. В ПМ тропарь переосмыслен – после «миро излиянное» добавлено **бы**, отсутствующее в греческом, подлежащее νεάνιδες *nom. pl.* «отроковицы» передано звательным **двце** (вторичное из **отроковице**; читалось, видимо, νεάνις *nom.-voc. sg.* «отроковица»), **възлюбивъшимъ** *дат. мн.* похоже на порчу из первоначального **възлюбивъши** *им. ед.*, которое появилось, по-видимому, в результате прочтения ἀγαπήσασαι *part. pl.* «возлюбившие» как ἀγαπήσασα *part. sg.* «возлюбившая»: **Мүро изливано быс • ха възлюбивъшимъ •**

дв҃це б҃омѫдра • послѣдовавъши кмоу пѣ҇ми кго слав҄лꙗаше (л. 118) – глас 4, песнь 5, тропарь 1.

Минея XIII в. РНБ, Соф. 204 сохранила, похоже, первоначальный вариант перевода (или близкий к нему), так как здесь на месте **възлюбивъшимъ** ПМ находим **възлюбивъши**, а на месте **дв҃це** – **отроковице**: **Мюро изльꙗно бысть • Х҃а възлюбивъши • отроковице б҃омоудраꙗ • послѣдовавъши томоу • пѣсньми того славѧщи** (л. 119).

Минея XII в. Син. 166 близка к предыдущей, кроме замены **отроковице** *зват.* на **отроковица** *им.*: **Мюро излиꙗно бысть • Хрьста възлюбивъши • отроковица богомоудрьнаꙗ • послѣдовавъши томоу пѣсньми кго славѧщи** (л. 166).

В печатной минее: «Миро излиявшееся, Христа возлюблыши, отроковице, богомудренно последовала еси Ему, песньми славяще» [10] – не очень понятна форма последнего причастия, ожидалось бы «славящи», как в древних рукописях.

В минеях XV в.: **Миро излиꙗвшеесѧ Х҇а. възлюблеше ѿтроковице. б҃ом҄рно послѣдоваше семү. пѣ҇ми славѧще.** [11]

Близость всех славянских миней между собой и отличие их от имеющегося в нашем распоряжении греческого текста может объясняться двояко: либо все они восходят к одному и тому же неточному переводу с греческого, либо отражают другую редакцию греческого оригинала.

Как замечает современный церковный комментатор Песни Песней, догматы Священного Писания, будучи облечены в поэтические выражения этой библейской книги, полнее раскрывают свою «сокрытую глубину и красоту» и приобретают «неповторимое звучание и неотразимую силу» [12]. Придавать содержанию неповторимое звучание, глубину, красоту и силу – это неотъемлемое свойство любого поэтического тропа, который воздействует непосредственно на эмоциональную сферу. Именование Христа «миром излиянным» – пример догмата (в данном случае – Воплощения), облеченного в поэтическую форму: миро, во-первых, благоуханно, во-вторых, драгоценно, в-третьих, священно (или vice versa).

Вернемся к первой строке пушкинского стихотворения. М. Ф. Мурьянов замечает: «По-библейски ли звучит выражение *огонь желанья*? Да, Пушкин не нарушил этим стиля Песни Песней, где о любви говорится: *Крила ея крила огня, оуглие огненно пламы ея* (8, 6), а жених описывается словами *гортань его сладость, и весь желание* (5, 16). Нанизывание еще одного слова, создание фразы *горит огонь желанья* придает высказыванию законченность, не снижая чистоты стиля» [13]. К этому анализу можно только добавить, что име-

нование любви горящим огнем – один из излюбленных тропов литургической поэзии. В ПМ таких примеров множество. Вот некоторые из них:

Любъвиѭ гн҃ѥѭ раждегъшися • небрѣже красьныхъ Ȥоиѥ мира сего • сего ради бечисльныхъ бл҃гъ • съ Ѥсперикмь и съ чады • питаюшися поѭшти Х҃а (л. 6 об.) – канон св. муч. Есперию и Зое (2 мая), глас 4, песнь 6, тропарь 3;

Ог҄нкмь раж҄дьгъшися любъвиѭ Хвоѭ • ог҄ня не оубоꙗся • великоименитаꙗ Ȥоия • сего ради приведена бы҇ • приꙗтьна жрьтва своѥмоу рачителкви[44] (л. 6 об.) – там же, песнь 7, тропарь 3;

Бж҃кѭ любъвиѭ д҃шѭ раждьгъ м҇чнче • ог҄нь м҇чниѭ трьпѣлъ кси крѣп҄ко • сего ради тя Хв҃ъ бж҃ствьныи хладъ • бл҃жне прохлади. (л. 9 об.) – канон св. муч. Тимофею и Мавре (3 мая), глас 6, песнь 3, тропарь 2;

ꙗко пещь съкръвенок • м҇це бж҃кѭ раждегома любъвиѭ • трьпꙗщи ȥъваше • бл҃нъ[45] (л. 15) – канон св. муч. Пелагии (4 мая), глас 4, песнь 7, тропарь 2;

Ог҄кмь тя • любы Хв҃а распали слав҄не • ис пламене прѣложитися • м҇чнче на хладъ Ѥладиѥ ст҃е (л. 114 об.) – канон св. муч. Елладию (27 мая), глас 8, песнь 6, тропарь 2.

Приведенные примеры хорошо иллюстрируют характерный для поэтики гимнографического жанра прием «обнажения», или актуализации, буквального значения тропа: «огонь» как метафорическое наименование любви в песнопениях противопоставлен реальному огню мучений, который претерпевают мученики. Упоминание «хлада» (δρόσος) в этом контексте является отсылкой к библейскому рассказу о трех отроках в пещи Вавилонской из Книги пророка Даниила: как известно, огонь в пещи, куда бросили отроков, с помощью Божьей обратился в «хлад» (δρόσος)[46]. В песнопениях этот «хлад» может быть как реальным, так и метафорическим. Тема «огня» и «хлада» закономерно используется авторами канонов в тропарях 7-й песни, так как ирмос этой песни связан с сюжетом о трех отроках, но может встречаться и в других песнях.

Метафорическое уподобление любви горящему огню, судя по словарям, было известно античной поэзии. Каллимах (III в. до н. э.) говорит о каком-то Каллигносте, который клялся некоей ионянке «никогда не искать лучшего, чем она, ни друга, ни подруги», «а ныне, забыв несчастную нимфу, мужским пламенеет огнем» (ἀρσενικῷ θέρεται πυρί), то есть, по-видимому, пылает страстью к мужчине[47]. Вергилий (70–19 гг. до н. э.) в начале 4-й песни «Энеиды» называет страстную любовь Дидоны к Энею «слепым ог-

нем» (Dido caeco carpitur igni)[48]. Но это – другой огонь, огонь греховной страсти, от которого предостерегает Премудрость Иисуса, сына Сирахова: «Многие совратились с пути чрез красоту женскую; от нее, как огонь, загорается любовь» (Сир 9: 9). Ей вторит Хроника Георгия Амартола: «Лучше на четвероострое копье напороться или в огонь попасть, чем дерзнуть явно разжечь в себе такой огонь» (с. 203). В ПМ также встретился пример (только один) греховного огня – очевидно, огня страстей (πάθος «страсть»)[49]: **Оумˢныи • огˢнь грѣховьныи погаси • водами мѫдре • приснотекоущимн слъзами • въ безгрѣшьнѣмь хладѣ въпиꙗаше • бл҃нъ** (л. 127 об.) – канон преп. отцу Исаакию[50] (30 мая), глас 8, песнь 7, тропарь 2. Слово «хлад» и порядковый номер песни сигнализируют о том, что тропарь является аллюзией все на тот же сюжет трех отроков. «Хладом» названо здесь состояние безгреховности (буквально «бесстрастия»), отрешения от земных страстей, которое достигается постом, молитвами и слезами.

Последнее слово первой строки пушкинского стихотворения – «желание». М. Ф. Мурьянов приводит соответствие этому слову из Песни Песней: «Гортань его сладость, и весь желание»[51] – и указывает на древнееврейское соответствие церковнославянскому *желание* – maḥămaddīm «привлекательность, приятность»[52]. К этому можно добавить два замечания. Во-первых, в древнерусской письменности есть свидетельство того, что «возлюбленный» (ἀδελφιδός, в Мефодиевском переводе **братоучѧдъ**, в Толковом переводе **брат**), о котором идет речь в этом стихе, прямо отождествлялся с Христом: **х҃е доброк имѧ сладость моꙗ и желаник мок** (Сборник молитв второй половины XIII в. из Ярославля, л. 42 об.)[53]. Приведем подтверждающий такое понимание пример из ПМ: **Вьсьсь** (вм. **вьсь**) **сладость ксть • твои женихъ страстотьрьпице • вьсь дш҃вьна бл҃гожханиꙗ • Феодѡсик м҃це и невѣсто Хв҃а** (л. 119 об.) – канон св. муч. Феодосии (28 мая), глас 4, песнь 9, тропарь 3.

Во-вторых, пушкинское «желание» находит аналогии в ПМ в виде глагола **въждел҃ѣти** «желать», имеющего, как и **желаник** Песни Песней, оттенок любовного желания. Приведем два примера из службы мученице Ирине (5 мая):

Въжˢделѣвъши приꙗти • възлюблкнаго доброты • мч҃ниꙗ болѣзни прѣтрьпѣла кси • Иринии зовѫщи • оц҃ь нашихˢ (л. 18 об.) – канон, глас 4, песнь 7, тропарь 3.

В минее конца XV в. тропарь представлен со стилистической правкой: **въжˢделѣвъши** заменено на **желающи**, а **възлюблкнаго** – на **рачителѧ**: **Желающи оулоучити рачителѧ своего добротоу. моучен-**

ныіа болѣзни претръпѣла єси. Иріно[54]. Так и в минеях Московской Патриархии[55]. Эти синонимы, как более сдержанные, свидетельствуют о стремлении книжников XIV в. (именно тогда был выполнен новый перевод служебных миней) приглушить слишком страстное звучание древнего текста.

Дв҃о прѣхвальнаіа страстотрьпице • доблѥ стражѫщи по женисѣ своѥмь въпиіаше • тебе люблю б҃е мои вл҃ко • по тебѣ въжделѣвъши д҃шѫ моѭ прѣдамь (л. 21 об.) – кондак, глас 6.

В приведенных песнопениях любовь мученицы к Жениху-Христу и желание быть с Ним неразрывно связаны со страданием и смертью, через которые достигается единение с Возлюбленным. Это соположение можно рассматривать как отсылку к библейскому сравнению: **іако крѣпка іако съмрьть любы**[56] «ибо крепка, как смерть, любовь» (Песн 8: 6).

Для второй пушкинской строки – «душа тобой уязвлена» М. Ф. Мурьянов указывает в качестве источника стих Песни Песней: *яко уязвлена есмъ любовию аз* (Песнь 2: 5)[57]. В Толковом переводе: **іако оуіаѕвена есмь любовью его**[58] (в греч. τετρωμένη «ранена»). В Мефодиевском переводе – разночтение: **бодена ѥсмь**[59]. А. А. Алексеев приводит две цитаты этого стиха с причастиями от **бости** и приставочного **пробости: прободена оубо любъвию азъ ѥсмь** (Беседы папы Григория Двоеслова на Евангелие, XIII в., РНБ, собр. Погодина, 70, л. 159) и **іако бодена ѥсмь любовью азъ** (Пандекты Антиоха XI в.)[60]. Глаголы **бости** и тем более **пробости** – это лексика страстного цикла: воин **прободе** (ἔνυξεν) копьем ребра Иисуса Христа на Кресте, после чего из раны вытекла кровь и вода (Ин 19: 34, а также – по вариантам – Мф 27: 49). Думается, что перевод Мефодия **бодена ѥсмь** как раз и был навеян ассоциациями с этим евангельским стихом. В результате появилась перекличка, существующая только на славянской почве, так как в греческом здесь разные глаголы: τιτρώσκω «ранить» в Песни Песней и νύσσω «колоть» в Евангелии.

Немного больше, как кажется, цитат с причастием от **оуіаѕвити**. А. А. Алексеев приводит примеры из четьих текстов (Кирилл Туровский, патриарх Евфимий, ВМЧ)[61], И. И. Срезневский – два примера из сентябрьской минеи 1096 года[62]. Есть аллюзии на этот стих Песни Песней и в ПМ. Приведем несколько примеров из службы св. муч. Ирине (5 мая):

1) **Отроковице любъвиѭ ѫіаѕвенѣ бывъши • своѥго жениха послѣдовала ѥси • сего страстии и мѫкы и ѕнамениіа • на тѣлѣ своѥмь носѧщи** (л. 19) – канон, глас 4, песнь 8, тропарь 2.

Как и в случае с «огнем любви», гимнограф применяет здесь тот же прием актуализации в тропе «уязвлена любовью» его буквального значения (τετρωμένη «ранена»), перифразируя слова апостола Павла: «Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал 6: 17). «Язвы» апостола Павла и «знамения» на теле мученицы – это разные переводы одного и того же греческого στίγματα «стигматы», раны на теле Христа. В минее XV в. и в минее Московской Патриархии это «раны»[63]. Так, «возвращаясь» к буквальному значению метафоры, автор песнопения подчеркивает неразрывную связь любви со страданием и жертвой, где в жертву Возлюбленному приносится собственная жизнь (см. выше о св. муч. Зое: **сєго ради приведена бы҃с • приꙗтьна жрьтва своꙗмоу рачителꙗви**).

2) **Доброты твоꙗ Х҃е дв҃аꙗ жꙗꙁ҆вися • притьче скоро • къ видимѣи добротѣ • и в҆сѧ тѣлꙗсноуѭ • красотоу**[64] **прѣдала ꙗси въ мѫкахъ • и въ горькыхъ прѣщенииихъ • ныня же въ крас҆нѣмь чрьтоꙁѣ**[65] **• оуд҆вариꙗкшися • оу своꙗго вл҃кы** (л. 21) – седален, глас 1.

В ПМ здесь имеет место анаколуф: седален начинается обращением к Христу с местоимением **твоꙗ** и звательной формой **Х҃е**, а далее следует обращение к мученице: **прѣдала ꙗси** и **оуд҆вариꙗкшися**. В греческом оригинале на месте **прѣдала ꙗси** корректное ἐκδέδωκε *3 sg.* «она предала», а концовка обращена к Христу, как и начало: ἣν εἰς ὡραίους νυμφῶνας εἰσήγαγες, δέσποτα[66] «которую в прекрасные чертоги Ты ввел, Владыка». Как хорошо видно, синтаксическая переделка, которую претерпел седален, придала ему гораздо бульшую выразительность и эмоциональную силу по сравнению с греческим оригиналом. Очевидно, что анаколуф, то есть обращение одновременно и к Христу, и к мученице, в данном случае не только не мешает, а, наоборот, способствует более эмоциональному восприятию песнопения. То же можно сказать и о вставке отсутствующего в греческом наречия **ныня**.

3) **Ꙗвися любъвиѭ Хв҃оѭ • и кѫмиры възненавидѣла ꙗси • и ꙗꙁыкы беꙁдѫшьныхъ тѣлꙗсъ • Иринии • прѣслав҆наꙗ • и бо҃разоум҆наꙗ** (л. 20) – стихира 3, глас 1.

В начальном глаголе писцом пропущена одна буква: должно быть **ꙗꙁвися** (так в минее XII в., РНБ, Соф. 203, л. 20). В минее того же времени ГИМ, Син. 166 **насладися любъвию Хрьстовоѭ** (л. 16), в минее издания Московской Патриархии «Осладившися любовию Христовою»[67]. В минеях конца XV и начала XVI в. **Приведеся любовїю Х҃вою**[68]. В имеющемся в нашем распоряжении греческом тексте ἐθέλχθης[69], что соответствует варианту **насладися**. Чтение ПМ и Соф. 203 дает основания для реконструкции лексического

варианта ἐτρώθης «ты была ранена». Считаем, что вариант ꙗꙁвиса ἐτρώθης эмоционально сильнее, чем насладиса ἐθέλχθης. Он напоминает, что плата, приносимая мученицей за любовь к Христу, — собственные болезни и страдания, «язвы» на теле от мучений, повторяющие язвы Спасителя, полученные Им во время крестной страсти, и смерть во имя Его как путь к жизни вечной. Это «крещение мученичеством и кровью», о котором говорил Григорий Богослов[70] и которое помещало мучеников на высшее место в иерархии святости. Это буквальное следование словам апостола Павла, как они процитированы в каноне св. муч. Исидору (14 мая) Феофана Исповедника: съоумьръ ти да живъ боудѫ • съраспьноу ти са да црствоую съ тобою (ПМ, л. 64) — глас 8, песнь 9, тропарь 1; ср. Гал 2: 19. В имеющемся греческом тексте тропарь построен на более слабом эмоционально противопоставлении: «была привлечена» (ἐθέλχθης) — «возненавидела» (ἐμίσησας).

Сделаем небольшое отступление и отметим, что наряду с «язвами», которые наносит любовь, существуют и другие язвы, поражающие душу, — раны больной совести, о которых говорится в пушкинских «Стансах митрополиту Филарету» (1830):

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

Для нас эти строки интересны использованием распространенного гимнографического тропа, представленного в одном из покаянных богородичнов ПМ: Прчтаꙗ влдчце дво съгрѣшении моихъ строупы (τοὺς μώλωπας «раны») • масломь (ἐλαίῳ «елеем») милостынꙗ твоеꙗ ицѣли (л. 63 об.) — канон св. муч. Исидору, песнь 7 (текст от лица автора). Не думается, что такое совпадение случайно.

Итак, в гимнографии любовь к Христу описывается теми же словами, что и земная любовь в пушкинском шедевре. Источником тропов и для составителей канонов, и для великого русского поэта послужила именно греко-славянская версия Песни Песней. В Вульгате, масоретском тексте и основанном на нем русском синодальном переводе нет ничего подобного. Церковнославянский стих ꙗко оуꙗзвлена есмь любовию азъ (Песн 2: 5; 5: 8) в Вульгате звучит так: quia amore lanqueo «ибо я утомлена любовью». В русском синодальном переводе: «ибо я изнемогаю от любви». Троп утрачен, как утрачены и все связанные с ним коннотации.

В заключение кратко обозначим те коннотации, на которые может вывести лексика последней строфы. Речь пойдет об определениях «веселый» («веселый день») и «безмятежный» (о душевном состоянии лирического героя). М. Ф. Мурьянов разницу между «веселым днем» Песни Песней и пушкинского стихотворения усматривает в том, что «в Песни Песней только день перед брачной ночью Соломона определен как “*день веселия сердца его*” (3, 11), у Пушкина – день после этой ночи. Различие с далеко идущими последствиями...» [71]. Думается, что это различие все же не так существенно. В ПМ мотив веселья, унаследованный из Ветхого и Нового Завета, в том числе и из Песни Песней, связан только с одним условием: возможностью наслаждаться вечной жизнью после соединения с Христом. Все праведники, пребывающие с Христом на небесах или направляющиеся туда, пребывают в состоянии непрекращающегося веселья и радости. В связи с этим лексика «веселья» – одна из самых частотных в ПМ: по нашим подсчетам, лексемы с этим корнем встречаются здесь 50 раз на 29 сохранившихся дней мая (из-за лакуны в рукописи полностью утрачен текст 20 мая и частично – 21 мая), и еще 79 раз – **радоватисѧ** и **радость** [72]. Тема небесного веселья связана с аллюзиями на тему бракосочетания царя Соломона в каноне пророку Исаие (9 мая): **Веселованьнѫ ризоу ꙗкоже оубо женихъ носѧ • веселитьсѧ радостьно • Исаиꙗ слав҄ныи** (л. 41) – глас 4, песнь 8, тропарь 2 (речь идет о пребывании пророка на небесах). Сущность христианского веселья раскрывается в каноне апостолу Андронику (17 мая): **ꙗко истиньна бы҃с винограда ст҃е • лоза бл҃гоплодовита • вино бесъмрьтиꙗ искапи ты • и ч҃лча же ср҃ца възвесели ан҄дрониче** (л. 76 об.) – глас 8, песнь 9, тропарь 2. О том же имплицитно сказано в Толковании на Песнь Песней Ипполита Римского: **то мюро излыꙗсѧ ѿ нб҃се въ миръ ... и то мюро възвесели вьсѧ праведникы** [73] (о Христе). Итак, истинное веселье – это бессмертие и вечная жизнь подле Бога, даруемая праведникам. На земле оно невозможно.

И здесь, в конце наших рассуждений, хотелось бы кратко остановиться на слове «безмятежный», хотя оно и не связано с Песнью Песней. Это слово М. Ф. Мурьянов отмечает как «третье приращение», добавленное поэтом к библейскому тексту, наряду с первым – «в крови» и вторым – «душа» [74]. Это «приращение» находит параллель в ПМ в каноне преп. Арсению (8 мая): **Ты мѧтежа оубѣжавъ Ар҄сение • ꙗко грѣха источьникъ • безмлъвиемь же ꙗзыкъ свои обоуздавъ • тѣмьже немѧтежьнъ оумъ • безмлъвиемь съблюдъ • стоужмоу д҃хоу бы҃с прпдбное покоиште** (л. 30) – глас 8,

песнь 1, тропарь 3. В песнопении дана очень отвлеченная отсылка на известные события жизни Арсения Великого – римского диакона, ставшего воспитателем сыновей императора Феодосия Великого (378–395). В Хронике Георгия Амартола о них рассказывается так. Однажды, будучи уже наставником царских детей и пользуясь огромным уважением Феодосия, диакон Арсений услышал голос: «Арсений, беги (ср. **оубѣжавъ** ПМ) от людей и спасешься», – после чего бежал в Египет и стал монахом. Через некоторое время он снова услышал голос: «Арсений, беги, в молчании (ср. **безмлъвиѥмь** ПМ) умолкни, ибо в этом корни безгреховности», – после чего удалился в пустыню [75]. **Нематежьнъ** ПМ – полное лексическое соответствие пушкинскому «безмятежный», и тождество лексики еще более оттеняет всю пропасть между пониманием «безмятежности» в гимнографии и (в данном контексте) у Пушкина. Лексика канона преп. Арсению интересна тем, что позволяет в неожиданном ракурсе увидеть духовный путь, пройденный поэтом с 1824 г., когда было написано «В крови горит огонь желанья...», до 1834 г., которым датируется такой шедевр, как «Пора, мой друг, пора!». В стихотворении 1834 г., как и в каноне, звучит, во-первых, тема «побега»: «Давно, усталый раб, замыслил я побег» – **матежа оубѣжавъ** (л. 30); во-вторых, тема труда: «В обитель дальную трудов и чистых нег» – **и подоб҆но приꙗтъ троудомъ • расплоꙗжениꙗ прѣблаⷤнъ Арьсениѥ** (ПМ, л. 34); в-третьих, тема чистоты: «чистых нег» – **къ б҃оу бесѣдова • прѣсвѣтьлами чистотами** (ПМ, л. 37); наконец, тема покоя: «есть покой и воля» – **стоу҃жмоу д҃хоу бы҇ пр҃пдбноѥ покоиште** (л. 30). Смысловые переклички можно видеть в словах «чистых нег» – **ѡбъма б҃жиꙗ сиꙗниꙗ • наслаждение пр҃блажене • Аръсение** (л. 33), а также «В обитель дальную» – **свѣтильникъ поустыни • б҃лжене Арьсениѥ обрѣтеса** (л. 37 об.).

На этих примерах хорошо видна переоценка ценностей, происшедшая в период между двумя стихотворениями.

* * *

Итак, можно надеяться, что проделанный нами анализ позволяет уточнить приведенное в начале работы мнение М. Ф. Мурьянова о «скупом и осмотрительном» использовании гимнографами образов и фразеологии Песни Песней. Нуждается в коррекции и высказывание исследователя, что «напряженная эротика» этой библейской книги не снималась «хитроумными богословскими перетолкованиями» [76]. В гимнографии она не снималась, а переадресовы-

валась Небесному Жениху, сохраняя, как мы пытались показать, всю свою напряженность. Будучи самой поэтической из книг Ветхого Завета, Песнь Песней закономерно заняла свое прочное и незыблемое место в таком поэтическом жанре, как литургическая лирика. Сравнивая песнопения ПМ с текстами Песни Песней, можно убедиться, что, хотя эта библейская книга за богослужением не читалась, все же она звучала в церкви – в виде цитат, аллюзий и отсылок к ее содержанию и лексике. Особенностью гимнографического языка и мышления можно считать «контаминацию» разных мест Священного Писания на основании схожей лексики в одном поэтическом высказывании – прием, заимствованый гимнографами у отцов Церкви. Как это происходит, хорошо видно на примере использования в гимнографии тропов «миро излиянное» и «уязвлена любовью». Сравнение богослужебных песнопений с творениями святых отцов позволяет увидеть, что христианское богословие, представленное в святоотеческих толкованиях, в гимнографии, не теряя своей догматической чистоты, приобретает поэтическое звучание.

Как замечает М. Ф. Мурьянов в своих наблюдениях над влиянием гимнографической традиции на язык русской классической поэзии, «характернейшей чертой развития русского литературного языка Нового времени является неуклонный отход от норм языка (и мышления!) церковной книжности» [77]. Пушкин обратился к Песни Песней не как к книге священного для христиан содержания, а как к сборнику обрядовых свадебных песнопений, каковым она, по сути, и является. Это взгляд человека Нового времени. По словам современного (2000 г.) церковного комментатора Песни Песней, всех русских поэтов, обратившихся к сюжету этой библейской книги, «объединяет полное отсутствие понимания, что это за произведение» [78], – и у истоков такого «непонимания» стоит пушкинский шедевр.

С. С. Аверинцев пишет о различии между античным и библейским мировосприятием: «Поэтика Библии – это поэтика притчи, не оставляющая места ни для чего, похожего на эллинскую “пластичность”: природа и вещи должны упоминаться лишь по ходу действия и по связи со смыслом действия, никогда не становясь объектами самоцельного описания, выражающего бескорыстно-отрешенную радость глаз; люди же предстают не как объекты художнического наблюдения, но как субъекты выбора и действия» [79]. Поэтика гимнографии, как любого средневекового жанра, близка к библейской в определении С. С. Аверинцева. Стихотворение Пушкина по духу

ближе к «эллинской “пластичности”», о которой говорит исследователь: и «сладость», и «безмятежность», и «веселье», которые описывает поэт, вызваны у него иным состоянием души, чем то, к которому призывают стремиться церковные песнопения. Так могло быть в античности, до того как с появлением христианства жизнь людей получила совершенно новое содержание. Представляется не случайным одно важное умолчание поэта: в стихотворении о любви ни разу не встречается само слово «любовь», хотя уже в первых трех стихах Песни Песней, два из которых поэт собственноручно выписал в свою черновую тетрадь, снабдив русским переводом [80], оно употреблено три раза. В связи с этим возникает вопрос: о любви ли писал поэт, и какова взаимосвязь между этим понятием и описанными им в стихотворении переживаниями?

Тем не менее поэт с безошибочным чутьем выбрал для своего шедевра именно лексику Песни Песней, которая, безусловно, придала описанным им чувствам возвышенность и едва уловимую нотку библейской горечи.

В то же время некоторые отмеченные нами лексические и образные совпадения пушкинских строк с церковными песнопениями заставляют задаваться вопросом: только ли Священное Писание было источником вдохновения для поэта? По признанию самого Пушкина, он любил слушать богослужебные песнопения [81]. У нас нет достаточно данных для того, чтобы судить, в каком объеме смысл церковных песнопений мог быть воспринят прихожанами XIX в. М. Ф. Мурьянов считает, что гимнодия в Новое время «понималась с трудом» и русский человек не испытывал в ней особенной душевной потребности [82]. Но гимнографические формулировки, благодаря многократному повторению, воздействуют на подсознание и остаются в памяти, даже если смысл песнопений в полном объеме ускользает. Так было с древнерусскими книжниками – правда, вопрос этот только начинает изучаться [83]. Как мы уже видели, цитаты из Песни Песней, использованные Пушкиным, в церкви звучали. Не был ли выбор поэта подсознательно мотивирован воздействием церковного богослужения?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из последних публикаций можно упомянуть: Новгородская служебная минея на май XI в. (Путятина минея). Текст. Исследования. Указатели / Изд. подг. В. А. Баранов, В. М. Марков / Отв. ред. В. М. Марков. Ижевск, 2003; Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание /

Подг. греч. текста, коммент., словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005; Ильина книга: Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинеарно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подгот. Е. М. Верещагин. М., 2006; *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского: По древнерусским и южнославянским спискам XIII–XV веков. М., 2006; Типографский устав. Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / Под ред. Б. А. Успенского. М., 1006. Т. I–III; *Hannick Ch.* Das altslavische Hirmologion. Freiburg i. Br., 2006.

[2] См., например: *Осокина Е. А.* О конструктивном сходстве агиографии и гимнографии // Русская историческая лексикография на современном этапе. М., 2000. Вып. 4. С. 213–222; *Гладкова О. В.* Гимнография и агиография: два взгляда на одно событие (на примере Службы и Жития, посвященных св. Евстафию Плакиде) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2003. № 4 (14). С. 14–16.

[3] См.: *Осокина Е. А.* «Роман» и «служба» как литературная форма: «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 г. В. Новгород, 2005. С. 154–164.

[4] Исследователь обратил внимание на этот аспект, долгие годы готовя к публикации текст Путятиной минеи. Свои наблюдения он изложил в главе «Гимнографическая традиция и язык русской классической поэзии» докторской диссертации, защищенной в 1986 г. (опубликована: *Мурьянов М. Ф.* Гимнография Киевской Руси. М., 2003). Задуманная М. Ф. Мурьяновым работа «Пушкин и Древняя Русь» не была завершена как целое произведение, отдельные ее главы увидели свет в составе разных по тематике сборников статей автора.

[5] См.: *Мурьянов М. Ф.* 1) Пушкин и Песнь Песней; 2) Вопросы интерпретации антологической лирики (Стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья...»); 3) Об одном восточном мотиве у Пушкина // *Он же.* Пушкин и Германия. М., 1999. С. 184–205; 206–252; 259–273.

[6] В издании 2003 г. датируется первой половиной – серединой XI столетия (см.: Новгородская служебная минея на май. С. 4).

[7] Представление о них мы пытались дать в своей работе: *Щеголева Л. И.* Путятина минея (XI в.). 1–10 мая. М., 2001.

[8] *Мурьянов М. Ф.* Гимнография Киевской Руси. С. 192.

[9] См.: *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 225.

[10] Во времена Пушкина мирра (myrrha) была медикаментозным препаратом и использовалась в качестве антисептика и для лечения заболеваний дыхательных путей, а также как стимулирующее средство при дистонии. Применению этого лекарственного средства, употреблявшегося в порошке, пилюлях и в виде микстуры, посвящена глава рукописного справочника по фармакологии на латинском языке начала 1840-х годов, поступившего в Отдел рукописей РГБ в 2002 г.

[11] Так в Песн 3: 6, 4: 16, 5: 13 в старопечатной Острожской Библии 1581 г., Библии издания Московского Печатного двора 1663 г. (л. 265, 265 об.),

Елизаветинской Библии 1751 г. (с. 1078, 1079). См. также: Симфония, или Словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета / Под ред. митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима; Сост. И. А. Бондарев, протоиерей; М. С. Касьян; С. Ю. Касьян. М., 2000. Т. 3. С. 363.

[12] Этимология этого греч. слова неясна: ее возводят или к названию малоазийского города Смирны, или считают вторичным производным от древнейшего m)urra, восходящего непосредственно к евр. mūr. См.: *Chantraine P.* Dictionnaire йtymologique de la langue grecque. Paris, 1974. T. III. P. 724.

[13] Симфония. Т. 3. С. 362.

[14] *Алексеев А. А.* Песнь Песней. СПб., 2002. С. 24.

[15] Там же.

[16] *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 225.

[17] Парадоксально, но это слово может иметь и очень сниженное значение. Георгий Амартол в своей знаменитой Хронике (середина IX в., известна на Руси с XI в.) пишет о ессеях: «Такова ничтожность и скудость в пище тех удивительных мужей, что всю неделю не требуется им опустошения (ken)wsewq)». Славянский книжник деликатно перевел это грубое слово так: ꙗко всю не҃лю не требовати ничтоже. См. об этом: *Матвеенко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия монаха. Русский текст, комментарии, указатели. М., 2000. С. 418.

[18] *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 889. (Перевод здесь и далее наш. – *Л. Щ.*)

[19] Ibid. P. 890.

[20] Ibid.

[21] *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 65.

[22] См.: 1) *Воскресенский Г. А.* Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.: Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879; 2) *Пенев П. С.* Към историята на Кирило-Методиевия старобългарски превод на Апостола // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989. С. 246–316; 3) *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 151.

[23] Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года: Труд Свт. Алексия, митрополита Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца. М., 2001. С. 346.

[24] Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8. М., 1992. С. 288; Апостол-апракос, 1464–1468 гг., № 268, л. 79; То же, XV в., № 80, л. 233; Апостол, № 71, л. 350 об.; № 74, л. 195 об.; № 75, л. 307; № 76, л. 236 об.; № 77, л. 257 об. (все – XVI в.). Электронная версия.

[25] Цит. по: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Т. IV. С. 33.

[26] Там же. С. 110.

[27] *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 24.

[28] Там же. С. 64.

[29] Первый перевод дошел в 21 списке второй половины XIV – XVI–XVII вв.: двух болгарских, одном румынском, одном западнорусском, осталь-

ные списки – русские; второй сохранился в 30 русских рукописях XIII–XVII вв. (см.: *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 13–15, 40–43).

[30] Словарь древнерусского языка. Т. IV. С. 33.

[31] См.: *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 130.

[32] Цит. по: Словарь древнерусского языка. Т. IV. С. 110.

[33] Минея. Май. М., 1987. Ч. 1. С. 157.

[34] *Щеголева Л. И.* Путятина минея. С. 231.

[35] В издании ПМ 2003 г. фрагмент «мира излиявшегося» ошибочно передан слитно и с последней буквой -**ѥ**: **Мѵрополиванiѥ↑ива↓вони** (Новгородская служебная минея. С. 314), где стрелки обозначают замену, по мнению издателей, первоначальной буквы **и** на -**ѥ**.

[36] Вариант **въперисѧ** (вм. **въсперисѧ**? ἀνεπτερώθης) находит неожиданное продолжение в виршах Мардария Хоныкова 1679 г. к гравюрам Библии Пискатора:

Се краснейшая моя, – нарицает
Невесту жених, юже ублажает.
Чудней ея красоте дивится,
Да к любви его тая восперится

(цит. по: *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 232).

[37] Минея. Май. Ч. 1. С. 179.

[38] РГБ, ф. 304.I, № 558. Л. 26. Электронная версия.

[39] Μηναῖον τοῦ Μαΐου. Ἐν Ῥώμῃ, 1899. Σ. 186. (Перевод мой. – *Л. Щ.*)

[40] Минея. Май. Ч. 3. С. 259.

[41] РГБ, ф. 304.I, № 557, минея на май начала XV в., л. 176; № 558, минея на май-июль конца XV в., л. 162. Электронная версия.

[42] См.: *Фаст Г., прот.* Толкование на книгу Песнь Песней Соломона. Красноярск, 2000. С. 82.

[43] *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 226.

[44] **Рачитель** (ἐραστής) – «любовник, возлюбленный» (от ἔρως – «страстная любовь»).

[45] Слово **бл҃нъ** неверно раскрыто в издании 2003 г. как **бл(аже)нъ** (Новгородская служебная минея. С. 312). Данное слово следует раскрывать (если вообще следует раскрывать) как **бл(агословлѥ)нъ**, так как припев ирмоса 4-го гласа 7-й песни канона 4 мая – «Благословен (Εὐλογημένος) Ты в храме славы Твоей, Господи» (парафраз Дан 3: 53). В ПМ, как обычно в греческих и в славянских богослужебных рукописях, стереотипные концовки тропарей не дописывались, так как были хорошо известны. В минее Син. 166, где имеется крюковая нотация и в связи с этим отсутствуют написания под титлами в нотированных фрагментах, концовка тропаря дана в несокращенном написании: **благословленъ ѥси** (л. 23 об.). В печатной минее: «Благословен еси, Боже отец наших» (Минея. Май. Ч. 1. С. 156).

[46] «Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним и выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в середине печи был как бы шумящий влажный ветер (в Септуагинте πνεῦμα δρόσου "дуновение хлада"), и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их» (Дан 3: 49–50).

[47] *Callimachus.* Epigram 25. Musaios. И. Х. Дворецкий (электронная версия) относит определение огня «мужской» не к объекту, а к субъекту любовной страсти, но при таком прочтении теряется смысл эпиграммы.

[48] В переводе С. Ошерова: «Злая забота меж тем язвит царицу, и мучит / Рана, и тайный огонь, разливаясь по жилам, снедает» (лат. caecus может означать и «слепой», и «тайный»).

[49] Греческий параллельный текст к этому дню нами пока не найден.

[50] Преп. Исаакий – константинопольский монах. Знаменит благодаря следующему эпизоду. Когда император-арианин Валент (364–378) отправлялся на войну с готами, Исаакий взял за узду его коня со словами: «Куда идешь, царь, на Бога вооружившийся и Бога имеющий противником?» – и перед всем народом предсказал ему смерть. Предсказание сбылось, Валент был убит в сражении. Сюжет включен в Хронику Георгия Амартола. Русский перевод см.: *Матвеенко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия монаха. С. 297–298.

[51] *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 226. В Мефодиевском переводе: **Грътань кго сладость и вьсє желаник** (*Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 28. В издании последние два слова напечатаны вместе: **вьсєжєланик**). То, что слово **жєланик** в данном стихе имеет оттенок любовного желания, видно из синонимов к этому слову в Толковом переводе: **всє любы всє поҳотѣніє** (Там же. С. 114). В синодальном переводе: «Уста его – сладость, и весь он – любезность» (Песн 5: 16).

[52] Там же. С. 246. Прим. 92.

[53] Словарь древнерусского языка. М., 1990. Т. III. С. 239.

[54] РГБ, ф. 304.I, № 558. Л. 27 об. Электронная версия.

[55] См.: Минея. Май. Ч. 1. С. 182.

[56] *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 30.

[57] *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 226.

[58] *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 76.

[59] Там же. С. 25.

[60] Там же. С. 132. В словарях цитаты из Песни Песней с этой лексемой не отмечены.

[61] Там же.

[62] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1348.

[63] См.: РГБ, ф. 304.I, № 558, л. 27 об.; Минея. Май. Ч. 1. С. 182.

[64] В издании ПМ 2003 г. слово **красотоу** передано ошибочно с окончанием **-ж** (Новгородская служебная минея. С. 319).

[65] Греческое соответствие слову **чрьтогъ** – νυμφών «брачный чертог, брачные покои» (от νύμφη «невеста», νυμφίος «жених») подчеркивает тему брака. Лексическая перекличка **красотоу** – **въ крас҆нѣмь** существует только в переводе, в греческом здесь разнокоренные слова: εὐμορφίαν «красоту» и εἰς ὡραίους «в прекрасные».

[66] *Щеголева Л. И.* Путятина минея. С. 106.

[67] Минея. Май. Ч. 1. С. 178.

[68] РГБ, ф. 304.I, № 558, л. 25 об.; № 560, л. 17 об.

[69] *Щеголева Л. И.* Путятина минея. С. 102.

[70] Цитата из 39 Слова Григория Богослова о разных видах крещения (PG 36, 353) приводится в Хронике Георгия Амартола: «Крестил Моисей, но в воде, а до этого – в море и облаке. Крестил и Иоанн, уже не по-иудейски, не водою только, но и в покаяние. Крестит и Иисус, но Духом. Это совершенное (крещение). Знаю и четвертое крещение – мученичеством и кровью. Знаю еще и пятое – слезами» (*Матвеенко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия монаха. С. 251). Греческий текст: Georgii monachi chronicon. Stuttgart, 1978. T. 2. P. 463, а также электронная версия Musaios.

[71] *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 227.

[72] Новгородская служебная минея на май. С. 708–713 (Указатели). Вызывает сомнение только статистика в отношении причастия **весєласа**, которое попало сразу в две разные частотные группы.

[73] *Алексеев А. А.* Песнь Песней. С. 64.

[74] *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 228.

[75] См: *Матвеенко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия монаха. С. 305.

[76] *Мурьянов М. Ф.* Гимнография Киевской Руси. С. 192.

[77] Там же. С. 171.

[78] *Фаст Г., прот.* Толкование на книгу Песнь Песней Соломона. С. 730.

[79] *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 94.

[80] См.: *Мурьянов М. Ф.* Вопросы интерпретации антологической лирики. С. 225. Автор упоминает, что фраза с этим словом Пушкину не понадобилась, но не задается вопросом, почему.

[81] ...Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье

(«Домик в Коломне», 1830).

[82] См.: Там же.

[83] См., например: *Щеголева Л. И.* «Поистине прекрасны ноги благовествующих мир...» // Логический анализ языка: Языки эстетики. М., 2004. С. 122–128.

Хроника заседаний Общества исследователей Древней Руси (доклады № 631–675)[1*]

2004 г.

631. Максимов В. И.
«Слово о полку Игореве»: затмение, которого не было.
3. XI.
632. Прохоров Г. С.
Сборники нерегулярного состава как художественное единство (на материале «Зерцал»).
10. XI.
633. Никифорова А. Ю.
Происхождение служебной минеи.
17. XI.
634. Аверьянов К. А.
Визит Сергия Радонежского в Нижний Новгород в 1365 г.
24. XI.
635. Акимушкина Е. О.
Тюремные мотивы в персидской поэзии XI–XIV вв.
1. XII.
636. Шамин С. М.
Астрология и московское восстание 1682 г.
8. XII.
637. Коробейникова Л. Н.
Славяно-русский перевод вступления к «Житию Галактиона и Епистимии».
15. XII.

---

[1] Хронику предыдущих заседаний см.: Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 12. С. 873–886.

2005 г.

638. Липич О. В.
Поэтика прозы Аввакума (символы и тропы).
26. I.
639. Брицкая Т. В.
Поэтика драматургии Симеона Полоцкого.
2. II.
640. Глазунова О. Н.
Цикл местночтимых пятничных праздников у местного населения в округе средневековой Шерны.
9. II.
641. Конявская Е. Л.
«Житие Софьи Ярославны Тверской» и его литературный источник.
16. II.
642. Люстров М. Ю.
О научной командировке в Швецию.
2. III.
643. Симонов Р. А. и Морозов Б. Н.
Об интересе Ивана Грозного к «математической» медицине.
9. III.
644. Добродомов И. Г.
Доклад-рецензия о нововышедших словарях древнерусского языка.
16. III.
645. Усачев А. С.
К вопросу о датировке «Степенной книги».
23. III.
646. Казимова Г. А.
Псалтирные цитаты в «Слове пространном» Максима Грека.
30. III.
647. Кляус В. Л.
Буряты и старообрядцы от Аввакума до наших дней.
6. IV.
648. Виноградов А. Ю.
Славянская агиографическая традиция апостола Андрея.
13. IV.
649. 1) Грицевская И. М.
Келейное чтение Древней Руси и индексы истинных книг.
2) Курзина Е. С.

Триодно-линейные сборники как тип сборника уставных чтений.
20. IV.
650. Страхова О. Б. (США).
Новая книга о «Слове о полку Игореве»: шаг назад.
18. V.
651. Пауткин А. А.
Древнерусская литература в художественном мире А. Н. Толстого.
25. V.
652. Люстров М. Ю.
Исландские саги в шведских, латинских и русских переводах XVII–XVIII вв.
1.VI.
653. Андреев М. Л.
Культура Возрождения: общая концепция.
8. VI.
654. 1) Черная Л. А.
Прение живота и смерти в интерпретации Димитрия Ростовского.
2) Антипролог из «Рождественской драмы» Димитрия Ростовского в исполнении студентов Московского художественного института им. Сурикова.
12. X.
655. Косоруков А. А.
Явный и скрытый смысл хронограммы Евфросина к «Задонщине».
19. X.
656. Гладкова О. В.
Символика повести о Герасиме и льве из «Синайского патерика».
26. X.
657. Дёмин А. С.
Три мира «Повести о Горе-Злочастии.
2. XI.
658. Менделеева Д. С.
Протопоп Аввакум и Иоанн Вишенский (о традициях ведения полемики в XVII в.).
9. XI.
659. Капица Ф. С.
Константы в русском старопечатном Прологе XVII в.

16. XI.
660. Конференция по древнерусской литературе для студентов I курса Литературного института им. А. М. Горького.
23. XI.
661. Максимов В. И.
«Дух южны» и «час осмы» в «Сказании о Мамаевом побоище» (реальность или мистика?).
30. XI.
662. Кириллин В. М.
Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище».
7. XII.
663. Марелло Т. В.
«Повесть о Феодоровской иконе Богоматери» в «Четьих Минеях» Иоанна Милютина (к вопросу о первоначальной редакции «Повести»).
21. XII.

2006 г.

664. Трофимова Н. В.
История летописной повести о походе 1220 г. Святослава Всеволодовича на волжских булгар.
15. III.
665. Казимова Г. А.
Толкования Максима Грека на Псалтирь.
22. III.
666. Максимов В. И.
Число зверя.
29. III.
667. Конявская Е. Л.
Южнорусские статьи в новгородских летописях XIII в.
5. IV.
668. Люстров М. Ю.
Презентация монографии «Русско-шведские литературные связи в XVIII веке».
12. IV.
669. Филина Е. И.
Социнианская доктрина Ивана Хворостинина.
19. IV.
670. Щеголева Л. И.
Число 6 в канонических Евангелиях.

26. IV.
671. Верещагина Е. М.
Наименьшие поэтико-смысловые единицы греко-славянской гимнографии.
17. V.
672. Башлыкова М. Е.
О некоторых особенностях структуры житий в «Киево-Печерском патерике» редакции 1661 г.
24. V.
673. Аверьянов К. А.
Где находился митрополит Киприан в 1380 г.
31. V.
674. Кузьмин А. В.
Исторические реалии в «Повести о Юлиании Лазаревской».
7. VI.
675. Дёмин А. С.
Сравнение «акы вода» в «Сказании о Борисе и Глебе» и жалостливость Владимира Мономаха.
14. VI.

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сборник 13

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Редактор Т. Марелло
Корректор О. Курочкина
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет изготовлен А. Вигилянской
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 12.08.2008. Формат 60 × 90[1]/[16].
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 55. Тираж 800 экз. Заказ № 9799.

Издательство «Знак».
№ госрегистрации 1027701010435
Тел.: 607-86-93. E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 978-5-9551-0262-7

9 785955 102627 >

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 13